

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

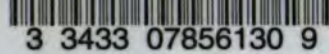
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

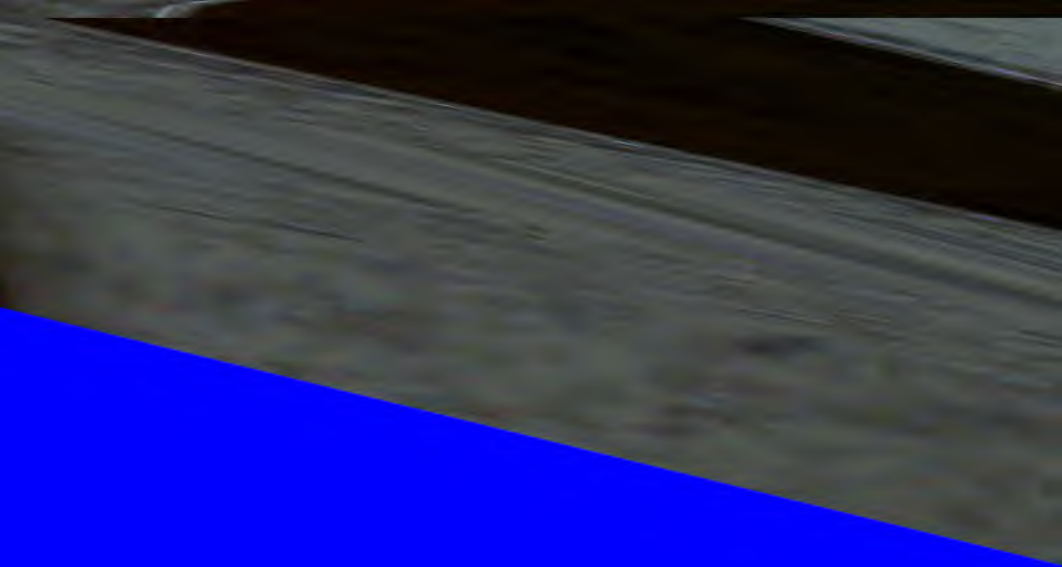
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

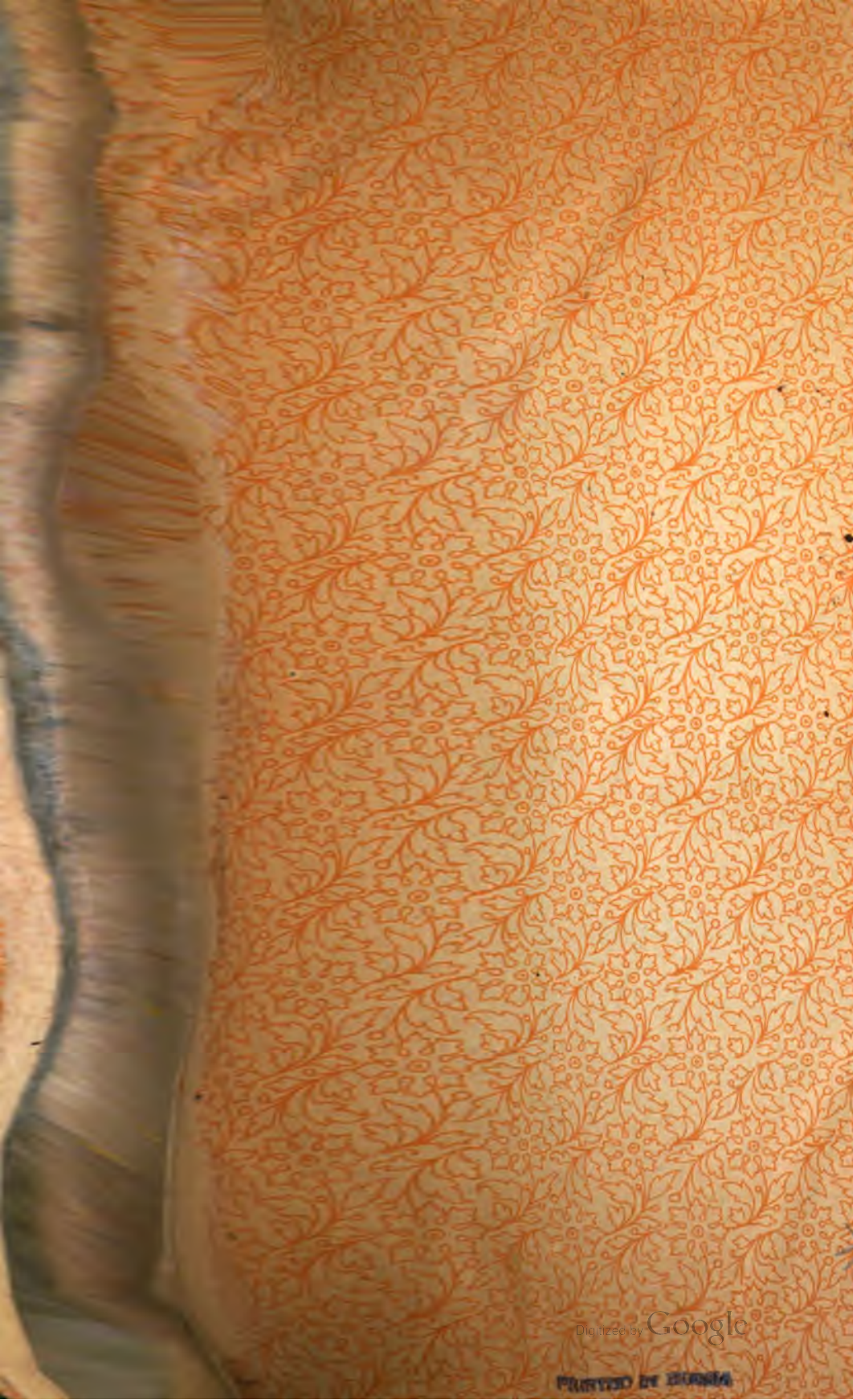
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856130 9

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

И. В. Вильямс

Digitized by Google

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1877.

	Стр.
I.—АЛЬБОМЪ.—Группы и портреты.—IV.—В. Крестовскаго (псевдонимъ)	5
II.—УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ.—Изданія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—М. Т.—ва	85
III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—За годомъ мчится годъ.—Гр. А. А. Голенищева-Кутузова	110
IV.—ЮЖНЫЕ ШТАТЫ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИХЪ НАСТОЯЩЕЕ.—The southern States of North America, by Edw. King.—Ю. А. Росселя	113
V.—ИНДИВИДУАЛЬНЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ, ИХЪ ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ.—Н. П. Вагнера	175
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Египеть.—II. Шумить, и бушуетъ, и вѣются море.—III. Проклятіе пѣвца. Изъ Улаяда.—Кн. Д. Н. Цертелева	216
VII.—ИНДѢЙСКІЯ СКАЗКИ, въ русск. перев. проф. Минаева.—А. П. Веселовскаго	222
VIII.—МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ БЕРНАНДА.—Юмористическіе очерки изъ „More Harry Thoughts.“ — Л. П.	296
IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Статуя.—II. Въ моей душѣ дремало горе.—Н. М. Мническаго	354
X.—ХРОНИКА.—Еще нѣсколько словъ по поводу вѣжно-славянскаго вопроса.—А. П.	357
XI.—ПРОЕКТЫ РЕФОРМЪ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ ВЪ ПРИВАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.—В.	387
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый романъ И. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка.—Центробѣжныя стремленія въ обществѣ и старіе толенъ объ „отсутствіи идеаловъ“.—Государственная роспись на 1877 г.—Отчетъ контроля за 1875 г.—Возрастаніе доходовъ.—Сверхсметные расходы.—Отчетный балансъ.—Вопросъ о сбереженіяхъ въ народной массѣ.—Балансъ бюджетный.—Отчетъ сберегательныхъ кассъ Государственнаго банка за 1875 г.	409
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—Школа и школьная жизнь во Франціи.—Эм. Зола	431
XIV.—НЕКРОЛОГЪ.—А. П. Левитовъ.—Ф. Д. Нефедова	452
XV.—ЗАМѢТКА.—Историческая справка.—По поводу новаго Тургеневскаго романа:—А.	465
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество литературнаго фонда	467
XVII.—ВИВЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Собраніе сочиненій Евгенія Маркова.—Учебно-воспитательная бібліотека, т. I.—Теорія и практика банковаго дѣла, Н. П. Кауфмана, т. II.—Ученіе о вѣщѣ, Ф. Пэви	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CCXXXVIII. — 1/18 МАРТА, 1877.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТИДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія, № 7. || Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочкѣ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1877

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253707
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATION
R 1911

АЛЬБОМЪ

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

IV *).

Быль сентябрь, девятый часъ вечера и проливной дождь. На Н—скихъ улицахъ ни одного фонаря: въ календарѣ значилось полнолуніе. Во мракѣ переулка свѣтился подъѣздъ большого барскаго дома; ставни не были закрыты, даже сторы не были спущены; между листьями всякихъ дорогихъ растений, прохожіе могли видѣть освѣщенныя парадныя комнаты, накрытый столъ, мелькающія тѣни проходящихъ хозяевъ и прислуги и темныя головы, которыя часто прислонялись къ стекламъ. Въ домѣ кого-то ждали.

— Поѣздъ опоздалъ!..—повторяла красивая, нарядная хозяйка, въ безпокойствѣ не присаживаясь ни на минуту и чуть не каждую минуту вынимая часы изъ-за корсажа.

— Я тебѣ говорю, твои часы впереди,—отвѣчалъ ей мужъ, степенный господинъ, сѣдой, кругленькій, не двигаясь съ кресла, которое покойно занялъ въ гостиной.—Петя, не шали, не вѣшайся.

Послѣднія слова относились къ мальчику лѣтъ двѣнадцати, гимназисту, который, пользуясь необычной суматохой въ домѣ и озабоченностью родителей, отважился встать на стулъ, чтобъ смотрѣть на улицу въ верхнія стекла.

— Такъ видѣе, — возразилъ онъ на замѣчаніе отца.

— Нечего вѣшаться, — повторилъ отецъ, по прежнему хлад-

*) См. „Вѣстн. Евр.“ 1875, сент., 5 стр.

покровно, не шевелясь и только постукивая пальцами по бархатной скатерти стола, какъ слѣдуетъ, загроможденнаго альбомами и раскаленной лампой.—Нечего лазить, мебель пачкать.

— Я дядю жду...—возразилъ мальчикъ.

— Вотъ, и Лиза ждетъ,—продолжалъ невозмутимо отецъ, кивнувъ глазами на дѣвочку, которая, подкинувъ свое панье, помѣстилась напротивъ въ креслѣ и выставила свои сапожки въ пуговкахъ и бантикахъ. Дѣвочка была хорошенькая. Къ ней подошла другая, поменьше, такая же нарядная, и, переваливаясь, прижалась къ ея колѣнямъ. Старшая отсторонила ее, вытянула свое платье, потомъ красиво положила одну ручку на шейку сестры, а другой подперлась, будто въ задумчивости закидывая голову. Ея бѣлокурые волосы были взбиты на гребень, въ видѣ кокошника.

Отецъ посматрѣлъ на нихъ, обводя взоромъ свою гостиную. Все было въ порядкѣ и эти дѣвочки у мѣста. Онѣ не шалили и ничего не ломали. Дѣти въ домѣ должны быть.

— Урокъ приготовилъ?—обратился онъ къ сыну, опять постукивая пальцами по скатерти.

— Приготовилъ.

— Чтѣ задано?

— De bello gallico.

— Чтѣ?

— Изъ Цезаря; переводъ.

— Да, изъ Цезаря. Это хорошо... Изъ Юлія Кесаря. Прекрасно... А Розоноу былъ у тебя сегодня?

— Нѣтъ, не былъ.

— И сегодня не былъ?

— Нѣтъ.

— Ты, стало быть, одинъ готовился? Прекрасно. Такъ ты завтра Розонову скажи, что если станетъ онъ по два дня къ ряду не ходить, мы и другого на его мѣсто найдемъ. Ректору сказать—ихъ въ бурсѣ много... Ты все самъ понялъ? Переводъ?

— Съ лексикономъ дѣлать.

— То-то. Какъ завтра двойку закатать! Будущностью, братъ, не шутать. Тотъ же Розоноу магистромъ выйдетъ, да когда-нибудь тебѣ на шею сядетъ, такъ оно и непріятно. Какъ думаешь? Дѣ! подумать стѣбитъ!..

— Ахъ, Боже мой, это, наконецъ, ужасно!—вскричала хозяйка, появляясь изъ залы.

— Чтѣ такое?

— Да, Боже мой, девять часовъ!

— Я тебѣ сто разъ говорю, твои часы врутъ,—возразилъ мужъ, не возвышая голоса.

— Тамъ непременно что-нибудь случилось.

— Гдѣ? Чтѣ?

— Какъ «что?» Крушеніе поѣзда! Ничего нѣтъ легче!

Глава семейства тихо засмѣялся.

— Я не понимаю, Владиміръ Петровичъ, какъ ты можешь такъ равнодушно... Я сейчасъ... Человѣкъ!

— Чего тебѣ?

— Возьми извозчика,—приказывала она вошедшему лакею:— поѣзжай въ вокзалъ, узнай чтѣ случилось... Увидишь Адріана Николаевича, скажи, что его ждутъ, что ты отъ Ставровыхъ...

— Э, полно, матушка,—возразилъ мужъ, нѣсколько выходя изъ своего хладнокровія. — Какого онъ Адріана Николаевича найдетъ, когда онъ его отъ роду въ глаза не видалъ? И безъ того ужъ отправлена карета,—я не противорѣчилъ! — нустого мѣста искать...

— Я приказала, Степанъ спросить на платформѣ, доложить; я приказала...

— Ну, приказала, знаю; ну, доложить. Поѣхалъ Степанъ, поѣхалъ кучеръ. Чтожъ, еще послѣдняго человѣка изъ дома? Невожу лампы поправить...

— Вотъ машина свистнула! вскричалъ Пета.

Маленькая дѣвочка бросилась за нимъ къ окну.

— Увидишь, чтѣ-ли, какъ свиститъ?.. — пошутилъ имъ вслѣдъ отецъ, съ какою-то степенной злостью.—А ты что-жъ не бѣжишь, Лизавета Владиміровна? Почивать захотѣла?

— И невоображала,—обиженно возразила хорошенькая дѣвочка, и еще покойнѣе погрузилась въ кресло.

— Не стремишься къ вождѣльному гостю... — проговорилъ отецъ, ужъ почти про себя.

Онъ прищурилъ свои маленькіе утомленные глазки, будто желая скрыть то, чтѣ въ нихъ свернуло, и, наклоняясь, постучалъ по столу ужъ сжатымъ кулакомъ.

— Наталья Николаевна! окрикнулъ онъ жену.

Та суетилась въ залъ и не слышала.

— Наталья Николаевна! — повторилъ онъ настоятельнѣе.

— Богъ мой, что тебѣ надо?

— Встрѣчу вы устраиваете торжественную; это прекрасно. Даже чай у васъ не по семейному,—въ столовой, а въ парадной залѣ; прекрасно. Только, вотъ, кто его разольетъ? Каролины Федоровны вашей нѣтъ.

— Развѣ она не возвращалась? обратилась мать къ дѣвочкѣ.

— Нѣтъ же! отвѣчала та нетерпѣливо, будто ее безпокоили.

— Родственниковъ у Каролины Федоровны что-то очень размножилось; безпрестанно посѣщаетъ,—продолжалъ Ставровъ, — а между тѣмъ, и дѣти одни, да вотъ, хоть-бы чай.

— Я сама сдѣлаю.

Наталя Николаевна стремительно отправилась въ залу.

— Табъ ужъ нельзя ли поскорѣе,—продолжалъ мужъ, вставая за нею.—Пора. Ничто не пилъ. Ждемъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не персидскаго шаха.

Онъ тоже сталъ прохаживаться,—замѣтно, тоже начиная ждать. Онъ становился все озабоченнѣе и недовольнѣе, хотя не могъ бы сказать—почему.

Пріѣзжій, котораго ждали, былъ братъ его жены,—Верягинъ, молодой человекъ, назначенный въ N. прокуроромъ. Это назначеніе было кому-то «на-зло», кому-то «на голову», и потому было принято въ семьѣ еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ. Провинціальная жизнь развиваетъ способность чувствовать такія удовольствія. Ставровъ устроилъ его себѣ полное. Давно заранѣе зная, что пришлютъ зятя, онъ отвѣчивался на всѣ вопросы и N-скіе слухи, и самымъ наивнымъ образомъ далъ себя удивить въ клубѣ, когда ему показали листъ «Правительственнаго Вѣстника» съ именемъ Верягина. Это назначеніе доставляло торжество той провинціальной «партіи», къ которой по духу принадлежалъ Ставровъ; но онъ держался всегда такъ скромно, такъ въ сторонѣ («на стокопъ», какъ говорилъ онъ) въ своемъ царствѣ авциза, что могъ также спокойно не вѣдать ни опасеній, ни пораженія, ни досады противной партіи. Онъ только благодушно выразилъ, что радъ увидѣть родственника, съ которымъ давно не видался. Ставровъ умалчивалъ, что, благодаря ему, его невидимымъ связямъ и вліянію, Верягинъ, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, получилъ мѣсто въ Петербургѣ, при начальникѣ тоже изъ старыхъ пріятелей Ставрова. Но Ставровъ никогда не говорилъ и объ этой пріязни. Вообще, онъ никогда ничего не рассказывалъ, ни своихъ прошлыхъ воспоминаній, ни своихъ настоящихъ дѣлъ, которыя велъ необыкновенно аккуратно, другіе говорили даже—ловко...

Его жена,—женщины всегда суетны!—пожелала, по крайней мѣрѣ, отпраздновать семейно, устроить торжественный вѣздъ для юнаго сановника... Вѣдь объ этомъ, все-таки, непремѣнно узнаютъ!.. Къ тому-же и Адрианъ найдетъ не какой-нибудь провинціальный, дикій, темный уголь, а тотъ складъ, которій...

Наталя Николаевна путалась въ соображеніяхъ, но рѣшила ихъ однимъ словомъ:—по-людски! Вслѣдствіе чего, домъ сіялъ какъ для званого вечера, лакеи были въ перчаткахъ, Наталя Николаевна и дѣти перемѣнили туалетъ; даже рояль былъ раскрытъ, хотя не было опредѣленнаго намѣренія дать прїѣзжему концертъ прямо съ дороги, но...

«Такъ оживленнѣе!» мысленно рѣшила Наталя Николаевна.

Ставровъ не противорѣчилъ и даже одобрительно смѣялся; но когда предъ нимъ явилась его Лиза вся расстрахмаленная, онъ какъ-то неволью оглянулся на помятые рукава своей рубашки и, поймавъ себя на этомъ движеніи, внезапно охладѣлъ и къ торжеству, и къ его виновнику.

— Я-то ужъ фрака не надѣну — сказалъ онъ, хотя его и не приглашали это сдѣлать.

И съ этой минуты ему становилось все скучнѣе, все какъ-то обиднѣе, досаднѣе, и сборы, и приготовленія, и ожиданіе. Онъ все раздражался, раздражался, сдерживался, и наконецъ, совсѣмъ разозлился.

— «Всѣмъ мнѣ обяванъ...»—повторялось у него въ головѣ, пока онъ, засунувъ сжатые кулаки въ карманъ, расхаживалъ по залѣ.—«Молоды нынче вылетаютъ... Молодые—раннѣе...»

Онъ сумрачно взялъ стаканъ съ чаемъ, который налила ему жена, и, сядя къ столу, умышленно разстроилъ прекрасную симметрію корзинокъ съ печеньемъ, вазочекъ съ вареньемъ. Ему хотѣлось пролить сливки, но сватерть сверкала—и хозяинъ сжался. За то онъ крикнулъ:

— Петръ, уймись! Я тебя безъ чаю оставлю!

Мальчикъ тихо усѣлся у стѣны.

— Чтѣ-жъ найдешь? Чтѣ овѣ найдуть? Не хочетъ никто? Лиза! Наденька!... Кранъ-то заприте: течеть!—обратился онъ къ женѣ.

Семейная гроза носилась въ воздухѣ. Дѣти усаживались—мальчикъ въ трепетѣ, меньшая дѣвочка безмысленно, старшая совершенно равнодушно. Наталя Николаевна протѣствовала молчаніемъ и не спѣшила угощать своихъ птенцовъ. Она была зла на ихъ неподвижность, на ихъ лица, на все. Все такъ безжизненно, такъ глупо. *Этотъ* — не въ духѣ — изъ-за чего? Такъ, показать свою волю, смутить общее веселье. Какъ пошло! И вѣчно такъ...

Чтѣ-то прогремѣло подъ обнами.

— Эй! посмотритъ, кто тамъ!—оглинулся Ставровъ.

— Дрожки...—прошепталъ Петя, который, въ немилости, не смѣлъ тронуться съ мѣста, но продолжалъ прислушиваться.

Раздался звонокъ; въ прихожей пробѣжали.

— Кто тамъ?—повторилъ Ставровъ.

— Должно быть, Каролина Федоровна возвратилась,—почтительно объяснилъ прислуживавшій лакей.—Марья пошла отворять.

Въ прихожей раздался стукъ калошъ.

— Но это Адрианъ!—вскричала Наталья Николаевна.

— Адрианъ,—отвѣчалъ усталый голосъ.

Она съ новымъ восклицаніемъ устремилась въ его объятія, между тѣмъ какъ Верягинъ бросалъ свой пладъ горничной, которая отворила дверь и не уходила. Въ общей, наконецъ, оживленной и шумной суматохѣ, мелькало ея молодое, бѣленькое лицо и свѣтящіеся глаза, пугливо и любопытно устремленные на пріѣзжаго. Она будто тоже хотѣла что-то сказать, прижимала къ себѣ моврый пладъ, ждала, что на нее оглянутся...

Верягинъ оглянулся, открывая свою сумку.

— Пожалуста, отдайте извощику... Усталъ, озябъ... обѣдалъ!.. отвѣчалъ онъ на вопросы сестры и зятя, бросилъ деньги на столъ и прошелъ въ залу.

— Но какъ же это? Гдѣ же карета? Я послала карету,—закричала Наталья Николаевна.

— Я говорилъ!.. Вотъ, всегда такъ!—отозвался Ставровъ.—Садись, Адрианъ, грѣйся...

— Дай на себя взглянуть! Мы шесть лѣтъ не видались!.. Боже мой, но какъ же карета? Тебя не нашли?... Покажись сюда... Адрианъ!.. А дѣти, дѣти... сколько перемѣтъ! Посмотри, Надя—она тогда едва ходила! Ты самъ...

Она опять бросилась обнимать его и влекла дѣтей. Верягинъ еще разъ перецѣловался со всѣми.

— Матушка, дай ему хоть воды горячей,—прервалъ Ставровъ.

— Ахъ, но я себя не помню!.. Тебѣ хорошо, Владиміръ Петровичъ, вы видались, а я... Мы во всю жизнь только въ другой разъ видимся... Адрианъ, неправда ли, странная судьба? Мы должны знакомиться...

— Вотъ, поселюсь здѣсь, познакоимся,—сказалъ Верягинъ, наконецъ усаживаясь.

— Ты прямо изъ Петербурга?—спросилъ Ставровъ.

— Прямо; съ поѣзда на поѣздъ.

— Когда выѣхалъ?

— Третьяго дня.

— И въ глазахъ еще Петербургъ!..—воскликнула Наталья Николаевна.

— Въ Москвѣ надо было бы кое съ кѣмъ повидаться, но ужъ я не остановился; и безъ того запоздалъ.

— Что жъ ты тамъ мѣшчалъ, въ Петербургѣ? — сказалъ Ставровъ.

— Надо было у многихъ быть, проститься.

— Всѣхъ видѣлъ, кого нужно?

— Всѣхъ... Федоръ Васильевичъ шлетъ вамъ поклонъ; велѣлъ сказать, что ничего не забудеть; все утвердится, какъ вы желали, по примѣру прошлыхъ годовъ...

— А, прекрасно! — сказалъ, повеселѣвъ, Ставровъ. — Какъ же онъ сказалъ на счетъ...

— Позвольте, онъ вамъ все это пишетъ подробно; но извините — до завтра. Письмо уложено у меня съ бумагами.

— Хорошо, подождемъ, время терпѣть, — отвѣчалъ Ставровъ еще веселѣе. — Ну, а самый-то главный, Григорій Алексѣевичъ — не встрѣчалъ ты его какъ-нибудь?

— Я былъ у него, отлынялся.

— У него?!

— Конечно, совсѣмъ другое вѣдомство, но — что же! Я, просто, желалъ выразить мое уваженіе...

— Такъ... — сказалъ протяжно Ставровъ. — Ну, чтѣ же?

— Такъ мило принялъ. Вспомнилъ васъ.

— Чтѣ ты?

— Неужели? — вскричала Наталья Николаевна.

— Ну, что-же онъ?

— Растолстѣлъ вашъ папа Григорій; въ Карлсбадъ поѣдетъ, возобновляться.

— Чтѣ ни говори — хорошій человѣкъ!

— Еще-бы!

— И голова!

— Одинъ онъ и голова, — отвѣчалъ Верягинъ съ тихой, значительно-грустной и вмѣстѣ довольной усмѣшкой.

— Ну, будто?... — возразилъ Ставровъ осторожно, но тоже замѣтно довольный.

— Конечно. И онъ самъ видитъ, что на немъ все держится... И остроумень!... Мы сидимъ въ его кабинетѣ... Предложилъ сигару; я, натурально, отказался... Говорить: — «Изъ всей такъ-называемой анекдотической исторіи, мнѣ всего больше нравится, какъ одинъ король спросилъ кого-то изъ своихъ, чѣмъ тотъ думаетъ разрѣшить одно очень сложное дѣло: — *Sire, il nous faut trois choses: de l'argent, de l'argent, et encore de l'argent!*...»

— Прелестно! — отделившись Наталя Николаевна, между тѣмъ какъ супругъ ея еще прислушивался.

— И прибавилъ: — «Геніальный отвѣтъ!» продолжалъ Верягинъ.

— Геніальный отвѣтъ! — повторила Наталя Николаевна.

— Какъ видите, это увѣренность человѣка, сознающаго свое превосходство, свою необходимость, понимающаго потребность, духъ времени... Тутъ мы заговорили о васъ. Чтѣ за память! всякую подробность, всякую мелочь! Я не могъ удержаться — удивился; говорю ему. — «Я, говорить, все знаю и вмѣняю себѣ въ обязанность помнить заслугу»...

— Такъ сказала? — переспросилъ Ставровъ.

— Буквально. И еще: — «Я знаю, какъ и съ чего Ставровъ, зять вашъ, началъ свою карьеру, какъ онъ добивался и наконецъ успѣлъ; это человѣкъ дѣловой»... Я благодарилъ за васъ...

— Certainement! — вскричала въ восхищеніи Наталя Николаевна.

— Вижу, — визитъ достаточно дологъ; встаю. Онъ еще удержалъ: — «Вы, молодой человѣкъ, успѣли и въ правѣ гордиться; вы достигали также настойчиво, но путемъ знанія; вы умѣли отклонить всѣ искушенія, вы сохранили себя чистымъ отъ всѣхъ заблужденій вашей юной современной среды и до нынѣшняго дня прошли свѣтло и безукоризненно... Вы далеко пойдете! Вамъ предстоитъ борьба и кара человѣческихъ заблужденій»... И руку подаль...

У Верягина слегка задрожалъ голосъ. Наталя Николаевна какъ будто отерла слезы.

— Да!!.. — сказалъ Ставровъ, передохнувъ и ступнувъ по столу. — Это, вѣдь, значитъ, тоже: «помни, любезный, откуда вышелъ».

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ, вовсе не то! *Безукоризненно*, пойми это: *безукоризненно!*

— Ну, чтѣ же, матушка, слышу...

— Владиміръ Петровичъ, пойми: *безукоризненно!* Какимъ путемъ?...

— Да понимаю же! Ну, я — съ писца началъ, да и Адріану Николаевичу немного бы помогло его кандидатство, когда бы... Въ худыхъ сапожонкахъ здѣсь набѣгался, всѣ видали...

— Боже милосердый, развѣ въ томъ дѣло? Эго такъ давно! Кто это здѣсь видѣлъ? Кто это здѣсь помнить? Говорятъ: *безукоризненно*, такое слово, отъ такого лица, а ты... Такая нелѣпость!... Нѣтъ, Адріанъ, я тебя прошу, не задавайся подобной

мыслью! Нѣтъ, ради Бога, безъ этихъ странныхъ воспоминаній! Ты занимаешь такой постъ, отъ тебя столько зависятъ; человѣкъ совершенно новый...

— Я, точно, здѣсь какъ въ лѣсу, замѣтилъ Верягинъ.

— Ну, вотъ, видишь-ли! Въ слѣшкомъ шесть лѣтъ, даже дома, даже улицы...

— На улицахъ у васъ все такія-жъ потѣмки, голову ломать. Неземляемы!—сказалъ Верягинъ, смѣясь, какъ дѣлаютъ, чтобы перебить разговоръ.

— Нѣтъ, но я повторяю: тебѣ очень легко войти въ нашъ кругъ. Ты не долженъ сторониться... Ахъ, представь себѣ, Адрианъ,—это даже забавно, — здѣшніе судейскіе дѣлаютъ изъ себя какой-то особенный, замкнутый кружокъ, танцуютъ своимъ обществомъ...

— А каковъ здѣсь составъ суда?—прервалъ Верягинъ, обращаясь къ зятю.

— Предсѣдатель переведенъ къ намъ недавно; у прежняго...

— Боже мой, но это ужасно!—прервала Наталья Николаевна...—Опять дѣла! Довольно о дѣлахъ! Вы несносные мужчины! Еще успеете! Дай ты ему, Владиміръ Петровичъ, хоть обратить вниманіе на то, что кругомъ...

— Я вижу, все прекрасно, отлично, — отвѣчалъ Верягинъ, оглянувшись.

— Еще полъ-стакана?

— Благодарю, я больше не хочу чаю. Какъ меня укуцало.

Онъ всталъ, задрѣлъ какое-то широколиственное растеніе и машинально оглянулъ его.

— Ты любишь цвѣты?—спросила Наталья Николаевна, вставая за нимъ.

— Да.

— Какъ я рада! У насъ одинакіе вкусы... Ты заведешь и себѣ. Это—кокколоба-увифера. Вотъ, это—пинусъ-канаріензисъ... Ахъ, но взгляни, въ гостиной—спартоцизитусъ-нубигенусъ... Пойдемъ, обойдемъ комнаты...

— Я знаю домъ; онъ большой.

— Тебѣ квартиру надо поближе къ суду, — сказалъ Ставровъ.

— Я такъ и думалъ, — отвѣчалъ Верягинъ, возвращаясь къ нему.—Есть подходящія?

— Есть. Я вчера заѣзжалъ, смотрѣлъ для тебя: шесть комнатъ, меблированы.

— Мебели мнѣ не нужно; мою мебель и вещи чрезъ три дня привезутъ изъ Петербурга.

— И. прекрасно. Дать задатовъ; тамъ повуда протопять.

— Протопять... — повторилъ Верягинъ, пожимаясь: — это хорошо... я и теперь издрогъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— Одиннадцать. Я попрошусь спать. Но въ гостинницу я не хочу; тамъ, конечно, грязь. Уложите меня гдѣ-нибудь.

Наталя Николаевна посмотрѣла на мужа; тотъ стучалъ по столу.

— Въ твоёмъ кабинетѣ? — сказала она ему вопросительно.

— Пожалуй, — произнесъ онъ.

— О, нѣтъ, я васъ стѣсню, засплюсь долго, — возразилъ Верягинъ. — Куда-нибудь... Да не свободна-ли комната, гдѣ я помѣщался когда-то? въ «пристройкѣ»?

— Вотъ и прекрасно, — сказалъ Ставровъ.

— Но тамъ не отдѣлано! — вскричала Наталя Николаевна.

— Не топлено? — спросилъ Верягинъ.

— Ахъ, какъ можно! топлено, но старая комната...

— Прекрасная комната, — прервалъ Ставровъ: — изъ нашей столовой топится, и все въ порядкѣ. И диванъ твой бывшій, турецкій, цѣлъ, и твой бывшій письменный столъ, — все... Да, что! твой чемоданъ студентскій! Я тогда, какъ тебя отправилъ на службу, захватилъ его и привезъ сюда изъ Москвы; какъ былъ запертой, такъ и есть. Все цѣло.

— Какими судьбами это все сохранилось?

— Да кому-жъ трогать? Комната лишняя, гуляетъ, — отвѣчалъ Ставровъ. — Вотъ только, — ваканція, — репетитора я бралъ, для Петра; жилъ тамъ. Семинаристъ. Ничего не тронулъ. Убирать — у насъ весь домъ убираютъ; а отдѣлывать — на какой конецъ? не постояльца же заводить. Въ другую, что рядомъ, гдѣ маменька помѣщалась, дверь заколочена; тамъ не топять; тамъ, вотъ, — ихъ препараты, гардеробъ. А въ этой — все какъ было. Живи себѣ, повуда до квартиры.

— Такъ я туда лечу. Покойной ночи, — сказалъ Верягинъ, протягивая руки.

— Одну минуту! — вскричала Наталя Николаевна: — все же, надо приготовить...

Она позвонила.

— Виноват! сколько хлопотъ! — сказалъ Верягинъ. — Я дремлю, какъ малое дитя... О, но видно дѣти привычны бодрствовать!

— Лиза на прошлой недѣлѣ до трехъ часовъ танцевала.

— Свѣтская женщина. А ты, ученый мужъ, тоже поздно гасишь свою лампаду?

Онъ неловко тормозилъ Петю.

— Ахъ, какъ нынче много отъ нихъ требуютъ, — сказала Наталья Николаевна, въ отчаяніи, что ея сынъ ненаходчиво сумѣлъ только вывернуться. — Ахъ, это убиваетъ здоровье, и нравственно, и физически...

— Надя совсѣмъ осовѣла, — замѣтилъ Ставровъ.

Наталья Николаевна зазвонила порывно.

— Наша гувернантка.... — начала она брату, и прервалась, обращаясь къ вошедшему лакею: — я звоню Марью, а не чело-вѣка. Я сто разъ толковала, что когда я звоню горничную, то звоню — тѣтъ, а чело-вѣка — тѣтъ...

Она звонила, объясняя. Верягинъ поднесъ-было руку къ уху и, удержавшись, поправилъ волосы.

Явилась молоденькая горничная.

— Каролина Фёдоровна? — вопросительно обратилась къ ней Наталья Николаевна.

— Еще не возвратилась.

— Отведи Надежду Владиміровну почивать. А для Адріана Николаевича приготовь сейчасъ постель въ комнатѣ за столовой.

— Гдѣ прежде жилъ Адріанъ Николаевичъ? — спросила горничная.

— Да... Ахъ, Адріанъ, но вѣдь это — твоя знакомая. Припомнишь? Дѣвочка Маша.

— Припоминаю, — сказалъ, подходя, Верягинъ. — Какъ выросла, какая хорошенькая. Здравствуйте, Marie.

Она на секунду приподняла свои длиннѣйшія рѣсницы, показала свои прелестные глаза, но будто не видала протянутой руки Верягина, не сказала ни слова, едва-ли кивнула головой. Она была занята меньшой дочкой, которую бережно сводила съ кресла.

Верягинъ опустилъ руку, усмѣхаясь, и смотрѣлъ на тоненькую талію дѣвушки.

— Ученица моя бывшая. Elle est, ma foi, charmante.

— Это мы умѣемъ понять, — замѣтила Наталья Николаевна сквозь зубы и прибавила громко: — какъ же, женихи сватаются, — сидѣлецъ мясной лавки, полковой каптенармусъ...

Дѣвушка выходила съ Надей, не оглядываясь.

— Скорѣе, Марья, чтобъ сейчасъ тамъ было готово...

— Да и кабинетъ мой сейчасъ убрать, — прибавилъ вслѣдъ Ставровъ: — ты сегодня, сударыня, до восьми часовъ туда не за-

глянула; я всталъ, а тамъ... Я въ шесть часовъ встаю,—обратился онъ къ Верягину: — такъ ужъ и приказываю, чтобъ все было убрано съ вечера, все на мѣстѣ. Вотъ, и ты заведи у себя такой порядокъ.

— Это очень удобно. Покойной ночи.

— Адрианъ, а ужинать? Кусочекъ? Въ постели? Я прикажу...

— Благодарю; я никогда не ужинаю,—отвѣчалъ онъ, уходя.

— И прекрасно. Пойдемъ на боковую, — скавалъ Ставровъ ему вслѣдъ, вставая.

— И ты?—спросила жена.

— Чего-жъ еще, матушка? Полночь. Хлопотъ вамъ было довольно. Прощайте.

Онъ крестилъ дѣтей, подставляя цѣловать свою руку.

— Петръ, ты завтра не смѣй мнѣ съ двойкой являться; слышишь? Получишь — и на крыльцо не входи. И не финти, не обманывай: я справлюсь, узнаю... А вы, матушка, съ Каролиной вашей Федоровной, того, потолкуйте по-дружески. Она — по танцплясамъ, а я триста цѣлковыхъ за это отсчитывать не имѣю желанія. Такъ-то-съ. Объясните ей. Это, молъ, не безукоризненно... Словечко вамъ это очень понравилось. «Безукоризненно!»...

Онъ кропался, идя въ спальню. Наталья Николаевна въ недоумѣннн оставалась среди освѣщенныхъ комнатъ и прерваннаго пира.

— Богъ знаетъ, чтó это, въ самомъ дѣлѣ!—вдругъ вскрикнула она Лизѣ. — Въ двѣнадцать лѣтъ ты не спишь до полуночи; хочешь быть желта, какъ пулавка...

Верягинъ отослалъ лакея и легъ на знакомый широкій диванъ. Какъ человекъ привычный къ удобствамъ, онъ не замѣтилъ тюфака на пружинахъ и роскошнаго бѣлья, которыми было дополнено это бывшее, неприхотливое студентское ложе. На старомъ мѣстѣ, Верягину все казалось по старому. Онъ улегся съ наслажденіемъ пловца, достигшаго берега. Усталость, въ самомъ дѣлѣ, качала будто волна.

Онъ подумалъ это, полузакрывая глаза и еще не гася свѣчи, лѣниво медля, нѣжась, раздумываясь...

Въ самомъ дѣлѣ, у берега. Всячески: начиная съ глупой, утомительной дороги, отбившей бока, хотя бы въ вагонѣ перваго класса...

Тоска—эта желѣзная дорога. Уснуть нельзя. Сквозь дремоту,

гуль поѣзда принимаетъ какой-то ритмъ; точно музыка, порывная, бѣшенная, аккорды, стоны; мерещатся даже тѣмы; цѣлая симфонія. Точно бредъ...

Здѣсь тихо, славно.

Заколустые здѣсь, должно быть...

Онъ улыбнулся. — Все равно. Петербургской пестроты было не жаль. Въ ней вспоминалось столько недостижимыхъ приманокъ, столько воздержаній, какъ-то северно, самолюбиво обидныхъ... Тутъ, пожалуй, многого нѣтъ; за то, все что есть — теперь доступно.

Да, ужъ, конечно, все! У берега!

Ему померещились лица его петербургскихъ сослуживцевъ, сверстниковъ, когда онъ прощался съ ними... Онъ лежалъ, закинувъ руки за голову, и смѣялся... Тоже, за здоровье шли, въ вокзалъ провожали!.. Обычай гдѣ-то — бросать башмаки вслѣдъ уѣзжающимъ новобрачнымъ: чѣмъ бы запустили пріатели, еслибъ ихъ воля?..

Тепло и веселое настроеніе духа разгоняли сонъ.

Любопытно, съ какимъ чувствомъ здѣсь это примется... «Бѣгалъ въ худыхъ сапожонкахъ»... Пусть кто-нибудь попробуетъ ихъ вспомнить... Вадоръ. Ужъ не тѣ нынче аристократическія времена, чтобъ этимъ очень считались. За всѣми — темный фонъ, и оттуда выплываютъ на свѣтъ всякія фигуры... Вотъ, и Ставровъ тоже — важная фигура...

Онъ посмотрѣлъ въ уголь, куда не достигалъ свѣтъ съ его столика. Очень знакомая комната. Асуратные господа: въ шесть лѣтъ ничто не обветшало и до послѣдняго стула все на мѣстѣ. На стѣнѣ, въ тоненькой деревянной рамѣ какое-то черное пятно на бѣломъ. Литографія. Портретъ... Портретъ м-ше Вiардо... Да, точно, и это здѣсь было. Все по старому... Какой ливень на дворѣ! Деревья сырпять подъ окнами. И это по старому. У Гейне, кажется, есть... кто это переводилъ?

«Много образовъ дней позабытыхъ
Изъ могилъ предо мною встають»...

Стихи вспомнились!! Ну, совсѣмъ по старому... Только та дверь заколочена.

Онъ устремилъ глаза на эту заколоченную дверь. Его странно вдругъ охватила усталость, истома и вмѣстѣ какое-то никогда неиспытанное безпокойство. Даже смѣшно! Неловко, тревожно. За этой дверью будто есть что-то, стоитъ тамъ. Вотъ — шелохну-

лось; вотъ — стукнетъ... Какой вздоръ... Вотъ — отворится; вотъ — выглянетъ...

Странно: Верягинъ не помнилъ лица своей матери. Портрета ея не было. Онъ никогда не могъ себѣ ясно представить ея движенія, походку, голосъ. Такъ — помнилось что-то общее. А цѣлый вѣкъ прожили вмѣстѣ!.. Она еще не очень стара умерла; пятидесяти не было...

Батюшки! скоро часъ! Это уже и глупо.

Онъ дунулъ на свѣчку.

Ставровъ лѣтъ шесть какъ поселился въ N съ семейю. Но за три года предъ тѣмъ, въ 1866 г., онъ пріѣхалъ одинъ изъ какой-то губерніи, гдѣ служилъ. Въ N тогда его никто не зналъ. Онъ купилъ съ аукціона почти за ничто большой домъ, хотя старый, но именно тѣмъ и хорошій («изъ стариннаго лѣса, каковаго нынче не сыщешь»), тотчасъ же отдалъ его дорого, по контракту, въ наймъ жильцамъ, которыхъ тотчасъ же нашель, и поручилъ завѣдываніе всѣмъ этимъ одному отставному вахтеру, человѣку, точно, надежному и толковому, котораго Ставровъ умѣлъ отыскать и переманить съ очень порядочнаго казеннаго мѣста. Все это Ставровъ успѣлъ сдѣлать въ какія-нибудь двѣ недѣли, и тотчасъ уѣхалъ. Онъ, очевидно, пріѣзжалъ только за этимъ, узналъ изъ газетъ о выгодной продажѣ. Въ N подивились таковой сообразительности.

У стариннаго дома была пристройка: двѣ отдѣльныя комнаты съ прихожей. Ставровъ помѣстилъ тамъ старуху, вдову какого-то помощника столоначальника Верягина, жившую до тѣхъ поръ гдѣ-то въ слободѣ, съ сыномъ гимназистомъ. Узнали, что Ставровъ женатъ на дочери этой Верягиной, воспитанной у какой-то благотѣльницы, и завѣдуетъ дѣлами этой благотѣльницы. Объ этомъ поговорили только чиновники губернскаго правленія, гдѣ происходилъ аукціонъ. Припоминали: да, кажется, былъ какой-то Верягинъ, только не въ губернскомъ правленіи, а гдѣ-то... но нынче и службъ такихъ нѣтъ. Вдова, точно, жила какая-то въ слободѣ; въ городѣ ее никогда не видали. Сынъ, кажется, ужъ взрослый; кажется, курсъ кончаетъ, даетъ уроки. Товарищи-гимназисты знаютъ его въ лицо, но къ нему ни одинъ не ходитъ, и онъ ни къ кому... Кто ихъ знаетъ, что они такое. О нихъ помянули — и забыли...

Такъ живутъ и умираютъ сотни людей, и никто не спохватывается, какъ имъ жилось. Еще въ слободахъ, какъ-нибудь,

сосѣди прослышать объ ихъ «бѣдствіяхъ», — то-есть безденежь, — но это бѣдствіе до того обще всѣмъ смертнымъ, — а такимъ сосѣдямъ въ особенности, — что не стоить обращать на него вниманія. Поговорки о «своей рубашкѣ» и «чужой кровлѣ» нигдѣ такъ не въ силѣ, какъ именно въ средѣ иворванныхъ рубашекъ и прогнившихъ кровель, — что, можетъ быть, очень грустно, но очень логично... Люди забытые — чаще всего люди молчаливые. У кого — робость, у кого — привычка; у одного — нежеланіе ворошить боль, тихо прикипѣвшую въ сердцу; у другого — излишекъ этой боли, готовый всякую минуту вылиться, но вылиться не въ жалобѣ, не въ довѣренности, а въ какомъ-то таеомъ словѣ... которому, кажется, слова нѣтъ, и которое — вообразить только — душа замираетъ! Такъ ужъ лучше молчать... Чѣмъ кончаютъ эти молчаливые, какое «примиреніе» выражается въ «улыбкѣ ихъ сжатыхъ устъ» и «строгомъ спокойствіи чела» изъ-подъ бумажной полоски съ суздальскими образами — это хорошо умѣютъ разгадывать и рассказывать только люди, которымъ ни о чемъ молчать не приходилось...

Марья Петровна Верягина вѣкъ свой молчала. Ея старшую дочь, Наташеньку, по пятому годочку взяла барыня-благодѣтельница, чтобъ избавить отъ лишннихъ страховъ мать, тогда молодую, но ужъ замученную отъ лишеній и хлопотъ о рѣдко просыпавшейся мужѣ. Вдвоемъ, они еще какъ-нибудь тянули свое существованіе, но, изо-дня-въ-день, когда Наташенькѣ минуло девять лѣтъ, — родился сынъ. Верягинъ-отецъ видѣлъ въ этомъ не лишнюю заботу, а благословеніе свыше, и пожелалъ, чтобы братъ и сестра, увидѣвшіе свѣтъ въ одинъ день, «въ великій день Бородина», также бы праздновали свои именины въ этотъ день, «для совместной службы», — и мальчика окрестили романическимъ именемъ Адриана. Его рожденіе будто переродило отца. Верягинъ былъ счастливъ безумно, встряхнулся, оживился, горько каялся и далъ заклианіе «восчувствовать и быть отнынѣ человѣкомъ». Онъ всегда былъ человѣкъ честный и умный, слѣдовательно «восчувствовать» приходилось очень немногое, — но онъ спохватился поздно. До этого времени, его, изъ жалости, не гнали изъ службы, но и не повышали; теперь онъ увидѣлъ, что время ушло и что пробиться впередъ тѣхъ, кто захватилъ мѣста — невозможно. Его «возрожденіе» выказало его способности и удивило начальство; но все, чего онъ достигъ — было повышение въ помощники столоначальника въ палатѣ государственныхъ имуществъ. Эти мѣста, впрочемъ, считались тогда «очень хорошими» и многіе сослуживцы позавидовали Верягину; но ему ничто не шло въ прокъ,

можетъ быть, отъ не умѣлости, отъ привычки ничего не смѣть, — можетъ быть — и это вѣрнѣе — отъ слишкомъ сильно принятаго въ сердцу заклятiя «быть человѣкомъ». Марья Петровна по прежнему не знала воскресныхъ пироговъ, наряднаго платья, празднаго часа въ гостяхъ. Она даже не знала, чтѣ такое гости: прежде, когда мужъ еще не образумился, *люди* ими брезгали; теперь, когда онъ «не умѣлъ жить», *люди* презирали его, какъ дурачка. Какъ ни казалось бы странно, но ее не тяготило одиночество. Она считала его за нѣчто неизбѣжное, непреложное, — всего вѣрнѣе, она никогда объ этомъ не размышляла. Она вышла замужъ сама не зная зачѣмъ, изъ такой-же бѣдности и забитости, и десять лѣтъ брачной жизни прошли какъ день единаго сѣрыми потѣмками, въ грязи, въ нуждѣ, въ тоскливомъ ожиданiи, чтѣ будетъ завтра, въ испугѣ всякій разъ, когда разсвѣтало это «завтра». Отъ ежеминутной заботы было некогда вспоминать прошедшее... Такъ, не оглядываясь, живутъ счастливцы; такъ, пожалуй, совѣтуютъ жить мудрецы, чтобы сохранить цѣльность характера... Странно, что, несмотря на униженiе мужа, на горе и нищету, которые онъ доставлялъ ей, Марья Петровна его уважала. Она чувствовала, что онъ добръ; ей бессознательно была по душѣ его бессознательная, честная гордость. Она горевала много, но не роптала и не жаловалась никогда. Съ ней онъ всегда былъ ласковъ и почтителенъ, даже среди всѣхъ своихъ безобразiй; онъ любилъ ее, она это знала. Когда, съ рожденiемъ Адриана, онъ исправился, Марья Петровна показало, что лучше жизни быть не можетъ: взяли работницу, сводились концы съ концами; прибавилось, правда, забота, — ребенокъ, — но эта забота не горе, не стыдъ. Мать обожала ребенка, который принесъ въ домъ столько счастья... Мальчикъ росъ на завалинѣ слободы; его товарищи были не чиновничьи дѣти. Отецъ задумывался. Въ одинъ праздничный день, онъ зашелъ отъ обѣдни въ лавки и принесъ азбуку.

— Пора его учить, — рѣшилъ онъ.

Шести лѣтъ, Адрианъ славно читалъ и писалъ. Наблюдая, какъ онъ выводилъ съ прописей, куда отецъ бывалъ на службѣ, Марья Петровна сама немножко поправила свой почеркъ. Это забавляло мальчика. Мать забавляло, когда онъ читалъ вслухъ, когда онъ сказывалъ отцу урокъ изъ священной исторiи, когда онъ свершилъ грифелемъ по доскѣ, рѣшая задачу. Адрианъ не скучалъ учиться; бывають раннiя прилежныя дѣти. Было удивительнѣе, что отецъ не скучалъ учить, вспоминая все, чтѣ было имъ самимъ пройдено когда-то въ уѣздномъ училищѣ. Для отца тутъ явилось соревнованiе, соперничество: живя у благотѣльницы,

Наташенька училась вмѣстѣ съ ея дочерьми. Она была ужъ дѣвочка на возрастѣ и извѣщала, что ея веселятъ, наряжаютъ. Ея письма, вообще рѣдкія, бывали всегда на прекрасныхъ узорчатыхъ бумагахъ и запечатаны разноцвѣтными сургучами; Адрианъ срывалъ и пряталъ эти печати. Она прислала свой дагерротипъ: она была недурна собою, мать не могла нарадоваться и найти мѣсто, гдѣ-бы лучше это привѣсить. При портретѣ, Наташенька написала, что была на балѣ для самыхъ молодыхъ дѣвицъ. Тутъ въ письмѣ было какое-то французское слово, которое такъ и осталось тайной для родителей.

— Совсѣмъ какъ есть барышня!—воскликнула Марья Петровна.

— Малый-то не хуже,—возразилъ отецъ, задумываясь.

Французское слово его замучило. Адриану шелъ девятый годъ, а по-французски учить его было невому. Да хоть-бы и нашелся учитель — средствъ нѣтъ... и никогда не будетъ.

Это «никогда»... Хотя бы, казалось, что понятнѣе, что обыкновеннѣе этого русскаго слова для бѣднаго чиновника?... Это «никогда» явилось точно воплощенное и стало попережъ дороги. Оно значило, что этотъ ребенокъ, котораго въ самомъ дѣлѣ будто нарочно Богъ послалъ, чтобы спасти отца отъ конечнаго поворота, а мать отъ голодной смерти, этотъ умница, радость темнаго угла, этотъ красавчикъ...

Въ послѣднюю парадную службу, отецъ водилъ его въ соборъ: заглядѣлась сама губернаторша.

— Именинникъ! Вотъ мы нынче какъ: дождались именинъ съ колокольнымъ звономъ, съ иллюминаціей! Великій день!..

И что-жъ впереди? «Никогда»! То-есть уѣздное училище, писарство, нищета, отупленіе невольное и вольное, непроглядная тьма, продажа совѣсти... Для того-ли человекъ на свѣтъ родится?

Надъ этой загадкой, конечно, задумывался не одинъ чиновникъ Верягинъ, но рискованно сказать навѣрное: какъ тяжелѣе ее разгадывать—въ компаніи, или въ одиночку. Въ компаніи, когда каждый, раздраженно, подкидываетъ въ бесѣду свой фактъ, свое предположеніе, загадка все разрастается и дѣлается ужасна. Но за предположеніями идутъ и соображенія, успокоенія, а тамъ, смотришь,—и надежды. Въ одиночку, мысль бьется въ заперти; факты—все личныя; соображенія все мелочныя, все одно и то же, вертящееся на одномъ мѣстѣ; тоска—унижающая, ужасъ—какой-то обратительный. И человекъ нетерпѣливо начинаетъ презирать самого себя; теряясь въ своей бѣдѣ, онъ теряетъ вѣру въ самого

себя. Остается махнуть на все рукой... Чаще всего, такъ и дѣлается.

Съ Берягинимъ въ другой разъ случался врутой переломъ; но въ первый, когда, очнувшись, онъ привелъ въ порядокъ свою бѣдную жизнь, у него были безвѣчныя, самыя сумасшедшія надежды. Онъ не зналъ что будетъ, не рассчитывалъ какъ будетъ; онъ вѣровалъ, что всѣ дары, всѣ успѣхи, всѣ умственные и матеріальныя блага ниспошлются его сыну, а онъ, отецъ, доживетъ и все это увидитъ... Теперь, вдругъ, мгновенно, все это разсыпалось, да такъ, что и не сберешь. Мгновенно. Казалось бы отъ пустяковъ: отъ французскаго слова въ письмѣ Наташеньки...

Вдругъ все стало холодно, все постыло. Прежде всѣхъ, конечно, Наташенька, потомъ жена... А мальчикъ...

— «Хоть-бы Богъ его прибралъ...» подумалось Берягину однажды.

И съ этой минуты, въ самое дѣлѣ, все кончилось. Опять умерло все, что было силы; все, что было любви, надеждъ — перешло въ отчаяніе. Берягинъ «сталъ тосковать». Такъ называется это у бѣдныхъ людей, когда они замалчиваются по цѣлымъ днямъ, голодные не притрогиваются къ хлѣбу, притворяются спящими, хотя не спятъ ночи на пролетъ. Какая это болѣзнь — чело-вѣкъ не знаетъ; онъ знаетъ только, что ему не можется, чувствуетъ, что жизнь уходитъ, что воротить ее нельзя... Можетъ быть и можно, но трудно это и лечится дорого; да хоть бы и легко и дешево, — зачѣмъ? Лучше отдохнуть!.. Конечно, и мудрецы, и святые говорятъ, что должно работать и терпѣть не уклоняясь...

Этотъ рабочій, однако, уклонился. Къ счастью, въ этой тоскѣ ненадолго становится чело-вѣка, и Берягину недолго пришлось томиться. Онъ самъ подогналъ конецъ: съ тоски забылъ свое «завлѣтіе». Начальство было новое, порядки новыя, обличенія строгія. Чиновникъ онъ былъ честный, пожалуй, даже знающій, опытный, но... «въ такое время, когда... и прочее» — были нужны люди развитые, образованные; слѣдовало, наконецъ, подумать и о приличіяхъ!.. Берягина отставили. Онъ безпробудно пилъ два мѣсяца, истребляя на это все, что было пожитковъ въ домѣ.

Именины любимца пришли въ третій разъ съ колоколами и иллюминаціей. Марья Петровна спраздновала тѣмъ, что повела мальчика поклониться отцовской могилѣ.

Сосѣди удивлялись, что она убивается: они не удивлялись, чѣмъ она жила. Какъ нерѣдко случается, послѣ конечной бѣды, ей стало матеріально легче. Благодѣтельница, которая прежде по-

могала, какъ вздумается, теперь приступилась въ порядѣ: узнавъ о смерти Верягина, она назначила Марьѣ Петровнѣ восемь рублей въ мѣсяцъ пенсіи, и присылала ее аккуратно. Иногда кое-что, — конечно, немногое, бѣлье, платье, — присылала и Наташенька.

— Откуда-жъ ей больше взять? У нея не свое: чтó ей дать, изъ того и удѣляеть, — разсуждала мать, и отгадывала вѣрно. Наташенькѣ жилось хорошо, но воли никакой не было. Пожелать возвратиться въ матери — ей не приходило и не могло придти въ голову. Съ тѣхъ поръ, какъ Наташеньку увезли ребенкомъ, онѣ всего одинъ разъ видѣлись: когда Верягина сдѣлали помощникомъ столоначальника, Марья Петровна ходила къ Троицъ-Сергію и была въ Москвѣ. Это была минутная встрѣча, даже не знакомство съ дочерью. Наташенька была добрая, ласковая, но только по слухамъ знала о житиѣ, какое вела ее мать и тысячи ей подобныхъ, и сочувствовала матери не болѣе какъ этимъ тысячамъ постороннихъ, — и то, когда случалось о нихъ подумать, прочтя какъ-нибудь въ книжкѣ.

Со смертью отца, кончились «науки» Адриана. Марья Петровна объ этомъ погоревала, но — дѣлать нечего! Она выучилась этому слову, повторяя его всю жизнь. Теперь говорили то же и тѣ, кому она отваживалась повѣдать свое горе. Эти немногія лица были ее хозяева — огородникъ и его жена, обладавшіе учей дѣтей, за которыхъ никто не мечталъ ни о какихъ университетахъ. А Марьѣ Петровнѣ, при ея восьми-рублевомъ доходѣ, и подавно мечтать не приходилось.

Ей это и высказали.

— Потому, — гордость въ васъ, — вразумлялъ ее хозяинъ. — Вы говорите: желаль покойникъ. Да мало ли чего онъ затѣвалъ? Ужь если будетъ вашего достатка сына одѣть-обуть, ну — въ приходское училище его запишите. Гордость ваша: благородный, чиновника сынъ. А по моему совѣту, вонъ, — Аристархъ Семеновичъ на углу открылъ: «Чай, сахаръ, папиросы», — пустите его по лавочной части. На-счетахъ знаетъ, записать сможетъ. Десятый годъ, что ли, ему? приучался бы. Только балуется дома. А вамъ, по нѣжности вашей, съ нимъ разставаться недалеко: вотъ, изъ окошечка видно; всѣхъ покупателей сосчитаете. Ну, жалованья ему еще не положать; такъ, по крайности одежда будетъ (такъ и радитесь!) хозяйская, да вамъ онъ чтó изъ лавки, хозяинъ дастъ, — принесетъ. Анъ, оно и разсчитать.

Марья Петровна, не зная какъ быть, рѣшилась спросить са-мого Адриана. Онъ прервалъ ее съ перваго слова:

— Слышала я этотъ вздоръ. Не хочу.

Она попробовала настаивать:

— Не хочу—повторилъ онъ:—не пойду. Я не собака, изъ подворотни прохожихъ хватать.

Марья Петровна припомнила: точно отецъ! Она еще попыталась уговаривать.

— Да нѣтъ же, я сказалъ!—вскричала Адрианъ:—не пойду!

— А въ училище пойдешь?

— Въ какое?

— Въ приходское.

— Пропадать-то тамъ? Не пойду.

— Чтѣ-жъ ты дома-то будешь дѣлать?

— Въ бабки играть.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, исполнялъ это намѣреніе, для разнообразія запуская змѣя, въ обществѣ товарищей, или одинъ, но не занимаясь больше ничѣмъ другимъ. Зимой, когда эти занятія сдѣлались невозможны, онъ таскалъ салазки, гонялъ кубарь на льдинахъ, вскакивалъ на порожняки, на проѣзжіе обозы и катался далеко, покуда не замѣчали обочивы, отъ которыхъ, конечно, порядкомъ доставалось. При отцѣ ничего этого дѣлать было нельзя, уходить изъ дома—тоже нельзя, а послѣднее время, когда отецъ блажилъ да лежалъ—было жалко матери. И она тоже не пускала: все дѣло да дѣло; то принеси, то купи, другое приברי... Адрианъ вознаграждалъ себя, отдыхалъ отъ ранняго прилежанія, бралъ свою волю.

— Заря вгонить, заря выгонить,—вздыхала Марья Петровна:—сапоговъ не начинишься. Ну, и ходи босикомъ.

Адрианъ исполнилъ и это, по веснѣ. Тогда можно было уходить далеко за городъ, пропадать съ утра. Разъ онъ прохаживался по окраинѣ болота, безъ всякой, впрочемъ, опредѣленной цѣли, а такъ, въ задумчивости и одиноко, потому что товарищи—кто разсорился, а кто былъ подвергнутъ разнымъ арестамъ и наказаніямъ. День былъ прелестнѣйшій; жирная трава мягко щелкала подъ ногами, стреловы такъ и горѣли въ осокѣ; что-то прыгало, роилось, сверкало около кочекъ; въ воздухѣ—глазамъ было примѣтно—струилось тепло; въ темнотахъ протягивался бѣленькій парь... Вонъ, какіе-то толстоголовые желтые цвѣты. Тамъ, подъ ними, что-то копошится. Это надо посмотреть непременно.

Адрианъ подсучилъ панталоны повыше и отправлялся, когда за нимъ раздалось громко:

— Эй, утонешь!

Онъ оглянулся. Шло двое молодыхъ господъ съ ружьями. Впрочемъ, можетъ быть, и не господа: на нихъ были сѣрые не то куртки, не то рубашки. Тощая желтая собака плелась слѣдомъ, прихрамывая.

— Воротись, утонешь!—повторилъ молодой человѣкъ, и Адрианъ не успѣлъ не послушаться, какъ его нагнали и схватили.

— Экой ты, братецъ, упрямый,—продолжалъ непрощенный избавитель, между тѣмъ, какъ избавленный вырывался:—русскимъ языкомъ тебѣ говорить... Умереть, что-ли, захотѣлось?

Товарищъ его хохоталъ.

— Зачѣмъ же ты его стѣсняешь?—сказалъ онъ.—У него могутъ быть свои причины.

— Да вѣдь ни съ чѣмъ несообразно!—возразилъ тотъ, не выпуская Адриана:—ты только погляди на него... Тебѣ который годъ?

— Десятый,—отвѣчалъ Адрианъ, котораго это начало забавлять:—молодые господа были веселые, ружья у нихъ новенькія.

— Слышите?—вскричалъ избавитель. — Девять лѣтъ—развѣ это сознательный возрастъ? Человѣкъ еще не можетъ дать себѣ отчета въ движеніяхъ своей воли; у него еще покуда только инстинкты...

— Инстинкты, сплошь и рядомъ, непогрѣшимѣ твоего хваленнаго сознанія. Поразпроси-ка, зачѣмъ онъ лѣвъ топиться.

— Да вовсе я не лѣвъ топиться,—возразилъ Адрианъ.—Съ чего вы это взяли? Я смотрѣлъ, тамъ лягушки...

Господа расхохотались.

— Молодецъ! Ты, стало быть, это любишь? Природу? Все это такое? Да? Жизнь-то, жизнь-то здѣсь какая славная, въ водѣ, въ травѣ! А? Любишь это?

Адрианъ смотрѣлъ на новыхъ знакомыхъ; солнце ярко било въ лакированные возырѣи ихъ фуражекъ.

— Вы студенты?—спросилъ онъ.

— Почему ты это предполагаешь?

— Вотъ!

Адрианъ показал на его синій околмышъ.

— Вѣрно. А ты кто?

— Синъ губернскаго секретаря, Адрианъ Веригинъ.

— Батюшки! Аристократъ! Позвольте благодарить за честь...

Студентъ сталъ раскланиваться.

— Вы чего-жъ насмѣшиваете?—вскричалъ Адрианъ.

— Ну, ну, не гнѣвайся,—возразилъ студентъ, смѣясь и удерживая его.—Титуловъ твоихъ не нужно.

— Но если ты сынъ чиновника, то вѣрно гдѣ-нибудь учишься? вступился серьезно товарищъ.

— Нигдѣ.

— Стало быть, и грамотѣ не знаешь?

— Не получше-ли васъ,—отвѣчалъ обиженно Адрианъ.

— Да онъ, ей-богу, чудесный малый!—вскричалъ студентъ:—руку вашу, господинъ Адрианъ Верягинъ! въ вашимъ услугамъ:—студентъ Вотяковъ. Будемъ друзьями. Какъ же ты нигдѣ не учишься?

— А у батюшки, небось, кубышка,—замѣтилъ товарищъ:—вотъ, и жди будущаго! Охъ, много еще работы!..

— Вы кубышку-то видѣли?—съ злостью спросилъ Адрианъ.

— Какъ ты, Стебловичъ, всегда скоръ на заключенія!—прервалъ студентъ.—Не слушай его, голубчикъ, это пустая шутка. Но, вотъ что: стало быть, тебѣ почему-нибудь нельзя учиться? Не хотятъ родные?

Адрианъ глядѣлъ во всѣ глаза.

— Твой отецъ, мать?

— У меня нѣтъ отца.

— А мать? Понимаетъ она, что тебѣ нужно образованіе?

Адрианъ молчалъ.

— Ты самъ-то, желалъ-бы учиться? Вѣдь знаніе—все равно, что свѣтъ дневной; безъ него...

— Да это я знаю... Что-жъ, когда отецъ живъ былъ, я съ нимъ все зналъ.

— Когда онъ умеръ?

— Въ августѣ будетъ годъ.

— И съ тѣхъ поръ ты ничего не дѣлаешь?

— Что-жъ мнѣ дѣлать-то?

— Но мать... Я тебя спрашивалъ, раздѣляетъ она твои понятія? Откровенно скажи: можетъ быть, она мѣшаетъ тебѣ заниматься? Очень часто случается, что старшее поколѣніе...

Стебловичъ захохоталъ.

— Какой ты, не въ обиду тебѣ,—подлый человекъ!—сказалъ ему студентъ, между тѣмъ, какъ пріятель еще больше хохоталъ его гнѣву.—Что тутъ забавнаго? Развѣ не можетъ случиться, что подъ одной кровлей съ ребенкомъ—все противно его убѣжденіямъ? Онъ и уходитъ изъ дома, тратитъ время, тратитъ способности, энергію, попадаетъ на ложную дорогу... Тутъ спасать должно, а не смѣяться!

— Ну, спасай!—сказалъ Стебловичъ.

— Тутъ все общество обязано позаботиться, чтобы на каж-

домъ шагу встрѣчались люди, готовые поддержать... Чтобы ребенокъ зналъ куда ему идти: прямо въ такой домъ, гдѣ все было бы для него готово, и наставники, и учебныя пособія, и правильный уходъ... Товарищи, игры, забавы... Чтобы онъ съ первой минуты свѣтло взглянулъ на жизнь, не искажаясь преждевременно! Вѣдь ты подумай, чѣрствая ты душа... Ну, вотъ, обра-зецъ предъ тобою: легко ему? а, легко?.. Да, стой!

Онъ схватилъ за плечи Адриана.

— Штука, видно, простая. Ты бѣднень?

Адрианъ потупился и вырывался.

— Да вамъ-то что?..

— Стой, не стыдись. Этого, братъ, подло стыдиться. Ты бы лучше такъ сразу и сказалъ, а то... Ну, вотъ, смотри, Стебловичъ! Смотри—вѣдь ужъ искалѣченъ: титулъ свой помнить можно, и бѣгать босикомъ можно, и не учиться можно, а въ бѣдности признаться нельзя! И съ этакой-то язвой въ понятіяхъ онъ выростеть, а потомъ, какъ оглянется—изволь надъ собою работать!.. Да, глухой ты малый,—обратился онъ къ Адриану, и его загорѣлое молодое лицо какъ-то ласково озарилось: — возьми ты въ толкъ, что я уважаю твоего отца за то, что онъ оставилъ тебя въ одной рубашкѣ. Мать-то у тебя какова?

— Мать хорошая, — отвѣчалъ Адрианъ какъ-то невольно, и его голосъ также невольно дрогнулъ.

Студентъ отвернулся и, прищурясь, будто что высматривалъ вдаль.

— Умелились?—спросилъ Стебловичъ.

— А ну тебя въ чорту...—сказалъ севозъ зубы Вотяковъ. — Вотъ, что, Адрианъ, душа моя,—желаешь ты со мною учиться?

— А вы по-французски знаете?

— Знаю.

— Ну, давайте, по-французски.

Стебловичъ смѣялся.

— Ты хочешь съ этого начинать?—спросилъ Вотяковъ, нѣсколько въ недоумѣніи. — Еще многое другое нужно.

— Это ужъ тамъ посмотримъ, а мнѣ—по-французски.

— Желаетъ читать Дюму-фиса въ оригиналѣ, — замѣтилъ Стебловичъ.

— А если «Contrat-social»?—рѣзко возразилъ Вотяковъ. — Почему ты знаешь? Этотъ ребенокъ, можетъ быть... Да не можетъ быть, а непременно, непременно опередить насъ съ тобою! Развѣ мы—последнее слово? Развѣ мы—все? Мы даже не сѣмъ, мы только распахиваемъ, а вотъ они зернышки-то, бу-

душіе всходы!... Такъ и не смѣй ты подшучивать, потому-что... Скверно, братъ, самъ знаешь! Это значитъ, что ты...

— Что я не сантиментальничаю.

— Какъ такъ?

— Да, вотъ, такъ: встрѣтилъ кулива на болотѣ, вообразилъ жарь-птицу.

— Чтѣ? чтѣ?... Нѣтъ, ужъ извини! Нѣтъ, извини! Это ужъ всего сквернѣе! Да кто тебѣ право далъ, какое ты основаніе имѣешь—предрѣшать? Ты посланъ на дѣло, — какъ ты смѣешь выбирать, брезгать? Чтѣ встрѣтилось, то и дѣлай... А это презрѣніе—аристократничанье! Это значитъ: нѣтъ въ тебѣ искренней вѣры въ самое дѣло! Да! И самъ ты—ничего больше, какъ фразеръ, мѣдъ звенящая...

— А это — иезуитство! Тексты! Закваска отъ мамушекъ и нянюшекъ!...

Молодые господа шли скоро и спорили до крика. Адриана это забавляло; онъ шелъ съ ними и ждалъ, когда они подерутся. Къ его сожалѣнію, этого не случилось; они въ чемъ-то сговорились, или устали, и прогулка мирно окончилась у слободы, гдѣ Адрианъ показалъ имъ свою квартиру. Вотяковъ обѣщался придти.

На другой день онъ, точно, пришелъ. Хотя его сѣрая блуза подѣйствовала не очень внушительно на хозяевъ и даже на Марью Петровну, но говорилъ онъ дѣльно, толково, ласково; къ тому же, Адрианъ и такъ все равно цѣлый день баловался, и Марья Петровна согласилась послать его учиться.

— Присылайте и своихъ!—убѣждалъ Вотяковъ хозяина.

То было время воскресныхъ школъ, всякихъ школъ, читалень, публичныхъ лекцій, публичныхъ чтеній, искренняго желанія труда, жаркихъ стремленій, наивныхъ попытокъ, сближеній самыхъ разнообразныхъ, безкорыстной помощи всякому и во всемъ, самоотверженной отваги. Въ воздухѣ стояла радость и молодость. То была безоблачная заря шестидесятыхъ годовъ...

Вотякову пришла идея; ее подхватили нѣсколько товарищей, двое Н-скихъ учителей, двѣ молодыя женщины—ихъ жены,—и мигомъ устроилась маленькая школа для приходящихъ. Тогда не спрашивалось формальностей; все шло довѣрчиво, свободно и просто. Педагогія еще не доказала необходимости полторачасовыхъ бесѣдъ о различіи между столомъ и свамейкой; преподаватели, не мудры, находили предметы лекцій болѣе занимательные для учениковъ и для самихъ себя. Всякій училъ, какъ могъ и умѣлъ, и успѣвалъ, потому что принимался изъ любви къ дѣлу, дружно и спокойно.

Адрианъ отличался между ученигами. Онъ, точно, зналъ очень много; учителя восхищались способнымъ, бойкимъ мальчикомъ. Ихъ особенное вниманіе, почти дружба, соревнованіе съ ровесниками — еще подвигали его странное самолюбіе. Какъ годъ назадъ, онъ предпочелъ лучше пропадать дома, чѣмъ въ приходскомъ училищѣ, такъ и теперь, кажется, лучше бы умеръ, чѣмъ далъ опередить себя другому... Въ одинъ день онъ явился въ класса къ матери съ извѣстіемъ, что въ августѣ сдаетъ экзамень и поступитъ въ гимназію.

Марья Петровна ахнула.

— Совровнице мое, какъ же такъ?

Это сдѣлалось просто. Тогда образованіе не было недоступно для большинства, для этой истинной силы общества; знаніе было, въ самомъ дѣлѣ, свѣтъ, всходящій не для однихъ избранныхъ; и простыя школы, и университеты широко растворяли свои двери... Адрианъ выдержалъ экзамень; гимназическое начальство освободило отъ платы, а компанія студентской молодежи надарила книгъ и помогла устроить гимназическую экипировку, тогда недорогую.

Слѣдующую вакацію Возяковъ не пріѣхалъ въ N., а прожилъ гдѣ-то въ деревнѣ. Адрианъ, торжествуя, извѣстилъ его, что перешелъ во второй классъ, занимается по-французски съ женой учителя, ужъ говорить и все переводить.

Маленькая школа продолжала существовать съ небольшою перемѣною наставниковъ. Прошелъ еще годъ. Она внезапно закрылась. Учителей гимназій, которые занимались въ ней, куда-то перевели или выслали.

Адрианъ пожалѣлъ; онъ лишился своихъ французскихъ уроковъ и еще больше этого: во всемъ городѣ, онъ только и зналъ одинъ домъ этого учителя, гдѣ видалъ людей, слышалъ разговоры — не такіе, отъ которыхъ брала тоска дома, въ слободѣ. Теперь пойти было нѣкуда. Товарищи побогаче съ перваго дня обондлись съ нимъ недружелюбно; они его презирали, онъ ихъ терпѣть не могъ, встрѣчался съ ними только въ классахъ и никогда не разговаривалъ. Бѣдняковъ, какъ онъ самъ, ему знать не хотѣлось, они были какіе-то всѣ буяны, неразвитые, да и завистливые; добрые — были, просто, глупы. Пойти къ нимъ — у нихъ въ семьяхъ такая же скука, какъ у себя дома, да кромѣ того еще брань, сплетни, нескладница; забавы — кубари, змѣи. Адрианъ оставилъ эти забавы тоже съ перваго дня, какъ познакомился съ студентами. Оставалось сидѣть одному, готовить уроки, читать книжки, если еще онѣ были. Адрианъ доставалъ ихъ нѣ-

гимназической библіотеки: все серьезное; легкаго чтенія взять было не откуда. Жизнь становилась тяжела для двѣнадцатилѣтняго мальчика.

Онъ не жаловался,—было некому,—и не «баловался», потому что только занятія помогали забывать время. Онъ сталъ очень неразговорчивъ; иногда по цѣлымъ днямъ мать слышала отъ него только «здравствуй» да «прощай». Сосѣди и хозяйка уважали его за степенность, что ему очень нравилось. Когда мать печалилась, что онъ все такой пасмурный, не улыбнется,—ее утѣшали, что всѣ умные — такіе, что такъ онъ лучше выйдетъ въ люди. Марья Петровна надѣялась на будущее благополучіе, а покуда перебивалась, какъ могла.

Благополучіе блеснуло ей съ другой стороны. Наташенька увѣдомила, что выходитъ замужъ за прекраснѣйшаго человѣка, хотя и немолодого (сорока лѣтъ), но чиновнаго и съ состояніемъ, и хотя ей грустно расстаться съ Москвою, потому что женихъ служить въ губерніи, но она согласна. Все это устроила благодѣтельница. Свадьба была назначена на-дняхъ; Марья Петровнѣ оставалось дать свое благословеніе, которое она послала съ великой радостью и своимъ единственнымъ образкомъ въ серебряной ризѣ. Зять, Ставровъ, писалъ и рекомендовался. Кромѣ почтительныхъ уваженій, онъ обязывался давать 150 р. въ годъ на содержаніе тѣщи, «что,—прибавлялъ онъ:—вмѣстѣ съ пособіемъ нашей общей благодѣтельница, полагаю, будетъ достаточно для васъ и нашего юнаго ученаго, которому желаю успѣха въ наукахъ...»

Марья Петровна возблагодарила Бога; жизнь пошла опять полегче, дочь устроена, сынъ—что Богъ дастъ, покуда все хорошо. Только скучаетъ онъ. Но произошла маленькая перемѣна; у Адриана завелась неожиданная забота и однообразіе житья-бытья стало для него менѣе утомительно. Забота была оживляющая...

У хозяйки жила работница, несчастная, повинутая женщина. Изъ-за куска хлѣба и грошей, которыхъ ей недоставало на обувь, она дѣлала все—стряпала, мыла, рубила дрова, таскала ведра, убирала корову и курятникъ, убирала домъ и дворъ. Ея дѣло было безчисленное, никогда не останавливалось и никогда не кончалось, а «господа» ее постоянно кричали, что она лѣнится. Она не уходила отъ нихъ изъ тупой привычки къ привязи, изъ робости, изъ отчаянія, изъ стыда. Наслушавшись брани, она, казалось, увѣровала, что въ самомъ дѣлѣ ни на что неспособна, что кто же другой станетъ держать ее, да еще съ ре-

бенкомъ? Свою дѣвочку она прятала, чтобы хозяева видѣли ее какъ можно меньше: дѣвочка бѣгала, могла шумѣть, а главное— бѣла. Ей было пять лѣтъ; она ужъ сама понимала, что нужно прятаться; ее ужъ били. Марья Петровна однажды нашла ее въ своихъ сѣняхъ, завзала въ себѣ и навормила. Адрианъ пришелъ изъ гимназiи и вырѣзалъ изъ бумаги санки съ лошадкой. Дѣвочка глядѣла испуганными прелестными глазками: она не вѣрила, что *это* можетъ быть и принадлежать ей. Адрианъ поцѣловалъ ее; она завизжала и стала душить, обнимать его.

— Дай-ка, я тебя умою,—сказалъ онъ.

Съ этихъ поръ, какъ попрекали хозяева, «дѣвчонка повадилась къ постояльцамъ». Напрасно Марья Петровна увѣряла, что дитя ей не мѣшаетъ, что даже прiятно поиграть съ нею, свернуть ей куклу, что расчета не сдѣлаетъ кусокъ булки, чашка чаю, — мать выталкивала дѣвочку на дворъ, не глядя на ея слезы, будто радуясь, что ея личико отъ испуга и холода искажалося подѣ-стать ея лохмотьямъ, будто утѣшаясь, что ей самой, матери, становилось больнѣе отъ этихъ бѣдныхъ слезъ...

— Побойся Бога! — кричала Марья Петровна, отнимая дѣвочку.

— Намъ съ ней одна цѣна! — возражала мать.

Однажды она слегла и на другiя сутки умерла. Вѣроятно, она была больна раньше, можетъ быть, давно; этого никто не зналъ, а замѣтить перемѣну въ ея лицѣ было довольно трудно. Впрочемъ, никто и не подумалъ бы замѣчать.

— Вѣдь этакая! — бранился хозяинъ. — Хорошо, по крайности, что хотъ успѣли за попомъ сбѣгать. — Надѣлала дѣловъ!

Сарафанъ покойницы взяла за рубль попова работница, что сократило издержки на похороны, съ которыми хозяинъ торопился. Но все-таки пришлось отложить ихъ до другого утра, дать знать въ часть, и прочее. Адрианъ, возвращаясь изъ класса, засталъ этотъ погромъ.

Хозяинъ поймалъ его на дворѣ.

— Вотъ, батюшка, — жаловался онъ ему, какъ человѣку разсудительному и, тоже, главѣ дома: — вотъ тутъ и думайте. Да хотъ бы въ памяти умерла, *приказала бы*, а то завернулась къ стѣнкѣ, такъ и не видали...

— Что-жъ ей приказывать? — спросилъ недоумѣвая Адрианъ, и пошелъ къ матери, ожидая найти тамъ дѣвочку.

— Нейдетъ ко мнѣ, — сказала Марья Петровна: — сидитъ тамъ на лавкѣ, въ ногахъ у покойницы.

Адрианъ привелъ ее. Дѣвочка глядѣла большими глазами и

молчала. Она оставалась такъ цѣлый часъ, тихо, будто ея не было, потомъ, такъ же тихо, но рѣшительно, какъ взрослая, ушла въ кухню и усѣлась опять на лавкѣ, въ ногахъ матери, лежавшей уже въ гробу.

Адрианъ пообѣдалъ, молча, и не брался за книги. Рассказывать по маленькой комнатѣ было негдѣ; онъ всталъ у окна и смотрѣлъ, какъ звѣздочками замерзали стекла.

— Слушайте, маменька,—сказалъ онъ вдругъ:—это подлость будетъ, если мы ее оставимъ.

— Ужъ я это подумала, — отозвалась она: — да какъ намъ быть?

— Въ благотворительный комитетъ они ее не представятъ, — продолжалъ онъ, все глядя въ окно:—да всѣ эти комитеты—фразы однѣ. Комитетъ отдастъ ее такимъ же на руки, а тѣ пошлютъ ее милостыню просить.

— Такъ,—подтвердила мать.—Только какъ же быть?

— Ни отца, ни матери,—пропадетъ ребенокъ,—размышлялъ онъ, будто про себя. — А выдержать, выростеть, еще хуже: на бѣду — хорошенькая.

Онъ выговорилъ это строго, какъ старикъ.

— Правда!..—подтвердила Марья Петровна, и тихонько заплакала.

— Такъ я это, маменька, обдѣлаю,—сказалъ Адрианъ, вдругъ отойдя отъ окна, и взявъ фуражку.

Дойдя до двери, онъ оглянулся; у него было какое-то хорошее лицо. Онъ вдругъ подошелъ къ матери и обнялъ ее; это съ нимъ бывало рѣдко.

— Сами же вы говорите: все Богъ...—сказалъ онъ, и ушелъ.

Въ билетѣ покойницы значилось, что она N—ская мѣщанка и имѣетъ дочь. Адрианъ заявилъ отъ имени своей матери, что она оставляетъ дѣвочку на жительство у себя, досталъ свидѣтельство отъ полиціи, досталъ метрическое свидѣтельство, предусмотрительно, будто цѣлый вѣкъ велъ подобныя дѣла. Онъ ходилъ за совѣтомъ къ священнику и къ одному сослуживцу отца. Въ гимназій удивились, что Верягинъ пропустилъ столько уроковъ, тѣмъ болѣе потому, что, замосдавъ годъ въ третьемъ классѣ, онъ только что перешелъ въ четвертый и добился быть первымъ. Кончивъ *школа*, все еще возбужденный этой дѣятельностью, онъ объявилъ матери, что будетъ самъ зарабатывать для «своей» Маши: онъ нашелъ себѣ недорогой урочъ.

Повторяя: «моя Маша», Адрианъ любилъ ее по-своему. Она досталась ему въ одиночествѣ, въ сукѣ, когда четырнадцатилѣт-

нѣй мальчикѣ утомлялся жизнью, будто взрослый. Дѣвочка была — занятіе, забота, обязанность, взятая добровольно; она развлекала какъ забава. Отъ близости этого милого маленькаго созданія, въ Адрианѣ проснулась юность, почти дѣтство: онъ нѣжилъ Машу, какъ бывало нѣжили его самого; онъ игралъ въ нее, какъ въ куклу. Но это продолжалось недолго. Адрианъ помнилъ, что его дѣтство было занятое и не понималъ другого. Сначала отъ него требовалъ прилежанія отецъ, потомъ тѣ студенты говорили о святости труда; наконецъ, гимназія, гдѣ онъ гордо и одиноко шель впереди всѣхъ, окончательно утвердила въ убѣжденіи, что вся жизнь вертится на двухъ словахъ: *работать* и *достигать*. Слѣдовательно, Мама должна работать. Адрианъ принялся учить ее. Она была понятлива, но рѣзва и часто разсѣянна, какъ вольный ребенокъ, который смотритъ на книжку, какъ на диво. Адрианъ требовалъ внимательности, онъ давно завелъ себѣ привычку не бросать никакого начатаго дѣла. Усталый отъ классовъ, отъ уроковъ, отъ далекой ходьбы въ городъ и назадъ во всякую погоду, Адрианъ не уставалъ заниматься съ Машей, толкуя настойчиво до тѣхъ поръ, пока она понимала и заучивала.

— Что ты бьешься, — замѣтила однажды Марья Петровна, когда онъ, красный отъ нетерпѣнія, доходившаго до злости, но не возвышая голоса, не измѣняя себѣ движеніемъ, въ двадцатый разъ заставлялъ Машу перечитывать одинъ и тотъ же десятокъ строкъ. — Да брось ты ее, она упрямая.

— Не она упрямая, а я упрямъ, — возразилъ сповойно Адрианъ, мелькомъ взглянувъ на дѣвочку, которая встрепенулась и со страхомъ смотрѣла ему въ глаза. — Я сказалъ, что чрезъ два мѣсяца она должна умѣть читать — и она будетъ читать. Я добьюсь. Еслибъ я взялся выучить плясать собачонку, я бы и того добился.

Онъ почувствовалъ, что сказалъ рѣзко, и улыбнулся. Мама засмѣялась.

— А развѣ собачки пляшутъ? — спросила она.

— Пляшутъ. Читай.

Она постаралась и прочла. Онъ приласкалъ ее, кончая классъ. Его молодость сказывалась въ привязанности; въ состраданіи, въ желаніи развить дѣвочку, хотя въ то же время онъ нисколько не заботился, весело ли ей. Эту заботу онъ предоставлялъ матери. Марья Петровна нечѣмъ было баловать Машу: ни пестраго лоскутка, ни сладкаго кусочка, — но она какъ-то хитрилась забавлять ее. Мама росла счастливая. Съ ней никто не былъ строгъ. Даже непогрѣшимымъ дѣтскимъ инстинк-

томъ она не могла найти разницы между богомольной нѣжностью «бабушки» и оживляющей снисходительностью Адриана.

— О, страсть я тебя люблю!—кричала она, обнимая его...

Ихъ жизнь пошла своей колеей, однообразная, забытая... счастливая! Имъ завидовали, что очень понятно,—хотя завидовали не тому, что въ самомъ дѣлѣ было ихъ счастьемъ. Сосѣди и хозяева не понимали, напримѣръ, какъ, имѣя богатую дочку и чиновнаго зятя, Марья Петровна не съѣздитъ къ нимъ, посмотрѣть на внучатъ, попользоваться чѣмъ-нибудь побольше отъ ихъ достатка.

— Къ себѣ бы, можетъ, васъ жить позвали,—говорили ей.

Марья Петровна это и въ голову не приходило: чтобы она рѣшилась кого-нибудь собою безповоротно! Жить у зятя—да какъ же Адрианъ? Да какъ же Машенька? Это своя, полная семья; Маша утѣшаетъ, все равно будто внучка...

— «Еще будутъ ли тѣ меня такъ любить»...—думала Марья Петровна.—«Не знаю я никого»...

Ей еще долго пришлось ждать этого знакомства. Адрианъ ужъ переходилъ въ послѣдній старшій классъ гимназiи, когда Ставровъ прiѣхалъ въ Н. для покупки дома. Онъ останавливался въ гостинницѣ. Марья Петровна до конца жизни помнила, какъ она испугалась, когда ее въ окошко спросилъ незнакомый баринъ: «гдѣ тутъ живетъ Верягина?» Впрочемъ, испугъ скоро прошелъ. Ставровъ отрекомендовался очень почтительно. Адрианъ это утро былъ на экзаменѣ. Зять самъ назвалъ вечеромъ чай пить; привезъ фунтъ чаю и голову сахару. Они познакомились съ Адрианомъ и взаимно другъ другу очень понравились. Адриану льстило, что зять, почти старикъ, относился къ нему какъ къ ровеснику, внимательно выслушивалъ и одобрялъ его сужденiя, внушалъ матери, что на такого сына она вполне можетъ во всемъ положиться. Это не тараторство сосѣдовъ, или полупьянаго хозяина: «молодой баринъ», «мужчина въ домѣ», «глава дому»,—это слова вѣскiя, слова дѣльнаго человѣка, авторитета... Адрианъ давно чувствовалъ и зналъ, что можетъ дѣлать все что ему угодно, но теперь это понялось какъ-то сознательнѣе, будто закрѣпилось официалъно. Онъ будто разомъ возмужалъ, сталъ сильнѣе, увѣреннѣе. Онъ вспомнилъ поощренiя своихъ первыхъ наставниковъ—студентовъ, но это было совсѣмъ не то. Тогда дѣло шло только объ ученiи, о «распахиваньи мозговъ», какъ выражались эти мечтатели... И правда: мечтатели! напумѣли, навозились, а что вышло? Людямъ на смѣхъ, самимъ себѣ... тоже смѣхъ!—«Свищи, дождевые пузыри», называетъ ихъ Став-

ровъ,—и какъ правъ-то!.. Адрианъ не давалъ себѣ труда вспоминать подробности и своихъ наставниковъ, и ихъ наставленія, и ихъ дальнѣйшую участь. Ему было смѣшно. Хохоча надъ ихъ затѣями, онъ съ наслажденіемъ повторялъ: «ерунда!» — выраженіе, которому у нихъ же выучился...

— «Жизнь вовсе не то»... — думалъ онъ, слушая Ставрова, восхищаясь его дѣловой, практической предприимчивостью, его умѣньемъ сейчасъ сообразиться, сейчасъ все расчестъ, находить возможность тамъ, гдѣ отступились бы другіе,—небольшими средствами, небольшими деньгами достигать того, чего, казалось бы, недобиться и сильными капиталами. Адрианъ былъ пораженъ этимъ громаднымъ знаніемъ матеріальныхъ сторонъ жизни, знаніемъ людей, насмѣшливой смѣлостью, съ которой Ставровъ пользовался людьми и обстоятельствами, то оборачиваясь, то ускользая, то не давая опомниться, — и успѣвая всегда. Увлеченный юноша рѣшался спрашивать, просилъ совѣтовъ, поученія. Ставровъ поучалъ съ удовольствіемъ; ему тоже льстило, что его слушаютъ благоговѣнно, онъ тоже сочувствовалъ такому жаркому ученику и пророчилъ, что и ему тоже въ жизни будетъ удача.

— Главное дѣло—не робѣть и не рваться впередъ, а тянуть да тянуть по-маленьку,—заключалъ онъ добродушно.

Несмотря на его добродушіе, *родственность* и почтительность, Марья Петровна его побаивалась, — можетъ быть, отъ привычки всего бояться. Онъ какъ-то особенно поглядывалъ на Машу.

— А, воспитанница у васъ! Въ магазинъ надо отдать, — шляпки, чепчики... Пусть приучается.

— Еще мала, — замѣтилъ Адрианъ, какъ всегда, коротко и рѣшительно.

Марья Петровна знала, что Адрианъ ненавидитъ модные магазины и не отдастъ туда Машу, но все-таки Ставровъ ей былъ страшенъ. Даже предложеніе, — жить въ пристройкѣ его дома—она приняла не столько съ радостью, что получала даровую квартиру, сколько съ недоумѣніемъ: какъ же это такъ? Ей предлагали благодаріе, а у нея упало сердце. Правда, предложеніе было похоже на приказаніе; много доказывалась нерасчетливость нанимать, тратить деньги, когда можно приберечь ихъ про черныи день. Поворно слушая, Марья Петровна провѣряла себя и не разъ усомнилась, не слишкомъ ли всегда она жила роскошно и безразсудно много тратила. Она была какъ въ чадѣ. Ей бы хотѣлось посоветоваться, но во все это время она не могла по-

мать Адриана: то ему было некогда, — экзамены, — то онъ «занималъ» Ставрова, то былъ въ гостинницѣ у Ставрова, то исполнялъ какія-нибудь порученія Ставрова. Марья Петровна встрѣтила во дворѣ свою хозяйку и остановилась потолковать. Адрианъ, возвращаясь домой, засталъ ихъ, позвалъ мать въ комнату, и хладнокровно, но безъ оговорокъ, сказалъ, что нечего задумываться, когда намъ дѣлають благодѣяніе; что для порядочнаго человѣка обидно, когда его намѣренія и дѣйствія отдаются на судъ безграмотныхъ дураковъ; что жить такъ, какъ устроивалъ Ставровъ — выгода очевидная; что этотъ кривой домишко — не дворецъ какой-нибудь, чтобъ его затруднительно было оставить.

— Откуда и вывозить бдльшей частью нечего, не стбить, — заключилъ онъ. — Тамъ все есть, все прилично. Разберитесь въ пожиткахъ. Чтб можно — отдать хозяевамъ въ счетъ квартиры, а чтб — продать. О перевозкѣ не хлопчите; взять двухъ ломовыхъ, вотъ и все. Завтра провожу Владиміра Петровича и въ два-три часа распорядусь.

На другой день онъ такъ и сдѣлалъ. Ставровъ предъ отъѣздомъ еще зашелъ въ свой новый домъ. Адрианъ воспользовался этимъ и при немъ условился съ женой управляющаго о топки печи, обѣдѣ, самоварѣ, и просилъ Ставрова приказать работницѣ управляющаго убирать ихъ комнаты, стирать бѣлье, носить воду. Ставровъ похвалилъ его предусмотрительность.

— Но ты и самъ бы могъ приказать — замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, такъ вѣрнѣе, — возразилъ Адрианъ. — Я этотъ народъ знаю. Я, конечно, заплачу. Три четвертака въ мѣсяцъ ей довольно.

— За глаза! — сказалъ одобрительно Ставровъ. — Хорошо, братъ; мать успокоилъ. Живѣй, живѣй, торопи ее, перевозки.

Онъ уѣхалъ; Адрианъ проводилъ его, послалъ въ матери ломовыхъ, а самъ остался принимать пожитки на новой квартирѣ. Но Марья Петровна не могла такъ скоро распорядиться; она выбиралась медленно. Въ каждомъ углу стараго жилища, вдругъ, нечаянно, встрѣчалась старая память, — что-то незримое, но охватывающее, — память тяжелыхъ, безотрадныхъ дней, но какая-то до боли дорогая. Будто чтб живое, она останавливала за руки, мѣшала сообразиться чтб сдѣлать, что уложить. Чтб было передъ глазами, то забывалось; вмѣсто того, видѣлось что-то прошлое. Было жаль... Богъ знаетъ чего. Было какъ-то жутко. Маша плакала; ей было жаль сосѣдскихъ дѣвочекъ, своихъ приятельницъ; теперь, изъ города, въ нимъ ходить будетъ далеко, а онѣ въ городъ никогда не ходять, пожалуй, и забудутъ; а въ городѣ

не съ кѣмъ знакомиться; сиди одна. Марья Петровна тоже подумала, взглянувъ въ послѣдній разъ въ окошко разоренной комнаты, что въ городѣ она не привыкнетъ жить: отсюда, вонъ, видѣнь пучокъ липокъ на кладбищѣ...

Но думать долго было некогда. Адрианъ ужъ все устроилъ на новомъ мѣстѣ и прїѣхалъ на извозчикѣ за матерью и Машей. Становилось поздно, собирались тучи; изъ-подъ прижатыхъ лучей заката сизое поле пахло цвѣтами и свѣжестью. Дрожки дребезжали, чуть не опрокидываясь на толстой булыжной мостовой. Ъхать было далеко. Адрианъ сидѣлъ съ извозникомъ и кричалъ, чтобъ тотъ везъ скорѣе.

— Вонъ, вась, какая куча,—отозвался извозчикъ.

Мама смотрѣла имъ въ спину; незнакомый городъ не обращалъ ея вниманія. У нея какъ-то все сжалось въ груди. Вдругъ вспомнилось, какъ однажды, она услышала, сказали на похоронахъ: «плачь не плачь, не воротись»... Пошелъ дождь. Марья Петровна молчала. Она оглянулась на пятиглавый соборъ, мелькнувшій въ концѣ площади, и перекрестилась.

— Въ ворота, направо,—приказалъ Адрианъ.

Марья Петровна, врестясь, взошла на крылечко пристройки. Мама соскочила, оглядываясь: въ глубинѣ двора темѣли деревья.

«Садъ! большой!»—подумала она, и вдругъ ей стало легче.

Отъ сумерекъ, отъ ненастья, въ сѣняхъ и въ прихожей было темно, но работница встрѣтила со свѣчкой. Адрианъ проворно пошелъ впередъ, въ первую комнату.

— Вотъ—гостиная и вмѣстѣ—моя,—весело сказалъ онъ матери:—а тамъ—ваша и этой барышни.—Что, Машурка, хорошо?

— Хорошо,—отвѣчала она.

Она ужъ успѣла примѣтить, что всѣ ихъ бѣна—въ садъ.

— Поскорѣе самоваръ,—приказывалъ Адрианъ.

Столъ былъ уже накрытъ сватертью и чашки готовы.

— Нынче утромъ куплены, новенькія; вамъ, маменька, на новоселье отъ Владиміра Петровича.

У окна былъ другой столъ, письменный, уже убранный, полный книгъ и бумагъ, и на немъ маленькая лампа.

— Это что?—спросила Мама.

— А это мнѣ на новоселье подарокъ Владиміра Петровича,—сказалъ Адрианъ, зажигая лампу. — Вотъ и его портретъ. Что? Похожъ? Вотъ тутъ учиться славно, просторно.

Марья Петровна осматривалась, смущенная, довольная—Богъ знаетъ что.... Она прошла въ свою комнату; тамъ ея кровать

была загорожена ширмочкой; другая кроватка для Маши;— прежде онѣ спали на одной. Шкафъ для платья.... роскошь!

— Откуда-жь это все?—выговорила она.

Адрианъ, улыбаясь, высоко держалъ свою лампу.

— Да, при домѣ, было разное старье; Владиміръ Петровичъ позволилъ взять, — отвѣчалъ онъ. — Небойтесь, не купленное. Какъ только было рѣшено, что мы здѣсь, такъ я все отобралъ, велѣлъ исправить....

Онъ объяснялъ, показывая.

— Отроду такъ не жила!—сказала она тихо, глядя передъ собою въ недоумѣніи, и вдругъ горько заплакала.

— Чтѣ это?—вскричалъ Адрианъ. — Чтѣ вы, маменька? Ну, вотъ и новоселье! вотъ и начало новой жизни! Сразу такъ все отравить....

— Голубчикъ мой, виновата, — прервала она:—я покойника вспомнила.... О, Господи, да если бы хоть недѣлку довелось ему въ чистотѣ, въ избыткѣ....

— Покойникъ!—прервалъ Адрианъ. — Подумайте о живомъ! Мнѣ-то развѣ пріятно....

— Виновата, сокровище мое, — повторила она, отирая глаза, и обняла его:—виновата, не буду. Въ жизнь больше не буду.... такъ вспомнилось....

Она перекрестилась.

— Машенька, гдѣ наши образа? Вотъ, тутъ бы полочку.... Положь повуда на столъ.

Въ узлѣ съ образами былъ и портретъ Наташеньки. Марья Петровна повѣсила его надъ своей постелью. Адрианъ соскучился держать лампу.

— Самоваръ погаснетъ, — сказалъ онъ. — Вы, въ самомъ дѣлѣ, маменька, пощадите меня отъ такихъ сценъ. Я хорошо помню и свое дѣтство, и все. Еслибъ отецъ былъ... ну, энергичнѣе, благо-разумнѣе,—давно бы и лучше этого жили. Всѣ справляются, всѣ умѣютъ жить. Вотъ, Владиміръ Петровичъ—тоже началъ съ ничего. Побольше труда да здраваго смысла только!

— Охъ, ужъ какъ покойникъ трудился!...—замѣтила Марья Петровна.

— Ну!...—сказалъ Адрианъ:—пойдемте чай пить.—Маша.... да, ты еще не знаешь!

Онъ вышелъ въ прихожую, постучалъ въ стѣну; изъ кухни явилась работница.

— Я приказывалъ принести сдобныхъ булокъ и дать вамъ размѣнять деньги: рубль. Забыли?

— А я тутъ положила,—отвѣчала женщина.

— Слѣдовало мнѣ въ руки отдать. Постоите же, не бѣгите. Э, вы все набрали мѣдью.

Онъ считалъ деньги.

— Булки—пятакчекъ пара. Тутъ нѣтъ одной копѣйки. У кого вы брали?

— Да у кого? Велѣли у нѣмца, за мостомъ; тамъ и брала.

— Отнесите назадъ и возьмите сдачу сполна.

— Это опять идти?

— Да, идите.

Марья Петровна и Маша слушали въ удивленіи.

— Идите,—повторилъ Адрианъ.

— Двѣ версты-то?

— Куда это, Андреяша,—вступилась Марья Петровна: — и далеко, и громъ гремѣть....

Маша тоскливо взглянула на булки; она была голодна. Адрианъ это замѣтилъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—оставьте. Я вычту изъ вашего жалованья. Помните.

— Охъ, грѣхи!—сказала работница, засмѣялась и ушла.

Послѣ этого новоселье, конечно, не стало веселѣе. Марья Петровна скоро захотѣла лечь; она съ утра намазаялась. Пришлось еще убираться въ незнакомой комнатѣ; на новомъ мѣстѣ всегда не спится. Адрианъ еще долго слышалъ, какъ скригѣла маленькая дверь материнной спальни, какъ мать выходила въ прихожую, отпирала, таскала сундучки. Мелькающій свѣтъ изъ-подъ двери его безпокоилъ. Онъ не выдержалъ и окликнулъ:

— Да еще успѣете завтра, маменька!

Она погасила свѣчку. Маша давно спала.

«Завтра» настало для Марьи Петровны какое-то странное, непривычное: все убрано; въ прихожей—готовая вода, въ гостиной—готовый самоваръ. Адрианъ сказалъ, что и обѣдъ готовится, что все закуплено, чтобъ она не безпокоилась. Ей оставалось (если угодно) переложить чтъ было рухляди и посуды изъ сундучковъ въ шкафъ и вомодъ,—пожалуй, перемѣстить мебель по своему вкусу—(но, вѣжета, мудрено перемѣстить ее удобнѣе) — а затѣмъ—сѣсть, сложа руки.

— Что-жъ это, я барыней буду жить?—спросила она, радостно, умиленно, чего-то пугаясь, будто стыдась, будто обиженная.

— Барыней,—отвѣчалъ весело Адрианъ.—Я хочу, чтобъ вы были покойны; я покажу вамъ, какъ люди живутъ.

Маша выглянула въ растворенное окно.... что за воздухъ тамъ, въ слободѣ этого не было. Послѣ вчерашней грозы, густой садъ тагъ и сіялъ. На кустарникахъ, на большихъ деревьяхъ что-то рдѣло....

— Можно туда?—спросила она, не выдержавъ.

— Можно,—подтвердилъ, смѣясь, Адрианъ:—только зелени не ѣшь. Вотъ вамъ дѣло, маменька: Владиміръ Петровичъ поручилъ сварить для него нѣсколько пудовъ варенья. Управляющій ему перешлетъ. Остальные плоды продадутся здѣсь; можетъ быть, будетъ выгоднѣе сдать ихъ въ лавки—тоже въ видѣ варенья, тогда вы еще потрудитесь,—сварите. За это, управляющему приказано, чтобъ и вы пользовались, сколько вамъ нужно.

Маша слушала.

— Мнѣ что же нужно,—возразила Марья Петровна.—Вотъ, она поклочетъ. Я варенья для себя никогда не варивала.

— Тагъ и не умѣете?

— Умѣть—умѣю; не велика премудрость.

Къ вечеру Адрианъ откуда-то принесъ «Руководство» г-жи Авдѣевой, и читалъ лекцію:—«возьми ягоду столько-то, положи столько-то» и прочее.

Машѣ было весело. Въ саду—раздолье; въ комнатахъ свѣтло, чисто, прохладно; бабушка не охаетъ, не бѣгаетъ чѣмъ свѣтъ на базаръ, не носится съ дровами и борытами, сидитъ подъ оцепчомъ въ креслѣ, вяжетъ чулокъ. А какъ «свели экономію» за мѣсяцъ (Маша слышала: тагъ сказалъ Адрианъ), тагъ купили холста, повроили всѣмъ рубашки; Адриану потоньше: ему тагъ нужно. Маша помогала шить; бабушка давно ее выучила, но перешивалось, бывало, все домашнее, старенькое, а кукла была тагъ мала, что на нее ничего нельзя было дѣлать, да и не изъ чего. Теперь, бабушка купила куклу съ фарфоровой головкой; управляющаго жена достала лоскутковъ отъ магазинщицы. Только играть не съ кѣмъ, знакомыхъ дѣвочекъ нѣтъ. У управляющаго дѣтей не было, у жильцовъ въ домѣ тоже. Ставровъ тагъ и искалъ постояльцевъ безъ дѣтей, чтобъ не портили сада, не пачкали комнаты. Жильцы были богаты: старый-престарый большой баринъ, который дослуживалъ до какого-то большого чина; говорили—«до звѣзды». Маша знала только, что въ рождественскій сочельникъ не ѣдятъ до звѣзды, и смѣшивала эти звѣзды. Адрианъ сказалъ, что она глупа; по его объясненію, звѣзда барина оказывалась важнѣе той, бѣленьей на синезеленомъ морозномъ небѣ, увидя которую, Маша съ таковой радостью схватывала разогрѣтую булку. Баринъ вдовый; одна дочь, барышня, старая, дурная; ее

брали замужъ изъ-за денегъ, а она не пошла. Она была не гордая, не модная, но какая-то странная. Встрѣтилась въ саду съ Марьей Петровной, разговорилась—все такъ скучно! Машу она приласкала, даже какъ-то пошутила, засмѣялась, а у самой слезы на глазахъ; заговорила съ ней по-французски, поправила въ чемъ та ошиблась и велѣла къ себѣ ходить по утрамъ, когда отецъ уѣзжалъ на службу. Онъ ѣздилъ всегда въ каретѣ. Кушать имъ готовили, какъ для больныхъ, и никогда у нихъ гостей не было, ни одного человѣка, только по царскимъ днямъ чиновники въ треуголкахъ, и тѣмъ всегда всѣмъ отказывали. Маша на это на-смотрѣлась,—скука! Но барышня была добрая; все сидѣла—работала; выучила Машу вязать крючкомъ, вышивать по канвѣ, а больше заставляла стихи учить, читать вслухъ, и все по-французски. Въ залѣ стоялъ большой чудесный рояль. Маша въ первый разъ въ жизни увидѣла это и узнала какъ называется. Барышня смѣялась надъ ней, стала играть и даже какъ-то вся лицомъ измѣнилась. Маша слушала, слушала, не знала чтó съ ней самой дѣлается, и заплакала. Барышня ее поцѣловала.

— Полно, дитя, чтó ты?—(Она всегда называла ее *дитя*).—Еще успѣешь въ жизни наплакаться. Хочешь играть сама? У тебя пальчики тоненькіе, длинныя. Я выучу.

Она хорошо учила, понятно, жаль только, что рѣдо: баринъ, случалось, хворалъ, не уѣзжалъ на службу, музыка его беспокоила, да онъ и не любилъ, чтобъ чужая дѣвочка тутъ вертѣлась. Адрианъ пришелъ поблагодарить барышню; она вся переконфузилась.

— Не умѣютъ эти люди ни за чтó по-человѣчески взяться,—сказалъ онъ про нее дома.

Марья Петровна вступилась: барышня добрая, учить, старается...

— Ну, пожалуй. Дѣлать-то, вѣдь, ей нечего. Но, Маша, совѣтую тебѣ все-таки заниматься съ нею какъ можно прилежнѣе. Пользуйся. Музыкальныхъ уроковъ здѣсь нѣтъ дешевле двухъ рублей въ часъ: я не могу тебѣ этого доставить.

Адриану предлагали этимъ лѣтомъ урокъ въ деревню; онъ не поѣхалъ, потому что, перейдя въ старшій классъ, особенно усиленно занимался въ вакацію; онъ хотѣлъ получить медаль при выпускѣ. Чтóбъ быть свободнѣй, онъ даже менѣе занимался съ Машей, давая и ей маленькую вакацію, и только взялъ на себя всѣ хозяйственныя и денежныя заботы. Онъ распорядился всѣмъ, смотрѣлъ за всѣмъ, завелъ свой порядокъ. Работница, жена управляющаго, самъ управляющій принимали его при-

казанія безпрекословно. Все исполнялось въ-время, все обходилось дешевле. Марья Петровна не могла надивиться и, отдыхая въ первый разъ въ жизни, съ радостью уступала свою домашнюю власть. Она привыкала, даже сладко привыкала къ «новому мѣсту», которое казалось ей такимъ страшнымъ издали. Ей, наконецъ, доставалось блаженство, о которомъ не смѣютъ мечтать забытые люди: теплая постель, тишина, избавленіе отъ расчета ежедневныхъ грошей, отъ пересудовъ сосѣдей, отъ брани хозяевъ. Чисто кругомъ, день какъ-то въ порядкѣ, церковь близко. Она каждое воскресенье стала ходить къ раннимъ обѣднямъ; заработала на чулкахъ, продала варенье, которое предоставили «въ ея пользу», и покрыла Машенькѣ пальто новой байкой, къ осени. Мама была въ восторгѣ, но больше всего она радовалась, какъ бабушка раздобрѣла, стала бѣленькая...

— Все Господь Богъ да Андреаша! — говорила Марья Петровна.

За то и любили онѣ Адриана! Эти чистыя души, мать и ребенокъ, никакимъ словомъ не могли бы выразить своего чувства къ молодому человѣку, ихъ охранителю, надеждѣ, заступнику, наставнику, — казалось имъ, ихъ веселью, хотя онъ рѣдко шутилъ и чему-нибудь смѣялся и то какъ-то по-своему. Но веселье было именно отъ него, потому что безъ него такъ бы не жилось; безъ него — ничего-бы не было. Только *это* онѣ сознавали, погружаясь въ благодарность къ нему всѣмъ своимъ бѣднымъ, робкимъ, отдыхающимъ существомъ. «Богъ — и Адрианъ», вотъ все, что для нихъ было ясно и несомнѣнно, а за тѣмъ... что? онѣ не смѣли, да и не умѣли подумать... Онъ это видѣлъ и понималъ; ему было радостно и пріятно. Для него становилось какимъ-то вопросомъ чести поддерживать свое право на благодарность. Онъ, случалось даже нарочно, безъ желанія, умножалъ свои заботы; терпѣливый и снисходительный къ мелочамъ, даже угождалъ въ мелочахъ, предупреждалъ просьбы, исполнялъ крошечныя прихоти, чувствуя самъ какъ хорошо онъ дѣлалъ и искренно растрогиваясь самъ отъ радостныхъ слезъ матери и радостнаго визга Маши...

«Я вѣдь люблю ихъ», думалъ онъ, и ласкалъ дѣвочку, игралъ съ нею, по-своему, серьезно.

Игра всегда бывала такъ занимательна, что забавляла, но Мама давно замѣтила въ ней что-то особенное.

— Бабушка, онъ старше тебя, — сказала она однажды.

— Потому что уменъ, — съ уваженіемъ отвѣчала Марья Петровна.

Маша вдругъ задумалась.

— Вѣдь еслибъ ты меня къ себѣ не взялъ, я-бы пропала, — сказала она очень серьёзно.

— Какъ-такъ? — спросилъ Адрианъ.

— Люди говорятъ.

— Какіе люди?

— Хозяева, тамъ, какъ на квартирѣ жили, говорили. Я помню.

Адрианъ не сомнѣвался, что всегда найдутся добрые люди, которые съ удовольствіемъ растолкуютъ и ребенку и взрослому, что онъ пропащій. Въ глухомъ углу, въ слободѣ, такія толкованія неизбѣжны. Тѣмъ не менѣе, они его возмутили.

— Такъ-бы и пропала, — повторила Маша.

— Стало-быть, я умно сдѣлалъ, чтѣ взялъ? — спросилъ онъ, смѣясь, чтобы ее разсѣять.

— Ты доброе дѣло сдѣлалъ. Я должна за тебя вѣкъ Бога молить.

— Этого можешь хоть и не дѣлать, — возразилъ онъ, уже съ досадою. — А главное, не повторяй всякой чепухи, которую на-скажутъ тебѣ хозяева, еще кто...

— А это ужъ не хозяева! Это ужъ Владиміръ Петровичъ говорилъ, что я должна, за твое добро...

— Все равно, вздоръ, — прервалъ онъ. — И Владиміръ Петровичъ можетъ ошибаться. Злая дѣла есть, а добрыхъ дѣлъ никогда не бываетъ: всякій только исполняетъ свою обязанность. Понимаешь?

Она не понимала; онъ толковалъ, по обыкновенію долго, стараясь выражаться проще, чтѣ не всегда ему удавалось. Онъ это зналъ и ему всегда бывало досадно, но онъ успокоивалъ себя разсчетомъ, что все-таки въ головѣ ребенка чтѣ-нибудь да останется... Маша поняла только, что онъ добрый и очень ее любить. Но Адриану пришла небывалая мысль...

Говоря, объясняя, незамѣтно увлекаясь примѣрами, которые приводилъ, путаясь въ нихъ, онъ вдругъ спохватился: взять чужого, заброшеннаго ребенка, заботиться о немъ, развивать его, зарабатывать для него, отрывать для него отъ своего немногаго свободнаго времени, — неужели все это ничего не значить, все это — не доброе дѣло, а только общечеловѣческая обязанность?..

Ну, да, конечно, — только обязанность, и, слѣдовательно — благодарность — излишнее!.. Такъ, бывало, часто разбирались учителя-студенты.

Такъ; но взглянуть съ другой стороны, и является противо-

рѣше, а не прямой выводъ: *одинъ* не обязанъ благодарить, такъ почему же *другой* обязанъ благотворить? Это даже забавно. Адрианъ припоминалъ. Точно... да именно, какъ разъ были однажды толки объ этомъ. Вотяковъ схватился съ Стебловичемъ. Стебловичъ подставилъ ему вопросецъ: — «Гдѣ же границы самопожертвованію, за которое воспрещается принимать не только на водку, но даже простое *спасибо*». И далѣе: — «Что такое благотворители? Безконечно дойныя коровы?..» Что было смѣха! Адрианъ смѣялся и теперь. Онъ былъ еще ребенокъ, когда слышалъ этотъ споръ, но выраженія запомнились. Вотяковъ... Да что Вотяковъ... У Адриана были его письма изъ Москвы, съ Урала. Богъ знаетъ, что это все... Ничего-то, вы, господа, въ жизни не смыслили!..

Прошло лѣто, зима, цѣлый годъ. Въ іюнѣ 1867 Адрианъ кончилъ свой гимназическій курсъ первымъ, съ медалью, съ именемъ на золотой доскѣ, — и нѣсколько дней его имя называли въ городѣ, въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ были тоже кончившіе курсъ гимназисты. Онъ давно рѣшилъ, что осенью поѣдетъ въ Москву, въ университетъ, и писалъ объ этомъ Ставрову. Ставровъ тоже давно все зналъ, но былъ очень доволенъ, что къ нему отнеслись за подтвержденіемъ. Они и прежде часто переписывались, теперь, отвѣтъ не заставилъ себя ждать.

— «Радуюсь другъ мой, — писалъ Ставровъ: — что ты желаешь заниматься настоящимъ образомъ. Наша молодежь вся заразилась лѣнью и вздорными идеями, и ты долженъ благодарить Бога, что избѣжалъ. Избираемый тобою юридическій факультетъ самый выгодный. Ты, по окончаніи, непременно получишь хорошее мѣсто, о чемъ и я, съ моей стороны, позабочусь. Мнѣ пріятно имѣть въ семействѣ молодого человѣка, разсудительнаго и способнаго для государственной службы. По мѣрѣ средствъ моихъ, считаю долгомъ содѣйствовать твоему благому предпріятію. Независимо отъ двѣнадцати рублей, высылаемыхъ мною ежемесячно нашей престарѣлой матушкѣ, я и сестрица твоя Наталья Николаевна будемъ присылать тебѣ по десяти рублей, — то-есть, двадцать рублей въ мѣсяцъ, что составитъ 240 р. въ годъ, равняющійся казенной стипендіи, и совершенно тебя удовлетворить въ средствахъ къ жизни. Стипендіи же искать не совѣтую, потому что впоследствии тебя можетъ стѣснить обязательная служба. Между тѣмъ, съ прискорбіемъ я долженъ увѣдомить, что общаѣ наша благодѣтельница, воспитавшая Наталью Николаевну, на сихъ дняхъ скончалась; но, по силѣ ея духовнаго завѣщанія,

ея дѣти обязаны уплачивать матушкѣ Марьѣ Петровнѣ до конца ея жизни ежегодную пенсію въ сто рублей, какъ было донинѣ. Мы потеряли въ ней нашу общую мать. Я же, мой другъ, съ моей стороны вполнѣ надѣюсь, что ты оправдаешь все на тебя возложенное и будешь вести себя примѣрно. Ты вступаешь на путь жизни въ обеспеченномъ положеніи, — слѣдовательно, для тебя облегчено, — и остается, съ упованіемъ на Бога, устроить себя въ будущемъ...»

— Только-то? — вскричалъ Адріанъ, дочитавъ письмо вслухъ: — стало-быть...

Маша испуганно кинулась къ Марьѣ Петровнѣ; та помертвѣла. Адріанъ оглянулся.

— Маменька, что вы?

Она только охнула.

— Дай-ка воды, Маша, — сказалъ, не суетясь, Адріанъ, и приклонилъ къ себѣ голову матери.

Она ожила отъ этой ласки и горько заплакала.

— Что вы, милая, чего испугались? — спросилъ онъ, очень чувствуя, чего она испугалась.

— Уѣдешь ты... — выговорила она.

Маша схватилась обѣими руками за свои черныя косички и убижала реветъ на свою постельку.

— Голубушка, но вѣдь вы это ужъ знали, — уговаривалъ Адріанъ, чувствуя, что у него самого сжималось въ горлѣ. — Иначе человѣкомъ не будешь. Служить здѣсь... Вы сами знаете, видѣли... что такое былъ отецъ? Я себя не къ этому готовилъ. Ну, поскучаете. Я буду приѣзжать. Вакаціи. Тутъ недалеко. Желѣзная дорога... Вы сами меня навѣстите. Недорого: два рубля съ копѣйками. Ну, такъ и быть, раскутимся: это ужъ на мой счетъ. А вы здѣсь, безъ меня, по-аккуратнѣе; я вамъ завелъ порядокъ, такъ и продолжайте. Маша чтобъ твердила, не забывала. Попросите отца Матвѣя, — катехизисъ съ ней, русское... да я ему самъ скажу; я это направлю...

— Господи Владыко... — сказала она.

— Проживете, голубушка, проживете покойно. Печь всего одну вамъ топить, изъ прихожей. Я дровяника подрядилъ по условію, надуть онъ не посмѣетъ, а чуть что — пишете ко мнѣ. Въ университетское правленіе — вѣрнѣйшій адрессъ. И все, что случится, пишете. Денегъ вамъ довольно, двумъ-то. Ну, чай въ Москвѣ дешевле. Калачи буду вамъ присылать по оказіи, съ кондукторами. Да найдутся оказіи! Не внутренняя Африка!.. Маша, мы съ тобой вчера странствія Бекера читали, — а?

Маша выглядывала въ дверь, расплаканная.

— Охъ, все будетъ, все будетъ, буду покойна, — шептала Марья Петровна, тихо расшачиваясь, закрывая глаза. — Все будетъ... А вотъ тебя-то не будетъ! — вскрикнула она, вдругъ подъявшись. — Свѣта моего не будетъ! На что мнѣ покой, на что все... Кусокъ въ горло не пойдетъ!

Адріанъ отступилъ, невольно. Онъ никогда не видалъ ее такою; никогда не говорила она такъ рѣшительно, такъ рѣзко. Ни въ какія страшныя минуты нищеты, униженія, даже въ минуты смерти отца — не была она такъ отчаянна. Молчаливая, спеленутая душа будто разорвала свой покровъ, выказалась на секунду и опять сжалась, опять спряталась, испугавшись сама, что выказалась...

— Проживу!.. Всячески жила; сухой коркой по суткамъ питалась, — говорила она безсвязно, задыхаясь отъ слезъ, опять усѣвшись тихо и захватывая руками свои колѣни. — Проживу! А тебѣ-то каково, тебѣ-то? Одинъ-одинёхонекъ, сирота!.. Что ты говоришь: «пріѣду, навѣщу»? — А всякій-то день?.. Ты за книжкой — ну, вотъ, ее позовешь! Я на тебя изъ уголка погляжу!.. Охъ, материнскій крестъ — великое дѣло; легче отъ него чело-вѣку!.. Дитя невинное — ей-то каково? Ты насъ-то вспомнишь, какъ одинъ останешься... Ты только это подумай!

Адріанъ «подумалъ»: на секунду закрывая глаза, онъ вообразилъ себя одного... Мать причитала:

— Деньги, чины... Да, будетъ это все, будетъ, Господи Владыко! Одними, что-ли, деньгами живъ чело-вѣкъ? Что одному нужно? Старому одинокому могила нужна; — а молодому... Грѣхи! въ себя ли одного жить? Радость-то гдѣ?.. Такъ, стало-быть, врозь и пойдемъ мы на-вѣтъ: теперь ты — въ ученѣ, тамъ — на службу. И не узнаешь, не увѣдаешь, гдѣ ты, что съ тобой...

У Адріана смутно мелькало въ головѣ далекое — рѣчи его молодыхъ наставниковъ о молодыхъ силахъ, о правахъ молодости, о свободѣ; горячія рѣчи, возбуждавшія на жизнь, восторженно-неопредѣленные мечты о счастьѣ всѣхъ... о счастьѣ и тѣхъ милыхъ старшихъ, которымъ тоже «хорошо будетъ...» Какъ *хорошо* — все равно; но они милы, эти старшіе; они хорошіе... Мать хорошая!.. Они тоже «возьмутъ свое». Они порадуются на дѣло молодежи, поймутъ его, если достойны. Они благословятъ молодежь... да, пусть благословятъ! Всякое искреннее убѣжденіе почтенно... У Вотякова была мать; она уѣхала съ нимъ на Уралъ...

Адріанъ сталъ цѣловать руки своей матери.

— Охъ, что ты!— вскричала она, непривычная къ его ласкѣ, а къ этой въ особенности.

Онъ положилъ голову въ ней на колѣни и нервно заплакалъ. Ему стало страшно; будто пахнуло холодомъ; сердце застучало будто молотокъ въ гробовую крышку... Ему было восемнадцать лѣтъ. Да, онъ точно ихъ любилъ. У него, кромѣ нихъ, никого не было—ни друзей, ни пріятелей, ни даже простыхъ знакомствъ... Тамъ, впереди, точно,—молодость, жизнь. Но онъ до сей поры не зналъ ничего этого. Онъ не зналъ веселья и привыкъ его чуждаться; онъ привыкъ его осуждать и, наконецъ, повѣрилъ собственнымъ осужденіямъ. Веселье, воля—все это казалось странно, невѣроятно, жутко. Какая-то усталость заранѣе... но эта жизнь, эта воля, эти силы—право, все только красивыя слова: гдѣ все это? это «дѣло»,—что это? Онъ не знался съ своими сверстниками, но онъ навѣрное зналъ, что они не мечтаютъ ни о какомъ «дѣлѣ». Это мечтали *ты*—бывшіе... Надо жить. Надо свить себѣ гнѣздо... Адрианъ зналъ одно свое гнѣздо;—вотъ готово, свито. Вся привычка къ нему поднялась разомъ; оно стало вдругъ дорого... Бросить его,—безъ него оно разорится. Издали не удержишь, не соблюдешь. *Онъ* жить не умѣютъ. Въ домѣ вѣкъ свой шелъ дымъ коромысломъ. Не справятся,—ничего и ждать. Опять оголодаютъ; дѣвочка ступитъ; заведутся кумушки, вздоры, побрасыванье тѣмъ, что очень и очень бы пригодилось; опять житье въ грязи, хоть средствъ—благодаря Бога—на двухъ будетъ столько, сколько было на трехъ! И не справятся!.. И опять приступаться, и опять все поправлять... да когда? Наѣздами на вакаціи? Ничего не подѣлаешь. Только тратить собственные средства,—а велики ли они?..—А потомъ,—служба,—ужъ и вовсе некогда. А этихъ затрать,—заплатъ,—будетъ, конечно, что ни годъ, то больше, и никогда навѣрное не узнаешь сколько нужно, и точно ли нужно. И много ли еще принесетъ служба... Пожалуй, вотъ Ставровъ даетъ грошъ отъ своихъ тысячъ и увѣренъ, что этого довольно... «Равняющееся казенной стипендіи...» вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ даетъ *имъ*—это, пожалуй, на что-нибудь похоже, а въ разницу... Ну, *имъ* здѣсь довольно; но при стипендіяхъ, слышали мы, люди по-два раза въ недѣлю обѣдаютъ. Да какъ еще придется изъ этого же «равняющагося» здѣсь затывать разныя щели... А что щели будутъ—несомнѣнно: не справятся!.. И тамъ образъ жизни: самъ на лекціи, на урокъ,—ну, гдѣ-нибудь!—а въ квартирѣ все сверху ногами; что могло быть сбережено, прибрано.... Къ тому-жъ, еще товарищи. Одиновій студентъ—дверей на замѣѣ

не удержишь. Всякія юныя силы, общинныя начала, артельныя начала...

— Андреяша...—проговорила Марья Петровна.

— Что?—спросилъ онъ, еще не оглядываясь.

Она робко поцѣловала его въ голову.

— Полно, родной, будетъ. Будетъ о насъ жалѣть; что-жь дѣлать! Мы тутъ съ ней какъ-нибудь... Изготовимъ тебѣ все, сберемъ тебя... Проживемъ.

— А вотъ какъ проживемъ,—сказалъ Адрианъ, приподнявшись.—И чтобы, маменька, спору не было. Сбирайтесь съ Машей; мы поѣдемъ въ Москву всѣ. Денегъ довольно; я могу еще тамъ уроки найти. Потѣсимся на квартирѣ, поэкономничаемъ,—не учиться стать!

— Не учиться стать...—повторила машинально, въ какомъ-то ужасѣ Марья Петровна.

— Осень и зиму тамъ, а тотчасъ послѣ Святой вы воротитесь сюда. Я хочу оставаться на экзамены одинъ; прѣйду на ваканцію. Я такъ напишу Владиміру Петровичу. Оно и удобнѣе, чѣмъ на два дома.

Онъ написалъ,—не сторяча, не въ ту же минуту, а въ теченіи дня, обдумавъ, разсчитавъ и исчертивъ аккуратный лоскутокъ бумаги тонкимъ карандашомъ, мелкими цифрами. Его почеркъ былъ прелестный, ровный, разборчивый, безъ завитковъ и недонисокъ, неизмѣнявшійся никогда, ни отъ усталости, ни отъ волненія. Адрианъ берѣгъ бумагу, слова, время и трудъ читателя и свой собственный. Предъ отправленіемъ письма онъ прочелъ его матери. Марья Петровна была въ чаду, въ бреду. Слезы, которыхъ она не видала у Адриана съ самаго его ранняго дѣтства, и за ними вдругъ разомъ спокойствіе, хладнокровіе, настойчивая рѣшительность,—все это туманило, какъ ни привыкла Марья Петровна тоже съ дѣтства къ нраву сына. Перемѣна была ужъ слишкомъ неожиданна; переходъ отъ горя къ радости слишкомъ скоръ; будто что упало на голову и не давало одуматься. Но Адрианъ не приказалъ и думать, не позволялъ спорить... Да о чемъ же и спорить, Господи, когда посылается такая радость?.. Являлся и вѣчный вопросъ: «какъ же такъ?» и страхъ большого города, другого житья...

— Ахъ, все Богъ!—рѣшала она, и за полтора мѣсяца начала собираться.

Адрианъ попросилъ ее не забывать варенья для Владиміра Петровича.

— Гулай, бабушка, а дѣльцо помни!—понутила ей Маша, которая отъ радости скакала какъ бѣшеная.

Адрианъ сказалъ, что въ Москвѣ будетъ посылать ее въ школу.

— Этимъ не испугаешь,—возразила она:—я покуда здѣсь набѣгаюсь.

Она стала еще живѣе, смѣлѣе и прелестнѣе. Разъ десять въ день твердила она Адриану, что въ Москвѣ онъ долженъ учить ее музыкѣ, потому что у нея пальчики тоненькіе, голоса какъ птичій, а уроки тамъ дешевы.

— Это какъ себѣ хочешь!—кричала она.—Я сама на это заработаю; возьму въ магазинахъ фоны запивать въ канвовыхъ подушкахъ. Тамъ кушцы даютъ, я навѣрное знаю.

Письмо Ставрова пришло скоро, но оно было не совсѣмъ похоже на первое. Ставровъ не одобрялъ, что его другъ обязываетъ себя семьей: «Хотя, впрочемъ,—прибавлялъ онъ:—отчасти справедливо, что твой собственный надворъ необходимъ при распущенности, и двойное хозяйство составляетъ расчетъ. По просьбѣ Натальи Николоевны, я согласенъ оставить за вами настоящую вашу квартиру въ моемъ домѣ; можете запереть въ ней и ненужные вамъ пожитки; но прошу тебя все какъ слѣдуетъ поручить по описи управляющему, дабы впоследствии между имъ и матушкой не было пререканій. По множеству дѣлъ я не располагаю быть въ Н., а также и зимою въ Москвѣ, а потому заглазно не могу рѣшить—благоразумно ли ты предпринимаешь; впрочемъ, испытать не препятствую...»

— Ему, стало быть, неудобно....—замѣтила Марья Петровна.

— Я не маленькій ребенокъ,—сказалъ, всплывъ, Адрианъ.— Вамъ — ваша дочь и зять обязаны помогать, а я отъ нихъ не завишу; я имъ, современемъ, до гроша выплачу ихъ пособіе — сочтемся!—слѣдовательно, я могу располагать, какъ хочу, и собой и своимъ добромъ...

Онъ былъ обиженъ. Онъ спрашивалъ подтвержденія Ставрова такъ, по привычкѣ рассказывать ему свои намѣренія, для какого-то порядка, — больше всего, — расчитывая на комплиментъ, что всѣ его рѣшенія благоразумны и прекрасны... И вдругъ, ему только «не препятствовали», позволяли, «не одобряли!» Въ его душѣ что-то повернулось враждебно; разъяснилось чувство, на которое онъ сознательно и ужъ давно не обращалъ вниманія: презрительная злость, или злое презрѣніе къ Ставрову... Мать такъ противно разъ назвала его благодѣтелемъ... Догадливый баринъ: служить, такъ домикъ купилъ въ другой губерніи, —

все-таки лучше, не на носу у непосредственного начальства; но все-таки не на имя супруги, а на свое собственное: предусмотрительность!.. Адриану хотѣлось ругать Ставрова, — жаль, не съ кѣмъ. Онъ хохоталъ, насмѣшничалъ, въ удивленію матери, серьезно настаивая (будто кто-нибудь отваживался съ нимъ спорить), что Ставровъ необразованъ крайне, способенъ только гроши считать, скаречно жаденъ...

— Примѣръ: здѣсь, какъ уѣзжалъ, въ гостинницѣ половой отвернулся, — онъ схватилъ въ карманъ куски сахара, что оставались на столѣ... Онъ бы ихъ въ гробъ съ собой взялъ, на томъ свѣтѣ леденцы сосать...

Маша захохотала.

— Ты глупа! — вскричалъ Адрианъ. — Учись сама, а хотеть не твое дѣло... Видишь, до чего доводитъ необразованность? Почему-жъ я хочу, чтобы ты много знала? Почему я не отдаю тебя въ магазинъ? Чтобы ты не сдѣлалась, вотъ, такимъ животнымъ, и могла себѣ хлѣбъ заработать. Поняла? Неучей на свѣтѣ не надо.

Но несмотря на свою злость и презрѣніе, — можетъ быть, даже именно потому, что слишкомъ рѣзко выразилъ ихъ предъ семьей, рѣшая тутъ же, что семья неразвита и неповятлива, — Адрианъ оглянулся и одумался. Онъ все-таки признавалъ Ставрова образцомъ житейской мудрости, даже и въ тѣхъ мелочахъ домашняго обихода, которыя, подъ злую минуту, называлъ скаречно. Утвердясь окончательно въ мнѣніи, что Ставровъ необразованъ, Адрианъ извинялъ его мелочность, не могъ не одобрить ея выраженія — бережливости, — и не могъ не видѣть ея благотѣльныхъ результатовъ. Адрианъ былъ благодарно памятливъ: Ставровъ выучилъ его жить. Ставровъ умѣлъ пользоваться людьми... Адрианъ, улыбаясь, сказалъ себѣ, что воспользуется тоже — самимъ Ставровымъ. Его житейскія правила превосходны; человѣку, стоящему выше по уму и образованію, остается прилагать эти правила смѣлѣе, шире.... ну, пожалуй, изыщете!..

Они уѣхали въ Москву. Адрианъ умѣлъ найти крошечное, спокойное помѣщеніе; хозяйева охотно приняли студента съ семьей: это удостовѣряло, что студентъ смиренный. Къ нему, не часто, заходили товарищи, такіе же смиренные. Дни шли аккуратно, по часамъ, заняты. Потому, какъ обжились, были и развлеченія, навернулись знакомства...

Должно быть, старая комната сохранила въ себѣ колдовство старыхъ воспоминаній. Верягину снилось его московское студентское житье. Человѣкъ занятой и не нервный, онъ не видалъ ни не помнилъ сновъ, тѣмъ не менѣе, такихъ отчетливыхъ. Изъ какихъ далекихъ угловъ памяти выпрыгнули эти образы?..

— Который часъ?

Онъ пошарилъ на столикѣ спичекъ. Маленькое сизое пламя вспыхнуло; свѣча едва разгоралась. Сны будто еще летали тутъ, въ полутьмѣ, когда постепенно освѣщались старыя полинялыя стѣны, незавѣшенные окна и большіе глаза портрета въ его узенькой рамкѣ.

— Откуда эта Віардо?.. Да! сувениръ старой «барышни»...

Онъ взглянулъ на часы: еще рано. Въ домѣ тихо. Но тутъ слышно только, если собираются рядомъ, въ столовой. А вотъ, новое: дверь въ столовую. Верягинъ не замѣтилъ ее вчера, хотя вошелъ чрезъ нее. *Тогда*, — въ старину, — она была заперта и задвинута пшавомъ, отъ постояльцевъ... Теперь тамъ еще никого нѣтъ; не вставали. Свѣтскіе люди. Развѣ одинъ дѣлецъ, Владиміръ Петровичъ...

А нельзя сказать, чтобы Владиміръ Петровичъ съ истиннымъ веселіемъ принималъ, что родственникъ, вдвое его моложе, перегналъ его по службѣ... Что-жъ дѣлать, почтеннѣйшій, не прогибайтесь!..

Верягинъ засмѣялся, закурилъ и погасилъ свѣчу. Спать онъ больше не хотѣлъ, вставать тоже. Что-то не по-себѣ. Голова тяжела, весь будто изломанъ. Немудрено: почти тысяча верстъ дороги въ двое сутокъ, и такая сквернѣйшая погода. Хорошо, что этими днями, повуда не вступалъ въ должность и нѣтъ своей квартиры, можно никуда не выѣзжать и отдохнуть. Только, каково отдохнется въ этой семейкѣ?..

Отчего это заранѣе кажется, что въ этой семьѣ будетъ скучно? Да и весь-то городишко... Вчера только Верягинъ заснулъ съ мыслью, что здѣсь, наконецъ, поживетъ... Отчего это, кого ни вспомнишь, гдѣ себя ни вспомнишь—со всѣми и вездѣ скучно?.. Отчего всѣмъ скучно?.. Конечно, живемъ не отшельниками; бываютъ и развлечения, и шумно бываетъ, и смѣхъ, и ни нужды, ни заботы, а все—одурь, что-то вялое, такое, что нѣтъ компаніи, изъ которой не хотѣлось бы поскорѣе уйти и залечь спать. Странно, а оно такъ. И давно такъ.

Только года два какихъ-нибудь въ жизни было не такъ. Вотъ, именно, тѣ студентскіе годы, что сейчасъ приснились. Тог-

да, точно, жилось!.. Глупо жилось, безалаберно; второй, третій курсъ...

Верягинъ улыбался. Клубы дыма, на мгновение розовые, полосами тянулись къ окну. Онъ слѣдилъ за ними. Ему вспомнилась бѣлокурая, полненькая дѣвушка съ пышными волосами, которые онъ, на первый разъ, принялъ за шиньонъ и тутъ же, по-студентски, разбранилъ... Вся розовая, свѣжая. Что было хорошаго въ ея лицѣ?.. Она стояла въ глазахъ какъ живая; вѣчное коричневое узкое платье, вѣчно какъ спѣгъ бѣлый воротничокъ, вѣчный кожанный поясъ; насмѣшливая и кроткая улыбка; добрые прищуренные глазки... а какъ смотрѣли подчасъ! Бывало, самъ, невольно, потушишь глаза... И хорошо любила.

Морозная ночь, свольскій тротуаръ... Еще кто-то изъ компаніи растянулся. Возвращались изъ Малаго театра. Впереди мать съ хозяйкой, товарищи, она. Патриархально: никакъ человѣкъ-десять набилось въ ложу на вышкѣ... Ай, что наговорилось глупостей подъ завыванье Самарина!.. И что-жъ — было весело!.. Руки у нея были, точно, очень хороши, замѣчательно. Тепленькія, въ бѣличьей шубкѣ... Толстуха!..

Въ самомъ дѣлѣ, втягивала эта жизнь. Время тратилось страшно. Еще бы годъ въ такихъ условіяхъ—и всему конецъ. И то едва справился. Умень Ставровъ, что все это разрѣшилъ разомъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже при твердой волѣ, случается, бываетъ необходима посторонняя сила, которая бы рѣшительнѣе толкнула человѣка въ ту сторону, куда онъ и самъ клонится, но почему-нибудь не попадаетъ... Совсѣмъ-было распустился; одолѣвали... То было «страшно въ большомъ городѣ», — а то понравилось. Привычливы эти старыя натуры, изъ некрупныхъ; со всѣмъ сживаются. Особенно, если упокоить ихъ, повеселить чѣмъ-нибудь. Вотъ, напримѣръ, театръ, гдѣ отъ роду не бывала...

Онъ разсмѣялся. Ему вспомнилось утро послѣ того спектакля. Марья Петровна, въ кухнѣ, пила кофе съ хозяйкой, и обѣ изъ себя выходили, ругали Ивана Грознаго...

— Тоже—впечатлѣніе!.. И тутъ же профессорша — гладить себѣ воротнички, грызетъ бубликъ и лекцію читаетъ...

Вдругъ передъ нимъ блеснули черныя дѣтскіе глаза; худенькія дѣтскія ручки обхватили шею старшей подруги; прелестное дѣтское личико прижалось къ круглому доброму лицу, которое румянится, сіяетъ, хорошеетъ... Въ тускломъ чаду пролетаетъ какая-то такая секунда радости, чистоты, любви, — чего-то несказаннаго.... чего, точно, не встрѣчалось потомъ нигдѣ — и не встрѣтится.

— У меня, положительно, грудь болит,—сказала себѣ Верягинъ, съ досадою вытягиваясь на постели.—Я простудился.

Въ комнатѣ свѣтлѣло. Верягинъ разглядѣлъ на столикѣ статуэтку, ганцовщицу съ тамбуриномъ,—звонокъ, который видѣлъ накануне за чаемъ, когда сестра звала прислугу.

«Ошибусь сигналомъ, и явится горничная», подумалъ онъ. «Совсѣмъ грандъ-дама моя сестрица. Мужъ сносите: своеобразіе, опредѣленіе; скупъ, интриганъ, не безъ грѣшковъ, но носа не поднимаетъ, а между тѣмъ и себѣ нѣкому не дастъ сѣсть на носъ. Умный человекъ... У него должно быть давно тысячь за сто. Благодарностицу обработалъ, и такъ,—много мѣсилъ казеннаго тѣста, а оно очень въ рукахъ прилипаетъ... Во всякомъ случаѣ, человекъ умный. Спасибо ему на вѣчно, что выручилъ, уму научилъ...»

Именно, вотъ, эта комната располагала все живѣе вспоминать: тутъ дѣло было. Верягинъ тогда только-что перешелъ на третій курсъ, пріѣхалъ на вторую ваканцію. Старый постоалець умеръ. Дочь его, «барышня», еще оставалась въ домѣ до сорокового поминального дня...

Верягину она померещилась въ бѣломъ коленкоровомъ чепцѣ, съ чернымъ бантомъ, какъ она привѣщивала этотъ портретъ; когда съѣзжаютъ съ квартиры, то всегда раздариваютъ кому-нибудь старыя картинки за стеклами. Необыкновенная дружба завелась тогда у «барышни» съ Марьей Петровной. Чиновникъ маленька ничего не оставилъ. Смерть животы окажется. Ставрову написали; онъ приказалъ не искать другихъ наемщиковъ, и въ июль пріѣхалъ самъ со всей семьей... Много было всякихъ драгъ и глупостей.

Вотъ, тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, умный человекъ доказалъ даровитому молодому человеку, что набрать себѣ полонъ домъ бабъ, исполнять ихъ капризы, хлопотать объ ихъ тряпкахъ, безнадежно учить ихъ порядку—трата времени и способностей. Чудное дѣло—писарь, выскочка, невѣжда, былъ краснорѣчивъ, логиченъ неотразимо! Стало быть, понималъ, былъ убѣжденъ, и потому—убѣдилъ. Самая его мелочность, сваредность, и та пригодилась: онъ минута въ минуту рассчитывалъ потерянные часы, будто изъ своего кармана внималъ лишніе расходы. Какъ онъ будто видѣлъ и дѣвицъ этихъ, летящихъ во все концы вселенной на служеніе идеѣ, и растрепанныхъ пріятелей... а они начали ужъ являться и растрепанные, ужъ два раза зачитывались чепухи до пѣтуховъ...

— Съ этимъ народомъ, батюшка,—говорилъ онъ:—въ одну

темную ночь сведуть тебя въ кварталъ, а на утро куда по-дальше. Вотъ тебѣ и карьера. Спроси-ка ту же маменьку: по-желаетъ она этого? Ты для нея же, для ея спокойствія долженъ себя поберечь да толкомъ поучиться. Что за нѣжности—не мо-жетъ съ тобой разстаться! Добро бы оставалась одна, а то—вся семья на лицо; я—тутъ, дочь—тутъ, внучата. Это ужъ вапривъ, не грѣшно сказать, стариковскій. Чего ей еще? Ей даже лучше, покойнѣе въ настоящемъ-то барскомъ домѣ, гдѣ все заведено. Кушай да почивай—только ей и дѣла. Денегъ ей, натурально, я больше выдавать не буду, потому—будетъ жить на всемъ го-товомъ; но вѣдь она имѣетъ свою пенсію, сто рублей. Не шутка-это, братъ; карманные деньги «на булавки»...

Онъ смѣялся.

— А ты, мой любезнѣйшій, компаніи-то разныя брось, да къ кому нужно, къ кому нужно, почаще. Знакомства у меня въ Москвѣ прекрасныя; я тебѣ письма давалъ,—ты такъ ихъ и не соизволилъ представить? То-то. Ну, время еще не ушло; на-чинай хоть теперь, благословясь. Всякимъ пустякамъ конецъ. Двадцать лѣтъ тебѣ, малый ты красивый, ну, языки иностран-ные знаешь; покажи себя, поищи въ людяхъ и поставь себя такъ, чтобы ужъ и теперь въ тебѣ люди нуждались... А ста-рушка съ нами поживетъ.

Она прожила недолго,—годъ съ небольшимъ. Она была мо-ложе Ставрова. Верягинъ больше не видалъ ее, потому что слѣ-дующую вакацію ѣздилъ, въ качествѣ переводчика, съ однимъ знакомымъ Ставрова на воды за-границу. Въ Н. онъ не загля-нулъ совсѣмъ: было некогда. Оказалось очевидно на дѣлѣ, какъ была невыгодна жизнь съ семьей: по милости вотъ этихъ двухъ годовъ, что приснились такіе розовые, пришлось много порабо-тать, чтобъ добиться кандидатства. Онъ съ-разу повернулъ иначе весь свой образъ жизни; началось все другое—знакомства, отно-шенія, развлеченія. Одна только бѣлокурая дѣвушка...

— Пора вставать,—рѣшилъ Верягинъ.

За стѣной, въ столовой, слышалось, осторожно ходили. Ве-рягинъ позвонилъ, лавей явился.

«Скорѣе, чѣмъ духъ на заклинанье...» подумалъ Верягинъ..

Онъ привыкъ къ порядку, къ удобствамъ, даже къ прихо-тамъ, но, въ этомъ домѣ, его все злило. Онъ торопился какъ-можно скорѣе одѣться, чтобъ доказать этимъ высочамъ... Онъ самъ не зналъ что, но предположилъ, что на сестрицѣ, безъ сомнѣнія, очень элегантное неглижѣ. Онъ не ошибся.

Въ столовой, за маленькимъ столикомъ, у затопленнаго камина, Наталья Николаевна пила кофе и просматривала новый номеръ «Русскаго Базара». Дѣвочки встали изъ-за большого стола, гдѣ ихъ угощала гувернантка, и подошли сдѣлать реверансъ дядѣ. Надя исчезла въ крахмаленномъ бѣломъ фартукѣ, съ громаднымъ воротничкомъ. Верягинъ подалъ имъ руки, чтобы разъ навсегда установить церемоніаль пріивѣтствій, но Наталья Николаевна обняла его.

— Отдохнулъ ли ты?—спросила она заботливо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, оглядываясь въ большой комнатѣ, съ обоями подъ дубъ, дубовой мебелью и дубовыми шкапами, гдѣ за стеклами что-то тускло искрилось.

Наталья Николаевна слѣдила за его взглядомъ.

— Какъ темно на дворѣ, пасмурно...—замѣтила она, будто извиняясь, что ея роскошь не выказывается во всемъ блескѣ.

— Да...—отвѣчалъ Верягинъ, разсѣянно кланаясь гувернанткѣ, которая подавала ему стаканъ.

— Мамзель Крейсъ,—представила Наталья Николаевна.—Но, Адрианъ, ты, можетъ быть, пьешь кофе?

— Никогда. Мнѣ съ нимъ надоѣли петербургскія чиновницы.

Ему почему-то хотѣлось уволоть ее. Она поняла и мило засмѣялась.

— Можно подумать, что ты знаешь ихъ домашній бытъ,—замѣтила она.

— Я самъ петербургскій чиновникъ, видалъ и труппы,—возразилъ спокойно Верягинъ.—Игнорировать—смѣшно.

Онъ былъ не въ духѣ,—конечно, отъ дурной погоды и нездоровья. Наталья Николаевна подумала одну минуту, что ей до этого нѣтъ дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, хотя ея братъ теперь и замѣчательное лицо, и высоко поставленъ и... все,—однимъ словомъ! Хотя она твердо помнила его вчерашній разговоръ и мысленно сложила его еще красивѣе для конфиденціального сообщенія постороннимъ, но... слѣдовало бы и ему кое-что припомнить. Кажется, его приняли радушно, пожаловаться онъ не можетъ... Но молчать такъ долго—неловко.

Разговоръ, однако, не клеился, несмотря на старанія Натальи Николаевны. Вообще, бесѣда вдвоемъ, съ кѣмъ бы ни было,—дѣло трудное. Новости несложны, и въ тому же, газетныя—прочтены, а городскія—извѣстны. Своя жизнь—вотъ она на лицо. «Вопросъ» какой-нибудь? Наталья Николаевна всегда затруднялась «вопросами», находя, что это—«мужской разговоръ». Что-нибудь интимное, но что же? Въ такомъ случаѣ,

надо непремѣнно имѣть кого-нибудь, на кого можно было бы жаловаться. У Натальи Николаевны былъ, конечно, ея мужъ, но она еще не рѣшалась съ перваго раза. Ей становилось скучно; она находила, что братъ несносенъ, какъ вообще нынѣшніе молодые люди... пожалуй, еще несноснѣе. Наконецъ, у нея начала смутно бродить мысль, что ей съ братомъ говорить нечего... Она обрадовалась, вдругъ припомнивъ длинную, скандальную «исторію» одной «пресимпатичной» женщины N—скаго общества (которую Адріанъ непремѣнно увидитъ—прехорошенькая!), и принялась разсказывать какъ можно эффектнѣе, игривѣе, рискуя даже на неприличность и не стѣсняясь присутствіемъ Лизы и гувернантки.

Верягинъ слушалъ невозмутимо. Онъ очень опредѣленно зналъ, что ему съ сестрой говорить нечего, и давно рѣшилъ, что, вообще, можно говорить только о дѣлахъ или о совершенномъ вздорѣ. Вздоры сестры были недовольно занимательны—и только. Когда все было кончено, даже повторенія, которыми разсказчица желала обратить его особенное вниманіе на особенныя подробности, Верягинъ не отозвался ни отвѣтомъ, ни словомъ, а спросилъ:

— Гдѣ Владиміръ Петровичъ?

Наталья Николаевна невольно оторопѣла.

— Владиміръ Петровичъ?.. Ахъ, онъ занятъ... очень занятъ. Онъ вызвалъ изъ уѣздовъ своихъ чиновниковъ... Повѣрка; родъ ревизіи и вмѣстѣ—экзаменъ. Это очень сложно, питейный уставъ. Такъ мало людей, кому бы Владиміръ Петровичъ могъ довѣриться; тутъ надо понять самый принципъ... Теперь они отправилсь осматривать склады...

— Погодка!—замѣтилъ Верягинъ, между тѣмъ какъ ливень звонко обдалъ стекла.

— О, Владиміръ Петровичъ въ каретѣ. Какъ ты устроишься съ экипажемъ, Адріанъ?

— Мою карету вышлютъ на-дняхъ.

Наталью Николаевну что-то обезпекло.

— Давно у тебя карета?—спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Да, давно.

— Содержаніе экипажа дорого въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, не особенно.

Онъ грѣлъ руки и смотрѣлъ на огонь. Имъ было рѣшительно нечего сказать другъ другу.

— Когда же вы начнете классъ?—обратилась Наталья Ни-

колаевна къ гувернантѣ.—Я тысячи разъ твержу, что не могу видѣть, когда у Нади распущены волосы. Почему она незавита?

— Вчера...—начала сконфуженная гувернантка.

— Я знаю, что вы вчера Богъ знаетъ откуда воротились за полночь. Но сегодня,—развѣ нѣтъ въ домѣ щипцовъ?

— Я говорила Марьѣ...

— И Марьѣ вѣчно некогда? Нада должна быть завита. Подите. Пришлите мнѣ Марью.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе, будто въ ожиданіи, что появленіе новаго лица перемѣнитъ расположеніе духа и самыя обстоятельства присутствующихъ. Дѣвушка вошла.

— Нашли?—вопросительно обратилась къ ней Наталья Николаевна.

Малыя молча подала ей маленькую спичечницу.

— Гдѣ?

— Въ буфетѣ.

— Любопытно, какъ могла попасть въ буфетъ вещь, которая не выходитъ изъ моего кармана,—саркастически замѣтила Наталья Николаевна.—Я ненавижу ложь!

— Вы вчера тамъ заправляли большую лампу.

— Ну? Еще?..—произнесла Наталья Николаевна, заставляя ее умолять своимъ выразительнымъ взглядомъ.—Адріанъ, посмотри, какая прелесть. Изъ дерева,—Интерлазень. Подарокъ моего друга, Нанни. Я не расстаюсь никогда. Сегодня,—проспалась, ея нѣтъ передо мной на столѣ, а я сама положила съ вечера. И вдругъ—въ буфетѣ! Конечно, спичечница очень нравится Степану, который, въ свою очередь, очень нравится...

Свѣтская дама спохватилась, что нѣсколько увлеклась.

— А знаешь ли, Адріанъ, мы сегодня не весь день проводимъ вмѣстѣ. И какъ нарочно—первый день!

— Тебѣ надо выѣхать, сказалъ равнодушно Верягинъ.

— Да. Именинный обѣдъ. Что-жъ дѣлать—повинность! А вечеръ... еслибъ я могла, я не дала бы слова! Семейный вечеръ въ клубѣ.

— Ты танцуешь?

— Очень рѣдко, отвѣчала она, краснѣя.

— Картежничаетъ?—спросилъ Верягинъ по прежнему равнодушно.

— Да, немножко,—отвѣчала Наталья Николаевна, смѣясь въ смущеніи.—А ты?

— Нѣтъ.

— Мужъ играетъ тоже очень рѣдко,—продолжала она, будто

извиняясь.—Но здѣсь повѣтріе картъ, поневолѣ. Но, знаешь ли, самыя карты, когда мы собираемся нашимъ кружкомъ... У насъ пріятный, нашъ, высшій кружокъ, Адріанъ. Ахъ, но пойдѣмъ въ мою маленькую гостиную; я поважу тебѣ карточка, познакомлю тебя заранѣе... — Чѣго-жъ ты ждешь?—обратилась она къ Машѣ.

— Вы привазили перешить оборки.

— Ну?

— Я сдѣлала. Потрудитесь взглянуть.

— Ты видишь, мнѣ некогда. Если не такъ, успѣешь и перездѣлать. Мнѣ некогда.

Наталья Николаевна уходила въ гостиную въ сопровожденіи брата.

— Здѣсь—уютнѣе, сказала она, усаживаясь.—Можешь курить, Адріанъ.

— Благодарю. Не хочу.

— Поневолѣ вспыхнешь иногда,—заговорила она послѣ минуты молчанія.—Ужасно нынче поргится прислуга... Ты помнишь эту дѣвочку, Адріанъ?

— Помню.

— Ну, маменька ли ее не баловала! Можно бы надѣяться, что она, хоть въ память маменьки, будетъ служить какъ должно мнѣ, дѣтямъ. Нѣтъ! это такая неблагодарность, такая черствость, лѣнь... и самолюбіе! Она все молчитъ,—изъ самолюбія! Спроси дѣтей: постарается ли она чѣмъ-нибудь имъ угодить? Не догадается прибрать игрушки Нади, покуда ее не призовутъ и не уважатъ!.. Ахъ, маменька! грѣхъ, какъ она ее избаловала! и за это—никакой привязанности. Хоть бы когда-нибудь, словомъ... чѣмъ-нибудь, ну, молодое существо, ее вспомнила! Отвратительный характеръ: скрытна, горда, дурна. Съ прислугой... И чѣмъ она себя воображаетъ?.. Послѣ вончины маменьки, я сочла обязанностью... что же? маменька такъ ее любила. Я бралась за нее—и отступилась. Подвигъ выше силъ! Она портила моихъ дѣтей. Надо было подумать серьезно. Согласись: дѣвочка безъ положенія, безъ имени. Не правда ли, надо было остановиться на чемъ-нибудь?

— Ну, да,—сказалъ задумавшійся Верягинъ.

— Для ея собственнаго блага! Маменька ее поставила такъ... я не хотѣла спорить. Къ счастью, это недолго продолжалось. Но осталась она на моихъ рукахъ. Не могла же я посадить ее наравнѣ съ моими дѣтьми. Какъ я заставлю гувернантку, благородную дѣвушку, заниматься—Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ улицы!

И что же, если въ одинъ классъ, стало быть и въ одно общество съ моими дѣтьми? Ради Бога, какъ же я осмѣлюсь навязать этукую подругамъ моихъ дѣтей?.. Но, положимъ, приличія въ сторону; дальше что? Выростетъ барышня; какъ я должна содержать ее? Какъ дочь?.. Боже, чувство матери!.. Но хотя бы я и сдѣлала надъ собою это страшное усиліе,—Адрианъ, надо помнить: я всѣмъ обязана мужу. Мы всѣ всѣмъ ему обязаны. У меня своего гроша нѣтъ; мнѣ отецъ и мать ничего не оставили. У насъ трое дѣтей; мы едва имѣемъ возможность содержать ихъ прилично. Такъ я должна навязать моему мужу еще эту дочку? Осмѣлюсь ли я, для уличнаго ребенка...

— Я не спорю,—прервалъ Верягинъ.

— Ахъ, Адрианъ, ты благороденъ, ты понимаешь, что мы не миллионеры! Ты уплатилъ же Владиміру Петровичу то, что онъ давалъ тебѣ въ университетѣ; какъ же я-то...

— Я не спорю, повторилъ Верягинъ.

— Но самое главное—къ чему это? Какое благо въ образованіи? И потомъ... Нѣтъ, дальше, дальше: что-жъ, искать ей мужа,—вотъ, она выросла! Боже, выводить въ свѣтъ эту Марью... какъ ее? Ивановну, Демьяновну...

— Алексѣевну, подсказалъ сквозь зубы Верягинъ.

— Ты такъ добръ, что помнишь! Свѣтъ не такъ равнодушно на это смотритъ; свѣту нужно имя. Маменька распорядилась взять ее какъ-разъ передъ моимъ замужествомъ, какъ разъ въ то время, когда Владиміръ Петровичъ принялъ въ насъ такое горячее участіе. Лелѣла, нянчилась... Если бы и послѣ маменьки это продолжалось, тотчасъ сплетни, догадки. Мужу или мнѣ принять на себя это прозвѣденіе? Ты—слишкомъ молодъ!

Верягинъ сдѣлалъ движеніе.

— Ну, да, да,—съ жаромъ подтвердила Наталья Ниволевна.— Потому я и рѣшилась по смерти маменьки сразу поставить все въ настоящее положеніе. Дочь работницы — по всѣмъ правамъ, горничная. Увѣряю тебя, ей недурно. Можешь убѣдиться самъ, какъ у меня содержатся люди. Конечно, не десятковъ прислуги, не особенныя комнаты, а на это не имѣю средствъ,—но постели, мясо всякій день. Если не вѣришь, посмотри самъ...

— Полно, сдѣлай милость!

— Но самое главное, повторяю—она въ своей колесѣ и сама за себя отвѣчаетъ: какъ знаетъ! какъ ей угодно! Но если бы мы оторвали ее отъ ея среды... Адрианъ, ты молодъ, ты мужчина, ты забываешь, какова нравственная отвѣтственность...

Верягинъ усмѣхнулся.

— Я, кажется, говорю дѣло?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ онъ.

— Брать на себя эту обязанность — у меня и своихъ много, Адрианъ! А если бы взялъ ее ты...

— Я-то? — вскричалъ онъ.

— Ну, да, если бы ты захотѣлъ продолжать свое благодѣяніе, взять ее къ себѣ. По моему мнѣнію, это ни къ чему, но если бы ты рѣшился... Ты — сегодня здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. За дѣвушкой нуженъ женскій надзоръ...

— Совершенно вѣрно, — повторилъ Верягинъ.

— И надзоръ очень внимательный, — продолжала Наталья Николаевна: — о, безъ сомнѣнія внимательнѣе, нежели за дѣтми нашего круга! Знаешь ли... Но ты не смѣйся!.. Это естественный подборъ. Дѣти такихъ женщинъ такъ легко сбѣгутъ по одной дорожкѣ за своими маменьками...

— Она очень хорошенькая, — замѣтилъ Верягинъ.

Наталья Николаевна презрительно усмѣхнулась.

— Я рада, — заговорила она послѣ минуты молчанія: — что у насъ случайно зашла объ этомъ рѣчь. Признаюсь, меня беспокоило, какъ ты это примешь.

— Что?

— Вотъ, положеніе Марьи. У васъ съ маменькой могли быть какіе-нибудь планы... мнѣ вѣдь не сообщали ихъ! прибавила она съ грустно-объезженной усмѣшкой. — Ты могъ быть недоволенъ, подумать, что я не хотѣла...

— Чего не хотѣла?

— Принять въ ней участіе... Увѣряю тебя, я дѣлала что могла; я, какъ ты, могу не упрекать себя ни въ чемъ. Я убѣждена, что такъ лучше; не знаю, убѣжденъ ли ты...

— Конечно, такъ лучше.

— Это вышла бы ни барышня, ни то, ни сѣ...

— Понимаю.

— Маменька этого не могла понять. Маменька воображала, что цѣлый свѣтъ можетъ жить такъ, — спать на одной постелѣ, ѣсть съ одной тарелки. Такъ, равенство какое-то. Ты, я думаю, помнишь?

— Да, — сказалъ Верягинъ, тряхнувъ головой.

— Бѣдный Адрианъ, какъ тебѣ бывало тяжело!.. Выскажемъ другъ другу ужъ и это. Мы жили разное, но мы способны понять другъ друга... Эти миллионы маленькихъ обстоятельствъ — ахъ, имъ названія не найдешь на образованномъ языкѣ! Эти вещи,

второя всякій день... Для нихъ нужно мужество. Ты выносишь ихъ въ лучшую пору жизни. Вотъ ужъ вполне—можно сказать—поступалъ безукоризненно! Вотъ еще твой подвигъ, котораго никто не знаетъ и не сдумѣлъ бы оцѣнить. Я его понимаю, потому что выносила тоже, хотя и не долго... однако, все-таки, цѣлый годъ!.. Да, памятный годъ! Понимаю тебя, Адрианъ!

Она пожала его руку.

— Послушай, будь откровененъ: ты, можетъ быть, тревожишься, что огорчилъ ее, когда разстался съ нею?

— Ну, да,—сказалъ онъ тихо.

— Успокойся. Это говорю тебѣ я, сестра. Ты былъ въ правѣ, ты долженъ былъ сберечь себя, какъ чловѣка. И,—бѣдный Адрианъ, бѣдный идеалистъ,—успокойся совсѣмъ: ты даже не огорчилъ!

Она грустно усмѣхалась.

— Не огорчилъ?—повторилъ Верягинъ.

— О, нѣтъ. Это принялось очень апатично... даже совершенно равнодушно. Тутъ ли ты, или нѣтъ, матери право было все равно. Ей и до насъ, до тѣхъ, кто былъ передъ глазами, было все равно; она прямо это выказывала: не выходила къ намъ. Цѣлый день сидѣла, вотъ, въ той, маленькой комнатѣ. Большая ей одной была, конечно, не нужна; потому Владиміръ Петровичъ и просилъ ее, чтобъ она ужъ забрала оттуда все свое... знаешь, мелочи, ящички разные, цѣвты... что-жъ портить подовонники?... соръ всякій. И цѣлый день тамъ. Я завела порядокъ: всякое утро дѣти приходили здороваться съ нею, я тоже. Нѣтъ же возможности оставаться тамъ, занимать ее, особенно когда чловѣкъ самъ, видимо, этого не хочетъ! Марья при ней, конечно. Маменька шила, вязала. Я потребовала, чтобъ и дѣвочка эта завела пальцы: надо же ей умѣть что-нибудь работать. Вдвоемъ онѣ тамъ распоряжались, какъ хотѣли... О, другъ мой, это... это!!... Ну, вотъ, напримѣръ. Съ самаго начала: мы прѣхали; я еще не осмотрѣлась, мнѣ все было незнакомо, — я просила маменьку приглядѣть за хозяйствомъ. Нужно было всѣмъ заводиться... Ну, вы, мужчины, этого не понимаете! Конечно, не то, что на виду, не обстановка дома, не сервировка... ужъ въ этомъ маменька была совершенный профанъ!

Наталя Николаевна засмѣялась.

— Гдѣ же ей! я бы не рискнула ей поручать!... Но собственно—*хозяйство*,—договорила она внушительно и опять мило засмѣялась:—что нужно для людей, припасы, кочерги, ухваты... C'est du grec pour vous, Adrien... Ah, mais tu le sais donc, le

грес, ты все знаешь!... Но она... женщина, которая на этомъ выросла и состарѣлась, — кажется, незатруднительная обязанность! И все-таки — какое-нибудь занятіе: вѣдь отъ праздности... И притомъ, живя въ домѣ, всякій, я полагаю, долженъ подумать, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ. Ей выдавались деньги. Тутъ началась такая путаница, трата, неприятности съ прислугой, потомъ изъ-за этой дѣвчонки... У прислуги, Адрианъ, очень развито чувство... знаешь, вопросъ чести!

Наталья Николаевна отважилась даже на «вопросъ».

— Мнѣ было невозможно не вступить. Владиміръ Петровичъ, — ты знаешь его правила, — требовалъ отчета. И совершенно справедливо, но я-то — между двухъ огней! Наконецъ, къ счастью, она какъ-то занемогла; я воспользовалась этимъ временемъ, мнѣ отрекомендовали отличную экономку... Ты замѣтилъ вчера, Адрианъ, — мнѣ показалось, тебѣ понравилось? Бришь, — это ея печенье; она училась у кондитера. Я немножко избалована съ дѣтства, немножко *gourmande*; нельзя часто позволять себѣ...

Спохватившись, она поспѣшила воротиться къ предмету разговора, въ ея голосѣ слышалось еще больше грусти и нѣжности, она осторожно утѣшала страдальца.

— Нѣтъ, не тревожь себя напрасно, Адрианъ, не упрекай себя, ты во всемъ правъ. Она жила у дочери, она пользовалась всѣмъ и... ей было этого довольно. О тебѣ она даже не вспоминала. По крайней мѣрѣ, я положительно могу сказать, что слыхала отъ нея твое имя только тогда, когда, бывало, получу твое письмо и приду передать твой поклонъ. Разъ только... да! она пожаловалась, что ты ей не отвѣчаешь. Развѣ она тебѣ писала?

— Мнѣ?... Да, писала.

— И часто?

— Раза два, три... кажется.

— Особенно? не въ моемъ письмѣ? Я всегда спрашивала, не угодно ли ей приписать...

— Нѣтъ, особенно.

— Извини... Могу я спросить, Адрианъ, что было въ этихъ письмахъ? Ты понимаешь: то, что дѣлалось, какъ видно, тайномъ....

— Да ничего не было, — отвѣчалъ Верягинъ... — Право, не припомню. Повлоны, разные желанія... Не припомню.

— Должно быть, занимательно, если не можешь припомнить! — сказала Наталья Николаевна грустно и насмѣшливо. Но тамъ могло быть и не знаю что. Если люди пишутъ тайномъ...

Что за характеръ! кто мѣшалъ ей писать сколько угодно? Или, если хотѣла, вымолвила бы какъ-нибудь, что хочеть тебя видѣть. Вѣдь ты бы пріѣхалъ? Положимъ, лѣтнюю вакацію ты былъ за границей,—изъ ея каприза не лишать же себя случая видѣть Европу,—но святки? или два праздника сряду, когда не бывало лекцій? Вѣдь ты бы пріѣхалъ?

— Конечно. И среди лекцій бы пріѣхалъ, еслибъ она этого захотѣла.

— Видишь ли! Другъ мой, ты былъ готовъ на все, ты ей жертвовалъ всѣмъ! Она не умѣла пѣнить тебя! Ей было не нужно твое общество... Но, что же? Вѣдь у насъ бываетъ общество; ея воля,—если она скучала одна,—видти изъ своей комнаты, познакомиться. Нѣтъ, ей и этого было не нужно! Шатались къ ней сначала ея кумушки... Вѣдь безъ воспитанія!! Ужасно, Адрианъ, неправда ли, ужасно?

— Правда,—подтвердилъ онъ.

— Такъ неужели ты былъ обязанъ для старухи, которая едва писать умѣла... для доброй старушки...

Наталья Николаевна, вдругъ, всхлипывая, закрылась платкомъ. На углу платка былъ разноцвѣтный вышитый гербъ.

— On dirait que je n'ai pas aimé ma mère... — выговорила она.—Allons, c'est fini!... Адрианъ, надо высказывать все: мы—другое поколѣніе, у насъ другая дорога. Я не скажу этого при Владимірѣ Петровичѣ, но—что такое былъ нашъ отецъ? Онъ—и ты! Моя мать—и я! Ужасно, ужасно! Неужели въ память родителей вѣчно оставаться тѣмъ же, что они? Но вѣдь это то же, что животныя... Ахъ, Адрианъ, другъ мой, успокой меня, скажи что я права!

— Конечно, права,—подтвердилъ онъ.

— Дорогой мой! — вскричала она, схватывая его руку: — самоотверженный, безкорыстный.... безукоризненный! О, у меня точно камень свалился съ сердца!.. Государственные люди, и тѣ отдають тебѣ справедливость! Неужели ты думаешь, твой вчерашній рассказъ... Онъ тутъ, глубоко въ моемъ сердцѣ. Гордись—все, что зависѣло отъ тебя—всѣ счастливы! Прозрачная, кристальная совѣсть...

Наталья Николаевна указала на окно, но филейныя занавѣски были спущены.

— Когда-бъ ты зналъ...

Раздался звонокъ.

— Ты принимаешь?—прервалъ Верягинъ.

— Еще рано... Нѣтъ, я не одѣта... Кто это можетъ быть?

Вошедшій лакей подалъ двѣ карточки.

— Спрашиваютъ Адриана Николаевича.

— Понятія не имѣю, кто это, — сказалъ Верягинъ.

Наталья Николаевна схватила карточки.

— Вотъ этотъ, — торопливо заговорила она шопотомъ: — здѣшній первый присяжный повѣренный... Говорятъ, съ талантомъ. Гордецъ — какого другого нѣтъ!.. А этотъ — совѣтникъ... Тутъ такія интриги... Зачѣмъ они?.. У насъ оба незнакомы...

— Однако, неловко заставлять ихъ ждать. Ты позволишь принять въ твоей гостиной?

— Ахъ, пожалуйста, иди. Спусти портьеру.

— Просите, — сказалъ Верягинъ, выходя.

Наталья Николаевна припала къ портьерѣ. Какъ ни сильно было ея волненіе, но она тотчасъ сообразила, что теань, хотя достаточно роскошно тяжелая, можетъ заволыкаться и открыть присутствіе хозяйки. Замочныя скважины въ этихъ случаяхъ гораздо удобнѣе. Наталья Николаевна захватила горсть бахромы и держала ее какъ могла крѣпче.

Гости вошли и здоровались.

«Вотъ какіе они, петербургскіе! Какъ гордь, какъ холодежь! Недурно... прекрасно! — Совѣтникъ встрѣчалъ ея въ Петербургѣ. Слышалъ о немъ много, — да, я думаю! — отъ своего брата, тотъ служилъ вмѣстѣ съ Адрианомъ. Узналъ, что Адрианъ пріѣхалъ, такъ поспѣшилъ справиться о братѣ: братъ боленъ и на три телеграммы не отвѣчаетъ... О, вздоръ! Адрианъ... какъ милъ: — «третьяго дня вашъ братъ провожалъ меня въ вокзалъ, а каково его здоровье послѣ нашего прощальнаго обѣда»... И хохочетъ. Но мило, привѣтливо. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, отталкивать людей, когда они ищутъ знакомства; еще понадобится; самъ только начинается. Вовечно, прямо изъ университета получилъ мѣсто въ двѣ тысячи рублей... очень это недурно!.. Но кто постарался?.. Владиміръ Петровичъ... Этому, вотъ, пріѣзжаютъ кланяться, а тотъ, старикъ, по складамъ, по грязи... Теперь и не двѣ тысячи, а побольше. Мебель, карета... А глупо сдѣлала, что тогда промолчала: надо было уличить его. Невозможно, чтобъ карета была давно: похвастался; онъ купилъ ее, какъ его сюда назначили... Какъ великолѣпно: сановникъ, собственная карета! Господи Боже мой! Родятся же счастливые, и люди имъ кланяются, забѣгаютъ, съ дороги ловятъ, чуть не съ постели... Люди, человѣки! живешь, живешь»...

Наталья Николаевна подслушивала и горько философствовала. Впрочемъ, философія такого рода не была для нея совершенной

новостык. Ужъ давно богатство не мирило ее съ тѣмъ, что она называла своимъ «мизернымъ положеніемъ». Что такое, въ самомъ дѣлѣ, — ни власти, ни вліянія, ни почестей! Скучный мужъ, скука въ домѣ... Ну, роскошно, нарядно, но нѣтъ этого шика... И общество бываетъ, все высокопоставленное общество: предсѣдатель управы, предсѣдатель суда, всѣ дамы, молодежь, и все-таки, все не то! Прислушаться, присмотрѣться — нескрываема насмѣшка, почти явное презрѣніе къ этому... Боже милосердый! — къ этому «кабацкому величію»! Конечно, не зависть то горькое чувство, которое душитъ теперь...

Наталя Николаевна поняла вчерашнее расположеніе духа своего мужа.

— «Но, Владиміръ Петровичъ—Богъ съ нимъ, онъ къ этому привыкъ; его воспитаніе... Богъ съ нимъ! Но для меня, для сестры, Адрианъ долженъ это сдѣлать: чтобы всѣ были здѣсь, у меня, чтобы моя гостиная... Адрианъ — важное лицо и молодежь; онъ долженъ... Прощаются...»

— Эти банты приважете приколоть?—спросила Маша, входя съ лентами въ рукахъ изъ другой комнаты.

Наталя Николаевна отскочила.

— Оставишь ли ты меня въ покоѣ?—вскричала она.—Любишь заглядывать, гдѣ тебя не спрашиваютъ! Ступай вонъ и не показывайся!

Она еще говорила, когда изъ гостиной вошелъ Верягинъ.

— Дивовиный народъ у васъ, — сказалъ онъ, садясь на мѣсто, которое занималъ прежде и закуривая. — *Madame, j'ai votre permission.*

Онъ принужденно хмурился, но былъ замѣтно доволенъ; въ его движеніяхъ была какая-то небрежность, увѣренность почти презрительная. Онъ будто подшучивалъ надъ самимъ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ ублажалъ себя.

— Прелюбезные люди, — прибавилъ онъ.

— А что?—спросила Наталя Николаевна, еще сконфуженная и желая убѣдиться, не примѣтилъ ли онъ ея наблюдений у портьеры.

— Ничего. Мастера развѣдывать только. Ужъ все извѣстно: и какъ меня назначили, и какъ отпускали. Вотъ не знаютъ только, что мнѣ внушали. Загадочка!

— Такъ что же?

— Ничего! — повторилъ онъ, пожимая плечами и красиво улыбаясь. — Очень понятное любопытство, къ сожалѣнію, напрасное. Меня поклонами не поймаютъ.

— О, Адрианъ, это только доказательство уваженія...

— Несомнѣнно!.. У этого оратора дѣло на рукахъ; онъ не подозрѣваетъ, что я тоже кое-что знаю. Кушъ въ пять тысячъ — не шутка; я могу сдѣлать, чтобъ ему «по усамъ текло, а въ ротъ не попало». Какъ же не оказать уваженія... А съ тѣмъ, — съ другимъ, — мы на прощаньи родней сочлись.

— Какъ, родней? — вскричала въ ужасъ Наталья Николаевна. — Родней? По вомъ?

— Успокойся: только по сочувствію. Прошлой зимой рядомъ сидѣли, Патти вызывали.

— Адрианъ, ты очарователенъ!

Онъ хохоталъ.

— Ты очарователенъ! — повторила съ силой Наталья Николаевна. — Ты остроуменъ... Нѣтъ, я привела бы сюда молодую женщину...

— Зачѣмъ?

— Она бы лучше выразила... Но нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ другое, тутъ что-то высшее. Ты слишкомъ скромнень, ты готовъ шутить надъ собой... Вотъ, ты смѣешься, а я оскорбляюсь за тебя! Вѣдь ты — моя гордость!

— Полно, сдѣлай милость — прервалъ онъ, смѣясь.

— Да, да! Этотъ визитъ, — ты не хочешь обратить вниманія, что это честь мнѣ, моему дому, доказательство, что всѣ признаютъ твое высокое значеніе! Когда человекъ цѣлой головой возвышается надъ общимъ уровнемъ...

— Матушка, успокойся — вѣдь не Бисмаркъ!

— Ахъ, Адрианъ... Но — избранный! Васъ нѣтъ и ста человекъ на милліоны!

— Статистически справедливо, — замѣтилъ онъ, продолжая смѣяться.

— Излишняя скромность, — возразила она, наконецъ, уколтая: — ты не хочешь понять, что одно твое присутствіе въ гостиной твоей сестры, при постороннихъ...

— А! постороннимъ нѣтъ никакой надобности знать ни наше положеніе, ни какъ мы принимаемъ наше положеніе, — прервалъ Верягинъ нетерпѣливо.

— Ты скрытенъ, — сказала Наталья Николаевна.

Онъ, не отвѣчая, пожалъ плечами.

— Это называется — осторожность? — продолжала она, волнуясь и стараясь какъ можно достойнѣе скрыть свое волненіе.

— Нѣтъ, это кое-что похитрѣе: это — искреннее равнодушіе.

— Ты равнодушенъ? Ты?.. Извини, Адрианъ, — ты не обидишься?

— Чѣмъ?

— Это совершенный тонъ и манера Владимира Петровича.

— Онъ очень уменъ, — отвѣчалъ хладнокровно Верягинъ, вставъ и прохаживаясь: — а нахвастать и остаться въ дуракахъ — самая обыкновенная исторія.

— Которая не можетъ съ тобой случиться.

— Всѣ подь Богомъ ходимъ, — возразилъ онъ, усмѣхнувшись лукаво и увѣренно, и остановился. — Вотъ, что, моя милая. Ты сейчасъ сказала о моемъ присутствіи въ твоей гостиной...

— Да...

— Я сочту за честь и удовольствіе тамъ присутствовать, если будетъ время, но я тебѣ посовѣтую... Ты не обидишься?

— О, Адрианъ! — вскричала она, просіаявъ.

— Ты здѣсь, въ обществѣ, все-таки что-нибудь значишь; не дай же замѣтить, что тебѣ въ дивовинку братецъ прокуроръ.

Наталья Николаевна вспыхнула, закусивъ губы.

— Ну, и оставимъ все это, пожалуйста, — договорилъ онъ: — надобно. Расскажи, куда ты сегодня ѣдешь и что у васъ здѣсь за люди.

Наталья Николаевна сообразила въ секунду, что если они останутся въ холодности, то, пожалуй, это зайдетъ далеко и нехорошо будетъ.

— Рассказывай, — повторилъ Верягинъ, рассказывая.

— Милый Адрианъ! — вскричала она, смѣясь и умиляясь, поймала его за полу, привлекла въ объятія и расцѣловала. — Ты не повѣришь... Не могу же я... Ахъ, право, не могу не гордиться тобою! Твое общество... Ты познакомишь со мной своихъ знакомыхъ? *Судейскіе*... это здѣсь замѣнутый вѣружокъ. Но съ ними можетъ быть пріятно. Знаешь, новая струя въ обществѣ...

— Хорошо, хорошо. Приведу къ тебѣ всѣхъ. Я еще самъ нѣмого не знаю.

— О, для тебя это будетъ такъ легко...

Вошли дѣвочки, кончивъ классъ и переодѣтыя. Лиза, маленькая, затянута, закинувъ голову и не поднимая рѣсницъ, вѣбрежно подала матери классный журналъ. У Нади на плечѣ была приколата искусственная роза.

— А, отличилась, — сказала Наталья Николаевна, бросивъ на нее взглядъ.

— Превосходно знала урокъ,—подтвердила гувернантка.

— Какой?

— Французскіе стихи.

— Значить, мы можемъ ихъ послушать,—продолжала Наталья Николаевна.—Ну, mademoiselle Nadine, говорите. Дядя увидитъ ваши познанія... Адрианъ, обрати вниманіе на ея выговоръ; замѣть.

Замѣтить и, вообще, понять что нибудь было трудно. Пищалось что-то жалкое о *jeune pâtre* и *jeune mouton*, звонко, безъ запятыхъ и точекъ, и заключилось замирающимъ скрипомъ, какъ шарманка, когда пѣсню прервутъ, а ручка еще сама собой перевернется.

— Отлично,—одобрила Наталья Николаевна.—За это, дядя подаритъ бонбоньерку. Мы давно желаемъ!—таинственно прибавила она Верягину.—Вотъ, старшую ты не удовлетворишь конфетами или булкой; ей—перчатки, запонки, что-нибудь въ этомъ родѣ.

Верягинъ былъ слегка озадаченъ.

— А замѣчательно,—продолжала Наталья Николаевна:—мы такъ близко отъ столицъ, но здѣсь въ магазинахъ все найдется, даже роскошныя вещи, и цѣны на самый ничтожный процентъ выше столичныхъ. Мы всё,—нашъ кружокъ,—одѣваемся здѣсь. Разумѣется, только въ лучшихъ магазинахъ. Есть лавки, гдѣ и дешевое, но ужъ туда никто и не заглядываетъ.

— Маман, а madame Бажаткова?—замѣтила скромно Лиза.

— Ахъ!—вскричала Наталья Николаевна и засмѣялась.— Ты плутовка, Лиза!.. Madame Бажаткова изъ *теоихъ*. Адрианъ,—изъ *судейскихъ*. Тебя туда будутъ звать, заманивать, потому что туда, говорятъ, даже и *судейскіе* не очень-то охотно... Тамъ изящныя искусства, литература...

Верягинъ соображалъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока придутъ вещи и отопится квартира, онъ дня четыре-пять проживетъ у этихъ хозяевъ, «на всемъ готовомъ», слѣдовательно... Молодецъ Ставровъ! Воспиталъ супругу по своему образу и подобию. А можетъ быть, она и всегда была такая; сошлись характерами... Но мило это, такъ себѣ, по-просту, безъ церемоній. Впрочемъ, что же? Это въ порядкѣ вещей. Это даже лучше опредѣляетъ отношенія: меня обязали, я рассветился...

Ставровъ возвратился. Приѣздъ хозяина всегда производитъ впечатлѣніе въ домѣ. Тутъ въ обыкновенному шуму прибавилось особенное обстоятельство. Петя, возвращаясь изъ гимназіи подъ проливнымъ дождемъ, осмѣлился взять извожница; извожницъ

былъ недоволенъ расплатою, не уѣзжалъ, бранился, и эту сцену засталъ въ подъѣздѣ родитель.

— Въ горницу!—закричалъ онъ, вталкивая сына.

Петя былъ-бы очень радъ скрыться куда подальше, но этикетъ требовалъ идти въ гостиную. Отецъ настигъ его тамъ.

— Двойка?—спросилъ онъ грозно.

— Съ плюсомъ, — отвѣчалъ Петя. — Въ слѣдующій урокъ общали переправить.

Ставровъ оглянулся на Верягина и удержался, хотя тотъ смотрѣлъ прилично-сумрачно, сочувствуя огорченію родителей.

— Ты, вотъ, спроси дядю, — заговорилъ Ставровъ:—зналъ-ли онъ въ твои годы какъ пишется двойка? Да! Спроси, бралъ онъ извощика, не сторговавшись? Да лучше спроси — бралъ-ли онъ когда-нибудь извощика?

— Ну, положите гнѣвъ на милость, — прервалъ Верягинъ, подавая руку мальчику. —Здравствуйте.

— Здравствуй, братецъ... Да баловать ихъ нечего. Отецъ за нихъ убивайся...

— Гдѣ вы путешествовали?

— Въ десяти мѣстахъ... Обѣдать пора, Наталья Николаевна... Въ десяти мѣстахъ... Умаялся.

— Да, вы раненько выѣхали. Я было-приготовилъ отдать вамъ письма...

— Очень помню, да съ возней этой все забудешь. Достается-таки, а еще говорятъ о насъ... Вступай, братъ, скорѣе въ должность; у меня въ тебѣ будетъ дѣло.

— Ужъ и дѣло!

— Боже, но дай ему отдохнуть!—вскричала Наталья Николаевна: — дай ему осмотрѣться, познакомиться съ обществомъ. Къ нему ужъ прѣзжали...

— Знаю-съ! и кто прѣзжалъ, и зачѣмъ прѣзжали... Штуки по этому самому дѣлу; спѣшать въ глаза залѣзть...

— Я тебѣ говорила, Адрианъ, ты — сила!

— Мѣшать тебѣ нечего, — продолжалъ Ставровъ. — Я заѣзжалъ въ судъ, — необходимо мнѣ было, — предсѣдатель о тебѣ спрашивалъ. «Пора ему, говоритъ, не дождемся».

— Адрианъ, ты видишь — ты необходимъ!

— Разумѣется, матушка, если по штату положенъ чиновникъ, такъ стало-быть необходимымъ, — возразилъ Ставровъ. — Пора обѣдать.

— Вотъ идутъ доложить, — отвѣчала Наталья Николаевна.

— Пойдемъ-ка, братъ. По-вашему, петербургскому, пожа-

луй, рано, а я люблю, рабочій человекъ, отдѣлаться, поѣсть да вздремнуть... А вы, Наталья Николаевна?.. Да вы сегодня на парадномъ торжествѣ.

— И потому все утро отдыхала и дѣвиглась, — отвѣчала Наталья Николаевна, поднимаясь съ кушетки. — Но я пойду угощать тебя, Адрианъ.

— А Надя нынче съ розаномъ... — шепнула Лиза Петъ, подвертываясь къ нему, когда шли въ столовую.

— Ну... — выговорилъ онъ, оттолкнувъ ее, и притихъ: на нихъ оглянулась мать.

Лиза потупила глазки, огорченная, обиженная, постаралась покраснѣть, съумѣла-бы и заплакать, но Наталья Николаевна не пожелала сцены.

— Лиза, ты куда одѣнься, — сказала она.

— Зачѣмъ? — спросилъ отецъ.

— Я беру ее съ собою.

— Помилуй, матушка, — парадный обѣдъ, губернаторша, весь городъ...

— Ее звали, — отвѣчала Наталья Николаевна, тономъ недопускающимъ возраженій. — Тамъ у нея другъ Маруса, ея гдѣтъ, — пояснила она Верягину.

Лиза убѣжала.

— Какъ это нынче проворно дружатся, — сказалъ Ставровъ: — чѣмъ свѣтъ! Не успѣла выучиться себѣ чулка заштопать, ужъ и пріятельницы, и вавалеры...

— Я думаю, Владиміръ Петровичъ, — возразила Наталья Николаевна, вспыхнувъ, но съ большимъ достоинствомъ принимаясь разливать супъ: — что моя дочь не къ тому готовится, чтобъ чулки штопать.

— Къ чему же она готовится?

— Ахъ, Боже мой, я думаю жизнь всякой женщины...

— Нѣтъ, а жизнь мужчины, вы какъ полагаете...

Между супругами завязывался споръ, но былъ скоро прерванъ. Въ столовую почти вбѣжала молодая, щегольски одѣтая дама.

— Какъ, madame Ставровъ, вы еще не готовы? — вскричала она. — Чтò это значить? Пора, я пріѣхала за вами. Возможно-ли — еще не одѣта?... Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ. Чтòжь вы не торопили вашу жену?

— Въ минуту буду готова! — отвѣчала Наталья Николаевна. — Мой братъ.

Дама подала руку Верягину.

— Такъ вотъ причина неаккуратности Natalie, — заговорила она: — вашъ прїездъ! Что-жь дѣлать, надо принять это смягчающее обстоятельство! Такъ это называется у васъ? Вы, конечно, человѣкъ точный, неумолимый, вы этихъ обстоятельствъ не допусаете, но мы, такъ и быть, простимъ Natalie ради васъ...

— Ахъ, Адрианъ, видишь, я тебѣ ужъ обязана... Еслибъ можно почаще этимъ пользоваться...

— О, нѣтъ, вы избалуетесь, — возразила ей гостя. — Не правда-ли, м-г Верягинъ, злоупотреблять снисхожденіемъ не должно? Женщинамъ такъ часто приходится прощать... Ахъ, смыслъ двойной!.. Но я не поправляю; понимайте, какъ хотите... Я пойду торопить вашъ туалетъ, Natalie!..

Онѣ шумно ушли обѣ. Ставровъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Послѣ повелѣна гостѣй, онъ опять сѣлъ на свое мѣсто и продолжалъ ѣсть медленно, съ достоинствомъ предъ самимъ собою, съ уваженіемъ къ своему дѣлу, не говоря ни слова и только поглядывая на гувернантку, когда та брала себѣ кушанье. Верягину было сначала смѣшно, потомъ скучно. Наконецъ, Ставровъ, должно-быть сытый, вздумалъ рассказывать что-то дѣловое. Верягинъ привыкъ говорить о дѣлахъ и видѣтъ незнакомыя лица, и въ этотъ день не особенно много всего видѣлъ и слышалъ, но никогда такъ не хотѣлось ему, чтобы всѣ замолчали и ушли. Онъ усталъ до того, что почти не понималъ, что ему говорили.

Дамы явились, шума шлейфами; за ними, вертясь на каблучкахъ — нарядная Лиза, за Лизой — Маша съ бурнусами и пуховыми платками. Процессія еще остановилась въ столовой; еще много и громко говорили, закутывались, прощались, возвращались; гостя любезничала и приглашала Верягина; дѣти подходили къ отцу благодарить за обѣдъ. У Верягина кружилась голова.

— Ну, братъ, не взыщи, — сказалъ Ставровъ, когда они вдругъ очутились вдвоемъ въ пустой столовой. — Кто въ большой свѣтъ, а я — спать. Одинъ останешься.

— Я тоже лягу, — отвѣчалъ Верягинъ.

— И прекрасно. Опочить отъ дѣлъ. Стрекоза эта, барыня, вѣдь на тебя залетала посмотреть. Да.

— Э, полноте.

— Вѣрно! Съ какой стати ей завязать за Натальей Николаевной? Никакого уговора у нихъ не было. У Натальи Николаевны свой экипажъ, не нуждается. А это, вотъ, прослышала — молодой человѣкъ. Онѣ у насъ, барыни.... Только я тебѣ скажу, —

хочешь—слушай, хочешь—нѣтъ, —самъ я не приударялъ никогда ни за одной и тебѣ не совѣтую.

Верягинъ устало засмѣялся.

— Да. И не женись. Твоя певѣста еще не родилась. Спозаранку кормить семью—упрыгаешься; а романы, нѣжности,—ты малый умный, знаешь, что вся цѣна имъ—грошъ. Да. Такъ-то. Ну, пріятнаго сна.

Онъ пошелъ и вернулся.

— Да! Ключъ твой. Изволь получить. Отъ чемодана.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать,—сказалъ Верягинъ.

— Конечно, тамъ только книги да бумаги, но все-таки загляни. Перетряхни старый хламъ. Бумаги особенно, — знаешь, чтобъ не рисковать.

— Я ничѣмъ не рискую, если даже ихъ вмѣсто афишъ выѣзять,—возразилъ Верягинъ.

— Охъ, ты!... сказалъ Ставровъ, смѣясь и не договаривая, какъ дѣлаютъ, когда сказать нечего.—Нѣтъ, что же, въ самомъ дѣлѣ,—хорошо съ чистой совѣстью. Словомъ, дѣломъ и помышленіемъ не грѣшенъ. Это, братъ, даже очень пріятно.... Ну, однако, пора, отдыхай себѣ.... Завтра, что ли, являешься?

— Не знаю. Нездоровится. Прежде хотѣлось бы видѣть квартиру, но погода ваша....

— А ваша-то, петербургская! Вонъ, гляди, проясняется,—договорилъ Ставровъ, уходя.

Верягину показалось такъ хорошо одному, что онъ еще прошелся по просторной комнатѣ, точно радуясь этому простору и своей свободѣ. Онъ никогда не испытывалъ такого страннаго ощущенія. Что-то досадное: не столько усталость физическая, сколько нравственное недовольство, и всего досаднѣе то, что онъ не могъ опредѣлить, чѣмъ онъ недоволенъ....

Вчера онъ говорилъ себѣ, что достигъ берега; сейчасъ сказалъ, что хотѣлъ бы скорѣе устроиться своимъ домомъ. Образчики общества онъ видѣлъ. Отношенія этого общества онъ знаетъ, или, все равно, какъ-разъ узнаетъ. Онъ будетъ жить комфортно, «какъ люди». Онъ этого добивался съ дѣтства. Въ старой одной книжкѣ, когда-то, читалъ онъ о Цезарѣ.... Вотъ, племянникъ тоже долбитъ Цезаря.... *Лучше быть первымъ въ деревушкѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ.* Что-жъ,—достигнуто и положеніе. Вчера все это казалось отлично. Сегодня,—Богъ знаетъ что. Бѣжалъ бы.... Довольно странное желаніе! А бѣжалъ бы, точно. Нервы это,

что ли, али ужъ слышемъ силенъ приѣмъ всякой пошлости, лжи, лицемерія, лести?... Недовольнымъ собой быть не за что; люди эти глупы, ихъ восхваленія—подлое притворство; они завидуютъ и ненавидятъ,—мелко ненавидятъ, какъ сама мелка ихъ натурища; но въ сущности, все, что говорятъ они—правда: вся жизнь прошла честно. Жить сызнова — нельзя прожить честно....

А между тѣмъ скучно до тоски. Въ самомъ дѣлѣ, лучше отдохнуть. Сномъ все проходить.

Верягинъ отворилъ дверь въ свою комнату и остановился на порогѣ. Точно, прояснивало. Въ отпотѣлое окно свѣтилъ закатъ краснымъ туманомъ, все разгораясь, все поднимаясь выше и шире. Было вѣтрено; деревья такъ и метались. Вдругъ сверкнулъ низкій, прижатый лучъ,—уплыла полоса облака, закрывавшая точку солнца,—и на полу протянулось длинное, рыже-золотое оковшю, прапирны старыхъ стеколъ горѣли кружками, переливались пятнами; радуга пыли уперлась въ письменный столъ; въ ней за клубился дымокъ сигары Верягина; стѣны темнѣли, какія-то сизоровныя....

Верягинъ стоялъ и смотрѣлъ.

Странно, непостижимо странно къ нему набивалась мысль, что онъ уже видалъ это. Ничего больше, какъ только то, что онъ десятки разъ видалъ эту черную раму съ свѣтлыми прорѣзами на старомъ полу, и полумракъ старой комнаты, и трепетный отблескъ на круглыхъ листочкахъ какой-то травки, которая стояла тутъ на окнѣ....

Онъ поискалъ глазами, нѣтъ ли ея.—Нѣтъ.

Базиллика.... Онъ звалъ ее «травка - фуфарка». Она какъ-то остро пахла.

Точно такъ все было. Тишина необыкновенная. Похоже на церковь и непременно въ великолѣпную вечерню. Чего-то жаль. Чего-то хочется.... Что за странность!...

Забылось все, что было вчера, что было сегодня, сейчасъ; соображенія, расчеты, пошлости, слышанныя за минуту, умныя рѣчи, когда-нибудь слышанныя. Забылись люди, съ которыми былъ знакомъ или встрѣчался. Забылось все, вся жизнь.... Не туго, потому что въ сердцѣ что-то горитъ, какъ эти золотые кружки, и такъ же обдается замирающимъ полумракомъ, и вдругъ холодно, вдругъ больно, и чувствуется, что живетъ.... но, только, вотъ, этой одной, настоящей минутой, а если эта минута и связывается съ чѣмъ-нибудь другимъ, то ужъ съ такимъ далекииъ, что отъ него не осталось ни слѣдовъ, ни воспоминаній, а одно ощущеніе....

Хотѣлось бы назвать кого-то, что-то сказать.... Что? Какое-то

слово шевелится въ душѣ, такое, которое никогда не говорилось, — но оно существуетъ, это слово, — оно сказалось бы сейчасъ, еслибъ было кому.... Тихо. Славно тутъ работать.... Но работать молодо, жарко — какъ не работалось никогда! Да, точно, никогда.... Чтобъ и цѣль была не та, что бывала, а другая, тоже далекая, о которой кто-то мечталъ, которую кто-то называлъ, опредѣлялъ.... Она была забыта, осмѣяна потомъ.... Да, потомъ, когда явилось, вотъ, все то, что было вчера и сегодня, что опять безобразно выглядываетъ изъ набѣгающихъ сумерекъ.... Свѣтъ укорачивается, примерзаетъ....

— Нервы!.. Гдѣ это я такъ расклеился? — спросилъ себя Верягинъ. — Вздоръ какой!

Спать онъ больше не хотѣлъ и машинально поискалъ занятія.

Нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чего «неудобнаго» въ этомъ старомъ хламѣ? Ставровъ не сталъ бы напоминать, еслибъ былъ увѣренъ; у него память хорошая.... Старый хламъ!

Онъ поднялъ чемоданъ на стулъ и отперъ; пахнуло сыростью. Въ самомъ дѣлѣ, книги, бумаги, лекціи. Онъ откинулъ тетради и большіе листы, и машинально развернулъ одинъ свертокъ; изъ него выпали письма. Наклоняясь, чтобъ собрать ихъ, онъ оглянулся; въ дверяхъ столовой что-то мелькнуло.

— Маша, это ты?

Она уходила, не отвѣчая; онъ остановилъ ее.

— Куда же ты? Войди, если пришла. Тебѣ что нужно?

— Ничего, — отвѣчала она, стараясь взять у него свою руку.

— Любопытствовала, что тутъ дѣлается?

Она закрыла лицо другой рукой и отвернулась. Она плакала.

— Пустите меня.

— Что ты, Маша? Маша, вѣдь это скучно!..

— Охъ, — вскричала она: — все вамъ скучно!.. Зачѣмъ пришла?

Пришла на тебя взглянуть.... Вѣдь не чужая была, тоже!

Отчаянно рыдая, она сѣла. Верягинъ стоялъ передъ нею.

— Не подсматривать пришла, любопытствовать.... отъ роду не подсматривала! Первое слово сказалъ, и то обидѣлъ.

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть, Маша, — возразилъ онъ серьезно. — Я пошутилъ. Видишь, какой у тебя характеръ.

— А тебѣ ужъ сказали про характеръ? Ну, слава Богу, успѣли. Ну, что-жъ дѣлать, ну, вѣдьма, воспитанница ваша. И какъ проворно вѣдьмой обернулась: все была хороша, мамѣ глаза закрыла.... Вотъ, на этомъ мѣстѣ стояла она въ гробу; въ парадныя комнаты не вынесли, всего сутки держали, помолиться

не дали.... Чтѣ-жѣ, какъ ее скоронила, такъ и зла стала, и глупа, и никуда негодна? Это, скажи, возможно? Вдругъ-то?... А, вотъ это, вдругъ, что твою Машеньку, твою ласточку, твою дѣвочку, которую мама берегла, холила, лелѣяла.... Господи!... Я, какъ ты уѣхалъ, стала ее мамой звать; она говорила, ей такъ легче.... Вдругъ, да въ кухню, въ брань, въ гадость.... Въ печку сама мою куклу закинула.... что ей кукла сдѣлала? я бы хотъ на память спрятала! Книги мои, ноты.... Да чтѣмъ же я виновата, что изъ Ливанька,—третья гувернантка живетъ, учителя ходятъ,—она не умѣетъ страницы связно прочесть?... Все отняли! Да я тебѣ писала! Ты получилъ?

— Не получалъ,—сказалъ Верягинъ, растерявшись.

— Неправда, получилъ, вспомни! Долженъ былъ получить; я сама на почту относилъ; я, всегда, и мамини письма.... Вотъ, это я, грѣшница, остановилась, проходя, послушала, какъ твоя сестра приказывала: «приносить ко мнѣ всѣ ихъ письма!» Я мамѣ только не сказала, ее берегла. Если бы она, голубушка, узнала, до какого униженія дожила, что ее подъ надворъ берутъ....

— Развѣ это надворъ, Маша? это порядокъ. Отсылать письма вмѣстѣ, чтобы платить за всѣ вмѣстѣ....

— Платить?—вскричала Маша:—нашелъ щедрникъ! Стали бы они платить за ея письма, когда.... Да мама мнѣ хлѣбъ покупала на свои деньги! Ангелъ мой мама, она меня кормила, мнѣ вѣдь не давали.... Ахъ, слушай, слушай, я не знала какъ дожить, сказать тебѣ! Слушай... Пенсія у нея, помнишь, была? Ну, помнишь?

— Помню.

— *Эти* ей ужъ больше гроша не давали. «Вы,—твоя сестра говорила,—на всемъ готовомъ живете». Изъ пенсіи этой знаменитой твоей зять умѣлъ половину оттянуть, и тебѣ она два раза посылала....

— Какіе-то пустяки.

— Последнее свое!—вскричала она съ негодованіемъ:—ты бы долженъ ихъ на крестъ зашить и носить! У нея ничего не было! Годъ мы просидѣли съ ней вотъ въ той комнаткѣ; печь особенная, лишняя,—они счетомъ полѣнья дровъ выдавали....

— Но маменькѣ самой было поручено хозяйство?

— Разсказали тебѣ? Хорошо! А тѣ разсказали, какъ ее зять считывалъ? тутъ-то онъ у нея последнее и считывалъ... какъ ей пьяные лавер грубили? А за меня... Господи, чего она за меня не приняла! Сидимъ вдвоемъ, пританемся, на *нихъ* работаемъ. Обѣдъ ей принесутъ... мнѣ не носили: не угодно-ли на кухню?

Это съ перваго же дня, какъ ты уѣхалъ. Она меня не пускала. Принесуть ей, съ *илъ* стола, — не блюдо, а на тарелку порціи положить...

— Маша, это вздоръ...

— Вздоръ, когда имъ челоуѣка морять?.. Принесуть, а она мнѣ: «ѣшь, Машенька»... И я ѣла, грѣшница я, гадкая! Я ѣла, а она голодала! Притворится: «сыта, не хочу»... А чѣмъ сыта?..

— Маша, такія дразги...

— Господи!—вскричала она, зарыдавъ опять:—и сердце у тебя не поворачивается!..

— Почему же маменька не написала мнѣ подробно, не позвала меня сюда...

— Ты, видно, ее забылъ?—прервала она...—Можетъ быть и никогда не зналъ? И правда, что никогда. Я теперь оглянулась, припомнила, поняла. Я вѣдь была умница, учили меня... ты же училъ, растолковывалъ! Ну, вотъ я и поняла тебя, что ты такое. Ты—важный баринъ... Откуда это у васъ съ сестрой взялись души боярскія? ну, она ужъ такъ росла, воспитана, а ты-то?.. Ты... вотъ что ты, не прогибайся... Вчера и сегодня, твоя сестра и гувернантѣ, и ключницѣ, и повару, и кому-кому—и я при этомъ была!—всѣмъ благоувѣстила, что тебя министръ... ужъ не самъ ли царь?.. назвалъ великимъ челоуѣкомъ... Будь спокоенъ: я помню, что такое великій челоуѣкъ... Ты, говорятъ, безъ страха и упрека. Ты—чище солнца. Ты глупостей не дѣлалъ, освобожденія не затѣвалъ, ты не нигилистъ, не коммуналистъ... Ты на меня такъ глазъ не уставляй: я это все знаю. Вѣдь я—самолюбивая вѣдьма, у дверей подслушиваю, такъ за-одно: я книги краду, газеты читаю. Я все знаю. Такъ ты—великій челоуѣкъ. А я говорю: ты безсердечный челоуѣкъ. Ты насъ погубилъ. Ты зналъ, кому ты насъ оставлялъ. Вотъ твоя безукоризненность,—хорошо? весело?.. Мать въ гробъ легла... Пошла за тебя Богу молиться на Рождество въ заутрени; шубенка старая... слегла... Я одна при ней, и воды не добыешься... Мама!.. И умерла, я при ней одна была... Мама!

Она рыдала безумно.

Верягинъ сжалъ руки, прошелся, заглянулъ въ потемнѣлое окно, воротился и сѣлъ подлѣ нея. Она притихла.

— Маша...

Она не отвѣчала; онъ взялъ ее за руку.

— Милая!.. Маша!

— Что «Маша»?—сказала она тихо, оглядываясь на него:—не легко мнѣ тебѣ это говорить...

Она обняла его голову, прижала къ себѣ и крѣпко цѣловала. Онъ чувствовалъ ея удобу, а на своемъ лицѣ—ея горячія слезы.

— Дѣвочка моя...—выговорилъ онъ.

— Твоя дѣвочка пропала,—возразила она.—Жалко мнѣ стало тебя сейчасъ. Вотъ какъ: очень мнѣ горько, а я-бы на твое мѣсто не хотѣла. Ты несчастный человѣкъ. Мама правду говорила: все это: чины твои, деньги, почеть,—все вздоръ; ты на всемъ свѣтѣ одинъ... А какъ это скучно одному. Вотъ я, какъ безъ мамы одна осталась...

— Бѣдненькая!

— Нѣтъ, что я тебѣ скажу: горе—это ужъ одинъ Богъ знаетъ какое! но въ горю еще тоска, скука. Все одна, все одна. Все молчи. Ни подружки, ни своего человѣка. Я была ребенокъ, но вѣдь я росла; вѣдь чего-нибудь мнѣ хотѣлось. Скучно. Не съ кѣмъ сказать слова. Къ окну не подходи, работай!.. Но что и подходить, смотрѣть! люди идутъ, всякій куда хочетъ, веселые...

— А ты никуда не выходишь?

— Нѣтъ. Развѣ пошлютъ... Да зачѣмъ?

Она задумывалась.

— Какъ зачѣмъ?—сказалъ Верягинъ, взглядывая на нее и какъ-то довольный, что она заговорила о другомъ.—Ты молодая. Молодымъ нужны развлечения... А ты мило одѣта.

— Это тогда старая барышня,—помнишь жила здѣсь?

— Помню.

— Она въ монастырь пошла. Она мнѣ отдала всѣ свои платья. Я до сихъ поръ ихъ перешиваю и ношу. Меня попрекаютъ, что я щеголиха... Я была у «барышни» въ кельѣ, какъ-то въ прошломъ году. Мать Антонія. Она была ласкова со мной, поговорила, звала чаще къ себѣ... Нѣтъ, тамъ нехорошо.

Верягинъ слушалъ, поглаживая ея маленькую руку.

— Какая ты хорошенькая, Маша.

— Да,—отвѣчала она спокойно, будто говорила о посторонней.—Какъ бы мы жили-то, жили вмѣстѣ! Мама была бы здорова. Бывало, ей скажутъ, что ты письмо прислалъ, она и отъ этого здоровѣетъ. У тебя была хорошая должность, прожили бы даже богато... Ну, да, да! на твое бы жили. Гадео считаться, да еще съ матерью; это вотъ здѣшніе все считаются... Скажи мнѣ, такъ ли я говорю: ты поишь, кормишь; а тотъ, кто тебя любить, чуть на тебя Богу не молится, кто всякую минуту дѣ-

даешь тебя счастливымъ—развѣ тоже жизнь твою не сохраняеть? Душу твою?.. Такъ ли я говорю?

Она обернулась въ Верягину. Ея прелестное маленькое личико бѣлѣло въ темнотѣ; глаза сіяли.

— Жили бы мы, жили! я-бы училась, тоже бы работала. Въ Москвѣ или Петербургѣ. Вотъ посмотрю—mademoiselle Крейсъ; немного бы постараться обо мнѣ, я была бы такая же. Вѣдь я съ одиннадцати лѣтъ заброшена; чтó тогда знала, на томъ остановилась. Хорошо, что и того не забыла... А впрочемъ, ужъ Богъ знаетъ, можетъ быть лучше, еслибъ забыла... Знаешь,—спросила она вдругъ, быстро,—знаешь, чего мнѣ особенно жаль?

— Не знаю.

— Разъ *они* всѣ куда-то уѣхали; я рояль тихонечко открыла...

Слезы покатылись у нея градомъ.

— Такъ, двѣ нотки тронула; боялась, лакеи услышать... Ну, все равно. Теперь ужъ и руки одеревѣли, — утюги да стирка... все равно!

Верягинъ задумался, глядя въ сторону. Темнота все набѣгала.

— Такъ ты не забыла, чтó прежде учила?—заговорилъ онъ ободрительно-весело и даже будто шутя.—Это славно; ты много знала. И теперь читаешь потихоньку? Молодецъ! Тебѣ ужъ есть или еще только будетъ семнадцать лѣтъ?

Она не отвѣчала.

— Вспомнилъ: скоро семнадцать,—продолжалъ онъ, улыбаясь:—старушонка!.. Такъ вотъ чтó. Подготовься еще, подтверди, поучи... Что твой голосокъ? Онъ обѣщаль много; теперь самая пора имъ заняться...

Она молчала.

— Помѣнчу тебя у кого-нибудь въ Москвѣ; будешь ходить въ консерваторію. Самъ тебя отвезу... Ты не права, мой другъ; я тебя не забрасывалъ и не заброшу. Теперь я имѣю возможность, а чтó возможно, тó я всегда дѣлаю. Я тебя спрашивалъ, чтó твой голосъ?

— Не знаю.

— Какъ же такъ? Ты не пробовала пѣть?

— Я, случается, по цѣлымъ днямъ не говорю.

— Какъ же такъ!—повторилъ онъ.—Что ты, Мама? это же по-человѣчески. Стало-быть, ты не сближаешься ни съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ?—спросила она равнодушно.

Верягинъ помолчалъ.

— А у тебя, въ самомъ-дѣлѣ, Маша, скрытный характеръ. Двѣя ты какая-то. Это не хорошо, милая. Положимъ, откровенность тоже глупость, но безъ людей совсѣмъ обойтись трудно. Это тебѣ совѣтъ—для Москвы,—прибавилъ онъ опять весело.— А голосокъ вапшъ—сегодня вотъ вы въ ажитацияхъ, а завтра мнѣ его попробуемъ.

— Пробовать нечего,—возразила она спокойно:—голоса у меня нѣтъ.

— Почему ты знаешь, если все молчишь?

— Сколько разъ простужалась, поднимала тяжелое.

Верягинъ не сказалъ ни слова. Въ комнатѣ все темнѣло, а въ домѣ была такая тишина, что слышалось, какъ гдѣ-то далеко тикали часы. Машинально прислушиваясь, Верягинъ ужъ началъ думать о чемъ-то другомъ.

— Гдѣ Ольга Андреевна?—спросила Маша.

Ея тихій голосъ, хриплый отъ слезъ, заставилъ его вздрогнуть.

— Ольга Андреевна?..—повторилъ онъ.—Не знаю... не знаю... Да! она тогда уѣхала въ Тобольскъ.

— Въ Тобольскъ? *Тогда*... когда?

Онъ молчалъ.

— Когда же? зачѣмъ?—настаивала Маша.

— Да тогда же или вскорѣ, какъ я уѣхалъ на службу въ Петербургъ,—отвѣчалъ онъ неохотно.— Не знаю навѣрное.— Она, кажется, была еще въ Москвѣ, какъ я уѣзжалъ.

— Зачѣмъ же въ Тобольскъ?

— Должно быть, гувернанткой. Но какъ же ты не знаешь? Пріятельницы вы были такія. Что-жъ она тебя не извѣстила, не написала?

— Она писала мнѣ, когда умерла мама... Хорошо мнѣ досталось отъ Натальи Николаевны за это письмо. Можетъ быть, были и еще, но мнѣ не отдавали. А мнѣ писать—и денегъ не бывало, и я не знала куда.

— Я не получалъ,—сказалъ поспѣшно Верягинъ.— Или, нѣтъ, позволъ...—прибавилъ онъ, будто вспоминая.—Было, кажется, одно. Но ты знаешь мою привычку: терпѣть не могу караулей. Испачкано, Богъ знаетъ что за бумага... Ну, да! теперь припоминаю: сургучъ съ бутылки. Мнѣ стало досадно на тебя. Мнѣ показалось,—и, неправда-ли, очень основательно?— что ты лѣнишься, забываешь грамоту, изъ маленькой дѣвочки дѣлаешься.... такъ, горничной...

— Я вашему Петинькѣ въ экзамену тетради переписывала, — выговорила она про себя.

Верягинъ засмѣялся и обнялъ ее.

— Милая ты моя, маленькая моя вѣдьма! Ну, извини! — Потому, — я тебѣ покажусь, — съ первыхъ строкъ вижу: дѣвочка жалуется, ноетъ, капризничаетъ. Я и бросилъ. Ты всегда знала — я этого терпѣть не могу. А, знала, что-ли?

Она больше не плакала.

— Какъ мама любила Ольгу Андреевну, — сказала она, все будто про себя.

— Я вотъ что хотѣлъ сказать тебѣ, Маша, — продолжалъ Верягинъ... — Полно, душа моя, обернись во мнѣ; я хочу рассмотреть твои глазки, что они мнѣ отвѣтятъ. Ты умница, рассуждаешь, такъ — рассуди: что прошло, то кончено. Такъ ли? Люди съ каждымъ повольтаніемъ получаютъ другой складъ. Такъ-ли? И намъ жить нужно... Что же? Такъ-ли?

— Ну, что же? — нетерпѣливо отозвалась она.

— Маменькѣ было бы скучно съ нами. Вотъ что. Она бы, все равно, изныла; понимаешь? Старая басня: курица утять вывела. Помнишь, ты, вотъ, такая крошка читала?.. Не видно показать, какая ты была крошка; ты это называла: *бархатная темнота*, — помнишь?.. Разсмѣйся. Время идетъ, милая. Повѣрь мнѣ, такъ лучше, а намъ тоже не приходится вѣчно скучать и горевать на память о маменькѣ: мы люди живые и жить должны... Такъ вотъ что я хотѣлъ сказать. Тебѣ въ этомъ домѣ не по душѣ... Я черезъ три-четыре дня завожусь своимъ домомъ, — милости просимъ во мнѣ хозяйничать.

— Хозяйничать? — повторила она.

— Ну, да.

— Я не умѣю.

— Да ненужно и умѣть, — возразилъ онъ весело. — Все безъ васъ устроится и представится вамъ въ наилучшемъ видѣ.

— Что-жъ я буду дѣлать? — спросила она равнодушно, какъ усталая.

— Какая дѣятельная особа! — сказалъ онъ смѣясь и прижавъ ее къ себѣ.

— Здѣсь, точно, я не останусь. Я ужъ искала наняться въ другомъ мѣстѣ.

— Все-таки горничной!

— Какъ-же быть. Но... если вы точно хотите что-нибудь для меня сдѣлать... отвезите меня въ Москву, учиться. Я такъ

сказала, сторяча, — можетъ быть и голосъ... А нѣтъ — все же буду что-нибудь, хоть нянька порядочная...

— Моя будешь нянюшка, — возразилъ ласково Верягинъ. — Что все ученье, ученье, — чепуха... Тебѣ удивительно это отъ меня слышать? Чепуха, мой другъ. Жить надо, — вотъ наука, и пора намъ за нее вѣзаться. Ты говоришь, точно-ли я хочу что-нибудь для тебя сдѣлать? Все на свѣтъ, потому что я тебя люблю. Мальчишкой былъ, любилъ, самъ не зналъ какъ, а теперь знаю. Я ни отъ кого не завишу. Мой характеръ тебѣ извѣстенъ, но хоть бы новазалось и трудно, — все же, я думаю, пріятнѣе жить со мной, нежели сочетаться бракомъ съ какимъ-нибудь лабазникомъ. Кто за тебя женихъ-то сватается?

Она тихо встала и отворила дверь. Столовая была ужъ освѣщена.

— Ты боишься, застануть? Никого нѣтъ, — сказалъ Верягинъ, не трогаясь съ мѣста.

Мама остановилась на порогѣ.

— А хорошо, что мама умерла; слава Богу! — сказала она рѣзко и громко.

Верягинъ не успѣлъ встать, какъ она уже вышла.

Онъ не былъ ни пораженъ, ни огорченъ, ни раздосадованъ, но какъ-то неловко озадаченъ. Онъ зажегъ свѣчу и закурилъ, какъ будто именно это первое слѣдовало сдѣлать. А потомъ, — но что же?..

— Сдѣлалъ глупости! — вырвалось у него вслухъ.

Сознавшись въ глупости, онъ будто обидѣлъ самъ себя, будто довершилъ обиду, которую ему сдѣлали. Въ немъ поднялась злость, — и хотѣлось скрыть ее отъ самого себя... Лучше не останавливаться на этомъ, не думать...

Что тутъ такое, въ старомъ хламѣ?

Онъ чувствовалъ, что это старое его встревожить, повторялъ себѣ, что хочетъ успокоиться, и шелъ на тревогу. На полу бѣгло письмо; онъ поднималъ. Первые строки оборваны; на послѣдней — четкая и твердая подпись: *Ольга*.

... — «Но, повѣрь, тебѣ будетъ нелегко. Изъ того, что я говорю тебѣ ты, вообще изъ всего, что я говорю тебѣ, прошу тебя не заключать, будто я, какъ ты сказала, стараюсь затянуть наши разорванный узелъ. Мы расстаемся безвозвратно. Я знаю, что тебѣ не надо бѣдной жены, и что ты — казалось бы, всегда ретивый работникъ — ты боишься труда. Разбери это въ себѣ; я тебѣ объясняла. — Я не скрываю, мнѣ очень горько. Я тебя любила. Ты пишешь: *если женщина было пріятно мо-*

бить, то, следовательно, всякій получил свое. Какой аккуратный расчетъ!—Иди, богатѣй, выходи въ люди, — тебѣ нужно только это. Ты еще оскорбляешь на прощаньи, предупреждаешь, чтобъ я не вздумала огласить, помпшати. Будь покоенъ, ничему не помпшаю. Я слишкомъ тебя любила и слишкомъ уважаю себя»...

Характеръ, тоже... Ну, конечно. Но чего-жъ ей больше? Трудится, преподаетъ, свободна, — только объ этомъ и мечтала. Въ тѣхъ странахъ гувернантки въ рѣдкость; конечно, поживаетъ отлично. Климатъ — стѣитъ привыкнуть...

Какъ человекъ дѣловой, — невыбрасывающій бумагъ безъ разбора, онъ заглядывалъ въ письма, присматриваясь къ почеркамъ. Черная кайма чуть не въ полвершка... Что это?

— «Сиротинка братъ! маменька не будетъ больше рыдать надъ родной могилой; она сама легла рядомъ съ тѣмъ»...

Охъ, сестрица, какъ вы тутъ долго задумались! Ну «съ тѣмъ» — съ вѣмъ? Перо даже высохло. Правда, мудро было придумать.

Онъ смаялъ и откинулъ... Письмо матери. Помнила еще, какъ училась съ прописи. Маленькіе завиточки. Бѣдная!

Онъ усмѣхнулся и читалъ.

— «Поздравляю тебя, милый мой Андреяша, съ праздникомъ Рождества Христова»...

Это первые святки. На вторые ея ужъ не было. Странно, — десятки ореографическихъ ошибокъ и это «Андреяша», которое, бывало, такъ противно рѣзало слухъ, — Верягинъ не замѣчалъ ихъ. Онъ только разбиралъ съ трудомъ, больше по догадкѣ; онъ не привыкъ къ этому почерку; онъ убѣждался, что онъ его, просто, не зналъ... Вотъ, этого письма онъ не читалъ вовсе...

— «Я грустно встрѣтила праздникъ. Вотъ какой случай со мной. Пошла подъ самый праздникъ за покупками Наташенькѣ и себѣ башмаки. Идя, купивши, потеряла одинъ свой полусапожокъ. Такіе прекрасные, теплые и покойные. Ужъ такое мнѣ горе. Не выдержала, принялась я плакать; рада случаю, что была одна вечеромъ; все переплакала, какъ мнѣ жить и какъ быть. Такъ мнѣ больно показалось — одно къ другому, потому — я сидѣла работала всю ночь. Иногда въ тягость бываетъ и хочется отдохнуть. Они не чувствуютъ и не понимаютъ ничего»...

Письмо чуть не вспыхнуло, колыхаясь предъ свѣчею. Верягинъ смотрѣлъ; у него въ глазахъ вертѣлись буквы и строки. Онъ смотрѣлъ, не двигаясь, не понимая, чувствуя, какъ кровь стучитъ, переливается въ вискахъ; какъ что-то безсвязное — воспоминанія, ощущенія, образы — набѣгаютъ, набѣгаютъ со всѣхъ сторонъ, и

оттолкнуть ихъ, отбиться отъ нихъ нѣтъ силы. Мучительно жаль... всего! Чего-то страшно, противно и стыдно... Но что-жь это такое? Неужели это онъ, онъ самъ? Неужели это происходитъ съ нимъ? Неужели, точно, онъ, безукоризненный... какое глупое слово!... онъ виноватъ, виноватъ какъ послѣдній изъ виноватыхъ, какъ *ты*, за рѣшеткой, которыхъ онъ самъ будетъ обвинять не сегодня, завтра? — «Загубилъ три души»... Да, загубилъ, точно, и — зналъ, что дѣлалъ... Ну, молодцы хоть облегчили сердце, пожаловались; одна — презрѣла, другая... вотъ, сейчасъ, — вѣдь прокляла, уходитъ!... Но *та*, — та беззащитно, безропотно протянула шею....

О, лучше, что ея нѣтъ! Ея страданій нельзя воротить, нельзя простить, нельзя загладить. Это непоправимо и лучше, что нѣтъ ея, что все кончено. Она теперь покойна... Вступить за нее тогда... Нѣтъ, была бы только путаница отношений. Нескладная, ложно начатая жизнь не могла идти иначе... Она сама бы не захотѣла. Она сама бы не справилась. Робѣла бы, плакала, прижималась и хуже все портила. Мученіе было бы видѣть ее между людей, которые ее не цѣнили, не любили, не могли любить и понимать, которые, въ свою очередь, тоже не могли ломать себя и примѣняться къ ея понятіямъ... Она ставила бы всѣхъ въ ложное положеніе. Мученіе для всѣхъ.... Ну, лучше, что оно кончено! «Не будетъ рыдать»... Тѣмъ лучше...

— Адрианъ! — раздался въ столовой голосъ Натальи Николаевны.

Черезъ минуту, веселая, нарядная, запыхавшись, она стояла на порогѣ.

— Адрианъ, ты не ожидаешь, смотри, смотри, кого я веду! М-г Ершевичъ, нашъ общій другъ... Сегодня изъ Москвы, вслѣдъ за тобою...

Красивый, еще не старѣй господинъ обнимался съ Верягиннымъ.

— Какъ же вы проѣхали Москву, а со мной не повидались? — спрашивалъ онъ.

— Вѣдь м-г Ершевичъ — зять нашего губернатора! — кричала Наталья Николаевна. — Ты не зналъ? Какъ же: Иванъ Сергѣевичъ, Маргарита Сергѣевна... Сейчасъ, мы всѣ вмѣстѣ обѣдали и рѣшили тебя похитить...

— Да, сейчасъ привезти васъ въ клубъ, тамъ сегодня вечеръ...

— Все наше общество, Адрианъ!

— Неловко... я не являлся... ни у кого не былъ, — выговорилъ Верягинъ среди этихъ восклицаній.

- Адрианъ, тебя хотятъ видѣть!..
— Сестра велѣла представить васъ ей въ клубъ...
— Я говорю, Адрианъ, что ты во власти двухъ сестеръ: я и Маргарита Сергѣевна...
— Безъ отговорокъ, ѣдьте!
— Одѣвайся, мы ждемъ тебя здѣсь, у каминна...
-

- Черезъ нѣсколько минутъ, Верягинъ выходилъ переодевый.
— Прикажете убрать бумаги въ вашей комнатѣ?—спросилъ лакей, подавая ему шляпу.
— Бросьте все въ печку, отвѣчалъ онъ. — Natalie, я къ вашимъ услугамъ...

В. КРЕСТОВСКІЙ.

УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

ВЪ

ЗАПАДНО-РУССКІИ КРАИ

Труды этнографическо-статистической экспедиции въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Д. Чл. П. П. Чубинскимъ, въ семи томахъ.

Послѣднія 10—12 лѣтъ въ русской ученой литературѣ характеризуются между прочимъ значительнымъ вниманіемъ къ народной словесности. Большое количество изданій народныхъ нѣсенъ, сказокъ, пословицъ, а также не малое число статей, монографій и книгъ по этому предмету начинаютъ выгодно отличать нашу литературу даже среди другихъ европейскихъ. Но въ этой литературѣ русской народной словесности есть одинъ довольно крупный, хотя и не всѣми примѣчаемый недостатокъ, а именно—неполнота и односторонность: большая часть изданнаго въ предпослѣднее время матеріала относится къ Великой Руси, и монографій и книгъ по народной словесности, быту и т. п., несмотря на общее названіе «русскій», стоящее на ихъ заголовкахъ, почти исключительно занимаютъ великорусскимъ бытомъ, великорусскою поэзіей, великорусскимъ народнымъ мировоззрѣніемъ. А между тѣмъ, нерѣдко даже люди глубокой учености и тонкаго анализа, дѣлая свои заключенія на основаніи одного только быта, словесности, мировоззрѣнія великорусскаго, придаютъ однакожъ своимъ заключеніямъ широкое значеніе сужденій о всемъ русскомъ

племени. Таковы, напр.,—за этою оговоркою, достойные всякаго почтенія, — послѣдніе труды г. Шапова.

Подобная неполнота и односторонность, составляя въ научномъ отношеніи только источникъ невѣрныхъ построений, отражаются, по необходимости, и въ общемъ образованіи, въ школахъ, въ журналистикѣ—уже болѣе невыгоднымъ образомъ. Въ то время, какъ, напр., горячіе любители народной словесности, курсы, статьи, и брошюры, популяризаторы толкуютъ юношеству, обществу и народу объ Ильѣ Муромцѣ, Василисѣ Микуличѣ и т. п., входя часто въ самыя мелочныя подробности, это юношество и это общество воспитываются въ полномъ невѣдѣніи о томъ, напр., что такое малорусская дума и ея герои, не уступающіе ни въ народности, ни въ значеніи великорусскимъ, — и можно встрѣтить даже людей съ высшимъ образованіемъ и даже, трудно повѣрить, специалистовъ, которые имѣютъ лишь весьма смутныя понятія о малорусской народной словесности. Такого рода односторонность порождаетъ особый, болѣею частію безсознательный, великорусскій *партикуляризмъ*, тѣмъ болѣе нежелательный, что онъ ведетъ за собою, какъ естественное свое послѣдствіе, партикуляризмъ и малорусскій. Съ этимъ послѣднимъ нельзя покончить иначе, какъ оказывая вниманіе, въ наукѣ и жизни, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло, кромѣ общерусскаго, *общественнаго*, элемента, съ *народнымъ*, въ равной степени народному элементу обѣихъ великихъ разновидностей одного русскаго народа, взаимно-пополняющихъ и равно необходимыхъ другу другу и цѣлому ¹⁾.

Вышеупомянутая односторонность отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ, что изданія памятниковъ малорусской народной словесности, явившіяся болѣею частію до 60-хъ годовъ, какъ, напр., изданія гг. Максимовича, Срезневскаго, Меллинскаго, Кулиша, Костомарова и др., стали библиографическою рѣдкостію—именно потому, что упредили временемъ своего появленія эпоху усиленнаго интереса къ народному быту въ нашихъ культурныхъ центрахъ. Съ 1863 г., въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» печатаются «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», собранныя г. Головацкимъ и др.; сборникъ этотъ весьма не система-

1) Въ послѣдніе годы все болѣе выходитъ изъ тумана, составившагося изъ старыхъ шляхетскихъ привилегій и нашего невѣжества, еще третій русскій народный міръ, говоря словами г. Безсонова, — „міръ особый, на общерусскомъ корнѣ параллельный малорусскому и посредствующій между Русью Великою съ одной стороны, между западнымъ славянствомъ съ другой, — міръ бѣлорусскій“. (Безсоновъ, Бѣлорусскіи, III).

тичень, — варианты одной и той же пѣсни встрѣчаются въ немъ разбросанными, напр., такимъ образомъ: въ 1 № «Чтеній» за 1864 г., на стр. 1, 4, 13 и 71; раздѣленіе его отличается наивнѣшностію, — напр. «пѣсни и думки возацкія», «пѣсни возацкія», «думы о событіяхъ обыкновенной жизни», «думы и пѣсни образованнаго сословія» (отличаются въ большинствѣ смѣсью приторности съ цинизмомъ) и т. п. Но во всякомъ случаѣ, по богатству матеріала это одно изъ самыхъ крупныхъ и важныхъ изданій въ такомъ родѣ. Въ цѣломъ, напечатанное до сихъ поръ составляетъ три объемистыхъ тома; множество пѣсенъ въ немъ отличается высокими эстетическими достоинствами и характерностью національною и древностію, какъ мѣстною, галицкою, такъ и обще-южно-русскою, наконецъ и обще-русскою; другія поражаютъ своею близостію съ пѣснями западныхъ славянъ и даже западныхъ народовъ вообще. Появись подобное собраніе на любомъ западно-европейскомъ языкѣ, или хоть даже на азіатскомъ, но только въ западной Европѣ, — о немъ бы заговорила критика, имъ бы воспользовались изслѣдователи, оно бы признано было крупнымъ, плодотворнымъ вкладомъ въ національную литературу и общечеловѣческую науку. Но у насъ не произошло ничего подобнаго: о собраніи г. Головацкаго было упомянуто только одинъ разъ вмѣстѣ съ другими этнографическими работами, въ одной изъ статей проф. Ор. Миллера, въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.» за 1866 г., — и до сихъ поръ это богатое матеріаломъ изданіе прошло безслѣдно для нашей ученой литературы. Что до общества и публицистики, — то, конечно, они еще меньше оказались въ состояніи оцѣнить такое изданіе и воспользоваться имъ. Не помогли и патріотическіе возгласы о «западномъ краѣ» и «братьяхъ галичаныхъ», ни личная исторія самого г. Головацкаго, такъ интересовавшая нѣкоторые наши изданія. Наши журналы и публики говорили больше о томъ, какъ г. Головацкій сталъ изъ австрійскаго каноника русскимъ статскимъ совѣтникомъ, чѣмъ о его богатомъ сборникѣ, а публицистика довольствовалась противорѣчивыми фразами то «объ исконномъ руссизмѣ» западной Руси, то «объ ополяченіи» ея, — вмѣсто того, чтобы заняться разборомъ пѣсенъ, представляющихъ одно изъ вѣрныхъ зеркалъ народнаго быта этого края.

Между тѣмъ, какъ спеціалисты и люди, которые по профессіи должны бы были заниматься малорусскою этнографіей, оставили ее совершенно внѣ круга своихъ интересовъ, въ противоположность 30-мъ и 40-мъ годамъ, когда изданіемъ и объясненіемъ малорусской народной словесности занимались люди съ

такою подготовкою, какъ Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, — частные люди на югъ Россіи понемногу взялись за собраніе и изданіе, если не за объясненіе, богатаго мѣстнаго этнографическаго и художественнаго матеріала: въ 1864 г. вышелъ обширный сборникъ «Українскихъ пословиць» г. Номиса и тоненькій, но съ почтенною попыткою на систематичность, сборничекъ любовныхъ пѣсенъ (Пісні про воханья. Кіевъ) г. Лавренка. Передъ этимъ незадолго вышелъ музыкальный сборникъ «Українскі пісні» г-жи Балиной (Харьковъ, 1863), который заключаетъ и ненапечатанные дотолѣ варианты, интересные не только по музыкѣ, но и по словамъ, равно какъ и небольшой сборникъ г. Гулака-Артемовскаго (Нар. укр. пісні зъ голосомъ. Кіевъ. 1868) и изящный и богатый въ музыкальномъ отношеніи сборникъ г. Лысенка (Збірникъ українскихъ пісень. I—II. Лейпцигъ. Кіевъ. 1869. 1871), который только въ самое послѣднее время дождался рецензіи специалиста вмѣстѣ съ сборникомъ проф. Рубца (Нар. укр. пѣсни. I—III. С.-Петербургъ. 1871—1873). Въ 1869 и 1870 гг. вышли въ Кіевѣ два выпуска «Народныхъ южнорусскихъ сказокъ», подъ редакціей г. Рудченю. Но изданіе, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, показало, что это все только небольшая часть того матеріала, какой лежалъ бесплодно для науки въ тетрадяхъ любителей, разсѣянныхъ по южной Руси.

Императорскому русскому географическому обществу принадлежитъ честь сосредоточенія и возбужденія усилій, направленныхъ въ изученію юга Руси въ этнографическомъ отношеніи и восполненія въ русской наукѣ того пробѣла, какой образовался благодаря отсутствію тамъ такихъ учреждений, какъ московскія — общество любителей русской словесности, общество исторіи и древностей, — и небреженію въ мѣстному народному этнографическому матеріалу. Косвенно помогли тутъ тѣ только о «западномъ краѣ», которые заняли наше общество и печать послѣ польскаго восстанія 1862—1863 гг.

Съ 1862 по 1869 г. географическое общество, по инициативѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, г. Головинна, обсуждало разные программы для этнографо-статистическаго исследования такъ-называемыхъ западныхъ губерній въ трехъ ихъ областяхъ: литовской, бѣлорусской и украинской, или, точнѣе, малорусской. Въ обѣ первыя были отправляемы и экспедиціи, но до сихъ поръ мы не видимъ въ печати трудовъ ихъ, а одну изъ экспедицій, а именно — въ Бѣлоруссію — комитетъ общества прямо призналъ «не увѣнчавшейся успѣхомъ». По всему видно, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не оказалось мѣстныхъ силъ, которые

бы дали опору для ученой экспедиціи; прїѣзжія же «силы», вызванныя послѣ 1863 г. служебными льготами, оказались не на высотѣ задачи этнографическаго изученія края, который многіе изъ нихъ считали даже въ корень «нечистымъ», или же ихъ хватило только на широкіе планы. Дѣйствительно, мы видимъ, что до 1863 г. этнографическія работы о Бѣлоруссіи принадлежатъ почти всѣ полякамъ (Чечеть, Зенькевичъ, Киркоръ и др.). Въ 1863 — 64 г. если не считать серьезнаго описанія Гродненской губерніи г. Бобровскаго (2 т., 1843 г.), то окажется, что русскихъ силъ хватило только на изданіе безпорядочнаго и слабого во всѣхъ отношеніяхъ сборника «Памятниковъ народнаго творчества сѣверозападнаго края», изданнаго при «Виленскомъ Вѣстникѣ» подъ редакціей г. Гильдебранда. Въ довершеніе, въ этомъ сборникѣ помѣщены, какъ народныя пѣсни завѣдомо сочиненныя виленскими литераторами, которыя передъ тѣмъ печатались въ мѣстныхъ журналахъ съ авторскими подписями ¹⁾. Два толковыхъ сборника бѣлорусскихъ пѣсенъ, г. Безсонова и г. Шенна, появились въ самое послѣднее время (въ 1873 и 1874 гг.); оба принадлежатъ людямъ частнымъ и постороннимъ краю, а первый снабженъ предисловіемъ, весьма рѣзко относящимся ко многимъ дѣятелямъ въ сѣверозападномъ краѣ и къ ихъ отношенію къ бѣлорусскому народу. Серьезный трудъ по бѣлорусской этнографіи, сдѣланный русскимъ мѣстнаго происхожденія, мы имѣемъ только въ бѣлорусскихъ пословицахъ, собранныхъ г. Носовичемъ, и изданныхъ императорскимъ географическимъ обществомъ. Г. Носовичъ участвовалъ богатымъ вкладомъ и въ вышеупомянутый сборникъ г. Шенна.

Если планы географическаго общества относительно описанія третьей части западнаго края, малорусской, увѣнчались лучшимъ успѣхомъ, то этому причиною то обстоятельство, что здѣсь мѣстное общество было приготовлено къ такой работѣ умственнымъ движеніемъ предыдущаго времени, благодаря которому здѣсь русскіе этнографическіе труды, болѣею частію уже упомянутыхъ выше лицъ, взяли перевѣсъ надъ, во всякомъ случаѣ, достойными почтенія трудами польскими гг. Руликовскаго (*Opis powiatu Wasilkowskiego, Warszawa. 1853*), Новосельскаго (*Lud Ukraiński. Wilno, 1857*), Стецкаго (*Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, Lwów. 1864*). Въ 1869 г. географическое общество возложило на члена своего, г.

¹⁾ См. объ этомъ и вообще критику изданія г. Гильдебранда у г. Безсонова, *Бѣлорусскія пѣсни*, I, XLIX и слѣд.

Чубинскаго, порученіе объѣхать область малорусскаго племени на правомъ берегу Днѣпра, т. е. губерніи кievскую, волинскую, подольскую, южныя части минской, гродненской, край холмскій, часть сѣдлецкаго и люблинскаго,—что и было исполнено г. Чубинскимъ въ три поѣздки въ 1869—1870 г. Во время этихъ поѣздокъ г. Чубинскимъ и его помощниками было собрано множество разнороднаго этнографическаго матеріала (4000 пѣсенъ, 300 сказокъ и т. п.). Кромѣ того, едва-ли не больше доставлено было разными лицами, уже и прежде занимавшимися малорусскою этнографіею,—не только на правомъ берегу Днѣпра, но и на лѣвомъ и отчасти въ Новороссіи, до сихъ поръ еще мало изслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Изъ такихъ лицъ, какъ видно по замѣткамъ въ «Трудахъ» экспедиціи г. Чубинскаго, особенно много доставили матеріаловъ гг. Костомаровъ, Кулишъ, Дыминскій (2000 варьянтовъ пѣсенъ), Новицкій, (5000 варьянтовъ пѣсенъ, записаннымъ имъ и другими лицами), Залюбовскій, Андриевскій и др. Г. Лысенко положилъ на ноты много свадебныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, отличающихся наибольшею древностію, а потому въ особенности интересныхъ для исторіи русской музыки. Гг. Новицкій и Ефименко приняли участіе въ составленіи программъ для экспедиціи, г. Кистяковский—въ приведеніи въ систему рѣшеній волостныхъ судовъ, г. Антоновичъ доставилъ данныя для исторіи колдовства, г. Полинковскій составлялъ большую часть статьи о евреяхъ, г. Михальчукъ принялъ участіе въ составленіи статьи о полякахъ, г. Симиренко—доставилъ фотографіи съ предметовъ бытовой обстановки и съ типичныхъ лицъ. Многія лица доставили замѣчанія о хозяйствѣ и другихъ сторонахъ быта народнаго.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ въ результатѣ экспедиціи г. Чубинскаго составилось собраніе матеріаловъ по-истинѣ вумительнаго количества, особенно если примемъ во вниманіе, что варьянты пѣсенъ приведены г. Чубинскимъ не вполнѣ, а по особой системѣ, съ приведеніемъ только тѣхъ мѣстъ и словъ варьянта, которыя отличаются отъ словъ основнаго. Весь матеріалъ, доставленный г. Чубинскимъ, географическое общество предположило издать въ семи томахъ: Томъ I-й (два выпуска): общее предисловіе. Легенды, загадки, пословицы, колдовство. Томъ II-й: сказки мифическія и бытовыя. Томъ III-й: народный календарь. Томъ IV-й: пѣсни обрядовыя. Томъ V-й: пѣсни бытовыя. Томъ VI-й: волостные суды. Томъ VII-й (два выпуска): евреи, поляки.—Статистика малорусскаго населенія; обзоръ малорусскихъ говоровъ; жилище, пища и одежда малороссовъ. Вся эта коллекція

печатается под общимъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Югозападный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ». По настоящее время напечатаны: 1 выпускъ I-го тома (1872 г., 224 стр.); III т. (486 стр., 1872 г.), 1 вып. VII т. (1872 г., 337 стр.), VI т. (1872 г., 406 стр.) и V (1874 г., 1209 стр.). О нихъ-то мы и думаемъ дать краткій отчетъ читателю, исключивъ одинъ первый выпускъ седьмого тома, какъ относящійся къ всельникамъ ¹⁾.

Изъ указанія числа страницъ напечатанныхъ до сихъ поръ томовъ матеріаловъ, доставленныхъ и собранныхъ г. Чубинскимъ, можно составить понятіе объ объемахъ этой громадной коллекціи. Изъ перечня содержанія каждаго тома можно видѣть также, что вся эта коллекція не отличается систематичностью и логичностью въ распредѣленіи матеріала: мы видимъ то слишкомъ частныя подраздѣленія, не соподчиненныя никакому общему, какъ въ I томѣ и въ VII, то слишкомъ общія, какъ въ V томѣ: вѣдь всѣ пѣсни, *бытовья*,—и дѣйствительно, мы видимъ въ V томѣ всякія пѣсни отъ любовныхъ до историческихъ; то видимъ, что заглавія не выдержаны логично: обрядовымъ пѣснямъ отмѣченъ особый томъ, IV-й, но вѣдь и колядки, напр., и веснянки тоже въ своемъ родѣ обрядовыя; въ III т. собраны пѣсни, и повѣрья и обряды, привязанные къ какимъ-нибудь днямъ въ году, почему этотъ томъ и названъ «Народный дневникъ», но тутъ многія повѣрья и пѣсни о святыхъ совершенно того же рода, что и въ первомъ томѣ, напр., особенно духовныя пѣсни. Не сомнѣваемся, что во II томѣ, гдѣ будутъ помѣщены сказки, мы найдемъ много совершенно однороднаго съ рассказами и повѣрыями о звѣряхъ, растеніяхъ, чертяхъ, которые мы видимъ въ I томѣ. Останавливаемся на всемъ этомъ потому, что вообще въ нашихъ этнографическихъ изданіяхъ классификація матеріала—слабая сторона и будетъ такою, пока въ основу ея не положена будетъ генетическая классификація частей антропологии и социологии. По этой классификаціи матеріалъ, представленный г. Чубинскимъ, долженъ бы былъ расположиться приблизительно въ такомъ родѣ: Числовое описаніе племенъ, населяющихъ югозападный край; антропологическое ихъ описаніе. Данныя быта семейнаго. Данныя быта общественнаго. Данныя для характеристикъ міровоз-

¹⁾ Этому выпуску была посвящена у насъ особая статья, М. П. Драгоманова: „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, въ июлѣ 1875 г., стр. 138.—Ред.

зрѣнія народнаго (языческаго, христіанскаго, знанія). Народная беллетристика — сказки и баллады, т.-е. такія пѣсни, какъ, напр., объ убійствѣ разбойникомъ брата женинаго, отравленіе сестрой брата и т. п., — которыя теперь г. Чубинскій помѣстилъ въ бытовыхъ пѣсняхъ въ такихъ главахъ, — какъ «отношенія къ родственникамъ жены», или для которыхъ онъ придумалъ такой отдѣлъ, какъ «отравленіе», между тѣмъ какъ пѣсни такого рода вовсе не отраженіе типическихъ сторонъ быта, но поются ради эффектности сюжета, какъ ради того же слушаются сказки, — и болѣею частію, какъ и сказки, принадлежатъ въ числу такъ называемыхъ «бродячихъ разсказовъ», т.-е. встрѣчаемыхъ, чуть не у всѣхъ европейскихъ и у многихъ азіатскихъ народовъ. Само собою разумѣется, что въ каждомъ отдѣлѣ данныя должны быть распределены, елико возможно, по культурно-историческимъ эпохамъ. Но если этого сдѣлать нельзя, то лучше всего распределить ихъ по какой-нибудь легкой внѣшней системѣ, въ родѣ алфавитной или календарной для святыхъ, зоологической или ботанической, какъ, напр., это сдѣлано въ «Deutsche Pflanzenzagen» Пергера (1864), въ которой только, въ сожалѣнію, какъ и у г. Чубинскаго, въ I томѣ, растенія не названы по-латыни, а только народными именами. Тогда по-крайней-мѣрѣ хоть легко можно бы было пользоваться матеріаломъ для справокъ и пополнять его, — что вовсе не легко при теперешнихъ системахъ распределенія этнографическаго матеріала, въ томъ числѣ и той, какая принята въ собраніи г. Чубинскаго.

Въ этомъ послѣднемъ изданіи, чѣмъ болѣе всматриваешься во внутренность каждаго тома, тѣмъ болѣе видишь слѣдовъ недобдуманности классификаціи матеріала не только по томамъ, но и по отдѣламъ и главамъ. Такъ, въ первомъ томѣ видимъ цѣлыя главы, напр., I, II, I-й отдѣлъ V или, пожалуй, всю V главу, совсѣмъ безъ заглавія; пятую главу видимъ оваглавленною и раздѣленною слѣдующимъ образомъ: міръ духовный (послѣ каздаго заглавія стоятъ легенды о сотвореніи міра, сказанія о Богѣ, Христѣ, сказанія и пѣсни о святыхъ), духовныя пѣсни, черти, духо-человѣки (между которыми встрѣчаемъ, рядомъ съ русалками, и вѣдьмъ, знахаря и даже мясо гада!), миѣческія существа (въ числѣ коихъ видимъ змѣя, — коего встрѣчали и выше, грифа — и пигмеевъ, богатырей и т. п.), олицетворенія (напр. доля, смерть, — а «взидні» въ предыдущей главѣ! — и рахмановъ, которымъ мѣсто рядомъ съ сыроѣдами, пигмеями и т. п., — и даже страшный судъ, второму совсѣмъ тутъ не мѣсто). Минувши всѣ странности и нелогичности, только-что отмѣченныя,

нельзя не замѣтить, что всѣ почти предметы V главы могутъ быть названы одинаково удобно мненческими существами, или олицетвореніями. Подобныя же странности и нелогичности встрѣчаемъ и въ раздѣленіи пѣсень, наполняющихъ огромный V томъ, названный окончательно: пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточные. Первые, напр., раздѣляются между прочимъ на «любовь дѣвушки, любовь парня», — а дальше еще «счастливая любовь», а по серединѣ: «посѣщеніе дѣвушки парнемъ», — или дальше: «несчастливая любовь», — а особо «разлука», «измѣна» и т. п., и даже «отчаяніе» и т. д., и т. д. Особый отдѣлъ для «шуточныхъ пѣсень» былъ бы только тогда понятенъ, если бы эти пѣсни были въ свою очередь раздѣлены логично, согласно дѣленію пѣсень нешуточныхъ, — и если бы въ этихъ послѣднихъ мы не встрѣчали особыхъ отдѣловъ, какъ «пьяницкія», «сословныя», которыя совершенно одного рода съ помѣщенными въ «шуточныхъ». А хуже всего въ данномъ случаѣ то, что въ отдѣлахъ, названныхъ такъ нешуточно, какъ «любовь дѣвушки», «любовь парня» и т. п., встрѣчаемъ не только однородныя пѣсни съ шуточными, но прямо варианты этихъ послѣднихъ. Такъ, напр., исследователь впадетъ въ большую ошибку, если будетъ видѣть серьезныя типическія черты «любви дѣвушки» малорусской въ такихъ пѣсняхъ, какъ № 19 (стр. 9), съ такими стихами, какъ:

На вгороді бузина коринистая,
Чортова дівчина норовистая.

Но и этимъ не ограничивается слабая сторона изданія г. Чубинскаго по части систематизаціи матеріала. На какіе бы отдѣлы ни былъ раздѣленъ его сборникъ, въ какой бы отдѣлъ ни попала известная пѣсня, но можно требовать, чтобъ всѣ ея варианты были въ одномъ мѣстѣ, — особенно при системѣ изданія и счета пѣсень и вариантовъ, принятой г. Чубинскимъ, по которой пѣсни отиѣчаются цифрами 1, 2, 3 и т. д., а варианты каждаго номера буквами А, Б, В, и т. д. Но какое же серьезное значеніе имѣетъ счетъ г. Чубинскаго, если у него встрѣчаете то и дѣло варианты одной и той же пѣсни, какъ отдѣльные номера, помѣщенные черезъ нѣсколько пѣсень отъ своихъ товарищей и почти всегда независимо отъ того новые варианты еще и въ другихъ отдѣлахъ. Такъ, напр., въ томъ же отдѣлѣ «Любовь дѣвушки» находимъ варианты одной и той же пѣсни, подъ № 11 и 51, подъ № 14 и 46, или же подъ № 44 и далѣе подъ № 214, — а потомъ въ отдѣлѣ шуточныхъ (стр. 1179) подъ № 230 и еще тамъ же, подъ № 236. Мы нарочно привели всѣ почти эти

примѣры изъ одного отдѣла — для того, чтобъ читатель видѣлъ, какъ много небрежностей въ систематизаціи пѣсенъ представляетъ сборникъ г. Чубинскаго и какъ легко было избѣгнуть ихъ, — такъ какъ удержатъ въ памяти содержаніе пѣсенъ одного отдѣла во время редакціи его вещь не трудная, — а при общей редакціи тома достаточно было пересмотрѣть внимательно оглавленіе его, чтобъ замѣтить, въ какихъ случаяхъ варьянтъ одной и той же пѣсни и съ однимъ и тѣмъ же характеромъ помѣщены въ разныхъ отдѣлахъ. Мы привели примѣры все почти изъ одного отдѣла, — и далеко не исчерпали ихъ; но каждый отдѣлъ V-го тома сборника г. Чубинскаго полонъ примѣрами такой же небрежной систематизаціи, — и мы бы не скоро кончили, если бы вздумали перечислять даже важнѣйшіе примѣры¹⁾. Довольно сказать, что даже варьянты такихъ извѣстныхъ и характерныхъ пѣсенъ, какъ «Королевичъ» (смерть жены отъ родовъ) помѣщены на стр. 365 въ отдѣлѣ любовныхъ пѣсенъ, съ наивнымъ названіемъ: «болѣзнь и смерть», и на стр. 766—778 въ отдѣлѣ семейныхъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ «смерть жены» и проч.; «Немеривна» помѣщена на стр. 625 въ отдѣлѣ — «невыгодныя послѣдствія положенія женщины» и на стр. 892 въ особомъ отдѣлѣ: «положеніе дочери въ семьѣ»; пѣсни о свадьбѣ брата съ сестрою на стр. 201 въ отдѣлѣ «несчастливая любовь» (совсѣмъ не соотвѣтственно содержанію пѣсни) и на стр. 910 въ отдѣлѣ, тоже довольно странномъ, «братья и сестры» и т. п. Всѣ эти примѣры приведены нами изъ V тома, но и въ III томѣ мы встрѣчаемъ не меньше примѣровъ такого же раздѣленія варьянтовъ однѣхъ и тѣхъ же веснянокъ, колядокъ, щедривокъ и т. п., и сведения разнородныхъ вмѣстѣ, благодаря только сходству двухъ-трехъ случайно приросшихъ стиховъ (ср. напр. въ колядкахъ № 1, и 39, Д, или № 59, Е). Нѣкоторые изъ разлученныхъ произвольно варьянтовъ сведены посредствомъ подстрочныхъ указаній (см. напр. въ колядкахъ № 5 и 32 и т. п.), но многіе такъ и остались удаленными одинъ отъ другого, напр. № 42 отъ 5 и 32 или

¹⁾ Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: на стр. 335—337 помѣщены варьянты А, Б, В, Г нумера 660, — а подъ № 662 еще одинъ варьянтъ помѣщенъ, какъ особая пѣсня, и потомъ слѣдъ новый подъ № 664 и подъ № 690; — № 678 есть только варьянтъ № 668, № 668 — варьянтъ № 665, № 677 — варьянтъ № 678; 678—668, № 684, 685, 686, 687, 698 не отвѣчаютъ тому отдѣлу, въ которомъ помѣщены. № 709 — варьянтъ 698. Въ отдѣлѣ козацкихъ пѣсенъ, вар. I нумера 21 есть варьянтъ № 26 и № 46; № 27 — варьянтъ № 25, № 29 — № 21, № 36 — № 9, № 37 — опять № 21, варьянтъ къ № 41 встрѣчаемъ далѣе подъ № 127. Варьянты извѣстной юмористической пѣсни „Мишанка“ видимъ на стр. 1075 и 1171, „Птичку свадьбу“ на стр. 1124 и 1144.

№ 25, 28 и 132). Вообще же, колядки расположены совершенно безъ системы и колядки народныя перемѣшаны съ книжными, съ виршами, чисто-языческія съ христіанскими, серьезныя съ пародіями, какъ будто нарочно, возможно, безсистемнѣе ¹⁾.

Въ I томѣ пѣсенъ не много, — а потому такой разбросанности матеріала, какъ въ III и V т., быть не могло. Но за то тутъ встрѣчаемъ часто безсодержательныя заявленія, какъ, напр. — на стр. 152: «Луцкій уѣздъ. О Спасителѣ народъ имѣетъ правильное понятіе». — Что за исключительный луцкій уѣздъ! — Или на стр. 159: «Ушицкій уѣздъ. О святомъ Духѣ народъ имѣетъ правильное понятіе». — И больше ничего не говорится о представленіяхъ народа о св. Духѣ! — На стр. 25 находимъ даже такое увѣреніе, что въ Холмской Руси «дождь, снѣгъ, градъ, роса объясняются физически правильно». Это тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ и ученые не знаютъ правильнаго объясненія образованія грозы. Всѣ такія увѣренія означаютъ просто, что инныя изъ доставлявшихъ г. Чубинскому свѣдѣнія лицъ или отличались малою догадливостью, или старались наполнить всѣ рубрики программы отвѣтами, какъ попало, — а г. Чубинскій всѣ эти отвѣты и внесъ въ свои книги ²⁾.

Томъ VI (рѣшенія волостныхъ судовъ) отличается наибольшей систематичностью въ распредѣленіи матеріала, особенно рѣшеній уголовного характера. Правда, что такой матеріалъ наиболѣе легко подчиняется сортировкѣ; рубрики же для него готовы, благодаря систематикѣ уголовного и гражданскаго права. Рѣшеніямъ предпослана сжатая, но обстоятельная статья г. Кистяковскаго: «Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее положеніе», въ которой кажется только страннымъ, что авторъ, имѣя въ виду матеріалъ народнаго суда въ Малороссіи, говоритъ довольно подробно о народномъ судѣ въ Московскомъ государствѣ и совсѣмъ ничего не говоритъ о такомъ судѣ въ литовскомъ-польскомъ; чтобъ говорить о послѣднемъ,

¹⁾ Къ числу вещей, вызывающихъ улыбку, въ собраніи г. Чубинскаго надо отнести вопросительные знаки, которые онъ ставитъ подлѣ искаженныхъ словъ, о которыхъ однакожъ совсѣмъ не трудно догадаться, что они значатъ; между тѣмъ иной подумаетъ, что это слова, неизвѣстныя собирателю. Такъ, напр., *кіостеу* — очевидно не что иное, какъ къ *різдеу*, *сталося* — сталося, *дрело* — древо и т. п. Въ книжкѣ искаженіе могло случиться при записываніи мало приготовленнымъ лицомъ. — Почему же поставленъ знакъ непониманія при стихѣ: дочка до веньки сміло фука (стр. 415), — совсѣмъ непонятно. — Что непонятнаго въ словѣ *мужюйм* (стр. 392, т. III) — *удечка* (Zügel)?

²⁾ Не лучше и такое свѣдѣніе, какое находимъ въ II т., стр. 223: „29 іюня. Женщины въ этотъ день празднуютъ „бриска“ — что это за „бриска“ — не сказано.

правда, пришлось бы обратиться къ актамъ, грамотамъ и вообще къ сырымъ матеріаламъ. За статьей г. Кистяковскаго слѣдуетъ нѣсколько афористическая вначалѣ, но довольно живая статья г. Чубинскаго: «Краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній». Жаль, что авторъ не привелъ здѣсь всей статьи своей, «Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи», въ коей между прочимъ сдѣлано нѣсколько интересныхъ сближеній чертъ народнаго права въ Малороссіи съ древнерусскими, отразившимися въ «Русской Правдѣ», «Псковской судной грамотѣ» и т. п.

Разборъ юридическаго матеріала, заключающагося въ VI томѣ, предоставляемъ специалистамъ ¹⁾. Общій интересъ въ немъ имѣеть вопросъ о доброкачественности крестьянскаго суда, — и уже по этому вопросу мы уважемъ на предисловіе г. Чубинскаго, который говоритъ между прочимъ, что, пересмотрѣвъ книги множества судовъ и выбравъ изъ нихъ болѣе 1,000 копій рѣшеній, онъ не встрѣтилъ ни одного недѣлаго и явно недобросовѣстнаго рѣшенія; что, несмотря на недружелюбное отношеніе крестьянскаго населенія къ евреямъ и польскимъ помѣщикамъ, послѣдніе очень часто (30% всѣхъ случаевъ) обращаются къ волостнымъ судамъ, къ чему они не обязаны по закону и чего не дѣлали бы, еслибъ суды эти были плохи и т. д.

Вообще, несмотря на недостатки систематизаціи, которыя произошли, видимо, отъ поспѣшности работы, собраніе г. Чубинскаго представляетъ въ своемъ родѣ рѣдкое, а въ нашей литературѣ едвали не единственное изданіе, по богатству и разнообразію матеріала. Безъ сомнѣнія, научная разработка его можетъ занять не одного ученаго и на долгое время. Въ настоящей рецензій мы желали бы только указать вообще на значеніе этого изданія, и остановимся только на немногихъ частностяхъ.

Какъ ни многочисленъ и ни интересенъ матеріалъ для характеристики разныхъ сторонъ народнаго быта, преимущественно семейнаго, какой представляетъ огромный V томъ «Матеріаловъ», мы однакожь не будемъ говорить теперь о немъ, пока не выйдетъ IV томъ, обѣщающій обрядовыя пѣсни, гдѣ, вѣроятно, бу-

¹⁾ VI томъ „Трудовъ экспедиціи“ г. Чубинскаго послужилъ уже, между прочимъ, матеріаломъ для статьи г-жи Ефименковой въ „Знавія“: „Народныя юридическія воззрѣнія на брак“.

дуть главнымъ образомъ свадебныя пѣсни. Мы полагаемъ, что заключенія о народномъ бытѣ по памятникамъ его словесности тогда только будутъ носить точный научный характеръ, когда они не будутъ опираться на абсолютный методъ, забывающій, что народная словесность настоящаго времени все равно, что земная кора для геолога, заключаетъ въ себѣ осадки различныхъ культурныхъ эпохъ, а, кромѣ того, въ народѣ есть разныя положенія, разные характеры и т. п., — что народъ, словомъ, не безразличная масса, которая вообще можетъ быть характеризована по словесности ея. Обрядовыя пѣсни заключаютъ въ себѣ черты быта отъ древнѣйшихъ его формъ до новѣйшихъ, а потому онѣ должны быть, по нашему мнѣнію, точкой отправленія при изученіи народной словесности.

Но 1-й вып. I тома и III томъ «Матеріаловъ» заключаютъ въ себѣ довольно законченный кругъ данныхъ для характеристики вѣрованій малорусскихъ поселянъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ оставить рѣчь о настоящемъ изданіи, не сказавши хоть нѣсколько словъ объ этихъ данныхъ. Достаточно одного бѣлаго взгляда на эти данныя, — на повѣрья, легенды, сказки, пѣсни, вирши и т. п., чтобъ пришла въ голову мысль: какъ можно было говорить столько о томъ, что русская народность древнѣшаго историческаго русскаго края, въ коемъ народъ до самаго послѣдняго времени не переставалъ проявлять себя активно, испортилась или затемнилась, утратила свой русскій характеръ, ополячилась и т. п.? Конечно, въ быту народа, жившаго и дѣйствовавшаго въ теченіи 1000 лѣтъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ другими народами, имѣвшаго различныя культурныя слои, не могло не накопиться много новаго, много сходнаго съ чужимъ. Но въ то же время, теперь, когда о бытѣ, вѣрованіяхъ, словесности правобережной Малороссіи и Галичины мы имѣемъ, благодаря сборникамъ гг. Головацкаго и Чубинскаго, такое множество матеріала, скорѣе приходится сказать, что врядъ ли гдѣ-либо сохранились въ такомъ количествѣ древнѣйшія черты русской народности, какъ въ этихъ будто-бы «ополяченныхъ» краяхъ. И если мы воздерживаемся отъ рѣшительнаго произнесенія такого приговора, такъ это потому, что боимся, какъ-бы въ этомъ выводѣ не играло роль главнымъ образомъ то, что другіе края теперь оказываются просто меньше изслѣдованными, чѣмъ Галиція и югозападный край.

Недавно вышедшіе сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ гг. Безсонова и Шейна показываютъ, напримѣръ, тоже множество древ-

нѣйшихъ русскихъ бытовыхъ чертъ въ другомъ краѣ и опять-таки въ томъ, который многіе считаютъ «не чисто-русскимъ».

Какъ бы то ни было, а вѣрованія и пѣсни I и III тома «Матеріаловъ», собранныхъ экспедиціей г. Чубинскаго въ юго-западный край, на каждомъ шагу заставляютъ вспоминать древнѣйшую Русь, до-татарскую, — ея лѣтописи, проповѣди духовныхъ, обличенія, а также югозападныхъ славянъ, и въ то же время очень часто и великорусскихъ раскольниковъ, ихъ духовные стихи, книгу Голубиную и т. д. Таковы, напримѣръ, рассказы о сотвореніи міра съ участіемъ чорта, о происхожденіи горъ, вѣрованія, представляющія любопытнѣйшую аналогію съ богумильскими и манихейскими и черезъ эти послѣднія съ зендскими, изложенными въ Бундегеш³⁾. Напечатанныя въ III т. «Матеріаловъ» г. Чубинскаго колядки представляютъ цѣлыя Веды южно-русскія, по которымъ можно прослѣдить отгѣненіи религиозныхъ представленій отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ. Вотъ, напримѣръ, колядка, которая своими образами напоминаетъ гимны Индрѣ и многіе псалмы, воспѣвающіе бога, проявляющагося въ громѣ:

Ой изъ-за горы, зъ-за зеленоі
Выходитъ намъ чорна хмара (туча),
Але не е то чорна хмара,
Але во з то Напередовець,
Напередовець, красный молодець.
Заперезався чорною ожиною (ежевильной),
За тою ожиною та три трубоньки:
Перша трубонька та роговая,
Друга трубонька та золотая,
Третья трубонька та зубровая (зубровая).
Та якъ затрубить та въ роговую,
Та врадуся весь звирь у полі;
Та якъ затрубить та въ золотую,
Та врадуся вся риба въ морі;
Та якъ затрубить та въ зубровую,
Та врадуся весь миръ на землі (стр. 291).

¹⁾ Чубинск., т. I, стр. 143, 185, 191, 192, 142, 145, 146, 147, 151. Въ Бундегешѣ твореніе существующаго міра производится при борьбѣ злого духа съ перво-созданными Азурой-предметами; Justi, Der Bundehest, VI—XI. Ближайшія къ напечатаннымъ у г. Чубинскаго вѣрованія южно-русскія, сѣверно-русскія и др. приведены у Аванасьева—„Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу“, т. III, стр. 458 и слѣд. Богумильское вліяніе на южно-русскую народную словесность не подлежитъ сомнѣнію: многія колядки, напр., прямо подходятъ къ пѣснямъ попа Богумила, „какъ Христа въ попи ставили“ и какъ „Христось плугомъ ораць“ (см. ниже).

Другіе варианты этой колядки больше приспособлены къ восхваленію пастуха и почти совсѣмъ чужды космическихъ образовъ (тамъ же стр. 293, 469); но вотъ еще новые образы изъ одного варианта:

Якъ затрубить въ золотую,
Пішли голоса по підъ небеса,
Небеса ся ростворили,
Всі сваті ся поклонили ¹⁾ (стр. 405).

Мѣсто не позволяетъ намъ больше выписывать текстовъ колядокъ изъ III тома «Матеріаловъ», и мы ограничиваемся только указаніемъ ихъ наиболѣе интересныхъ и отличныхъ одна отъ другой категорій. Таковы, 1) колядки съ явными слѣдами древнѣйшаго натуралистическаго культа или міровоззрѣнія, явно образовавшіяся изъ древнѣйшихъ религиозныхъ гимновъ, въ родѣ Веды или гимновъ такъ-называемыхъ гомеровскихъ, какъ, напримѣръ, вышеприведенная; ср. также о зарѣ—колядки на стр. 281, 391, 395, 420; о солнцѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ и т. п. на стр. 409, 404, 415, 452—453; о конѣ и героѣ, устроющихъ небо (стр. 291—292) ²⁾; 2) колядки, въ которыхъ слиты образы христіанскихъ святыхъ съ образами антропоморфическихъ боговъ, покровителей земледѣлія (св. Петръ, Илья или самъ Богъ орутъ ниву, ходятъ за овцами и т. п.), напр. на стр. 385, 321, 346, 348, 421, 428, 450—451, 453, 337, 352, 390, 453; 3) колядки съ слѣдами религиознаго міровоззрѣнія, высшаго отъ первобытно-натуралистическаго, но и не чистаго православно-богословскаго, со слѣдами міровоззрѣнія дуалистическаго (въ родѣ

¹⁾ Ср. Rig-Veda, I, 4, г. 8, перев. Langlois (Biblioth. orient., 1872, I), стр. 75: 0, Магавонъ (Индра)... твоє могущество не знаетъ соперника! Страшнымъ громомъ ты заставляешь звучать рѣки и волны!... стр. 89, гимнъ XIX—14, Богъ, носящій молнію,—отъ звука, который ты производишь, возбуждаются всѣ существа одушевленные и неодушевленные, — и самъ Тваштри (Гефестъ), испуганный твоимъ гнѣвомъ, дрожитъ, о Индра, видя, какъ ты освящаешь царство твое“. Въ малорусскихъ воззрѣяхъ тучи также часто представляются чертами, какъ въ Ведахъ Азурами. См. Чубинскаго, т. I, 22—25.

²⁾ Съ послѣдн. сравн. въ Ригъ-Ведѣ (I, 1, 6) слова о томъ, какъ Индра, ѣдучи на колесницѣ, даетъ образъ хаосу.

Въ колядкахъ № 31 (стр. 294—95), 85 (стр. 357), 151 (стр. 422—23) можно видѣть или темныя, или модернизированныя черты представленій о царѣ-праотцѣ, терпящемъ отъ врага, какъ Джемшидъ или Инца. Колядка № 120 (стр. 392) представляетъ, кажется, слѣды культа Деля, солнца въ видѣ „блага дитяти“, какъ въ Ведахъ называется восходящее солнце.

Въ колядкахъ № 139 мѣсяцъ и сестра его—заря обходятъ міръ, смотря, готовятъ ли хозяева медъ, вино, палачи и т. п. жертвы. Ср. Rig-Veda, Langlois, p. 45, IX, 1.—Малор. колядку о чудесномъ конѣ ср. съ бѣлор. у Беасонова, стр. 75.

богумильства) и пантенистическаго, напр., основаніе міра двумя голубями, построение церкви съ тремя окнами — небо и тройца (Чуб. III, 280 и др.), споръ св. Петра и Бога о величинѣ земли (стр. 307, 344—346), олицетвореніе Христа птицею, рыбою, евангелія—цвѣткомъ, расцвѣтъ розы на Рождество, теченіе рѣки изъ слезы, уроненной ангеломъ, изъ крови Христа, и рожденіе Христа среди винограда, и т. п. (см., напр., стр. 298, 343, 353, 324, 447—449, 306, 434, 335, 407 и т. д.)¹⁾. Сюда же примыкають колядки и щедривки, говорящія о встрѣчѣ Маріи Дѣвы съ жидами, о разговорѣ ея съ Христомъ о мукахъ и т. д., напр. стр. 343, 349, 353, 447, 442, 444, 449, 481, о лежаніи Христа въ гробу (447)²⁾. 4) Колядки книжно-бурсацкаго характера изъ богогласниковъ XVI—XVII в. (стр. 327, 328 и др.)³⁾. 5) Колядки, представляющія обломки вертепной и вообще рождественской драмы (стр. 329), часто наивно или съ юморомъ трактующія предметъ (№ 73, стр. 342, какъ лицъязы, т.-е. бѣлоруссы, приносятъ дары Христу; № 84, стр. 355, и № 100, стр. 376—Христа хвалятъ звѣзды, кони возацкіе, бурсакъ, забывшій по-латыни, пастухи; № 104, стр. 381 — празднованіе родинѣ Христа на небѣ, ср. № 166 и т. п.). 6) Шутки и пародіи мальчиговъ (стр. 427, 430, 434, 463, 476—77), бурсаковъ (стр. 426), лавеевъ (425) и т. п., такъ-сказать карнавальныи элементъ праздника и обряда. Всѣ эти роды колядокъ отвѣчаютъ разнымъ эпохамъ религіознаго міровоззрѣнія и отношенія къ празднику и обряду, такъ что въ колядкахъ мы имѣемъ и черты древнѣйшаго міровоззрѣнія, и позднѣйшія наслойки. Нѣкоторыя колядки, наконецъ, не имѣють вовсе религіознаго характера, а составляютъ просто житейскія восхваленія хозяевъ, дѣвушекъ,

¹⁾ Въ одной колядкѣ два ангела являются въ видѣ голубей и говорятъ (стр. 417):

Мы выпитуемъ, мы вивидуемъ,
Що ся діе межъ мырами:
Паны весь свігъ завали (въ другомъ варьянтѣ жиды и паны),
Братъ на брата на ворогуе и т. д.

Въ другомъ варьянтѣ стоитъ и такой стихъ:

А царь на царя войны слыас.

Въ нѣкихъ колядкахъ ангелы дышатъ надъ Христомъ въ ясляхъ, въ другихъ—воли (стр. 326, 355, 449). Воли часто зовутся святыми. Ср. Чуб., т. I, стр. 43. Въ Знаймѣ, въ Моравіи, на старой фрескѣ, изображающей Рождество, надъ волами нарисованы ореолы, какъ надъ святыми. L. Leger, Le Monde Slave, 217.

²⁾ Съ послѣдней сходна моравская пѣсня Tré ložé (Susila, Moravské Narodní Písne v Nárěvu, 1872, 47. Ср. Сахарова, I, 93, 133.

³⁾ № 60, стр. 333, прямо церковный ирмосъ: Дѣва днесъ и т. д.

царней, священниковъ. Этого, 7-й родъ колядокъ поражаетъ, между прочимъ, чертами древняго и вовсе не-крестьянскаго быта: и одежда въ нихъ вспоминается кованая, съ оружіемъ, часто стрѣлами, шубы куньи; молодые люди представляются героями, предводителями войскъ, сидятъ въ шатрахъ со слугами-товарищами, осаждаютъ города и т. п. Очевидно, что эти образы взяты изъ быта дружины и князей, время удѣльныхъ (см. напр. Чуб., т. III, стр. 433, 312—313, 307—310, 321).

Одна колядка представляетъ черты быта еще до-княжескаго: въ ней мужи собираются спуститься по Дунаю и поступить въ службу въ Царьградъ (стр. 297 и 440). Впрочемъ, варианты колядокъ съ чертами героическаго быта удѣльной эпохи лучше, полнѣе и многочисленнѣе въ сборникѣ галицкихъ пѣсень г. Головацкаго; они приведены и объяснены въ сборникѣ «Историческія пѣсни малорусскаго народа», и недавно изданномъ г. Антоновичемъ и Драгомановымъ.

Такимъ образомъ, въ малорусскихъ колядкахъ, которыхъ напечатано теперь такое множество, благодаря сборникамъ гг. Головацкаго и Чубинскаго, мы имѣемъ остатки самаго древняго эпоса русскаго, религіознаго и героическаго, сохранившіеся, благодаря ихъ обрядовому характеру, въ томъ край, гдѣ впервые организовалось русское племя. Древность колядокъ между прочимъ доказывается сходствомъ съ ними бѣлорусскихъ «вологодныхъ пѣсень». Будучи прокомментированы съ помощью лѣтописей, поученій и вообще памятниковъ древнѣйшей русской литературы, а также сравнительно съ пѣснями другихъ народовъ, особенно славянскихъ, колядки, веснянки, да и вообще обрядныя пѣсни малорусскія представили бы драгоценный источникъ для уразумѣнія старины славяно-русской¹⁾. Теперь, когда издано не мало

¹⁾ Представленное выше указаніе древнѣйшихъ и новѣйшихъ категорій, на которыя раздѣляются колядки, есть уже само собою отвѣтъ на то мнѣніе о колядкахъ малорусскихъ, какое высказано было г. А. Веселовскимъ въ рецензій на „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, т. I, — напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, 1875, № 278. Г. Веселовскій, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко заходитъ въ приложеніи въ данномъ случаѣ теоріи позднѣйшаго, культурно-христіанскаго, происхожденія, распространенія такихъ памятниковъ народной словесности, какъ пѣсни, а особенно обрядовыя, — которыя далеко не то, что сказки, легенды или даже баллады. По г. Веселовскому, обычай колядовать — христіанскаго происхожденія, а колядки — пѣсни, въ концѣ, въ искаженномъ видѣ, передаются черты рождественской драмы, представляемой ходящими съ *вертепомъ* и *звездой*, отсюда — три царя превращаются въ мѣсяцъ, солнце и дождь, мѣсяцъ, солнце, звѣзды и т. д. и т. д. Мы не будемъ поддерживать мнѣмологическихъ объясненій слова *колядка*, которыя однакожь до сихъ поръ въ ходу у занимающихся русскими древностями; мы

пѣсенъ другой русской земли древняго заселенія — Бѣлоруссін, а также когда, благодаря другому сборнику г. Шенна, мы имѣемъ впервые, послѣ Сахарова, довольно полный и систематическій сборникъ аналогическихъ пѣсенъ (семейныхъ и обрядовыхъ) ве-

готовы принять, что колада — *calendae*, но не можемъ принять, что въ коладахъ нѣтъ слѣдовъ до-христіанскаго культа, — ибо онъ слишкомъ очевиденъ во множествѣ коладокъ, какъ и въ другихъ обрядовыхъ и *периодическихъ* русскихъ пѣсняхъ, съ которыми мы считаемъ особенно необходимымъ сравнивать колады. Такъ, напр., мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, что въ малорусскихъ коладахъ есть явные весенники, — что очевидно можетъ быть объяснено какъ тѣмъ, что такіа пѣсни могли составиться еще въ *дунайскій* періодъ жительствова славяно-русскаго племени, когда праздникъ начала весны могъ быть недалеко отъ 25 декабря — 1 января, — тѣмъ объясняется и роль, какую играетъ во многихъ малорусскихъ коладахъ виноградъ; не менѣе важно и то сходство, какое существуетъ между малорусскими коладами и бѣлорусскими вологобными пѣснями, которыя поются на свѣтлый праздникъ, уже прямо совпадающій съ весеннимъ праздникомъ въ нашихъ широтахъ. Видимо, что значительная часть пѣсенъ языческаго весенняго праздника прибилась въ христіанскую эпоху на югъ въ Рождеству (колады) и Новому году (щедривки), а сѣверѣе — къ празднику Воскресенія Христова. Уже вологобныхъ пѣсенъ г. Веселовскому врядъ ли удастся вывести изъ рождественской драмы. Да и малорусскія колады, принадлежащія явно къ обломкамъ и потомкамъ этой драмы, довольно ясно видѣются изъ ряда другихъ, — между прочимъ и своимъ книжнымъ языкомъ. Они не только христіанскаго, но и весьма новаго происхожденія, такъ какъ врядъ ли малорусская вертепная драма можетъ быть отодвинута дальше XVI в. Есть много и христіанскихъ коладокъ, но все-таки неимѣющихъ связи съ вертепной драмой и, очевидно, древнѣе ея, хоть бы, напр., колады о сотвореніи міра и вообще богумильскія. А если культъ мѣсяца, дождя, солнца и т. д. древнѣе культа трехъ царей рождественскихъ, то, конечно, и колады о первыхъ должны быть древнѣе не только вертепной драмы, но и христіанства. Тѣмъ болѣе нѣтъ невозможнаго, что если обрядовая поэзія малорусская сохранила слѣды славословій и представленій религіозныхъ до-христіанскихъ, то она могла сохранить и слѣды героическихъ славословій и представленій до-татарской, т. е. ранней христіанской эпохи на Руси. Пѣсни съ слѣдами дружинно-княжескаго быта этой эпохи помѣщены въ книгѣ, которую разбиралъ г. Веселовскій. Издатель ея не только „помнилъ, что пѣсни подвергались наслойкѣ въ теченіи поколѣній“, — но при каждой пѣснѣ указывали на такіа наслойки, только, основываясь на сближеніи пѣсенъ съ летописями, считали возможнымъ признать въ этихъ пѣсняхъ и *древній слогъ*. Рецензентъ говоритъ кромѣ того: „Мнѣ недостаточно знать, что пѣсня своимъ содержаніемъ напоминаетъ черты дружинно-княжеской эпохи; мнѣ необходимо узнать, что такого рода соотвѣтствія нельзя найти между пѣсней и чертами какой-нибудь другой позднѣйшей эпохи“. Но не только на судѣ, а и въ науцѣ часто считается, если не достаточнымъ, то важнымъ доказательствомъ неистиннаго факта положительнымъ способомъ и не требуется отъ доказывающаго, чтобы онъ еще доказывалъ его и отрицательнымъ. А въ данномъ случаѣ черты нравовъ, отношеній, обстановка, вооруженіе и т. п. во многихъ коладахъ явно и не крестьянскія, и не козацкія, — а боярскія и княжескія. Издатели въ предисловіи оговорились, что этимъ бытовымъ чертамъ они придаютъ больше значенія, чѣмъ личнымъ сближеніямъ, къ которымъ можетъ подать поводъ сопоставленіе пѣсни и летописи, а тѣмъ менѣе именамъ, встрѣчающимся въ пѣснѣ. Исключеніе сдѣлано только для № 12 (князь Романъ, — гавки, (весенняя игра — г. Веселовскій называетъ ее коладой). Встре-

ликорусскихъ, мы въ правѣ ожидать отъ нашихъ специалистовъ серьезнаго сравнительнаго изслѣдованія о бытовыхъ чертахъ въ семейныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ трехъ вѣтвей русскаго племени. Занятыя въ послѣднее время почти исключительно велико-

чтя во всѣхъ подляскихъ вариантахъ ея имя Романъ, издатели конечно думали, что имя это въ этихъ вариантахъ не случайно. Требованіе г. Веселовскаго, чтобы имя это было и въ другихъ вариантахъ, тогда только было бы вполне основательно, если бы издатели полагали, что пѣсня эта для Романа сочинилась. Но она, очевидно, древнѣе Романа,—уже какъ весенняя хоропроводная игра,—а интересна въ данномъ случаѣ не только тѣмъ, что въ подляскихъ вариантахъ въ нее попало имя грознаго завоевателя края, но и тѣмъ, что въ ней представляются древне-русскіе данники и князя и древне-русская дань—пчелы. Такого рода черты проглядываютъ во многихъ малорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ, приведенныхъ въ 1 томѣ „Истор. п. малор. народа“. Г. Веселовскій оспариваетъ изъ этихъ пѣсенъ и значеніе № 14 (Княжескій тунъ),—объясняя въ ней слова—*поісавъ суды судити* просто отзвукомъ по случаю города Судомира—Сендомира. Но мы имѣемъ теперь въ богатой коллекціи пѣсенъ и прочаго этнографическаго матеріала, доставленной кievскому отдѣлу географ. общества г. Манджуру изъ харьковской и екатеринославской губерніи, новый вариантъ этой пѣсни, который кончается такъ:

Нема пана дома, десь у гатьмава,
Суди судять, рады радить,
А за тії суди — золотні шуби,
А за тії ради — конька въ параді.

Пѣсня записана въ Вильшанахъ, харьковской губ., и очевидно Сендомиръ тутъ не при чемъ. Къ тому же, пѣсня приняла и мѣстную наслойку, московскаго періода,—(собственно слово „гетьманъ“), какъ и слѣдуетъ это въ лѣвобережной Украйнѣ, а сходство ея съ галицкою въ основной тѣмѣ—свидѣтельство древности основы пѣсни. На такіе пѣсни только недавно обращено вниманіе, — и мы не сомнѣваемся, что если только наше общество окажется въ состояніи выставить побольше и оцѣнить труды лицъ, въ родѣ г. Манджура, то мы получимъ немало пѣсенъ съ слѣдами древне-русскаго бита изъ разныхъ концовъ Руси. Мы и теперь имѣемъ нѣсколько новыхъ пѣсенъ и вариантовъ, которыхъ теперь не приводимъ, не желая удлиннять мимоходную записку.

Считаешь необходимымъ сказать, что нельзя не согласиться съ замѣчаніями г. Веселовскаго касательно не-русскаго происхожденія легенды о золотныхъ воротахъ (№ 15). Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что эта легенда приурочилась у насъ во вѣдѣніи Києва татарами и обратилась въ пѣсню, которую слышалъ г. Стояновъ въ Києвѣ и отъ которой г. Кулишъ записалъ четыре стиха. Въ отношеніи такихъ бродячихъ сказаній и образующихся изъ нихъ пѣсенъ важно и то, что ихъ придерживало въ известной мѣстности и какую они тамъ приняли мѣстную форму. Руководствуясь этими соображеніями, а также считая себя прежде всего издателемъ, они помѣстили въ свое изданіе №№ 63—69, такъ какъ желали собрать всѣ пѣсни, гдѣ только осталась какаа-либо память о туркахъ и татарахъ,—и очень жаль, что они пропустили нѣсколько колебательныхъ пѣсенъ. А что №№ 63—69,—не бытовныя пѣсни и баллады,—это ясно оговорено и въ предисловіи, и въ комментаріяхъ. Малорусскія же пѣсни, родственныя № 63-му, дѣйствительно представляютъ то „оригинальное“ явленіе, что въ Малороссіи встрѣчаются вмѣстѣ всѣ варианты, какіе въ Сербіи и Болгаріи, въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Велико-россіи попадаютъ порознь.

русскими былинами, наши спеціалісты оставляли почти безъ вниманія и великорусскія семейныя и обрядовыя пѣсни, и вообще такъ-называемыя лирическія; на малорусскія же и бѣлорусскія пѣсни наши ученые вовсе почти не обращали вниманія въ послѣднія двадцать лѣтъ, — послѣ Максимовича, Метлинскаго, Костомарова, котораго изслѣдованіе о южнорусскихъ пѣсняхъ, въ «Бесѣдѣ», долженствовало дать въ новомъ болѣе полномъ видѣ трудъ его, изданный въ сороковые годы, въ сожалѣнію, прерванъ съ прекращеніемъ «Бесѣды». Теперь, послѣ сборниковъ Безсонова, Шейна, Головацкаго и Чубинскаго, уже нельзя ни игнорировать, ни ограничиваться общими словами о пѣсняхъ и вообще памятникахъ народной словесности бѣлорусскихъ и малорусскихъ.

Намъ остается сказать лишь по нѣскольку словъ о другихъ изданіяхъ, однородныхъ по матеріалу съ тѣмъ огромнымъ изданіемъ, которымъ мы обязаны императорскому русскому географическому обществу.

Въ I томѣ Записокъ основаннаго въ 1873 г. югозападнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества (Кіевъ, 1874) помѣщено, въ числѣ прочихъ болѣе или менѣе достойныхъ вниманія статей, и 20 пѣсень, записанныхъ отъ кобзаря Остапа Вересаю, вмѣстѣ съ написанною г. Русовымъ интересною біографіею пѣвца, изъ коей можно узнать, какъ въ старину было организовано обученіе кобзарскому искусству, а также вмѣстѣ съ статьею г. Лысенко о музыкѣ Вересаю и малорусской пѣсни вообще, представляющею едва ли не первый у насъ опытъ сравнительно-этнографическаго музыкальнаго изслѣдованія. Объ историческихъ думкахъ, записанныхъ отъ Вересаю, мы говорить много не будемъ, такъ какъ онѣ помѣщаются съ объясненіями и въ вышеупомянутомъ изданіи «Историческихъ пѣсень малорусскаго народа». Скажемъ только, что Вересаю пѣлъ во время III археологическаго съѣзда еще три думы, которыя не вошли въ изданіе юго-западнаго-отдѣла географ. общества. Изъ думъ не-историческихъ у Вересаю обращаетъ на себя вниманіе дума, озаглавленная «Невольницка» (стр. 6), до сихъ поръ неизвѣстная и весьма оригинальная. Въ ней представляется, какъ соволенокъ былъ взятъ изъ гнѣзда «стрѣльцами-бухаловцами» и занесенъ въ Царьградъ, гдѣ его на рынкѣ купилъ Иванъ Богословецъ и держалъ его въ серебряныхъ путахъ и съ жемчугомъ около глазъ. Старый соколь прилетѣлъ надъ Царьградъ, голось его услышалъ соволенокъ, «головку склонилъ и врилечеа опустилъ» и т. д.

А сокігь налітає, та на крыла взявѣ,
 Та на високу высоту—гору підвошавѣ:
 «Эй, сокола мое, бездольне-безродне!
 Лучче мы будемь по полю літати
 Та собі живности доставати,
 Ніжъ у тяжкій неволі у панівъ проживати.
 Эй тожъ у панівъ есть що пити и їсти,
 Та тільки не воленъ світъ (не вольно) по світу походити!»

Намъ кажется, что эта дума — аллегорія неволи въ плѣну турецкомъ, гдѣ нѣкоторые плѣнники занимали и высокое положеніе, и находится въ ближайшей связи съ тѣми невольничьими пѣснями, какія помѣщены въ вышеупомянутомъ изданіи г. Антоновича и Драгоманова.

Пѣсни религиозно-нравственнаго содержанія, которыя поетъ Вересай, мало представляютъ отличій отъ пѣсенъ малорусскихъ слѣщовъ-лирниковъ и однородны съ пѣснями великорусскихъ «каликъ переходжихъ» и нищихъ, кромѣ пѣсни о Правдѣ (стр. 23). Есть и великорусская пѣсня о томъ, какъ «Правда съ неправдою боролися», но въ ней обѣ олицетворены въ два мифическія существа. Малорусская же пѣсня представляетъ простой протестъ противъ порядковъ «до-реформенной Россіи»:

Нема въ світі правди, правди не зіськати,
 Що вже теперъ неправда стала панувати!
 Теперъ правда у панівъ у темниці,
 А щира неправда зъ панами въ світлиці...
 Бо у суді стати,—правди не зіськати,
 А тільки сребромъ-златомъ панівъ насичати и т. д. 1).

Пѣсня эта вполне однородна по своему духу съ тѣми, въ коихъ оплакивается крѣпостное право, панщина ²⁾, — и коихъ любопытнѣйшимъ продолженіемъ являются пѣсни объ эмансипаціи. Достоинно примѣчанія, что пѣсни послѣдняго рода явились въ Галичинѣ въ 1848—49 г. и что только послѣ 1861 г. галицкія пѣсни, образчикъ которыхъ былъ напечатанъ въ «Основѣ» за 1862 г., явились въ югозападномъ краѣ. Теперь уже онѣ перебрались черезъ Днѣпръ. Разумѣется, что съ особенной охотою поють эти пѣсни на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ впечат-

1) Вариантъ Вересая, впрочемъ, не изъ лучшихъ.

2) Одна изъ болѣе характерныхъ пѣсенъ въ такомъ родѣ напечатана г. Костомаровымъ въ „Лѣтон. Русск. Литерат.“ (кн. VI, стр. 89), другая приведена въ концѣ его монографіи „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“; пѣсни объ инвентаряхъ напечатаны въ статьѣ „Малороссія въ ея словесности“ въ „Вѣсти. Европы“ 1870, май.

лѣвніе барщины усиливалось религіознымъ и національнымъ отличіемъ классовъ, гдѣ освобожденіе крестьянъ совпало съ польскимъ движеніемъ 1861—63 гг. и гдѣ мѣры, принятыя правительствомъ послѣ 1863 г., оказались гораздо благопріятнѣе крестьянамъ, чѣмъ условія освобожденія крестьянъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. На правомъ берегу Днѣпра поется нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ основная галицкая тема уже очень разработана, — такъ что пѣсня галицкая уже разбилась на три: въ одной изображается объявленіе воли и отлетъ панщины, въ другой — отчаяніе пановъ и экономовъ и ихъ положеніе послѣ эмансипаціи, въ третьей — воспоминаніе крестьянъ о панщинѣ и благодарность царю за освобожденіе. Въ I томѣ Записокъ кievскаго отдѣла географ. общества напечатанъ варьянтъ, записанный г. Бѣлинскимъ отъ лирника изъ села Овсяниковъ, литинскаго уѣзда, подольской губерніи; онъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ соединеніе почти всѣхъ мотивовъ, какіе въ другихъ варьянтахъ являются поодиночѣ, — съ прибавленіемъ новыхъ своеобразныхъ стиховъ.

Кто интересуется знать, какъ народъ принимаетъ реформы, — тому мы рекомендуемъ извѣстную малороссійскую пѣсню:

Летіла возуленька по надъ горы, села
Чогось наша громада смутна, невесела, и т. д.

Въ сатирическихъ пѣсняхъ, которыхъ отъ Версея записано въ книгѣ, изданной кievскимъ отдѣломъ географическаго общества, — пять, въ однихъ проглядываютъ тѣ же симпатіи и антипатіи, что и въ вышеупомянутыхъ пѣсняхъ, особенно въ № 2 («Дворянка») ¹⁾. Другія иронизируютъ надъ женщинами, плохо хозяйничаящими (№ 4), или представляютъ наборъ комическихъ неудачъ (№ 3, Хома та Ярема), или по-своему передаютъ положеніе, подъ пѣніе о которомъ и танцевала молодежь у царя Алвиноя (№ 5 «Бугай») ²⁾. И малорусскій вобзарь переходитъ въ такимъ пѣснямъ отъ думы о смерти Федора Безроднаго, какъ и пѣвецъ Демодокъ къ пѣснѣ объ Арѣѣ и Афродитѣ, послѣ пѣсни о событіяхъ троянской войны. На многихъ сатирическихъ пѣсняхъ малорусскихъ видно вліяніе великорусское; пѣсня о Хоми и Яремѣ явно заимствованная отъ великоруссовъ, — у которыхъ подобныя пѣсни и сказки въ свою очередь тоже заимствованы

¹⁾ Такая же галицкая въ Чтен. имп. моск. общ. исторія и древностей, 1865, IV, III, 477.

²⁾ Такая же въ Чтеніяхъ, 1865, IV, III, 509.

изъ западныхъ повѣстей ¹⁾. Пѣсня «Птичья свадьба» (щиголь) ²⁾ обща малоруссамъ съ западными славянами и другими народами; въ такомъ родѣ есть сербская пѣсня о женитьбѣ воробья (Караджичъ, Сербскія пѣсни, I, 532—533), только гораздо короче, чешская (Wenzel—Westslavisches Märchenschatz, 240), нѣмецкая (Uhland, Deutsche Volkslieder, I, 37, Vogelhochzeit). У болгаръ поютъ о свадьбѣ рака и жабы (Болгарскія народныя пѣсни, собран. Миладиновцевъ, Загребъ, 1861, 21 — 24); такую же пѣсню поютъ въ Бѣлоруссiи (Безсон., 54). У романскихъ народовъ пародiя на свадьбу людскую представлена въ видѣ свадьбы насѣкомыхъ, — какъ напр., у итальянцевъ: свадьба муравья (Ferraro, Canti Monferrini, 120; тосканскій варьянтъ у De Gubernatis, Zoological Mythologie), у французовъ: свадьба бабочки (Bujeaud, Chants et chansons populaires des provinces de l'ouest, I, 38), подобныя же у провансальцевъ (Arbaud, Chants populaires de la Provence, I, 195, II, 189) ³⁾. Малорусская поэзія вообще любитъ подобныя пародiи ⁴⁾. Она не останавливается представить даже ширшество на небѣ ⁵⁾.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ указать на необходимость приступить въ систематическому и сравнительному изученію русской народной поэзіи, для котораго необходимы и сборники съ указаніями на пѣсни, подобныя печатаемымъ въ данномъ сборникѣ, — прежде всего въ предѣлахъ одной народности, а дальше и въ другихъ. При теперешней же разбросанности варьянтовъ и по разнымъ изданіямъ и при той бессистемности, съ какою расположены варьянты даже въ одномъ изданіи, какъ, напр., кромѣ г. Чубинскаго, у гг. Головацкаго, Якушкина и др., и при отсутствіи у нашихъ издателей пѣсенъ обычая дѣлать указанія на другія изданія, — въ высшей степени затруднена возможность изученія народныхъ пѣсенъ.

¹⁾ „Декамероне“ Бокачіо, VIII, 8, друзья Zepha Spineloccio, повѣсть—Иванъ Гостиниинъ сынъ и о друзѣхъ, о Маркѣ и Шпинелетѣ, у Пиннинъ, „Очеркъ литер. истор. стар. сказокъ и повѣстей“, 276; тамъ же, 301—повѣсть о дву братѣхъ о Ермѣ и о Омѣ. Пѣсня великорусскую см. въ „Лѣтопис. русск. литер. т.“ IV, стр. 73, пѣсни Самарск.,—собран. Костомарова и Мордовцева.

²⁾ Такая же галицкая въ Чтен., 1865, IV, III, 505—508; подобная же—„Свадьба перелелки“, тамъ же, стр. 518.

³⁾ Въ томъ же вкусѣ—мишинный балъ у Bujeaud, I, 40.

⁴⁾ Птицы приготавливаютъ хлѣбъ—см. Чтен., 1866, I, 558; мнѣхъ кнѣжь почала, тамъ же, 569; судъ надъ ворономъ—Чтен., 1865, IV, 502; жуукъ тонеть, тамъ же, 504; смерть комара—Чтен., 1868, IV, 503, 1865, I, 564. Сахаровъ, Сказан. русск. нар. 266. Юмористическое хозяйство: Рудченко, Южнорус. сказки, I, 1. Ср. Карадж. Сербск. П., I, 505, 531. Медвѣдъ ореть—Чтен., 1865, IV, 509.

⁵⁾ Чтен., 1865, IV, 499; ср. Чубинск., III, 381.

Прекраснымъ исключеніемъ изъ этого правила являются недавно изданныя чумацкія народныя пѣсни И. Я. Рудченко (Кіевъ, 1874, XIII, 257). Этнографическій очеркъ г. Рудченко: «Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ» — былъ помѣщенъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» (1872, сентябрь и октябрь), а потому намъ нечего много говорить о чумацкихъ пѣсняхъ по содержанію ихъ. Мы скажемъ только о системѣ изданія г. Рудченко. Въ немъ собраны всѣ кѣмъ бы то ни было напечатанныя до сихъ поръ пѣсни, въ коихъ упоминаются чумаки, и много рукописныхъ. Варьянты подобраны одинъ къ одному чрезвычайно тщательно; пѣсни расположены въ порядкѣ моментовъ чумацкой жизни. Въ такомъ видѣ изданныя пѣсни дѣйствительно не только легко могутъ быть изучаемы по составу и формѣ ихъ, но и представляютъ рядъ картинъ жизни народной. Правда, что въ изданіе г-на Рудченко инныя пѣсни попали только потому, что въ нихъ случайно, иногда, напр., въ замѣну слово «казакъ» попало слово «чумакъ»; — но въ такихъ случаяхъ лучше помѣстить лишнюю пѣсню, чѣмъ пропустить нужную. Жаль только, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслью о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи, и, можетъ быть, заимствованныя. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченко, которую онъ врядъ ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варьянты ея, напечатанные у г. Рудченко (В. и Г.), рассказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перефразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, сказанія, напечатаннаго въ «Чтеніяхъ императорскаго московскаго общества исторіи и древностей» (1864, кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это по своему именно сказочному характеру сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи — и притомъ, явно, составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, — которая не записана до сихъ поръ ни кѣмъ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться: варьянты А. и Б. у г. Рудченко уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

Это не единственный примѣръ не только проникновенія великорусской пѣсни въ Малороссію, — такихъ примѣровъ не мало,

какъ и обратныхъ ¹⁾),—но и примѣръ того, какъ въ Малороссіи находятъ пѣсни, такъ сказать переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ исследователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ I томѣ «Историческихъ пѣсень малорусскаго народа», стр. 284. Это одни изъ вариантовъ пѣсень о кровосмѣшеніи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варианты, напечатанныя въ V томѣ «Матеріаловъ» г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно вариантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала или, можетъ быть, и существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ сказаніе, въ родѣ тѣхъ, какія напечатаны г. Бостомаровымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы», изд. гр. Купчелова-Безбородко, II, 415—442. И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки. Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соотвѣтствія малорусской пѣсни великорусскому сказанію, соотвѣтствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву «о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами козу, которая тотчасъ къ нему приросла» ²⁾),—а въ «Запискахъ о южной Руси» г. Кулиша (т. 2), напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянинѣ (Кириѣ) совершенно на эту тѣму, только вмѣсто козьеи шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой вариантъ этой же сатиры.

Подобные примѣры указываютъ на настоятельную необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности, и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украину великорусскую, которая соприкасается съ малорусскою — и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской козацкой колонизаціи.

М. Т — о в ъ.

¹⁾ Такъ переходили не только баллады, но историческія пѣсни; напр. самарская пѣсня, напечатанная въ „Литоп. р. литер.“ т. IV, 38,—явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы—только съ перемѣной грусти побѣжденныхъ въ провію побѣдителей.

²⁾ Ибоникова, Графъ Н. С. Мордвиновъ, стр. 420.

* * *

За годомъ мчится годъ въ погонѣ за добромъ,
Богатствомъ, славою и призракомъ свободы.
Мольбы, стenanія, проклятыя, смѣхъ и громъ
Отсюду слышатся... Волнуются народы;
Дружатся, ссорятся — конца ихъ распрямъ нѣтъ!
И, внемля издали раскатамъ вѣчной битвы,
Усталъ я повторять усердныя молитвы
Въ надеждѣ праведныхъ побѣдъ!

Мечты заносчивой отяжелѣли крылья,
Угасъ ненужный пылъ волшебныхъ, юныхъ думъ,
Поникла голова въ сознаніи безсилья
И мудрость ветхая оледенила умъ.
Поворность, какъ змѣя, скользнула въ грудь украдкой...
«Не все-ль тебѣ равно? — она шепнула мнѣ —
«Не слушай жизни стонъ, предайся нѣгѣ сладкой
Въ уединенной тишинѣ.

«Цѣпей достоинъ рабъ, сумы достоинъ нищій,
Достойны мертвецы имъ вырытыхъ могилъ;
Чего-бъ кто ни искалъ — свободы, славы, пищи —
Виновень, кто побить, и правъ, кто побѣдиль!
Единый въ мірѣ царь — ему названье *сила!*
Колѣни преклони предъ грознымъ тѣмъ царемъ,
И удались отъ зла, чтобъ тѣма тебя покрыла,
Чтобъ ты забылся тихимъ сномъ!

«И, можетъ быть, во снѣ слетятъ къ тебѣ видѣнья
Въ сіяньи дѣвственныхъ и радужныхъ одеждъ,
И вновь въ душѣ твоей воскреснуть вдохновенья,
Какъ въ годы чудные довѣрья и надеждъ!
И будешь бредить ты, охваченный борьбою —
Въ огнѣ, средь мертвыхъ тѣлъ, растоптанныхъ въ крови,
При громкихъ столахъ жертвъ, при смѣхѣ надъ тобою —
О правдѣ, мирѣ и любви!»

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ЮЖНЫЕ ШТАТЫ

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И ИХЪ НАСТОЯЩЕЕ.

The Southern States of North America: A Record of journeys in Louisiana, Texas, The Indian Territory, Missouri, Arkansas, Mississippi, Alabama, Georgia, Florida, South Carolina, North Carolina, Kentucky, Tennessee, Virginia, West Virginia and Maryland. By Edward King. Profusely illustrated from original sketches by J. Wells Champney. London, 1875.

Болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ южные штаты сѣверо-американской республики, потерпѣвъ неудачу на выборахъ президента и обѣихъ палатъ конгресса, убѣдились, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ общемъ союзѣ съ сѣверными штатами приведетъ къ уничтоженію невольничества; а такъ какъ они считали это учрежденіе своимъ кровнымъ, «особеннымъ» и оригинальнымъ, безъ котораго невозможно продолженіе и развитіе ихъ прежняго государственнаго порядка и общественнаго строя, то они рѣшились или отстоять свою политическую и соціальную независимость, или пасть вмѣстѣ съ невольничествомъ. Такъ началась страшная гражданская война, которая продолжалась четыре года, стоила жизни пятистамъ тысячъ людей, увеличила государственный долгъ обѣихъ половинъ республики на пять миллиардовъ долларовъ, и окончилась полнымъ разрушеніемъ военныхъ силъ и государственнаго устройства южныхъ штатовъ съ отмѣною невольничества. Американская республика такимъ образомъ снова стала цѣлымъ и свободнымъ государствомъ, какою желалъ ее видѣть самъ основатель, великій Вашингтонъ. Уже тогда, во время первыхъ споровъ и

равсуждений объ основахъ новой республики, очень многіе проворливые политики сѣверныхъ штатовъ высказывали сильныя опасенія противъ невольничества, и въ великомъ актѣ деклараціи о независимости находилось даже, въ числѣ обвиненій противъ англійскаго короля Георга III, то, что онъ «велъ свирѣпую войну противъ самой человѣческой природы, нарушая ея самыя священныя права жизни и свободы въ лицѣ далекаго народа, который никогда не вредилъ ему, захватывая и унося ихъ въ невольничество въ другомъ полушаріи». Эти слова были написаны Джефферсономъ, который самъ былъ южанинъ и рабовладѣлецъ. Но когда дѣло дошло до принятія этой статьи, другіе представители южныхъ штатовъ потребовали уничтожить ее, и они оказали такое сильное сопротивленіе противъ всякихъ доводовъ, что сторонники отбѣны невольничества согласились удалить эту статью изъ деклараціи подѣ тѣмъ условіемъ, что южане не будутъ настаивать на признаніи невольничества основнымъ учрежденіемъ республики. Вашингтонъ и его послѣдователи были до того сильно убѣждены въ невозможности дальнѣйшаго развитія столь отвратительнаго ихъ высоко-христіанскому чувству учрежденія, какъ невольничество, что надѣялись однимъ непризнаніемъ его въ конституціи уничтожить его; они полагали, что само время покажетъ южанамъ несостоятельность и негодность такого учрежденія для нравственнаго и эономическаго процвѣтанія общественной жизни. Но такое убѣжденіе оказалось совершенно ошибочнымъ: вся послѣдующая исторія отношеній между сѣверными и южными штатами служить тому самымъ очевиднымъ доказательствомъ, такъ какъ истинныя, возбуждаемые невольничествомъ, до того обуяли и умъ и чувство южныхъ правителей и плантаторовъ, что они всѣ свои помыслы и стремленія направили главнымъ образомъ въ охраненію и распространенію рабовладѣнія. Замѣчательно, что всѣ домогательства южанъ постоянно увѣнчивались успѣхомъ. Въ 1787 году они добились умноженія числа своихъ представителей въ конгрессѣ, доказавъ, что такъ какъ принципъ представительства основанъ на численности населенія, то и негры должны быть включены въ опредѣленіе числа представителей южныхъ штатовъ; пять негровъ приняты за три бѣлыхъ, и югъ приобрѣлъ въ конгрессѣ 20 новыхъ членовъ! Въ 1803 году южные штаты настояли на приобрѣтеніи отъ Франціи всей долины Миссиссиппи, гдѣ уже существовало невольничество, и вотъ у нихъ стало еще двумя штатами больше. Шесть лѣтъ спустя, сѣверная часть французскихъ владѣній стала проситься войти въ составъ республики подѣ именемъ штата Миссури; вопросъ о

невольничествѣ и на этотъ разъ имѣлъ успѣхъ, несмотря на то, что жители Миссури въ 1819 году провели въ своемъ народномъ собраніи законъ объ отгнѣннѣ невольничества; южане опять добились компромисса тѣмъ, что согласились принять границею расширенія невольничества всю сѣверную территорию за 36°30' сѣверной широты. Такимъ образомъ, у юга оказалось 12 штатовъ, — столько же, сколько было у сѣвера. Въ 1846 году, мексиканская война прибавила имъ еще три штата, между тѣмъ у сѣвера было только четырнадцать. Въ 1854 году, когда двѣ территоріи: Канзасъ и Небраска, обѣ лежащія сѣвернѣе опредѣленной границы, стали проситься, чтобы ихъ представителей допустили въ члены конгресса, южане настаивали на томъ, чтобы обитатели этихъ территорій сами рѣшили вопросъ о допущеніи къ нимъ невольничества. Только этотъ фактъ убѣдилъ, наконецъ, либераловъ сѣвера, что съ южанами на сдѣлки идти невозможно, и они рѣшились дать серьезную битву на выборахъ въ Канзасѣ, несмотря на вооруженное вмѣшательство самого президента республики, южанина Буханэна. Пять лѣтъ длилась страшная борьба — и штатъ Канзасъ рѣшилъ, что онъ не допуститъ у себя невольничества. Такимъ образомъ, въ 1860 году южане уже видѣли, что сѣверъ не пойдетъ больше ни на какія уступки, и такъ какъ новымъ президентомъ былъ избранъ Линкольнъ, который провозгласилъ себя сторонникомъ уничтоженія невольничества, то имъ оставалось только прибѣгнуть къ оружію или признать свое «особенное учрежденіе» несостоятельнымъ.

Всѣ эти факты борьбы между сѣверными и южными штатами достаточно доказываютъ, что главная цѣль въ стремленіи южанъ къ политическому обособленію заключалась не въ этомъ обособленіи, но въ сохраненіи невольничества и даже въ вооруженномъ распространеніи его въ другія страны Америки, и прежде всего въ сѣверные штаты. Такъ всегда бываетъ въ государствахъ, гдѣ рабство служитъ основою экономическаго порядка вещей; такое хозяйство истощаетъ земли, и чѣмъ сильнѣе увеличивается население и чѣмъ богаче становятся правители, тѣмъ болѣе усиливаются у нихъ стремленія къ захвату новыхъ земель, тѣмъ неблагоразумнѣе они рѣшаются на самыя отважныя предпріятія и тѣмъ скорѣе совершается ихъ гибель.

Учрежденіе невольничества, на которомъ росло и крѣпло благосостояніе южныхъ штатовъ или, лучше сказать, южныхъ плантаторовъ и политиковъ, снесено однимъ ударомъ неудачной войны, и вмѣстѣ съ нимъ разрушены всѣ источники существованія такого политическаго и общественнаго строя, каковой былъ

столь привлекателенъ всѣмъ бывшимъ правителямъ уничтоженной теперь «южной конфедераціи». Въ настоящее время въ этихъ штатахъ лишь изрѣдка попадаетъ путешественнику какой-нибудь утопистъ, мечтающій о мщеніи сѣверу, или таковой чудакъ, который мечтаетъ о восстановленіи конфедераціи. Южному населенію предстоитъ совсѣмъ иное, совсѣмъ другой путь развитія, и притомъ нѣчто сходное съ порядками сѣвера. Негръ становится на первомъ планѣ не только какъ свободный работникъ и гражданинъ, но и какъ человѣкъ политическій; сдѣлавшись американскимъ «ситизеномъ», онъ приобрѣлъ право голоса на политическихъ выборахъ, и очень важно, чтобы онъ умѣлъ пользоваться имъ съ толкомъ и въ пользу дѣйствительныхъ интересовъ своего штата и всей американской республики. Негру, котораго деморализировали различными способами въ продолженіи двухсотъ лѣтъ и котораго оставляли въ полномъ невѣжествѣ, теперь очень трудно понимать свое положеніе и опредѣлять, кто ему врагъ, и кто ему другъ. Только одно образованіе можетъ вывести его на новую дорогу и дать ему возможность занять въ общественномъ движеніи выгодное для общественныхъ польвъ мѣсто. Въ нынѣшній моментъ, когда они только-что освободились изъ рабства, негры, разумѣется, могутъ относиться къ своимъ бывшимъ властителямъ лишь съ крайнимъ недоувѣріемъ и осторожностью. Если плантаторы будутъ чуждаться негровъ и не обратятъ серьезнаго вниманія на распространеніе образованія между ними, то, разумѣется, негры станутъ точно также сторониться плантаторовъ, и искать совѣтовъ и поученій у другихъ бѣлыхъ людей, которые относятся къ нимъ гораздо благосклоннѣе. Южные образованные классы должны отказаться отъ своихъ прежнихъ требованій и отъ разныхъ предразсудковъ противъ чернаго человѣка, и употребить свои умственные и нравственные силы и денежные средства на развитіе нравственныхъ и умственныхъ силъ многихъ милліоновъ тѣхъ людей, физическимъ и умственнымъ трудомъ которыхъ они такъ долго пользовались почти безвозмездно.

Эдуардъ Кингъ, талантливый и дѣльный авторъ книги, съ занимательнымъ содержаніемъ которой мы желаемъ познакомить читателей, обратилъ серьезное вниманіе на южные штаты, вынесшіе на себѣ огромный экономическій и социальный переворотъ, и сдѣлалъ любопытныя наблюденія надъ возрожденіемъ политической и общественной жизни въ этихъ штатахъ; онъ не только совѣтуетъ южанамъ прежде всего позаботиться объ образованіи негровъ, но и требуетъ у вашигтонскаго конгресса два милліона долларовъ въ пользу школъ черныхъ дѣтей.

Книга Кинга есть результатъ почти двухлѣтнаго пребыванія автора въ каждомъ изъ тринадцати южныхъ штатовъ и изученія всѣхъ сторонъ тамошней жизни: общественной, политической, экономической, литературной, педагогической и просто уличной или семейной. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхало нѣсколько художниковъ, и между ними Уэллсъ Чэмпи, которые снимали виды съ разныхъ замѣчательныхъ предметовъ и дали множество характерныхъ сценъ, весьма хорошо поясняющихъ рассказы самого путешественника. Самъ Кингъ и его сотоварищи съвера — американцы, но они не отличаются никакими предрассудками — ни относительно побѣжденных и разоренныхъ плантаторовъ, ни относительно негритянскаго населенія и бѣдныхъ бѣлыхъ людей, которые тоже были совершенно заброшены плантаторами, такъ что 50 процентовъ взрослыхъ людей этого класса не умѣютъ ни читать, ни писать. Со всѣми этими классами онъ имѣлъ личныя сношенія въ разныхъ случайностяхъ жизни: и въ ихъ жилищахъ, и на поляхъ или въ заведеніяхъ, гдѣ производятся работы, и въ семьѣ, и на аренѣ законодательныхъ собраній или во время лекцій въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ никому не потворствуетъ и никого не щадитъ; въ его рассказахъ нѣтъ ничего вымышленнаго или преувеличеннаго, онъ пишетъ какъ американецъ, одаренный добрымъ здравымъ смысломъ, вѣрующій въ цивилизаціонныя силы свободы труда и охраненія собственности, желѣзныхъ дорогъ и развитія промышленности и земледѣлія, а также народнаго и научнаго образованія, свободы печати и т. п.

I

Начнемъ описаніе нынѣшняго положенія населенія южныхъ штатовъ съ рассказовъ Кинга о бѣдствіяхъ плантаторовъ и вообще зажиточныхъ людей, и объ ихъ жалобахъ на союзное правительство, на негровъ и на свое безсиліе выйдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, созданныхъ какъ непремѣнныя послѣдствія войны.

Война унесла болѣе 200 тысячъ южанъ лучшихъ фамилій и оставила увѣчья и болѣзни многимъ тысячамъ другихъ; она разрушила всѣ старыя отношенія между разными классами населенія и наложила на всѣхъ плательщиковъ податей тягостныя проценты съ новаго государственнаго долга въ 2 миллиарда долларовъ; наконецъ, она уничтожила многія промышленныя и земледѣльческія предпріятія и, оставивъ за собою тяжелое поло-

женіе вещей, лишила страну кредита и понизила стоимость имущества вообще. Всего сильнѣе потерпѣли тѣ штаты, которые продолжали агитацію противъ сѣвера даже послѣ окончанія войны. Подобная агитація постоянно вела за собою вмѣшательство со стороны военныхъ властей, причемъ обыкновенно устанавливались временные порядки, столь удобные для злоупотребленій всякаго рода. Не всѣ американцы, прїѣзжавшіе съ сѣвера, отличались исключительною преданностью интересамъ освобожденныхъ негровъ; было не мало и такихъ, которые воспользовались неопытностью чернаго населенія, чтобы поживиться на счетъ плантаторовъ и на счетъ кредита штатовъ, и набить свой дорожный мѣшокъ (sacret-bag) южными долларами. Впрочемъ, защитники плантаторовъ напрасно называютъ всѣхъ сѣверныхъ американцевъ «карпетбэггерами»; очень многіе изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, сами привезли крупныя суммы для распространенія образованія между неграми и для защиты ихъ отъ такихъ сподвижниковъ плантаторской власти, какъ члены тайнаго общества Ку-Клуксусъ, которое своими варварскими насиліями старалось устрашать негровъ въ дѣлѣ политической пропаганды. Пока партія плантаторовъ не успокоится и не примирится съ новымъ порядкомъ вещей, ея несчастія и бѣдствія не прекратятся, и только примутъ еще худшую форму. Ихъ положеніе дѣйствительно очень горькое и печальное, но оно вовсе не такое безвыходное, какимъ они его представляютъ.

Самую сильную и болѣе основательную жалобу плантаторовъ удалось слышать Кингу въ Нью-Орлеанѣ, отъ одного очень образованнаго креола благороднаго французскаго происхожденія, историка и публициста. Онъ защищалъ французскія семьи, выселившіяся во Францію, несмотря на то, что онѣ нажились въ Нью-Орлеанѣ и ничѣмъ не оплатили этому городу за тѣ доходы, которые получали съ своихъ старинныхъ домовъ въ продолженіи многихъ поколѣній. Эти французы жили себѣ все въ тѣхъ же правилахъ «ancien régime», съ которыми прибыли въ устьямъ Миссиссиппи ихъ предки во времена Людовика XIV. Съ уничтоженіемъ невольничества и съ установленіемъ новаго порядка, всѣ эти французы перевели свои доллары на франки и повиновили Луизиану. Изъ знакомыхъ креола всѣ, кто имѣлъ средства, поступали такимъ образомъ. «Русло, — сказалъ онъ, — по которому текла общественная жизнь въ Луизианѣ и Нью-Орлеанѣ до послѣдней войны, до такой степени разрушилось, что самое пребываніе въ штатѣ стало для меня самого и для общества несноснымъ. Со времени послѣдней войны, кажется, прошло надъ нашею странюю болѣе

500 лѣтъ. Италія Августа не отличается такимъ несходствомъ отъ Италіи нашихъ дней, какъ отличается нынѣшняя Луизіана отъ Луизіаны, какою она была до войны. Теперь уже нѣтъ того духа величественнаго, безграничнаго гостепріимства, которымъ столь характеристично отличался югъ. Прежде, гость, представленный плантаторамъ, былъ принятъ съ королевскими щедротами на многіе дни и его посылали въ собственномъ экипажѣ знакомиться и пользоваться гостепріимствомъ сосѣдей. Теперь эти самне плантаторы живутъ на хлѣбъ и свининѣ... Большинство этихъ людей, — продолжалъ креоль, — куда-то скрылись, и я самъ знаю дамъ, получившихъ утонченное образованіе, доходы которыхъ до войны достигали гигантскихъ размѣровъ и которыя занимаются теперь «стиркою» изъ-за куска хлѣба. Бѣдность, отчаяніе, всотняхъ случаевъ, просто невѣроятны... Многія превосходныя плантаціи, — сказалъ онъ далѣе, — совершенно покинуты; негры не хотятъ оставаться тамъ и уходятъ въ города или работаютъ на землѣ, которую купили для себя». Онъ не думаетъ, что свободный негръ работаетъ на себя съ такимъ усердіемъ, какъ работалъ на своего хозяина. Нынѣшняя система труда, по его мнѣнію, страшно тягостна для плантаторовъ. Негры бываютъ выгодны, какъ полевыя руки, только въ томъ случаѣ, когда они работаютъ въ долю, а плантаторы снабжаютъ ихъ землею, орудіями, лошадьми, мулами и пищею. Что касается до самого рассказчика, онъ не сталъ бы нанимать негра съ заработной платою: это невыгодно. Отчаянное состояніе луизіанцевъ возникло, какъ ему вѣжется, всего болѣе оттого, что очень трудно достать денегъ, нужныхъ для обновленія дѣла. Ему извѣстны случаи, когда нужно было не болѣе 10 или 20 тысячъ долларовъ для улучшенія водяной силы или земли, и можно было извлечь сотни тысячъ. Онъ самъ не разъ писалъ въ газетахъ сѣвера, уговаривая сѣверныхъ американцевъ помочь южанамъ; но они не хотятъ и отговариваются тѣмъ, что до тѣхъ поръ, пока господствуетъ настоящее политическое положеніе, они не измѣнятъ своего рѣшенія. Онъ прибавилъ, съ большимъ воодушевленіемъ, что онъ не думаетъ, чтобы на сѣверѣ повѣрили заявленіямъ, которыя содержатъ въ себѣ вѣрный снимокъ съ настоящаго состоянія дѣлъ въ Луизіанѣ. Сами природные южане не могутъ вполне понять его и, слѣдовательно, нечего и ожидать, чтобы чужіе, люди другихъ привычекъ жизни и мысли, могли бы то уразумѣть. Онъ не порицаетъ негра за его нынѣшнюю неспособность, потому что, по его мнѣнію, черный человѣкъ — низшее существо, сдѣлавшееся вѣками спеціальнаго обученія совершенно не-

годнымъ для того дѣла, на которое онъ теперь призванъ. Негръ былъ, по своей природѣ, добръ, великодушенъ, вѣжливъ, способенъ къ цивилизаціи до известной степени; но теперь онъ лишенъ нравственнаго сознанія и, разумѣется, невѣжественъ. По всему штату, на каждую сотню негровъ едва ли найдется одинъ, умѣющій подписать свое имя; въ одномъ изъ законодательныхъ собраній было ихъ 55, которые не умѣли ни читать, ни писать. «Въ послѣднемъ законодательномъ собраніи, — говорилъ креоль, — едва ли былъ хотя одинъ цвѣтной человѣкъ, котораго можно было бы признать вполне способнымъ. Бѣлые люди въ Луизианѣ до такой степени терроризованы негртянскимъ управленіемъ, что они предпочли бы ему всякій деспотизмъ. Они предпочтутъ любого военнаго диктатора; они пойдутъ куда угодно, лишь бы избавиться отъ безчестія и униженія, какому они теперь подвержены. Этотъ кризисъ деморализуетъ. Никто не работаетъ съ охотою; каждый въ долгахъ. Въ городѣ Нью-Орлеанѣ нѣтъ ни одного куска собственности, на пріобрѣтеніе которой стоило бы употребить капиталъ, хотя всякій можетъ купить теперь за 10, даже за 5 тысячъ долларовъ то, что первоначально стоило 50 тысячъ. Такая собственность не уплатить и издержекъ купли: налоги слишкомъ громадны. Большинство крупныхъ плантацій покинуто исключительно вслѣдствіе чрезмѣрнаго обложенія. Только тѣ, кто знаетъ дѣйствительныя причины безнадежнаго положенія, могутъ себѣ представить всю глубину ея. Иностранное переселеніе, — утверждаетъ рассказчикъ, — могло бы привести большую пользу, но оно невозможно при подобномъ *режимѣ*. Новые пришельцы вмѣшиваются въ безумную политику съ такимъ рвеніемъ, что пренебрегаютъ развитіемъ страны. Тысячи гражданъ бѣжали въ Техасъ, въ сосѣдній штатъ. Масса иностранныхъ эмигрантовъ легко теряетъ надежды и ихъ здоровье разстраивается оттого, что они начинаютъ работать больше, чѣмъ позволяетъ климатъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нѣмцы, по пріѣздѣ въ штатъ, получали отъ организацій бѣлыхъ и черныхъ туземныхъ рабочихъ увѣщанія, чтобы они не принимали слишкомъ большое число часовъ для рабочаго дня, такъ какъ подобное условіе можетъ сдѣлаться опаснымъ примѣромъ. Однако, несомнѣнно, что почти каждый бѣлый человѣкъ можетъ сдѣлать столько, сколько три негра. Креоль почти увѣренъ, что не пройдетъ и пятидесяти лѣтъ, какъ въ Луизианѣ не станетъ ни одного негра. Это племя быстро уменьшается. Плантаторы, которые владѣли тремя или четырьмя сотнями невольниковъ до войны, наблюдали за движеніемъ ихъ жизни, и нашли, что болѣе половины ихъ умирало

отъ нужды и пренебреженія. Негры не умѣютъ заботиться о себѣ. Теперь женщины на тѣхъ плантаціяхъ, гдѣ онѣ прежде были въ рабствѣ, рожаютъ только одного ребенка, а прежде онѣ рождали трехъ. Онѣ не будутъ столь плодородными, какъ прежде: черное населеніе быстро уменьшается. Садоводство, — сказалъ онъ, — оказалось невыгоднымъ опытомъ, потому что негры обладаютъ воровскими наклонностями. Весь картофель, рѣпа, капуста, потребляемая бѣлымъ населеніемъ Нью-Орлеана, привозятся изъ западныхъ штатовъ».

Этого свидѣтеля, — говоритъ Кингъ, — никакъ нельзя назвать неискреннимъ или несправивимымъ рабовладѣльцемъ; но отчаяніе, быть можетъ, окрасило его взгляды. Онъ откровенно признаетъ послѣдствія войны, насколько это касается отѣны невольничества и соединеннаго съ нею разоренія его собственнаго имущества и имущества тысячи другихъ; онъ дѣйствительно безъ ропота переносилъ всѣ бѣдствія, возникшія изъ преобразования штата, пока, наконецъ, теперь и его самого и его пріятелей не прижали къ стѣнѣ. Онъ представитель очень обширнаго класса; это отчаяніе — не сонъ. Оно написано на лицахъ гражданъ, вы можете прочесть его и оцѣнить по достоинству...

«Эти лица, эти лица! — восклицаетъ Кингъ — выражаютъ болѣе сильное страданіе, болѣе глубокое недовольство, чѣмъ можетъ причинить желѣзный рокъ немногихъ лѣтъ войны! Ихъ видишь вездѣ: на улицѣ, въ театрѣ, въ *salon*, въ экипажахъ; передъ ними останавливаешься, пораженный выраженіемъ полнаго отчаянія и совершенной безпомощности въ ихъ чертахъ. Иногда лица эти принадлежатъ однорукому или инымъ образомъ изувѣченными; иногда съ ними не соединяется ни ранъ, ни зажившихъ рубцовъ и ихъ несутъ молодость и цвѣтъ жизни; но выраженіе на нихъ все то же. Отъ времени до времени это выраженіе сдерживается благородною волею, но никакая энергія не можетъ подавить его: оно всегда тутъ. Борьба окончена, миръ объявленъ, но цѣлое повогнѣе осуждено. Прошедшее далю будущему даръ настоящаго; но теперь видны только неподвижный горизонтъ борьбы безъ одушевленія для тѣхъ, которые идутъ, и только слабая надежда для тѣхъ, которые приходятъ. Вотъ что говорятъ эти лица; вотъ что составляетъ тяжесть ихъ печали... И это говорятъ лица не тѣхъ громкихъ крикуновъ и непримиримыхъ враговъ всего, что можетъ упрочить американскій союзъ, и не тѣхъ, которые скажутъ вамъ, что наступитъ день, и югъ, снова соединенный, возстанетъ съ новыми силами и нанесетъ ударъ за свободу. Нѣтъ, это выраженіе имѣютъ лица людей,

которые съ генеральскимъ мечомъ въ рукѣ руководили страшными битвами, и лица женщинъ, которыя лишились навсегда мужей, дѣтей, жениховъ, имущества, семьи и всѣхъ удобствъ жизни. Это выраженіе покоится на лицахъ энергическихъ бойцовъ, мыслителей и хранителей южнаго духа и сердца; и эти лица не прояснятся въ Луизианѣ, потому что великія бѣдствія неустроеннаго труда, обнищавшаго общества, разстроенныхъ семействъ, племенного законодательства, мстительной тирании и терроризма, вооруженнаго, какъ Немезида древнихъ временъ, угнетающею и разрушающею силою, — не оставляютъ никакой надежды для нынѣшняго поколѣнія. Небо да смилуется надъ ними! Ихъ судьба до того неизбежна, что не можетъ не вызывать самаго энергическаго сочувствія».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зрѣлище безвыходнаго положенія, въ которомъ находятся многія тысячи людей въ южныхъ штатахъ, гдѣ они пользовались еще такъ недавно всѣми удобствами жизни и значительною политическою властью, можетъ производить очень сильное впечатлѣніе на чувствительную натуру посторонняго наблюдателя. Такой натурѣ можно только сочувствовать. Эдуардъ Кингъ, въ своемъ сочувствіи къ безпомощнымъ южанамъ, представляетъ собою тотъ превосходный типъ добросовѣстнаго американца, умѣющаго сочувствовать дѣйствительнымъ человѣческимъ несчастіямъ и неудачамъ, хотя бы этими несчастіямъ и неудачамъ подвергались его вчерашніе враги. Это примирительное отношеніе къ политическимъ стремленіямъ, самымъ противоположнымъ, — это признаніе господства нравственнаго чувства надъ политическими дѣйствіями рѣдко попадаетъ въ наше время въ политическихъ сочиненіяхъ съ современнымъ содержаніемъ. Всѣ партіи всегда стараются достигнуть не дѣйствительной истины, однаково вѣрной и обязательной для всѣхъ, но только той, которая ей нравится, и задавить всѣ другія, особенно противоположныя, хотя никто не можетъ ручаться за полную справедливость своей. Такъ какъ съ этими истинами сопряжены громадныя интересы, а объ этихъ интересахъ заботятся только одніѣ заинтересованныя стороны, а не всѣ вмѣстѣ, то въ окончательномъ результатѣ ихъ взаимной борьбы постоянно получается общее недовольство, и нигдѣ не можетъ установиться ни спокойное движеніе впередъ, ни прочное благосостояніе. Пока политика руководствуется только интересами партій безъ всякаго участія со стороны нравственныхъ принциповъ, истекающихъ изъ потребностей общественнаго блага, до тѣхъ поръ она будетъ лишь жалкою борьбою низкихъ страстей, въ родѣ користи и

коварства, существованіе которыхъ мѣшаетъ примирительному или научному взгляду на общественныя отношенія. Кто стремится къ общественному счастью, тотъ долженъ видѣть въ обществѣ интересы всѣхъ гражданъ, всѣ несчастія и бѣдствія ихъ, и по возможности сочувствовать имъ и примирять ихъ не путемъ насилія, а путемъ добровольнаго соглашенія. Вотъ почему въ наше время очень утѣшительное явленіе представляетъ писатель, который умѣетъ не только цѣнить своихъ политическихъ враговъ, но и сочувствовать имъ въ ихъ несчастіи. Только такимъ образомъ могутъ легко и незамѣтно залечиваться самыя болѣзненные раны на социальныхъ организмахъ.

Политическое сочувствіе, впрочемъ, должно имѣть извѣстные предѣлы, и нашъ авторъ, какъ мы видѣли, отлично понимаетъ ихъ. Въ южныхъ штатахъ есть еще много такихъ агитаторовъ, которые нивогда не примирятся съ новымъ порядкомъ вещей и которымъ удалось въ смутныя времена передъ возстаніемъ увлечь за собою огромную массу людей, теперь несчастныхъ и страдающихъ и лишившихся не только матеріальнаго достатка, но и нравственнаго или душевнаго спокойствія. Когда война окончилась, тѣ же агитаторы воспользовались близорукостью президента Джонсона, чтобы захватить власть въ свои руки, и еслибъ имъ не помѣшало рѣшительное сопротивленіе вашингтонскаго конгресса, поддержанное потомъ самимъ американскимъ народомъ, — то въ южныхъ штатахъ установилось бы вновь рабство негровъ, хотя и въ другой формѣ. Эти происки заставили государственную власть пустить въ ходъ военную силу, что сильно задержало нормальный ходъ преобразованія южной правительственной системы. Процессъ преобразованія принялъ неправильный характеръ, и въ законъ пронишли нѣкоторыя постановленія насильственнаго свойства, которыя дали возможность разнымъ авантюристамъ значительно поживиться на счетъ государственной казны и такимъ образомъ разрушить довѣріе къ прочности новаго порядка. Ученый креоль приписываетъ всѣ нижѣшнія бѣдствія южныхъ плантаторовъ именно этимъ злоупотребленіямъ; но онъ забылъ упомянуть, что всѣ сильныя и рѣшительныя мѣры были предприняты вашингтонскимъ конгрессомъ только тогда, когда южные плантаторы принялись въ своихъ штатахъ возстановлять старыя учрежденія, лишивъ все черное населеніе избирательнаго права и создавъ такія правила для работниковъ на плантаціяхъ, что неграмъ пришлось бы жить еще хуже, чѣмъ было въ невольничествѣ, такъ какъ содержаніе и продовольствіе ихъ предоставлялось, по новымъ правиламъ, имъ самимъ. Такія

правила были составлены въ 1865 году именно въ штатѣ Луизианы. Правда, что эта смѣлость плантаторовъ продолжалась недолго, но тѣмъ не менѣе она много повредила благосостоянію страны, помѣшавъ правильному развитію политическаго устройства. Еслибъ южные плантаторы съ-разу поняли свое новое положеніе, военное управленіе было бы отмѣнено въ самомъ началѣ преобразовательной реформы. Но плантаторы задумали тогда вернуться къ старому, и это стремленіе существуетъ въ нѣкоторыхъ штатахъ еще и теперь. Въ 1875 году были опять безпорядки въ Нью-Орлеанѣ.

Нельзя не признать, вмѣстѣ съ тѣмъ креоломъ, что положеніе плантаторовъ стало крайне критическимъ и неблагоприятнымъ; но въ этомъ виноваты и они сами не только потому, что не умѣли воспользоваться миролюбивымъ расположеніемъ съвера при окончаніи войны, но и потому еще, что оказались несостоятельными примѣниться къ новому положенію вещей. Послѣднія десять лѣтъ плантаторской дѣятельности въ устройствѣ ихъ плантацій показываютъ, что у нихъ нѣтъ никакой предприимчивости и что знанія ихъ въ земледѣліи не простираются далѣе знаній надзирателей надъ неграми во времена невольничества. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ плантаціи: хлопковые, рисовыя, табачныя и сахарныя, обрабатывались первобытнымъ способомъ: обработка шла непременно въ широкихъ размѣрахъ и земля распахивалась до тѣхъ поръ, пока она давала огромныя жатвы; затѣмъ ее бросали и переходили на новую плантацію. Всѣ усовершенствованія заключались лишь въ изобрѣтеніи нѣкоторыхъ машинъ, но о разработкѣ самой земли никто не заботился. Сами плантаторы рѣдко являлись на работы и предоставляли все дѣло управляющимъ; вся ихъ работа заключалась въ продажѣ оптоваго продукта городскимъ скупщикамъ, для отсылки за-границу или въ сѣверныя штаты. Плантаторы, однимъ словомъ, не имѣли никакого развивающаго вліянія на земледѣльческія силы страны; всѣ ихъ стремленія клонились лишь къ тому, какъ бы извлечь изъ земли побольше произведеній посредствомъ дарового труда негра и самой низкой платы, которую получали за свою работу бѣлые пролетаріи. Сами владѣльцы занимались только политикою, слѣдили за избирательною агитаціею въ сѣверныхъ штатахъ и придумывали разные планы о распространеніи и упроченіи своего «естественнаго учрежденія». Они жили очень роскошно и отличались замѣчательнымъ гостепріимствомъ; негры, которые были у нихъ въ услуженіи, дворовые, до сихъ поръ вспоминаютъ съ удовольствіемъ о своей жизни въ плантаторскихъ домахъ, гдѣ они пользовались доста-

точною свободою и могли становиться фаворитами своихъ расточительныхъ хозяевъ. Нельзя не признать также, что южные влиятельные люди хорошо понимали пользу образованія и наслаждение чтеніемъ, театральными представленіями, музыкою; они обучали своихъ дѣтей разнымъ наукамъ и свѣтскимъ приличіямъ, они поддерживали литературу, особенно политическую; у нихъ появились даже свои ученые: Агассисъ, Мори и многіе другіе, и замѣчательно, что почти всѣ ученые южныхъ штатовъ доказывали неспособность негровъ къ цивилизаціи и даже защищали, съ большимъ талантомъ и съ обширною эрудиціею, пользу невольничества для самихъ негровъ. Въ южныхъ штатахъ образовалась также и особенная христіанская іерархія, которая проповѣдывала неграмъ безусловное повиновеніе плантаторамъ и защищала въ безчисленныхъ брошюрахъ, въ газетахъ и книгахъ положеніе о томъ, что христіанство благоприятствуетъ рабству, подтверждая это положеніе приличными ссылками на тексты Новаго Завѣта;— 6,000 лицъ духовнаго званія сами были рабовладѣльцами. Все, что писали въ сѣверныхъ штатахъ противъ невольничества, на югѣ подвергалось плантаторской цензурѣ и очень часто уничтожалось ею. Но самое главное—дѣло народнаго хозяйства: развитіе промышленности и раціональнаго или неистощающато почву земледѣлія, а также умственное образованіе рабочихъ классовъ, бѣлыхъ и черныхъ — это дѣло оставалось въ сторонѣ: о немъ никто не заботился. До войны половина южнаго взрослого населенія была совершенно безграмотна. Въ странѣ, гдѣ хлопокъ составлялъ главную и преобладающую отрасль земледѣльческаго производства, хлопчатобумажная промышленность не имѣла ни одной фабрики, заслуживающей упоминанія. Эта отрасль стала развиваться лишь теперь, при новыхъ порядкахъ; въ 1870 г. фабрикъ этого рода, числомъ 117, было лишь въ 4-хъ штатахъ изъ 13, между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ республики (24 штата) было 839 фабрикъ. Между тѣмъ, земля въ южныхъ штатахъ очень плодородная, а климатъ благоприятенъ для сельско-хозяйственныхъ работъ и для произрастанія земледѣльческихъ растений. Промышленность тоже могла бы достигнуть высокой степени процвѣтанія, такъ какъ тамъ есть много богатыхъ рудниковъ желѣза и залежей каменнаго угля, расположенныхъ почти вездѣ другъ возлѣ друга; о каменноугольныхъ богатствахъ въ штатѣ Виргиніи, англійскій геологъ Энстедъ (Ansted) сказалъ: «Никогда не было столь важнаго каменноугольнаго поля, какъ поле въ Виргиніи; нигдѣ пласты угля не бывали столь легко доступными и лучшаго качества. Въ Аппалачскомъ хребтѣ почти всѣ угольные

поля горизонтальны, пересѣчены удобными долинами, могутъ быть легко разработаны одновременно на многочисленныхъ пунктахъ, и ихъ можно считать неистощимыми». Въ Англии разработка угольныхъ залежей происходила вездѣ на большой глубинѣ, иногда до 1,000 футовъ; около Ньюкастля, на сѣверномъ угольномъ полѣ Великобританіи, 50 милл. долларовъ потребовалось только для того, чтобы устроить машины и вентиляцію до начала работъ. Здѣсь же, въ Виргиніи, какъ выражается другой геологическій авторитетъ, Гоуелль Фишеръ, «стоитъ только соскоблить поверхность почвы, и двѣ тысячи долларовъ откроютъ мину, способную дать по тысячѣ тоннъ въ недѣлю. Но всѣ эти сокровища оставались во времена невольничества почти нетронутыми. Огромная страна съ 14 милліонами людей приходила въ полный застой во всѣхъ отношеніяхъ: она отрѣшилась совершенно отъ цивилизаціоннаго движенія и стремилась застыть въ консерватизмѣ рабовладѣнія, который она признавала своимъ «естественнымъ учрежденіемъ» и который она хотѣла распространить сперва на сѣверные штаты, а потомъ, пожалуй, и на всю Америку.... Война доказала, какая цивилизація лучше и сильнѣе; южанамъ предстоитъ теперь сдѣлаться европейцами. Чтб бы ни говорилъ ученый креоль, краснорѣчивый собесѣдникъ Кинга, но и французамъ Луизианы давно бы слѣдовало отказаться отъ своего «ancien régime» и приступить къ дѣлу дѣйствительнаго возрожденія, а не призрачнаго.

II

Возрожденіе южныхъ штатовъ дѣйствительно совершается какъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, такъ и въ воспитательномъ или образовательномъ. Но, разумѣется, возрожденіе идетъ медленно и встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ много препятствій. Хорошо и то, что новое движеніе уже направлено и имѣетъ подъ собою довольно прочныя основы.

Въ экономическомъ порядкѣ вещей, главнымъ выдающимся фактомъ является распаденіе крупныхъ плантацій на мелкія и переходъ хищническаго ховайства въ фермерство. Всѣ прежнія поля, какъ хлопковые, табачныя, такъ и рисовыя или сахарнаго тростника—принимаютъ характеръ мелкаго землевладѣнія. Формы труда и договоры съ работниками представляютъ большое разнообразіе, начиная съ отношеній, весьма похожихъ на прежнія, и кончая заработной платою въ деньгахъ. Есть нѣ-

сколько штатовъ, напримѣръ, Южная-Каролина, гдѣ негры на-дѣлены плантаторскою землею безъ всякаго вознагражденія; но въ большинствѣ штатовъ вся земля перешла назадъ въ руки прежнихъ плантаторовъ и неграмъ приходится ее покупать, — впро-чемъ, по недорогой цѣнѣ. Есть мѣстности, напримѣръ штатъ Алабама, гдѣ вмѣстѣ съ разореніемъ плантаторовъ работы стало такъ мало, что неграмъ пришлось переселяться цѣлыми тыся-чами въ другіе штаты, чтобы найти болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба. Бѣлые рабочіе уходятъ въ города, гдѣ находятъ выгодную работу на вновь появляющихся фабрикахъ хлопчато-бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій; многіе изъ нихъ переселяются въ Техасъ, гдѣ есть огромное раздолье незанятой земли, — туда же уходятъ и негры изъ Луизианы въ такомъ большомъ коли-чествѣ, что плантаторы начинаютъ опасаться недостатка въ ра-ботникахъ.

Кингъ наблюдалъ земледѣльческія работы на разныхъ план-таціяхъ, и представляетъ въ своей книгѣ нѣсколько живыхъ очер-ковъ всѣхъ дѣятелей этихъ работъ въ ихъ обычной обстановкѣ. Въ этихъ очеркахъ есть много интересныхъ фактовъ, рельефно характеризующихъ взаимныя отношенія между рабочими и план-таторами или ихъ надзирателями, а также планы и соображенія хозяевъ о выгодныхъ и невыгодныхъ сторонахъ новаго порядка въ земледѣльческомъ строѣ.

Особенно интересны описанія Кинга хлопковыхъ плантацій въ разныхъ штатахъ и рисовыхъ въ Южной-Каролинѣ. Позна-комившись въ Натчезѣ, на рѣкѣ Миссиссиппи, со многими вла-дѣльцами ближайшихъ хлопковыхъ плантацій, Кингъ былъ при-глашенъ однимъ изъ нихъ осмотрѣть его владѣнія въ штатѣ Луи-зианѣ, по западной сторонѣ Миссиссиппи, которая въ то время грозила наводненіемъ. Сотни негровъ старательно работали нѣ-сколько недѣль, чтобы защитить земли хозяина отъ угрожавшей опасности; плантаторъ ѣхалъ смотрѣть эти работы. По дорогѣ онъ жаловался автору на массу неприятностей, которыми онъ осажденъ ежедневно, и велъ вообще разговоръ въ томъ духѣ, что лучше было бы совсѣмъ отказаться отъ дѣла. Онъ особенно сѣтовалъ на то общество, которымъ онъ окруженъ и въ кото-ромъ онъ находилъ дѣйствительное затрудненіе противъ успѣш-наго развитія его имѣнія. Кингъ спросилъ его, не полагаетъ ли онъ, что негры «нахально и придирчиво относятся къ бѣлому че-ловѣку»? Плантаторъ хотѣлъ отвѣчать, но въ это самое время передъ ними представилась слѣдующая картина у перевоза на другую сторону рѣки. Старый негръ, порядочно вышившій, го-

товился овладѣть лодкою для перевоза своихъ муловъ, но, увидѣвъ плантатора, сдержалъ своихъ муловъ и поднялъ руку къ шляпѣ въ знакъ почтенія, рука однако не брала шляпы.

«Постой, дядя,—сказалъ плантаторъ твердо, но очень вѣжливо,—мы хотимъ переѣхать сейчасъ, и для всѣхъ насъ тутъ не достанетъ мѣста».

«Такъ, сэръ; такъ, полковникъ», отвѣчалъ старикъ. «Я обожду васъ, джентльмены, потому что вы джентльмены. Но еслибы вы были не знатные люди, я бы самъ переправился первый. Поѣзжайте, полковникъ».

«Этотъ старикъ,—сказалъ плантаторъ, отъѣхавъ отъ берега,—уступилъ намъ изъ уваженія къ нашему общественному положенію. Негры довольно вѣжливы съ нами; они привыкли къ этому столь давно, что не могутъ забыть. Однако они охотно бьютъ нашего оленя или врадуть куръ и ветчину, но удовлетворенія за эти продѣлки мы ни отъ кого не получаемъ».

Во время осмотра плантаціи, Кингъ спрашивалъ надзирателя за работами, хорошъ ли негръ какъ вольный работникъ? Ему отвѣчали, что «онъ работаетъ, по ббльшей части, хорошо», что имъ платятъ отъ 10 до 16 долларовъ, да 15 долларовъ за каждаго на пріѣздъ изъ Алабамы; *эти* негры предпочитаютъ деньги участію въ общей прибыли. Плантація имѣетъ магазины припасовъ, и «по субботнимъ вечерамъ большая часть заработанныхъ денегъ возвращается назадъ хозяину этихъ магазиновъ: они любятъ віски и хорошо поѣсть». Сборъ хлопка происходитъ при свободномъ трудѣ такъ же хорошо, какъ и въ тѣ дни, когда рабовъ «погоняли»; но за неграми все-таки нуженъ постоянный надзоръ. На многихъ плантаціяхъ, гдѣ жатва обильна, трудно сосредоточить трудъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы весь хлопокъ былъ убранъ въ молотильные дома въ тотъ же годъ. Кингъ самъ видѣлъ позднимъ декабремъ хлопковые поля все еще бѣлѣвшими своею сливочною шерстью, и онъ приписываетъ это запаздываніе винѣ негровъ, которые иногда любятъ полѣниться или слишкомъ долго празднуютъ конецъ сбора жатвы. Но на большихъ плантаціяхъ въ штатѣ Миссиссиппи жатва убирается обыкновенно рано и сдѣлано весьма хорошо. Кингъ не видѣлъ никакихъ «принудительныхъ работъ», и находитъ «отличное доказательство» въ пользу «свободнаго труда» въ заявленіи надзирателя, что «хорошая полевая рука собираетъ нынѣ ежедневно по 250 фунтовъ хлопка». Правда, однако, что онъ затѣмъ прибавилъ, что на многихъ плантаціяхъ среднія руки собираютъ не больше 100 фунтовъ въ день.

По окончаніи работъ, негры вернулись съ поля въ видѣ длинной живописной процессіи. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ пахали плугомъ, то они сидѣли верхомъ на спинѣ толстыхъ муловъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ пѣли пѣсни, другіе буйно кричали, бросались другъ на друга, и бѣгали по широкой дорогѣ, окаймленной гигантскими кипарисами и благородными дубами. Мальчики, скача и подпрыгивая въ травѣ, постоянно оглашали воздухъ взрывами заразного смѣха. Многіе рабочіе были высокаго роста и хорошо сложены. Они умно смотрѣли и были, очевидно, менѣе деморализованы, чѣмъ негры, живущіе на Луизианскихъ низменностяхъ. Надзиратель сидѣлъ на верандѣ своего дома, по временамъ выкрикивая то какой-нибудь приказъ, то внушеніе; негры смиренно посматривали на него, поднимая руку къ шляпѣ, когда слышали его голосъ. Когда мулы были поставлены въ конюшни, люди ушли домой въ свои избы (cabin), гдѣ женщины приготовляли имъ ужинъ, и спустя часъ послѣ того, мы услышали звуки *бэнджо*, притопываніе ногъ и громкій смѣхъ. Внутреннее устройство избы весьма непривлекательное, а между тѣмъ эти рабочіе повидимому были совершенно довольны. Никто не заявлялъ о своемъ недовольствѣ окружающими его обстоятельствами. Изъ черныхъ рабочихъ на этой плантаціи только немногіе умѣли читать. Поздно вечеромъ къ плантатору пришла толпа рабочихъ просить его написать имъ письма и отвезти въ городъ нѣкоторые посылки. Они стояли, сжавшись между собою, неловко кланаясь и съ шапками въ рукѣ, около самой двери, какъ будто готовились убѣжать при малѣйшемъ возбужденіи. Когда Кингъ пристально смотрѣлъ на нихъ, они раздражались неловкимъ смѣхомъ и отодвигались прочь, а черныя женщины у самыхъ дверей и на порогѣ повторяли тотъ же смѣхъ. Плантаторъ выслушалъ ихъ всѣхъ по-одиночкѣ. Въ одномъ письмѣ онъ вычиталъ, что Чарльзъ, которому оно было адресовано, покидая Алабаму, не заплатилъ своихъ долговъ. Затѣмъ былъ отданъ приказъ привести «лучшихъ негровъ» изъ Алабамы. Скоро пришли три черныхъ гиганта, которые тоже жались другъ къ другу. Они держали въ огромныхъ рукахъ свои безформенныя войлочные шляпы, выглядывая изъ-за нихъ въ лица бѣлыхъ людей; обмѣнявшись между собою значительными взглядами, они разразились обычнымъ смѣхомъ. Полковникъ спросилъ ихъ:

— Boys (парни), когда вы уходили изъ Алабамы ко мнѣ, не пытались ли тамошніе цвѣтные политики отговорить васъ?

Сильное удивленіе со стороны негровъ.

— Нѣтъ, сэръ; полагаемъ, нѣтъ, сэръ.

— Подавали вы ваши голоса въ Алабамѣ?

— Да, полковникъ; всегда подавали, сэръ.

— Гдѣ вамъ лучше, здѣсь или въ Алабамѣ?

Послѣ зрѣлаго размышленія тріо отвѣчало утвердительно.

— Здѣсь вы станете подавать ваши голоса?

Отвѣчаютъ, колеблясь: — Нѣтъ, сэръ.

Не только изъ Алабамы, но и изъ другихъ Атлантическихъ штатовъ негры уходятъ цѣлыми тысячами на богатая земли Миссиссиппи: въ штатахъ Теннесси, Миссиссиппи и Луизианы. Алабама, весною 1874 года, лишилась 700,000 или даже цѣлаго милліона долларовъ вслѣдствіе выселенія негровъ, а штатъ Джоржія въ 1873 потерялъ 20 тысячъ хорошихъ черныхъ работниковъ.

Женщины и дѣти въ мѣстностяхъ около Миссиссиппи не работаютъ на хлопковыхъ плантаціяхъ. Какъ ни бѣдно обставлены ихъ избѣнки, онѣ начинаютъ интересоваться своимъ домомъ, а дѣти проводятъ ежегодно нѣсколько времени въ школѣ. На плантаціяхъ въ Луизианѣ рабочимъ платятъ иногда по 30 долларовъ въ мѣсяцъ, снабжая ихъ, сверхъ того, нѣкою, пищею и кускомъ земли для огорода; но это случаи исключительные.

Вечеромъ, приглашая ужинать, плантаторъ оправдывалъ скромность своего стола тѣмъ, что ничего другого и достать нельзя. «Мы такъ далеко отъ города,—сказалъ онъ,—что можемъ предложить вамъ только плантаціонныя кушанья — простое мясо и яйца, да ветчину и горбушку хлѣба, и нѣсколько бутылокъ вина, которыя я привезъ изъ Видаліи». Книгъ отвѣчалъ, что на плантаціи можно было бы завести превосходный огородъ и фруктовый садъ.

— «Ого!» засмѣялся надзиратель. «Заводить огородъ здѣсь! Подумайте только, какою высокою стѣною пришлось бы его охранять: негры уврали бы все какъ только поспѣло».

Книгъ возразилъ, что еслибъ каждому негру дать небольшой огородъ, онъ самъ бы обрабатывалъ его и красть у плантатора не было бы никакой причины. Полковникъ мрачно улыбнулся, а надзиратель недоувѣрчиво покачалъ головою и прибавилъ: «у насъ хорошіе негры, но для нихъ воровать такъ же естественно, какъ ѣсть». Плантаторъ жаловался еще, что негры воруютъ даже хлопокъ во время сбора, особенно на плантаціяхъ, распространенныхъ недалеко отъ города. Купцы и торговцы воровскими вещами научаютъ негровъ. Мало такихъ черныхъ работниковъ, которые считаютъ своими интересы хозяевъ.

Ночью была буря и всѣ негры пошли защищать плантацію

отъ волнъ разсвирѣпѣвшей рѣки; каждый тащилъ съ собою мѣшки, чтобы набить ихъ пескомъ и создать преграду противъ наводненія. Утромъ рано вернулся плантаторъ, блѣдный и усталый; снявъ съ себя тяжелый плащъ и положивъ револьверъ на столъ, онъ сѣлъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «не стоить заниматься плантаторствомъ, когда все противъ васъ, и люди и божественныя вещи». Двумя днями позже, — говоритъ Кингъ, — я понялъ его отчаяніе, когда узналъ, что цѣлая тысяча акровъ плантаціи подверглась наводненію и сильно испорчена враждебными дѣйствіями сосѣдняго плантатора, который прорѣзалъ запоры полковника, чтобы спасти свои. Объ этомъ фактѣ самъ полковникъ не сообщилъ своему гостю. Кингъ убѣдился въ томъ, что наводненія Миссиссиппи приносятъ сильный вредъ плантаціямъ болѣе всего потому, что плантаторы неспособны въ дружной борьбѣ съ рѣкою. Итакъ, не во всемъ виноваты негры.

Изъ всѣхъ этихъ отношеній между неграми и ихъ хозяевами ясно, что негры еще находятся въ безусловномъ подчиненіи у плантаторовъ. Кингъ замѣтилъ этотъ фактъ не только на хлопковыхъ плантаціяхъ, но и на рисовыхъ — въ Южной-Каролинѣ и Луизианѣ. На морскихъ и рѣчныхъ низменностяхъ, гдѣ происходитъ посѣвъ риса, негры и ихъ женщины весьма невѣжественны и стоятъ, по своему природному разуму и способностямъ, гораздо ниже негровъ другихъ частей тѣхъ же штатовъ или того типа, который встрѣчается во всей Виргиніи, Мэрилендѣ, Теннесси и Кентукки. Негръ южно-каролинскаго побережья говоритъ варварскимъ говоромъ, который до сихъ поръ нисколько не измѣнился въ своихъ чертахъ. Англійскія слова точно вываливаются всѣ разомъ изъ его рта, и перемѣшиваются не такъ, какъ слѣдовало бы, всякій разъ, какъ негръ пытается говорить. Фразеологія обыкновенно бываетъ до того странною, что даже послѣ того, какъ слынешься немного съ густыми тонами голоса и неуклюжимъ произношеніемъ, его трудно понять. Городской негръ изъ Виргиніи тоже не пойметъ этихъ людей, пова его ухо не привыкнетъ къ мямленію каролинца. Дѣти плантаторовъ, воспитываемыя на плантаціяхъ и бѣгающія въ лѣсахъ съ дѣтьми негровъ, приобрѣтаютъ тотъ же діалектъ. Кингъ много разъ спрашивалъ плантаторовъ въ сельскихъ округахъ Бьюфорта и Колльтона, были ли какія-нибудь перемѣны въ нравахъ и обычаяхъ этихъ негровъ со времени установленія невольничества, и ему всегда отвѣчали: «нѣтъ». Но у нихъ есть свои собственныя религиозныя церемоніи и предрасудки, и они научились понимать, что подача избирательнаго голоса даетъ имъ власть.

Они занимались большими обществами вмѣстѣ на неприятную для нихъ обработку рисовыхъ плантацій и считаютъ себя вполне счастливыми, когда имъ удастся приобрести акра два земли и построить избу. Имѣть своего мула — это верхъ блаженства. Мужчины и женщины все остаются въ прежнемъ рабѣнствѣ передъ своими бывшими владѣльцами. Встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, негры всегда догровиваются до своей шляпы, а ихъ женщины, какая бы тяжелая корвина ни была у нихъ на головѣ, дѣлаютъ глубокое присѣданіе. Слово «хозяинъ» (mas'r) продолжаетъ выходить изъ устъ негра при мысли о нѣкоторыхъ личностяхъ. Есть между ними и «почтенныя исключенія», но масса негровъ вообще сильно подавлена и принижена. Постепенное развитіе личной независимости существуетъ у нихъ, но невѣжество и непониманіе своихъ отношеній къ обществу встрѣчаются среди нихъ какъ нѣчто присущее ихъ натурѣ, какъ правило.

Нашъ путешественникъ осмотрѣлъ 700 акровъ рисовыхъ плантацій. Тамъ тоже работы происходили подъ надзоромъ «фильд-мастера». Зрѣлище было оживленное. «Женщины одѣты въ свѣтлыя цвѣта съ платками всѣхъ цвѣтовъ радуги, обвязанными вокругъ висковъ. Ноги голыя, и ихъ толстыя колѣни обернуты грубыми фланелевыми свивальниками. Большинство ихъ, покачиваясь по болотамъ съ 40—50-фунтовыми стволами риса на головѣ, говорили постоянно между собою, наслаждаясь по временамъ залпами сильныхъ ругательствъ противъ зрителя... «Trunk-minder'ы» или сторожъ, на бдительности которыхъ основана безопасность плантаціи, быстро переходили съ мѣста на мѣсто; плоскія лодки, куда женщины слагали свои тяжелыя ноши, тонули на баграхъ въ мельницѣ, гдѣ зерна промолочивались и отдѣлялись отъ соломы, провѣивались и потомъ уносились въ шкуны, которыя перевозили ихъ въ Чарльстонъ, гдѣ находилась «раздробительная мельница». Весь тогъ рисъ, который растетъ по краямъ плантаціи, принадлежитъ работающимъ неграмъ; онъ приноситъ имъ значительный доходъ. На иной плантаціи работаетъ въ жатвенное время иногда 800 человекъ. Заработная плата бываетъ отъ 25 центовъ до 175 (100 центовъ = 1 доллару) въ день; но управляющіе этими плантаціями встрѣчаютъ большія затрудненія въ предложеніи и организаціи труда. Негр-работникъ очень часто работаетъ 2—3 дня и потомъ отдыхаетъ цѣлую недѣлю. Бываютъ случаи, когда такіе работники приводятъ плантаціонныя работы къ полной неудачѣ. Вообще, плантаторы сильно жалуются на громадныя потери отъ нерадѣнія негровъ, но влиять и условія произрастанія самаго риса не

позволяютъ замѣнить черныхъ рабочихъ бѣлыми». Кингъ дѣйствительно нашелъ здѣсь негровъ въ ихъ самомъ низкомъ и испорченномъ типѣ; одинъ французъ, съ свойственною этой націи живостью, увидѣвъ группу черныхъ поселенцевъ этой болотной земли, тотчасъ воскликнулъ: «разбитое племя?» «У молотилки, у вѣялки, среди большихъ стоговъ риса, вездѣ женщины, занимавшіяся укладываніемъ, сортировкой и перегрузкою съ лодокъ, отличались грубостью, звѣрствомъ и невѣжествомъ; мужчины по большей части были не лучше. Были тамъ типичныя лица дикарей во всемъ ихъ блескѣ. Въ разныхъ мѣстахъ работали женщины лѣтъ 60 или 70 отъ роду; ясно было, что духъ войны ихъ не коснулся. Я сомнѣваюсь, сознаютъ ли онѣ перемѣну своего положенія. Ихъ разговоръ со мною ограничился вопросами о томъ, много ли я дамъ имъ табаку, и просьбою сказать мистеру Бену, что имъ нужны новыя носовыя платки. Мужчины отличались вѣжливостью, но въ ихъ внѣшнемъ обращеніи можно было подмѣтить нѣкоторую недовѣрчивость, какъ будто они опасались, что могутъ позволить вамъ имѣть надъ ними преимущество, или стать выше ихъ. Если проникательно посмотрѣть на нихъ, они содрагаются и, наконецъ, скрививъ свои губы въ широкія гримасы, поклонятся и завидяютъ прочь. На хлопковыхъ плантаціяхъ Кингъ тоже не могъ добиться у негра, чтобы онъ прямо выражалъ свои мысли. «О чемъ бы я съ ними ни говорилъ, они отдѣлывались какимъ-нибудь одобреніемъ или гримасою; когда они не соглашались, то просили, чтобы я извинилъ ихъ, что они не согласны со мною только буквально, и я видѣлъ, что имъ было очень непріятно, когда отъ нихъ требовали открытаго заявленія мнѣній. Еще удивительнѣе было то, что они, пользуясь самою безусловною политическою свободою, которая обезпечивалась за ними ихъ численнымъ большинствомъ, и не имѣя, слѣдовательно, никакихъ поводовъ опасаться устраненія, они все-таки были готовы отказаться отъ права подачи своего голоса и добровольно удалиться отъ своихъ сотоварищей. Во всѣхъ этихъ неграхъ я не могъ открыть опредѣленнаго развитія, которое бы выразилось въ подпискѣ на какую-нибудь газету или въ направленіи разговора. Сами плантаторы давали мнѣ самый полный и откровенный отчетъ объ общественномъ состояніи нанимаемыхъ ими негровъ, но они никогда не упоминали ни одного признака опредѣленнаго умственнаго роста. Единственнымъ, дѣйствительно утѣшительнымъ признакомъ ихъ общественной дѣятельности было стремленіе создать для себя домашнюю жизнь и обрабатывать землю, окружающую ихъ избу».

Но замѣчательнѣе также тотъ фактъ, что Кингъ, путешествуя на пароходѣ по Миссиссиппи, никогда не видѣлъ у ѣхавшихъ плантаторовъ ни одной газеты; они довольствовались тѣми свѣдѣніями, которыя сообщалъ пароходный конторщикъ. Но въ карты играютъ они съ большою охотою; весь разговоръ ихъ ограничивается хлопкомъ и хлѣбомъ, да паденіемъ и пониженіемъ уровня рѣки, да еще воспоминаніями о приключеніяхъ въ лѣсу и на рѣкѣ во время «waw»: такъ они произносятъ слово «война» (war). Иные изъ нихъ бывали на сѣверѣ и вращались въ лучшемъ обществѣ. Всѣ они единодушно признавали преимущество свободнаго труда надъ невольничьимъ, но всѣ признавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что введеніе новой формы труда сопряжено съ столь многими невыгодами и неудобствами, что оно разоритъ многихъ плантаторовъ. Но такъ разсуждали плантаторы по Миссиссиппи, гдѣ работники сами идутъ къ нимъ, и совсѣмъ иначе говорятъ тѣ, откуда негры удаляются цѣлыми толпами, напримѣръ, въ Алабамѣ. Тамъ плантаторы склонны жаловаться, что, лишившись своихъ рабовъ, они не приобрѣли такихъ свободныхъ работниковъ, какими пользуются сѣверные штаты и Европа. Въ этомъ фактѣ видятъ всю бѣду южныхъ плантаторовъ одинъ изъ ихъ сторонниковъ, Робертъ Сомерсъ, изучавшій рабочій вопросъ въ Алабамѣ, въ 1870—1871 годахъ. Зло и иронически опредѣляетъ онъ выгоднее будто бы положеніе негровъ. Онъ пишетъ: «Если расказать объ отношеніяхъ земли, капитала и труда, въ какой формѣ они существуютъ на хлопковыхъ плантаціяхъ, то какъ фабрикантъ Новой-Англіи, такъ и фермеръ Старой Англіи—оба придутъ въ крайнее изумленіе, когда узнаютъ, что заработная плата негровъ—если только этотъ терминъ можетъ быть приложенъ къ столь необычному и аномальному вознагражденію—состоитъ изъ половины ежегодной жатвы хлѣба и хлопка. Упроченный на такомъ полу-коммунистическомъ основаніи, негръ получаетъ свои собственные раціоны. Но такъ какъ эти раціоны снабжаются плантаторами или ихъ займами у купцовъ съ 1-го января въ продолженіи цѣлаго года до конца декабря, когда жатва становится уже товаромъ,—то негръ не теряетъ ничего въ неудачахъ или недостаткахъ жатвы; свои раціоны онъ получитъ во всякомъ случаѣ. Такое экономическое отношеніе, приложенное къ земледѣлію въ какой-либо другой части міра, сочли бы тамъ оскорбительно негѣшимъ; но это только часть «привилегій» (болѣе точный терминъ для «рабочей платы») полевого труда негра. Кромѣ половины жатвы, ему даютъ свободный коттеджъ, какой онъ пожелаетъ, и окна котораго онъ или его жена всегда

забиваютъ гвоздями. Негръ можетъ пользоваться также лѣсомъ съ плантаторскаго имѣнія на топливо и на постройки стойлъ, и лѣсъ этотъ привозится на плантаторскихъ лошадаяхъ. Негру дозволяютъ содержать свиней, молочныхъ коровъ и молодой скотъ, которыя бродятъ и кормятся на такихъ же правахъ по пастбищу, какъ свиньи и скотъ плантатора, то-есть бесплатно. Хотя негръ имѣетъ право на полъ-жатвы, съ него не требуютъ ни сѣмянъ для посѣва, ни налоговъ, взимаемыхъ съ плантаціи. Единственный прямой налогъ съ негровъ—это подушный, да и этотъ налогъ они не платятъ. Итакъ, освобожденный такимъ образомъ отъ бремени налоговъ, негръ, до нынѣшняго періода преобразованія Союза, пользовался монополіею представительства и имѣлъ въ своей волѣ всю исполнительную и законодательную власть, предоставленную ему губернаторами, сенаторами и депутатами, которые были его орудіями или которымъ онъ самъ служилъ лишь чучелою (dupe). Въ продолженіи пяти лѣтъ негры были королями, лордами и коммонерами, и даже больше, въ южныхъ штатахъ. Кромѣ того, негръ можетъ, если онъ исправно ведетъ свой трудъ, работать и на другихъ плантаціяхъ и тамъ собирать хлопокъ, за чтó получать по 2 или 2¹/₂ доллара въ день. За всякую другую работу на той же плантаціи, которую онъ самъ обрабатываетъ, негръ можетъ требовать по одному доллару въ день. Между тѣмъ какъ землевладелецъ ведетъ всѣ счеты, молотить хлопокъ негровъ, продаетъ и покупаетъ для нихъ припасы, и не имѣетъ ни одного дня, который онъ могъ бы назвать своимъ, негры могутъ зарабатывать по доллару въ день за трудъ, который столько же принадлежитъ плантатору, сколько и имъ. Однако негры, при всѣхъ этихъ обильныхъ привилегіяхъ на хлопковыхъ поляхъ, пользуются ими мало. Работникъ плугомъ или пастухъ въ Старомъ Овѣтѣ не помѣняется съ ними своею судьбою.

Книгъ, приводя эту тираду Сомерса, предлагаетъ усмотрѣть въ ней намеки на нѣкоторыя истины относительно сношеній между плантаторами и неграми. Эти истины дѣйствительно существуютъ, и эти истины очень простыя. Тотъ самый рабочий человѣкъ, который прежде получалъ за свою работу только самую грубую и малопитательную пищу и жилъ какъ животное въ общихъ сараяхъ, да еще терпѣлъ разныя истязанія, какъ нравственныя, такъ и физическія, приобрѣлъ теперь наконецъ право распоряжаться своимъ трудомъ, какъ ему угодно, и, благодаря такому, довольно обмѣновенному обстоятельству въ цивилизованныхъ странахъ нашего вѣва, сталъ требовать вознагражденія, соответствен-

наго экономическому рынку: онъ получаетъ лишь столько, сколько ему могутъ дать, онъ ни у кого ничего не требуетъ; онъ даже не можетъ воспользоваться тѣми дѣйствительными правами, которыя Сомерсъ почему-то считаетъ привилегіями. Сравнительно съ невольничьимъ состояніемъ—это такъ, это привилегія, но сравнительно съ экономическою теоріею труда и правъ личной собственности тутъ никакихъ привилегій нѣтъ; это просто права труда. Что же такое требуетъ негръ въ самомъ выгодномъ случаѣ? Онъ требуетъ, чтобы его кормили цѣлый годъ и чтобы половина всего дохода съ продуктовъ извѣстнаго участка земли, выработанныхъ трудомъ всѣхъ работниковъ, пошла на вознагражденіе ихъ. Ему даютъ жалкую избу для жилища и позволяютъ содержать домашнихъ животныхъ на тѣхъ же пастбищахъ, на которыхъ пасется плантаторскій скотъ. Онъ можетъ, сверхъ того, въ свободное отъ установленныхъ работъ время, работать на той же плантаціи или на сторонѣ, и получать за эти работы особую заработную плату. Вотъ и все. Какія же тутъ привилегіи? Все это признано за работникомъ во всей Европѣ и въ сѣверныхъ штатахъ американскаго Союза. Половину повемельнаго дохода получаетъ за свой трудъ *métayer* во Франціи и наши крестьяне, когда они нанимаются исполу. Негръ, правда, требуетъ еще, чтобы его кормили, но какъ же быть иначе? За сѣстные припасы, однако, плантаторы дѣлаютъ вычетъ. Сомерсъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве; но Кингъ прямо говоритъ, что дѣлешь пополамъ касается лишь той части полного дохода, которая остается послѣ вычета всѣхъ расходовъ производства (стр. 273). Этотъ способъ счета называется: «*plan of shares*», и онъ самый распространенный.

Но есть еще и другія условія между плантаторами и неграми. Иногда земля просто сдается въ аренду за опредѣленное число тюковъ хлопка съ каждаго акра земли или по одному тюку извѣстнаго вѣса за пользованіе опредѣленнымъ числомъ акровъ; тогда негры кормятся сами. Но бываютъ случаи, когда кормленіе рабочихъ лежитъ на обязанности плантатора. Снабженіе пищею со стороны плантатора бываетъ и тогда, когда негры работаютъ за деньги, но по окончаніи работъ или наемнаго срока изъ заработной платы вычитывается стоимость сѣстныхъ припасовъ, употребленныхъ рабочими. Европейцевъ вообще можетъ удивлять это кормленіе рабочихъ, но въ южныхъ штатахъ—это прямой результатъ прежней исторіи земледѣльческаго труда, когда рабъ не имѣлъ никакой собственности и во всемъ, даже въ пищѣ,

зависѣлъ отъ своего владѣльца, который былъ также и его кормильцемъ.

Кормленіе рабочихъ составляетъ въ настоящее время одну изъ главныхъ затрудненій южныхъ плантаторовъ, такъ какъ оно требуетъ большого капитала и такимъ образомъ отдастъ ихъ въ руки городскихъ купцовъ, которые имѣютъ постоянныя сношенія съ сѣверными штатами. Сами южные штаты не производятъ почти ничего, кромѣ плантаціонныхъ растений. Если-бъ эти растенія давали постоянные урожаи, то дѣло могло бы продолжаться на этихъ старыхъ началахъ. Но земли плантацій уже сильно истощены и неурожай бываетъ не рѣдко. Въ штатѣ Алабамѣ неурожай былъ три раза сряду и многія плантаціи пострадавшихъ мѣстностей были проданы съ аукціона мелкими участками; тысячи плантаторовъ разорились до того, что уже и не мечтаютъ о возобновленіи стараго дѣла, а уѣзжаютъ въ Техасъ, гдѣ еще много огромныхъ пространствъ непочатой земли. Негры, лишившись работы, тоже переселяются въ другіе штаты, иначе имъ пришлось бы умереть съ голоду. Неурожай бываетъ и въ другихъ штатахъ; иногда жатвы гибнутъ отъ наводненій, иногда отъ вредныхъ насѣкомыхъ, но можетъ случиться, что дѣло не удастся просто отъ недосмотра или неустройства въ самомъ хозяйствѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ купцы, разумѣется, радуются, что могутъ поживиться на счетъ плантатора, а плантаторъ теряетъ рѣшительно все, и чѣмъ обширнѣе было его предпріятіе и чѣмъ большіе выгоды онъ ожидалъ, — тѣмъ тягостнѣе становится его положеніе. Такая система могла существовать при рабовладѣннн, но теперь она нигуда не годится, и если плантаторы не замѣнятъ ее плодоперемѣнною системою и не устроятъ своего хозяйства такъ, чтобы земля плантаціи снабжала его всѣми необходимыми предметами для продовольствія рабочихъ и для удовлетворенія другихъ нуждъ производства и жизни, то несомнѣнно, что они разорятся окончательно. Кинтъ говоритъ, что теперь уже появилось новое поколѣніе плантаторовъ, которые понимаютъ всѣ неудобства существующей системы и въ особенности арма купцовъ и евреевъ. Евреи сильно эксплуатируютъ и негровъ. Евреи, по свидѣтельству нашего путешественника, распространились въ южныхъ штатахъ уже давно; евреи очень любятъ всякихъ расточительныхъ аристократовъ и рабовладѣльцевъ, и всегда прекрасно уживаются въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе задавлено какимъ-нибудь видомъ рабства и гдѣ угнетатели народа пользуются разными полннтическими преимуще-

ствами. Развратъ и праздность сверху, нищета и забитость внизу — вотъ гдѣ приволье еврейскимъ факторамъ.

Вліяніе евреевъ на черныхъ рабочихъ обратило на себя вниманіе Книга. «Хитрый еврей, — говоритъ Книга, — проникнувъ въ торговлю Юга, достигъ до того, что соперничество не-евреевъ почти совсѣмъ устранено. Негра еврей понимаетъ очень хорошо и управляетъ имъ въ его покупкахъ. Негръ любить, при посѣщеніи «магазина» (store), чтобы съ нимъ обходился съ почтеніемъ, и онъ находитъ нѣчто освѣжающее и дружественное въ обильно-расточаемой передъ нимъ европейской вѣжливости и въ восторженномъ языкѣ мистеровъ Моисея и Авраама. Еврейскіе купцы имѣютъ большія торговныя заведенія во всѣхъ плантаціонныхъ округахъ. Въ Миссиссиппи и въ нѣкоторыхъ другихъ хлопковыхъ секціяхъ они получаютъ въ мелочной торговлѣ по 100 процентовъ барыша, оправдывая его тѣмъ, что такъ какъ они не всегда получаютъ деньги, то имъ невозможно не обезпечивать себя отъ дурныхъ долговъ. Они должны наблюдать какъ за бѣлыми, такъ и за черными плантаторами, берущими у нихъ въ займы, и побуждать ихъ въ тому, чтобы они непременно засѣяли условное пространство земли. Когда еврей видитъ, что будетъ засѣяно только одна половина, то онъ иногда замѣчаетъ плантатору, что и заключенный заемъ тоже долженъ сократиться на половину. Коротче сказать, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еврей становится смотрителемъ за работою (дастъ урочную работу), третейскимъ судьей и охранителемъ судьбы плантаціи».

Итакъ, плантаторамъ слѣдуетъ основать новый сѣвооборотъ и освободиться изъ-подъ зависимости купцовъ; но еще важнѣе для нихъ — обратить вниманіе на образованіе негра. Надо, чтобы плантаторы поняли достоинство труда и относились къ рабочему человѣку съ соответственнымъ уваженіемъ; только такое обхожденіе можетъ создать въ негрѣ разумное честолюбіе. Кромѣ слабленія негра политическою свободою и отвѣтственностью, слѣдуетъ сдѣлать его нравственнымъ и добросовѣстнымъ гражданиномъ.

III.

Экономическія обстоятельства нынѣшней организаціи труда въ южныхъ штатахъ показываютъ, что негры, какъ рабочіе, нуждаются въ нравственномъ и умственномъ улучшеніи, и что теперь они выбиваются изъ слабого и варварски-безнравственнаго положенія лишь очень медленно и безъ достаточной увѣренности въ

успѣхъ. Бремя цѣлыхъ двухъ столѣтій рабства все еще у него на плечахъ. Онъ нуждается въ помощи и совѣтѣ; ответственность свободы почти превышаетъ его силы. Онъ выходитъ на поле битвы, вооруженный слишкомъ скудными и негодными орудіями и обремененный невѣжествомъ и «презнимъ положеніемъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никто, кромѣ самого негра, не можетъ прочувствовать въ своемъ воображеніи то глубокое огорченіе, которое вынаываютъ въ немъ непреодолимая препятствія, нравственныя и умственныя, его настоящаго положенія. «Такъ какъ негръ не въ состояніи помочь себѣ въ своемъ развитіи, то слѣдовало бы, — говоритъ Кингъ, — разсмотрѣть, нѣтъ ли въ настоящее время еще больше мѣста для увеличенія воспитательныхъ предпріятій и для общаго распространенія знаній въ черномъ племени, чѣмъ это было прежде тотчасъ послѣ войны, когда начали свою благотворную дѣятельность сѣверные и западные американцы и американки. Не найдутъ ли благоразумнымъ назначить комиссаровъ для полнѣйшаго изслѣдованія рабочаго вопроса на югѣ и затѣмъ сдѣлать окончательное усиліе для облегченія существующихъ бѣдствій всѣми соответствующими мѣрами?..»

Посмотримъ, что было сдѣлано во время войны и въ послѣднее десятилѣтіе для распространенія грамотности и знаній въ черномъ населеніи.

Когда началась война и сѣверныя войска двинулись въ штаты Юга, вездѣ эти войска встрѣчали негровъ, просившихъ у нихъ защиты и отказывавшихся возвращаться назадъ. Сперва, когда главною арміею управляли генералы въ родѣ Манъ-Клеллана, который самъ сочувствовалъ южному восстанію, негры выдавались южанамъ обратно или просто прогонялись прочь. Но такъ поступали не всѣ войска, и въ томъ отрядѣ, гдѣ начальникомъ былъ настоящій республиканецъ Сѣвера, негровъ кормили и одѣвали. У генерала Ботлера, занимавшаго крѣпость Монроу, набралось нѣсколько тысячъ негровъ. Голодные, бѣдомные и страшно испуганные, эти бѣглецы съ покинутыхъ самими плантаторами плантацій просили генерала оказать имъ покровительство. Они не знали что имъ дѣлать; будущее было не ясно для нихъ, и они опасались, что съ окончаніемъ войны ихъ снова отдадутъ въ рабство. Ботлеръ провозгласилъ ихъ «военною контр-бандою» и сталъ формировать изъ нихъ прислугу для арміи; правительство посмотрѣло на прокламаціи Ботлера съвоемъ пальцемъ.

Но прокламація Ботлера дала возможность выступить на великое дѣло «Обществу Американскихъ Миссіонеровъ», которое уже давно трудилось для просвѣщенія негровъ и освобожденія

ихъ изъ невольничества. Миссіонеры этого общества существовали и работали во всѣхъ южныхъ штатахъ задолго до начала войны, несмотря ни на какія преслѣдованія и обиды, которымъ они тамъ подвергались за то, что раскрывали передъ неграми лучшія стороны христіанства. Ихъ арестовывали, заключали въ тюрьму, изгоняли изъ штатовъ; но они не унывали, и работа подвигалась впередъ. Льюисъ Тэппэнъ, казначей этого общества, узнавъ о заявленіи Ботлера, тотчасъ послалъ къ нему письмо съ предложеніемъ помогать бѣжавшимъ неграмъ, и спрашивалъ его, какъ и чѣмъ. Генералъ подробно описалъ несчастное положеніе бѣглыхъ мужчинъ и женщинъ, и просилъ всякой помощи. Въ газетахъ въ то же время появлялись письма солдатъ и офицеровъ изъ разныхъ армій, гдѣ въ мрачныхъ краскахъ описывали равныя случайности съ бѣжавшими неграми, ихъ женами и дѣтьми. Все это возбуждало сильное участіе въ судьбѣ этихъ несчастныхъ рабочихъ, брошенныхъ на произволъ судьбы по большей части самими владѣльцами, и многіе уже ждали добросовѣстнаго почина, чтобы присоединиться къ дѣлу спасенія негровъ и такимъ образомъ удовлетворить возбужденныя въ нихъ благотворительныя чувства.

Въ августѣ 1861 года была обнародована прокламація Ботлера, а 17 сентября представитель общества Ловивудъ, пріѣхавшій въ Виргинію изслѣдовать положеніе, которое описывалъ генералъ, открылъ торжественно субботнюю школу для негровъ въ покинутомъ дворцѣ бывшаго президента Тайлера. Для школы отвели скромный домъ неподалеку отъ форта Моуровъ, и въ ней учила Мэри А. Пикъ (Peake), прекрасная женщина, отецъ которой былъ образованный и знатный англичанинъ, а мать свободная негртанка. Она, эта представительница обѣихъ расъ, угнетенной и угнетающей, начала свое дѣло просвѣщенія черныхъ на томъ самомъ морскомъ побережьи, гдѣ 200 лѣтъ тому назадъ были привезены невольники изъ Африки, и ея школа стоитъ возлѣ гордой семинаріи, гдѣ дочери южныхъ аристократовъ получали свое воспитаніе, за которое платили невознагражденнымъ трудомъ невольниковъ. По жрѣ распротраненія войны, школы для негровъ все множились; въ ноябрѣ того же года онѣ уже появились на побережьи Южной-Каролины. Новыя описанія бѣдствія бѣжавшихъ или оставшихся безъ всякой помощи негровъ вызвали много благотворительныхъ митинговъ даже въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Нью-Йоркъ, Бостонъ и Филадельфія. Въ 1862 году образовалось нѣсколько обществъ для учрежденія школъ, которыя выбирали учителей, мужчинъ и женщинъ, и по-

сылали въ южные штаты не только учить, но и помогать разными способами. Многие города въ сѣверныхъ штатахъ доставляли для негровъ провіанто и одежду; другіе учреждали благотворительные фонды. Въ 1866 году этихъ обществъ выросло столь много, что ихъ нужно было соединить и организовать въ одну дружную силу, и вотъ образовалась «Союзная коммиссія американскихъ освобожденныхъ негровъ» (American Freedmen's Union Commission). Эта колоссальная организація дѣйствовала въ полной гармоніи съ вышеупомянутымъ обществомъ миссіонеровъ (American Missionary Association), но не долго, потому что оно стало постепенно сокращать свою дѣятельность, по мѣрѣ установленія официальной школьной системы, составлявшейся по предписаніямъ законодательныхъ собраній штатовъ.

Послѣ прокламаціи Линкольна объ освобожденіи негровъ въ 1863 году, рвеніе Сѣвера къ образованію негровъ еще усилилось. Сотни женщинъ изъ небогатыхъ, но образованныхъ классовъ добровольно отправились учить негровъ, хотя знали впередъ, что со стороны тамошняго бѣлаго и зажиточнаго класса можно было ожидать только однѣхъ неприятностей, презрѣнія и даже какихъ-нибудь грубостей. Въ городахъ, отнятыхъ у южанъ, ежедневныя и субботнія школы для негровъ составлялись въ церквяхъ, выстроенныхъ самими неграми для самихъ себя. Были еще вечернія школы для взрослыхъ, куда негры и негрятянки ходили и теперь ходятъ цѣлыми толпами. Помѣстье конфедеративнаго губернатора Уайза близъ Норфолка, въ Виргиніи, было отдано миссіонерному обществу для устройства школы, а дворецъ губернатора былъ обращенъ въ учительскую семинарію для негровъ. Гдѣ только ни собирались бѣжавшіе негры, вездѣ открывались школы. Число дѣятелей общества миссіонеровъ достигло, въ 1864 году, до 250, которые дѣйствовали главнымъ образомъ въ штатѣ Виргиніи и вдоль рѣки Миссиссиппи. Генералъ Бенксъ въ штатѣ Луизианѣ создалъ хорошую систему народнаго образованія, основанную на суммѣ военнаго налога, и въ этой системѣ принимали серьезное участіе миссіонеры. Всѣ негры, поступавшіе въ солдаты, учились грамотѣ въ свободное отъ военныхъ ученій время. За арміею Шермана и за войсками, которыя завоевали столицу восстанія Ричмондъ, шло много отважныхъ учителей. Школы были устроены даже на рынкахъ, гдѣ прежде торговали невольниками.

Но не только строили и заводили школы, гражданныя деньги шли просто для спасенія негровъ отъ голодной смерти. Благотворительная рука Сѣвера, однако, не удовлетворяла и одной

трети страдальцевъ, и негры умирали отъ истощенія силъ цѣлыми тысячами. Многіе изъ нихъ сошли съ ума подъ вліяніемъ отчаянія и безпокойства о своемъ дальнѣйшемъ существованіи. Другіе превратились въ бродягъ, или въ далекія мѣста, сами не зная зачѣмъ и куда: имъ казалось, что гдѣ-то скрывается какое-то великое матеріальное достоиніе, которое нужно непременно найти. Неспособные помочь себѣ своими силами и не понимая своего будущаго призванія, они умѣли только надѣяться и ждать. Еслибъ не было никакого вмѣшательства со стороны сѣверянъ, еслибъ не явилось, наконецъ, въ 1865 году такъ-называемое «бюро фридменовъ» (контора освобожденныхъ людей), подъ предсѣдательствомъ генерала Гоуарда, то южные плантаторы навѣрное закабалили бы негровъ снова. Миссіонерское общество тоже много участвовало въ помощи неграмъ; оно устроило два огромныхъ пріюта для сиротъ черныхъ родителей на 250 тысячъ долларовъ, которые были поручены ему «Национальнымъ совѣтомъ конгрегационныхъ церквей». Изъ европейскихъ государствъ, Великобританія прислала одежду и деньги на сумму 1 милл. долл.; посланные обществомъ миссіонеры были приняты въ Англіи, Шотландіи и Уэльсѣ весьма хорошо и гостепріимно. Еще позже явился 2-хъ-милліонный фондъ банкира Джорджа Пибоди, тоже предназначенный на просвѣщеніе негровъ. Сѣверные и западные штаты продолжаютъ поддерживать школы для негровъ и въ настоящее время. Но почтенный путешественникъ Кингъ не удовлетворяется этимъ и требуетъ, чтобы самъ ваппингтонскій конгрессъ далъ бы на окончательное устройство удовлетворительной системы школъ для чернаго племени такую же сумму, какую пожертвовалъ Пибоди. Сами негры находятся до сихъ поръ въ таковой бѣдности и неустройствѣ, что могутъ давать на свои школы лишь очень немного; у нихъ нѣтъ еще никакой собственности, да и едва ли приобрѣтеніе ея станетъ для нихъ возможнымъ раньше слѣдующаго поколѣнія, которое будетъ уже обладать необходимыми для того свѣдѣніями и способностями. Случай бережливости и полной независимости у нихъ бываютъ, разумѣется; но масса черныхъ мужчинъ въ южныхъ штатахъ помогаетъ сравнительно мало въ уплатѣ за школьныя привилегіи, которыми они пользуются въ силу дѣйствія школьныхъ законовъ, въ болѣе части уже принятыхъ въ союзѣ штатовъ.

Общество миссіонеровъ создало семь нормальныхъ институтовъ для образованія черныхъ учителей высшаго порядка, девятнадцать нормальныхъ школъ, сорокъ-семь обыкновенныхъ школъ

съ 323 священниками, миссіонерами и учителями, и болѣе чѣмъ 14,000 воспитанниковъ. Это трудъ 13-ти лѣтъ. Но, кромѣ этихъ школъ, введена теперь въ южныхъ штатахъ официальная система школъ для черныхъ дѣтей, хотя существованіе этой системы нельзя еще назвать совершенно прочнымъ, потому что отъ времени до времени то въ томъ, то въ другомъ штатѣ являются попытки со стороны бѣлыхъ консерваторовъ оставить школы негровъ безъ всякой поддержки или такъ измѣнить школьные законы, что школы лишатся надежды на прочное существованіе. Въ настоящее время только въ трехъ штатахъ: Виргиніи, Западной-Виргиніи и Теннесси, составлены хорошіе планы о мѣстныхъ школахъ; но въ Теннесси хорошая школьная система, устроенная въ 1867 году, была уничтожена въ 1870 году простымъ политическимъ переворотомъ, и вмѣсто нея введена система, которая ставитъ образованіе негровъ въ зависимость отъ рѣшенія мѣстныхъ округовъ, безъ всякаго участія со стороны центральнаго попечителя или суперинтендента. Что же касается до Западной-Виргиніи, этотъ штатъ нельзя считать южнымъ, такъ какъ онъ (вмѣстѣ съ Миссури) не принималъ участія въ восстаніи, да и негровъ въ немъ очень мало: 18,000 на 424,000 бѣлыхъ. Въ этомъ штатѣ произошло однако то же самое явленіе, что и въ Теннесси, но здѣсь, къ счастью, оно не имѣло серьезнаго вліянія, такъ какъ сами округа добровольно вносили прежній налогъ и такимъ образомъ парализовали вліяніе консерваторовъ (или демократовъ) въ центральномъ законодательствѣ штата. Въ Теннесси, впрочемъ, новое торжество республиканцевъ въ 1873 году вновь вернуло прежнюю систему. Въ Виргиніи дѣйствительно существуетъ самая лучшая школьная система; въ ея книги въ 1873 году было занесено 160,859 учениковъ на 713,000 бѣлаго и 513,000 чернаго населенія. Но и тамъ были попытки свергнуть хорошую систему и оставить негровъ безъ образованія. Неудача этихъ недобросовѣстныхъ попытокъ, конечно, даетъ увѣренность, что болѣе благоразумная партія все-таки восторжествуетъ. Дѣльный агентъ фонда Пибоди, Сирсъ, находить, на основаніи своихъ наблюденій въ двѣнадцать штатахъ, что въ настоящее время стремленіе къ распространенію школъ становится до того сильнымъ, что противъ него осмѣливаются возставать лишь такіе люди партій, которые не могутъ рассчитывать на серьезную поддержку.

Въ тѣхъ штатахъ, гдѣ въ законодательномъ собраніи преобладаютъ негры: въ Луизианѣ, Южной Каролинѣ и Флоридѣ, бѣлые люди или совершенно отказываются отъ поддержки общественныхъ школъ, или поддерживаютъ слабо и неохотно. Въ Луизианѣ и

Южной Каролинѣ только одна треть швольнаго населенія (отъ 6—21 лѣтъ) ходитъ въ школы: 100,000 и 75,000, а во Флоридѣ только одна четверть: 18,000; въ этихъ штатахъ чувствуется большой недостатокъ въ учителяхъ.

Самая сильная безграмотность господствуетъ въ прежнихъ хлопковыхъ штатахъ: Сѣверной и Южной Каролинахъ, Джорджии, Алабамѣ, Луизианѣ, отчасти въ Виргиніи, Флоридѣ и Техасѣ, и въ сельскихъ округахъ Арканзаса; на значительныхъ пространствахъ пяти первыхъ штатовъ процентъ безграмотныхъ не менѣе 60. Въ Алабамѣ на миллионное населеніе, состоящее на половину изъ бѣлыхъ и черныхъ, 380,000 безграмотныхъ, изъ которыхъ 100,000 бѣлыхъ, — при 175,000 избирателяхъ мѣстные газеты расходятся всего въ 40 тысячахъ экземпляровъ; въ 1873 году тамъ закрыты всѣ сельскія школы по денежной несостоятельности штата содержать учителей. Въ Джорджии изъ 370,000 дѣтей только 100,000 посѣщаютъ школы; негры въ этомъ штатѣ предоставляютъ въ дѣлѣ школы на произволъ судьбы.

Штаты Арканзасъ и Миссиссиппи имѣютъ хорошія школы въ городахъ, но сельское населеніе слишкомъ разбросано, и школы тамъ, поэтому, заводятся очень туго. Техасъ населенъ очень скудно, но его швольная система воспитываетъ 127 тысячъ дѣтей, болѣе половины общаго школьнаго населенія.

Въ общей суммѣ число дѣтей, посѣщающихъ первоначальныя школы во всѣхъ пятнадцати штатахъ, простирается до 1.500,000 на 14-милліонное населеніе (9½ бѣлыхъ и 4½ черныхъ); сравнивая эту статистику съ статистикою сѣверныхъ штатовъ, оказывается, что въ южныхъ штатахъ число дѣтей, посѣщающихъ школы, составляетъ четыре-седьмыхъ общаго числа дѣтей, посѣщающихъ школы въ сѣверныхъ штатахъ, и что дѣти на югѣ проводятъ въ своихъ школьныхъ занятіяхъ три-четверти того времени, которое употребляется на сѣверѣ.

Въ вашингтонскомъ конгрессѣ не разъ поднимался вопросъ о введеніи въ южные штаты «смѣшанныхъ школъ» (mixed schools), подъ которыми разумѣется не что иное, какъ обученіе черныхъ и бѣлыхъ дѣтей вмѣстѣ, въ одной и той же школѣ. Въ настоящее время въ южныхъ штатахъ школы для черныхъ и школы для бѣлыхъ дѣтей устраиваются отдѣльно, но съ однимъ и тѣмъ же курсомъ образованія. Въ конгрессѣ заявляются опасенія, что подобный порядокъ вещей можетъ въ будущемъ оказать вредное вліяніе на уровень образованія въ школахъ для черныхъ дѣтей, потому что бѣлые, какъ враждебное большинство черному населенію, захвативъ власть въ свои руки, могутъ оставить школы

черныхъ безъ поддержки. Но Кингъ видитъ въ этомъ фактѣ совершенно нормальное явленіе, такъ какъ даже въ тѣхъ штатахъ, гдѣ негры обладаютъ неограниченною политическою властью, напримеръ, въ Южной-Каролинѣ и Луизианѣ, они не заявляютъ желанія вводить смѣшанныя школы. Дѣло въ томъ, что и между неграми есть предрасудки противъ общенія съ бѣлыми, какъ у бѣлыхъ противъ общенія съ черными. Но у бѣлыхъ они выражаются гораздо серьезнѣе, ибо для нихъ воспитаніе дѣтей есть вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе опредѣленнаго нравственнаго типа. Такъ какъ у негровъ, находившихся 200 лѣтъ въ рабствѣ, трудно ожидать высокой или просто приличной нравственности, то бѣлые Юга прямо говорятъ: «пока массы чернаго населенія на югѣ не приобретутъ болѣе высокаго нравственнаго уровня, чѣмъ тотъ, который характеризуетъ ихъ теперь, до тѣхъ поръ не слѣдуетъ свободно допускать ихъ дѣтей въ то общеніе, которое создается для бѣлыхъ дѣтей воспитаніемъ въ однихъ и тѣхъ же помнаткахъ и подъ руководствомъ однихъ и тѣхъ же учителей»... Нашъ путешественникъ такъ увлекся этимъ аргументомъ, что въ стремленіи конгресса установить равенство въ школьной системѣ видитъ страшный вопросъ о смѣшеніи расъ, самый излюбленный вопросъ аристократическихъ рабовладѣльцевъ. «Смѣшеніе расъ—поучаетъ Кингъ—не дѣло національнаго законодательства. Оба племени имѣютъ теперь избирательный голосъ и равные шансы на приобретение собственности и на пользованіе ею; каждая раса можетъ купить себѣ образованіе, какое она хочетъ, кромѣ того, которое она получаетъ бесплатно». Но въ дѣйствительности это не такъ: чтобы *купить* себѣ образованіе, надо большія деньги, а между тѣмъ негры несравненно бѣднѣе бѣлыхъ не только денежными средствами, но знаніями, и характеромъ, и даже численно. Прямой аргументъ о смѣшеніи расъ тоже не имѣетъ здѣсь мѣста, такъ какъ въ школьномъ образованіи главное дѣло заключается въ приобретеніи знаній, а такое приобретеніе едва ли имѣетъ въ себѣ что-нибудь общее съ смѣшеніемъ расъ. Что касается до нравственности черныхъ дѣтей въ сравненіи съ нравственностью бѣлыхъ, то если нравственность послѣднихъ выше нравственности первыхъ, то чего же бояться ихъ общенія: лучший, а слѣдовательно и твердый характеръ всегда беретъ верхъ надъ худшимъ или слабымъ, и потому скорѣе слѣдуетъ надѣяться, что отъ общенія бѣлыхъ дѣтей съ черными въ дѣлѣ общаго образованія скорѣе будетъ хорошее взаимное вліяніе, въ политическомъ или гражданскомъ отношеніи, чѣмъ какое-то смѣшеніе расъ, съ которымъ приобретеніе знаній не имѣетъ ничего общаго. Бѣлый

ученикъ, облагораживая сознание чернаго о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, будетъ облагораживать и самого себя.

Этого мало; въ самой книгѣ Кинга есть нѣсколько фактовъ, которые показываютъ, что смѣшанныя школы могутъ существовать въ южныхъ штатахъ и процвѣтать. Такъ, напримѣръ, въ Луизианѣ самостоятельно основались нѣсколько такихъ школъ, и въ нихъ учать бѣлые и черные учителя вмѣстѣ. Въ штатѣ Миссиссиппи попечитель просвѣщенія (Superintendent of Education) рассказывалъ Кингу, что ему однажды понадобилось настоять на учрежденіи смѣшанной школы; это случилось въ одномъ изъ сельскихъ округовъ, гдѣ бѣлые учителя отказались учить черныхъ дѣтей. Онъ извѣстилъ этихъ учителей, что ни въ какомъ случаѣ они не должны удалять черныхъ дѣтей изъ бѣлыхъ школъ, чтобы такимъ образомъ и черные получили образованіе.

Итакъ, даже бѣлые учителя одержимы тѣмъ же предрасудкомъ; и не только учителя, но даже профессеры и ученые. Въ главномъ городѣ Южной-Королины, Колумбіи, есть старая коллегія, основанная въ началѣ столѣтія. Въ 1866 она состояла изъ десяти различныхъ школъ, имѣла богатую бібліотеку и превосходное собраніе аппаратовъ для естественно-научныхъ изученій; ей дали тогда названіе: «университетъ». Въ 1873 году секретарь штата, негръ, вздумалъ поучиться въ университетѣ юридическимъ наукамъ и пришелъ туда въ качествѣ студента. Всѣ профессеры сильно обидѣлись появленіемъ чернаго секретаря штата и, написавъ протестъ, вмѣстѣ съ студентами, удалились изъ университета. Негры сенаторы и депутаты, долго не думая, пригласили съ сѣвера хорошихъ преподавателей и стали слушать юридическія науки.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ ясно, что для образованія негровъ необходимы черные учителя. Инициативу въ этомъ дѣлѣ, какъ и вообще въ распространеніи школъ для чернаго населенія, взяли сѣверные американцы и главнымъ образомъ члены миссіонернаго общества. Они создали семь нормальныхъ институтовъ въ семи различныхъ штатахъ: Гэмптонскій институтъ въ Виргиніи, коллегію Бера въ Кентукки, университетъ Фиска въ Теннесси, Атлантскій университетъ въ Джорджіи, коллегію Талладега въ Алабамѣ, Тугэлусскій университетъ въ Миссиссиппи, и Стрѣйтскій университетъ въ Нью-Орлеанѣ.

Гэмптонскій нормальный институтъ находился подъ управленіемъ генерала Самюэля Армстронга, командовавшего черными войсками во время войны. Въ своемъ отчетѣ за 1872 годъ онъ такъ опредѣлилъ потребности негровъ въ образованіи: «Имъ

нужно элементарное и индустріальное образованіе. Успѣхъ или неуспѣхъ этого племени зависитъ отъ преданности земледѣлію и механическимъ искусствамъ, и ихъ учителя должны быть одушевлены духомъ упорнаго труда и должны изыскивать всѣ средства и пути въ матеріальному успѣху. Подражаніе сѣвернымъ образцамъ не удовлетворитъ этой задачѣ. На Югѣ методы труда должны быть созданы, а не заимствованы, хотя основной принципъ труда вездѣ одинъ и тотъ же». Армстронгъ началъ свою агитацію о нормальныхъ школахъ негровъ въ 1867 году. Сынъ миссіонера, бывшаго въ продолженіи 16-ти лѣтъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Гавайскомъ королевствѣ, Армстронгъ зналъ систему «ручного труда», которую ввелъ его отецъ на Сандвичевыхъ островахъ, и рѣшился примѣнить ее въ неграмъ, по приглашенію миссіонернаго общества и съ поддержкою сѣверныхъ благотворителей и генерала Гоуарда. Деньги были даны и куплена большая мыза; въ 1872 году, четыре года спустя послѣ основанія школы, штатъ Виргинія назначилъ школѣ земельный доходъ въ 95,000 долларовъ, какъ учрежденію, полезному для развитія земледѣлія. Это поощреніе ободрило генерала, школа пришла въ цвѣтущее состояніе, и черные воспитанники обоеихъ половъ явились туда изъ всѣхъ штатовъ Юга. Раздѣленіе труда и ученія между обоими полами было устроено совершенно удовлетворительно для учителей и учениковъ, и денежные результаты превосходили всякія ожиданія. Каждый воспитанникъ долженъ былъ работать на фермѣ по 1½ или 2 дня еженедѣльно, и за это ему платили хорошую сумму. Молодые дѣвушки занимались кухней и разными отраслями домашняго хозяйства, и учились шить на швейныхъ машинахъ. У школы есть типографія и издается ежемѣсячная газета; газету пишутъ и печатаютъ тѣ же воспитанники. Ученики и ученицы должны зарабатывать все, что имъ нужно—это основной принципъ школы, имѣющій своею цѣлью возбудить духъ личной независимости. Въ продолженіи шести лѣтъ съ своего основанія, школа выпустила около сотни хорошихъ учителей и учительницъ, одушевленныхъ желаніемъ посвятить свою жизнь просвѣщенію и возвышенію дѣтей ихъ племени.

Университетъ Фиска въ городѣ Намвиллѣ названъ по имени своего основателя, генерала Клинсона-Фиска, открывшаго школу въ 1866 году. Въ этомъ заведеніи воспитывалось 1,000 мужчинъ и женщинъ. Одиннадцать студентовъ обоего пола, обладавшіе хорошимъ голосомъ, отправились въ сѣверные штаты публично пѣть «сердечныя пѣсни» негровъ, которыя были сочинены

неграми во времена рабства. Они имѣли большой успѣхъ и потому рѣшились отправиться въ Англію подъ именемъ «юбилейныхъ пѣвцовъ» (Jubilee Singers), гдѣ тоже все шло чрезвычайно успѣшно, такъ что они привезли назадъ столько денегъ, что можно было выстроить *юбилейную залу*, «зданіе, которое могло бы служить украшеніемъ любому университету»... Вотъ какихъ воспитанниковъ даетъ этотъ университетъ. Онъ началъ въ 1867 году съ азбуки, которой онъ обучаетъ и теперь; но въ трехъ подготовительныхъ классахъ присоединенъ уже коллегіальный классическій курсъ въ четыре года и два нормальныхъ учительскихъ курса, по два года каждый. Въ 1874 году въ отчетѣ объ экзаменахъ писали слѣдующее: «Въ четвергъ, классъ фрешименовъ держалъ въ коллегіи экзаменъ изъ «Энеиды» Виргилія, геометріи и ботаники; изъ послѣдняго предмета вмѣстѣ съ классомъ софоморовъ, экзаменовавшагося изъ «de Amicitia» и «de Senectute» Цицерона и Ливія по-латыни, и изъ Гомеровою «Илиады» по-гречески, и въ ботаникѣ. По всѣмъ этимъ предметамъ члены этого класса проявили замѣчательныя способности, показывающія положительнымъ образомъ, что люди цвѣтного племени способны приобрѣтать и усваивать самыя трудныя знанія и достигать высшей культуры, преподаваемой въ нашихъ лучшихъ коллегіяхъ. Быстрота и прелесть (beauty) ихъ переводовъ вмѣстѣ съ точностью, показывающею знаніе структуры языка и мыслей переводимыхъ классиковъ, удовлетворили всѣ ожиданія друзей образованія и самихъ учителей. Точно также и въ ботаникѣ экзаменъ былъ весьма удовлетворителенъ относительно терминологіи науки, принциповъ классификаціи и способности анализировать растенія, объяснять ихъ строеніе и опредѣлять ихъ порядокъ и видъ въ растительномъ мірѣ». Въ университетѣ Фиска нѣтъ ручного труда, и поэтому студентамъ необходимо отыскивать свое содержаніе; лишенія черныхъ студентовъ, говоритъ Кингъ, почти невѣроятны.

Въ коллегіи Берса учатся оба пола и оба племени; она была основана нѣсколько лѣтъ до войны однимъ миссіонеромъ, удачно пропагандировавшимъ противъ невольничества въ южныхъ штатахъ. Но когда самоотверженный Джонъ Броунъ произвелъ возстаніе негровъ, рабовладѣльцы закрыли коллегію. Послѣ войны учителя вернулись и найдя дома и строенія неразрушенными, снова открыли коллегію для бѣлыхъ и черныхъ учениковъ. Сперва бѣлые граждане Кентукки смотрѣли на это заведеніе какъ на нѣчто странное, но потомъ стали посылать туда своихъ дѣтей. Теперь бѣлые студенты въ Берса составляютъ двѣ-пятыхъ

всего числа; среди нихъ много молодыхъ лѣди. Большую денежную поддержку получаетъ эта коллегія съ Сѣвера, и ею управляетъ священникъ Ферчайльдъ, братъ президента знаменитой Оберлинской школы.

Атлантскій университетъ былъ встрѣченъ сильною оппозиціею со стороны южныхъ плантаторовъ. Спустя два года послѣ его основанія (1867) въ университетъ явилась коммиссія изъ вліятельныхъ южныхъ джентльменовъ, отличавшихся всегда своими опасеніями относительно обученія негровъ. Въ ихъ отчетѣ къ губернатору штата имъ пришлось сознаться, что «система умственного и нравственного образованія, принятая въ школахъ», чрезвычайно практична. Далѣе они говорятъ, что удовлетворительные отвѣты воспитанниковъ «на вопросы, касающіеся опредѣленія характера нравственного воспитанія, ихъ вѣжливое обращеніе, общая скромность въ манерахъ и очевидная бережливость и опрятность въ одеждѣ, указываютъ на то, что воспитанники понимаютъ, что ихъ воспитываютъ для полезной дѣятельности, а не для тщеславія или удовлетворенія эгоистическаго честолюбія». Они нашли также, что африканецъ способенъ выдержать очень строгій экзаменъ изъ алгебры и геометріи, и «вполнѣ понимаетъ конструкцію трудныхъ отрывковъ изъ классиковъ». Въ этомъ университетѣ 250 студентовъ, и онъ ежегодно посылаетъ хорошо приготовленныхъ черныхъ учителей.

Коллегія Талладега открыта въ 1869 году, тоже классическая нормальная школа съ теологическимъ факультетомъ, изъ котораго выходятъ священники, очень хорошо понимающіе христіанскія начала и уже отъучившіеся отъ разныхъ заблужденій, которыми отличаются самодѣльные проповѣдники изъ негровъ.

Университетъ Стрэйта имѣетъ 250 воспитанниковъ, которые обучаются тѣмъ же предметамъ, то-есть классическимъ языкамъ и математикѣ. Въ своей программѣ онъ обѣщаетъ «перевоспитать полуязыческихъ проповѣдниковъ штата Луизианы въ полезное христіанское духовенство, — дать ея цвѣтнымъ законодателямъ такое знаніе исторіи и законодательства, чтобы ихъ голоса сдѣлались разумными и чтобы въ нихъ пробудилось такое самоуваженіе, которое спасало бы ихъ отъ искушенія взяточною, — снабдить учителями наши плохо организованныя общественныя школы, — собрать на доно церкви это огромное римско-католическое населеніе, — привлечь его къ намъ доказательствами того, что Стрэйтскій университетъ, съ его учителями, строеніями, библіотеками, аппаратами, дисциплиною, христіанскимъ приличіемъ, ученостью и общимъ управленіемъ, вполнѣ выше и шире при-

ходскихъ и монастырскихъ школъ, — упрочить республикѣ увѣренность въ томъ, что новые граждане Луизианы сохранять дарованную имъ свободу, и не допустить Луизиану къ обращенію въ Мексику посредствомъ частыхъ революцій; — короче сказать, влить здоровую христіанскую жизнь въ смѣшанную массу негритянской и латинской крови и исполнить этотъ трудъ ради ея самого, ради націи и ради Христа.

Нормальная школа въ Тугалу, университетъ Алборна, имѣетъ 300 студентовъ, воспитывающихся на счетъ своего собственнаго ручнаго труда и 50,000 долларовъ, выдаваемыхъ ей штатомъ. Она идетъ очень успѣшно.

Всѣ эти учрежденія, вмѣстѣ взятая, могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, что негры вовсе не такое неспособное племя, каковымъ его описывали южные ученые и многіе путешественники, неимѣющіе никакого понятія о свойствахъ человеческой природы вообще. Ясно также, что они могутъ обучаться всѣмъ наукамъ, каковымъ учатъ бѣлыхъ дѣтей, и что весь вопросъ о неспособности негровъ къ цивилизаціи есть жалкая выдумка недобросовѣстныхъ ученыхъ и эгоистическихъ рабовладѣльцевъ Юга.

IV.

Двѣсти лѣтъ невольничества, устроеннаго самымъ искуснымъ образомъ для того, чтобы путемъ развращенія и деморализаціи людей удерживать ихъ въ полномъ повиновеніи и подчиненіи, не могли уничтожить въ черныхъ рабахъ тѣхъ человѣческихъ способностей, которыми человѣкъ отличается отъ животныхъ и которыя даютъ ему возможность сознавать свое человѣческое достоинство. Въ южныхъ штатахъ всѣ мѣры направлены были къ тому, чтобы человѣка обратить въ рабочаго животнаго, чтобы лишить его всякаго характера и даже убѣдить его въ томъ, что ему никакого личнаго характера не нужно; что ему достаточно удовлетворенія всѣхъ физическихъ потребностей организма и матеріальныхъ удовольствій, но знаній никакихъ не нужно, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для плантаторскихъ работъ, а о чувствахъ, семейныхъ или общественныхъ, у него не должно быть и мысли. Чувство повиновенія — это нужно, этого самъ Богъ желаетъ, а за все другое беретъ на себя отвѣтственность хозяинъ, и непрежѣнно бѣлый человѣкъ, высокопоставленный, для котораго рабъ только собственность, которую онъ можетъ во

всякое время продать или подарить кому хочетъ, и втораго онъ можетъ выдрать кнутомъ или затравить своими собаками, приученными къ негритянской крови и названными, повѣтому, blood-hounds. Замѣчательно, что тамъ были штаты: Мэрилендъ и Виргинія, которыя спеціально занимались «одомашненіемъ» негровъ для дисциплины хлопковыхъ плантацій, и потомъ продавали ихъ плантаторамъ тѣхъ штатовъ, гдѣ разводили хлопковъ. Весьма дѣльный нѣмецкій писатель, Теодоръ Вайтцъ, во второмъ томѣ своей превосходной «Антропологии природныхъ народовъ», разбирая вліяніе разныхъ формъ невольничества на негровъ, считаетъ невольничество Соединенныхъ Штатовъ самымъ гибельнымъ. «Это правда,—говоритъ онъ,—что Соединенные Штаты не потребили такихъ массъ негритянской жизни, какія потреблены въ Вестъ-Индіи; но объясненіе этого факта нужно искать не въ болѣе великой гуманности, а въ лукавомъ расчетѣ исключительно. Взятое въ цѣломъ, это обращеніе вело къ меньшимъ жестокостямъ, но вездѣ, гдѣ было возможно, оно низводило негра къ глубочайшему нравственному униженію. Что торговля рабами происходила тамъ самымъ грубымъ образомъ и что за бѣглыми невольниками гонялись собаки—это тоже справедливо. Племенной предразсудокъ въ Соединенныхъ Штатахъ дошелъ до такой силы и исключительности, что ему нѣтъ нигдѣ равнаго: и свободный негръ, и мулатъ даже въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ нѣтъ невольниковъ, считается презрѣннымъ и отверженнымъ; ихъ положеніе по своему духу и характеру было положеніе невольника со всѣми его особенностями. «До квадроновъ живетъ тамъ негръ съ своимъ потомствомъ»—какъ выражается одинъ писатель (Hamilton Smith), котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ черному племени—«заклейменный именовъ углюдка-человѣчества и поставленный подъ ярмо проклятія, которое не даетъ ему даже простой терпимости». Въ справедливости этихъ словъ легко убѣдиться фактами выдачи бѣглыхъ негровъ южанамъ, въ силу распоряженія главнокомандующаго сѣверной арміи Макъ-Клеелана; до самаго обнародованія прокламаціи Линкольна объ освобожденіи негровъ, невольничество существовало даже въ области Колумбія, гдѣ находится столица Соединенныхъ Штатовъ, называемая именовъ Вашингтона; до 1865 года негры на Сѣверѣ не смѣли ѣздить въ городскихъ дилижансахъ, и ихъ перевозили по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ для скота; въ южныхъ штатахъ и теперь не пускаютъ ни негровъ, ни мулатовъ въ вагоны перваго класса. По рѣшенію верховнаго суда, въ 1860 году было утверждено, что гдѣ бы негръ ни жилъ,

онъ не признавалъ гражданиномъ и, слѣдовательно, долженъ быть чьимъ-либо рабомъ; и только въ 1870 году была утверждена президентомъ Грантомъ 15-ая поправка конституціи, которая даетъ всѣмъ гражданамъ избирательное право и право вступленія на государственную службу, къ какому бы племени, цвѣту, мѣсторожденію, собственности, воспитанію или религіи онъ ни принадлежалъ. Во времена плантаторской власти на Югѣ и въ сѣверныхъ штатахъ жизнь негра была отравлена различными незаслуженными несправедливостями. «Въ Виргиніи многіе негры отказывались освобождаться изъ невольничества, потому что, сдѣлавшись свободными, имъ приходилось уѣзжать изъ штата, если они не хотѣли подвергнуться новому лишенію свободы; этотъ фактъ южане выставляли какъ доказательство, что негры не нуждаются въ свободѣ и не умѣютъ цѣнить ее! На Югѣ были запрещены браки между бѣлыми и цвѣтными; такимъ образомъ, цвѣтныя женщины лишены были возможности вступать въ *нормальное* общество,—имъ оставалось только одно: себя самое и своихъ дѣтей лишать тѣмъ или другимъ способомъ общественной чести. Въ обѣихъ Каролинахъ судъ оправдывалъ плантатора за увѣчья, нанесенныя негру, если самъ плантаторъ показывалъ подъ присягою, что не онъ это сдѣлалъ. Кто найдетъ на улицѣ толпу негровъ, состоящую болѣе чѣмъ изъ 7 человекъ, можетъ каждому изъ нихъ дать 20 ударовъ. Въ тѣхъ же штатахъ запрещали учить негровъ грамотѣ и письму, подъ угрозой штрафа въ 14 долларовъ» (Waitz, 302—4). Мы уже говорили выше о преслѣдованіи христіанскихъ священниковъ, объяснявшихъ неграмъ, что невольничество противно христіанству. Во времена французовъ, въ штатѣ Луизианѣ старымъ рабамъ давали полное покровительство и отдыхъ, и христіанскіе негры хоронились на освященныхъ кладбищахъ; но когда французскія территоріи перешли въ руки южанъ, негры до старости не доживали, и хоронили ихъ какъ попало. У французовъ мужъ и жена, принадлежащія одному хозяину, никогда не продавались отдѣльно или въ разныя руки; но американцы этимъ не стѣснялись, — они продавали даже дѣтей отдѣльно отъ родителей.

Всѣ эти факты отлично показываютъ, что удивляться нравственной испорченности негровъ, ихъ страсти къ воровству и правдоности нѣтъ никакой необходимости; скорѣе слѣдуетъ изумляться тому, что только одна треть ихъ, а не всѣ, пришли въ такому незавидному состоянію. По мнѣнію Кинга, негровъ можно раздѣлить, по нравственному достоинству, на три разряда: «около трети негровъ на Югѣ находится въ весьма надежномъ состо-

жизни; другая треть повидимому пребываетъ въ сравнительно неподвижномъ положеніи, а послѣдняя треть абсолютно ничего не стобитъ, предпочитаетъ вражу честному труду и не проявляетъ прочныхъ успѣховъ ни въ нравственности, ни въ общественной жизни, ни въ приложеніи своего труда къ полезному производству. Но этому всему нельзя было выучиться на плантаціяхъ. Въ тѣ времена негры могли искать своего нравственнаго и умственнаго развитія только въ религіи. Всѣ угнетенные народы тѣмъ только и отличаются отъ животнаго состоянія, что способны къ религіознымъ созерцаніямъ и представленіямъ—этомъ первомъ признакѣ умственнаго развитія. И у негровъ весь ихъ умъ долженъ былъ сосредоточиться вокругъ фактовъ той религіи, которую они нашли въ своей рабской обстановкѣ. Только религія была доступна ихъ неотъемлемымъ душевнымъ свойствамъ, — только въ ней могли они находить внутреннее успокоеніе и утѣшеніе, — только она возбуждала въ нихъ неопредѣленныя надежды на будущее—если не въ этомъ мірѣ, такъ въ другомъ, и непремѣнно лучшемъ. Другого содержанія ихъ умъ не имѣлъ; имъ сообщили только крупныя событія библіи и въ библейской формѣ. Африканскія религіозныя понятія смѣшались съ іудейскими и христіанскими; они усвоили себѣ только тѣ факты и мысли, которыя подходили всего ближе къ ихъ безвыходному положенію, и такъ сжились съ ними, такъ сильно привязались и вдохновлялись ими, что ихъ воображеніе и чувства дошли до поэтическаго одушевленія. Факты и событія религіи стали, такимъ образомъ, предметомъ поэтическихъ попытокъ въ родѣ пѣсенъ, и у негровъ явились пѣніе, и музыка и страстные танцы. Всѣ пѣсни рабовъ имѣютъ религіозное содержаніе съ личнымъ характеромъ. Въ нихъ выражаются стоны, страданія въ неволѣ, въ нихъ льются слезы, скрытыя во мракѣ ночи, и слышенъ неясный ропотъ неизвѣстно откуда. Все это направлено не къ людямъ, отъ которыхъ можно ожидать только насилій и презрѣнія, но къ чему-то безвѣчному, называемому различными именами. «Самыя лучшія и трогательныя пѣсни,—говоритъ Кингъ,—тѣ, гдѣ выражаются жалобы и воззванія. Въ нихъ есть странныя намеки и проблески природнаго чувства, перемѣшанные съ напряженнымъ духовнымъ рвеніемъ. Есть пѣсни, несвязныя по содержанію вслѣдствіе неузнанія необразованныхъ людей слагать рѣчь, но рима въ нихъ совершенная и размѣръ стиховъ постоянный и правильный; дѣйствіе мелодіи сильное и иногда почти неодолимое,—когда ее пропеютъ, вы чувствуете, что она вызвана сильнымъ движеніемъ души или напряженною тоскою. Вотъ одна изъ этихъ безсодер-

жательныхъ пѣсень, которую пѣли работники на табачныхъ факторіяхъ въ штатѣ Виргиніи:

„May de Lord—He *will* be glad of me,
 In de heaven He'll rejoice;
 In de heaven once, in de heaven twice,
 In de heaven He'll rejoice.
 Bright sparkles in the churchyard,
 Give light unto de tomb;
 Bright summer, spring's ober,
 Sweet flowers in de'r bloom“.

— въ буквальной переводѣ: «Господь можетъ — Онъ *будетъ* доволенъ мною, на небѣ Онъ будетъ обрадованъ; на небѣ разъ, на небѣ въ другой разъ, на небѣ Онъ будетъ обрадованъ. Яркія искры на кладбищѣ даютъ свѣтъ могиламъ; яркое лѣто послѣ весны, душистые цвѣты въ ихъ цвѣту».

О красотѣ и одушевленіи «рабской музыки» — говоритъ Кингъ — одни слова не могутъ передать настоящаго впечатлѣнія. Странность дикихъ жестовъ, которыми сопровождаются всѣ пѣсни, невозможно описать. На сходкахъ въ полѣ и на собраніяхъ религіознаго возрожденія рабы, когда пѣли, предавались кривляньямъ, топали ногами, хлопали руками, и подвергались судорогамъ всего тѣла. Простѣйшіе гимны поются съ чрезвычайнымъ напряженіемъ. Всѣ пѣсни по ббльшей части — импровизаціи; написанныхъ очень немного. Онѣ исходятъ изъ экстатическаго состоянія, вызываемаго во время грубыхъ и бѣшеныхъ танцевъ на плантаціи; онѣ рождены сильною и неизбѣжною тоскою, вынуждающею сердце крикнуть своей кличъ, или исходить изъ источника религіознаго возбужденія. Иногда онѣ были простымъ выраженіемъ чувства удовольствія въ энергическомъ, здоровомъ тѣлѣ; но такихъ пѣсней мало. Большинство ихъ отличается жалобнымъ тономъ. Есть пѣсня о страшномъ судѣ, есть другая о великой сходкѣ въ обѣтованной землѣ, которую плантаторы запрещали, но въ которой нѣтъ ничего, кромѣ выраженія надежды, что придутъ лучшіе дни и будетъ великая сходка въ обѣтованной землѣ. Сравненіе своего рабства съ рабствомъ израильтянъ въ Египтѣ попадаетъ во многихъ пѣсняхъ, и сравненія довольно остроумныя. Въ одной изъ нихъ Богъ посылаетъ Моисея къ «старому Фараону», сказать ему, чтобы онъ отпустилъ народъ изъ рабства, и если онъ не отпуститъ народъ, то Богъ убьетъ всѣхъ перворожденныхъ. Перворожденные были убиты, и народъ освобожденъ. Пророчество этой пѣсни дѣйствительно совершилось: плантаторы были совершенно разбиты, а негры освобождены. Въ

другой пѣснѣ спрашиваютъ: «развѣ Богъ не освободилъ Даниила; но отчего не всякаго человѣка?.. Онъ освободилъ Даниила изъ львиного вертепа, и Иону изъ чрева кита, и еврейскихъ дѣтей изъ огненной печи; а отчего не всякаго человѣка?» И здѣсь, конечно, подразумѣвается, что будетъ освобожденіе и имъ, но учителямъ ихъ не будетъ.

Мы приведемъ здѣсь еще двѣ пѣски: одну меланхолическую— о смерти, другую—поучительную, съ общественнымъ характеромъ; обѣ пѣсни сочинены на плантаціяхъ въ низменностяхъ Южной-Каролины, именно тамъ, гдѣ Кингъ нашелъ первобытный, варварскій типъ негра.

„O Deat'he is a little man,
And he goes from do' to do';
He kill some souls and he wounded some,
And he lef' some souls to pray.
Oh Lord, remember me,
Do, Lord, remember me;
Remember me as de year roll round,
Lord, remember me.

(О смерть—маленькій человѣкъ, и ходитъ онъ отъ двери до двери; онъ убилъ нѣсколько душъ и ранилъ нѣсколько, и оставилъ нѣсколько дунгъ молиться. О, Господи, вспомни обо мнѣ, Господи, вспомни обо мнѣ. Вспомни обо мнѣ, когда годъ обернется вокругъ. Господи, вспомни обо мнѣ).

„I saw de beam in my sister's eye,
Can't saw de beam in mine;
You'd better lef' your sister's door,
Go keep your own door clean.

(Я видѣлъ бревно въ глазу моей сестры, но въ моемъ я бревно увидѣть не могъ; лучше оставьте дверь вашей сестры, и содержите чисто вашу собственную дверь).

Пѣсни въ родѣ этихъ и многія другія дали неграмъ огромныя деньги для устройства университета Фиска, въ городѣ Намвиллѣ. Въ первый разъ хоръ изъ 11 человѣкъ студентовъ, молодыхъ мужчинъ и женщинъ (изъ нихъ 8 были освобождены во время войны), выручилъ 20 тысячъ долларовъ въ западныхъ штатахъ. Затѣмъ профессоръ Джорджъ Уайтъ повезъ ихъ въ Англію, въ мартѣ 1874 г., гдѣ ихъ слушали сама королева, англійская аристократія и крупныя капиталисты, одарили ихъ похвалами и деньгами, и они привезли въ Америку 10 тысячъ фунт. стерлинговъ для постройки великолѣпной юбилейной залы въ своемъ университетѣ. Студенты Гемптонскаго института, чис-

ломъ 17, тоже пѣли эти «невольничьи пѣсни» съ большимъ успѣхомъ въ среднихъ, западныхъ и восточныхъ штатахъ, и собрали много денегъ въ пользу улучшенія своего института. Самъ Кингъ восхищался этими пѣснями. Онъ говоритъ: «задушевность, пафосъ и нѣжная грусть свѣжихъ, чистыхъ голосовъ черныхъ пѣвцовъ влагаютъ въ самыя простыя слова такую прелесть и поэзію, которую невозможно понять, пока не услышишь самаго пѣнія. Однажды, слушая пѣніе «Прахъ и пепельъ», одной изъ нѣжнѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ хоровыхъ пѣсней, когда-либо импровизированныхъ, я напрасно старался анализировать ея таинственное чарованіе. Слово было немного и они часто повторялись; мелодія становилась по временамъ почти монотонною. Я не могъ удержаться отъ очарованія, но когда дикая пѣсня замерла, слезы стояли въ моихъ глазахъ,—и я былъ не одинъ изъ собравшихся въ этой обширной аудиторіи, которые плакали, слушая пѣніе».

Старые плантаторы иногда говорятъ, покачивая головою и морща лобъ, что нынѣшніе негры уже не поютъ такъ, «какъ прежде, когда они бывали счастливы». Это правда, что они поютъ не по-прежнему, но несомнѣнно и то, что теперь они поютъ столько же. Лучшія ихъ пѣсни прежняго времени наполнены упрекающею меланхоліею и слагались въ форму воззванія о помощи и стремленія къ чему-то духовному, неясно видимому и только на-половину понимаемому. Таковы были пѣсни, которыя пѣли невольники во время своей работы, но послѣ освобожденія имъ нѣтъ необходимости перелагать свой талантъ въ столь мрачную музыку.

Всѣ эти пѣсни были подвергнуты литературной критикѣ самими черными учителями и другими писателями, интересовавшимися этимъ фактомъ и собравшими пѣсни путемъ личныхъ объясненій съ неграми на разныхъ плантаціяхъ. Учители свидѣтельствуютъ, что «главная часть негритянской музыки, цивилизованная по своему характеру, составлена отчасти подъ вліяніемъ общевія съ бѣлыми, и отчасти дѣйствительнымъ подражаніемъ другой музыкѣ, но въ своихъ общихъ чертахъ она кажется оригинальною въ лучшемъ смыслѣ слова». Пассажи въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ по сущности своего характера—варварскіе; учителя полагаютъ, поэтому, что большая часть общественныхъ пѣсней содержитъ въ себѣ слабыя отголоски грубой музыки африканскихъ дикарей. Одинъ путешественникъ, посѣтивъ Портъ-Рояль въ Южной-Каролинѣ, былъ пораженъ сходствомъ нѣкоторыхъ звуковъ пѣсни тамошняго перевозчика съ звуками пѣсней, которыя онъ слышалъ, катаясь по Нилу, въ Египтѣ. Полковникъ

Гитгинсонъ провелъ нѣсколько времени среди негровъ, обитающихъ на островахъ Южной-Каролины, и изъ своихъ разспросовъ составилъ любопытное объясненіе о томъ, какимъ образомъ создаются неграми пѣсни. Однажды, переправляясь съ одного острова на другой, онъ спросилъ гребца, какъ произошли тѣ пѣсни, которыя они поютъ: «онѣ происходятъ изъ любопытства», сказалъ негръ. «Я самъ составилъ разъ одну пѣсню», — и это случилось еще въ то время, когда онъ былъ невольникомъ. Онъ просто началъ пѣть: «О, старый ниггеръ-извощикъ». Другой прибавилъ: «Первая вещь, которую сказала мнѣ моя мама, была: «ничего нѣтъ хуже ниггеръ-извощиковъ». Эти обѣ фразы составили *refrain*, и въ скоромъ времени всѣ невольники въ портъ создали пѣсню подъ этотъ *refrain*. Другой негръ, рассказывая одному изъ учителей острова, Миллеру Макъ-Климу, какъ они создаютъ пѣсни, сказалъ: «они выработываютъ ее, выработываютъ ее, понимаете, до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается, — вотъ такимъ путемъ получается пѣсня».

Способность къ фантастическимъ представленіямъ и сильное, иногда безумное увлеченіе ими всего рѣзче сказываются въ религиозныхъ обрядахъ. Для большинства негровъ религія немаловажна безъ разныхъ тѣлесныхъ и ораторскихъ упражненій, и безъ выкрикиваній (*shout, shouting*); самую суть религиознаго почитанія они иногда понимаютъ лишь въ потребленіи наибольшаго количества физическихъ силъ въ формѣ голосового напряженія, разныхъ кривляній и дивныхъ жестовъ. Въ настоящее время черные проповѣдники, обученные религіи въ нормальныхъ школахъ, начинаютъ уже сильную пропаганду противъ отождествленія религіи съ «*shout'омъ*». Эти взвизгиванія и вскрикиванія принадлежатъ къ еще болѣе раннему періоду негритянскаго существованія; ихъ можно наблюдать и у африканскихъ народовъ. Когда негры говорятъ, что они идутъ на «шуть», это значитъ будетъ религиозная сходка съ спазмодическимъ энтузіазмомъ. Соберется вечеромъ цѣлая толпа съ плантаціи къ кому-нибудь въ избу; нѣкоторые изъ «братьевъ» прочтутъ импровизованныя молитвы устрашающаго характера съ разными жестами и перемѣнами въ голосѣ, и съ кулачными ударами по столу; затѣмъ начинается пѣніе гимновъ въ меланхолическомъ тонѣ, въ которомъ всѣ принимаютъ участіе; всѣ встаютъ съ мѣста, поютъ и «ходятъ вокругъ» комнаты подъ музыку пѣсни, и потомъ пускаются въ плясъ, состоящій въ слѣдующемъ: «нога почти не поднимается съ полу, движеніе впередъ происходитъ главнымъ образомъ прискакиваніемъ и трясеніемъ всего тѣла, раздражающимъ всего шутера такъ, что всѣ

они скоро покрываются потомъ. Иногда они пляшутъ медленно; иногда, вращаясь въ стороны, они поютъ хороме стихи своей духовной пѣсни или и всю пѣсню; но чаще бываетъ такъ, что ихъ лучшіе пѣвцы и испытанные шутеры стоятъ съ боку комнаты, чтобы «давать направленіе» другимъ; они поютъ главные части пѣсни и въ то же время хлопаютъ руками—то рука въ руку, то руками по колѣнямъ. Пѣніе и плясъ крайне энергичны и часто, когда «шутъ» продолжается ночью, монотонный топотъ ногами мѣшаетъ спать версты на двѣ вокругъ «храма славы». Эти дикія пляски иногда такъ сильно расслабляютъ нервы, что иной негръ на другой день, во время работы, вдругъ приходитъ въ судорожное состояніе и становится совершенно негоднымъ; кухарка, которая побываетъ на этихъ танцахъ, непременно испортитъ хозяйскій обѣдъ. Когда негръ попадаетъ въ такое состояніе, они говорятъ, что онъ «въ пустынь», и такъ онъ ходитъ долгое время. Онъ не можетъ успокоиться, пока не увидитъ «большой свѣтъ» и не услышитъ голоса съ неба или пока его не посѣтитъ ангелъ Божій. Тогда его духъ вдругъ наполняется блескомъ и свѣтомъ, и на публичныхъ воодушевляющихъ сходкахъ онъ скачетъ иногда на шесть футовъ въ воздухъ, обнимаетъ съ дружественными излівіями всѣхъ дьяконовъ и священниковъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ не считаетъ себя новообращеннымъ, пока не произнесетъ слѣдующей формулы: «Господь вынулъ мои ноги изъ грязной тины и поставилъ ихъ на скалу вѣковъ, гдѣ сами адскія врата не могутъ господствовать надъ ними»... Если братъ или сестра такого общества не можетъ точно выразить эти слова, то проповѣдники и дьяконы говорятъ имъ, что они еще въ пустынь и потому не могутъ быть допущены въ религіозному общенію.

Кингъ описываетъ нѣсколько религіозныхъ сходокъ негровъ, и ему ни разу не пришлось быть на такой сходкѣ, гдѣ бы присутствующіе не проявили сильныхъ мышечныхъ сокращеній. Даже вполне образованные цвѣтные священники, желая произвести впечатлѣніе на своихъ прихожанъ, считали нужнымъ прибѣгать къ театральнымъ кривляніямъ лица, сильному топоту ногами и маханію руками. Прислушиваясь у открытаго окна одной негритянской церкви въ Флоридѣ, Кингъ слышалъ, какъ священникъ свирѣпо билъ кулакомъ по библии, которая лежала на столѣ. Его слова были безсвязны, его логика хромала, нѣкоторые его воззванія возбуждали улыбку, но каждый ударъ по священной книгѣ сопровождался бурей вриковъ, вздоховъ и стоновъ, вырвавшихся изъ груди черныхъ слушателей. На плантаціяхъ Кингъ видѣлъ, какъ у мужчинъ и женщинъ била пѣна изо рта и какъ

они ходили по полямъ и лѣсамъ совершенно разстроенные, какъ будто одержимые религиознымъ безуміемъ. Въ такихъ случаяхъ *редкаго* энтузіазма они иногда унижаются до безобразныхъ оргій, гдѣ виски (водка) и сладострастіе дѣлаютъ свое дѣло и вся сходя обращается въ собраніе *черно-амурныхъ* менадъ и сатировъ. Тутъ уже нѣтъ христіанства: это фетишизмъ. Нашъ авторъ соглашается, однако, что подобными привычками заражены далеко не всѣ негры, и что весь черный народъ, какъ одно цѣлое, заключаетъ въ себѣ признаки будущаго возрожденія, подъ вліяніемъ того здороваго движенія, которое началось съ 1865 года. Притокъ хорошихъ учителей, которые станутъ учить промышленнымъ искусствамъ и земледѣлію, бережливости, трезвости и самоуваженію, можетъ «въ слѣдующее десятилѣтіе» поднять 4^{1/2} милліона южныхъ негровъ ближе къ уровню христіанина. Тѣ презрительные взгляды на негровъ, которые господствуютъ въ штатѣ Луизианы и представлены въ нашей статьѣ, какъ мнѣнія ученаго креола благороднаго французскаго происхожденія, суть не что иное, по словамъ Кинга, какъ «ошибочное сужденіе», — каковымъ отличались всегда приверженцы «ancien régime» въ своихъ мнѣніяхъ о французскихъ крестьянахъ и рабочихъ — прибавимъ мы. Бѣлые проповѣдники христіанства на югѣ, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать сердца, исполненнаго благотворительности и довѣрія ко всѣмъ людямъ, тоже отказываются видѣть въ «несчастномъ Самбо» стремленіе улучшить свои обстоятельства. Эти священники не понимаютъ, что нравственное развитіе создается всегда медленно, и что пока негры остаются въ невѣжествѣ и, до нѣкоторой степени, въ неизвѣстности относительно своего будущаго, до тѣхъ поръ ихъ развитіе не можетъ стать быстрымъ и непрерывнымъ.

Относительно неспособности негровъ въ нравственному развитію представляютъ множество фактовъ, изъ которыхъ видно, что негры понимаютъ брачныя отношенія совсѣмъ не такъ, какъ христіанскіе народы. Но, не говоря о томъ, что сами плантаторы развращали и истребляли всѣ семейныя связи своихъ рабовъ, негры и по своему африканскому происхожденію не имѣли никакого понятія о моногаміи, такъ какъ у африканскихъ негровъ и до сихъ поръ господствуетъ полигамія, и женщины пользуются большою свободою въ своихъ половыхъ влеченіяхъ. Невольничество въ южныхъ штатахъ сдѣлало съ понятіями негровъ о брачныхъ отношеніяхъ только то, что они лишились всякаго понятія о бракѣ, предпочитая, однако, жить по-прежнему, то-есть съ многими женами. Женщины же тоже не желали выходить за-

мужь, потому что замужняя жизнь не представляла для них никакой перемены въ жизни. Христіанская религія, разумѣется, должна была оставаться совершенно безсильною среди такихъ обстоятельствъ. Негритянка, хотя она была и христіанка, въ дѣйствительности была просто животный организмъ для приготовления новыхъ рабовъ для плантаторовъ. Что же тутъ удивительнаго, что негритянки не рѣдко убивали своихъ дѣтей или вытраивали ихъ посредствомъ искусственныхъ выкидышей, и что негры уменьшались въ числѣ! Говорить людямъ въ такомъ положеніи, что прелюбодѣяніе есть смертный грѣхъ и что слѣдуетъ жить только съ одною женою, когда сами плантаторы были развратные люди и продавали мужа отдѣльно отъ жены, или жену отдѣльно отъ мужа—это было просто безсовѣстное лицемеріе, и больше ничего. Указывать теперь на негра, какъ на человѣка, который вовсе не признаетъ прелюбодѣянія и не видитъ въ половыхъ отношеніяхъ никакого преступленія и грѣха—да вѣдь этому именно принципу и учила вся теорія рабовладѣнія. У негровъ въ Африкѣ путешественники находили случаи европейской любви; но негры въ рабствѣ должны были терять всякое человѣческое понятіе о брачныхъ отношеніяхъ. Негры получили даже отвращеніе отъ брака, какъ можно судить по одному разсказу Кинга. Въ вагонѣ съ Кингомъ сидѣла блестящая молодая негритянка, съ умнымъ выраженіемъ лица, и возлѣ нея дѣвочка 3—4 лѣтъ; вошелъ мулатъ, знакомый этой женщинѣ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ, послѣ первыхъ привѣтственныхъ словъ:

«— Куда вы отправляетесь, братъ Броунъ?

«— Я ѣду присутствовать на религіозной сходкѣ. Это ваша дѣвочка, сестра Смитъ?

«— Да, это моя дѣвочка.

«— Какъ поживаетъ ваша дѣвочка?

«— Очень хорошо, благодарю васъ, очень хорошо; а ваши дѣти какъ поживаютъ?

«— Благодарю васъ, хорошо. А вы замужемъ, сестра Смитъ?

«— Нѣтъ, Господи! я не замужемъ, да и въ чему мнѣ выходить замужъ?

«— Откуда же вы взяли эту дѣвочку, сестра Смитъ?

«— Эту дѣвочку я нашла, братъ Броунъ!»—причемъ оба симпатически улыбнулись.

Но негры любятъ своихъ дѣтей и воспитываютъ ихъ весьма заботливо. Плантаторы клеветаютъ на нихъ, когда увѣряютъ, что

только послѣ освобожденія негрятинки стали убивать своихъ дѣтей. Случаи эти *продолжаются* со времени рабовладѣнія, и еслибъ они увеличились, то общее число негровъ въ послѣднее десятилѣтіе должно было бы уменьшиться. Но статистика показываетъ прибыль негровъ на цѣлые полъ-милліона душъ: съ 4 милл. въ 1860 до 4 $\frac{1}{2}$ милл. въ 1870. Негры, очевидно, не вымираютъ.

Пресловутый вопросъ Юга: «смѣшеніе племенъ» — разрѣшается, повидимому, самъ собою. Общественное и политическое равенство, установленное теперь въ южныхъ штатахъ, поставило негра въ независимое отношеніе къ бѣлому населенію, и у него нѣтъ никакой надобности сходиться съ нимъ въ какія-либо родственныя связи. Ихъ невольничьи привычки, правда, еще не уничтожились, и въ разныхъ краяхъ плантаціонной глуши, какъ мы видѣли выше, плантаторы еще пользуются хозяйскою властью и такими внѣшними поклоненіями, какія бывали во времена рабовладѣнія, за исключеніемъ развѣ одного «*crouching*», коленно-преклоненія съ земнымъ поклономъ. Но въ городахъ и въ особенности въ тѣхъ штатахъ, гдѣ они преобладаютъ въ политическомъ управленіи штата, негры говорятъ о своемъ племени съ гордостью и сами не хотятъ, чтобы ихъ дѣти учились въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ съ бѣлыми. Съ другой стороны, замѣтно, что негры, все еще неувѣренные въ себѣ, много уступаютъ имъ изъ уваженія въ ихъ знаніямъ или просто по робости своей, ослабленной невольничествомъ, природы. Негры, самостоятельно живущіе какъ хозяева собственной земли, очень часто совѣтуются съ ближайшими плантаторами о своихъ земледѣльческихъ дѣлахъ; они очень любятъ послушать какого-нибудь агитатора объ ихъ правахъ, но въ дѣйствительности этими правами мало пользуются и предпочитаютъ избѣгать равныхъ споровъ и столкновеній съ предрасудками бѣлыхъ, отчасти, разумѣется, потому, что опасаются попасть въ просакъ по незнанію своихъ дѣйствительныхъ правъ, отчасти потому, что они еще не вышли изъ своего бѣднаго и зависимаго состоянія, и отчасти потому, что въ нихъ нѣтъ такой злости, какая существуетъ въ южныхъ штатахъ у бѣлаго населенія низшаго порядка. Для безопасности негровъ, имъ позволено носить оружіе, и они пользуются этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ, но случаи убійства бѣлыхъ людей изъ мести очень рѣдки. Кингъ полагаетъ, что это зависитъ будто бы оттого, что негръ не рѣшается на преступленія вслѣдствіе страха подвергнуться жестокому наказанію даже безъ суда, со стороны мѣстныхъ жителей. Въ южныхъ штатахъ законъ Линча въ

большомъ ходу. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, гдѣ негры не имѣютъ достаточно сильнаго голоса въ политическихъ учрежденіяхъ, судьи присуждаютъ черныхъ людей за какое-нибудь ничтожное воровство къ такимъ жестокимъ наказаніямъ, которыя принадлежатъ къ разряду варварскаго приговора одного англійскаго судьи: къ 18-ти мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за покражу булки хлѣба.

Негръ не имѣетъ мстительности дивара, и только подъ вліяніемъ виски онъ прибѣгаетъ къ бессмысленному употребленію револьвера или ножа, вмѣсто кулачнаго боя. Онъ рѣдко помнитъ зло въ продолженіи многихъ лѣтъ; въ этомъ отношеніи онъ гораздо выше бѣлыхъ южанъ изъ рабочаго класса. Негръ мститъ быстро, или его беззаботная натура тотчасъ все забудетъ. Ни одинъ южанинъ, окруженный сотнею негровъ, политически ему враждебныхъ, не опасается за свою жизнь даже въ какой-нибудь отдаленной плантаціи. Нѣчто въ родѣ молчаливаго признанія высшаго достоинства хозяина господствуетъ въ умахъ его черныхъ подчиненныхъ, и онъ можетъ убить полдюжины этихъ негровъ, не подвергаясь опасности закона Линча. Въ городахъ, гдѣ праздные негры сходятся вмѣстѣ и становятся болѣе порочными, чѣмъ въ деревняхъ, случаи пораненія и подстрѣливанія другъ друга бывають довольно часты; если случится, что бѣлый убьетъ одного изъ нихъ, они мстятъ за убійство мятежомъ, но рѣдко приводятъ преступника въ судъ. Можно положительно сказать, что, послѣ войны, за убійство негровъ повѣшено не болѣе шести бѣлыхъ человекъ. Я убѣжденъ, — прибавляетъ Кингъ, — что за такое преступленіе, при нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія въ южныхъ штатахъ, такой приговоръ совершенно невозможенъ. Вотъ какою безопасностью жизни пользуются негры даже теперь, послѣ десятилѣтней дѣятельности правительства Соединенныхъ Штатовъ. Намъ кажется, что это заявленіе Кинга гораздо лучше объясняетъ смиреніе негра передъ южанами, чѣмъ всѣ несправедливости бѣлыхъ судей.

Нѣтъ, неграмъ еще долго придется искать своихъ человѣческихъ правъ, если вашингтонскій конгрессъ позволитъ вывести федеральныя войска изъ южныхъ штатовъ. И Кингъ правъ, когда совѣтуетъ сѣверянамъ продолжать свое покровительство неграмъ еще въ продолженіи одного десятилѣтія. У негровъ очень мало средствъ, такъ какъ они освобождены безъ земли и безъ всего, и въ первое время умирали отъ голоду цѣлыми тысячами. Только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ негры и ихъ сѣверные учителя взяли верхъ въ политическихъ собраніяхъ: въ Южной-Каролинѣ и Луизианѣ, удалось распределить конфискованныя военнымъ

порядкомъ имущества между неграми. Въ другихъ штатахъ всѣ земли перешли назадъ въ руки плантаторовъ. Известно, что изъ сѣверныхъ штатовъ пріѣхали на югъ, вмѣстѣ съ многими замѣчательными защитниками правъ новыхъ гражданъ и энергическими проводниками образованія среди чернаго населенія, и многіе другіе американцы, способные только ловить рыбу въ мутной водѣ. Но не эти авантюристы дѣйствительные друзья негровъ. Сами негры тоже пошли впередъ, особенно въ качествѣ мелкихъ землевладѣльцевъ или арендаторовъ. Даже имѣніе знаменитаго президента мятежной конфедераціи, Джефферсона Дэвиса, перешло въ руки негра, очень разсудительнаго и бережливаго, который управляетъ имъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большимъ успѣхомъ. Во всѣхъ плантаціяхъ есть много земли, купленной или арендованной неграми, и эти участки процвѣтають.

V.

Очень незавидное положеніе занимають въ южныхъ штатахъ не одни негры, но и бѣлые работники. Во времена рабовладѣнія эти люди находились въ полномъ пренебреженіи, но во всякомъ случаѣ стояли выше негровъ. Это былъ особый классъ гражданъ, между тѣмъ какъ негръ не пользовался никакими правами. Это были своего рода плебеи, нищія въ сравненіи съ плантаторами—патриціями, богатѣвшими съ каждымъ годомъ. Всѣ они гордились не только общимъ государствомъ, но каждый своимъ штатомъ и даже своимъ городомъ или сельскимъ округомъ. Средняго класса не было, и только теперь этотъ классъ начинаетъ формироваться изъ бѣлыхъ купцовъ, евреевъ и изъ разсудительныхъ негровъ. Въ городахъ завелись теперь фабрики, гдѣ принимаютъ на работы исключительно однихъ бѣлыхъ; эти фабрики привлекають въ себѣ бѣлыхъ сельскихъ пролетаріевъ и между прочимъ много женщинъ, которыя такимъ образомъ превращаются изъ нечесанныхъ и неуклюжихъ крестьяночекъ въ красивыхъ и чисто одѣтыхъ городскихъ дѣвушекъ, весьма бережливыхъ и откладывающихъ свои деньги въ банкъ въ видахъ достиженія столь высокаго положенія въ обществѣ, о какомъ они и не мечтали при прежнемъ порядкѣ вещей.

Какъ бы то ни было, большинство этихъ людей не пользуется ни благосостояніемъ, ни образованностью. Дѣвушки и дамы этого сословія жуютъ табакъ и приучають своихъ дѣтей къ тому же. Изъ 10 тысячъ людей этого класса, которыхъ видѣлъ Кингъ во время своего путешествія, у всѣхъ у нихъ не было въ лицѣ

из одной кровинки; всё они отличались блѣднымъ, мертвымъ цвѣтомъ. «Женщины были, вѣроятно, прежде очень красивыми, граціозными, но чрезвычайно робкими. Вообще говоря, когда онѣ сидѣли безъ банокъ съ табакомъ и когда ихъ блестящіе коричневыя глаза выражали исканіе мысли, они казались прелестными, какъ итальянскія крестьянскія дѣвушки или дѣвы Марселя; но какъ только изъ этихъ сладкихъ устъ слышались грубые и плоскіе акценты ихъ родныхъ горъ и долинъ, иллюзія тотчасъ исчезала». Кингъ замѣтилъ, что всё эти бѣлые люди имѣли многочисленное семейство, иногда по 10 и болѣе дѣтей разныхъ возрастовъ. Было нѣчто трогательное въ простой симпатіи и взаимной помощи всѣхъ членовъ семьи въ продолженіи всего долгаго путешествія изъ разныхъ штатовъ Юга въ Техасъ. Дѣвочки и мальчики, какъ бы малы они ни были, всё тащили какой-нибудь узелъ съ домашними принадлежностями; мать несла обыкновенно корзину съ ветчиною, грубый хлѣбъ и иногда свертокъ фруктовъ и табачную бутылку, — отецъ же несъ семейное ружье съ его длинными стволами, заржавѣлыми и попортившимися отъ погоды. Невѣжество и боязливость этихъ бѣдныхъ людей вызывали въ немъ и состраданіе и смѣхъ. Иногда, войдя въ вагонъ, цѣлая семья стоитъ и сама не знаетъ что ей дѣлать — съѣсть ли, или уйти прочь, пока наконецъ не придетъ кондукторъ, котораго они зовутъ «капитаномъ», и усадить ихъ. Однажды одинъ изъ отцовъ обширнаго семейства положилъ свою дюжюю руку на плечо Кинга и, указывая обернувшемуся Кингу на свою семью изъ 11 человекъ, среди которыхъ была жена, сказалъ сильнымъ шопотомъ: «Кэптэнъ не далъ ей желтаго билета, я полагаю, что онъ забылъ». И онъ показалъ желтый билетъ, данный ему кондукторомъ, взаменъ его билета, и просилъ Кинга прочесть, что написано. «Удивленный, что человекъ, наружность котораго обличала умъ не низшаго порядка, не умѣетъ читать, — говорить Кингъ, — я рѣшился спросить его, неужели ни онъ, ни все его семейство не умѣютъ ни читать, ни писать. Я узналъ отъ него, что ни одинъ изъ членовъ его семьи не имѣетъ никакого знакомства съ чѣмъ-либо педагогическимъ, и что въ продолженіи всей его пятидесятилѣтней жизни этотъ человекъ очень рѣдко бывалъ далѣе десяти верстъ отъ своего дома. Теперь онъ ѣдетъ испытать новую жизнь въ долинахъ Техаса. Будущее казалось ему широкимъ заливомъ и онъ признался, съ глубокимъ вздохомъ, и передвигая во рту табакъ съ одной щеки къ другой, что «до сдачи» онъ никогда и не думалъ, что предпринять такое полное переселеніе. Тысячи людей этого рода

уѣзжаютъ съ своими семьями изъ хлопковыхъ штатовъ въ Техасъ, и увеличиваютъ тамошнее населеніе, тоже мало образованное и нуждающееся въ развитіи своихъ умственныхъ силъ. Судьба этихъ бѣлыхъ людей, уходящихъ изъ своего родного штата, прежде чѣмъ установился новый порядокъ вещей, нѣсколько неопредѣлена. Еслибъ они могли приобрести привычки прочной промышленности и научились бы скопить мало-по-малу небольшой капиталъ, они могли бы легко освободиться изъ своего нынѣшняго жалкаго состоянія. Но Техасъ великъ, средства къ жизни добывать тамъ легко, и можно опасаться, потому, что тамошняя бѣдная бѣлая раса будетъ улучшаться только въ матеріальномъ отношеніи. Есть и такіе, которые возвращаются назадъ отъ тоски по родинѣ. Расширеніе промышленности въ городахъ улучшаетъ мало-по-малу положеніе тѣхъ, которые остаются дома, но во многихъ штатахъ есть такіе бѣлые люди, которые неспособны ни къ какому развитію; негры идутъ впередъ быстрѣе ихъ. Это «сандъ-гиллеры» (живущіе на песчаныхъ холмахъ) въ Южной-Каролинѣ, «кряжеры» въ Джорджіи и Флоридѣ; несчастные обитатели низменностей Атлантическаго прибрежья и «моунтэиры» (горцы) въ нѣкоторыхъ частяхъ Виргиніи, восточной части Теннесси и западной части Сѣверной Каролины. Эти массы бѣлаго населенія не понимаютъ, что случилось, и все хотятъ жить по-прежнему, въ полной зависимости отъ «старой аристократіи», которая давала имъ равныя податки. Очень хорошее вліяніе на этихъ людей оказываютъ англійскіе эмигранты, поселившіеся въ извѣстной долинѣ Шенандоа, въ штатѣ Виргиніи. Но въ другіе южные штаты европейская эмиграція не идетъ, отчасти оттого, что тамъ слишкомъ мала заработная плата, отчасти оттого, что эмигранты опасаются безпокойнаго характера южныхъ демократовъ, которые до сихъ поръ жѣпаютъ полному восстановленію новаго порядка. Не слѣдуетъ забывать, что тайное общество *ку-клукс* все еще не прекращаетъ своей безумной и варварской дѣятельности въ штатахъ Джорджіи, Сѣверной-Каролинѣ, Южной-Каролинѣ и Кентукки. Во время политическихъ выборовъ заговорщики являются вооруженные и въ маскахъ въ домъ какого-нибудь опаснаго для нихъ агитатора, по бѣльшей части изъ негровъ, берутъ его, уводятъ его куда-нибудь съ завязанными глазами, исколотятъ его или высѣкутъ, и потомъ бросать на дорогѣ. Случалось, что люди, попавшіе въ руки этихъ новыхъ рыцарей, совсѣмъ исчезали. Въ Джорджіи *ку-клукс* писалъ дерзкія письма съ рисунками гробовъ ко всѣмъ вождямъ республиканской партіи, собиралъ банды

ить разных негодяевъ и натравливалъ ихъ за деньги и водку на сходки республиканскихъ избирателей, и нужно было вмѣшательство войскъ и полиціи, чтобы уничтожить эти шайки. Въ Южной-Каролинѣ правительство открыло, что въ обществѣ ку-клубсъ существовало до 2,000 человекъ и ихъ, разумѣется, притянули въ сильной отвѣтственности; многіе изъ нихъ принадлежали къ горцамъ». Въ штатѣ Кентукки Кингу пришлось встрѣтиться даже съ однимъ изъ членовъ этого общества. «Это былъ хозяинъ гостиницы, гдѣ остановился Кингъ; онъ называлъ членовъ ку-клубкса «регуляторами», и увѣрялъ, что они будто бы беспокоятъ только дурныхъ людей. Эти регуляторы оказываются *джентльменами*, старающимися удержать свое вліяніе на мѣстныхъ жителей. И вотъ, когда являются туда люди, которые не желаютъ повиноваться этимъ джентльменамъ, то они сперва увѣдомляютъ ихъ, чтобы они убрались вонъ, но если тѣ не хотятъ уходить и оказываютъ серьезное сопротивление, то джентльмены прибѣгаютъ къ силѣ. Объясняя подобный образъ дѣйствій, трактирщикъ вошелъ въ такой азартъ, что выдалъ самъ себя. «Мы не дѣлаемъ имъ никакихъ несправедливостей; мы только исправляемъ тѣхъ, кто дурно ведетъ себя». Въ другомъ мѣстѣ штата, въ окрестностяхъ Франкфорта, жители называли членовъ ку-клубкса просто разбойниками, и одинъ изъ джентльменовъ прямо заявилъ, что если ему попадется какой-нибудь ку-клубсъ, онъ его рѣшитъ закономъ Линча, то-есть повѣсить. Въ двухъ сельскихъ округахъ эти негодяи нападали на дома негровъ, которые свидѣтельствовали противъ нихъ въ судахъ, и били ихъ, или подстрѣливали изъ-за кустовъ. Многіе негры оставили свои жилища и пришли искать помощи въ городѣ»... Гдѣ же взять такихъ эмигрантовъ изъ Европы, которые рѣшились бы поселиться въ штатахъ съ ку-клубсомъ.

Такими же продуктами плантаторства являются бѣлые люди, называемые сандъ-гиллерами и вѣккерами. Это какіе-то одичалые люди съ самыми первобытными нравами; это подонки общества, устроеннаго на системѣ аристократическаго рабовладѣнія. Это исхудалыя и грязныя женщины, неподвижныя и безжизненныя, съ болѣзненною блѣдностію на лицѣ, и такіе же сухопарые и голодные мужчины; въ сѣверныхъ штатахъ такихъ людей вы не найдете. Дома лучшей части сандъ-гиллеровъ построены на скорую руку и какъ вошло, какъ у дикарей въ теплыхъ климатахъ. По ночамъ въ этихъ домахъ горятъ востры при открытыхъ дверяхъ. Ѣдятъ здѣсь такую же варварскую пищу, какъ во всѣхъ мѣстахъ Юга, гдѣ есть земледѣльческое населеніе: хлѣбъ, свинина и старыя курицы; они рѣдко бьютъ корову или барана на мясо. Горячій

и горькій кофе стоитъ цѣлый день на столахъ, гдѣ могла бы стоять самая чистая ключевая вода или лучшее скуппернопское вино.

Въ Джорджіи, въ сосновыхъ лѣсахъ и болотахъ живутъ бѣдные люди, называемые «крякерами», — лѣзвые, необразованные, жалующіеся и безпомощные. Всѣ они похожи на старуху, которая объясняла путешественнику, просившему ее поѣсть и выпить, что она не можетъ дать ему молока, «потому что собака околѣла». Этотъ странный отвѣтъ заставилъ Бинга доискиваться настоящей причины. Оказалось, что собака гоняла по вечерамъ коровъ съ поля, и что съ тѣхъ поръ, какъ она околѣла, никому изъ членовъ семьи не пришла въ голову мысль пойти въ поле и самому пригнать корову. У этого народа есть много скота, и онъ могъ бы производить отличную говядину и баранину, но онъ самъ только нарѣдка видитъ молоко и масло, и наполняетъ свои внутренности неудобоваримою свининою и дешевымъ виски. Ихъ безпечность и невѣжество объясняютъ отдаленностью отъ хорошо устроенныхъ фермерскихъ хозяйствъ. Это бѣдные, сухопарые люди, которые всегда «довольны», но которые никогда не чувствуютъ себя здоровыми; это люди сухого сложенія и грубой жизни, но не лишенные остроумія и здраваго смысла. Этому крякеру кажется, что онъ родился съ руками въ карманахъ, съ согнутою спиною и съ его войлочною шляпою надъ глазами, и что такъ ему суждено жить на-вѣки. Ссоры здѣсь, какъ вообще въ средѣ низшихъ классовъ Юга, вырастаютъ въ настоящіе злые раздоры, причемъ чувство мести, затѣваемое въ продолженіи многихъ лѣтъ, рѣшаетъ вражду въ одинъ несчастный день, гдѣ-нибудь на перекресткѣ или въ деревенскомъ кабацкѣ, выстрѣломъ изъ пистолета или ударомъ ножа. Во всѣхъ рѣдконаселенныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ штата Джорджіи народная мечь широко пользуется собственноручною властью, но уже теперь постепенно создается общественное мнѣніе для прекращенія этого зла. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ штатѣ эти раздоры гораздо слабѣе, чѣмъ въ Кентукки и другихъ штатахъ въ сѣверу отъ Джорджіи: въ Теннесси и обѣихъ Каролинахъ. Негры очень опасаются этихъ бѣлыхъ, такъ какъ у этихъ сельскихъ жителей кавказскаго племени всегда существуетъ подавленная жажда къ негритянской крови, которая, разъ возбудившись, не скоро утѣляется. Но теперь, когда порядокъ уже установился и появилась хорошая полиція, а негры образовали между собою военныя организаціи — милицію, для охраненія безопасности и обученія военному дѣлу — бѣлые и черные стали жить между собою довольно ладно. Еще хуже «крякеры» во Флоридѣ; это совершенно безграмотные люди, объ ихъ простотѣ и грубости рассказываютъ

множество примѣровъ. Голосъ у нихъ нѣжный, сами они ростомъ небольшіе, но весьма склонные къ вспыльчивому гнѣву и мстительны, когда ихъ злоба становится продолжительною; вмѣстѣ съ тѣмъ они великодушны и благородны въ своемъ гостепримствѣ. Но они живутъ весьма незавидно; окруженные всѣми удобствами для роскошнаго существованія, они питаются свинными продуктами и пьютъ низкіе сорта виски. Въ штатахъ Арканзасъ и Техасъ тоже много грубаго населенія, но эти штаты мало населены, и такъ какъ они граничатъ съ Мехикой и индійскою территоріею, откуда происходятъ частыя нападенія, то, разумѣется, тамъ и жить могутъ только люди готовые во всякое время дать отпоръ. Особенно сильно тревожатъ мексиканцы, такъ какъ они очень часто организуются въ цѣлыя разбойничьи шайки. Тамъ, впрочемъ, для охраненія стоятъ американскія войска.

Богатые и образованные классы въ южныхъ штатахъ имѣютъ многія отличительныя черты, обусловленныя исторіею; а также политическимъ и экономическимъ строемъ всей страны и отдѣльныхъ штатовъ. Югъ создавался изъ англійскихъ аристократическихъ колоній, куда ссылали въ рабство разныхъ преступниковъ изъ Англїи,—и изъ различныхъ колоній испанскихъ и французскихъ, тоже съ аристократическимъ оттѣнкомъ, удѣлѣвшимся до сихъ поръ. Другая очень важная особенность южныхъ штатовъ—это его земледѣльческій характеръ—и притомъ тоже аристократическаго направленія. Это послѣднее обстоятельство создавало въ людяхъ сильное чувство осѣдлости и консервативной привязанности къ своему мѣсту, округу и штату. Отсюда развились среди нихъ всевозможные патріотизмы и національности, такъ что, проживая въ какомъ-нибудь штатѣ и изучая его въ отдѣльности, вы никакъ не составите себѣ яснаго понятія о всемъ Югѣ и его населеніи. Эти разные патріотизмы такъ въѣлись въ природу южанъ, что каждый изъ нихъ предпочитаетъ свой штатъ всѣмъ другимъ, и свой сельскій или городской округъ всѣмъ другимъ въ штатѣ. Когда кто-нибудь изъ нихъ встрѣчаетъ «земляка» своего штата или своего округа, онъ сейчасъ сильно радъ ему и знакомится съ нимъ. Проѣзжая по многимъ желѣзнымъ дорогамъ, Кингъ очень часто видѣлъ людей, которые, входя въ вагонъ, спрашивали сидящихъ, нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ такого-то штата, и онъ садился только въ тотъ вагонъ, гдѣ находилъ такого пассажира. Весь разговоръ большинства южанъ-плантаторовъ вертится только на его дѣлѣ и на мѣстности, гдѣ онъ живетъ; онъ по ббльшей части мало знаетъ даже собственную свою страну и имѣетъ очень жалкія понятія не только объ Европѣ, но и о Соединенныхъ Штатахъ. Прибавьте къ этой

узвой гордости своею мѣстностью, или своими предками, вліяніе рабовладѣнія на всю натуру человѣка, и вы легко поймете, какіе деспоты тутъ создавались, какіе важные вельможи и какъ они должны были встрѣчать разныхъ европейцевъ и сѣверныхъ «демократовъ», передъ которыми они находили нужнымъ являться во всемъ величій своей роскоши и гостепріимства. Ихъ жизнь казалась имъ земнымъ раемъ и весь міръ они хотѣли бы повергнуть къ своимъ ногамъ. Нигдѣ не было и такого разочарованія, какъ здѣсь!

Книгъ встрѣтилъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ юга, Саваннѣ, много «любезныхъ джентльменовъ», которые не могли не высказать ему своей задушевной мечты, что между Сѣверомъ и Югомъ столь много существенныхъ различій, что непременно настанетъ такое время, когда они отойдутъ другъ отъ друга. Но это мечтаніе не имѣетъ никакихъ основаній, такъ какъ новый порядокъ вещей ведетъ къ демократіи, къ промышленному развитію, къ торжеству истиннаго просвѣщенія всей народной массы. Желѣзныя дороги и теперь уже начинаютъ разбивать штатовыя и мѣстныя привязанности до такой степени, что даже безграмотный человѣкъ, прожившій всѣ свои 50 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, вдругъ съ огромною семьею несется по желѣзной дорогѣ искать новаго счастья. Теперь тамъ есть еще сельскіе округа, гдѣ жители вооружаются чѣмъ попало, чтобы прогнать изъ своей мѣстности какихъ-то «strangers» — иностранцевъ, чужихъ людей, которые пришли къ нимъ съ орудіями и рабочими рыть ихъ горы и доставать изъ земли драгоцѣнныя сокровища желѣза. «Мы не хотимъ рудниковъ», кричали эти горные люди. Эти крики очень похожи на желанія «любезныхъ джентльменовъ» Саванны: они тоже не хотятъ прогресса, они такіе же узкіе люди, какъ эти невѣжественные горцы. Но теперь уже нельзя подавить свободу слова и преслѣдовать ту науку, которую южные вельможи называли *измами*; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и тѣ университеты и высшія техническія училища, въ которыхъ были студентами только бѣлые люди, будутъ доступны наконецъ и неграмъ, такъ какъ наука не знаетъ никакихъ неравенствъ людей въ исклѣдованіи истины. Многія южныя женщины показываютъ превосходный примѣръ къ примиренію съ новымъ порядкомъ вещей, принимая живое участіе въ образованіи дѣтей негровъ и въ благотворительности своимъ прежнимъ невольникамъ.

Изъ иностранныхъ поселенцевъ въ южныхъ штатахъ только нѣмцы въ штатахъ Миссури и Техасѣ будутъ способствовать новому порядку вещей. Французы же и испанцы принадлежать и теперь къ старымъ принципамъ своихъ отечествъ и держать себя

въ сторонѣ отъ американцевъ, сочувствуя имъ только въ план-
таторскихъ интересахъ. Римскій католицизмъ, впрочемъ, создаетъ
школы для негровъ и даже цѣлый «университетъ» въ Нью-Орле-
анѣ. Нѣмцы являются очень хорошими колонистами въ штатѣ
Техасъ, а въ штатѣ Миссури они играютъ чуть ли не первую
роль въ народномъ образованіи, въ политической и даже философ-
ской литературѣ. Нѣмцы завели въ главный городъ штата Санъ-
Луи клубы и сады, гдѣ пьютъ пиво, танцуютъ, читаютъ лекціи;
они же основали нѣсколько пивоварень. Въ городѣ Санъ-Луи
жили очень многіе изъ эмигрантовъ 1848 года: профессеры, по-
литическіе изгнанники, писатели, музыканты и философы, кото-
рые пользовались тамъ большимъ вліяніемъ. Карлъ Шурцъ и его
другъ Преторіусъ составили себѣ здѣсь политическую репутацію
въ Америкѣ. Вліяніе нѣмцевъ на американскій умъ было такъ
велико, что теперь издается тамъ журналъ спекулятивной фило-
софіи подъ руководствомъ американца Гарриса, который состоитъ
попечителемъ (Superintendent) всѣхъ городскихъ школъ. Гаррисъ
учился въ Йельскомъ (Yale) университетѣ въ 1856 году и встрѣ-
тился намъ съ философомъ Эвоттомъ. Въ то время, подъ влія-
ніемъ своихъ нѣмецкихъ друзей, онъ уже принимался за изученіе
Канта и Гёте. Поселившись потомъ въ Санъ-Луи, онъ съ 1858 г.
года въ продолженіи восьми лѣтъ руководилъ одною изъ город-
скихъ нормальныхъ школъ. Тутъ онъ сталъ читать «Критику
Чистаго Разума», но ничего не понималъ. Познакомившись потомъ
съ Брокмейеромъ, ярымъ приверженцемъ Канта, Гаррисъ снова
засѣлъ изучать «Критику»; къ нему присоединились еще другіе
американцы и нѣмцы, и они цѣлыя ночи проводили въ изъясне-
ніяхъ тайнъ Кантовской философіи, и наконецъ одолѣли ее; затѣмъ,
до 1863 года они занимались Лейбницемъ и Спинозою. Резуль-
татъ всѣхъ этихъ изслѣдованій былъ напечатанъ Гаррисомъ подъ
заглавіемъ: «Введеніе въ философію», и затѣмъ онъ сталъ изда-
вать журналъ: «Journal of Speculative Philosophy»; несмотря на
многія препятствія, журналъ получилъ прочное основаніе и удовле-
творительный успѣхъ. Поводомъ къ изданію журнала послужило
слѣдующее обстоятельство. Гаррисъ написалъ критику на сочи-
неніе Герберта Спенсера: «First Principles» и предложилъ ее
редакціи «North-American Review», но редакція возвратила статью,
называя ее слишкомъ смѣлою. Въ апрѣлѣ 1867 года Гаррисъ
издалъ эту статью въ первой книгѣ своего журнала, въ которомъ
приняли участіе всѣ члены философскаго общества, учрежденнаго
Гаррисомъ еще въ 1864 г. Изъ нихъ Брокмейеръ перевелъ «Ло-
гику» Гегеля на англійскій языкъ; Крёгеръ, авторъ «Исторіи
Миннеаппигеровъ» и переводчикъ сочиненія Фихте: «Наука зна-

нiя»; Томасъ Дэвидсонъ, американскiй вcлѣдователь философи Аристотеля, и Джоржъ Гоучесонъ, профессоръ въ Бостонскомъ технологическомъ институтѣ. Самъ Гаррисъ замѣчательнъ въ особенности тѣмъ, что онъ создалъ превосходныя школы въ Санъ-Луи и служить учебному дѣлу уже цѣлыхъ 20 лѣтъ. Онъ превосходный ораторъ и своими рѣчами о разныхъ предметахъ литературы и педагогики произвелъ огромное влiянiе и на нѣмцевъ и на американцевъ, и создалъ шкoльную систему, въ которой, кромѣ англiйскаго языка, обучаютъ и нѣмецкому, и тѣмъ примирилъ обѣ наци въ самомъ важномъ вопросѣ. А между тѣмъ нѣмцевъ въ Санъ-Луи 150,000 изъ 400,000. Есть тамъ также французы, но съ клерикальнымъ направлениемъ; духовенство католическое тоже устроило свои школы и ведетъ ожесточенную пропаганду противъ шкoль Гарриса, которыя, какъ всѣ американскiя шкoлы, даютъ образованiе свѣтское. Шкoлы Санъ-Луи двухъ родовъ: оружныя и одна высшая; курсъ въ первыхъ школахъ для поступленiя въ высшую продолжается семь лѣтъ, въ продолженiи которыхъ ученики приобрѣтаютъ вполне солидное и законченное образованiе, въ чемъ и заключается причина того, что изъ 40 тысячъ дѣтей, посѣщающихъ оружныя шкoлы, только 2½ процента поступаютъ въ высшую шкoлу.

Нѣмцы въ штатѣ Миссури вошли и въ политическую дѣятельность, и въ государственную службу, гдѣ они выказали свое всѣмъ извѣстное стремленiе пополнять отсрѣывающiяся ваканси кандидатами преимущественно нѣмецкой национальности. Американцы этимъ недовольны и оказываютъ достаточное сопротивленiе.

VI.

Мы рассмотрѣли всѣ живые элементы новаго порядка вещей на Югѣ, и описали характеръ, частныя и общественныя интересы, и способности къ разсудительной дѣятельности каждаго изъ этихъ элементовъ въ отдѣльности. Мы знаемъ ихъ желанiя и цѣли, и мы опредѣлили тѣ обстоятельства и положенiя, при которыхъ могутъ исполниться желанiя и быть достигнуты цѣли, или наоборотъ. Для правильной политической и общественной жизни необходимо, чтобы интересы гражданъ не мѣшали другъ другу и мирно развивались всѣ вмѣстѣ, путемъ различныхъ практическихъ соглашенiй. Такая политика всего болѣе нужна странамъ, какъ южныя штаты, гдѣ послѣ сильнаго переворота, измѣнившаго почти всѣ условiя прежней жизни, населенiю необходимо «жить сначала», или начинать новую жизнь.

Въ южныхъ штатахъ есть теперь четыре силы, которыя должны

устроить тамъ новый порядокъ на справедливыхъ началахъ: образованный и зажиточный классъ плантаторовъ, бѣлое необразованное население, негры и вліяніе вашингтонскаго правительства и сѣверныхъ республиканцевъ.

Въ настоящее время всѣ южные штаты уже приняли законы вашингтонскаго конгресса о преобразованіи (reconstruction-laws), которые дають всѣмъ гражданамъ Союза одинаковыя права. Этими законами можно злоупотреблять, но отгнѣнить ихъ невозможно, такъ какъ съ ними связана вся будущность американской республики. Всякій штатъ, который можетъ себѣ позволить сдѣлать какія-нибудь поправки въ этомъ законѣ, перестаетъ быть штатомъ и подлежитъ занятію военною силою, пока не возстановитъ вновь отгнѣннаго или извращеннаго преобразовательнаго закона. Преобразовательный законъ есть законъ конституціи, и измѣнить его можетъ только вашингтонскій конгрессъ огромнымъ большинствомъ голосовъ вмѣстѣ съ одобреніемъ такого же громаднаго большинства всѣхъ штатовъ. Это значитъ, что за такими законами стоитъ вся нація, — по крайней мѣрѣ значительное большинство націи. Политика, которая господствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ, которые давали бы право предполагать, что она рѣшится сдѣлать подобную перемѣну. Напротивъ, вся жизнь республики требуетъ, чтобы никакихъ такихъ перемѣнъ не было. Одинъ тотъ фактъ, что неблагопріятныя послѣдствія междоусобной войны до сихъ поръ не уничтожены и еще долго будутъ тяготѣть надъ національными силами, одинъ этотъ фактъ уже недопускаетъ и мысли о томъ, чтобы нація, разъ достигнувъ того переустройства, которое стоило столькихъ жертвъ и трудовъ, согласилась вновь колебать эти основы современной ей конституціи. Это значило бы начинать новую революцію ретрограднаго характера. Нѣтъ, — разъ преобразование южныхъ штатовъ состоялось, оно должно идти впередъ и привести страну ко всѣмъ его послѣдствіямъ, и между прочимъ въ полному сліянію Юга съ Сѣверомъ. Эти законы прямо говорятъ, что страна не допускаетъ никакихъ исключительныхъ положеній, и что на всемъ ея политическомъ пространствѣ долженъ господствовать принципъ равенства передъ общимъ закономъ.

Въ 1873 году, бывшій президентъ конфедераціи, Джеффертонъ Дэвисъ явившись на собраніе политическихъ людей въ «Историческомъ Обществѣ», провнесъ рѣчь, враждебную единству американской республики, сильно порицая все, что сдѣлано вашингтонскимъ конгрессомъ посредствомъ преобразовательныхъ законовъ. Книгъ было въ то время на сѣверныхъ водахъ въ Виргиніи, гдѣ собираются всѣ представители образованнаго и зажиточнаго

свои знанія къ обработкѣ земли и извлекать изъ нея большіе доходы всегда съ возвращеніемъ почвъ того, что изъ нея берется. Но главное для южныхъ штатовъ—это хорошая образовательная система въ народныхъ школахъ, устроенная для развитія въ гражданахъ способностей, необходимыхъ для успѣшнаго физическаго труда и нравственнаго совершенствованія. Тогда негры и бѣлые рабочіе поймутъ другъ друга гораздо лучше, чѣмъ теперь, и ни тѣ, ни другіе не станутъ служить орудіемъ политическихъ партій, какъ это происходитъ теперь—съ большимъ вредомъ для нихъ самихъ и въ особенности для возрожденія страны. Среди негровъ есть уже люди, которые способны ко всякой дѣятельности, но среди бѣлаго пролетаріата, ожидавшаго всего отъ аристократіи и дѣйствовавшаго всегда въ ея пользу, мало элементовъ для выработки самостоятельнаго характера, пока не равновѣтся городская промышленность, которая внесетъ въ нихъ совершенно противоположное прежнему настроеніе духа. Всѣ эти явленія существуютъ уже теперь, но еще недостаточно распространены. Нравы этихъ людей тоже улучшаются и, вмѣсто прежняго ихъ участія въ политическихъ дракахъ и стычкахъ, бѣлые рабочіе бросаютъ плантаціи и идутъ въ города, гдѣ находятъ хорошую заработную плату на фабрикахъ. Безопасность самой страны гораздо лучше обезпечена; Кингъ представляетъ въ доказательство справедливости этого положенія тотъ фактъ, что въ его путешествіи, на разстояніи 25,000 англ. миль и 4,000 верховъ по гористымъ мѣстамъ, онъ не видалъ, чтобы кто-нибудь обнажалъ свое оружіе, и не было ни одного случая нападенія, примѣненія закона Линча, или даже драки пьяныхъ людей. Онъ приписываетъ всѣ случаи, гдѣ дѣйствуетъ кулакъ или револьверъ, исключительно политической агитаціи консерваторовъ, вожди которыхъ хотя выдаютъ себя за друзей порядка и закона, но, къ несчастію, принадлежатъ къ тому разряду людей, которые любятъ произносить поджигательныя рѣчи и часто, для возбуждательнаго дѣйствія своихъ политическихъ разглагольствованій, даютъ совѣты, благоприятные для видовъ ихъ грубыхъ приверженцевъ и вызывающихъ въ концѣ-концовъ кровопролитіе. Но если эти грубые приверженцы немного отполируются въ хорошихъ школахъ, то можно надѣяться, что и разглагольствованія (harangues) консерваторовъ станутъ менѣе пламенными.

Юр. Россель.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ,

ИХЪ

ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ.

I.

Каждому, полагаю, извѣстно, что индивидуальныя различія между животными могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно вспомнить то громадное, можно сказать, безконечное число вариантовъ, которое встрѣчается въ расахъ домашней собаки. Мнѣ разъ привелось наблюдать очень рѣзкій и поучительный случай индивидуальныхъ различій у двухъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ смѣшанной расы шпицовъ и пинчеровъ. Обѣ были черныя, лохматая, уже значительно посѣдѣвшія. У одной шерсть была немного короче, рѣже. Точно также были укорочены уши, а мордочка немного вытянута и заострена. Но эти различія не бросались въ глаза и были замѣтны только внимательному наблюдателю. Гораздо рѣже выражалась разница во взглядахъ и фивіономіяхъ обѣихъ собачекъ. У одной—небольшіе глаза смотрѣли угрюмо изъ-подъ нависшихъ вѣсь волосъ и постоянно блестѣли дикимъ, злымъ блескомъ. У другой,—большіе глаза смотрѣли отерито и привѣтливо. Первая была дика, не подходила вовсе къ чужимъ людямъ и рѣдко ласкалась къ своей хозяйкѣ. Вторая бросалась съ лаской ко всѣмъ приходившимъ, и верѣде увлекала и свою робкую, угрюмую сестру подойти, хотя и не близко, къ незнакомому лицу, издали обнюхать его и отойти съ глухимъ ворчаньемъ. Она почти никогда не лаяла, но разъ наступивши на кого-нибудь—долго не унималась. Этотъ гром-

кій, открытый лай былъ, очевидно, роковой рефлексъ, который она никакъ не могла побороть. Но въ этотъ лай почти всегда увлекала ее сестра, бросавшаяся на всѣхъ съ хриплымъ, злобнымъ лаемъ.

Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось ближе изслѣдовать эти два разныхъ «собачьихъ характера». Изучая, затѣмъ, эти индивидуальныя различія, которыхъ ближайшія, непосредственныя причины кроются въ весьма тонкихъ особенностяхъ организаціи, я пришелъ къ заключенію, что эти измѣненія идутъ весьма далеко и, какъ мнѣ кажется, нѣтъ ни одной группы организмовъ, даже самой простой, которая не представляла бы намъ хотя въ зародышѣ тѣхъ особенностей, которыя мы привыкли называть «характерами».

Для примѣра обращусь прежде всего къ другому домашнему животному, къ нашей обыкновенной комнатной мухѣ. Сравненіе головокъ самцовъ этой мухи показало мнѣ прежде всего, что индивидуальныя различія здѣсь весьма разнообразны. Нѣтъ двухъ головокъ, совершенно похожихъ одна на другую, какъ двѣ капли воды. Да существуетъ ли, полно, двѣ капли воды совершенно тождественныхъ, въ которыхъ количество матеріи и расположеніе частицъ было бы вполне одно и то же? Однѣ головки отличаются болѣе выпуклостью глазъ или болѣе выдающимися изъ наружными очертаніями. У другихъ макушка головы сильно сплюснута, а, напротивъ, передняя часть ея рѣзко выдалась. Въ этой части помѣщается мозгъ мухи, или такъ-называемый, верхнеглоточный или мозговой узелъ, прикрытый впереди трахейнымъ (дыхательнымъ) мѣшкомъ. Разсматривая нижнюю часть головы или, лучше сказать, нижнюю часть лица, маски мухи—мы также встрѣчаемся съ значительнымъ разнообразіемъ индивидуальныхъ особенностей. У однѣхъ формъ мы видимъ явственный прогнатизмъ. Эта часть сильно выдвинута впередъ. У другихъ, напротивъ, она подалась назадъ. Лопасты, ограничивающія съ боковъ отверстіе, въ которое вставленъ хоботокъ—также представляютъ, хотя незначительныя, но весьма разнообразныя измѣненія. У однѣхъ мухъ—онѣ вытянуты, угловаты; у другихъ—укорочены и закруглены,—обращены внизъ или приподняты вверхъ; раздвинуты внаружи или повернуты внутрь и т. д. Однимъ словомъ, физиономіи мухъ хотя и не представляютъ тѣхъ различій, которыя мы видимъ въ физиономіяхъ человѣка, тѣмъ не менѣе фотографическіе снимки съ нихъ могутъ дать осязательную индивидуальную разницу. Совершенно другой вопросъ, могутъ ли эти различія быть замѣчены мухами, могутъ ли они служить ис-

точникомъ ихъ симпатій или антипатій? На такіе вопросы должно отвѣтить отрицательно. Симпатіи или антипатіи мухъ вообще еще не вышли изъ круга тѣхъ элементарныхъ чисто-животныхъ рефлексовъ, которые держатся на вкусовыхъ, обонятельныхъ и т. п. ощущеніяхъ. Если половой подборъ, какъ общее біологическое явленіе, имѣетъ здѣсь мѣсто, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ держится на общихъ фізіологическихъ явленіяхъ, и самцовъ привлекаетъ ростъ или сила самки, а не тѣ или другія особенности ея фізіономіи. Впрочемъ, съ другой стороны, нельзя совершенно отвергать привлекающаго или отталкивающаго вліянія этихъ особенностей; такъ какъ всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ фізіологическими процессами. Сильно выдающаяся нижняя часть головки и сильно отвороченныя внаружи ротовыя лопасти даютъ просторъ для помѣщенія большого хоботка, а развитіе этого послѣдняго находится въ тѣсной связи съ развитіемъ пищеварительной лабораторіи. Съ другой стороны, болѣе выпуклая верхняя половина головы, и въ особенности болѣе выдававшаяся средняя часть между глазами свидѣтельствуютъ въ пользу развитія мозга и преимущественно той части его, въ которой скрыты интеллектуальныя способности.

Половая разница въ этихъ способностяхъ была мною уже давно замѣчена. На второмъ съѣздѣ русскихъ натуралистовъ, я указалъ, что существуетъ рѣзкое различіе между головками или, правильнѣе говоря, фізіономіями самца или самки. У послѣдней, разстояніе между глазами, сравнительно съ самцомъ, громадно—и эта расширенная часть лица приходится именно на томъ мѣстѣ, противъ котораго внутри головы помѣщаются органы интеллектуальной жизни. Эта рѣзкая разница выражается также рѣзко и въ характерахъ обоихъ половъ. Муха вообще не отличается осмотрительностью, сообразительностью или обдуманностью своихъ дѣйствій. Но въ этомъ случаѣ, самцы представляютъ весьма рѣзкій примѣръ вѣтренности всѣхъ своихъ поступковъ. Очень рѣдко самецъ находится въ покоѣ. Это бываетъ въ то время, когда онъ ѣстъ или *пересасываетъ* ¹⁾ пищу,—или въ то время, когда онъ грѣбется на солнечномъ припѣкѣ, прижавшись къ подоконнику. Впрочемъ, и изъ этого положенія мгновенно выводитъ его какая-нибудь мимо промчавшаяся самка. Обыкновенно же онъ,

1) Муха, кромѣ желудка, имѣетъ зобъ, внутрь котораго первоначально поступаетъ пища. Наполнивъ этотъ зобъ, она садится гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ и начинаетъ эту пищу выдавливать изъ зоба на конецъ хоботка, и затѣмъ уже переправлять ее въ желудокъ. Актъ—аналогичный съ пережевываніемъ пищи жвачными животными, и который я называю *пересасываніемъ*.

приподнявъ свои крылышки, постоянно суетится, бѣгаетъ быстро, отрывисто, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, мечется во всѣ стороны. Если что-нибудь поразить или испугаетъ его, онъ быстро вспорхнетъ или остановится на мгновенье, и снова примется за свою бѣготню. Очевидно, эти быстрыя, чисто-рефлекторныя движенія показываютъ не быстроту соображенія, но весьма скудный запасъ его.

Движенія самки такъ же суетливы, отрывисты, какъ и самца, но они гораздо медленнѣе. Голодная самка не побѣжитъ, подобно самцу, метаться изъ стороны въ сторону. Она позволяетъ себѣ этотъ игривый моціонъ только послѣ того, какъ ея зобъ наполненъ мягкой пищей. Но, кромѣ другихъ общихъ чертъ, и тамъ, и здѣсь, и въ самцахъ и въ самкахъ, встрѣчаются индивидуальныя различія. Обыкновенно, самцы тотчасъ же летятъ и садятся на лакомый кусокъ—разлитый сиропъ, рассыпанный сахаръ;—самка весьма рѣдко, съ-разу, очертя голову, бросится на привлекающій ее кормъ. И тамъ, и здѣсь встрѣчаются болѣе осмотрительныя и осторожныя субъекты. Нѣкоторыя самки подлетаютъ и садятся сначала около привлекающей ихъ пищи. Онѣ нѣсколько мгновеній осматриваются, поводятъ хоботкомъ, и затѣмъ быстрыми, порывистыми движеніями, не прямо, а зигзагомъ подходятъ къ корму. Если спугнуть такую осторожную самку,—она не съ-разу слетитъ съ корма, но сдѣлаетъ быстрое движеніе крыльями, роковой рефлексъ, подъ силой перваго впечатлѣнія, и затѣмъ остановится, привстанетъ на ножкахъ, подниметъ хоботокъ и будетъ ожидать. Если угрожающее движеніе повторится—она отбросится въ сторону, отлетитъ не на далекое разстояніе и будетъ опять выжидать. Во всѣхъ этихъ движеніяхъ, вліяніе центровъ, задерживающихъ примитивныя рефлексы, не подлежитъ сомнѣнію. Въ противоположность этимъ осторожнымъ, осмотрительнымъ характеристамъ, попадаются мухи робкія, которыя не могутъ сдержатъ роковыхъ рефлексовъ и улетаютъ по первому пугающему ихъ движенію. Попадаются между ними такія особи, которыя отлетаютъ далеко и, просидѣвъ нѣсколько мгновеній неподвижно, пускаются бѣгать, суетиться и пробовать хоботкомъ разные предметы, совершенно забывъ о томъ лакомомъ кускѣ, съ котораго ихъ спугнули. Если слегка, издали, махнуть рукой надъ группою мухъ, трудящейся надъ рассыпаннымъ сахаромъ, то съ-разу вся группа раздѣлится на три главныхъ категорій. Однѣ мухи улетятъ тотчасъ же безъ оглядки,—другія только попытаются спорхнуть или отлетятъ на недалекое разстояніе; третью сдѣлаютъ едва замѣтное движеніе хоботкомъ, присядутъ или вовсе не пошевелятся. Въ

первыхъ, очевидно, оказываютъ преобладаніе роковые рефлексы; во вторыхъ эти рефлексы подчиняются перерабатывающимъ ихъ центрамъ; въ третьихъ—самый путь этихъ рефлексовъ плохо разработанъ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ приложимо нѣсколько толкованій. Можетъ быть, впечатлѣнія у такихъ субъектовъ весьма ограничены, чувства мало воспримчивы, нервы плохо раздражимы, и вотъ почему отвѣтъ на эти раздраженія или возбужденія является не вдругъ или вовсе отсутствуетъ. Мыслимо и такое толкованіе: эти мухи такъ поглощены ихъ завлекающимъ дѣломъ, что всѣ пути для другихъ рефлексовъ засыпаютъ. Къ субъектамъ этой послѣдней категоріи принадлежатъ всѣ тѣ особи, апатичныя, вялыя, плохо поворотливыя, которыя медленно ѣдятъ, но за то всегда сильно набѣдаются. Эти субъекты—прямая противоположность дѣтельнымъ, легкимъ, поворотливымъ мухамъ.

Къ послѣдней категоріи принадлежатъ тѣ надоедливыя мухи, которыя въ жаркое время неотвязчиво лѣзутъ въ глаза, которыя упрямо, настойчиво садятся на одно и то же мѣсто, несмотря ни на какія отмахиванія. Очевидно, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не храбрость или осмрительность, а тѣ болѣе или менѣе сложные роковые рефлексы, которые мы называемъ у человека—уризмствомъ. Въ это жаркое время года, у мухъ поднимается вообще строй всѣхъ рефлексовъ. Они становятся бойчѣе, храбрѣе. Въ нихъ является усиленная раздражительность, назойливость, жажда драки. Въ это время онѣ охотно ищутъ крови, вертятся около бойнъ, мясныхъ лавокъ. Однимъ словомъ, въ нихъ болѣе или менѣе ясно выражается склонность къ хищничеству, къ животной пищѣ. Но и здѣсь индивидуальныя отличія не теряютъ своей силы. Всмотриваясь въ толпы мухъ, вертящихся около потоковъ крови, можно замѣтить, что не для всѣхъ эта пища приходится по вкусу. Не мало найдется такихъ субъектовъ, которые, попробовавъ крови, отворачиваются отъ нея и начинаютъ искать жюль неа другой пищи, болѣе подходящей къ ихъ вкусу. Находятся и такія особи, которыя очевидно прилетѣли на кровавый шпиръ, увлеченныя примѣромъ своихъ хищныхъ собратій, и если подставить имъ медъ или сахарный сиропъ, то они съ бѣльшимъ удовольствіемъ накинутся на него, не обращая на кровь никакого вниманія.

Отъ этого примѣра переходжу въ другому, который беру изъ жизни также домашнего или, правильнѣе говоря, полуприрученнаго насѣкомаго. Кто не слыхалъ или не читалъ о чувствѣ той непереносимой ревности, которой подчинены самки или царицы

спирально или снова развертываться и вытягиваться. Точно также может сокращаться кувшинноеобразное тѣло каждой особи и прятаться внутрь — сильно вибрирующий мерцательный или, правильнѣе, вращательный аппаратъ, служащій для принятія пищи и помещающійся на переднемъ, свободномъ концѣ тѣла. Если наблюдать надъ группой этихъ организмовъ, то можно легко отличить по ихъ движениямъ ихъ индивидуальныя характеры. Однѣ особи представляютъ менѣе чувствительныя экземпляры. Если тронуть воду, въ которой сидятъ вся колонія, то они медленно, неохотно послѣ всѣхъ другихъ особей скручиваютъ ножку и убираютъ свое неповоротливое тѣло ¹⁾. Въ противоположность имъ другіе экземпляры, болѣе или менѣе прозрачны, отличаются удивительною подвижностью, эластичностью движенія. Легкое прикосновеніе къ каплѣ воды, въ которой они сидятъ, достаточно, чтобы вызвать въ нихъ быстрое, энергичное сокращеніе. Эти два различія въ скорости или медленности общихъ сокращеній тѣла и ножки могутъ быть сведены къ простымъ рефлексамъ — но, наблюдая далѣе, мы видимъ ихъ усложненія. Мы видимъ, что не всѣ экземпляры безразлично сокращаютъ все свое тѣло. Нѣкоторые сперва просто приостанавливаютъ движеніе вращательнаго аппарата, затѣмъ утаиваютъ его внутрь, — далѣе сокращаютъ переднюю, суженную часть тѣла, и затѣмъ уже сокращаютъ заднюю его часть и ножку. Очевидно, что разныя части тѣла имѣютъ неодинаговую чувствительность или возбуждаемость. Наблюдая далѣе, мы видимъ слѣдующія различія. Одни экземпляры — и это не зависитъ отъ величины или прозрачности, — быстро сокращаютъ свое тѣло и ножку, и долгое время остаются въ этомъ сокращенномъ состояніи и сидятъ неподвижно, тогда какъ другіе экземпляры уже давно раскрутили, вытянули ножку, распустили ихъ вращательныя аппараты и работаютъ ими во всю ихъ силу. Наконецъ и эти робкіе (или болѣе раздражительныя экземпляры) начинаютъ раскручивать ихъ ножки, расправляютъ ихъ вращательныя аппараты. Но это распрямленіе совершается не вдругъ, а съ перерывами, въ нѣсколько приемовъ. Нѣсколько разъ суживка какъ-бы пробуетъ выставить свой чувствительный, пище-приемный аппаратъ и почти тотчасъ же мгновенно снова прятать его. Но съ каждой новой попыткой приемы ея становятся смѣлѣе, она больше и больше расправляетъ свое сокращенное

¹⁾ Впрочемъ, это различіе можетъ быть объяснено и другими причинами. Болѣе крупныя экземпляры обыкновенно скорѣе дѣлаются, и передъ этимъ актомъ всѣ ихъ движенія становятся очень медленныя.

тѣло, раскручиваетъ свернутую ножку и, наконецъ, выдвигаетъ снова его на прежнее мѣсто и, подождая нѣсколько мгновений, какъ будто затѣмъ, чтобы убѣдиться, что ничто ее не потревожитъ, выпускаетъ свой вращательный аппаратъ и начинаетъ имъ работать. Нѣкоторые крупные экземпляры поступаютъ въ этомъ случаѣ иначе. Наблюдая за ними, мы видимъ гораздо большее разнообразіе и обособленность въ движеніяхъ, чѣмъ у другихъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что нѣкоторыя части вращательнаго аппарата, нѣкоторыя группы волосковъ могутъ оставаться неподвижными въ то время, когда другія совершаютъ качанія или полные обороты. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ круговоротъ воды, идущей въ ротъ сувойки, попадаютъ крупныя частицы постороннихъ веществъ, она какъ-бы маневрируетъ мерцательнымъ аппаратомъ, сжимаетъ то ту, то другую его часть и отбрасываетъ эти куски той сильной щетинкой, которая торчитъ у ней изъ рта. Если трогать каплю воды, въ которой сидитъ такая сувойка, то она не вдругъ сокращаетъ свое тѣло. Нѣсколько разъ, она какъ бы пробуетъ избавиться отъ надоеднаго неприятнаго возбужденія частичнымъ утягиваніемъ вращательнаго аппарата или сокращеніемъ тѣла, и только въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, рѣшается свернуть ножку и погрузиться. Въ этомъ сокращенномъ состояніи она остается весьма недолго и снова вытягиваетъ ножку, но только теперь въ совершенно другомъ направленіи, какъ будто желая избавиться отъ того мѣста, на которомъ ее беспокоили. Иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда одна какая-нибудь крупная частица попадаетъ ей постоянно въ ротъ и она не можетъ ее отбросить щетинной, она на мгновеніе сокращаетъ свой вращательный аппаратъ и отклоняется въ сторону. Это послѣднее движеніе, въ высшей степени цѣлесообразное, указываетъ уже на присутствіе какихъ-то болѣе сложныхъ рефлексовъ.

Еще рѣзче и яснѣе выступаютъ всѣ описанныя стороны у другого наливочнаго, свободно плавающего животнаго, у трубача (*Stentor*). Его конусообразное тѣло гораздо крупнѣе тѣла всѣхъ сувоекъ и даже видимо простыми, невооруженными глазами. Но въ этомъ тѣлѣ, въ его наружномъ слоѣ уже выработался, хотя и не организованъ вполне аппаратъ, представляющій переходъ отъ безформенной протоплазмы къ мышцамъ высшихъ животныхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ этомъ наружномъ слоѣ протоплазмы локализовались и чувствительныя ощущенія. На переднемъ расширенномъ концѣ тѣло несетъ почти такой же вращательный аппаратъ, какъ и сувойка. Но при первомъ взглядѣ на этотъ аппаратъ можно убѣдиться, что онъ болѣе специализированъ и

законченъ, чѣмъ у сувоекъ. Наблюдая надъ движеніями трубача и сравнивая ихъ съ движеніями сувоекъ, видимъ далеко большую обособленность и разнообразіе. Всѣ части его сравнительно громаднаго тѣла могутъ давать то медленные, то быстрые отвѣты на возбужденія. Онъ движется то быстро и ровно, переносясь съ одного мѣста на другое, то медленно, какъ-бы осматривая и переползая по различнымъ окружающимъ его предметамъ; причемъ всѣ части его тѣла совершаютъ разнообразныя движенія.

Но самого сильнаго разнообразія и значительнаго осложненія достигаютъ рефлексы и индивидуальныя различія у тѣхъ инфузорій, у которыхъ волоски сильно специализированы, какъ органы движенія. Лучшій примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ общераспространенная шиповница (*Stylonichia mytilus*). Ея продолговато-овальное тѣло нѣсколько выпукло и расширено въ передней и верхней спинной части и ровно, плоское съ нижней стороны. Тогда какъ эта верхняя, выпуклая сторона, совершенно голая; нижняя, напротивъ, несетъ различныя вооруженія. Переднюю часть ея занимаетъ односторонній пищеприемный рѣснитчатый, вращательный аппаратъ, заканчивающійся въ серединѣ тѣла широкимъ ртомъ въ видѣ продольной щели. Впереди сидитъ нѣсколько толстыхъ, сильныхъ, мягкихъ шиповъ—которыми шиповница захватываетъ, какъ крючками, за различныя нитчатыя водоросли, по которымъ ползаетъ. Въ помощь къ этимъ сильнымъ орудіямъ служитъ множество мелкихъ тонкихъ шиповъ, разбросанныхъ по нижней поверхности тѣла. Съ боковъ, по краямъ, они оторочены однимъ рядомъ короткихъ и крѣпкихъ щетинокъ, быстрымъ движеніемъ которыхъ животное можетъ совершать мгновенныя скачки вправо или влѣво, смотря по тому, съ которой стороны тѣла совершилось движеніе щетинокъ. Для поворотовъ тѣла служитъ также болѣе или менѣе длинный хвостъ, состоящій изъ трехъ щетинокъ, которыми онъ можетъ, какъ рулемъ, быстро поворачивать свое тѣло въ разныя стороны. — Таково строеніе общаго видового типа: между безчисленными индивидуальными вариантами его мы можемъ отличить прежде всего болѣе крупныя и мелкіе экземпляры. Разсматривая затѣмъ отношенія частей тѣла, мы видимъ экземпляры съ сильно расширенной передней частью, вмѣщающей громадный вращательный аппаратъ—который служитъ здѣсь, также какъ у трубача, не только для пищеприятія, но и для перемѣщенія. Такіе экземпляры могутъ быстрѣе другихъ перемѣщаться, переплывать съ мѣста на мѣсто—и могутъ захватывать больше пищи и большій районъ для питанія. Но этой пищѣ негдѣ перевариваться; задняя часть

тѣла, въ которую собираются пищевые комы и гдѣ происходитъ ассимиляція, — слабо развита, и очевидно насчетъ ея выиграла въ развитіи передняя часть. Затѣмъ мы встрѣчаемъ экземпляры съ болѣе или менѣе вытянутымъ тѣломъ, длина котораго, очевидно, служить не къ выгодѣ перемѣщенія вообще и движеній въ частности. Попадаются особи съ болѣе расширенной и утолщенной задней частью, — слабо развитымъ вращательнымъ аппаратомъ, и вообще всѣми щетинками и шипами — индивидуумы, дѣлающіе очевидный переходъ къ другому, болѣе мелкому виду (*Stylonicchia pustulata*) — далеко не представляющему той подвижности и того разнообразія въ движеніяхъ, какъ крупная шиповница. Наконецъ, мы находимъ экземпляры съ искривленнымъ тѣломъ, дѣлающіе переходъ къ другому роду (*Kegona*). Разсматривая затѣмъ варьянты въ измѣненіи орудій движенія, мы встрѣчаемся также съ сильнымъ разнообразіемъ. Для нашей цѣли достаточно указать на болѣшую или меньшую длину и силу мягкихъ врючвовъ и щетинокъ и на болѣшее или меньшее число ихъ.

Всѣ эти измѣненія безспорно оказываютъ различную степень вліянія на образъ жизни, привычки и вообще психическія отѣнки индивидуальностей. При первомъ взглядѣ на шиповницу, на ея обособленныя щетинки, можно догадаться что въ этомъ отношеніи передъ нами организмъ болѣе сложный, развитый, — чѣмъ другія инфузоріи. Съ этой стороны, сравнительно съ другими налибочными, она производитъ такое же впечатлѣніе, какъ какое-нибудь сильно подвижное суставчатое животное, сравнительно съ малоподвижнымъ моллюскомъ. Сравнивая быстроту, легкость и ловкость прыжковъ и поворотовъ, мы должны отдать въ этомъ отношеніи преимущество тѣмъ экземплярамъ, у которыхъ всѣ части тѣла пропорціонально развиты, у которыхъ передняя часть его не преобладаетъ надъ задней или наоборотъ, — у которыхъ все тѣло не представляется сильно вытянутымъ въ длину; у которыхъ, наконецъ, щетинки не представляются сильно удлинненными или укороченными. — Наблюдая за ней въ то время, когда она бродитъ въ полѣ микроскопа, мы видимъ, что она то перепалзываетъ съ одной нитчаты на другую, то выходитъ на чистое мѣсто и останавливается неподвижно, какъ будто выжидая или осматриваясь, нѣтъ ли какой-нибудь опасности. По временамъ она пускаетъ въ ходъ свой вращательный аппаратъ или быстро, какъ будто испугавшись чего-то, останавливаетъ его дѣйствіе. Въ это время она живо напоминаетъ муху, которая чистила свои лапки и вдругъ остановилась въ то время, когда вы приблизились къ ней или махнули рукой. Но вотъ она

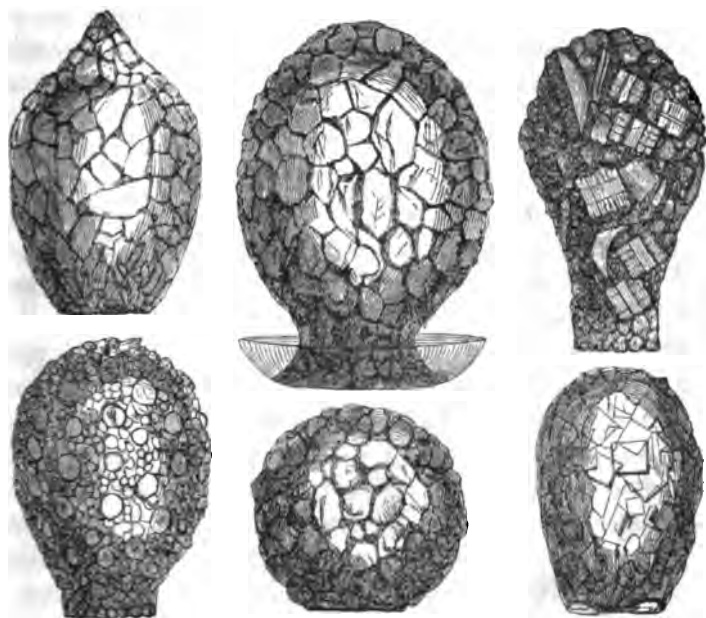
дѣйствительно испугалась, мы тронули каплю воды, въ которой она стояла, и въ одно мгновеніе, быстрымъ взмахомъ щетинокъ, она выпрыгнула изъ поля зрѣнія. При этомъ можно вполне убѣдиться въ полной цѣлесообразности этихъ щетинокъ и хвостового руля. Если тронуть каплю справа—шиповница упрыгнетъ направо, если тронуть слѣва—она бросится въ противоположную сторону. То же самое произойдетъ, если осторожно тронуть ее спереди или сзади: точно также мгновенно она отбросится назадъ или прыгнетъ впередъ. Всего удобнѣе и рѣзче наблюдать за этими испуганными движеніями въ маленькой каплѣ, которая немногимъ больше поля микроскопа. Почувявъ неволю, шиповница мечется во всѣ стороны, пока, наконецъ, усталость не заставитъ ее остановиться, и только едва замѣтное дрожаніе рѣсничекъ вращательнаго аппарата выказываетъ неулегшееся внутреннее волненіе.

Странно видѣть всѣ эти сложные рефлексныя у животнаго, немѣющаго вовсе нервной системы. Очевидно, что всѣ они происходятъ съ помощью аморфной саркоидической массы, изъ которой образовано все его тѣло; очевидно, что въ этой массѣ, въ ея молекулярномъ строеніи скрыты не только пути механическихъ рефлексовъ, но также тѣ ощущенія, которыя мы называемъ психическими. Эта масса достигаетъ здѣсь высшей степени раздражительности. Давно уже извѣстно, что оторванные куски тѣла шиповницы могутъ долго жить, и плаваютъ постоянно, кружась и перебирая рѣсничками или щетинками ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ возбужденія чрезвычайно быстро, молніеобразно передаются по этой массѣ и, вѣроятно, возбужденія въ одной щетинкѣ или въ группѣ щетинокъ находятъ отвѣты въ другихъ щетинкахъ. Такъ, напр., возбужденіе боковыхъ щетинокъ правой стороны передается въ такія же щетинки лѣвой, откуда оно переходитъ въ лѣвую сторону хвоста и загѣмъ уже въ правую. Результатомъ или рефлекторнымъ отраженіемъ этого возбужденія будетъ прыжокъ направо. Точно также возбужденіе хвостовыхъ щетинокъ выливается во всѣ боковыя щетинки, заставляя ихъ мгновенно опускаться внизъ, и результатомъ этого движенія будетъ прыжокъ впередъ. Число и спеціализація щетинокъ, очевидно, находятся въ связи съ количествомъ и спеціализаціей раздражительности. У сувоекъ мы видимъ также чрезвычайно быстрый, энергическій отвѣтъ на возбужденіе. Но этотъ отвѣтъ

¹⁾ Напомнимъ кстати, что куски протоплазмы, оторванныя отъ *Mуховгашуа*, могутъ жить и двигаться, и эти движенія сохраняютъ типъ тѣхъ движеній, которыя свойственны цѣлому животному.

имѣть весьма простыя, элементарныя рефлекторныя движенія. Здѣсь эти движенія въ высшей степени разнообразны.

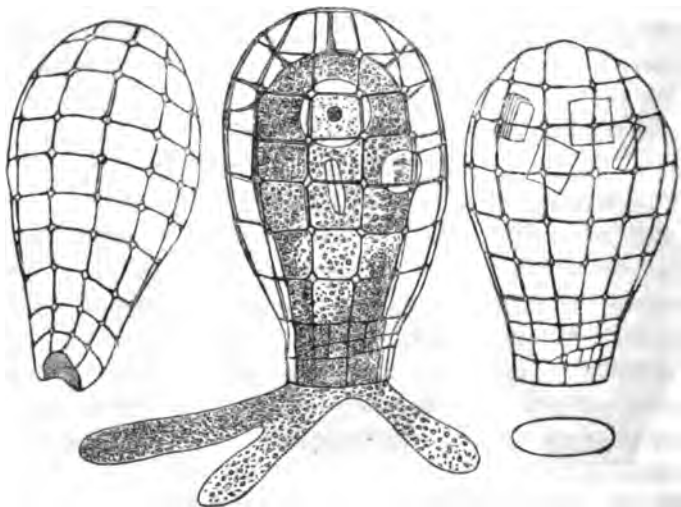
Спустимся еще ниже къ той первичной группѣ животныхъ, въ которой медленныя движенія напоминаютъ движенія моллюсковъ или полиповъ, въ которой рефлекторныя отраженія сводятся въ самымъ примитивнымъ простымъ явленіямъ. Каждому зоологу извѣстны тѣ индивидуальныя измѣненія, которыя встрѣчаются въ раковинахъ прѣсноводныхъ корненожекъ. Уолличъ, въ его превосходной монографической работѣ, свелъ разнообразныя типы этихъ раковинъ, которыя описывались подъ разными видами и даже родами, къ простымъ видоизмѣненіямъ. Эти раковины видѣются животными, которыхъ все тѣло состоитъ изъ аморфной протоплазмы. Всѣ движенія этихъ микроскопическихъ существъ совершаются съ помощью этой протоплазмы. Она вытягивается въ нѣкоторыхъ точкахъ тѣла въ видѣ короткихъ коническихъ отростковъ или широкихъ лопастей, приклеивающихся концами къ какому-нибудь подводнымъ предметамъ, и затѣмъ эти отростки снова

Фиг. 1-я. Раковинки *Diffugia* и *Euglypha*: 1, 2 и 5 изъ крошекъ, песчинокъ и обломковъ. 4 изъ плоскихъ круглыхъ песчинокъ. 5 изъ обломковъ панцирей діатомовыхъ. 6 изъ таблечекъ кремнеземистаго минерала (?)

входятъ внутрь общей массы тѣла, сокращаются, и такимъ образомъ притягиваютъ его къ точкамъ прикрѣпленія. Всѣ рефлексы здѣсь выражаются или въ видѣ сокращеній тѣла, причемъ всѣ

отростки его утягиваются внутрь, или въ видѣ вытягиванія отростковъ съ противоположной стороны той, которая подвергается возбужденію. Форма раковинъ очевидно зависитъ отъ формы самаго тѣла, отъ той формы, которую оно чаще принимаетъ въ моменты покойнаго состоянія. Обыкновенная форма этихъ раковинъ сферидальная и притомъ грушевидная или каплеобразная. Эти раковины составляютъ или продуктъ выдѣленія протоплазмы тѣла, или же, въ большинствѣ случаевъ, склеиваются животнымъ изъ песчинокъ, крошекъ и кремнистыхъ раковинокъ или панцирей водорослей изъ группы діатомовыхъ. Въ постройкѣ этихъ раковинъ вывзывается самый удивительный, совершенно загадочный процессъ молекулярный. Матеріалъ для этихъ раковинъ различенъ у разныхъ видовъзмѣненій: въ одномъ случаѣ это безформенныя обломки, крошки камней кремнеземистыхъ, въ другомъ — это плоскія, заокругленныя песчинки; въ третьемъ — это правильныя, квадратныя пластинки какого-то минерала, въ четвертомъ — это сбродъ песчинокъ и раковинокъ діатомовыхъ, наконецъ въ пятомъ — это одни выбранныя панцири этихъ діатомовыхъ водорослей (фиг. 1). Всѣ эти частицы, въ особенности панцири діатомовыхъ — или располагаются безъ порядка, накла-

Фиг. 2-я. *Quadrulina symmetrica*. 1) Животное выпустившее изъ раковины три псевдоподія; 2) раковинки сбоку; 3) раковинки спереди; внутри видны отдѣльныя квадратныя таблички; 4) отверстіе раковины.

дываются другъ на друга какъ-попало и склеиваются какимъ-то клейкимъ веществомъ, выдѣляемымъ животнымъ, или они распо-

лагаются съ изумительной, можно сказать, математической правильностью, причемъ болѣе крупныя частицы подбираются на болѣе расширенныхъ частяхъ раковины, откуда они идутъ, постепенно уменьшаясь, на ея шейку или на ея открытый конецъ. Самый поразительный примѣръ такой группировки представляетъ *Quadrulina* (фиг. 2), у которой раковина построена совершенно правильно и симметрично изъ правильныхъ квадратныхъ пластиночекъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эта въ высшей степени искусная постройка зависитъ отъ какихъ-нибудь молекулярныхъ процессовъ, совершающихся въ протоплазмѣ тѣла животного. Можетъ быть, болѣе широкія части этого тѣла вмѣщаютъ въ себя больше частицъ, могутъ и притягивать болѣе крупныя пластинки. Но отчего же эти пластинки группируются въ правильные поперечные ряды, или отчего раковины изъ панцирей діатомовыхъ или изъ крупныхъ песчинокъ, имѣютъ край ихъ горлышка, образованный изъ одного рода мелкихъ, весьма правильныхъ, закругленныхъ песчинокъ—словно ожерелье съ нарочно-подобранными бусинками;—да наконецъ, отчего вообще зависитъ свобода и возможность выбора, — выбора частицъ, песчинокъ, крошечъ, панцирей, которые отличаются не химическимъ составомъ, а просто наружной формой? Нѣтъ сомнѣнія, что эти сложныя, искусныя формы раковинъ выработались постепенно изъ болѣе простыхъ и менѣе искусныхъ — выработались подъ влияніемъ силы наследственности, голового подбора и тому подобныхъ біологическихъ причинъ. Но тѣмъ не менѣе, въ сущности эти процессы остаются для насъ совершенно тѣмными. Мы видимъ только, что здѣсь на первыхъ ступеняхъ животной жизни,—просто въ молекулярномъ строеніи саркоды,—кроется уже зачатокъ тѣхъ явленій, привычекъ или инстинктовъ, которымъ мы удивляемся при постройкѣ замысловатыхъ, остроумныхъ гнѣздъ какого-нибудь насѣкомаго или птицы.

Итакъ, изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ и ближайшихъ выводовъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать такое заключеніе:

Во-первыхъ, индивидуальныя измѣненія являются на всѣхъ ступеняхъ царства животныхъ. Онѣ начались вѣроятно съ первыхъ проблесковъ жизни, съ измѣненіемъ того бѣлого вещества, свойства и строенія котораго опредѣлили ея появленіе. Онѣ соучествовали измѣненіямъ и развитію животного, и на самыхъ высшихъ ступеняхъ жизни достигли и самой болѣе сложности въ общемъ и частномъ.

Во-вторыхъ, эти измѣненія выразились не только въ строеніи организма, но и въ его функціяхъ, — они проявились во всѣхъ отправленияхъ даннаго индивидуума, и составляютъ типъ его

индивидуальности — который суммируется въ его нонлигической дѣятельности.

Наконецъ, въ-третьихъ — съ нихъ, съ этихъ индивидуальных измѣненій должна была начаться стройка тѣхъ единичныхъ, болѣе или менѣе временныхъ ступеней развитія, которыми мы намываемъ расой, видоизмѣненіемъ или видомъ.

Въ свою очередь ступени начали свое существованіе съ еще болѣе глубокихъ измѣненій — клетчатокъ, тканей, съ химическихъ или молекулярныхъ измѣненій саркоды. Слѣдовательно, въ нихъ, въ этихъ первоначальныхъ или элементарныхъ измѣненіяхъ, мы должны искать начала каковаго-нибудь вида или разновидности.

Какия же причины опредѣляли эти измѣненія?

II.

Всякій односторонній взглядъ невѣренъ и неправиленъ. Это общее мѣсто можно еще разъ примѣнить къ теоріямъ измѣняемости вида. Дарвинъ и въ особенности Уоллесъ почти всѣ причины этой измѣняемости отнесли къ внѣшнимъ факторамъ. Безспорно, эти факторы составляютъ наиболѣе сильные и первичные стимулы измѣненій, но каждый организмъ составляетъ нѣчто самостоятельное, выдѣленное изъ окружающей его среды и подчиненное этой средѣ. Всѣ приспособленія, о которыхъ трагуютъ Дарвинъ, Уоллесъ и всѣ защитники измѣняемости вида — есть результатъ фیزیологическихъ процессовъ. Разсматривая дѣло ближе, мы найдемъ массу явленій, которыхъ починъ лежитъ внутри организма. Если бы не было этой присущей организму измѣняющей силы, то видовыя, а тѣмъ болѣе индивидуальные измѣненія далеко не представляли бы того громаднаго разнообразія, которое мы видимъ въ окружающемъ и уже исчезнувшемъ мѣрѣ организмовъ. Въ параллель съ приспособленіями ко внѣшнимъ условіямъ внутри организма совершаются приспособленія къ удобствамъ его фیزیологическаго хозяйства. Конечную цѣль этихъ удобствъ представляетъ выработка такого въ высшей степени сложнаго и совершеннаго организма, въ которомъ всѣ отправления представляли бы намъ высшую степень цѣлесообразности и гармоніи. Само собою разумѣется, что мы не въ состояніи представить себѣ, гдѣ границы и норма такого организма, въ чемъ состоитъ идеалъ его, но, по наличнымъ даннымъ, мы можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ этотъ идеалъ.

Въ видахъ достиженія этой цѣли всѣ органы конкурируютъ

въ ихъ физиологической работѣ, и при этой конкуренціи являются различными степени — такъ что въ самомъ полномъ и сложномъ организмѣ мы не можемъ найти общаго уровня и гармоніи для всѣхъ системъ органовъ. Да этотъ общій уровень даже едва ли возможенъ при постоянной борьбѣ органовъ. Если бы этой борьбѣ не существовало, то очень можетъ быть не существовало бы и развитія — потому что борьба, какъ самое сильное движеніе — есть необходимый двигатель совершенства. Но борьба не имѣетъ характера исключительности и нетерпимости. Природа какъ-бы предоставляетъ полную, и притомъ самую широкую свободу явленіямъ прогрессивнымъ, консервативнымъ и ретрограднымъ. Всѣ они идутъ рука объ руку и всѣ вполнѣ необходимы въ общей гармоніи явленій организованнаго міра. Если бы не существовали въ громадномъ количествѣ губки и асцидіи — эти естественные фильтры морской воды — то большая часть плавающихъ въ ней остатковъ полуразложившихся органическихъ веществъ гнила бы совершенно даромъ и портила бы самую воду. Подобныя же отношенія мы видимъ въ существованіи мириадъ наземныхъ животныхъ. Съ другой стороны, если бы не было такого громаднаго количества этихъ остатковъ, то эти организмы не могли бы приспособиться къ ихъ одностороннему существованію, а главное не могли бы остаться неподвижными, консервативными въ ихъ организаціи, такъ-сказать окаменѣвшей въ одномъ направленіи.

Элементарную, непосредственную причину почти всѣхъ консервативныхъ явленій составляетъ процессъ такъ-называемой «дизинтеграціи» организмъ. Этотъ процессъ представляетъ какъ-бы ванну, на которой безконечными варіаціями располагаются другія физиологическія явленія развитія. Въ силу этого процесса всѣ организмы могутъ удерживать составныя части ихъ тѣла только до известной границы. На низшихъ ступеняхъ развитія — эта сила «суппленія» частицъ чрезвычайно слаба, и если организмъ усвоилъ своему составу значительное количество питательнаго матеріала, то равновѣсіе этого состава тотчасъ же нарушается и весь организмъ распадается на нѣсколько, въ большинствѣ случаевъ на два новыхъ организма. Онъ, какъ говорятъ биологи, множится дѣленіемъ. Въ другихъ случаяхъ это распаденіе можетъ быть частичнымъ, а не цѣльнымъ. Организмъ отдѣляетъ отъ себя только небольшія части своего тѣла, въ видѣ почекъ, которыя, болѣе и болѣе разрастаясь, превращаются въ новыя особи, совершенно подобныя той, отъ которой произошли. Наконецъ, къ этому явленію можно свести и размноженіе посредствомъ

яиць, т.-е. «внутреннюю дезинтеграцію» организма ¹⁾, въ которой отъ него также отдѣляются частицы, составляющія избытокъ питанія и накопленія пластическаго матеріала.

Чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ развитія, тѣмъ болѣе теряютъ силу эти элементарныя явленія и болѣе выигрываютъ явленія интеграціи—цѣльности организма. Другими словами, тѣмъ болѣе усиливается связь, сдѣленіе между его составными частями. Всѣ низшіе организмы множатся дѣленіемъ—и у простѣйшихъ элементарныхъ формъ нѣтъ другого способа размноженія. Но съ развитіемъ организмъ крѣпнеть. При переходѣ отъ простѣйшихъ въ сложныя (Metazoa) животныя, организмъ сумѣлъ выработать настолько связности, что его сегментационныя отдѣльности не распадаются на особи, какъ, напр., у *Magosphaera planula*. У медузъ мы уже не встрѣчаемся съ размноженіемъ посредствомъ дѣленія всего тѣла; а у моллюсковъ *senpu prorgio* и суставчатыхъ—исчезаетъ процессъ почкованія и остается только одинъ процессъ—внутренней дезинтеграціи, т.-е. размноженіе посредствомъ яиць.

У полиповъ размноженіе дѣленіемъ совершается въ продольномъ направленіи, у червей оно идетъ въ направленіи поперечномъ оси тѣла. Первые растутъ въ ширину, въ окружность, — вторые вытягиваются въ длину. У первыхъ всѣ органы представляютъ продольные сегменты цилиндра, у вторыхъ — эти органы являются его поперечными отрѣзками. Тамъ и здѣсь появленіе, образованіе новыхъ органовъ есть очевидный процессъ того же дѣленія. Эти органы или части тѣла, совершенно подобные тѣмъ, отъ которыхъ произошли, очевидно удержаны организмомъ—силой сдѣленія, связности его частей. Безъ этой связности, они безъ всякаго сомнѣнія отдѣлились бы вполне и образовали новыхъ особи. Но эта связность имѣетъ извѣстный предѣлъ—наступаетъ моментъ, когда она теряетъ силу, и тогда весь организмъ, со всѣми новообразованіями, распадается дѣленіемъ на два или на четыре новыхъ индивида.

Всѣ новые органы, совершенно одинаковые по формѣ и отпращиванію, или такъ-называемые *соматомы*, очевидно имѣютъ только временное значеніе — они необходимо должны исчезнуть у болѣе развитыхъ формъ—тамъ, гдѣ связность, интеграція организма поднялась на высшую ступень. Причины ихъ исчезанія и

¹⁾ Между размноженіемъ почками и размноженіемъ посредствомъ яиць — или суррогатомъ яиць есть незамѣтный переходъ, и примѣромъ этому можетъ служить *Podophrya Gemmipara*.

дальнѣйшаго совершенства организма могутъ быть внѣшними и внутренними. Они могутъ быть вызваны приспособленіями или къ внѣшнимъ условіямъ, или къ внутреннимъ физиологическимъ удобствамъ. Примѣры перваго случая представляютъ намъ черви и суставчатныя. Голова этихъ животныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ направляется при поступательномъ движеніи впередъ, она первая и сильнѣе всѣхъ другихъ сегментовъ тѣла воспринимаетъ впечатлѣнія и возбужденія внѣшняго міра. Вотъ почему на ней преимущественно или исключительно развиваются органы чувствъ, органы воспринимающіе эти впечатлѣнія. Это развитіе вызываетъ усиленное развитіе того нервнаго узла, въ которомъ залегаютъ рефлекторные аппараты, отвѣчающіе на эти возбужденія. Этотъ нервный или головной узелъ, понятно, для своего развитія долженъ расходовать соотвѣтствующій матеріалъ, а этотъ матеріалъ онъ находитъ въ слѣдующемъ сосѣднемъ узлѣ. Вотъ почему этотъ узелъ, а за нимъ и другіе, слѣдующіе узлы уменьшаются въ объемъ, придвигаются къ узлу головному и наконецъ вовсе съ нимъ сливаются. Но этотъ узелъ—хозяйинъ-руководитель цѣлаго сустава. Если онъ соединится и исчезнетъ въ головномъ суставѣ, то соединится и исчезнетъ также весь содержавшій его суставъ. Такимъ образомъ, это явленіе, начавшись въ первомъ головномъ суставѣ, вызванное внѣшними возбужденіями, съ теченіемъ времени постепенно и послѣдовательно, мало-по-малу передается слѣдующимъ суставамъ, и они, вмѣстѣ со всѣми ихъ придаточными органами, исчезаютъ, сливаются съ первыми сегментами тѣла.

Такимъ образомъ происходитъ исчезаніе *гомологовъ*. Повидному, оно вызывается чисто внѣшней причиною; вліяніемъ возбуждителей или факторовъ, лежащихъ во внѣшней средѣ. Но это возбужденіе не могло бы дѣйствовать съ такой интенсивностью, если бы организмъ не двигался, не искалъ самъ этихъ возбужденій, не выставлялъ ихъ дѣйствию свой головной и вообще передніе сегменты тѣла. Затѣмъ, самое возбужденіе не могло бы вызвать развитіе какихъ бы то ни было органовъ, если бы организмъ не посылалъ въ эти органы собственныхъ импульсовъ, идущихъ изъ центральныхъ частей его нервной системы. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ инициатива образованія или развитія какого-нибудь органа, а также исчезаніе гомологовъ—лежитъ не въ однихъ внѣшнихъ факторахъ, а также и въ физиологическихъ функціяхъ самаго организма. Такимъ же точно путемъ, какъ исчезаніе гомологовъ и въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, происходитъ такъ-называемое *концентрированіе* органовъ. Понятно,

если одинъ узелъ—вслѣдствіе какого-нибудь импульса, началъ развиваться, то онъ придвинетъ, притянетъ къ себѣ всѣ гомологи, и они сольются съ нимъ, увеличивъ его массу. Но разъ отдавшись этому развитію, органъ не можетъ съ-разу остановиться на той степени, которая удовлетворяетъ его фیزیологической потребности. Процессъ роста не есть прямой функциональный процессъ органа. Это просто размноженіе его клѣтокъ,—которое должно быть приведено въ соотвѣтствіе, въ гармонію—съ помощью нервной системы, этого общаго регулятора всего организма во всей его цѣльной гармонической общности. Вотъ почему мы видимъ, въ особенности въ низшихъ организмахъ, и въ особенности въ организмахъ вымершихъ, уже исчезнувшихъ, непомѣрное разрастаніе того или другого органа, нерѣдко въ ущербъ цѣлому организму. Эта фیزیологическая инерція роста, размноженія, дезинтеграціи клѣтокъ исчезаетъ медленно, по мѣрѣ того, какъ общая связность организма развивается и выигрываетъ.

Почти то же самое явленіе можетъ распространиться и на нѣсколько органовъ разомъ. Когда одинъ органъ концентрируется, то онъ беретъ, какъ мы видѣли, матеріалъ отъ другого, сосѣдняго органа. Но если этотъ сосѣдній органъ имѣетъ также свой возбудитель, опредѣляющій его собственное развитіе, то, очевидно, между этими развивающимися органами явится борьба, конкуренція, и эту конкуренцію опять-таки регулируетъ, приводитъ въ общее согласіе, со всѣми остальными частями организма—нервная система. Съ другой стороны,—матеріалъ, которымъ можетъ располагать развитіе въ данномъ организмѣ, болѣе или менѣе опредѣленъ и ограниченъ. Онъ опредѣляется тѣмъ количествомъ питательныхъ частицъ, которое организмъ можетъ ассимилировать въ составъ своего тѣла. Это количество является болѣе подвижнымъ, менѣе опредѣленнымъ въ низшихъ или въ молодыхъ организмахъ, и вотъ почему эти организмы являются болѣе пластическими, болѣе удобными для прогрессивныхъ явленій,—обстоятельство, имѣющее мѣсто не только у животныхъ, но и у человѣка. У высшихъ организмовъ, тамъ, гдѣ связность и гармонія сильнѣе,—тамъ развитіе какого-нибудь органа непремѣнно отзывается на развитіи всѣхъ остальныхъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого свойства здѣсь борьба между органами слабѣе и затруднительнѣе.

Остановимся еще на одномъ фیزیологическомъ явленіи—*локализаци*и органовъ, и соединенномъ съ нимъ—раздѣленіи фیزیологическаго труда. Мы видѣли, что внѣшняя среда вызываетъ развитіе головы и органовъ чувствъ. Точно также внѣшняя среда

съ одной стороны, а съ другой—внутреннія, фѣзіологическія причины вызываютъ локализацию органовъ. У многихъ низшихъ организмовъ дыханіе происходитъ посредствомъ всей поверхности кожи, но съ появленіемъ ногъ у червей и суставчатыхъ этотъ процессъ переносится въ эти органы передвиженія. Онъ перемѣщается потому, во-первыхъ, что въ ногахъ усиленное движеніе вызываетъ бблшій притокъ крови, а съ другой—потому, что при этомъ движеніи является возможность усиленнаго притока свѣжей воды. У ракообразныхъ изъ группы листоногихъ первоначально—вся нога служитъ органомъ дыханія, но затѣмъ, для дыханія обособляется та часть ея, которая лежитъ на пути свѣжаго тока воды, вызываемаго движеніемъ ногъ. Пересматривая различные случаи положенія жаберныхъ пластинокъ въ отношеніи въ положенію сердца и другихъ органовъ у разныхъ группъ ракообразныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что это положеніе находится въ обобщенной строгой зависимости. Далѣе мы видимъ, что передняя часть тѣла, т.-е. опять та часть, которая при поступательномъ движеніи животного находится постоянно впереди всѣхъ другихъ частей—какъ-бы притягиваетъ и концентрируетъ всѣ прочіе органы. Въ особенности рѣзко бросается въ глаза такая концентрація у крабовъ, въ группѣ рабовъ короткохвостыхъ.

Приведу еще другой примѣръ того же явленія. Кровеносная система, въ первоначальномъ, элементарномъ состояніи представляется общей полостью тѣла, въ которой кровь свободно циркулируетъ и омываетъ всѣ внутренніе органы. Но съ развитіемъ пути ея локализуются—вырабатываются въ стѣнкахъ тѣла или внутри его общей полости обособленные ходы—каналы, изъ которыхъ мало-по-малу вырабатываются настоящіе кровеносные сосуды. У многихъ червей, болѣе простого устройства, мы видимъ совершенную простоту и однообразіе въ этихъ каналахъ. Но мало-по-малу ихъ система усложняется: къ главнымъ, продольнымъ сосудамъ присоединяются побочные, поперечные. Идя далѣе, мы видимъ новое обособленіе—усложненіе, вызванное также внутренними фѣзіологическими причинами—видимъ локализацию сердца—центрального органа кровообращенія,—который служитъ резервуаромъ, регуляторомъ, распорядителемъ всего кровообращенія. Этотъ органъ образуется чрезъ расширение одного изъ продольныхъ, спиннаго сосуда, и это расширение появляется въ передней части тѣла, какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда токъ крови долженъ быть брошенъ впередъ, въ органы, лежащіе въ головѣ или сидящіе на головѣ.

Мы можемъ идти далѣе въ этихъ примѣрахъ и они будутъ выдвигаться безъ конца. Въ строеніи ли кишечнаго канала, или органовъ половыхъ, въ строеніи разнообразныхъ органовъ движенія и вообще придатковъ тѣла, всюду мы видимъ инициативу фізіологическаго дѣйствія. Но еще болѣе доказателемъ становится этотъ фізіологическій починъ, если мы вспомнимъ тотъ всеобщій фізіологическій законъ или принципъ, который лежитъ въ основѣ развитія, въ основѣ всѣхъ приспособленій и измѣненій организма. Вотъ этотъ принципъ, который, мнѣ кажется, можно назвать принципомъ или закономъ *«фізіологическаго упражненія»*: *функциональная сила каждаго органа можетъ развиваться только въ силу прогрессиивно-возрастающей его дѣятельности.*

Въ силу этого закона каждая мышца погибаетъ, атрофируется, если она остается безъ упражненія. И это слѣдствіе распространяется не только на отдѣльныя мышцы, но на всѣ мышечныя волокна, въ какомъ бы органѣ онѣ ни залегали. Обесиливаются и атрофируются двигающія волокна сердца и сосудовъ, пищеварительнаго канала и всякихъ железъ. Точно также слабѣетъ безъ употребленія и дѣятельность самихъ железъ. Кишечный каналъ лишается своей ассимилирующей способности, легкія убываютъ, когда грудная влѣтка становится недѣятельною. Наконецъ, нервная система—всѣ ея части, какъ центральныя, такъ и периферическія,—подчиняются тому же всеобъемлющему, неизмѣнному закону.

Но этотъ законъ распространяется и на психическую дѣятельность. Умъ коснѣетъ и не развивается—если мысль спитъ и не работаетъ. Таланты глоснуть безъ развитія. Всѣ способности требуютъ упражненія. Всѣ чувства вырабатываются, развиваются, усиливаются упражненіемъ. Хорошія и дурныя привычки приобрѣтаются навыкомъ, постояннымъ упражненіемъ той или другой части нервной системы въ ту или другую сторону.

Если мы посмотримъ на этотъ принципъ шире и глубже, то увидимъ, что онъ не только фізіологическій, но и общій физическій. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ одинъ фактъ этого закона въ явленіяхъ магнетизма. Извѣстно, что сила магнита увеличивается отъ упражненія. Со временемъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдется такихъ фактовъ еще больше. Можетъ быть, откроется, что и всѣ физическія силы имѣютъ это свойство нарастать, развиваться вслѣдствіе упражненія.

Тѣмъ съ большимъ вѣроятіемъ мы можемъ допустить, что тотъ же принципъ существуетъ и во всемъ органическомъ мірѣ. Онъ до осязательности ясенъ въ органахъ движенія, въ мышцахъ, —

наконецъ, въ нервной дѣятельности, но въ явленіяхъ роста оны нѣсколько затемняются. На первый взглядъ кажется, что ростъ растенія зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ количества питательнаго матеріала. Дайте растенію жирную, подходящую почву и достаточную поливку, и оно разовьетъ роскошно свои органы, выработаетъ массу клѣтчатокъ. Но если разсмотрѣть это условіе, то въ сущности окажется, что оно не главное, а второстепенное, — въ ряду другихъ опредѣляющихъ ростъ; что этотъ ростъ зависитъ отъ силы дѣятельности протоплазмы клѣтокъ, что эта сила возбуждается пищей, что протоплазма раздражается притокомъ солей, и вслѣдствіе этого раздраженія являются разложеніе, дѣпка, стройка новыхъ клѣтокъ и тканей. Это положеніе подтверждается нагляднымъ образомъ, если мы возьмемъ для опыта не одно, а нѣсколько растеній и притомъ возможно большее число особей. Тутъ съ-разу окажется, что при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, при совершенно тождественной постановкѣ опыта, — мы получимъ различіе въ ростѣ. Огромное большинство экземпляровъ подтверждаетъ зависимость роста отъ пищи; но, во-первыхъ, между этимъ большинствомъ найдутся различныя степени — силы, — а во-вторыхъ, меньшинство будетъ составлено изъ экземпляровъ хилыхъ, слабыхъ, тощихъ или низенькихъ, которые будутъ требовать для объясненія ихъ развитія другой причины. Положимъ, что эта слабость развитія зависитъ отъ слабыхъ сѣмянъ, что слабыя особи при совмѣстномъ развитіи легко обижаются сильными особями, которые отнимаютъ у нихъ необходимую пищу. Но отчего же зависитъ эта слабость сѣмянъ или, точнѣе, слабость той протоплазмы, изъ которой составлены и эти сѣмена, и выросшія изъ нихъ растенія?

Вопросъ, очевидно, касается элементовъ и элементарныхъ свойствъ и явленій. Каждому извѣстно, что протоплазма можетъ быть весьма различна и что, при разборѣ этихъ различій, не можетъ быть никакихъ категорій въ родѣ изоморфизма и полиморфизма. Различія здѣсь касаются такихъ тонкихъ свойствъ, которыя не могутъ быть уловлены нашими современными методами и инструментами. Между тѣмъ результаты этихъ свойствъ настолько грубы, такъ рѣзко бросаются въ глаза, что сомнѣнію въ ихъ существованіи вовсе не можетъ быть мѣста.

Вотъ къ этимъ-то тонкимъ свойствамъ протоплазмы и принадлежитъ, между прочимъ, сила ея раздражительности, возбудимости и способности давать на возбужденія отвѣты, болѣе или менѣе быстрые и сильные. Понятно, что эта способность, какъ и все въ природѣ, вырабатывается не вдругъ. Чѣмъ тоньше, такъ

сказать, молекулярнѣе свойства, тѣмъ болѣе времени они требуютъ для ихъ выработки, развитія. Притомъ, мы не знаемъ ни причинъ, ни путей этой выработки. Очень можетъ быть, что постоянное, долгое раздраженіе, какими-нибудь внѣшними возбудителями, вызываетъ, наконецъ, извѣстное передвиженіе или строеніе частицъ, болѣшую ихъ подвижность и болѣе скорый отвѣтъ. Но мыслимо и другое объясненіе. Можетъ быть, сама протоплазма приспосабливается къ этимъ возбужденіямъ и устанавливаетъ гармонію между вліяніемъ внѣшняго міра и внутренними отправлениями кѣтки. Строеніе ея весьма сложно, и взглядъ профессора Брюкке на простѣйшій организмъ совершенно справедливъ. И все это строеніе опредѣляется, выражается и группируется не въ чемъ другомъ, какъ въ элементарныхъ, молекулярныхъ свойствахъ ея протоплазмы.

Какъ-то странно представить эту самостоятельность протоплазмы, но тѣмъ не менѣе она существуетъ и мы можемъ понимать самостоятельность организма, какъ нѣчто обособленное отъ среды его окружающей, не иначе, какъ допустивъ эту физиологическую или біологическую самостоятельность протоплазмы. Всѣ внѣшніе факторы безспорно дѣйствуютъ на нее и вызываютъ рядъ отвѣтовъ, но эти отвѣты будутъ отличны отъ явленій, которыя получаются при непосредственномъ дѣйствіи тѣхъ же самыхъ факторовъ на мертвую, неорганизованную протоплазму. И это различіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ организмъ выше и сложнѣе. Въ протоплазмѣ выражается самостоятельность индивидуума, его типичность. Между сотнями особей одного вида, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, одни и тѣ же факторы вызываютъ въ нихъ разные отвѣты. У однихъ недѣлимыхъ протоплазма подвижнѣе, возбудимѣе, дѣятельнѣе, энергичнѣе, чѣмъ у другихъ. Возвышенная температура, на примѣръ, вызоветъ быстрыя движенія во всѣхъ особяхъ, но эти движенія появятся у всѣхъ не въ одно время. Ниже мы будемъ имѣть случай еще разъ возвратиться къ этому предмету.

Съ осложненіемъ организма, съ обособленіемъ его органовъ, обособляется и та часть протоплазматическихъ кѣтокъ и волоконъ, въ которой концентрируется самостоятельная дѣятельность организма. Эта часть выдѣляется въ видѣ нервной системы—и притомъ въ тѣхъ центральныхъ органахъ, которые перерабатываютъ роковые рефлексъ. Вообще, центральная часть нервной системы имѣетъ различныя отношенія къ частямъ периферическимъ. У многихъ червей (изъ группы планарій) эта часть занимаетъ сравнительно съ слабо-развитыми нервами громадное мѣсто. Но, раз-

умѣется, по объему органа нельзя судить о силѣ его функций. У молодыхъ животныхъ мозгъ относительно гораздо больше, чѣмъ у взрослыхъ. Но и въ этой центральной части органы, перерабатывающіе рефлексы, занимаютъ сравнительно весьма небольшое мѣсто. Въ этихъ-то органахъ и выражается самодѣтельность организма. Но трудно опредѣлить, сколько въ этой самодѣтельности — самостоятельности, независимости отъ другихъ частей нервной системы и всѣхъ другихъ органовъ. Система органовъ кровообращенія, органы дыханія, пищеваренія, мышечная система, наконецъ, всѣ органы чувствъ, всѣ нервныя окончанія, воспринимающія впечатлѣнія, и всѣ пути нервныхъ токовъ — все имѣетъ большее или меньшее вліяніе на центры, перерабатывающіе рефлексы. Различныя свойства и степени этого вліянія выражаются въ темпераментахъ и въ индивидуальныхъ различіяхъ.

Очевидно, что если бы не было самодѣтельнаго центра въ организмѣ, выраженнаго въ извѣстныхъ частицахъ протоплазмы или въ строеніи нервной системы, то индивидуальность и разнообразіе организмовъ никогда бы не достигли той силы, которую мы видимъ въ организованномъ мірѣ. Вліяніе вѣншихъ факторовъ весьма однообразно въ сравненіи съ этимъ громаднымъ разнообразіемъ организмовъ. Оно никогда не въ силахъ было вызвать, создать тѣ тонкіе, неуловимые отгѣнки организаціи, которые обусловливаютъ ту или другую привычку, тѣ или другое психическое движеніе, или складъ характера. Чтѣ же могло опредѣлить это разнообразіе? Двѣ причины, соединясь вмѣстѣ, дѣйствовали на этомъ пути, — дѣйствовали до того дружно, что мы не можемъ рѣшить, гдѣ кончается вліяніе одной и начинается дѣйствіе другой. Эти причины: *самодѣтельность организмовъ и сила упражненія изъ органовъ.*

Въ силу этихъ причинъ, появились сложныя, многокѣлочные организмы. Самодѣтельность вызвала сдѣвленіе между кѣлками, упражненіе развивало и закрѣпляло это сдѣвленіе. Самодѣтельность вызвала болѣе и болѣе тѣсную связь между органами — упражненіе осуществляло и закрѣпляло эту связь.

Всѣ двигательныя аппараты возникаютъ и развиваются въ силу самодѣтельности организма, ибо эти аппараты суть слѣдствія приспособленія, слѣдствія, вызванныя самимъ организмомъ, его биологическими или физиологическими цѣлями. Можетъ быть, во вѣншей средѣ и есть факторъ, который могъ бы вызвать появленіе этихъ аппаратовъ, разумѣется въ самомъ элементарномъ ихъ видѣ. Мы знаемъ, что теплота ускоряетъ, усиливаетъ движенія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, но изъ этого мы не въ правѣ

заключать, чтобы теплота могла вызвать движеніе въ протоплазмѣ. Съ бѣльшимъ вѣроятіемъ мы могли бы приписать его дѣйствию электричества, но нигдѣ въ природѣ мы не встрѣчаемъ электрическихъ явленій въ той формѣ, въ которой они могли бы вызвать движеніе въ протоплазмѣ. Внѣшняя среда дѣйствуетъ одинаково на протоплазму половыхъ органовъ, напр., на протоплазму сѣмянныхъ клѣточекъ и яицъ у губокъ — гдѣ эти органы совершенно открыты и доступны непосредственному влиянію этой среды. Отчего же въ этихъ органахъ мы видимъ двойственность? Отчего является два рода движеній — амѣбовидное въ яйцахъ и быстрое, энергичное, инфузоріевидное — въ сперматозоидахъ? Очевидно, что здѣсь, въ образованіи этихъ органовъ, процессъ образовательный прошелъ сквозь всѣ другіе процессы организма, короллировалъ ихъ и сумировался въ двухъ родахъ движенія, амѣбовидномъ и инфузоріевидномъ.

Если мы даже допустимъ, что первые зачатки движенія вызваны окружающей средой — то это влияніе, эта инициатива исчезаетъ, какъ скоро двигательный аппаратъ получаетъ самую элементарную сложность и приспособленіе къ какому-нибудь физиологическому или биологическому дѣлянью. Электрической токъ вызываетъ сокращеніе въ атрофированной мышцѣ, т.-е. въ той мышцѣ, которая изолирована отъ самодѣтельности организма, на которую не можетъ дѣйствовать внутренній, электрической токъ нерва. Еслибъ этой изоляціи не было, еслибъ нервъ былъ вполне нормаленъ — то и самая атрофія мышцы не могла бы имѣть мѣста. Развивая эту мышцу искусственнымъ упражненіемъ — дѣйствіемъ электрическаго тока — мы вмѣстѣ съ ея развитіемъ вызовемъ и восстановление управляющаго ею нерва или рефлекторнаго аппарата. Въ нормальномъ состояніи этотъ аппаратъ развиваетъ мышцу въ силу внутренней дѣятельности организма.

Всѣ внѣшнія возбужденія органовъ чувствъ отражаются рефлекторнымъ путемъ въ различныхъ мышечныхъ аппаратахъ, и развитіе cadaго изъ этихъ аппаратовъ зависитъ отъ упражненія рефлекторнаго аппарата, имъ управляющаго. Въ силу этого всѣ чрезвычайно сложные и разнообразныя органы движеній появляются и развиваются вслѣдствіе самодѣтельности организма.

Въ силу той же самодѣтельности развиваются вообще всѣ органы, имѣющіе центральные аппараты въ нервной системѣ, хотя бы эти центры были весьма незначительны, не болѣе узловъ симпатическаго нерва. Такимъ образомъ кровеносная и дыхательная система, органы пищеваренія и железы, словомъ, всѣ внутренніе органы развиваются вслѣдствіе внутреннихъ самодѣ-

тельныхъ центровъ организма. На долю внѣшнихъ факторовъ остается весьма немного. Ихъ непосредственному дѣйствию подлежатъ исключительно периферическіе, воспринимающіе органы. Но за то имъ принадлежатъ починъ, инициатива, вызовъ если не каждаго, то огромнаго большинства измѣненій въ организмѣ. Путь, направленіе этихъ измѣненій—есть дѣло самого организма. Отъ него зависитъ и качество, и сила приспособленій въ ту или другую сторону, приспособленій къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, къ факторамъ внѣшней среды или къ внутреннимъ физиологическимъ удобствамъ.

Все высказанное, полагаю, съ достаточной ясностью показываетъ, что причины измѣненій организмовъ лежатъ не въ одной внѣшней средѣ—но и въ самихъ организмахъ. И эти послѣднія, внутреннія причины есть болѣе сильныя двигатели самыхъ разнообразныхъ индивидуальных измѣненій. Мнѣ кажется—первую категорію внѣшнихъ причинъ удобно назвать причинами *объективными*, тогда какъ вторую причинами *субъективными*. Дѣйствіе, сила, направленіе первыхъ вовсе не зависятъ отъ организмовъ; тогда какъ вторыя болѣе или менѣе тѣсно связываются съ субъективными, индивидуальными ихъ свойствами.

Къ первымъ принадлежатъ прежде всего всѣ физико-химическіе дѣятели внѣшней среды; затѣмъ, на второмъ мѣстѣ мы должны поставить тѣ причины, которыя уже представляютъ не простыя, элементарныя вліянія этихъ дѣятелей, но дѣйствія ихъ въ усложненномъ видѣ—т.-е. дѣйствія геологическія и біологическія. Объ этихъ причинахъ было столько говорено въ послѣднее время по поводу теоріи измѣняемости вида, и эта теорія настолько общезвѣстна, что я считаю совершенно излишнимъ здѣсь останавливаться на нихъ. Скажу только, что геологическія причины были указаны почти исключительно Уоллэсомъ; тогда какъ дарвинизмъ основался въ наукѣ на двухъ біологическихъ принципахъ: подборѣ родичей и борьбѣ за существованіе.

Къ субъективнымъ причинамъ принадлежатъ вообще всѣ физиологическіе дѣятели, работающіе внутри каждаго организма. Въ частности этотъ отдѣлъ распадается довольно удобно на три категоріи. Первая изъ нихъ представляетъ переходную связующую ступень между двумя отдѣлами. Она даже скорѣе подходит къ объективнымъ, чѣмъ къ субъективнымъ причинамъ, такъ какъ ея дѣйствія, ея причины, хотя внутреннія, чисто физиологическія—тѣмъ не менѣе нисколько не вьжуются съ самодѣятельностью организма и совершаются безъ его сознанія, нерѣдко вопреки его физиологическимъ удобствамъ. Я говорю объ общихъ законахъ раз-

житія, объ явленіяхъ интеграціи, концентрированія органовъ и т. д. Всѣ эти явленія вызываются причинами, которыя, полагаю, можно обозначить именемъ *прогрессивныхъ*. — Вторая категорія обнимаетъ всѣ физиологическіе дѣтели внутри организма, всѣ тѣ факторы, которые распоряжаются его внутреннимъ хозяйствомъ — приходомъ и расходомъ матеріаловъ, перемѣщеніемъ, уменьшеніемъ или увеличеніемъ органовъ, ихъ общей связью и ихъ гармоническими отношеніями. Наконецъ, въ третью категорію я ставлю всѣ тѣ причины, въ которыхъ такъ-сказать концентрируется самодѣтельность и самостоятельность организма. Всѣ эти причины, полагаю, можно назвать *психическими*. Въ нихъ физиологическая дѣтельность организма достигаетъ полнаго единства и ведетъ каждый индивидуумъ въ ту или другую сторону — по пути прогресса, или по пути явленій регрессивныхъ.

Всѣ эти причины дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же средствомъ, онѣ пользуются закономъ *упражненія* органовъ; но какая же сила приводитъ эти органы въ дѣтельное состояніе, какая сила составляетъ сущность и основу всей физиологической самодѣтельности организма?

III.

Сущность всей субъективной дѣтельности организма сводится къ дѣтельности протоплазмы, входящей въ составъ его кѣлѣтокъ. Въ ней кроются всѣ его процессы — химическіе, физическіе и механическіе. Отъ нея зависитъ перевѣсъ жизни растительной, жизни животной или жизни психической, которая такъ-сказать сумируетъ и короллируетъ эту послѣднюю. Очевидно, что въ дѣлѣ прогресса эти три рода жизни занимаютъ послѣдующія ступени. Регрессъ есть поворотъ къ первой, низшей ступени, консерватизмъ есть сохраненіе *statu quo* которой-нибудь изъ этихъ ступеней.

Всѣ эти три ступени могутъ встрѣчаться въ индивидуальныхъ измѣненіяхъ. Притомъ мы можемъ замѣтить ихъ какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ организмахъ. Но въ этихъ послѣднихъ ступень психической жизни не такъ ясно выражена и далеко не имѣетъ той сложности, какъ въ организмахъ съ развитой нервной системой и органами чувствъ. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ организмахъ измѣненія начинаются, какъ мы выше замѣтили, съ дѣтельности протоплазмы, съ направленія этой дѣтельности въ ту или другую сторону.

Въ простѣйшихъ организмахъ движеніе является въ двухъ

различныхъ формахъ. Болѣе простую форму движенія представляетъ сокращеніе и растягиваніе протоплазмы; выдвиганіе изъ тѣла или втягиваніе внутрь его тѣхъ отростковъ, которые зоологи называютъ *ложными ножками* (псевдоподіи). Но движенія этихъ отростковъ могутъ переходить въ качательныя, волнообразныя, въ движенія такъ-называемыхъ мерцательныхъ волосковъ. Этотъ переходъ всего лучше можно наблюдать у животнаго, описаннаго Блапаредомъ—у *Podostoma filigerum* (Ногорота)—у которыхъ длинныя, нитеобразныя ложныя ножки могутъ качаться волнообразно, захватывать какіе-нибудь посторонніе, тѣ или другіе, прилеивающіеся къ нимъ организмы и затѣмъ снова утягиваться вмѣстѣ съ этой добычей внутрь тѣла. У многихъ другихъ простѣйшихъ организмовъ эти переходы являются какъ слѣдствіе прогресса или регресса при развитіи. Такъ, напр., *Шароресничныхъ* (*Maegospaera planula*)—стягиваетъ свое тѣло въ шаръ, и этотъ шаръ мало-по-малу—чѣтвымъ дѣленіемъ, свойственнымъ первичнымъ, такъ-называемымъ сегментаціоннымъ процессамъ яицъ всѣхъ животныхъ—распадается на 32 сегмента. Каждый сегментъ на периферическомъ концѣ, выступающемъ на поверхность шара, совершаетъ амѣбовидныя движенія, выпускаетъ и снова утягиваетъ ложныя ножки. Мало-по-малу эти ножки становятся тоньше, длиннѣе, и наступаетъ моментъ, когда всѣ онѣ начинаютъ быстро, волнообразно качаться, и тогда ихъ ничѣмъ нельзя отличить отъ обыкновенныхъ мерцательныхъ волосковъ. Вскорѣ, когда толстая оболочка, заключавшая шаръ и всѣ происшедшіе изъ него сегменты, лопается—этотъ шаръ становится свободнымъ и быстро плаваетъ съ помощью этихъ мерцательныхъ волосковъ. Затѣмъ всѣ составляющіе его сегменты отлеиваются другъ отъ друга, становятся независимыми, отдѣльными особями, теряютъ мерцательныя волоски и снова начинаютъ совершать амѣбовидное движеніе.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы видимъ, что одиночныя особи способны только къ амѣбовидному движенію; тогда какъ тѣ же особи, соединенныя вмѣстѣ, могутъ вырабатывать элементы мерцательнаго движенія. Слѣдовательно, ассоціаціей элементовъ достигается высшая форма движенія. Эта форма, очевидно, зависитъ отъ особенныхъ свойствъ протоплазмы, которыя заставляютъ ее сильнѣе, быстрѣе, энергичнѣе двигаться. Внутренняя, молекулярная причина механизма этихъ движеній остается до сихъ поръ неразгаданной. По всѣмъ вѣроятіямъ, электричество играетъ здѣсь главную роль: по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводятъ опыты Малтегацца надъ сперматозоидами. Мерцатель-

ное движеніе, очевидно, требуетъ болѣе сильна, напряженности организма, хотя оно и не связывается съ массой тѣла. По крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ его у сравнительно болѣе мелкихъ организмовъ и, какъ кажется, меньшая величина здѣсь является до нѣкоторой степени условіемъ для этого движенія. Подтверженіе этому мы можемъ видѣть, сравнивая развитіе яицъ и сперматозоидовъ губокъ. Первые имѣютъ болѣе большую величину и сегменты ихъ и даже самое яйцо движутся амѣбообразно, — вторыя гораздо мельче и сегменты ихъ, сбѣивныя тѣльца — движутся волнообразно. Съ болѣе положительностью придемъ мы къ тому же заключенію, сравнивъ корненожекъ, лучевиковъ — съ наливочными животными. Послѣднія вообще представляютъ болѣе мелкую величину. То же самое доказываютъ намъ многія водоросли и грибовики. У послѣднихъ амѣбовидная стадія достигаетъ громадныхъ размѣровъ, тогда какъ стадія, двигающаяся посредствомъ мерцательнаго волоска, можетъ быть видима только при сильныхъ увеличеніяхъ.

Мы видѣли, что у наливочныхъ психическая дѣятельность достигаетъ высшей степени сравнительно съ корненожками. Тамъ мы находимъ болѣе или менѣе быстрыя и разнообразныя рефлекторныя движенія; и по всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ прогрессъ обуславливается, опредѣляется и во всякомъ случаѣ находится въ тѣсной зависимости съ болѣе быстрымъ движеніемъ, съ присутствіемъ волосковъ, достигающихъ значительной спеціализаціи, какъ это мы видѣли у шиповницы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ прогрессъ вызывается внутренними физиологическими или психическими причинами. Во внѣшнихъ условіяхъ нѣтъ тѣхъ факторовъ, которые обусловили бы тотъ или другой родъ движеній протоплазмы; точно также какъ нѣтъ факторовъ, которые вызвали бы появленіе того или другого пола. Образованіе этихъ градацій принадлежитъ всецѣло физиологическому, т. е. внутреннему самостоятельному почину самаго организма и прямо зависитъ отъ индивидуальныхъ измѣненій.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, такъ или иначе мы можемъ уловить зависимость этихъ измѣненій отъ матеріи, образующей организмъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, эта связь, очевидно, мыслима, а не заставляетъ прибѣгать къ весьма темнымъ, произвольнымъ гипотезамъ. Совершенно иное представляютъ намъ тѣ психическія явленія, которыя выражаются въ склопностяхъ, влеченіяхъ организма — къ извѣстному запаху, вкусу, цвѣту, — къ хищничеству или квіетизму, къ животной или растительной

пищѣ, въ темнотѣ или свѣту. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти свойства вродятся въ свойствахъ протоплазмы, по крайней мѣрѣ, въ ней мы можемъ видѣть субстратъ ихъ. Геккель въ одномъ изъ послѣднихъ его произведеній прибѣгаетъ къ совершенно произвольной гипотезѣ — «одушевленія» молекулей протоплазмы, которые онъ называетъ «пластидулами». По его мнѣнію, каждая изъ такихъ пластидулъ обладаетъ таинственными влеченіями, симпатіями и антипатіями — и точно такими же влеченіями обладаетъ и весь организмъ, составленный изъ такихъ пластидулъ. Эти влеченія подобны химическому сродству. На нихъ, хотя въ смутныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ, указывалъ Гёте, въ его извѣстномъ романѣ. Но германскій великій поэтъ только указываетъ на явленіе и обобщаетъ его, тогда какъ извѣстный Іенскій зоологъ пытается придать ему толкованіе совершенно субъективное. Иначе и не можетъ быть въ томъ случаѣ, когда предметъ является вполне неразработаннымъ, когда онъ не представляетъ никакихъ фактовъ для толкованія. Здѣсь даже можетъ быть подвергнуто сомнѣнію самое обобщеніе и является еще вопросъ, идентичны или тождественны такія общія свойства матеріи какъ химическое сродство и психическія симпатіи организмовъ, влеченія въ ту или другую сторону.

Нѣкоторые изъ этихъ явленій отличаются поразительной рѣзкостью. Многія изъ инфузорій очевидно стремятся къ свѣту, тогда какъ другіе, напротивъ, предпочитаютъ его отсутствіе. И это явленіе идетъ сверху по всѣмъ рядамъ организмовъ, и вездѣ обуславливаетъ раздѣленіе ихъ на животныхъ дневныхъ и ночныхъ. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что ночныя животныя, въ особенности бабочки, стремятся къ огню. Летучія мыши любятъ садиться на бѣлые предметы. Извѣстный бордосскій профессоръ Бэръ (Baird) придумалъ весьма остроумный опытъ, который доказываетъ, что низшіе организмы, мелкіе рачки, циклопы, различаютъ цвѣтные лучи свѣта. Въ стеклянной трубкѣ съ прозрачными, окрашенными спектральными цвѣтами стѣнками, они всѣ собираются въ зеленыхъ лучахъ. Но что же привлекаетъ ихъ именно къ этимъ лучамъ? Точно также, если не болѣе, рѣзки примѣры влеченія или отвращенія отъ различныхъ запаховъ. Въ особенности рѣзки эти примѣры у насѣкомыхъ, которыя часто выбираютъ цвѣты мелкіе, блѣдно-зеленоватые — и предпочитаютъ ихъ рядомъ стоящимъ цвѣтамъ съ яркими красками и сильно пахучимъ. Сверчки убѣгаютъ отъ цвѣтовъ васильковъ, издающихъ, какъ извѣстно, весьма слабый запахъ. Мухи охотно садятся на цвѣты *Stapelia*, издающіе непріятный трунный запахъ.

Очевидно, что здѣсь ихъ привлекаетъ то же чувство, которое заставляетъ всѣхъ насекомыхъ, питающихся надалью, — издалека, за нѣсколько верстъ — различать ея запахъ. Пчелы точно также издалека слышатъ запахъ меда и летать на него. Кошки чувствуютъ особенную привязанность къ запаху валерьяны и деревяннаго масла. Собаки относятся съ особенной привязанностью къ запаху одежды ихъ хозяина. Припомнимъ, что чувство обонянія есть главный руководитель половыхъ отношеній почти у всѣхъ животныхъ. Имъ возбуждаются самыя сильныя, самыя дѣльныя симпатіи и антипатіи, которыя являются какъ рововые рефлексы обонятельныхъ ощущеній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти явленія возникаютъ въ видѣ индивидуальныхъ измѣненій и крѣпнуть въ силу упражненій и наследственности. Точно также нѣтъ сомнѣній, что всѣ они — явленія психическія. Одно изъ этихъ явленій, по всѣмъ вѣроятіямъ, опредѣлило два рода пищи: растительной и животной. Мы видѣли выше, что на нѣкоторыхъ мухъ запахъ крови дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ. Это явленіе замѣчается почти у всѣхъ животныхъ. Каждый, я полагаю, наблюдалъ, какое раздражающее дѣйствіе производитъ запахъ крови на рогатый скотъ. Напомню встать, что видъ крови дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ даже на человека. Очевидно, что всѣ тѣ экземпляры, которыхъ возбуждаетъ и влечетъ запахъ крови — отдѣляются при дальнѣйшемъ развитіи явленія отъ тѣхъ экземпляровъ, которые чувствуютъ отвращеніе къ этому запаху или оказываются къ нему индифферентными. Допуская общепринятое предположеніе, что голодь былъ стимуломъ раздѣленія хищниковъ отъ травоядныхъ, мы впадаемъ въ разладъ съ фактами и прямыми соображеніями. Сколько случаевъ голода мы должны допустить для того, чтобы объяснить появленіе хищниковъ во всѣхъ рядахъ животнаго царства. Фактъ, такъ охотно приводимый французскими зоологами — о пожираніи саранчей другъ друга во время голода — служить скорѣе доказательствомъ въ пользу приведеннаго мнѣнія. При этомъ пожираніи, хищниками оказывается сравнительно небольшое число индивидуумовъ, и это число по всѣмъ вѣроятіямъ имѣетъ хищнческія наклонности помимо всякаго голода — тогда какъ большинство будетъ питать непреодолимое отвращеніе къ вкусу и запаху крови и, несмотря на голодь, не сдѣлаются плотоядными.

Между всѣми этими явленіями, — внутренними причинами, существующими самому организму, причинами его нервной или, вѣрнѣе, психической дѣятельности — существуетъ одно явленіе, въ кото-

ромъ, безъ всякаго сомнѣнія, выражается съ очевидной ясностью эта психическая дѣятельность. Я говорю о *мимичности* или *мимитизмъ* животныхъ—явленіе, на которое могутъ имѣть вліянія внѣшнія біологическія причины, но починъ котораго безспорно принадлежитъ отчасти психической, отчасти фізіологической дѣятельности самого организма. Подъ этими явленіями, впервые указанными Бэтсомъ и затѣмъ съ бѣльшей полнотой и ясностью разработанными Уоллесомъ, разумѣются всѣ тѣ случаи, гдѣ какою-нибудь животное подражаетъ или, правильнѣе говоря, копируетъ другое, защищенное отъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ случайностей или отъ нападений хищниковъ какими-нибудь особенностями организаціи. Въ эту же категорію относятся всѣ тѣ случаи, когда животное принимаетъ видъ или окраску предметовъ, которые не могутъ служить цѣлью для преслѣдованія хищниковъ. Наконецъ, сюда же относятся тѣ случаи, гдѣ самъ хищникъ или паразитъ принимаетъ ту окраску или тотъ видъ животныхъ и предметовъ, подъ которыми онъ дѣлается незамѣтнымъ для своей добычи. Такъ, напр., степныя животныя обыкновенно принимаютъ цвѣтъ, близкій къ цвѣту песка степей, на которомъ они становятся незамѣтными для глаза. Нѣкоторые пауки принимаютъ плоскую форму и сѣрый цвѣтъ, благодаря которымъ ихъ нельзя отличить отъ сѣрыхъ досокъ забора, на которыхъ они поджидаютъ свою добычу. Другіе пауки имѣютъ одноцвѣтное, ярко-желтое тѣло, благодаря которому они дѣлаются незамѣтными на желтыхъ цвѣтахъ, на которыхъ они поджариваютъ пчелъ и мухъ. Одинъ миниатюрный рачекъ изъ фауны Бѣлаго моря живетъ цѣлыми стадами на прибрежныхъ камняхъ. Цвѣтъ его тѣла бываетъ весьма различенъ и подходит какъ разъ подъ цвѣтъ тѣхъ камней, на которыхъ онъ встрѣчается. Два вида индійскихъ бабочекъ, изъ рода *Kallima*, имѣютъ нижнюю сторону крыльевъ удивительно сходную по формѣ и цвѣту съ засохшимъ листомъ, тогда какъ верхняя сторона этихъ крыльевъ ярко покрашена. Благодаря этому обстоятельству, бабочки могутъ мгновенно пропадать изъ глазъ, садясь на вѣтки деревьевъ, отъ засохшихъ листьевъ которыхъ они почти ничѣмъ не отличаются. Нѣкоторые паразиты, напр., мухи изъ рода *Volucella*, до того похожи на шмелей, въ гнѣздахъ которыхъ они водятся, что сами хозяева этихъ гнѣздъ не могутъ отличить ихъ отъ своихъ собратій. Но всего удивительнѣе въ ряду этихъ явленій почти буквальное подражаніе однихъ насѣкомыхъ другимъ, принадлежащимъ къ различнымъ семействамъ и даже различнымъ порядкамъ. Въ особенности рѣзки и

наглядны эти случаи между бабочками. При этомъ въ подражающемъ насѣкомомъ измѣняется почти вся, по крайней мѣрѣ наружная организація. Такъ, напр., дневныя бабочки изъ семейства периды, съ широкими, округленными и большей частью бѣлыми крыльями, копируютъ почти всю организацію бабочекъ изъ семейства геликонидъ. Ихъ крылья становятся длинными и заостренными, — а туловище вытягивается; точно также удлинняются и утолщаются на концахъ усики. Но всего замѣтнѣе эта копіровка выражается въ цвѣтѣ и цвѣторасписаніи крыльевъ, на которыхъ съ полной пунктуальностью воспроизводятся цвѣтъ и форма всѣхъ полосъ и пятенъ. Укажу еще на примѣръ бабочки *Sezia arifogmis*, весьма не рѣдко попадающейся въ фаунѣ средней полосы Европы, и напоминающей складомъ тѣла, цвѣтомъ его и формой прозрачныхъ крыльевъ однихъ изъ обыкновенныхъ видовъ осы.

Разсматривая фізіологическія причины этихъ странныхъ явленій, мы принуждены обратиться прежде всего въ внѣшней, болѣе замѣтной сторонѣ этихъ явленій. Давно извѣстенъ фактъ, что животныя могутъ, повидимому, произвольно принимать цвѣта окружающихъ предметовъ. Въ особенности развита эта способность у хамелеона, котораго тѣло можетъ принимать разнообразныя цвѣта, начиная отъ бурога, почти чернаго, затѣмъ зеленаго и блѣдножелтаго. Фізіологическая сторона явленія кроется въ пигментальныхъ клѣткахъ кожи, сильно сжимающихся и расширяющихся и вслѣдствіе интерференціи или прямыхъ, отраженныхъ, цвѣтныхъ лучей, дающихъ тотъ или другой цвѣтъ. Эти клѣтки связаны съ нервными аппаратами, которые, какъ кажется, соединяются съ нервами симпатической системы. Во всякомъ случаѣ, это только небольшая и притомъ чисто-фізіологическая часть явленія. Въ цѣломъ оно представляется несомнѣннымъ психическимъ актомъ.

Отъ этого одиночнаго, элементарнаго случая, мы можемъ прямо перейти къ явленіямъ окраски въ случаяхъ мимичности. То, что представляется у хамелеона подвижнымъ, неокрѣпшимъ, неустановившимся, то является въ случаяхъ мимичности направленнымъ въ извѣстную какую-нибудь сторону и закрѣпленнымъ. Такимъ образомъ, напр., является окраска степныхъ животныхъ или окраска въ вышеприведенныхъ примѣрахъ пауковъ и рачковъ.

Идя далѣе, намъ невольно представляется вопросъ: не могутъ ли и другія части организма, подобно пигментальнымъ клѣткамъ кожи, измѣняться въ формѣ или величинѣ, только, разумѣется, это измѣненіе будетъ не моментальное, а болѣе или менѣе продолжительное, переходящее и закрѣпляющееся черезъ нѣсколько по-

колѣній? Но во всякомъ случаѣ, путь дѣйствія и тамъ и здѣсь будетъ одинаковъ. Вышніе предметы, дѣйствуя на глазъ и нервныя центры, а затѣмъ въ качествѣ измѣненныхъ рефлексовъ, отражаются на томъ или другомъ органѣ или даже на цѣломъ складѣ тѣла. Разумѣется, это не объясненіе, но только, такъ сказать, намѣкъ на общій путь дѣйствія. Этотъ путь, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ это общій физиологическій путь всѣхъ измѣненій, но частности его—дѣло совершенно тѣмное. Сомнительнымъ представляются здѣсь сознательные рефлексы. По нѣкоторымъ соображеніямъ, кажется, вѣрнѣе допустить, что они бессознательны. Такъ, напр., въ случаяхъ мимичности насѣкомыхъ, мы видимъ, что тѣ формы, которымъ подражаютъ другіе виды, весьма обыкновенны, сильно распространены. Они удержались, благодаря ихъ неприятому запаху или вкусу, который отталкиваетъ отъ нихъ хищниковъ. Формы подражающія, встрѣчая чуть не на каждомъ шагу эти общераспространенныя, привилегированныя виды, невольно удерживаютъ въ своихъ нервныхъ центрахъ впечатлѣніе общей формы и цвѣта этихъ насѣкомыхъ; а затѣмъ это впечатлѣніе отражается бессознательно на ихъ собственной организаціи ¹⁾.

Мы приходимъ теперь къ послѣднему явленію въ ряду тѣхъ измѣненій, которые слѣдуетъ назвать психическими. Въ этомъ явленіи психическая жизнь достигаетъ полнаго гармоническаго отношенія и сообразно осложненію организма представляетъ соотвѣтствующую ему степень.

Это гармоническое отношеніе выражается въ извѣстной пропорціональности органовъ и ихъ отправленій, въ полной подчиненности ихъ нервной системѣ и въ нѣкоторомъ преобладаніи этой послѣдней, по крайней мѣрѣ у высшихъ формъ, надъ другими системами органовъ. Для поясненія этого опредѣленія обратимъ къ примѣру. Между морскими звѣздами Бѣлаго моря попадаетъ довольно часто небольшая звѣзда изъ рода—*Ophiopholis*, представляющая довольно большое количество индивидуальных измѣненій. Между всѣми ними можно ясно замѣтить двѣ категоріи. Одни экземпляры имѣютъ болѣе короткіе и толстые лучи

¹⁾ Въ физиологіи актъ подражательности составляетъ нетронутый вопросъ. Вообще можно сказать, что предметъ подражанія занимаетъ всегда активное, господствующее мѣсто, тогда какъ подражающій организмъ является пассивнымъ. Чѣмъ сильнѣе, рѣзче характеръ челоука, тѣмъ скорѣе подражаетъ ему окружающіе его звѣри и лица. Извѣстно, что грудная дѣти принимаютъ выраженіе лица ихъ нянекъ или кормилицъ. Складъ организаціи супруговъ, разумѣется въ общихъ чертахъ, обыкновенно влчается взаимно и обобщено.

съ короткими и толстыми шипами — лучи, выходящіе изъ объемистаго, растяжимаго тѣла, скрывающаго также объемистый, растяжимый желудокъ. Такіе экземпляры отличаются болѣе скромными красками и одноцвѣтностью. Другая категория представляетъ формы съ болѣе тонкими и длинными лучами, усаженными также тонкими, заостренными шипиками. Тѣло этихъ звѣздъ не представляетъ такого объемистаго желудка и имѣетъ пестрое, довольно яркое цвѣторасписаніе. Первые звѣзды способны много ѣсть, ихъ движенія сильны, но неуклюжи, угловаты, медленны и неповоротливы. Желудокъ вторыхъ, мало растяжимый, можетъ переваривать за-разъ очень мало пищи. Ихъ движенія легки, плавны и быстры. Въ этихъ индивидуумахъ всѣ органы представляются намъ болѣе пропорціональными, болѣе гармоническими въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ первомъ типѣ мы видимъ явственный перевѣсъ животной или, вѣрнѣе, растительной жизни. Второй является выраженіемъ психической жизни. Эта двойственность въ формахъ попадаетъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства. Ее можно подмѣтить почти во всѣхъ видахъ. Отто Карусъ указалъ на признаки ея у человѣка. Онъ указалъ, что въ типахъ сложенія человѣческой руки можно найти два типа. Однѣ руки имѣютъ широкія, мускульныя ладони съ крѣпкими, толстыми и короткими, какъ-бы обрубленными пальцами. Такія руки Карусъ называетъ *моторными*. Онѣ существуютъ у людей, у которыхъ инстинкты животной или растительной жизни преобладаютъ, у людей съ сильно развитой мышечной системой и съ чувствами менѣе тонкими и воспріимчивыми. Другой типъ рукъ, которыя Карусъ называетъ *психическими*, — имѣетъ узкіе длинные пальцы, — и также узкую, сухощавую, не мускульную ладонь. У людей съ такими руками нервная система, а вмѣстѣ съ ней и психическая жизнь преобладаетъ надъ жизнью животной. Это люди чуткихъ, воспріимчивыхъ чувствъ, люди ума, интеллигенціи. Понятно, что въ обоихъ типахъ и преимущественно въ послѣднемъ могутъ быть уклоненія или крайности, — люди съ болѣзненно развитой нервной системой, или люди черезъ-чуръ сангвиническіе. Мышечная система и мышечная жизнь настолько же необходимы для организма, какъ и всѣ другія системы, и только полная гармонія между ними можетъ установить настоящую *психическую* жизнь. При этой гармоніи нѣтъ преобладанія ума надъ чувствами или наоборотъ — сердца надъ умомъ. Въ жизни едвали попадаются случаи такихъ гармоническихъ отношеній, но, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что развитіе идетъ въ такой гар-

моніи, идетъ, какъ и вездѣ, медленно совершая колебанія въ ту или другую сторону, приближаясь повидимому къ этой границѣ равновѣсія, но не достигая ея на самомъ дѣлѣ,—а двигаясь въ бесконечность, пользуясь именно этими колебаніями какъ стимулами для своего движенія.

Замѣчу встать, что гармоническія отношенія психической жизни въ то же время могутъ выражать намъ то, что называютъ эстетическими отношеніями или пропорціями. Эти отношенія могутъ встрѣчаться вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ царства животныхъ. Они могутъ выражаться или частично, наружно въ эстетическомъ подборѣ красокъ тѣла, рисунка пятенъ и полосъ, или въ общемъ складѣ тѣла, въ статяхъ его. Считаю излишнимъ указывать всѣмъ извѣстные примѣры красивыхъ кошекъ, собакъ, лошадей, но не лишнимъ считаю замѣтить, что эти эстетическія пропорціи являются яснѣе выраженными въ домашнихъ животныхъ, т.-е. въ тѣхъ формахъ, которыхъ выводъ подвергается эстетическому вліянію человѣка.

Представивъ въ общихъ чертахъ весь кругъ психическихъ движеній, обратимся теперь къ вопросу, поставленному въ предыдущей главѣ,—къ вопросу, какая сила приводитъ организмъ въ дѣятельное состояніе или, точнѣе выражаясь, что принуждаетъ его къ дѣятельности. Немного подумавъ, мы найдемъ отвѣтъ на первую, ближайшую сторону этого вопроса. Главный начальный двигатель всѣхъ жизненныхъ явленій—есть *инстинктъ жизни*. Каждое растение и каждое животное ищетъ пищи, воздуху, свѣту, тепла, ищетъ всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые входятъ въ кругъ обмѣна веществъ и силъ. Каждый организмъ чувствуетъ свою зависимость отъ внѣшняго міра и до конца своей жизни представляетъ *regretium mobile* этого обмѣна. Но, разумѣется, не въ немъ лежитъ двигатель прогрессивныхъ явленій. Если бы каждый организмъ удовлетворялъ только насущнымъ потребностямъ жизненныхъ инстинктовъ, то онъ или бы сохранилъ навсегда, въ своемъ потомствѣ, неизмѣнное *statu quo*, или даже пошелъ бы назадъ, въ сторону регресса, избравъ паразитическую жизнь или какой-либо другой, болѣе легкій путь удовлетворенія этой потребности жизни.

Двигатель прогресса лежитъ въ самомъ организмѣ, онъ прямо опредѣляется тѣмъ физиологическимъ закономъ, на который мы выше указали, закономъ упражненія, закономъ безостановочной, постоянной дѣятельности всѣхъ органовъ. Но самая эта дѣятельность зависитъ отъ болѣе или меньшей энергіи, съ ко-

торой дѣйствуетъ протоплазма кѣлѣтокъ организма. Такимъ образомъ мы приходимъ къ послѣднему, едва ли разрѣшимому при наличныхъ научныхъ данныхъ вопросу, къ вопросу: что обуславливаетъ большую или меньшую дѣятельность протоплазмы? Очевидно, этотъ вопросъ входитъ въ молекулярное строеніе. Онъ касается такихъ тонкихъ свойствъ, какъ влеченіе, склонности организмовъ, для объясненія которыхъ Геккель предложилъ свое произвольное предположеніе о существованіи «одушевленныхъ пластидулъ».

Оставляя этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, мы тѣмъ не менѣе ясно и опредѣленно можемъ видѣть результаты этого внутренняго дѣятеля, этого возбудителя энергіи организма. Мы видимъ эти результаты въ прогрессивныхъ и регрессивныхъ формахъ родовъ, видовъ и видоизмѣненій. Какъ рѣзкій образчикъ этого явленія, могу привести два очень близкихъ вида червей бѣломорской фауны, принадлежащихъ къ роду *Polupoë*. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти виды составляли первоначально только индивидуальныя измѣненія одной и той же формы. Но одно изъ этихъ видоизмѣненій вело дѣятельную, активную жизнь, тогда какъ другое обазывало наклонность къ пассивному кѣлѣтизму. У обоихъ видовъ тѣло, какъ и у всѣхъ видовъ *Polupoë* — умѣренной длины, но у формы прогрессивной оно нѣсколько тоньше и плоче, чѣмъ у формы консервативной. Ножки обоихъ формъ несутъ сверху щитовидныя пластиночки, которыя прикрываютъ спину животнаго. Но у формы консервативной эти пластинки толстыя, тяжелыя, прикрываютъ всю спину, и на средней ея линіи накладываются одна на другую чешуеобразно. У формы прогрессивной эти пластинки, тонкія и легкія, никогда не достигаютъ такихъ сильныхъ размѣровъ и вовсе не покрываютъ спину животнаго. Тѣло прогрессивной формы, прямое и стройное, легко изгибающееся змѣеобразно или волнообразно, несетъ голову обращенную прямо впередъ. Тѣло консервативной формы, толстое, неуклюжее, легко свертывается вольцомъ, причеиъ голова всегда обращена внизъ, и прячется подъ первыми покрывальными щитками. Точно также прячутся подъ этими щитками и усики червя. Всякое малѣйшее раздраженіе, уколъ, толчокъ, или даже простое прикосновеніе вызываютъ тотчасъ же у прогрессивной формы быстрые и сильные рефлексы. Она сильно волнообразно изгибается, или бросается впередъ и уплываетъ. Консервативная форма на легкія прикосновенія вовсе не отвѣчаетъ. Только сумма ихъ или сильныя раздраженія, уколы и толчки заставляютъ ее сперва

загнуть голову и спрятать ее подъ покровные щитки, а затѣмъ свернуть все тѣло кольцомъ. Это тѣло снизу имѣетъ сильную вантузу, занимающую всю длину его. Она образовалась изъ тѣхъ продольныхъ мышечныхъ лентъ, которыя у прогрессивной формы тинутся снизу по обѣимъ сторонамъ средней линіи тѣла. Благодаря этой вантузѣ, червь можетъ плотно присасываться, приставать къ какимъ-нибудь подводнымъ предметамъ, такъ что никакія волны не могутъ снять его съ этого надежнаго якоря. Однимъ словомъ, первая прогрессивная форма съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе легкаго, подвижнаго, стройнаго существа, тогда какъ вторая представляется неуклюжимъ, неповоротливымъ, тяжелымъ червемъ. Первая форма—хищникъ, съ особеннымъ приспособленіемъ въ его глотковомъ вооруженіи. Вторая всеядникъ, который питается—безразлично—остатками животныхъ и растений. У первой преобладаетъ нервная система и въ особенности органы чувствъ. Ея усики, ея щупальцы тоньше и стройнѣе, нервы покровныхъ пластинокъ сильнѣе развѣтвлены. У второй преобладаетъ кровеносная система, которая дѣлаетъ петли и извилины около центровъ нервной системы. Въ первой формѣ мы видимъ несомнѣнный перевѣсъ жизнедѣятельности, энергіи, подвижности, во второй—вялость, апатичность, индеферитизмъ, и во всякомъ случаѣ сильное стремленіе къ квіетизму. Это двѣ расходящіяся линіи, по которымъ одни организмы идутъ впередъ по пути прогресса, другіе уклоняются въ сторону, идутъ назадъ и регрессируютъ. Правда, мы и въ послѣдней консервативной формѣ находимъ прогрессивныя явленія: болѣе сильное развитіе мышцъ, кровеносной системы, покровныхъ, защищающихъ пластинокъ и т. д. Но этотъ прогрессъ односторонній, въ сторону бездѣйствія и растительной жизни. Если организмъ пошелъ въ эту сторону, то энергія его жизненныхъ процессовъ—тѣхъ процессовъ, въ которыхъ выражается психическая, и даже животная жизнь—должна ослабѣть, потому что нѣтъ стимуловъ для ея развитія, нѣтъ работы, упражненія ея органовъ.

Стремленіе въ квіетизму настолько же свойственно организованной природѣ, какъ и стремленіе къ дѣятельности. Благодаря этому стремленію, мы видимъ въ настоящее время громадное число разнообразнѣйшихъ типовъ животныхъ и растений, неизмѣнно сохранившихъ свое *statu quo* въ теченіи громаднаго періода времени, котораго цифра должна считаться, можетъ быть, милліонами лѣтъ. Этотъ консерватизмъ, съ одной стороны, вытекаетъ какъ неизбежное слѣдствіе свободы развитія, а съ дру-

гой онъ составляетъ существенную его необходимость — какъ самое вѣрное, надежное средство закрѣпленія вновь выработанныхъ свойствъ и особенностей организаціи. Но явленія не останавливаются на одномъ консерватизмѣ, они спускаются глубже внизъ, по пути регресса. Каждый организмъ существуетъ среди борьбы за существованіе, онъ окруженъ врагами изъ среды организмовъ и неорганической природы. Онъ долженъ защищаться — и эти средства защиты являются въ двухъ формахъ: активной и пассивной. Онъ развиваетъ или рога, острые зубы, быстрый бѣгъ, крѣпкія копыты, острые когти — или прячется подъ иглами, крѣпкими, толстой кожей, крѣпкими роговыми щитами и твердой раковинной. Разъ вступивъ на этотъ пассивный путь самосохраненія — онъ успокаивается, его дѣятельность слабѣетъ, возбужденія затихаютъ, и только энергически работаютъ процессы растительной жизни, откладывающіе въ его покровахъ массу инертныхъ минеральныхъ солей. Это одностороннее развитіе идетъ, наконецъ, въ ущербъ всѣмъ существенно-необходимымъ процессамъ, и организмъ вымираетъ массами, цѣлыми генераціями, остатки которыхъ въ видѣ немовѣрно толстыхъ раковинъ мы находимъ нынѣ въ пластахъ геологическихъ.

Еще прискорбнѣе положеніе тѣхъ формъ, которыя нашли болѣе легкій, удобный путь жизни на счетъ крови другихъ органовъ. Паразитизмъ прямо переводитъ организмъ со ступени животной на ступень растительной жизни. Каждый паразитъ представляетъ отсутствіе всякой энергіи. Его дѣятельность ничтожна, упражненія органовъ не существуетъ, возбужденія и впечатлѣнія почти совершенно исчезаютъ. Неудивительно послѣ этого, что нѣкоторые паразиты въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія, какъ, напр., пузырчатая глиста, представляютъ просто неподвижный, лишенный всякихъ органовъ мѣшокъ, наполненный питательнымъ сокомъ. У такихъ организмовъ всѣ органы мало-по-малу разрушаются и наконецъ исчезаетъ нервная система — это необходимое орудіе развитія, осложненія психической жизни.

Совсѣмъ иная картина является тамъ, гдѣ организмы полны энергіи жизни, гдѣ каждый органъ ихъ постоянно дѣятельно работаетъ и идетъ впередъ ¹⁾. Строеніе такихъ организмовъ посте-

¹⁾ Считаю не лишнимъ напомнить здѣсь, что сила индивидуальной дѣятельности имѣетъ предѣлъ, дагдѣ котораго она становится разрушительной для организма. Всякое напряженіе до истощенія — вредитъ составу органовъ. Всякая затрата требуетъ матеріала, и если этого матеріала нѣтъ на лицо, то усиленная дѣятельность организма поведетъ за собой разрушеніе, а не прогрессъ.

ленно проходя ряды поколѣній, совершенствуется. Всѣ органы приходятъ въ болѣе тѣсную связь и гармонию. Новыя впечатлѣнія вызываютъ новыя отвѣты и приспособленія. Раздѣленіе физиологическаго труда постоянно специализуется. Органы группируются сообразно удобствамъ физиологическаго хозяйства. Наконецъ нервная система, а вмѣстѣ съ ней и психическая жизнь достигаютъ полнаго господства надъ всѣми другими системами органовъ.

Таковъ общій ходъ прогрессивныхъ явленій и таковы результаты тѣхъ индивидуальных измѣненій, которыя начинаются съ легкой незамѣтной разницы протоплазмы кѣловокъ каждаго организма и приводятъ все развитіе къ возможному совершенству психической жизни.

Н. Вагнеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЕГИПЕТЪ.

Песокъ сыпучій раскаляя
Своимъ полуденнымъ огнемъ,
Сверкаетъ солнце, и нѣмая
Пустыня стелется кругомъ.

Надъ міромъ зной лежитъ какъ бремя,
Ничто не вздрогнетъ, не вздохнетъ,
И чудится, что даже время
Остановило свой полетъ.

Но въ мысляхъ длинной чередою
Встаютъ минувшіе вѣка,
И вижу я: передо мною
Въ пустыню таятся войска;

И надъ наслѣдьемъ Фараоновъ,
Тревожа царственный ихъ сонъ,
Звенить оружье легионовъ,
И битвы шумъ, и громъ, и стонъ...

Со всѣхъ концовъ стекаясь свѣта,
Воителей проходить рядъ;
Сверкаетъ мѣсяцъ Магомета,
Знамена Франціи шумять.

Но всё прошли; среди равнины
Ихъ не отыщешь и слѣда;
Съ пустынею давно шамсины
Опять сравняли города.

Но вѣру прежнюю народа
Все стережетъ еще гранитъ,
И, неизмѣнна какъ природа,
Ея печать вездѣ лежитъ.

Пусть культъ таинственный Изиды
Давно ужъ вытѣснилъ исламъ:
Стоять все тѣ же пирамиды
И тотъ же мрачный Мокатамъ;

Полузасыпанный песками
Все такъ же сфинксъ еще лежитъ;
И солнце знойными лучами
Пустыню мертвую палитъ.

И не-хотя въ прозрачномъ морѣ,
Надъ моремъ желтаго песка,
Плывутъ какъ тѣни на просторѣ
И снова тонуть облака.

* * *

Шумить, и бушуетъ, и пѣнится море;
Гроза разыгралась далеко кругомъ,
И плачетъ, и стонетъ она на просторѣ;
Съ пронзительнымъ свистомъ сливается громъ.

Все мутно. Несутся валы за валами,
Лишь чайка севозъ сумракъ бѣлѣтъ порой,
Кружится, какъ призракъ зловѣщій надъ нами,
И быстро мелькаетъ, и спорить съ волной.

Корабль то съ трудомъ поднимается въ гору,
То въ темную бездну стрѣлою летить;
А мачта отъ тяжкаго вихря напору
Сгибается, стонетъ и грозно трещать.

И въ хаосъ сливаются дикіе звуки.
Но нѣжную пѣсню я слышу севозъ громъ.
Она такъ полна и желанья и муки,
А голосъ волшебный мнѣ милъ и знакомъ.

На сѣвѣрѣ дикомъ далеко, далеко,
Надъ бездною замковъ старинный стоитъ—
Стоитъ онъ въ шотландскихъ лѣсахъ одиноко
И на море мрачно съ утеса глядитъ.

Съ узорными стеклами окна открыты,
И смотритъ красавица блѣдная вдаль;
А вѣтеръ играетъ мудрыми сердито;
Въ очахъ ея влажныхъ мольба и печаль;

Въ рукахъ у ней арфа звенить золотая,
Она и играетъ на ней, и поетъ;
Надъ моремъ бушующимъ, вѣтеръ, рыдая,
Унылую пѣсню далеко несетъ.

ПРОКЛЯТІЕ ПѢВЦА.

ИЗЪ УЛАНДА.

Стоялъ когда-то замокъ, весь въ зелени садовъ,
Онъ возвышался гордо до дальнихъ береговъ.
Молва о немъ гремѣла, и множество ключей
Вокругъ него играло, средь радугъ и огней.

И тамъ сіялъ на тронѣ король—онъ былъ могучъ;
Но былъ угрюмъ и блѣденъ, какъ молнія межъ тучъ;
Изъ-подъ бровей нависшихъ сверкалъ зловѣщій взоръ,
Что слово было—пытки, что подпись—приговоръ.

Явились разъ въ тотъ замокъ вдвоемъ издалека
Пѣвцы; сѣдыя вудри вились у старика;
Онъ былъ верхомъ и арфу держалъ передъ собой,
А рядомъ съ нимъ шелъ бодро товарищъ молодой!

«Ну», молвилъ, подѣвжая, старикъ: «мой сынъ, смотри,
Припомни пѣсни наши, всѣ силы собери,
До каменнаго сердца свой пролагая путь,
Пусть звуки ихъ владыкѣ ворвутся прямо въ грудь!»

И вотъ они ужъ въ залѣ, средь мраморныхъ колоннъ,
Предъ ними, возвышаясь, стоитъ богатый тронъ;
На немъ, во всемъ величьи, король угрюмъ, могучъ;
Жена его съ нимъ рядомъ: кротка, какъ лунный лучъ.

Старикъ ударилъ въ струны искусною рукой:
Проснулась буря звуковъ; но голосъ молодой,
Надъ ними возвышаясь, ихъ волны покрывалъ;
Старикъ порою вторилъ, какъ эхо между скалъ.

Они поютъ о счастьѣ, о юности, веснѣ,
 Они поютъ о прошломъ, о чудной старинѣ,
 О чести и свободѣ, поютъ о всемъ святомъ,
 Что сердцу близко, мило,—но часто дремлетъ въ немъ.

Забывши смѣхъ обычный, молчить придворныхъ рой
 И воины, въ раздумьѣ, понизили головой;
 Пѣвцы вдругъ оживили забытыя мечты,
 Царица, въ умиленьи, бросаетъ имъ цвѣты.

Король же, разъяренный, кричитъ, схвативши мечъ:
 «Народъ мой возмутивши, теперь ужъ вы увлечъ
 Жену мою хотите!» Блеснула сталь—и вотъ,
 Упалъ пѣвецъ убитый; рѣвою кровь течетъ.

Разсѣяны мгновенно всѣ грѣзы и мечты,
 Какъ бурей налетѣвшей осенніе листья;
 Старикъ пѣвца уносить и на сѣдло владетъ
 И медленно, съ нимъ рядомъ, выходитъ изъ воротъ.

Но, вотъ, онъ на мгновенье коня остановилъ
 И арфу золотую о камни раздробилъ.
 Вздогнули стѣны, своды; въ садахъ пронесся стонъ,
 Старикъ возвысилъ голосъ и грозно молвилъ онъ:

«О, горе вамъ, волонны, дворецъ среди садовъ!
 Здѣсь будутъ только стоны звучать, шаги рабовъ,
 Не слышно будетъ пѣнья, ни струнъ въ твоихъ стѣнахъ,
 Пока тебя духъ мщенья, сваливъ, не втопчетъ въ прахъ!

И вамъ,—вамъ также горе, сады, луга, цвѣты!
 Блится вы нынѣ въ сѣнѣхъ красоты,
 Но станете пустыней: засохнуть всѣ ключи
 И будутъ жечь васъ въ полдень палящіе лучи.

Тебѣ, убійца, горе! ты язва, бичъ пѣвцовъ,
 Ты тщетно ищешь славы и лавровъ, и вѣнковъ,
 Твое забудутъ имя,—во мракъ погружено,
 Какъ легкой шелестъ вихремъ развѣется оно».

Молениямъ небо вяло: давно упали въ прахъ
И стѣны, и колонны; одна о прежнихъ дняхъ,
О блескъ прежней славы одна намъ говорить,
И та ужъ наклонилась, и та упасть грозить.

Кругомъ вездѣ пустыня, ни тѣни, ни садовъ,
И не бѣжитъ гремячій ручей среди песковъ;
Всѣ имена забыты—забыты до конца:
Надъ королемъ свершилось проклатіе пѣвца.

К. Н. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

ИНДѢЙСКІЯ СКАЗКИ

Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1876 году
И. П. Минаевымъ. Спб. 1877.

Профессоръ Минаевъ — первый русскій путешественникъ, отправившійся въ Индію съ научною цѣлью и научно для того приготовленный, знакомъ читателямъ «Вѣстника Европы» по его путевымъ нисьямамъ, появившимся на страницахъ этого журнала. Теперь явились, какъ первый научный результатъ путешествія г-на Минаева, индѣйскія сказки, собранныя имъ въ Камаонѣ; явились онѣ пока въ русскомъ переводѣ, предназначенномъ главнымъ образомъ для нашихъ специалистовъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ народнаго творчества, или же интересующихся всякимъ новымъ этнографическимъ матеріаломъ. Съ этой точки зрѣнія я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о сборникѣ, другія стороны котораго остаются закрытыми для меня, какъ не-ориенталиста.

Камаонъ — англійская провинція, лежащая къ сѣверу отъ Рохилханда; къ востоку она граничитъ съ Непаломъ, на западѣ рѣки Кáли и Алакананда отдѣляютъ ее отъ Гарвала, а на сѣверѣ высокіе Гималаи отъ Тибета. Г-нъ Минаевъ провелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ этой красивой горной области; первоначальное не-арійское населеніе ея подверглось съ давняго времени влиянію арійской колонизаціи, надвигавшейся съ юга. Святые мѣста въ Гималаяхъ существовали въ глубокой древности: сюда являлись пилигримы, изъ нихъ нѣкоторые могли оставаться здѣсь на житье; такимъ образомъ, среди туземнаго, первоначально не-арійскаго населенія, явилось ядро болѣе культурныхъ арійскихъ пришельцевъ; вначалѣ, слабые числомъ, но духовно гораздо бо-

лѣ развитые, арийцы мало по-малу стали подчинять себѣ окончательно туземныя племена. «Брахманизмъ,—замѣчаетъ г-нъ Минаевъ,—отличается необыкновенною экспансивностью: онъ не распространяется словомъ кроткой проповѣди, не уничтожаетъ мечомъ и огнемъ чуждыя ему вѣрованія, но, сталкиваясь съ ними, ассимилируетъ ихъ себѣ, принимаетъ ихъ въ себя, отводитъ имъ известное мѣсто въ своей системѣ, и, разрастаясь такимъ образомъ въ своемъ содержаніи, въ то же время получаетъ необыкновенную способность распространяться между племенами, стоящими на болѣе низкой степени социальнаго и религіознаго развитія. Брахманизмъ, поработая себѣ эти племена, не дѣйствуетъ отрицательно, не говоритъ имъ: ваши боги не существуютъ, не суть боги; онъ утверждаетъ, напротивъ, что эти боги дѣйствительно существуютъ, но суть низшія проявленія *его* боговъ. Результатъ таковой уступки былъ всегда и всюду одинъ и тотъ же: племена низшія по культурному развитію, мало по-малу, подчинялись брахманскому вліянію и входили въ брахманическое общество, т. е. образовывали новую касту, признавали грандіозныхъ индусскихъ боговъ, но болѣе вѣрили въ своихъ собственныхъ, старыхъ, и усерднѣе молились имъ. За религіознымъ подчиненіемъ чуждыхъ племенъ слѣдовало ихъ социальное поработаніе брахманскому вліянію. Таковой процессъ территоріальнаго развитія брахманизма, продолжающійся до сихъ поръ въ Индіи, восходитъ въ глубокую древность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Камаонѣ, вмѣстѣ съ арийскою колонизаціею, повторились тѣ же самыя явленія; объ этомъ можно догадываться по результатамъ: думы, кхасы,—племена неизвѣстнаго происхожденія,—говорятъ въ настоящее время арийскимъ нарѣчіемъ, перестали быть народностями и сдѣлались—кастами».

Эти этнографическія и культурныя смѣшенія, которыя не могли не сопровождаться обоюдными вліяніями, дѣлаютъ особенно интереснымъ изученіе Камаона — въ направленіи, которое теперь указано г-мъ Минаевымъ. «Въ обычаяхъ, повѣрьяхъ, и особенно въ самомъ языкѣ Камаона,—говоритъ онъ,—при болѣе полномъ и точномъ изученіи, откроется еще много слѣдовъ прошлой жизни, разъяснится, насколько сами арийцы подверглись вліянію тѣхъ чуждыхъ племенъ, которыя они ассимилировали себѣ». Таковой именно вопросъ возбуждается по поводу культа демоновъ-предковъ и соединеннаго съ нимъ культа камней. Вѣра въ существованіе бхутовъ или демоновъ распространена по всей Индіи, и въ каждой провинціи есть свои собственные мѣстные демоны. Такъ и въ Камаонѣ. Число демоновъ не ограничено или, вѣрнѣе,

никого хорошенько не знаетъ, сколько ихъ, какъ ихъ звать и какая у каждаго изъ нихъ исторія. Вообще говорятъ, что бхутами дѣлаются по смерти знаменитые люди, напримѣръ, силачи или люди, умершіе какою-нибудь насильственной смертью: умерщвленные, утопленники, мертвецы, надъ которыми не были въ свое время совершены погребальные обряды. Наивная фантазія камаонскихъ горцевъ заселила бхутами горы, пещеры; имъ строятся часовни, приносятся жертвы, возносятся особыя молитвы; ихъ почитаютъ въ образѣ камней. «Какъ боговъ камни чтить онъ», — говорится о Дарпани-борѣ, въ началѣ 4-й легенды; въ разстояніи одного дня отъ Алморы есть камень, изображающій божество, нѣкогда жившее на землѣ и бывшее знаменитымъ силачомъ. Если вспомнить, что думы, нѣкогда туземный не-арійскій народецъ, нынѣ обратившійся къ состоянію касты, имѣеть, кромѣ индусскихъ и своихъ собственныхъ боговъ, которыхъ они чтутъ въ видѣ камней, — то легко предположить, что культъ демоновъ — предковъ и камней, восходитъ ко временамъ до-арійской колонизаціи». Г-нъ Минаевъ дѣлаеть по этому поводу нѣсколько сближеній: «то же вѣрованіе повторяется у бхотійцевъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ страны, у горныхъ проходоу въ Тибетъ. Бхотійцы чтутъ всѣхъ вообще предковъ и воздвигаютъ для нихъ памятники: на вершинахъ горъ, вблизи своихъ деревень складываютъ камни. Тѣ же изъ умершихъ, которые чѣмъ-либо отличились при жизни, пользуются еще большимъ почетомъ: изъ серебра или камня дѣлаются ихъ изображенія, въ память о нихъ устанавливается празднество, и въ этотъ день изображеніе знаменитаго предка разносится по деревнѣ; ему дѣлають приношенія, возносятся молитвы. Такое обожаніе предковъ встрѣчается у многихъ гималайскихъ племенъ не-арійскаго происхожденія. Такъ у гуруновъ — дѣдъ, отецъ, братъ по смерти дѣлаются богами. Умершаго дѣда они называютъ «kuldevatā» т.-е. семейное божество; для умершаго отца или брата имѣють другое названіе: «bayo». Этимъ богамъ приносятъ жертвы, воздвигаютъ родъ часовень: слагають изъ камней небольшія зданія, въ которыхъ ставятъ столько камней, сколько умерло дѣдовъ, отцовъ или братьевъ. Сопоставляя эти факты съ тѣмъ, что намъ извѣстно о бхутахъ у арійскихъ племенъ Камаона, г-нъ Минаевъ задаетъ себѣ вопросъ: вѣрованіе въ бхутовъ есть ли исконно-арійское, или же въ немъ сохранился наметъ на племенное смѣшеніе камаонцевъ, и мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ вѣрованій не-арійскихъ?

Такіе двойственные вопросы, только на этотъ разъ въ нѣсколько иномъ приложеніи, поднимаются въ умѣ читателя при

ближайшемъ знакомствѣ съ сборникомъ г. Минаева. Сборникъ состоитъ изъ сказокъ (№№ 1—47) и легендъ (№№ 1—23). Первые, представляющія образцы самаго разнообразнаго сказочнаго стиля, начиная отъ фантастическаго и кончая шутовскимъ, — въ Камаонѣ, какъ почти всюду, не мѣстнаго, а литературнаго происхожденія. Для «многихъ» изъ нихъ допускаетъ это и самъ издатель, указывая на пути, которыми литературный матеріалъ могъ пройти иногда въ не-граматную массу. «Въ Индіи, странѣ сказочной по преимуществу, родинѣ множества сказочныхъ сборниковъ — сказка литературная легко могла проникнуть въ народъ совсѣмъ неграмотный, къ такимъ лицамъ, которыя не видывали печатныхъ книгъ. Индусъ живетъ въ сказочной атмосферѣ: ребенокъ, отправляющійся въ школу, не въ англійскую, правительственную или миссіонерскую, а на выучку къ мѣстному брахману пандиту, читаетъ и слышитъ только сказки; факиръ у храма рассказываетъ сказки о богѣ или богинѣ; въ праздникъ благочестивые люди дѣлаютъ складчину и призываютъ брахмана почитать имъ Харивансу или Бхагаватъ-пурану; по-санскритски большинство ихъ не понимаетъ, но на то есть брахманъ, чтобы растолковывать то, о чемъ говорится въ этихъ святыхъ книгахъ; такимъ образомъ старый литературный матеріалъ постоянно проникаетъ въ народъ». Сравнительное изученіе сказокъ, собранныхъ г. Минаевымъ, указало мнѣ параллели къ нимъ въ такихъ сборникахъ, какъ сказки «1001 ночи» и «Тутинамѣ». Указать на ближайшія связи направленія заимствованія — при данныхъ средствахъ — невозможно; подробности сближенія были бы здѣсь не у мѣста. Откладывая ихъ до болѣе удобнаго случая, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи пересказать одну изъ тѣхъ сказокъ, которыхъ безхитростно-наивный стиль легче всего можетъ повести къ заключенію, что онѣ выросли изъ почвы, внушены юмористическимъ народнымъ наблюденіемъ надъ животной жизнью, тогда какъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи, и эти сказки оказываются переходными, вызывая вопросъ: гдѣ сложились ихъ первоначальный типъ?

Такова камаонская сказка о «Шакалѣ и Куропаткѣ».

Жилъ-былъ шакалъ, и былъ онъ весьма друженъ съ куропаткой. Говоритъ ей однажды такъ: хочется мнѣ, сестрица, пирошка изъ гороху. Та обѣщаетъ завтра же исполнить его желаніе. Вотъ идетъ одинъ жимадаръ (помѣщикъ) съ пирогами; куропатка подлетѣла ему подъ ноги. Думаетъ онъ: хорошо бы убить ее. Поставилъ корзину съ пирогами на землю и давай гоняться за куропаткой. Та его водила, водила, да и вспорхнула.

въ гору; а шакаль между тѣмъ вдоволь наѣлся пирожекъ.— Въ другой разъ куропатка также удовлетворяетъ желанію шакала: поѣсть сметанки и сливочекъ; вмѣсто жимадара, обманутымъ является пастухъ, несшій на коромыслѣ горшки съ молокомъ и сметаной.— Третья просьба шакала: ему хочется посмѣяться. Куропатка удовлетворяетъ его такимъ образомъ: шла по дорогѣ толпа факировъ; куропатка миновала того, что шелъ позади всѣхъ, и сѣла на голову шедшему передъ нимъ. Какъ увидѣлъ ее шедшій позади, изъ всей силы ударилъ тростью по головѣ передняго. Вспорхнула куропатка и сѣла на голову слѣдующаго. У факира, что назади, хотъ кровь изъ головы и текла, а онъ взялъ, да и прибилъ передняго палкою. У ста факировъ на головахъ куропатка посидѣла, у всѣхъ головы палкой побиты, а куропатка улетѣла и шакала насмѣшила.— Захотѣлось шакалу почесаться; на этотъ разъ куропатка ведетъ его въ лѣсъ, гдѣ охотникъ погналъ за нимъ собакъ. Загоняли его собаки, едва успѣла отвести ихъ куропатка; у шакала не только перестала спина чесаться, даже ссадины явились и всего въ жаръ бросило: просить куропатку повести его туда, гдѣ вода есть. Она ведетъ его подъ мельницу, привязала къ колесу, а сама не много спустила воды. Въ эту пору пришелъ мельникъ, открылъ засыпъ, высыпалъ пшеницы и пустилъ воду. Завертѣлось колесо, вертитъ и бьетъ шакала. Куропатка пришла на помощь другу: подлетѣла къ мельнику, порхаетъ у его ногъ, увлекла его за собою, думаетъ: шакаль убѣжить тѣмъ временемъ—а онъ былъ привязанъ къ колесу: оскалилъ зубы на небо и весь околоченъ. Горько заплакала куропатка.

Въ ближайшемъ средствѣ съ камаонской стоитъ афганская сказка о «Куропаткѣ и Шакалѣ» ¹⁾, представляющая, впрочемъ, лишь два соответствующихъ эпизода, и тѣ не въ томъ порядкѣ: въ началѣ шакаль проситъ свою пріятельницу куропатку—разсмѣшить его; слѣдуетъ извѣстный намъ въ камаонской редакціи рассказъ, съ тою лишь разницею, что факиры замѣнены крестьянами. Затѣмъ шакаль проситъ друга покормить его—и куропатка исполняетъ его желаніе на счетъ мальчугана, несшаго своему отцу въ поле кринку молока и пироги.—Послѣднее желаніе шакала: заставить ее поплакать. Куропатка согласна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она позволяетъ себѣ небольшое мщеніе: ее раздражило обращеніе съ нею шакала, не столько дружеское, сколько повелительное, и она сама наводитъ на него стаю собакъ, отъ которыхъ шакаль съ опасностью жизни спасается въ нору.

¹⁾ См. Thorburn, *Bannú or our Afghan frontier*. London, Trübner, 1876, p. 220—1.

Въ русскихъ (Аванасьевъ, № 32, а, b: «Собака и Дятель») и нѣмецкихъ (Grimm, Kinder und Hausmärchen. I, № 58; III, стр. 100: Hund und Sperling) сказкахъ роль шакала исполняетъ собака, а куропатка дифференцировалась на дятла и воробья. Содержаніе въ общихъ чертахъ то же самое, —разности являются въ народномъ колоритѣ пересказа. Я сообщаю вератцѣ вторую сказку изъ напечатанныхъ Аванасьевымъ. — Дятель беретъ къ себѣ въ товарищи прогнанную со двора старую собаку. — Я голодна, — говоритъ собака. — Пойдемъ въ деревню, — отвѣчаетъ дятель: — тамъ свадьбу справляютъ, будетъ чѣмъ поживиться. — Птица влетѣла въ избу, гдѣ свадьбу справляли, и начала бѣгать по столамъ; пока гости занялись ею, собака, затесавшись подъ столъ, наѣлась досыта. Захотѣлось ей пить; дятель посылаетъ ее въ другую избу, гдѣ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки. Дятель влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну — долбить въ самое дно. Старикъ кинулъ въ него воронкой, воронка закатилась; пока старикъ искалъ ее, вино лилось на земь, собака напилась и наваздъ. — Я теперь сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться, — говоритъ она дятлу. — Ладно, — отвѣчаетъ тотъ. — Вотъ увидѣли они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятель тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣху такъ и катается по землѣ. — Какъ въ камаонской сказкѣ шакалъ, такъ въ русской и нѣмецкой собака подъ конецъ погибаетъ, и въ послѣднихъ двухъ разсказъ кончается мѣстью рассерженной птицы.

«Сказокъ многое множество въ обращеніи между народомъ, но сказочниковъ по профессіи я не видалъ, несмотря на сильныя распросы», говоритъ собиратель. «Мнѣ говорили, что старухи знаютъ особенно много сказокъ, но увидать индѣйскую женщину изъ порядочной семьи не легко европейцу, хотя и не невозможно». — «Торговцы слывуть также мастерами разсказывать сказки и всякаго рода побывальщины, но ихъ разсказы отличаются особеннымъ характеромъ: по большей части они комическаго содержанія, полны остротъ, трудно переводимыхъ и весьма часто неудобныхъ для печати». Легенды, совершенно наоборотъ, знаютъ жимадары, то-есть мелкіе помѣщики, но у нихъ есть и свои особые постоянные носители — какъ вообще легенды отрываютъ собою въ народной поэзии Камаона, и въ книгѣ г. Минаева — новую, характерную рубрику: народнаго, мѣстнаго эпоса. Какъ всякій народный мѣстный эпосъ, такъ и камаонскій — бѣдетъ сюжетами: его герои — слачи, богатыри; его мотивы исчерпы-

ваются, главнымъ образомъ, проявленіями грандіозной физической силы, «добываніемъ невѣсты», борьбою мелкихъ родовъ. Имена камаонскихъ царей, встрѣчающихся въ легендахъ (напр., Ратаначандра въ № 3, Викрамачандра въ № 10, Кальяначандра въ № 11, Рудрачандра въ № 20 и т. д.), увеличиваютъ впечатлѣніе мѣстной, исторической типичности. Отыскавъ эти имена въ спискѣ камаонскихъ царей, сообщенномъ г. Минаевымъ во второмъ приложеніи къ своей книгѣ, легко убѣдиться, что всѣ историческія воспоминанія этого камаонскаго эпоса не восходятъ къ очень отдаленному времени. Но въ народной легендѣ-былинѣ, приуроченіе и есть тотъ бродячій элементъ, который свободно переставляется; одинъ и тотъ же легендарный, иногда очень древній типъ, можетъ пережить нѣсколько приуроченій. Говоря о протяжномъ, уныломъ пѣніи легендъ, напомнившемъ ему сказываніе русскихъ былинъ, г. Минаевъ замѣчаетъ о своемъ пѣвцѣ: «онъ рассказывалъ очень монотонно, не увлекалъ, и самъ обыкновенно (съ рѣдкими исключеніями) оставался равнодушнымъ къ тому, что передавалъ; ему, пѣвшему передъ однимъ человѣкомъ, вѣроятно, не доставало сочувственной аудиторіи, толпы, которая вполне могла бы оцѣнить его искусство и любовно отнестись къ той старинѣ, которую онъ воспроизводилъ». Можетъ быть, эта именно старина, законченность преданія, и объясняетъ достаточно то отсутствіе увлеченія, то монотонно-сповойное отбываніе эпической пѣсни, какое отличаетъ и сказываніе нашихъ былинъ. Къ характеристикѣ камаонскихъ легендъ съ указанной точки зрѣнія можетъ служить слѣдующее: выше было замѣчено, что бхутами—демонами—дѣлаются по смерти люди чѣмъ-либо отличившіеся, знаменитые силачи и т. п. И вотъ нѣкоторые изъ героев нашихъ легендъ чтутся нынѣ какъ божества, бхуты: тавовы Сайма (въ легендѣ № 10, стр. 139 прим. 1), Калусауели (въ легендѣ 18-й; сл. стр. 225). Легенды, называемыя на мѣстномъ нарѣчій бхаролâ, бхарогâ или горолâ, предназначены для пѣнія, и первоначально онѣ дѣйствительно пѣлись, но за исключеніемъ двухъ (№№ 18 и 19) г. Минаевъ не слышалъ ни одной вполне сохранившейся въ памяти пѣвца, и многія изъ этихъ легендъ рассказываются просто, безъ малѣйшей попытки пропѣть ихъ, но съ ясными признаками первоначальнаго пѣсеннаго слова, гораздо болѣе утратившагося, напр., въ нашихъ побывальщинахъ по сравненію ихъ съ былинами. Къ такимъ признакамъ я отношу эпическія вступленія легендъ. Вотъ, напр., начало легенды № 2: «Въ преисподней родился змѣй Вайсинги; на небѣ родился царь Индра; на землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы

— въ Калинауликотѣ родились Виринаула, Айтинаула, пара братьевъ». Сличите такой же запѣвъ въ былинахъ о Вольгѣ ¹⁾:

Когда зарождался младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Тогда зарождался Вольга богатырь, и т. д.

Слѣды эпического изложенія ощутительны и въ воззваніяхъ къ герою, неумѣстныхъ въ прозаическомъ пересказѣ. Такъ, въ введеніи къ легендѣ № 4: «Въ ручейкахъ, какъ бы въ Гангѣ онъ, Дарпани боря купался, мой отецъ!» и далѣе въ текстѣ: «Вотъ въ полдень, о герой мой славный, снились ему Гангъ и Бхагиратхи»; «Горько плакала царица Дудакела, славный мой герой! Встала и въ хижину ушла»; «Гордо всталъ сынъ матери доблестной: «Псы мои убиты!» — и со львомъ вступилъ въ бой сынъ матери доблестной». Впрочемъ, въ концѣ легенда сама обличаетъ свой древній пѣсенный складъ: «Чья эта пѣснь и кто доблесть свершилъ, да не погибнуть имена тѣхъ».

Для характеристики пѣсеннаго склада приведу отрывки изъ легенды № 19, единственной въ сборникѣ г. Минаева, въ передачѣ которой сохраненъ размѣръ. Замѣчу напередъ, что легенда эта не что иное, какъ видоизмѣненная редакція № 9.

О Кава, Бханари Кава!
Деревня Бханари, о Бханари Кава!
Его родиною была, о Б. К.!
Жилъ былъ Кава, о Б. К.!
Героя сынъ Кава, о Б. К.!
На ѣду ему Кава, о Б. К.!
Былъ хлѣбъ изъ рисовой шелухи, о Б. К. и т. д.

Припѣвъ: о Бханари Кава! перемѣшивается другимъ, въ разговорѣ его съ матерью:

Моего батюшки добро, мать-матушка!
Для чего ты припрятала, мать-матушка! и т. д.

Припѣвы и далѣе мѣняются, съ появленіемъ на сцену братьевъ Манваловъ («Манвалы братья!»), красавицы Удхьяни Мала («о Удхьяни Мала!») и т. д., затѣмъ снова возвращаются первые, и новыя являютъ вмѣстѣ съ новыми участниками дѣйствія. Легенда-былина о Бханари-Кава, обнимающая, по моему счету, 624 стиха, интересна какъ образчикъ спокойнаго, несипшащаго впередъ эпического разсказа. «Прошла ночь, настало утро, о

¹⁾ Гильфердингъ, «Онежскія былины», стр. 112.

Б. К.!—брахмана сынъ, о Б. К.!—сосватался, о Б. К.! — «Пршла ночь, настало утро, о Б. К.!—попробоваль ѣды, о Б. К.!».

Роль, предоставленная пѣвцамъ въ содержаніи легендъ, заставляеть насъ обратиться къ этимъ носителямъ народнаго эпическаго преданія. Выше мы упоминали о думахъ, туземномъ не-индусскомъ народцѣ, обратившемся въ организациі индусскаго общества въ значенію касты. «Камаонскій думъ, пѣвецъ и хранитель старыхъ преданій, въ Камаонѣ, какъ и всюду въ Индіи, туземцами считается самымъ низкимъ и презрѣннымъ членомъ общества; ремесленники-индусы не работаютъ съ нимъ вмѣстѣ. Думы не смѣютъ пить воды изъ того источника, откуда пьютъ другія касты. Но у тѣхъ же думовъ есть преданія, что когда-то, въ глубокой древности, ихъ племя владѣло обширнымъ царствомъ въ южныхъ гималайскихъ странахъ, и ихъ цари выпускали свои кожанья деньги. При камаонскихъ царяхъ положеніе думовъ было еще хуже, нежели теперь; они были рабами, имъ запрещены были свадебныя процессіи, и они не смѣли воздвигать алтарей и часовенъ своимъ собственнымъ богамъ. Теперь думы въ Гималаяхъ—бродячіе музыканты и пѣвцы; но о нихъ же камаонцы говорятъ: «въ пѣснѣ хриплаго дума нѣтъ пѣвья». Г. Минаевъ сообщилъ въ третьемъ приложеніи къ своему сборнику разсказъ одного такого дума о своемъ дѣдѣ, отцѣ, дядѣ и о самомъ себѣ: разсказъ, интересный по бессознательно-своеобразному смѣшенію сказочныхъ данныхъ съ отрывкомъ біографіи. Начало переносить насъ въ фантастическій міръ и диковинныя страны, къ людямъ съ такими длинными ушами, что одно служило имъ подстилкой, другое одѣяломъ; къ песиглавамъ-людоедамъ, отъ которыхъ съ опасностью жизни спасаются отецъ и дядя разсказчика. О себѣ онъ говоритъ мало: онъ бѣденъ, какъ факиръ, три года судился съ женою, но она не давалась ему въ руки. «Рѣшилъ, наконецъ, судъ отдать мнѣ жену. Отецъ, какъ жена была у него въ рукахъ, отобралъ всѣ ея украшенія, да и говоритъ мнѣ: «ступай, жалуйся въ качари!» Теперь жена у меня въ домѣ, а нарядовъ нѣтъ! Не знаю, что будетъ?!»

Главный носитель эпоса—хулкія, т.-е. бѣрабанщикъ изъ касты думъ; по своей профессіи, онъ то же, что бхатъ или чаранъ ражпутаны: онъ хранитъ въ своей памяти родословныя отличившихся воиновъ и сказанія объ ихъ подвигахъ; всѣ родословныя, какія г. Минаеву удалось слышать или записать въ Камаонѣ, заключались одинаково: «въ то время, когда такой-то сражался, хулкія слагалъ его родословную». Въ рукахъ такихъ народ-

ныхъ пѣвцовъ слагались основы подобнаго историческаго эпоса. Доказательствомъ тому служатъ собранныя г. Минаевымъ легенды. Въ одной изъ нихъ (№ 10) силать Бхія щедро одаряетъ пѣвца — бхата, съ тѣмъ, чтобы пропѣлъ онъ недоброе о его противникѣ, камаонскомъ царѣ. «Какъ скажешь: всякая скорбь катюрскаго царя да падеть на голову царя камаонскаго, — дамъ тебѣ много всего!» Отвѣчалъ ему пѣвецъ наоборотъ: «всякая скорбь камаонскаго царя да падеть на голову катюрскаго царя!» Говоритъ ему Бхія: «не былъ бы ты нищій, убилъ бы я тебя». Профессія бхата-пѣвца считается очень древнею въ Индiи, — замѣчаетъ собиратель; въ прежнее время пѣвецъ необходимо присутствовалъ при всякомъ торжествѣ, воспѣвая родъ своихъ хозяевъ въ высокомѣрныхъ и вмѣстѣ льстивыхъ выраженiяхъ. Легенда № 21 выводитъ передъ нами народнаго пѣвца въ роли официальнаго прославителя, заинтересованнаго подачкой. «Въ домѣ Мâхара была дочь Сауна; въ домѣ Сауна была дочь Мâхара. И были они друзья между собою». Приходить къ нимъ нищій пѣвецъ; видитъ: сидитъ Мâхара и Саунъ и держатъ совѣтъ. «Два рода здѣсь сидятъ!» сказалъ пѣвецъ: «что мнѣ дѣлать теперь? Про чей родъ сперва пѣть?» Говоритъ ему старуха: «про чей родъ споешь, отъ того и коня и шаль получишь». Пѣвецъ заводитъ пѣснь про родъ Мâхаровъ: «Мâхары, владки Галвила; на востокѣ Мâхары и на западѣ Мâхары; на сѣверѣ Мâхары и на югѣ Мâхары! Ихъ сыны съ мечами, ихъ дочери по домамъ сидятъ! Ихъ мельницы работаютъ быстро и буйволы яры». — Въ игры играли въ то время Ратувâ Мâхаръ и Сужанâ Саунъ. Сказалъ Сужанâ Саунъ: «въ четырехъ странахъ, пѣвецъ, ты воспѣлъ Мâхаровъ. Гдѣ же мѣсто для другихъ людей?» — «Не гнѣвайся, царь!» отвѣчалъ пѣвецъ: «и про твой родъ спой!» И запѣлъ онъ про родъ Сауна: «Въ битвахъ побѣдитель Сауновъ глава; востеръ его ножъ! Не бѣла, не черна его внучка: двухъ цвѣтовъ она, пестра; какъ ручей въ мѣсяцъ Гохадра журчитъ, такъ въ ножнахъ мечъ звучитъ у Медâсауна. Весь онъ въ желтомъ и желтый на немъ турбанъ. Какъ пойдутъ биться сыны Сауна, сто да пятьдесятъ въ битвѣ они побѣдятъ. У внуковъ Сауна слѣдъ бѣгущему врагу мечи, и мечи въ лицо наступающему врагу!» Ратувâ Мâхаръ сказалъ пѣвцу: «Иль черно иль желто человеческое лицо! Не бываетъ оно двухъ цвѣтовъ! А ты поешь о двухцвѣтной дочери Сауновъ!» Вступился тутъ Сужанâ Сауна: «Сперва о васъ онъ пѣлъ, что вы въ четырехъ странахъ свѣта — я не гнѣвался; запѣлъ онъ о нашей дочери — ты браниться сталъ!» Разгнѣвался Ратувâ Мâхаръ и

мечомъ разсѣвъ Сужавъ Сауна. Стали двѣ семьи враждовать». Дальѣйшій разсказъ легенды наполненъ этою родовою враждою, вызванною двоедушными хвалами пѣвца. Онъ творецъ пѣсни, которая пойдетъ изъ поколѣнія въ поколѣнiе, распространяя славу однихъ, клеймя мѣткимъ словомъ враждебное племя. Въ этомъ сила и значенiе бхата; бѣда его разгнѣвать: онъ сумѣетъ жестоко отмстить, осмѣетъ обидчика и весь его родъ въ импровизованномъ пѣснопѣнiи; не сохранитъ своего творчества въ тайнѣ, а при случаѣ пропоетъ его при большомъ стеченiи народа.

Обычныя инструменты, которыми сопровождаютъ себя камаонскiе пѣвцы—небольшия барабаны, да родъ флейты или свирѣли—алгожа; послѣднiй инструментъ г. Минаеву случалось видѣть у пастуховъ, у носильщиковъ, и разъ по дорогѣ, около Мансури, встрѣтился ему пѣвецъ съ мальчикомъ: пѣвецъ распѣвалъ о царѣ Малусаи, мальчикъ наигрывалъ на алгожѣ. Алгожа служить и для лирическихъ пѣсней, и въ Камаонѣ увѣряютъ, что ни одна красавица не устоитъ передъ ея дикою мелодiей, дѣйствительно не лишенной своего рода прелести; не даромъ свирѣль въ Индiи зовутъ *байри*, т.-е. врагъ (сердечнаго покоя). Въ легендѣ № 16, которая принадлежитъ къ одному циклу съ №№ 9 и 19-мъ, есть описанiе чарующихъ звуковъ свирѣли. Легенда эта, въ сожалѣнiю, неконченная, представляетъ въ своемъ отрывочномъ видѣ граціозную идиллическую картинку, отъ которой несетъ свѣжимъ запахомъ травы и отзывается дѣйствительностью неприкрашеннаго пастушескаго быта. «О, другъ! въ Гал-бханарѣ, въ Бханарикотѣ, родился Бханарикалâ. Въ Чаръ-чаукѣтъ родилась Удьани-малâ, дочь Дуламанрвала. Тонка—ладонью обнять, какъ полная луна—хороша. Коровъ, буйволовъ, ковъ стада, пасъ Бханарикалâ. Однажды онъ перекинулъ черезъ плечо плащъ, взялъ посохъ въ руки и какъ чудно игралъ онъ на свирѣли въ лѣсу Lekhamâli! Въ ту пору мать Удьани-малâ выходила рѣзать траву râlugi; дочь просится вмѣстѣ съ ней; на бранчивые отговоры матери она отвѣчаетъ: убей меня, зарѣжь, но съ тобой я пойду. Они вышли вмѣстѣ. Râlugi-траву рѣзала Удьани-малâ, по сторонамъ смотрѣла: «не слышно свирѣли! О, Нараяна, о, владыка мiра! Что случилось? Какъ кузнечикъ онъ кричалъ, а сегодня молчитъ. Что случилось съ нимъ?» Узналъ тутъ Бханари, что траву пришла рѣзать Удьани. «Свирѣль, свирѣль, поиграй ты по сердцу! Обошью тебя золотомъ; не сыграешь по сердцу, разобью тебя». На верхней, на нижней скалѣ онъ стоялъ—и какъ на свирѣли игралъ, о, другъ, славный мой герой! Понесся первый звукъ въ преисподнюю, до ушей Вайсингiя змѣя; второй

услышалъ въ небѣ Индра царь; пять боговъ на землѣ услышали третій, а четвертый долетѣлъ до ушей Удьяни. Она бѣжитъ къ матери, спрашиваетъ: какой это кузничикъ поетъ? — Умирай ты, погибай, бранится мать: не кузничикъ это, а вдовій сынъ Бханарикалâ на свирѣли играетъ. Каковъ же тотъ, кто такъ славно играетъ—говоритъ Удьяни. И любила она Бханарикалâ. Она начинаетъ придумывать средство, какъ бы свидѣться съ нимъ, уговариваетъ пастуха Мадхія притвориться на другой день больнымъ, чтобы вмѣсто него погнать на водоной коровѣ и буйволовъ. Тотъ согласенъ—на этомъ обрывается легенда.

Кто желалъ бы познакомиться съ другими картинками жизни и быта камаонскихъ горцевъ, тотъ самъ обратится къ сборнику г. Минаева. Въ своемъ родѣ онъ единственный: для Камаона никто еще не пытался сдѣлать того, что было предпринято для нѣкоторыхъ другихъ областей Индіи. Уважу для примѣра хотя бы на собраніе деканскихъ преданій Фрира. Если я не ошибаюсь, я пользовался уже третьимъ изданіемъ этой книжки, столь несоразмѣримой въ научномъ отношеніи съ разбираемымъ мною сборникомъ. Пожелаемъ послѣднему такого же успѣха — но не заблуждаемся ли мы насчетъ нашихъ вкусовъ, которые, быть можетъ, отнесутъ и эту книгу въ разрядъ «опуйныхъ». Въ равнодушіи нашей публики къ серьезнымъ трудамъ своихъ ученыхъ англичане справедливо могли бы усмотрѣть лучшую гарантію противъ нашихъ видовъ на Индію, въ которыхъ они такъ любятъ насъ подозрѣвать.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

МЫСЛИ и ЗАМѢТКИ БЁРНАНДА

More Happy Thoughts, by F. C. Burnand.

Въ концѣ прошедшаго года, въ статьѣ: «Современный юмористъ», мы познакомили читателей съ однимъ изъ даровитѣйшихъ сотрудниковъ «Понча», Бёрнандомъ, авторомъ нѣсколькихъ юмористическихкихъ книгъ. Будучи писателемъ, по характеру, фельетоннымъ, Бёрнандъ заслуживаетъ тѣмъ не менѣ вниманія по своей оригинальности и по той огромной популярности, какую онъ приобрѣлъ въ англо-саксонскомъ мѣрѣ. Специальность его—мелкій, но точный анализъ массы тѣхъ полу-мыслей, догадокъ, недоумѣній и впечатлѣній, которыя составляютъ значительную часть ежедневной умственной работы человѣка, но только проскользаютъ въ его умъ и исчезаютъ, оставаясь неизданными, несобранными, по своей непригодности для какого-нибудь дѣла, часто даже не формулируются ясно, въ самый моментъ своего зарожденія. Между тѣмъ, въ своей совокупности, они составляютъ именно массу мозговыхъ мотивовъ, едва ли даже не большую, чѣмъ та, какую производитъ дѣловое, серьёзное и систематическое мышленіе, то мышленіе, которое обуславливаетъ окончательныя дѣйствія человѣка, всѣмъ видимыя, и сохраняемая въ его собственной памяти потому, что оно легло въ основу его дѣйствій. Только съ этой, количественной точки зрѣнія, мотивы, подмѣчаемые Бёрнандомъ, и заслуживаютъ вниманія. Изъ нихъ ничего не слѣдуетъ, потому именно, что они возникаютъ произвольно и безцѣльны по своей сущности. Но если человѣку интересна вся его умственная жизнь, со

всѣми ея подробностями, какъ бы мало цѣнности каждая изъ нихъ ни представляла сама по-себѣ, то анализъ современнаго англійскаго юмориста не лишень значенія.

Обращая эти нѣсколько строкъ предисловія въ новымъ читателямъ журнала, невидавшимъ прежняго этюда о самомъ писателѣ, мы должны повторить для нихъ вѣрацѣ и оговорку относительно формы. Чтобы сдѣлать возможнымъ свое изложеніе, Бернандъ предполагаетъ какъ-бы записную книжку *отъ ума* человѣка, который самъ себя наблюдаетъ. Онъ заставляетъ своего субъекта записать нѣкоторые замѣтки въ настоящую записную книжку, такую, какая можетъ находиться въ карманѣ. Но само-собою разумѣется, что эта книжка только представляетъ собой ту нереальную, самопишущую книжку, которую онъ предполагаетъ въ самомъ умѣ автоаналитика.

Отсюда форма изложенія:—отрывчатая записки, сокращенія, свойственныя бѣглымъ отиѣткамъ, для памяти. Обусловливаемый этою необходимостью, языкъ похожъ на тотъ, которымъ пишутся телеграммы, не подчиняется грамматикѣ и заботится только о вѣрной передачѣ каждымъ словомъ даннаго впечатлѣнія въ ту самую минуту, когда оно произошло.

Эта краткость, рубленность, сама, если хотите, оригинальна, но не въ ней дѣло. Она—только неизбѣжный въ этомъ случаѣ недостатокъ. Она требуетъ, чтобы читатель давалъ себѣ постоянно трудъ съ точностію входить въ положенія наблюдателя, воображать себѣ самый ходъ его мысли, придавая значеніе каждому слову, такъ какъ сокращенія уже всѣ сдѣланы самимъ авторомъ, и съ его стороны не оказывается читателю ни малѣйшаго пособия для уменьшенія труда, для разжевыванія сказаннаго. Это—утомительно, и потому лучше читать подъ-рядъ не болѣе двухъ-трехъ страницъ. Повторяемъ, что телеграфный, такъ сказать, характеръ формы здѣсь—недостатокъ, хотя недостатокъ неизбѣжный. Самъ Бернандъ старался, гдѣ могъ, прерывать эту монотонность формы, и мы, при составленіи извлеченій, боролись, сколько могли, съ этимъ недостаткомъ, хотя самая передача Бернанда на другомъ языкѣ, особенно въ извлеченіяхъ, съ опускомъ личныхъ связей и пояснительныхъ чертъ, представляла уже достаточно трудности.

Въ статьѣ «Современный юмористъ» мы дали нѣсколько извлеченій изъ первой книги этого писателя: «Happy Thoughts (Счастливыя мысли)». Мы привели въ тотъ разъ слишкомъ мало для ознакомленія съ самой мѣной Бернанда; но насъ стѣсняла неувѣренность, въ состояніи ли мы передавать его—такъ, чтобы

русскіе читатели могли понять его и оцѣнить тонкую наблюдательность новаго англійскаго юмориста. Съ тѣхъ поръ, изъ устныхъ отзывовъ мы достаточно убѣдились, что такая передача возможна. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ нашей печати ни одной замѣтки о томъ новомъ литературномъ явленіи, какое представляется въ Бёрнандѣ, хотя бы по его оригинальности. А между тѣмъ уже нашелся въ одной газетѣ забавникъ, который, вскорѣ по выходѣ нашей статьи, похитилъ вѣншнюю форму изложенія Бёрнанда, присвоивъ ее себѣ до мельчайшихъ подробностей и притомъ безъ всякой оговорки, однимъ словомъ, попытался облечься въ кожу Бёрнанда. Онъ общалъ рядъ статей въ томъ же родѣ, и мы приобретаемъ новаго юмориста у себя въ отечествѣ. Положимъ, это — не плагиатъ. Литературная форма не можетъ составлять юридической собственности. Да притомъ, форма эта, сама по-себѣ, и цѣны никакой не представляетъ; повторяемъ, что рубленность языка — только недостатокъ Бёрнанда, хотя и неустранимый. Забавно однако, что нашему шалуну именно форма одна и понравилась. Онъ думалъ, что въ ней-то и вся суть. Ему показалось совершенно достаточнымъ для остроумія, если онъ опуститъ мѣстоименія и будетъ ставить чрезъ каждыя два слова — точку. Безъ малѣйшей наблюдательности, не имѣя никакого запаса дѣйствительно пережитыхъ впечатлѣній, замѣтокъ, выбранныхъ прямо изъ жизни, онъ сталъ самъ сочинять свои мысли и замѣтки, полагаясь на то, что довольно уже одной оригинальности формы. Вышло, что читатель не узнаетъ себя, своихъ собственныхъ впечатлѣній, не слышитъ отголоска правды — ни въ чемъ, что передъ нимъ выложено съ претензіей на сочиненное остроуміе. Самая краткость оказывается совершенно излишнею, такъ какъ любя слова можно выпустить, переставить, читать спереди назадъ или сзади напередъ, и все выйдетъ — російскій Бёрнандъ!

Не проще и не умнѣ ли было бы взять англійскій оригиналъ и познакомить своихъ читателей въ отрывкахъ съ самимъ Бёрнандомъ, чѣмъ рядиться имъ для плохой масляничной потѣхи? Вѣдь это — пустая шалость.

На этотъ разъ мы взяли вторую книгу англійскаго автора: «Еще счастливыя мысли», и приводимъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, по возможности болѣе полныхъ, согласуя ихъ мѣстами въ связь. Тема та, что наблюдатель продолжаетъ заботиться о своемъ ученомъ трудѣ, но обстоятельства заставляютъ его уѣхать на воды, въ Германію.

I.

Въ Лондонѣ.—Работа по моему сочиненію: «Теорія развитія типовъ», т. I, подвигается впередъ, и это побуждаетъ меня отправиться въ Лондонъ — искать издателя. Мильбордъ, случайно мною встрѣченный, на вопросъ, не знаетъ ли онъ, кто бы взялся издать такую книгу, отвѣтилъ: «издатель на нее такъ и бросится». Спрашиваю, какой именно?—Отвѣчаетъ развязно: «да издатель, однимъ словомъ; каждый издатель»; но не даетъ болѣе подробнаго указанія. — Помнится мнѣ, что Будельсъ, года два тому, издалъ томикъ стихотвореній.

Удачная мысль; написать Будельсу и спросить, какой издатель бросился на его стихотвореніе.

Странно, жена моя не выказываетъ никакого участія въ моей работѣ; просто не входитъ въ мой трудъ. Вотъ уже три года, какъ я женился. Первую главу книги I-й я прочелъ ей еще въ «медовый мѣсяцъ». Послѣ того, нѣсколько разъ предлагалъ прочитать ей что-нибудь далѣе, что-нибудь наиболѣе удачное, по личному моему убѣжденію; но случалось все такъ, что она была занята. Однажды вечеромъ, я вновь раскрылъ свою рукопись, и тутъ она сказала, чтобы я, пожалуйста, отсталъ. Я замѣтилъ ей, что едва ли это любезно съ ея стороны. Тогда она выразилась, «если я это принимаю такъ, то она, пожалуй, станетъ слушать».—Мой отвѣтъ былъ: «если ей не хочется, такъ лучше не надо». На это она возразила, что хотя и не чувствуетъ особеннаго желанія, но готова слушать, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.—Мнѣ не хотѣлось сказать что-нибудь рѣзкое, а потому я сказалъ: «ну, хорошо» — и не читалъ. Впослѣдствіи она высказывала, что ей интереснѣе будетъ взглянуть на мой трудъ, когда онъ уже будетъ напечатанъ. Странно; до женитьбы я думалъ, что Фридолина интересуется литературою. Оказывается, нѣтъ; за исключеніемъ романовъ.

Ея мать, миссисъ Симперсонъ, живетъ съ нами, въ нанятомъ мною коттеджѣ, который, по словамъ объявленія, находится въ живописной мѣстности. Мнѣ приходитъ удачная мысль: отправиться въ Лондонъ и прискать издателя. Можно, при этомъ случаѣ, еще побывать въ оперѣ и на художественной выставкѣ, а также отобѣдать съ нѣкоторыми друзьями въ клубѣ. Еще удачная мысль: излишне упоминать теперь объ этихъ дальнѣйшихъ вѣроятностяхъ; тѣмъ болѣе, что я еще, конечно, и не знаю, сдѣлаю ли я все это. Достаточно упомянуть только объ издателѣ.

Онѣ отвѣчаютъ, что постараются не скучать безъ меня; а такъ какъ я уже давно не имѣлъ ваникуль — то-есть, я хочу сказать: не имѣлъ случая отлучаться изъ дому — то жена полагаетъ даже, что мнѣ это будетъ полезно. — Я даже прямо — довольно удачно — высказываю имъ, что это для меня вовсе не похоже на ваникулы; просто — дѣла заставляютъ. Однимъ словомъ, но дѣламъ необходимо съѣздить въ Лондонъ. Тѣща подаетъ мысль, что мы могли бы поѣхать всѣ вмѣстѣ. *Всѣ вмѣстѣ* означаетъ главнымъ образомъ ее. Но я возражаю, что отсутствіе мое не продлится *впрямую* болѣе дня или двухъ сутокъ. Лучше было вставить: *впрямую*, на случай если бы я остался въ Лондонѣ три недѣли. Прибавляю, что все это время я буду очень занятъ и не въ состояніи сопровождать ихъ. Фридолина заключаетъ разговоръ такъ: «да, лучше подождать, когда мы всѣ отправимся въ Брайтонъ. Нашему малюткѣ скоро полезна будетъ перемѣна воздуха».

Соглашаюсь немедленно. Брайтонъ такъ Брайтонъ, — для малютки, скоро или впоследствии. Очевидно, это въ нѣкоторомъ родѣ условіе моего отпуска теперь. По личному же моему убѣжденію, Брайтонъ можетъ подождать. У нашего малютки безпрестанно оказывается какая-нибудь новая сыпь, и онъ, по ихъ словамъ, постоянно ощущаетъ необходимость ѣхать на морской берегъ, въ Брайтонъ.

Въ вагонъ. — Въ отелѣ будетъ дорого. Лучше помѣшусь у моего пріятеля Боба Уиллиса, въ Кондоитъ-Стритъ. Онъ всегда приглашалъ меня, когда буду въ Лондонѣ, ночевать у него.

Въ Кондоитъ-Стритъ. — Выхожу изъ кэба и звоню. Уиллисъ — славный малый, всегда радъ меня видѣть. Вижу впередъ, какой ему будетъ пріятный сюрпризъ; ворвусь къ нему съ задумчивостью. «Ну, Уиллисъ, дружище, вотъ и я: поселяюсь у тебя». Вскочить Уиллисъ; распорядится о постели и — тутъ отворяется дверь. Служанка. — «Дома, м-ръ Уиллисъ?» — «Мистеръ кто, сэръ?» — «Уиллисъ». — «Этого здѣсь нѣтъ», говоритъ она, точно ожидаетъ, чтобы я попробовалъ другое имя, такъ какъ это — не подходящее. Спрашиваю ее: «вы это навѣрное знаете?» Подумавъ, нахожу что мой вопросъ нелѣпъ, такъ какъ разумѣется она навѣрное знаетъ, кто тутъ живетъ. «Можетъ, рядомъ?» — «Можетъ быть, рядомъ». — Она заперла дверь, и я отправляюсь къ другому подъѣзду. Не знаю почему, но мнѣ представляется, что этотъ фактъ роняетъ меня въ глазахъ ирбмена. Воображаетъ, можетъ быть, что я мазурикъ, уклоняющійся отъ уплаты ему за проѣздъ. Глупъ онъ, если воображаетъ это, такъ

какъ у него мой чемоданъ и карточка съ шляпой, и сакъ-возжъ, съ рукописью: «Развитіе типовъ». — Правда, рассказываютъ, что чемоданы иногда оказывались наполнены камнями. Онъ можетъ думать и о моемъ чемоданѣ такъ, что онъ таковой, какіе у мазуриновъ бывають. Но все-таки и тогда онъ глупъ, такъ какъ самъ чемоданъ стѣбитъ болѣе двухъ съ половиной шиллинговъ, которые я ему долженъ. Сверхъ того, въ сакѣ — «Развитіе типовъ», которое стѣбитъ тысячи, быть можетъ. Но, конечно, не для обмена.

Второй подъездъ—въ самомъ дѣлѣ Уиллиса; очень приятно. Вбѣгаю къ нему: «ну, Уиллисъ, дружище»... Въ слѣдующій моментъ извиняюсь передъ вѣтъ-то чужимъ, дремавшимъ на диванѣ. Онъ прерываетъ мои извиненія: они съ Уиллисомъ живутъ въ одной квартирѣ.

Мысль: какъ Боекъ и Коэкъ, въ одномъ водевилѣ. Уиллиса ожидаютъ къ восьми часамъ; если не будетъ въ восемь, то будетъ ужъ не ранѣе двѣнадцати, если будетъ угодно мнѣ подождать? Говорю, что лучше зайду около девяти. Пойду, пообедаю прежде. Прибавляю: «важеться, такъ будетъ дѣло вѣрнѣе.» Чужой (товарищъ Уиллиса, онъ же Коэкъ) вѣжливо соглашается со мною. Самъ мнѣ обѣда не предлагаетъ. Ненавижу недостатокъ радушія. Если бы ко мнѣ пришелъ чужой, я бы, конечно, предложилъ ему что-нибудь, хоть сухарь и рюмку хереса. Увѣдомляю однако собесѣдника, что вещи свои оставлю здѣсь (увидѣвъ ихъ, Уиллисъ самъ догадается, что это означать). Чужой (нареченный Коэкъ) отвѣчаетъ серьезно: «очень хорошо»; очевидно, я ему надоѣлъ. Удаляюсь, узнавъ предварительно, что Коэкса зовутъ Роулинсонъ.

Въ клубѣ, смотрю: новый швейцаръ. Наклоняется къ одному «человѣку», справляясь о моей фамиліи. Для болѣе ясной произношу ее самъ, въ видѣ справки, нѣтъ ли писемъ на мое, такое-то, имя. Разумѣется, никакихъ писемъ я найти не ожидаю. Однакоже оказывается, есть письмо ко мнѣ. Отъ Будельса. Въ курительной комнатѣ читаю его. Знакомыхъ никого не вижу и мнѣ приятно, что у меня въ рукахъ письмо отъ пріятеля. Будельсъ отвѣчаетъ на мой вопросъ объ издателѣ. По его словамъ, его опытъ съ изданіемъ собственныхъ стихотвореній не можетъ для меня годиться. Это былъ случай исключительный; издателемъ его былъ дальній родственникъ его со стороны матушки; а потому онъ предпринялъ дѣло скорѣе въ видѣ одолженія Будельсу и роднымъ вообще. Но далѣе, Будельсъ выражаетъ увѣренность, что если я знакомъ съ какой-нибудь почтенной книгопродавче-

своей фирмой — она съ удовольствіемъ возьмется за мое дѣло. Если мой трудъ имѣетъ характеръ философскій и научный, то почему мнѣ не обратиться (говорить письмо) въ Потуду и Грулли? Будельсъ прилагаетъ адресъ Потуда и Грулли (вырѣзанный изъ газетнаго объявленія), и желаетъ мнѣ успѣха. Въ письмѣ есть Post-scriptum: «не удивляйтесь, если въ скоромъ времени услышите, что я женился. Но теперь не говорите никому. Когда соберетесь ко мнѣ, всегда буду радъ; позабудимся: станемъ бродить прудъ. Мой привѣтъ вашей супругѣ».

О, Будельсъ женится! Быть не можетъ. Однако, почему же быть не можетъ? Чтѣ тутъ невозможнаго?

Удачная мысль: отвѣчать ему что-нибудь такое, встать, въ стихахъ. Такое, чтобъ онъ могъ показать своей невѣстѣ и спросить: «не мило ли съ его стороны», т.-е. съ моей. Въ самомъ дѣлѣ, напишу. Только неудобное для риэмы имя — Будельсъ. Пудельсъ, Нудельсъ, Тудельсъ. Другого ничего не придумаешь. Есть фарсъ, который носить названіе «Тудельсы». Когда-то видѣлъ его. М-ръ и м-съ Тудельсъ. Можно бы сказать такъ:

„Желаю вамъ, Уильямъ Августусъ Будельсъ
Быть счастливымъ, какъ мистеръ и миссисъ Тудельсъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ помѣстить «Нудельса», кто бы онъ тамъ ни былъ; такъ, напр.:

„Да, правда, другъ Будельсъ,
Не женится Нудельсъ.
Но вустъ ему дорогъ
Лишь сеттеръ да пудель-съ,
Не онъ вамъ примѣромъ“ и т. д. и т. д.

Замѣтка. Обработать это и послать завтра. Нахожу въ каталогѣ, что стихотворенія Будельса были изданы Уинсеромъ, Финчиномъ, Уатльмасомъ и К^о. Не могли же всѣ они быть его дальніе родственники.

Закончивъ день ужиномъ въ клубѣ съ моимъ пріятелемъ Мильбордомъ и нѣсколькими новыми знакомыми, возвращаюсь подъ утро, часу въ четвертомъ, домой, то-есть въ Уиллису, въ Кондуктъ-Стригъ. Ужинъ такъ продлился, что я пообѣщалъ одному изъ новыхъ знакомыхъ поѣхать съ нимъ на Джерси, другому посѣтить его въ Ирландіи, а третьему непременно отыскать его въ Туринѣ или въ Вѣнѣ, когда туда поѣду. Въ карманѣ влючь, которымъ меня снабдилъ Роулинсонъ, на случай поздняго возвращенія, такъ что войти очень просто. Но чувство такое, какъ будто идешь воровать въ чужую квартиру, съ отмычкой.

Гасъ погашень. Хотѣлъ бы знать, гдѣ начинаются ступени лѣстницы. Очень глупо, что тутъ, въ проходѣ, скамейка. Натякаюсь еще на станокъ для зонтиковъ. Плохо, если это разбудить содержательницу комнаты, даму почтенныхъ лѣтъ. Она меня не видывала и пришлось бы объяснять, какимъ образомъ я тутъ. Можетъ кончиться полицейскимъ участиемъ. Уиллису, по настоящему, слѣдовало предупредить обо мнѣ свою квартирную хозяйку.

Ага, вотъ онѣ, наконецъ, ступени и перила. Уиллисъ живетъ во второмъ этажѣ. Въ первомъ этажѣ храпятъ. Дай прислушаться. Храпъ идетъ по всей лѣстницѣ. Внизу, должно быть, сама хозяйка упражняется; вверху служанка; кругомъ, въ промежуткѣ, храпятъ постояльцы; дружный хоръ. Въ его звукахъ нѣчто ужасное. Не торжественный, но какой-то неприятно-сверхъестественный характеръ, какъ будто вотъ сейчасъ всѣ они выскочутъ на меня изъ разныхъ дверей. Припоминается сцена изъ «Роберта»: Робертъ и возставшія изъ гробовъ монахини. Та сцена кончается благополучно, балетомъ. Если вообразить и въ настоящемъ случаѣ такое окончаніе—балетомъ; особенно при участіи почтенной хозяйки. Дневной свѣтъ пробивается изъ окна второго этажа. Свѣтъ очень блѣдный: при немъ я самъ въ своихъ глазахъ получаю какой-то замогильный видъ, особенно вокругъ бѣлаго жилета; какъ будто я—нѣсколько загрязнившееся привидѣніе. Съ первой площадки наверхъ—какъ можно осторожнѣе. Прохожу дверь комнаты Роулинсона. Храпятъ еще громче. Роулинсонъ храпитъ сердито. Прочіе съ оттѣнкомъ самодовольства; кромѣ одного, который порою разнообразитъ это вздохомъ. Приятно запереть за собой дверь на все это и лечь спать.

Общая комната пріятелей; да, это она. Чемоданъ должно быть снесенъ въ мою, то-есть, Уиллисову спальню. Но сакъ-воважъ здѣсь; и прекрасно; все подъ рукою. Эхъ, славно будетъ спать. Подхожу къ зеркалу и смотрюсь. Нѣтъ, негодится; такъ поздно возвращаться нехорошо. Волоса торчатъ въ родѣ пучковъ проволоки. Въ спальнѣ совсѣмъ темно. Надо зажечь свѣчку, чтобъ зайти туда, прежде чѣмъ раздѣваться. Вѣдь сколько разъ я ни говорилъ, этотъ несносный народъ, дѣла, запрятали же мою ночную рубашку въ чемоданъ, а не положили въ сакъ. Безъ нея не могу спать. А спать будетъ хорошо, и встать-то можно завтра когда угодно.

Въ спальнѣ. Это что! Не можетъ быть; показалось, что-ли? На кровати кто-то лежитъ. Кто-то, или кошка, или—нѣтъ, кто-

то, въ самомъ дѣлѣ. И спитъ крѣпчайшимъ сномъ. Уиллисъ возвратился, чтобъ его! Оборачивается во снѣ. Это не Уиллисъ. Но—какимъ же образомъ? Постой... да, это тѣ комнаты, въ которыхъ я былъ сегодня утромъ. Да... Потихоньку иду назадъ и осматриваю. Да, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Возвращаюсь въ спальню, сколь возможно еще болѣе потихоньку, и, при помощи свѣчки, осматриваю спящаго незнакомца. Отродясь не видалъ его. Что же онъ тутъ дѣлаетъ? Спитъ, разумѣется. Воръ онъ не можетъ быть. Воры не снимаютъ съ себя одежды (его сапоги и платье раскиданы во всѣ стороны, какъ попало) и не ложатся спать. Можетъ быть, пьяный постоялецъ; ошибся дверью. Право, не знаю, чтó мнѣ дѣлать. Очень странное положеніе. Разбудить Роулинсона, чтобъ онъ взглянулъ на него. Чтó же я скажу Роулинсону? Сказать ему: «послушайте, Роулинсонъ, вы меня извините пожалуйста, но подите сюда на минуту и посмотрите, чтó я нашель у Уиллиса въ постелѣ».

Однако не надо дѣлать этого слишкомъ внезапно, а то у Роулинсона, съ испуга, можетъ сдѣлаться припадокъ. Помню, это-то рассказывать, какъ съ вѣмъ-то, разбуженнымъ внезапно, съ испуга случился припадокъ. Правда, впрочемъ, въ этомъ было замѣшано фальшивое привидѣніе, и еще мѣшокъ съ рѣпой игралъ тамъ какую-то роль. А чтó, не лучше-ли забрать потихоньку мои вещи, да и убраться отсюда. Куда?

Удачная мысль: отель.

Въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ разстегнуть чемоданъ и выбрать отсюда чтó нужно; не тащить же эту подлую громадину по ступенямъ, а то разбудишь весь домъ и придется объяснять каждому. Ихъ тутъ живетъ человѣкъ десять, да хозяйка. Стою со свѣчкой и все еще гляжу на него, какъ будто есть еще вѣроятность, что онъ по собственному побужденію встанетъ и отправится въ отель, вмѣсто меня. Ужъ лучше пусть не просыпается. Дѣлаетъ движеніе; теперь мнѣ уйти нельзя. Онъ проснулся. Глядимъ другъ въ друга. Онъ произноситъ: «а? что-такое? это что за—». Отвѣчаю съ вѣжливостью: «не безпокойтесь; это такъ, случай». Называется мнѣ мысль: сцена изъ оперы или ораторіи, носящей названіе «Пробужденіе спящаго». Чья? Можетъ быть, продолженіе «Сомнамбулы». Все это неволью проскользаетъ въ моемъ умѣ, въ то время, какъ онъ лѣниво проговариваетъ— «случай... а...» Потомъ вдругъ конвульсивно садясь на постели «Горить, что-ли? Пожаръ?»

Опять неволью и менѣе чѣмъ въ секунду пробѣгаетъ въ моемъ умѣ мысль, что ея видъ, вокругъ головы, имѣетъ сморѣ

всего именно: пламенный нюансъ. Волосы рыжіе, длинныя и спутанныя; лицо красное; усы и борода красныя. Удачная мысль: Огненный духъ въ постелѣ.

Объясняю ему, что никакого пожара и вообще опасности нѣтъ. Тогда онъ, съ нелѣпой непослѣдовательностью: «ну, такъ который же часъ?» Точно онъ ждалъ меня къ назначенному часу, а я вдругъ пришелъ раньше.

Повидимому, онъ совершенно не сознаетъ, что причиняетъ мнѣ какое-либо неудобство. Однажды убѣдившись, что нѣтъ пожара, онъ, страннымъ образомъ, совершенно пересталъ интересоваться мною, улегся снова, повернулся на другой бокъ и проворчалъ: «ну, хорошо — ничего — отвѣжитесь — подите вонъ». Никакого страха уже не ощущаетъ и послѣ кратковременнаго, какъ-бы спазмодическаго просвѣта разума, вновь погружается въ глубочайшій сонъ. Это такъ обидно, что я рѣшаюсь дѣйствовать на него чувствомъ справедливости и попытаться, не поднять ли оно его съ постели.

Просто, но съ выразительностью, говорю ему: «извините меня, но вы заняли мою постель». — Возражаетъ сонливо и не двигаясь, но очень грубо: «убирайся къ — » по несуществующему адресу. Еще прибавляетъ: «говорятъ, отстань».

Что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ. Возвратиться домой въ четвертомъ часу утра, счастливымъ и довольнымъ, имѣя въ виду завалиться и предаться въ объятія сна, а вмѣсто того, найти рыжаго незнакомца, отродясь еще невиданнаго вами, но лежащаго на вашей постелѣ, и на ваше вѣжливое о томъ замѣчаніе, получить приглашеніе убираться къ — (выраженіе, которое въ камерѣ мирового судьи стобитъ пять шиллинговъ) и «отстать», —вѣдь все это по меньшей мѣрѣ «тро-форъ», чтобъ не сказать хуже.

— «Да», возражаю я, «но я вынужденъ приставать». Начинаю сердиться и желаю непременно изгнать его. Съ какой стати мнѣ платить за него въ отелѣ? Отчего не онъ долженъ платить? Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, мысль — если не хочетъ выходить, пусть уплатитъ мнѣ за наемъ номера въ отелѣ. Правда, это какъ-бы похоже на промыселъ шарманщика: «пова не подашь — не уйду». Что-жъ дѣлать, пусть похоже. Во всякомъ случаѣ — справедливо.

Продолжаю, громче, такъ чтобы помѣшать ему спать: — Эта постель — моя. — Ворчитъ самодовольно, изъ-подъ одеяла: «моя, твоя, своя, я-я-я-я-я...», какъ будто мой запросъ къ нему былъ просто неумѣстной шуткой. Ну, есть ли тѣнь вѣроятности (раціонально замѣчаю ему), чтобы я пришелъ въ четвертомъ часу

утра, заниматься неужестными и пошлыми шутками съ человекомъ незнакомымъ? Какъ ему кажется: вѣроятно это, или нѣтъ? — Представляется, будто спитъ. Эдакой обманщикъ!

Повторяю гнѣвно: «вамъ говорить, сэръ, это моя постель».

Отвѣчаетъ глупѣе, чѣмъ когда либо: «ничего!»

На этомъ я поймалъ его и саркастически подвожу знаменатель: — «такъ какъ вы сами не оспариваете факта, то повторнѣе прошу васъ выдти вонъ».

Это замѣтно на него подѣйствовало, такъ какъ онъ тотчасъ обернулся, и спросилъ меня, въ выраженіяхъ отмѣченныхъ совершенно-излишней рѣзкостью: что я за чортъ? какого чорта мнѣ надо? и на какого чорта я къ нему присталъ?

Мой отвѣтъ простъ: «Уиллисъ уступилъ свою постель мнѣ». — Возражаетъ: «и мнѣ тоже». Къ этому я не былъ приготовленъ, а потому на минуту замолкъ; еще сказалъ, совсѣмъ нестати: «въ самомъ дѣлѣ?» — «Да», гнѣвно продолжаетъ незнакомецъ, «уступилъ на все время, пока мнѣ будетъ угодно». Тѣмъ самымъ даетъ понять, что теперь еще во всякомъ случаѣ не выйдетъ. — «Но», представляю я снова: «Уиллисъ уступилъ мнѣ сперва». — «Не могъ», грубо отвѣчаетъ рыжій; «я прямо отъ него. Онъ далъ мнѣ свой ключъ» — и дѣйствительно, на столѣ лежитъ точь-въ-точь такой ключъ, какъ тотъ, который я получилъ отъ Роулинсона.

— «Но я былъ здѣсь уже утромъ», настаиваю я, хотя сознаю, что это слабо. На это онъ: — «а я вечеромъ». — «Прекрасно, но все-таки я явился сюда прежде васъ» — и указываю ему на свой чемоданъ, который мнѣ кажется въ эту минуту неопровержимымъ аргументомъ. На него однако не дѣйствуетъ. — «Во всякомъ случаѣ», заключаетъ онъ, «я прежде васъ легъ въ постель».

Этого не могу оспорить. Можетъ, и есть такой діалектическій приемъ, которымъ бы его можно выгнать вонъ; но гдѣ его искать. Пойду, приведу Роулинсона. — Вхожу въ его комнату осторожно, и шопотомъ, сперва, какъ-бы выдыхаю его имя. Потомъ выдыхаю его громче. Онъ вдругъ проснулся и быстро сѣлъ на постель, какъ будто подъ нимъ та пружина, отъ которой въ прежнихъ игрушкахъ выскакивалъ бѣсенюкъ изъ сахарницы. Потомъ засмѣялся; и далѣе говорить мнѣ: «а вы ея развѣ скушать не можете?» — Спрашиваю, съ изумленіемъ: «что это скушать? — Отвѣчаетъ, совершенно серьезно и съ убѣжденіемъ: «брюеву». Изъ этого очевидно, что онъ не сознаетъ моего присутствія въ комнатѣ, и, несмотря на наружную бодрость, все еще спитъ.

Произнеся нѣскольکو безсмыслныхъ словъ, онъ смѣется сознательно, извиняется и объявляетъ, что теперь совсѣмъ проснулся, а потому желаетъ знать въ чемъ дѣло? — «А! это долженъ быть Грэнджёръ», догадывается онъ, когда я сказалъ о рыжемъ въ постель. Свою догадку онъ высказываетъ въ такомъ тонѣ, какъ будто то, что я разсказалъ ему, психологически вполнѣ вѣрно съ характеромъ Грэнджёра; совершенно въ его родѣ; онъ, онъ, съ головы до ногъ. Оказывается, что Уиллисъ былъ у Грэнджёра и остался у него, когда тотъ уѣхалъ въ Лондонъ, и далъ позволеніе занять его квартиру въ городѣ, пока самъ останется у него, за городомъ. — «Не вижу», продолжаетъ Роулинсонъ, «какимъ образомъ вы бы могли заставить его уйти». Говоря это, съ нѣкоторой задумчивостью, Роулинсонъ въ то же время ложится и заботливо укутывается въ одѣяло, точно хочетъ этимъ добавить: «а не мнѣ же уступать вамъ мою постель». — «Непріятно однако, въ такую пору отправляться въ отель»; говорю это меланхолически, разсчитывая на его чувство состраданія, какъ прежде разсчитывалъ на чувство справедливости Грэнджёра. Роулинсонъ, подъ одѣяломъ, вполнѣ соглашается со мной: «еще бы! даже очень непріятно». — «Этакая гадость», продолжаю плаксиво. — «Ни на что не похоже», заключаетъ Роулинсонъ спокойно, подъ одѣяломъ, — въ такомъ тонѣ, что для него это въ сущности грошъ, лишь бы только я оставилъ его въ покоѣ.

Счастливая мысль: постельный эгоизмъ и консерватизмъ. Замѣтка: это заслуживало бы особой статьи.

Все еще стою, въ нерѣшимости. «А что, не нашлось ли бы лишней постели въ этой квартирѣ?» — Роулинсонъ, съ убѣжденіемъ: «нѣтъ». Между тѣмъ, я убѣжденъ, что если бы онъ далъ себѣ трудъ встать и посмотреть хорошенько, то нашелъ бы; однимъ словомъ, еслибъ захотѣлъ войти въ мое положеніе, то навѣрное сдумалъ бы сдѣлать что-нибудь для меня. Почти уходя, нерѣшительно подсказываю: «напримѣръ, на диванѣ» — подсказываю нерѣшительно потому, что совнаю себя здѣсь безъ легальной опоры, человѣкомъ безъ осѣдлости, безъ вида, какъ будто даже не имѣющимъ постоянныхъ занятій и опредѣленныхъ средствъ къ жизни; только-что не выгоняемымъ, скитальцемъ, ищущимъ гдѣ приклонить голову, все равно ужъ какъ, въ какомъ углу.

«Напримѣръ, на диванѣ», а самъ дѣлаю полуоборотъ къ двери. Роулинсонъ, засыная: — «да». — Еще шагъ къ двери: — «увериться можно бы хоть сватертью».... Роулинсонъ, слабѣе прежняго и въ востъ: «у—хи—у!»

Просто курамъ на смѣхъ, отвратительно, глупо до крайности.

Разсердился я не на шутку. Иду назадъ, въ общую комнату. Совсѣмъ свѣтло. Сидѣть, что ли, пока Роулинсонъ или Грэнджёръ встанутъ, и тогда лечь спать. Диванъ прежестко набить конскимъ волосомъ. Внезапно во мнѣ является рѣшимость. Отправляюсь въ отель, и потомъ напишу жалобу Уиллису. На что? На кого? Ну, завтра разберемъ. Хочу взять свой чемоданъ въ спальнѣ Грэнджёра. Заперся на ключъ, рыжій.... Хотѣлъ предупредить мое вторичное появленіе. Зову: молчите; стучу: не отвѣчаетъ. Сто проклятій моей служанкѣ; двадцать тысячъ разъ говорилъ ей не пихать ночную рубашку въ чемоданъ.

Удачная мысль: такія инструкціи надо давать письменно. Сто проклятій Роулинсону, рыжему, Уиллису, всѣмъ. Спускаюсь съ лѣстницы съ сакъ-вожаемъ. Чувствую отчаянность: теперь мнѣ все равно, хоть весь домъ разбужу. Постояльцевъ, квартирную хозяйку, кто бы тамъ ни былъ. «Чортъ бы ихъ побралъ, спать; а я».... Шлепаю сакъ на плиты въ проходѣ и отворяю уличную дверь. Гдѣ кебъ? И они спать, небось. Вонъ, впрочемъ, ползетъ одинъ по Риджентъ-Стриту. «Эй! кебъ! сюда!» Теперь мнѣ все равно, какой бы шумъ я ни производилъ. Кладу сперва сакъ, потомъ сажусь самъ и мнѣ приходитъ мысль, что это очень похоже, какъ будто я укралъ серебряный сервизъ и теперь улепетываю. — «Куда, сэръ?» — Обдумываю. Разъ только и былъ въ лондонскомъ отелѣ. Морли-отель. Нѣтъ, тамъ пожалуй не понравится, если позвонить въ такую пору. Желѣзно-дорожный отель—вотъ гдѣ къ такому дѣлу привычны. Удачная мысль: Чарингъ-Кроссъ, отель станціи, гдѣ останавливаются заграничные поѣзды. Вѣчно на ногахъ, во всякое время ужины, нумерные человѣки и комнатныя дѣвушки бодрствуютъ днемъ и ночью.

Удачная мысль: въ отелѣ-то, пожалуй, и лучше будетъ, чѣмъ у Уиллиса. Приѣхали. Спать однако сильно хочется. Заплатилъ вѣбмену. Швейцару тоже явно спать хочется. Все громадно и уныло—пусто. Громадная зала, громадная лѣстница, громадные корридоры, низенькій швейцаръ, съ маленькой свѣчкой. На моментъ тяжкое сомнѣнье: «можно получить нумеръ?» — «Можно», отвѣчаетъ швейцаръ, съ нѣкоторой неохотой, которая вѣроятно зависитъ отъ сонливости. Затѣмъ онъ справляется съ какой-то таинственной доской на стѣнѣ, и сообщаетъ, что я могу получить нумеръ триста-семьдесятъ-пятый. Приятная мысль: подымутъ на воздушномъ креслѣ; даже весело. Отвѣтъ: нѣтъ, не подымутъ, ночью этого нѣтъ. «Пришлите мнѣ содовой воды съ коньякомъ»,—заказываю я, не потому, чтобы мнѣ хотѣлось, но для того, чтобы внушить о себѣ, что я не какой-нибудь парія, созданный для

нумера триста-семьдесят-пятого, въ шестомъ этажѣ. «А другого нумера нѣтъ?» — «Нѣтъ». — Удачная мысль: «а въ бель-этажѣ тоже нѣтъ?» Опять—чтобы внушить ему о себѣ; пусть знаетъ, что я не какой-нибудь кулъ товарный, котораго тащить въ номеръ 375. Въ умѣ полагаю, что комнаты въ бель-этажѣ стоятъ около двухъ совереновъ въ сутки и (по всей вѣроятности) отдаются цѣлыми аппаратами иностраннымъ посламъ и другимъ знатымъ иностранцамъ.

Мысль: послы живутъ даромъ. За ихъ квартиры платитъ правительство. Можно бы имѣть смѣлость сказать, что я посоль. Мильбордъ—тотъ сказалъ бы. Содовой воды съ коньякомъ получить нельзя; буфетъ запертъ. Черезъ три часа можно будетъ получить; сообщаетъ, когда буфетъ откроется. Дуракъ. Поднимаюсь по лѣстницѣ и вспоминаю гравюры въ «Иллюстраціи», съ изображеніемъ лѣстницъ и людей, идущихъ по нимъ. Вдоль корридоровъ. Всевозможные сапоги выставлены за дверями. Нѣчто въ родѣ тюрьмы, устроенной по системѣ одиночнаго заключенія; внутренней видъ, послѣ того, какъ заключенные выставили свои сапоги. По одному корридору вверхъ, по другому внизъ, черезъ третій, вверхъ нѣсколько ступеней, въ четвертый корридоръ, меньшій чѣмъ предшествующіе. Внезапно останавливаемся предъ № 375. Отворяемъ дверь: хлопъ, мой саекъ на табуретѣ. Подхожу къ зеркалу, чувствую себя приплывшимъ въ гавань и не тороплюсь дать свои приказанія; потомъ медленно оборачиваюсь, не безъ нѣкотораго «форса» (въ такомъ смыслѣ, что хотя я и нахожусь въ № 375, но мнѣ приличествуетъ не такое помѣщеніе) и хочу приказать—онъ уже исчезъ; никого нѣтъ. Здамъ же я ему завтра. Теперь спать. «Послѣ лихорадочныхъ ощущеній этой бурной ночи, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ». Это гдѣ-то есть.

Проснулся, въ отелѣ, сколько понимаю, посреди сновидѣнія. Удачная мысль: снилось нѣчто связаное, поэтому попробую записать. Мой сонъ (примѣръ связанаго сновидѣнія для «Развитія типовъ», Томъ IX, глава X, парагр. 3, подъ буквой С: «Сновидѣніе», «Сновидѣнія у разныхъ народовъ»). Снилось, что во мнѣ пришелъ нашъ бывшій посоль въ Лондонѣ, лордъ Уэстбери, гдѣ-то въ комнатѣ или въ саду, отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ по секрету, что настоящее имя его — Сассапарель. Кажется, я нѣсколько не былъ удивленъ этимъ сообщеніемъ, но тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, я лѣзъ на-четверенькахъ подъ кухонный столъ, о которомъ кто-то (кто именно—не знаю, такъ какъ его не было

видно) сказалъ, что это—«монастырь для маленькихъ мальчиковъ». Немедленно затѣмъ, я какъ-будто находился въ Индіи и мнѣ предстояло быть разстрѣляннымъ за ослушаніе приказаніямъ одного генерала, который тутъ же плакалъ. Никого изъ офицеровъ я не зналъ, кромѣ Будельса, который объяснялъ мнѣ механизмъ гильотины. Я возразилъ кому-то (должно быть, Будельсу), что мнѣ надо написать домой и испросить позволенія. Но на что — не знаю, развѣ что позволенія подвергнуться казни. На этомъ мѣстѣ мой сонъ совершенно спутался; да встать, когда просматриваю теперь написанное, то не могу и въ немъ уловить ясной связи, которая однако была. Я увѣряю, что недостаетъ нѣкоторыхъ соединительныхъ чертъ, которыхъ не могу теперь припомнить. Подумаю о нихъ въ теченіи дня и запишу послѣ. Но впечатлѣніе мое относительно ослушанія въ Индіи и гильотины еще такъ живо, что я въ самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ вижу себя въ отелѣ, на кровати.

II.

Позвонить и велѣть подать себѣ чаю, чтобъ совсѣмъ проснуться. Но прежде надо найти головку звонка. Удачная мысль: прослѣдить направленіе проволоки подъ потолкомъ и дойти глазами до головки. Я былъ бы хорошимъ сыщикомъ. Но проволока нѣтъ. Головки звонка отырываю по обѣимъ сторонамъ каминна; какъ будто это—гостиная, а не спальня. Неужели архитекторъ не сообразилъ этого неудобства. Кстати, дѣло ли это архитектора? Удивительно, какъ воспитаніе мало приготовило насъ въ пониманію такихъ простыхъ вещей. Я, по крайней мѣрѣ, никогда еще объ этомъ не думалъ. Но теперь, подумавши, мнѣ кажется, что архитекторъ устраиваетъ только наружную сторону зданія, его архитектурную часть, а до внутренней не касается. А кто же дѣлаетъ лѣстницы? и двери? Плотники и обойщики? Хотѣлъ бы имѣть подъ рукой толковый словарь, тогда посмотрѣлъ бы, что собственно означаетъ «фасадъ», такъ какъ относительно его я уже знаю, что его дѣлаетъ архитекторъ. Удивительно: мнѣ приходитъ теперь въ голову, что «Архитектуру»-то я вѣдь пропустилъ въ «Развитіи Типовъ», подъ буквой А, Т. II. Впрочемъ, еще ничего, такъ какъ издателю я покажу только Т. I-й, который совершенно полонъ и останавливается на словѣ «Абстрактъ». Вонъ изъ постели, и звоню. Назадъ, въ постель опять. Тепло. Какъ пріятно думать въ постели. Лежать себѣ и

думать; взять записную книжку и помѣтить что-нибудь. Намѣтить распределение моего времени на сегодня. 1) Встать. Умыться и одѣться. Это можно бы и не намѣчать, но я намѣчаю, изъ систематичности. Система—великое дѣло; также регулярность въ мелочахъ. 2) Позавтракать и проч. Начинаю отъ строки. Написать письма. А вѣдь на звонокъ не отозвались. Вонъ изъ постели, и звоню опять. Скокъ въ постель назадъ. Моціонъ. Намѣчаю далѣе. Письмо къ Будельсу. За мною пропасть писемъ,— я знаю; но теперь никакъ не могу вспомнить, кому надо писать. Къ Уиллису, относительно рыжаго и постели. Вотъ и все. А женѣ? Да, вотъ женѣ-то и забылъ. Чтѣ-жъ ей написать?

Ужъ, конечно, не писать: «мнѣ такъ, душа, весело въ Лондонѣ, что...» Напишу наоборотъ: «ты не повѣришь, какая тоска въ Лондонѣ, въ это время года». Мысль во-время: полный разговоръ сезона.— «Какъ мнѣ хотѣлось бы сидѣть опять въ нашемъ гнѣздѣ. Но не могу: обстоятельства, дѣла съ издателями, очень важныя. Поцѣлуй за меня малютку. Отъ души обнимаю мамашу (подразумѣвается миссисъ Симперсонъ, тѣща. Принужденъ всунуть это). Звоню опять. Это въ третій разъ. Заклучу письмо: «новаго здѣсь ничего нѣтъ». (Гдѣ это, здѣсь? Не знаю самъ съ точностью. Такъ, условныя формы частной переписки. «Условныя формы переписки»—недурное заглавіе для карманной книги. Предложить издателю. Бросится ли онъ на это?) Вспичу письмо: «остаюсь, дорогая Фридди (уменьшительное и ласкательное вмѣсто Фридолины), твой тебя многолюбящій мужъ — —». Кстати: къ чему прописывать свое крестное имя, да еще фамилію, обращаясь къ женѣ? Звоню опять, въ четвертый разъ. Въ № 375-мъ я, должно быть, такъ удаленъ отъ всѣхъ, что они и вниманія не обращаютъ. Прескверно, особенно въ случаѣ пожара. Впрочемъ, въ случаѣ пожара, никто, пожалуй, и звонить бы не сталъ; развѣ, чтобы заказать извозчика. Напримѣръ, въ такомъ видѣ: «Такъ какъ это зданіе горитъ, то я здѣсь дольше не останусь. Позовите мнѣ извозчика». Скокъ на кровать, въ четвертый разъ. Составляю восемь свачковъ изъ постели и въ постель; да восемь переходовъ чрезъ комнату. Прогулка передъ завтракомъ, для здоровья. Возвратимся къ предмету. Къ чему вообще какая-либо подпись имени въ письмѣ къ женѣ? Странно, всегда это дѣлать и до сихъ поръ не замѣчать, что это нелѣзно.

«Многолюбящій мужъ». И совершенно достаточно. Точна и роцкеръ на *me*, въ «мужъ». Въ нѣкоторомъ родѣ начинается для меня новая эра въ письмоводствѣ. Однако нейдуть да и вончено. Въ пятый разъ, въ шестой. Наконецъ.

Хотѣлось бы пораньше выбраться по дѣламъ. Но для этого надо быть героемъ романа. «Десять минутъ было ему достаточно, чтобы окончить свой туалетъ; онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы и вдругъ, о, неожиданность, натолкнулся—на кого же!» Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ. Или такъ: «Вскочить съ жѣсткаго ложа и облечься въ вѣрную броню было для сэра Реджинальда дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Въ полномъ вооруженіи, готовый на все, онъ спустился съ лѣстницы и нашелъ леди Эвелину на террасѣ. Казалось...» и т. д.

Желалъ бы примѣнить это къ моимъ обстоятельствамъ (Войдите! человекъ, вносящему ванну). «Вскочить съ постели, взглянуть на себя въ зеркало, причесать волосы, вытереть носъ, умытъ руки и лицо, облитыя въ ваннѣ, вычистить зубы, надѣть чистую рубашку изъ вольчуги, приказать пришить себѣ пуговицу свади, потребовать чистый носовой платокъ и приказать обмахнуть и обтереть отъ пыли надѣтые на него доспѣхи—было для сэра Реджинальда дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, значительно меньшаго времени, чѣмъ потребовалось намъ для описанія его поспѣшнаго сбора».

Посѣтилъ выставку въ академіи. Постригся. Съѣлъ порцію мороженаго. Одно изъ другого не слѣдуетъ, но одно слѣдовало за другимъ. Зайду къ Уиллису; справится—будетъ ли почевать Гранджъръ. Не будетъ. Роулинсонъ: «Итакъ, если вамъ угодно почевать здѣсь, постель ваша».

Въ клубъ. Есть письма? Два: одно отъ жены; прежде посмотримъ другое. На конвертѣ отпечатаны именá гг. «Попгудъ и Грулли, Лѣдчетъ, 8». Отъ общеизвѣстной книгопродавческой фирмы. Попгудъ и Грулли дѣйствительно бросились на «Развитіе типовъ». По крайней мѣрѣ, на мое письмо къ нимъ, съ приложеніемъ рекомендаціи отъ троюроднаго брата Будельса, они заявляютъ мнѣ, что «съ удовольствіемъ переговорять со мной, если мнѣ угодно будетъ пожаловать къ нимъ утромъ, по возможности раньше». Раньше, на примѣръ, часовъ въ шесть. Чтѣ бы вышло? Оба еще въ постеляхъ. Попгудъ въ одной комнатѣ, Грулли въ другой, я—въ средней, и читалъ бы имъ вслухъ Т. I-й «Развитія типовъ». Эту картину я изображаю одному знакомому въ клубѣ, потому что чувствую необходимость говорить съ кѣмъ-нибудь объ этомъ предметѣ, такъ какъ нахожусь въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Надо однако пробѣжать рукопись сегодня вечеромъ; все ли въ порядкѣ. Лучше читать себѣ громко избранныя мѣста, чтобы приготовиться; еще лучше слы-

тать дѣйствиѣ этихъ мѣстъ на Роулинсонѣ, когда онъ вернется домой на ночь.

Удачная мысль: пригласить Роулинсона обѣдать; тогда онъ не будетъ въ состояніи отказаться потому слушать. Открываю посланіе Фридди. У малютокъ еще новая сыпь; мамаша совѣтуетъ перемѣну воздуха—на морской берегъ. Долго ли я еще пробуду въ Лондонѣ? Отчего не пишу? Ей несомнѣно вѣдоровится. Поручается мнѣ воспользоваться пребываніемъ въ Лондонѣ и зайти къ дядюшкѣ и тетюшкѣ Бенсонъ. Мамаша влается, и не возьму ли я на себя трудъ забѣжать въ Фрибсби и уплатить ея счетъ, чтобы избавить ее отъ нарочнаго прѣѣзда сюда. Фрибсби—ювелиръ, въ Бондъ-Стритѣ.

Отвѣчаю тотчасъ же; валяю письмо кое-какъ, чтобы видѣли, какъ я занятъ:

«Дорогая Фридди! Ужасно занятъ теперь. Попгудъ и Грулли, книгопродавцы-издатели всемірной извѣстности, изъявляютъ желаніе купить «Развитіе типовъ». Завтра свиданіе съ ними. Обнимаю всѣхъ. Бѣдный крошка! Посмотрю, относительно дядюшки. Твой многолюбящій мужъ; въ торопяхъ!»

Послалъ письмо. Увѣдомить гг. Попгуда и Грулли, что явлюсь завтра? или сдѣлать имъ сюрпризъ? Обдумавъ, нахожу, что лучше сдѣлать сюрпризъ. Дѣлать однако нечего весь этотъ вечеръ. (Такое чувство, какъ будто, написавъ женѣ это письмо съ увѣдомленіемъ, какъ я страшно занятъ, я уже все повончилъ). Пойду въ сторону Бельгравии и найду къ дядюшкѣ Бенсону.

Удачная мысль—захватить по дорогѣ Роттенъ-Роу и экипажную аллею ¹⁾. Послѣ письма Попгуда и Грулли, я чувствую, что у меня въ нѣкоторомъ родѣ тоже есть положеніе въ свѣтѣ. Моя матушка и дядя Бенсонъ постоянно твердили мнѣ, что надо бы остановиться на какой-нибудь профессіи; въ особенности послѣ моей женитьбы. Фридди поддакивала. Что жъ, вотъ профессія—литература. Начать съ «Развитія типовъ» Т. J. Допустимъ, что онъ выдержалъ бы пятнадцать изданій; положимъ, по тысячѣ фунтовъ каждое изданіе, и по тысячѣ съ каждаго тома; томовъ можетъ быть до пятидесяти, такъ какъ первый дошелъ только до «Абстракта»; въ такомъ случаѣ, это составляетъ пятьдесятъ тысячъ; да пятнадцать разъ пятьдесятъ, это—семьсотъ-пятьдесятъ тысячъ фунтовъ. Пусть этотъ колоссальный трудъ возьметъ у меня десять лѣтъ; вѣдь это смахивало бы на семьдесятъ-пять тысячъ фунтовъ въ годъ. Остановимся, чтобы сдѣлать это

¹⁾ Уголъ Гайдъ-парка, гдѣ главный сборъ верховныхъ и экипажей.

вычисленіе въ записной книжкѣ. Неожиданно чикнулъ; простуды никакой нѣтъ, но встряхнуло такъ сильно, что чувствую, какъ гдѣ-то сорвалась пуговка. На задѣ воротничка, навѣрное, потому что ощущаю, какъ онъ спиралью ползеть вверхъ. Право, думалъ, что разъ женишься, то всѣ эти подробности будутъ постоянно содержаться въ исправности.

Удачная мысль: куда-нибудь зайти и попросить тамъ, чтобы мнѣ нашили пуговку. Куда? Къ кондитеру. Войти, что-ли? Смотрю въ окно и вижу: банки съ вареньемъ. Дѣлаю въ умѣ какъ-бы репетицію. Положимъ, я вошелъ. Положимъ, я обратился къ дѣвицѣ за прилавкомъ: порцію мороженого, клубничнаго, пожалуйста. Да, кстати (какъ будто вовсе не затѣмъ пришелъ), нѣтъ ли у васъ пуговки, которую вы были бы такъ добры пришить мнѣ? Думается мнѣ: нѣтъ, лучше этого не дѣлать. Можетъ показаться несообразнымъ. Или зайти къ бандажисту и купить перчатки. Но перчатокъ мнѣ не требуется и это было бы четыре съ половиною шиллинга за пришивку пуговицы.

Лѣзетъ, лѣзетъ вверхъ, и перелѣзъ черезъ жилетъ, чувствую. Ощущаю общую неловкость во всемъ костюмѣ. У разныхъ частей моего костюма, взятыхъ каждая въ отдѣльности, есть какое-то взаимное сочувствіе. Теперь, взглянувъ внизъ (раньше не замѣчалъ это), вижу, что одна нога панталонъ короче другой. Я уже разъ говорилъ объ этомъ портному и старался внушить ему, чтобы онъ не дѣлалъ одной ноги длиннѣе противъ другой. Это—его главный недостатокъ. Поносишь три дня, и одна нога непременно станетъ короче другой.

Удачная мысль: можно остановиться передъ окномъ магазина, какъ будто разглядываю вещи, а между тѣмъ разстегнуть жилетъ и подтянуть одну подтяжку. Съ подтяжками у меня то же самое, что со стременемъ при верховой ѣздѣ. Чтобы были ровны—ни за что. Вдругъ кто-то схватываетъ меня за локоть и оборачиваетъ лѣвымъ плечомъ впередъ. Гляжу: Будельсъ, какой-то старичокъ и двѣ дамы, по послѣдней модѣ одѣты, и Будельсъ желаетъ меня имъ представить.

Положеніе отчаянное. Воротничекъ влѣзъ по шеѣ бокомъ вверхъ, жилетъ разстегнуть, а отъ внезапнаго поворота налѣво кругомъ (надо же такую восолопость со стороны Будельса) лопается нижняя часть подтяжки. Не могу объяснить, что это не что иное, какъ подтяжка, потому что тогда покажется, что именно не она. Крайне неловко. Какъ Будельсъ сообщаетъ мнѣ, онъ очень желалъ, чтобы я былъ имъ представленъ. Ну, желали,

что-жъ, ну, и достигли исполненія желанія. Старичокъ (ни одного имени я, конечно, не разслышалъ) пожимаетъ мнѣ руку (для этой цѣли я принужденъ высвободить свою руку изъ-подъ жакета) и, улыбаясь, провозноситъ: «много слышалъ о васъ, сэръ; знаю, что вы человѣкъ весьма остроумный».

Удачная мысль—отвѣчаю: «о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ». Что за глупое обращеніе. Не могъ же я отвѣтить ему: «да, сэръ, я человѣкъ весьма остроумный». Послѣ этого опускается на насъ какой-то туманъ безмолвія, и мы молча идемъ по Пиккадилли. Невольно представляю себѣ, какъ они должны быть разочарованы насчетъ моего остроумія. А, не слѣдовало Будельсу внушать имъ такіа надежды. Поругаюсь съ нимъ послѣ. Когда оборачиваюсь въ молодой дамѣ (довольно хороша собой и высокаго роста), мой воротничокъ тоже въ ней поворачивается и ужъ совсѣмъ въ бокъ пошелъ. Послѣдствіе таково, что я задаю ей вопросъ (черезъ воротничокъ, насильно привелъ его внизъ рукою), «надолго она въ Лондонѣ?»—въ чемъ нѣтъ ничего блестящаго, ни остроумнаго.

Она отвѣчаетъ «нѣтъ», и предоставляетъ остальное мнѣ. Старичокъ (папаша ея, вѣроятно), идя по другой сторонѣ ея: «да, да, мы слышали о васъ» — при этомъ смѣется отъ восторга, какъ будто вотъ, наконецъ, изловилъ-таки меня—«слышали, слышали о васъ, что вы человѣкъ очень и очень остроумный». Отвѣчаю: «въ самомъ дѣлѣ?»—и мы идемъ далѣе, безмолвно, до самаго Ротшильдова дома. Они все молчатъ. (Будельсъ потомъ пояснилъ мнѣ, что на нихъ дѣйствовали, во-первыхъ, страхъ, что я сатирически засмѣюсь надъ ними и, во-вторыхъ, желаніе услышать отъ меня остроумныя выходки).

Удачная мысль (при воротахъ парка): «Очень жаль, но мнѣ надо идти туда»—въ противоположную сторону. Хотѣлъ бы отпустить что-нибудь остроумное при прощаньи, но не могу. Говорю «прощайте», и какъ можно остроумнѣе взглядываю на нихъ.

Уиликсъ не возвратился, слѣдовательно—пользуюсь его поstelleю. Первое сознаніе проснувшись—сегодня день для Поппа и Грулли и «Развитія типовъ».

Роулинсонъ уже сошелъ внизъ и завтракаетъ, четвертью часа раньше меня. Потомъ оказывается, онъ постоянно сходитъ внизъ четвертью часа раньше меня и тотчасъ начинаетъ завтракать, не предупредивъ меня, что онъ уже тутъ,—не по-товарищески, и я высказываю это, такъ какъ достаточно уже познакомился. Повидимому, цѣль его ранняго прихода—завладѣть «Times'омъ», который онъ и удерживаетъ въ своихъ рукахъ до пяти минутъ

передъ появленіемъ мальчика за этой газетой (она только дается имъ на прочтеніе); тогда онъ обыкновенно спрашиваетъ меня: «не хочу ли я пробѣжать «Times», хотя (прибавляетъ) ничего особеннаго въ немъ сегодня нѣтъ». И такъ всегда.

Теперь важный вопросъ—въ какомъ видѣ мнѣ предстать передъ Попгудомъ и Грулли? То-есть, какъ одѣтымъ? У издателя или издателей ни разу не бывалъ, и сообщаю Роулинсону мое сомнѣніе: пойти въ поношенномъ платьѣ, такъ, чтобы внушить имъ мысль о бѣдности (литераторъ, заѣденный средою, дѣти на чердакѣ въ Грѣбъ-Стритъ и т. д., о чемъ такъ много слышно) или нарочно пойти въ самомъ изящномъ костюмѣ, чтобы сдѣлать на нихъ впечатлѣніе автора по влеченію, но человѣка независимаго, со средствами. Взоры Роулинсона остаются на газетѣ, но онъ улыбается и говоритъ: «вотъ это-то и надо разрѣшить». Всегда вѣрнѣе заинтересовать человѣка лично, тогда онъ вникнетъ.—«Вы какъ бы сдѣлали въ моемъ положеніи?» спрашиваю его. Онъ отрываетъ взоры отъ газеты и секунду или двѣ смотритъ впередъ неопредѣленно; потомъ опять начинаетъ читать, сказавъ, что «въ точности не знаетъ».—Можно еще нарочно высказать передъ нимъ опредѣленное мнѣніе, такъ чтобы онъ могъ не согласиться, и тогда вопросъ выяснится преніями. Говорю: «знаете, мнѣ кажется, слѣдовало бы одѣться хорошенько, а, что?»

Роулинсонъ продолжаетъ читать «Times»; произносить: «да, да, конечно». Я еще недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы рѣшился прямо упрекать его въ эгоистическомъ равнодушіи, съ которымъ онъ отказывается вникнуть въ мое дѣло. Но онъ въ самомъ дѣлѣ эгоистъ. Я угостилъ его обѣдомъ въ клубѣ съ той цѣлью, чтобы, по возвращеніи домой, онъ сталъ слушать отрывки изъ моей рукописи, въ родѣ генеральной репетиціи до представленія у Попгуда и Грулли. Но онъ по дорогѣ нарочно взялъ съ собой двухъ встрѣчныхъ знакомыхъ, шепнувъ мнѣ: «вамъ пріятно будетъ съ ними познакомиться, одинъ отлично играетъ на фортепіано». Привелъ ихъ сюда и они сидѣли, пѣли, играли и курили за три часа пополуночи; я спать пошелъ и тутъ еще долго слышалъ, какъ они хохотали во все горло.

Я и теперь, пожалуй, сталъ бы читать и даже предложилъ ему, но у него нѣтъ времени; пошелъ за шляпой, а я пошелъ за «Развитіемъ типовъ» и раскрылъ его. Роулинсонъ: «не могу, въ самомъ дѣлѣ...» Читать я однако началъ. Стоитъ и гладить шляпу ладонью, кругомъ. «О разныхъ формахъ этнографическихъ и филологическихъ вліяній на развитіе типовъ. Группировка ха-

растерныхъ чертъ представляеть, съ нашей точки зрѣнія, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ приѣмовъ сравненія, какіе представляеть научная методика...» NB: второе «представляеть» надо вонъ. Не то Попгудъ... «Нѣтъ ли у васъ, Роулинсонъ, карандаша?».

«— Нѣтъ, да у меня и времени, знаете, нѣтъ...»— «Постойте, вѣдь сейчасъ, неужели двухъ словъ не прослушаете». Смотритъ на часы. «Современный первобытный человѣкъ въ центральной Африкѣ представляеть...» Удивительно: еще «представляеть»; вычеркиваю его; но непостижимо, что, вычеркнувъ его, нахожу слѣдующее слово опять «представляеть»... Не могу понять, что я хотѣлъ сказать этимъ? Прошу Роулинсона, хоть для курьеза, взглянуть, что это за слово. Онъ: «кажется, «протопопъ», а впрочемъ, я бѣгу... извините, пожалуйста; ужъ и то опоздаю».

Необходимо прочесть спокойно это мѣсто, а то бѣда. «Современный первобытный человѣкъ въ центральной Африкѣ представляеть (вонъ, «являетъ собою») прототипъ общаго первобытнаго состоянія человѣчества въ степени весьма близкой къ той, которую мы можемъ прослѣдить и въ дикарѣ Сѣверной Америки». Совершенно ясно. Понимаю: это я «прототипъ» принялъ за новое «представляеть», которое намозолило мнѣ глаза.

Глазъ мой скоро осваивается вновь съ собственнымъ моимъ почеркомъ и, прослѣдивъ заботливо двѣ-три страницы (ихъ 150 въ рукописи), я доволенъ; рѣшаюсь немедленно ѣхать въ Попгуду и Грулли.

Покупаю карандашъ и ѣду. Рукопись по временамъ раскрываю въ кабѣ, держа карандашъ въ рукѣ. Пройдетъ это знакомый, увидитъ, что я по-горло сижу въ литературныхъ занятіяхъ. Могла бы быть надпись на кабѣ, мѣломъ: «На пути къ Попгуду и Грулли, знаменитымъ издателямъ, съ «Развитіемъ типовъ» Т. I». Результатъ вопроса о костюмѣ тотъ, что я весь въ черномъ, какъ будто вдругъ надѣлъ трауръ или ѣду на поединокъ съ Попгудомъ и Грулли. Можно бы еще купить очки. Литературно. Не слѣдуетъ, однако, а то они послѣ встрѣтять безъ очковъ и обидятся; скажутъ: «стало быть, онъ насъ дурачилъ».

Ѣдемъ все на востокъ, въ самую нефешенебльную часть города, и останавливаемся въ переулѣ, изъ котораго не видно выхода. Чувствую себя въ нервномъ состояніи и въ расположеніи быть крайне-вѣжливымъ со всякимъ. Припоминаю себѣ, въ видѣ ободренія, Джонсона и Гольдсмита, Смолетта и Фильдинга. «Было время, когда и они шли въ первый разъ къ издателю», и, посреди такого раздумья, неожиданно подхожу къ двери, на

которой написано: «Попгудъ и Грулли». Посматриваю. Кромѣ этой двери, есть еще другія и всѣ съ той же надписью. Какой-то шумъ машины слышенъ гдѣ-то (въ родѣ того, который замѣчаешь, войдя въ дверь «Политехникума»). Въ которую дверь здѣсь войти — не знаю, но вотъ на стѣнѣ нарисована рука, указывающая на «вонтору».

Вхожу туда. Пустые корридоры. По бокамъ разныя комнаты; въ окнахъ и дверяхъ матовыя стекла. Можетъ, меня видятъ теперь множество людей, которыхъ я не вижу. Можетъ, самъ Попгудъ и Грулли, откуда-нибудь, озираютъ меня въ настоящую минуту и приходятъ въ соглашенію, какъ поступить со мной. — Служащій въ вонторѣ, вѣроятно. — «Что вамъ угодно, сэръ?» — «Какъ бы вамъ сказать, мнѣ нуженъ Поп...» Удерживаюсь; хотѣлъ сказать просто «Попгудъ и Грулли», но говорю: «мнѣ нужно видѣть м-ра Попгуда или м-ра Грулли». — «Не угодно ли сюда». Не знаетъ, можно ли ихъ видѣть, но доложить. Пишу фамилію на доскутѣхъ и отдаю, въ комбатѣ, гдѣ сидятъ писцы.

Посматриваютъ на мою тетрадь. Чувствую, что она располагаетъ ихъ *противо* меня. Кажется, если бы я пришелъ пригласить Попгуда и Грулли на обѣдъ или на «партію», то меня впустили бы безъ доклада. Теперь же, думается мнѣ, докладчикъ дѣлаетъ имъ тонкій намекъ, что у посѣтителя тетрадь; въ такомъ случаѣ окажется, что ихъ нѣтъ дома. Выходитъ докладывавшій: — «пожалуйте сюда». Жалую сюда и чувствую, что мнѣ не по себѣ и что я сейчасъ вспотѣю (чувствую въ родѣ испытаннаго мною, когда я предлагалъ мою руку и сердце Фридолинѣ, въ оранжереѣ); такъ, проникаю прямо въ собственный кабинетъ Попгуда и Грулли. Доложившій о мнѣ останавливается, на минуту, въ дверяхъ, повидимому любопытствуя, что мы другъ надъ другомъ сдѣлаемъ. Дѣйствительно, вотъ сидитъ онъ самъ, то-есть Попгудъ или Грулли, не знаю который. Передъ нимъ — большой письменный столъ; сбоку, позади его — каминъ. Служащій, удаляясь, кажется, шепнулъ имя, но я не уловилъ.

Попгудъ или Грулли слегка привстаетъ, кланяется и указываетъ мнѣ стулъ, стоящій на другомъ концѣ каминнаго ковра, противоположномъ тому, гдѣ — онъ.

И я ему кланяюсь. До сихъ поръ все къ обоюдному удовольствію и очевидное единомысліе. Но шляпа вдругъ стѣсняетъ меня и минуту я волеблюсь, шляпу ли положить на столъ, а рукопись на полъ, или наоборотъ — шляпу на полъ, а столъ рукопись.

Удачная мысль—сказать: «вы, вѣроятно, получили мое рекомендательное письмо—то-есть обо мнѣ—отъ мистера Будельса?» Мнѣ такъ странно величать Будельса мистеромъ, что это одно придаетъ бесѣдѣ, въ моемъ сознании, характеръ какой-то государственной церемоніи. — Попгудъ или Грулли является опять. Тотъ или другой—пріятно было бы знать. Человѣкъ онъ пожилой съ видомъ, напоминающимъ пастора. Должно быть Попгудъ. Неловко какъ-то начать прямо: «почитаю вамъ «Развитіе типовъ» т. I», хотя это вело бы прямо къ дѣлу...

Начнемъ отъ Будельса. Отъ предмета извѣстнаго переходимъ къ неизвѣстному. Будельсъ обоимъ намъ извѣстный предметъ. Дѣлаю вслухъ замѣчаніе, какой славный малый—Будельсъ, мой большой пріятель; писалъ тоже (покровительственнымъ тономъ) нѣкоторыя вещицы и... вообще отличный человѣкъ. Попгудъ или Грулли отвѣчаетъ, что не имѣетъ удовольствія знать Будельса, такъ какъ письмо «полученное нами (фирма «П. и Г.») было отъ его родственника». — «Сообщалъ онъ вамъ, чему посвященъ мой трудъ?» — Попгудъ или Грулли (теперь мнѣ почему-то начинаетъ казаться, что это Грулли):—«Нѣтъ. Позвольте узнать въ чемъ заключается»...—спрашиваетъ онъ сонливо, точно мнѣ доселѣ не удалось возбудить въ немъ интересъ...—«въ чемъ заключается задача вашего труда?»

Удачная мысль: во-время сдержать свой языкъ, который подъ вліяніемъ нервности готовъ былъ сболтнуть: «право, еще самъ не знаю». — Колеблюсь. Недоумѣваю. Хотѣлось бы даже спросить у него самого: «а вамъ чтó бы требовалось?» Потому что въ самомъ дѣлѣ «Развитіе типовъ» годится для всякаго рода читателей.

— «Не есть ли это», вопрошаетъ Попгудъ или Грулли, «собраніе рассказовъ, я хочу сказать: такихъ рассказовъ, которые мы могли бы издать, съ иллюстраціями, въ елкѣ?» — Я вынужденъ отвѣтить—«нѣтъ, это не то», хотя въ настоящую минуту желалъ бы найти возможность превратить это въ то, собственно въ угоду Попгуду и Грулли.— «Вотъ въ такомъ родѣ вещь», говоритъ Попгудъ или Грулли, солиднымъ движеніемъ руки подвигая тонкую книжку, въ картонномъ переплетѣ, цвѣтовъ веленаго наврестъ съ желтымъ, съ раскрашенными картинками «Кота въ сапогахъ»... «вещь, напримѣръ, подходила бы намъ. Въ прошлыя святки», прибавляетъ онъ, «эта шла отлично». Неужели Будельсовъ родственникъ рекомендовалъ меня въ качествѣ автора рассказовъ для перваго возраста?

Удачная мысль: высказываю убѣжденіе, что «Развитіе ти-

повъ» вполне могло бы быть иллюстрировано. Видно въ первый разъ слышитъ мое заглавіе. — «Духовно-нравственнаго содержанія?» спрашиваетъ онъ. — «Нѣтъ, не совсѣмъ;—м-ръ Попгудъ», хочу прибавить, но мнѣ приходитъ счастливая мысль, что если онъ вдругъ—Грулли, то ему не понравится нареченіе его Попгудомъ, а потому опускаю фамилію. «Не совсѣмъ духовно-нравственнаго»... И чувствуя, что внушилъ ему догадки качества, такъ сказать, нецензурнаго, прибавляю поспѣшно: «однако, само собой разумѣется, и не атеистическаго свойства». — Подумалъ, Попгудъ или Грулли, и говорить: «мы въ настоящее время заважены предпріятіями... Ничто не идетъ... Въ массажъ еще сказывается недостатокъ развитія (удачная мысль: такъ вотъ оно, «Развитіе типовъ» и встать. Но удерживаю это въ умѣ)... и притомъ время неблагоприятно вообще для того, чтобы выступить съ книгой такого... такого... содержанія, какъ вы изложили».

Тогда, чтобы пролить свѣтъ и разсвѣять всякія недоразумѣнія, чтобы помочь ему, однимъ словомъ, я началъ объяснять ему, что это расположено по плану словаря. Съ плечъ его, Попгуда или Грулли, видимо скатывается гора, и онъ произноситъ рѣшительно: — «неблагоприятное время для изданія словарей, даже», прибавляетъ онъ, «даже еслибы словари и входили въ кругъ нашихъ предпріятій, чего нѣтъ». Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что *когда-то* Попгудъ и Грулли предприняли изданіе словаря, выпусками, помѣсячно, и что это чуть не имѣло роковыхъ для нихъ послѣдствій. Тутъ мнѣ пришлось снова объяснять, что мое сочиненіе только расположено въ видѣ словаря, но что оно — никакъ не просто словарь, и что если я прочту ему нѣкоторые отрывки оттуда, то онъ лучше всего составитъ себѣ понятіе.

Кланяется. Я беру рукопись со стола. Вся свернулась и не хочетъ развертываться. Говорю, что прочту что-нибудь, наудачу. Снова кланяется. Затруднительно. Что-то такое о «формахъ въ первобытныхъ лѣсахъ» попадаетъ мнѣ на глаза. Не знаю, можетъ ли это мѣсто послужить хорошимъ образчикомъ для прочтенія. Не помню о чемъ тутъ рѣчь.

Удачная мысль: «извините на минуту, я пробѣгу нѣсколько строкъ»; такимъ образомъ выиграю время и вспомню смыслъ, такъ чтобы не начать тономъ несоотвѣтствующимъ содержанію. Вотъ, начинаю, имѣя надъ собой око Попгуда или Грулли. «Первоначальныя формы или протопластическія творенія имѣютъ, по своей сущности, интересъ»...—Тутъ что-то зачеркнуто; прихо-

дится опять читать про себя, такъ какъ не могу понять чему тутъ слѣдуетъ быть. При помощи счастливой мысли, перекожу отъ этого мѣста въ другому, ниже, сказавъ что-то — только такъ, въ родѣ прелюдіи.

Тутъ отворяется дверь — не та, которую я вошелъ — другая, съ противоположной стороны, — и изъ нея появляется высокій, надутого вида джентльменъ, съ бородою. Пасторообразный мой слушатель представляетъ его мнѣ. Счастливая мысль: теперь узнаю, который Попгудъ и который Грулли. Но первый представляетъ второго такъ: «мой компаньонъ». Во всякомъ случаѣ, оба они предо мной. Но было бы пріятнѣе вѣсть разговоръ, зная, кто — кто.

Удачная мысль: сказать — «итакъ, м-ръ Грулли»... причемъ я посмотрѣлъ на ихъ обоихъ. Одинъ долженъ же выказать, что имя относится къ нему. — Нѣтъ. Кланяются оба.

Удачная мысль: слѣдующій разъ попробовать «м-ръ Попгудъ».

Сидящій компаньонъ (вѣроятно Грулли) обращается къ компаньону вошедшему (который, слѣдовательно — Попгудъ): «этотъ джентльменъ (я) пришелъ переговорить относительно своего сочиненія о... о». — Подсказываю: «Развитіи типовъ». Всѣ кланяемся другъ другу, какъ восковыя фигуры съ механизмомъ. Стоящій компаньонъ: — «да, я какъ разъ собирался»... причемъ, съ замѣнательствомъ и поспѣшностью обводитъ комнату взглядомъ. Онъ, очевидно, думаетъ, что я уже былъ здѣсь и что онъ куда-то дѣлалъ мою рукопись. Но сидящій разъясняетъ ему: — «они только-что принесли свою рукопись». Лицо стоящаго компаньона замѣтно просвѣтлѣло. Подтверждаю сказанное сидящимъ, и всѣ трое, мы опять, болѣе или менѣе, представляемъ восковыя фигуры.

Пауза. Надо читать имъ что-нибудь; валяется — ждуть этого. Но тороплюсь, перелистываю и просто не узнаю собственныхъ сужденій. Если сталъ бы читать нѣчто совершенно мнѣ непонятное, дѣло было бы дрянъ. Не могутъ не замѣтить. Приходить мнѣ счастливая мысль: «можетъ быть удобнѣе просто оставить вамъ для просмотра», проивношу не безъ вкрадчивости. Послѣ этого разговоръ вдругъ дѣлается непринужденнымъ и касается повседневныхъ, общихъ предметовъ (мы всѣ какъ-то заботливо избѣгаемъ даже намека на «Развитіе типовъ»). Но усматриваю, что они скоро какъ будто устаютъ, такъ что Попгудъ говоритъ Грулли (или наоборотъ), что долженъ куда-то ѣхать; Грулли же на это вынимаетъ часы и замѣчаетъ, что уже не рано. Удачная мысль: понять намекъ, чтобы не разсердить ихъ.

Передаю имъ мою тетрадь. Хотѣлось бы сказать имъ, уходя, что-нибудь остроумное и остающееся въ памяти. Еслибъ я такъ сдѣлалъ, то увѣренъ, что, по моему уходѣ, они вступили бы въ совѣщаніе и сказали бы другъ другу: «человѣкъ неглупый; давайте, прочтемъ его «Развитіе типовъ», и т. д. вплоть до изданія моего труда.

Но ближайшій подходъ въ остроумію, какой мнѣ удастся сдѣлать въ настоящую минуту, ограничивается словами:—«итакъ, я оставляю это здѣсь?» И кладу тетрадь на конторку, а м-ръ Грулли (?) тотчасъ вкладываетъ ее въ особую полку конторки, что имѣетъ видъ дѣловой порядочности.—«Какъ же мнѣ... навѣдаться къ вамъ?.. и когда?—«Нѣтъ, къ чему же вамъ беспокоиться», произноситъ Попгудъ (?); «вы получите отъ насъ извѣщеніе».—Представляю восковую фигуру нѣсколько разъ, нервно пятясь назадъ, между шляпой въ лѣвой рукѣ и зонтикомъ въ правой.—«Мое почтеніе, м-ръ Попгудъ»; оба говорятъ «прощайте», одновременно.

Дѣла у Уиллиса. Бѣгу наверхъ рассказать обо всемъ этомъ Роулинсону: вышелъ. Вечеръ проходитъ въ томъ, что обѣдаю и пять разъ захожу домой посмотрѣть, не пришелъ ли Роулинсонъ. Онъ, наконецъ, приходитъ.

Сидимъ съ Роулинсономъ и Мильбордомъ, и болтаемъ. Роулинсонъ, когда онъ только не заваливается спать слишкомъ рано, очень пріятный собесѣдникъ. Когда ужъ сидитъ, такъ сидитъ даже часовъ до трехъ-четыреохъ ночи, все «въ ожиданіи»—какъ онъ выражается—«что кто-нибудь догадается завернуть». Никогда еще я не видалъ, чтобы кто-нибудь догадался завернуть въ такую пору. Просто такъ, отговорка со стороны Роулинсона; пусть думаютъ, что онъ это сидитъ и болтаетъ изъ вѣжливости въ могущимъ быть гостямъ.

Разумѣется, на первомъ планѣ у насъ—разговоръ о Попгудѣ и Грулли. Спрашиваю Роулинсона, полагаетъ ли онъ, что они прочтутъ. Роулинсонъ говоритъ съ радушіемъ:—«о, конечно». Роулинсонъ всегда начинаетъ съ самаго выгоднаго предположенія, а потомъ постепенно вводитъ, такъ сказать, ограничительные пункты. Теперь онъ продолжаетъ:—«конечно, прочтутъ; по крайней мѣрѣ, ихъ просмотрщикъ прочтетъ. У издателей, знаете, есть на это особый человѣкъ (я не зналъ этого, но киваю головой, какъ будто человѣкъ этотъ разумѣется самъ собою); онъ долженъ все читать и подавать свои отзывы обо всемъ прочитанномъ». Мое замѣчаніе: «значитъ, онъ подастъ отзывъ и о «Развитіи типовъ»».

Счастливая мысль: можетъ быть, онъ теперь уже читаетъ, и не безъ удовольствія. Высказываю это. Мильбордъ: «а можетъ быть и не читаетъ»; главное—думаетъ самъ, что это остро, между тѣмъ какъ, по-моему, это просто глупо. И Роулинсонъ не смѣется. Онъ сочувствуетъ мнѣ въ литературномъ дѣлѣ, я это знаю.

— «Какъ вы думаете»,—обращаюсь къ Роулинсону:—«своро они извѣстятъ меня о своемъ рѣшеніи?»

— «О, сейчасъ же!»—съ радушіемъ отвѣчаетъ Роулинсонъ.

— «Еще сворѣе, если возможно»,—говоритъ Мильбордъ. Это его недостатокъ: не можетъ понять, когда слѣдуетъ перестать. Я самъ очень люблю шутки, но теперь—это неумѣстно.

Удачная мысль: даже не улыбаюсь. Не обращаю на него вниманія.

Роулинсонъ: «отвѣтять тотчасъ же; то-есть, если только не слишкомъ обременены дѣломъ. Конечно, можетъ пройти годъ, другой, пока ихъ просмотрщикъ дойдетъ до вашей рукописи». Ну, Роулинсонъ, пожалуй, и понятія не имѣетъ объ этихъ дѣлахъ. Говоритъ просто по наслышкѣ. Но что такое наслышка? «Эти люди, которымъ платятъ за просмотръ», продолжаетъ онъ, «тоже народъ».

— «Высокообразованные?» спрашиваю съ убѣжденіемъ.

Они оба: «они-то? что вы!» Что Мильбордъ говоритъ: «что вы!»—это мнѣ все равно, такъ какъ онъ не можетъ говорить серьезно.—«Помилуйте», продолжаетъ Роулинсонъ, который однако, повидимому, знаетъ-таки нѣчто въ этихъ дѣлахъ: «да я одно время жилъ съ такимъ бариномъ; онъ просматривалъ для фирмы Шэптеръ и Уэрсъ. У него горами лежали печатные и рукописные листы—вотъ точно такіе, какъ ваша тетрадь... которую вы сегодня утронѣ (удачная мысль: говорю «да» и улыбаюсь. Если бы спросить—чему?)... и что онъ, я вамъ скажу, только съ ними дѣлалъ! Валается листъ отъ богословія, а онъ возьметъ и сунетъ въ драму; ему все равно. Взглянетъ, бывало, да потомъ какъ швырнетъ въ уголь, такъ листы дыбомъ и встанутъ. Вотъ, если вы съ нимъ знакомы,—ну, тогда, конечно, другое дѣло, и онъ прочтетъ вашу рукопись».

Замѣчаніе Мильборда: «вы отыщите, кто просмотрщикъ у Попгуда и Грулли, и позовите его обѣдать». Недурная мысль, хотя и высказана Мильбордомъ. Роулинсонъ заканчиваетъ такъ: «а, впрочемъ, можетъ и не дойдетъ до просмотрщика: не отдадутъ и на просмотръ».

Удачная мысль: должно быть, Роулинсонъ все-таки ничего объ этихъ дѣлахъ не знаетъ.—«А мнѣ такъ показалось», говорю

я, судя по выраженію лицъ Попгуда и Грулли: «что они скорѣе склоняются въ пользу моей книги». Роулинсонъ отвѣчаетъ радужно, по обычаю: «о, весьма вѣроятно. Они должны быть рады, что вы обратились именно къ нимъ. Но, видите ли, такъ какъ вы человѣкъ, сравнительно, неизвѣстный...» — сознаю доброту, съ которой онъ вставилъ слово «сраомительно»; имъ смягчается неизвѣстность, такъ какъ ее, только въ меньшей степени, раздѣляютъ со мной Гладстонъ, Бальверъ-Литтонъ, Дизраэли, Дивкенсъ и такъ далѣе—«а потому вы, разумѣется, не можете ожидать такой внимательности, на которое приобрѣли право великія имена».

Удачная мысль: принять это замѣчаніе съ благоразуміемъ и спокойствіемъ; отвѣчаю: «ну, еще бы; конечно». Спрашиваю себя при этомъ (внутренно), а что если Попгудъ и Грулли, какъ только я ушелъ, подмигнули другъ другу, завернули мою рукопись въ листъ чистой бумаги и сдали ее въ контору, для отправки, по простествіи двухъ дней на городскую почту!?

Наконецъ, мы расходимся. Въ четыре часа утра Мильбордъ вдругъ спохватился: «домой, пора, пора»; и поспѣшно пошелъ, какъ будто его врать—поѣздъ желѣзной дороги: до такой минуты можно сидѣть, а потомъ вдругъ маршъ, не то уйдетъ. Такія необдуманныя вещи говоритъ иногда этотъ Мильбордъ. Сходя внизъ, онъ замѣчаетъ мнѣ: «вы дайте наливаться читальнику, такъ онъ этимъ старымъ хрычамъ Гутполу и Пуньи прочистить очки... онъ имъ скажетъ, что по грошу съ листа и то не будетъ дорого... доброй ночи». Все вздоръ; и будто фамиліи перепуталъ—это тоже вздоръ; неправда.

Вставая, на другой день, во время туалета, стараюсь доказать Роулинсону, что въ деревнѣ жить гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ городѣ. Онъ—въ сосѣдней комнатѣ, и оттуда, по временамъ, поддерживаетъ разговоръ слѣдующимъ образомъ:—«да-да», «хмъ!» «очень можетъ быть» и т. п., изъ чего заключаю, что онъ ужъ углубился въ «Times». Совсѣмъ не по-товарищески. Когда поздно ляжешь, то волосы получаютъ видъ сушеныхъ. Ищу въ сальвояжѣ; разумѣется, забыли положить мой филозофъ. А Уиллисонъ—стоитъ на каминѣ. На этикетѣ французская надпись: «Королевское масло Меролингговъ. Бальзамическія свойства этого...» и т. д. Напомадился имъ. Странно, что чужая помада мнѣ всегда нравится больше своей. Замѣчательно, что то же самое съ накладными воротничками и галстуками; даже чужія рубашки сидятъ на мнѣ лучше моихъ. Впрочемъ, эта помада мнѣ нравится не особенно; но ничего—для перемѣны. Сажусь за завтракъ. На столѣ письмо отъ жены. Роулинсонъ:—«откуда этотъ запахъ?»

(Развѣхалъ Уиллисонъ филозофъ. Не признаюсь ему). — «Вотъ, въ деревнѣ воздухъ, такъ воздухъ... Вотъ (открываю письмо), это прямо съ деревенскимъ букетомъ». Читаю. Жена пишетъ, что придраются къ какой-то вони у насъ на дворѣ. Санитарная полиція; особый человекъ такой былъ и говорилъ, что съ мадамъ нельзя, и надо видѣть мистера. Также былъ человекъ отъ сборщика водатей, и еще есть жалоба на собакъ. Жена требуетъ, чтобы я прѣхалъ немедленно. Требуется какая-то «эвакуація, которой», заключаетъ жена, «я не поняла, но, однимъ словомъ, онъ *намуналъ* (подчеркнуто) меня, и шепремѣнно прѣзжай. У малютки опять сыпь — вчера былъ докторъ».

Объявляю, что дѣла призываютъ меня домой. О деревенскомъ воздухѣ болѣе ни слова. Исключенія подтверждаютъ правило. Это исключеніе довольно сильное.

Удачная мысль: «если Уиллисъ къ тому времени не прѣдетъ въ городъ», говорю, «то я по возвращеніи опять остановлюсь здѣсь». — «Нѣтъ», отвѣчаетъ Роулинсонъ, «теперь онъ еще не прѣдетъ; онъ что-то расклеился». Показываетъ мнѣ конецъ его письма: «пожалуйста, пришлите мнѣ мое слабительное; оно въ спальнѣ. Вашъ...» и проч. «P. S. Кстати, въ аптечный пузырекъ провалилась пробка, такъ я очистилъ флаконъ отъ помады и перелилъ его туда. Вы его узнаете по ярлыку — «королевское масло Мервинговъ».

Счастливая мысль: промолчать, какое я изъ него сдѣлалъ употребленіе. Черезъ нѣсколько дѣтъ, расскажу это въ видѣ шепольничества, которое я себѣ позволилъ надъ однимъ пріятелемъ въ молодости.

Отъ Попгуда и Грулли нѣтъ отвѣта. Съѣзжу домой и вернусь. Побывавъ дома, могу продлить свой отпускъ. Объясню, сколько у меня дѣлъ: во-первыхъ — Попгудъ и Грулли; зайти въ нимъ; во-вторыхъ — печатаніе моей книги, если будетъ надаваться; въ-третьихъ — второй томъ той же книги; въ-четвертыхъ — обѣщался ѣхать на Джёрси, въ Туринъ и въ Вѣну (ну, это, положимъ, когда-нибудь послѣ); въ-пятыхъ — начать два другихъ сочиненія, которыя я уже давно обдумалъ и для которыхъ собираю матеріалы.

Удачная мысль: выписать все это на отдѣльномъ листѣ и сдѣлать распредѣленіе времени и труда. Гдѣ-то я читалъ о строгомъ порядкѣ и систематичности въ распредѣленіи времени нѣкоторыхъ писателей (должно быть въ «Curiosities» Дизраэли).

Итакъ:

- 1) «Развитіе типовъ», продолженіе.

2) «Руководство къ удачнымъ возраженіямъ», расположенное въ алфавитномъ порядкѣ. Ихъ долгое время надо подчищать и заострять.

3) «Сборникъ юмористическихъ разсказовъ и анекдотовъ». Ихъ я уже сталъ собирать множество; то-есть, ихъ уже было бы теперь множество, если бы я продолжалъ носить съ собой посвященную имъ особую записную книжку. Но я безпрестанно забывалъ ее дома; такъ что набралъ пока всего 6 анекдотовъ. Записывать уже по возвращеніи домой, ночью — ужасно трудно. Забываешь. Просматривая теперь нѣкоторые наброски, убѣждаюсь, что я вѣроятно засыпалъ надъ ними. У однихъ нѣтъ начала, другимъ недостаетъ конца.

Поэтому—счастливая мысль—4) Можно бы издавать еженедѣльную анекдотическую газету, подъ названіемъ: «Приступы и Концы», въ родѣ тѣхъ «Вопросовъ и отвѣтовъ», какіе бываютъ на послѣднемъ листѣ «Иллюстраціи». При участіи самой публики, которая очень любитъ участвовать въ литературномъ изданіи. Очень хорошая мысль. Уясню себѣ примѣромъ. Примѣръ приступа: «Извѣстный во время регентства царь моды Бруммель, выходя однажды изъ магазина въ Сентъ-Мартинсъ-Боргъ, былъ остановленъ мальчишкой, который попросилъ у него пени. Блестящій фаворитъ моды сказалъ ему, въ выраженіяхъ болѣе энергическихъ, чѣмъ вѣжливыхъ, что скорѣе дастъ ему крупную порку, чѣмъ мелкую монету. На это мальчишка, догадливый не по лѣтамъ, возразилъ—» Теперь спрашивается, что возразилъ мальчишка? Читатели приглашаются сообщить подробности.

Еще примѣръ: «Извѣстный острякъ Сомъ Дженинсъ, будучи однажды свидѣтелемъ, какъ лордъ-канцлеръ садился на своего параднаго коня, у дверей Уэстминстеръ-Голла, иронически шепнулъ Джорджу д'Арси:...» — Требуется пополнить этотъ пробѣлъ. Всякъ, кто догадается, что Сомъ Дженинсъ иронически шепнулъ Джорджу д'Арси, можетъ сообщить о томъ редакціи «Приступовъ и Концовъ».

Примѣръ приисканія приступа, когда дасть конецъ: — «Его носъ», отвѣчалъ остроумецъ. — «Знаменитый юристъ Эрскайнъ улынулся этой остротѣ, но никогда не простилъ заключавшейся въ ней сатиры». Какъ это начинается?

Я дорого бы далъ, чтобы припомнить нѣкоторые удачныя острофы, отпущенныя мною самимъ въ разные времена. Такъ, напр., на-дняхъ насъ было трое у Роулинсона: самъ Роулинсонъ, Казелль и я. Казелль сказалъ что-то о чловѣкѣ, пляшущемъ на канатѣ; а я прибавилъ нѣчто такое, что всё такъ и

юпнули отъ снѣга. Въ то время записать не могъ, а теперь хоть убей — не помню. Спрашиваю Роулинсона — забылъ; Казелли — и онъ забылъ. Но увѣряетъ, что вспомнить, да еще нѣтъ мнѣ передать важную вещь для «Развитія типовъ». Когда я возвращусь? Нѣтъ, тогда онъ будетъ въ Гертфордшѣръ; онъ тоже сейчасъ увѣжаетъ.

Счастливая мысль: вѣдь это по дорогѣ. Мой коттеджъ возлѣ самой станціи, съ которой мы развѣдемся. Приглашаю Казелли ѣхать со мной и остановиться у меня на ночь. Тогда онъ сообщитъ. Соглашается.

Ѣдемъ. У Казелли, какъ я скоро открываю, есть одна особенность: онъ все знаетъ лучше и безпрестанно ищучаетъ, какъ бы слѣдовало поступить «въ этомъ случаѣ». Напр., увидѣвъ мой чемоданъ, говорить, что мнѣ слѣдовало бы купить чемоданъ у Спанвера и Тиветта; помѣстительны и дешевы. При разговорѣ о Попгудѣ и Грулли, говорить, что мнѣ слѣдовало обратиться не къ нимъ, но къ Лэксону и Зинскани. Отвѣчаю: «и пойду къ нимъ, если съ Попгудомъ и Грулли не устроится». Мысль: жаль, что не пошелъ съ самаго начала. — «Гдѣ вы покупаете шляпы?» спрашиваетъ по дорогѣ Казелли. — «А что?» — Сообщаетъ, куда слѣдовало бы обращаться за шляпами. Далѣе и далѣе, оказывается, что я за всѣми предметами и потребностями обращаюсь не туда, куда слѣдуетъ, гдѣ лучше и дешевле. Мысль: Казелли могъ бы получать большое жалованье отъ торговцевъ, какъ ходячее и говорящее объявленіе.

Выходимъ на моей станціи. Хотя я писалъ домой, чтобъ въ такомъ-то часу былъ на станціи мой шарабанчикъ съ единственной моей прислугой (Джемсъ, 15 лѣтъ, ростъ 1³/₄ арш. Онъ же — грумъ), но его, разумѣется, нѣтъ. А, вотъ онъ ѣдетъ; негодай, гонить пѣони вскачь; увидѣвъ же меня, показываетъ видъ, будто это пѣони его понесъ. Постой, ужб. Ѣдемъ съ Казеллемъ, который сообщаетъ мнѣ, гдѣ слѣдуетъ покупать лошадей, сбрую, нанимать прислугу, брать колесную мазь и т. д.

Пріѣхавъ, я позади конюшни хорошенько пугнулъ негодая Джемса и пригрозилъ отослать его къ отцу, если онъ не исправится. Послѣ этого, онъ обильно плачетъ. Пусть бы только Казелли не пришелъ, а то станеть всѣмъ рассказывать, что я заставлю плакать своего грума. Между тѣмъ, я почти увѣренъ, что грумъ дѣлаетъ мнѣ теперь рожи, за спиной. Однажды я вдругъ внезапно обернулся и засталъ его исполняющимъ нѣчто въ родѣ воинскаго танца прозевова. Когда я спросилъ, строго: «ты что греселъся?» Онъ сдѣлалъ видъ изумленія и сказалъ:

«я не трапшия». Не могъ же я повторить: «нѣтъ, ты трясся», когда онъ говоритъ, что «не трапшия». Ему лучше, чѣмъ мнѣ было извѣстно, исполнять онъ воинскій танецъ или нѣтъ.

Базель мнѣ уже на пути надоелъ, потому что ничѣмъ недоволенъ; позволилъ себѣ даже спросить, не опознъ ли мой побѣд. Удачная мысль: никогда не слѣдуетъ дѣлать внезапныхъ приглашеній къ себѣ. Подъ словомъ «внезапныхъ» разумѣю—приглашать людей сравнительно мало знакомыхъ. Базель же *положительно* — мало знакомый человѣкъ. (Занесу это въ записную книжку для «возраженій» или для анекдота о Шериданѣ. Анекдотъ о томъ, какъ нѣкто сталъ читать мораль Шеридану.....) «Какъ неумѣство», замѣтилъ бывший тутъ пріятель, «со стороны человѣка сравнительно неизвѣстнаго». — «Помилуй Богъ», возразилъ Шериданъ, «онъ человѣкъ положительно неизвѣстный». Вотъ и анекдотъ подъ № 7. Хорошо).

Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову: а еще какъ понравится Базель женѣ? Вотъ еще доводъ противъ посѣщенныхъ приглашеній. Семь разъ надѣнь, а въ восьмой — сними (или другая пословица въ такомъ смыслѣ).

Звоню у своей двери. Еще разъ звоню. Нѣтъ отвѣта. Базель поучаетъ меня о лучшемъ устройствѣ звонковъ. Неприятно, что держать за дверь; уменьшаетъ въ мѣнѣи гости. Развѣ такъ встрѣчаютъ хозяина? Вотъ, если бы одна слуга выбѣжала на встрѣчу, отворить калитку, другая высочила бы распахнуть дверь, обѣ съ радостной улыбкой, приняли бы мои вещи, а на порогѣ гостиной — жва, вся сияющая отъ тикаго удовольствія, вокругъ же — собаки скачутъ, визжать, лаютъ, ластаюся ко мнѣ... Помню, какъ Вальтеръ-Скотта привѣтствовали его лагавыя собаки. Мысль: купить лагавую собаку и научить ее привѣтствовать меня.

Извиняюсь передъ Базелемъ: всѣ онѣ (т.-е. жена, тѣща Симперонъ, можетъ — еще нянька съ малютвой) въ саду и не слышать. — «Что не слышать, это вѣрно», отвѣчаетъ онъ; «дѣлать, это даже опасно въ такомъ пустомъ мѣстѣ. Знаете, что вамъ бы слѣдовало въ этомъ случаѣ? Надо бы вамъ имѣть цѣпныхъ собакъ». Отвѣчаю, что у меня цѣпныхъ пять собакъ; гдѣ-то Нарочно взялъ ихъ, такъ какъ мѣсто уединенное. Даже купилъ великолѣпную собаку-волка и съ тѣхъ норъ держу ее постоянно на цѣпи, чтобы сдѣлать ее злою. Но она никакъ не хочетъ сдѣлаться злою и все только играетъ съ равносильными и со всѣми чужими, какіе только входятъ во дворъ. Если бы ночью вѣтъ чрезъ заборъ мошонникъ, я убѣжденъ, что это глухое животное бро-

слелось бы играть съ нимъ и ночью даже особенно бы ему обрадовалось (потому, что ночью скучно). Подумавъ объ этомъ, вѣрному убѣжденію, что приходъ мошенника она приняла бы даже за особую любовь.

Удачная мысль была назвать ее, при покупкѣ: Левъ. Онъ—среднее между лагавой и водолазомъ; во смыслѣ физиономіи—добродушно-овечій.

Еще удачная была мысль: надпись сдѣлать на заборѣ: *остережитесь собаки*.—Если бы Джемсъ не былъ плутильнѣйшій негодяй, то на крайней мѣрѣ сама эта надпись дѣйствовала бы устрашительно, такъ какъ вѣрили бы въ неуязвимость моего Льва. Но мальчишка всякому прохожему сообщалъ, что Левъ ласковъ какъ котенокъ. Негодяемъ же Джемсъ оказался особенно тогда, какъ мнѣ случилось поймать его, какъ онъ училъ Льва перелѣзть чрезъ изгородь хлѣва и пугать свиней. Чертенювъ замѣчалъ себѣ этотъ спортомъ крѣпкую травлю.

Такъ какъ жена, съ тѣщей, наверху; то покамѣсть пойдѣмъ съ Казеллемъ смотрѣть садъ.—«Какая у васъ хорошенькая горничная», замѣчаетъ Казелль. Отвѣчаю строго:—«И очень хорошая дѣвушка». Онъ мнѣ рѣшительно не нравится. Заслышавъ, что въ комнаты проникаетъ запахъ изъ кухни, я тороплю Казелли въ садъ. Не знаю почему, но запахъ капусты, когда ее варятъ, вызываетъ въ умѣ мысль о хижинѣ, бѣдности, и какъ вся семья живетъ въ одной горницѣ. Казелль нарочно стойтъ и нюхаетъ.—«Вамъ бы въ этомъ случаѣ слѣдовало устроить вентиляторъ», говорилъ онъ: «вы найдете у Эйнса; и вотъ помѣстите сюда». При этомъ сейчасъ начинается постукивать въ стѣну, пробую, гдѣ труба.

Въ саду, гдѣ розы, которыя есть, по его отзыву не замѣчательны. Необходимо имѣть «двойную ланкастерскую». Виноградъ въ парникѣ его не удивляетъ. Говорить, что если не поливать ихъ «искусственно-удобрительной микстурой Слопера», то на будущій годъ не будетъ ни одной ягоды.

Казелль ведетъ себя еще хуже, когда является санитарный инспекторъ. Инспекторъ требуетъ, чтобы свиной хлѣвъ былъ перестроенъ и постоянно упоминаетъ о правительствѣ, какъ будто правительство прямо заинтересовано въ этомъ дѣлѣ и какъ будто онъ, инспекторъ нечистотъ, есть членъ правительства. Казелль не только поддается ему, но придя съ нами въ хлѣвъ, нарочно закидываетъ себѣ носъ и въ такомъ видѣ указываетъ, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать въ этомъ случаѣ: перенести хлѣвъ въ другое

мѣсто, проложить новыя дренажныя трубы и заложить подъ хлѣвномъ бутовый фундаментъ.

Въ свою очередь, инспекторъ совершенно соглашается съ нимъ, и на мое замѣчаніе, что я не знаю, къ кому обратиться для исполненія этой работы, въ одолженіе мнѣ обѣщаетъ прислать ко мнѣ своего знакомаго, который возьметъ оптомъ всю эту работу. — Приведа къ этому въ разговорѣ съ инспекторомъ, тотъ же Казелль потомъ, въ разговорѣ со мной при моей женѣ и тѣщѣ, упрекаетъ меня, что я слишкомъ легко уступилъ инспектору. Жена и тѣща совершенно соглашаются съ Казеллемъ, когда онъ говоритъ, что я выказалъ излишнюю слабость. Жена говоритъ: «я такъ и знала, что онъ тебя заставитъ сдѣлать все что хочеть». Рекриминаціи. Впрочемъ, онѣ прекращаются скорѣе обыкновеннаго, такъ какъ все-таки тутъ — посторонній. Присутствіе посторонняго въ этихъ случаяхъ имѣеть хорошую сторону. Онъ можетъ принять сторону жены, когда всѣ сидятъ вмѣстѣ, а потомъ, въ курительной комнатѣ, перейти на сторону мужа. Я самъ такъ дѣлывалъ, а потому вѣроломство Казелля мнѣ понятно.

Когда начинается работа «взятая оптомъ», то почти нѣтъ средствъ оставаться здѣсь. Къ тому же, я давно уже чувствую нѣчто въ родѣ ревматизма, а жену напугалъ Казелль, увѣривъ, что у меня нѣсколько куриць больны ворью и что бывали случаи передачи этой болѣзни домашними птицами людямъ. Жена по три раза въ день развертываетъ малютку и осматриваетъ его; она открываетъ новую сыпь и посылаетъ за докторомъ.

Мнѣніе доктора таково, что женѣ лучше всего ѣхать въ Брайтонъ, съ малюткой, и тамъ они будутъ подъ попеченіемъ миссисъ Симперсонъ (тѣщи). Такъ какъ жена — въ деликатномъ состояніи, то, по словамъ доктора, лучше уѣхать, для перемены. Онъ улыбается. Мы оба улыбаемся. Киваемъ головой другъ другу. Мы другъ друга поняли; но что же въ сущности мы при этомъ подразумеваемъ?

Что касается меня, то Казелль, при первомъ словѣ о ревматизмѣ, посоветовалъ мнѣ отправиться за границу, на воды и купанья. Жену тоже видимо обезпечилъ тотъ фактъ, что я чувствую ревматизмъ. По отъѣздѣ Казелля я вынужденъ обѣщать ей, что побываю у доктора Пильзена, когда поѣду опять въ Лондонъ. Сверхъ того, жена говоритъ, что ей нуженъ чекъ на сумму весьма значительную, чтобы она могла ѣхать. Упоминаю о пользѣ бережливости. Миссисъ Симперсонъ объясняетъ мнѣ, сколько я истратилъ бы, если бы не ея совѣты и бережливость самой Фри-

должны. — Здѣсь я вижу возможность для удачнаго возраженія (можетъ войти въ руководство подъ буквой Т. «Возраженіе тѣдъ»), но оно еще не отливается въ форму. Смысль тотъ, что «сколько бы я изстратилъ безъ *нихъ*». Не скажу, потому что было бы слишкомъ обидно. Подписываю чекъ. Трогательное прощанье. Общаемся писать регулярно; я въ Фридри въ-за границы, она мнѣ въ Брайтона.

Снова въ Лондонѣ и у Уиллиса. Письмо отъ Попгуда и Грулли, съ приложеніемъ. Приложение увижаю тотчасъ, не развертывая; это «Развитіе типовъ» возвращается. При вѣжливой запискѣ:

«Гр. Попгудъ и Грулли, свидѣтельствуя совершенное почтеніе и благодаря автора прилагаемаго сочиненія за обязательное сообщеніе онаго, позволяютъ себѣ объяснить, что такъ какъ, по личному отзыву автора, означенный трудъ имѣеть быть доведенъ до двадцати томовъ, то они не находятъ возможности высказать свое мнѣніе о достоинствахъ онаго, въ настоящемъ онаго положеніи. Если же, по достиженіи таковымъ болѣе законченнаго вида, авторъ пожелаетъ почтить ихъ новыми сообщеніями, то они посвятятъ оному неотлагательное и заботливое вниманіе. Искренно желая упомянутому увражу успѣшнаго окончанія,

имѣють честь подписаться, сэръ,

преданными вамъ

Попгудъ и Грулли».

«P. S. Прилагаемъ каталогъ нашихъ новѣйшихъ изданій, а равно тѣхъ книгъ, которыя нынѣ можно получить у насъ приблизительно за половинную ихъ цѣну. П. и Г.

Счастливая мысль: а все-таки — прочли. Очевидно прочли, такъ какъ изъявляютъ желаніе просмотрѣть вновь, когда оно будетъ ближе къ окончанію. Не могу пожаловаться на ихъ отвѣтъ. Если вдуматься — вполне благоразуменъ. Отвѣчу, что согласенъ съ ними. По возможности посиѣшу работой и потомъ опять представлю имъ. Возьму съ собой за границу и тамъ подвину впередъ.

Что теперь непосредственно слѣдуетъ сдѣлать? — Сходить къ Лру Пильзену. Встрѣчаю въ клубѣ Мильборда. Восклицаетъ:— «Ну-съ, дѣдушка Гуднопъ и Пуньи, какъ ваше здоровье?» Сдерживаю его, замѣчая ему въ серьезномъ тонѣ, что Попгудъ и Грулли дѣйствительно заняты мыслью издать «Развитіе Типовъ». — Говорить, что вѣроятно они нашли эту мысль занимательною. — «Это — старая острота», возражаю. — «А развѣ я сказалъ, что новая?» возражаетъ Мильбордъ, и хохочетъ.

Напрасно я ему сказалъ о своемъ ревматизмѣ (вслѣдъ за разговоромъ объ изданіи), такъ какъ онъ тотчасъ началъ представлять какъ «Панталонъ» плетется, опираясь на палку (это въ сѣняхъ клуба!) и потомъ, подражая клоуну, промолвилъ жалобно въ носъ: «бѣдный старичокъ!» затѣмъ, внезапно возвращаясь въ обычной своей бойкости, воскликнулъ: «у васъ! ревматизмъ! Полно врать!» и хлопнулъ меня по спинѣ. Такъ какъ мнѣ эта манера неприятна, то замѣчаю ему строго, что если бы у него былъ ревматизмъ, какъ у меня, онъ навѣрное не сталъ бы смѣяться. На это онъ подмигнулъ мнѣ будто съ хитростью, и сказалъ: «да вѣдь у меня-то его нѣтъ, вотъ въ чемъ штука, дѣшка»; и кольнулъ меня пальцемъ въ бокъ, провознеся: «чивъ!» Однимъ словомъ, такъ дурачится, что швейцаръ спрятался за конторку, и мнѣ слышно, какъ онъ силою подавилъ въ себѣ цѣлый пузырь смѣха. «А по виду», продолжаетъ Мильбордъ, «такъ вы совершенно здоровы. Видъ цвѣтущій».

Очень неприятно. Удачная мысль: возбудить въ немъ собо-лѣзнованіе. Качаю головой и произношу печально—въ эту минуту я такъ впечатлителенъ, что могу вообразить себя почти при послѣднемъ издыханіи (картина этой катастрофы въ сѣняхъ клуба: слуги на колѣнахъ—буфетчикъ спускается по лѣстницѣ съ выраженіемъ ужаса въ лицѣ—члены клуба объясняютъ другъ другу какъ это случилось—однорукій посылный, только-что возвратясь съ исполненнаго порученія, плачетъ и третъ себѣ глазъ единственной рукой—Мильбордъ, внезапно пораженный раскаяніемъ, влится себѣ никогда болѣе не отвѣщая въ сочувствіи больному человѣку, и проч. и проч.—въ самомъ дѣлѣ хорошій сюжетъ для картины: распредѣленіе свѣта и тѣни въ сѣняхъ нашего клуба, мраморныя колонны и т. д. могло бы быть такъ же эффектно, какъ Робертсовы виды внутренностей соборовъ).—Я качаю головой и говорю печально: «да, завтра шовидаюсь съ Пильсеномъ и онъ» — съ еще болѣе большимъ оттѣнкомъ грусти — «ушлетъ меня за границу, куда-нибудь...» Мильбордъ: «ура! въ такомъ случаѣ я, дѣшка, ѣду съ вами; то-есть—мы встрѣтимся за границей. Bravo!» и опять хлопъ по спинѣ. *Замѣтка:* не говорить болѣе съ Мильбордомъ о ревматизмѣ.

У доктора. Дверь тотчасъ открывается джентльменомъ ночлежнаго вида (разумѣется, это—не докторъ), который вводитъ меня въ комнату и одновременно какъ-то успѣваетъ проводить другого посетителя въ выходную дверь. И при этомъ самъ какъ будто не движется. Странно и сверхъестественно.

Въ приемной. Сидятъ нѣсколько человѣкъ; совсѣмъ какъ

возможны изображенія въ натураальный ростъ, у мадамъ Тюссé; только сидя, а не стоя. Нѣкоторые изъ нихъ вглядываются на меня, быстро поднимая голову, и затѣмъ, посредствомъ того, что въ механикѣ называется «обратное дѣйствіе», уставляются опять внизъ (Такъ-ли это называется въ механикѣ? NB). Въ комнатѣ три двери. Одною я вошелъ; въ одну изъ остальныхъ долженъ показаться докторъ, или я — идти въ нему. Въ вторую изъ двухъ? Удачная мысль: сѣсть, по возможности, какъ разъ по срединѣ. У стола.

Дверь на-право отворяется. Докторъ выглядываетъ, не говоритъ ничего и беретъ съ собою пожилую даму. Что такое у нея можетъ быть? Раскрываю переплетенный годъ «Понча» и невнимательно гляжу на картинки. Дверь снова отворяется. Вѣроятно, еще не моя очередь? Нѣтъ. Докторъ уводитъ человѣка среднихъ лѣтъ, у котораго рука на перевязи. А съ нимъ что такое? Почти ожидаю услышать теперь вдалекѣ крикъ и стонъ. Все таинственно—тихо. За нами приходятъ и поочередно уводятъ насъ какъ жертвы, предназначенныя гильотинѣ. (Дѣлаю замѣтки теперь, сидя. *Замѣтка*: было-ли это для гильотины, что жертвы сидѣли вмѣстѣ въ одной комнатѣ и ихъ вызывали, одного за другимъ? или это было что-то такое въ Японіи? Справиться дома).

Ужасно скучно. Я открылъ другой томъ «Понча». Слѣдующій разъ, когда докторъ вглядываетъ, попробую остановить его взглядъ на себѣ. Придамъ своему лицу особое выраженіе, въ такомъ смыслѣ, что «вы, молъ, докторъ, не безпокойтесь; они подождутъ, а у меня нѣтъ времени, такъ какъ я занятъ большимъ ученымъ трудомъ, «Развитіе типовъ». Докторъ выглянулъ. Я придалъ своему лицу выраженіе, но недостаточно скоро; такъ что онъ его не уловилъ. Въ закѣтный кабинетъ исчезаютъ одинъ джентльменъ съ мальчикомъ. Отрываю еще томъ «Понча». Въ теченіи моего визита просматриваю пять томовъ этого юмористическаго листа, и полтора часа напрасно стараюсь остановить на себѣ взглядъ доктора. Также, безпрестанно вынимаю часы и смотрю на нихъ, въ неясномъ ожиданіи, что вотъ присутствующіе скажутъ себѣ: «должно быть человѣкъ занятый; у него назначено свиданіе по дѣлу; сторагетъ нетерпѣніемъ; пустимъ его впередъ». Докторъ опять, въ двадцатый разъ. Мнѣ? Нѣтъ.

Счастливая мысль: воспользоваться свободнымъ временемъ и посмотреть, ловко-ли лежитъ у меня, въ жилетномъ карманѣ, говораръ, назначенный доктору. Тутъ.

Маленькая репетиція, въ умѣ, относительно врученія говорара доктору. Какъ-бы нечаянно показать его доктору, и потомъ,

когда онъ отвернется, положить на каминъ. Потомъ, когда я выйду, онъ скажетъ себѣ: куда онъ положилъ? Удовольствіе при открытіи. Конецъ драмы, и входитъ слѣдующій пациентъ.

Голова доктора показывается въ двадцать-первый разъ. Вскрикиваю и прямо къ нему. Но позади себя слышу хоромъ нѣсколькихъ человѣкъ и ропотъ. Въ одну секунду у моего локтя—высокая дама въ черномъ; съ протестомъ. Уступаю. Высокая дама уходитъ съ докторомъ. Сознаю, что сдѣлалъ грубость. Но ничего, пусть увидятъ, что со мной шутить нельзя. Беру теперь стулъ и, съ вызывающимъ видомъ, сажусь возлѣ двери.

Удачная мысль: теперь ужъ очередь моя. Двадцать-второе появленіе докторской головы. Моя очередь? Въ этотъ разъ докторъ прерываетъ свое молчаніе тономъ изысканной вѣжливости: «ваша очередь — слѣдующая; этотъ джентльменъ (толстая двѣтущаго вида, съ сакъ-волажемъ въ рукѣ) имѣетъ, кажется, le ras предъ вами». Кланяюсь—не этому саку, конечно, но доктору.

Двадцать-третье появленіе доктора и мое исчезновеніе съ нимъ. Объясненіе. Да, непременно, ѣхать за границу. Купаться, пить воды и предупредить дальнѣйшіе признаки подагры. Я справедливо замѣтилъ (по отзыву доктора), что *важно* захватить болѣзнь во-время. Рецепта онъ мнѣ не дастъ, но дастъ письмо къ доктору, состоящему на водахъ, и немедленно набрасываетъ это письмо, съ расчеркомъ. Вотъ.

Удачная мысль: встать добыть отъ него два-три медицинскіхъ взгляда для фیزیологической части «Развитія типовъ». Начинаю разсужденіе о примѣненіи гомеопатической теоріи въ аллопатической практикѣ. Не могутъ ли, спрашиваю, быть случаи, когда это могло бы приносить пользу? Онъ отвѣчаетъ: «безъ сомнѣнія» и въ это время печатаетъ письмо (онъ не могъ не увидать изъ этого, что имѣетъ дѣло не съ зауряднымъ пациентомъ. Воспользоваться этимъ и выпросить кое-что). «Наука медицины», продолжаю, «находится въ положеніи переходномъ. Старинная практика, сколько мнѣ извѣстно (вставляю это), требуетъ провѣрки съ возрастающими успѣхами знанія въ наше время».

Докторъ вѣжливо отвѣчаетъ: «да» и отворяетъ мнѣ дверь. Какая неприятность, что гонораръ въ это самое время вылѣзъ изъ своей бумажки—или куда это онъ залѣзъ? Крайне-неловкое положеніе ловить ускользающій въ карманѣ гонораръ, въ то время какъ докторъ стоитъ у своей двери, провожая васъ. Я не въ состояніи сказать покажѣсть что-нибудь забавное или научное, для прикрытія. Правда, ту же сумму могу найти въ кар-

кавъ панталонъ: тамъ есть полусовершенъ, а остальное въ серебряной монетѣ. Но тамъ оно смѣшано съ мѣдью и съ ключами.

Удачная мысль: для всякой вещи особый карманъ. Нѣсколько разъ собирался наказать это своему портвому.

Должно быть, просто потерялъ гонораръ. Счастливая мысль: нѣтъ! чувствую его какъ разъ на помсницѣ. Дырка въ карманѣ; провалился и ушелъ въ бѣлье. Отчаянно прерываю всю внутренность жилетнаго кармана и ловлю гонораръ. Докторъ стоитъ, привѣтливо улыбаясь, но его повидимому занимаетъ что-то постороннее. Не могу положить на камень, потому что онъ смотритъ въ ту сторону. На столъ, или ему въ руку? Хочу положить на столъ, но приходитъ въ мысль, что—въ бѣлой бумагѣ—свѣшвомъ бросается въ глаза.

Счастливая мысль: передаю гонораръ изъ одной своей руки въ другую, за спиной (въ родѣ профессора бѣлой магии); пожимаю ему руку, на прощаньи, прижму къ его ладони гонораръ, какъ-бы желая сказать: «не говорите никому, это между нами». Дѣлаю такъ, и ухожу.

Идя по улицѣ. Напрасно не сдѣлалъ какъ-нибудь иначе; это дурной тонъ. Гораздо приличнѣе было бы устроить это мѣхе потаеннымъ образомъ. Напримѣръ—поднять гонораръ двумя пальцами вверхъ и сказать съ добродушной веселостью: «А это что-такое? На-те вамъ, хитрецы!» Тутъ, смѣнивъ игривый тонъ на задумчиво-серьезный, заключить: «душевно благодаренъ вамъ за вашу совѣтъ. Да благословить васъ Господь, милый человекъ»—и идти развязно, слегка насвистывая.

Мильбордъ пригласилъ меня въ себя обѣдать, чтобы познакомиться съ двумя своими знакомыми, которые поѣдутъ въ Антверпенъ завтра, на одномъ пароходѣ со мной. Кромѣ нихъ будетъ еще нашъ общій знакомый—Казель.

Придя въ Мильборду, застаю въ его гостиной, кромѣ Казеля, еще троихъ; но самого хозяина еще нѣтъ дома; сейчасъ будетъ. Незнакомые другъ съ другомъ, мы очевидно поглядываемъ другъ на друга какъ-бы враждебно. Взаимное наше настроеніе таково: «этотъ какъ сюда попалъ?» Чтобы совершить сближеніе, набираю общій предметъ и замѣчаю вслухъ, что сегодня хорошій денекъ. Пожилой человекъ, съ желтовато-сѣдыми бакенбардами, не соглашается. «Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «вы, быть можетъ, любите дождь?» Я упустилъ изъ виду, что только-что шелъ дождь. Неловко объяснить ему, что сказалъ это просто въ смыслѣ толчка въ общему разговору. Пауза. Казель молчитъ, и третій изъ присутствующихъ здѣсь наиболѣе обра-

щаетъ на себя общее вниманіе. Это джентльменъ съ тонкой тѣлѣй, длинными ногами и стеклышкомъ въ глазу. Онъ нанесъ употребленіе для своего времени: развалился на вреслѣ, онъ протягиваетъ свои ноги какъ можно далѣе отъ себя впередъ, приглядывая ихъ обѣими руками вверхъ, внизъ, и при этомъ, какъ бы критически, посматривая на нихъ въ 'стеклышко. Это движеніе месмерически дѣйствуетъ на насъ и всѣ мы, отъ нечего дѣлать, молча заинтересовываемся его ногами... Если это продолжится, то мы наконецъ впадемъ въ магнетическое оцѣпенѣніе. (Замѣтка: не забыть «Месмеризмъ», подъ буквой М, въ «Развитіи типовъ». Т. VI).

Входитъ другой, весьма пожилой человѣкъ, добродушно-толстаго вида; входитъ съ рукой протянутой впередъ, чтобы привѣтствовать хозяина. А хозяина нѣтъ. Изъ уваженія къ почтеннымъ лѣтамъ вшедшаго, встаю. Онъ схватываетъ мою руку. Такъ радъ меня видѣть. «Давно, давно не видалъ», говоритъ онъ. Отвѣчаю, что очень радъ. Хотѣлось бы вспомнить, гдѣ мы встрѣчались? Рѣшительно не помню. — «Ну-съ», спрашиваетъ онъ, «какъ у васъ дома?» Отвѣчаю, что «такъ себѣ».

Удачная мысль: спросить его самого, какъ у него дома? — «Ничего», говоритъ, «только Милли могла бы быть покрѣпче». Продолжаю разговоръ: — «въ самомъ дѣлѣ?» произнося это задумчиво. А такъ какъ я не имѣю понятія, кто это Милли и до какой степени она могла бы быть крѣпка, еслибъ постаралась, то начинаю подозрѣвать, что тутъ кроется недоразумѣніе. Вдругъ, онъ спрашиваетъ меня, сосчитался ли со мной Мартинъ за него, по послѣдней партіи? Совершенно теряюсь, не зная, о какомъ Мартинѣ рѣчь. Что сказать? Говорю правду: «нѣтъ». Тогда онъ вынимаетъ портмонѣ и хочетъ самъ разсчитаться со мной. Этотъ фактъ несуществующаго по отношенію ко мнѣ долга окончателно убѣждаетъ меня въ ошибкѣ, такъ какъ я ничего бы ему не повѣрилъ въ долгъ. — «Сколько же?» вопрошаетъ онъ. — «Дѣло въ томъ»... начинаю я; но тутъ входитъ Мильбордъ. — «Ха, коммодоръ», обращается онъ къ старику и прибавляетъ: «я вижу — вы знакомы». Поспѣшно разясняю, что нѣтъ. Тогда старый морякъ надѣваетъ свои очки (оказывается, что безъ нихъ онъ почти слѣпъ) и убѣждается, что принялъ меня за Мильборда.

Мильбордъ представляетъ насъ другу другу: знакомитъ меня съ Чильверномъ и капитаномъ Дингвеллемъ (который магнетизировалъ свои ноги); оба они ѣдутъ на одномъ пароходѣ со мной, также какъ Кавелль. Знакомитъ и съ коммодоромъ Бромбсби, и съ сэромъ Питеромъ Гроганомъ. Когда меня представ-

ляютъ капитану Дингвеллю, тотъ встаетъ, ввинчиваетъ себѣ монокль въ глазъ, сверхъ на монокль навинчиваетъ бровь, въ видѣ гайки, а уголь рта кверху, немного въ сторону, какъ-бы не рѣшаясь, показать ли мнѣ гримасу или пріятность въ выраженіи лица. Ворчитъ себѣ что-то подъ носъ, въ родѣ «смѣхообразный случай», предоставляя мнѣ ухватиться за это, если желаю, и какъ-бы стремится вылѣзть изъ сюртука, не снимая его, посредствомъ вытягиванія впередъ рукавовъ рубашки. Впослѣдствіи оказывается, что «смѣхообразный случай» относится къ нашему недоразумѣнію съ коммодоромъ, принявшимъ меня за Мильборда. Этотъ случай повидимому показался ему столь непропорціонально и мнѣ всякаго сравненія забавнымъ, что онъ далѣе еще нѣсколько разъ намекаетъ на это происшествіе.

Если есть искусство въ томъ, какъ смѣшать за столомъ салатъ, то не менѣе искусства требуется, чтобъ смѣшать самую компанію. Вопросъ тутъ въ разнообразіи, пропорціональности и гармоніи цѣлаго. Мильбордъ умѣлъ хорошо составить свое общество. Тутъ есть кавалеристъ-капитанъ Дингвелль, архитекторъ — Чильвертъ, коммодоръ Бромбси (флота ея величества), большой путешественникъ; далѣе: сэръ Питеръ Гроганоль — извѣстный химикъ, Казелль, умѣющій каждаго учить, что ему слѣдовало бы сдѣлать (надѣюсь, что его кто-нибудь оборветъ), Мильбордъ — по части шутокъ, которыя на этотъ разъ сдерживаются въ границахъ его хозяйскимъ достоинствомъ, и, наконецъ, я — представитель, до нѣкоторой степени, литературы. Садимся. Капитанъ Дингвелль, прижавъ концы рукавовъ своей рубашки пальцами къ ладонямъ, вытягиваетъ ихъ надъ всѣмъ столомъ, какъ будто благословляя ножи, вилки и стаканы. Одно мѣсто незанято. Тотъ гость опоздалъ. Намъ это совершенно все равно; онъ — адвокатъ, «человѣкъ идущій въ гору» — говоритъ Мильбордъ; мы равнодушно отвѣчаемъ «а», и углубляемся въ супъ.

Очень удачно составленное общество. Гораздо лучше имѣть одного архитектора, одного кавалерійскаго офицера, одного коммодора, одного путника, одного адвоката и одного литератора, — чѣмъ исключительно архитекторовъ, исключительно путниковъ или однихъ коммодоровъ. Химикъ сэръ Питеръ Гроганоль открываетъ разговоръ, замѣчая: — «очень хорошій супъ». Это вдругъ всѣмъ разверзаетъ уста. Не знаю почему. Капитанъ Дингвелль выдергиваетъ одинъ рукавъ рубашки судорожнымъ движеніемъ впередъ, едва не поразивъ графина, и говоритъ: — «да, этого супа не получишь въ моемъ клубѣ». Встрѣтись взоромъ со мною, онъ сдерживаетъ порывъ къ смѣху и говоритъ мнѣ въ

полголова: «смѣхообразно». Спрашиваю его черезъ столъ, громко: «Что?»—Онъ слегка откидывается назадъ, мигаетъ тѣмъ глазомъ, въ которомъ нѣтъ монокла, показываетъ мнѣ головой въ сторону коммодора и говоритъ негромко:—«принялъ васъ за»—и показываетъ головой въ сторону Мильборда. Каждый разъ, когда капитанъ въ послѣдствіи вновь намекаетъ на этотъ забавный случай, таковъ методъ объясненія со мной, который онъ употребляетъ. Потомъ тихо хохочетъ, вытаскиваетъ наружу одинъ изъ рукавовъ рубашки, роняетъ изъ глаза моноклъ, ищетъ его на себѣ другимъ глазомъ, вдавливаетъ его снова, затѣмъ въглядываетъ вокругъ съ вызывающимъ видомъ, какъ-бы готовый съѣсть или услужить, смотря по обстоятельствамъ, и наконецъ, внезапно ныряетъ въ свою тарелку и начинаетъ кушать чтó на ней лежить.

Прихотливая нить разговора наводитъ коммодора на Мозамбикъ. Разспрошу его о Мозамбикѣ. Но прежде желалъ бы, чтобы онъ показалъ мнѣ Мозамбикъ на картѣ и объяснилъ мнѣ, чтó такое въ дѣйствительности Мозамбикъ. Я прежде думалъ—это островъ. Судя по разговору, догадываюсь, что это скорѣе губа или заливъ. Если подумать, какъ мало въ самомъ дѣлѣ знаешь изъ того, чтó знаешь.

Объяснится само собою изъ дальнѣйшаго теченія разговора. Однако коммодоръ мнѣ мало сообщаетъ о Мозамбикѣ, а все врѣпить паруса, беретъ рифы, попадаетъ на банки, имѣетъ дѣло съ носъ-талями и рифъ-талями и др. подобными вещами. Почти-тительно слушаю, но сожалѣю, что посвятилъ себя коммодору. Тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ начались интересныя пренія между сэромъ Питеромъ Гроганолемъ, Чильверномъ и Слингсби (адвокатомъ, который теперь пришелъ, извинился, и съ-разу вошелъ во все: въ обѣдъ и въ разговоръ, какъ будто былъ съ самаго начала), о предметѣ, который меня интересуетъ. Вопросъ о томъ: существуетъ ли безусловный, естественный и отвлеченный принципъ справедливости?

Съ этимъ вопросомъ они играютъ какъ-бы вистъ съ деравшвой: на одной сторонѣ Слингсби и Чильвернъ, на другой—сэръ Питеръ. Слышу каждое ихъ слово и совершенно увлекаюсь. Хотѣлось бы въязаться самому, но принужденъ слушать коммодора, который все еще отъ талей не пришелъ въ Мозамбикъ. Онъ толкуетъ что-то о безпорядкѣ въ морскомъ управленіи, и въ доказательство рассказываетъ частный случай, какъ разъ въ то время, какъ Слингсби самоувѣренно утверждаетъ, что безусловнаго принципа справедливости вовсе не существуетъ.

Удачная мысль: сказать коммодору: «да, необходимы рефор-

ми», и тотчасъ, не давъ ему времени «тянуть меня снова въ морской разговоръ, обратиться къ Слингсби и поставить положеніе о существованіи безусловнаго принципа справедливости. Однако, коммодоръ не даетъ мнѣ случая это сдѣлать, я съ нетерпѣніемъ выжидаю хоть точки съ запятой въ его рѣчи, чтобы привести свой замыселъ въ исполненіе. Но онъ продолжаетъ, все подъ рядъ: «я вамъ приведу прямой примѣръ и вы, конечно, скажете»—и бухъ, погружается въ новую исторію объ одномъ лейтенантѣ, который служить уже двадцать лѣтъ, а между тѣмъ все сидитъ на Мальтѣ или что-то въ этомъ родѣ; между тѣмъ, рядомъ, я слышу, какъ Слингсби ставитъ самыя возмутительныя положенія, одно на другое, въ то время, какъ я сознаю, что основная мысль его ошибочна.

Но вотъ, наконецъ, Мильбордъ на минуту прерываетъ коммодора, и я тотчасъ выступаю на помощь сэру Питеру Грогану противъ Слингсби и Чильверна. Ужасно люблю настоящій философскій споръ. Всѣ мы горячимся при этомъ умственномъ фехтованіи. Чильвернъ дѣлаетъ замѣчаніе, что не слѣдуетъ вводить въ споръ религію, и мы соглашаемся. Но Слингсби въ четвертый разъ отрицаетъ существованіе безусловнаго принципа справедливости, и этимъ подбавляетъ масла въ огонь.

Я говорю:—«по самой природѣ вещей *должны* существовать въ нашемъ сознаніи безусловный принципъ справедливости»... Здѣсь Мильбордъ рекомендуетъ намъ попробовать этого пуддинга, и я, полуоборотясь въ сторону, накладываю себѣ его, стараясь не прерывать въ это время моей рѣчи (такъ какъ во время обѣда, если вы остановитесь на моментъ, хотя бы съ тѣмъ, чтобы взять пуддинга на тарелку, кто-нибудь непременно выхватитъ слово изъ вашихъ устъ; люди вообще эгоисты). Говорю... «должны существовать принципъ безусловной справедливости»...

Слингсби:—«почему?»—«Почему?» возражаю я, «почему?—потому что, если»... не совсѣмъ ясно сознаю, что намѣренъ сказать вслѣдъ за этимъ; но если только продолжать говорить не спѣша и съ осторожностью, то непременно нападешь, наконецъ, на нѣчто стоящее быть сказаннымъ; притомъ, это и есть индуктивный методъ. Продолжаю: «потому что если допустить, что безусловнаго принципа справедливости (съ большимъ удареніемъ на этихъ словахъ) нѣтъ, въ такомъ случаѣ (произнося каждый слогъ съ равстановкой, чтобы выиграть время и дать собраться мыслямъ), въ такомъ случаѣ, мы бы не имѣли вѣрнаго критерія (только не надо спѣшить и тогда непременно нападешь на хорошія

слова), вѣрнаго критерія, чтобы судить... Здѣсь обносятъ вокругъ стола ликёръ...— «судить о дѣйствіяхъ челоуѣчества».

— «Но возьмите дикаго», говоритъ Слингсби.— «Возьмите рюмку шартрёза», прибавляетъ Мильбордъ съ своего конца стола. Отдѣляваемся кивкомъ и улыбкою отъ Мильборда и снова обрабатываемъ принципъ справедливости. Споръ какъ-то разгорается. Слингсби выставляетъ одинъ за другимъ аргументы, повидимому, неопровержимые, но которые, я убѣжденъ въ томъ, оказались бы просто нелѣпы, еслибъ только выписать ихъ на бумагу и хорошенько войти въ нихъ. Теперь же, въ эту минуту, признаюсь, я не могу ихъ опровергнуть.

Счастливая мысль: спрашиваю, читалъ ли онъ книгу Томлинсона объ этомъ предметѣ?— «Нѣтъ, не читалъ».— «Ага», говорю я съ чувствомъ облегченія: «вотъ, когда вы его прочтете, тогда мы поговоримъ; вы убѣдитесь, что всѣ ваши аргументы у него уже разобраны и опровергнуты окончательно». Надо бы мнѣ и самому прочесть сочиненіе Томлинсона; я только однажды взглянулъ въ него, случайно, въ домѣ одного знакомаго.

Наступаетъ пауза.— «Ну, а вы, капитанъ», шутливо обращается Мильбордъ (вѣчный его недостатокъ; все только шутить) наклоняясь въ сторону капитана Дингвелля, который, помалчивая, посвящалъ доселѣ все свое вниманіе вину: «какъ вы думаете объ этомъ предметѣ?»

Капитанъ улыбается и произноситъ: «хмъ, довольно похоже на общую смѣзку». Я— въ изумленіи.— «На что? на общее что?», допытывается сэръ Питеръ.— «Смѣзку», деликатно произноситъ капитанъ.— «Вотъ», признается аналитическій химикъ, «не случилось мнѣ никогда слышать этого термина.— «Нѣтъ?» произноситъ капитанъ равнодушно. Съ этой минуты общее вниманіе обращается къ нему. Оказывается, что у него цѣлый своеобразный словарь.

Меня онъ еще спеціально интересуеть потому, что онъ только на нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Ахена и возвращается туда. А меня докторъ туда же посылаетъ. На мой вопросъ, каковъ Ахенъ? капитанъ отвѣчаетъ: «тѣкъ себѣ, не лыкомъ шить»; есть и тамъ два-три мужчины ничего; когда сезонъ, то бываетъ контрабасъ и можете полі натирать; можете получить восторгъ и рѣшиться вашего добра въ разныхъ видахъ».

Удачная мысль: записать эти термины и, отведа его послѣ въ сторону, просить объясненія, что значать: «контрабасъ», «поли натирать», «восторгъ» и «рѣшиться добра». Вскорѣ замѣчаю, что «добро» у него означаетъ безразлично— и деньги, и напитки

всякаго рода. За столомъ, онъ, наливъ себѣ—передаетъ «добро» сосѣду, иногда «приобрѣтаетъ добро» въ карты, но чаще «рѣшается добра»,—послѣднее, по его словамъ, особенно на скачкахъ.

Онъ сообщаетъ мнѣ, что возвращается въ Ахенъ съ цѣлью «оправдать доктора» и «прокоптить языкъ, какъ слѣдуетъ», что, какъ я впоследствии узнаю, означаетъ, что онъ ѣдетъ для поправленія здоровья и для усовершенствованія себя въ нѣмецкомъ разговорѣ. Затѣмъ, онъ обвиняетъ мнѣ, такъ какъ не жалѣлъ вина, «что наставитъ меня на всѣ ихъ кунштюки и покажетъ мнѣ всякую штуку, какъ она есть, безъ обмана, безъ пружины и фальшиваго дна, мой благородный спортсменъ». Такъ какъ я при этомъ разсмѣялся, то онъ продолжалъ, совѣтуя мнѣ: «вотъ, вашъ билетъ, дѣдушка, вы держитесь этой открытой души (т.-е. держаться *eu*), и всегда станете лицомъ вверхъ, подъ № 1-мъ, какъ означено на ярлыкѣ». Тутъ онъ выпиваетъ еще стаканъ и сѣдется тому, какъ «этотъ мужчина (разумѣя коммодора Бромбси) принялъ васъ за Мильборда». Этого, говорить, «не могу переварить». Наконецъ, онъ прибавляетъ: «а вѣдь у васъ только-что не произошло общей смазки». Это онъ намекаетъ на нашу философскій споръ о безусловномъ принципѣ справедливости и разумѣть просто, что мы бы разругались, если бы продолжали.

Идемъ въ курительную комнату и, по случаю завтрашняго отъѣзда, сидимъ не долго. Когда прощаемся, каждый изъ насъ выражаетъ охоту ѣхать съ каждымъ изъ остальныхъ, и, по возможности этого—надежду, душевную и приятную, но неопредѣленную, встрѣтиться съ каждымъ изъ прочихъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь. Такъ кончается вечеръ.

Вотъ мы на палубѣ; плывемъ въ Антверпенъ: Чильвертъ, капитанъ Дингвелль, Кавелль и я. Прекрасная погода съ пробѣгающими тучками. Я сближаюсь съ капитаномъ парохода, но, для отличія его отъ капитана Дингвелля, стану, въ умѣ, называть его адмираломъ. Чильвертъ, на сообщеніе этой мысли, посоветовалъ мнѣ и прямо въ глаза называть его адмираломъ. Не соглашаюсь, потому что не хочу ссориться съ адмираломъ корабля при самомъ отъѣздѣ, да хотя бы и впоследствии. Онъ имѣеть тысячу способовъ сдѣлать переправу неприятною для насъ. Можетъ, напримѣръ, приказатъ рулевому, чтобъ тотъ направлялъ пароходъ *внутрь* волнъ, вмѣсто *черезъ* волны, и принять всяческія мѣры, чтобъ насъ вспрыснуло. Иду и вступаю съ нимъ въ разговоръ. Онъ иностранецъ. Странно! иностранецъ командуетъ британскимъ кораблемъ. Я прежде думалъ, что иностранцы со-

всѣмъ не годятся во флотъ. До сихъ поръ всегда полагали, что по этой причинѣ Нельсонъ и одержалъ всѣ свои побѣды, такъ какъ иностранцы были поражаемы морской болѣзью. (Замѣтка: узкость воззрѣній. Путешествіе расширяетъ умственный горизонтъ).

Адмиралъ говорить намъ, что море, кажется, будетъ хорошо. Правда, капитанъ Дингвелль замѣчаетъ, поглядывая на тучки, что «тамъ, снаружи (т. е. когда выйдемъ изъ Темзы) будетъ смѣзка». Но мы вѣримъ не ему, а, конечно, адмиралу. Мнѣніе капитана невѣрно уже потому, что, даже допустивъ его предположеніе, «смѣзка» произошла бы во всякомъ случаѣ не «снаружи». — «Не надо думать объ этомъ», прерываетъ меня Казелль: «вамъ слѣдуетъ—или оставаться все время на палубѣ, или, если вы думаете, что будете больны, то, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ сойти въ каюту въ то время, когда вы еще чувствуете себя хорошо, и тотчасъ лечь».

Готовъ тотчасъ идти, но мнѣ разъясняютъ, что мы не раньше нѣсколькихъ часовъ выйдемъ изъ Темзы. Дингвелль сознается, что полагалъ начало моря—у Гринича; далѣе онъ на Темзѣ ничего не знаетъ.

Счастливая мысль: по географіи Дингвелля, Англію омываетъ съ запада уха, которою славится Гриничъ. Говорю это вслухъ, ожидая взрыва хохота. Его нѣтъ. Впослѣдствіи, Казелль отводитъ меня въ сторону и замѣчаетъ, что мнѣ «не слѣдовало бы говорить это; вы съ нимъ еще слишкомъ мало знакомы, чтобы шутить надъ нимъ, а онъ зубастый господинъ».

Погода—преlestь! Плыдемъ себѣ, какъ... какъ... какъ что-нибудь (я уже признавался, что слабъ по части сравненій); какъ «лебеди» — неидетъ, потому что мы не плывемъ, какъ лебеди. — «Какъ дельфины», нахожусь я. — «Какъ дельфины въ омнибусѣ», поправляетъ Дингвелль. Этой глупости смѣются. Но не я; съ какой стати? Если бы онъ смѣялся моея шуткѣ, я бы смѣялся ею.

За обѣдомъ мы, въ удивленію, всѣ отлично ѣдимъ. За обѣдомъ оказывается, что адмиралъ—голландецъ.

Счастливая мысль: узрѣлъ голландца. Меня это привлекаетъ къ нему. Говорю Казеллю: «не напоминаетъ ли вамъ это Виндердегена, «Летучаго голландца», и повѣстей Уашингтона Эрвинга?» Казелль, читающій газету, отвѣчаетъ: «не напоминаетъ».

Загляну въ каюту. Нѣтъ, здѣсь что-то не ладно; можетъ, просто потому, что мнѣ сказали о близости моря. Нехорошо въ каютѣ; скорѣе вонъ, наверхъ. Но и на палубѣ общій видъ какъ-то измѣнился; какъ-то выглядеть скучнѣе. Вечернѣтъ. — «А что», спрашиваю я Казелля, равнодушно, какъ будто руководимый без-

корыстной любознательностью: «не поднимаемся ли мы немножко?» Казелль отвѣчаетъ въ подозрительномъ тонѣ: «кажется, начинаемъ».

Адмиралъ идетъ въ кормѣ (или съ кормы; хочу сказать къ намъ, а мы находимся на срединѣ палубы), продолжая сосать свою носогрѣйку; вѣчно курить. Прежде я какъ-то не замѣтилъ особаго запаха, которымъ отличается его табакъ. Довольно неприятный запахъ. Впрочемъ, и Чильвернова трубка неприятна; и сигара Дингвелля.

— «Курнуть не хотите ли?» спрашиваетъ Дингвелль. — «Нѣтъ, благодарю васъ, не хочу курнуть». Чувствую, что еслибъ курнуть теперь, то это послужило бы, такъ сказать, поворотнымъ (или выворотнымъ) пунктомъ въ моемъ существованіи. Говорю самъ себѣ: «хочешь быть благополученъ, такъ будь остороженъ». — «Вамъ бы, знаете, что слѣдовало», совѣтуетъ Казелль — «выпить хорошій стаканъ портера». Нѣтъ, не желаю портера, особенно теперь, вслѣдъ за чаемъ; убѣжденъ даже, что отъ портера.... но, все равно.... Нѣтъ, благодарю, я лучше останусь на палубѣ.

Надвигается ночь. Мы ужъ не въ рѣбѣ. Чильвернъ замѣчаетъ: — «если хуже не будетъ, такъ это еще ничего, пускай». Приятно слышать ободрительныя слова. Мысль: и мнѣ тоже. — Адмиралъ, окончивъ трубку, сообщаетъ намъ, что вѣтеръ повернулъ въ другую сторону. — «Худъ?» спросилъ Чильвернъ. Адмиралъ кивнулъ ему головой и пошелъ въ кормѣ или отъ кормы, или куда-то изъ виду.

Мнѣ не хочется пойти въ каюту и завалиться. Какое отвратительное выраженіе «завалиться». Странно, какъ даже простое выраженіе теперь можетъ казаться такъ противнымъ. На капитанѣ Дингвеллѣ длинное толстое пальто; въ рукахъ у него — вѣбрикъ; въ зубахъ — сигара. — «Что, васъ никогда?» спрашиваю и не оканчиваю, потому что это неприятно. Ему же все равно; онъ произноситъ это слово, такъ сказать, вырывая его у меня изъ устъ (фу! какое мерзкое совпаденіе опять), и прибавляетъ: «нѣтъ; выдерживаю». Закуриваетъ новую сигару, предвѣрительно спросивъ меня, не побезпокоитъ ли меня, «если онъ курнетъ?» Конечно, въ вѣжливости, отвѣчаю, что нѣтъ. Въ сущности же сознаю (съ отчаяніемъ), что для меня это въ настоящую минуту уже не составляетъ разницы. Судьба моя рѣшена; чувствую это; весь вопросъ — когда?

Не вижу Казелля. Мнѣ недостаетъ его; зачѣмъ онъ ушелъ? Пожалуй.... но можетъ, и нѣтъ.

Мысли (въ то время, какъ я прислонюсь спиной къ возуку

колеса такъ, что-бы быть сколь можно ближе къ самой срединѣ судна, судно качается ужаснымъ образомъ): — стбитъ ли этого все путешествіе?—Мало ли есть въ самой Англии живописныхъ мѣстъ, которыхъ я не видывалъ? Къ чему ѣхать непременно за-границу?

Хорошо, если бы осуществился туннель подь моремъ; или мостъ — чрезъ море. Что значить расходъ въ такомъ случаѣ? Всякъ подписался бы на значительную сумму, кто только бывалъ за-границею и возвращался изъ-за-границы домой. Ужасно. Притомъ чувство совершенной безпомощности. Вспоминаю, что Кавелль, передъ своимъ исчезновеніемъ, совѣтовалъ мнѣ не смотрѣть постоянно на одно мѣсто. И не буду. Однако, только насилу могу оторвать свой взглядъ отъ какой-то кучи. Нѣтъ, это—человѣкъ; онъ лежитъ на плѣдѣ, а голову положилъ на складной табуретъ. Дингвелль похаживаетъ по палубѣ, взадъ и впередъ, держа руки въ карманахъ своего долгополага пальто, а во рту—сигарку. Иногда повачивается съ ноги на ногу, но все-таки ходитъ, и по-видимому, съ удовольствіемъ. Я же могу только прислоняться спиной къ возуху, больше ничего. — «Мнѣ пока еще такъ себѣ», обращается во мнѣ Чилвертъ, «а вы какъ?» Я не знаю, я не увѣренъ. Можетъ, въ концѣ-концовъ — то-есть *если не заставятъ меня говорить много или думаться*—и я еще, такъ себѣ, отдѣлаюсь. Чувствую, что теперь ни въ чемъ не увѣренъ. Желалъ бы быть дома. Далъ бы порядочныя деньги, чтобы сидѣть теперь съ Фридди.

Не совсѣмъ удачная мысль: случилось мнѣ слышать отъ путешественниковъ, что ихъ такъ и *тянуло* на родину. (Тьфу! что опять въ мысль лѣзеть). Этого со мной еще не бывало... за то...

Трахъ—пароходъ нагнуло на сторону. Мой табуретъ чуть не упалъ. Откуда-то обдало насъ волной. Безпомощенъ. Ничего предпринять не въ состояніи. Пусть насъ обдають волны. Пусть вода притекаетъ подь мои ноги. Очень холодно. Подходятъ, неровно, но весело, капитанъ Дингвелль, съ сигаркой. Онъ только-что выпилъ коньяку съ содовой водой, въ компаніи съ адмираломъ. Обращается къ намъ бойкимъ тономъ:—«Ну, что? а? Молодцами, хоть въ мичманы?» Пробую улыбнуться ему въ отвѣтъ, то-есть намѣреваюсь улыбнуться (чтобы оправдать его предположеніе или хоть выказать храбрость до послѣдней капли возможности); но чувствую, что малѣйшее движеніе мускуловъ лица или перемѣна въ положеніи имѣли бы роковой исходъ.

Корабль получаетъ теперь какой-то особенный ходъ и во мнѣ такое чувство, какъ будто всѣ подробности этого хода повто-

ряются во мнѣ, посредствомъ какого-то повторительнаго (и отвратительнаго) механизма. Корабль опускается внизъ съ шумомъ и дрожью; и я тоже; то-есть, я не двигаюсь съ мѣста, но механизмъ производитъ то же самое во мнѣ. Похоже, какъ будто я проглотилъ машину. Корабль скользитъ или ползетъ, потомъ вдругъ идетъ кверху, какъ-бы увлеваемый къ небу какимъ-то неопианнымъ восторгомъ; то же самое и во мнѣ. «Можете получить восторгъ; въ разныхъ видахъ....» Вспоминаю Дингвелля. А онъ, повидимому, совершенно счастливъ.

Не знаю, какъ чувствуетъ себя Чильвернъ. Слегка обращаю голову въ сторону и вижу, что онъ выпялилъ глаза и глядитъ впередъ съ безжизненнымъ и беспомощнымъ выраженіемъ. Машина, каждый разъ, когда мы ныряемъ какъ будто прямо на дно, издаетъ глухой стонъ, и я чувствую, какъ будто весь уложу въ сапоги. Потомъ, мы опять поднимаемся съ плескомъ и шумомъ, составляющимъ нѣчто среднее между визгомъ и стономъ машины. Чувствую себя въ непосредственной связи съ машиной и въ прямой отъ нея зависимости.

Опять подходит Дингвелль (онъ ходитъ, чтобы тепло было) и увѣряетъ, что у насъ преблагополучная переправа; что, вѣроятно, ни одной души не заболѣетъ. Отвѣтить ему я не могу; въ его словахъ представляется мнѣ только лучъ надежды. Мысли мои становятся мрачны; далеко уже не счастливыя мысли. Кромѣ одной, удачной: умъ можетъ отрѣшиться, такъ, чтобы быть недоступнымъ физическому страданію. Поэтому, если бы мнѣ только удалось думать о чемъ-либо иномъ, я почувствую себя дурно; или, лучше сказать—такъ какъ я уже чувствую себя дурно—мнѣ не будетъ хуже, а вѣроятно лучше.

Пытался придумывать загадки. Не могъ. Быть можетъ, это слишкомъ легкомысленная вещь по настоящимъ обстоятельствамъ. Возьму что-нибудь другое. Навримврь—звѣзды. Думаю о звѣздахъ. Вижу всего одну. Какая бы это могла быть звѣзда? Думаю о древнихъ мореплавателяхъ, которые, не имѣя ни компаса, ни.....—*Страшный перевалъ на бокъ*.... Борюсь противъ внутренняго механизма и опять принуждаю себя думать о звѣздахъ. Еще волна черезъ бортъ. Кто-то сказалъ:—«ишь, какъ хватила, северная». Можетъ быть и северная. Я уже не въ состояніи высказывать мнѣній. Если бы теперь кто-нибудь направилъ на меня пистолетъ, я бы не убѣжалъ. Пробую припомнить себѣ нѣкоторыя мѣста изъ Шекспира; попробую подуматъ, о чемъ будетъ слѣдующая глава «Развитія типовъ»; въ чемъ былъ главный аргументъ сэра Питера въ пользу безусловнаго принципа спра-

ведливости? Или вотъ еще.... *Переваль. Волна.* Весь механизмъ (внутренній) въ движеніи. Не вижу болѣе звѣзды. Уйти мнѣ отъ кожуха *теперь*; или еще подождать немного?.... Нерѣшимость.... Кажется, я пойду.... Перепроводилъ себя къ противоположному кожуху.... Хлопая ступнями по палубѣ и соразмѣряя моменты, когда она подходитъ къ поднимаемымъ мною ногамъ.... трахъ, вправо; едва не поразилъ капитана, который все похаживаетъ, съ сигаркой (!), и какъ молнія отскакиваетъ отъ меня.

Удачная мысль (молніеобразно проносится въ умѣ даже въ этотъ страшный моментъ): «моль—не я...» Бѣдственно...

Гляжу внизъ, черезъ бортъ, въ темную пучину водъ, въ бѣлую пѣну... Чтб, если бы этотъ бортъ, или оплотъ, или какъ-тамъ... внезапно отвалился... Чтб дѣлать, не моя вина... Переваль... переваль... подъемъ... головокруженіе... цѣпляюсь за бортъ... тихо изнываю.

Можетъ ли быть на континентѣ что-либо способное вознаградить за *это!!!!* Соборы—церкви—картины—удовольствія Парижа—*не могутъ* уравновѣсить это... Да еще, а-а-ах! *Вѣдъ придется плыть обратно...* Топчусь въ лѣстницѣ, въ каюту.— «Совсѣмъ молодцами, хоть въ мичманы?» спрашиваетъ капитанъ Дингвелль, закуривая еще одну мерзѣйшую, подлѣйшую сигарку.— «Да», отвѣчаю я, но слышу не свой, а какой-то чуждый мнѣ голосъ; увѣренъ, что подайте мнѣ зеркало и я не узналъ бы нѣкогда веселаго автора «Развитія первообразовъ или типовъ».

Спускаюсь по самой неудобной лѣстницѣ. Почему не могли сдѣлать ее прямой, по-человѣчески; нѣтъ, непременно—винтомъ. Когда... и безъ того... Въ каютѣ. Раздѣвнусь и лягу совсѣмъ спать. Удачная мысль: воображу, что какъ-бы дома; что пора раздѣться и отдохнуть. Не приперъ двери. Она какъ бацнетъ въ меня, а я въ нее; а она опять въ меня; послѣ чего я бацнулся въ стулъ, потомъ въ бокъ койки, потомъ головой объ верхнюю койку, потомъ въ чемоданъ, наконецъ, отчаянно ухватываюсь за нижнюю койку и стараюсь придти въ себя. Сперва срываю съ себя одежды; потомъ пробую повѣсить ихъ, каждую аккуратно; спать, какъ-бы дома. Наконецъ, вдругъ ниспадаю на нижнюю койку, какъ дѣлають «петрушки», у которыхъ выше колѣнь пустота. Въ результатѣ даже удивляюсь, какъ добрался-таки сюда.

Закрываю глаза... ой, нѣтъ! поспѣшно раскрываю ихъ. Ужасное ощущеніе. О свѣ не могу и думать и меня гнететъ запахъ лампы, недостатокъ воздуха. Вонъ изъ койки—отворяю дверь: прежнее представленіе *vis*. Между дверью и стѣной ставлю

стулъ; будетъ воздухъ. Топчусь на мѣстѣ—бацъ обо что-то—перевожу дыханіе—топчусь опять. Сражаюсь со всѣмъ окружающимъ: съ койкой, умывальнымъ столомъ, дверью, стульями, такъ какъ всѣ эти вещи, повидимому, идутъ на меня. Однако, все-таки замѣчаю, что вотъ тутъ, на умывальникѣ, вырѣзано имя «Скоттъ Россель»... Держусь... Интересно, умывальникъ ли сдѣлалъ этотъ Скоттъ Россель, или весь пароходъ... Но въ такомъ случаѣ... зачѣмъ же онъ... Переваль—и бацъ... Въ войку, кое-какъ, задомъ впередъ, все-равно; въ совершенномъ изнеможеніи. Такъ вотъ что Дингвелль называлъ «будеть смѣзка снаружи»... Ахъ... Неужели опять придется встать?.. Если же нѣтъ... то, мнѣ кажется... я бы могъ...

Счастливая мысль: мнѣ лучше. Сонъ, тихій сонъ или нѣчто ему подобное; въ то время, какъ люди бѣгаютъ, кричатъ, выпускаютъ пары, даютъ задній ходъ, потомъ опять ходъ передній и, повидимому (слава Богу), вступаютъ постепенно въ заводье.

Въ Антверпенѣ.

Въ вагонъ. Ѣдемъ въ Ахенъ, съ капитаномъ Дингвеллемъ. Онъ спрашиваетъ, на долго ли будетъ остановка въ Литтихъ. Такъ какъ я знаю, что онъ во французскомъ языкѣ плохъ, то совѣтую ему, нарочно, спросить кондуктора. Результатъ тотъ, что капитанъ спрашиваетъ кондуктора: «Эй тамъ, мужичиъ, что тутъ вагонъ стопъ?» Мужичиъ отвѣчаетъ нѣчто, и Дингвелль спрашиваетъ меня же, что онъ сказалъ. Дингвелль идетъ въ буфетъ, громко требуетъ горькаго пива, и получаетъ. Я колеблюсь между чашечкой кофе съ мапировской или vin ordinaire и порціей цыпленка; не знаю, что будетъ болѣе согласно съ континентальными обычаями. Наконецъ, рѣшаюсь на первое и хочу звать гарсона, но Дингвелль провозноситъ: «поздно; башину ужъ завели». Башина у него вмѣсто машины; но мнѣ сдается, что въ его понятіи «башина», какъ испорченное англійское слово, все-таки ближе къ французскому. Замѣчаю впоследствии, что всѣ (развѣ такой «мужичиъ» какъ кондукторъ, который все-таки гордится мундиромъ) отлично понимаютъ англійскій языкъ Дингвелля, между тѣмъ, какъ мой французскій языкъ имъ менѣе вразумителенъ.

Удачная мысль: объясняю ему, что это—только бельгийцы; что они не говорятъ какъ les vrais Parisiens (впоследствии, въ

Парижѣ, скажу ему, что Бельгія и Германія испортили мой акцентъ).

Переѣзжаемъ границу и внезапно слышимъ вокругъ себя языкъ исключительно нѣмецкій. Очень странно, въ первую минуту. Дингвелль замѣчаетъ, что намъ бы ударило въ носъ, если бы, переѣхавъ изъ графства Кентъ въ графство Сѣссексъ (напримѣръ, отъ Тернбриджъ-Уэллза въ Брайтону; часъ времени), мы вдругъ бы не поняли того языка, которымъ говорятъ на станціи Три-Моста. Я прежде думалъ, что капитанъ не обремененъ избыткомъ мозга, но теперь замѣчаю, что въ немъ болѣе, чѣмъ то, что бросается въ глаза.

Такъ, напримѣръ, нѣсколько удивляетъ то, что когда мы приѣхали въ Aix, какъ мы говоримъ по-англійски, — на мѣстѣ онъ оказался Aachen; и Дингвелль замѣтилъ на это, что когда французъ приѣзжаетъ въ Londres, то онъ оказывается London. Останавливаемся въ Hôtel du Grand Monarque.

На улицахъ не вижу тутъ ничего особеннаго; не то, что въ Антверпенѣ. Стульевъ и столовъ на тротуарахъ нѣтъ. Ходятъ, повидимому, такіе же англичане, какъ мы, потому что такъ же одѣты. Тѣ же, которые не англичане, всѣ въ мундирахъ. По крайней мѣрѣ, на первый взглядъ — такъ. Люди въ мундирахъ ватятъ бочки, люди въ мундирахъ везутъ тачки, люди въ мундирахъ и въ очкахъ отдають честь другимъ, высшимъ мундирамъ, съ эполетами и тоже въ очкахъ. На глазъ англичанина, представляется какъ будто городъ занятъ гарнизономъ изъ нашихъ почталбоновъ. Впослѣдствіи, привыкнувъ, начинаешь различать между мундирами — офицеровъ, которые, повидимому, болѣею частью близоруки, такъ какъ носятъ очки или рince-nez.

Докторъ предписалъ мнѣ теплыя ванны. Зашелъ въ контору разузнать. На мой вопросъ, могу ли я взять нѣсколько ваннъ, пожилая конторщица спросила меня: желаю ли я взять ихъ всѣ разомъ, что дешевле, или по одной? Я не совсѣмъ понялъ это; скорѣй всего по той причинѣ, что я объяснялся на французскомъ языкѣ (только по-англійски), а она объяснялась на томъ же языкѣ (но по-нѣмецки). Наконецъ, понялъ, что рѣчь идетъ о билетахъ, которыхъ и приобрѣлъ цѣлую пачку.

Первая ванна. Баньщикъ говоритъ по-англійски, но съ своеобразнымъ произношеніемъ и вообще на нѣмецкій ладъ. Замѣчаю на поверхности воды какую-то пѣну и обращаю на нее его вниманіе, говоря, что грязна: «dirty!» Улыбается: — «гуть, дѣрти, гуть». Это, по его мнѣнію, «гуть». Вижу на стѣнѣ объявленіе отъ комитета, что посѣтитель имѣетъ право настоять,

чтобы ванна приготовлялась въ его присутствіи. Указываю баньщику на это объявленіе, качаю головой и повторяю: «dirty!»— Отвѣчаетъ: «я-я, дѣрти, гуть».

Удачная мысль: купленные мной «Нѣмецкіе разговоры» у меня въ карманѣ. Поспѣшно раскрываю книжку и нахожу подъ строками одного разговора: «Подсвѣчникъ»—der Leuchter; «Трубочистъ»—der Kaminfeger». Нѣтъ, это не годится. То-есть, можетъ пригодиться, но при другомъ случаѣ. Поэтому отмѣчаю эти слова погтемъ и ищу «Указателя словъ», чтобы сыскать «ванну», «грязный» и «чистый». Гдѣ онъ, этотъ «Указатель», въ началѣ или въ концѣ? Смотрю въ конецъ—нѣтъ. Только образцы для писемъ. «Письмо при ненахожденіи дома нужнаго лица». — «Пригласительное письмо». — «Извинительное письмо».

Удачная мысль: отмѣтить и ихъ; могутъ понадобится въ другое время. Указатель словъ оказывается въ началѣ. Раздѣленъ по отдѣламъ. Гдѣ искать? Не знаю. Ну, съ самаго начала. Скука вакая: не въ алфавитномъ порядкѣ и занимаетъ четыре страницы мелкаго штрифта. Въ это время купальщикъ занятъ приготовленіемъ ванны. Обращаюсь къ «Оглавленію» и на-скоро пробѣгаю его сверху внизъ, глазомъ и пальцомъ. — «Дроби, Армія, Аммуниція». А, чтобъ ее, аммуницію! «Время, человекъ». Нѣтъ, по размышленіи, обращаюсь снова къ «Указателю словъ», такъ какъ мнѣ нужны слова «грязный» и «чистый». Смотрю: «Пресмыкающіяся, Насѣкомыя, Болѣзни, Кухня, Погребъ, Слуги, Горы, Рѣки, Земледѣльческія Орудія». А, чтобъ ихъ чортъ! всѣ эти предметы.

Гдѣ же прилагательныя, эпитеты, настоящіе, вѣрныя, ясныя эпитеты? «Утвердительныя фразы», «Отрицательныя фразы». Вотъ это поближе; огонь-огонь, какъ говорятъ дѣти въ жмуркахъ. «Степени церковной іерархіи». Потухъ опять. «Музыка». Ледъ вмѣсто огня. «Гимнастическія упражненія». Ахъ—ты!

А! нашель: «Повелительныя фразы»; опять огонекъ. «Съ продавцемъ суковъ»; вотъ тебѣ и на. «Дама при туалетѣ». Пожалуй, не поискать ли въ «туалетѣ». «Господинъ при вставаньѣ». Поищу въ «повелительныхъ фразахъ» подъ рубриками: «Дама при туалетѣ» и «Господинъ при вставаньѣ». Найду что-нибудь подходящее къ настоящему случаю.—Но банщикъ уже окончилъ: ванна готова; отъ нея идетъ паръ.—«Гуть», говорятъ онъ, «горячо; ровно дѣрти», и при этомъ указываетъ мнѣ на погруженномъ термометрѣ 30° Реомюра. Счастливая мысль: dirty (грязная) по его произношенію означаетъ thirty (тридцать). Наконецъ, я понялъ.

Между тѣмъ, мнѣ предписана ванна въ 27°. Заставляю его подбавлять холодной воды, а самъ покажѣсть разсмотрѣль-таки «Господина при вставаньѣ» и тамъ нашель. Вотъ оно: — «Петръ, который часъ?» — «Угодно вамъ бриться?» Нѣтъ, не тутъ. А, вотъ: — «Дайте мнѣ мои бумажные чулки съ моими сапогами и мои казимировые исподніе» — хорошій костюмъ! — «Дайте мнѣ мои сапоги, такъ какъ улицы, должно быть, грязны». *Грязны* — вотъ оно гдѣ сидить. (Однако, замѣтка: германскіе обычаи и манеры, если судить о нихъ по «Нѣмецкимъ разговорамъ», на примѣръ, если бы погода была хорошая, то онъ пошелъ бы на улицу *безъ сапоговъ*). «Грязный» называется *schmutzig*.

Сказаль ему. Онъ пришелъ въ нѣкоторое негодованіе и потому, вмѣсто отвѣта, зачерпнулъ ладонью воды изъ ванны и — выпилъ. *Solvitur bibendo*.

Въ ваннѣ. Чѣмъ заниматься въ ваннѣ? Какъ медленно идетъ время! Сорокъ минутъ при 27—26° *P*. Читать неудобно. Говорить нельзя, развѣ съ самимъ собой, что, сколько мнѣ извѣстно, предвѣщаетъ близость сумасшествія. Нельзя однако безусловно терять цѣлыхъ 40 минутъ; такъ-таки совершенно праздно сидѣть все это время. Чѣмъ можно бы заниматься въ ваннѣ?

Удачная мысль: думать. Напоминаеть анекдотъ: нѣкто находилъ, что самое праздное существо — сидящій въ клеткѣ попугай, такъ какъ онъ ничего не дѣлаеть. Но ему возразили, что и попугай имѣеть занятіе: онъ *думаетъ*. Кромѣ этого сходства, думать и не сидя въ ваннѣ одинаково хорошо, и еще лучше.

Сидѣнье въ ваннѣ особенно удобно, чтобы задавать себѣ вопросы. Можете спросить себя, принесеть ли это вамъ пользу? Спросить себя — а кто сидить въ ближайшей ваннѣ? Спросить себя — не обманъ ли все это леченье? Спросить себя — какое удовольствіе находили римляне въ томъ, что постоянно купались и т. д. Тотъ джентльмень, который сидить въ ближайшей ваннѣ, за стѣной, нашель средство занимать себя. Реветь во всю глотку. Онъ поеть отрывки разныхъ мелодій, преимущественно оперныхъ, и *ни одного* вѣрно. Хотѣлъ бы положить ему предѣль. У меня теперь также есть занятіе: изыскать средство къ прекращенію этого гвалта.

Тутъ представляется однако вопросъ, не имѣеть ли всякъ право дѣлать въ своей ваннѣ, что ему угодно? Если я имѣю право думать, то онъ имѣеть право гѣть (я всегда люблю ставить предъ собой ясно все, что можетъ быть сказано въ пользу противной стороны; встати — обыкновенно лучше вижу, что можетъ быть сказано въ ея пользу, чѣмъ въ мою). Съ другой стороны,

однако—мой размышленія не мѣшаютъ никому; его пѣніе мѣшаетъ мнѣ размышлять. Однако, и то сказать: если я запрещу ему пѣть, то, стало быть, результатомъ моего размышленія будетъ помѣха его пѣнію. Это принимаетъ видъ казуистической задачи.

Онъ начинаетъ теперь пѣть мотивъ изъ «Нормы», который я знаю наизусть. Но не только поетъ, а именно реветъ. Купающійся Стенторъ (кстати, кто такой былъ Стенторъ?). Доходитъ до седьмого такта и умоляетъ, очевидно, теряясь. Удачная мысль: окончить за него. Я исполнилъ это, сперва нерѣшительно, но потомъ громче, хотя не такъ, какъ онъ. Молчаніе. Ясно, что это поведетъ къ борьбѣ; если только первый мой залпъ не заставилъ окончательно умолкнуть огонь его батареи. Съ минуту думаю, спокойно. Затѣмъ, вдругъ онъ прорывается опять; вѣроятно, собиралъ свой репертуаръ во время паузы. «Voici le sabre, le sabre, le sabre!» и проч.,—оретъ онъ. Вязнетъ въ непроходимомъ мѣстѣ, на высокихъ нотахъ, такъ, примѣрно, около четырнадцатаго такта.

Счастливая мысль: его слабость—моя сила. Начинаю, гдѣ онъ кончилъ, но на этотъ разъ свищу. Не выждавъ, онъ выступаетъ съ «Ah, que j'aime les militaires! j'aime les mili-mili—j'aime les mili-mili...»

Другая мысль: поразить его изумленіемъ. Пою presto изъ «Italiana in Algieri», слегка видоизмѣненное мною, въ примѣненіи къ настоящимъ потребностямъ.

Теперь онъ запѣлъ: «Largo al factotum» изъ «Цирюльника» хрипло, но не весело; слышится отгѣнокъ бѣшенства въ его голосѣ. Не слѣдуетъ забывать осторожности. Пожалуй, онъ—пруссійскій офицеръ, и когда мы оба выйдемъ изъ ваннъ, потребуетъ, чтобы я выпелъ еще на дуэль.

Конецъ 40 минутъ. Звоню. Лежа въ простыняхъ, справляюсь въ «Нѣмецкихъ разговорахъ», и, составляя кое-какъ слова, спрашиваю его: wer ist der Herr mit ein Lied? («ein» напрасно, потому что не ein; но не знаю множественнаго Lied). Побѣда! онъ повялъ, но, къ сожалѣнію, отвѣчаетъ теперь исключительно по-нѣмецки. Ничего не понимаю, кромѣ того, что онъ *его* называетъ der andere Mann, въ противоположность мнѣ, такъ какъ въ настоящее время ходимъ въ ванны только мы оба: т. е. одинъ—я, а другой—der andere Mann.

Пятый день посѣщенія мною ваннъ. Der andere Mann каждый разъ тутъ. Я *слышу* его, но никогда не вижу. Начинаю

сверхъ ненависти питать къ нему зависть, такъ какъ банщикъ постоянно недоволенъ мною, что я мало потѣю, и ставить мнѣ его въ примѣръ. *Имъ* онъ очень доволенъ.

Паровая ванна, по прошествіи еще нѣсколькихъ дней. Если прежде купальщикъ какъ-бы требовалъ отъ меня, чтобы я потѣлъ послѣ простой ванны, то теперь, при ваннѣ паровой, требованія его еще усилились. Онъ сообщаетъ мнѣ, что необходимо потѣть, и что *der andere Mann* предельно какъ потѣть. Это необходимо для леченія. Оставляетъ меня.

По выходѣ моемъ изъ паровой ванны, онъ меня закутываетъ, съ нѣсколько недовольнымъ видомъ. Я, очевидно, еще не оправдалъ его ожиданій, не тѣ, что *der andere Mann*. Лежу укутанный, подъ пуховикомъ, и чувствую, какъ у меня что-то бьется въ головѣ; бьется въ тактъ, въ родѣ какаго-то адскаго ритма.

Мнѣ потѣть-бы, но медлить мой потъ,
Не вспотѣешь, лежи тутъ хоть годъ;
Но напрасно здѣсь видѣть обманъ—
Вѣдь вспотѣлъ же *der andere Mann*,

Въ продолженіи курса моего леченія, я не теряю времени и начинаю серьезно заниматься нѣмецкимъ языкомъ. Взялъ себѣ почтеннаго профессора. Получаю отъ него задачи для перевода. Служу и перевожу заданное мнѣ: съ нѣмецкаго языка на англійскій и обратно. Главныя роли въ этихъ упражненіяхъ играютъ: башмачникъ, садовникъ, а сверхъ нихъ, конечно: «мой отецъ» и «моя мать». Мало-по-малу, и, примѣняясь къ формамъ моего руководства, начинаю прискивать самъ примѣры и даже пробую составить собственную книгу упражненій для перевода съ одного языка на другой. Почтенный профессоръ очень одобряетъ эту мысль. *Dosendo docetur*, или что-то въ этомъ родѣ.

Дѣлаю такія выборки на бумагѣ, по образцу моего руководства: «*Ahn: La Langue Allemande*». *Примѣры для учащихся* (не вставить ли и это въ «Развитіе типовъ?»): «башмачникъ (есть) печаленъ. Отецъ башмачника былъ толстъ. Жена садовника дала зонтикъ башмачнику. Мать плотника была часто въ моемъ саду. Хотите вы драться съ садовникомъ? Нѣтъ, Генрихъ будетъ драться съ садовникомъ, потому что башмачникъ (есть) боленъ (*krank*). Вотъ и Фердинандъ! Вытерли ли вы ваши сапоги? Да, моя мать, а вытеръ также и сапоги садовника».

Примѣры упражненій для старшаго курса.

«I. Въ которомъ часу вы ужинаете? Я ужинаю въ девять

часовъ съ женою башмачника. Видѣли ли вы моего брата? Нѣтъ; но я написалъ моему дядѣ и моей теткѣ. Левъ (есть) боленъ. Башмачникъ смѣется надъ теткой садовника (т.-е. надъ садовника теткой). Собака не такъ жирна, какъ кошка (als die Katze).

«II. Я танцую лучше васъ (чѣмъ вы), но вы переводите лучше меня (idem). Вашъ отецъ игралъ въ саду, когда левъ пришелъ. Прилежнаго ученика всѣ любятъ. Кучеръ ѣстъ сливы и яблоки, а мы пьемъ вино и пиво. Дайте мнѣ супу, вина, пива, сахару, овощей и чернилъ, и не будите меня до четырехъ часовъ утра. Портной (есть) здѣсь, а также башмачникъ, но левъ съѣлъ садовника».

Удачная мысль: заключительная фраза, для повторенія всѣхъ пройденныхъ словъ: «большой левъ съѣлъ портного, башмачника, садовника, ихъ дѣтей и тѣтокъ, братьевъ и сосѣдей, а также чернила, сахаръ, чай, сливки, окорокъ, сливы и сапоги».

Счастливая мысль: могу теперь удивить Фридди, написавъ ей письмо по-нѣмецки. Кстати: скоро пора и обратно, въ Фридди.

Л. П.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СТАТУА.

Великій художникъ — есть древнихъ преданье —
Влюбился безумно въ свое-же созданье.

Предъ статуей ночи и дни онъ стоялъ
И руки, колѣни, уста ей лобзаль.

И бѣдный художникъ исчахъ и истаялъ
Предъ каменной дѣвой, что дивно изваялъ.

И трудный часъ смерти насталь наконецъ, —
Приползъ къ своей статуѣ бѣдный творецъ,

И обнялъ ее съ поцѣлуемъ послѣднимъ,
Въ мученьяхъ прильпувши къ устамъ ея блѣднымъ.

И сжалился Зевсъ: вдругъ проснулась въ ней жизнь,
И очи огнемъ и любовью зажглись;

Цвѣтущая дѣва надъ нимъ наклонилась
И страстно руками вдругъ шею обвила.

И умеръ въ объятіяхъ любящихъ онъ
Съ улыбкой, блаженствомъ любви упоенъ...

Промчались столѣтья. О статуѣ славной
Недавно провѣдалъ мечтатель забавный.

Манить его слава, и жалкій глупецъ
Великаго предка беретъ въ образецъ.

Была имъ изваяна дѣва молодая.
Въ нее онъ влюбился. Безумно страдая,

Онъ молить и стонеть, льетъ слезы ручьемъ
И камень лобзаетъ и ночью, и днемъ.

Исохъ нашъ бѣднякъ, но въ немъ крѣпнеть причуда:
Онъ смерти и съ ней ждетъ желаннаго чуда.

«О, Боже! Ты тотъ же, что въ старые дни,
Такъ чудо святое еще разъ сверши!»

Вотъ смерть наступила и смертныя мухи:
Обвилъ онъ вдругъ статуи съ трепетомъ руки.

И ждетъ: вотъ въ очахъ ея пламя блеснетъ...
Вотъ губы... Вотъ грудь колыхаться начнетъ...

Вотъ, вотъ чуть теплѣетъ упругое тѣло...
Но чуда все нѣтъ! Ужъ въ глазахъ потемнѣло;

А вскорѣ и смерть подовралась, какъ воръ...
Но камень все камнемъ стоитъ до сихъ поръ.

* * *

Въ моей душѣ дремало горе,
Какъ сномъ объятый великанъ.
Въ моихъ глазахъ застыли слезы,
Какъ вѣчный ледъ полярныхъ странъ.

И не могли волненья жизни
Тревожить сладкій ихъ покой,
И я всегда холодный, гордый,
Носилъ свой крестъ въ толпѣ людской.

Но только взоръ твой, полный ласки,
Какъ солнца лучъ, мнѣ въ грудь проникъ,
И вдругъ въ душѣ проснулось горе,
Въ глазахъ растаялъ слезъ родникъ...

Н. Минскій.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

по

ЮЖНО-СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Добровольцы окончательно возвращаются, или уже возвратились изъ Сербіи; корреспонденціи изъ Вѣлграда замолкають; рѣже ставятся и переборы о совершавшихся фактахъ, о Черняевѣ и его сподвижникахъ; политическій вопросъ вступилъ совсѣмъ въ новый фазисъ. Такимъ образомъ, можно считать законченнымъ первый актъ того русскаго общественнаго, даже „народнаго“ внѣшательства въ славянскій вопросъ,—которое въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ было предметомъ шумныхъ толковъ и восторженныхъ воззваній.

Что же означаютъ эти событія? Мнѣнія были съ самаго начала и остаются до сихъ поръ чрезвычайно различны. Одни были увѣрены, что славянскій вопросъ пришелъ въ своему послѣдному періоду и изъ рукъ дипломатіи перешелъ въ руки общества, которое и рѣшить его; что порывъ русскаго общества посрамилъ безсердечную и отживающую Европу; что въ движеніи добровольцевъ изъ народа мы „сподобились“ видѣть народную душу. Другіе не меньше желали свободы славянамъ, какъ и всѣмъ „страждущимъ и плѣненнымъ“, но думали, что для успѣха такого дѣла, какое предпринималось, нужны были не тѣ моральныя средства, какія обрѣтались въ обиходѣ русскаго общества. Третьи, наконецъ, были совсѣмъ равнодушны къ славянскому вопросу,—по ихъ мнѣнію, наши собственныя внутреннія дѣла такого рода, что намъ, и какъ обществу, и какъ государству, слѣдовало скорѣе позаботиться о собственныхъ серьезныхъ и неотложныхъ нуждахъ, чѣмъ увлекаться внѣшнею империною, которая не обѣщала помочь намъ дѣла: „у насъ есть свои

герцеговинцы“, говорили они,—и съ ними трудно было спорить. Наконецъ, мнѣнія официальныхъ сферъ: о нихъ мы не будемъ говорить, такъ какъ имѣемъ въ виду собственно то, что дѣлалось въ обществѣ,—притомъ, эти мнѣнія, въ ихъ настоящемъ характерѣ, намъ и неизвѣстны.

Мы не имѣемъ охоты ни полемизировать, ни перечислять частныя ошибки, которыя бывали и очень грубыя; но не излишне припомнить общія черты дѣла: это можетъ быть не лишено поучительности. Увлеченіе славянскимъ вопросомъ пережито; у самыхъ рьяныхъ оно сильно охладилось,—говорятъ, даже Москва, лѣтомъ и осенью крайне воинственная, теперь желаетъ только мира;—но сущность дѣла для большинства не стала яснѣе. Въ теченіи цѣлаго года, газеты, которыя хотѣли быть органами общества въ славянскомъ вопросѣ, вообще настроены были на самые возвышенные и воинственные тоны; за исключеніемъ почти только „Голоса“,—который самъ еще не такъ давно былъ органомъ славянскаго комитета и пропагандировалъ память Кирилла и Меодія, какъ символъ всеславянства, а теперь хотѣлъ быть выраженіемъ дипломатической мудрости (хотя и сильно прорывался),—всѣ газеты стояли на стражѣ славянскаго вопроса и ставили его во главѣ всякихъ вопросовъ русскаго общества. Только три-четыре статьи высказали взглядъ на вещи, рѣзко отличавшійся отъ общаго хора, но онѣ не имѣли дѣйствія и вызвали только озлобленныя нападки,—хотя высказанныя мысли были достаточно серьезны, а въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма немногихъ, была очень ясно выставлена точка зрѣнія, которой, по настоящему, нельзя было бы миновать въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. Однако же наша печать преспокойно обошла возраженія, какъ ни въ чемъ не бывало. Обстоятельства не дали вести этихъ возраженій дальше, а большинство печати продолжало говорить свое.—Вскорѣ стали говорить сами событія.

Энтузіасты славянскаго вопроса ставили теоретическій вопросъ такимъ образомъ. Освобожденіе славянъ есть самая насущная задача для Россіи и русскаго народа. Мы и славяне составляемъ одно цѣлое; славяне—наши братья и естественные союзники въ той исторической борьбѣ, которую славянской міръ весь вообще долженъ вынести противъ инороднаго и намъ враждебнаго европейскаго Запада. Вражда высказалась и теперь: одни русскіе искренно сочувствуютъ страшному угнетенію балканскаго славянства; вса Европа къ нему равнодушна,—напротивъ, она сочувствуетъ Турціи, и пусть погибаетъ славянство. Этому нечего удивляться, потому что естественные плоды европейской цивилизации—ложь и безсердечіе. (Одинъ публицистъ написалъ даже въ этомъ смыслѣ открытое обличительное письмо къ

лорду Биконсфильду и напечатать, кажется, въ томъ же „Голосѣ“). Мы должны держаться своего, національнаго, славяно-русскаго; тѣ, кто не сочувствуютъ современному „народному движенію“—если не люди, лишенные всякихъ принциповъ, то люди совращенные Западомъ, оторвавшіеся отъ своего народнаго и не понимающіе его. Считать славянскій вопросъ „вѣшнымъ“ вопросомъ—грубое заблужденіе. Напротивъ, это—вопросъ, истекающій изъ всего нашего національнаго существа, и, слѣдовательно, рѣшеніе его будетъ рѣшеніемъ первостепеннаго вопроса всей нашей жизни: заботясь о немъ, мы заботимся обо всемъ, и именно черезъ него мы и достигнемъ всего, что нужно обществу.

За освобожденіемъ и объединеніемъ славянства въ особый міръ, наша цѣль—основаніе истинной цивилизаціи. Что славяне предназначены къ тому, это начинаютъ видѣть даже чужіе люди (приводились изъ иностранныхъ книгъ и газетъ цитаты, говорившія о вѣроятномъ выступленіи славянства на историческое поприще); тѣмъ больше надо это понять намъ, и поддерживать свою славянскую особенность. Мы должны были явиться въ роли освободителей славянства и утвердителей „славянской“ цивилизаціи.

Какъ видимъ, это были вещи не новыя, но они были новы въ такомъ количествѣ; ихъ говорили люди, которые не бывали славянофилами. Наконецъ, выступило и ультра-славянофильство, съ той самой рѣшительностью, какъ нѣкогда, во времена „Русской Бесѣды“, „Паруса“, „Дня“ и проч. Мы снова услышали, что вся наша „образованность петербургскаго періода“ страдала страшнымъ недугомъ, слѣпымъ поклоненіемъ Западу и отрицаніемъ своего народнаго. „Этотъ недугъ былъ поважнѣе недоразумѣній и вражды между отцами и дѣтьми, которые въ сущности были плодами отъ одного дерева, одного поля ягоды“, говорилъ г. В. Ламанскій. „Оъ 60-хъ годовъ вознѣли у насъ рѣшительное преобладаніе два крайнихъ европейскіихъ направленія. Они давали тонъ и окраску всѣмъ нашимъ общественнымъ зачинаніямъ и предпріятіямъ. Сложившись двѣ партіи, видимо враждебныя другъ другу, которыя однако взаимно себя питали и поддерживали. Каждая изъ нихъ въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ своей соперницы усматривала лучший способъ своего преуспѣянія. Сколько блестящихъ репутацій было сдѣлано, сколько мужей прославилось за энергію противъ разныхъ тлетворныхъ началъ, въ защиту порядка, религіи и священныхъ правъ собственности. (Словомъ, все, какъ требуется въ Европѣ)... Про обѣ самыя крайнія партіи можно сказать: рука руку мыла... И тутъ не было ничего мудренаго. Ихъ связывали общій скептицизмъ относительно прошедшаго и будущаго Россіи, общее ихъ отрицаніе ея правъ на духовную самостоятель-

ность, ихъ невѣріе въ самобитное творчество ея органическихъ силъ. Ихъ роднило рабское поклоненіе ихъ общему кумиру—Европѣ... Легко и вѣшине, безъ критики и переработки, усвоившая себѣ европейскую образованность, русская интеллигенція,—эта европейская колонія въ Россіи,—отражаетъ въ себѣ всѣ недуги и немощи старыхъ европейскихъ обществъ безъ ихъ силы и величія. Легкомысленнѣйшій скептицизмъ, грубѣйшее отрицаніе и какое-то намѣренное и искусственное растравливаніе плотскихъ инстинктовъ, обжорства и любо-страстія, полнымъ цвѣтомъ распустились въ русскомъ обществѣ, найдя себѣ благодарную почву въ старинной грубости нравовъ, въ барскихъ привычкахъ праздности и лѣни, въ закоруломъ неуваженіи къ своему и чужому свободному, самостоятельному труду... На европейской поверхности молодого нашего міра показались всѣ признаки дряхлыхъ, разлагающихся обществъ, со сходствомъ въ мельчайшихъ подробностяхъ... Вторая имперія, съ ея общественными скандалами и типами, казалось, готова была переселиться въ Россію. Можно было думать, что направленіе умовъ и дѣлъ надолго досталось въ руки нашихъ ретроградовъ и прогрессистовъ. Съ замѣчательнымъ непониманіемъ Россіи и Европы стремились они передѣлать русскую жизнь по налюбленнымъ ими европейскимъ образцамъ. Но ничего прочнаго построить имъ тутъ не удавалось: мѣшала почва, мѣшали и они сами другъ другу“.

Наконецъ, по словамъ автора, ретрограды и прогрессисты сошлись еще въ одномъ—во враждѣ къ тому „русскому“ направленію, которое съ начала сороковыхъ годовъ стало „громко обличать недостатки и ложь такъ-называемой европейско-русской или новой нашей петербургской образованности“....

Новѣйшее движеніе въ пользу славянства, по мнѣнію ультра-славянства, и есть благодѣтельный поворотъ отъ „петербургской образованности“. Смыслъ движенія въ томъ, что интеллигенція, отдавшая „чистой идеѣ свободы“, съ любовью отнеслась къ народу и его религиозному чувству, оставила начальнической и учительской тонъ, вошла въ его понятія, и встрѣтила довѣріе: она „сподобилась узрѣть народную душу“. Это—событіе громадной важности, и подтвержденіе „русскаго“ направленія, давно залжившаго сочувствіе къ славянству и сказавшаго, что призваніе Россіи — освобожденіе славянъ и образованіе славянскаго союза.

Все это было бы прекрасно, если бы все это была правда.

Меня упрекали въ одномъ журналѣ, что я все еще занимаюсь спорами съ славянофильствомъ. Но указанное размноженіе славянофильства заставляетъ опять возвратиться къ нему. Последнія событія дѣлали то, что многіе, не умѣя объяснить себѣ славянскаго вопроса

по крайнему незнанію его фактовъ, и не зная также, какъ связать его съ нашимъ собственнымъ дѣломъ, думали, что вопросъ объясняется только славянофильской формулой. Русское общество немного растерялось, когда открылось славянское движеніе: значительная часть его увлеклась этимъ движеніемъ, много о немъ говорила, собирала пожертвованія, отправляла добровольцевъ, но въ большинствѣ не умѣла осмыслить свои дѣйствія теоретически, подвести ихъ подъ какую-нибудь общую точку зрѣнія. Отсюда явились импровизированные славянофилы, которые принялись неловко жѣшать свои прежнія мысли съ теоріей этой школы. Этого недоумѣнія не было, конечно, у людей, имѣвшихъ и ранѣе сознательныя понятія о предметѣ: люди, какъ Ерошенко и Гольдштейнъ, отдались вполне славянскому дѣлу, не бывши славянофилами, и вѣроятно вовсе не сдѣлались бы ими.

Не станемъ еще разъ останавливаться на мнѣніяхъ импровизированныхъ славянофиловъ. Въ сущности, эти мнѣнія составляли для самихъ авторовъ ихъ не совсѣмъ ожидаанный пассажъ, неизвѣстнѣй особенно глубокихъ послѣдствій. Можно оставить въ покоѣ эти нападенія на „Европу“, на „цивилизацию“ съ „русской“ точки зрѣнія, обличительныя переписки съ лордомъ Биконсфильдомъ. Авторы всего этого еще очень недавно пытались, и, вѣроятно, скоро опять будутъ пытаться этой самой цивилизаціей—въ формѣ не самыхъ крупныхъ ея произведеній, а помельче. О положеніи самого русскаго общества и о томъ, что было бы ему нужно для исполненія его предполагаемой „миссіи“, эти авторы старательно умалчивали, хотя имъ указывали, что тутъ есть о чемъ размыслить. Переписки съ лордомъ Биконсфильдомъ—надо полагать—затѣвались въ увѣренности, что адресатъ никогда не прочтетъ обращеннаго къ нему посланія, и, слѣд., вызовъ обойдется очень дешево (мы нѣсколько недоумѣваемъ, что бы сталъ писать корреспондентъ, если бы какимъ-нибудь непредвидимымъ образомъ лордъ Биконсфильдъ прочелъ посланіе и вздумалъ *съ ту же смы* отвѣчать на него). Наконецъ, о „безсердечіи“ Европы сами европейцы писали гораздо сильнѣе и многостороннѣе, чѣмъ рисовали наши публицисты.

Г-нъ В. Ламанскій отличается отъ этихъ публицистовъ, какъ оригинальнѣе отъ копій. Славянская идея занимаетъ его, и онъ знаетъ славянъ не со вчерашняго дня; какъ бы мы ни смотрѣли на его мнѣнія, онъ высказываетъ искреннее убѣжденіе. У него нѣтъ колебаній и недоумѣній, и свою теорію онъ высказываетъ во всей чистотѣ. Онъ—самый вѣдливый и самый авторитетный представитель новѣйшаго славянофильства.

Отъ своихъ предшественниковъ и учителей, г. Ламанскій наследовалъ особое высокоуміе приговоровъ, нетерпимость, далеко пре-

вышавшую возраженія противниковъ, наконецъ и нежеланіе возникнуть въ эти возраженія: эти свойства, давая школѣ болѣе и болѣе острый характеръ, или окончательно ее подкопаютъ, или дѣйствительно превратятъ въ подобіе тѣхъ Штала и Вельо, съ которыми уже начинаютъ не безъ основанія ее сравнивать. Эта неподвижность настоящаго славянофильства не умножаетъ ему серьезныхъ послѣдователей, и въ спорѣ нерѣдко граничитъ съ недобросовѣстностью.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ программы г. Ламанскаго, высказанной въ послѣдней его статьѣ. Крайнія, удивительныя противорѣчія его приговоровъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей были уже достаточно указаны въ „Вѣстникѣ Европы“ (Внутр. Обзорніе, въ послѣдней книжкѣ) и къ этому прибавлять нечего; мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній о теоретической сторонѣ дѣла.

Здѣсь опять, какъ и у предшественниковъ автора, насъ окружаютъ противорѣчія и туманъ. Славянофильство ставило въ основу богословскій принципъ (замѣтимъ: въ формѣ, не совсѣмъ раздѣляемой нашими богословами, хранящими преданіе, а также неизвѣстной и народу, — такъ что славянофильство есть не наше преданіе, а „новшество“); воображало, что когда-то этотъ принципъ создалъ будто бы у насъ истинныя начала цивилизаціи и общественно-политическаго быта, и эту теорію, далеко не доказанную исторически, и не могущую быть доказанной, смѣло выставило какъ обязательную норму для современной жизни. Другой стороной ученія было сочувствіе къ народу, желаніе изучать его, поднять его нравственное и матеріальное положеніе. Въ послѣднемъ они близко сошлись съ „прогрессистами“, которые, въ этомъ отношеніи, не одинъ разъ отдавали полную справедливость и ихъ ученымъ изслѣдованіямъ, и ихъ гражданскимъ усиліямъ. Но въ первомъ „прогрессисты“ никогда имъ не сочувствовали, потому что самую постановку вопроса считали фальшивой. Въ этихъ двухъ пунктахъ заключается источникъ капитальнаго противорѣчія, проходящаго черезъ всю школу, и котораго она до сей поры ни мало не выяснила. Для общественной практики, славянофилы съ одной стороны сулятъ свѣтъ и свободу, съ другой — рекомендуютъ „приниженіе личности“, исчезновеніе ея въ фантастическомъ „абсолютѣ“ (въ 40-хъ годахъ любили выражаться философскими терминами), гдѣ она будто бы доходить до своей истинной полноты и совершенства, и гдѣ, въ сущности, она, напротивъ, исчезала и уничтожалась какъ въ „нирванѣ“.... Новѣйшіе славянофилы сохраняютъ оба указанные пункта, и не замѣчая, не признавая противорѣчій теоріи, утверждаютъ, что истинное сочувствіе къ народу возможно только въ ихъ школѣ и, напр., общественную

дѣятельность Самарина (которой, замѣтимъ, отдавали справедливость всѣ партіи) объясняли какъ слѣдствіе теологической теоріи — хотя между этими вещами нѣтъ въ сущности никакой связи. Для того, чтобы сдѣлать многія хорошія вещи, сдѣланныя Самаринимъ, не было надобности быть непременно славянофиломъ ¹⁾....

Въ русской исторіи зловредный переломъ отъ здравой старины славянофилы видятъ въ „петербургской образованности“ или въ Петровской реформѣ, хотя имъ, съ фактами въ рукахъ, доказывали не однажды, что, во-первыхъ, самъ Петръ, хотя и былъ, какъ гениальная личность, явленіемъ исключительнымъ, — былъ тѣсно, органически связанъ съ этой стариной и былъ ея порожденіемъ; а во-вторыхъ, что старая Русь, если бы осталась строго вѣрною старинѣ, не могла бы существовать, не дѣлаясь больше и больше похожей на хивинское ханство, и не подвергаясь опасности отъ западнаго сосѣдства. Семнадцатый вѣкъ, о которомъ намъ напоминаютъ, вовсе не былъ такъ привлекателенъ; земскіе соборы, въ которыхъ указываютъ замѣчательную политическую форму древней Россіи, были дѣломъ слишкомъ непрочнымъ: они были не твердымъ правомъ, а только или угасавшимъ остаткомъ старой автономіи, или слабымъ зачаткомъ, который могъ существовать лишь по доброй волѣ центральной власти. При Петрѣ они исчезли въ силу того, что сама старина не сообщила имъ твердости прочнаго учрежденія. Весь характеръ неодолимой власти, создавшей реформу, наслѣдованъ былъ отъ старой Руси; этотъ характеръ принадлежалъ не „петербургскому періоду“, а принесенъ въ него готовый, отъ временъ Ивана Васильевича Грознаго, и взваливать на „петербургскій періодъ“ то, что считается славянофилами противонароднымъ въ новѣйшей исторіи, есть недоразумѣніе, или нежеланіе видѣть истину.

Такое нежеланіе сопровождается потомъ всѣ разсужденія славянофиловъ и г-на Ламанскаго, на тему „петербургскаго періода“, до самыхъ новѣйшихъ явленій. Это — легкое средство клеймить все, что имъ не нравится въ послѣдующей исторіи и современной дѣйствительности: все, что не нравится, это — вліяніе Запада, забвеніе своего народнаго! И затѣмъ они не трудятся разобрать, насколько въ самомъ дѣлѣ тутъ было западнаго, или своего собственнаго. По мнѣнію г-на Ламанскаго, въ настоящее время обѣ „крайнія партіи“ происходятъ

¹⁾ Между прочимъ, г. Ламанскій уверяетъ русское общество, что оно не умѣло оцѣнить „Ограду Россіи“. Сколько мы слышали, эту книгу находили, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательной и не-славянофиль; но этой книги мы вовсе не встрѣчали въ нашей книжной торговлѣ, и потому не понимаемъ упрековъ г. Ламанскаго нашему обществу за то, что оно не умѣло оцѣнить того, чего не имѣло въ своихъ рукахъ. Напротивъ, это очень естественно.

только отъ рабскаго подражанія Европѣ: думаемъ, что это неправда. Если въ одной изъ этихъ партій, консервативной, можетъ быть и были желанія подражать или бонапартизму, или англійской аристократіи, или прусскому милитаризму, и т. д.,—то было бы ребячествомъ думать, что въ этомъ только и заключается ея значеніе: это подражаніе—чѣстая и ничтожная случайность; въ прежніе годы такой случайности не было, а это была все-таки партія ретроградная. Смѣшно искать ея происхожденія въ подражаніи Европѣ, доведшемъ до отрицанія нашей народной самостоятельности, и т. д. Корень ея несравненно дальше, и, не прерываясь, тянется еще отъ временъ „тишайшаго“ царя Алексѣя и ранѣе, со временъ стараго боярства и дьячества, не менѣе отрицавшихъ народъ во времена оны, конечно, по-своему, по тогдашнимъ обычаямъ. Обвинять за нашихъ ретроградовъ европейское просвѣщеніе—совершенный вздоръ; они страдаютъ недостаткомъ его, и напротивъ—обиліемъ стараго нашего невѣжества и самодурства.

Но если здѣсь авторъ остается только слѣплъ къ исторіи, то въ обвиненіяхъ противъ „прогрессистовъ“ онъ дѣлаетъ худшую ошибку. Во-первыхъ, едва ли добросовѣстно мѣшать въ одну кучу явленія, очень различныя, которыя авторъ осыпаетъ своими осужденіями. Во-вторыхъ, едва ли справедливо обвинить „прогрессистовъ“ огуломъ въ „рабскомъ поклоненіи“ Европѣ, въ „неумѣнны критически отнестись“ къ европейской образованности и „отличить въ ней національное и историческое отъ общечеловѣческаго“ и т. д. Напротивъ, лучшіе умы русской литературы (которые необходимо отнести къ „прогрессистамъ“) прекрасно умѣли отличать эти вещи, и нынѣшній глубокий интересъ къ изученію своего народа и своего народнаго былъ въ болѣе степени именно ихъ дѣломъ. Они „отрицали права русскаго народа на духовную самостоятельность“,—говоритъ г-нъ Ламанскій. Неправда; они думали только, что эта самостоятельность не заключалась въ томъ одномъ содержаніи, какое произвелъ народъ въ старше вѣка, во времена очень большого невѣжества, и что время пережитой потомъ и переживаемой теперь исторіи также имѣетъ свои права и должно расширять это содержаніе. Предшественники г-на Ламанскаго были все-таки справедливы въ своимъ современникамъ: они жестоко спорили съ этими современниками, но не подвергали въ нихъ сомнѣнію—ихъ любви и уваженія къ народу. Мы можемъ указать цитаты, еслибъ понадобилось. Справедливо, что европейское общественное и научное движеніе оказывали у насъ сильное вліяніе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ были при этомъ свои крайности,—но неужели возможно и желательно устраненіе этихъ общественныхъ и научныхъ вліяній? Взаимныя вліянія этого

рода все больше и больше усиливаются теперь даже между наиболѣе самостоятельными націями; запереть отъ нихъ не можетъ никакая китайская стѣна—безъ риска упадка всего національнаго развитія; эти взаимныя вліянія составляютъ истинное достоинство международныхъ, общечеловѣческихъ отношеній. А крайности имѣютъ свои весьма ясныя причины: мы напомнимъ, приведенныя въ одной изъ предыдущихъ книжекъ „Вѣстника Европы“, слова почтеннаго протоіерея Базарова: живя давно вдали отъ русскаго общества, онъ лучше позналъ его состояніе, чѣмъ нашъ авторъ, живущій среди насъ, и, прибавимъ, относится къ нимъ съ гораздо болѣе христіанскимъ чувствомъ, чѣмъ г-нъ Ламанскій, хотя послѣдній и напоминаетъ намъ о христіанской добродѣтели Пансіевъ и Серафимовъ. Наше время—есть время тяжелыхъ испытаній,—на насъ совершается кризисъ, и онъ не обходится безъ страстныхъ увлеченій и безъ тяжелыхъ жертвъ;—простое человѣческое чувство должно бы внушить больше осторожности въ сужденіяхъ объ этомъ времени, больше вниманія къ тѣмъ мотивамъ, которые дѣйствуютъ въ увлекающихся людяхъ.... Къ сожалѣнію, мы почти не знаемъ въ нашей послѣдней литературѣ примѣровъ этихъ качествъ; гораздо больше было бессмысленной травли или спокойной философіи: „моя изба съ краемъ!...“

О дѣломъ движеніи литературы (кромя славянофильской, конечно), о литературѣ крайней и не-крайней, г. Ламанскій нашелъ сказать только, что она „подражала“ и „поклонялась“ Европѣ. Да, это совсѣмъ просто! Ничего другого авторъ не увидѣлъ въ этой литературѣ, которая, какъ ни была бѣдна и стѣснена своими условіями, дала много прекрасныхъ произведеній, которыя были фактами и умственнаго роста общества, и возрастающей живой любви къ народу. Въ притязаніи на непогрѣшимость и единую истинность своей школы, авторъ не хочетъ видѣть, что многіе изъ лучшихъ людей литературы, въ которую онъ бросаетъ своими осужденіями, знали съ дѣтства и во-очію этотъ народъ, его бытъ, его достоинства и недостатки, подавали въ служеніи ему всю нравственную задачу своей дѣятельности,—что самый „скептицизмъ“, когда онъ приходилъ, бывалъ не легкомысленнымъ высокомеріемъ къ народу и не самодовольствомъ, а большой тягостью и внутренней борьбой, безъ которой и не будетъ достигнуто истинное народное пониманіе. Ихъ идеи не были высиженной въ кабинетѣ и спокойно пережевываемой теоріей, а несли въ себѣ прямой отголосокъ этой народной жизни.

Съ неменьшею правдивостью г. Ламанскій говоритъ объ отношеніи „двухъ крайнихъ партій“ къ славянофильству, или къ „русскому“ направленію. „Противники (т.-е. крайнія партіи, зараженныя поклоненіемъ Европѣ) имѣли еще точку сближенія въ обоюдной

враждѣ къ тому русскому направленію, которое съ начала сороковых годовъ стало громко обличать недостатки и ложь такъ-называемой (?) европейско-русской или новой нашей, петербургской образованности“ etc. Выписавъ нѣсколько словъ Хомякова, авторъ замѣчаетъ: „Эти и подобныя замѣчанія въ свое время и гораздо позже возбуждали въ нашей европейской интеллигенціи тѣму насмѣшекъ, презрительное сожалѣніе, благородное негодованіе на отсталость и ограниченность славянофиловъ“. Затѣмъ, г. Ламанскій приводитъ достопримѣчательный рядъ собитыхъ въ кучу именъ противниковъ славянофильства, гдѣ Вѣлинскій, Тургеневъ, Писаревъ и проч. удивляются своему сосѣдству съ г. Болеславомъ Маркевичемъ, Авсѣнкомъ и проч.,—сопоставленіе, повидимому предназначенное для наибольшаго посрамленія первыхъ, и однако совершенно фальшивое, какъ сейчасъ объяснимъ.

Въ сороковыхъ годахъ отношеніе ретроградовъ и прогрессистовъ къ славянофильству не имѣло ничего „общаго“. Тогдашніе ретрограды вовсе не дѣйствовали изъ подражанія Европѣ; напротивъ,—всякими способами оберегали отъ такихъ подражаній, а дѣйствовали скорѣе по преданіямъ XVII вѣка, и не терпѣли одинаково и славянофиловъ и прогрессистовъ по тупоумной ненависти ко всему, что походило на какую-нибудь самостоятельность мысли. Вражда прогрессистовъ къ славянофиламъ была вражда двухъ теорій, и одна никогда не думала отказывать другой въ правѣ на существованіе,—какъ тогдашніе ретрограды желали бы отказать имъ обѣимъ. Смѣшивать эти вещи не совсѣмъ умно и добросовѣстно. Затѣмъ, прогрессисты, по словамъ г. Ламанскаго, будто бы выражали только „презрительное сожалѣніе“, „благородное негодованіе на отсталость и ограниченность“ славянофиловъ и т. п. Опять неправда, тѣмъ болѣе скучная, что мы имѣемъ уже достаточно фактовъ для опредѣленія этихъ отношеній. Во-первыхъ, обѣ стороны не оставались въ долгу другъ передъ другомъ. Затѣмъ, прогрессисты относились дѣйствительно иногда съ презрѣніемъ и негодованіемъ къ своимъ противникамъ, когда послѣдніе орудіемъ борьбы выбирали пасквиль, не совсѣмъ безопасный и въ полицейскомъ отношеніи, — какъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ стихахъ Лыкова (они теперь напечатаны, и желающій можетъ прочесть ихъ). Негодовали также и на союзъ славянофиловъ съ издателями „Москвитянина“, идеи и дѣйствія которыхъ не пользовались уваженіемъ; негодовали отчасти и на роль высокоумныхъ пророковъ, какую брали на себя славянофилы и въ которой противники видѣли нѣчто похожее на барски-самодовольное доктринерство. Въ то время, когда идеи славянофиловъ еще не высказались опредѣлительнѣе въ печати, въ этихъ идеяхъ видѣли (и по

соезу ихъ съ „Москвитяниномъ“ имѣли къ тому большое основаніе) теоретическую защиту, или, какъ говорятъ теперь, „обоснованіе“ древняго холопства, которое и безъ того было довольно обосновано. Но отношеніе прогрессистовъ къ славянофильству очень измѣнилось, когда послѣднее яснѣ высказало свои идеи, именно послѣ изданія „Московскихъ Сборниковъ“. Самъ Бѣлинскій, который собственно былъ главнымъ и наиболѣе нетерпимымъ изъ ихъ враговъ, отбоясился къ ихъ идеямъ со всѣмъ уваженіемъ, какого только можно желать отъ теоретическаго врага. Статьи его напечатаны, и желающій можетъ ихъ прочесть. Что прогрессисты будто бы считали своихъ противниковъ „отсталыми“ и „ограниченными“,—неправда. Напротивъ, прогрессисты ихъ однихъ выдѣляли изъ всей тогдашней литературы, какъ равныхъ и достойныхъ противниковъ; никто не считалъ „ограниченными“ (!) Хомякова или Самарина; Герценъ видѣлъ равносильнаго противника въ Хомяковѣ, увлекался сильнымъ умомъ Самарина, и разошелся съ нимъ потомъ съ сожалѣніемъ, по совершенной несомѣстности идей. Бѣлинскій, встрѣтившись съ г. Ив. Аксаковымъ, оставилъ о немъ чрезвычайно сочувственный отзывъ. Преемники круга Бѣлинскаго точно также не относились къ славянофиламъ только съ „тмой насмѣшекъ“: полемическія выходы бывали съ обѣихъ сторонъ, но было и нѣчто кромѣ того—былъ теоретическій и историческій споръ. Въ этомъ спорѣ приводились объясненія и доказательства, и должно сказать, что „русское“ направленіе не дало на нихъ удовлетворительнаго отвѣта и уже никакъ не было побѣдителемъ.

Какъ говорили о славянофилахъ люди другой партіи, какъ г. Болеславъ Маркевичъ и Авсеенко (впрочемъ, Богъ вѣдаетъ, г. Ламанскій, можетъ быть, и ихъ причисляетъ къ прогрессистамъ), мы этимъ никогда не интересовались; но, во всякомъ случаѣ, сами славянофилы отличались еще со времени Хомякова великимъ самодовольнымъ задоромъ, и если г. Ламанскій хотѣлъ изобразить ихъ пророками, непризнанными въ отечествѣ, то онъ въ этомъ не могъ успѣть.

Наконецъ, спеціальной заслугой „русскаго“ направленія г. Ламанскій считаетъ заявленіе славянскихъ сочувствій, и здѣсь онъ не преминулъ выписать изъ Бѣлинскаго одну изъ полемическихъ фразъ его ранняго періода, не думая вспоминать о томъ, что эти мнѣнія Бѣлинскаго были достаточно объяснены, и что въ нихъ была, между прочимъ, та мысль, которая и въ настоящую минуту, въ разгарѣ толковъ о славянствѣ, была у многихъ изъ лучшихъ людей общества,—именно, что къ вопросу о славянствѣ (въ томъ размѣрѣ, какой даютъ ему славянофилы) мы, какъ общество, можемъ разумно обратиться лишь тогда, когда устроимъ нѣсколько свое внутреннее

положеніе, что за освобожденіе другихъ народовъ можно братья не при такихъ условіяхъ, каковы наши. Что эта мысль не была лишена справедливости, доказательства тому можно видѣть въ нашемъ недавнемъ славянскомъ движеніи.

Съ такой точностью говорить преэминикъ „русскаго“ направленія о фактахъ, достаточно извѣстныхъ. Таково и все пониманіе существующихъ отношеній—эта самая черта, огульное смѣшиваніе и осужденіе разнородныхъ фактовъ, составляла и весьма несочувственную сторону его учителей, и, какъ извѣстно, составляетъ принадлежность самой ретроградной партіи.

Мы остановились еще разъ на ультра-славянофильствѣ потому, что оно самымъ полнымъ образомъ излагаетъ программу мнѣній, которыя стали теперь повторяться у новыхъ любителей славянства. Правда, онѣ повторяются далеко не такъ полно и рѣшительно, но пусть эти любители знаютъ, изъ какого источника они берутъ свои новыя мнѣнія о славянскомъ вопросѣ. Если они будутъ послѣдовательны, они должны будутъ придти къ той фантастической теоріи, которую цѣлкомъ принимаетъ г. Ламанскій; или же, пусть они лучше обдумаютъ свои взгляды, и найдутъ другое теоретическое основаніе для своихъ славянскихъ сочувствій, гдѣ бы имъ не приходилось противопоставлять одно другому—славянство и европейскую цивилизацію. Это—необходимость очень серьезная; потому что, упорствуя на этомъ противоположеніи, наши энтузіасты славянства способны придти къ нелѣпостямъ, которыя могутъ заставить славянство остерегаться ихъ сочувствій.

Извѣстно, что большинство нашей печати придавало величайшее значеніе движенію русскаго общества въ пользу славянства: думали, что на этой почвѣ можетъ образоваться между „интеллигенціей“ и народомъ взаимное пониманіе; что мы станемъ, наконецъ, въ тѣсную связь съ славянствомъ. Не станемъ загадывать, насколько это достигнуто, но не лишнее оглянуться на совершившіеся факты.

Всѣ, видѣвшіе дѣло на мѣстѣ и въ томъ числѣ лучшіе наблюдатели, указывали на большую, чрезвычайную разницу между двумя разрядами добровольцевъ—изъ такъ-называемаго образованнаго класса, и изъ народа. Извѣстно, какими подвигами съ самаго начала стали себя ознаменовывать первые; и всѣ говорятъ, что охотники изъ народа, напротивъ, почти всегда, или болѣею частію, держали себя такъ, какъ подобало дѣлу, на которое они шли. Вѣроятно, мы получимъ со временемъ точный и полный рассказъ объ этомъ, но и тѣ случайныя, отрывочныя свѣдѣнія, какія есть, говорятъ, что въ этомъ

народномъ разрядѣ воевателей было много настоящей преданности, скромнаго мужества, искренняго желанія принести съ собой братскую помощь и, если нужно, отдать для нея жизнь. Это вполнѣ соответствуетъ разсказамъ о томъ, какъ принимались слухи о сербской войнѣ, воззванія славянскихъ комитетовъ и проч. Мы думали и прежде, что для народа ближайшій, наиболѣе понятный, возбуждающій мотивъ былъ—религіозный; единоплеменность сербовъ—мало извѣстна народу, и была только пріятной неожиданностью при встрѣчѣ съ народомъ, похожимъ на насъ и вѣрой, и говоромъ, и обычаями. До сихъ поръ народъ не зналъ, или очень смутно зналъ объ ихъ существованіи, и, сражаясь теперь за нихъ, жертвуя для нихъ, оставался конечно при самыхъ темныхъ представленіяхъ объ ихъ политическомъ положеніи, о томъ, къ чему идетъ дѣло и т. д. Эти люди и дома не привыкли задавать себѣ подобныхъ вопросовъ, и ихъ задача была—послужить, по силѣ, христіанству противъ турка. Это самоотверженіе, не рассчитывавшее на матеріальную прибыль, искреннее и простодушное, есть, конечно, одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые способны еще болѣе возбудить во всякомъ серьезномъ человѣкѣ желаніе, чтобы открылась, наконецъ, для этого народа широкая дорога просвѣщенія и разумной общественной жизни.

Но не будемъ преувеличивать,—какъ бы ни былъ пріятителенъ этотъ фактъ, только фантазія можетъ находить въ немъ опору для той славянской идеи, съ какою хотятъ его связать. Стремленіе народнаго добровольца было стремленіе инстинкта, чувства, а не сознанія. Оно показываетъ только, что можетъ быть, какія силы есть на лицо,—но сербская война не составитъ сознательнаго пріобрѣтенія, которое вошло бы въ обиходъ народныхъ понятій. Тяжело сказать, но надо согласиться, что для самой народной массы прошли безслѣдно и гораздо болѣе крупныя историческія событія: что вынесъ народъ изъ крымской войны? даже изъ войны двѣнадцатаго года? Въ войну двѣнадцатаго года, въ народѣ закалалось лишь враждебное чувство къ иноземному нашествію, національное упорство,—пріобрѣтеніе только условное,—потому что собственно для себя онъ не вынесъ изъ этихъ событій ничего, никакого улучшенія своей судьбы, никакого права. Самое нашествіе онъ понялъ въ апокалипсическомъ смыслѣ, какъ приходъ Антихриста, а когда бѣда миновала, онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Впечатлѣнія, опыты, новыя стремленія являлись лишь въ той части общества, которая могла взглянуть на вещи сознательно, оцѣнить ихъ, сдѣлать выводъ. Такъ, двѣнадцатый годъ оставилъ свое вліяніе на литературѣ, на возбужденіи общественной мысли; такъ, крымская война была однимъ изъ главныхъ источниковъ новѣйшихъ реформъ — но все это опять внѣ народа и

мимо его. Въ настоящихъ событіяхъ и большинство самого „общества“, т.-е. болѣе образованнаго класса, имѣло также темное понятіе о братскомъ славянствѣ и о томъ, въ чемъ должна состоять наша съ нимъ солидарность. Въ томъ умственномъ туманѣ и жалкомъ состояніи общественной самодѣтельности, въ какомъ наше общество находится, — со стороны общества странно затѣвать какіе-нибудь великіе подвиги; руководимое одними инстинктами, а не пониманіемъ вмѣстѣ, оно останется лишь слѣпымъ орудіемъ и послужитъ такимъ принципамъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ идеальными освобожденіями. Если энтузіасты славянства жаждутъ настоящаго успѣха своей идеальной „славянской идеѣ“, имъ надо будетъ именно пристать къ мнѣнію „прогрессивистовъ“, что первая забота должна быть о нашей собственной общественной самодѣтельности и о просвѣщеніи, не таковомъ, какое доходитъ до народа одними крохами, а просвѣщеніи въ широкомъ смыслѣ—отъ университетовъ до обильной народной школы.

Говорятъ, что рѣшеніе славянскаго вопроса рѣшить наши собственные вопросы, что именно черезъ него мы достигнемъ и возрожденія нашего общества. Наивное заблужденіе! Никакой „славянской союзъ“ не дастъ намъ того, что должно быть достигнуто собственнымъ внутреннимъ трудомъ, усвоеніемъ свободной науки (не „европейской“, а общечеловѣческой, которой въ Европѣ только болѣе, чѣмъ у насъ) и развитіемъ чувства гражданскаго и общественнаго достоинства. Собственно говоря, „славянской союзъ“ и немислимъ до тѣхъ поръ, пока у насъ, которые должны стать его сильнѣйшимъ участникомъ, не рѣшена будетъ, до какой-нибудь серьезной степени, эта внутренняя задача.

Далекія перспективы, обширные планы, конечно, несравненно привлекательнѣе для фантазіи, чѣмъ насущная тяжелая борьба съ нашими недостатками; изъ этихъ плановъ такъ легко складывается дешевый идеалъ, о которомъ можно говорить такими пышными фразами, производя своего рода закидыванье шапками этой ничтожной, лживой и негодной Европы.

Но передъ нами дѣйствительность, которая покажетъ немало не допускаетъ этого идеала.

Эта дѣйствительность, образчикъ которой представили дѣянія русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, весьма печальна во многихъ отношеніяхъ.

Еще въ сентябрѣ прошлаго года первыя вѣсти объ этихъ дѣяніяхъ, и нѣкоторые образчики русской печати, наводили неволью на сильныя сомнѣнія. Въ первую минуту трудно было себѣ представить, какимъ образомъ въ рядахъ освободителей Сербіи на первыхъ

же порахъ могли оказаться „ташкентцы“; а когда въ этомъ надо было убѣдиться, нельзя было не возымѣть сомнѣнія, чтобы подобный элементъ могъ идти къ дѣлу освобожденія; сомнѣниешло дальше и вызывало вообще вопросъ о нашей способности, какъ общества, освобожденія славянъ. Здѣсь было логическое противорѣчье,—событія нашли ему развязку.

Вмѣшательство русскаго общества въ сербское дѣло представляетъ рядъ противорѣчій, изъ которыхъ можно видѣть и лучшія, и худшія стороны нашихъ отношеній къ славянству и наши внутреннія свойства. Мы говорили о народѣ. Такъ-называемая интеллигенція явилась въ страшномъ разбродѣ, такъ что разные ея слои не умѣли понимать другъ друга. Къ сожалѣнію, уже векорѣ стало ясно, что вѣроятно большинство представителей нашего общества были самыми печальными его образчиками. Не будемъ припоминать рассказовъ о безобразныхъ буйствахъ, о чисто-ташкентскомъ способѣ дѣйствій, которыми отличались эти представители и которыхъ не въ состояніи были прекратить люди порядочные. Повидимому, въ Сербію отправился цѣлый персоналъ трактирныхъ героевъ, отпѣтыхъ людей, для которыхъ поѣздка въ Сербію была только новый эпизодъ безшабашнаго житія, удобный поводъ къ проявленію ихъ дивныхъ свойствъ. Эти господа на первыхъ же порахъ превратили отношенія русскихъ пришельцевъ съ сербами въ подозрительное недоувѣріе, опасеніе, наконецъ явную вражду. Потомъ явились къ этому и другіе поводы. Мы не знаемъ конечно, какой приблизительный процентъ составляли господа ташкентцы; но если даже ихъ было немного,—это во всякомъ случаѣ была та ложка дегтю, которая способна портить бочку меда. Самое прискорбное было то, что ихъ появленіе не есть нисколько случайность: съ ними явился въ Сербію образчикъ того обильнаго элемента самой нашей жизни, для объясненія котораго надобно отсылать къ „Очеркамъ“ г. Шедрина. Какъ въ страшной неурядицѣ нашихъ дѣлъ въ Сербіи отразилось внутреннее состояніе самого русскаго общества, это очень хорошо объяснено въ письмѣ изъ Бѣлграда, г. Г-ва („Отеч. Зап.“ 1876, дек.).

Но оставимъ эту, совсѣмъ безобразную сторону дѣла. Въ дѣйствіяхъ самихъ руководящихъ лицъ оказалось множество случаевъ, которые стали предметомъ длинныхъ газетныхъ толковъ и всевозможныхъ осужденій. Вычитая изъ этихъ толковъ все, что было продиктовано раздраженіемъ или интригой, мы все-таки получаемъ въ результатъ, что въ веденіи дѣла были крупныя недостатки. И здѣсь опять вычтемъ то, что можно приписывать недостатку опыта въ *первомъ* дѣлѣ этого рода,—остается известныи складъ дѣйствій, вынесенный изъ домашнихъ нравовъ, и возбуждающій мало сочувствія.

Назовемъ, напр., Черняевскій штабъ, о которомъ столько говорилось и часто съ такимъ негодованіемъ. Говорятъ, что штабъ Черняева былъ многочисленнѣе, чѣмъ бываетъ даже штабъ главнокомандующаго русской арміей; но обыкновенно и тѣ, которые не одобряли многочисленности Черняевского штаба, притомъ существенно вредившаго дѣлу своими нравами, обыкновенно оправдывали этотъ фактъ „добродушіемъ“ Черняева, неумѣньемъ отказывать на просьбы и т. п. Въ результатѣ добродушія однихъ и нахальства другихъ получалось нѣчто, совершенно постороннее и ненужное для сербскаго дѣла, нѣчто, крайне портившее отношенія русскихъ съ сербами, вредившее ходу войны, — но удовлетворявшее мелкимъ самолюбіямъ, разнузданности, ничего-недѣланью, привычнымъ этой компаніи у себя дома ¹⁾.

Рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, главная квартира сдѣлала много ошибокъ, бросавшихся въ глаза и происходившихъ отъ домашней привычки напумѣть, нахвастать, но дѣло дѣлать какъ попало. Всѣмъ памятна знаменитая телеграмма, которая гласила что „турки въ мѣшеѣ“, и вскорѣ послѣ которой получены были извѣстія о дѣйствіяхъ турокъ, далеко не отвѣчавшихъ этому ихъ положенію. Провозглашеніе Милана королемъ возбудило два разныхъ мнѣнія: одни смотрѣли на него, какъ на порывъ энтузіазма, общій русскимъ и сербамъ; другіе строго осуждали его какъ браваду; въ то время еще мало было свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи дѣла, — но, сколько оно извѣстно теперь, это было скорѣе послѣднее. Подобныя вещи оправдываются лишь успѣхомъ, — и должны дѣлаться только, когда есть увѣренность въ успѣхѣ, а таковой не могло быть. Напротивъ, со времени провозглашенія дѣла шли все хуже и хуже. Главная квартира, повидимому, отличалась благочестіемъ; изъ Москвы доставлена была походная церковь, копія московскихъ святыхъ, чудовскіе пѣвчіе; но нравы штаба, сколько извѣстно, не напоминали о крестоносномъ воинствѣ.

Несмотря однако на эти и подобныя демонстраціи, самое дѣло было организовано чрезвычайно недостаточно. Добровольцы, особенно такіе, о которыхъ такъ много рассказываютъ прискорбнаго, лишены были всякаго правильнаго устройства и дисциплины; люди, смотрѣвшіе на Сербію, какъ на новый трактиръ, гдѣ притомъ они будто бы были хозяевами, эти люди были предоставлены внушеніямъ ихъ собственнаго вкуса. Въ этомъ виноваты и сербскія власти, — но онѣ

¹⁾ Тѣ же, которые говорили о „добродушіи“ Черняева, оправдывали и пьянство добровольцевъ тѣмъ, что-де они хотѣли повеселиться „на-послѣдяхъ“, что они все-таки готовились положить голову; — въ такомъ случаѣ всякая дѣйствующая армія должна быть въ полпьяна или совсѣмъ пьяна!

были въ довольно щекотливомъ положеніи (вѣдь имъ приходилось бы сажать „спасителей“ въ смертельный домъ), — и притомъ, вѣроятно, фактъ былъ совсѣмъ неожиданный, который могъ поставить въ тупикъ и порядочныхъ людей русскаго контингента. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было порядочнымъ людямъ думать, что въ славянское дѣло захотятъ вмѣшаться герои *этого* сорта.

Но русское общество, конечно, виновато; это—его порожденіа, и оно не думало до сихъ поръ о томъ, что среди его вырастаетъ такая масса людей, одичавшихъ отъ невѣжества. И мало того, что оно объ этомъ не заботилось: въ удивленію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество знало впередъ, какого сорта людей посылаетъ оно (между прочимъ) въ Сербію; еще лѣтомъ прошлаго года мы съ недоумѣніемъ прочли въ газетахъ письмо изъ Одессы, гдѣ корреспондентъ простодушно радовался, что въ отрядѣ добровольцевъ, отправившемся въ Сербію, Одесса сбывла болѣе сотни людей, отсутствіе которыхъ должно было способствовать ея собственному спокойствію! Говорить, что и въ иныхъ крупныхъ городахъ завѣдомо дѣлалось то же самое.

Не будемъ распространяться о санитарной части, о которой и читали, и слышали мало привлекательные рассказы.

Отношенія съ сербами стали дѣлаться натянутыми, неприятными, наконецъ переходили въ явную вражду. Теперь (въ концѣ января) мы читаемъ въ нисмахъ изъ Сербіи, что послѣдніе отряды добровольцевъ выѣзжаютъ изъ Бѣлграда, и, кромѣ русскаго консула, никто нейдетъ проститься съ ними. Фактъ чрезвычайно прискорбный. Люди, доброзелательно настроенные съ обѣихъ сторонъ, искавшіе уснѣха самому дѣлу, искавшіе національнаго сближенія, старались скрывать этотъ фактъ, но, къ сожалѣнію, онъ не подлежитъ спору.

Скажутъ, что мы извращаемъ дѣло, забывая то, что было совершено прекраснаго и самоотверженнаго. Мы ни мало этого не забываемъ и отдаемъ полную справедливость всѣмъ великодушнымъ людямъ, которые помнили о взятомъ на себя дѣлѣ, отдали ему свой трудъ или свою жизнь; но намъ, какъ вѣроятно и всѣмъ, жаль и тяжело, что плоды этого труда и самопожертвованія на нашихъ глазахъ заслоняются людьми и дѣлами совсѣмъ иного рода, заслоняются до такой степени, что цѣлое впечатлѣніе у самихъ сербовъ осталось неблагопріятнымъ. Энтузіасты успокоиваютъ насъ, что время унесетъ мелкія дразги и сохранитъ фактъ народной помощи. Можетъ быть, но жаль, если нужно прибѣгать къ подобнымъ утѣшеніямъ. А когда мы хотимъ провѣрить по событіямъ складъ и силу самого русскаго общества, то эти факты именно и требуютъ особеннаго вниманія, какъ его слабыя стороны, которымъ надо противо-

дѣйствовать. Это чувствовали газеты, и надо имъ отдать справедливость, самыя увлекавшіяся изъ нихъ не останавливались передъ обличеніемъ злоупотребленій разнаго рода...

Итакъ, событія сербской войны, безъ сомнѣнія уже сильно повредившія взаимному пониманію славянскихъ народностей, должны бы по крайней мѣрѣ не пропасть даромъ, въ особенности для насъ. Они показали наглядно, что общество, идя на помощь родственному племени въ такихъ трагически-тяжелыхъ обстоятельствахъ, можетъ быть обезсилено своими собственными не порядками; лучшее дѣло, привлекающее всѣ искреннѣйшія добрыя желанія, можетъ быть испорчено той азвой, которая лежитъ на нихъ собственной средѣ, и о которой они не хотятъ думать, оставаясь въ заоблачныхъ славянофильскихъ мечтаніяхъ. Потому и надо убѣдиться, что передъ нами есть вопросъ, въ сущности гораздо болѣе серьезный, чѣмъ „славянская идея“,—тотъ внутренній вопросъ, безъ рѣшенія котораго всѣ порывы къ славянской идеѣ останутся бесплодными.

Къ тѣмъ же размышленіямъ приводитъ и картина русской печати за послѣдніе мѣсяцы, съ лѣта прошлаго года—странная картина чрезвычайнаго возбужденія, отчасти искренняго, отчасти дѣланнаго,—отсутствія критики, и вопіющаго недостатка знанія тѣхъ мѣстъ и людей, которыя мы хотѣли спасать, и сознанія нашего собственнаго положенія. Читая запальчивые призы на національно-славянскую борьбу, обличенія Европы, можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ произошелъ какой-то историческій переворотъ, что передъ нами внезапно явилась національная задача, требующая немедленнаго рѣшенія. Возраженій не хотѣли слушать... Неудача дѣла напомнила о нихъ.

Однимъ изъ заблужденій воинствовавшей печати было между прочимъ, что свои славянскія идеи она, не задумываясь, объявляла идеями русскаго общества, народа, Россіи, — когда, мы полагаемъ, печать не имѣла на это никакихъ достаточныхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, откуда знала печать о настроеніяхъ и желаніяхъ „Россіи“? Значительная часть общества была дѣйствительно возбуждена въ пользу славянъ,—но въ какой степени, это намъ и до сихъ поръ неизвѣстно. Наша печать высказываетъ очень небольшую долю существующихъ мнѣній, такъ что даже говоря объ „обществѣ“—т.-е. собственно одномъ извѣстномъ классѣ—только съ большой осмотрительностью можно говорить, чего оно хочетъ и какъ думаетъ. Еще меньше можетъ печать браться говорить о мнѣніяхъ народа, — мы знаемъ, съ нѣкоторой увѣренностью, объ его матеріальномъ положеніи и желаніяхъ, сюда относящихся; но мы, при настоящемъ нашемъ знаніи народной жизни и при трудности сближенія съ ней,

не можемъ говорить ничего рѣшительнаго о взглядахъ народа на такіе далекіе и мудреные предметы, какъ славянскій вопросъ. Можно было дѣйствительно услышать очень искреннія, но случайныя выраженія сочувствій къ страдающимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ; но эти случайныя заявленія нельзя же считать дѣйствительнымъ и общимъ народнымъ голосомъ, напр., за войну. Объ этомъ воинствующая печать не думала и предпочитала, какъ вообще у насъ дѣлается, ссылаться на народъ безъ дальнихъ оговорокъ: вѣдь онъ не станетъ опровергать. Всего менѣе воинствующая печать компетентна была говорить о „Россіи“, которую собственно говоря могла представлять только правительственная дипломатія; и эту послѣднюю всего ближе выражалъ именно тотъ „Голосъ“, съ которымъ эта печать такъ расходилась. Правда, печать съ нѣкоторымъ туманомъ въ изложеніи давала чувствовать, что ей не безызвѣстно положеніе вещей; но, быть можетъ, было бы больше достоинства съ ея стороны прямо признать свое положеніе и свою некомпетентность въ рѣшеніи вещей, въ которыхъ она дѣйствительно не имѣла никакого голоса. Итакъ, газеты могли въ сущности говорить только „между себя“, и едва ли надо удивляться, что въ Сербіи нашихъ газетъ совсѣмъ не читали—даже въ это время. Словомъ, въ политическомъ отношеніи газеты не хотѣли понять (или не хотѣли въ томъ сознаться) своего мѣста въ нашей жизни, и напрасно: они не вводили бы въ заблужденіе себя и другихъ, и, быть можетъ, больше приобрѣли бы для дѣла, которому хотѣли служить.

Натянутое положеніе воинствующей печати обнаружилось въ другомъ отношеніи. Внезапно осѣненная славянскимъ вопросомъ, она показала весьма малое знаніе „братевъ“,—была переполюснена промаками и ошибками. Во всей массѣ корреспондентовъ, писавшихъ изъ Сербіи, не нашлось ни одного, знакомаго раньше съ языкомъ, нравами и исторіей народа; въ корреспонденціяхъ постоянно переворачивались сербскія слова, даже собственныя имена, такъ что князь черногорскій Николай нерѣдко шеголялъ въ нашихъ газетахъ подъ именемъ „князя Никиты“. Ни въ одной не промелькнуло знанія народнаго характера,—замѣтили только, что языкъ „похожъ“ на нашъ, и обичаи „похожи“, словомъ столько же, сколько замѣчали добровольцы—мужики и солдаты ¹⁾. Газетные писатели не вспомнили даже своей литературы о сербскихъ краяхъ, напримѣръ, извѣстной книги Гильфердинга. Въ теченіи полутора лѣтъ, не вышло ни одной своей сербс-

¹⁾ Усерднее домашніе корреспонденты рассказывали лео-бы подслушанный въ народѣ разговоръ о сербахъ, что-де какіе это сербы,—это просто русскіе изъ бѣлградской губерніи. Какъ „народно“, и какъ глупо!

ной книги: публику питали только плохими переводами нѣмецкихъ и англійскихъ сочиненій или выдержками изъ нихъ въ газетахъ. Публицисты, проживавшіе въ Бѣлградѣ, также не помышляли ни мало объ изученіи страны и народа. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ просто-душно, что дѣлаютъ въ Бѣлградѣ его сотоварищи, — они, по словамъ его, „весело проводили время“, цѣлый день въ кафанѣ: „тутъ и NN, корреспондентка „Новаго Времени“ (онъ прописываетъ всѣми буквами фамилію, которой сама корреспондентка не ставила), окруженная юными, постоянно отъ души веселящимися русскими корреспондентами“¹⁾. Куда тутъ что-нибудь изучать, — а потомъ куда же, конечно, и понимать что-нибудь. Одинъ изъ корреспондентовъ описывалъ военныхъ дѣятелей, точно дѣйствующихъ лицъ въ водевилѣ и доводилъ точность до того, что указывалъ даже, кто „имѣеть успѣхъ у женщинъ“!! Нечего говорить, чтобы между веселящимися корреспондентами, переносившими на историческую сцену отчаянной національной борьбы нравы театра Буффъ, могъ найтись человекъ, который могъ бы сравниться, на примѣръ, съ чужими славянству, англійскими корреспондентами, какъ Галленга, Макъ-Гаханъ, или какъ Ивэнсъ (Evans), этотъ археологъ, нумизматъ и этнографъ, написавшій замѣчательную для англичанина книгу о Босніи. Справедливо, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ русскій корреспондентъ не могъ путешествовать такъ свободно въ Турціи, какъ англичанинъ, — но русскій могъ быть совершенно свободенъ въ Сербіи, и здѣсь приложить къ своему дѣлу внимательное изученіе; — да и почему вообще русскій корреспондентъ поставленъ совсѣмъ иначе? задалъ ли себѣ этотъ вопросъ кто-нибудь изъ нихъ?

Лучшими корреспонденціями были письма г. Гирса и Глѣба Успенскаго, — хотя первый не свободенъ отъ упомянутыхъ странностей: но оба они имѣли въ виду только факты, непосредственно происшедшіе передъ глазами; письма „Изъ Бѣлграда“, Г—ва („Отеч. Зап.“ 1876, дек., и 1877, янв.), очень рельефно, и очень умно, рисуютъ роль нашихъ соотечественниковъ въ сербскомъ походѣ, которые принесли съ собой всю отечественную неурядицу, всѣ привычки невѣжества, самодурства, и искусство управляться съ „судуками“.

Но всѣ эти корреспонденціи, разъяснивъ намъ до значительной степени роль русскаго участія, очень мало познакомили русское общество съ самой Сербіей: что это за страна, каково ея дѣйствительное положеніе среди ея національнаго и политическаго сосѣдства, въ чемъ заключается внутренній вопросъ ея общественной политики, какія въ ней партіи и чего они хотятъ? Мы не знаемъ самыхъ существен-

¹⁾ Недѣля, 1876, № 38.

нихъ отношеній того общества, съ которыми хотѣли вмѣстѣ дѣйствовать; чтобы понять что-нибудь въ этихъ отношеніяхъ, наша печать обыкновенно обращалась къ толкованіямъ иностранныхъ газетъ, особенно англійскихъ, гдѣ оказывалось всегда гораздо больше пониманія этихъ вещей.

Въ нашей собственной литературѣ, какъ мы замѣтили, не явилось ни одной самостоятельной, писанной со знаніемъ дѣла книги. Славянскій комитетъ издалъ въ теченіи войны одинъ томъ своего „Сборника“, издана была „Братская помощь“, — но эти книги, въ которыхъ были хорошія спеціальныя статьи, не имѣли никакого ближайшаго отношенія къ самому дѣлу; популярныя тетрадки о сербахъ, черногорцахъ и т. п. назначаются для своей особой публики ¹⁾. За то г. Бартеневъ перепечаталъ свой переводъ „Исторіи Сербіи“ Ранке; явились двѣ-три новыя переводныя книжки, или книжонки; въ послѣднее время вышелъ переводъ книги Каница о „Дунайской Волгаріи“, переводъ, который надо, впрочемъ, отнести не къ литературѣ, а къ рыночной промышленности: безобразіе этого изданія, гдѣ перевраны, напримѣръ, даже *русскія* имена, характеризуетъ нашу заботу о внимательномъ изученіи „братскаго“ народа.

Какой же выводъ изъ всего этого? Русскому обществу не слѣдуетъ мѣшаться въ славянскія дѣла? Ждать, пока устроятся наши „внутреннія дѣла“ — а пока славяне будутъ раздавлены турками, мадьярами и нѣмцами? — спросять насъ энтузіасты славянскаго движенія. Постараемся отвѣчать.

Сдѣлаемъ сначала одну оговорку. Велѣдствіе разныхъ причинъ, наша литература находится въ несомнѣнномъ упадкѣ, который обнаруживается пониженіемъ общественнаго пониманія. Въ своей области, касающейся до предметовъ общественныхъ, она становится скучна, безсодержательна, или поверхностное оживленіе сообщается ей фельетонной болтовней, пересудами, сплетней и личной полемикой; но въ ней нѣтъ того здороваго оживленія, которое дается борьбой дѣйствительныхъ убѣжденій, дорого цѣнимыхъ и нелегко уступаемыхъ. При недостаткѣ прочной системы мнѣній и интересовъ, она не умѣетъ выскнуть и въ то немногое серьезное, что иногда высказывается въ ней между спиллами и харибдами; но за то, какъ бываетъ обыкновенно въ такихъ положеніяхъ, она отличается напускнымъ жаромъ, неуваженіемъ къ чужому мнѣнію и нежеланіемъ говорить о сущности

¹⁾ Возражать, что мы пропускаемъ цѣлую большую книгу — „Правду о Сербіи“, это только та же фельетонная эссенція, въ большомъ количествѣ.

дѣла. Національные вопросы имѣютъ особенное свойство впадать въ фальшь и крайность. Смѣшавши національно-государственный вопросъ съ общественнымъ, энтузіасты славянскаго дѣла, не обинуясь, упрекали людей, несходнаго съ ними тона, въ холодности къ національному дѣлу, или въ „доктринерскомъ поклоненіи Европѣ“ и т. п.,— хотя не говорилось ни о какой Европѣ, а все о нашихъ же старыхъ дѣлахъ, о которыхъ сами энтузіасты толковали накануне. Когда упоминалось объ очень крупныхъ бѣдахъ и недостаткахъ нашей общественности, энтузіасты приходили въ негодованіе: они начали говорить о высотѣ національнаго достоинства, и съ пренебреженіемъ отзывались о „самобичеваніи“ — когда шла рѣчь просто о здравомъ смыслѣ. Словомъ, говорить о „національныхъ“ предметахъ становилось трудно и бесполезно.

Національная гордость, сознаніе національнаго достоинства—это прекрасныя вещи; они безъ вызововъ являются въ серьезныя моменты національной жизни,—но къ нимъ надо апеллировать съ большою осторожностью и вниманіемъ, потому что эти прекрасныя чувства слишкомъ поддаются злоупотребленію, которое дѣлаетъ изъ нихъ пошлость. Національная гордость можетъ имѣть разную подкладку, и дѣйствительное достоинство и право, и фальшивое самообольщеніе и самодурство: чернь въ народѣ, и чернь въ обществѣ легко увлекаются этими послѣдними извращеніями прекраснаго чувства, и подъ ихъ властью націи могутъ совершать много дурнаго, или испытывать печальныя разочарованія. У насъ давно осужденъ и осмѣянъ „квасной патріотизмъ“, но все еще кажется не излишне напоминать о немъ. Нѣкоторые публицисты и теперь хотѣли быть выразителями „національнаго чувства“, стремясь даже украситья имъ на счетъ противниковъ; но, къ сожалѣнію, они не были разборчивы, и замѣняли не въ мѣру „кваснаго“.

Подобныя вещи у насъ обыкновенно очень хорошо понимаютъ,— когда рѣчь идетъ о другихъ народахъ, или прошедшихъ временахъ. Обратимся къ другимъ народамъ—совѣтуя только не „кивать на Петра“. Всѣ умѣютъ при случаѣ сказать, какъ самонадѣянны были французы, когда, очертя голову, начали послѣднюю войну съ Германіей; жалѣютъ, что простое благоразуміе не участвовало въ ихъ рѣшеніи, и находятъ, что плачевный конецъ былъ вѣренъ логически. Всѣ знаютъ и то, чѣмъ уже теперь платится сама Германія, когда блестящія побѣды направили и ея національную гордость въ ту же дорогу самообольщенія и самодурства: миллиарды не помогли ея экономическому положенію, и, напротивъ, разстроили его; общественный духъ положительно понизился; промышленность и искусство играли на американской выставкѣ очень жалкую роль, которой сами

нѣмцы не могли отъ себя скрыть. Все это—достаточно крупныя уроки исторіи въ дѣлѣ національнаго чувства. Но есть другіе историческія примѣры, которые навсегда останутся въ исторіи свѣтлыми явлениями, когда національное чувство возбуждалось совѣмъ инымъ образомъ, когда оно заключало въ себѣ дѣйствительныя интересы народа, сливалось съ идеей человѣческаго достоинства, права и свободы: такіе примѣромъ въ исторіи той же Германіи были дѣятельность Штейна и война „за освобожденіе“. Надо было сознать старое зло, основать лучшія учрежденія, обратиться къ самодѣятельности народа, дать свободу его нравственнымъ стремленіямъ,—и Штейнъ сдѣлалъ это; въ результатѣ, тотъ же народъ, который тупо и равнодушно подчинился французскому господству, обнаружилъ пламенную національную ревность. Теперь память этихъ временъ составляетъ величайшую гордость для нѣмцевъ, которые забыли даже, сколько помогла имъ тогда Россія. Штейнъ уничтожалъ старину, не поддаваясь глупымъ словамъ въ родѣ „самобичеванія“.

Для насъ также была отчасти подобная пора: первое время послѣ прусской войны—и это было хорошее время: „самобичеваніе“ освободило крестьянъ.

Возвращаемся къ поставленнымъ вопросамъ.

Насъ упрекали, что мы хотимъ „охладить“ прекрасное настроеніе, овладѣвавшее обществомъ, охладить его національное чувство.—Становится немного стыдно—растолковывать свои слова, которые были, кажется, достаточно ясны и которыхъ, очевидно, не понимали. Нѣтъ, мы были бы счастливы, если бы своей долей труда и убѣжденія помогли сильнѣйшему его возбужденію, въ томъ истинно-высокомъ его значеніи, на которое сейчасъ указывали. Но мы дѣйствительно желали бы охладить его въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно означаетъ военный задоръ, желаніе командовать, невниманіе къ чужому праву и т. д., безъ всякой мысли о томъ, чтобы наше національное чувство приобрѣло внутреннія достоинства просвѣщенія и общественной самодѣятельности и способно было вести къ дѣйствительному освобожденію. Къ сожалѣнію, другое, грубое пониманіе „національнаго чувства“ было слишкомъ распространено въ нашей печати, и ему мы дѣйствительно ни мало не сочувствовали.

Какъ и скоро ли будетъ рѣшенъ славянскій вопросъ,—этого, конечно, никто не знаетъ. Надо только помнить, что чѣмъ шире будемъ мы строить наши идеалы, тѣмъ строже будутъ требованія отъ насъ самихъ. Если въ настоящую минуту Россія воздерживается отъ войны, мы не беремся судить, такъ это или не такъ: правительство, вѣдающее всѣ свѣдѣнія, можетъ лучше насъ обсудить положеніе вещей, и внѣшнія политическія условія, и внутреннія обстоятельства,—

политическое рѣшеніе безъ сомнѣнія должно стоять въ самой серьезной зависимости отъ того и другого. Мы не беремъ за это — тѣмъ больше, что не обманываемъ себя ни мало о степени вліянія политическихъ разсужденій нашей печати, и высказываемъ свои мнѣнія независимо отъ данной минуты, съ теоретической точки зрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія, и мы „за самое воинственное рѣшеніе вопроса“, какъ выразился одинъ нашъ публицистъ; но это воинственное рѣшеніе должно сопровождаться тѣмъ участіемъ интересовъ общественнаго развитія, права, просвѣщенія, — которое одно сообщаетъ національнымъ стремленіямъ плодотворное значеніе.

Проницательные критики, которые возставали на „охлаждающія“ мнѣнія, между прочимъ наши, — утверждали, что мы будто „противъ“ національныхъ стремленій. Обвиненіе крайне ребяческое, потому что на дѣлѣ мы защищали гораздо болѣе широкое приравненіе славянскихъ національныхъ стремленій, чѣмъ думали наши энтузіасты славянства. Мы всегда были противъ тѣхъ, которые утверждали, будто бы „славянское“ сознаніе заключено въ нашѣмъ славянофильствѣ, которое всегда отличалось московской окраской и нетерпимостью къ другимъ проявленіямъ славянскихъ стремленій. Мы всегда думали, что московское славянофильство, отвергая „петербургскій“ періодъ и однако же очень охотно пользуясь *ею* государственными результатами, очень фальшиво отождествляло себя съ славянской идеей, которая должна сложиться изъ равноправнаго развитія славянскихъ особенностей, а этой равноправности и не желаетъ допускать славянофильство.

Национальныя стремленія — фактъ очевидный и неоспоримый; они совершенно законны, потому что естественны. Племена, составлявшія вѣкогда одно цѣлое, сохраняютъ черезъ вѣка исторіи болѣе или менѣе ясныя или туманныя воспоминанія своего единства, общія черты этнографическаго типа, сходство языка; эти условія истинно, но несомнѣнно дѣлаютъ ихъ близкими и интересными другъ другу, особенно, если въ ихъ отношеніи замѣчивается иноплеменная сила, чуждая или враждебная тѣмъ и другимъ. Но національность есть однако принципъ первобытный, физиологическій, который достигаетъ разумнаго просвѣтленія только путемъ образованности, и только тогда онъ можетъ быть способенъ становиться въ руководство исторической жизни: на степени инстинкта, несознаваемаго влеченія, онъ столько же можетъ быть причиной застоя и упадка. Когда стремленіе къ національному сближенію является у племенъ, уже прошедшихъ извѣстную исторію, достигшихъ своего особаго склада, сближеніе можетъ происходить лишь на почвѣ соединяющаго ихъ преувѣщенія, равноправности и свободы; иначе, въ результатѣ или не выйдетъ ничего, или выйдетъ враждебное столкновеніе. — Мы и вы-

сказывались именно противъ грубаго пониманія національныхъ связей, которое хочетъ насильственно навязывать другимъ племенамъ наши спеціальныя особенности, — и которое дѣлаетъ при этомъ двѣ крупныя ошибки: во-первыхъ, считая наши *мыслимыя* черты непремѣннымъ свойствомъ русской народности, тогда какъ иной разъ это — чисто-временныя черты, или только слѣдствіе неполноты нашего собственнаго развитія, отъ которой даже намъ самимъ желательно избавиться; во-вторыхъ, считая эти черты за общеславянскія — только на томъ основаніи, что насъ больше.

Славянство издавна очень слабо чувствовало свое національное единство, не только въ цѣломъ, но и въ частныхъ группахъ; напротивъ, оно издавна было извѣстно своимъ крайнимъ разбродомъ и раздорами. Отчасти его разъединяло просто чрезвычайное географическое разсѣяніе племенъ, но отчасти узкій племенной эгоизмъ, свойственный вѣкамъ бессознательной исторіи. Одинъ ученый написалъ недавно цѣлую книгу о славянскомъ единствѣ, отыскивая его въ исторіи, но собранные имъ факты свидѣтельствовали скорѣе о противномъ, о скудости этого сознанія себя, какъ цѣлаго. Слѣдствіемъ разброда было то, что цѣлыя племена, неподдержанныя родичами, исчезли совсѣмъ съ лица земли, какъ многочисленныя племена балтійскія; другія, вслѣдствіе подобныхъ причинъ, подпали чужому игу: татарскому, турецкому, нѣмецкому, мадьярскому; третьи превратились въ вѣковыхъ ожесточенныхъ враговъ, какъ русскіе и поляки, и т. д. Это бѣдственное положеніе національнаго сознанія не пережито и теперь, и потому, когда новое время принесло новое возбужденіе національнаго чувства (съ конца XVIII вѣка, около 1848 года, и нынѣ); люди серьезныя и истинныя друзья славянства должны съ особенной заботливостью подумать о правильной, разумной постановкѣ вопроса, о разъясненіи неопредѣленнаго, туманнаго чувства, — чтобы сберечь себя отъ печальныхъ разочарованій и существеннаго вреда для самаго дѣла.

Но объ этомъ новыя ревнителы славянства думаютъ всего меньше: они знаютъ только, что они — „старшіе братья“ и думаютъ, что на этомъ основаніи могутъ распоряжаться и командовать младшими даже безъ ихъ спросу...

Въ исторіи „славянскаго единства“ можно бы найти не мало примѣровъ, гдѣ свѣтлыя мысли объ этомъ единствѣ погибли отъ непониманія современниковъ и не къ ихъ пользѣ. Одинъ изъ этихъ примѣровъ долженъ бы быть особенно памятенъ: это — примѣръ знаменитаго сербо-хорвата Крижанича, который явился въ Россію въ XVII-мъ вѣкѣ съ обширными планами всеславянскаго союза, съ цѣлой

системой. Его идеи пропали въ свое время безъ всякаго слѣда для общества и государства; мы узнали о нихъ только теперь,—по счастливой случайности, сохранившей его рукописи. Самъ онъ исчезъ въ сибирской ссылке,—вѣроятно, его заслали туда какъ вреднаго фантазера.

Наше пониманіе славянскаго единства до сихъ поръ болѣею частію крайне грубое. Въ немъ есть своя сантиментальная струна, когда заходитъ рѣчь о „братскихъ“ чувствахъ, но знаніе „братствъ“ чрезвычайно слабо, и способъ отношенія достаточно обнаружился въ событіяхъ. Мы не забывали выставять свое „старшинство“,—руководясь вообще только представленіемъ о нашей матеріальной силѣ, и совсѣмъ забывая, что въ подобныхъ отношеніяхъ требуются еще иные элементы для созданія единства, и что матеріальная сила можетъ быть направлена всячески, и въ пользу и во вредъ. Сила должна помочь противъ внѣшняго врага, но не она только должна устроить внутреннія отношенія,—иначе она сама можетъ лечь на „братствъ“ гнетомъ и принужденіемъ. Большинство, говоря о нашихъ національных стремленіяхъ, не трудится отдать себѣ отчета о томъ, въ чемъ же они должны заключаться: однимъ воображается только государственное величіе, другимъ торжество православія, со звономъ московскихъ колоколовъ, хоромъ чудовскихъ пѣвчихъ, а также удачными тройками, третьимъ мелькаетъ нѣчто славянско-общинное и т. д. Но вообще большинство представляетъ себѣ наше отношеніе къ славянскому вопросу только съ государственной точки зрѣнія и совсѣмъ забываетъ о чисто-общественной сторонѣ дѣла, которая однако существенно важна для самаго „освобожденія“—потому что ея постановка обезпечить намъ довѣріе или недовѣріе нашихъ единоплеменниковъ. Путаница въ пониманіи „національнаго вопроса“ такова, что мы признаемъ національныя стремленія въ одномъ углу славянства, и осуждаемъ въ другомъ; допускаемъ одни ихъ примѣненія, и вооружаемся противъ другихъ, не менѣе законныхъ, и когда представится подобное противорѣчіе въ практической политикѣ, мы думаемъ, что его очень просто разрѣшаетъ сила. Теперь, еще ничего не видя, у насъ уже судили и рядили о сербской интеллигенціи,—какъ будто о школьникахъ, отданныхъ подъ наше назиданіе, и не усумнились объявить ее „отравленною“ за то, что она почерпаетъ свое образованіе въ Европѣ, а не у насъ...

Славянскіе комитеты, болѣею частью своего характера и дѣйствій, отражали неурядицу и неясность понятій о національномъ вопросѣ. Въ ихъ дѣятельности есть одна сторона, заслуживающая всякаго уваженія и гдѣ мы отдаемъ имъ полную справедливость: въ послѣдніе полтора года они обнаружили много ревности къ славян-

скому дѣлу, положили на него много труда и достигли замѣчательныхъ результатовъ, которые будутъ имѣть историческое значеніе. Но въ ихъ теоретическомъ характерѣ и общественномъ положеніи была и есть странность, на которую имъ слѣдовало бы обратить вниманіе, въ интересѣ самаго дѣла, которому они хотятъ служить.

При самомъ основаніи комитеты были дѣломъ небольшого кружка, который почти исключительно держался славянофильскихъ теорій. Постановка вопроса въ комитетахъ не возбуждала сочувствія не только въ массѣ общества, почти и незнавшей о существованіи славянства, но и въ тѣхъ людяхъ, которымъ славянскія дѣла были болѣе или менѣе близки и сочувственны. Славянскій интерес напоминался въ особой, археологическо-клерикальной, формѣ, которая притомъ не совсѣмъ вѣрно ставила и историческую сущность дѣла: комитетъ сдѣлалъ свой специальный праздникъ изъ 11 мая, но праздновалъ и память Гуса, — публичный ораторъ, по всѣмъ видимостямъ выражавшій идеи комитета, говорилъ о Гусѣ (по славянофильскому взгляду г. Новикова, Гильфердинга и проч.), какъ о „православномъ“, но воспользовался памятью великаго историческаго лица, чтобы подтвердить свой домашній конфессиональный обскурантизмъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ публичныхъ засѣданій (23 января) прямо высказывалось мнѣніе, что „дѣятельностью славянскаго комитета должны руководить начала, выработанныя такъ-называемыми славянофилами“. — Напротивъ, для того, чтобы славянскіе комитеты могли успѣшно выполнить свою задачу, имъ слѣдуетъ именно отказаться отъ этой исключительной точки зрѣнія — если у насъ эта точка зрѣнія остается до сихъ поръ дѣломъ кружка, далеко несочувственнымъ большинству образованныхъ силъ общества, то столь же мало она встрѣтитъ сочувствія и въ славянскомъ обществѣ. Представителями русскаго общества, какъ они желаютъ, такіе комитеты быть не могутъ. Иноземные славяне пока, вѣроятно, очень мало знаютъ объ этомъ характерѣ комитетской программы, но когда узнаютъ, это несомнѣнно произведетъ между ними нѣкоторое недоумѣніе. Оставить исключительную программу слѣдовало бы и для того, чтобы комитеты могли расширяться, и для того, чтобы вопросъ былъ поставленъ проще и справедливѣе: намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы большинство нынѣшнихъ членовъ искренно и съ убѣжденіемъ принимало „начала, выработанныя такъ-называемыми славянофилами“. Мы нѣсколько знакомы со свойствами русскаго общества, и увѣрены, что на меньшинство людей съ дѣйствительными убѣжденіями приходится огромное большинство другихъ, которые вторятъ указаннымъ выше проявленіямъ комитетскаго славянолюбія лишь „отъ вѣтра главы своя“, т. е. за отсутствіемъ всякаго собственнаго содержанія,

или же умалчиваютъ о своемъ несогласіи, лишь бы хоть что-нибудь дѣлалось. Полагаемъ, что въ такихъ вещахъ едва ли слѣдуетъ быть лицемѣрью или скрытностію: пусть лучше найдутъ мѣсто разныя взгляды, нѣтъ встрѣчи которыхъ только и можетъ выработаться нѣчто правдивое.

Мы сказали, что вопросъ требуетъ воинственнаго рѣшенія. Иначе не совершалось освобожденіе народовъ; никто, кажется, уже не сомнѣвается въ близкомъ паденіи Турціи,—но оно едва ли можетъ обойтись безъ послѣднихъ взрывовъ магометанскаго фанатизма, какіе мы и теперь видѣли. Въ дипломатической литературѣ высказываются теперь предположенія, что смѣна турецкой имперіи другимъ порядкомъ вещей можетъ совершиться мирно и мало-по-малу; но, во-первыхъ, это слишкомъ невѣроятно, вслѣдствіе существованія рядомъ совершенно несходныхъ національныхъ стихій, господствующей и подчиненной; а во-вторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣхъ наслѣдства пожелають принять участіе, во-первыхъ, сосѣди, а во-вторыхъ, и совсѣмъ посторонніе, напр., Англія. Теперь, когда еще и не предвидѣлось дѣлежа, дѣло едва не доходило до европейской войны. Участіе Россіи въ этой будущей „войнѣ за освобожденіе“ опредѣляется какъ даннымъ фактомъ—національными сочувствіями—такъ и собственнымъ политическимъ интересомъ на Черномъ морѣ, въ какой бы формѣ онъ ни представился.

Одна сторона этого политическаго интереса заключалась бы въ томъ, что помощь Россіи въ „освобожденіи“ могла бы доставить ей на югѣ тѣсныя союзы съ родственными племенами. Они издавна возлагають на нее естественныя надежды, и не исполнить ихъ было бы для нея нравственной и политической потерей,—потому что обманутыя ожиданія заставятъ ихъ войти въ другія отношенія и подпасть инымъ влияніямъ. Въ послѣднее время мы много разъ встрѣчали въ газетахъ фразу русскихъ и не-русскихъ корреспондентовъ, что неудача дѣла теперь можетъ надолго „подорвать довѣріе“ къ намъ, которое не легко будетъ возстановить. Мы и теперь видѣли, что нѣкоторыя европейскія державы усердно старались разорвать связи южнаго славянства съ Россіей. Но это положеніе вещей все-таки не понимается достаточно нашими славянскими политиками. Одинъ изъ нашихъ писателей написалъ трактатъ о томъ, что „Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что существуетъ“. Тезисъ довольно странный, и въ этой формѣ можетъ означать развѣ только то, что славяне должны кланяться и благодарить насъ за то, что мы существуемъ. Но если фактъ нашего существованія такъ важенъ для другихъ, то по естественной логикѣ слѣдуетъ не только то, что другіе должны почитать насъ, но что и мы обязаны къ нимъ своимъ союзомъ и опорой: кому

больше дано, съ того больше и спрашивается. Но въ примѣненіи къ исторіи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, тезисъ имѣеть и обратную сторону. Существованіе Россіи не было полезно славянамъ абсолютно, а напротивъ сопровождалось для нихъ и не малыми бѣдами. „Полюза“ началась, конечно, съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала сильнымъ государствомъ, и ея политическій авторитетъ дѣлался уздой для тѣхъ, кто иначе грозилъ бы славянству истребленіемъ. Но на дѣлѣ, существованіе Россіи какъ сильнаго государства (это, пожалуй, можно считать съ конца XV-го вѣка) не помѣшало сербамъ и болгарамъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ оставаться въ тяжеломъ рабствѣ. Петръ Великій, хотя и былъ основателемъ „петербургскаго періода“, въ сущности первый изъ русскихъ царей взглянулъ на южныхъ славянъ, какъ на родственное племя, которое можетъ стать хорошимъ и вѣрнымъ союзникомъ противъ Турціи. Но и съ XVIII вѣка, когда Россія получила серьезный голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, славяне бывали только случайнымъ элементомъ въ ея политическихъ соображеніяхъ, а болѣе дѣятельное вмѣшательство въ положеніе балканскаго славянства, съ начала нынѣшняго столѣтія, привело и свою ббльшую тягость. Подозрѣвая Россію въ завоевательныхъ планахъ, искренно или не искренно опасаясь призрака панславянской имперіи, Европа уже давно стала къ Россіи въ недовѣрчивое положеніе, какое мы видимъ теперь. Турція, за свой страхъ и досаду, просто мстила на несчастныхъ болгаряхъ и сербахъ, какъ мстила на нихъ послѣ дунайскаго похода въ крымскую войну и какъ мстила въ прошломъ и нынѣшнемъ году. Это, конечно, не „польза“.

Подтверженій всего этого можно было бы найти вдоволь въ фактахъ политики и въ высказываемыхъ мнѣніяхъ западныхъ публицистовъ, которые гораздо яснѣе нашихъ видятъ даже между-славянскія отношенія. Цѣлая партія англійской печати давно настаиваетъ на необходимости отвлечь балканскихъ славянъ отъ Россіи посредствомъ англійской помощи имъ, и не сомнѣвается въ возможности этого. Бѣлградскій корреспондентъ „Times“ въ концѣ января пишетъ между прочимъ: „Сербія, повидимому, только боится порвать старыя связи (съ Россіей), пока еще не нашла новыхъ и надежныхъ друзей; я убѣжденъ, что въ этомъ и кроется причина ея приверженности къ Россіи“. Онъ увѣренъ, что скорая и открытая помощь Англіи для заключенія почетнаго мира съ Турціей была бы вѣрнымъ средствомъ „для разрыва сербско-русскаго союза“, а потомъ содѣйствіе развитію промышленныхъ силъ страны (о чемъ русскіе политики и не думали) поможетъ Сербіи „стать на ноги“ и освободиться отъ „панславистическихъ интригъ“. То же самое, съ нѣкоторыми вариантами, англійскій публицистъ думаетъ и о Черногоріи. — Намъ,

конечно, тяжело читать подобныя разсужденія о легкости разрыва „сербско-русскаго союза“, но никакъ нельзя отвергнуть, что въ англійскихъ разсужденіяхъ есть доля правды. Южному славянству нужно, наконецъ, какое-нибудь обезпеченіе его политическаго существованія, и оно будетъ искать его, гдѣ оно ближе будетъ представляться: политика открыта конкуренціи. Но, кромѣ того, такой же конкуренціи открыто и народное просвѣщеніе. Нѣтъ ничего бессмысленнѣе, какъ укорять, напр., сербовъ, что они подчиняются европейской, нѣмецкой или французской образованности: никакіе укоры этого не остановятъ, а если намъ это не нравится, мы должны стараться, чтобъ наша собственная образованность стала хотя бы на приблизительно равной высотѣ съ европейскими,—тогда только мы имѣли бы нѣкоторое право искать себѣ вліянія на южное славянство въ этомъ направленіи.

Также ясно англійскіе политическіе люди высказываютъ свое недобрыіе къ Россіи—„пользу“ ея существованія для славянъ. Въ концѣ того же января, членъ парламента, Джоржъ Кэмпбелъ, говорилъ объ этомъ: „Отбросивъ мысль о Россіи, мы, конечно, не колеблясь, признали бы, что сопротивленіе Турціи было бы немедленно уничтожено, если бы какой-нибудь планъ былъ принятъ всѣми европейскими державами сообща. Развѣ стали бы мы толковать о независимости и цѣлости оттоманской имперіи. Навѣрное, нѣтъ; зависть къ Россіи—единственная причина, почему несчастныхъ славянъ оставляютъ долѣе подъ варварской властью оттоманскаго правительства“....

Изъ всего этого слѣдуетъ, что славянскій вопросъ вовсе не такой простой, какъ многими у насъ воображается; что пора перестать говорить о немъ легкомысленные пустяки, какихъ было такъ много наговорено. Этотъ вопросъ глубокимъ образомъ связанъ не только съ внѣшнимъ политическимъ положеніемъ Россіи, но и нашимъ внутреннимъ положеніемъ, какъ общества. Прекрасно стремиться къ „матеріальной и нравственной свободѣ“ славянства, но надо по крайней мѣрѣ серьезно уразумѣть, что для этого нужно. Наши матеріальныя силы, конечно, велики, но безграничны, и надо отдать себѣ отчетъ въ ихъ положеніи; моральныя силы общества крайне ограничены, и въ этомъ надо также сознаться; прежде, чѣмъ нести общественныя блага славянству, надо самимъ ихъ приобрѣсть, чтобы было что нести. Мы должны придти къ нимъ не съ идеями нашихъ газетъ извѣстнаго сорта, и не съ „началами такъ называемыхъ славянофиловъ“, не самодовольными (и иногда просто нахальными) „спасителями“, съ шумомъ и попойками, съ московскими тройками и чудовскими пѣвчими, а дѣйствительными друзьями, съ уваженіемъ къ народной личности и съ запасомъ нравственнаго достоинства, личнаго и обще-

ственнаго. Такое отношеніе къ братскимъ народамъ произвело бы совсѣмъ иное дѣйствіе, чѣмъ то, какое мы видѣли, и нравственное оживленіе можетъ открыть для дѣла такіа силы, которыхъ теперѣ и не ожидаютъ.

Иначе мы не приобрѣтемъ мѣста въ славянскомъ мірѣ, къ которому стремимся, или послѣ потеряемъ его снова.

А. П.

ПРОЕКТЫ РЕФОРМЪ

ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ ВЪ ПРИВАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ городахъ нашихъ прибалтійскихъ губерній періодически повторяется слухъ о предстоящей реформѣ ихъ управленія, а въ послѣднее время этотъ слухъ сталъ приобрѣтать для себя все болѣе и болѣе основанія. Насколько вообще въ настоящее время можетъ почитаться настоятельною подобная реформа для городовъ прибалтійскаго края, это видно уже изъ мотивовъ проекта городской реформы, выработаннаго такъ называемыми рижскими „сословіями“ (Stände), въ 1865 году: „Такое управленіе, — говорилось тогда, — основанное на духѣ сословности и организаціи по занятіямъ (Berufsmässige Gliederung), соотвѣтствовало возрѣніямъ и потребностямъ времени прошедшихъ; несомнѣнно, что и до настоящаго времени это управленіе, посредствомъ усиленной дѣятельности своихъ органовъ во всѣхъ сферахъ своей администраціи, достигло успѣшныхъ результатовъ; но при безпристрастной оцѣнкѣ обстоятельствъ настоящаго положенія, установленныя сословія (verfassungsmässige Stände, т.-е. гильдіи и магистратъ) сами не могли не придти къ убѣжденію, что управленіе города Риги, если таковое должно соотвѣтствовать потребностямъ и измѣнившимся условіямъ современности, настоятельно требуетъ реформы теперешнихъ органовъ означеннаго управленія“. Въ другомъ проектѣ, выработанномъ пять лѣтъ послѣ

вышеприведеннаго, сказано: „Сословія, призванны къ представительству интересовъ города, уже нѣсколько лѣтъ должны были проникнуться убѣжденіемъ, что нынѣ установленное городовое управленіе Риги требованіямъ и измѣнившимся условіямъ новаго времени болѣе не соотвѣтствуетъ“. Далѣе, въ другомъ проектѣ сословій города Риги объяснено: „Настоящее общинное управленіе (Communal-Verfassung) Риги страдаетъ, какъ извѣстно, двумя недостатками, именно: допущеніемъ къ политической правоспособности лишь небольшой части городскихъ обывателей ¹⁾, и, съ другой стороны, допущеніемъ всего бюргерства къ обсужденію и разрѣшенію всякихъ общественныхъ дѣлъ“. Итакъ, сами привилегированныя сословія съ 1865 г. постоянно высказывались за настоятельную необходимость реформы. Въ послѣднія десять лѣтъ, развитіе общественной жизни въ Ригѣ сдѣлало болѣе успѣхи, чѣмъ въ предыдущія 50 лѣтъ, а потому въ настоящее время реформа, можно сказать,—болѣе чѣмъ *настоятельна*.

Мы имѣемъ теперь два проекта реформы: одинъ переработанъ рижскими „сословіями“ въ 1870 году. Къ нему присоединились прочіе города Лифляндіи. Второй проектъ (правительственный) предполагаетъ общее городовое положеніе, Высочайше утвержденное 16 іюля 1870 года, распространить на прибалтійскій край, съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразными съ мѣстными особенностями края. Вопросъ чисто-формальный, а именно,—можетъ ли второй проектъ быть введенъ безъ нарушенія основныхъ учрежденій края (Verfassungsbruch),—мы оставляемъ безъ всякаго вниманія, какъ вопросъ изъ области политической фантазіи. Въ остзейскихъ губерніяхъ, какъ и въ остальной Россіи, право опредѣлять и собирать налоги и подати, издавать законы,—принадлежитъ одной верховной власти, и остзейскія „сословія“ тутъ ни при чемъ; какъ же можно послѣ этого даже и ставить вопросъ о значеніи этихъ „сословій“ въ такомъ сравнительно третъестепенномъ дѣлѣ, какъ реформа городоваго положенія.

Трудно предположить, чтобы составители рижскаго проекта могли оставить безъ вниманія такое простое соображеніе, а потому ссылки ихъ на древнія привилегіи, повидимому, вызвана желаніемъ подѣйствовать воззваніемъ не столько къ правдѣ, сколько милости. Бѣ сожалѣнію, положеніе дѣла таковó, что не только правда, но и милость требуютъ совершенно иного. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ непривилегированные классы представляютъ подавляющее большинство.

¹⁾ „Сословія“ Риги состоятъ въ настоящее время изъ 20 членовъ магистрата, около 1,600 членовъ большой гильдіи и около 800 членовъ малой гильдіи, тогда какъ Рига имѣетъ населеніе около 190,000 жителей. Впрочемъ, политическое значеніе обѣихъ гильдій такъ ничтожно, что лишь магистратъ можетъ въ дѣйствительности претендовать на политическое значеніе.

Ихъ интересъ столь же близки верховной власти, какъ и интересъ привилегированныхъ. Милость къ первымъ необходимо согласовать съ милостью къ послѣднимъ. Притомъ, гдѣ, во всей Европѣ, сохранились у дворянства и городскихъ патриціевъ такія привилегіи, какъ здѣсь? Нѣсколько поколѣній уже успѣли тамъ сойти въ могилу съ тѣхъ поръ, какъ исчезли повсюду подобныя привилегіи, — а въ другихъ странахъ такія привилегіи имѣли для себя гораздо болѣе солидные трактаты и договоры, чѣмъ въ прибалтійскомъ краѣ. Итакъ, весь этотъ формальный вопросъ о правѣ реформы отложимъ въ сторону: исторія другихъ странъ и сущность общаго положенія дѣлъ упраздняютъ совершенно этотъ вопросъ.

Человѣкъ, стоящій вдали отъ условій балтійской, и особенно рижской дѣйствительности, могъ бы еще подумать, что проектъ рижскихъ сословій выражаетъ съ авторитетомъ желанія мѣстнаго населенія. Но ничего подобнаго на дѣлѣ нѣтъ. При выработкѣ проекта участвовали только рижскія „сословія“ (Stände), и главнымъ образомъ магистратъ. Большинство населенія совершенно чуждо этому проекту. А чьи интересы хотѣли охранять „сословія“, — ясно изъ самаго хода работъ по составленію ими проекта. По первоначальному проекту, долженъ былъ настоящій магистратъ, по выбитіи изъ онаго нѣкоторыхъ престарѣлыхъ членовъ, цѣликомъ, въ качествѣ „магистрата“, перейти въ составъ новаго городского управления. Члены магистрата должны были, какъ и до сего времени, сохранять эту должность — пожизненно. Въ случаѣ вакансіи, магистратъ долженъ былъ имѣть право изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ ему скамьею старшинъ, избрать одного новаго ратсгерра — тоже *на всю жизнь*. Когда, какъ и слѣдовало того ожидать, подобныя предложенія были отвергнуты, „сословія“ выработали новый проектъ: о сохраненіи права оставлять за ратсгеррами эту должность не пожизненно, какъ прежде, а только — до 60-ти-лѣтняго возраста, а послѣ 60 лѣтъ подвергать ихъ баллотировкѣ черезъ каждыя 5 лѣтъ. Точно также и первенствующее положеніе магистрата должно было остаться неизмѣненнымъ въ новомъ городскомъ управленіи. Настоящее бюргерство должно было остаться таковымъ же и при новомъ положеніи, а приемъ новыхъ бюргеровъ предполагалось сдѣлать зависимымъ отъ магистрата. Что эти предложенія основаны только на желаніи сохранить за нимишними „сословіями“ всѣ выгоды ихъ положенія при наружной реформѣ — ясно. Когда же и этотъ проектъ былъ отвергнутъ и „сословіямъ“ были сдѣланы болѣе сообразныя съ нашимъ временемъ предложенія, тогда только „сословія“ города Риги, въ 1868 г., рѣшились выработать проектъ, который хотя и очищенъ отъ нѣкоторыхъ несообраз-

ностей прежнихъ проектовъ, но все же сохранилъ большинство внесенныхъ основаній.

Наконецъ, нельзя не указать и на то обстоятельство, что введеніе общаго городского положенія 16 іюня 1870 года соотвѣтствовало бы желаніямъ большинства городского населенія, — большинства, которое сдѣлалось бы еще значительнѣе, если бы различія рижскаго проекта и общаго городского положенія были болѣе извѣстны. Только незнаніе этого различія, соединенное съ патриотизмомъ *du clocher*, побуждаетъ много балтійца относиться недовѣрчиво къ „русскому“ городскому положенію. Такое отношеніе находило себѣ опору въ нѣкоторыхъ недостаткахъ означеннаго положенія, — въ недостаткахъ, которые въ балтійскомъ краѣ пользуются гораздо болѣею извѣстностью, чѣмъ его достоинства.

Обратимся потому къ сравненію общаго городского положенія и рижскаго проекта, по ихъ *содержанію*. Такъ какъ составители рижскаго проекта 1870 года руководствовались присланнымъ имъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ образцомъ, въ который было включено много постановленій общаго положенія, то рижскій проектъ во многихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ сходится съ общимъ положеніемъ. Какъ по одному, такъ и по другому, изъ всѣхъ городскихъ жителей выдѣляется часть, которой дается право голоса. Эти гласные избираютъ, на основаніи прусской трехклассной избирательной системы, 72 городскихъ представителя или думу (*Aeltestenbank* — скамья старшинъ). Дума опять избираетъ городского голову (*Stadthaupt*) и городскую управу (*Magistrat*). Всѣ власти избираются на извѣстное число лѣтъ. Но затѣмъ, во многихъ важныхъ отношеніяхъ оба проекта расходятся.

Первая существенная разница заключается въ постановленіяхъ о приобрѣтеніи *права голоса*. По общему городскому положенію, каждый русскій подданный мужескаго пола, платящій подати за находящуюся въ его владѣніи недвижимость, за купеческія и промышленныя свидѣтельства и живущій не менѣе 2 лѣтъ въ городѣ, пользуется правомъ голоса, развѣ бы онъ былъ осужденъ или судимъ за извѣстныя преступленія или же объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Рижскій проектъ даетъ право голоса такимъ же русскимъ подданнымъ, платящимъ какія-либо подати въ количествѣ *не менѣе десяти рублей* и живущимъ въ городѣ не менѣе *одного года*. Если лицо приписано къ какому-нибудь податному обществу, что бываетъ со всѣми не-дворянами, неокончившими курсъ университетскаго образованія или не выдержавшими извѣстный экзаменъ, то оно непременно должно переписаться къ рижскому податному обществу. Но въ случаѣ, если кто-нибудь даже исполнитъ всѣ упомянутыя условія, онъ

все-таки можетъ пользоваться правомъ голоса лишь съ того времени, когда онъ принятъ формально въ составъ рижскаго бюргерства. Рижскій проектъ желаетъ сохранить замкнутую бюргерскую корпорацію. По этому проекту, теперешніе правоспособные члены обѣихъ гильдій, т.-е. теперешніе полноправные бюргеры, сдѣлаются гласными преобразованной рижской общины, но каждое присоединеніе новаго лица къ составу бюргерства должно состояться лишь съ разрѣшенія рижскаго магистрата. Получившій отъ магистрата право бюргерства обязанъ внести 8 рублей бюргерскихъ денегъ и учинить бюргерскую присягу. По соблюденіи этихъ формальностей, его имя записывается въ находящуюся въ вѣдѣніи магистрата книгу бюргеровъ и ему выдается свидѣтельство о принатіи въ бюргерство или бюргерская грамота. Но этимъ еще не оканчиваются его испытанія. Право быть избраннымъ въ члены городской думы, новый бюргеръ приобрѣтаетъ только трехлѣтнимъ пребываніемъ въ составѣ бюргерства. Этими способами рижскій проектъ надѣется сохранить замкнутую бюргерскую корпорацію или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, — „корпоративно-организованное бюргерство“.

При разсмотрѣніи этихъ предположеній рижскаго проекта, прежде всего возникаетъ вопросъ: по какимъ причинамъ его составители стремились къ замкнутому бюргерству? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ мотивахъ проекта. Тамъ выражены слѣдующія мысли: „система, по которой всѣ платящіе въ городскую кассу подати и вслѣдствіе того имѣющіе интересъ въ благосостояніи города, допускаются къ участію въ общинномъ управленіи, обезпечиваетъ, правда, цѣлесообразную дѣятельность городскихъ учреждений, но еще не придаетъ общинѣ организацію. Будучи солидно организованною корпораціею, рижская община, несмотря на свое раздѣленіе на гильдіи и цеки, оказалась достаточно крѣпкимъ цѣлымъ, которое сильно не вслѣдствіе участія личнаго интереса ихъ членовъ въ общемъ дѣлѣ, а вслѣдствіе духа корпораціи и органическаго стремленія всей корпораціи, какъ общности дѣйствующихъ вмѣстѣ общинныхъ силъ“. Въ сущности, это не слишкомъ ясное объясненіе не приводитъ мотива, а только выражаетъ желаніе возвеличить фактъ, что въ Ригѣ есть корпоративно-организованное бюргерство. Насколько цѣль проекта, создать корпорацію, можетъ быть достигнута, объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Далѣе, упомянутые мотивы говорятъ слѣдующее: „основная мысль проектированныхъ правилъ ¹⁾ заключается въ томъ, чтобы сохранить за рижскою общиною, и при новомъ порядкѣ вещей, качества солидно организованной корпораціи,

¹⁾ Т.-е. правилъ для созданія замкнутаго бюргерства.

чтобы этимъ избавить ее отъ наплыва такихъ элементовъ, въ годности которыхъ не имѣется никакой гарантіи."

Разсмотримъ эту послѣднюю цѣль. Очевидно, что цѣль хороша, потому что избавиться отъ вредныхъ элементовъ для всякой общины необходимо. Но для этой цѣли мы уже находимъ въ обоихъ проектахъ достаточное постановленіе, что всѣ осужденные или судимые за извѣстныя преступленія не пользуются правомъ голоса. Какой же другой гарантіи еще нужно? Прежде всего слѣдуетъ здѣсь уяснить значеніе ввѣреннаго рижскому магистрату права, разрѣшать вступленіе въ бюргерство. Право это можетъ быть истолковано двоякимъ образомъ; или магистратъ *обязанъ* будетъ принять каждаго исполнившаго законныя условія въ бюргерскую корпорацію, такъ что, въ случаѣ неосновательнаго отказа, потерпѣвшій можетъ обратиться съ жалобой въ начальственное надъ магистратомъ учрежденіе, которое въ такомъ случаѣ было бы въ правѣ измѣнить постановленіе магистрата; или же магистратъ *въ правѣ*, независимо отъ исполненія законныхъ условій, отказать, по своему усмотрѣнію, въ принятіи въ бюргерство каждаго, въ годности котораго для общины магистратъ не убѣжденъ. Какое толкованіе правильно, объ этомъ мы нигдѣ не находимъ положительнаго, яснаго разъясненія, ни въ мотивахъ рижскаго проекта, ни въ другихъ заявленіяхъ сторонниковъ идеи о „замкнутой бюргерской корпораціи“. Если послѣднее толкованіе правильно, т.-е. если отказъ въ принятіи въ бюргерство долженъ зависѣть отъ произвола магистрата, то реформа совсѣмъ излишня. Теперешнее положеніе тогда ни въ чемъ не измѣнилось бы. Магистратъ, конечно, приметъ въ бюргерство только людей съ направленіемъ, которое магистратомъ одобряется, составъ бюргерства и городского управленія останется тотъ же, какъ теперь, и вліяніе привилегированнаго класса получить еще новую опору въ фактѣ совершившейся реформы. Этого, конечно, нельзя желать, и поэтому едва ли будетъ допущено, чтобы упомянутое право магистрата было истолковано такимъ образомъ. Но чтобы въ этомъ не было сомнѣнія, слѣдовало бы дать упомянутой статьѣ болѣе ясную редакцію.

Составители рижскаго проекта увлекались мыслью о сохраненіи корпоративнаго бюргерства, вѣроятно, въ виду нѣкоторыхъ иностранныхъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ все бюргерство раздѣляется на множество цеховъ. Каждый, кто желаетъ пользоваться правомъ голоса, долженъ вступить въ какой-нибудь цехъ. Но эти цехи сохраняются только для порядка, какъ удобныя внѣшнія подраздѣленія городскихъ гласныхъ. Они ничуть не претендуютъ на какой-нибудь корпоративный духъ. Они составлены изъ людей разнообразныхъ занятій. Какой-нибудь государственный человѣкъ при-

надлежитъ въ цеху портныхъ и т. п. Было бы смѣшно говорить здѣсь о господствующемъ во всѣхъ цехахъ „корпоративномъ“ духѣ. Вступленіе въ какой-нибудь цехъ при большомъ ихъ числѣ не затруднительно. Если бы одинъ цехъ отказалъ кому-нибудь въ принятіи, то получившему отказъ не трудно найти другой, болѣе доступный цехъ. Притомъ, англичане уже съ давнихъ временъ отличаются политическимъ тактомъ. Привилегированныя сословія тамъ рѣдко были враждебны стремленіямъ непривилегированныхъ къ приобрѣтенію большихъ правъ. Кромѣ того, англичанинъ находитъ самую лучшую защиту противъ несправедливыхъ стѣсненій въ общественномъ мнѣніи, въ прессѣ. Наконецъ, въ прибалтійскомъ краѣ нужно имѣть въ виду то, чего нѣтъ въ Англии — разноплеменность населенія. Теперь господствуетъ одинъ нѣмецкій элементъ. Если этому элементу предоставить право — допускать другія народности къ гражданскимъ правамъ, то понятно, что нѣмецкій элементъ или совсѣмъ не допуститъ русскихъ, латышей и эстовъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, или допуститъ только въ столь незначительной мѣрѣ, чтобъ единственное господство нѣмецкаго элемента отъ этого не пострадало. При такихъ обстоятельствахъ было бы крайне невыгодно оставить за теперешнимъ магистратомъ или бюргерскою корпораціею право принятія новыхъ членовъ въ бюргерство. Во всякомъ случаѣ, созданіе такихъ, по себѣ безцѣльныхъ, формальностей, можетъ послужить средствомъ къ устранинью возможно большаго числа правоспособныхъ гражданъ отъ участія въ общинныхъ дѣлахъ, — тогда какъ проектъ правительства преслѣдуетъ противоположную цѣль. Если желательно основать истинное самоуправленіе, то слѣдуетъ облегчать, а не затруднять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, именно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ огромное большинство до сихъ поръ было совершенно устранено отъ такого участія. Не забудемъ, что одинъ изъ главныхъ мотивовъ всей реформы заключается именно въ томъ, чтобы возбудить во всѣхъ слояхъ населенія интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

Итакъ, качество состава гласныхъ отъ упомянутыхъ формальностей ничего не выиграетъ. Но, можетъ быть, ими достигается учрежденіе замкнутого и снабженнаго корпоративнымъ духомъ корпоративно-организованнаго бюргерства? Едва ли. Формальностями создается только формальное соединеніе людей. И при томъ, можно ли говорить о замкнутой корпораціи, когда доступъ въ нее открытъ для каждаго? Для корпоративнаго духа требуются другія условія. Одно изъ условій то, чтобъ члены корпораціи составили меньшинство, изъятае какими-нибудь преимуществами изъ большинства; другое условіе: чтобъ члены имѣли не слишкомъ различное образованіе и положеніе въ свѣтѣ. Гдѣ корпорація такъ сильно возрастаетъ,

что въ ея почти ничего не остается, и гдѣ въ ней соединены люди съ разнообразнымъ образованіемъ и положеніемъ, тамъ уже не можетъ существовать корпоративнаго духа. Такое соединеніе людей можетъ формально еще называться корпораціею, но оно въ дѣйствительности не корпорація. Корпоративный духъ былъ важнымъ факторомъ въ государственной жизни прежнихъ вѣковъ. Реформы новѣйшаго времени его повсюду изгнали, въ пользу общиннаго порядка.

Наконецъ, спрашивается: дѣйствительно-ли въ настоящее время въ прибалтійскихъ городахъ, именно въ Ригѣ, корпоративный духъ оказываетъ какія-нибудь благотворныя по городскому управленію услуги? Прежде всего, онъ до того безсиленъ, что бюргеры почти совсѣмъ не приходятъ на общественныя собранія, и во всякомъ случаѣ участвуютъ гораздо меньше въ нихъ, чѣмъ гласные русскихъ городовъ, въ которыхъ введено общее городское положеніе. На собранія большой гильдіи обыкновенно приходятъ отъ 20 до 30 членовъ. Выборы состоятся. Кандидатъ получаетъ около 20 голосовъ, а въ большой гильдіи числятся до 1,600 членовъ! Подобныя явленія встрѣчаются по всѣмъ отраслямъ городского управленія. Къ чему же служить сильный корпоративный духъ, если онъ проявляется только въ чувствахъ или словахъ, а не въ дѣйствіяхъ?

Разсмотримъ наконецъ послѣдній спорный вопросъ, а именно—приобрѣтеніе права голоса. Общее городское положеніе требуетъ платежа извѣстныхъ податей, а именно, или съ недвижимостей, или за торговое или за промысловое свидѣтельство, но не опредѣляетъ размѣра платежа, такъ что и наименьшій платежъ даетъ право голоса. Рижскій проектъ, напротивъ, требуетъ платежа какой-нибудь подати въ городскую кассу, но не менѣе десяти рублей ¹⁾. Назначеніе суммы 10 рублей оказывается излишнимъ, если оно не произошло изъ намѣренія—создать классъ мелкихъ плательщиковъ, не пользующихся правомъ голоса. Нельзя же впередъ знать положеніе городскихъ бюджетовъ. Можетъ быть, городъ отъ большинства или отъ всѣхъ плательщиковъ будетъ требовать менѣе 10 рублей. Но въ одномъ отношеніи это постановленіе имѣетъ важное преимущество предъ постановленіемъ общаго проекта. Всѣмъ людямъ съ высшимъ образованіемъ, которые не владеютъ недвижимостью и также не занимаются промышленностью, рижскій проектъ даетъ возможность участвовать въ общинныхъ дѣлахъ, лишь только они согласятся платить въ городскую кассу извѣстную подать. Слабая сторона нашего общаго городского положенія заключается именно въ томъ, что оно слиш-

¹⁾ Разумѣется, проектъ имѣетъ въ виду прямыя налоги, хотя онъ въ этомъ отношеніи выражается неясно.

комъ мало привлекаетъ образованный элементъ къ участію въ городскіхъ дѣлахъ. Оно предоставляетъ это участіе лишь въ томъ случаѣ, если среди домовладѣльцевъ или промышленниковъ будутъ и люди съ высшимъ образованіемъ. Такое устраненіе образованнаго элемента дѣйствительно было бы непригодно для прибалтійскаго края, въ которомъ всѣ классы безъ исключенія привыкли избирать въ общественныя должности, по возможности, образованныхъ людей.

Этотъ недостатокъ общаго проекта вполне устраняется, впрочемъ, предложеннымъ въ министерскомъ проектѣ прибавленіемъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

Вторая существенная разница между обоими проектами заключается въ *распределеніи власти между управою (Magistrat) и думою (Aeltestenbank)*. По общему городскому положенію, дума—власть постановляющая, разрѣшающая всѣ вопросы, а избранная думою управа—власть исполнительная. Изъ этого слѣдуетъ, что управа подчинена думѣ и обязана послѣдней отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, центръ городского управленія находится въ думѣ. По рижскому проекту магистратъ, правда, также избирается думою, но онъ ей не подчиненъ, и занимаетъ отчасти равное съ думою, а по бѣльшей части высшее положеніе. Онъ не принадлежитъ къ думѣ, а образуетъ особенную корпорацію. Ни одно постановленіе думы, кромѣ выборовъ и постановленій по дѣламъ ея собственнаго порядка дѣлопроизводства (Geschäftsordnung) не имѣетъ силы, если магистратъ его не утверждаетъ. Въ случаѣ разногласія, собираются магистратъ и дума вмѣстѣ, чтобы рѣшить недоразумѣніе. Если большинство этого собранія принимаетъ мнѣніе магистрата, то постановленіе называется постановленіемъ общины (Gemeindebeschluss), и всѣ обязаны ему повиноваться. Если же мнѣніе магистрата отвергается, то постановленіе также называется постановленіемъ общины, но магистратъ все-таки не обязанъ исполнить его, а въ правѣ представить все дѣло на разсмотрѣніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Итакъ, по общему городскому положенію, дума разрѣшаетъ всѣ дѣла, предоставленныя вѣдѣнію городского управленія, какъ-то: составленіе городского бюджета, раскладку податей и вообще всѣ городскіе доходы и расходы, заключеніе займовъ, приобрѣтеніе и отчужденіе недвижимаго имущества, всѣ дѣла по содержанію общественныхъ заведеній, школъ, больницъ и т. д. Всѣ эти дѣла дума рѣшаетъ самостоятельно и окончательно. (Контроль губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія касается только формальной стороны, именно того, чтобы не собиравлось недозволенной категоріи податей, чтобы городской долгъ не превышалъ двойную сумму ежегодныхъ доходовъ и т. п.). По рижскому же проекту, каждый вопросъ можетъ быть раз-

рѣшенъ наперекоръ волѣ думы, лишь только губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе согласилось съ мнѣніемъ магистрата. Кромѣ того, много дѣлъ совершенно изъято изъ вѣдѣнія думы и передано магистрату, какъ-то: заключеніе арендныхъ контрактовъ, которыхъ ежегодная арендная плата не превышаетъ 1,000 руб. сер., всякіе экстраординарные расходы, непревышающіе 2,000 руб. и т. п. Никто не будетъ спорить, что при такихъ условіяхъ вся власть находится у магистрата. Чтобы магистратъ могъ дѣйствовать совершенно независимо отъ желаній его избирателей, члены его остаются въ должности 12 лѣтъ и по истеченіи этого времени имѣютъ право на пенсію. Значеніе членовъ думы, болѣе дѣйствительныхъ представителей городской общины, не особенно важно. Такому порядку едва ли можно дать названіе самоуправленія. Члены думы не чиновники, а граждане, которые только по временамъ, въ мѣсяцъ разъ, собираются, но которые вѣкъ засѣданій живутъ въ постоянномъ соприкосновеніи и общеніи съ остальными гражданами, ихъ избирателями. Интересъ гражданъ въ занятіяхъ думы долженъ быть сильнѣе, чѣмъ въ дѣйствіяхъ магистрата и потому, что засѣданія думы открыты, а засѣданія магистрата, какъ это бываетъ у всякой исполнительной власти, закрыты. Поэтому граждане только думу, а не магистратъ, будутъ считать своимъ представителемъ. Отнятіе власти у думы уничтожитъ интересъ гражданъ въ городскихъ дѣлахъ. Если городская реформа осуществится на основаніи рижскаго проекта, то послѣдствіемъ будетъ не самоуправленіе, а бюрократія.

Въ связи съ значеніемъ управы и думы находятся постановленія объ избирательномъ срокѣ и составѣ этихъ собраній. По общему городскому положенію, члены думы избираются на 4 года, по рижскому проекту—на 6 лѣтъ. Въ видахъ соответствующаго желаніямъ горожанъ управленія слѣдовало бы отдать преимущество кратчайшему сроку.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что одно постановленіе, касающееся порядка избранія членовъ думы, желательно бы видѣть включеннымъ въ правительственный проектъ. По рижскому проекту, ежегодно шестая часть членовъ думы отказывается отъ должностей и подвергается новому избранію; по общему положенію, черезъ каждые четыре года избирается снова разомъ вся дума. Но необходимо заботиться не только о томъ, чтобы городское управленіе соответствовало желаніямъ гражданъ, но и о томъ, чтобы управленіе хорошо знало городскія дѣла. Если все собраніе разомъ избирается вновь, то можетъ случиться, что изберутся только новыя, съ дѣлами незнакомые люди. Если такіе выборы повторятся, то дѣловое достоинство (Tüchtigkeit) управленія отъ этого можетъ пострадать.

Рижскій проектъ, при опредѣленіи значенія магистрата и думы, держится устарѣлаго понятія о томъ, что бюргерство или его гильдіи и магистратъ—особенныя сословія, особенныя корпораціи. Между прочимъ это видно изъ того, что для бюргерства установлено, особенное отъ городского, отдѣленное имущество съ отдѣльнымъ управленіемъ. (Конечно, бюргерству дозволено распоряжаться этимъ своимъ собственнымъ имуществомъ только подъ надзоромъ и съ согласіемъ магистрата). По старому порядку, бюргерская община дѣлилась на разныя сословія, между которыми городское имущество было раздѣлено. Но съ этимъ положеніемъ хочетъ покончить даже рижскій проектъ. Одна изъ его основныхъ мыслей заключается въ томъ, чтобы соединить всѣ старыя сословія въ одно бюргерство. Конечно, и прежнее имущество сословій должно быть соединено въ одно городское имущество. Какой же смыслъ имѣть въ такомъ случаѣ особенное имущество бюргерства? Кому принадлежитъ прочее городское имущество? Тутъ въ основѣ лежитъ какое-нибудь смутное понятіе о магистратѣ, какъ особенномъ, отдѣленномъ отъ бюргерства, сословіи и т. п.

Старыя сословныя возрѣнія повліяли и на постановленія о составѣ магистрата. Рижскій проектъ не предоставляетъ думѣ права свободнаго выбора членовъ магистрата, а обязываетъ ее избрать одну треть изъ юристовъ (Rechtsgelahrte), одну треть изъ купцовъ и только послѣднюю треть по своему усмотрѣнію. Итакъ, несмотря на всѣ реформы, старый духъ сословной разрозненности долженъ и впредь здравствовать! Правда, иногда для городского управления можетъ быть полезно, чтобы разныя сословія имѣли своихъ представителей въ магистратѣ, и особенно, чтобы были въ немъ правовѣды, но почему здѣсь нужно принужденіе? Дума уже сама пойметъ, что нужно имѣть въ магистратѣ правовѣдовъ. Ей совсѣмъ не нужна опека. Не слѣдуетъ бояться, что дума, безъ надлежащей опеки, все будетъ дѣлать дурно. Если она однажды сдѣлаетъ некоропшій выборъ, то въ другой разъ поправитъ свою ошибку. Поэтому и краткій должностной срокъ для членовъ магистрата необходимъ. Рижскій же проектъ совсѣмъ иного мнѣнія. Въ его мотивахъ сказано, что если должностной срокъ членовъ магистрата будетъ меньше 12 лѣтъ, то будетъ невозможно найти для мѣстъ въ магистратѣ годныхъ правовѣдовъ, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы юристъ бросилъ свое прежнее обезпечивающее его занятіе и занялъ мѣсто въ магистратѣ на нѣскольکو лѣтъ, принявъ должность, для исправленія которой требуется усиленная дѣятельность. Это отчасти справедливо. Конечно, возможно, что избраннаго однажды хорошаго правовѣда въ другой разъ не изберутъ. Но такіе случаи соединены со всякою изби-

рательною системою вообще. Какъ при краткомъ избирательномъ срокѣ годный членъ можетъ скоро потерять свою должность, такъ, съ другой стороны, при долгомъ срокѣ избранный разъ негодный членъ остается долго въ должности. Почему же слѣдуетъ бояться, что дума годныхъ людей не изберетъ вторично? Кромѣ того, если начало сословности исключается изъ проекта, то нѣтъ никакой причины заботиться о судьбѣ избранныхъ въ магистратъ правовѣдovъ. А что для членовъ магистрата изъ другихъ сословій такая забота излишня, это признано даже мотивами рижскаго проекта.

Почему рижскія гильдіи дали свое согласіе на проектъ, который всю власть передаетъ въ руки магистрата и дѣлаетъ изъ бюргерства безпомощный придатокъ магистрата, — необъяснимо или объяснимо только господствующимъ вліаніемъ магистрата и невѣдѣніемъ лучшихъ учреждений. Обыкновенно корпорація, въ которой живетъ корпоративный духъ и чувство самостоятельности, самовольно не обрекаетъ себя на совершенное ничтожество. Одинъ фактъ, что замкнутое, корпоративно-организованное рижское бюргерство дошло до того, что дало согласіе на упомянутый проектъ, служить самымъ сильнымъ опроверженіемъ полезности корпоративнаго строя.

Наконецъ, рижскій проектъ еще отличается отъ общаго городского положенія организаціею подвѣдомственныхъ магистрату низшихъ присутственныхъ мѣстъ. Общее городское положеніе предоставляетъ эту организацію думѣ, рижскій же проектъ хочетъ установить навсегда число, составъ и кругъ дѣятельности низшихъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, имѣя притомъ въ виду существующія въ настоящее время учрежденія. Мы здѣсь опять встрѣчаемъ то странное явленіе, что правительственный проектъ предлагаетъ городу больше правъ, чѣмъ проектъ рижскихъ сословій. Правительство говоритъ горожанамъ: „вы совершеннолѣтніи“; „вы съумѣете хорошо управлять своими дѣлами и безъ нашихъ указаній“ — а представители рижскихъ горожанъ отвѣчаютъ: „нѣтъ, мы не совершеннолѣтніи, и если намъ не дадутъ подробныхъ предписаній — какъ управлять, то мы все испортимъ“. Что сохраненіе существующихъ нынѣ низшихъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, покамѣстъ, требуется дѣйствительными интересами города, — очень возможно; новое городское управленіе, безъ сомнѣнія, въ первое время оставитъ всѣ эти учрежденія на прежнемъ основаніи, конечно, не стѣсняясь существовавшимъ прежде образомъ ихъ составленія. Но почему городу не принять съ благодарностью право дѣлать въ упомянутыхъ учрежденіяхъ любыя измѣненія, коль скоро таковыя, по какимъ-нибудь причинамъ, оказываются нужными? Въ мотивахъ рижскаго проекта сказано: „особенное преимущество рижскихъ общинныхъ учреждений заключается

въ организаціи подвѣдомственныхъ магистрату и завѣдывающихъ отдѣльными отраслями управленія низшихъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, учрежденіе которыхъ вызвано указаніями опыта, согласно нуждамъ и развитію городского хозяйства“. Далѣе сказано: „хотя не слѣдуетъ лишать города прибалтійскихъ губерній тѣхъ благодѣлій, которыя приносятъ общее городское положеніе, но равнымъ образомъ и не слѣдуетъ отнимать у нихъ испытанныя мѣстныя учрежденія“. Да кто же хочетъ отнять эти учрежденія? Гдѣ же въ общемъ городскомъ положеніи сказано, что новое городское управленіе обязано организовать свои низшія присутственныя мѣста непременно иначе, чѣмъ старое управленіе? Но почему новое управленіе не можетъ равнымъ образомъ, какъ старое, принимать въ соображеніе указанія опыта? Видно, что составители рижскаго проекта не имѣли ни малѣйшаго довѣрія къ новому управленію. Они боялись, что если на каждомъ шагу не будутъ устроены вѣрпкія преграды, то послѣ нихъ наступитъ всеобщій потопъ. Это обыкновенное самообольщеніе людей, которые долгое время находились въ неприкосновенномъ обладаніи властью. Они рѣшительно не могутъ представить себѣ, что при новомъ порядкѣ вещей дѣла пойдутъ не хуже прежняго.

Мы изложили въ общихъ чертахъ существенную разницу въ обоихъ проектахъ. Каждый, даже незнакомый съ прибалтійскими дѣлами читатель легко рѣшитъ, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Вообще, русское городское положеніе мало чѣмъ уступаетъ другимъ европейскимъ городскимъ положеніямъ. Русская городская реформа одна изъ самыхъ прочныхъ реформъ нашего времени. А въ прибалтійскихъ губерніяхъ все-таки находятъ, что это положеніе для нихъ не годится! Почему? На это, конечно, не дадутъ опредѣленнаго отвѣта. Оно, правда, не годится для того, чтобъ сохранить власть за людьми лишь на основаніи старыхъ пергаментовъ, оно не годится для меньшинства,—но очень годится для огромнаго большинства населенія. Обратимся теперь къ обсужденію предположенныхъ правилъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ общаго городского положенія.

Что въ нашемъ обширномъ государствѣ мѣстныя обстоятельства въ иномъ городѣ требуютъ какія-нибудь исключенія изъ общаго правила,—очень понятно. При разсмотрѣніи, насколько дѣйствительно существуютъ мѣстныя условія, требующія именно предположенныхъ измѣненій и дополненій, нужно согласиться, что министерскій проектъ составленъ съ знаніемъ дѣла. Если мы относительно нѣкоторыхъ постановленій—другого мнѣнія, то это, по большей части,

основано на формальныхъ причинахъ. Самое важное изъ предположенныхъ дополненій то, что дается право голоса не только домо-владѣльцамъ и промышленникамъ, но и людямъ, получившимъ высшее *образование*, или, какъ сказано въ п. 5, всѣмъ именуемымъ по мѣстнымъ обычаямъ „литератами“. Этимъ устраняется, какъ уже упомянуто выше, одинъ недостатокъ общаго положенія. Однако нужно замѣтить, что употребленное выраженіе „литератъ“ — неудобно. Никакой законъ не разъясняетъ, что такое „литератъ“. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а иногда и въ нихъ, литераторомъ называется писатель, публицистъ. Кроме того, въ прибалтійскомъ краѣ литератами называется извѣстный классъ людей. Какіе же именно люди — въ этомъ отношеніи мѣстный обычай неустойчивъ. Безспорно, къ этому классу принадлежатъ кончившіе курсъ университета. Но принадлежатъ ли къ нему люди, неокончившіе курсъ университета, но пріобрѣтшіе службою чинъ? Можетъ ли, на основаніи этого постановленія, напримѣръ, отставной полковникъ, человекъ образованный, но не кончившій курса въ университетѣ, пользоваться правомъ голоса? Это подлежало бы спору. Какое же тогда избрать опредѣленіе? Цѣль проектированнаго добавленія очевидна, — доставить людямъ, имѣющимъ достаточный умственный цензъ, независимо отъ ихъ матеріальнаго ценза, право голоса. Конечно, было бы слишкомъ узко и неосновательно сказать, что только люди съ университетскимъ образованіемъ имѣютъ достаточный умственный цензъ. Неужели чиновникъ, служившій много лѣтъ въ государственной службѣ, не представляетъ собою достаточно, и во всякомъ случаѣ не менѣе ручательствъ для хорошаго пользованія голосомъ и вообще пониманія своихъ гражданскихъ правъ, чѣмъ любой мелкій ремесленникъ или едва грамотный домовладѣлецъ? Въ иностранныхъ государствахъ, въ которыхъ не господствуетъ всеобщая подача голосовъ, мы по большей части и находимъ довольно многочисленныя категоріи лицъ, которыя лишь на основаніи своего умственнаго ценза допускаются къ праву голоса. Такъ, напр., въ Австріи. Чѣмъ болѣе дается возможность участвовать въ городскомъ управленіи всѣмъ образованнымъ людямъ въ прибалтійскомъ краѣ, тѣмъ менѣе опасности, что мѣстная интеллигенція отнесется враждебно къ новому порядку. Въ виду этихъ соображеній, слѣдовало бы умственному цензу дать самыя широкіе размѣры.

Второе важное добавленіе касается употребляемаго въ городскомъ управленіи *языка*. Во внутреннихъ губерніяхъ языкъ, конечно, не составляетъ вопроса, но въ населенномъ разными національностями прибалтійскомъ краѣ это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Министерскій проектъ въ этомъ отношеніи основательно избираетъ средину. Онъ устанавливаетъ равноправность языковъ русскаго и нѣ-

ищаго, и предоставляет самой общинѣ пользоваться въ своихъ дѣлахъ, смотря по надобности, однимъ или другимъ языкомъ, но съ тѣмъ, чтобъ резолюціи по частнымъ просьбамъ объявлялись на томъ языкѣ, на какомъ подана просьба. Нѣмецкій языкъ, правда, до сихъ поръ былъ господствующимъ языкомъ, и большая часть образованныхъ горожанъ говорить по-нѣмецки. Но нельзя же забывать, что во многихъ городахъ значительная часть жителей, въ Ригѣ, на-примѣръ, одна треть всего населенія принадлежитъ къ русской національности, и если было возможно, въ прежнее время, когда русское національное чувство было слабѣе, оставить безъ вниманія справедливыя претензіи столь значительной части населенія, то это въ настоящее время совершенно немислимо. Что въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи всѣ дѣла ведутся исключительно на русскомъ языкѣ, это не измѣняетъ настоящаго положенія дѣлъ, такъ какъ уже въ настоящее время въ начальственномъ надѣ магистратами учрежденія, т.-е. въ губернскомъ правленіи, всѣ дѣла ведутся исключительно на русскомъ языкѣ. Правда, въ составъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія входятъ два члена, неназначаемые короною, голова губернскаго города и членъ, избираемый комиссіею крестьянскихъ дѣлъ, и, по существовавшему въ послѣднее время порядку, въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ присутственныхъ мѣстахъ, т.-е. въ мѣстахъ, гдѣ часть членовъ назначается короною, а часть избирается мѣстными земскими или городскими властями, всѣ дѣла водились на нѣмецкомъ языкѣ. Ссылка на то, что до сихъ поръ существовалъ *такой законъ*, конечно, ничего не значить, потому что цѣль реформы именно заключается въ отиѣніи всего, что несообразно съ настоящими потребностями времени. Если законъ объ употребленіи нѣмецкаго языка въ смѣшанныхъ присутственныхъ мѣстахъ былъ утвержденъ, то и новый законъ, устанавлиющій исключеніе для губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій, будетъ утвержденъ тою же властью. Вопросъ только, на-сколько установленіе этого исключенія требуется настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

Нельзя забыть, что прибалтійскій край—часть русскаго государства и что вслѣдствіе сего русскій языкъ, какъ государственный, имѣетъ свои права и притязанія. Эти притязанія въ настоящее время сильнѣе, чѣмъ прежде, потому что задачи высшей администраціи теперь разнообразнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ бывшія времена. Если русское государство захочетъ говорить съ каждою населяющею его народностью на языкѣ сей послѣдней, то оно не найдетъ для высшей администраціи чиновниковъ. Въ прежнія времена высшая администрація смотрѣла менѣе серьезно на свои задачи и обязанности касательно отдѣльныхъ губерній, связь которыхъ вообще была слиш-

комъ слаба, что для государства новѣйшихъ временъ оказывается невозможнымъ. Для того, чтобы государственная администрація была правильна, скоро и энергична, необходимо, чтобы она употребляла одинъ государственный языкъ. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ органы, представляющіе въ губерніи исключительно власть государственную, должны владѣть государственнымъ русскимъ языкомъ и вести свои дѣла на этомъ языкѣ, и что уступка въ этомъ отношеніи только можетъ быть сдѣлана въ виду явной невозможности исполнить подобное требованіе; между тѣмъ какъ внутреннее дѣлопроизводство основанныхъ на началѣ избираемости и самоуправленія земскихъ и городскихъ властей можетъ быть ведено только на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ община. При несоблюденіи сего послѣдняго правила не можетъ осуществиться самоуправленіе. Итакъ какъ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе именно представляетъ государственную власть въ противоположность городскому управленію, представителю общинныхъ интересовъ, то въ принципѣ нельзя сомнѣваться, что это присутствіе должно вести свои дѣла на русскомъ языкѣ. Возраженіе, что осуществленіе такого порядка невозможно, — лишено основанія. При теперешнемъ распространеніи русскаго языка, нельзя предполагать, что голова губернскаго города и члены комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ не будутъ владѣть русскимъ языкомъ. Скорѣе можно ожидать, что члены, назначаемые короною, не будутъ знать нѣмецкаго языка. Во всякомъ случаѣ, нельзя изъ-за одного или двухъ лицъ измѣнить необходимый для хорошей администраціи порядокъ сношеній, тѣмъ болѣе, что этотъ порядокъ уже существуетъ нѣсколько лѣтъ. Если бы члены губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, назначаемые короною, дѣйствительно не владѣли русскимъ языкомъ и поэтому не могли участвовать въ присутствіи, то слѣдовало бы начальствующее надъ прибалтійскими городскими управленіями учрежденіе составить изъ однихъ коронныхъ членовъ, какъ это было до настоящаго времени. Такое исключительное положеніе прибалтійскихъ губерній могло бы продолжаться до тѣхъ поръ, пока знаніе русскаго языка достаточно распространится, чтобы тогда составить присутствіе по городскимъ дѣламъ на общемъ основаніи.

Въ одномъ отношеніи однако постановленія министерскаго проекта о языкахъ могутъ быть дополнены. Въ проектѣ сказано, что всѣ постановленія и распоряженія общественнаго управленія, которыя подлежатъ опубликованію во всеобщее свѣдѣніе, излагаются на обоихъ языкахъ (русскомъ и нѣмецкомъ). Проектъ здѣсь упускаетъ изъ виду, что значительная часть прибалтійскихъ горожанъ не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ языковъ, а говоритъ только по-латышски или по-эстонски. Эта часть, напр., въ Ригѣ больше

одной трети всѣхъ рижанъ, въ Митавѣ она составляетъ большинство и т. п. Въ виду такого положенія дѣль необходимо, чтобы всѣ официальные публикаціи совершались не только на русскомъ и нѣмецкомъ, но и на народномъ латышскомъ или эстонскомъ языкахъ. Необходимость употребленія мѣстныхъ народныхъ языковъ уже давно признана. Много важныхъ объявленій городского управленія уже въ настоящее время въ прибалтійскихъ губерніяхъ публикуется на подлежащихъ трехъ языкахъ, равнымъ образомъ какъ и правительство иногда, напр., въ манифестахъ, говоритъ и на мѣстныхъ народныхъ языкахъ.

Третье важное постановленіе касается продолженія городскихъ *малдый*. Въ этомъ отношеніи мы положительно не можемъ согласиться съ правилами о примѣненіи общаго городского положенія къ городамъ прибалтійскаго края. По этимъ правиламъ (см. I, п. 1), теперешнія сословныя (гильдейскія) установленія продолжаютъ существовать, съ передачею лишь изъ нихъ въ вѣдѣніе новаго общегородскаго управленія тѣхъ дѣлъ, которыя должны состоять въ завѣдываніи сего послѣдняго, на основаніи городского положенія и упомянутыхъ правилъ. Эти правила, впрочемъ, касательно гильдейскихъ установленій болѣе ничего не упоминаютъ, кромѣ того, что принадлежащее симъ установленіямъ имущество, въ томъ числѣ и благотворительныя и иныя общепольныя заведенія остаются въ ихъ распоряженіи, а не поступаютъ въ вѣдѣніе новаго городского управленія. Объ организаціи, дѣлѣ, правахъ и обязанностяхъ этихъ сословныхъ или гильдейскихъ установленій въ упомянутыхъ правилахъ ничего не сказано и поэтому слѣдуетъ заключить, что въ этомъ отношеніи остаются въ силѣ существующія въ настоящее время постановленія. Насколько это возможно, докажутъ нижеслѣдующія соображенія.

Прежде всего нужно разъяснить, что такое сословныя или гильдейскія учрежденія. Нѣмецкое слово „Stand“, отъ котораго происходитъ „ständisch“ (сословный) переводится по-русски двоякимъ образомъ: „состояніе“ или „сословіе“. Наши государственные законы говорятъ о разныхъ государственныхъ состояніяхъ, какъ-то: дворянствѣ, духовенствѣ, мѣщанствѣ, крестьянствѣ. Понятіе о такомъ государственномъ состояніи нельзя примѣнить къ рижскимъ гильдіямъ, потому что, кромѣ дворянства, которое, какъ сословіе, въ каждой губерніи имѣетъ свою организацію, свое имущество, ни одно государственное состояніе не имѣетъ собственной организаціи, собственнаго имущества. Прибавленное въ скобкахъ выраженіе „гильдейскія“ указываетъ, что упомянутыя правила имѣютъ въ виду только тѣ городскія учрежденія, которыя по мѣстному нарѣчію въ прибал-

тѣхъ городахъ называются „сословіями“ (Stände). Въ законахъ общегосударственныхъ, какъ и мѣстныхъ прибалтійскихъ, о другихъ сословіяхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ государственныхъ состояніяхъ, ничего не упомянуто. Только по мѣстному обычаю городскія корпораціи съ политической властью называются сословіями (Stände). Названіе „Stände“ здѣсь имѣетъ такое же значеніе, какое оно имѣло въ средневѣковомъ народномъ представительствѣ. Такія корпораціи или сословія бывають во всѣхъ прибалтійскихъ городахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, незначительныхъ городковъ. Разсмотримъ здѣсь только рижскія сословія, такъ какъ мы въ Ригѣ находимъ самыя подробныя постановленія объ этихъ корпораціяхъ или сословіяхъ, а юридическое ихъ основаніе во всѣхъ городахъ одинаково.

Въ Ригѣ существуютъ три сословія. По ст. 945 части II св. мѣст. узак., рижскіе граждане, по отношенію къ общему городскому управленію, раздѣляются на: магистратъ, большую гильдію и малую гильдію. Изъ этихъ трехъ корпорацій или сословій образуется городское управленіе. Всякій, къ этимъ сословіямъ непрінадлежащій, не можетъ имѣть ни малѣйшаго участія въ городскомъ управленіи. Что такое магистратъ—это не подлежитъ спору, между тѣмъ о гильдіяхъ часто встрѣчаются смутныя понятія. Бываетъ, что городскія гильдіи, особенно большую, смѣшиваютъ съ купеческими гильдіями. Купеческія гильдіи, первая и вторая, представляютъ государственное состояніе, имѣющее своихъ членовъ во всѣхъ частяхъ имперіи. Эти гильдіи не имѣютъ характера корпорацій, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакой организаціи и въ качествѣ общества не имѣютъ ни политическихъ, ни какихъ-нибудь другихъ правъ. Рижская же большая гильдія есть корпорація, состоящая изъ купцовъ и такъ-называемыхъ литератовъ, получившихъ отъ рижскаго магистрата право рижскаго бюргерства. Малая гильдія есть корпорація цеховыхъ, получившихъ такимъ же образомъ право бюргерства. Обѣ корпораціи составляютъ рижское бюргерское общество. Въ этого общества существуетъ большое число литератовъ, купцовъ и ремесленниковъ, неимѣющихъ права бюргерства и вслѣдствіе того непрінадлежащихъ ни къ какой городской гильдіи. Значеніе гильдіи будетъ понятно, когда мы разсмотримъ предоставленныя имъ закономъ занятія. По ст. 1179 того же закона, въ кругъ дѣятельности гильдейскихъ собраній входятъ: 1) предоставленныя имъ выборы въ городскія должности, 2) обсужденіе дѣлъ, относящихся къ городской общинѣ во всей ихъ совокупности. Изъ этого видно, что гильдіи не имѣютъ частныхъ цѣлей, а образуютъ только часть городского управленія. Новое же городское управленіе, образованное на основаніи новаго городского положенія, будетъ наследователемъ *всего* стараго управле-

ція. А такъ какъ магистратъ, въ качествѣ составной части городского управленія, въ качествѣ „сословія“, оканчиваетъ свое существованіе съ введеніемъ новаго городского положенія (онъ остается лишь судебнымъ учрежденіемъ), то и уничтоженіе гильдій есть необходимое послѣдствіе реформы. Рижскія гильдіи нивогда не были утверждены какъ частныя общества. Независимо отъ городского управленія, законъ вообще не признаетъ за гильдіями никакихъ правъ. При такихъ обстоятельствахъ, гильдіи для дальнѣйшаго существованія не имѣютъ ни цѣли, ни законной основы, развѣ только пожелають создать и цѣль и законную основу посредствомъ новаго городского положенія, преобразовавъ гильдіи въ частныя общества, въ родѣ существующихъ уже въ Ригѣ русскаго клуба, нѣмецкаго Gewerbeverein'a и т. п.

Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи гильдій имѣетъ особенное значеніе потому, что съ нимъ связанъ важный имущественный интересъ. Въ министерскомъ проектѣ (I ч. 2 п.) сказано, что дѣла по завѣдыванію тѣми благотворительными и иными общепольными заведеніями, которыя составляютъ исключительную принадлежность какой-либо изъ существующихъ гильдій, не относятся къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія, стало быть остаются въ вѣдѣніи теперешнихъ гильдій. Этими отнимается у городской общины огромная часть ихъ имущества и передается частнымъ обществамъ. Между тѣмъ для этого нѣтъ никакого юридическаго основанія. Все, что по сіе время принадлежало старой городской общинѣ, не составляетъ какое-либо частное имущество членовъ этой общины, а принадлежитъ ей, какъ представителямъ города Риги, и потому есть имущество города и должно быть передано новой городской общинѣ, новому городскому управленію. Имущество, управляемое гильдіями, есть такое же городское имущество. Отдѣленіе имущества гильдій отъ остальнаго городского имущества опредѣляетъ лишь образъ управленія онымъ, но рѣшительно не имѣетъ его общественнаго качества. Всѣ доходы, получаемые гильдіями, поступаютъ въ нимъ, какъ органамъ городского общественнаго управленія. Изъ этого слѣдуетъ, что никакого имущества, составляющаго исключительную принадлежность (собственность) какой-либо изъ существующихъ гильдій, быть не можетъ. Имущество, находящееся въ настоящее время во владѣніи гильдій, предоставлено имъ только для управленія, но не въ собственность. Если прежнее городское управленіе придало какой-нибудь части этого имущества характеръ частный, то оно въ этомъ случаѣ дѣйствовало незаконно. Такого случая, чтобы при реформѣ городского или другаго общиннаго управленія, какая-нибудь частица прежняго управленія продолжала существовать

отдѣльно и еще получала въ собственность управляемое ею прежде имущество, — не было ни въ одной странѣ. Если члены теперешнихъ городскихъ сословій полагають, что они имѣють какія-нибудь претензіи на общинное имущество, то пусть они отыщутъ свое право судебнымъ порядкомъ. Въ виду этого, не слѣдуетъ дѣлать какія-нибудь постановленія въ пользу дальнѣйшаго существованія теперешнихъ городскихъ сословій и ихъ кассъ.

Въ министерскомъ проектѣ заслуживаетъ еще особеннаго вниманія изыатіе разныхъ, въ вѣдѣніи теперешняго магистрата состоящихъ учреждений и должностей изъ вѣдомства новаго городского управленія, между тѣмъ какъ проектъ рижскихъ сословій ихъ предоставляетъ новому управленію. Къ нимъ принадлежать: 1) инспекція евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Ригѣ; 2) податное правленіе, и 3) должности засѣдателей и предсѣдателей управы благочинія, генеральной и городскихъ консисторій и судовъ для крестьянъ рижскаго патримоніальнаго округа. Въ этомъ отношеніи проектъ рижскихъ сословій имѣетъ преимущество предъ проектомъ министерскимъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ учреждений отдѣльно.

1. *Инспекція евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Ригѣ* (см. I ч. 9 п.). Слово „инспекція“ здѣсь значитъ управленіе имуществомъ церквей и надзоръ надъ всѣми вообще, до церквей касающимися, дѣлами. Ст. 1058 ч. II св. мѣст. узак. постановляетъ, что каждое городское общество имѣетъ право управлять имуществомъ городскихъ церквей, на основаніи существующаго городского положенія. По какой же причинѣ рижское городское общество должно терять это право, между тѣмъ какъ оно оставлено за всѣми другими городами? Если инспекція евангелическо-лютеранскихъ церквей не переходитъ въ вѣдѣніе новаго городского управленія, то слѣдуетъ заключить, что она должна остаться на прежнемъ основаніи, т.-е. въ вѣдѣніи стараго магистрата и гильдій. Здѣсь возникаетъ вопросъ, что же будетъ съ патронатомъ города Риги, т.-е. съ правомъ назначенія пасторовъ для городскихъ церквей? По ст. 1057 ч. II св. мѣст. узак., это право принадлежитъ каждому городу, не исключая Риги. Въ этомъ отношеніи въ министерскомъ проектѣ нѣтъ постановленій. Если предположено право патроната не отнять у городской общины, то спрашивается: почему же отнято у нея менѣе важное право управленія имуществомъ церквей? Если же министерскій проектъ хотѣлъ отнять у новаго городского управленія вообще всѣ дѣла, касающіеся до евангелическо-лютеранскихъ церквей, а съ этимъ и право патроната, для того, чтобы эти дѣла остались въ вѣдѣніи теперешняго магистрата, и можетъ быть и гильдій, то вслѣдствіе сего въ Ригѣ учреждаются два городскихія общества, старое и новое, съ двумя отдѣль-

ными управленіями, между которыми городское имущество будетъ раздѣлено. Причиной для изытія управленія церковнымъ имуществомъ изъ вѣдомства новаго городского управленія вѣроятно было опасеніе, что часть членовъ новаго рижскаго городского управленія не будетъ принадлежать къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Но такое положеніе уже существуетъ въ настоящее время. Въ старыя гильдіи и въ настоящее время есть члены не лютеране, и даже избраніе члена магистрата, по закону, можетъ состояться независимо отъ лютеранскаго исповѣданія. Въ виду этого законъ (ст. 1194 ч. II св. мѣст. узак.) уже теперь постановляетъ, что въ должности по управленію церковными дѣлами разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій избираются только лица, принадлежащія къ подлежащему вѣроисповѣданію, и избираются они только своими единовѣрцами въ собраніи, независимо отъ выборовъ на другія должности. Подобное постановленіе слѣдовало бы включить и въ новое городское положеніе, послѣ чего не было бы причины создавать для рижскихъ церквей какое-нибудь исключительное положеніе.

2. *Податное правленіе* (см. I ч. 9 п.). Податныя правленія были по сіе время мѣстами, подчиненными магистратамъ, и имѣть основанія, почему они могли бы занять равноправное положеніе по отношенію къ городской управѣ, избираемой по новому городскому положенію. Кому же должны быть подчинены податныя правленія, какъ не городскимъ управамъ? Кто долженъ избирать въ оныя членовъ, которые по сіе время избирались старымъ городскимъ управленіемъ, если не городская дума? Почему новое городское управленіе должно имѣть въ этомъ отношеніи меньшую власть, чѣмъ старое? Если же податное правленіе будетъ поставлено въ независимое отъ городскихъ учрежденій положеніе, то, напр., для Риги, можно было бы сдѣлать выводъ, что оно должно, какъ по сіе время, состоять изъ члена стараго магистрата и старшинъ большой и малой гильдій и, слѣдовательно, остаться въ прежней связи съ магистратомъ и гильдіями. Основной же законъ реформы требуетъ, чтобы судъ былъ отдѣленъ отъ администраціи, чтобы магистратъ продолжалъ свое существованіе только какъ судебное мѣсто, а чтобы всѣ дѣла, касающіяся управленія, были переданы новому городскому управленію.

3. *Должности засѣдателей и предсѣдателей управъ благочинія, генеральной и городскихъ консисторій и судовъ для крестьянъ рижскаго патримоніальнаго округа* (см. II ч. 21 п.). Въ настоящее время во всѣ эти должности избираетъ городской магистратъ подлежащихъ кандидатовъ. Спрашивается: въ какомъ качествѣ здѣсь дѣйствуетъ магистратъ: въ качествѣ ли судебного мѣста, или представителя го-

родского общества? Этотъ вопросъ рѣшить не трудно, если посмотримъ на избраніе подобныхъ должностныхъ лицъ со стороны дворянства. Лифляндское дворянство тоже избираетъ членовъ консисторій и т. п., но избраніе совершается не судебнымъ мѣстомъ, гофгерихтомъ, а ландтагомъ, стало быть, избираетъ тотъ органъ, который представляетъ корпорацію, которой предоставлено назначеніе подлежащаго должностного лица. По старому порядку, представителемъ города служить магистратъ, по новому—городская дума. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ выборы на какія-нибудь судебныя должности, совершаемые по старому порядку магистратомъ, по новому положенію должны быть предоставляемы городской думѣ.

Но всѣ эти, впрочемъ, легко дополняемые пропуски министерскаго проекта маловажны въ сравненіи съ тѣмъ основнымъ закономъ самоуправленія, на которомъ основывается проектированная правительствомъ реформа городского положенія въ прибалтійскомъ краѣ. Весь непривилегированный классъ прибалтійскихъ горожанъ, въ настоящее время, съ надеждою смотритъ на свое ближайшее будущее. Если бы оказалось почему-нибудь невозможнымъ ввести реформу на основаніи министерскаго проекта, то выгоднѣе было бы оставить все по старому.

В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1877.

Новый романъ И. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка. — Центробѣжныя стремленія въ обществѣ и старыя толки объ „отсутствіи идеаловъ“. — Государственная роспись на 1877 г. — Отчетъ контроля за 1876 г. — Возрастаніе доходовъ. — Сверх-смытные расходы. — Отчетный балансъ. — Вопросъ о сбереженіяхъ въ народной массѣ. — Балансъ бюджетный. — Отчетъ сберегательныхъ кассъ Государственнаго банка за 1875 годъ.

У насъ былъ обычай—при началѣ каждаго новаго года дѣлать, въ доступной намъ формѣ, оцѣнку общаго положенія дѣлъ и подводить какъ-бы балансъ истекшему году. Нынѣшній разъ это сдѣлали не мы: въ первыхъ двухъ книгахъ журнала печатался новый романъ И. С. Тургенева. Что общаго, спросить насъ — можетъ имѣть романъ съ подобнымъ обзоромъ внутренней политики за какой бы то ни было годъ? Но, во-первыхъ, не надобно забывать того, что у насъ литературныя условія чрезвычайно своеобразны, и только у насъ отъ беллетриста даже требуютъ, чтобы онъ былъ непременно органомъ и выразителемъ общественныхъ стремленій, въ одинаковой степени съ публицистомъ,—даже въ ббльшей степени, такъ какъ кисть художника имѣетъ для себя болѣе ширину и простора, чѣмъ перо чисто-публицистическаго писателя. Въ силу именно этого обстоятельства, и независимо даже отъ высокой степени своего художественнаго таланта, г. Тургеневъ былъ издавна наиболѣе вліятельнымъ изъ нашихъ беллетристовъ. Въ немъ видѣли, по преимуществу, „руководителя“ общества. Онъ, конечно, не могъ быть руководителемъ бесспорнымъ. Многие отвергали его отношеніе въ нѣкоторымъ явленіямъ нашей жизни. Но достаточно вспомнить, что споры по поводу „Отцовъ и Дѣтей“ послужили въ свое время поводомъ къ новой группировкѣ литературныхъ партій, что въ этихъ спорахъ сказалось съ особой ясностью различіе исходныхъ точекъ нашихъ талантливейшихъ публицистовъ—и мы убѣдимся, что какъ бы ярки и вѣски ни

были доводы противниковъ, приглашавшихъ общество не слѣдовать за приписанными г. Тургеневу возрѣніями, никто однако не отрицалъ въ немъ ни права, ни призванія быть именно руководителемъ общества. Всѣ возраженія сводились только къ тому, что „руководитель“ въ данномъ случаѣ ошибся. Но самая энергія, цѣлая буря этихъ возражений доказывала, что призванія его въ смыслѣ „руководительства“ не отрицали сами наиболѣе горячіе его противники.

„Новъ“ явилась опять съ характеромъ діагнозы современныхъ общественныхъ симптомовъ, и нельзя не сознаться, что никогда еще г. Тургеневъ не писалъ произведенія, въ которомъ идеи автора выступили бы столь ясно, вполне сознательно, осмысленно съ начала и до конца. Здѣсь уже нѣтъ ни малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, какъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ и „Дымѣ“. Прочтя „Новъ“ вы совершенно опредѣленно видите, на какіе симптомы хотѣлъ указать писатель и какое онъ придаетъ имъ значеніе. Въ этой опредѣлительности, если можно такъ выразиться, высказанности почти до конца—характерное отличіе нынѣшняго произведенія г. Тургенева отъ всѣхъ предшествующихъ—и въ его пользу.

Но все-таки это—романъ, а не статья, діагноза, а не полное терапевтическое указаніе. Художникъ ясно созналъ и высказалъ симптомы, онъ даже подалъ совѣтъ, какъ уменьшить ихъ острый характеръ, но главная его заслуга все-таки только въ самой діагнозѣ, которую, какъ всякимъ раціональнымъ наблюденіемъ надъ признаками болѣзни, доказывается, что признаки эти не представляютъ чего-то самопроизвольнаго. Художникъ не былъ обязанъ и даже не могъ ни объяснить отъ чего они зависятъ, ни предвидѣть возможности такихъ новыхъ явленій, которыя могли бы сперва сгладить, а потомъ и совсѣмъ устранить эти признаки. Единственная задача беллетриста—наблюденіе, художественное воспроизведеніе наблюдаемыхъ признаковъ въ ихъ взаимной связи и указаніе ихъ смысла. Если онъ пошелъ далѣе и показалъ, какимъ образомъ они могли бы видоизмѣняться къ общей выгодѣ, то и при этомъ все-таки долженъ былъ оставаться исключительно въ избранной рамкѣ наблюдаемыхъ явленій, какъ они существуютъ въ данный моментъ. Если бы онъ вдался въ разсужденіе о томъ, что самая эта рамка, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы измѣниться, то онъ вышелъ бы изъ области романа въ сферу чистой публицистики.

Такъ называемая „исторія“ на Казанской площади подослѣла какъ-бы нарочно, чтобы показать всю справедливость увѣщаній почтеннаго автора о нецѣлности фантастическихъ попытокъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей увлечь за собой народъ для достиженія цѣлей, которыя не только преступны, но совершенно непонятны народу. Эта

„исторія“, послѣдовавшій приговоръ надъ участниками въ государственномъ преступленіи, разговоры въ обществѣ по этому поводу и вообще настроеніе нашей молодежи—вотъ предметы, которые неотступно становятся предъ нашими глазами, и положительно лишаютъ насъ внутренней возможности говорить о другихъ текущихъ явленіяхъ русской жизни, не упомянувъ о „Нови“.

Въ „Нови“ мы видимъ извѣстное стремленіе молодежи „въ народъ“. Но такое стремленіе въ неизвѣстную и неразгаданную даль мы видимъ не въ одной „Нови“ и не въ одной сферѣ, охваченной этимъ произведеніемъ. Развѣ въ нашей литературѣ, именно въ прошломъ же году, не была выставлена на первомъ планѣ тема объ „отсутствіи идеаловъ“, о томительной тоскѣ и исканіи новыхъ путей, и развѣ писатели, которые говорили объ этомъ, — люди весьма солидные и неимѣющие ничего общаго съ нелѣпыми революціонными пошутками—не приглашали насъ „въ деревню“, то-есть въ сущности туда же—„въ народъ“. Это не все. Развѣ въ самомъ „движеніи въ пользу славянъ“ и даже порывахъ къ войнѣ у насъ не сказывалась доля того же самаго стремленія погрузиться во что-то новое, во имя общественной идеи, наконецъ, просто уйти куда-то въ неизвѣстное и неразгаданное,—только бы уйти.

Все это въ сущности проявленія одного и того же чувства, выражающагося въ какихъ-то номадныхъ стремленіяхъ мысли, которыя, правда, далеко расходятся въ стороны, но расходятся—какъ радіусы расходятся изъ одной точки отправленія, изъ центра. А центромъ служатъ общее всѣмъ современное чувство. Назвать это чувство съ точностью мы не можемъ, хотя можемъ прискаты для него очень много названій: неопредѣленность, отсутствіе положительныхъ идеаловъ, слабое бѣненіе пульса общественной жизни и т. д.—все это названія, употреблявшіяся въ тѣхъ же статьяхъ, на которыя мы сослались выше.

Намъ самимъ, въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣній, пришлось коснуться этого предмета, то-есть „отсутствія идеаловъ“, и мы должны были отнестись совершенно отрицательно къ исканію ихъ въ „деревнѣ“. Затѣмъ, крайности и увлеченія, вызванныя „славянскимъ движеніемъ“ (которое само по себѣ было вполне естественно) подали намъ поводъ и наложили на насъ обязанность отнестись съ полнымъ недоумѣніемъ и къ этой мечтѣ объ „обновленіи“ русскаго общества этимъ движеніемъ и жаждою внѣшнихъ успѣховъ. Наконецъ, предъ нами представляется еще одинъ радіусъ, исходящій изъ того же центра: хожденіе „въ народъ“ или казанская „исторія“, или мотивъ, наблюдаемый въ „Нови“,—назовите это какъ хотите.

Въ томъ обзорѣній, о которомъ упомянуто выше, мы рассматривали, какимъ образомъ произошло нынѣшнее нравственное настро-

ніе общества, полнѣйшая разобщенность его членовъ, умственный разбродъ и уныніе. Мы должны были признать, что этотъ психологическій фактъ истекаетъ изъ сознанія обществомъ своего безсилія для осуществленія прежнихъ его идеаловъ. Изъ сознанія собственнаго безсилія—въ одной части общества, болѣе хладнокровной и способной успокаивать себя аппелляціею чисто-литературнаго свойства, возникло какъ-бы самоотреченіе въ настоящемъ и стремленіе передать свое дѣло въ руки массы, которая безсильной быть не можетъ, и подчиниться тѣмъ идеаламъ, которые эта масса, „деревня“, подскажетъ; или же—возложить роль обновителя на нѣкоего *deus ex machina*, который и представлялся инымъ въ славянскомъ движеніи и въ связанной съ нимъ войнѣ. Другая же, болѣе подвижная и вмѣстѣ легкомысленная часть общества разумѣла аппелляцію въ массѣ не въ пассивномъ, но въ активномъ смыслѣ. Вотъ гдѣ различіе девизовъ: „въ деревню“, „въ Сербію“, „въ народъ“.

Но стремленіе какъ въ той, такъ и въ другой формѣ, въ смыслѣ ли платоническаго воздыханія то по деревнѣ, то по соплеменникамъ, или въ смыслѣ преступнаго хожденія „въ народъ“, повторяемъ, вытекло прямо и непосредственно изъ того положенія, что современное общество само безсильно для осуществленія своихъ прежнихъ, общекультурныхъ, обще-европейскихъ идеаловъ. Отъ этого самое эти идеалы подверглись охлажденію, даже сомнѣнію—что проявилось въ томъ значительномъ повышеніи въ курсѣ понятій славянофильства, которое нынѣ стало замѣтно не только въ нѣкоторыхъ органахъ печати, но—скажемъ прямо—въ средѣ представителей науки, и притомъ не въ Москвѣ.

Между тѣмъ, именно это-то самое положеніе, изъ котораго такъ естественно истекли всѣ указанныя послѣдствія, положеніе о полномъ безсиліи современнаго общества и объ окончателной будто бы безвыходности настоящаго историческаго момента, мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ принять безусловно. Допустимъ, что мы теперь стоимъ; но стоимъ мы не болѣе времени, чѣмъ сколько мы шли впередъ. На основаніи нѣсколькихъ лѣтъ невозможно произносить окончательныхъ приговоровъ, а у насъ такой окончательный приговоръ надъ самимъ собою произносятъ очень часто, и только этимъ можно объяснить то указанное центробѣжное стремленіе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось: въ активной и преступной, или въ легальной и пассивной. Мы не можемъ не согласиться, что у общества нѣтъ практическаго смысла въ данную минуту; но мы вѣримъ, мы убѣждены, что у русскаго общества, какъ мы его теперь знаемъ, есть способности для плодотворной дѣятельности; есть и достаточно знанія и много охоты, хотя не примѣняющей и даже не выступившей наружу. Вотъ по-

тому, по нашему глубокому убѣжденію, оно не должно думать о томъ, чтобы переродиться въ нѣчто другое, непокоее на то, чѣмъ создала его исторія; не должно отрывать себя и считать себя годнымъ къ упраздненію въ пользу невѣдомыхъ градушихъ людей, съ неповѣданными доселѣ лозунгами,—даже если бы подобныя мечты о перерожденіи и самоупраздненіи наличнаго ума цѣлаго народа и не были неосуществимы сами по себѣ.

Не можемъ допустить приговора объ окончательной безысходности также и по нашему пониманію той среды, которая имѣетъ практическую силу въ своемъ распоряженіи. Историческія условія всей русской жизни были таковы, что у насъ не можетъ быть такой партіи, которая окончательно взяла бы верхъ. Коль скоро само правительство устранило возрѣнія прежней эпохи о возможности и даже необходимости окончательнаго зстоя — а рядъ реформъ доказать неопровержимо, что оно отъ зстоя, какъ принципа, отреклось—временный зстой можетъ быть только отсрочкой, по мысли самого правительства. Никогда не было ни одного прямого или косвеннаго правительственнаго заявленія, которое давало бы право полагать, что оно само считаетъ рядъ реформъ окончательно завершеннымъ. Никогда не было заявленія хотя бы одного изъ правительственныхъ органовъ, въ которомъ общія начала всего культурнаго міра хотя бы косвенно порицались и мысли о нихъ объявлялись бы „вольнодумствомъ“, между тѣмъ какъ лѣтъ 25 тому назадъ подобныя заявленія были нерѣдкостью, и во всѣхъ заявленіяхъ по ихъ сущности безусловно проводился взглядъ, что Россіи ничего болѣе не нужно, что благоустройство ея ближе къ истинному идеалу, чѣмъ какія-либо „сумасбродныя мечтанія“, то-есть, мысли о великихъ реформахъ.

Если мы всмотримся въ вещи, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а не будемъ увлекаться временнымъ чувствомъ унынія, то найдемъ, что основное положеніе о безысходности настоящаго момента не имѣетъ прочнаго основанія, и, стало-быть, тѣ стремленія, которыя изъ него истекаютъ и которыя мы назвали „центробѣжными“, не могутъ быть основаны на полномъ убѣжденіи, хотя и внушаются наличнымъ чувствомъ.

Но, съ другой стороны, мы должны признать также, что обществу вредно долго оставаться подъ вліяніемъ чувства унынія и разочарованія, хотя бы только въ самомъ себѣ. Какъ бы ничтожны и безвредны ни были упомянутыя стремленія въ настоящее время, невозможно поручиться за отдаленное время, если бы то же чувство могло поддерживаться и питаться долгое время. Какъ бы бдительны и энергичны ни были мѣры, принимаемыя противъ отдѣльныхъ симптомовъ, какъ бы силенъ ни былъ протестъ самого общественнаго организма

противъ наиболѣе острыхъ изъ этихъ симптомовъ, все-таки надо сознаться себѣ, что поверхностное леченіе, направленное противъ отдѣльныхъ симптомовъ, не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха. Вредно было бы закрывать глаза передъ логическими послѣдствіями тѣхъ или другихъ фактовъ. Болѣзнь состоитъ не въ тѣхъ или другихъ симптомахъ; симптомы только свидѣтельствуютъ объ аномальности въ организмѣ, но сами могутъ видоизмѣняться; вѣдь кромѣ приведенныхъ признаковъ у насъ еще не мало и иныхъ, совсѣмъ иного рода, но которые также свидѣтельствуютъ о нездоровомъ расположеніи общественаго организма.

Мы вѣримъ, что изъ всего этого есть исходъ; исходъ вполне возможный, правильный, естественный, указывается рядомъ преобразованій, которыхъ всѣ мы были свидѣтелями. Съ расширеніемъ круга практической дѣятельности, передъ обществомъ явилось бы прямое дѣло, и нездоровыя мечтанія и уныніе уступили бы мѣсто полнымъ жизненной силы, здоровымъ направленіямъ. Исчезло бы сознаніе, безсиліе и принскиваніе какихъ-то новыхъ идеаловъ, когда всѣ умственные потребности привлекались бы самой практической жизнью и всѣ поглощались бы ею. Самый тотъ туманный и мечтательный позывъ къ какой-то аппеляціи къ „деревнѣ“ потерялъ бы смыслъ и о немъ тотчасъ же забыли бы, какъ молодой человѣкъ, ставъ дѣятелемъ, забываетъ свои ребяческія мечты о необычайныхъ богатырскихъ подвигахъ и обращеніи къ силѣ волшебной, за немнѣніемъ силы реальной. Всѣ указаные выше признаки легальнаго апатіи и активной преступности беслѣдно исчезли бы отъ правды, внесенной въ жизнь, какъ снѣгъ таетъ отъ весенняго солнца.

Обращаясь теперь спеціально къ „Нови“, повторимъ, что романъ, конечно, имѣетъ дѣло только съ существующими, доступными для художественнаго наблюденія признаками, не вдаваясь ни въ то, какими образомъ они произошли, ни въ то, какими образомъ они могутъ быть устранены. Г. Тургеневъ показалъ намъ вѣрно явленіе существующее, показалъ намъ, какъ оно отражается въ нынѣшнихъ представителяхъ, легкомысленныхъ и неувѣренныхъ въ себѣ, и какъ то же самое можетъ отразиться впоследствии въ представителяхъ мнѣ легкомысленныхъ и вѣрнѣе сознающихъ свои силы. Этими онъ и долженъ былъ удовольствоваться. Художникъ какъ-бы хотѣлъ сказать намъ: — Вотъ вамъ моя діагноза, а затѣмъ — дѣлайте, что хотите! Въ томъ, какъ діагноза поставлена въ „Нови“ — огромная заслуга автора. Только тѣмъ же самымъ фактомъ обуявшаго насъ разброда между легальною апатіею и активной преступностью можно было объяснить себѣ недостаточную чувствительность самой нашей критики къ громадной общественной заслугѣ новаго произведенія; ея

одной, въ прежнее болѣе здоровое время, было бы достаточно, чтобы оно произвело поразительное впечатлѣніе, совершенно даже независимо отъ художественныхъ красотъ, указать на которыя предоставляемъ литературному критику. Для насъ, въ этомъ отдѣлѣ журнала, романъ г. Тургенева интересенъ прежде всего какъ любопытнѣйшая страница современной исторіи, весьма поучительная для желающихъ учиться, весьма искренняя для тѣхъ, кто дорожить правдой и любить слушать ее.

Говоря годъ тому назадъ о государственной росписи на 1876 г., мы признали преобладавшею въ ней чертой осторожность, главнымъ образомъ потому, что общая сумма доходовъ въ ней увеличена была противъ 1875 года всего на 10³/₄ милл. рублей. Но что же намъ сказать теперь о росписи на нынѣшній, 1877 годъ, когда въ ней общая сумма доходовъ увеличена противъ 1876 года всего на 639,494 рубля. Выраженіе „осторожность“ и даже „крайняя“ осторожность было уже употреблено нами въ прошломъ году; теперь, когда увеличеніе доходовъ предвидится еще въ семнадцать разъ меньше, мы можемъ только повторить сказанное прежде въ превосходной степени.

Вслѣдствіе такой малой надежды на возрастаніе общей суммы доходовъ, нынѣшняя роспись представляетъ черту, которой мы не zapomнимъ ни въ одной изъ прежнихъ: балансъ ея сведенъ на цифрѣ, которая въ милліонахъ тождественна съ цифрою предшествующаго бюджета: въ прошломъ году общій итогъ былъ 570.138,308 руб., нынѣ онъ—570,777,802 рубля.

Сумма собственно обыкновенныхъ доходовъ въ росписи 1877 г. увеличена противъ 1876 г., на около 3 милл. рублей, но уменьшены: на 1½ милл. рублей цифра доходовъ оборотныхъ, и на 821 т. руб. цифра специальныхъ ресурсовъ; въ общемъ результатъ и выходитъ увеличеніе суммы доходовъ всего на 639,494 рубля.

Между тѣмъ, изъ данныхъ послѣдняго отчета государственнаго контроля за 1875 годъ, оказывается, что за пять лѣтъ (1870—1875) дѣйствительное поступленіе доходовъ возрастало въ каждомъ году противъ предшествовавшаго на 14 милл. 869 т. р. (1872), 14 милл. 885 т. р. (1873), 19 милл. 791 т. (1874) и 18 милл. 759 т. рублей (1875). Возьмемъ наименьшую изъ этихъ цифръ: 14 милл. 869 т. р. Если допустимъ, что возрастанія доходовъ въ 1876 и 1877 годахъ нельзя было ожидать и въ этомъ размѣрѣ, то все-таки отъ 14 милл. 869 т. р. еще далеко до 639,494 рублей, т.-е. до цифры, которую оцѣняетъ нынѣшній бюджетъ возрастаніе суммы доходовъ въ 1877 году.

Мы постоянно обращали вниманіе на этотъ приѣмъ при составленіи росписей, на излишне-малую оцѣнку возрастанія доходовъ, и

объясняли, что она приготовляетъ блестящій результатъ будущаго контрольнаго отчета, но за то лишаетъ роспись опредѣлительности. Въ результатѣ должно непременно озаботиться, что доходовъ за 1877 годъ дѣйствительно поступитъ много больше, чѣмъ предвидѣно росписью. Такъ, въ отчетѣ контроля за 1875 годъ находимъ, что доходовъ поступило на 28.822,739 рублей болѣе, чѣмъ было предвидѣно росписью на тотъ годъ. Благодаря этому, какъ будто неожиданному обстоятельству, оказалось въ 1875 году возможнымъ не только покрыть 21.955,767 рублей такихъ расходовъ, которые росписью не были предвидѣны (сверхсѣтныя), но оказался еще большой остатокъ. Подобный или, во всякомъ случаѣ, сходный съ этимъ результатъ, очевидно, долженъ получиться и при исполненіи нынѣшней росписи, какъ и вообще всѣхъ росписей, вслѣдствіе показанія въ нихъ общей цифры доходовъ гораздо ниже вѣроятности, указанной прежними примѣрами.

Изъ отдѣльныхъ видовъ дохода отмѣтимъ, что возрастаніе питейнаго дохода ожидается всего на $\frac{1}{2}$ милліона, т.-е. почти четверо меньше возрастанія свекло-сахарнаго акциза (до 2-хъ милліоновъ рублей), менѣе даже возрастанія въ доходѣ почтовомъ (до 600 тысячъ рублей). По нѣкоторымъ весьма важнымъ статьямъ дохода предвидится даже пониженіе. Такъ, уменьшены исчисленія таможеннаго дохода (почти на 3 милліона рублей) и пошлины за право торговли и промысловъ. Излишне говорить собственно о разнѣрѣ ожидаемаго пониженія этихъ доходовъ, но характерно то, что уменьшеніе предвидится, стало-быть, между прочимъ и вслѣдствіе кризиса, переживаемаго торговлею и застоя въ дѣлахъ, вызваннаго политическими обстоятельствами (что, впрочемъ, въ докладѣ министра финансовъ не оговорено).

Приведемъ теперь точныя цифры главныхъ статей нашей податной системы: итогъ обыкновенныхъ доходовъ 537.784,596 рублей; въ этой суммѣ составляютъ питейный доходъ 192.544,100 рублей, подати, поземельный и лѣсной налоги 118.671,251 рубль, и таможенный доходъ 57.516,000 рублей. Эти три дохода въ совокупности составляютъ $368\frac{3}{4}$ милліоновъ рублей, т.-е. болѣе $\frac{2}{3}$ всей суммы обыкновенныхъ (дѣйствительныхъ доходовъ). Доходъ питейный,—нашъ главный источникъ, какъ извѣстно,—обнаруживалъ наиболѣе силы возрастанія. Это явленіе продолжалось и въ послѣдніе годы: такъ, всего въ три года, съ 1871-го по 1874-й—питейный доходъ возросъ на 27 милліоновъ рублей. Но одно изъ замѣчательныхъ явленій въ контрольномъ отчетѣ за 1875 годъ представляется *падениемъ* питейнаго дохода: въ сравненіи съ 1874 годомъ его поступило на $3\frac{1}{2}$ милліона рублей менѣе. Явленіе это въ отчетѣ объяснено такъ: „Пониженіе

этого дохода противъ 1874 года является послѣдствіемъ какъ дурныхъ урожаевъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, такъ и значительнаго возвышенія цѣны за патенты и другихъ мѣръ, которыя приняты въ послѣднее время для ограниченія числа мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ“. Если изъ этого заключить, что уменьшилось пьянство, то результатъ этотъ можно только привѣтствовать. Замѣтимъ однако, что доселѣ возвышенія патентнаго сбора приводились для объясненія между прочимъ возрастанія питейнаго дохода, но не пониженія его. Поэтому вѣрнѣе, кажется, будетъ отнести пониженіе его къ той причинѣ, которая указана въ видѣ „дурныхъ урожаевъ“.

Если въ связи съ доходомъ питейнымъ мы поставимъ прямыя подати и выкупные платежи, то увидимъ замѣчательную неподвижность въ относящихся сюда данныхъ. Питейный доходъ, какъ сейчасъ сказано, упалъ, хотя и не значительно. Податей въ 1875 году поступило ровно столько (въ милліонахъ), сколько въ 1874-мъ, а именно 117 милліоновъ рублей. Въ росписяхъ 1876 и 1877 годовъ цифра прямыхъ податей съ присоединеніемъ дѣснаго налога принята близкая, а именно 118½ милліоновъ рублей. Цифра недоимокъ въ податяхъ, какъ видимъ изъ контрольнаго отчета, не особенно велика, въ сравненіи съ годовымъ окладомъ, но также весьма устойчива: къ началу 1875 года она была около 29¾ милліоновъ рублей, а къ концу года уменьшилась только до 28¾ милліоновъ, хотя все-таки уменьшилась. При разсмотрѣніи податныхъ недоимокъ по губерніямъ оказывается, что въ 20-ти губерніяхъ недоимка составляетъ менѣе 10% годоваго оклада, а въ ярославской губерніи менѣе 2% оклада; въ смоленской же губерніи недоимка превышаетъ годовой окладъ. Характеръ поступления выкупныхъ платежей особенно выяснится, если привести однѣ цифры милліоновъ: въ 1875 году выкупныхъ платежей ожидалось 40 милліоновъ рублей, да еще недоимка по прежнимъ платежамъ 15 милліоновъ рублей. И поступило въ дѣйствительности 40 милліоновъ рублей, а недоимка осталась въ 15 милліоновъ рублей. Если же возьмемъ цифры полныя, то окажется, что недоимки уменьшились, но всего на 45 тысячъ рублей.

Всѣ отдѣльныя черты этой картины согласны между собой. Въ видѣ примѣра, можно указать, что ярославская губернія, самая исправная по взносу податей, стоитъ первою и по цифрѣ досрочныхъ взносовъ по выкупнымъ платежамъ. Досрочные платежи составили въ совокупности около 600 тысячъ рублей. Всѣ приведенныя данныя о поступленіи сборовъ народныхъ, по преимуществу, свидѣтельствуютъ, что сбереженій въ народѣ нѣтъ. Конечно, фактъ досрочныхъ взносовъ по выкупнымъ платежамъ представляетъ прямое сбереженіе. Но вѣдь цифра его ничтожна: въ сравненіи съ суммою выкупныхъ

судь (681¹/₂ милл. рублей) досрочные взносы составляли менѣе ¹/₁₀₀₀ части. Сбереженій въ народѣ нѣтъ, и если судить о бытѣ его по даннымъ финансовыхъ документовъ, то наилучшее, что еще можно сказать, состояло бы въ томъ, что состоятельность народа не уменьшается. Поступленія податей и выкупныхъ платежей показываютъ нѣкоторое, незначительное возрастаніе; за то поступленіе дохода питейнаго показываетъ, въ незначительномъ, хотя все-таки болѣе раз-мѣрѣ—упадокъ. Чтобы не возвращаться еще разъ къ движенію недоимокъ и долговъ государственному казначейству, прервемъ на минуту нить нашего разсужденія и укажемъ на свидѣтельство контрольного отчета, что долги за обществомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1875 году снова возросли на 14¹/₄ миллионѣвъ рублей, „какъ вслѣдствіе новыхъ отпусковъ суммъ по гарантіи ихъ чистаго дохода, такъ и вслѣдствіе начисленія процентовъ на прежде отпущенныя ссуды“.

Третій изъ главныхъ доходовъ нашего бюджета—таможенный. За послѣднее пятилѣтіе (1871—1875) онъ возросъ на 15 миллионѣвъ рублей или, примѣрно, на третью цифру 1871 года (47 миллионѣвъ рублей). Изъ этихъ 15 миллионѣвъ рублей возрастанія цѣлыхъ 6 миллионѣвъ далъ одинъ 1875 годъ, что, по словамъ отчета, произошло главнымъ образомъ отъ увеличенія привоза заграничнаго сахара. Таможенного дохода поступило въ 1875 году свыше 62-хъ миллионѣвъ рублей, но въ росписи на 1876 годъ онъ былъ предвидѣнъ въ 60¹/₂ миллионѣвъ рублей, а въ нынѣшней росписи, на 1877 годъ, онъ исчисляется уже только въ 57¹/₂ миллионѣвъ рублей, т. е. предвидится уменьшеніе таможенного дохода на 3 миллиона рублей, и такое предвидѣніе, по словамъ доклада къ росписи, основано на фактѣ пониженія поступленія этого дохода въ теченіи 1876 года. А такъ какъ въ нынѣшнемъ году еще дѣйствуютъ причины, вызвавшія вообще уменьшеніе торговыхъ дѣлъ въ 1876 году и замѣтный упадокъ въ потребленіи предметовъ роскоши, и, сверхъ того, въ нынѣшнемъ году введена уплата пошлинъ золотою монетою, равносильная возвышенію тарифа на третью, то нельзя не согласиться съ предвидѣніемъ бюджета на-счетъ нѣкотораго упадка таможенного дохода. Впрочемъ, было бы преждевременно опасаться, что принятая въ росписи цифра его не будетъ осуществлена въ дѣйствительности. Эта цифра, какъ и вообще бюджетныя цифры доходовъ, во всякомъ случаѣ, выражаетъ только минимумъ дѣйствительныхъ ожиданій министерства финансовъ. Такъ, въ 1875 году таможенного дохода поступило на 7³/₄ миллионѣвъ рублей болѣе, чѣмъ было исчислено по росписи того года. Вліяніе политическихъ обстоятельствъ (если не будетъ войны) и уплаты пошлинъ золотою монетою можетъ сказаться въ томъ, что дѣйствительное по-

ступленіе на этотъ разъ не превзойдетъ бюджетнаго исчисленія, но едва ли отъ него отстанетъ.

Перейдемъ къ расходамъ. Общая сумма расходовъ, сравнительно съ росписью 1876 года увеличена теперь на $1\frac{1}{4}$ милл. р. Уменьшеніе расходовъ предполагается, между прочимъ, по росписямъ государственнаго кредита, вслѣдствіе срочнаго погашенія займовъ. Но главное—эта статья въ нынѣшнемъ бюджетѣ, какъ и въ прошлагоднемъ, не представляетъ того значительнаго увеличенія, какое дотолѣ обуславливалось ежегоднымъ заключеніемъ новыхъ внѣшнихъ (железнодорожныхъ) займовъ. Наши заграничныя платежи или потребность въ золотѣ и иностранныхъ векселяхъ представляются платежами: по внѣшнимъ срочнымъ и безсрочнымъ государственнымъ займамъ, по металлическимъ билетамъ и по консолидированнымъ облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ (а также по облигаціямъ николаевской). Итогъ этихъ платежей и размѣръ всей потребности въ золотѣ и векселяхъ составляетъ до $68\frac{1}{4}$ милл. р. Но само-собой разумѣется, что болѣе или менѣе значительная часть этой суммы будетъ уплачена внутри имперіи, то-есть кредитными билетами по курсу. За то же потребность правительства въ золотѣ и векселяхъ выражается еще въ уплатахъ по заграничнымъ заказамъ, и по производству заграничей жалованья, такъ что указанный нами размѣръ до $68\frac{1}{4}$ милл. р. потребности въ золотѣ, русскихъ металлическихъ купонахъ, иностранныхъ банковыхъ билетахъ и векселяхъ можетъ быть почитаемъ хотя и выше, но не много выше дѣйствительности. Общая же сумма платежей по государственнымъ дѣламъ составляетъ $108\frac{1}{4}$ милл. р.

Главный нашъ расходъ,—по смѣтѣ военнаго министерства,—увеличенъ на $1\frac{1}{4}$ милл. р. и составляетъ $181\frac{1}{2}$ милл. р.; по смѣтѣ морскаго министерства исчислено $24\frac{3}{4}$ милл. р., всего около 206 милл. р. дѣйствительныхъ расходовъ на общую сумму $537\frac{3}{4}$ милл. р. обыкновенныхъ (дѣйствительныхъ) доходовъ. Изъ контрольнаго отчета видно, что общая сумма расходовъ, съ каждымъ годомъ возростающая, въ 1875 году не только не возросла, но *упала* противъ 1874 года. Въмѣсто обычнаго ежегоднаго возрастанія за четыре года (1871—1874), которое мы можемъ выразить приблизительными цифрами: 23 милл. р., 16 милл. р., 4 милл. р., мы видимъ теперь въ сравненіи расходовъ дѣйствительно произведенныхъ въ 1875 году съ расходами 1874 года *уменьшеніе* въ 95,513 рублей. Итакъ, въ 1875 году доходы возросли, какъ сказано выше, на $18\frac{3}{4}$ милл. р., а расходы не возросли. Естественно, что результатъ былъ весьма благопріятенъ. Контрольный отчетъ называется въ этомъ смыслѣ 1875 годъ—„явленіемъ весьма рѣдкимъ, почти исключительнымъ“. „Уменьшенія расходовъ противъ года предшествовавшаго“, сказано далѣе, „не было съ 1867

года". Тогда уменьшеніе явилось вслѣдствіе опасеній, вызванныхъ окончателльнымъ дефицитомъ 1866 года, составившимъ болѣе 60½ милл. рублей. Вслѣдствіе того, въ 1867 году были приняты энергическія мѣры къ уменьшенію расходовъ; но съ тѣхъ поръ сумма ихъ снова постоянно возрастала; въ 1875 году этотъ ростъ снова былъ задержанъ.

Произошло это главнымъ образомъ, конечно, отъ сокращенія сверхсметныхъ кредитовъ. Итоги сверхсметныхъ кредитовъ, за каждый изъ пяти лѣтъ къ ряду, были слѣдующіе: 35½ милл. р. (1871 г.), 34½ милл. р., 26½ милл. р., 23¾ милл. р. и 15¾ милл. р. (1875 г.). Этотъ послѣдній итогъ, выражающійся точной цифрой 15.708,821 р., могъ быть покрытъ, даже съ излишкомъ, ресурсами самой росписи. Ресурсы эти представились: въ 4 милл. р., прямо назначенныхъ для этой цѣли; въ другихъ 4 милл. р., занесенныхъ въ роспись 1876 года на недоборъ въ окладныхъ сборахъ; въ 3¼ милл. р. исчисленнаго въ ней вѣроятнаго превышенія доходовъ надъ расходами; наконецъ— въ 6 слишкомъ милліоновъ руб. кредитовъ, закрытыхъ за неизрасходованіемъ ихъ. Всѣ эти ресурсы въ совокупности составили до 17½ милл. р., т.-е. на 1.695,314 р. болѣе, чѣмъ потребовалось на сверхсметные расходы.

Нельзя не согласиться съ отзывомъ контроля, что низведеніе цифры сверхсметныхъ ассигнованій до 15¾ милл. р. представляетъ результатъ блестящій. Эта цифра составляетъ всего 2¾% суммы назначеній, опредѣленныхъ въ сметѣхъ. Въ такомъ размѣрѣ сверхсметные кредиты едва ли не неизбѣжны и остается только пожелать, чтобы размѣръ этотъ не былъ превзойденъ вновь. Вотъ почему, и имѣя въ виду, что 15 милл. р. сверхсметныхъ ассигнованій могутъ быть разсматриваемы какъ минимумъ, мы и повторили мысль, уже однажды нами высказанную, чтобы такой минимумъ на чрезвычайные, непредвидимые расходы опредѣлялся по самой росписи, вносился бы въ нее въ видѣ особаго фонда, съ тѣмъ, чтобы, при разрѣшеніи всѣхъ сверхсметныхъ ассигнованій въ теченіи года, государственный совѣтъ имѣлъ въ виду точный, реальный предѣлъ, съ которымъ такіа разрѣшенія необходимо должны быть согласуемы. вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы оставить нынѣшній бюджетный пріемъ—показанія общей суммы доходовъ милліоновъ на 20 ниже средней вѣроятности. При такомъ пониженіи вѣроятной цифры доходовъ, сверхсметные кредиты разрѣшаются въ той неизмѣнной надеждѣ, что дѣйствительное поступленіе доходовъ дастъ излишекъ милліоновъ въ 20 (за 1875 годъ— 27¾ милл. р.) противъ исчисленія по росписи. Это всѣмъ извѣстно, и вѣдомство, ходатайствуя о сверхсметныхъ назначеніяхъ, имѣетъ, конечно, въ виду такой гадательный, но, по аналогіи, неизбѣжный

источникъ. Не лучше ли было бы занести въ роспись опредѣленную сумму на застрахованіе казначейства отъ всякаго превышенія въ расходахъ, въ видѣ, напр., 15 милл. р. фонда на сверхсмѣтныя надобности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сумму ожидаемыхъ доходовъ исчислять точно, примѣрно также миллионъ на 15—20 р. Тогда уже никто не могъ бы разсчитывать, что внѣ опредѣленнаго фонда окажется еще какой-либо источникъ для покрытія сверхсмѣтныхъ требованій. Бюджетъ отъ этого, какъ въ отдѣлѣ доходовъ, такъ и въ отдѣлѣ расходовъ, выигралъ бы въ точности, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—въ обязательномъ, такъ сказать—принудительномъ значеніи, въ сдерживающей силѣ для всѣхъ сторонъ. Необходимо имѣть въ виду, что государственная роспись должна быть не только примѣрнымъ обзоромъ средствъ и потребностей казначейства, но—и болѣе всего—положительнымъ финансовымъ закономъ для годового хозяйства. Изъ данныхъ контроля мы даже видимъ, по какимъ статьямъ дохода роспись нынѣ обыкновенно понижаетъ среднее вѣроятное исчисленіе доходовъ, а именно: по питейному, таможенному и по графѣ случайныхъ и мелочныхъ доходовъ.

Замѣтимъ еще, что распредѣленіе общей суммы сверхсмѣтныхъ расходовъ по вѣдомствамъ и отдѣльнымъ статьямъ все еще указываетъ на возможность ограничить надобность сверхсмѣтныхъ ассигнованій болѣе точнымъ опредѣленіемъ смѣтныхъ расходовъ. Весьма значительная часть 15 милл. р., отпущенныхъ сверхсмѣтно, потребовалась на такія надобности, которыя никакъ нельзя назвать непредвидимыми. Сюда относятся, напр., процентное вознагражденіе акционныхъ чиновъ (можетъ быть точно опредѣлено по примѣрамъ прежнихъ годовъ), выдача пособій нижнимъ чинамъ при водвореніи и по неспособности къ личному труду (тоже самое), уплата земскаго сбора съ казенныхъ земель и лѣсовъ (550 тыс. р.—неужели это не предвидѣлось?), на продовольствіе, пересылку и леченіе арестантовъ и т. п. Дѣйствительно чрезвычайныя, непредвидимыя расходы въ перечнѣ сверхсмѣтныхъ ассигнованій представляются собственно расходами по экспедиціи въ Коканъ (300 т. р.), суммами на извѣстное Его Величеству употребленіе и нѣкоторыми дополнительными строительными расходами. Но эти потребности составляютъ гораздо менѣе половины общей суммы. Положимъ, въ новомъ году, хотя и безъ войны, могутъ представиться дѣйствительно непредвидимыя потребности въ болѣемъ размѣрѣ. Пусть итогъ ихъ доходить до 15 милл. р. въ годъ; назначеніе по росписи $2\frac{1}{2}\%$ съ общаго итога расходовъ на расходы непредвидимыя не будетъ представлять ничего неумѣстнаго. Но пусть это будетъ впередъ имѣться въ виду, какъ неизмѣнный предѣлъ сверхсмѣтныхъ назначеній.

Намъ предстоитъ теперь возвратиться къ росписи на 1877 годъ и заняться ея балансомъ. Но прежде мы уже заключимъ наши справки съ отчетомъ контроли за 1875 годъ, обзоромъ дѣйствительнаго баланса, уже сведеннаго за этотъ послѣдній годъ.

Въ счетъ росписи 1875 года, дѣйствительно поступило доходовъ 576.493,152 р.; расходы же, какъ произведенные, такъ и оставшіеся ко дню заключенія росписи неисполненными, простирались до 543 м. 221,520 р. Такимъ образомъ, при исполненіи росписи 1875 года, образовалось превышеніе доходовъ надъ расходами въ 33.271,631 р. Отчисливъ изъ этого превышенія до $4\frac{1}{2}$ м. р., оставленныхъ въ распоряженіи министерствъ военнаго и морского на основаніи ихъ бюджетныхъ правилъ, получаемъ около $23\frac{3}{4}$ м. р. совершенно свободнаго остатка собственно отъ исполненія росписи 1875 года. При соединеніи же сюда остатки отъ смѣтъ прежняго времени, оказывается всѣхъ свободныхъ отъ исполненія росписей прежняго времени средствъ 40.547,843 рубля.

Такимъ образомъ получаютъ тѣ свободные ресурсы, которые, независимо отъ какаго-либо содѣйствія государственнаго банка, находились въ распоряженіи правительства для производства тѣхъ „вызванныхъ въ 1876 году политическими обстоятельствами чрезвычайныхъ расходовъ“, о которыхъ упоминается въ заключеніи доклада министра финансовъ по росписи на нынѣшній, 1877 годъ. Въ докладѣ при этомъ напоминаетъ, что „потребность въ нихъ еще не миновала“ и что они „указываютъ на настоящую необходимость какъ ограниченія въ 1877 году сверхсмѣтныхъ ассигнованій для текущихъ (само собою разумѣется, что война потребовала бы расходовъ сверхъ смѣтъ въ иномъ размѣрѣ) надобностей всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, такъ и всевозможной бережливости въ употребленіи предположенныхъ по росписи ассигнованій“.

Итакъ, отчетъ контроли за 1875 годъ представляетъ намъ результаты весьма благоприятные: превышеніе доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ еще не бывшемъ, ниспаденіе сверхсмѣтныхъ ассигнованій до цифры также безпримѣрной, наконецъ—рѣдкое явленіе, что расходы не увеличились, но уменьшились въ томъ году сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. „Въ 1-му января 1876 года“, сказано въ отчетѣ, „государственное казначейство имѣло совершенно свободныхъ остатковъ, образовавшихся отъ избытка доходовъ, *самимъ* сорокъ миллионъ рублей, и не только у насъ, но едва ли и въ другихъ государствахъ Европы, министръ финансовъ вступилъ въ новый годъ съ такимъ блистательнымъ состояніемъ государственной казны“.

Вслѣдъ затѣмъ, въ контрольномъ отчетѣ высказывается общій

взглядъ на развитіе нашихъ финансовъ, который мы приведемъ, такъ какъ совершенно согласенъ съ его сущностью, хотя и должны будемъ дополнить его одной оговоркой. Контроль разсуждаетъ такъ, что необыкновенная упругость доходовъ въ послѣдніе годы была слѣдствіемъ двухъ совокупныхъ, но различныхъ причинъ: во-первыхъ, мѣръ собственно финансовыхъ, измѣнившихъ приемы, а частью самыя основанія взиманія главнѣйшихъ видовъ доходовъ; во-вторыхъ—общаго оживленія производительныхъ силъ страны, вызваннаго освобожденіемъ крестьянъ, сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, обезпеченіемъ и доступностью правосудія, устройствомъ народнаго кредита и „долгими годами мира и спокойствія“, годами, „которые быстро довели Россію до уровня благосостоянія, доселѣ небывалаго“.

Что касается первой причины—мѣръ финансовыхъ, то контроль замѣчаетъ, что законодательство въ области налоговъ оказываетъ сильнѣйшее дѣйствіе въ первые годы послѣ изданія новыхъ постановленій, и въ тѣхъ отрасляхъ доходовъ, которыхъ коснулись преобразованія, „главная сила этого вліянія болѣею частью уже выразилась“. Затѣмъ, дальнѣйшее увеличеніе доходовъ можетъ отнынѣ зависеть уже въ сущности только отъ второй изъ указанныхъ выше причинъ, то-есть отъ возрастанія народнаго благосостоянія, которое отражается въ болѣе или меньшей производительности налоговъ. „Такимъ образомъ“, говорится далѣе въ отчетѣ, „хотя естественный ростъ государственныхъ доходовъ и можетъ еще продолжаться отъ постепеннаго возрастанія народнаго богатства—если внѣшнія событія не помѣшатъ преградъ мирному развитію государства—но увеличенія доходовъ годъ изъ года въ размѣрахъ послѣдняго десятилѣтія едва ли можно ожидать безъ открытія новыхъ или усиленія существующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ“.

Нельзя не согласиться съ сущностью этого взгляда, но мы можемъ признать совершенно несомнѣннымъ собственно прихода-расходный результатъ, обнаруживаемый отчетомъ контроля за 1875 годъ. Замѣтимъ, что въ статьяхъ г. А. Леруа-Вольте, недавно появившихся въ журналѣ „Revue des deux Mondes“, авторъ выражаетъ наибѣе согласіе съ приведеннымъ взглядомъ нашего контрольнаго отчета, принимаетъ за вполне доказанный фактъ, что экономическое благосостояніе народа у насъ возросло и совѣтуетъ прежде всего—миръ, конечно, и затѣмъ—преобразование нашей системы налоговъ, насколько оно возможно. Но мы должны все-таки сдѣлать дополнтельную оговорку.

Контроль высказываетъ мысль, что финансовыя преобразованія, послужившія къ возвышенію суммы доходовъ, уже произвели все свое главное дѣйствіе, и говорить, что „главная сила этого вліянія

большую часть уже выразилась", и что затѣмъ увеличенія доходовъ можно ждать уже преимущественно отъ „естественнаго роста“ ихъ, вслѣдствіе возрастанія народнаго благосостоянія. Въ этихъ словахъ какъ-бы проглядываетъ убѣжденіе, что новыхъ финансовыхъ преобразованій для возвышенія производительности налоговъ въ настоящее время уже не предвидится. Между тѣмъ, такія преобразования теперь нужны, чѣмъ когда-либо, какъ для возвышенія суммы доходовъ, такъ—и въ особенности—для поднятія того народнаго благосостоянія, отъ котораго контроль ожидаетъ дальнѣйшаго возвышенія доходовъ. Мы полагали, что тѣ преобразования собственно по налогамъ, какія были произведены, доселѣ составляли только меньшую часть преобразованій, имѣющихся въ виду. Податная коммиссія продолжаетъ свои работы, и доселѣ онѣ не привели еще къ разрѣшенію вопроса о преобразованіи подушныхъ сборовъ, несмотря на насущность такого преобразованія, единодушно засвидѣтельствованную земствомъ.

Пусть главная сила преобразованій уже вполне выразилась въ тѣхъ налогахъ, которыхъ доселѣ преобразования коснулись; но неужели же введеніе акцизной системы питейнаго сбора должно представлять послѣднее слово законодательства о налогахъ? Наоборотъ, ожидается, чтобы преобразованію подверглись не только способы взиманія нѣкоторыхъ налоговъ, но именно *система* нашихъ налоговъ. И вотъ, только когда такое преобразование произведетъ свои плоды въ возвышеніи какъ суммы доходовъ, такъ и уровня народнаго благосостоянія, можно будетъ говорить, что дѣйствіе финансоваго законодательства уже выразило главную свою силу, и только тогда можно будетъ ожидать, что народное благосостояніе возрастаніемъ своимъ подниметъ производительность налоговъ.

Требуется не столько „открытіе новыхъ или усиленія (т.-е. увеличенія размѣра) существующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ“, о которыхъ упоминаетъ контроль, сколько именно — пересмотръ существующей податной системы. Тотъ же французскій публицистъ, о мнѣніи котораго мы упомянули выше, признаетъ, что русская финансовая система отличается отсталостью, что она еще держится на камеральныхъ началахъ прежнихъ вѣковъ, и что теперь, какъ при Петрѣ Великомъ, главными источниками доходовъ остаются питейный сборъ и подушная подать. Правда, г. Леруа-Болье оговаривается, что какія бы финансовыя преобразованія ни дѣлались, главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ въ Россіи, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, все-таки должна остаться рабочая масса, то-есть личный трудъ, именно потому, что капиталовъ и большихъ имуществъ въ Россіи еще слишкомъ мало.

Это очевидно, для всѣхъ, кто только додумывался до практическихъ послѣдствій разныхъ финансовыхъ плановъ, а не ограничивался повтореніемъ фразы, что „государственная тягость лежитъ у насъ преимущественно на бѣднѣйшихъ классахъ“. Мы сами, въ то время, когда въ печати много занималась вопросомъ о подоходномъ налогѣ, доказывали, что въ Россіи не можетъ быть допущенъ минимумъ дохода, освобождающій отъ налога,—именно потому, что Россія сильна численностью людей, а не капиталовъ, и что, слѣдовательно, подоходный налогъ ниже извѣстнаго минимума, превращаясь въ налогъ личный, въ налогъ на трудъ, все-таки долженъ быть удержанъ.

Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы доходы высшихъ разрядовъ не было нужно привлечь къ участию въ податной тягости, а стало быть, чтобы не было необходимо преобразование именно *системы* нашихъ налоговъ. Неоднократно мы уже указывали на тотъ крайне-анормальный и въ результатъ невыгодный для народа фактъ, что въ то время, какъ земля обложена у насъ до высшаго предѣла возможности, пошлины торговли сравнительно легки, а обложеніе движимаго капитала въ дѣйствительности не существуетъ. Съ тѣхъ поръ, преобразование гербовала сбора подвергло движимый капиталъ нѣкоторому обложенію, но совершенно ничтожному сравнительно съ бременемъ налоговъ, лежащихъ на земледѣліи.

Еще болѣе настаивали мы въ разное время на необходимости пересмотра окладовъ выкупныхъ платежей, съ цѣлью согласованія ихъ съ доходностью земли. Распредѣленіе выкупныхъ недоимокъ по уѣздамъ само можетъ представить первыя указанія для такого, совершенно необходимаго пересмотра. Возможно ли ожидать „естественнаго возрастанія благосостоянія народа“ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею въ убытокъ, а между тѣмъ прикрѣплены къ ней и находятся, стало быть, въ состояніи пролетаріата, прикрѣпленнаго къ землѣ, и оплачивающаго подати за нея изъ отхожихъ промысловъ?

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно указываютъ, что въ настоящую минуту роль финансового законодательства, законодательства по преобразованію налоговъ, далеко не кончена и даже еще только начата. Очень легко можетъ статься, что отчетъ контроля и не имѣлъ въ виду выразить противоположную мысль; что отзывъ его, будто главная сила финансовыхъ мѣръ уже выработалась и остается ожидать только возрастанія народнаго благосостоянія, вовсе не означаетъ того, что нынѣ не имѣется въ виду неотлагательности дальнѣйшихъ коренныхъ финансовыхъ реформъ. Но такъ какъ этой послѣдней оговорки въ отзывѣ контроля нѣтъ, то мы и вправдѣ были вынуждены этотъ пробѣлъ, напоминая, что для самыхъ успѣховъ народ-

наго благосостоянія требуется дальнѣйшее и неотложное дѣйствіе той силы, какая представляется въ финансовомъ законодательствѣ.

Необходима еще оговорка о самомъ фактѣ экономическаго благосостоянія народа въ настоящее время. Выше мы видѣли, по даннымъ контрольнаго же отчета, какъ туго поднимается у насъ поступленіе подушныхъ податей, какъ незначительны тѣ народныя сбереженія, которыя представляются въ досрочныхъ выкупныхъ платежахъ за прибрѣтаемую крестьянами землю; видѣли сверхъ того, что и питейный доходъ, нашъ главный сборъ съ массы народа въ 1875 году упалъ, и въ росписяхъ на 1876 и 1877 годы принять въ размѣрѣ не только низшемъ противъ дѣйствительнаго поступленія его въ 1875 году, но и всего на около 6 мил. руб. вышемъ противъ ожиданій по росписи 1875 года. Мы готовы согласиться, что подобныя, чисто-камеральныя данныя еще не даютъ права утверждать, что экономическій бытъ массы ухудшается; изъ нихъ этого не видно. Но едва ли они представляютъ достаточное основаніе и для того, чтобы принимать за неоспоримый фактъ экономическое благосостояніе народа, и въ настоящее время съ увѣренностью ожидать естественнаго роста этого благосостоянія въ ближайшее время.

Правда, въ числѣ фактовъ, приводимыхъ въ отчетѣ, есть еще одинъ, который могъ бы служить признакомъ улучшенія экономическаго быта массы въ настоящее время. Это—усиленіе ввоза заграничнаго сахара. Отчетъ объясняетъ это не только неурожаемъ свекловицы въ Россіи, но также „несомнѣнно увеличивающимся въ народѣ потребленіемъ сахара“, а въ этомъ явленіи экономисты вообще видятъ признакъ улучшенія въ бытѣ народа. Но отчетъ, конечно, не могъ сообщить намъ, въ какихъ размѣрахъ замѣчается это явленіе у насъ. А между тѣмъ на ряду съ увеличившимся поступленіемъ таможеннаго сбора съ сахара привознаго, мы видимъ уменьшеніе въ поступленіи акциза съ свеклосахарнаго производства. Такимъ образомъ, намъ недостаточно выясняется самый фактъ, что потребленіе сахара въ народѣ значительно возрастаетъ. Но пусть этотъ фактъ и дѣйствителенъ, онъ все-таки въ Россіи можетъ имѣть менѣе значенія, какъ указатель улучшенія экономическаго положенія массы, чѣмъ въ иныхъ странахъ. Люди, близко наблюдавшіе намъ крестьянскую среду, утверждаютъ, что доселѣ отиѣна крѣпостнаго права не столько увеличила хозяйственныя, дѣйствительныя средства крестьянина, сколько нѣкоторыя его бытовныя привычки. Улучшеніе въ одеждѣ, освѣщеніи, потребленіи чая и сахара, улучшенія наружныя менѣе подлежатъ сомнѣнію, чѣмъ улучшенія дѣйствительныя, то-есть увеличеніе хозяйственнаго инвентаря, рабочей силы. Во всякомъ случаѣ фактъ значительнаго увеличенія потребленія въ народѣ

сахара терять свое значеніе, если мы сопоставимъ его съ другимъ однороднымъ фактомъ, а именно тѣмъ, что оказывается упадокъ въ доходѣ соляномъ. Соляной доходъ два года стоялъ неподвижно, а въ 1875 году упалъ противъ 1874 года. Между тѣмъ, и для нищи, и для хозяйства соль гораздо нужнѣе сахара. О чемъ можетъ свидѣтельствовать фактъ, что потребление сахара возросло, если рядомъ съ нимъ представился бы фактъ, что потребление соли уменьшилось?

Сдѣлавъ эти, казавшіяся намъ необходимыми, оговорки относительно дальнѣйшаго вліянія финансоваго законодательства и вопроса о возрастаніи народнаго благосостоянія, мы обратимся теперь къ балансу росписи на 1877 годъ, для заключенія нашего обзора финансовыхъ документовъ. Общую цифру доходовъ — 570.777,802 р. мы уже приводили; сложность исчисленныхъ по смѣтамъ расходовъ составляетъ 568.769,280 р., то-есть она на 2.008,522 р. менше ожидаемаго итога доходовъ. „Но такъ какъ, въ видахъ достиженія возможной осторожности въ исчисленіи ожидаемыхъ доходовъ“, говорится въ докладѣ, „ежегодно исключалась, показаніемъ въ отдѣлѣ расходовъ, извѣстная сумма на недоборъ въ окладныхъ сборахъ“, то и на 1877 годъ исключено съ этой цѣлью 2 мил. р. и затѣмъ ожидается превышеніе доходовъ предъ расходами всего въ 8,522 рубля. Мы, признаемся, никогда не понимали этой особой рубрики: „на недоборъ въ сборахъ“. Не проще ли опредѣлить самый сборъ на 2 мил. руб. ниже, чѣмъ исключить изъ сбора 2 мил. руб. на „недоборъ“. А такъ какъ бюджетное исчисленіе совокупности сбора отстаетъ отъ дѣйствительности на слишкомъ 20 мил. р., что оказывается изъ отчетовъ, то какое же значеніе можетъ имѣть еще исключеніе 2 мил. руб. изъ суммы и безъ того очевидно уменьшенной? И есть ли хоть кака-либо приближительная реальность въ цифрѣ превышенія доходовъ предъ расходами при такихъ приемахъ исчисленія суммы дохода, а равно и расхода, къ которому во всякомъ случаѣ необходимо добавить не менше 15 мил. руб. сверхсмѣтныхъ издержекъ?

Между тѣмъ доклады, объясняющіе росписи, придаютъ какъ-бы совершенно реальное значеніе разницъ въ тысячахъ рублей, выведенной между двумя итогами, изъ которыхъ о каждомъ впередъ извѣстно, что онъ ошибется на 15—20 и болѣе миллионѣвъ. Такъ въ докладѣ къ прошлогодней росписи, обычное увѣщаніе въ ограниченію сверхсмѣтныхъ требованій было даже прямо мотивировано „незначительностью ожидаемаго по росписи превышенія доходовъ надъ расходами“. Это незначительное превышеніе исчислялось на 1876 годъ въ 86.170 р. На нынѣшній разъ оно исчислено въ суммѣ

въ десять разъ меньшей (8,522 р.), но ивъ не мотивируется необходимостью бережливости. Для нея указанъ иный иной, во всякомъ случаѣ болѣе убѣдительный мотивъ: „вызванные политическими обстоятельствами чрезвычайные расходы, потребность въ коихъ еще не миновала“.

Для точности, приведемъ составныя части итога, на которомъ сводится балансъ росниси, а именно 570.777,802 р.; въ этой суммѣ полагается обыкновенныхъ доходовъ 537.784,596 р., оборотныхъ поступленийъ 22.920,627 р. и ресурсовъ, специально назначенныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ 10.072,579 р. Последнія двѣ цифры повторяются въ отдѣлѣ расходовъ, къ которому затѣмъ специально принадлежатъ слѣдующія цифры: обыкновенныхъ расходовъ 535.776,074 р.; на недоборъ 2 мил. руб. и превышеніе въ доходахъ 8,522 р.

Коснувшись внешне вопроса объ экономическомъ благосостояніи народа и его „сбереженіяхъ“, мы останавливались на такихъ признакахъ, какъ поступленіе подушныхъ сборовъ, досрочныхъ платежей по выкупу земель, недоимкахъ, наконецъ потребленіи нѣкоторыхъ продуктовъ. Но мы не обратились къ тѣмъ цифрамъ, которыя на Западѣ тотчасъ приводятся, какъ только требуются справки о благосостояніи массъ, и возрастаніи или уменьшеніи ея сбереженій, а именно—къ цифрамъ оборотовъ сберегательныхъ кассъ. Мы не могли этого сдѣлать потому, что крестьянскія ссудо-сберегательныя товарищества и городскія сберегательныя кассы при конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка возникли въ Россіи еще недавно. Тѣ и другія пока еще болѣе увеличиваются въ числѣ, тѣмъ расширяютъ свои обороты, и итоги ихъ отчетовъ не могутъ дать достаточнаго матеріала для общихъ выводовъ объ измѣненіяхъ въ экономическомъ бытѣ народа. Однимъ изъ главныхъ препятствій для скорого развитія ихъ представляется именно то обстоятельство, что о нихъ мало извѣстно не только массѣ народа, но и читающему обществу. Единственный выводъ, какой можно сдѣлать пока изъ цифръ принадлежащаго намъ послѣдняго отчета государственнаго банка по сберегательнымъ кассамъ (за 1875 годъ), состоитъ только въ томъ, что дѣятельность ихъ болѣе обширна тамъ, гдѣ о нихъ болѣе знаютъ, хотя не малую роль тутъ играютъ, конечно, и совсѣмъ нынѣ причины.

Посвятимъ нѣсколько словъ этому въ внешней степени любопытному и столь же малонзвѣстному, къ сожалѣнію, у насъ предмету.

Сберегательныя кассы открываются при конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1864 г. Ихъ состоитъ теперь: одна въ Петербургѣ, съ 6 отдѣленіями, одна

въ Москвѣ, съ 3-мя отдѣленіями, и 129 въ провинціи. Далеко не всѣ онѣ состоятъ при отдѣленіяхъ банка; даже большинство ихъ состоитъ при уѣздныхъ назначенствахъ и думахъ; нѣкоторыя при общественныхъ городскихъ банкахъ. Въ нихъ находилось (къ 31 декабря 1875 г.) суммъ, принадлежащихъ вкладчикамъ, въ общей сложности до 5 милл. р. (4.975,199 р.), и изъ этой суммы почти половина (до 2½ милл. р.) приходится на долю одного Петербурга. Московская касса не стоитъ даже второю, но третью: второю является рязанская (631 т. р.); за нею идутъ въ постепенности цифръ вкладовъ, кассы московская (555 т. р.), кронштадтская (189 т. р.), ярославская, вологодская, кievская, виленская. Изъ такой послѣдовательности городовъ видно, что дѣйствіе сберегательныхъ кассъ расширяется пока еще скорѣе пропорціонально распространенности образованія и свѣдѣній о самомъ ихъ существованіи, чѣмъ пропорціонально богатству различныхъ мѣстностей. Иначе, ярославская касса не стояла бы позади кронштадтской, а вологодская касса не была бы въ числѣ первыхъ (извѣстна сравнительно высшая образованность нашихъ сѣверныхъ губерній); наконецъ—на долю одного Петербурга не приходилась бы половина всей суммы вкладовъ въ сберегательныя кассы въ Россіи!

На тотъ же выводъ указываетъ и распредѣленіе вкладовъ по отдѣленіямъ кассы въ Петербургѣ. На общую сумму бывшихъ къ 1-му января 1876 г. вкладовъ 2 милл. 574 т. р., наибольшая часть приходилась на долю отдѣленія на Васильевскомъ островѣ: тамъ живетъ много иностранцевъ, которые вѣроятно и сами обращаются въ кассу, а также товарищей и служащихъ у себя знакомятъ съ нею; затѣмъ слѣдуютъ: Коломна, Пески, Выборгская Сторона, Ямская, Шлиссельбургскій трактъ.

Теперь взглянемъ на распредѣленіе вкладовъ по сословіямъ, и увидимъ себѣ, кто наиболѣе пользуется городскими сберегательными кассами. Въ Петербургѣ, по суммѣ вкладовъ являются первыми—работники; вторыми—ремесленники и торговцы, третьими—солдаты. По числу же книжекъ первыми стоятъ торговцы, вторыми—работники. Изъ этого видно, что торговцы, обращающіеся здѣсь въ сберегательныя кассы, принадлежатъ къ разряду самыхъ мелкихъ; вѣроятно многіе изъ нихъ просто—разношники, такъ какъ размѣръ ихъ вкладовъ меньше, чѣмъ размѣръ вкладовъ рабочихъ. Стало быть, наиболѣе пользуются кассами въ Петербургѣ—работіе. Въ Москвѣ, первыми и по суммѣ вкладовъ и по числу книжекъ являются торговцы, вторыми—работники, третьими—чиновники и офицеры (по числу книжекъ эти послѣдніе незначительно превышаютъ, впрочемъ, рабочихъ). Въ другихъ городахъ, первыми вкладчиками кассъ являются по суммѣ вла-

довъ и вторыми по числу книжекъ — общества и учрежденія; вторыми по суммѣ вкладовъ и первыми по числу книжекъ — солдаты. Итакъ, въ провинціи, сверхъ обществъ и учреждений, наиболѣе пользуются кассами солдаты, которые, во-первыхъ, образованнѣе массы народа; во-вторыхъ, вѣроятно, они знакомятся своимъ начальствомъ съ существованіемъ сберегательныхъ кассъ.

Прямое практическое указаніе, какое даютъ намъ приведенные факты, состоитъ въ томъ, что необходимо всѣми мѣрами распространять свѣдѣнія о существованіи сберегательныхъ кассъ, которыя принимаютъ вклады, начиная отъ 25 копѣекъ, и платятъ по нимъ хотя три процента, но при нарастаніи взносовъ до ста рублей сами обращаютъ ихъ въ 5-ти-процентныя бумаги и хранятъ эти бумаги, что чрезвычайно важно для людей, не имѣющихъ возможности ни покупать бумаги съ увѣренностью, ни хранить ихъ съ безопасностью. Намъ кажется, что о существованіи сберегательныхъ кассъ и о главныхъ ихъ правилахъ, должны бы быть вывѣшены объявленія на улицахъ, въ наиболѣе людныхъ мѣстностяхъ городовъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, по желѣзнымъ дорогамъ и т. д. Между тѣмъ, намъ никогда не случилось встрѣчать на нашихъ улицахъ подобныхъ объявленій о дѣйствіяхъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Обращаясь съ вопросами по этому дѣлу къ лицамъ весьма компетентнымъ, мы получили даже не совсѣмъ понятный для насъ отвѣтъ, а именно, что это едва ли будетъ разрѣшено, что въ Москвѣ, напримѣръ, подобное объявленіе на улицахъ было снято, что въ уѣздныхъ казначействахъ просто отказываютъ простому народу въ примѣ сбереженій, чтобы избавить себя отъ лишней работы, а въ концѣ года получается отъ многихъ изъ нихъ законическій отвѣтъ: „вкладовъ не было“. Интересно было бы провѣрить такіе слухи и рассказы. При широкой публикаціи, при дѣятельномъ участіи уѣздныхъ казначействъ и думъ, мы увѣрены, что годовое сбереженіе 80-милліонной націи выразилось бы не 5-ю милліонами рублей въ годъ, и эта цифра, мы увѣрены, свидѣтельствуетъ не объ отсутствіи въ нашемъ народѣ добраго качества бережливости, а о недостаткахъ организаціи самого дѣла сберегательныхъ кассъ. Иначе пришлось бы заключить, что у насъ на одного человѣка приходится сбереженія не болѣе шести копѣекъ въ годъ!!

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

12/24 февраля, 1877.

ШКОЛА И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ВО ФРАНЦИИ.

Я слышалъ, что у васъ, въ Россіи, знаютъ уставы нашихъ учебныхъ заведеній, но знаютъ ли самую жизнь французскихъ лицеевъ и коллежей (гимназій), какъ она сложилась на основаніи этихъ уставовъ? Каковы наши ученики? Каковъ персоналъ учителей, уровень обученія? Какую при этомъ играетъ роль религія? Однимъ словомъ, что выходитъ изъ молодого человѣка, по окончаніи имъ выпускного экзамена?— Вотъ вопросы, съ которыми иностранецъ могъ бы обратиться ко мнѣ, и на нихъ-то я постараюсь отвѣтить. Но, по принятому мною обычаю, я буду говорить обо всемъ этомъ на основаніи собственныхъ наблюденій, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія. Я расскажу то, что я видѣлъ, и думаю, что живые образы убѣдительнѣе всевозможныхъ диссертаций. Итакъ, пусть это будетъ страница изъ моей жизни. То, что происходило въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ я выросъ,—происходитъ и теперь еще во всѣхъ заведеніяхъ Франціи.

I.

Коллежъ города А*—одинъ изъ хорошихъ провинціальныхъ коллежей. Городъ имѣетъ юридическій факультетъ и пользуется давнишней репутаціею, какъ литературною, такъ и научною. По этой причинѣ и коллежъ весьма переполненъ. Насъ было тамъ около 400—цифра почтенная для отдаленной провинціи, въ старинномъ городѣ, уединенномъ и мертвомъ, гдѣ на мостовой растетъ трава. Я помню своихъ товарищей. Одни были изъ того же самаго города, какъ и я. По ббльшей части это—дѣти адвокатовъ, стряпчичь, нотариусовъ, медиковъ. Всѣ они должны были, волею-неволею, унаследовать потомъ практику и бюро своихъ отцовъ, и пошли по дорогѣ, проложенной. Они остались въ своей сферѣ. Послѣ коллежа—школа правъ, а послѣ того ихъ ожидало положеніе, заранѣе определенное. Я долженъ замѣтить, что въ этой группѣ учащихся было болѣе всего глѣбняевъ. Имъ представлялась жизнь уже разжеванной, и къ чему, думали они, ломать голову, когда имъ не нужно для достиженія цѣли дѣлать и малѣйшихъ усилій. Нѣтъ надобности въ большой

учености, чтобы сохранить отцовскихъ кліентовъ. По окончаніи шеолы, имъ предстоитъ только усѣсться въ старое, семейное кресло, передъ бюро, за которымъ еще дѣдъ положилъ основаніе своей фортунѣ. Наконецъ, съ экзаменами можно такъ или иначе справиться, а разъ экзамены покончены, сила будетъ уже не въ наукѣ. Не знаю, разсуждали ли такъ будущіе нотариусы или стряпчіе, но вѣрно то, что они по бѣльшей части были лѣнтяи, а впоследствии это насколько не мѣшало имъ мастерски вести свое дѣло.

Были у насъ также дѣти купцовъ, мелкихъ торговцевъ, даже дѣти подрядчиковъ и рабочихъ, ставшихъ хозяевами. Во Франціи есть общее стремленіе къ обученію, и въ Парижѣ, и въ провинціи. Случилось кому-нибудь зашибить копѣйку,—онъ тотчасъ же стремится помѣстить своихъ дѣтей въ коллежъ. Выскочки, самыя безграмотныя, вчера разбогатѣвшіе, руки которыхъ носятъ еще слѣды ихъ грубаго ремесла, мечтаютъ для своего потомства о какомъ-нибудь общественномъ положеніи, и особенно толкаютъ свои дѣтища въ адвокатуру, которая, какъ говорятъ, въ наши дни ведетъ всюду. Впрочемъ, выросшіе среди нарождающейся фортуны своихъ отцовъ, такіе ученики ничѣмъ не отличались отъ дѣтей нотариусовъ и докторовъ. Они имѣли такую же тонкую и бѣлую кожу, и только широкія ступни и толстыя руки изобличали ихъ происхожденіе. Между ними, помню, было нѣсколько хорошихъ учениковъ. По бѣльшей части они не легко воспринимали идеи, но нѣкоторые изъ нихъ, по-видимому, сознавали необходимость образованія, необходимость трудомъ подняться на высшую общественную ступень. Они зарывались въ книги, съ твердымъ намѣреніемъ не оставаться слесаремъ или харчевникомъ, какъ ихъ отцы. Двое или трое изъ нихъ достигли отличнаго положенія. Но другіе не вознаградили своихъ отцовъ за всѣ пожертвованія. Они просто расчитывали на ихъ деньги: мамѣ работаетъ, изъ-за чего же ломать голову надъ греками и латинью; чтобы насладиться оставленнымъ наслѣдствомъ, они всегда будутъ достаточно учены. Многіе даже не кончали курса; ихъ брали изъ латинскаго класса и переводили въ коммерческій, оставивъ всѣ помыслы объ адвокатурѣ: родители разсуждали при этомъ, что для веденія со-временемъ своего дома сыновьямъ достаточно знать немного ариметики и грамматики. Впоследствии, я встрѣчалъ многихъ изъ нихъ школьныхъ товарищей въ мелкой торговлѣ и промышленности: одинъ фабрикуетъ водку, другой сдѣлался портнымъ, третій торгуетъ посудой. Изъ всего, чему они учились въ коллежѣ, я замѣтилъ, что они страннымъ образомъ удержали въ памяти отрывки изъ одного Буало; а водочный фабрикантъ—такъ тотъ знаетъ наизусть все „le Repas ridicule“.

Но самые типичные ученики являлись въ намъ изъ сосѣднихъ департаментовъ—Вара и Нижнихъ-Альпъ. Ежегодно спускались съ горъ цѣлыя группы мальчиковъ, рослыхъ, въ подкованныхъ башмакахъ, съ загорѣлымъ лицомъ. Это были по бѣльшей части сыновья разбогатѣвшихъ фермеровъ, или дѣти торговцевъ, нажившихся въ глуши какого-нибудь горнаго мѣстечка. Впрочемъ, и дѣти ихъ нотариусовъ и аптекарей имѣли въ этой средѣ дикій видъ горныхъ жителей, котораго нельзя было никогда сгладить. Все это служить только новымъ доказательствомъ того, что во Франціи стремленіе къ образованію повсемѣстно. Въ такихъ захолустяхъ не было крестьянина, который бы не желалъ сдѣлать изъ своего сына—*shop-іеиг*. Правда, дѣти мало удовлетворяли этому желанію. Почти всѣ они имѣли черепъ такой же твердый, какъ и скалы, на которыхъ они выросли. Многіе изъ нихъ обнаруживали полнѣйшее отвращеніе къ книгамъ. Я зналъ одного: въ его голову не могло проникнуть и трехъ идей. Онъ проводилъ свое время въ тяжеловѣсномъ спокойствіи быка, переваривающаго пищу. У него были огромные глаза, которые онъ уставлялъ на учителя, какъ будто что-нибудь понималъ; а когда его спрашивали,—видно было, что онъ и не слушалъ. Такъ провелъ онъ шесть лѣтъ въ коллежѣ. Я увѣренъ, что по выходѣ изъ школы онъ былъ несравненно глупѣе, чѣмъ при поступленіи въ школу! Конечно, не всѣ были такъ ограничены, но умные мальчики составляли между ними исключеніе. Едва ли кто изъ нихъ достигъ значительнаго общественнаго положенія. Нѣкоторые купили себѣ мѣста нотариусовъ въ отдаленныхъ деревняхъ. Какъ оказывается, необходимо три или четыре поколѣнія, чтобы усовершенствовать расу и развить умственные способности въ средѣ этихъ людей тяжелаго труда. Я говорю такъ вообще: исключеніе возможно всегда, и гений можетъ родиться въ семьѣ свинопаса.

Городъ А*—древній административный центръ, гдѣ и до сихъ поръ процвѣтаетъ старая бюрократическая знать. Эта знать замыкается въ себѣ и не смѣшивается съ другими классами. До послѣднихъ лѣтъ въ этомъ городѣ оставались очень замѣтными его социальныя клѣтки. А потому благородныя фамиліи не отдавали своихъ дѣтей въ коллежъ. Это считалось неловкимъ. Къ тому, и религиозное обученіе въ коллежѣ не процвѣтало: тамъ выполняли только то, что строго требуется католичествомъ,—и ничего больше; а причащеніе по большимъ праздникамъ предоставлялось на волю. Благородныя фамиліи, гдѣ всѣ ханжи или прикидываются такими, брали для воспитанія дѣтей нѣкоторые изъ религиозныхъ домовъ въ окрестностяхъ; коллежъ, содержимый іезуитами, льѣ въ тридцати отъ города, былъ особенно посѣщаемъ. Есть въ городѣ еще маленькая

семинарія; тамъ благочестивные родители обучаютъ дѣтей латини въ низшихъ классахъ. Итакъ, воспитанники изъ благородныхъ—рѣдкость въ коллежѣ города А*. Въ мое время можно было насчитать не болѣе десяти. Говорятъ, что теперь это число растетъ съ каждымъ годомъ. Во Франціи давно уже совершилось смѣшеніе сословій, но завершиться оно можетъ только общимъ образованіемъ для всѣхъ.

Нѣтъ ничего интереснѣе для изученія, какъ этотъ маленькій міръ въ коллежѣ. Я показалъ, откуда вышли различныя группы учащихся въ немъ—дѣти адвокатовъ, нотаріусовъ, купцовъ, крестьянъ; это—микроскопъ самого общества, самая демократическая смѣсь, о какой можно только мечтать. Плата за пансіонъ дѣлаетъ ихъ всѣхъ равными: всякій платитъ то же и пользуется за то тѣмъ же, чѣмъ и всѣ. Дѣйствительно, коллежъ—республика въ миниатюрѣ; элементъ демократическій преобладаетъ, и если что беретъ иногда перевѣсъ, то это также—здоровый кулакъ. Диктаторъ на дворѣ всегда какой-нибудь коренастый, рослый малый, кто дальше прыгнетъ и сильнѣе броситъ мячъ. Это—картина примитивнаго общества. Въ глубинахъ дѣтства высказывается уже будущій человѣкъ, и ребенокъ имѣетъ только то преимущество, что не умѣетъ ничего скрывать: онъ и на непріятеля бросается прямо и кусаетъ его. Школьный міръ вообще представляетъ много любопытнаго для наблюденія надъ человѣческой природой во всей ея первобытности, и это дѣлаетъ жизнь въ коллежѣ неопѣвненною для каждаго. Если у кого есть одинъ сынъ, онъ не задумается послѣ отдать и другого въ коллежъ. Можетъ быть, дома было бы больше средствъ къ обученію; но дома онъ никогда не научится жить. Ничто не можетъ замѣнить общественнаго образованія: оно одно дѣлаетъ изъ ребенка человѣка. Когда вы отдаете сына въ коллежъ, вы его вводите прямо въ общество, только въ миниатюрѣ. Всѣ мальчики, воспитываемые дома, остаются дѣвочками. Правда, въ коллежѣ научаются и порочному; но ребенокъ, испортившійся въ коллежѣ, найдетъ возможность къ тому и дома. Въ школѣ изъ него выйдетъ по крайней мѣрѣ явный негодяй, а при домашнемъ воспитаніи—замаскированный. За то коллежъ укрѣпляетъ и закаляетъ хорошую натуру. Этого достаточно.

II.

Жизнь въ коллежѣ проста и сложна вмѣстѣ. Я сохранилъ весьма живую память объ этомъ отдаленномъ времени.

Коллежъ въ городѣ А* помѣщается въ древнемъ монастырѣ бенедиктинцевъ. Огромное зданіе состоитъ изъ трехъ флигелей, заключающихъ внутри себя дворъ. Второй дворъ отдѣляется отъ перваго бассейномъ, гдѣ ученикамъ дозволяютъ лѣтомъ полоскаться одинъ

разъ въ недѣлю. Оба двора обращены къ югу, обсажены превосходными платанами; вблизи городъ, старая стѣна котораго, заросшая плющемъ, служить теперь оградой для сосѣднихъ садовъ. Въ заведеніи спальни помѣщаются по сорока кроватей; красивая столовая съ мраморными столами; капелла, съ выходомъ на улицу; великолѣпный складъ для бѣлья. Но классы тѣсны и мрачны; стѣны словно изрыты оспой, а скамейки и столы, изрѣзанные перочиннымъ ножомъ, походять на доски, обработанныя дикарями. Вообще роскоши нѣтъ, и я не припоминаю, чтобы голыя стѣны заны оскорбляли тогда мой глазъ; мои товарищи также были весьма довольны своей маленькой желѣзной кроватью и шкапикомъ — единственная дозволенная мебель, гдѣ хранились башмаки, умывальная чашка и грубый глиняный сосудъ съ водой. Помѣщеніе, какъ оно ни было неприглядно, не вызвало въ насъ никакого неудовольствія. Тѣнь платановъ лѣтомъ была весьма свѣжа. Надъ головою тянулась широкая полоса неба, а радость обоихъ дворовъ, утромъ и вечеромъ, составляло оглушительное чирканье воробьиного стада, скрывавшагося въ листьяхъ платановъ. Если мы на что жаловались, такъ это на ученье и на кухню.

Вотъ какъ проходилъ нашъ день. Лѣтомъ мы вставали въ пять часовъ, и въ пять съ половиною—зимой. При звонѣ колокола, страшно зѣвалось, всѣ потягивались, съ страстнымъ желаніемъ уйти снова подъ одѣяло. Но на мытье и одѣванье давалось четверть часа. Опоздавшій рисковалъ остаться невымывшимся на весь день. Потомъ всѣ спускались въ капеллу, гдѣ патеръ читалъ утреннюю краткую молитву—на это уходило шесть или семь минутъ.

За приготовленіемъ уроковъ оставались до половины восьмого. Въ половинѣ восьмого—отдыхъ и завтракъ изъ кусковъ хлѣба, разносимаго прислугой въ корзинкахъ; многіе изъ воспитанниковъ имѣли свою провизію, шоколатъ, пряники, фрукты—все это было терпимо. Отъ 8 до 10 ч. первый классъ. Отъ 10 ч. до полудня—уроки. Въ полдень второй завтракъ въ столовой, и продолжался онъ полчаса. Затѣмъ, главный отдыхъ въ теченіи дня до половины второго. На полчаса возвращались къ урокамъ, а второй классъ—отъ 2 до 4 часовъ. Опять отдыхъ въ полчаса съ кускомъ хлѣба. Вечернія занятія уроками продолжались отъ 4½ до 7½ часовъ, а въ 8 часовъ спать, послѣ того какъ пообедали и ходили къ капеллу на вечернюю молитву, столь же краткую, какъ и утренняя.

Такъ повторялись дни одинъ за другимъ. Эта монотонность дней, смѣнявшихся непрерывной чередой, имѣла въ себѣ что-то успокоительное. Колоколь, который звонитъ въ тѣ же часы, вполнѣдствіи начинаетъ усыплять; въ мѣстахъ заключенія, въ монастырѣ, скучно, но потомъ систематическое теченіе времени начинаетъ убавливаться. Лѣтні-

вые живутъ въ какомъ-то уснпленіи, мечтають о вакаціяхъ и съ наслажденіемъ вычеркиваютъ истекшій день въ своемъ календарѣ: есть какое-то наслажденіе для школьника казнить такимъ образомъ день и тѣмъ убѣждаться, что годъ подвигается впередъ. Труженники поглощаются своей работою, какъ благочестивые — молитвой, и недѣля быстро смѣняется недѣлей.

Два раза въ недѣлю, однако, такое теченіе жизни нарушается. Въ четвергъ всего одинъ классъ утренній; пополудни мы занимались сами и ходили гулять внѣ коллежа. По воскресеньямъ совсѣмъ не было классовъ. Въмсто того, утромъ обѣдня, а пополудни вечерня; затѣмъ ходили гулять. Остальная часть дня раздѣлялась между отдыхомъ и приготовленіемъ уроковъ. Сверхъ того, воскресенье было единственнымъ днемъ, когда дозволялось читать постороннія книги, но съ одобренія гувернера, который предварительно удостовѣрялся въ томъ, что уроки готовы; книги брались изъ библіотеки коллежа.

Наконецъ, были дни отпусковъ. Кромѣ большихъ праздниковъ церковныхъ и гражданскихъ, ученики имѣли право выходить разъ въ мѣсяцъ, если не были наказаны. Они выходятъ въ воскресенье въ 8 часовъ утра, тотчасъ послѣ обѣдни, и должны вернуться въ 8 часовъ вечера. Родители приходятъ брать ихъ и приводятъ назадъ. Я говорю это о пансіонерахъ; но, кромѣ того, есть еще полупансіонеры, проводящіе весь день въ коллежѣ до обѣда, и приходящіе. Эти послѣдніе составляютъ всегда предметъ зависти: они ѣдятъ, спятъ и готовятъ уроки дома!

Я уже сказалъ, что главнымъ предметомъ нашихъ жалобъ—была кухня; это вовсе не относится къ одному коллежу въ А*; вообще во Франціи худо кормятъ въ пансіонахъ, и особенно на югѣ. Хлѣбъ въ сухоматей за первымъ завтракомъ и къ вечеру! Въ полдень: супъ, говяжье блюдо, овощи и десертъ. Вечеромъ: два говяжьихъ блюда и десертъ. За отдѣльнымъ столомъ сидитъ 6 человекъ, и на нихъ бутылка вина. Въ отношеніи количества, этого достаточно, такъ какъ хлѣба даютъ волю; но качество плохое. Я и теперь помню отвратительныя кушанья, въ виду которыхъ я стоически набивалъ себя хлѣбомъ: наприимѣръ, какое-то странное рагу изъ трески съ признаками плѣсени, или бобы, плавающіе въ водѣ, и супы, которыхъ элементы не разложилъ бы никакой химикъ. Я оставался пять лѣтъ въ коллежѣ въ А*, и столько же лѣтъ голодалъ. Бывали у насъ и голодные бунты, съ метаніемъ графиновъ; а однажды этотъ бунтъ продолжался пять часовъ, такъ какъ матежники устроили баррикаду въ столовой и заплѣли *Marseillaise*.

Но, правду сказать, кухня осталась единственнымъ неприятнымъ воспоминаніемъ изъ моей школьной жизни. Теперь думаешь объ этихъ мизерахъ безъ всякой горечи, можетъ быть потому, что при этомъ ду-

наше о своей молодости. Потому, въ школьной жизни есть масса маленькаго счастья. Самое затворничество дѣлаетъ вамъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ нѣкое торжество. Какой восторгъ идти домой! но чтобы испытать это наслажденіе, нужно, чтобы меня предварительно занерли хорошенько. А трубочка, выкуренная секретно! а романъ, прочтенный подъ прикрытіемъ лексикона! Въ спальнѣ, когда губернёръ засыпалъ, мы, лежа на кроватяхъ, играли въ карты; лампа свѣтила тускло, и играть приходилось, не произнося ни одного слова; ничего,—играли съ величайшимъ азартомъ. А лѣтомъ, смѣльчаки перелѣзали черезъ стѣну второго двора, и таскали абрикосы и смородину въ саду директора. У меня сохранилось множество воспоминаній изъ той жизни: какъ я помню живо холодные классы осенью, когда приходилось согрѣвать пальцы собственнымъ дыханіемъ, реакцію—весною, со всѣми ея ароматами, долетавшими съ ближайшихъ полей!

Но лучшія воспоминанія относятся къ гуляньямъ по четвергамъ и воскресеньямъ. Семь отдѣленій располагались въ длину на обоихъ дворахъ; губернёръ становился во главѣ cadaго отдѣленія. Спускался инспекторъ и назначалъ мѣсто для прогулки. Потомъ, каждое отдѣленіе отправлялось въ свою сторону и проходило черезъ городъ въ открытое поле. Идти приходилось не много, чтобы найти мѣсто: городъ былъ небольшой. Какъ только отдѣленіе оставляло за собою послѣдніе городскіе дома, губернёръ давалъ знакъ, и ряды разсыпались. Тогда начиналось скитаніе вдоль большихъ дорогъ, по тропинкамъ и по берегамъ ручейковъ. Такъ мы подвигались всё въ теченіи получаса и останавливались въ какомъ-нибудь условленномъ мѣстѣ: иногда это была лужайка, поросшая травой, съ кучою деревьевъ по срединѣ;—иногда песчаный берегъ рѣки или какое-нибудь ущелье въ разсѣвшейся скалѣ. Я всегда хранилъ въ памяти эти убѣжища, гдѣ я такъ часто игрывалъ въ дѣтствѣ. Я и теперь еще вижу ихъ со всѣми подробностями; стодитъ только закрыть глаза, и предо мною растянется знакомый зеленый лугъ, перерѣзанный водяною нитью ручья, окаймленнаго тростникомъ, гдѣ мы ловили лягушекъ; или—пригорокъ, съ остатками каменоломень, а на вершинѣ его машетъ своими крыльями мельница. За спиною у губернатора продѣлывались разныя штуки, и усталые, съ потомъ на вискахъ, мы возвращались наконецъ домой; у городской черфы опять строились въ ряды; по городу шли въ порядкѣ, бросая жадные взгляды на булочныя и кондитерскія.

Говоря откровенно, нужно сознаться, что есть очень дрянная сторона въ жизни коллежа—преждевременное развитіе пороковъ. Тамъ живутъ въ кучѣ, и развращаются вмѣстѣ. Грязную пѣсню знаютъ непременно всѣ; скверный разговоръ передается всѣмъ. На эту язву я

долженъ указать. Но нельзя замѣнить ни общества дѣтей, ни общества взрослыхъ, безъ того, чтобы вскорѣ не обнаружилась зараза. Въ южныхъ коллежахъ нравственная порча выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Я вѣдь сказалъ, что въ коллежахъ научаются непосредственно самой жизни; но, увы!—научаются жизни во всемъ ея объемѣ, со всѣмъ, что въ ней есть постыднаго и печальнаго.

III.

Постараюсь, однако, привести въ порядокъ мои замѣтки, въ изложеніи которыхъ я руководжусь моими личными воспоминаніями, и перейду теперь къ персоналу гувернеровъ и учителей.

Гувернеры въ коллежѣ являются настоящими паріями, souffre-douleur; ихъ называютъ „riens“, пѣшками, они обязаны и днемъ и ночью смотрѣть за необузданною толпою учениковъ. Ихъ набираютъ различными путями. Самые интересные изъ нихъ, это — бѣдные молодые люди, сами вышедшіе изъ коллежа и неимѣющіе средствъ перейти на факультетскій курсъ. Въ такомъ случаѣ, имъ даютъ мѣста гувернеровъ; они получаютъ такимъ образомъ кусокъ хлѣба и кровъ; они также работаютъ, наблюдая за работами учениковъ. Несчастье въ томъ, что этимъ юношамъ недостаетъ часто необходимой энергіи; еще вчера они сами были учениками, и никакъ не могутъ перейти внезапно отъ роли плѣнниковъ къ роли стражи. А потому всѣ они несчастнѣйшія существа. Чѣмъ они кротче, тѣмъ менѣе ихъ уважаютъ. Ученики очень скоро начинаютъ имъ говорить „ты“, курятъ папироски подъ самымъ ихъ носомъ, все себѣ позволяютъ. Я зналъ трехъ-четырехъ, которые должны были оставить коллежъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль мученій; это были прекраснѣйшіе люди, и именно потому они и погибли. Другіе, исполнявшіе свою обязанность какъ ремесло, оставили во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, дѣтей трудно обуздывать, и для того нужна желѣзная рука; тутъ нѣтъ выбора: или ученики — тираны гувернеровъ, или гувернеръ — ихъ тиранъ. Дѣйствительно, роль тюремщика, вооруженнаго фериулой, непривлекательна. Я не могу дать здѣсь полного портрета гувернера, этого бѣднаго человѣка, безжалостнаго и внушающаго сожалѣніе, у котораго своя болячка вызываетъ ненависть, и онъ является одновременно и жертвой, и палачомъ; въ этомъ существованіи бездна горя и злобы, хаосъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, и добрыхъ, и худыхъ; надобно долго анализировать такое положеніе человѣка, чтобы быть къ нему справедливымъ. Я помню нашихъ. Одинъ былъ изъ учителей какой-то маленькой школы; худощавый, съ ухватками аббата, любитель прохлательнаго табаку, онъ самоотверженно переносилъ

всѣ шутки своего отдѣленія надъ нимъ. Другой — длинный, вѣчно грязный, сѣявшій свои длинные волосы повсюду и грозившій избить всѣхъ насъ. Былъ еще такой: холодный, блѣдный какъ полотно, съ плотно стиснутыми зубами; онъ говорилъ только односложными словами, и мы его ужасно боялись. Другой — добрый малый, но вспыльчивый и до того капризный, что на него никакъ нельзя было угодить: съ нимъ не знаешь, засмѣется ли онъ, или нѣтъ. О четырехъ или пяти гувернерахъ изъ корсиканцевъ не говорю: мы считали ихъ просто разбойниками.

Учителя въ другомъ положеніи: ихъ дѣло отбыть четыре часа классной повинности въ день, и другихъ отношеній къ ученикамъ для нихъ не существуетъ. Вообще рѣдко является антагонизмъ между учителемъ и классомъ: учитель — не тюремщикъ. Я зналъ всего одного несчастнаго; онъ былъ слишкомъ добръ. Другіе же оставались на своей высотѣ, вступали въ дружбу съ прилежными и довольствовались почтеніемъ со стороны лѣтяевъ. Въ классѣ изъ сорока учениковъ, дѣла обыкновенно шли, напримѣръ, такимъ образомъ: учениковъ десятокъ работало серьезно и постоянно; столько же работало по вдохновенію, когда придетъ охота, и двадцать человѣкъ рѣшительно ничего не дѣлали. Мало-по-малу учитель забывалъ этихъ послѣднихъ; они отгѣснялись на заднія скамейки и наказывались иногда для формы. Все его вниманіе сосредоточено надъ другими, и, благодаря такому порядку вещей, добрая половина класса осуждена на безусловную гибель. Если учителей упрекали за то, они оправдывались тѣмъ, что они не могутъ придавать способностей, а съ другой стороны не могутъ посвящать всего своего времени на борьбу съ злою волею однихъ и глупостью другихъ. Имъ мало платять, имъ не изъ-за чего биться.

Умственный уровень учителей въ провинціи довольно низокъ. Они преданы своей классической рутинѣ, и не знаютъ ничего больше. Машина заведена, и сегодня она идетъ, потому что шла вчера. Программы даны и выполняются съ точностью, достойною лучшаго дѣла. Чтобы говорить яснѣе, расскажу объ одномъ исключительномъ учителѣ, котораго я помню. Онъ явился изъ Парижа, кажется. Въ нашемъ коллегѣ онъ получилъ третій классъ. Я и теперь не могу забыть нашего удивленія, когда онъ заговорилъ съ нами о современныхъ поэтахъ, о Викторѣ Гюго, де-Мюссé, Ламартинѣ: если бы онъ намъ заговорилъ о поэтахъ на лунѣ, онъ насъ изумилъ бы не болѣе. Кромѣ того, онъ зналъ множество вещей, бралъ иногда тѣмъ стихъ Виргилія или Горація и толковалъ ихъ, снабжая различными комментаріями. Однимъ словомъ, онъ прорвалъ программу и ввелъ въ преподаваніе что-то живое. Мы его очень любили. Другіе нисколько не походили на него. Они посѣдѣли на пережевыва-

нѣ своихъ собственныхъ познаній, и учили насъ такъ же, какъ, вѣроятно, учили чуть не нашихъ дѣдовъ. Въ ихъ головѣ бродили какія-то три-четыре идеи, которыми они и жили отъ октября до іюля. Замурованные въ маленькомъ городкѣ, они едва ли знали, чтó происходило вокругъ ихъ; отсюда происходилъ низкій уровень ихъ умственнаго развитія.

Но, помимо того, учителя, которыхъ я помню, были отличные люди. Ихъ можно упрекнуть только за ограниченность горизонта и за преклоненіе предъ мертвою буквою программы—и въ послѣднемъ они не были виновны: этого требовала дисциплина, такъ какъ программы министерства желѣзныя, и не безопасно было бы выступать изъ нихъ. Очень многіе изъ молодыхъ учителей, при второй имперіи, были уволены за то, что читали изъ В. Гюго и сообщали свѣдѣнія о современной жизни. Духъ обученія у насъ направленъ къ омертвленію науки. Понятно, что и учителя, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, впадаютъ въ летаргію. Иной принесетъ съ собою любовь къ красотѣ разума и слова, къ искусству, и сдѣлаетъ новую попытку; но тутъ предъ нимъ предстанетъ вопросъ о кускѣ хлѣба: надобно сдать, и человекъ начнетъ засыпать. Отъ учителей требуютъ быть такими часами, которые звонили бы одновременно по всей Франціи то же самое; для того нужно сдѣлаться механизмомъ, получающимъ толчокъ изъ центра, и такой механизмъ представляютъ наши учителя. Особенно въ провинціи, учителя, отъ долгой практики, приобрѣтаютъ тяжелую манеру людей, вращающихся въ одномъ и томъ же кругу, какъ лошадь въ манежѣ. Лицо ихъ блѣдное и утомленное, съ выраженіемъ усталаго и разсѣяннаго благоразумія. Отъ постоянного соприкосновенія съ однимъ дѣтскимъ міромъ въ нихъ самихъ обнаруживается родъ какого-то дѣтства. У нихъ дѣлается все особеннымъ, и учителя можно узнать по шляпѣ, сюртуку и манишкѣ. Имъ нужно кляваться съ особеннымъ почтеніемъ, потому что они бѣдные люди.

Конечно, не всѣ учителя по одному шаблону. Особенно рельефно выступаютъ въ моей памяти два учителя, одинъ въ шестомъ, а другой во второмъ классѣ. Первый, я полагаю, былъ нѣкогда кондитеромъ; по крайней мѣрѣ, его сынъ содержалъ одну изъ самыхъ модныхъ кондитерскихъ въ городѣ. У него была наружность толстенькаго и коротенькаго деревенскаго нотариуса; онъ носилъ длинный сюртукъ, до пятъ. Голова его была четырех-угольная, обрамленная снизу щетинистой сѣдой бородкой; на носу огромныя очки, которыми онъ, повидимому, не пользовался, такъ какъ смотрѣлъ всегда или сверхъ очковъ, или изъ-подъ нихъ. Это не былъ злой человекъ, но несносный ворчунъ, всегда въ худомъ расположеніи духа, и никогда не смѣялся. Для него міръ кончался у ограды коллежа; онъ стоялъ

твердо на стражѣ программы и не отступалъ отъ нея ни на шагъ. Но мнѣ онъ питалъ смертельную ненависть за то, что разъ, не зная урока изъ греческой грамматики, я рискнулъ объявить ему, съ открытою школьникою, что греческій языкъ ни на что не годенъ въ жизни. Откуда я взялъ это—не знаю; но мой педагогъ расхохотался неимовернымъ образомъ, и цѣлый годъ потомъ преслѣдовалъ меня за мою несчастную мысль. Оказалось, что, по его убѣжденію, всякій, кто не вѣритъ въ пользу греческаго языка, осужденъ сдѣлаться со временемъ негодлемъ.

Другой мой учитель, второго класса, былъ рослый, худощавый и съ наклономъ къ ироніи. Онъ зналъ Парижъ, гдѣ кончилъ курсъ права. Но ему было за шестьдесятъ, и потому онъ зналъ Парижъ чуть не начала этого вѣка, и оставался вѣрнымъ духу времени своей юности. Конечно, онъ, на ряду съ тѣмъ учителемъ, былъ гораздо тоньше его; но эта тонкость производила впечатлѣніе притупленной иглоки. Особенно онъ не долюбливалъ поэзіи. Въ тридцатыхъ годахъ онъ, разумѣется, выступилъ противъ романтиковъ и осмѣивалъ ихъ. Онъ любилъ повторять одну свою остроту, а именно, что если бы онъ писалъ стихи, то всегда ограничивался бы однимъ стихомъ: дѣло въ томъ, что онъ презиралъ рѣзмы. Часто онъ рассказывалъ, какъ онъ сосчиталъ въ „le Feu du ciel“—одна изъ „Orientales“ Виктора Гюго—эпитеты, и съ торжествомъ объявлялъ, что число ихъ доходить до тридцати. Далѣе этого критика его не шла. Съ учениками онъ былъ почти дерзокъ, съ наслажденіемъ наказывалъ ихъ, и дозволялъ себѣ самыя злыя шутки. И теперь еще я спрашиваю себя, чтѣ это было за человекъ,—онъ походилъ, мнѣ кажется, на скептика, который самъ не вѣрилъ тому, чему училъ, любилъ жизнь и свободу, и вымещалъ на ученикахъ то отвратительное существованіе, которое выпало на его долю. А можетъ быть, это было просто неудавшееся честолюбіе; онъ мечталъ о кафедрѣ въ Парижѣ, а попалъ навсегда въ провинцію.

Предо мною рисуются и другіе силуэты. Вотъ, маленький старичокъ, напичканный латынью, какъ полишинель отрубями, съ пискливымъ голосомъ и съ смѣшною фізіономіею, которую онъ, казалось, заимствовалъ въ какомъ-нибудь итальянскомъ фарсѣ. Онъ былъ очень силенъ въ этимологіи, и уже тридцать лѣтъ, какъ говорили, готовилъ лексиконъ, никогда не увидѣвшій свѣта. Былъ еще одинъ, рослый и красивый юноша, о которомъ ходило много шаловливыхъ легендъ; говорили, что въ него влюблены всѣ нянюшки въ городѣ, и мы его любили, но до смерти боялись, потому что онъ намъ говорилъ *ты* и всегда грозилъ задушить. Помню еще одного, очень мягкаго, но важнаго, съ величайшимъ носомъ, какой когда-либо случилось мнѣ видѣть; онъ всегда соблюдалъ свое достоинство, и въ

концѣ-концовъ былъ прекрасный человѣкъ. Наконецъ, у насъ былъ еще учитель, очень деликатный и тугой на ухо; съ нимъ мы выдѣлывали невозможныя штуки, построенныя на томъ, что онъ слышалъ только на одно ухо.

Коротко скажу объ администраціи коллежа. Директоръ завѣдывалъ всѣмъ заведеніемъ. Онъ былъ изъ Парижа и мечталъ о различныхъ улучшеніяхъ. Но это ему не удалось. Онъ оставилъ по себѣ память мота и ужасныя долги. Жена его была горделивый деспотъ. Двѣ дочери, одѣтыя по-парижски, составляли предметъ нашего изумленія. Онъ давалъ обѣды и разорялся на угощенія. За нимъ слѣдовалъ инспекторъ, въ качествѣ его помощника. Это былъ холодный и какой-то укушенный человѣкъ; о немъ говорили, что онъ былъ въ сумасшедшемъ домѣ и вылезъ—только не совсѣмъ. Когда онъ нѣсколько оживлялся, мы чувствовали желаніе спастись бѣгствомъ. Былъ еще дѣлопроизводитель по счетной части, но этотъ до насъ не касался. Но важнѣйшимъ лицомъ, послѣ всѣхъ упомянутыхъ мною, былъ швейцаръ: у него находились ключи отъ рая. Онъ кашлялъ, и умеръ послѣ въ чахоткѣ. Бѣлье и больница управлялись монахинями. Я помню одну изъ нихъ—молодая и прелестная, съ тонкими, нѣжными чертами лица, окаймленного скромно головнымъ платкомъ. Когда она показывалась въ школѣ, всѣ мальчишки глазѣли на нее съ разинутымъ ртомъ. Я увѣренъ, что для всѣхъ насъ это была первая женщина, въ которую мы были влюблены.

IV.

Таковъ былъ персоналъ коллежа. Поговорю теперь о нашихъ школьныхъ занятіяхъ.

Я уже сказалъ, что духъ обученія у насъ былъ мертвѣющій. Мы и теперь еще остаемся классиками и изъ всей жизни человѣчества допускаемъ для школьнаго обученія только пять-шесть отдаленныхъ вѣковъ, строго исключая такъ-называемыя варварскія эпохи, къ числу которыхъ относимъ и свое собственное время. Въ этомъ вся наша сила и вся наша слабость: мы вообще хорошіе латинисты и эллинисты, мы выполированы грамматикой и вскормлены литературой, уравновѣшенными и совершенными; но, съ другой стороны, мы круглые невѣжды въ исторіи и особенно въ географіи, именно потому, что эти науки слишкомъ близко касаются живого міра. Но гдѣ у насъ рельефно выразилась наша ненависть къ живой современности, это именно—то глубокое презрѣніе, которое у насъ проповѣдуютъ къ изученію живыхъ языковъ. Итальянскій и испанскій языки считались предметомъ удовольствія и предоставлялись дѣви-

дамъ. Англійскій и нѣмецкій языки признавались языками купеческихъ конторъ и мастерскихъ, а потому и предоставлялись заботамъ лавочниковъ и мастеровъ. Правда, послѣднія бѣдствія нѣскольکو потрясли старыя программы школъ; мы чувствуемъ потребность ознакомиться съ теченіемъ жизни, но какой урокъ насъ образумилъ!

Повторяю, классическій духъ и теперь все еще преобладаетъ во Франціи. Конечно, программы подверглись въ послѣднее время значительнымъ видоизмѣненіямъ. Научная часть, напримѣръ, расширяется съ каждымъ днемъ. Нѣкоторые коллежи дали даже преимущество научному образованію предъ классическимъ. Въ этомъ сѣмена нашей будущей силы. Но, говоря вообще, я могу такъ характеризовать обученіе во Франціи: до сихъ поръ оно было болѣе блестяще, чѣмъ солидно. Но такова черта и всего нашего національнаго характера. Нашъ умъ живой: онъ легко овладѣваетъ всѣмъ и всему даетъ свой отпечатокъ. Оттого наша культура въ одно и то же время блестящая и поверхностная. Мы хватаемся за все, мы восторгаемся прекраснымъ, мы угадываемъ даже то, чего въ сущности не знаемъ. Не нужно только насъ выводить впередъ, потому что тогда обнаружится наше невѣжество, прикрытое обиліемъ идей и словъ. Все это иногда очень остроумно, изысканно, великолѣпно, но иногда все это чрезвычайно пусто. Мы по преимуществу артисты, и рѣдко настоящіе ученые. Если сравнить насъ съ нашими сосѣдями, набивающими мозги колоссальнымъ количествомъ свѣдѣній, измѣряющими черепъ, какъ бочку, вмѣстимостью знаній,—то тотчасъ поймешь сущность нашего образованія и распускающійся въ его результатѣ цвѣтъ французскаго гения, можетъ быть, нѣсколько хрупкій, но свѣжій, живой и изумительно логическій во всемъ его блескѣ.

Я думаю, что нація не должна сопротивляться своему гению, а потому я не одобрилъ бы во Франціи полное и внезапное уничтоженіе школьной системы, державшейся вѣками. Мы не можемъ въ одно прекрасное утро забыть своего латинскаго происхожденія. Пусть у насъ удержатъ мертвые языки; они же кстаті служатъ упражненіемъ для пріобрѣтенія искусства изящно мыслить и писать. Но эти мертвые языки не должны царствовать нераздѣльно, и теперь даже наступила минута, когда необходимо отвести болѣе мѣсто живымъ языкамъ, исторіи, географіи. Науки (математическія и физическія), а скавалъ, завоевали уже себѣ область. А новый духъ времени самъ проникнетъ въ сословіе учащихся и мало-по-малу оживитъ ихъ.

Искусства въ нашемъ коллежѣ были въ полномъ пренебреженіи. Я не помню, былъ ли у насъ учитель танцевъ. Во Франціи учителя танцевъ вообще не въ модѣ. Однѣ дѣвицы обучаются у нихъ. Молодые же люди научаются танцевать на публичныхъ балахъ, посѣщаемыхъ ими во время курсовъ права; странная школа, гдѣ все

искусство состоитъ въ умѣннѣ вывертывать только пятку и умѣть ногою ткнуть въ носъ своей дамѣ. Музыки также нѣтъ въ нашихъ программахъ. Ходили къ намъ два учителя музыки, одинъ для фортепiano, другой—для скрипки и духовыхъ инструментовъ. Съ дюжиною учениковъ выразили желаніе учиться у нихъ за особую плату. Между тѣмъ, музыка была у насъ въ большой чести, такъ какъ директоръ возымѣлъ идею водить насъ по четвергамъ и воскресеньямъ гулять подъ музыку. Это нововведеніе взбаломутило весь городъ. Всѣ стекались на наши прогулки, и уличные мальчишки слѣдовали за нами. Тогда всѣ ученики захотѣли быть музыкантами; притомъ, музыканты пользовались нѣкоторыми привилегіями. Но все это предпріятіе оказалось мертворожденнымъ—и было скоро брошено. Наши программы удѣляли крошечное мѣсто одному искусству—рисованію: одинъ часъ въ недѣлю. Но никто не обращалъ вниманія на этотъ классъ: большинство учащихся не могло нарисовать даже носа, или уха. Учитель занимался съ двумя-тремя охотниками, а остальные увеселялись въ классѣ, какъ умѣли. На бакалавра (выпускной экзаменъ) въ коллежѣ не требуютъ рисованія; это нужно только въ специальныхъ школахъ, какъ Политехническая или Сень-Сиръ. Вотъ причина всеобщаго равнодушія къ рисованію.

Тѣлесныя упражненія въ коллежахъ также не пользуются почетомъ. Я не говорю о верховой ѣздѣ, но и простая гимнастика въ полномъ пренебреженіи. Въ моемъ коллежѣ заведена была гимнастика, когда я былъ въ четвертомъ классѣ, а до того времени ученики не были упражняемы даже въ простыхъ тѣлесныхъ движеніяхъ. Сначала намъ это было очень любопытно. Въ часы отдыха мы окружали рабочихъ и глазѣли, какъ они устраиваютъ гимнастику. Наконецъ, все было готово, и два раза въ недѣлю гарнизонный сержантъ являлся давать намъ уроки. Это былъ господинъ небольшого роста, блондинъ, съ тонкими усиками и съ голубыми глазами, улыбавшимся любезно, какъ у дѣвицы. Самъ онъ выдѣлывалъ труднѣйшія штуки, съ силою и ловкостью, приводившею насъ въ изумленіе. Но я долженъ сознаться, что весьма не многіе изъ учащихся вошли во вкусъ гимнастики. Двѣ-трети наши эти упражненія очень тяжелыми и подъ различными предлогами уклонились. Два мѣсяца спустя, по этому дѣлу практиковалась полнѣйшая терпимость: гимнастику дѣлалъ тотъ, кто хотѣлъ. Здоровьяки еще мѣрялись другъ съ другомъ, а другіе разсаживались вдоль стѣны и грѣлись спойной на солнцѣ. Разъ какъ-то мальчишъ свалился съ трапеціи и сломалъ себѣ руку: это довершило ударъ, и сержанту отказали. Гимнастику оставили для забавы, а лѣтомъ болѣе смѣлые приспособляли гимнастическія принадлежности для упомянутыхъ мною набѣговъ на абрикосы директорскаго сада.

Главною нашею страстью было купанье. Въ школѣ, мы считали великимъ праздникомъ, когда намъ дозволяли полоскаться въ бассейнѣ, отдѣлявшемъ оба двора. При его глубинѣ въ одинъ метръ мы могли научиться плавать. Иногда насъ водили на рѣку и давали на купанье полчаса. Это были самыя торжественныя минуты жизни.

Мнѣ остается еще сказать о религіозномъ обученіи въ коллежѣ. Въ программахъ, это обученіе занимало вполне опредѣленное мѣсто и не могло распространяться на счетъ другихъ предметовъ. Евреямъ и протестантамъ предоставляется самимъ заботиться о своемъ религіозномъ образованіи. Изъ католиковъ, тѣ, которые ни разу не общались, имѣютъ еженедѣльно курсъ катехизиса; другіе же, общавшіеся, имѣютъ еженедѣльный курсъ церковной исторіи. Но эти курсы въ полнѣйшемъ запущеніи. Четыре-пятихъ не слушаютъ и не учатся. Уроки по закону Божию какъ-бы нейдутъ въ счетъ, и даже лучшіе ученики прикидываются лѣнивыми; какихъ-нибудь двое или трое, съ особымъ настроеніемъ, вознаграждаютъ усилія законоучителя. По правдѣ сказать, этотъ послѣдній, видя, что его никто не слушаетъ, держится очень скромно и не настаиваетъ много; онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ всеобщаго невниманія. Однимъ словомъ, пастерь въ коллежѣ играетъ такую же роль, какъ и въ полку: его терпятъ.

Служба религіозная доведена также до своего минимума, и притомъ отправляется быстро, какъ формальность, отъ которой стараются отдѣлаться поскорѣе. Только по большимъ праздникамъ настоящая обѣдня. Уроки же изъ закона Божія предоставлены совѣмъ на произволь учашихся. Духовникъ строгъ только относительно перваго причащенія: всякій ребенокъ, до одиннадцати лѣтъ, не приступившій къ причащенію, принадлежитъ ему. Потомъ ребенокъ возобновляетъ причащеніе два или три раза въ годъ, и очень рѣдко бываетъ это продолжительно. Едва онъ достигаетъ высшихъ классовъ, какъ старается показаться неблагочестивымъ. На исповѣдь насъ водили толпою; мы не скрывали, что все это намъ наскучило и даже держали себя въ капеллѣ не съ должнымъ почтеніемъ. Многіе отказывались отъ исповѣди на-отрѣзъ; директоръ призывалъ такихъ, увѣщевалъ, но никогда не наказывалъ, такъ какъ въ коллежѣ допускалась полная свобода совѣсти. Отъ причащенія обыкновенно отдѣлывались очень легко; утромъ говорили духовнику: „Отецъ, я себя не чувствую достойнымъ и не могу приобщаться“; а другой разъ, для разнообразія, объявляли, что я-моль сегодня утромъ, позабывши, съѣлъ булку. Духовникъ, конечно, понималъ обманъ, но дѣлалъ видъ, что принимаетъ все это за чистую монету.

Итакъ, въ коллежѣ духовникъ не играетъ никакой роли, или по крайней мѣрѣ его роль ничтожна. Понятно теперь, почему клерикалы

во Франціи въ послѣднее время давали ожесточенныя битвы по вопросу о религіозномъ обученіи. Въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія юношество совсѣмъ ускользаетъ изъ рукъ патеровъ; духовенству необходимо для восстановленія своей власти подчинить себѣ новыя поколѣнія. Въ коллежахъ эти поколѣнія почерпаютъ способность анализа и критики. Обученіе, во Франціи, давно уже освободившееся отъ давленія клерикальнаго, ожидаетъ теперь только сверженія ига классицизма.

Для полноты моихъ замѣтокъ, скажу нѣсколько словъ о наградахъ и наказаніяхъ. Кромѣ наградъ въ концѣ года, выдаваемыхъ на основаніи устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, есть еще такъ-называемыя „exemptions“, увольнительныя листки, индульгенціи: они избавляютъ отъ наказанія, ими откупаются; это родъ бумажныхъ денегъ, которыми можно заплатить въ случаѣ если въ чемъ-нибудь попадешься. Такія индульгенціи выдаются первому по письменнымъ задачамъ, или за хорошія отмѣтки въ теченіи цѣлой недѣли, и т. п. Высшею индульгенціею считается та, на которую можно приобрести день отпуска домой. Кромѣ того, въ приемной есть почетная доска, на которую заносятся имена отличившихся. Этой награды очень добиваются, хотя она и не приноситъ выгоды,—изъ себялюбія: тамъ всѣ родители читаютъ имя счастливца. Наказанія составляютъ цѣлый арсеналъ и довольно сложный. На колѣни больше не ставятъ, и ферула не допускается. Всякое тѣлесное наказаніе строжайше воспрещено. Но есть скамья осужденныхъ; переписка стиховъ самое обычное наказаніе—сто, двѣсти, пятьсотъ и до тысячи стиховъ переписать изъ Буало или Расина; затѣмъ слѣдуетъ лишенія участія въ отдыхѣ, „la retenue“, диетовка въ теченіи часа, пока другіе играютъ или гуляютъ; лишеніе отпуска домой, и, наконецъ, карцеръ, ужасная сторона котораго состоитъ въ томъ, что тамъ нужно также переписать известное число стиховъ; на ночь преступникъ возвращается въ общую спальню, а утромъ снова запирается на весь день. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ, возстанія, вожаки совсѣмъ изгоняются, и это—дѣйствительно ужасное наказаніе.

Раздача годовыхъ наградъ—о, это прекрасный день! Во-первыхъ, этимъ днемъ начинаются вакаціи, дверь настезь, и тамъ—свобода! Потомъ, это—тріумфъ для увѣнчанныхъ учениковъ. По этому случаю, главный дворъ преобразуется въ приемную залу. Вдоль стѣны устраивается громадная эстрада, убранная краснымъ сукномъ, съ гирляндами и зеленью. На столѣ разложены рядами книги съ золотымъ обрѣзомъ. Мало-по-малу подъ платанами размѣщаются приглашенные родственники; прозрачный день августа клонится къ вечеру. Музыка привѣтствуетъ прибытіе властей. Мэръ города предсѣдательствуетъ, или подпрефектъ, или какое-нибудь академическое имя,

случайно заѣхавшее въ нашъ городъ. Начинаются рѣчи — учителя, директора, отвѣтъ предсѣдателя. Все это кажется безконечнымъ, и дѣти дрожатъ отъ нетерпѣнія. Но вотъ встаетъ инспекторъ и провозглашаетъ награды. Тутъ начинается шумъ, крикъ, аплодисменты, тушь оркестра. Видно только одно, какъ ученики поднимаются на эстраду и спускаются, подставляя свои розовыя щеки пергаментнымъ губамъ ученыхъ старцевъ собранія и прогуливаясь съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, который они отъ волненія забыли снять. Вотъ оркестръ кончилъ послѣднюю арію, и все поднялось. О, что это за день! дѣти тучами улетаютъ на два мѣсяца! Болѣе въ жизни я уже и не испытывалъ такого безусловнаго счастья.

V.

До сихъ поръ я говорилъ только о провинціальныхъ коллежахъ. Парижскіе лица, конечно, не совсѣмъ то. Обстоятельства моей жизни устроились такъ, что, начавъ ученіе въ провинціи, я долженъ былъ кончить курсъ въ Парижѣ, въ лицейѣ Saint-Louis. Такимъ образомъ, я снова могу говорить на основаніи собственнаго опыта.

Вотъ мои первыя впечатлѣнія изъ жизни въ столичномъ лицейѣ. Въ коллежѣ, въ А*, я былъ отличный ученикъ, одинъ изъ первыхъ въ классахъ; мнѣ удивлялись тамъ—могу теперь сказать, безъ опасенія быть обвиненнымъ въ нескромности. Вотъ почему я былъ глубоко оскорбленъ, когда въ лицейѣ, вмѣсто перваго ранга въ классѣ, я увидѣлъ себя на двадцатомъ мѣстѣ, при 60-ти ученикахъ. Очевидно, уровень обученія въ Парижѣ былъ выше, чѣмъ въ провинціи. Но я огорчился и сталъ самымъ посредственнымъ ученикомъ. Кромѣ того, мною овладѣла страсть къ литературѣ, и въ классахъ я читалъ Раблэ и Монтэна, за спиною товарищей, сидѣвшихъ впереди меня.

Въ первое время я былъ ошеломленъ всѣмъ, что видѣлъ въ лицейѣ: у доски мальчики моихъ лѣтъ отвѣчали уроки плавно и свободно, какъ будто они играли роль учителей. Они разнообразили свои отвѣты замѣчаніями: видно, что тутъ перешагнули за черту программы. Но что меня повергало въ безграничное удивленіе,—искусство ихъ, однимъ взмахомъ руки, начертить мѣломъ правильный кругъ на доскѣ. Эти круги были—само совершенство! О! наши жалкіе провинціальныя круги болѣе похожи на раздавленное айдо или лопнувшій пузырь! Когда я пробовалъ повторить эти круги, весь классъ хохоталъ, а это меня жестоко оскорбляло. Въ сущности, этотъ вопросъ о кругѣ—пустяки, но онъ вѣрно изображаетъ собою парижскаго лицеиста, блестящаго, болтуна, ловкаго во всѣхъ движеніяхъ,—и провинціальнаго ученика, тяжеловатаго, неловкаго, затрудняющагося въ выборѣ

словъ и незнающаго, куда дѣтъ руки и ноги. Можетъ быть, въ провинціи учать не менѣе солидно, но тамъ далеко до парижскаго доска.

И это очень понятно. Лицеи въ Парижѣ—тѣ же тюрьмы, но тюрьмы, въ окошечки которыхъ все же врывается городской шумъ, какому мало подобныхъ. До классовъ долетаетъ жужжаніе городской жизни. Какъ ни запирайте дверей и окошекъ, дыханіе этой жизни перелетаетъ черезъ стѣны лица. Это не то, что въ коллежѣ въ А*, куда проникаетъ также, но не дыханіе городской жизни, а дыханіе полей, которое человѣка немножко утучняетъ и убаюкиваетъ, но не будить.

Въ Парижѣ, ученикъ лица—маленькій человѣкъ. Обыкновенно онъ поджарый, слегка блѣдный. Въ дни отпуска онъ сливается съ общою гороною жизнью, курить сигары, идетъ въ театръ, лорнируетъ. Вы увидите лицеиста у столика въ кафе или въ фіакрѣ въ Булонскомъ-Лѣсу. Часто онъ совсѣмъ не носитъ мундира и одѣвается франтомъ, съ тросточкой въ рукѣ. Домой онъ возвращается съ карманами, полными фотографіей актрисъ; на слѣдующій день онъ толкуетъ въ лицей съ пріятелями о такой-то, встрѣтившейся въ Елисейскихъ-Поляхъ, или о такомъ-то артистѣ, вмѣстѣ съ которымъ онъ пилъ абсентъ. Ему въ Парижѣ все знакомо; на его подошвахъ частица города; и когда онъ ляжетъ въ лицей, ему достаточно услышать послѣдній шумъ колесъ, чтобы знать, который часъ—это часъ разѣзда изъ театровъ, часъ веселыхъ ужиновъ—когда рабочее и дѣловое населеніе уже поконитъ отъ своихъ трудовъ.

Въ Парижѣ есть еще удобство чтенія запрещенныхъ газетъ и книгъ. Каждый пансіонеръ—я говорю о лѣнливыхъ—имѣетъ свою газету, доставляемую ему приходящимъ. Весь утренній классъ тратится на чтеніе номера газеты. Это, можно сказать, выводитъ лицей совсѣмъ на улицу. Во время репетицій идутъ толки о преступленіяхъ, знаменитыхъ убійствахъ, политическихъ катастрофахъ. Романы, о которыхъ много говорятъ, пронесаются подъ пальто и довершаютъ это оригинальное свѣтское образованіе, которое дѣлаетъ изъ парижскаго лицеиста нѣчто особенное: онъ знаетъ суть жизни лучше многихъ взрослыхъ провинціаловъ.

Съ другой стороны, учителя въ лицейхъ несравненно выше нашихъ провинціальныхъ; иногда это бывають знаменитости. Отсюда, естественно, уровень обученія гораздо выше. Я не хочу этимъ сказать, что въ Парижѣ учителя болѣе свободны отъ программъ; духъ министерства вездѣ одинъ, но разница состоитъ въ авторитетѣ учителя и въ толковости преподаванія. Въ Парижѣ учитель также не рискуетъ выходить изъ программы. Мы имѣли однако въ классѣ реторика одного достойнаго человѣка, который умѣлъ обходить трудности: во время класса онъ держался классиковъ; но по окон-

чашин, когда мы обступали его кафедру, онъ иногда высказывалъ свое мнѣніе о какомъ-нибудь современномъ писателѣ или о книгѣ, о драмѣ, которая интересуетъ Парижъ. Это не было официально, и онъ считалъ себя въ правѣ сбрасывать съ себя обычную строгость.

Въ Парижѣ есть одно неудобство: классы болѣе многочисленны, чѣмъ въ провинціи. Въ А* учителя, ми видѣли, бросали добрую половину учениковъ; въ лицей же, изъ 60-ти человѣкъ, учитель обращалъ вниманіе не болѣе какъ на пятнадцать учениковъ. Три-четыре могли дѣлать, что хотѣли; ихъ даже и не наказывали. Въ Парижѣ вообще мало наказываютъ, особенно учителя,—не желая нисколько до полицейской должности въ классѣ. Онъ читаетъ свою лекцію, и тѣмъ хуже-моль для мальчугана, если онъ тѣмъ не пользуется. Я говорю это по своему опыту, потому что въ Парижѣ я сдѣлался худшимъ ученикомъ, и по недѣляжь не готовилъ уроковъ, не испытывая оттого никакихъ неудобствъ. Учителя насъ забывали совсѣмъ: мы для нихъ не существовали. Если насъ иногда спрашивали и мы ничего не знали, учитель весьма спокойно переходилъ въ другому: онъ никого не хочетъ сдѣлать умнымъ противъ его воли. Эта система не безъ достоинства; но, я думаю, ученики отъ нея много страдаютъ. Немного помешье достоинства, можетъ быть, было бы лучше. Впрочемъ, еще важнѣе другой принципъ: нужно, чтобъ классы не были такъ многочисленны; двадцать учениковъ—самое большее! На это нуженъ расходъ, но за то въ обученіи будетъ большой приходъ. Нѣтъ возможности добросовѣстно заняться шестьюдесятью мальчугановъ, изъ которыхъ большинство полагалось ничего не дѣлать.

Изъ всего мною сказаннаго легко заключить, что духъ парижскихъ лицеевъ не одинъ съ провинціальными коллежами. Парижскій духъ болѣе очерченъ, особенно тонокъ. Въ Парижѣ на ученикахъ отражается еще общественное положеніе ихъ родителей. Тамъ всѣ сословія и званія имѣютъ своихъ представителей; есть дѣти извѣстныхъ людей и какого-нибудь колбасника; дѣти съ историческими именами и дѣти изъ окрестныхъ деревень; но все это сливается въ одну вязкую массу, какой нельзя встрѣтить въ провинціи. Въ лицей я слышалъ меньше ругательныхъ словъ, и самце пороки покрываются какою-то элегантносью. Женщина играетъ уже роль въ парижскомъ лицей; въ классѣ риторики можно даже слышать разговоры о метресахъ; этого не было въ А*, но за то тамъ были другія безобразныя явленія. Конечно, я не хочу этимъ сказать, что подъ парижскимъ лоскомъ не скрываются дурныя инстинкты; но вышность всегда изящна, и въ лицействѣ уже замѣтенъ тотъ прекрасный молодой человекъ, который будетъ водить котильоны на будущихъ балахъ.

VI.

Я приступаю къ самому важному вопросу. Каково умственное состояние молодого человѣка, кончившаго курсъ въ коллежѣ?

Прежде всего нужно знать, что такое нашъ бакалавреатъ. Когда ученикъ кончилъ такъ-называемый классъ реторики, онъ приступаетъ къ (выпускному) экзамену на бакалавра. Вообще, экзамены довольно снисходительны. Они относятся ко всѣмъ предметамъ преподаванія за семь лѣтъ и состоятъ изъ устнаго и письменнаго экзамена. Но какъ всѣ экзамены, они грѣшатъ по части справедливости. Трудно въ пять минутъ, удѣленныхъ на каждого ученика, серьезно узнать дѣйствительныя его познанія, да притомъ экзаменъ долженъ ограничиваться вопросами, стоящими на билетѣ, который онъ вытянулъ; такъ что бакалавреатъ есть чистѣйшая лотерея. Мнѣ случалось видѣть, какъ плохіе ученики, благодаря случаю, проходили благополучно, и наоборотъ. Къ этому, сами экзаменаторы не отличаются строгостью, и сдѣлаться бакалавромъ—вещь не трудная.

Но вотъ нашъ юноша бакалавръ, что ему дальѣ дѣлать? Предъ нимъ различныя карьеры. Онъ можетъ поступить на факультетъ правъ или медицины; онъ можетъ пойти въ Политехническую школу или въ Сентъ-Сиръ. Въ этихъ случаяхъ бакалавреатъ есть ступень, которой нельзя миновать. Во Франціи все настроено на дипломѣ; но не въ этомъ дѣло. Необходимо разсмотрѣть бакалавра по отношенію къ нему самому, и спросить, что будетъ съ нимъ, если онъ такъ и останется бакалавромъ.

Вотъ тутъ-то и обнаруживается вся слабая сторона нашей классической системы. Въ общественномъ механизмѣ бакалавръ является совершенно лишнимъ колесомъ. Онъ провелъ семь лѣтъ въ лицѣ, онъ коснулся элементовъ всякаго рода наукъ, и тѣмъ не менѣе онъ никому не нуженъ, онъ можетъ заблудиться на мостовой, если случайно у него нѣтъ состоянія, которое помѣшало бы ему умереть съ голода. Все его знаніе состоитъ изъ общихъ идей; у него нѣтъ никакого понятія о практикѣ, онъ не въ состояніи даже вести въ порядкѣ книги, ни переписать письма на-чисто, или вообще быть пригоднымъ въ какомъ-нибудь управленіи или промыслѣ. Но что всего при этомъ забавнѣе—у него есть масса свѣдѣній, изъ которыхъ онъ не можетъ извлечь никакой пользы—все это оказывается роскошью, а необходимаго онъ лишенъ. Семь цѣлыхъ лѣтъ издержаны только для того, чтобы въ жизни придти къ такому результату. Если онъ не пойдетъ дальѣе по университетской лѣстницѣ, для него потерять весь предъидущій трудъ; онъ остается на всю жизнь какимъ-то недоученымъ,

съ обрывками свѣдѣній, которыя скорѣе затрудняютъ его, чѣмъ приносятъ пользу.

Такимъ образомъ, бакалавръ помѣщается гдѣ случится. Иногда онъ идетъ въ гражданскую службу и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенно пригупляется. Другіе бросаютъ свой дипломъ за окошко и начинаютъ жизнь сызнова, поступаютъ въ контору, стараются забыть при этомъ своихъ грековъ и латинъ, чтобъ имъ вполне удастся. Но есть между ними истинно-несчастные. Напримѣръ, я зналъ одного, которому пришлось скрывать свой дипломъ, такъ какъ мелкіе торговцы боятся бакалавровъ и отказываютъ имъ въ мѣстѣ.

Мораль всего этого та, что слѣдуетъ, наконецъ, серьезно подумать о преобразованіи нашихъ коллегей и лицеистъ. Удобно ли брать ребенка 10—11 лѣтъ, держать его въ заперти до 18 лѣтъ, а потомъ пустить на всѣ четыре стороны и сказать ему: ну, теперь дѣлай что хочешь! Можно ли расходовать всю молодость на одни чисто-литературныя и научныя спекуляціи? Безъ сомнѣнія, я допускаю, что изученіе мертвыхъ языковъ развиваетъ мыслительную способность; но можно ли при этомъ безнаказанно забывать требованія жизни? Нельзя принять ультра-радикальныхъ требованій, говорятъ обыкновенно, и подъ этимъ пустымъ предлогомъ не предпринимаютъ ничего, какъ будто, кромѣ ультра-радикальныхъ требованій, нѣтъ другихъ, которыя и вполне умѣренны и весьма доступны для осуществленія.

Наши коллеги и лица въ настоящемъ своемъ видѣ походятъ на сады, въ которыхъ произрастаютъ одни розы. Способности дѣтей развиваютъ изъ одного удовольствія совершать процессъ такого развитія. Коллежи учатъ учиться, но еще ничему не научили; ученики ихъ только приготовлены къ усвоенію окончательныхъ познаній; ихъ умъ похожъ на вспаханную глубоко землю, на которой однако ничего пока не посеяно. Если они и останутся при этомъ, то рискуютъ впасть въ прежнее невѣжество, какъ и земля хорошо вспаханная, но не засеянная, рискуетъ зарости сорной травой. Говоря такъ, я вовсе не отрицаю пользы того первоначальнаго „вспахиванія“; напротивъ, я стою за него; я часто даже замѣчалъ тѣ затрудненія, какія испытываютъ люди, лишенные литературной и научной закваски. Я спрашиваю только, не много ли тратится времени на гимнастику духа, и не обязана ли школа взять на себя не только „вспахиваніе“ нашего умственнаго поля, но и оплодотвореніе его зерномъ, практическими свѣдѣніями, взятыми изъ жизни и для жизни? Вотъ о чемъ нужно серьезно подумать у насъ, во Франціи.

Эмиль Зола.

Н Е К Р О Л О Г Ъ

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Пишу вамъ подъ впечатлѣнiемъ неожиданной для меня вѣсти, дошедшей на-дняхъ изъ Москвы.

Въ лѣсной и непроглядной глуши сѣвера, получивъ я письмо, вторымъ меня извѣщаютъ, что въ Москвѣ, въ одной изъ клиникъ при университетѣ, умеръ Александръ Ивановичъ Левитовъ, въ ночь съ 3-го на 4-ое января...

Припомнились мнѣ, при этой недоброй вѣсти, всѣ разговоры наши съ покойнымъ, рассказы его о родинѣ, дѣтствѣ, воспитанiи и о всемъ житьѣ-бытьѣ до нашей первой встрѣчи и знакомства въ Москвѣ...

Какъ теперь вижу я то село, на югѣ тамбовской губерши, о которомъ такъ много и живописно рассказывалъ мнѣ покойный. Вотъ небольшой домикъ сельскаго дьякона; передъ окнами полисадникъ, весь въ свѣжей зелени и душистыхъ цвѣтахъ яблоней, черемухи и сирени. Съ вѣжно-голубого неба привѣтливо глядитъ внешнее солнце, обливая своими золотыми лучами и домикъ съ полисадникомъ, и все село, съ окружающими его полями и ярко-зеленѣющими на нихъ всходами; въ серебристой выси мягкаго воздуха громко и весело загиваются жаворонки. Изъ-за плетня полисадника, сквозь раздвинутыя вѣтви сирени, выглядываетъ бѣловурая головка мальчика съ розовымъ личикомъ: онъ заслушался пѣсни жаворонка и вмѣстѣ засмотрѣлся на проходившихъ мимо воловъ и выступавшихъ за ними высокихъ людей, въ бѣлыхъ рубашкахъ, широкихъ и замазанныхъ дегтемъ шароварахъ, болтавшихся надъ порывѣлыми голенищами огромныхъ салоновъ.

— Саша! гдѣ ты?—раздается женскій голосъ изъ окна домика.

Мальчикъ встрепенулса.

— Мама, мама!—кричитъ Саша.—Кого я видѣлъ? Опять проходили саломъ тѣ... какъ ихъ?.. Знаешь, что съ волами-то?..

— Это, милнй, чумаки пирятинскiе, — отвѣчаетъ мать. — Да ты годи-ка въ горницу: я тебѣ хлѣбца маленькаго дамъ... Теплый у меня хлѣбець-то...

Въ „горницѣ“ мальчикъ находитъ сестеръ, которыя ужъ получили свои доли хлѣба, и маленькаго ползающаго по полу брата, съ соскою во рту. Саша присаживается къ сестрамъ. Онъ принялся за „мягкiй хлѣбець“, но ѣсть медленно; по его задумчивымъ глазкамъ видно, что въ маленькой его головѣ что-то происходитъ: мальчикъ все занимають пирятинскiе чумаки: куда они идутъ? гдѣ они жи-

зуть? Отчего у нихъ такіа темныя лица?.. Мальчишъ, то-и-знай, обращается съ вопросами къ матери, хлещущей около печки за достаточной перегородкой, отдѣляющей „горнищу“ отъ кухни; мать, насколько умѣетъ, удовлетворяетъ любознательности сына, но мальчишъ задаетъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ оказывается иногда не подъ силу простой женщины, и она только говоритъ:

— Вотъ ужъ этого я не знаю. Спроси у отца—онъ тебѣ скажетъ.

— А гдѣ татенька-то?

— Въ полѣ, родной, пахнетъ.

Лицо Сашки засвѣтилось.

— Я сейчасъ къ нему побѣгу, мама!

— Нѣтъ, ты ужъ лучше послѣ спросишь его, что тебѣ нужно; а теперь не ходи: помѣшаешь.

— А когда его спросить? Ужъ, какъ домой онъ придетъ?

— Ну, ужъ... Да нѣтъ, послѣ... Вѣдь онъ, милый, устали придетъ, ему не до того будетъ: поѣсть бы какъ поскорѣе да и спать... Ты поговори съ нимъ въ воскресенье, тогда ему свободнѣе будетъ.

Сашка опечалился. Ему хотѣлось бы узнать теперь же, сейчасъ, а тутъ—жди до воскресенья! До того времени онъ, пожалуй, и забудетъ все, а теперь бы...

— Подите-ка, дѣтки, на улицу, погуляйте, — говоритъ мать. — Вишь какой денекъ-то Богъ далъ чудесный!

Дѣти шумно поднимаются и бѣгутъ на улицу.

— Да вы не долго гуляйте, — наказываетъ имъ вслѣдъ мать: — къ обѣду-то прибѣгайте домой!

На улицѣ Саша встрѣчается съ товарищами.

— Куда?—спрашиваетъ онъ Минутку, крестьянскаго мальчугана и большого своего пріятеля.

— А мы вотъ шли всѣ къ тебѣ, — говоритъ Минутка: — давайте въ козанья ¹⁾ играть!

— Что въ козанья — на молокольню лучше полѣзете, воронь гнѣзда разорать, — предлагаетъ сынъ торговца.

— Я не пойду, — отказывается Саша: — зачѣмъ разорать гнѣзда? Маменька говоритъ — грѣхъ это... Да мнѣ и жалко воронь гнѣзда... Они кричать станутъ... Нѣтъ, я не пойду, ни за что не пойду!

— И мы не пойдемъ, — раздаются голоса дѣвочекъ.

— Въ степь, братцы, а то на рѣку? закричалъ Саша.

— И то — на рѣку, лучше на рѣку! — одобряютъ ребятишки хоромъ.

Толпа раздѣляется: одни идутъ за Сашею на рѣку, а другіе съ сыномъ торговца отправляются разорать воронь гнѣзда...

Высоко на небѣ стоитъ солнце. Вокругъ разстилается безконечная зеленая степь, разукрашенная вся цвѣтами. Все играетъ чудными

¹⁾ Козанья, возни — бабки.

красками и радуется тихой, свѣтлою радостью въ переливахъ свѣта; напоенный благоуханіемъ, вовдучь весь звенить и точно движется. А въ стороны свѣтло-синевю полосой несетъ свои тихія води рѣка.

Съ шумомъ, крикомъ и звонкимъ, далеко разносящимся смѣхомъ купаются сельскіе ребята. Надъ нихъ бѣлыми какъ левъ головѣнками, плавно и красиво машутъ крыльями бѣлыя чайки, онѣ долго носятся надъ поверхностью воды, то опускаясь и поднимаясь, то стремительно падая и качаясь на легкихъ волнахъ, хватаютъ рыбу и вновь поднимаются, и летать косою линією.

— А вонъ и другая чайка поймала рыбку! — указываетъ товарищу Саша. — Какія онѣ, чайки-то эти, бѣ-ѣлыя!

Выкупались ребята, одѣлись и съ мокрыми волосѣнками направились въ молодой тростникъ, завалились они тамъ и лежать; одинъ рассказываетъ, другіе слушаютъ... А Саша, лежа на травѣ и опершись на локотки, глядитъ на голубое ласковое небо, на широкую даль, на снующихъ чаешъ и цвѣты, и слушаетъ не перестающую звенѣть вокругъ пѣсню... Чутье прислушивается ко всему уху мальчика, внимательно смотритъ его умные глазки, и сладко бьется въ груди маленькое сердце... Сильное впечатлѣніе на душу Саши производятъ родныя картины, и глубоко западаютъ въ сердца звуки и пѣсни родины!..

Другая картина. Въ душномъ зданіи духовной семинаріи, во время рекреации, забившись въ одну изъ классныхъ комнатъ, сидятъ два семинариста: одному, бѣловуруму, лѣтъ двѣнадцать, а другому, съ темными торчащими щетвой волосами, лѣтъ тринадцать. Товарищи читаютъ романъ Диккенса: „Домби и Сынъ“; чтеніе прерывается самымъ задушевнымъ смѣхомъ: нередъ семинаристами выступилъ не кто иной, какъ знаменитый маіоръ Джозефъ Багстонъ, старичина Джозефъ Багстонъ.

— Ну-ка, Левитовъ, повтори, что говоритъ маіоръ Багстонъ, — съ трудомъ, едва удерживаясь отъ смѣха, говоритъ товарищъ съ щетинистыми волосами.

Бѣловурышъ повторяетъ, и вдругъ оба дружно врываются снова хохотать.

— А, каковъ, каковъ старикашка Джой Багстонъ?

— Хитеръ старичина, хитеръ!

Звондѣ. Товарищи закрыли книгу и поспѣшили въ классъ. Начинается сколастическое наложеніе лекціи; за лекцією слѣдуютъ вопросы. Очередь дошла до Левитова. Мальчикъ посмотрѣлъ на профессора, переглянулся съ товарищемъ и омятъ принялся глядѣть на стараго и почтеннаго ученаго.

— Что же ты, олухъ, безмолвствуешь и не отвѣчаешь на предло-

женный тебѣ вопросъ,—гнѣвно обратился наставникъ къ ученику.—
Отвѣтствуй, stultissime...

Левитовъ глядѣлъ прямо въ лицо наставника и вдругъ, самъ не
понимая, какъ случился съ нимъ такой грѣхъ, заговорилъ:

— А хитеръ старичина Джозефъ Багстонъ, хитеръ... Его не про-
ведешь...

Въ классѣ, за партами, раздался сдержанный смѣхъ...

— Что, что такое?—торопливо остановилъ его озадаченный ско-
ластикъ.—Развѣ я въ моей лекціи...

Весь классъ замеръ. Левитовъ опомнился и началъ, какъ по пи-
санному, отвѣчать на вопросъ.

— Хорошо,—сказалъ профессоръ.—Но о какомъ ты старичиѣ
мнѣ началъ, къ чему ты его приплелъ? А?

Мальчикъ покраснѣлъ весь, сконфузился и опустил глаза. Нако-
нецъ, дѣло объяснилось.

Профессоръ въ негодованіи: въ духовномъ вертоградѣ—и пи-
томцы читаютъ свѣтскія сочиненія, да еще какія сочиненія? Ро-
ман-ны, англискіе роман-ны!

Новая картина. Шестнадцати-лѣтній юноша, въ скромномъ ко-
стумѣ странника, съ котомкой за плечами и палкою въ рукахъ. Онъ
идетъ степной дорогою; путь его далекъ—онъ идетъ въ Москву...
Въ карманѣ юноши лежитъ аттестатъ, съ большой печатью; въ этомъ
аттестатѣ значитса, что „оннй“ выданъ ученику тамбовской семи-
наріи, Александру, сыну Иванову, Левитову, въ томъ, что означенный
Левитовъ съ отличными успѣхами занимался разными науками, и
уволенъ, согласно прошенію, съ философскаго отдѣленія... Кромѣ
аттестата и двухъ-трехъ паръ бѣлья да платковъ въ сумочкѣ—ника-
кого другого имущества у юноши не было...

Всѣ пятьсотъ верстъ Левитовъ прошагалъ пѣшкомъ. Шелъ онъ
учиться въ Москву, въ университетъ, полный тогда еще воспомина-
ніями о Грановскомъ, Кудряцевѣ, Рудѣ, къ которымъ присоеди-
нились уже имена Соловьева, Буслаева...

Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ то время, которое
тогда любили называть временемъ общественнаго пробужденія, но-
выхъ вѣяній, зарю будущаго... Въ это время сложилась и въ на-
редѣ пѣсня, которую мнѣ удалось записать въ Кологривскомъ уѣздѣ:

На Руси да пѣтухи поютъ,
На святой Руси Богъ день даетъ!

Въ студенческомъ кружкѣ, въ который попалъ юноша Левитовъ,
былъ и извѣстный Кельсиевъ. Сильнее вліаніе имѣлъ этотъ кружокъ
на впечатлительную и свѣжую натуру будущаго бытового писателя.
Но, кромѣ того, развитію Левитова много способствовало и знаком-

ство съ другими лицами; между ними я назову покойнаго А. А. Григорьева и А. А. Козлова, переводчика на русскій языкъ „Философiи бессознательнаго“ Гартмана. Въ то время, когда я познакомился съ Левитовымъ (1864 г.),—онъ сохранялъ еще о нихъ добрыя воспоминанiя и помнилъ ихъ такими, какими они были въ лучшую перу ихъ жизни...

Въ Москвѣ Левитовъ слушалъ лекцiи въ университетѣ и вѣкъ готовился къ экзамену, чтобы вступить въ число студентовъ. Экзаменъ онъ выдержалъ, но неступилъ въ студенты не университета, а медико-хирургической академiи, для чего онъ и перебрался въ Петербургъ.

Молодой студентъ началъ усердно посѣщать лекцiи академическихъ профессоровъ, много работалъ, какъ студентъ, и много читалъ книгъ, имѣющихъ общеобразовательное значенiе. Но любимымъ предметомъ его чтенiя была беллетристика; изъ иностранныхъ писателей онъ преимущественно любилъ англiйскихъ: Диккенсъ, Тэкверей были имъ изучены; изъ русскихъ онъ высоко чтитъ Гоголя и любилъ Тургенева. Наука и поэзiя—вотъ двѣ стихiи, въ которыхъ жилъ студентъ-медикъ Левитовъ. Все шло прекрасно: въ прошломъ, что было горькаго и невеселаго, время изгладило все, и остались одни свѣтлыя воспоминанiя о дорогой родинѣ, семьѣ и беззаботномъ дѣтствѣ; настоящее исполнено высокаго интереса и содержанiя, а будущее въ юности всегда улыбается и сулитъ такъ много хорошаго... Но печальный случай измѣнилъ все: Левитовъ, какъ говорится, попался въ „исторiю“, и былъ исключенъ изъ академiи...

Въ Шенкурскѣ, уѣздномъ городѣ Архангельской губернiи, начался новый періодъ въ жизни Левитова. Это было въ 1858 году.

Уѣздная жизнь, при отсутствiи средствъ, тяжело отразилась на характерѣ юноши. Та общественная среда, въ которую онъ при его положенiи и средствахъ могъ попасть, была способна только заразить его своими пороками. Онъ не разъ вспоминалъ объ этомъ мрачномъ періодѣ своей жизни. Скука гнала его невольно въ кругъ людей—пустыхъ, неразвитыхъ, съ пошлыми разговорами, съ плоскими шутками. Они могли предлагать ему то развлеченiе, которое имъ самимъ было доступно. Бывало, хозяинъ и хозяйка, люди добродушные, видя случаяющаго юношу, то-и-дѣло просятъ его чѣмъ-нибудь позабавиться: наливочки или водочки выкушать, закусить грибами, рижнею...

— Да выпейте, батюшка!—приставалъ хозяинъ къ „несчастнѣвому“.—Легче на сердцѣ-то будетъ. Право! А то что это: сидитъ весь вечеръ ровно убитый, сирота-сиротой... Ну-ка, вотъ, лучше выкушай!

— Не люблю,—отказывался гость.

— А ты полно упрямитесь. Видишь, я сама вѣдь налила тебѣ рюмочку! Развѣ труды мои ни за что пропадутъ!—пристааетъ хозяйка.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, увольте, — сконфузился гость и отстра-
нял отъ себя рюмку.

— Легче будетъ! Перестанетъ на сердцѣ-то гребиться. Вѣрно!
Ну-ка!.. А ты не думайши... Вотъ такъ!.. За это спасибо тебѣ, милый!
Закуси, закуси грузочками...

А погода, опять: „выпей! что такъ-то сидѣть!“ И кругомъ всѣ
тоже выпивали, да еще какъ выпивали! А ничего: веселѣе только
становилось. Отчего же и ему не выпить? Можно выпить! Хозяйка
правду сказала, что выпьешь—легче будетъ, „гребиться“ на сердцѣ
перестанетъ... Вотъ и ему теперь весело, дурныя мысли и всѣ при-
зраки улеглись... Чудесно...

Таковы пенкурскія воспоминанія Левитова, наложившія тяжелую
печать на всю его жизнь.

Въ Пенкурскѣ Левитовъ принялся за первыя свои литературныя
работы. Онъ пробовалъ свои силы и прежде, будучи еще въ Москвѣ
и Петербургѣ, но я не знаю, или не помню изъ разговоровъ, было ли
что имъ тогда окончено и напечатано. Появленіе въ печати его раз-
сказовъ и очерковъ относится къ 1860 году, но не ранѣе. Въ Пен-
курскѣ были начаты имъ „Степные очерки“, отъ которыхъ вѣетъ
какой-то необычайной свѣжестью красокъ, тоновъ и южнымъ коло-
ритомъ... Только съ переѣздомъ въ Вологду, Левитовъ въ состояніи
былъ окончить нѣкоторыя изъ начатыхъ работъ и послать, съ „ока-
зіею“, въ Москву, въ редакцію одного журнала... Въ 1861 г. Левитовъ
возвратился въ Москву. Возвращеніе это потребовало нѣсколь-
кихъ мѣсяцевъ: онъ шелъ, по обыкновенію, пѣшкомъ и безъ гроша
денегъ. Чтобы не умереть съ голоду и продолжать дальнѣйшее путе-
шествіе, онъ принужденъ былъ останавливаться въ селеніяхъ, нани-
мался писать въ волостныхъ правленіяхъ и получалъ за свой трудъ
по полтиннику въ недѣлю. Такъ онъ и дошелъ до Москвы.

Въ Москвѣ, въ 1861 г., начинается литературная дѣятельность
Левитова: онъ помѣщаетъ рядъ своихъ очерковъ изъ степной жизни
въ журналахъ: „Зритель“, „Развлеченія „Русской Рѣчи“. Появленіе
новаго таланта было съ разу замѣчено, и покойный А. А. Григорьевъ
привѣтствовалъ выступленіе его на литературную арену. Левитовъ
встрепенулся и ожилъ... Но, какъ на зло, судьба и тутъ вмѣшалась,
хотя и иначе, чѣмъ прежде. Будь Левитовъ человѣкомъ практиче-
скимъ, менѣе впечатлительнымъ и сердечнымъ, ему не трудно бы
было устранить грустныя послѣдствія своего увлеченія; но онъ былъ
слишкомъ идеаленъ, и къ тому же строго держался извѣстныхъ пра-
вилъ: онъ взялъ на себя бремя и несъ его до самой могилы... Со-
чувствуя всему свѣжому и юному, онъ скоро сталъ тяготиться мо-

сковской жизни и сильноѣ чувствовалъ потребность въ переѣздѣ въ Петербургъ.— „Здѣсь все начинается плѣсневить,—говорилъ Левитовъ раздраженно своимъ близкимъ:—тутъ сдѣлаешься или коньякомъ, или сопьешься“.

И онъ оставилъ Москву въ концѣ 1862 года. Слѣдующій затѣмъ годъ и 1863 въ литературной дѣятельности Левитова были самыми плодотворными: въ „Современникѣ“ онъ помѣстилъ одинъ изъ лучшихъ своихъ степныхъ очерковъ „Цвѣтки“ и за нимъ „Бабушку Маслеху“; въ „Библиотекѣ для Чтенія“ цѣлый рядъ очерковъ изъ московской жизни, подъ общимъ заглавіемъ: „Московскія квартиры съ мебелью“, изданныя впоследствии отдѣльно подъ заглавіемъ: „Московскія норы и труппы“ (въ послѣднемъ, 3-мъ изданіи Мамонтова — „Жизнь московскихъ закулковъ“); въ „Искрѣ“ нѣсколько очерковъ подъ псевдонимомъ *Ивана Сизова*, въ „Русскомъ Словѣ“ и др.

Петербургскій климатъ крайне дурно вліялъ на начинавшій уже слабѣть организмъ Левитова. Въ концѣ 1863 года онъ пріѣхалъ на время въ Москву, чтобы немного отдохнуть и повидаться съ знакомыми, а въ началѣ 1864 года я познакомился съ нимъ; мы вмѣстѣ тогда встрѣтили новый годъ.

Левитовъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка талантливаго, и я почувствовалъ къ нему невольную симпатію. Особенно мнѣ нравилась въ немъ какая-то задушевность, свѣжесть и что-то еще особенное, чего не встрѣчалось въ другихъ. Это „что-то“ и составляло его оригинальность. Мы съ нимъ скоро сблизились, а черезъ мѣсяцъ онъ совсѣмъ переѣхалъ ко мнѣ. Мы съ нимъ просиживали по цѣлымъ ночамъ, читали и говорили. Онъ интересовался моимъ прошедшимъ и моими настоящими занятіями, я ему рассказывалъ, что тогда читалъ, какія новыя книги вышли и т. д. Онъ всегда внимательно, даже съ какимъ-то особымъ оживленіемъ, слушалъ мои рассказы, одушевлялся и самъ принимался мнѣ рассказывать о прежней университетской жизни, академіи и людяхъ, съ которыми онъ встрѣчался и пр. Въ отношеніи ко мнѣ я замѣчалъ съ его стороны трогательную нѣжность, деликатность и бережность... Порою, я замѣчалъ въ немъ тихую грусть, онъ молча глядѣлъ на меня безъ словъ; но той раздражительности и озлобленія, которыми позднѣе отличался его характеръ, я тогда не видалъ.

Осенью 1864 года, Левитовъ распростился со мною и уѣхалъ обратно въ Петербургъ, откуда писалъ мнѣ и звалъ на житье къ себѣ. Въ журналахъ по прежнему появлялись его рассказы и очерки. Въ письмахъ своихъ Левитовъ жаловался на плохое здоровье, затруднительное матеріальное положеніе и обѣщалъ побывать въ Москву.

Дѣйствительно, Левитовъ пріѣхалъ въ Москву, но уже въ 1866

году. Онъ казался еще довольно бодрѣть, говорилъ много и смѣялся; но по временамъ уже кашлялъ и жаловался на боль въ груди. Въ Петербургѣ, рассказывалъ Левитовъ, онъ успѣлъ выдержать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя.

Съ этого прїѣзда Левитова въ Москву, въ 1866 г., начались его постоянныя лишенія и разочарованія, вмѣстѣ съ физическими страданіями, самыми острыми, самыми жгучими.

— Я усталъ,—говорилъ мнѣ Александръ Ивановичъ въ одну изъ нашихъ бесѣдъ: — мнѣ необходимъ отдыхъ. Здѣсь, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ объ этомъ нечего и думать... Довольно, будетъ ужъ съ меня *столицій*-то: слава Богу, въ заграничье-то достаточно-таки онѣ наклали мнѣ... Ахъ, братъ, на родину какъ тяжело, если бы ты зналъ!.. Стариковъ моихъ въ-живѣ ужъ нѣтъ — не хватило у нихъ силъ-мочи—перенести горе; мой Шенкурскъ убилъ и отца, и мать... Такъ и не привелось видѣться съ стариками... Теперь остались только сестра и братъ... Хотѣ бы на нихъ взглянулъ!..

Черезъ недѣлю или двѣ Левитовъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: — Забѣгалъ я новѣ утречкомъ въ канцелярію попечителя—нѣтъ ли гдѣ мѣстечка уѣзднаго учителя. Оказалось два, и одно — въ Рязскѣ. Знаешь, Рязскъ—вѣдь это ужъ почти-что моя родина: отъ Рязска до Козлова—по желѣзной дорогѣ, а тамъ—рукой подать—мое село. Хочу прошеніе подать.

— Ну, что же, въ добрый часъ!

— Боюсь: пожалуй, не дадутъ мѣста...

— Почему? Дипломъ у тебя есть...

— Не въ томъ дѣло... Шенкурскъ какъ разъ вспомнить... Нѣтъ, это дѣльцо намъ слѣдуетъ съ тобою обсудить хорошенько.

Дѣло обсудили: рѣшено было на слѣдующій день идти къ Погодину; у него въ то время жилъ нашъ общій пріятель, В. А. Дементьевъ.

-- Ты дома?—раздался у меня за дверью пѣвучій голосъ Левитова, возвратившагося ко мнѣ прямо отъ Погодина.

— Видѣлъ Погодина?—спросилъ я, бросившись на встрѣчу въ Левитову.

— Сейчас разскажу... Здорово!. Чтб, братъ, не напрасну только прешасталъ: „я, говоритъ, васъ не знаю. Какъ же я буду васъ рекомендовать?..“

— А Дементьева развѣ ты не видѣлъ?

— Дементьевъ ушелъ на свою родину... Скверны дѣла... Видно, не удастся мнѣ вырваться изъ омута столичной жизни...

Левитовъ упалъ духомъ.

— „Не робѣй, Варсонофій Петровъ!“ говорю я. — Дѣло поправить можно. Отказъ Погодина весьма помятемъ: онъ не знаетъ тебя. Завтра я самъ схожу къ нему и переговорю...

— Развѣ что такъ... Да нѣтъ, лучше ужъ не ходи: толку ниваго не видѣть.

— Увидимъ.

— Чего видѣть-то? Видно ужъ все... Не ходи!.. Если онъ и напишетъ обо мнѣ понечителю—все равно: денегъ у меня нѣтъ, и вѣхать изъ Москвы не съ чѣмъ...

Левитовъ заходилъ по комнатамъ и глядѣлъ словно убитый... Погода онъ запѣлъ своимъ тихимъ и симпатичнымъ голосомъ:

„По небу полуноча ангелъ летѣлъ“...

На другой день я былъ у Погодина. Какъ и всегда, онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, за большимъ письменнымъ столомъ, и заваленный книгами и рукописями. Сначала разговоръ у насъ шелъ въ кабинетѣ, а потомъ — на балконтѣ, о постороннихъ предметахъ. Онъ самъ вспомнилъ о вчерашнемъ посѣщеніи Левитова.

— Былъ у меня, батюшка, вчера одинъ писатель!.. Какъ его фамилія? Да, Левитовъ... Просилъ, чтобы написалъ о немъ понечителю — мѣсто ему учителя надо... Не рѣшился: не знаю, что онъ за человекъ, а ремесло его плохо рекомендуетъ: *обличитель!*.. А обличители это—знаете?

— Левитовъ — не опасайтесь, это—бытовой писатель и художникъ-поэтъ!—вступился я горячо за моего друга.

— Да вы развѣ знаете его?

— Очень хорошо.

И я рассказалъ ему о Левитовѣ.

— Не зналъ, не зналъ, батюшка!—началъ Михаилъ Петровичъ, выслушавъ меня до конца.— Не увидите ли вы его сегодня,—скажите, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ. Пусть не сердится: вѣдь, не зналъ я, совѣмъ не зналъ, кто онъ таковъ, Левитовъ... Прочитаю, нарочно прочитаю его рассказы. Хорошо, что вы сказали мнѣ о немъ.

Результатомъ второго свиданія Левитова съ Погодинымъ было то, что Погодинъ далъ письмо къ понечителю и предложилъ Левитову замнообразно денегъ, въ которыхъ тотъ нуждался.

— А нравятся мнѣ рассказы вашего Левитова,—говорилъ мнѣ послѣ Погодина:—знаетъ онъ русскій народъ. Онъ не то, что другіе модные литераторы: талантишка и на грошъ мѣдный нѣтъ, а претензіи на цѣлую гривну!.. Нѣтъ, молодецъ Левитовъ!.. Не ожидалъ я... Мастеръ своего дѣла!

Въ августѣ мѣсяцѣ Левитовъ уѣхалъ въ Рязскъ, гдѣ онъ получилъ должность учителя по предмету русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ.

Спустя недѣлю я имѣлъ отъ него письмо: Рязскъ встрѣтилъ

Александра Ивановича радушно, поспѣшилъ онъ въ квартирѣ смотрителя училища и — вѣла — доволенъ; но „чутьею только“ безпокоится по Москвѣ. Въ октябрѣ, неожиданно, Левитовъ пріѣхалъ въ Москву...

— Праздники подошли — время свободное, — объяснялъ онъ свой пріѣздъ. — Дай, думаю, навѣщу московскихъ пріятелей! Въ двѣнадцать часовъ дня сѣлъ, а вечеромъ ужъ и здѣсь. Чудесная это штука — желѣзная дорога!..

Черезъ мѣсяцъ Левитовъ опять посѣтилъ Москву, а въ концѣ декабря я получилъ отъ него письмо, которое начиналось такъ:

...„Много ошибокъ и безтактныхъ вещей дѣлалъ я на своемъ вѣку, но, говоря по всей совѣсти, онѣ положительнѣе блѣднѣютъ передъ такою великой глупостью, какъ мое поступленіе учителемъ въ Рязскъ...“ Далѣе говорилось, что причины будутъ объяснены при личномъ свиданіи; что онъ чувствуетъ теперь себя достаточно вѣрными и бодрыми, чтобы возвратиться снова къ любимымъ занятіямъ, литературѣ и т. п. „Желаніе писать, желаніе страстное охватило меня и влечетъ въ Москву. Денька чрезъ три я буду въ Москвѣ — и прямо къ тебѣ“, — оканчивалось письмо.

На рождественскихъ праздникахъ Левитовъ пріѣхалъ... А въ мартѣ 1867 года, т. е. съ небольшимъ черезъ два мѣсяца, онъ ужъ лежалъ больной въ новой екатерининской больницѣ...

Левитовъ на этотъ разъ прожилъ въ Москвѣ до половины 1868 года. Какъ и всегда, онъ знакомился и сближался съ молодежью, преимущественно съ университетскою. Въ юношескихъ бесѣдахъ проходило много времени. Бывало, всѣ волнуются, спорятъ, толкуютъ... а Левитовъ, покуривая папиросу, сидитъ въ уголку на диванчикѣ, поглаживаетъ свою русую бородку и слушаетъ, и съ лица у него не сходитъ добрая, свѣтлая улыбка... Какъ ни много онъ былъ искушенъ жизнью и людьми, сколько ни вынесъ тяжелыхъ испытаній и неудачъ, но онъ востойнно увлекался, слушая молодыхъ рѣчи, и вѣрилъ, какъ только можетъ вѣрить юноша, не успѣвшій еще оставить школьной скамейки. При всемъ томъ, Левитовъ умѣлъ всегда съ-разу опредѣлять личность и ея достоинства, и, за рѣдкими лишь исключеніями, предсказанія Левитова всѣ сбылись... Сколько пошляковъ, карьеристовъ и „дѣятелей“ вышло изъ того кружка пламенныхъ и идеальныхъ юношей, которые готовы были чуть не жизнь свою положить за идею!.. Левитовъ въ выраженіи своихъ симпатій и антипатій никогда не стѣснялся: онъ прямо и въ лицо говорилъ людямъ, чтб они есть, и высказывалъ правду въ рѣзкихъ формахъ.

Еще въ концѣ 1867 года Левитовъ снова посвятилъ себя учительской дѣятельности: онъ занялъ мѣсто въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій и давалъ уроки въ двухъ частныхъ пансіонахъ. И въ гим-

наши, и въ пансіонахъ онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе: его любили; но въ первой его дѣятельность продолжалась ровно мѣсяць, а въ послѣдней около трехъ. Къ учительскому дѣлу онъ относился добросовѣстно и съ любовью; но никакъ не могъ примириться съ мыслью, что эта дѣятельность для него вызвана лишь одной необходимостью,—необходимостью не умереть съ голода... И Левитовъ бросилъ свое учительство.

За все это время, когда Левитовъ жилъ въ Москвѣ, онъ нанималъ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ города, въ подвалѣ или какомъ-нибудь полуразвалившемся флигелѣ, гдѣ онъ терпѣливо выносилъ и холодъ, и голодъ, и много всякихъ нравственныхъ мукъ... Къ друзьямъ онъ поселялся только на время, когда подвальная жизнь и ея нравственная атмосфера грозили задушить его.

— Нѣтъ, уѣду опять въ Питеръ!—сказалъ Левитовъ,—и уѣхалъ.

Изъ Петербурга, онъ звалъ меня пріѣхать туда и пожить. Въ апрѣлѣ 1869 года я явился на его квартиру, въ Гончарной, близъ вокзала Николаевской желѣзной дороги, въ четвертомъ этажѣ большого дома, во дворѣ: жизнь та же, что и въ Москвѣ, бѣдная и полная всякаго рода лишеній; но болѣе дѣятельная. Мнѣ казалось, что и душевное состояніе Левитова было гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Живя въ Петербургѣ, Левитовъ писалъ много, тогда какъ въ Москвѣ, при лучшихъ климатическихъ условіяхъ, ему удавалось писать мало, что страшно мучило его. Въ 1869 и 1870 гг. сочиненія Левитова постоянно встрѣчались въ петербургскихъ журналахъ, „Вѣстникѣ Европы“¹⁾, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Дѣлѣ“. Всѣ близкіе радовались и ожидали, что Левитовъ скоро въ состояніи будетъ приняты за какую-нибудь большую работу.

Въ іюлѣ 1870 года я получилъ отъ него письмо: „Ѣду на родину. Проѣздомъ черезъ Москву, непременно заверну къ тебѣ. Наконецъ-то сбылись мои давнишнія мечты и желанія: я увижу родину“!.. Я самъ перадовался, прочитавши эти строки, и съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда моего друга. Я жилъ на дачѣ въ селѣ Богородскомъ (подъ Москвою). И вотъ, въ одинъ прекрасный день, въѣзжаетъ на дворъ пролетка; это былъ Левитовъ.

— Я у тебя поживу денѣчка три. Отдохну. Поговоримъ, давай не видались: чай, новостей-то, новостей сколько накопилося!..

Мы говорили безъ умолку, передавали взаимно новости другъ

¹⁾ Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны: „Безпріютный“. Шоссейные тины, картины и сцены съ натуры (май, 1870 г.); „Сельское ученіе“. Степная идиллія (февр. 1872 г.). На долю нашего журнала досталось не многое изъ литературной дѣятельности этого действительно симпатичнаго таланта, и слишкомъ скоро пришлось съ сожалѣніемъ печатать его некрологъ, написанный ставъ же дружески, сколько и правдиво.—Ред.

другу, ходили гулять въ рощу — и три дня пролетѣли незамѣтно... Онъ сообщилъ мнѣ планъ романа, который задумалъ писать; заглавіе романа будетъ такое: „Сны и факты“. Эпиграфомъ онъ возьметъ стихи Некрасова:

„Отъ лгующихъ, враздно болтающихъ,
Обагрившихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви“.

— Первую главу я ужъ началъ писать, — говорилъ Левитовъ. — Поѣду теперь на родину, поживу тамъ, отдохну и буду продолжать. Съѣзжу и на Донъ—чудесныя, братъ, тамъ мѣста!..

Но, видно ужъ такъ на роду было написано, чтобы желанія Левитова никогда не исполнялись: злая судьба не переставала надъ нимъ тѣшиться... Въмѣсто родины, ему пришлось остаться въ Москвѣ и поселиться близъ Ваганьковского кладбища, — въ коморкѣ, гдѣ ходилъ сквозной вѣтеръ и лилъ сквозъ крышу дождь. Опять жизнь полная лишений и страданій... Одинъ изъ его друзей перетасилъ его на другую квартиру, на Остоженку. Здѣсь Левитовъ окончилъ первую главу своего романа... Здоровье его еще болѣе ухудшилось; видимо, онъ ужъ началъ сомнѣваться, что не въ силахъ будетъ осуществить планъ. Въмѣсто романа, Левитовъ хотѣлъ написать повѣсть, которая была бы эпизодомъ изъ романа; заглавіе повѣсти онъ далъ: „Говорящая обезьяна“. Онъ не окончилъ и этой повѣсти; гнетущая нужда, необходимость дневного существованія вынуждали его искать денегъ. Написавши первую главу „Говорящей обезьяны“, Левитовъ отослалъ ее въ одну изъ петербургскихъ редакцій и черезъ нѣсколько дней получилъ гонораръ до напечатанія; при этомъ была возвращена и рукопись, такъ какъ не найдено было возможнымъ печатать рассказъ въ такомъ неоконченномъ видѣ. Эпиграфъ этой главы былъ взятъ изъ стихотворенія Полежаева:

„Я погибалъ!
Мой злобный гений
Торжествовалъ“...

Въ этихъ трехъ стихахъ поэта — Левитовъ какъ будто искалъ выраженія собственного своего настроенія и душевнаго состоянія...

Я не стану далѣе передавать послѣдующихъ фактовъ изъ страдальческой жизни Александра Ивановича; ограничусь общими чертами и остановлюсь на послѣднемъ годѣ жизни покойнаго.

Съ 1870 года и до самой смерти Левитовъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ; въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Петербургъ — и то на короткое время—въ 1871 году. Зимой онъ жилъ гдѣ-нибудь у Даргомиловскаго моста, въ подвалѣ, или у Ваганьковскаго клад-

бнца; дѣтомъ переселялся въ какую-нибудь подгородную деревню или Петровско-Разумовское. Здоровье его медленно, но замѣтно ухудшило; кашель сталъ повторяться все чаще и чаще. Литературныя его работы шли тихо; лучшая вещь, написанная имъ за послѣдній періодъ, помѣщена въ журналѣ „Грамотей“, и носитъ заглавіе: „Аховскій посадъ“. Главнымъ, если не единственнымъ, средствомъ къ жизни служило ему теперь изданіе его сочиненій. Въ 1875 году вышло въ свѣтъ собраніе его повѣстей, рассказовъ и очерковъ, въ объемѣ большого тома (сверхъ 800 стр.), подъ заглавіемъ: „Горе селъ, городовъ и посадовъ“. Затѣмъ третье изданіе „Степныхъ очерковъ“, въ двухъ книжкахъ, и наконецъ, большой томъ: „Жизнь московскихъ закутковъ“. Я знаю обо всемъ этомъ изъ книжныхъ объявленій, а не изъ критическихъ статей газетъ и журналовъ: такихъ, кажется, и не было вовсе. Это молчаніе печати не мало убивало бѣднаго Левитова.

— Пѣсенка моя спѣта, — горько жаловался Александръ Ивановичъ. — Меня ужъ больше и не замѣчаютъ...

И все это мучило Левитова. Съ начала 1875 года онъ началъ быстро худѣть, зловѣщій кашель мучилъ его, и онъ часто жаловался на боль въ груди.

— Видно, умирать приходится... Плохо дѣло!..

Но Левитовъ жаловался только немногимъ и близкимъ людямъ, сторонніе никогда ни слова отъ него не слышали: жизнь его пріучила къ терпѣнію и къ молчанію.

— Терпи, — говаривалъ онъ одному своему молодому и тоже небалованному жизнью другу. — Терпи до конца... Видно нашъ удѣлъ съ тобой таковъ...

И Левитовъ терпѣлъ до конца.

Дѣтомъ прошлаго года мы разстались. Въ октябрѣ я писалъ ему въ Москву и ждалъ отъ него отвѣта; но вмѣсто отвѣта пришло извѣстіе о его смерти.

Ф. Невдовъ.

д. Подвогагахъ,
29 янв. 1877.

ЗАМѢТКА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

По поводу Тургеневой „Нови“.

Еще не успѣла наша печать высвободиться благополучно изъ восточнаго вопроса, а уже предъ нею явился новый — „Тургеневскій вопросъ“. Какъ и въ восточномъ вопросѣ, „Голосъ“ началъ съ того, что посмотрѣлъ на дѣло съ „патриотической“ точки зрѣнія и далъ тонъ всей печати; притомъ онъ высказался столь же кратко, сколько и рѣшительно: произведенія-можь г. Лѣскова-Стебницева далеко оставляютъ за собою „Нови“! — такъ рѣшилъ „Голосъ“ послѣ выхода первой части романа Тургенева, а затѣмъ, за самыми ничтожными исключеніями, брань посыпалась стесcendo, и послѣ выхода второй части доросла въ „Гражданинѣ“ до патетической сцены, гдѣ изображенъ господинъ, набросившійся съ жадностью на вторую часть „Нови“, — но, увы! не дочитавъ ея, онъ бросилъ книгу на полъ, съ восклицаніемъ: „гадость, мерзость!“

Пока новый романъ И. С. Тургенева будетъ ожидать серьезной критики, изъ различныхъ литературныхъ лагерей, мы обратимъ вниманіе на одинъ тотъ фактъ, какъ отнеслись въ печати и въ обществѣ къ новому роману Тургенева, при первомъ его появленіи въ свѣтъ; а занимаетъ насъ этотъ фактъ между прочимъ и потому, что онъ напоминаетъ намъ другой фактъ изъ исторіи и нашей литературы, и нашего общества—фактъ до того аналогическій, что можно думать, будто совершившееся чуть не пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершилось не далѣе, какъ вчера: очевидно, „ничто не ново подъ луною“. То была эпоха, характеризуемая именами Булгарина и Сенковскаго. Въ такую-то эпоху, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ появился на сценѣ „Ревизоръ“ Гоголя. „Всѣ,—пишетъ Гоголь Щепкину, вслѣдъ за первымъ представленіемъ,—противъ меня. Чиновники, пожилые и почтенные, кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго... полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня“. Гоголь, впрочемъ, былъ человекъ весьма впечатлительный, и онъ не ограничился письмомъ къ другу: онъ отвѣчалъ на нападки своимъ „Театральнымъ разѣздомъ послѣ представленія новой комедіи“. Позволимъ себѣ небольшія выдержки изъ этой пьесы, — времена измѣнились, но нравы тѣ же, и тѣ же толки послѣ „Ревизора“, какіе мы встрѣтили теперь послѣ „Нови“.

Секретарь прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета въ декабрѣ 1876 года слѣдующаго содержанія:

„Со времени послѣдняго общаго собранія 12-го декабря по настоящее время комитетъ общества имѣлъ два засѣданія, въ которыхъ опредѣлено выдать двумъ лицамъ въ единовременное пособіе по 100 р. и одному 50 р.; сверхъ того, выдано одно пособіе въ 75 р., равное назначенное, вслѣдствіе наступленія условія, отъ котораго должна была зависѣть его выдача. Отклонены двѣ просьбы о пособіи и одна просьба объ изданіи на счетъ общества составленной просителемъ дѣтской книжки. Комитетъ разсмотрѣлъ при участіи Е. И. Ламанскаго, Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флита и Н. П. Шуйскаго проектъ устава ссудо-сберегательной кассы, который и будетъ сегодня предложенъ на ваше обсужденіе“.

Казначей прочелъ отчетъ о движеніи суммъ общества за декабрь мѣсяцъ 1876 г., изъ котораго видно, что къ 1 декабря въ кассѣ состояло 76,114 р. 87 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 74,125 р. и на текущемъ счету 1,989 р. 87 к. Въ теченіи декабря поступило: членскихъ взносовъ 795 р., пожертвованныхъ В. П. Гаевскимъ 1,000 р., другихъ пожертвованій 114 р., возвратъ ссудъ 2,084 р. 25 к., отъ продажи книгъ 3 р. 80 к., всего 3,997 р. 5 к. Израсходовано: на единовременныя пособія 375 р., на воспитаніе 255 р., на продолжительныя пособія 40 р., на пенсіи 1,042 р., за пересылку суммъ 17 р. 17 к., и по сбору членскихъ взносовъ 8 р. 90 к., всего 1,736 р. 7 к. Затѣмъ, къ 1 января 1877 г. состоятъ на лицо 78,375 р. 85 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 75,125 р., на текущемъ счету 3,189 р. 87 к., и наличными 60 р. 98 к.

Узнавъ изъ отчета казначея о пожертвованіи В. П. Гаевскимъ въ пользу общества 1,000 р., общее собраніе единогласно выразило ему искреннюю благодарность за это пожертвованіе.

По повѣркѣ членами общества А. С. Нѣжинскимъ и Н. П. Шуйскимъ, приглашенными къ тому предсѣдателемъ, 15-ти избирательныхъ записокъ, поданныхъ для избранія членовъ ревизіонной комисіи, избранными оказались: Э. К. Ватсонъ, М. М. Стасюлевичъ, В. Ѳ. Коршъ, Н. Н. Тютчевъ, П. Д. Боборыкинъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ и Л. А. Полонскій.

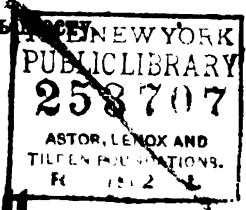
М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1877-мъ году.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1877-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

Подписная цѣна—на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 „ — „ съ доставкой на домъ.

Изгородные: 17 „ — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты
24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкомъ

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 вост. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я Лип.,
д. № 7.

НОВАЯ КНИГА:

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и
нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II.

Историческое изслѣдованіе А. Трачевскаго. Сиб. 1877. Стр. IV и 527. Ц. 2 р.

Второе изданіе:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

Въ одномъ компактномъ томѣ, съ дополненіями. Сиб. 1877. Стр. XVI и 552. Цѣна 2 руб. на простой бумагѣ, и 3 руб. 50 коп. на веленовой, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали (въ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб. 25 коп.).—Портретъ отдается особо по 50 коп. экземпляръ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

I. Смерть Іоанна Грознаго.—II. Царь Ѳедоръ.—III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. Сиб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“. Сиб. 1870. Ц. 25 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

Повѣсть время Іоанна Грознаго. Сочин. гр. А. К. Толстого. Второе изданіе. Сиб. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Сиб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Вѣлинскаго, доселѣ неваданныхъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ
въ Александровскую эпоху.

Н. В. Анисимова. Сиб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬ ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиля Зола. Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Стр. 289.
Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ позитивными рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкони. Переводъ съ французскаго. Л. Н. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. А. С. Пушкинъ.—II. М. Ю. Лермонтовъ.—III. Н. В. Гоголь.

IV. В. А. Жуковский.—V. А. С. Гривоздовъ.—VI. И. С. Тургеневъ.

Съ портретами, біографическими очерками и критическимъ отзывомъ Баллисскаго объ умершихъ писателяхъ.

75 коп. въ бумажѣ, и 1 руб. въ англійскомъ переплетѣ—каждая книга.

Всѣ шесть томовъ—4 руб. 60 коп. въ бумажѣ, и 6 руб. въ англійскомъ переплетѣ; съ пересылкою 6 руб. въ бумажѣ, и 7 руб. 50 коп. въ англійскомъ переплетѣ.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

въ ея вѣдѣніяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ

М. Стасюлевича. Спб. 1868—65. Первый томъ распроданъ. Последніе два тома: 5 руб.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр 445. Ц. 2 р.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

◆◆◆◆◆

НА-МІРУ

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ мірѣ, что въ морѣ—много всякаго...

Поговорка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Федотъ Семенычъ второе трехлѣтіе сидѣлъ старшиной въ Кривцовской волости, и пользовался общимъ почетомъ и уваженіемъ. Его уважали и любили крестьяне за разумъ, за рассудительность, за благоразумную строгость и справедливость; почитали въ немъ и человѣка замѣчательнаго, хорошаго, домовитаго крестьянина. Не въ примѣръ другимъ старшинамъ, Федотъ Семенычъ былъ человѣкъ трезвый, въ кабаки и трактиры не только не ходилъ, но и питалъ къ нимъ открытое недоброежелательство, а съ пьяныхъ, при случаѣ, высккивалъ за вину строже, чѣмъ съ трезваго. Въ этомъ отношеніи міръ съ нимъ часто не соглашался.

— Что съ пьянаго взять? нешто пьяный человѣкъ можетъ чувствовать?— осуждали иной разъ міряне Федота Семеныча:— пьяницѣ, братецъ, всякая вина въ пол-вины, потому тутъ не въ человѣкѣ причина, а въ немъ, въ этомъ самомъ винѣ—бунтъ стоитъ; оно дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Но у Федота Семеныча былъ иной взглядъ: «воли пьянъ да умень—два угоды въ немъ,—говаривалъ онъ,—а воли ты пьянъ, да еще глушишь, ну, значить и двѣ на тебѣ вины: первая—не пей до дури, а вторая—пьяный не дури. И стало быть: либо въ темную на трое сутокъ, либо получай двадцать-пять».

Было одно особенно дорогое, въ глазахъ мірянъ, достоинство въ Ѳедотѣ Семенычѣ: умѣлъ онъ ладить съ властями и не давалъ воли писарикамъ въ волости. Былъ онъ человѣкъ грамотный, и хотъ не очень бойко, но всякую бумагу разбиралъ самъ, и своимъ умомъ, а не чужимъ, писарскимъ, доходилъ до всякаго дѣла. Господа же начальство: становой, исправникъ, посредникъ—любили старшину за видъ его благообразный, за умѣнье говорить, спрашивать и отвѣчать, а главное—цѣнили въ немъ его распорядительность и ту нравственную власть, которую онъ имѣлъ надъ крестьянами своей волости, и которая облегчала господамъ исполненіе ихъ служебныхъ обязанностей, по отношенію къ Кривцовской волости. Не стояли тамъ повинности, не накондилось большихъ недоимокъ, не приглашалась полиція для того, чтобы унять разбушевавшихся, усмирить неповорныхъ, взыскать съ неисправныхъ: все это дѣлалъ и улаживалъ самъ старшина.

Урезонивая мужиковъ, Ѳедотъ Семенычъ не рѣдко имъ говорилъ: иные жалуются на господъ, что господа прижимисты, обижаютъ нашего брата... Да ты держи себя въ акуратѣ, не доводи себя до господъ-то, такъ какъ они тебя нажмутъ? Правъ свое дѣло, очищай самъ себя, и близко барина-то не подпускай къ себѣ, такъ какъ онъ тебя достанетъ?.. А извѣстно, коли ты заматался, повинности своей не несешь, у деревенскаго своего началка отъ рубль отбился, что и не знаешь что съ тобой и дѣлать, всякой съ тобой рэзвѣ потерялъ, ну, извѣстно, тогда за тебя кому же? вышнему начальству нужно приниматься... А разбери-ка, лестно ли ему, начальству-то: чѣмъ бы ему тамъ въ городу сидѣть, оволо своего семейства, да письменныя бумаги отписывать, потому и противъ него тоже свое начальство есть и прикази ему присылаютъ... али хошь и такъ сказать: чѣмъ бы барину въ своей компаніи сидѣть, да хошь бы въ карты забавляться, а онъ поѣзжай изъ-за тебя сюда за тридцать верстъ, да пробѣдайся здѣсь, да по твоимъ лавкамъ одежду три, не добъшь, не доспи путемъ, какъ ему въ привычку: ну, извѣстно, человѣкъ тоже, и почаль нажимать за то нашего брата. А ты такъ веди дѣло, чтобы баринъ-то забылъ объ тебѣ и чтобы въ отвѣтъ за тебя не былъ—онъ и сидеть въ сторонѣ, ему и подступиться къ тебѣ нельзя...

— Такъ-то, такъ, Ѳедотъ Семенычъ,—возразить ему иной разъ: такъ это точно!.. только ужъ вытянуть-то больно трудно: и оброкъ-то подай, и подушно подай, и земски подай, все подай да подай!.. очень ужъ трудно приходится, никакъ не возможно, никакъ не сообразишься.

— Знаю, что трудно, знаю!—отвѣчаетъ со вздохомъ Федотъ Семенычъ. Про то нечего говорить, что не тяжело: трудно, тяжело! Да что же дѣлать-то? не нами то уставлено, не намъ и передѣлывать. Не про то и разговорка идетъ, а про то рѣчь, что худо ли, хорошо ли, а самъ мужикъ норови себя очистить, до барина себя не допущай: все легче будетъ... Вотъ про что рѣчь...

— Да это вѣрно, это такъ точно!—соглашаются мужики, ухмыляясь и почесываясь, и несутъ послѣднія копейки въ укладку какого-нибудь срочнаго взноса.

Федотъ Семенычъ и по вѣншнему виду своему внушалъ въ себѣ почтеніе. Это былъ старикъ высокій, широкоплечій съ благообразнымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдыми кудрями, и совсѣмъ бѣлой окладистой бородой. Голубые съ красными прожилками глаза глядѣли привѣтливо и умно изъ-подъ высокаго, немного опрокинутаго назадъ лба, а вся его манера, всѣ его движенія обличали сознаніе внутренней силы, какого-то достоинства, спокойствія и увѣренности. Крестьяне признавали за Федотомъ Семенычемъ, среди всѣхъ его достоинствъ, только одинъ недостатокъ: его считали скупымъ. Но въ сущности онъ былъ свондомъ, а не скрага. Правда, онъ, какъ и всякій крестьянинъ, звалъ цѣну деньгамъ, берегъ и копилъ ихъ, рассчитывалъ каждую копейку, торговался изъ-за нея по цѣлымъ часамъ покупая и продавая, въ домѣ соблюдалъ во всемъ экономію и строгій учетъ, и жилъ хоть скромно, но не скардно.

Домъ его, одинъ изъ лучшихъ въ деревнѣ Ступиной, по крестьянскимъ порядкамъ былъ, какъ говорится, полной чашей: всякаго крестьянскаго добра было въ немъ въ волю. Федотъ Семенычъ никогда ни въ чемъ не нуждался: хлѣбъ заходилъ у него за хлѣбъ, корма скоту не покупалъ, своего ставало; всякой сбруи было вдоволь; нѣсколько десятковъ ульевъ стояло на огородѣ, одежей полны кораба, скота на дворѣ много, былъ и запасъ для нечаянныхъ гостей: и чай, и вода сладкая, и закуски даже разныя. Но самъ онъ чай пилъ только по праздникамъ, говядину ѣлъ не каждый день, одѣжу носилъ долго, не брезговалъ даже и старенькой съ заплатами; деревенскіе праздники сводилъ скромно, и такъ какъ самъ не пилъ водки, то и гостей не спаивалъ. Никогда ничего онъ не занималъ у людей, но не любилъ и въ долгъ давать; а если иногда, видя чью-нибудь крайнюю нужду, ссужалъ деньгами или хлѣбомъ по малости, то хотя росту не бралъ, за то строго наблюдалъ за своевременной отдачей и часто напоминалъ должнику объ уплатѣ.

Онъ оправдывалъ себя въ этомъ отношеніи сознаніемъ, что самъ все нажилъ своимъ трудомъ, бережливостію и расчетомъ, и крѣпко держался всю жизнь пословицы: «на чужой каравай рта не разѣвай, а пораньше вставай да свой затѣвай». Такъ онъ жилъ прежде, такъ жилъ и въ то время, когда его выбрали старшиною. Онъ не былъ никогда и мірошдомъ—уже потому, что не давалъ взаймы изъ-за процентовъ. Но мужики знали, что онъ богатъ, видѣли у него во всемъ довольство и даже избытокъ, и за скромный образъ жизни, за бережливость, за недоступность на ссуду считали скрытой—и только это одно пятно лежало, во мнѣніи крестьянъ, на достойномъ всякаго уваженія имени ихъ старшины, и этотъ недостатокъ всегда выставляли на показъ недоброжелатели Федота Семеныча, которые, разумѣется, были и у него, при мірскихъ разсужденіяхъ о личности старшины. Впрочемъ, заслуги и достоинства Федота Семеныча были такъ велики, что міръ прощалъ ему и этотъ признанный за нимъ недостатокъ скряжничества; но мірское мнѣніе отразилось на семьѣ его.

У Федота Семеныча семья была небольшая: старуха жена да единственный сынъ, Кирилла. Этотъ послѣдній составлялъ центръ всѣхъ привязанностей Федота Семеныча, его сладкихъ надеждъ и горькихъ разочарованій. Онъ былъ плодъ второго брака, родился уже въ то время, какъ отцу было за сорокъ лѣтъ, а первый бракъ Федота Семеныча не далъ ему потомства. Понятно, съ какою любовью и заботливостію берегъ отецъ этого единственного своего наслѣдника. Киришка росъ мальчикомъ красивымъ, смышленнымъ и бойкимъ. Федотъ Семенычъ радовался на него, гордился имъ и любилъ его безъ памяти, но считалъ нужнымъ воспитывать сына въ тѣхъ правилахъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ выросъ и воспитался самъ. Онъ не позволялъ себѣ баловать сына, приучалъ его къ скромности, къ труду и лишениямъ; но не такъ смотрѣла на воспитаніе единственного сына мать его, баба добрая, но недалекая, Федосья Осиповна. Она выходила замужъ съ мыслью, что будетъ женою мужа богатого, умнаго, честнаго, но скупого, какимъ славился Федотъ Семенычъ, и этотъ заимствованный, чужой, но общій взглядъ на мужа сохранила и живя за нимъ въ замужствѣ. Она пришла въ готовому уже, созданному трудами мужа богатству, желала бы пользоваться имъ по своимъ вкусамъ и понятіямъ, но встрѣтила требованіе не проживать, а беречь и заботиться объ увеличеніи скопленнаго добра. Она хоть неохотно, но подчинилась желаніямъ и требованіямъ мужа безропотно и покорно, такъ какъ знала, на что шла, и терпѣливо съ первыхъ дней замужства

примирилась съ необходимостью скромно одѣваться, не сладко ѣсть и много работать. Пока Кирилла былъ малъ, Федосья охотно даже помогала мужу копить и сберегать; она видѣла цѣль впереди, понимала, что копить для сына; но это не мѣшало ей баловать мальчишка и явно, и тайно отъ отца. По мѣрѣ того, какъ Кирилла вырасталъ, отецъ становился къ нему требовательнѣе: онъ отдалъ его на выучку грамотѣ въ сельскому дьячку, но хотѣлъ, чтобы въ свободное отъ школьной муштры время мальчишъ участвовалъ въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, какъ участвуютъ и всѣ прочіе деревенскіе подростки; не давалъ ему болтаться безъ дѣла и баловаться на улицѣ съ ребятами: онъ задался задачею воспитать въ сынѣ хорошаго, заботливаго крестьянина-хлѣбонашца. Федосья Осиповна была другого мнѣнія: она видѣла въ сынѣ будущаго владѣльца всего того добра, которое было накоплено и отъ котораго и она, и мужъ добровольно отказывались ни для кого же другого, какъ для него, для единственной радости, единственной ихъ надежды. Всѣ благоразумныя требованія отца казались ей напрасной жестокостью, напраснымъ притѣсненіемъ малолѣтка, происходящимъ ни отъ чего другого, какъ отъ жадности и скупости старика. Сначала она пробовала-было возражать мужу, спорила, плакала, упрекала его въ скупости; но видя, что это не помогаетъ, не намѣняетъ убѣжденій и намѣреній мужа, а только сердить его и дѣлаетъ еще болѣе взыскательнымъ относительно сына, она начала противодѣйствовать мужу тайно: баловала Кирилу чѣмъ и какъ только могла.

Толковый мальчишъ съ-разу понялъ, что съ одной стороны онъ видитъ только требовательность и строгость, а съ другой — и ласку, и всякое снисхожденіе, и всякое удовлетвореніе его капризовъ и прихотей. Чуть отецъ со двора, мать освобождала его отъ всякой работы, и, расчесавши его волосы, размиловавши со всей материнской нѣжностью, посылала его побѣгать и поиграть на улицѣ; съ ранняго утра она запикивала ему за пазуху и бѣлый калачикъ, и сдобный колобъ, кашки и сама не ѣла, а послѣ обѣда и сладкій пряникъ, и леденецъ, и яблоки, словомъ — чего бы только пожелалъ ея любимецъ; нерѣдко совала ему въ руку и трешникъ, чтобы купить мазовниковъ, груши и иныхъ нехитрыхъ сластей, продаваемыхъ въ развозъ прасолами. Скоро мальчишъ научился выпрашивать эти трешники, а потомъ и гривенники, чтобы проиграть ихъ въ бабки, въ возки, въ оредокъ и въ карты. Бывали случаи, что Федотъ Семенычъ, замѣчая баловство матери, дѣлалъ ей замѣчанія и внушенія; она пробовала возражать ему, спорить, упрекать его въ скупости и жестокости къ сыну; но

когда увидѣла, что эти споры ведутъ только къ тому, что отецъ увеличивалъ свою строгость и взмъсательность, она, дѣлая снѣху поблажки, давая ему потихоньку сласти и деньги, учила скрывать отъ отца, обманывать его. Эта наука пошла въ толкъ Кириллу лучше всякой другой и, выростая, онъ отлично выучился притворяться передъ отцомъ, обходить его волю и пользоваться любовью и слабостью матери въ удовлетвореніе своихъ инстинктовъ, а инстинкты эти направлялись совсѣмъ не въ ту сторону, куда желалъ ихъ направить отецъ. Еще подросткомъ Кирюшка началъ играть въ карты, пьянствовать и участвовать въ разныхъ безпутствахъ деревенскихъ сорванцовъ. Долго все это оставалось скрыто и неизвѣстно Федоту Семенычу; но однажды Кирюху привели домой изъ кабака пьянаго, въ изорванной рубашкѣ, съ разбитымъ лицомъ. Ему было въ то время 17 лѣтъ. Федотъ Семенычъ ужаснулся и огорчился, а потомъ озлобился на сына чуть не до изступленія: онъ бросился на него и сталъ бить не обращая вниманія на визгъ и вопли матери, но остановился, убѣдясь, что Кирилла ничего не сознаетъ и не чувствуетъ. Онъ отложилъ расправу до слѣдующаго дня. Расправа эта была своеобразная и жестокая. Федотъ Семенычъ увелъ сына въ пустой хлѣвъ, затворилъ и заперъ за собою дверь, оттолкнувши отъ себя и оставивъ на дворѣ воющую и плачущую жену, которая, ожидая грозы, не отходила ни на минуту отъ своего любимца.

— Съ вѣкъ пьянствовалъ? — спросилъ Федотъ Семенычъ сына глухимъ голосомъ.

— Не помню, — отвѣчалъ Кирюшка.

— На какія деньги?

— Подносили.

— Кто?

— Не помню.

Больше онъ не въ силахъ былъ ни спрашивать, ни говорить съ сыномъ; онъ началъ бить и сѣчь его арапникомъ, который принесъ съ собой. Кирилла кричалъ и божился, что больше никогда пить не станетъ; мать въ это время выла и каталась по двору, около дверей хлѣва.

Послѣ расправы съ сыномъ Федотъ Семенычъ отправился въ кабакъ.

Сидѣльцемъ былъ невысокій, рыжеватый, съ луватымъ, ухмыляющимся лицомъ мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, который недавно только принялся за свою профессію, но обѣщая изъ себя въ будущемъ хорошаго мастера. Онъ уже снискалъ расположеніе крестьянъ своей деревни, умѣлъ привлекать посѣлителей, на-

чинялъ уже ссужать деньгами и дошло спроставлять вещи передъ артельного происхожденія, продажныя и пренитыя за бездѣнскъ. Года два только еще сидѣлъ Федоръ Гавриловъ въ деревенскихъ кабацѣхъ, но приобрѣлъ уже популярностъ, такъ что не только своя деревня начала пить больше презнаго, но и изъ сосѣднихъ деревень являлись посѣтители.

Федотъ Семенычъ и безъ того уже вѣсо посматривалъ на своего кабатчика, слыша объ его подвигахъ, но теперь шелъ къ нему еще болѣе озлобленный противъ него по поводу сына. Въ то время Федотъ Семенычъ ужъ сидѣлъ старшиной, и потому Федоръ Гавриловъ не то, что боялся, а остерегался, и желалъ находиться съ нимъ въ ладахъ.

Онъ встрѣтилъ старшину почтительно и тотчасъ же смакнулъ, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Ты на что же малыхъ ребятъ пуцаешь къ себѣ пьянствовать?—спросилъ его прямо Федотъ Семенычъ, не отвѣчая даже на поклонъ кабатчика и не принимая протанутой руки.

— Какихъ такихъ малыхъ ребятъ, Федотъ Семенычъ... Мы по своей обязанности всякаго гостя принять и обласкать должны, окромя какихъ мошенниковъ али мазуриковъ: въ этомъ всегда должны остерегаться; но только что малыхъ ребятъ по нашей торговлѣ въ намъ не слѣдуетъ.

— Киришка мой цилъ вчера у тебя? прямо уже поставилъ вопросъ Федотъ Семенычъ.

— Заходить—заходить, Федотъ Семенычъ, но только что на-счетъ пьянства,—на моихъ глазахъ этого не было... Можетъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ, только не въ моей видимости...

— И водки онъ у тебя не покупалъ?

— Вотъ ужъ этого не могу вамъ въ примѣту сказать: не упомяну... Праздничнымъ дѣломъ мало-ли народу перебиваетъ... Въ точности на вашу претенвію не могу сообразиться... Къ намъ, вѣдь, кто угодно приди, хоть малый ребенокъ, коли ежели для дому купишь; бываетъ, сродственники по своимъ недосугамъ предпосылаютъ: сходи и купи, дитѣ, штефъ, али полштофа... для дома... Я не могу отказать, потому у насъ все равно, что, сказать такъ, аптека: для всѣхъ... Но чтобы ему, дитѣ, у меня, на глазахъ употреблять, и даже въ большомъ количествѣ, во вредъ себѣ—этого я не допущу, потому выйди: тамъ отвѣтъ не мой, что угодно, а здѣсь, у меня въ питейномъ, я не согласенъ.

— Съ кѣмъ приходилъ Киришка?

— Вотъ ужъ истинно не примѣтилъ, Федотъ Семенычъ, на-счетъ ихней компаніи: сами согласитесь, сообразитесь ли въ этой

публикѣ; то одинъ требуетъ, то другой, народность бываетъ большая, разговоры, веселость; только и наблюдаешь, чтобы буйства, или непотребства какого не произошло: одного уймешь, другого выпихнешь, третьему услужить надо—требуетъ. Голова кругомъ идетъ, тоже затруднительная наша часть: гдѣ тутъ всѣхъ сообразить, никакъ невозможно. Вы не будьте въ претензіи: отвѣтственности этой передъ вами сдѣлать не могу, на-счетъ съ кѣмъ приходилъ Кирилла Федотычъ... Что заходить заходить, а пить не пилъ и бралъ ли водки, и съ кѣмъ въ союзѣ присутствовалъ...

— Ты слушай,—перебилъ его Федотъ Семенычъ:—ты, чай, знаешь, я вашего брата за людей не считаю: вы, кабатчики, ровно дьяволы, на соблазнъ дамы роду человѣческому, отъ васъ народъ разоряется, люди гибнуть...

— Можеть быть, вторые прочіе, Федотъ Семенычъ,—обычно перебилъ его Федоръ Гаврилычъ,—а что на счетъ моей комплекціи...

— Всѣ вы съ одного поля, всѣхъ бы я васъ на одной веревкѣ повѣсилъ... Кабы моя воля была, всѣхъ бы я васъ, безпутковъ, перевелъ, чтобы и званія вашего не было.

— Для отечества большой бы ущербъ нанесли, Федотъ Семенычъ,—отъ насъ самая казна большой интересъ получаетъ... Да пожалуйте присѣсть, Федотъ Семенычъ: что же такъ, стоя... Водочкой, знаю, васъ просить нельзя: позвольте хоть самоварчикъ... Я на-счетъ этого предмета могу съ вами побесѣдовать... Вы внимайте въ меня... я сейчасъ самоварчикъ...

— Не шебарши ты, не егови,—прикрикнулъ разсерженный Федотъ Семенычъ:—самоварчикъ! Стану я съ нимъ чай распивать!.. Нога бы моя у тебя не была, а я вотъ къ тебѣ зачѣмъ пришелъ. Ты слушай: если ты будешь пускать къ себѣ моего Кирюшку и будешь давать ему пить водку эту... такъ я тебя выживу отсюда... Вотъ помни...

— Однако же, позвольте, Федотъ Семенычъ: конечно, что я могу его не допускать и водки ему не отпускать, но ежели черезъ другія руки... какъ же я могу отвѣтствовать?

Федотъ Семенычъ на мгновеніе остановился передъ этимъ резономъ.

— Да у васъ, дьяволовъ, всегда увертка готова,—сказалъ онъ:—только ты знай, чтобы у меня молодыхъ ребятъ ни въ кабакъ не пускать, ни водки имъ не продавать; не токма моего одного, а всѣхъ... Вотъ тебѣ и скажъ: чтобы не было...

— Этого никакъ невозможно быть, Федотъ Семенычъ:—это

неслѣдующаго требуете. Такихъ правовъ нѣтъ, чтобы намъ своей торговли рѣшаться...

— Нѣтъ, есть. Ты смотри-ка, что у насъ въ деревнѣ-то пошло: еще молоко на губахъ у парня не обсохло, еще рыло пухомъ не опухло, а онъ ужъ водку цѣдить... Это что же такое, не расслабленіе это, не развратъ?..

— Опять же это не черезъ меня, Федотъ Семенычъ: это отъ собственной слабости; качества такіа пошли развратныя отъ времени. Мы не навязываемъ...

— Нѣтъ, почитай, что навязываете, разбойники: спавываете народъ-то всячески.

— Опять же не всё: есть которые и некасающіе этого предмета, не пьющіе...—уязвилъ Федотъ Гавриловъ.—Какой въ домъ духъ и пристрастіе.

— Ну, да ладно, а ты все-жъ-таки попомни, что я тебѣ молвилъ: выживу, коли не послушаешь меня... Я всё твои художества знаю...

Федотъ Семенычъ быстро повернулся и вышелъ вонъ изъ кабака, еще болѣе разсерженный, чѣмъ пришелъ.

Но ни строгое наказаніе сына, ни предупрежденіе цѣловальника не повели ни въ чему. Федотъ Семенычъ, начавшій строже и внимательнѣе слѣдить за сыномъ, насколько позволяли ему служебныя обязанности, скоро убѣдился, что сынъ его уже сильно испорченъ нравственно, что онъ и хлѣнтяй, и шалопай, и пьяница; убѣдился и въ томъ, что онъ выманиваетъ у матери и средства на кутежи и игру. Загручинился старикъ не на шутку, когда увидѣлъ, что и строгія мѣры не исправляютъ Кирилла, а только овлабляютъ его противъ отца. Страдало его самолюбіе, его любовь, разрушались его надежды, исчезала какъ-бы цѣль жизни. Въ чему работалъ, трудился, вопилъ, отказывалъ себѣ во всемъ? Въ чему?—чтобы все имъ созданное, сбереженное, тотчасъ послѣ его смерти, пошло по вѣтру и изъ рукъ единственнаго, любимаго сына...

Болѣзненной и упорной думой его сдѣлалось исправленіе сына. Жена доказывала, что во всемъ виноватъ онъ самъ, отецъ, и его скупость, что онъ не даетъ никакой воли сыну, что сынъ не видалъ отъ него никогда рубля на гулянку, что только и слышитъ отъ отца: работай да работай, сиди дома, да промышленный,—а молодому парню, знамо, хочется и порядиться, и погулять, и себя показать, и съ людьми похоровадиться.

— До кого ни доведешь,—говорила Федосья Осиповна:—всякъ молодежь былъ, у всякаго дурь въ головѣ бродила: ты, вѣдь, только

одинъ такой выродокъ. Ну, такъ ты въ бѣдности выросъ, а опосля того тебя жадность эта съѣла. Да, и эта бѣда, что молодой парень дуритъ: знамо, съ-молода, съ крови бѣется. Не онъ одинъ,— всѣ такъ. А вотъ придетъ время, женимъ—и парень остепенится, обойдется, и дурь съ него сосочить...

Не соглашаясь съ женою ни въ чемъ, Федотъ Семенычъ, какъ за послѣднюю надежду, схватился за мысль, что Кирилла можетъ исправить женитьба, и внутренно рѣшилъ прискивать ему невѣсту и женить, какъ только выйдутъ годы.

II.

Выборъ Федота Семеныча палъ на дѣвушку изъ хорошей, хотя небогатой, но зажиточной семьи. Дѣвушка эта была годомъ старше Кириллы, не славилась красотой, но считалась скромной, степенной и работающей. Федотъ Семенычъ не справился со вкусомъ сына, да и не считалъ его способнымъ разсудить, какая ему нужна жена.

Если бы еще Кирилла былъ другой человекъ, если бы отецъ не смотрѣлъ на женитьбу сына, какъ на средство къ его исправленію, вѣроятно, онъ предоставилъ бы ему самому выбрать себѣ невѣсту, или, по крайней мѣрѣ, справился бы съ его волей и вкусомъ; но теперь было другое дѣло. Федотъ Семенычъ не говорилъ даже женѣ о своемъ намѣреніи, и самъ лично рѣшился сосватать сына. Будущій тестъ жилъ не въ ближней отъ Ступина деревнѣ, но былъ той же волости, въ которой Федотъ Семенычъ сидѣлъ старшиной. Звали его Герасимъ Дмитричъ. Это былъ мужикъ молчаливый, сосредоточенный, вѣчный труженикъ, никогда не ропшущій, покорный судьбѣ и крайне добродушный. У него была большая семья, и, пока дѣти подростали, Герасимъ Дмитричъ видѣлъ много нужды и горя, но не сѣтовалъ, работалъ же покладывая руку, молча и упорно, никому не кучился своею нуждою и проморилъ все-какъ ребятишекъ; съ тѣхъ поръ, какъ они стали подростать и начали помогать ему въ работахъ, дѣла Герасима поправлялись и благосостояніе возросло годъ отъ года. Работа и забота надломали его желѣзное здоровье, согнули его; онъ нажилъ сутулину на спинѣ и боль въ поясницѣ, и въ 55 лѣтъ смотрѣлъ совсѣмъ старикомъ, хотя глаза его и оставались всегда ласковы и привѣтливы. Онъ не переставалъ работать и теперь, несмотря на то, что старшій сынъ былъ уже женатъ, второй—женихъ, а три дочери всѣ уже работницы. Герасимъ

Дмитричъ во всю свою жизнь нигдѣ не бывалъ дальше сосѣдняго уѣзднаго города и, повидному, не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего дома, своей семьи и своей полосы. На сходахъ онъ почти никогда ничего не говорилъ, ни съ кѣмъ не задирался, но всегда приставалъ къ той сторонѣ, которую считалъ правою, чужихъ дѣлъ судить не любилъ и на деревенскихъ сходахъ горячо вступался только за свое личное право, а на волостныхъ говорилъ только тогда, когда дѣло касалось интересовъ его деревни и общества. Онъ былъ извѣстенъ и славился тѣмъ, что никогда не ругался тѣми непечатными словами, которыми такой охотникъ уснащать свою рѣчь русскій крестьянинъ. Эта особенность даже удивляла другихъ мужиковъ.

— И надо же, братецъ, вѣкъ изжить въ нашемъ мѣстѣ, безъ экого слова!—говаривали иной разъ о немъ.

— Да вотъ поди-жь ты: кажись, озолоти—не снести, а онъ вотъ свесь!

— Значить, Богъ ему помогаетъ: все отъ Бога!

— Да, знамо, отъ Бога; а вотъ, поди-ка, попытай заваяться: ни, Боже мой, не судержишься!

— Гдѣ, парень!.. Да я легче безъ соли пообѣдаю, нечѣмъ съ этимъ закаемъ день перебыть: молвишь и не въ примѣту тебѣ, а оно ужъ вонъ гдѣ, вылетѣло—поди, лови его!.. Не уберешься нигономъ родомъ!..

— Да нечего и беречься-то: пустое дѣло! не пристанеть отъ него, хоть и молвишь... эка бѣда!..

— Однако же, братецъ мой, все оно чистота, все человекъ себя соблюдаетъ... Камъ-никакъ а оно не показано и въ писаніи... Вотъ что, другъ любовный!

И несмотря на то, что Герасимъ не былъ говорунъ и крикунъ на сходахъ, что онъ, повидному, всегда уступалъ и соглашался съ другими, его не считали дуракомъ, и когда, случалось, онъ начиналъ говорить, его охотно выслушивали.

Федотъ Семенычъ, чтобы не дѣлать преждевременной и можетъ быть напрасной огласки своему намѣренію, не поѣхалъ въ домъ къ Герасиму Дмитричу, но дождался, когда тотъ самъ пришелъ въ волостное правленіе по какому-то общественному дѣлу, и, отпустивши всѣхъ, кто былъ въ волости, задержалъ Герасима.

— Присядь-ка, старикъ,—сказалъ онъ ему, когда они остались одни въ правленіи.

Герасимъ молча сѣлъ.

— Тутъ намъ никто не помѣшаетъ, писаря я отослалъ во дѣлу, сторожъ не войдетъ, пока не позову, а мнѣ нужно съ

тобой по душѣ потолковать. Только говори ты со мной ото всей души, безъ сумлѣнія, и я тебѣ буду связывать всю истинную правду.

— Ладно, буду говорить, — отвѣчалъ Герасимъ, поднимъ свои ласковые глаза на старшину. — Связывай.

— Свольмо лѣтъ твоей старшенькой-то дочкѣ?

— Аниѣ-то?

— Да.

— Да либо двадцать, либо невступно двадцать.

— Такъ. Породниться мнѣ вздумалось съ тобой: сынишку своею хочу къ ней сватать у тебя... Что молвишь?

У Герасима въ глазахъ свѣтилось удовольствіе, на губахъ заиграла улыбка.

— Да года-то вышли развѣ?.. — спросилъ онъ.

— До годовъ-то недѣля только осталась: года выходятъ.

— Такъ, вѣдь, Анютка-то моя старше выходитъ его...

— Знаю: тѣ мнѣ и нужно; разума ищуща да степенства, а про нея слышанъ довольно: до двадцати лѣтъ въ дѣвкахъ сидеть, худого словечка не заслужила, а всѣ первой работницей почитаютъ — жена будетъ добрая... Что скажешь?.. Говори по душѣ: не сумлѣвайся. Что ни скажешь, все приму: не обижусь.

— Да мнѣ что говорить?.. Мнѣ не говорить, а вотъ какъ нужно тебѣ за это.

Герасимъ всталъ и поклонился старшинѣ такъ низко, что рукой дотронулся до пола.

— Правда, она дѣвка у меня работница, — продолжалъ онъ, снова усѣвшись: — и собой здорова и корпусна, только, ровно бы, по тебѣ-то не такую бы снопку-то нужно, — и по имѣнью твоему, и по всему: ровно бы, въ людяхъ-то, и получше насъ, съ радостью за твоего жениха отдали... Мнѣ-то что? Я радехонекъ, знамо; и дѣвкѣ моей, чай, во снѣ этакого жениха не снилось... Только ты-то, что на мою дѣвку? Ну, что, дѣвка? такъ, сѣрал... И чѣмъ только парня-то она въ себѣ поманила: ни изъ лица она бѣла, ни въ рѣчахъ шустра, да мало и на гулянки-то бѣгаетъ, все больше около дома...

— Парень ничего и не знаетъ, и не думаетъ: можетъ и не видалъ ее николи... Я самъ ее выбралъ по тебѣ, да по людскимъ объ ней рѣчамъ, и въ церкви за ней присматривалъ, какъ Богу молится, и батюшка, отецъ Егоръ, все ваше семейство мнѣ очень хвалилъ, а Анну твою изъ дѣвокъ особливо... Вотъ почему я и выбралъ: выкупъ я тебѣ дамъ, какой положится, извѣстно, безъ обиды, одѣжи ты за ней клади по совѣсти и по силѣ; я

не за тѣмъ гонюся, онъ у меня одинъ, и моего станетъ про нихъ обонхъ. А ты вотъ что мнѣ лучше скажи, не потайся, всю правду молви: что ты про моего парня слыкала, худого или хорошаго, что про него добрые люди говорятъ? Откройся мнѣ по душѣ.

— Да что тебѣ сказать? Ровно какъ и слуху-то объ немъ нѣтъ никакого: то-ли, что мы живемъ далеко, то-ли, что еще въ женихахъ не считаютъ, али такъ, что я не охочъ языкомъ-то бить... правду тебѣ сказать, ничего я не слыкала объ немъ: ни худого, ни хорошаго... Развѣ бабы мои чего не слыжали ли, а я—нѣтъ, ничего не слыжала... Видѣлъ его разъ, о праздникѣ, на салѣ ходить съ ребятами, горланять гѣсню, кажись, хмѣленекъ былъ и онъ... Вотъ только и всего... А больше ничего не въ примѣту.

— Ну, такъ вотъ я тебѣ скажу по-божески, хошь и про родного сына: сокрушилъ онъ мою душу! Парень умный, шустрый, толковый, грамотный, а избаловала его мать: къ работѣ охоты нѣтъ, только и работаетъ пока смотришь за нимъ,—а а со двора, и онъ со двора, гулять, да баклуши бить, въ карты играть, да и попивать сталъ... Не то, чтобы ужъ такъ онъ въ пьянство ударился, что и безъ просыпа, а горько мнѣ, не суносно и то, что онъ моей крови сынъ, да сбиваться сталъ въ молодыхъ годахъ. Не злой онъ парень, и добрый, и мнѣ, Боже сохрани, грубости я отъ него не слыжала, а захочетъ сдѣлать, такъ сдѣлаетъ такъ, что другому и не подуматъ: горить въ рукахъ-то у него, ловкій на все, только вотъ баловаться сталъ,—боюсь, совсѣмъ не закружился бы... Оттого и женить поскорѣе надумалъ, и въ жены хочу ему взять изъ семьи доброй, работающей, дѣвушку постарше его, чтобы поумнѣе его, постепеннѣе была, и въ руки его забрала... Вотъ и думаю, что такова будетъ твоя Анна: она и нужду видѣла, и безъ матери жила, и малыхъ дѣтей тебѣ помогала поднимать, и въ дому хозяйствовала; дѣвка, всѣ говорятъ, серьезная, разсудительная, сумѣетъ его остановить... и на путь наставить... А я, знамо, помогать ей буду, и потачки ему не дамъ... Вотъ теперь и разсуди: кому передъ кѣмъ кланяться—тебѣ ли передо мной, или мнѣ передъ тобой... Ты вотъ мнѣ поклонился, а коли теперь не испугаешься, да не передумаешь, а тебѣ поклонюся еще ниже, что, можетъ, и сына мнѣ воротить, да еще и съ дочерью сдѣлаешь... А ужъ будетъ она мнѣ его на путь наставлять, милѣе родной дочери станетъ она мнѣ...

Герасимъ задумался, слушая старшину, и сидѣлъ опусти голову и смотря въ землю. Федотъ Семеновъ остановился: онъ не поднималъ глазъ и ничего не отвѣчалъ.

— Вотъ, Герасимъ Дмитричъ, — продолжалъ старшина, — не водится это, чтобъ отцы сами дѣтей сватали; а слыхалъ ли кто, чтобы какой отецъ не только сваталъ родного сына, да еще и такъ бы его росписывалъ передъ невѣстнымъ отцомъ. А я такъ самъ въ себѣ думалъ: волостной ты старшина, начальство, выбранъ ты ото всего міра для порядковъ и для примѣра, слушаются тебя и почитаютъ, стало быть, кривить тебѣ душой и обманомъ жить не приходится—это разъ; другое, слынешь ты въ достаткахъ и, Бога благодарить, всего у тебя довольно, а синь—одинъ,—знамо, другая невѣста и соблазнится: пойдеть съ радостью, подумаетъ въ райское житіе, на гулянье да на прохладу идеть, а мнѣ нужна сноха, чтобы она работала, да и не только сама, а и мужа работать приучала, чтобы она не о сластяхъ да о нарядахъ думала, а больше того: какъ мужа на разумъ навести, и на ноги поставить. Такъ не буду, молю, я душой кривить, а сважу прямо, какую сыну жену ищю и каковъ самъ сыночекъ у меня: чтó хорошо и чтó худо, все по совѣсти отпою. Вотъ я такъ и сдѣлалъ.

Өедотъ Семенычъ тяжело вздохнулъ, судорожно огладилъ рукою бороду и продолжалъ:

— Вотъ, ты молчишь и думаешь, и знаю я, о чемъ ты думаешь: какъ, молю, я ему откажу, самъ кланялся, за честь почиталъ; а за такого, молю, золото, дочку мою хорошую, степенную, работающую, отдать нельзя... Приходится отказываться... Говори, ничего, не бойся: я на то шелъ!.. Не обидишь ты меня больше того, сколько я самъ свою обиду чувствую, что придется про родного сына не одни хорошія слова говорить. Тяжело это, старикъ, больно тяжело: не приведи Богъ тебѣ никогда спытать такого горя... Ну, чтó же ты думаешь? Говори скорѣй.

— А вотъ чтó я думаю, Өедотъ Семенычъ: присылай сватовъ...

Герасимъ поднял свои добрые глаза на старшину съ привѣтливой, веселой улыбкой.

— Какъ такъ?—спросилъ вдругъ повеселѣвшій Өедотъ Семенычъ.

— Давай благословясь по рукамъ бить да цѣловаться, а тамъ пускай бабы черезъ сватовъ свое дѣло ладятъ. Ты свое говорилъ, а я свое дѣло думалъ: не сважи ты мнѣ про сына ничего, вѣдь я бы радовался только, и минуты бы тебѣ не перечилъ... Вѣдь, ужъ у тебя ума палата и совѣсть у тебя такая, что не въ примѣръ противъ людей: и коли ты надумаешь, что для твоего сына моя дѣвка въ жены годится, и путь изъ того будеть, стало ты не для нея одной желалъ: вѣдь, ты не ворогъ

же сыну... А ему будетъ хорошо, и ей хорошо... Опять же, коли молодые ребята не балуются? Всѣ балуются... Это ты таеъ только въ сердцу примаешь, что одинъ у тебя, и хочется тебѣ, чтобы всегда былъ онъ изъ всѣхъ въ отличку. Ну, чтобы въ тебя весь вышелъ... Другой бы и вниманія этому не далъ, что парень погулять любить... Кто изъ нихъ не любить!.. Ну, да что много говорить: коли такова власть, — воля Господня, давай руку... Помолимся...

Герасимъ Дмитричь всталъ. Весь сіяющій, всталъ и Ѳедотъ Семенычь. Оба они повернулись къ образу и стали молиться, потомъ повернулись лицомъ другъ къ другу, и Ѳедотъ Семенычь протянулъ свою руку, а Герасимъ Дмитричь, высоко поднявши свою, съ размаху опустилъ ее на ладонь старшины. Загъмъ, будущіе родственники обнялись и расцѣловались.

III.

Свѣтлѣй и радостнѣй пріѣхалъ Ѳедотъ Семенычь домой изъ правленія послѣ объясненія съ Герасимомъ. Онъ не думалъ о возможности возраженій со стороны сына, и дѣйствительно не встрѣтилъ ихъ. Ѳедосья Осиповна была проникнута желаніемъ поскорѣ видѣть сына женатымъ, дождаться внучатъ, поводить съ ними на старости; притомъ она была убѣждена, что отецъ помирится съ сыномъ послѣ женитьбы его, и если не дастъ ему полной воли, то, по крайней мѣрѣ, хоть не будетъ такъ стѣснять и обижать, какъ, казалось ей, притѣсняетъ и обижаетъ теперь. Когда Ѳедотъ Семенычь объявилъ ей, что пріискалъ не вѣсту Кириллу и уже ударилъ съ будущимъ тестемъ по рукамъ, то Ѳедосья Осиповна очень обрадовалась, хотя ей и обидно показалось, что такое дѣло отецъ устраиваетъ даже не посоветовавшись съ ней. Она не выказала радость, но дала замѣтить мужу свою обиду.

— Больно ужъ ты скоро нечто, — сказала она: — ужъ и переговорили, и по рукамъ ударили. Матери-то не мѣшало бы ровню и посмотрѣть на будущую сношеньку: кажись, родной сынъ-то, не приемышъ, не пасынокъ...

— Теперь сколько хочешь смотри и рассматривай, небось, худого ничего не досмотришь, — возразилъ Ѳедотъ Семенычь. — Я тоже не наобумъ, не зря, дѣвку выбиралъ, знаю — что нужно для него. Чай, и ты худой славы о ней не слыхала, а семья

ихъ вся хорошая, работающая, степенная и справная. Слыхала ли что про нихъ худо? Ну-ка, сдумай.

— Да, вѣдь, не одной деревни, живутъ по дальности, какими тутъ слухамъ быть.

— Нѣтъ, ужъ худая-то слава далеко бѣжить... Вонъ про нашего-то сокола, поспрошай-ка, далеко, чай, слышно.

— Да чего слышно-то? полно-ка ты... Что онъ, разбойникъ, что ли, али воръ какой отъявленный, что про него во всѣ стороны славѣ-то идти... Полно и ты грѣшить-то, и самъ-дѣлѣ... Что молодому парню погулять хочется, что подурить иной разъ по молодости, такъ, на-ка, поди, и худая слава пошла про него во всѣ стороны... Ровно не всѣ такіе? Всѣ такіе, за кого ни возьмись... Опять же, ни у кого этакой заморы да притѣсненны нѣтъ парню, какъ у насъ: извѣстно, захочется и погулять, душу отвести, съ этакой жизни—не старикъ!..

— Ну, да ладно, ладно... Теперь я объ этомъ съ тобой толковать не стану: толковано много!.. На Бога надѣюсь: авось не образумится ли, какъ обзаконимъ... Гдѣ онъ у насъ?

— Да все дома сидѣлъ, сейчасъ только вышелъ, видно, на улицу погулять... суетливо заговорила Федосья Осиповна.

— Знаю, знаю, какой это сейчасъ. Я за ворота, и онъ со двора, да до сязовой поры и глазъ не казываетъ.

— Право, ну, все дома сидѣлъ, только вышелъ. Вѣдь, батюшка, сегодня, кажись, у Бога праздникъ живетъ... можно и...

— Знаю что праздникъ, а въ церкви, чай, не былъ?..

— Можеть и былъ, почему я знаю... Не ходитъ мнѣ за нимъ да доглядывать, не малолѣтокъ.

— То-то: можеть и былъ!.. Какъ же говоришь все дома-то сидѣлъ? Коли дома съ утра сидѣлъ, стало и въ церкви не былъ... Эхъ ты, мать, мать!.. Лучше бы ужъ ты не врада, говорила бы правду... И онъ бы не выучился врать да обманывать, и страху бы у него больше было, и въ дѣлу радѣнья... Помни свой грѣхъ: отъ тебя, отъ твоего баловства, парнишка пропадаетъ... Эй, смотри, сама послѣ жалѣть будешь, сама спохватишься, да поздно, можеть, будетъ.

— Ужъ вотъ не приму грѣха на душу, вотъ не учу безпутничать, а учу все какъ лучше... А извѣстно: не материнскому сердцу терпѣть, какъ ты его мучишь да тиранишь... Какъ мнѣ не пожалѣть его, матери, такъ ужъ и житья-то на свѣтѣ ему не будетъ... Отъ тебя-то онъ только и видитъ, что брань да попреки, да мудрости твоей, а то берегись, чтобы и еще чего не отвѣдать, послаще... Вотъ отъ тебя только вѣдь сынъ-то и видитъ...

— А тебѣ бы какъ хотѣлось? Чтобы я вотъ такъ съ нимъ, какъ Ксенофонтъ-староста съ сыномъ: самъ идетъ пьянъ и сынъ пьянъ, оба еле на ногахъ держатся, за то другъ друга ведутъ; попойдутъ, попойдутъ да разругаются, поругаются да поцѣлуются, а тутъ опять за волосянки другъ друга, подерутся да и опять ничего, вмѣстѣ глотки дерутъ, гѣсно поютъ... Вотъ этакъ бы тебѣ по мысли было: вотъ, дескать, гдѣ миръ-то да любовь и согласіе промежъ отца съ сыномъ. Такъ, что ли, хорошо-то?.. Эхъ, полно-ка, Федосья, не говори больше, не круши меня, не замай... Сегодня на сердце у меня полегче!.. Лучше, думай-ка, кого сватами посылать; ѣдять тебѣ впередъ, да досматривать нечего, все дѣло ужъ полагено промежъ насъ со сватомъ Герасимомъ; ладь только ты порядки всѣ какъ быть слѣдуетъ, а ужъ другой невѣсты искать не станемъ: эта его суженая, Анна...

Къ вечеру явился и Кирилла... Онъ былъ немножко на-веселѣ, но старался скрыть отъ отца, и сидѣлъ въ сторонѣ молча и угрюмо. Федотъ Семенычъ не хотѣлъ показывать, что онъ замѣтилъ не въ мѣру раскраснѣвшія щеки сына и посоловѣвшіе глаза. Онъ нѣсколько времени молча и сосредоточенно смотрѣлъ на сына, и по глазамъ старика можно было читать все, что происходило въ его душѣ: то свѣтилась въ нихъ безпредѣльная родительская любовь, то искрами вспыхивала досада, даже злость, то помрачался взоръ отъ какой-то печальной думы, отъ тяжелого, грустнаго чувства. Кирилла былъ молодецъ собою: высокий, широкоплечій, складный, съ вьющимися темными волосами, съ едва пробивающимися усиками и бородой. Лицомъ онъ очень походилъ на отца, только глаза у него были другіе: черные какъ уголь, они какъ-то загадочно и неприятно смотрѣли исподлобья.

— Кирилло,—обликнулъ его, наконецъ, Федотъ Семенычъ.

— Чего, батюшка?—отозвался тотъ, не поднимаясь съ мѣста.

— Подъ-ка сюда поближе.

Кирилло неохотно и нерѣшительно всталъ и подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ отецъ. Онъ ожидалъ брани, или по меньшей мѣрѣ наставленій отъ отца, которыя онъ выслушивалъ всегда молча, и, какъ говорится, въ пол-уха.

— Ты хошь, я вижу, и выпивши сегодня, да кажись въ памяти, разберешь что буду говорить.

— Какое выпивши?.. Ничего даже, ни малости — началъ было, по обыкновенію, оправдываться Кирилла.

— Ну, молчи, не ври... Сегодня, я ровню и не видалъ. Сядь.

Кирилла съѣлъ и удивленно взглянулъ на отца. Федосья Осиповна, которая тоже была неспокойна, ждала, что отецъ сейчасъ начнетъ бранить, а можетъ быть, даже и бить сына, и приготовляясь вступить за него, легко вздохнула и подѣла къ сыну.

Федотъ Семенычъ не вдругъ заговорилъ, а какъ будто собирався съ духомъ или обдумывалъ то, что хотѣлъ сказать. Въ избѣ нѣсколько мгновений царствовала тишина. Наконецъ старикъ заговорилъ.

— Вотъ, моя мать думаетъ, а можетъ статься и ты тоже, что я не отецъ тебѣ, а твой извергъ, что я только мучу и тиранию тебя, а не добра желаю. По глупости только это подумать можно. А я вотъ передъ истиннымъ Создателемъ говорю, что и день, и ночь только о томъ и помышляю, въ томъ вся моя и дума и забота, какъ бы сдѣлать тебя путнымъ человѣкомъ, добрымъ мужчиномъ, хорошимъ работникомъ. Ты у меня одинъ, стало и любить мнѣ, окромя тебя, некого, и думать не объ комъ, и все, что коплю, берегу, все тебѣ же, никому другому... Въ тебѣ вся моя надежда, отъ тебя мнѣ не мало горя было, и радость, коли придетъ, тоже отъ тебя будетъ... Такъ слушай ты меня: до сей поры не было мнѣ отъ тебя радости: не то ты дѣлалъ, не о томъ думалъ, не туда смотрѣлъ, чего мнѣ хотѣлось... За грѣхи ли какіе Богъ меня наказалъ, испытаніе ли только посылалъ, а много я горя и стыда черезъ твои художества всякія видѣлъ... Не за то я съ тебя разыскивалъ и ругалъ, и наказывалъ, что ты мнѣ больно дѣлалъ, а для тебя самого: хотѣлось мнѣ тебя на путь навести, на умъ наставить... Не выходило до сей поры изъ того прока... Все я видѣлъ и знаю: какъ ты баловался, какъ ты пьянствовалъ, какъ въ карты игралъ, къ солдатамъ подлой бѣгалъ, у матери деньги выманивалъ, можетъ и еще что хуже того... Не перебивай: было, вѣрно знаю!.. Лгалъ ты и меня обманывалъ на каждомъ шагу, а хуже всего и мнѣ противнѣе, что ты отъ всякой работы отлынивалъ, никакого дѣла путемъ не дѣлалъ, что свое-то добро тебя даже не тянуло къ себѣ, не лежало у тебя на сердцѣ... А промежъ того руки у тебя золотыя, разумомъ тебя Богъ не обидѣлъ, и кабы была у тебя охота, ты много бы не тоюмо себѣ, а и людямъ бы много добра сдѣлалъ. Мать говоритъ, что вся дурь твоя отъ молодости, отъ неразумдеу, а что постарше будешь, а особливо въ законъ вступишь, съ хорошей женой будешь жить, и ты справишься, станешь человѣкомъ не хуже людей... Дай Господи! уповаю на томъ и я!.. И вотъ, надумалъ тебя оженить,

выбралъ тебѣ невѣсту изъ всей волости самую смирную, честную, работную дѣвку, что и съ-молоду замѣсто матери своимъ се-страмъ малымъ была, цѣлый домъ за ховайку, въ дѣвкахъ сидя, вела и ни въ чемъ себя не уронила... Вотъ какая у тебя суженая! То Анна Герасимова—Дмитрича—дочь, изъ Чернушевѣ. Теперь слушай. Женю я тебя и посмотрю, что изъ тебя будетъ: коли бросишь свою дурь, примешься за работу, какъ дутной мужикъ, станешь дому радѣть, отъ гулянокъ отстанешь, пить и въ карты играть откажешься, съ женой будешь жить ладно—тогда отдамъ тебѣ въ полную твою волю половину изъ всѣхъ моихъ достатковъ, живи и хозяйствуй самъ... Только не думай: не съ полугода, не съ году обождая, послѣ свадьбы, сдѣлаю это, а посмотрю на тебя и два, и три года, чтобы дурь эта далеко отъ тебя ушла, чтобы и званія, и памяти объ ней не осталось, а стала бы тебѣ любя и въ привыку вмѣсто нея работа, да домъ, да семья родная. Вотъ на томъ тебѣ мое благословеніе, съ тѣмъ я тебя и оженить хочу... Слышалъ?..

— Слушаю...—какъ-то неопредѣленно проговорилъ Кирилла. Онъ былъ ошеломленъ неожиданною новостью и не зналъ еще, какъ въ ней отнестись.

— А невѣсту видалъ? Знаешь?

— Какъ не знать, знаю... Видалъ...

— Что же, по мысли, али нѣтъ?

— Все одно... ничего.

— Не то—ничего, а говори: надо за всякъ часъ Бога благодарить, что на такую попали, да отецъ отдаетъ за тебя. Это счастье, Божье благословеніе! Тебѣ лучше этой дѣвки и не надо.

— Лѣтна, кажись... Не постарше ли меня будетъ...

— Такъ—что годомъ старше,—вѣрно. Не ребенка же тебѣ дать... не о шестнадцатомъ годку... И теперь-то у тебя вѣтеръ въ головѣ ходить, а какъ оженить тебя на этой же, какъ ты,—такъ что изъ васъ будетъ. Законъ, братъ, дѣло великое; тутъ человѣкъ на всю жизнь сходится, было бы съ кѣмъ и думу слумать, и совѣтъ поддержать, и радость и горе всякое подѣлить... А особливо, коли по молодости, такъ лучше не надо, ежели одна голова другую поддержать можетъ, и посовѣстить, и поучить, и направить на путь истинный... Нѣтъ, ужъ я, вѣдь, выбиралъ не зря, а подумавши, и помолившись, и съ добрыми людьми совѣтовался, и отъ батюшки, отца Егора, благословеніе принялъ: и онъ говоритъ, что лучше невѣсты, какъ Анна, для тебя нѣтъ... Ты вотъ что чувствуй.

— Да мнѣ все единственно.

— Не то говори, дитяtko, — вмѣшалась наконецъ Федосья Оси-повна, — что все единственно, а то говори: вся, молю, ваша власть родительская, коли вы одумали, такъ кто лучше васъ одумаетъ? Вотъ чтó говори...

— Я то и говорю... — небрежно отвѣчалъ матери Кирилла.

— Ну, такъ вотъ и готовься: сватовъ для виду сначала по-шлемъ, а тутъ недолгѣ и сами поѣдемъ; а недѣли черезъ три-четыре и свадьба... Эхъ, Кирилла, Кирилла, ось бы Богъ тебя на путь наставилъ... Вразуми тебя, Создатель милостивый!..

Кирилла ничего не отвѣчалъ и упорно глядѣлъ въ землю; за него говорила мать. Она одною рукою охватила его за шею, другою гладила по головѣ.

— Богъ милостивъ, — говорила она. — Погоди-ка, оправится, будетъ не хуже людей... Золотой мой, писаной мой!.. Не бойся, молю, тятенька, буду человѣкомъ тебѣ на радость и утѣшеніе: войду въ законъ, да стану своимъ домомъ жить, не до гулянокъ будетъ, и за дѣло возьмусь... А что, молю, по малолѣтству годовъ глушилъ когда, такъ на этомъ и Богъ не взыщетъ, и добрые люди не осудятъ, и ты, молю, тятенька прости да забудь о томъ. Кто молодежь не былъ...

А Кирилла въ это время думалъ совсѣмъ о другомъ: онъ безучастно относился къ предстоящей ему переменѣ въ жизни, онъ мелькомъ вспомнилъ объ Аннѣ, объ ея лицѣ, о всемъ наружномъ ея видѣ, припоминалъ какъ она одѣвается: «не больно нарядно, важись!» мелькнуло у него головѣ. Потомъ мысль его перебѣжала и остановилась на соображеніяхъ относительно собственной особы. — «А, вѣдь, поди, чай, отецъ, какъ ни скупъ, а нашьетъ мнѣ новой-то одежды къ свадьбѣ, — думалъ онъ. — Вотъ бы такіе смазные сапоги купить, какъ у Яшки Петрова, — важно бы!.. Со сборками, и блестать! Чудесно... А рубашку бы шелковую, да шляпу пуховую. Нѣтъ, не сошьетъ, гдѣ ему!.. Скупъ больно!.. Развѣ вотъ черезъ матушку какъ... Неужто же и теперь денегъ не будетъ давать? Хошь бы до свадьбы-то... Поди, дасть, чай, раскопелится... Женихамъ-то завсегда даютъ... Теперь все по-свободнѣе будетъ. А надо сегодня безотмѣнно къ ребятамъ побывать. Ужъ все равно, теперъ хошь и узнаеть, больно ругаться али бить не станеть».

IV.

Когда отецъ улегся спать, а мать, уложивши и укутавши своего любимца, вдоволь наговоривши разныхъ ласковыхъ словъ, отошла отъ сына, притворившагося спящимъ, Кирилла приподнял голову и сталъ прислушиваться и ждать, когда въ домѣ всё уснутъ. Онъ общалъ друзьямъ своимъ еще днемъ, что на ночь придетъ въ кабакъ къ Ѳеодору Гаврилычу, чтобы въ карты поиграть и по пьянствовать. Эти ночныя похождения совершались имъ не въ первый разъ, и до сихъ поръ благополучно сходились съ рукъ: Кирилла возвращался передъ тѣмъ временемъ, когда отецъ обыкновенно вставалъ, и заваливался спать какъ ни въ чемъ не бывало. Знала ли объ этомъ мать, онъ не заботился, и былъ увѣренъ, что если бы она и замѣтила, то не выдала бы его.

Эти ночныя сборища, кутежи и попойки устраивались по взаимному соглашенію съ Ѳеодоромъ Гавриловымъ, послѣ того, какъ старшина запретилъ ему пускать сына въ кабакъ.

— Никакъ нельзя, — теперь ты, Кирилла, во мнѣ въ кабакъ и не ходи, — говорилъ ему Ѳеодоръ, — потому мнѣ изъ-за тебя пропадать отъ твоего отца не приходится... А вотъ въ гости во мнѣ, въ избу, коли угодно, милости просимъ, за всякое время, а особливо вечеромъ, послѣ прекращенія торговли, когда я самъ домой прихожу... Тамъ у меня комната есть особливая, и съ улицы не видно, потому окошко маленькое — въ огородъ смотреть, да и ставенькомъ его изнутри для всякаго случая отъ недобрыхъ людей прикрываемъ... Вотъ, туда милости просимъ: хозяйка съ ребятами въ избѣ, а мы на всей на свободѣ тамъ: и чайку попьемъ, и въ книжку, пожалуй, почитаемъ: ты, вѣдь, грамотѣй, и я люблю этимъ позаимствоваться на счетъ книжекъ... А пріятельевъ приведешь съ собой, пушай сидать да слушаютъ: ничего, милости просимъ!..

Кирилла не нуждался въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Онъ часто началъ являться къ Ѳеодору и всегда находилъ въ отдѣльной комнатѣ компанію, передъ которой вмѣсто самовара стояла водка, а въ рукахъ вмѣсто книги были карты. Такимъ образомъ, Ѳеодоръ Гаврилычъ устроилъ у себя клубъ и велъ двойную торговлю: днемъ въ кабакъ, а ночью у себя, въ клубъ... Онъ цивилизовалъ населеніе очень быстро, настойчиво, не жалея труда своего, жертвуя бессонными ночами, но съ большою осмотрительностью... Въ домъ къ нему допускались только хорошіе знако-

мые, люди болѣе или менѣе благонадежны въ денежномъ отношеніи, дѣти хорошихъ, зажиточныхъ родителей. Въ клубѣ въ долгъ ничего не отпускалось, надо было платить немедленно или деньгами, или вещами: сюда и сносились скрытые отъ семьи, отъ женъ, отъ родителей, двугривенные и полтинники, рубашки, сапоги, шапки, мѣра ржи, пол-мѣшка овса, батманъ гороха, концы холста, повѣсма льну. Все принималъ Ѳеодоръ Гаврилычъ и всему назначалъ цѣну по совѣсти; не принималъ только гостей съ пустыми руками, потому что и за посидѣлое, за тепло, за хозяйскій привѣтъ — слѣдовало платить: не даромъ же хозяинъ ночи не спитъ, свѣчку жжетъ, гостей сторожить и подъ бѣду себя подводитъ. Но въ клубѣ требовалось, кромѣ того, и благочиніе: пѣсенъ горланить не дозволялось, ссоръ затѣвать, шумъ заводить и того пуще, чтобъ не обезпокоить спящихъ сосѣдей и не привлечь лишняго вниманія.

— У меня все равно что въ городу, по клубамъ — говорилъ Ѳеодоръ Гаврилычъ молодежи, — чтобъ поведеніе было честное, благородное: приходи, спрашивай, чего тебѣ угодно, получай, забавляйся въ свое удовольствіе, какъ знаешь, только денежки плати, да шуму не производи, чтобъ все честно, благородно... съ амбидей...

Учрежденіе это было еще новое въ деревнѣ, но прививалось довольно успѣшно: члены быстро прибывали. Кирилла, какъ и прочіе посѣтители, не приходилъ съ пустыми руками; правда, денегъ у него было мало: то, что онъ успѣвалъ выпрашивать у матери, во всякомъ случаѣ были пустяки сравнительно; но онъ изловчался находить и средства расплачиваться съ Ѳеодоромъ Гаврилычемъ. Какъ ни былъ скупъ и учетливъ Ѳеодотъ Семенычъ, но, часто уѣзжая изъ дома, не могъ же онъ не довѣрить женѣ даже ключей отъ амбара, а такъ какъ сусѣки у него были большіе, и почти всегда полные, то и мудро было услѣдить ему убыль то въ одномъ, то въ другомъ. Кирилла же бралъ осмотрительно и не все изъ одного и того же сусѣка, а изъ всѣхъ понемножку, а иногда и просто выгребалъ изъ-подъ морды у лошадей. Удивило разъ Ѳеодота Семеныча, что въ двухъ-трехъ ульяхъ, изъ которыхъ онъ какъ будто бы меду не вырѣзалъ, оказалось его очень мало, но подумалъ, что можетъ быть и ошибся, и позабылъ какъ-нибудь, что самъ вырѣзалъ; у него же ульевъ былъ не одинъ десятокъ: долго ли спутаться. Не подумалъ онъ даже, что это проказы Кирилла, но соты эти давно уже были перетоплены въ медъ женою Ѳеодора Гаврилыча. Въ осеннее время, при молотбѣ со всѣхъ овиновъ, на которыхъ не успѣ-

валъ провѣять хлѣбъ самъ Ѳедотъ Семенычъ, приполонъ какъ-то былъ хуже другихъ: сердился старикъ иной разъ и бранилъ сына и работника, что или плохо они промолачиваютъ, или много отбиваютъ въ посыпку, дѣвятся провѣять путемъ. Не приходило ему никогда въ голову залѣзть въ темный ямникъ подъ овиномъ тотчасъ послѣ молотбы: онъ нащупалъ бы тамъ въ самомъ темномъ углу узелокъ съ недостающимъ хлѣбомъ; узелокъ этотъ потомъ скрывался въ ометъ соломы, тутъ же около овина, а послѣ, ночью, переправлялся къ тому же Ѳедору Гаврилычу... Ѳедотъ Семенычъ пока не догадывался объ этомъ: заподозрить сына въ сознательномъ воровствѣ было ужъ очень тяжело старику. Онъ даже постарался бы прогнать отъ себя такую страшную мысль, если бы что-нибудь и наводило на нее.

Кирилла, согласно общему условію, три раза потихоньку стукнулъ въ двери Ѳедоровой избы, выходящія на крыльцо, и тотчасъ же былъ впущенъ въ домъ. Въ клубъ было уже нѣсколько человѣкъ посѣтителей. Тутъ былъ Ванька Щуренокъ, Сашка Баля, Яковъ Кузя, Сенька Заяцъ, Ѳедоска Догадкинъ, Коська Слюняй, все ребята молодые, женихи и подростки. Но былъ вмѣстѣ съ ними и постоянный другъ и товарищъ молодежи—Мосѣвичъ, человѣкъ уже старій, но еще бодрій, знаменитый охотникъ и рыболовъ, острякъ и балажникъ, неимѣвшій ни дома, ни пріюта, проживавшій ббльшею частью по кабакамъ, пристававшій отъ времени до времени и въ крестьянскихъ домахъ.

— Ну, ребята, проздравляйте,—сказалъ Кирилла, входя: — бабка меня женить хочетъ.

Поднялись со всѣхъ сторонъ поздравленія, разспросы: какъ, когда, на комъ?

Кирилла рассказывалъ.

— На Анятеѣ... Герасимовой... изъ Чернупекъ. Знаемъ, какъ не звать... слышались голоса.

— Дѣвка здоровая, ничего...

— Чего здоровая... Кобыла старая...

— Чего старая... Не старая, ничего...

— Они нонѣ въ достаткахъ...

— Серьезная дѣвка, работная...

— Не улыба-царевна, чего тутъ...

— Старшинову-то сыну можно бы почище...

— Да она чего, она ужъ и не невѣстилась... У нея и одежи-то нарядной мало...

— Ну, братъ, Кирюха, она тебя заберетъ въ лапы...

— Еще какъ удастся...

— Чего забрать: ничего не забереть! Они тихіе родомъ. Весь родъ ихъ тихой...

— А прильнетъ она къ тебѣ... стр-а-а-сты!... потому парень ты разой, рыло у тебя сахарно... а ей въ дивовину, все на работѣ вѣкъ... Страсть будетъ какъ за тебя держаться... не отойдетъ...

— Да ужъ отъ нея не уйдешь... Прощай, Кирюха, шабашъ!... Вонъ, значить, изъ нашей компаніи... Ставь, что ли, на прощанье-то.

— Ну, еще на водѣ вилами писано... Не то, что прощай, а, можетъ, здравствуй. Я такъ полагаю, что меня хопъ жени—не жени, а я свое возьму, что мнѣ нужно... Еще много лучше будетъ... Батяка такъ полагаетъ: для смиренія меня женить-то...

— Присмирѣешь, братъ, и есть...

— Я-то?

— Да, а что ты думаешь? жена, братъ, она... смиряетъ челоуѣка... Не то въ головѣ: завсегда при себѣ, своя собственная... Ты теперь-то вольная птица!... а тутъ гнѣздо, соображать надо, думать какъ и что на счетъ своего мѣста. Вотъ и присмирѣешь...

— Тоже, братецъ, доворъ: отъ жены не уйдешь... хопъ бы вотъ ночью... Она у тебя завсегда подъ бовомъ: хватится—тотчасъ: куда, да зачѣмъ... Вотъ ты и поди съ ней—канителься...

— А вонъ Петруха-то николи съ женой-то не спитъ: онъ по себѣ и она по себѣ...

— Ну, такъ то развѣ законъ? Вонъ она и высохла у него... Нѣтъ, а если по правилу: нашему брату только и погулять — пока въ парняхъ, а женили... шабашъ, братъ! Ровно на вольнаго жеребца хомутъ надѣли... да въ восулю запрягли... Трогай!

— Нѣтъ, я этакъ несогласенъ... Я свою компанію рѣшать не стану... хоть батяка и общаетъ: воли, говорить, годъ, али два судержишь себя, значить, безо всякаго: все бы работать, да промышлять для дома, ни пить, ни гулять, такъ, говорить, изъ всего половину тебѣ отдамъ и хозяиномъ сдѣлаю... Ну, да это напрасно: больно далеко срокъ полагаетъ, соскучишься ждать... Я самъ въ себѣ такъ считаю, что пушай его женить меня, женатый-то я лучше съ нимъ разговаривать буду: матушка за меня, и жена за меня, насъ тогда трое супротивъ него будетъ. Полно скряжничать-то, не для кого вопилъ, развязывай мошну-то... Женатый али холостой?... Челоуѣкъ, значить, совсѣмъ въ себѣ воленъ, не малоуѣтокъ, свой умъ въ головѣ, свой законъ: нечего на веревочкѣ-то водить... Вотъ я какъ съ нимъ поговорю...

— Ну, братъ, тебѣ съ нимъ тоже говорить не придется... — возразилъ Слюняй.

— А почему такъ?

— А потому: вздуеть!... Вонъ онъ у тебя какой, — серьезный! Да еще и въ старшинахъ сидеть... Съ нимъ, парень, много не наговоришь.

Въ это время вошелъ Ѳеодоръ Гаврилычъ.

— Дядя Ѳеодоръ, тащи четверть... — закричало ему нѣсколько голосовъ.

— На кого?

— На Кирюшку, на Кирюшку.... Слышь: женять! Проздравь!...

— Полно?... Правда ли.... — спросилъ Ѳеодоръ.

— Вѣрно, дядя Ѳеодоръ, вѣрно! — подтвердилъ Кирилла.

— Ну, раненько, задумали... Надо бы годокъ дать тебѣ еще погулять... Сократить, значить, тебя хотять родители-то, духу въ тебѣ поубавить. На богатой, чай, женять-то...

— Нѣтъ, такъ, средственна...

— На таковой, дядя Ѳеодоръ, женять: не пара... старше его... — заговорили ребята. — И серьезная дѣвка, неулыба, работная... Тихая она, ничего... По себѣ онъ беретъ, батька-то: къ дому имъ, по шерсти, тоже жиды скупые...

Ѳеодоръ Гаврилычъ прервалъ разноголосый говоръ своихъ гостей и заинтересовался узнать подробно: на комъ именно женять, сколько даютъ выкупу, какую одѣжу принесеть невѣста въ приданое. На многіе вопросы Кирилла отвѣчалъ на-обумъ и хвасталъ самъ не зная зачѣмъ; рассказывалъ, что отецъ даетъ выкупу 500 рублей, а невѣста должна принести въ приданое нѣсколько шелковыхъ платевъ и даже шубу на лисьемъ мѣху. Товарищи присмирѣли, слушая Кирилла, что еще больше поощряло его къ хвастовству. Слушали и Ѳеодоръ Гавриловъ, но, видимо, не вполне довѣрялъ расходившемуся парню.

— Вотъ какъ отецъ-то, — сказалъ онъ: — скупъ, скупъ, а тоже для сына-то раскошелиться хочеть, да и сноху-то видно на богатую руку водить станеть: въ шелкахъ, да въ лисьихъ мѣхахъ. Ну, что же, — это очень прекрасно: значить и свадьба будетъ богатая, и водки много брать будете.

— Да ужъ это какъ водится, — самоувѣренно отвѣчалъ Кирилла.

— Что же, Кирюха, ставъ четверть-то, что-ли? Вѣдь мы къ тебѣ на свадьбу-то не попадемъ, — приставали ребята.

— Да чего четверть?... Давай, Ѳеодоръ Гавриловъ, полъ-ведра. Да чаю собирай.

— А деньги-то есть ли?

— Вотъ, деньги... Денегъ теперь нѣтъ, а будутъ... неужто ужъ такъ для этого раза не повѣришь?... Да тамъ, вѣдь, еще чай, есть чтó за тобой, за рожь-то?

— Да много ли есть-то? На поль-штофа. А ты, вѣдь, вонъ поль-ведра ладишь да чаю: это денегъ много будетъ.

— Господи, такъ не сумлѣвайся, заплачу... Вось, овса принесу мѣшокъ...

— Мало мѣшокъ.

— Ну, такъ еще что ни на есть будетъ... Ужъ повѣрь сегодня-то, уважь...

— Уважь, Федоръ Гаврилычъ, для случая,—пристали и прочіе гости.—Вѣдь, тоже не последний разъ: придетъ опять...

— А, можетъ, женится, такъ и отстанетъ отъ насъ совсѣмъ.

— Я-то?... Не сумлѣвайся, Федоръ Гаврилычъ, завсегда твой гость буду... Уважь пожалуйста, для сегодняшняго случая... Да хошь завтра же у матери выпрошу: деньгами отдамъ; она мнѣ теперь послѣдняя отдастъ.

— Ну, вотъ это другое дѣло... Ручаетесь ли, ребята, за него?... А то за вами считать буду...

— Да ужъ неужто такъ, безо всякой безъ совѣсти... Отдастъ, чай... Считай за нами за всѣми: мы выверстаемъ съ него, коли самъ тебѣ не отдастъ.

— Ну, то дѣло другое...

Федоръ Гавриловъ принесъ водки, баранокъ для закуски; началъ готовить посуду для чаю, которая стояла тутъ же въ шкапѣ: кривобокія, почернѣвшія, потрескавшіяся, грязныя чашки съ блюдечками, онъ почти кидаль ловкими руками на столъ; затѣмъ принесъ изъ избы большой, никогда нечистившійся, зеленый отъ ржавчины самоваръ, чайникъ съ крышвой, привязанной грязной веревкой, и блюдечко, на которомъ лежало столько кусковъ сахара, сколько было посѣтителей.

Началась попойка. Компанія оживилась, пошелъ смѣхъ, прибаутки, рассказы. Явились на сцену и карты, засаленныя, лохматыя, съ обломанными углами, зазвенѣли мѣдныя деньги, переходя изъ рукъ въ руки.

Но пока шелъ этотъ пиръ, надъ Кирюхой съ его компаніей собиралась неожиданная гроза. Федотъ Семенычъ былъ сильно взволнованъ текущими событіями и впечатлѣніями дня. Ему плохо спалось. Долго ворочался онъ съ бока на бокъ на полатахъ, гдѣ спалъ по обыкновенію, вѣдхалъ, крестился, творилъ молитву, стараясь призвать душевное спокойствіе и сонъ, но тревожныя мысли о будущемъ

сына мѣшали этому спокойствію и гнали сонъ отъ глазъ. Наконецъ онъ рѣшился вовсе встать. Слѣзъ съ полатей, зажегъ свѣчку и пошелъ въ холодную горницу, гдѣ спалъ сынъ, чтобы взять счеты и кое-какія хозяйственныя записки, лежавшія тамъ въ шкафѣ: старикъ хотѣлъ воспользоваться бессонницей, чтобы заняться собственными дѣлами. Тихо вошелъ онъ въ горницу, чтобы не разбудить сына, и не безъ любовнаго родительскаго чувства оборотилъ голову и свѣтилъ себѣ свѣчкой въ тотъ уголъ, гдѣ долженъ былъ спать сынъ. Но постель была пуста; полушубокъ, которымъ мать такъ заботливо укутывала своего любимца, валялся на полу, кафтана и шапки, которые висѣли обыкновенно на гвоздѣ, не было на своемъ мѣстѣ, сапоговъ тоже. Старикъ остановился, какъ вкопанный.

— Убѣгы!... — невольно проговорили его губы. Куда? — Либо въ солдатеѣ, либо въ пріятельницѣ какой... А можетъ такъ выпелъ...

Федотъ Семенычъ вышелъ въ сѣни. Дверь на крыльцо была отперта. Онъ притворилъ ее и, прикрывая свѣчу отъ вѣтра, заглянулъ на улицу. Стояла уже поздняя осень; ночь была темная и холодная. Прислушался: все тихо кругомъ, все спитъ, только вѣтеръ слегка шумитъ и завываетъ тихо и жалобно.

Федотъ Семенычъ въ раздумьи притворилъ и заперъ двери.

«Убѣгы и домъ покинулъ отпертой: и горя мало!» — думалъ онъ про себя, возвращаясь въ избу. «Куда бы это онъ ушелъ? Вотъ бы наврыть».

Федотъ Семенычъ разбудилъ жену. Та вскочила и присѣла на лавкѣ, гдѣ спала, испуганно смотря на мужа, стоявшаго передъ ней со свѣчкою въ рукахъ.

— Гдѣ женишокъ-отъ нашъ? баловень-то твой? — спросилъ онъ жену.

— Какъ гдѣ?... Тамо-ди, въ горницѣ: спитъ, чай...

— То-то, спитъ, чай... Его и слѣдъ простылъ: ни кафтана, ни шапки нѣтъ, и крылецъ отпертъ.

— Батюшки, такъ гдѣ же онъ... — вскричала чуть не съ воплемъ Федосья Осиповна, вскакивая съ лавки и безцѣльно, бессознательно выходя изъ стороны въ сторону... — Вѣдь, уснулъ, сама уложила, укутала, овстила...

— Садись, что мечешься точно угорѣлая... Уложила, укутала!... Онъ и прикинулся, что уснулъ, а тутъ и удралъ: знамо, либо распутничаютъ, либо пьянствуютъ, гдѣ ни на есть... Вотъ ваше баловство, вотъ и надѣйся на него!... А еще я съ нимъ разговаривалъ не безъ чего, тоже думалъ — авось почувствуетъ...

Буда бѣгаеть-то, не знаешь ли?... Ты, вѣдь, потатчица: можетъ, тебѣ сказываетъ...

— Не знаю, батюшка, не знаю... Какая я потатчица... Стану я такимъ дѣламъ потавать! Станетъ ли онъ мнѣ говорить... Не знаю, не вѣдаю... Да, можетъ, такъ онъ только, не заспалось, такъ на улицу вышелъ прогуляться... Тоже теперь у него забота: женихъ... Можетъ, не заспалось: ходить гдѣ около дома... да мысли свои разгуливаетъ...

— Таковъ парень, нечто!... Да вотъ я обожду, посмотрю... А не придетъ вскорѣ, такъ и по деревнѣ пройдуся, можетъ, гдѣ накрою. Ты ложись, спи...

— До сна ли ужъ мнѣ теперь.

Федотъ Семенычъ открылъ окно и высунулъ въ него голову. Онъ нѣсколько времени прислушивался. На улицѣ все было тихо по прежнему. Федосья Осиповна стояла около него, пританывъ дыханіе, замирая отъ страха, вздрагивая отъ холоднаго воздуха, который врывался въ окно широкой струей.

— Чтѣ, не чушь ничего?... — робко спрашивала она мужа.

Федотъ Семенычъ не отвѣчалъ. Вдругъ онъ захлопнулъ окно и поднялся на ноги.

— А ужъ дознаюсь же я: разорю этотъ притонъ... Я пойду, пройдуся по деревнѣ, до самаго свѣта прохожу, повстрѣчаю же его... Ты запри за мной, — приказалъ онъ женѣ, и сталъ одѣваться.

Федосья Осиповна обмерла при мысли, что отецъ найдетъ гдѣ-нибудь Кирилла и избьетъ его.

— Батюшка, воли встрѣтишь: ты не вдругъ... не очень... Ты попытай сначала: можетъ и ничего нѣтъ такого... Ты тяжелъ на руку-то, особливо съ сердцовъ.

Федотъ Семенычъ ничего не отвѣчалъ и вышелъ на улицу. Онъ пошелъ сначала въ ту сторону, гдѣ жила солдатка. Среди деревни устроена была соломенная бутка, въ которой слѣдовало находиться очередному ночному сторожу, но его въ ней, по обыкновенію, не было. Федотъ Семенычъ не разъ отдавалъ приказаніе по волости о ночной сторожѣ, не разъ самъ повѣрялъ: исполняется ли оно, постоянно штрафовалъ за неисправность, но не могъ добиться толку. Вслѣдъ за повѣркой и општрафованіемъ, недѣлю, много двѣ, очередь соблюдалась: очередной мужикъ выходилъ въ бутку и спалъ въ ней всю ночь очень крѣпко, закутавшись въ шубу и считая свою повинность добросовѣстно отбытою, а затѣмъ мало-по-малу бутка опять пустѣла вовсе до новаго штрафа. Штрафъ этотъ всегда возбуждалъ въ обществѣ

большое неудовольствие и ропотъ, тѣмъ болѣе, что и виноватаго найти было трудно: спорили и ссорились въ порядкѣ очереди; такъ что и Федотъ Семенычъ, наконецъ, рукой махнулъ и сталъ смотрѣть на эту неисправность сквозь пальцы.

Въ этотъ разъ сторожа тоже не было на мѣстѣ.

«А вотъ, кабы былъ, можетъ, и видѣлъ бы куда прошелъ... Завтра, опять надо општрафовать»... — подумалъ старшина, проходя мимо бутки и заглянувши въ ея пустоту.

Лачужка солдатки стояла на задворкѣ; Федотъ Семенычъ обошелъ ее вокругъ, прислушался: въ ней было темно и тихо. Онъ пошелъ въ противоположную сторону деревни, къ кабаку. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ нему, тѣмъ чаще стали долетать до его слуха какъ будто звуки человѣческихъ голосовъ. Старшина останавливался и прислушивался: опять все смолкало, гудѣлъ только одинъ вѣтеръ между строеній. Вотъ и кабакъ запертъ, внутри не освѣщенъ; рядомъ и въ связи съ нимъ изба Федора Гаврилова, въ ней тоже темно, но теперь Федотъ Семенычъ уже ясно слышитъ глухіе звуки человѣческихъ голосовъ. Вотъ раздался откуда-то хохотъ, вотъ какъ будто пьяный вскрикъ, вотъ точно споръ, гдѣ нѣсколько человѣкъ говорятъ вдругъ, всѣ вмѣстѣ.

«Что за чудо, мерещится мнѣ, что ли?» думаетъ про себя Федотъ Семенычъ, стоя передъ кабакомъ. Но вотъ уже очень ясно послышался чей-то опредѣленный голосъ; старикъ разслышалъ даже слово, громко вскрикнутое: моя!... Федотъ Семенычъ началъ обходить домъ Федора вокругъ, и когда поровнялся съ задней его стороною, то голоса стали доходить до него уже очень опредѣленно, онъ могъ даже разобрать, что это былъ говоръ пьяныхъ людей; наконецъ ясно врѣзался въ его слухъ столь знакомый голосъ Кирилла. Тутъ Федотъ Семенычъ сообразилъ вдругъ и понялъ все. Онъ стоялъ какъ разъ противъ крыльца, выходящаго въ переулокъ. Не долго думая, онъ поднялся на крыльцо и началъ сильно торгаться въ дверь. Голоса вдругъ затихли. Федотъ Семенычъ продолжалъ стучать. Черезъ нѣсколько минутъ изъ сѣней послышался голосъ Федора Гаврилыча.

— Кто тутъ? — спросилъ онъ.

— Отопри, — отвѣчалъ Федотъ Семенычъ.

— Да что нужно? Кто тутъ?

— Отопри, приказываю... Сейчас отопри... я... Старшина...

Федотъ Семенычъ слышалъ, какъ кто-то спѣшно скрылся изъ сѣней. Отвѣта не было. Онъ усилилъ свой стукъ.

— Слушай, Федька, отопри сейчасъ, я тебѣ приказываю... — настаивалъ вышедшій изъ себя Федотъ Семенычъ, сильно тор-

гаясь въ двери. Приостанавливаясь на минуту, онъ разслышалъ, что по сѣнямъ какъ будто началась какая-то суетливая бѣготня.

— Да точно ли старшина?—спрашивалъ опять Федоръ изъ сѣней. Кажись не его голосъ. Пойдетъ ли Федотъ Семенычъ ночью... Врешь ты, братъ, не надуешь, не отопру... Проваливай.

— Говорять тебѣ, это я... я самъ... Не морочь, всѣ твои штуки насквозь вижу. Отопри сейчасъ.

— Да никакъ и въ самомъ дѣлѣ Федотъ Семенычъ, вы точно?..

— Не морочь, говорять... Огнирай...

— Сейчасъ, только огня вздую.

И Федоръ куда-то спѣшно скрылся. Онъ торопливо съ помощью жены приводилъ въ порядокъ въ горницѣ и спѣшнѣе уничтожить признаки нарушенной пирушки.

Въ это время всѣ гости Федора черезъ дворъ пробрались къ воротамъ и, пріотворивъ ихъ, ждали, чтобы старшина вошелъ въ сѣни, рассчитывая въ ту же минуту выскользнуть въ ворота и скрыться. Но молодежь не выдержала и бросилась бѣжать въ ту минуту, какъ Федоръ только-что подошелъ къ дверямъ, чтобы отпереть ихъ. Федотъ Семенычъ еще стоялъ на крыльцѣ, когда мимо переулка по улицѣ начали мелькать человѣческія фигуры. Онъ тотчасъ же догадался, что цѣловальникъ перехитрилъ его и выпустилъ гостей другимъ ходомъ. Когда Федоръ со свѣчею въ рукѣ отворилъ ему дверь, онъ не пошелъ уже въ домъ, а только проговорилъ:

— Я тебѣ дамъ: ночные притоны держатъ, ребятъ молодыхъ портить... Завтра мы съ тобой посчитаемся,—и спѣшно сошелъ съ лѣстницы, желая видѣть бѣгущихъ. Онъ не слушалъ, что говорилъ вслѣдъ ему Федоръ, а тотъ не только оправдывался, но даже грубилъ, общая съ своей стороны жаловаться за напраслину и безпокойство.

— Старый чортъ, еще говорять—умный, старшина, а одинъ пришелъ, безъ свидѣтелей. Ничего ты съ меня не возьмешь теперь...—ругался ему вслѣдъ цѣловальникъ, выйдя на крыльцо. Между тѣмъ Федотъ Семенычъ видѣлъ, какъ впереди его по улицѣ въ разсыпную бѣжало нѣсколько человѣкъ. Онъ успѣлъ замѣтить два-три дома, въ которыхъ отворились и затворились калитки, скрывая бѣгущихъ.

Старикъ не надѣялся, да и не считалъ нужнымъ догнать сына: онъ убѣдился, что и онъ былъ въ числѣ ночныхъ кутиль. Проходя мимо дома старосты, онъ постучалъ къ нему въ окно. Староста высунулся, и съ изумленіемъ смотрѣлъ на старшину.

— У тебя, Григорій, опять сторожовъ нѣтъ, а я сейчасъ

дѣлю араву нашихъ ребятъ-поночевщиковъ накрылъ: у Ѳедьки пьянствовали въ домѣ. Завтра сходи собери. Надо это дѣло разобрать да прикончить: поучить ихъ всѣхъ да и съ Ѳедькой-то посчитаться...

— Слушаю, Ѳедотъ Семенычъ,—отвѣчалъ староста, со сна вдругъ неразобравшій въ чемъ дѣло;—значить, утромъ на сходи?

— Ну, да... Чего еще...—отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ, уходя отъ старостиной избы.

— Слушаю, Ѳедотъ Семенычъ... деревенскій, али въ волость?

— Знамо, на деревенскій... сельскій сходи...

— Понимаю я это... Слушаю... Очень можно... И староста долго и бессмысленно смотрѣлъ въ окно вслѣдъ уходившему старшинѣ.

Кирилла, подбѣжавши въ своему дому, увидѣлъ въ окно мать, которая тотчасъ же отворила ему дверь.

— Чтб, встрѣтилъ отца-то?—спросила она его.

— Нѣтъ, не видалъ... Какъ онъ узналъ?..

— Ночью проснулся самъ, не спалось... Гдѣ былъ-то?..

— Не видалъ онъ, убѣгли мы...

— Гдѣ же онъ?

— Поди, сейчасъ придетъ...

— Табъ поди лягъ скорѣй... Ахъ ты головушка побѣдная... Что теперь онъ надъ тобой сдѣлаеть. Да гдѣ были-то?—скажи мнѣ.

— У Ѳедьки Гаврилыча. Да ты не сказывай: онъ не видалъ меня. Ты скажи, что какъ онъ ушелъ, я будто и пришелъ. А я лягу и будто сплю...

— Ну, ну, ложись скорѣй... Ужъ скажу. Да врядъ повѣрить... Ахъ ты, набѣдилъ ты... Засѣчетъ онъ тебя... Ложись, ложись скорѣй. Можетъ, какъ обойдется, воли не видалъ тебя, можетъ, повѣрить: я и то говорила, что ты отъ мыслей пошелъ прогуляться коло дома. Придумывай что, а ужъ я не знаю, чтб и говорить-то... Ахъ, грѣхи!.. Ну, да слава Богу, что безъ меня ему въ руки-то не попался. Какъ-нибудь, може, пройдетъ, Богъ милосливъ.

Отворяя двери Ѳедоту Семенычу—Ѳедосья Осиповна послѣ-шила связать:

— А только ты ушелъ, Кириушка-то и въ двери, притуманился, говорить, раздумался—не спится, и пошелъ на волю провѣтрить-ся... Ужъ давно дома, спать...

— Убирайся ты, дура-потатчица — хошь бы ужъ ты-то въ глаза не врала: тошнѣховьёо и безъ того.

Федосья Осиповна хотѣла возражать.

— Молчи, ложись спать...— привскнулъ на нее Федотъ Семеновичъ. — Измаяли вы меня вдвоемъ-то вовсе. Ложись, говорить, туши огонь.

И онъ самъ, вряхтя и тяжело вздыхая, полѣзъ на полати. Федосья Осиповна втихомолку крестилась, что Господь отнесъ грозу отъ ея любимца.

Вскорѣ въ избѣ воцарилась совершенная тишина, прерываемая только вздохами и порывистыми движениями Федота Семеновича, который не могъ сомкнуть глазъ до самаго свѣта, волновался и безпокойно ворочался съ боку-на-бокъ. Федосья Осиповна тоже не спала, но притихла и не шевелилась. За то спалъ крѣпко и беззаботно полупьяный Кирилла, успокоенный тѣмъ, что отецъ не зашелъ къ нему даже выругаться и пригрозить.

V.

На другой день утромъ, на разсвѣтѣ, десятскій обходилъ деревню: подойдя къ каждому дому, онъ стучалъ палочкой подъ окномъ. Окно отерывалось, высовывалось лицо домохозяина, или хозяйки.

— На сходы! — лавонически объявлялъ десятскій, торопясь идти дальше.

— Куда? спрашивали его вслѣдъ, изъ окна.

— Здѣсь... Свой, деревенскій, — отвѣчалъ десятскій, уже подходя къ сосѣднему дому.

— А не на волость? — продолжалъ спрашивать высунувшійся изъ окна.

— Говорять, здѣсь.

— Коли приходитъ-то?...

— Собирайтесь.

— Теперя?

— Знамо, сходитесь теперь.

Оконцо захлопывалось, а изъ сосѣдняго дома опять начинался подобный спросъ.

Осенью, когда полевныя работы, а частію и молотба уже окончены, когда деревенскій людъ свободенъ, на сходы собираются охотно и скоро. Десятскій еще не кончилъ обхода деревни, а ужъ около дома старосты, человѣкъ за человѣкомъ, являлись прежде другихъ оповѣщенные.

Сходились мужичи въ нагольныхъ полушубкахъ, въ теплыхъ

шапкахъ, опусти руки въ карманы, позѣвывая и побѣживаясь плечами на свѣжемъ утренникѣ.

— Почто сходи, на счетъ чего? — спрашивали одинъ другого.

— Свой, деревенскій... сказываютъ.

— Знамо, деревенскій, — да на счетъ чего?

— На счетъ какихъ дѣловъ, стало быть?

— Поди, на-счетъ недонмогъ.

— За мной, братъ, чисто, я ничего не знаю. По мнѣ, какъ хотите.

— За тобой чисто... Тебѣ хорошо подошло: малыхъ-то ребятъ нѣтъ... Повозжался бы съ ними: какъ восемь-то ртовъ, а руки-то одни.

— Чтѣ говорить: втроемъ ли кормиться али ввосьмеромъ.

— А полоса-то одна: чтѣ у него, чтѣ у меня...

— Земли-то не жалко, бери... Не хопь ли, я свою половину навалю тебѣ-ка?

— А работать-то кто будетъ? Навалить-то можно, а чтѣ пути-то, коли руки-то одни, да и бурка-то одинъ.

— Ну, такъ...

— Чтѣ?... Тебѣ, знамо, хорошо: васъ трое, а у меня ввосьмеро ртовъ-то... Пожалуй наваливай: она, земля-то, хороша къ рукамъ, а безъ рукъ-то чтѣ съ ней подѣлаешь... Лежи, пожалуй, безъ сѣмянъ-то она, своль угодно... На меня и то лишній рознигъ навалили, а что корысти-то: три мѣшка сѣяль, а пять сняль... Вотъ-те и приполонъ весь: съ чего платить-то?

— Требуется, такъ плати...

— Плати!.. Чѣмъ платить-то?.. Требуется!.. Знамо, требуется, а коли не съ-чего взять?

— Такъ обществу, что ли, за тебя платить важинный разъ... И то озапрошлому году за тебя отдувались, — будетъ!.. Никому не нужно за людей-то править... Правь самъ за себя...

— Ну, я буду править... А ребятъ-то моихъ міромъ кормите — вотъ!.. Прокормите ли?..

— Да постой, Степанъ Прохоровъ... а, Степанъ Прохоровъ, — постой!.. Ну что зря-то зашумѣли? Може, совсѣмъ не на счетъ того...

— Сказываютъ: самъ хотѣлъ выдти, Федотъ Семеничъ.

— Такъ что?

— Ну, стало быть, недонму выбивать...

— А може нѣтъ? Развѣ мало въ міру дѣловъ? Староста вонъ ругался, что сторожовъ не было ночью...

— Опять штраповать хочеть?... Затихъ-было, да опять...

— Да на что намъ сторожовъ-то?.. Чего сторожить-то?...

— А пустое-то мѣсто...

— Знамо, пустое: хошь сторожи, хошь нѣтъ, ничего не прибудеть.

— Для всякаго случая...

— Спать-то въ шалашу? Пожалуй, спи для всякаго случая: все равно проспнешь... Что на печкѣ-то, что въ шалашу, все одно...

— Знамо—все одно: наломашь спину-то, не до сторожи...

— А небольшое бы дѣло и посторожить-то, и тѣ сказать: общество у насъ немалое, когда еще чередъ до кого дойдетъ, а одноа бы для опаски... Ночь-то бы куда ни шла...

— Ну, таъ и сторожи, коли больно заботенъ... У тебя есть что сторожить-то, ты всѣмъ запасенъ,—тебѣ и слѣдъ. Ты и безъ того, чай, ночи-то не спишь, бережешься... Вотъ бы за любовь обществу и послужилъ: сторожилъ бы да сторожилъ...

— Я отъ своего череду не отрекаюсь: придетъ мой чередъ и посторожу...

— Чего чередъ?.. Нѣтъ, а ты по-божески: у тебя вонъ четыре коровы-то, а у меня одна, да и безъ молова, яловая прогуляла; у тебя овецъ-то пятокъ, а у меня и шерстины нѣтъ; да и во всемъ: и въ хлѣбѣ-то, и въ стройкѣ, и въ деньгахъ, ты во всемъ супротивъ меня запаснѣе, може, во сто разъ—вотъ тебѣ по-божески и выходить: съ меня одна ночь, а съ тебя отъ вѣшняго до зимняго Микола, либо съ Егорья до зимняго заговѣнья—сторожи ежедѣнь... Вотъ и выровняешься супротивъ меня... А то—въ чередъ...

— Либо вотъ что: мы спать будемъ, а ты штрапы за насъ плати.

Въ толпѣ засмѣялись.

— Съ вами развѣ дѣломъ сговоришь: вамъ резонъ толкуешь, а вы—шутъ васъ знаетъ...

— Что? что?.. Мы ничего! Ты намъ резонъ, а мы тебѣ другой, ты одинъ, а мы два. Дѣло общественное: отъ одной земли кормимся, одну и повинность несемъ. Ты вотъ богатъ, да запасенъ, а у насъ нѣтъ ничего: ну, стало быть, и послужи миру по силѣ, за все общество...

— Да постоитъ, полноте... Чего взялись? Вона староста идетъ: сейчасъ скажетъ на-счетъ чего... Что безъ пути-то...

Староста подошелъ. Поздоровались. Толпа сгрудилась къ нему.

— Почто собиралъ,—насчетъ чего? Объ чемъ сходъ-отъ?—спрашивали его со всѣхъ сторонъ.

— Погодите. Ѳедотъ Семенычъ приказалъ: самъ явнулся придти. Я, признаться, со сна и не разобралъ путемъ: ничто на счетъ кабака, да ребятъ. Ночью разбудилъ меня: сходи, говорить, созови утра... Самъ приду. На счетъ сторожовъ тоже. Опять, черти, никто не вышелъ... Не все равно дрыхнуть-то: спали бы въ очередь въ шалашу-то, такъ нѣтъ... Да вонъ идетъ самъ. Староста мотнулъ головой по направленію къ дому старшины, откуда выходилъ Ѳедотъ Семенычъ. Сходи примолеть и ожидалъ его. Заповодавшіе торопились присоединиться къ толпѣ.

Поздоровавшись съ мірянами, Ѳедотъ Семенычъ прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ разсказалъ, что ночью онъ накрылъ въ избѣ у Ѳедора цѣловальника въ задней горницѣ цѣлую кучу молодежи, которая убѣжала отъ него; что онъ не знаетъ, кто именно былъ тамъ, но успѣлъ замѣтить нѣкоторыхъ ребятъ, которые прятались по своимъ домамъ. Онъ не назвалъ, впрочемъ, пока никого изъ замѣченныхъ имъ, и кончилъ свой разсказъ такимъ вопросомъ:

— Ну, какъ, міряне, полагаете: дѣло дѣлаютъ наши ребята, что по ночамъ собираются, отъ отцовъ прячутся и ничто орудуютъ, стало не хорошее, потому потаенно да ночью на добрыя дѣла не собираются, особливо у кабатчика? Благословяете вы на это своихъ ребятъ, или нѣтъ?

Изъ толпы слышались голоса.

— Какое ужъ тутъ благословеніе, Ѳедотъ Семенычъ... Путное ли это дѣло, по ночамъ...

— На что ужъ хуже...

— Ночью какой путь... Знамо, не за хорошимъ...

— Извѣстно, молодые ребята, дурять...

— Пьянствуютъ, стало быть...

— А либо въ карты.

— Ишь ты, — ночью, нѣтъ на нихъ дня, пострѣлы...

— Знамо, непутные...

— Кто таковы были-то, Ѳедотъ Семенычъ? Кого запримѣтилъ-то?..

— Ты намъ молви: мы потачки не дадимъ, мы ихъ вздуемъ.

— Знамо, надо поучить...

— Таеъ, стало быть, не хвалите? — продолжалъ старшина.

— Кто похвалить? — отозвались изъ толпы. — За это одна палка хвалить. Намъ бы только дознаться кто...

— Вѣдь, если ребята наши бѣгаютъ по ночамъ, къ Ѳедѣбѣ, — началъ опять Ѳедотъ Семенычъ, — стало быть, онъ ихъ поитъ...

— Безпремѣнно, ужъ это безпремѣнно...

— А поить, стало, не даромъ: денежки же съ нихъ получаютъ... А гдѣ они деньги берутъ? — У васъ же, стало быть, у отцовъ таскаютъ...

— Таскаютъ, безпремѣнно таскаютъ... — воодушевленно заговорилъ нѣсколько голосовъ. — Гдѣ ему взять, подлецу: знамо, утащить... Вотъ оно овесъ-то куда...

— Вотъ холстина-то у бабы пропала.

— А льну-то не досчитывается моя старуха...

— Пропалъ, братецъ, у меня колоколець мѣдный, да и шабашъ, — а вотъ онъ, знать, гдѣ...

— Чего, колоколець: у меня курицы съ насѣсти двѣ сгинули, да и на — поди, хорошия курицы, несучки... Думали — хорь, а вотъ онъ, хорь-то: у Федьки, значить.

— Да у нихъ карты завелись: въ карты дуются; все лѣто, какъ гдѣ за угломъ, глядишь, сидятъ кучкой, играютъ. Въ деньги, братецъ, самъ видѣлъ... Отбились, ребята, чтó говорить, отбились, — разоряютъ.

— Ну, такъ вотъ что, господа-миране: на тотъ годъ Федюшку изъ кабака выгонимъ: хошь бы онъ вдвое давалъ, ему не сдаться, потому въ немъ вся сила, все зло въ немъ.

— Въ немъ, въ немъ, Федотъ Семенычъ... Изъ жилъ тянуть!.. Ненасытный!.. Вишь, развился какъ, а давно ли, какъ жись... Всю деревню опуталъ: кругомъ всѣ въ долгу у него...

— А не порѣшить ли намъ и совсѣмъ кабакъ-отъ?.. Жили мы безъ него — лучше было... И ребята наши меньше дурили, да ровно какъ и на деревнѣ-то не такое пьянство было... Подумайте-ка, православные: право, лучше будетъ совсѣмъ безъ него... А? не порѣшить ли его совсѣмъ?..

Толпа затихла. Всѣ были озадачены неожиданнымъ предложениемъ и молчали. Федотъ Семенычъ ждалъ отвѣта.

— Для общества-то оно поддержка большая, Федотъ Семенычъ, — заговорилъ первый староста, — на-счетъ всякаго случая... Все она ренда, какъ бы ни было, сто рублѣвъ: на полу не валяются... Когда, на счетъ, недоимка, а вдругъ требуется, вотъ оно и очень пользительно бываетъ: я ужъ послѣ ее съ общества-то выбью, а она вдругъ, вотъ и пользуетъ въ этомъ много...

— Это правильно, что пользуетъ... Тоже — въ міру сто рублѣвъ — деньги... — поднялись голоса въ поддержку старосты.

— Нѣтъ, по нашему мѣсту и безъ питейнаго никакъ невозможно: то же деревня не маленькая,.. Опять же хотъ бы и Федька: какъ-ни-какъ, а то же ссужаетъ... А въ нуждѣ-то къ кому сунешься?.. Да и опять же вольному воля, спасенному рай:

кто не хочет пить, такъ не станеть, а ужъ этимъ не удержишь другого, что кабака дома нѣтъ: захочеть выпить, такъ и въ село убѣжить... А однако же намъ въ пользу: все ренда... Какъ можно, братецъ...

— Полноте, братцы, подумайте-ка, посчитайте сами себя: въ пользу ли вамъ эта аренда. Съ кабака-то пускай вы и получите сто рублей, да сколько въ кабакъ-отъ снесете... Вѣдь Ѳедька-то сколько выручаетъ: вотъ сто рублей въ общество заплатить, да патентъ чего стѣить, да самому прожить, прокормиться, да, вѣдь, и нажиться пушно: сами говорите, что не въ долгихъ нажился... А откуда всѣ эти деньги въ нему идутъ: все отъ васъ же, вѣдь ни отъ кого больше. Не онъ вамъ аренду, а вы ему оброкъ платите и оброкъ-то большой: не сто рублей, а можетъ тысячи, какъ все-то сосчитать, — только оно незамѣтно уходитъ... Вотъ вы что посчитайте... вотъ о чемъ подумайте.

— Да это вѣрно, Ѳедотъ Семенычъ, твоя правда самая истинная... Кабы не слабость-то наша, такъ на что бы лучше эти бы деньги беречь: богаты бы были. Да вотъ слабость-то чело-вѣческая, никакъ и не удержишься... Опять же эти деньги такія: ихъ никакъ усчитать невозможно, потому иной съ горя, другой съ радости идетъ, у всякаго свой случай... А однако же намъ сто рублей не мѣшаетъ, а на новый срокъ, смотри, полтора ста возьмемъ, хоть бы и не съ Ѳедюшки, и безъ него охотниковъ на нашъ кабакъ много будетъ: у насъ мѣсто хорошее. Нѣтъ ты, Ѳедотъ Семенычъ, вотъ что: мы тебя почитаемъ всячески, ты Ѳедьку сгони: бери съ насъ приговоръ, руки прикладываемъ; какъ его срокъ отошелъ въ тому году — не надо намъ его ни съ чѣмъ, а ужъ эту статью ты не трошь. Она намъ въ пользу: все она ренда... Не ввидимо, а оно сто рублей... Однако же... это деньги...

Раздались было два-три голоса зажиточныхъ крестьянъ въ пользу предложенія Ѳедота Семеныча, но общество очень недружелюбно опрокинулось на нихъ, объясняя ихъ заявленіе ничѣмъ другимъ, какъ намѣреніемъ, въ случаѣ закрытія кабака, начать корчемную торговлю водкой.

— Вѣдь, ужъ было это на глазахъ, — говорили крестьяне: вонъ — въ Орѣховѣ порѣшили тоже кабакъ, такъ вотъ экие-то, какъ вы, тотчасъ и почали въ тихомолву торговать: барыши-то берутъ, сами-то наживаются, а обществу-то одинъ убытокъ; тутъ хоть небольшая да ренда, а тамъ и того нѣтъ... Знаемъ мы это — довольно... Не хощь пить, хочешь деньги беречь, такъ никто тебя силой не неволить — твое дѣло.

Федотъ Семенычъ замолчалъ, видя, что въ этомъ отношеніи его вліяніе не сильно.

— Ну, да это какъ знаете: не хотите слушать добраго слова—ваше дѣло... А что же намъ съ ребятами-то дѣлать, чтобы не баловались, отцовскаго добра не тащили и не пьянствовали?..

— А что дѣлать больше съ ними, Федотъ Семенычъ: стегать нужно хорошенько, чтобы помнили... Ты только молви намъ, кто былъ, хошь одного: вотъ мы ему сейчасъ опросъ дадимъ про другихъ-прочихъ, кто съ нимъ былъ, да всѣхъ и выстегаемъ...

— Одного-то виноватаго я знаю навѣрно и сейчасъ скажу вамъ, только впередъ прошу васъ, міръ честной, не мирвольте его, а поучите его хорошенько на всемъ сходѣ въ примѣръ другимъ. Сынишка мой, Кирюшка, былъ тамъ: вотъ съ него и начните, отъ него и обо всѣхъ другихъ прочихъ узнаете... Сейчасъ я его пришлю къ вамъ, только прошу васъ, православные, какъ отецъ, прошу и влѣваюсь вамъ: не мирвольте вы ему, что старшиновъ сынъ, а поучите хорошенько; изъ рукъ онъ у меня отбивается, горевъ онъ сталъ моему родительскому сердцу.

— Пойдемъ-ка, староста, я тебѣ сдамъ его съ рукъ на руки... Не оставьте же, православные...

Федотъ Семенычъ низко поклонился, отеръ слезу, которая скатилась на его сѣдую бороду, и въ сопровожденіи старосты быстро пошелъ домой.

Мужики стояли нѣсколько мгновений безмолвные и озадаченные, молча смотрѣли вслѣдъ уходящему старику и переглядывались другъ съ другомъ. Потомъ вдругъ всѣ заговорили.

— Вишь ты, старикъ: заревѣлъ.

— Тоже горько; свое, родное...

— До кого ни доведись...

— Себѣ не вѣрить, міру повѣрилъ... Вотъ оно...

— Міръ, знамо: онъ разберетъ.

— Міръ рассудитъ.

— Онъ выщетъ, братъ, лучше...

— Для стыда онъ это дѣлаетъ.

— А то что? Знамо для стыда: возжи-то, чай, и дома есть: вяжалъ, связавъ, да и дуй... На то отецъ...

— Мать-то баловщица...

— Что мать? Мать въ своемъ мѣстѣ: матери, извѣстно, жалко: бабы жалливѣе мужика всегда...

— Какая, братъ, баба: всякія есть...

— Нѣтъ, это онъ отъ ума... Знаетъ, міръ не убьетъ и ему въ совѣсть...

— Кажь бы ни было, братъ, старшиновъ сыгъ... Подивось ты, нѣтъ другой бы носъ задраль... Нѣтъ, онъ старикъ стоящій, даромъ скупъ...

— Что скупъ? Онъ свое бережетъ, не чужое... Не для кого, для него же... для Кирюшки...

— А плуть же парень вышелъ Кирюшка... У-у, какой... Не въ отца...

— Вонъ ведетъ староста, вонъ ведетъ...

— Что, попался, братъ...

VI.

Сильно всполошилась и обезпокоилась Федосья Осиповна, когда Федотъ Семенычъ, придя домой, печальный и разстроенный, велѣлъ Кириллѣ идти съ старостой на сходъ... Кирилла только-что проснулся передъ возвращеніемъ отца и принимался-было за завтракъ, который успѣшила приготовить ему мать.

— Почто его-то на сходъ?—тревожно спросила мужа Федосья Осиповна, по материнскому инстинкту почувствовавшая, что ея сынку угрожаетъ какая-то бѣда.

— А тамъ разспросать, да разберуть, что онъ сегодня ночью дѣлалъ, гдѣ и съ кѣмъ былъ.

— Я нигдѣ не былъ...—заговорилъ-было Кирилла, невольно поблѣднѣвшій и смотря въ землю.

— Ну, такъ, староста, скажи тамъ на сходѣ, что вотъ я самъ видѣлъ, какъ онъ выбѣжалъ отъ Федьки-кабатчина съ ребятами, а онъ въ глаза мнѣ вретъ, запирается... Такъ пускай міръ и за это съ него взыщеть, что у него даже совѣсти-то, раскаянья-то нѣтъ никакого... Возьми его, веди... Коли не раскажетъ самъ всего на сходѣ: кто съ нимъ былъ, что они у Федьки дѣлали и давно ли они этакъ хороводятся, такъ я самъ скажу тогда, кто былъ окромя его и кого я видѣлъ, тогда и взыскъ съ него будетъ вдвое: перво, чтобъ не дурилъ, второе, чтобъ не запирался... Ступай!.. Веди его съ глазъ моихъ долой...

Староста потянулъ Кириллу за рукавъ рубашки, и тотъ, весь блѣдный, не поднимая головы, повернулся-было, чтобы идти за нимъ, какъ вдругъ Федосья Осиповна съ воплемъ бросилась въ ноги къ отцу.

— Батюшка, Федотъ Семенычъ, что ты хошь дѣлать? Неужто?.. Да какъ же ты это хошь на всемъ міру осрамить его... А еще женить хочешь: какой же онъ будетъ женихъ... Чтой-то

ты... Старшиновъ сынъ да на міру... Погодь батюшка, Григорій Сидорычъ, погодь, не води...

— Ступай, ступай, Григорій, не слушай... У отца отбился отъ рукъ, такъ пускай міръ судить... Правъ, такъ міръ и оправить, а виновать, такъ пускай всё знаютъ, что я сыну не потагчиъ, чтобы и другимъ не повадно было, на него глядя, что старшиновъ сынъ... Веди, говорятъ, прикривнулъ онъ на старосту.

Тотъ уже безъ церемоніи взялъ Кириллу за руку и вывелъ изъ избы.

Өедосья Осиповна, между тѣмъ, и визжала, и ревѣла, и бранила мужа и порывалась-было броситься вслѣдъ за сыномъ, но Өедотъ Семенычъ остановилъ ее.

— Полно блажить...—говорилъ онъ женѣ.—Небось, головы не снимутъ, а поучать, такъ для него же въ пользу... Ранѣ бы надо думать да учить, а не баловать, не потакать... Испортила парня, а теперь ревѣтъ... Вонъ, вѣдь, они ужъ на что пошли: таскаютъ у отцовъ-то, да носятъ къ Өедюшкѣ. Такъ мнѣ дожидаться, чтобы онъ, сынъ-то мой, совсѣмъ воромъ сталъ?

— Такъ на-что же на міру-то? Ты бы самъ, изъ своихъ рукъ родительскихъ. Кто за него теперь пойдетъ: какая?..

— Я передъ сватомъ Герасимомъ не тайлся: все про него рассказывалъ; а передъ міромъ мнѣ и подавно таяться не слѣды: мы на міру живемъ... Давно ужъ я до ребятъ деревенскихъ добирался, давно и слышу, и вижу, что не путное ребята творятъ, такъ что же мнѣ, по-твоему, своего покрывать, а другихъ выставлять, али изъ-за своего и о другихъ молчать: пушай балуются.

— Такъ вѣдь ты, чай, старшина, а онъ твой сынъ, а тѣ рядовые.

— Сегодня старшина, а завтра опять рядовой мужикъ... Нечего гордыбачить-то: мы не господа; міръ-то и меня судить можетъ, не то эвого пострѣла... Да что съ тобой толковать: не докучай мнѣ... Давно ужъ я тебѣ говорю: смотри за сыномъ, не балуй, не давай повадки, а мнѣ лучше сказывай, коли ежели что примѣтишь; а ты напротивъ того, только покрывала его... Вотъ и нажила: и пьяница, и ворюшка сталъ. Молчи, говорятъ, не надсажай меня: безъ того тошно... Никто, сама довела!.. А еще реветъ, воетъ: невидаль, эвого принца на сходѣ поучать!.. По-дѣломъ...

— Да я только-что... Какъ же женить хотѣлъ: сватовъ по-

сылать...—говорила Федосья Осиповна, тихо всхлипывая и вздрагивая плечами.—А теперъ чтó же будетъ?..

— А тоже и будетъ: его поучать передъ новой-то жизнью; а ты сватовъ посылай, хошь сегодня же и посылай...

— Да за него не пойдетъ теперъ, пожалуй, и Анна-то... Лестно-ли: на міру сѣченный...

— Небось, Герасимъ на это не посмотритъ: Анна все равно пойдетъ...

— Тоже и я думала, что хошь не больно важную невѣстку возьмемъ, да по крайности хошь почитать меня будутъ и она, и семья, что въ этой домъ идетъ, за старшинова сына... А теперъ что, батюшки мои: хорошь старшиновъ сынъ, на міру сѣченный!.. Какого ждать почтенія? Чуть что, такъ сейчасъ и попрекнуть, и скажутъ: ты, сватьюшка, не больно, моль, заносись, мы еще для васъ сдѣлали, что за такого дочку отдали, что на всемъ, на міру... А, батюшки мои, стыдобушка моя, какъ на людей смотрѣть, какъ за окно выглянуть!.. Да и ему-то на невѣсту-то будетъ стыдно глядѣть, глазъ на нее не поднять... Киришенькѣ-то...

— А мнѣ то и нужно, чтобы ему стыдно противъ нея было, чтобы онъ не больно зазнавался, а слушался ее: помнилъ бы какая мѣтка на него положена за его художества... Ну, да будетъ же, говорятъ: перестань...

Федосья Осиповна продолжала молча плавать и отъ времени до времени хватала себя за голову и покачивалась, сидя на лавкѣ.

Между тѣмъ на сходѣ шелъ разборъ дѣла.

Кирилла сначала во всемъ было заперался, но подъ угрозой увеличеннаго взысканія за заперательство началъ выдавать одного за другимъ и всѣхъ своихъ товарищей.

— Что же вы тамъ дѣлали?—спрашивали его.

— Чтó дѣлали? Ничего... Чай пили.

— А водку лопали?..

— Малость самую...

— А это деньги платилъ?

— На мой счетъ.

— А ты гдѣ взялъ?

— Въ долгъ повѣрилъ Федоръ Гаврилычъ.

— А чтѣмъ же бы ты заплатилъ?

— Досталъ бы.

— Досталъ!.. Гдѣ тебѣ, братецъ, достать.

— Матушка бы дала: она радѣльна ко мнѣ...

— И завсегда на твой счетъ пили, презъ того когда бывало?

— Гдѣ завсегда: всякій за себя платилъ...

— Гдѣ же брали?

— А я почему же знаю: не мое дѣло...

— Значить, у отцовъ таскали...

— Въ этомъ я не знаю.

— Ахъ вы, мошенники, мошенники, разорители!.. Ты, Кирилл, сказывай, потому какъ батька намъ тебя на всю нашу волю отдалъ...

— Да что же, господа-миряне, простите Христа-ради; я не одинъ бывалъ, гдѣ-жъ мнѣ знать про всѣхъ... Спросите другихъ.

— Допроси моего, допроси, ребя...—заявилъ одинъ изъ отцовъ, а за нимъ того же потребовали и прочіе, у кого были обвиняемые.

Начали спрашивать и узнали многое, узнали куда скрывались овесъ, рожь, ленъ, колоколець и т. п. Сходъ взволновался противъ Федора Гаврилова.

— Что же онъ нашихъ робать портить...

— Разъ ему можно отъ робать примать по ночамъ тайнымъ манеромъ..

— Ночью, онъ не могъ торговать...

— Ночное дѣло, знаем: все украсть можно... Не примѣтишь...

— А онъ примаетъ... робать портить...

— Парень, онъ извѣстно... робѣнокъ... Другой не понимаетъ, а изъ дома тащить...

— Теперь онъ всѣхъ насъ пограбилъ...

— Пограбилъ и есть: гдѣ колоколець-отъ? Мѣдный колоколець былъ у меня, а онъ у него...

— А у меня цѣлый конецъ суровины: въ нему же выходить...

— Можетъ онъ не то, что... а однимъ хлѣбомъ сколь набралъ... Отпустить на гривенникъ, а беретъ на полтину, потому они тайнымъ манеромъ...

— Опять же ночью...

— Какъ можно, братецъ: она ночь—не видно...

— А они таятся: бери чтò кошъ съ нихъ...

— Теперь съ него мало три ведра за это художество спить нужно...—подалъ кто-то мнѣніе. И то не выворотить.

— Чтò три ведра: выворотить ли этимъ...

— А вотъ его, мошенника, нажать нужно, чтобы онъ зналъ...

— Позвать его на сходъ-отъ: пострацать, пуцай знаетъ...

— За это, братъ, не похвалять: дѣло поднять, оно острогомъ пахнетъ, потому ночью...

— Острогомъ!.. Мало острогъ — въ Сибирь угодить, потому они, робята, не понимаютъ, опять же въ суверитности...

— Позвать его, робя...

— Знамо позвать... Неужто такъ и...

Порѣшили послать за сидѣльцемъ, а между тѣмъ произвести расправу съ виноватыми. Но Федоръ на сходъ не пошелъ: онъ уже былъ увѣдомленъ благопріятелями о всемъ, что происходило на сходѣ, начиная съ предложенія Федота Семеныча объ отказѣ ему въ арендѣ кабака до подробностей допроса обвиняемыхъ, и отвѣчалъ посланному:

— Нечего мнѣ тамъ дѣлать... Я при своихъ обязанностяхъ... Я не деревенскій: что мнѣ вашъ сходъ... Вашему сходу меня не судить.

Когда этотъ отвѣтъ былъ переданъ, мужики обидѣлись и надумали идти сами всѣмъ сходомъ къ кабаку, чтобы вызвать Федора на объясненія, и, если можно, понажать и выворотить съ него хоть что-нибудь, въ вознагражденіе причиненныхъ имъ убытковъ.

Толпа подошла къ кабаку и остановилась передъ входомъ въ него. Староста отворилъ двери и увидѣлъ Федора Гаврилова, который стоялъ за стойкою, точно въ крѣпости, съ гордымъ и вызывающимъ видомъ, готовый къ оборонѣ.

— Повыдь-ко сюда, Федоръ Гаврилычъ, — сказалъ староста.

— Что такое требуется, за какой надобностью? — спросилъ пренебрежительно Федоръ, не трогаясь съ мѣста.

— Обчество желаетъ тебя... поговорить... — объяснялъ староста, стоя въ отворенныхъ дверяхъ кабака и не переступая порога.

— Какіе такіе разговоры? Съ долгами, что ли, пришли, такъ пускай входятъ одинъ по одному: у меня всѣ переписаны за кѣмъ сколько, сейчасъ расчесть сдѣлаемъ...

— Обчество на тебя въ обидѣ...

— Какая такая обида?... Не я бралъ, у меня занимали... Кажется, жду довольно, а больше и ждать не стану, пора и заплатиться.

— Не про то, — заговорилъ-было староста.

— А про что же? — перебилъ его Федоръ нахальнымъ тономъ.

— А на что робять нашихъ по ночамъ приучилъ къ себѣ ходить?...

— У меня по ночамъ кабакъ запертъ, а въ домъ я къ себѣ могу гостей принимать за всякое время... для собственнаго времяпровожденія...

— Балуются они: сейчасъ стегали...

— Ваше дѣло... А мнѣ-то чтѣ изъ того?...

Староста былъ всегда въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Федоромъ, и потому хотя не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ порученія общества, но старался говорить съ сидѣльцемъ по возможности дружелюбно. Во время его переговоровъ вся толпа, остановившаяся-было на улицѣ въ ожиданіи выхода сидѣльца, мало-по-малу сдвигалась впередъ и сгрудилась за спиною старосты.

— Ты чего-жъ о себѣ полагаешь: не взбучимъ, что ли, тебѣ бока-то?—послышался вдругъ изъ толпы чей-то голосъ.

— Коли вы съ разбоемъ пришли, такъ, вѣдь, я караулъ закричу...—сказалъ, вдругъ поблѣднѣвши, Федоръ Гавриловъ. — Староста, ты что же это смотришь?...

— Постой... да не въ томъ... Чтой-то, робя... Разъ такъ слѣдь?... Постой, Федоръ Гавриловъ, это что... непутевыя слова... А какъ, напримѣръ, прималъ отъ ребятъ...—говорилъ староста.

— По ночамъ...—перебилъ кто-то изъ толпы.

— Всякимъ обощомъ...

— И воловолецъ...

— Постойте, погодите,—останавливалъ староста.—Разъ такъ, ребята?... Что же будетъ изъ этого... ахъ!..

— Постойте, постойте... Пуцай староста! — заговорили въ толпѣ.

— Вотъ общество и сумлѣвается,—продолжалъ староста, обращаясь снова къ Федору Гаврилову,—на счетъ, что ребята таскали, значить, къ тебѣ... всякаго харчу...

— Отъ отцовъ...—подсказалъ какой-то нетерпѣливый сади.

— Сутайно... ночью...—подхватилъ другой.

— Да постой же, робята... Эхъ-ма!.. Вотъ общество и въ обидѣ на тебя: зачѣмъ принималъ отъ ребятъ.

— Никогда, ни отъ кого не принималъ: все это враки... пустое дѣло!...—возразилъ Федоръ.

— А какже не принималъ? Водку же пили, чаемъ поилъ?...

— И въ карты...—снова подсказали сади.

— Ну, такъ что съ того? Ежели и чаемъ поилъ, и воды подносилъ, коли такое мое желаніе угостить... Ты развѣ гостей своихъ не привѣчаешь, не подчуешь?...

— Такъ, вѣдь, то, Ѳеодоръ Гаврилычъ... то не въ продажу, а за любовь...

— И я не въ продажу, а за любовь...

— А почто же бралъ?... — заговорило нѣсколько голосовъ сади. — Хлѣбомъ бралъ, мукой, овсомъ... А гдѣ лень-отъ?... У меня масла горшковъ пропалъ... Куриць сожралъ... Колоколець, мѣдный!.. Грабитель!.. Радъ жилы вытянуть... За это острогъ бываетъ... Сибирь...

Ѳеодоръ Гаврилычъ переждалъ этотъ взрывъ.

— Да коли я вамъ свазываю, что эту амбицію я держалъ: за любовь потчивалъ, ничего не бралъ...

— Вишь ты, не бралъ... Святъ мужъ...

— А дай росписку, что ты не бралъ, а у насъ свидѣтели есть...

— Кто у васъ свидѣтели: ребята-то? Такъ вы ихъ слушайте больше: они и не то наврутъ... Какіе они могутъ быть свидѣтели, коли они сами виноваты: таскали у васъ, сами вы ихъ стегали... Развѣ ихъ въ свидѣтели примутъ?...

— А ты вотъ что, ты, Ѳеодоръ Гавриловъ, выставь намъ три ведра, вотъ и съ концомъ дѣло...

— Это за какіе же такіе благотворенія ваши?

— Да ужъ такъ выставь—за любовь: мы отъ тебя и отступимся... Чортъ съ тобой, пропадай наше...

— Да съ какой-такой пріятности буду я выставлять-то?

— А съ того пріятнаго: мы теперь на тебя въ обидѣ, а ты рендатель нашъ. Мы черезъ тебя нашихъ робятъ выстегали, а ты черезъ насъ живешь... Вотъ выставь, и ровно какъ промежь насъ ничего и не было...

— Больно жирно будетъ... Живу я черезъ васъ!—Нѣтъ, вы бы вотъ сначала долги-то заплатили... Сегодня я арендаторъ вашъ, а завтра, можетъ, и нѣтъ, а я безъ своего не уйду, мнѣ мое отдай: у меня за всякимъ писано: сколько за еѣмъ... Я безъ того не уйду...

Во время этого разговора и перебранки, сади стоящіе толкнули старосту черезъ дверь внутрь кабака, и вошли вслѣдъ за нимъ, и теперь все общество находилось уже лицомъ къ лицу съ Ѳеодоромъ Гавриловымъ.

— А ты вотъ что... Ѳеодоръ Гаврилычъ, ты вотъ что... — уговаривалъ его староста.—Постойте, ребята... Ты не въ обиду, на что въ ссору, а ты сдѣлай обчеству въ удовольствіе, коли ежели обчество желаетъ: ну, поставь два ведра... Мало ли промежь людей чтó бываетъ... Такъ ли, братцы, я говорю...

— Такъ точно: ты для насъ постарайся, и мы для тебя постараемся...—отвѣчали болѣе умѣренные изъ толпы.

— Потому намъ своего жалко: мы своихъ робать-то стегали, не чужихъ, а изъ-за кого? все изъ-за тебя, все твои штуки... твое послабленье... Коли ежели что, можно тебя и къ отвѣту...

— Извѣстно: наше подай, не чужое... А на согласъ не пойдешь, можно и...—кричали крайніе, напирая на стойку. — Вашего брата, знаешь, какъ можно поучить...

— Да ты на стойку не лѣзь: чего на стойку лѣзешь?... Здѣсь бунтовать нельзя... Тутъ часть казенная: бунтовать не позволяется... Отвѣтишь...—стращаль Федоръ Гаврилычъ.

— Зачѣмъ лѣзть... Не лѣзь, ребята, — уговариваль староста. — Тутъ дѣло любовное и вправду... Что безъ пути шумѣть: мы для него, а онъ для насъ... Вотъ, любовное дѣло...

— Такъ чего же онъ очень... Ужъ не много и то кажись: на все-то общество два ведра... Можно бы, кажется... Рендатель тоже... Можно и поклониться міру...

— Поклониться!... Было бы изъ чего кланяться-то... Вамъ всякое убогоствореніе дѣлаешь, а вы что затѣвали на сходѣ со старшиной-то своимъ?... Рендатель... да!...

— Ну, мало ли что на міру говорится, Федоръ Гаврилычъ, — заискивающе возражалъ староста. — Мало ли что говорится, да не все то дѣлается.

— Чего не дѣлается... Приговоръ обѣщали написать... Что думаете, испугали что ли?... Не думай... Я себѣ мѣсто найду еще получше вашего... А вотъ какъ платить придется, кто займоваль, такъ тутъ еще увидимъ, кто кому кланяться будетъ... Кой не долженъ-то? Ну-ка!...

Большинство мірянъ притихло и опустило глаза въ землю. У Федора Гаврилыча пробѣжала по лицу торжествующая злобная улыбка.

— Эфти долги ни въ какомъ законѣ не писаны... Не пужай: не страшно... Долги-то кабацкіе: ихъ никакой судъ не судить...—послышались голоса изъ заднихъ рядовъ. — Бога не боимся: ни съ чѣмъ уйдешь...

Улыбка исчезла съ лица Федора; глаза его быстро и безпкойно забѣгали и заморгали.

— Такъ вы что?—безо всякой, безъ совѣсти, что ли? — заговорилъ онъ быстро. — Во всякомъ рублѣ съ васъ росписку, что ли, братъ?... Креста-то нѣтъ, что ли, на васъ? Запрѣтеса, такъ подь присягу подведу!.. Не всё, чай, душу-то чорту продали...

— Это, братъ, нонѣ не требуется: не пужай!...—послыша-

лись опять голоса свади.— Не пойду, такъ силой не поведешь подь присягу. Шалишь... Нонѣ воля... къ этому. Подписки нѣтъ — и шабашъ, ступай домой. Самъ мировой не присудить: это намъ тоже довольно извѣстно...

Федоръ Гаврилычъ видимо смутился, но старался скрыть свое безпокойство и собирался возражать; но вмѣшался староста.

— Ну-ка, полно и вы, ребята, и ты, тоже, Федоръ Гаврилычъ... отстань-ка... Почто свариться!.. Ну, какъ это возможно, чтобы, напримѣръ: взялъ на совѣсть да не отдать?... Ну, что брехать зря... И ты, Федоръ Гаврилычъ, не ссорься ты съ міромъ: вишь желаютъ, ну и ты потрафь, потому и твоя оплошечка была, на счетъ ребятъ... Ну, разобьемъ грѣхъ пополамъ: выставь полтора ведерка— вотъ и дѣло съ концомъ... Что тебѣ составляетъ для всего общества?..

— Да опеитесь: я вамъ пожалуй полъ-ведра выставлю... Наплевать!... Только, чтобы мнѣ, коли такъ, на всемъ міру учесть сдѣлать и за руками подписку дать: сколь, значить, за бѣмъ состоятъ, а староста чтобы печать приложилъ... Вотъ съ тѣмъ, пожалуй, такъ и быть полъ-ведра ставлю.

— Полтора поставишь... Подписку?! Поставь полтора!... Мало: два, катай!...—заголосила толпа.

— Жирно будетъ, облопаются: полъ-ведра больше не дамъ...

— Два!... полтора! Надбавь, чортъ... Для тебя же!... Только что во времени дѣло-то, передъ ѣжкой, а то бы на трехъ стоять... Три бы выставилъ... Подписку!... Безъ подписки не обманемъ... У насъ вѣрно, какъ передъ истиннымъ... Взялъ и отдай... Полтора, ребята, на томъ стоять...

Федоръ подь шумомъ шептался со старостой, поторговался еще и, наконецъ, согласился на ведро. Толпа получила двѣ огромныхъ бутылки, и съ шумомъ, со смѣхомъ, съ прибаутками, вывалила изъ кабака и выбрала мѣсто для пиршества на лужку, за околицей.

VII.

Федотъ Семенычъ ожидалъ возвращенія сына со схода. И онъ, и мать увидѣли его въ окно: Кирилла шелъ медленно, опустил голову, жался къ избамъ, какъ-бы стараясь скрыться отъ людскихъ глазъ. Федосья Осиповна, увидѣвши его, всплеснула руками, завопила и поднялась-было, чтобы бѣжать на встрѣчу сына. У Федота Семеныча тоже болѣзненно сжалось сердце, на глазахъ

навернулись слезы, но онъ перемогъ себя и сурово остановилъ жену.

— Перестань, остатки портить парня... Дай ему хоть маленько въ совѣсть-то придти: вѣдь не за хорошее его учили-то... Не ходи, отстань... Подождемъ здѣсь, что отъ него будетъ...

Федосья Осиповна повиновалась, и опять сѣла. Но Кирилла не вошелъ въ избу, а прошелъ въ горницу. Родители слышали, какъ онъ протопалъ по сѣнямъ и хлопнулъ дверью въ свѣтелку.

«Знать, тоже стыдно: совѣсть-то есть же хоть немножко»... — подумалъ Федотъ Семенычъ и обратился къ женѣ:

— Ты побудь здѣсь, не ходи: я съ нимъ одинъ на одинъ потолкую.

Когда старикъ вошелъ въ горницу, Кирилла лежалъ на кровати, отворотясь лицомъ къ стѣнѣ. Онъ не пошевелился даже, когда услышалъ стукъ затворившейся двери и узналъ шаги отца.

Федотъ Семенычъ остановился среди комнаты.

— Что, безсовѣстный, что, огорчитель мой? До чего себя довелъ?... На что ужъ пошелъ: у отца воровать, да по ночамъ пропивать, въ карты проигрывать... Что лежишь? Что отъ свѣта-то отворотился? Слышишь ли?

Кирилла молчалъ.

— Я съ тобой говорю, али нѣтъ?... Чего уткнулся, что молчишь?... Отецъ тебя спрашиваетъ, али нѣтъ?...

Федотъ Семенычъ гнѣвно возвысилъ голосъ.

— Головушка не поднимается... расшибло всего... Силушки моей нѣтъ... — проговорилъ Кирилла, стараясь сдѣлать голосъ жалобнымъ.

— Съ перепоею тебя расшибло-то: хорошо кабы съ совѣсти... Ты бы подумалъ, каково отцу-то... Ужъ, видно, парень отъ рукъ отбился, коли отецъ самъ на сходъ отвелъ, изъ своихъ рукъ поучить не захотѣлъ... Вотъ въ чемъ срамота-то... Старшинновъ сынъ, а его на міру, на всемъ сходѣ... Да ты встань, ничего, это заживетъ, нечего прихериваться-то, а ты встань, да рожу-то своимъ покажи: есть ли въ глазахъ-то у тебя совѣсть... Ты у отца-то...

Но въ это время въ свѣтелку влетѣла, подслушивавшая за дверями и не выдержавшая наплыва нѣжности и жалости къ сынку, Федосья Осиповна. Съ рыданіями бросилась она на сына, собиравшася встать передъ отцомъ.

— Батюшка ты мой, горькой мой! — причитала она. — Испрокудили тебя, изсрамили тебя, истеранили, можетъ восточки адровой нѣтъ, да и того еще мало... Что тебѣ еще, — обратилась она къ мужу: — чего тебѣ еще нужно отъ него?.. Дай хоть окле-

маться парню: може и самъ-дѣлѣ ноженъки-то не стоять, радъ до логова-то добрался... Чтѣ еще мушкаришь-то его, чтѣ му-чишь-то? Вѣдь, въ самъ-дѣлѣ твой сынъ-то, не чужой: что ты его тиранишь, извести, что ли, вовсе хочешь?.. Такъ нѣ, вотъ, изводи лучше—тирань меня, а не ежели глазанькамъ моимъ на это смотрѣть... Въ нутрѣ, вѣдь, ты у меня ножомъ ворочаешь, душу изъ меня всю вымогаешь... Побойся Бога, дай отдышку, не изводи парня вовсе.

Федотъ Семенычъ слушалъ, слушалъ жену, наконецъ махнулъ рукой, плюнулъ и пошелъ вонъ изъ горницы.

— Слушай ты, Кирилла, — сказалъ онъ, собираясь отворить дверь — мать тебя губить отъ своей любви, а я тебя, можетъ, люблю не меньше, только погибели твоей не желаю... И впередъ ты знай: хошь и жению тебя, а если въ чемъ непутномъ опять попадешься, ослаби тебѣ не дамъ, и изъ своихъ рукъ выскивать не стану, а опять на всемъ на міру, на всемъ срамъ, да ужъ такъ, что, пожалуй, самъ и не встанешь... Помни это... Или выбью я изъ тебя дурь, человѣкомъ сдѣлаю, или ты ужъ такъ — на горе мнѣ отъ Бога данъ...

Федотъ Семенычъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ въ избѣ у стола, облокотился головой на руки и задумался. Жена осталась около сына и не выходила къ мужу. Потому старикъ велѣлъ работнику заложить себѣ лошадь, сѣлъ править самъ и поѣхалъ въ Чернушки: онъ надумалъ повидаться, поговорить съ Герасимомъ, рассказать все, чтѣ случилось, и встати поглядѣть поближе и пристальнѣе на Анну.

Дорога ему шла какъ разъ мимо того мѣста, которое крестьяне Ступинскіе выбрали для своей попойки, рассчитывая укрыться отъ глазъ старшины, еслибы онъ поѣхалъ въ волость, т. е. въ совершенно противоположную сторону.

Издали еще Федотъ Семенычъ слышалъ гамъ и говоръ пьяной толпы, а когда выѣхалъ за крайнюю избу, то съ тѣлги ясно увидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, сзади крайняго овина, всю пирующую компанію, сидящую вокругъ двухъ огромныхъ зеленыхъ бутылей. Староста и еще одинъ мужикъ то-и-дѣло наливали изъ этихъ бутылей и по-очереди подносили налитые стаканы одному мужику за другимъ. Ничего нельзя было разобрать въ пьяномъ говорѣ, но видно было, что онъ веселый, дружелюбный, сопровождался смѣхомъ и оживленными движеніями.

— Съ чего это они? — невольно спросилъ самъ себя старшина. — Неужто съ радости, что сыновей-то поучили?.. Чудное дѣло!.. Я вотъ убиваюсь съ горя, а имъ ничего...

Онъ привязалъ лошадь къ огороду и пошелъ къ пирующимъ. Его скоро замѣтили...

Въ кругу сдѣлалось волненіе, собесѣдники затихли, начали подниматься на ноги, поталкивали другъ друга въ бокъ; одинъ догадливый мужикъ, желая скрыть бутылъ, надѣлъ на нее свою шапку, но она покрыла только одно горло; нѣкоторые невольно засмѣялись, но тотчасъ сioxватились и перестали. Всѣ знали, что старшина ненавидитъ пьянства.

— Съ какой радости, братцы? — спросилъ старшина, подходи и отвѣчая на поклоны. Всѣ молчали. Выступилъ и какъ-то бокомъ подошелъ къ старшинѣ староста, весь красный, выпивши очевидно, по праву представительства, больше другихъ. Подходи, онъ покачивался, кланялся и, растопыривъ передъ грудью правую руку, повертывалъ ея.

— Виноваты, Федотъ Семенычъ, всѣмъ то-ись сходомъ...

— Съ какой, я говорю, радости-то? — перебилъ его Федотъ Семенычъ, взглядывая на него укоризненно.

— Съ того самаго, Федотъ Семенычъ, съ огорченія, что пропрафились наши робята... И оченно намъ присворбно... Всѣ дѣла, выходить, врозь... Отбиваются наши робята, да и нѣ, поди... Вотъ мы всѣмъ міромъ... разсудить... какъ быть, что дѣлать... потому разоренье наше пришло... совсѣмъ... Въ разоръ разоряютъ робята...

— Такъ вы это имъ въ примѣръ деньги-то сорите?.. Сегодня только-что сыновой пороли: зачѣмъ на водку деньги воруютъ да мотають, разоряють васъ, а сами пошли, сложились, да и пьянствовать... Хорошо родительское наставленіе: будетъ прокъ изъ него...

— Да, вѣдь, мы не на свои... Федотъ Семенычъ... не на свои... Мы своихъ — ни, Боже мой... объяснялъ одинъ изъ подгулявшихъ съ откровенностью и сообразительностью пьянаго.

Многіе хотѣли остановить его звѣками и толчками, но онъ не замѣчалъ ихъ и лѣзъ къ старшинѣ.

— Какъ не на свои, на чьи же? на чужія, что ли?..

— Такъ точно... Федька выставилъ... Какъ можно, чтобы на свои: ни, Боже мой... Мы не можемъ...

— Федька!.. За что же это онъ вамъ выставилъ?

— А за нашу пріятность...

— Это все въ той причинѣ единственно... Федотъ Семенычъ... — старался перебить староста... — что, значить, все общество въ претензіи на счетъ его... на счетъ Федьки самаго... а онъ старается заслужить...

— А мы не уважимъ ему... подхватилъ откровенный мужикъ.—Ты, Фодоть Семенычъ, ваша честь... не сумлѣвайся... Ты старшина нашъ... мы тебя и уважаемъ... Онъ, говоритъ, подписку, а мы...

— Это насчетъ той причины, Фодоть Семенычъ,—вмѣшался опять староста,—что всякой нуждается... и теперича всякой заимствуется у него... у Фодьки... а заплатить ему нечѣмъ...

— А мы его не желаемъ... Мы... хошь сейчасъ приговоръ, чтобы не было... Староста, а староста!.. Пиши приговоръ!.. Бери руки, печатай!.. Гдѣ у тебя печатка?.. Клади!.. Чтобы не было... потому онъ нашихъ робать... Мы для тебя, Фодоть Семенычъ, всей душой...

— Безстыдники вы! Я съ вами завтра съ терѣзыми потолкую...—сказалъ Фодоть Семенычъ, махнувши рукой.—А старосту завтра оштрафую.

Фодоть Семенычъ повернулся и пошелъ прочь.

— За что же, Фодоть Семенычъ... Коли ежели все общество... я долженъ...—говорилъ ему вслѣдъ староста.

— Ты долженъ, такой-сякой, —сердито обернулся старшина, — не пьянствовать вмѣстѣ съ обществомъ, коли ты староста, а отговаривать его... Какой ты староста, ты въ кабаку коноводъ...

— Да снимите съ меня медаль-ту эвту... Я въ ножки поклонюсь... Что мнѣ въ антересь, что ли, пятнадцать-то рублей въ годъ... Я може своихъ вдвое... Мнѣ этотъ чинъ... хошь сейчасъ сними...—говорилъ староста.

Но Фодоть Семенычъ не слушалъ его, влѣвъ въ телѣгу и уѣхалъ.

Толпа смотрѣла нѣкоторое время вслѣдъ ему; потомъ опять усѣлась на прежнее мѣсто.

— Ишь ты его, нанесетъ...—говорилъ одинъ.

— Съ обществомъ, братъ, ничего не подѣлаешь: потому не одинъ: всѣмъ міромъ...—соображалъ другой.

— Чинъ!.. съ меня, пожалуй, сними чинъ-отъ: съ моимъ полнымъ удовольствіемъ!..—повторялъ староста.

— Послужи, братъ, ничего... Эй, староста! ничего, для общества!.. Наливай-ка... Полно...

И сходъ продолжалъ своимъ порядкомъ.

А Фодоть Семенычъ ѣхалъ и думалъ: «И отчего это одинъ человекъ въ другого не выйдетъ: всякой по своему... а соберутся въ кучу—всѣ по одному?.. Вотъ даве и слушали, и дѣло толковали, и съ ребята взыскали, все какъ слѣдуетъ, и Фодюшу обѣщали прогнать; а теперъ, нѣ, поди, пьютъ на его счетъ... Уго-

щенье примаютъ, значить, мировая промежъ нихъ, за любовь дѣло пошло... Ну, ужъ нѣтъ, этого-то не бывать: сворочу на свою сторону... Знамо, и другой тоже затѣветъ, не хуже — не лучше его будетъ, а все-жъ-таки, пушай хошь страхъ, хошь примѣръ какой будетъ... И неужто же вся эта причина изъ-за вина только?... Изъ-за бѣдности, изъ-за нужды — такъ надо полагать: вѣдь, вонъ кто постепеннѣе-то, позажиточнѣй, со схода-то домоѣ пошли, а не въ кабакъ; вѣдь, нѣтъ же вотъ съ ними Федора Зиновѣева, ни Якова Петрова, ни Ивана Захарова, а все больше одна-то шавель, сбродъ, бѣдность... Да, это отъ нужды: нѣтъ у него ничего, нечего беречь, не къ чему прибавлять, онъ и тащить послѣднее въ кабакъ: башку-то опаранить, ну, ему и весело, и забылъ все: хошь трава не расти... А другой съ примѣру, вотъ что и мой же: видить — люди въ кабакъ, пьютъ: ну, какъ же ему-то отстать, пошелъ за другими, а тутъ и понравилось и завертѣлся... Знамо, кабы мать была другая... съ понятіемъ... Эхъ, Господи милостивый, неужто ужъ его и баба-то не справить; такъ и упадетъ парень совсѣмъ. Не приведи, Господи, видѣть: ужъ этотъ не отъ горя, не отъ нужды... Отъ скупости, чу, отъ моей... Эхъ, пустыя то слова!.. Ужъ коли и говоришь ему, и ругаешь, и бьешь, и учишь, а онъ не унимается, такъ что бы онъ началъ творить, кабы волю-то, да денегъ дать... Да вотъ посмотрю, коли женю, попытаю, дамъ слободу — что будетъ...

Федотъ Семенычъ подъѣхалъ къ Герасимовой избѣ. Она была срублена изъ толстыхъ, ровныхъ, точно подобранныхъ одно къ одному бревенъ; наличники оконъ были рѣзные, по коню крыши шла рѣзба, по лбу избы спускались кружевные полотенца; новыя ворота пробиты гвоздями съ жестью, а солома на крышѣ двора лежала плотно и гладко, точно сейчасъ была обряжена.

«Видать хозяина!» подумалъ старшина. «А эти узоры-то Петрушка, Герасимовъ сынъ, видно, удосужился: сказываютъ, рушентъ больно парень ко всему... Вотъ бы мнѣ экого-то сына».

Федотъ Семенычъ невольно вздохнулъ.

Изъ избы увидѣли Федота Семеныча, и второй сынъ Герасима, мальчикъ лѣтъ 17-ти, Петруха, отворялъ ихъ и вынималъ подворотню.

— Пожалуйте, Федотъ Семенычъ, въѣзжайте, — говорилъ онъ, прожѣвывая кусокъ, съ которымъ высочилъ изъ-за стола, такъ какъ вся семья полдничала.

— Твои затѣи-то? — спросилъ его Федотъ Семенычъ ласково, показывая на рѣзбу, украшающую домъ. — Узоры-то?

— Да, я побаловываюсь когда, — на слободѣ... — конфузливо отвѣчалъ парень.

«Кабы мой-то этакъ баловался!..» подумалъ Федотъ Семенычъ и, опять вздохнулъ.

Вся семья встрѣтила дорогого гостя и съ нею онъ вошелъ въ избу. На столѣ лежалъ коровой хлѣба, стояла деревянная солонка, чашка съ варевомъ. Ложки валялись вокругъ.

— Вишь ты, да я вамъ никакъ полдничать помѣшалъ, — сказала Федотъ Семенычъ.

— Какое помѣшалъ, Федотъ Семенычъ, — отозвался Герасимъ: — развѣ экіе дорогіе гости коли мѣшаютъ... Можно и отставить: поспѣемъ, да почитай и кончили... а то, коли не побрезгуешь нашимъ хлѣбомъ-солью... чѣмъ богаты...

— Нѣту, зачѣмъ отставлять: вы кончайте... Поѣлъ бы и я съ вами, да ничто не хочется; вотъ развѣ испить...

— Мы самоварчикъ про тебя справимъ... Своего-то нѣтъ, а въ деревнѣ водится. Подька, пошли Федюшку, — сказала Герасимъ, обращаясь къ высокой дѣвкѣ, стоявшей у печки.

— Онъ ужъ побѣгъ за самоваромъ-то... — отозвалась она. — Я велѣла...

— Ну, ладно коли...

— Вотъ такъ ужъ напрасно это, — говорилъ старшина: — а, вѣдь, что ты, не больно пристрастенъ къ чаю-то: дома-то по праздникамъ только когда, не за-урядъ... Ужъ только-что нарень-то убѣгъ, а то бы вовсе не надо...

— Нельзя безъ эстаго... гость ты у насъ рѣдкостный... — отвѣчалъ Герасимъ. — Ну, коли, ребята, садись, да добдай скорѣе... Да убирайте: я-то ужъ не стану, сытъ... Анна, припасай имъ, что еще у тебя тутъ... Вотъ не чайлъ гостя дорогого, — продолжалъ онъ, подсаживаясь къ Федоту Семенычу, который пристально смотрѣлъ на Анну, суетившуюся около печки.

— Экая семья-то у тебя благословенная, — проговорилъ Федотъ Семенычъ, оборачиваясь къ Герасиму.

— Да, благодарить Создателя...

— Больно ужъ проворны да догадливы: и ворота отворяютъ, и лошадь примаютъ, и за самоваромъ бѣгутъ...

— Ничего... Слава Богу... — промолвилъ Герасимъ и благодушно ухмыльнулся. — Живемъ пока въ согласіи.

— Неужто всѣ въ одной избѣ-то живете?

— Нѣтъ, позадъ двора, еще есть избашка махонькая, тамодни женатый-то, Алексѣй-то: сюда только ѣсть ходить съ женой... А вотъ зимнимъ дѣломъ по вечерамъ такъ тоже всѣ сюда сби-

ваются въ вучу... для охоты... Ну, да и для свѣта, чтобы лишняго свѣта не жечь... Лучина-то больно нонѣ дорога... Федюшка вонъ пристаётъ: ланьпу бы, говорить, завести... карасинъ, что-ли, нонѣ никакой проявился... Имъ бы, чу, свѣтиться: много сходнѣе будто бы... Да больно-то не слушаю его: молодъ...

— А дошлый онъ видно у тебя... Рѣзь-то какую пустилъ по дому-то...

— Не говори... Охотка у него... Сколь тесу перевелъ... Да вѣдь по праздникамъ, да такъ вотъ воли за гулянку: зря-то, вѣдь, не даю баловаться... Онъ рупень, паренекъ-отъ, ничего... Въ грамоту тоже, скоро понялъ...

— Развѣ обученъ?

— Какъ же... Солдатикъ у насъ тутъ на побывку сходилъ, такъ онъ оволо него... Ну, ужъ я увидѣлъ путь-то, такъ общалъ мѣшокъ ржи за вычку... Ничего, понялъ... и помисляется... Только писать-то вотъ намъ нечего... да и не къ кому...

— Давай въ писаря возьму...

— Въ воюсть?

— Да.

— Нѣтъ, не отдамъ: сбалуется.

— Правда, что сбалуется... Такъ, пошутить: самъ не возьму. Это не пропадетъ, пригодится, что грамотѣ обучилъ... Это въ шользу...

Разговаривая, Федотъ Семенычъ пристально слѣдилъ за Анною: какъ она вынимала горшокъ изъ печи, какъ наливала въ чашку, какъ ставила ее на столъ и снимала пустую, какъ потомъ все собирала со стола и перемывала посуду.

Всѣ ея движенія были спойны и ровны; она не суетилась, но дѣло спорилось въ ея рукахъ. Когда Федюшка принесъ самоваръ, она сначала налила въ маленькую чашку горячаго варева, которое онъ прогулялъ, поставила ее на столъ и велѣла ему ѣсть, а потомъ налила въ самоваръ воды и наложила углей, раздуть же и постоять на мосту, пока вскипятъ, попросила невѣстку. Когда кончили полдничать, она вытерла фартукомъ вымазанныя лица маленькихъ брата и сестры и выслала ихъ вонъ изъ избы. Убравши все со стола, она покрыла его скатертью, и, пока готовился самоваръ, сбѣгала куда-то за чаемъ и сахаромъ.

— Не сорятся съ невѣсткой-то?—спросилъ Федотъ Семенычъ, кивая на Анну.

— Какъ безъ того, бываетъ, только, благодарить Бога, не въ большую... и не часто же...

Послѣ обѣда Герасимъ тотчасъ же напомнилъ старшимъ съ-

новьямъ и невѣстѣ о какой-то работѣ, и они немедленно ушли изъ избы: въ ней остались только старики и Анна, хлопотавшая около самовара. Оставаясь нѣсколько минутъ на-единѣ, Ѳедотъ Семенычъ успѣлъ спросить Герасима.

— А ты говорилъ дѣвкѣ-то, или нѣтъ о нашемъ-то дѣлѣ?..

— Нѣтъ... Да что ее мутить до сватовъ-то? А что?..

— Дѣвка-то у тебя больно хороша, я вижу... Не согрѣшить бы намъ... Пожалуй, по волѣ-то и не пошла бы за моего...

— Вона!.. Чтой-то?.. За экого парня, въ экую семью, да не идти...

— Дай-ка я съ ней поговорю. А?

— А пожалуй, поговори... Что же?.. Поговори... Ничего...

Я на нее надѣюсь...

Богда Анна заваривала чай, Ѳедотъ Семенычъ вдругъ, неожиданно, обратился къ ней.

— Аннушка, а, вѣдь, мы съ родителемъ твоимъ перегово-
рились, и Богу помолились, и по рукамъ ударили, насчетъ тебя.

Аннушка только слегка покраснѣла, вздрогнула и опустила глаза, но не сказала ни слова.

— Не знаю только, парень-то по мысли ли будетъ тебѣ...—
продолжалъ Ѳедотъ Семенычъ.— За сына, за свою, я тебя лажу...
Пойдешь ли?

Анна покраснѣла еще больше и теперь уже закрыла глаза рукою, вторая дрожала.

— Что же, пойдешь ли?—настаивалъ Ѳедотъ Семенычъ.—
Ты скажи.

— Вѣдь, вто какъ тятенька... Я дѣвка... мнѣ не выби-
рать...—проговорила она, не отнимая руки отъ глазъ.

— Да родитель твой согласіе уже свое далъ. Слышь ты: ужъ и по рукамъ промежъ насъ ударено... Только вотъ ужъ больно ты мнѣ по мысли, и по слышкамъ объ тебѣ хорошимъ, и по взглядеѣ, какъ вижу я тебя, такъ мнѣ и боязно, какъ бы тебя не обидѣть: ты-то вотъ больно дѣвка-то хороша во всемъ, а мой-то хопъ и изъ себя видѣтъ, и не дуракъ, да заболтался: и пьянаго завливалъ, и гулять любить... Ужъ я его и изъ своихъ рукъ не мало училъ, а сегодня на всемъ міру наказывалъ.

— Ай да чтой-то...—вскрикнула Анна.

Изумленно ахнулъ и Герасимъ.

Ѳедотъ Семенычъ рассказалъ все, что произошло ночью.

— Вотъ горе-то мое какое...—закончилъ онъ.

— Родное, оттого и самъ бьешься, и его бьешь...—прогово-
рилъ Герасимъ Дмитритъ.

— Такъ вотъ, Герасимъ Дмитричь, перво ты ужъ теперь скажи: отдашь ли дочь за эвого-то...

— Да, вѣдь, вечеръ мы Богу-то молились... Чай; за ночь-то ничего и въ немъ, въ парнѣ, не передѣлалось... А сегодня чтб... Седни только лишну науку далъ. Я на Бога... какъ молился, такъ и стою...

— Ну, а ты Аннушка? Говори всю истинную: тебѣ, вѣдь, ужъ придется, еще больше моего, учить-то да выправлять его... Я-то вотъ и палкой училъ, а тебѣ придется только уговоромъ, да лаской... Правда, что молодъ онъ, не всѣмъ еще, можетъ, и умомъ собрался, отъ глупости больше... и я на Бога надѣюсь... Однако же ты подумай, да и молви.

Аннушка молчала.

— Да ты видала его...

— Коли не видать...

— Съ виду-то онъ молодецъ изъ себя.

Анна опять закрылась рукой и не отвѣчала.

— Коли хошь подумать—подумай... Я обожду. И откажешь—зла не понесу въ душѣ: стало не судьба... Что же, обождать, что ли?..

— Да развѣ я?.. Я изъ-за тятеньки не выступлю. Онъ при жизни... Его дѣло... Какъ онъ, такъ и я... Коли судьба, такъ отъ нея не уйдешь... Ай, да чтой-то...—И Анна быстро повернулась и ушла изъ избы.

— Видно, сватушка, мое слово: присылай сватовъ, — сказалъ улыбаясь, Герасимъ.

— Ну, благодареніе Создателю: видно, не пропадать ему... Господи благослови.—Федотъ Семенычъ перекрестился.

— Ну, такъ, видно, дѣло съ концомъ, сватъ Герасимъ Дмитричь... вотъ и я у радости... Дай Богъ...

— Дай Богъ, дай Богъ... Въ часъ добрый.

Федотъ Семенычъ возвращался домой веселый и довольный, полный хорошихъ надеждъ, а во все время его отсутствія между матерью и сыномъ происходила такая бесѣда:

— Что, болѣзненный, Кирюшенька, больно?.. больно стегали-то?.. — спрашивала мать.

— Эхъ, отстань-ка... Такъ неужто сладко?.. Чай, не по голове гладили... ворчалъ Кирилла.

— То-то, то-то, родной... то-то я и говорю, что истиранили тебя совсѣмъ... Экой батюшка-то, экой родитель-то... Ну, ужъ коли въ большое ставить, ну, побилъ бы изъ своихъ рукъ, а то—ну-ка,—на всемъ на міру срамить сдумалъ... Да хошь бы при-

смотряль самъ, а то со старостой... Да тамъ убьютъ, тамъ развѣ стануть разбирать... Еще поди-ка тебя-то, чай, притче людей стегали, что старшиновъ сынъ...

— Притче и есть, да и больше... самъ, чу, просилъ...

— Такъ, такъ, онъ попроситъ: ему что? ему развѣ жалко?.. Не мать!.. Отцы не чувствуютъ: вотъ матери чувствуютъ, а отцы нѣтъ, имъ все равно... Не хопь ли чего? не хопь ли въ горлышкѣ-то промочить?.. Можетъ, изопьнешь чего, али съѣшь? а?.. Болѣзнь мой...

— Ничего не надо... не до ѣды...

— Да пойдетъ ли кусъ въ горло съ этого... Что и говорить... Ты лежи, батюшка, лежи: уснешь можетъ... Мотри-ка, разгасило тебя какъ: головушка-то горячая, горячая!.. Ну, ужъ Ѳедотъ Семеничъ, спасибо: лучше бы ты ужъ на мнѣ вымещалъ, чѣмъ родное мое экъ паскудить... Ну, ужъ не похваляйся: вдругорядъ не дамъ...

— Какъ ты не дашь-то?..

— А такъ и не дамъ: сама на сходъ пойду... Я мать...

— Такъ тебя и послушали... Коли онъ велитъ, развѣ тебя на міру послушаютъ...

— Такъ зачѣмъ же ты, батюшка, зачѣмъ ты себя до того доводишь?..

— Чѣмъ доводишь?.. что я, человекъ убилъ, что-ли, али ограбилъ кого?.. Эва невидаль, съ ребятами гулялъ... Это онъ не изъ чего, все изъ скарества, что деньги, молъ, тратить... А онъ то бы подумалъ: много ли онъ мнѣ на гулянки-то давалъ?.. Вонъ у другихъ ребятъ завсегда свои деньги есть, а у меня только что ты дашь, то и есть — а у тебя у самой-то нѣтъ ничего: все заграбасталъ къ своимъ рукамъ... Развѣ этакъ молодыхъ ребятъ держать, какъ онъ меня?.. Ни одѣжи путной, ни гроша за душой... Поди-ка, вѣдь, на деревнѣ-то смѣются надо мной... А еще старшиновъ сынъ, говорить, богатѣевъ сынъ... а поддѣвка ли, шапка ли — ровно на послѣднемъ, рядовомъ мужикѣ, али на нищемъ...

— Ахъ, Кирюша, Кирюша, что мнѣ съ нимъ дѣлать, какъ его раскошелить, ужъ и не знаю... Кажется, по-моему, такъ я душу бы за тебя заложилъ, а ему всего жалко, все жалко... Что ты съ имъ поддѣлаешь... Ужъ знаешь ты: кажись, пытаю его наводить, пытаю уговаривать... Нѣтъ, отобьется своимъ языкомъ, словами-то своими, а ужъ чего говорить: знаю, что все отъ скудости, все отъ этого... ни отъ чего другого...

— Вотъ теперъ женить хочеть: неужто и теперъ одѣжи-то хорошей не нашеть?

— Нѣтъ, ужъ это какъ же, чтобы не нашить.. Нашить, чай... Вѣдь, у тебя и теперь одѣжи-то не мало, да, вѣдь, все бережеть, запираеть у себя въ воробу... Поддѣвки-ли — три у тебя поддѣвки, одна сувонна — хороша, друга плисова, двѣ сибирки сувонны: одна новѣшенькая... Ну, держить подъ замкомъ, да и на поди... Шуба тоже пречудесная, самъ знаешь, на черной ордннѣ сукномъ крыта...

— Да, о святвахъ въ церковь въ обѣднѣ только и даетъ ее надѣвать... А на масляной повататься хотѣлъ, пофорсить, въ томъ году, такъ и не даль... Неужто, какъ и жените вы меня, такъ одѣжу-то тоже у себя будете держать, подъ замкомъ, мнѣ не отдадите?..

— Ахъ, родной ты мой, такъ разѣ черезъ меня... Я, вѣжись, за тебя душой-то рада заложиться... Да еще вотъ погоди, еще какъ и женить опосля этого... Еще дождемся того срама, что, пожалуй, и сватовъ не примуть... Гм... Отъ старшины-то, отъ богатѣя!.. Вотъ, Кирюшенька, рада я радостью въ законъ тебя ввести, хошь и не этакую-бы невѣсту тебѣ промышляла, какъ Герасимова Анна, а ужъ по мысли бы мнѣ было, кабы послѣ сегодняшняго случая да Герасимъ-то заворотилъ бы сватовъ-то нашихъ назадъ, безо всего... Пуцай бы, срамникъ старый, вспомнился, каково свое родное дѣтище на всемъ міру... Вотъ бы и старшина, и знай!.. Ужъ ничего бы, пуцай и надо мной люди посмѣялись, да по крайности бы и ему впередъ наука... Не сталъ бы экъ сыномъ помыкать... Ты бы у меня ничего, годокъ бы еще погулялъ, опосля бы я сама лучше нашла.

— А вотъ что, матушка, жениться, пожалуй, я ничего и на Аннѣ... Мнѣ все одно... А только если онъ и опосля женитьбы будетъ меня въ такомъ изгонѣ держать, я не согласенъ... Ты поговори съ нимъ... Ужъ надо мной, довольно хорошо, и теперь люди смѣются, а тогда что же это будетъ твое?.. Два, говорить, года судержи себя, тогда и волю дамъ... Вѣдь, это ему легко говорить-то: два года! какъ у него въ рукахъ. А тутъ два года пройдутъ, скажеть: погоди еще два... А у меня жена молодая, мнѣ тоже и ее потѣшить захочеться: и нарядить, и посластить, и въ люди вывести въ порядѣ... а то, вѣдь, и любить не будетъ... Не всякъ же часъ ему въ глаза смотрѣть, да на всякую малость позволенья просить: какой же я буду женатый тогда? Ты ему, матушка, поговори...

— Да поговорить я поговорю, какъ не поговорить... Извѣстно ужъ, женатый ли, али холостый, какъ безъ своей сбѣжки...

— А еще вот что, матушка, ты мнѣ безотмѣнно три рубля достань, какъ хочешь. — Теперь я съ ребятами у Федора записъ... Хотъ пасъ и отстегали, а все отдать надо: ребята за меня поручились... Опосля того, если не отдашь, знаться не будутъ... Ты достань, матушка, какъ хочешь...

— Шутка ли, Киришенька, три рубля... Гдѣ ихъ возьмешь... Почто же ты съ эстолько?..

— Ну, а ужъ ты про то не говори: будетъ ужъ съ меня, отъ родителя получилъ... Коли ежели ты, сама говоришь, жалѣешь меня, и я на тебя только на одну полагаюсь, такъ ужъ ты мнѣ достань гдѣ знаешь... А мнѣ безотмѣнно нужно... Ты то думай: вѣдь, женить хотите, надо же парню погулять какъ бы ни было... Всѣ, вѣдь, ребята въ глаза смотрѣть будутъ, а это еще долговья... Ты, матушка, какъ хошь, достань безо всякаго... Коли ужъ отецъ у меня злодѣй, такъ хошь ты будь мать родная, не обижай...

— Глухой, да я бы рада, да гдѣ взять-то?

— Ну, продай что, али заложу, чего отцу не въ примѣту, а мнѣ никакъ нельзя... У меня только и надѣжи, что на тебя... Ты у меня только одна и радѣльщица... Мнѣ жениховымъ дѣломъ никакъ невозможно безъ денегъ...

— Еще ты погоди-ка, — жениховымъ дѣломъ, — еще, можетъ, ничего и не будетъ... Вотъ что-то хотѣлъ сватовъ-то посмлатъ, да уѣхалъ — ничего не молвилъ...

— Ну, все равно, а ты мнѣ три рубля достань.

— Постой вотъ, погоди, надо удумать, какъ достать-то... Эхъ, дитятво, кабы воля-то моя, такъ неужто я бы для тебя... Не токма что три рубля... Ужъ погоди, погоди... Неужто тебя и въ самомъ-дѣлѣ противъ ребятъ въ конфузъ прозволять... Только ты, батюшка, сердечный, не попадись ты опять въ отцу-то, да повоздержись ты, побереги самъ себя... Плюнь ты на эту воду... Ну, что, онъ, вѣдь, искалѣчить онъ тебя, право, искалѣчить...

— Такъ развѣ я одинъ? Кабы одинъ, ну такъ, а то, вѣдь, въ компаніи: то же погулять хочется, варень молодой... Не одинъ, всѣ гуляютъ...

— Знаю, что не одинъ... Знамо, какъ молодому парню не погулять... Да, вѣдь, у тѣхъ отцы-то не экіе, а вѣдь, у тебя-то вонъ какой, Богъ съ нимъ: все въ серьезъ, все въ строку, да въ сердцу беретъ... Вотъ тебѣ и надо самому себя оберегать...

— А я тебѣ вотъ что, матушка, скажу: онъ экимъ нѣтъ

меня ничего не выворотить: что онъ хуже, то и я хуже... Вотъ!.. А для тебя я что угодно, по вонецъ жизни слуга твой!..

— Ахъ ты мой сердечный, ахъ ты, золото мое, болѣзненный мой!..

— Матушка, сходила бы ты, радѣльна, пока его дома-то нѣтъ, промыслила бы какъ три-то рубля, а я бы може уснулъ: нешто, ломаетъ меня.

— Ну, спи, спи, батюшка... Какъ не ломать послѣ этого... Спи, родной!.. А я схожу... По вѣкъ я жизни твоихъ словъ не забуду, что ты молвилъ мнѣ сегодня. Ужъ какъ моему материнскому сердцу ты потрафилъ... По вонецъ, говоритъ, жизни слуга буду... Батюшка мой, солнышко ясное... радѣльный!.. Спи, батюшка...

И, укутавши сына, Федосья Осиповна побѣжала въ деревню въ пріятельницѣ занимать, потихоньку отъ мужа, три рубля денегъ.

Федотъ Семенычъ, воротясь домой, весело сказалъ сыну:

— Ну, Кирилла, молись Богу, благодари Его, Создателя: хорошій у тебя союзъ будетъ... Такая дѣвка, эта Аннушка, что хошь бы и не тебѣ... Самъ ужъ теперь своими глазами до всего дошелъ... И вся семья благословенная!.. А со своимъ, Федюшей, дружись: вотъ это парень; есть чему у него заняться, не то, что твои шалыганы пріатели... Вотъ съ кого перенимай... Федосья, — продолжалъ онъ, — въ воскресенье сватовъ пошлай къ Герасиму, по Анну. Думала: не пойдетъ-то... Вотъ идетъ, даромъ что на міру сѣчень...

— Такъ ты тамоди не молвилъ ли про это?

— А то какъ же?.. Затѣмъ и ѣдилъ... чтобы знала, за какого идетъ...

— Господи! — вскрикнула Федосья, и руками всплеснула. — Снялъ онъ съ меня головушку... Люди какъ бы не сказать, да не показать что это такое, а онъ самъ ѣдетъ благовѣститъ... Куда мнѣ съ глазами-то дѣться будетъ?.. Стыдобушка моя!..

— Полно-ка ты, полно разводиться-то... Лучше что ли, кабы черезъ чужихъ людей дошло... Сама себя раба бьетъ, что не чисто жнеть... Спыхватится да возьмется за умъ, нѣкто старого-то и не споманетъ; только бы опять-то себя до того не довелъ: ты вотъ о чемъ думай... Позови-ка Явова Петрова, да куму Софью, и побѣжайте, переговорите обо всемъ. На столъ сколько хошь клади, мнѣ не жалко; а на-счетъ одѣжи-то не очень нажимай...

— Ну ужъ, батюшка, ты меня въ томъ не учи: я сама знаю, что по нашему положенію требуется... Одного сына-то намъ женить; а и они не за кѣй-кого отдадутъ... На наши же деньги приданое-то будутъ класть...

— Ну, да какъ знаешь, только спора изъ-за того не затѣвай... Мнѣ человекъ дорогъ, а не одѣжа... Опять и то помни: какую онъ работницу-то изъ дому отпускаетъ... Коли что и перепадетъ ему—не жалко, у насъ своего довольно, а у нихъ семья большая... У меня чтобы въ воскресенье все и покончить, безо всякихъ споровъ, а черезъ недѣлю-другую и свадьба.

VIII.

Какъ Ѳедосья Осиповна ни привыкла вообще подчиняться волѣ мужа, но она не могла утерпѣть, чтобы не поломаться, во время сватовства, надъ будущими родными. Яркими красками расписывая достоинства своего сына, она внушала и то, какая счастливая судьба выпадаетъ на долю Анны.

— И вопили-то мы, и берегли-то все про него одного, одинъ, вѣдь, онъ у насъ сыночекъ-отъ... Опять же и Ѳедотъ Семенычъ въ какомъ чину сидитъ и завсегда съ господами водится. Счастливая, счастливая ваша дочка: какая ей судьба выпала!..—расписывала Ѳедосья Осиповна.

— Да какъ по отцу пойдетъ, по Ѳедоту Семенычу, такъ счастлива будетъ, — отвѣчалъ Герасимъ смиренно... Ну, а коли Богъ не помилуетъ, не броситъ онъ своихъ художествъ, такъ и Анниной судьбѣ никто не повазидуетъ... Двойная, значить, ея судьба-то; все отъ Бога, на него надѣмся.

«Вотъ, вотъ», думала Ѳедосья Осиповна, выслушивая эти слова: «вотъ и посмотри глазами-то, вотъ, ничего не видя, и тычуть ужъ... Эхъ, старикъ, а еще умнымъ считается... Ну, куда я глаза-то дѣну?»... И она дѣйствительно стыдилась взглянуть на свата, и отвѣчала, смотря въ полъ:

— Эхъ, какія художества? никакихъ нѣтъ... У насъ старикъ-отъ ужъ больно... Не вѣдомо чего спрашиваетъ: ему хопъ въ золота выдѣни парня-то, такъ ему и того мало поважется... Ужъ очень онъ сурьезенъ у насъ живетъ...

— То и хорошо, Ѳедосья Осиповна, парня нельзя не учить, а то совсѣмъ замотается безъ острастен-то... хуже!..

«Ахъ, снялъ онъ съ меня головушку, старикъ мой, совсѣмъ снялъ»... думала опять Ѳедосья Осиповна, невольно смущаясь. «Эко сватовство хорошее, ровно изъ милости дѣвку-то просимъ... Вотъ такъ старшина!.. Вотъ-те и почтеніе—на-вась!.. Хопъ бы ужъ чужихъ-то людей не звать, а такъ бы по-тихоньку,

ровно воровски, ровно самокруткой»... И она перевела разговоръ на приданое.

Желая хоть здѣсь поправиться, Федосья начала заявлять такія требованія, точно женила сына на купчихѣ: насчитала до дюжины платьевъ, и шерстяныхъ, и шелковыхъ, требовала шерстяныхъ шапелъ, шелковыхъ платевъ, пару шубъ суконныхъ, праздничныхъ, да двѣ носильныхъ, выговаривала и перину съ подушками.

Герасимъ слушалъ все молча и ничего не возражалъ; подъ конецъ только ея рѣчи вымолвилъ:

— Вы, Федосья Осиповна, что хотите заказывайте: мы все обрядимъ, все купимъ—ваши денежки; мнѣ только, чтобы на столъ выводного полтора ста рублей за дѣвку... Что у нея припасено въ коробу, все ея будетъ, дома не оставить, все съ собой возьметъ; а что сверхъ того потребуется—ваше дѣло, только денежки припасайте—накупимъ... А вотъ полтора ста рублей—это ужъ мнѣ на столъ, за дѣвку...

Федосья Осиповна и тутъ была осажена; но цѣна выкупа показалась очень высока и вызвала возраженія и споры со стороны сватовъ. Указывали на разныя свадьбы—не бѣдныя, гдѣ за невѣсту платили и 40, и 30, и 25, и даже 16 рублей. Герасимъ Дмитричъ стоялъ на своемъ.

— Я свое считаю, — говорилъ онъ:—чего мнѣ моя дѣвка стбѣтъ: я ее кормилъ, поилъ, одѣвалъ, она мнѣ весь домъ управляла, да въ годъ-отъ рублей по 15 еще выработывала одной зимой, окромя поля... Вотъ вы и посчитайте, сколь у меня изъ кармана-то уйдетъ, какъ ее отдамъ... Да мнѣ и Федотъ Семенычъ свазалъ: за выводными, говорить, не постою, что хошь спрашивай, а я еще по-божески... совѣсть имѣю...

— Такъ онъ, чай, вѣдь, съ приданнымъ считалъ...—нашлась Федосья Осиповна.

— Приданое какое требуется, по нашему мужицкому обнаженію, оно припасено... Получайте... А что которое вы желаете, такъ на него и двухъ сотенъ мало, не управишься: то ужъ ваше разсужденіе... А мое дѣло: вотъ, полтора ста на столъ, и съ Богомъ, вы съ товаромъ, съ дѣвкой; а я съ моей убылью... А тамъ Богъ... Вотъ, вѣдь: много намъ говорить не изъ чего...

— Не принцеса, вѣдь, и твоя-то дочь... Что и самъ-дѣлѣ...—разсердилась вдругъ Федосья Осиповна.—Не изъ сахара, вѣдь, и она... Ктой-то тебѣ полтора ста-то рублей выводныхъ дастъ: у насъ и слуховъ-то такихъ нѣтъ, и жениховъ-то не выищешь, чтобы эвѣя деньги выдавать за нее... Ты хошь бы и то въ честь

принять, что въ какой домъ-отъ она идетъ, Герасимъ Дмитричъ... Вѣдь, какъ-ни-какъ, а не послѣдній, все старшина...

— Федосья Осиповна, а ты не обижайся... Я и почитаю: кабы не почиталъ, не отдалъ бы... — возражалъ спокойно Герасимъ. — И ты дѣвку не хай, коли въ невѣстѣи себѣ примаешь... знамо не принцеса... какая принцеса... въ нашемъ мѣстѣ такихъ нѣтъ!.. И не изъ сахара, знамо! А дѣвка, какъ дѣвка, ни въ чемъ захулы: отца почитаетъ, въ дому прилежна, не за ней работа бѣжить, а она за работой, порядки всякіе знаетъ, отъ рукъ нѣтъ не отходить... ну, и на счетъ ума заняться вашему сынку отъ нея можно: на худое подбивать не станеть, а еще скорѣй его судержить... Да, вѣдь, у насъ ужъ объ этомъ съ Федотъ Семеновичемъ переговора обо всемъ была: и объ моей, и объ вашемъ... А то принцеса!.. Какая принцеса!.. Намъ другъ друга изъ-за нашихъ дѣтей обижать нечего... Вотъ что, свахонька!.. У насъ за любовь дѣло-то, а не въ супротивность.

«А еще говорили, что мужикъ смиренный, не рѣчистый... А онъ, вишь ты какъ... Вотъ тутъ и жди почтенья»... думала Федосья Осиповна и въ то же время наконецъ поняла, что здѣсь дѣло между ея мужемъ и Герасимомъ совсѣмъ уже кончено, что она ничего переменить не можетъ и важностью не возьметъ. Она вдругъ ударилась въ другую сторону: сдѣлалась ласкова, привѣтлива, уступчива. Своро сваты во всемъ столковались и разстались въ полной пріязни, и во взаимномъ удовольствіи.

Изъ бесѣды съ Аннушкой Федосья Осиповна убѣдилась, что она дѣвушка степенная, скромная и разсудительная, что она можетъ быть ей почитательною дочерью и помощницей, что ссоры въ домѣ не заведетъ и не пойдетъ къ свекру жаловаться на мужа. Прощаясь съ нею, Федосья очень ее ласкала и приговаривала, не забывши при этомъ расхвалить и сына своего.

— Ужъ вотъ будете парочкой, — говорила она: — ужъ вотъ радѣльщикъ онъ у меня, ужъ вотъ сердечушко золотое: маманька, говорить, по гробъ жизни твой слуга буду, успокою, говорить, твою старость... И ты у меня такая же будь, а я за васъ Бога молить стану, да радоваться на васъ... А что про него говорить, ты не слушай: мало ли что люди плетутъ изъ зависти... Ну, а старикъ-отъ у насъ крутенежъ, сердцемъ-то примчивъ... Не войдетъ въ дѣло-то, да и сейчасъ и взыскъ... А ты вѣсь, по-моему: все лаской, да уговоромъ, до отца-то не доведи ни въ чемъ, а коли что, такъ все ко мнѣ... Вотъ и заживете ровно у Христа за пазушкой... Будешь ли меня-то любить да почитать?..

— Какъ не почитать... Замѣсть матери, — отвѣчала Анна.

— Ну вотъ!.. А я, вѣдь, добрая, аи такая добрая, ото всего сердца... ровно курица!..

Дня черезъ два Федотъ Семенычъ самъ повезъ сына къ Герасиму Дмитричу, чтобы показать другъ другу жениха съ невѣстой. Подъѣзжая къ дому онъ не забылъ обратить вниманіе сына на рѣзбу, которую сдѣлалъ Федюша.

— Вотъ паренекъ-отъ гошой, не пустовонь...—замѣтилъ Федотъ Семенычъ,—спознайся-ка съ нимъ хорошенько.

Присутствіе отца стѣсняло Кириллу и потому онъ былъ въ домѣ будущаго тестя молчаливъ и замкнутъ, вслѣдствіе чего казался скромнымъ. При встрѣчѣ съ невѣстой онъ нисколько не смутился, но осмотрѣлъ ее подробно, и внутренне сказалъ самъ себѣ: ничего, живетъ! Но впечатлѣнія она на него не произвела и относился онъ къ ней совершенно равнодушно; разговоръ между ними не ввязался, да, по понятіямъ старшихъ, это такъ и слѣдовало.

Федотъ Семенычъ посадилъ сына рядомъ съ Федюшей и велѣлъ имъ познакомиться, а самъ велъ бесѣду со старшими. Кирилла бойко и вызывающе, даже нѣсколько недоброжелательно посматривалъ на Федюшу, но не начиналъ разговора... Федоръ сначала нѣсколько смущался, но потомъ заговорилъ первый.

— Въ грамоту обучался?—спросилъ онъ.

— Учень...

— И пишете?

— Стало быть...

— По церковной али гражданской... учился-то?..

— По какой угодно...

— Мы по гражданской только... Мы у солдата, вѣдь... Только, братецъ мой, что пути-то? все иззабудешь...

— Знамо, забудешь... Пустое дѣло!..—проговорилъ Кирилла и взглянулъ въ сторону отца.

— Оно бы ничего, въ путь... да вотъ книжекъ нигдѣ не добудешь... У васъ нѣтъ-ли?..

— Стану я... — заговорилъ было Кирилла, но вдругъ оборвалъ...—Нѣту, какія книги: одна псалтырь.

— У васъ въ волости, чу, есть, сказываютъ: вѣдомости... и разныя... присылаютъ откозь-то.

— Есть тамъ...

— Вотъ бы Федотъ-то Семенычъ... Можетъ, когда бы и мнѣ дали почитать...

— Охота большая!..—насмѣшливо проговорилъ Кирилла.

— А что?

— Когда читать-то?.. все на работѣ...

— А вотъ о праздниѣхъ коли...

— Все пустое... Читывалъ я...

— Нѣту, есть такія книжки: вотъ мнѣ солдатъ двѣ давалъ... Занятныя!.. Только все про ихнія дѣла... А вотъ бы достать: какъ теперь отчего стекло дѣлается, али мыло, али краска кака... Сказывають, все изъ земли!.. И какъ къ чему что подходитъ... Чай, есть все, писано... Или теперь взять гасы бывають, слышалъ я, отъ огня будто... А онъ самъ горитъ... Чудно! Вотъ бы узнать!..

— Любопытенъ очень,—усмѣхнулся Кирилла.

— А что? Любопытно и есть: теперь взять дерево — оно горитъ, а земля не горитъ: сколь хочешь каки на огнѣ—не пышетъ; а теперь карасинъ этотъ, онъ тоже, сказывають, изъ земли, а онъ горитъ... Стало быть, братецъ, что ни на есть да, тутъ дѣйствуетъ... Вотъ бы узнать...

— Всего не узнаешь...

— Нѣтъ, оно гдѣ ни на есть да писано. Вотъ теперь взять: птица, она летаетъ, и не падаетъ, а брось камень, али щепу, да и что хочешь—оно вздымется, полетитъ, а упадетъ...

— Такъ у птицы крылья: оттого и летаетъ.

— Такъ возьми, придѣлай къ чуркѣ крылья, хошь вотъ какія, въ сажень, она не полетитъ... и подбрось—упадетъ, а птица не падаетъ... Отчего-то это?

— Такъ развѣ чурва птица, хошь и крылья ей придѣлаешь.. Не будетъ птицей все равно...

— То-то, то-то! отчего же птица-то не падаетъ? Али вотъ: возьми бревно, оно плыветъ по водѣ и не тонетъ, а въ немъ можетъ двадцать пудовъ, а брось въ воду пятакъ мѣдннй—онъ сейчасъ на дно... Великъ-ли, а не держится.

— Такъ то пятакъ, а то бревно... Чудаки!

Кирилла захохоталъ.

— Да, а вотъ солдатъ же мнѣ сказывалъ: корабли, чу, желѣзные дѣлають, такъ тѣ не тонуть... тоже...

— А ты вѣрь: солдаты всегда врутъ, хвастають.. Желѣзные корабли! Знамо, онъ потонетъ! да его и не сдѣлаешь... изъ желѣза...

— А отчего не сдѣлать? Можно сдѣлать, и не потонетъ. Я вотъ что... Въ селѣ у насъ крышу перекрывали, такъ я листокъ желѣзный старый поднялъ, да и загнулъ какъ быть лодкѣ... заклепалъ, проконопатилъ... Пустилъ въ рѣчку,—не тонетъ, братецъ... Вотъ!..

— Ну, такъ что?..

— Ну, вотъ то и есть: отчего такъ?.. Это надо дойти.

— Мало ли что есть на свѣтѣ, до всего не дойдешь...

— А вотъ въ книжкахъ оно значитъ...

— Всѣхъ книгъ не перечитаешь.. Да и пожалуй читай: съ нихъ сытъ не будешь, и богатъ не сдѣлаешься...

— Ну, это какъ виненуть... Вотъ теперь примѣрно заведенія взять какія... Вотъ я тятеньку все подбиваю, кабы съ деньгами сбиться да пристроить бы мельницу, чтобы она и муку бы молола и маслобойка бы была, очень бы она въ выгоду была, въ большую... А мало ли есть какихъ заведеніевъ не въ примѣръ этимъ, большую пользу даютъ...

— Такъ все-жъ-таки деньги... А безъ денегъ-то ты что построишь, хопъ все книжки читай. Вся сила, стало быть, въ деньгахъ... Изъ книжекъ мельницы не построишь...

Кирилла засмѣялся. Федоръ какъ-то робко и стыдливо взглянулъ на него и замолчалъ. Кирилла посматривалъ на него съ сознаниемъ превосходства.

— Вотъ вы богатѣи, сказываютъ... — нерѣшительно заговорилъ опять Федоръ. — Вотъ женишься-то... Сродственники будемъ... Я бы выстроилъ...

— Ты-ы? — удивительно спросилъ Кирилла. — Развѣ ты въ плотнивахъ обучался?..

— Нѣтъ, я такъ видалъ только... Да и въ мысляхъ у меня есть... Можно бы много складнѣе сдѣлать...

— Ну, братъ, отъ моего не разживешься... У него деньги лежать крѣпко... — проговорилъ Кирилла, понижая голосъ и взглянулъ въ сторону отца. — У насъ не то, что на эти затѣи, а сапоги купить новые, такъ покажь на-перво старые: нельзя ли сапоги положить, да пересозузить...

— Такъ, вѣдь, это къ его же интересу... Иссорить на постройку можетъ двѣ или три сотни рублей, — ну, хопъ и всѣ пятьсотъ, а корысть-то какая?.. Въ два года всѣ деньги воротить, а послѣ того чистый барышъ... Вотъ, вѣдь, что... Право... А мнѣ до смерти хочется: кажется, кабы свои деньги были... Вѣдь, дѣло-то какое: вѣтеръ есть, такъ ты вѣтромъ: все заведеніе идетъ, а запалъ вѣтеръ, сейчасъ лошадю дѣйствуетъ... Она никогда и не стоитъ: подавай только работы... Вотъ, вѣдь, у меня какія мысли-то... Кабы рѣка была, такъ водой бы еще согласнѣе, да у насъ рѣки такой нѣтъ...

— Вишь, какъ наши ребята разбались... — съ удовольствіемъ

замѣтилъ Федотъ Семенычъ, указывая Герасиму на сыновей.—
О чемъ-то, молодцы, толкуете?

Федкина сконфузился отъ неожиданнаго вопроса и опустилъ глаза, а Кирилла, съ замѣтнымъ злорадствомъ, отвѣчалъ отцу:

— Про свои мысли рассказываетъ, да говорить, кабы ты денегъ далъ, такъ онъ бы такую вѣтренку выстроилъ, что и вѣтромъ и безъ вѣтра стала бы молотъ и масло бить...

Кирилла усмѣхнулся.

— Все у него экія затѣи въ головѣ-то...—замѣтилъ Герасимъ.—Ужъ и намъ-то надоѣлъ: то, да другое придумываетъ... А того не знаетъ, что это экому мѣлокососу повѣрять, да еще деньги изводить станеть подъ его, подъ хитрости... Экой ты Федянь нетолковый...

— Почто нетолковый, вѣтъ,—возразилъ Федотъ Семенычъ,—а это, стало-быть, у него въ головѣ много сидить... Знамо, мнѣ это не къ рукѣ, да и некогда мнѣ этимъ заимствоваться, а если бы на такого человѣка денежнаго, да охотника, попалъ, рассказалъ бы, растолковалъ бы ему доподлинно, почему знать, можетъ и пошелъ бы на его слова. А то любо: молодой парень, а у него въ головѣ-то вонъ чтѣ: все дѣльное, а не бездѣльное, не пирры да гулянки, какъ у иныхъ прочихъ... Погоди, Федюша, вотъ, Богъ дастъ, наше дѣло сдѣлаемъ, будемъ сродни, я безпремѣнно тебя на какого такого человѣка наведу, доходчиваго, строительнаго, и изъ господъ есть такіе!.. вотъ ты съ нимъ и потолкуешь объ своихъ дѣлахъ... Это, братъ, хорошо, паренѣкъ, хорошо, что ты объ этомъ думаешь: въ головѣ-то, значить, у тебя много положено... Вотъ вы съ Кирюхой-то оба грамотные, и свояки будете, шурикъ съ зятемъ, вотъ вы и дружитесь, и водитесь промежъ-собой, толкуйте... Это хорошо,—и намъ, старикамъ, по мысли.

Но Кирилла понялъ намеки отца на его счетъ, и внутренно уже возненавидѣлъ Федора, а послѣдній инстинктивно догадался, что Кирилла хотѣлъ-было его поднять на-смѣхъ, и сконфузить передъ своимъ отцомъ—и послѣ этого разговоръ между ними уже не ладился. Федюша не чувствовалъ ничего непріязненнаго къ Кириллѣ, но ему вдругъ сдѣлалось передъ нимъ какъ-то неловко, даже стыдно за свою добродушную откровенность, съ которою онъ съ разу сталъ-было высказывать свои замѣтныя мысли.

«Кабы передъ нашими ребятами ты разведалъ эти разговоры-то,—думалъ Кирилла, непріязненно поглядывая на Федора:—пробѣж бы мы тебѣ бока-то, подняли бы на-смѣхъ... Вишь ты, строитель!.. святъ-мужъ!.. просвирня-начетница!.. Какъ тебя старикамъ

не любить: по ихъ говоришь... Да, дождайся, стану я съ тобой въпашаться... мудрости-то твои слушать...»

Соро послѣ того Федотъ Семенычъ уѣхалъ домой. Онъ былъ очень доволенъ собою за выборъ невѣсты: ему все больше нравилась и она, и вся семья ея. Въ продолженіи всей обратной дороги, онъ расхваливалъ сыну его будущую жену, свекра и шурина, но Кирилла упорно молчалъ.

— Вотъ, Богъ дастъ, обзаконимъ тебя,—заклучилъ Федотъ Семенычъ,—все у тебя будетъ въ твоему благополучію: и жена добрая, умная и работная, и сродственники хорошие, и по годамъ по твоимъ другъ-пріятель стоящій; есть куда и въ гости сходить, скуку разгулять, добрымъ словомъ перемолвиться... Вотъ, Кирюха, благословляйся, вставай на ноги, будь человѣкомъ... Успокой ты мою старость!..

«Да, на что бы лучше,—думалъ про себя Кирилла,—кабы все по своей доброй волѣ, а не по приказу, да изъ-подъ палки... Кабы дали волю: отгулялся бы я въ свое удовольствіе, какъ мнѣ надо, а тутъ бы и за умъ взялся, не хуже людей сталъ бы и объ домѣ промышлять... А что моя за жизнь была: что урвешь втихомолку, тѣ и твои; да еще жди опосля того либо ругань, либо дѣрку... Развѣ такъ молодость-то отгуливаютъ?.. Пуцай бы ужъ отъ бѣдности, а то...»

Когда Федосья Осиповна осталась, послѣ этой поѣдки, наединѣ съ сыномъ, она обняла его и начала разспрашивать.

— Ну-ка, скажи ты мнѣ, Кирюшенька, мнѣ одной, душевно, какъ болѣзной твоей родительницѣ: по мысли ли тебѣ невѣста-то?.. Что у тебя на сердечушкѣ-то, на думушкѣ-то?..

— В-отъ, стану я думать о ней: не все одно баба-то...—отвѣчалъ Кирилла, освобождая свои плечи отъ рукъ матери.—Если ваше родительское дѣло разсужать о томъ, вы и разсужайте, а мое бы дѣло теперь—молодые годы отгуливать. Кабы у другихъ родителей: дали бы четвертную, гуляй, молъ, сынокъ, провозжай холостую жизнь... А у насъ вонъ какъ: завтра женися, а сегодня овинь суши... Эхъ-ма!..

И Кирилла вышелъ изъ избы, крѣпко хлопнувши дверью. Федосья Осиповна осталась смущенная: она не могла сообразить—правъ, или нѣтъ ея сынокъ, но, по любви и по привычкѣ, жалѣла его, и еслибъ были у нея деньги, сейчасъ бы отдала ихъ ему.

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

ОЧЕРКЪ ВОЗЗРѢНІЙ

НА

ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ПРИРОДУ

Во всей обширной области «искусства» (эстетике и этике, въ широкомъ смыслѣ), основное воззрѣніе на человѣческую природу всегда играло и играетъ въ высшей степени важную роль. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить припомнить только нѣкоторые спорные вопросы изъ области политики, нравственности или искусства. Такъ, напр., при обсужденіи столь живого женскаго вопроса, онъ постоянно сводится къ вопросу о женской природѣ и рѣшается такъ или иначе, смотря по взгляду на нее. Противники женской свободы, какъ, напр., Огюстъ Контъ, удовлетворяются доказательствомъ положенія, что природа женщины ниже мужской; тогда какъ защитники женщинъ находятъ необходимымъ опровергнуть это положеніе. Сходные приемы употреблялись и при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи негровъ, который былъ сведенъ на-чисто антропологическую почву. Въ области изящныхъ искусствъ, вопросъ о человѣческой природѣ, составляя часть болѣе общаго вопроса объ отношеніи искусства къ природѣ вообще, уже по этому одному занимаетъ одно изъ самыхъ первостепенныхъ мѣстъ.

Жизнь, непосредственно соприкасающаяся съ прикладными отраслями науки, т.-е. съ искусствомъ въ обширномъ смыслѣ слова, при рѣшеніи всѣхъ своихъ вопросовъ обращается къ наукѣ, чтобы узнать и принять въ свѣдѣнію результаты, добытыя ею. Въ виду этого я рѣшаюсь обратить вниманіе читателя

на антропологическое воззрѣніе на человѣческую природу, но прежде чѣмъ излагать это, я считаю однакоже нужнымъ представить бѣглый очеркъ другихъ главнѣйшихъ воззрѣній на тотъ же предметъ.

Обращусь прежде всего къ воззрѣнію, вытекающему изъ проявленій, такъ-называемыхъ, первобытныхъ или естественныхъ народовъ (Naturvölker), стоящихъ, какъ полагаютъ обыкновенно, всего ближе къ природѣ.

Можно сказать вообще, что нѣтъ первобытнаго народа, который бы въ ббльшей или меньшей степени не прибѣгалъ къ искусству съ цѣлю измѣнить свои природныя свойства, и который бы, слѣдовательно, смотрѣлъ на лучшихъ представителей человѣческаго рода какъ на идеалъ, къ уподобленію которому слѣдовало бы стремиться.

Не удовлетворяясь тѣмъ, что дала человѣку природа, такъ-называемые, первобытные люди употребляютъ нерѣдко самыя изумительныя усилія для улучшенія своего внѣшняго вида, такъ что не остается ни одного мало-мальски доступнаго органа, который бы у того или другого народа не былъ подверженъ искусственнымъ измѣненіямъ. Особенно большая доля ихъ приходится на части головы. Не говоря о волосахъ, подлежащихъ самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ формы и окраски, какъ это отчасти дѣлается и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, — упомянемъ о другихъ частяхъ. Зубы подвергаются у многихъ первобытныхъ народовъ измѣненіямъ какъ цвѣта, такъ и формы. Женщины племени фелата, въ центральной Африкѣ, красятъ себѣ зубы попеременно въ голубой, желтый и красный цвѣта и оставляютъ только нѣкоторымъ — для контраста — ихъ естественный бѣлый цвѣтъ. На островахъ Малайскаго архипелага съ зубовъ удаляютъ эмаль и чернятъ ихъ, чтобы (какъ они говорятъ) они не были похожи на бѣлые зубы собакъ. Нѣкоторые народы выбиваютъ передніе рѣзцы, а женщины въ одной части Суматры спиливаютъ ихъ до дѣсенъ. У другихъ народовъ существуетъ обыкновеніе придавать зубамъ заостренную коническую форму и т. д. На губахъ дѣлаютъ надрѣзы, украшаютъ ихъ вкладываніемъ костей, палочекъ и пр. Въ центральной Африкѣ женщины прободаютъ нижнюю губу и вкладываютъ въ нее полированный кристаллъ, который во время разговора совершаетъ очень смѣшныя движенія. Носъ и уши съ давнихъ поръ сдѣлались мѣстомъ для вкладыванія серегъ и другихъ украшеній; кромѣ того, носъ

у нѣкоторыхъ народовъ (какъ, напр., у тантанъ, малайцевъ Суматры, готтентотовъ и пр.), подвергается сплющиванію, а уши (у ботокудовъ и ленгуасовъ Южной-Америки) вытягиваются до плечъ. Различные виды раскрашиванія лица, татуированія и образованія искусственныхъ бородавокъ до того распространены у первобытныхъ народовъ и притомъ настолько разнообразны, что одно перечисленіе фактовъ заняло бы цѣлую главу (объ этомъ собраны болѣе подробныя свѣдѣнія въ первой главѣ «Происхожденія цивилизаціи» Лэббока и въ девятнадцатой главѣ «Происхожденія человѣка» Дарвина). Обратимся поэтому къ менѣе общезвѣстному, но въ высшей степени интересному явленію, именно къ искусственному измѣненію формы головы. Этотъ съ перваго взгляда поразительно странный обычай распространенъ почти по всему земному шару, что одно уже указываетъ на его давнее происхожденіе. Въ однихъ случаяхъ тиски кладутъ съ цѣлію расширить голову, въ другихъ же случаяхъ главнымъ образомъ имѣется въ виду удлинить ее и придать ей форму сахарной головы и т. д. Для этого (по крайней мѣрѣ на островѣ Целебесѣ) дѣтямъ обматываютъ голову выбитой корой одного дерева, затѣмъ обвязываютъ ее платкомъ и, наконецъ, втискиваютъ между двухъ досокъ. Операція эта тянется отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ, послѣ чего голова уже получаетъ желанную форму ¹⁾. Обычай этотъ встрѣчается еще у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, какъ, напр., у южныхъ французовъ, а также у грузинъ, которые накладываютъ груднымъ дѣтямъ повязку вокругъ головы. Но несравненно больше онъ былъ распространенъ въ Европѣ въ древнія времена, какъ это показываютъ находимые въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ (въ Савойѣ, Швейцаріи, Англіи, Австріи, Крыму и на Кавказѣ) искусственно изуродованные черепа и также сообщенія древнихъ писателей (главнымъ образомъ Гиппократа) о «макроцефалахъ», народы съ необыкновенно длинной, получаемой искусственнымъ путемъ головой.

Не одна голова подвергалась различнаго рода «уродованіямъ» съ эстетической цѣлью. Изъ другихъ частей тѣла въ этомъ отношеніи должны быть упомянуты икры, объ искусственномъ измѣненіи которыхъ у американскихъ индѣйцевъ писалъ Гумбольдтъ, а также—женскія груди и ноги. Въ то время какъ одни народы стремятся всячески удлинить груди, другіе, наобо-

¹⁾ См. статью Риделя въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, стр. 110. Недавно берлинское антропологическое общество получило въ подарокъ такой приборъ съ острова Целебеса.

ротъ, принимаютъ мѣры къ ихъ сплюсненію. Этотъ послѣдній приемъ употреблялся и нѣкоторыми европейскими народами; полагаютъ даже, что онъ еще до сихъ поръ въ обычаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи (напр. въ Брегенцвервальдѣ)¹⁾. Въ Испаніи, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, молодымъ дѣвушкамъ сдавливали соврѣвующія груди свинцовыми пластинками и достигали этимъ способомъ почти полной атрофіи молочныхъ железъ. Общеизвѣстный фактъ искусственнаго уменьшенія ногъ у китайнокъ доходить до перемѣщенія цѣлой сумки костей пальцевъ и ступни, и хотя извѣстія нѣкоторыхъ писателей о неподвижности китайнокъ съ такими ногами и оказались невѣрными, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что искусственное уменьшеніе не остается безъ вредныхъ послѣдствій.

Полагаютъ, что человекъ прибѣгаетъ къ искусственному измѣненію частей своего тѣла, съ цѣлью усилить природныя особенности ихъ и тѣмъ приблизиться къ идеалу красоты даннаго народа. Такимъ образомъ, думаютъ (Дарвинъ), что отъ природы малые размѣры ногъ китайнокъ вызвали искусственное уменьшеніе ноги, что сплюсненіе носа и удлинненіе головы практикуются народами, у которыхъ и безъ того уже носъ плоскій и голова длинна. Не отвергая этого объясненія для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, оно однакоже не можетъ быть принято какъ общее правило. Противъ него говорятъ прямо такіе искусственныя приемы, какъ, на примѣръ, татуированіе верхней губы у женщинъ анно, съ цѣлью изобразить подобіе усовъ; случай этотъ еще особенно замѣчательнъ тѣмъ, что такіе татуированные усы обыкновенно окрашиваются въ синій цвѣтъ²⁾. Можно привести еще случай искусственныхъ накрашенныхъ усовъ у мужчинъ даяковъ, лишенныхъ отъ природы этого украшенія³⁾.

Перечисленные факты, взятыя всѣ вмѣстѣ, указываютъ на то, что народамъ на первобытной стадіи развитія данный природою человѣческой образъ не представляется идеаломъ прекраснаго. Другіе факты свидѣтельствуютъ, что отъ нихъ не ускользнуло и недостаточно полезное устройство нашего тѣла. Цѣлый рядъ искусственныхъ приемовъ употребляется людьми съ цѣлью, по возможности, устранить нѣкоторыя природныя особенности нашего организма. Сюда можно отнести, на примѣръ, обрѣзаніе, столь распространенное у многихъ народовъ. Обрѣзаніе дѣвочекъ

1) См. Archiv für Anthropologie. 1872.

2) Archiv für Ethnologie. 1872. Протоколи берлинскаго антропологическаго общества, стр. 27.

3) Уоллс. Малайскій архипелагъ.

ограничивается не только мусульманскими народами Африки, но встрѣчается также и у западно-африканскихъ негровъ, у ливанскихъ малайцевъ и даже у перуанскихъ индійцевъ ¹⁾. Нѣкоторые писатели приписываютъ этой операціи цѣль чисто практическую. Другой обычай, такъ-называемая инфибуляція (сшиваніе или сращиваніе малыхъ губъ)—также весьма распространенъ у народовъ Африки и Азіи. Къ той же категоріи искусственныхъ измѣненій можно отнести еще вырѣзываніе одного яичка у готтентотовъ, а также вытягиваніе и другіе приемы, употребляемые кафрами для закидыванія грудей за спину при кормленіи. Въ высшей степени интересенъ упоминаемый Гиппократомъ обычай сарматовъ прижиганія правой груди посредствомъ мѣдныхъ пластинокъ, обычай, употреблявшійся съ цѣлью укрѣпленія праваго плеча и правой руки у участвовавшихъ на войнѣ сарматскихъ женщинъ.

Несмотря на отсутствіе опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній у первобытныхъ народовъ, на основаніи только многочисленности и распространенности приемовъ для усовершенствованія челоѡвѣка въ практическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ, можно уже утверждать, что народы эти смотрятъ на челоѡвѣческую природу какъ на нѣчто несовершенное и способное измѣняться подъ вліяніемъ челоѡвѣческой воли.

Существенное отличіе представляетъ эллинское воззрѣніе на челоѡвѣческую природу, воззрѣніе, почти цѣлкомъ перенесенное и въ міросозерцаніе новѣйшаго міра. Высокое мнѣніе о челоѡвѣческой природѣ во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ древнихъ грековъ ²⁾. Въ то время, какъ азіатскіе предшественники ихъ въ дѣлѣ цивилизаціи представляли своихъ боговъ чаще всего въ видѣ фантастическихъ существъ, съ смѣшанными признаками челоѡвѣка и самыхъ разнообразныхъ животныхъ, греки, «создавшіе божества цѣлкомъ по собственному образу и подобію», придавали имъ реальный образъ лучшихъ представителей челоѡвѣческаго рода. Значеніе этого факта во всей греческой жизни и цивилизаціи не можетъ быть преувеличено. Почитаніе челоѡвѣческой природы ограничивалось не однимъ внутреннимъ содержаніемъ ея, но распространялось и на внѣшнюю форму. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія имѣли тѣлесныя упражненія, каковы: гимнастика, плаваніе и пр. Стремясь достигнуть наибольшаго физиче-

¹⁾ См. статью Плюсса въ Zeitschrift für Ethnologie, 1871, стр. 332.

²⁾ „Menschsein war dem Griechen das Höchste“. (Stahr. Torso, стр. 17).

скаго совершенства, идеаль грековъ никогда не переступалъ однакоже за предѣлы даннаго природою человѣческаго образа. Поэтому мы у нихъ не встрѣчаемъ ничего, подобнаго искусственнымъ операціямъ дикарей для измѣненія частей тѣла; напротивъ, всѣ ихъ приемы при ухаживаніи за тѣломъ ограничивались лишь ничтожнымъ отступленіемъ отъ природныхъ условій. Въ этомъ отношеніи у нихъ на первомъ планѣ стояло помаженіе волосъ и натираніе тѣла масломъ, считавшееся столь важнымъ для гимнастическихъ упражненій. Въ болѣе древній періодъ (до начала персидскихъ войнъ) аенняне отпускали косу, но и потомъ они носили довольно длинные волосы. Бритье бороды считалось постыднымъ, такъ какъ голый подбородокъ придавалъ неестественную для мужчины женственность; оно вошло во всеобщее употребленіе только во времена македонскаго владычества, но и тогда не соблюдалось философами, находившимися въ противорѣчій съ существующими воззрѣніями ¹⁾).

Греческое поклоненіе человѣческой природѣ цѣликомъ отразилось въ пластическомъ искусствѣ и обусловило первенство грековъ въ этой области. Поставивъ задачей искусства точное воспроизведеніе наиболѣе совершеннаго человѣческаго образа, греческіе художники измѣрили всѣ части тѣла, и съ помощью этого столь приблизились къ дѣйствительности, что современная наука подтвердила всѣ ихъ главные выводы ²⁾. Скульптура, какъ искусство наиболѣе соотвѣтствующее воззрѣнію грековъ на человѣческую природу, сдѣлалось у нихъ національнымъ. По самой природѣ своей оно всего болѣе пригодно для изображенія цѣлаго, гармонически сложеннаго тѣла. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ипполитъ Тэнъ ³⁾: «Статуя—большой кусокъ мрамора или бронзы—обыкновенно стоитъ на пьедесталѣ одна; ей невозможно сообщить того пылаго жеста или слишкомъ страстнаго выраженія, которые передаются живописью и допускаются въ барельефахъ»... «Кромѣ того, статуя солидна: члены ея и торсъ вѣски, тяжелы; можно обойти вокругъ нея и измѣрить глазомъ всю матеріальную ея толщю; притомъ она обыкновенно совсѣмъ или почти нага, и потому ваятель долженъ придать туловищу и членамъ такое же значеніе, какъ и головѣ и отнестись съ равной

¹⁾ См. Германнъ. Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer. I. 1870, стр. 175—177.

²⁾ Кеттлѣ. Anthropométrie. 1870, стр. 86.

³⁾ За неизмѣненіемъ подъ руками подлинника „Чтеній объ искусствѣ“ Тэна, приходится цитировать по неудачному переводу, изданному въ Москвѣ въ 1874 году (стр. 888).

любовью какъ къ животной сторонѣ, такъ и нравственной. Одна лишь греческая цивилизація удовлетворяетъ этимъ обоимъ условіямъ. На этой ступени и въ этой именно формѣ культуры люди непосредственно наслаждаются тѣломъ; душа не подчинила его себѣ, не отбросила на второй планъ; оно само по себѣ сохраняетъ важное значеніе. Зритель даетъ одинаковую цѣну различнымъ частямъ его, благороднымъ и неблагороднымъ—и широко дышащей груди, и гибкой, сильной шеѣ, и мышцамъ, образующимъ то впадины, то вздутые бугры вокругъ хребта,—рукамъ, которымъ придется метать дискъ, голенямъ и ступнямъ, которыхъ упругость подбрасываетъ всего человѣка впередъ на бѣгу и при скачкѣ».

Греческая философія ставила чрезвычайно высоко всего человѣка, и между прочимъ его тѣло и образъ. Демокритъ восхвалялъ древнихъ за то, что они посвятили части человѣческаго тѣла богамъ: голову—Зевсу, глаза—Палладѣ и т. д. Соотвѣтственно идеалу греческаго искусства, и нравственная философія грековъ выработала «уваженіе ко всѣмъ задаткамъ человѣческой природы и стремленіе къ гармоническому развитію цѣлаго человѣка»¹⁾. Воззрѣніе это, выраженное у Платона, сдѣлалось основнымъ принципомъ старой академіи и затѣмъ перешло въ новую академію, а оттуда въ скептическую школу. Такъ, напр., по мнѣнію Ксенократа (четвертаго столѣтія), принадлежавшаго къ старой академіи, «счастіе заключается въ выполненіи всѣхъ естественныхъ дѣйствій и состояній, въ обладаніи свойственной человѣку добродѣтели и всѣхъ служащихъ ей способностей» (Целлеръ, I. с. 880).

Но столь общій принципъ, рѣзко выражающій античное воззрѣніе на человѣческую природу, отчасти именно въ силу своей общности, не могъ рѣшать безапелляционно болѣе частныхъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ мы поэтому и встрѣчаемъ многочисленныя противорѣчія и разногласія. Такъ какъ послѣднія однакоже имѣютъ очень важное значеніе въ дѣлѣ разсматриваемаго нами вопроса, то я и обращаюсь къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Взглядъ Платона и его ближайшаго ученика Спеузиппа на наслажденіе, какъ на нѣчто, не входящее въ представленіе о благѣ, встрѣтилъ противника въ другомъ ученикѣ Платона—Аристотелѣ. По его мнѣнію, «наслажденіе составляетъ естественный конецъ всякаго дѣйствія, результатъ, столь же непосредственно связан-

¹⁾ Целлеръ. Die Philosophie der Griechen. Третье изданіе. Т. II, 1. 1875, стр. 741.

ный съ совершенной дѣятельностью, насколько красота и здоровье связаны съ совершеннымъ устройствомъ тѣла», — «цѣль, на которой успокоивается всякое жизненное движеніе» (Целлеръ, 1-е изданіе. Т. II, 2, стр. 447).

Возвръненіе на цѣль нравственной жизни, какъ на стремленіе къ сообразованію съ природою (метропатія) перешло, какъ сказано, и въ болѣе позднія школы античной философіи, но каждая изъ нихъ смотрѣла по-своему на содержаніе и границы «естественности» и «естественной жизни». Такъ, по ученію стоиковъ, «высшее благо и высшая цѣль, или счастье можетъ заключаться только въ сообразной съ природою жизни. Но таковою можетъ быть для каждаго человѣка только то, что совпадаетъ съ ходомъ и закономъ мірового цѣлага или съ міровымъ разумомъ; и всякое сознательное и разумное существо должно стремиться только въ тому, что вытекаетъ изъ познанія этого общаго закона (Целлеръ, первое изданіе III, 1, стр. 193). Эпикурейская школа, исходя изъ того же основнаго принципа жизни, сообразной съ природою, доказывала, что «наслажденіе составляетъ естественное благо, то-есть сообразное съ природою и удовлетворяющееея собою состояніе каждаго существа (Целлеръ, I. с. 401). Интересенъ позднѣйшій эклектизмъ Цицерона и его критика стоическихъ воззрѣній. Онъ считаетъ противорѣчимъ съ ихъ же основнымъ принципомъ жизни, сообразной съ природою, исключеніе изъ понятія о благѣ чувственныхъ наслажденій, «которые также принадлежатъ нашей природѣ, которой свойственно и здоровье, и освобожденіе отъ страданія, и хорошее расположеніе духа и даже чувственное наслажденіе». «Жить сообразно съ природою не значить вовсе отречься отъ нея», говоритъ онъ, «но — охранять и развивать ее» (Целлеръ, I. с. 589).

При такомъ преклоненіи передъ природою, философія должна была сдѣлаться фаталистическою и учить «принимать вещи такъ, какъ онѣ сложились», спокойно переноса несчастія, какъ неизбежные атрибуты дѣйствительности. Такимъ образомъ, Карнеадъ выражалъ не свое единоличное мнѣніе, когда утверждалъ, что мысль о возможности несчастія должна уже утѣлять страданіе, и когда онъ доказывалъ, послѣ разрушенія Карфагена, что мудрецъ не долженъ горевать ни въ какомъ случаѣ, даже при гибели роднаго города. Еще рѣзче высказывается Маркъ Аврелій о смерти, которую мы всегда, наступитъ она раньше или позже, должны встрѣчать съ спокойной радостью, довольствуясь одной мыслью объ ея естественности.

Въ концѣ древнихъ вѣковъ, съ упадкомъ античной цивили-

заціи, и прежній взглядъ на человѣческую природу уступилъ мѣсто новому. Противорѣчіе въ стоическомъ взглядѣ на нравственность съ основнымъ воззрѣніемъ на человѣческую природу дошло у одного изъ повдѣйшихъ римскихъ стоиковъ, у Сенеки, знаменитаго современника Иисуса Христа, до полнаго разрыва. Убѣжденіе въ нравственной слабости и несовершенствѣ человѣка, въ вездѣсущи и всеиліи порока привело Сенеку къ признанію неразумнаго и порочнаго начала въ самой человѣческой природѣ. Начало это, по его мнѣнію, лежитъ въ тѣлѣ, въ нашей плоти, которая до того ничтожна, что о ней не стоить и думать; она составляетъ только оболочку нашей души, кратковременное вмѣстилище ея, въ которомъ она никогда не можетъ чувствовать себя спокойно, — бремя, которое ее давитъ, тюрьма, въ освобожденію изъ которой она стремится. Душа, по мнѣнію Сенеки, должна бороться съ тѣломъ, черезъ посредство котораго она получаетъ страданія и невзгоды, сама же по себѣ она чиста и неприкосновенна и стоить столь же выше тѣла, насколько божество выше матеріи (Целлеръ, I. с. 633).

Подобный же дуализмъ (но только въ сильнѣйшей степени) и связанное съ нимъ пренебреженіе къ тѣлу и возвеличеніе души характеризуютъ христіанское воззрѣніе на человѣческую природу. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ христіанской эры, это воззрѣніе высказалось съ полной силою, и высшимъ идеаломъ человѣческихъ стремленій сдѣлалось «подавленіе всей чувственной стороны нашей природы». Борьба съ плотью выступила на первый планъ, и восточный аскетизмъ распространился по всему христіанскому міру. «Подавленіе голода, жажды, сна, отреченіе отъ всякихъ наслажденій впечатлѣній зрѣнія, слуха, вкуса, особенно же подавленіе потребности въ размноженію, дѣлалось въ глазахъ вѣрующихъ назначеніемъ человѣка. Поэтому была предпринята борьба противъ природы, противъ всѣхъ даже самыхъ невинныхъ удовольствій, которыя они, въ силу убѣжденія въ природной испорченности человѣческой природы, считали порокомъ». Каковъ полный контрастъ «съ покойнымъ и веселымъ тономъ, характеризующимъ греческую философію, которая не имѣла понятія о борьбѣ противъ существующей будто бы природной порочности и испорченности человѣка» ¹⁾. Дуалистическое воззрѣніе сдѣлалось столь рѣзкимъ, что прозелиты, ревнуя о спасеніи души, до того загнали тѣло, что, въ физическомъ отношеніи, спустились почти до степени дикихъ животныхъ. Отшельники поселялись въ звѣри-

¹⁾ „Исторія нравственности въ Европѣ“. Нѣмецкій переводъ Головича. Т. II, стр. 97.

ныхъ ворахъ, бросали съ себя всякую одежду и бродили нагіе, подъ покровомъ отроченныхъ волосъ. «Въ Месопотаміи и части Сиріи образовалась секта подъ названіемъ *насуцихся*, которые не имѣли постоянныхъ жилищъ, не ѣли ни хлѣба, ни овощей, но скитались по горамъ и питались травой. Чистота тѣла считалась загрязненіемъ души, и изъ святыхъ наибольшимъ почетомъ пользовались не тѣ, которые заботились о чистотѣ тѣла. Аванасій рассказываетъ съ восторгомъ, что святой Антоній, отецъ монашества, никогда въ старости не мылъ себѣ ногъ» (Лекки, I. с., II, 88).

Подъ вліяніемъ такого крайняго дуализма, всѣ природныя человѣческія инстинкты извратились до послѣдней возможности. Инстинкты семейные и общественные заглушались до того, что, по отношенію къ родственникамъ и соотечественникамъ, фанатизованные христіане были хуже, чѣмъ равнодушны. Одного святаго прославляли за то, что онъ былъ строгъ и жестокъ только по отношенію къ родственникамъ. Рассказываютъ, что когда одинъ вѣрующій обратился къ аббату Сизѣсу съ просьбою принять его въ монастырь, аббать спросилъ его, есть ли у него кто-либо близкій. — «У меня есть сынъ», отвѣчалъ христіанинъ. — «Возьми своего сына», сказала ему на это аббать, «брось его въ рѣку, и только тогда ты можешь сдѣлаться монахомъ». Отецъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію требованія, которое только въ самую послѣднюю минуту было взято назадъ аббатомъ. По отношенію къ отечеству требовалось столь же полное отреченіе (Лекки, II, 100, 108, 112, 114).

Неудивительно, что при такомъ міровоззрѣніи, подавленіе инстинкта къ размноженію и безбрачная жизнь, которую Спаситель и апостолъ Павелъ не вмѣняли вѣрующимъ, а выставляли только идеаломъ высшей степени подвижничества, сдѣлалась обязательною для монашества и католическаго духовенства. Христосъ сказалъ ученикамъ въ отвѣтъ на замѣчаніе ихъ, что при затрудненіи развода лучше вовсе не жениться: «не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матернаго родились такъ; и есть скопцы, которые осклоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами, ради царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ» (Матѣ. XIX, 11, 12). Какъ извѣстно, мѣсто это было понято различно: одни видѣли въ немъ одобреніе простой безбрачной жизни, другіе же, напротивъ, усмотрѣли въ немъ указаніе на физическое осклопленіе. Оба эти толкованія привели къ различнымъ формамъ безбрачія, которое сдѣлалось необходимымъ условіемъ подвижничества. Апостолъ Павелъ не повелѣваетъ его, но рекомендуетъ вѣрующимъ

какъ нѣчто очень желательное. «Я желалъ бы», говоритъ онъ, «чтобы всѣ люди были какъ я». — «Холостымъ и вдовамъ говорю я: хорошо имъ оставаться, какъ я». — «Кто выдаетъ замужъ (дѣвицу), хорошо дѣлаетъ, а кто не выдаетъ—дѣлаетъ лучше» (I, Коринѳ. VII, 7, 8, 39). На основаніи такихъ пожеланій, церковь, начиная съ четвертаго вѣка, стала постепенно вводить безбрачіе, которое вошло въ полную силу въ латинской церкви въ началѣ одиннадцатаго столѣтія (при Григоріѣ VII).

Дуалистическое возрѣніе, дошедшее до извращенія столькихъ человѣческихъ истиннѣтовъ, должно было неминуемо отразиться и въ христіанскомъ искусствѣ. Скульптура, имѣвшая такое первенствующее значеніе въ античномъ мірѣ и столь тѣсно связанная съ основами греческаго міросозерцанія, стала быстро клониться къ упадку. Въ Восточной Римской имперіи она продержалась дольше, но въ Италіи она почти окончательно забросилась въ восьмомъ столѣтіи. Живопись удержалась, но также подверглась сильному упадку. Всѣ произведенія искусства Италіи въ вѣкѣ Каролинговъ обнаруживаютъ грубое равнодушіе къ естественной формѣ, отсутствіе гармоніи и чувства изящнаго. Еще дальше въ глубь среднихъ вѣковъ, итальянское искусство упало еще сильнѣе. «Объ изученіи природы и необходимости ближайшаго знакомства съ человѣческимъ образомъ никто не думалъ. Эпоха, въ которой на каждомъ шагу предполагалось участіе неземныхъ силъ, — говоритъ Шнаазе, — эпоха, міросозерцаніе которой ожидалось на рѣзкомъ контрастѣ небснаго съ земнымъ, не могла и въ искусствѣ держаться границъ физической законности, обыденнаго хода природы» ¹⁾. Тѣсная связь между христіанскимъ возрѣніемъ на человѣческую природу и средневѣковымъ искусствомъ не подлежитъ сомнѣнію, несмотря на разногласіе нѣкоторыхъ специалистовъ. Вотъ еще отъѣвы двухъ свѣдущихъ судей. «Враждебное отношеніе (христіанства) къ искусству въ его тогдашней обстановкѣ — говоритъ Куглеръ ²⁾, — повело даже къ борьбѣ противъ взгляда на искусство вообще. Древнія божества производили впечатлѣніе высокимъ наружнымъ достоинствомъ и обаятельной прелестью, которыя художники внесли въ ихъ изображенія; христіанство, напротивъ, хотѣло дѣйствовать на одинъ только духъ, помимо всякой внѣшности, которая такъ или иначе могла прельщать чувство или затемнять чистоту мысли». Слѣдующее мѣсто заимствовано изъ цитированныхъ уже выше «Чтеній объ

¹⁾ Шнаазе. Geschichte der bildenden Künste. Т. III, 577, 584, и IV, 717.

²⁾ Руководство къ исторіи живописи, 1872, стр. 4.

искусствѣ Тона: «Въ средніе вѣка, — говоритъ онъ, — чрезмѣрное развитіе духовнаго и внутренняго челоуѣка, стремленіе къ неземнымъ созерцаніямъ, культъ скорби, презрѣніе къ тѣлу доводятъ воображеніе и чувствительность до ясновидѣнія и какихъ-то серафическихъ восторговъ». — «Отсюда въ жизни и скульптурѣ лица безобразныя или, по крайней мѣрѣ, некрасивыя, часто вовсе уродливыя и безжизненныя, почти всегда худыя, чахлая, изможденныя и страдальческія» (стр. 335).

Нельзя не признать, что и въ самыя тяжелыя времена для искусства выдавались отдѣльныя произведенія, свидѣтельствовавшія о присутствіи европейскому духу чувствъ изящнаго; но не подлежитъ сомнѣнію, что только возстановленіе сокровищъ античной цивилизаціи произвело коренное улучшеніе въ искусствѣ. «Наука рисованія, — говоритъ Лепранъ, — терпалась съ каждымъ днемъ и увлекала искусство къ неизбежному и полному распаденію, когда великіе вожди итальянскаго возрожденія обратились къ античной древности и нашли въ ней искомуя тайну ея силы и могущества». Великими мастерами въ искусствѣ становятся люди ученые, владѣющіе математикой и измѣрительными методами, какъ, на примѣръ, Альберти, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело и др. Греческіе идеалы искусства, близость къ природѣ, вкусъ къ изящнымъ формамъ оживаютъ снова.

Рядомъ съ возрожденіемъ эллинскаго духа въ искусствѣ, реформація стала въ защиту челоуѣческой природы. Она возстала противъ католическаго насилванія природныхъ инстинктовъ и изгнала безбрачіе и монашество. Въ лютеранскомъ міросозерцаніи мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ античными воззрѣніями, которыя то искусственно вполетаются въ догматы христіанскаго вѣроученія, то сплавляются съ ними въ нѣчто болѣе или менѣе цѣльное. Такимъ образомъ, въ ученыхъ лютеранскихъ трактатахъ говорится о «возможно полномъ развитіи всѣхъ естественныхъ силъ» челоуѣка, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ назначеній челоуѣка. Въ силу этого, нравственныя правила, стремящіяся къ полному освобожденію души отъ тѣла, оказываются въ противорѣчій съ однимъ изъ основныхъ законовъ нашего существа и потому теряютъ всякое значеніе». По мнѣнію лютеранскихъ учителей, не только потребность размноженія, но и «стремленіе къ собственности, чести, власти и чувственному удовольствію составляютъ естественныя потребности нашего сердца, потребности, которыя не могутъ быть уничтожены, но которыя, напротивъ, должны быть облагорожены и развиты. А такъ какъ христіанство въ своихъ нравственныхъ предписаніяхъ главнымъ

образомъ имѣть въ виду полнѣйшее развитіе и образованіе всѣхъ силъ и способностей, то оно никакимъ образомъ не можетъ желать уничтоженія и заглушенія столь важныхъ потребностей ¹⁾). Нельзя не замѣтить, что тутъ христіанству приписывается совершенно эллиническое основное воззрѣніе.

Еще дѣльнѣе перенесло послѣднее въ область философіи новой, или эллино-христіанской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно прошлое столѣтіе, философское развитіе котораго имѣло, какъ извѣстно, огромное влияние на всѣ сферы человѣческой жизни. Въ первой половинѣ его въ Великобританіи выступаетъ Гютчесонъ, основныя воззрѣнія котораго на человѣческую природу почти цѣлкомъ сходятся съ греческими. «Гютчесонъ, — говоритъ Бокль ²⁾, — смѣло утверждалъ, что всѣ наши естественныя склонности законны и что удовлетвореніе ихъ равняется съ самой высокой добродѣтью. Въ его глазахъ онѣ были законны потому, что были естественны; тогда какъ по теологическому ученію самая естественность ихъ была причиною порочности. Въ этомъ-то и заключается основное различіе между практическими взглядами Гютчесона и тѣми, какіе принимались прежде. Подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ XVII и послѣдующихъ вѣковъ, онъ любилъ человѣческую природу и уважалъ ее; но не любилъ и не уважалъ людей, которые скрывали ее и тѣмъ ослабляли ее силу и портили ее красоту. Онъ чувствовалъ больше довѣрія къ человѣчеству, нежели къ его правителямъ. Шотландское духовенство до этого времени поносило всю человѣческую породу. По его мнѣнію, въ насъ не заключалось ничего, кромѣ грѣха, а потому всѣ наши желанія должно было парализовать. Честь и слава Гютчесону, — присовокупляетъ Бокль, — который впервые публично возсталъ въ Шотландіи противъ этихъ безнравственныхъ кончатій». Эта послѣдняя фраза имѣетъ для насъ важное значеніе, потому что указываетъ на то, какой сильный отголосокъ встрѣтило античное воззрѣніе на человѣческую природу у одного изъ вліятельнѣйшихъ представителей новѣйшей эпохи умственного развитія ³⁾.

Если мы вернемся къ восемнадцатому столѣтію и обратимся къ воззрѣніямъ французскихъ мыслителей, то на каждомъ шагѣ увидимъ болѣе или менѣе близкое возвращеніе къ эллиническому

¹⁾ Рейнгардъ. System der christlichen Moral. T. IV, 1814, стр. 481 и T. III, 1813, 14.

²⁾ Исторія цивилизаціи, II, 372.

³⁾ Схожые взгляды встрѣчаемъ мы и у Дж. Льюиса, напримѣръ на стр. 296 его „Исторія философіи“.

міросоверщанію. Такъ, напр., мы узнаемъ его въ слѣдующемъ знаменитомъ изреченіи Ж. Ж. Руссо, столь наглядно резюмирующемъ его основныя воззрѣнія: «Все прекрасно, выходя изъ рукъ Творца вещей; все вырождается въ рукахъ человѣка. Онъ принуждаетъ почву одной страны питать произведенія другой, одно дерево производить плоды другого; онъ смѣшиваетъ и спутываетъ климаты, элементы, времена года; онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, раба; онъ все сокрушаетъ и извращаетъ; онъ любитъ безобразіе, уродовъ; онъ ничего не хочетъ оставить въ такомъ видѣ какъ сдѣлала природа, ни даже человѣка; ему нужно видрессировать его какъ лошадь, передѣлать его по-своему какъ плодовое дерево» (Эмиль, I, 1).—Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о томъ, какое сильное впечатлѣніе и вліяніе производили въ свое время эти убѣжденія, высказанныя притомъ съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ. Всѣмъ извѣстно, что они проникли въ педагогію, государственную науку и возбудили многочисленныя путешествія съ цѣлію изученія ближайшихъ къ природѣ первобытныхъ народовъ.

Французскіе мыслители изъ лагеря энциклопедистовъ, несмотря на столь враждебный Руссо матеріализмъ, раздѣляли съ нимъ основной взглядъ на человѣческую природу. Въ ней они искали ключъ всей практической философіи. Одинъ изъ весьма видныхъ представителей французскаго матеріализма прошлаго столѣтія, баронъ Гольбахъ, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Всеобщая нравственность, или обязанности человѣка, основанныя на его природѣ». Какъ видно уже изъ этого, основу теоріи Гольбахъ полагаетъ въ естественныхъ свойствахъ человѣка. «Мотивы (предлагаемой нравственности),—говоритъ онъ,—чисто человѣческіе, то есть основанныя единственно на природѣ человѣка, какою она представляется нашимъ глазамъ». «Прежде чѣмъ имѣть религію, человѣкъ уже есть человѣкъ, и какую бы религію онъ ни признавалъ, нравственность должна быть всегда одинакова и именно такова, какою природа предписываетъ всѣмъ людямъ».

Черезъ посредство философіи прошлаго столѣтія античное воззрѣніе перешло и въ нашу нынѣшнюю эпоху, какъ это мы видѣли уже отчасти изъ вышеприведенной цитаты, въ которой Бокль высказываетъ свои симпатіи убѣжденіямъ Гюттесова. Нѣкоторые ученые новаго времени, быть можетъ сами того не подозрѣвая, чрезвычайно близко подошли къ воззрѣніямъ древнихъ философовъ. Подобно послѣднимъ, предписывавшимъ «уваженіе ко всѣмъ задаткамъ человѣческой природы и стремленіе къ гармоническому развитію цѣлаго человѣка», Вильгельмъ Гумбольдтъ устанавли-

васть слѣдующій основной принципъ: «конечная цѣль человѣка, — говоритъ онъ (цитировано у Милля, «Свобода», стр. 274), — т.-е. та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными величіями разума... состоитъ въ наивозможно-гармоническомъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и состоятельное цѣлое». Подобно этому опредѣляетъ Лекки цѣль жизни, которая, по его мнѣнію, «состоитъ въ полномъ развитіи всего существующаго въ положенныхъ природою размѣрахъ и отношеніяхъ» (I. с. I, стр. 103). Въ сущности сходно съ этимъ и одно изъ новѣйшихъ опредѣленій нравственности, принадлежащее Георгу Зейдлицу, натуралисту и ревностному послѣдователю дарвинизма. «Въ удовлетвореніи всѣхъ отправления тѣла въ должной степени и взаимномъ отношеніи другъ къ другу заключается раціональная и нравственная жизнь» ¹⁾. Опредѣленіе самого Дарвина отличается отъ этого только второстепенными пунктами: «Выраженіе: общее благо, — говоритъ онъ, — можетъ быть опредѣлено какъ обозначеніе развитія возможно большаго числа особей въ полной силѣ и здоровьѣ, со всѣми способностями, въ наиболѣе совершенной степени развитія возможной, при данныхъ условіяхъ» (Происхожденіе человѣка, нѣмецкій пер. третьяго изданія, I, 156). Приведенныя цитаты считаю достаточными для того, чтобы уяснить какъ современныя воззрѣнія на человѣческую природу, такъ и связь ихъ съ принципами античной философіи.

Изъ представленнаго мною очерка можно видѣть, что воззрѣнія на человѣческую природу вообще распадаются на двѣ большія категоріи: одна изъ нихъ обнимаетъ воззрѣнія, по которымъ природа наша должна служить источникомъ и образцомъ какъ для изящнаго, такъ и для нравственнаго искусства; другая же заключаетъ взгляды, которые не останавливаются на природныхъ свойствахъ человѣка и которые, наоборотъ, побуждаютъ его унижать свою природу и измѣнять ее сообразно съ какою-нибудь опредѣленной цѣлью.

Если мы нѣсколько подыдемъ надъ уровнемъ обѣихъ теорій и, вооружившись результатами современнаго естествознанія, спросимъ себя: какая же изъ нихъ болѣе соответствуетъ истинной природѣ человѣка, то, по разсмотрѣніи дѣла, должны будемъ придти къ заключенію, что воззрѣнія второй категоріи по существу

¹⁾ Die Darwin'sche Theorie, 2-е изданіе 1875 г., стр. 272, прим. 25.

своему естественнѣе. Какъ ни парадоксаленъ съ перваго взгляда этотъ выводъ, но онъ, мнѣ кажется, можетъ быть доказанъ.

Что же говорить намъ наука о человѣческой природѣ? Она показываетъ прежде всего, что, подчиненный тѣмъ же законамъ, какъ и остальные живыя существа, человѣкъ подверженъ процессу измѣнчивости, въ силу котораго человѣкъ произошелъ изъ какой-нибудь болѣе низкой животной формы и въ силу котораго же, сдѣлавшись человѣкомъ, онъ претерпѣлъ рядъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій. Принятый Боклемъ принципъ постоянства естественныхъ способностей человѣка не подтверждается современной антропологiей. Какъ ни мало подвинулась еще эта только-что зарождающаяся наука, тѣмъ не менѣе она выработала уже твердое убѣжденiе въ существованiи измѣнчивости какъ въ особенностяхъ формы, такъ и въ отправленияхъ органовъ человѣка. Поль Брокъ показалъ, что емкость парижскихъ череповъ увеличилась съ двѣнадцатаго столѣтiя. Зубная система, напротивъ, представляетъ случаи ослабленiя развитiя, такъ, напр., зубы мудрости очевидно стремятся уничтожиться: нерѣдко они вовсе не прорѣзываются на одной или обѣихъ челюстяхъ; въ случаяхъ же своего появленiя (по крайней мѣрѣ, у кавказской расы), корни ихъ сливаются и на коронѣ нерѣдко недостаетъ одного (четвертаго) бугорка. Клыки теряютъ свою заостренную коническую форму и во многихъ случаяхъ уже вполне уподобляются рѣзцамъ. Сравнительное изученiе человѣческихъ расъ показываетъ у нихъ рядъ анатомическихъ отличiй. Какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о происхожденiи такихъ расовыхъ признаковъ, несомнѣнно однакоже, что они указываютъ на измѣнчивость въ области человѣческаго организма. Есть основанiе думать, что кавказская раса (и вообще такъ-называемыя высшiя расы) явилась въ результатъ измѣненiя какой-нибудь болѣе низшей расы, — процесса, слѣды котораго сохранились въ развитiи отдѣльнаго индивидуума.

Хотя въ настоящее время невозможно опредѣлить въ точности, какими именно путями совершались форменныя измѣненiя, но очевидно, что тутъ играли существенную роль моменты усиленнаго или ослабленнаго употребленiя даннаго органа. Къ первому прибѣгаютъ для объясненiя увеличенiя емкости парижскихъ череповъ, а послѣднiй объясняетъ уменьшенiе и измѣненiе зубной системы. Тѣ же причины («употребленiе и неупотребленiе» органовъ) обусловили слѣпоту пещерныхъ животныхъ, неподвижность многихъ паразитовъ и цѣлый рядъ другихъ явленiй живой природы.

Еще болѣе глубокия измѣненiя сопровождали переходъ отъ

животнообразнаго прародителя къ первобытному человѣку. Современная теорія происхожденія человѣка можетъ быть причислена къ числу наиболѣе прочныхъ научныхъ теорій. Она показываетъ, что человѣкъ получилъ всѣ свои органы отъ какого-нибудь болѣе низшаго въ системѣ животнаго, передавшаго по наслѣдству между прочимъ и такія части, которыя, сдѣлавшись бесполезными, мало-по-малу заглохли, оставивъ однакоже по себѣ болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ видѣ такъ-называемыхъ, рудиментарныхъ, или остаточныхъ органовъ. Выражаясь фигурно, можно сказать, что въ человѣческомъ тѣлѣ заключено цѣлое низшее животное существо. У человѣка есть остаточный хвостъ, остаточный шерстяной покровъ, рудиментарный кожный мускулъ. Зубная система съ стремящимися къ уничтоженію зубами мудрости и теряющими первоначальную форму клыками составляетъ столь же явное наслѣдіе отъ животныхъ предковъ, какъ и части, а можетъ быть и цѣлая ушная раковина, носовыя раковины и остатокъ третьей вѣйки. Кишечный каналъ человѣка заключаетъ въ своемъ червеобразномъ отросткѣ, всегда бесполезномъ, а нерѣдко даже вредномъ, органъ, унаслѣдованный въ концѣ-концовъ отъ какого-нибудь травояднаго животнаго, которому онъ необходимъ для затруднительнаго перевариванія пищи, содержащей клетчатку. Мускульная и половая системы человѣка чрезвычайно богаты рудиментарными органами.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ рудиментовъ окончателно потеряли способность дѣйствовать, другіе, напротивъ, могутъ еще совершать отправленіе и развиваться по мѣрѣ упражненія. Такъ, напр., замѣчено, что упражненіемъ можно развить зачаточныя ушныя мышцы, совершенно бесполезныя человѣку. Нѣкоторыя изъ нашихъ мимическихъ движеній составляютъ также подобный остатокъ животности въ человѣкѣ. При сильномъ гнѣвѣ у него приподымаются углы рта и обнажаются клыки, т.-е. дѣлается жестъ, столь обыкновенный у животныхъ, но въ то время какъ у послѣднихъ онъ имѣетъ положительное значеніе и сопровождается затѣмъ кусаніемъ, у человѣка сохранилась только первая половина процесса. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, у дѣтей, чаще же всего у сумасшедшихъ наблюдали вслѣдъ за подобнымъ жестомъ приведеніе въ дѣйствіе зубовъ. Приподыманіе волосъ дыбомъ, замѣчаемое у человѣка только при самыхъ сильныхъ аффектахъ, обуславливается напряженіемъ мелкихъ подкожныхъ мышцъ, которыя развиты у животныхъ гораздо больше и которыя, обуславливая общее оцетиниваніе, играютъ у нихъ весьма важную роль. Къ категоріи такихъ оста-

точныхъ явленій у человѣка должно быть отнесено и образованіе такъ-называемой гусиной кожи.

Итакъ, мы видимъ, что человѣкъ представляется сложнымъ результатомъ длиннаго процесса, оставившаго по себѣ нерѣдко очень явственные слѣды. Процессъ этотъ вообще имѣетъ характеръ односторонняго усовершенствованія интеллектуальной стороны, подавившей рядъ другихъ сторонъ организма. Такимъ образомъ человѣкъ, сравнительно съ ближайшими къ нему животными, одаренъ болѣе ёмкимъ черепомъ и обладаетъ несравненно болѣею степенью умственныхъ способностей, но въ то же время онъ лишенъ готовыхъ средствъ къ защитѣ, какъ, напр., шерстянаго покрова, сильныхъ влчковъ и пр. Этимъ объясняется, между прочимъ, большое число остаточныхъ органовъ у человѣка. Являясь въ результатѣ односторонняго усовершенствованія, человѣкъ не столько примыкаетъ къ взрослымъ человѣкообразнымъ животнымъ, съ вполне развитой многосторонней организаціей, сколько къ ихъ зародышевому или отчасти дѣтскому возрасту, съ сравнительно большимъ черепомъ и малымъ лицомъ и съ слабо развитымъ шерстянымъ покровомъ.

Рядомъ съ измѣчивостью въ живой природѣ дѣйствуетъ еще другой могучій факторъ—наслѣдственность. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обуславливаетъ не только передачу грубыхъ физическихъ признаковъ, но и такихъ тонкихъ чертъ, какъ, напр., болѣзненное расположеніе, самыя болѣзни, какъ тѣлесныя, такъ и такъ-называемыя душевныя, и даже свойства характера и наклонность къ преступленіямъ и т. д.

Сильно распространившееся въ прежнія времена мнѣніе, будто человѣческій организмъ представляетъ образецъ совершенства, выше котораго ничего быть не можетъ, не выдерживаетъ болѣе критики. Еще Іоганнъ Мюллеръ (въ первой половинѣ столѣтія) показалъ, что даже въ совершеннѣйшемъ изъ нашихъ органовъ—глазѣ, поправка аберраціи свѣта неполная. Въ еще болѣе новое время, Гельмгольцъ указалъ на другія несовершенства въ устройствѣ глаза. «Точное изученіе оптическаго устройства глаза за послѣднія десять лѣтъ,—говоритъ онъ,—привело къ разочарованію относительно нѣкоторыхъ его отличительныхъ свойствъ. Природа,—прибавляетъ онъ,—какъ-бы нарочно скопила противорѣчія, для того, чтобы устранить всѣ основанія теоріи существующей гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ». Чѣмъ сложнее данная машина, тѣмъ труднѣе правильное сочетаніе и взаимодѣйствіе всѣхъ частей ея, и тѣмъ легче нарушеніе общаго строя. Это правило примѣняется и къ одной изъ

самыхъ сложныхъ животныхъ машинъ — къ человѣку. Будучи существомъ общительнымъ и притомъ принадлежа къ числу наиболѣе измѣнительныхъ (такъ-называемыхъ полиморфныхъ) видовъ, человѣкъ въ высшей степени подверженъ вліянію постоянно измѣняющихся внѣшнихъ условій ¹⁾, вслѣдствіе чего онъ всегда находится въ процессѣ примѣненія къ нимъ. Явившись, какъ было сказано, въ результатѣ односторонняго усовершенствованія организациі своего зоологическаго прародителя, онъ внесъ съ собою зачатки органическихъ противорѣчій, разлада между отправлениями своихъ отдѣльныхъ частей. Не представляетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, явнаго противорѣчія тотъ фактъ, что органъ, развитіе котораго сопряжено съ нарушеніемъ общаго здоровья и такъ часто бываетъ смертельно, оказывается всего менѣе необходимымъ въ человѣческой жизни. Я говорю о зубахъ, которые могутъ быть замѣнены какъ соответствующимъ размельченіемъ и приготовленіемъ пищи, такъ и непосредственно искусственными зубами. Противорѣчіе становится еще болѣе рѣзкимъ въ виду того, что особенно большую опасность при прорѣзываніи представляютъ клыки, то-есть именно зубы, наименѣе нужные человѣку.

Подобныя противорѣчія не составляютъ единичнаго факта. Особенно рѣзко кидается въ глаза разладъ въ аппаратѣ, служащемъ для размноженія. Развиваясь у человѣка сравнительно очень долго, этотъ аппаратъ созрѣваетъ неодновременно, а послѣдовательно; притомъ чувство, выражающее эту потребность, проявляется въ такую раннюю пору, когда существенные органы размноженія еще не созрѣли и когда самый процессъ поэтому еще невозможенъ. При дальнѣйшемъ развитіи созрѣваютъ эти органы, но опять въ такое время, когда весь организмъ еще не достигъ той степени зрѣлости, какая необходима для наименѣе рискованнаго рожденія и воспитанія дѣтей. Отсюда возникаетъ рядъ явленій, которыя называютъ ошибочнымъ терминомъ «нестественными» и которыя влекутъ за собою болѣзни и другія несчастія, слѣдовательно, идутъ наперекоръ цѣли человѣческой жизни, которая, согласно мнѣнію людей, состоитъ въ достиженіи наивозможно большаго общаго блага (или счастья въ самомъ широкимъ смыслѣ слова).

Я считаю употребительный терминъ неправильнымъ потому,

¹⁾ Подъ внѣшними условіями тутъ разумѣется не столько вліяніе климата и почвы, сколько другія, болѣе быстро измѣняющіеся факторы, какъ, напр., измѣненія въ составѣ и движеніи населенія, измѣненія культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ и т. п.

что явленія эти кроются именно въ самой природѣ человѣка. Вотъ почему такъ-называемые первобытные народы, наименѣе измѣненные культурой и, какъ принято выражаться, стоящіе наиболѣе близво къ природѣ, не представляютъ той «естественности», о которой говорилъ и мечталъ Ж. Ж. Руссо, а нѣчто прямо противоположное. Въ началѣ настоящаго очерка я привелъ рядъ фактовъ, показывающихъ, какъ сильно стараются дикари замѣнить «естественный», природный образъ человѣка. Въ сферѣ половой жизни они предаются онанизму и другимъ, такъ-называемымъ «неестественнымъ» дѣйствіямъ ¹⁾. Нарушеніе родительскаго инстинкта у нихъ проявляется на каждомъ шагѣ въ формѣ столь распространеннаго дѣтоубійства. Вытравленіе плода у нихъ также употребительно. Все это вытекаетъ изъ основного разлада въ человѣческомъ организмѣ, изъ разлада между данными природою свойствами и человѣческимъ идеаломъ счастья.

Итакъ, резюмируя сказанное о человѣческой природѣ, ми видимъ, во-первыхъ, что она содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе явные, болѣе или менѣе сохранившіеся или заглохшіе слѣды животныхъ предковъ; во-вторыхъ, что человѣкъ, подобно прочимъ существамъ, въ сильной степени подчиненъ законамъ наследственности и измѣчивости, и, въ-третьихъ, что въ его природѣ замѣчается и самимъ человѣкомъ чувствуется болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, въ чему онъ стремится. Такимъ образомъ, *природа наша оказывается натыкнутой и дисгармонирующей съ нашими стремленіями.*

Мы видѣли, какъ реагировали первобытные народы. Но какъ же справлялись съ затрудненіями античные народы и какъ соглашались они ихъ съ общимъ принципомъ преклоненія передъ природою? Вотъ что говорить одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ объ исторіи нравственности — Левки. «Въ древности только немногіе люди порицали искусственное вытравленіе плода и — на основаніи принципа общей пользы — многими доказывалось, что препятствіе рожденію составляетъ во многихъ случаяхъ благодѣяніе. Аристотель не только разрѣшалъ въ Греціи этотъ обычай, но даже желалъ, чтобы онъ былъ предписанъ закономъ въ случаѣ, какъ только населеніе перейдетъ извѣстный предѣлъ. Не было закона, который бы препятствовалъ этому ни въ Греціи, ни въ римской республикѣ, ни въ теченіи болѣе половины

¹⁾ Объ этомъ и вообще о разладѣ въ человѣческой природѣ см. очерки „Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія“, въ т. I, „Вѣстника Европы“, въ 1871, и „Возрастъ вступленія въ бракъ“, въ т. I, того же журнала за 1874 г.

ниверситетъ» (I. с. II, 16). Кроме того, по свидѣтельству специалистовъ, въ древней Греціи была сильно развита «нестественная любовь» (педерастія), которой, между прочимъ, былъ преданъ (хотя и въ меньшей степени, чѣмъ большинство) основатель стоицизма Зенонъ. Философы этой школы «только до тѣхъ поръ предпочитали жизнь смерти, пока оставались существенныя условія для жизни, сообразной съ природою» (Целлеръ, I. с., III, 1, 287). Но, видимо, условія эти оставались плохи, такъ какъ стоики очень часто вончали жизнь самоубійствомъ. Самъ Зенонъ лишилъ себя жизни: сломавъ себѣ палецъ при выходѣ изъ школы, онъ такъ поразился своей немощью, что, ударивъ землю ногой, воскликнулъ: «къ чему эти мученія? Земля, я повинуюсь твоему призыву!» — и вслѣдъ затѣмъ удавился.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что греческій принципъ естественной жизни не прилагался въ весьма важныхъ случаяхъ; но, кроме того, онъ, какъ было сказано выше, толковался самымъ различнымъ образомъ и настолько произвольно, что, придерживаясь его, различныя школы совершенно различно понимали правила нравственной жизни.

Христіанство дѣйствовало противъ самоубійства, дѣтоубійства и вытравленія плода, и ему до тѣхъ поръ удавалось нѣсколько справиться съ этими бѣдами, пока само оно сохранило первоначальную силу и чистоту. Но за то оно ввело безбрачіе и умерщвленіе плоти, т. е. обязанности, которыя сначала соблюдались строго и отчасти замѣняли запрещавшіяся христіанствомъ мѣры; впоследствии же снова ввелись послѣднія, а безбрачіе и умерщвленіе плоти сохранились только въ видѣ формальности. Сильное распространеніе въ новомъ мірѣ искусственныхъ мѣръ съ цѣлью препятствія рожденію, есть фактъ общезвѣстный; въ Америкѣ существуетъ между докторами большое число специалистовъ по этой части, а въ Европѣ въ нихъ даже и не оказывается особенной надобности, такъ какъ самому народу извѣстно достаточное количество соотвѣствующихъ средствъ.

Итакъ, мы видимъ, что, при всевозможныхъ воззрѣніяхъ на нашу природу, человѣчество никогда вполне не удовлетворялось ею. Не такъ легко, слѣдовательно, «жить сообразно съ природою», какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И это, очевидно, не простая случайность. Разсуждая объ условіяхъ размноженія первобытнаго человѣка, Дарвинъ между прочимъ высказываетъ слѣдующую мысль: «въ самую отдаленную эпоху, — говоритъ онъ (I. с. I, 149), — прежде чѣмъ человѣкъ достигъ челоуѣчности, онъ руководился болѣе инстинктомъ и менѣе раз-

судомъ, чѣмъ въ настоящее время дикари. Наши древніе полу-человѣческіе прародители не убивали дѣтей, потому что *инстинкты низшихъ животныхъ никогда не бываютъ такъ извращены*, чтобы привести ихъ къ правильному уничтоженію потомства». То-есть получеловѣческія существа, сдѣлавшись людьми, потеряли прежнюю силу инстинкта и стали замѣнять его рассудкомъ, причѣмъ инстинктивныя дѣйствія извратились: инстинктъ самосохраненія сталъ нарушаться самоубійствомъ, инстинкты семейныя извратились въ видѣ дѣтоубійства, и т. д. Одинъ англійскій критикъ замѣтилъ по поводу этого, что Дарвинъ, самъ того не сознавая, восстанавливаетъ еврейское преданіе о грѣхопаденіи чело-вѣва. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что такія извращенія природныхъ инстинктовъ, т.-е. именно такъ-называемыя «несост-венныя дѣйствія» составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей чело-вѣва. Не указываетъ ли это на то, что эти дѣйствія сами входятъ въ составъ нашей природы, и потому заслуживаютъ очень серьезнаго вниманія?

Можно утверждать, что видъ *Ношо заріенъ* принадлежитъ къ числу видовъ, еще не вполне установившихся и не полно приспособленныхъ къ условіямъ существованія. Унаслѣдованные имъ инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сдѣлались шатки, тогда какъ долженствующій стать на ихъ мѣсто разумъ еще не достаточно развитъ и окрѣпъ. Отсюда раздвоеніе и раз-ладъ, съ столь раннихъ поръ обратившій на себя вниманіе чело-вѣчества. Богѣ чуткіе въ дѣлахъ чело-вѣческихъ, поэты ка-жутся, первые сознали его, какъ это видно, напримѣръ, изъ мно-гихъ мѣстъ Фауста: «Zwei Seelen fühl ich, ach, in meiner Brust» и т. д., или изъ слѣдующихъ стиховъ Байрона:

„... Все въ этомъ мірѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно;
А мы — его цари и же-владыки,
Часть божества въ смѣшенъ съ частью праха —
Равно безсилны подняться кверху
Иль внизъ упасть — мы двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ“ (Манфредъ, сцена II).

Наука только теперь приходитъ къ убѣжденію въ существованіи органическаго разлада въ чело-вѣческой природѣ ¹⁾ и возможно,

¹⁾ Мнѣ кажется, что развиваемая здѣсь теорія дисгармоніи, высказанная раньше въ очеркахъ о воспитаніи и возрастѣ вступленія въ бракъ, достаточно полна. Нечего и говорить, что мнѣ никогда и въ голову не приходило доказывать, будто существуетъ дисгармонія съ законами природы и будто поэтому дисгармоническія проявленія составляютъ нѣчто сверхъестественное. Всякая болѣзнь составляетъ также

что вскорѣ прикладное знаніе найдетъ возможнымъ воспользо-ваться ея результатами, съ цѣлью «искусственнымъ» путемъ воз-становить большую гармонію. Теперь нельзя болѣе раздѣлять взглядовъ, подобныхъ воззрѣнію Гюгесона, что «*есть* наши есте-ственные желанія и стремленія, даже и низшаго разряда, даны намъ на благо» или—что все прекрасно въ первоначальномъ естественномъ своемъ видѣ. Нѣтъ, наша природа заключаетъ сто-роны, которыя могутъ и должны быть устранены и видоизмѣ-нены, и прикладное знаніе (искусство въ широкомъ смыслѣ) должно содѣйствовать этому. Если различныя, предпринятія до сихъ поръ попытки (въ родѣ приѣмовъ дикарей и средневѣковыхъ), закон-ность которыхъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, оказались не-удачны и подчасъ смѣшны, то это не можетъ служить еще до-казательствомъ, чтобы и попытки, предпринятія съ тою же цѣлью при посредствѣ науки и искусства, постигла та же участь. Не слѣдуетъ забывать, что и теперь есть сферы, въ которыхъ человѣческое искусство стало неизмѣримо выше природы (му-зыка).

Отстаиваемое здѣсь воззрѣніе существенно противоположно эллиническому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный факторъ воли на подобающую ей арену и не подавлять многочисленныхъ и столь дорогихъ человѣчеству стрем-леній и идеаловъ, на основаніи лишь того, что они не могутъ быть совмѣщены съ природою человѣка въ данный моментъ. Вотъ почему и при рѣшеніи частныхъ случаевъ, какъ, напр., упомянутыхъ въ началѣ статьи женскаго и невольническаго во-проса, столь желанный выходъ изъ сознаваемого тягостнымъ по-ложенія не можетъ быть задерживаемъ на основаніи ссылки на особенности женскаго организма или на природу такъ-называе-мыхъ низшихъ расъ. Эти «данныя природою» условія сами под-лежатъ измѣнчивости и могутъ улучшаться въ отвѣтъ на стрем-ленія.

Чтобы по возможности устранить возникновеніе недоразумѣ-ній, я въ заключеніи остановлюсь на одномъ частномъ примѣрѣ. Какъ извѣстно, Дарвинъ и Уоллесъ положили въ основаніе сво-его ученія фактъ, что организмы размножаются въ сильнѣйшей степени, чѣмъ сколько ихъ можетъ просуществовать; вообще

естественный результатъ законовъ природы, но тѣмъ не менѣе человѣкъ стремится устранить ее. Проф. Бекетовъ (въ журналѣ „Природа“ кн. 1, 1876) не помялъ истин-наго смысла теоріи и несправедливо вооружился противъ нея. Если сказанное мною ж теперь покажется неяснымъ, то я совѣтую читателю прочесть главу логики Милля о свободѣ и необходимости.

можно сказать, что потребностей больше, чѣмъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Въ результатъ этого основного разлада, по независимо выработанному убѣжденію обоихъ ученыхъ, является борьба за существованіе и подборъ наилучше приспособленныхъ особей. Такимъ образомъ устанавливается гармонія, достигаемая въ одномъ случаѣ приспособленіемъ къ новой обстановкѣ, въ другомъ случаѣ—уменьшеніемъ плодовитости и т. д. Все это совершается механически, безъ всякаго участія сознанія. Только у человѣка проявляется сознаніе разлада между размноженіемъ и средствами, и онъ начинаетъ сознательно принимать мѣры для установленія согласія; съ этой цѣлью онъ или старается увеличить свои средства, или же замедляетъ вступленіе въ бракъ, или, наконецъ, искусственнымъ путемъ уменьшаетъ число рожденій. Только тѣ люди одерживаютъ побѣду въ борьбѣ за существованіе, которые слѣдуютъ по одному изъ этихъ путей; безпечные же люди оказываются въ числѣ побѣжденныхъ. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ мірѣ сознаніе и воля являются факторами процесса подбора, который въ мірѣ остальныхъ организмовъ управляется безъ нихъ, и основной разладъ устраняется при помощи самого человѣка, активнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ существъ.

Ил. Мечниковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

Небесной равниной, послушны дыханью
Слетѣвшаго къ нимъ вѣтерека,
На встрѣчу лучей золотому сіяню,
Волнуясь, бѣгутъ облака.
И ясное солнце въ себѣ отражая,
Въ палящій томительный день
Скользигъ надъ землею ихъ бѣлая стая,
Кидая подвижную тѣнь.
Закать недалеко, и вѣтеръ сильнѣе
Подулъ неудержно могучъ,
И вотъ облака, постепенно темнѣя,
Сбираются клубами тучъ...
На небѣ гроза разразиться готова
Потоками огненныхъ стрѣлъ...
Блеснула. Ударъ прокатился сурово
И слѣдомъ другой прогудѣлъ...
Но туча проходить, и глухо, невнятно
Гремитъ, удаляясь, раскаты,
А крупныя капли дождя благодатно
Спаленную землю кропать.

Не такъ ли и въ строѣ твоихъ пѣснопѣній,
Скажи мнѣ, по правдѣ, поэтъ,
Смѣняютъ тяжелыя тучи сомнѣній
Мечтаній заоблачный свѣтъ —

Уносить всё грёзы и сны золотые
Богатый сознаниёмъ умъ,
И чувство любви заслоняютъ впервые
Толпы угнетающихъ думъ.
Ты видишь вездѣ столько пошлаго, злого
И столько неправды кругомъ,
Срывается съ устъ твоихъ молнія-слово,
Угрозы доносится громъ.
Въ душѣ нераздѣльны въ такіа мгновенья
Отчаянье, злоба и гнѣвъ,
Ты въ роду людскому питаешь презрѣнье,
На сердцѣ любовь отогрѣвъ;—
Но гнѣвъ отошелъ, и иное понятно:
Стихаетъ волненье въ крови,
И бывшихъ враговъ ты кропишь благодатно
Дождемъ животворной любви.

* * *

«Я не рождёнъ для злобы дня,
Для битвы долгой и упорной
И съ суетой своею вздорной
Такая жизнь не для меня!»

И вотъ, въ надзвѣздные края,
Въ пространства свѣтлаго эфира,
За грани видимаго міра
Мечта уносится моя...

Какъ хорошо, привольно тамъ
Въ безбрежномъ исчезать просторѣ,
Отъ сна перелетать во снамъ,
Позабывать земное горе!

Что-жъ, сердце, на призывъ мечты,
Летающей всюду беззаботно,
Не скоро поддаешься ты?
— Нѣтъ, сердце, ты не перелѣтно.

И въ этомъ сумракѣ земномъ
Все бьешься старою любовью,
Людскою обливаясь кровью,
О прошломъ помнишь и родномъ.

Въ порывѣ бури грозовой
Опавшій листъ мелькаетъ, тонетъ...
А дубъ, склоняясь головой,
Отъ бурнаго налёта стонетъ,
Какъ-бы вадыхаетъ глубокѣ
Надъ облетѣвшими листьями,
Ушедши въ землю далеко
Своими цѣпкими ворнями.

ВЪ СТЕПИ.

1.

Вотъ она, родная степь,
 Проглянула изъ тумановъ,
 И синѣющихъ кургановъ
 Обозначилася цѣпь.

Въ встрѣчу мнѣ бѣжить ковыль
 Серебристыми волнами,
 Позади ложится пыль
 Сѣроватыми клубами.

Надо мной сквознымъ узоромъ
 Тучекъ движется гурьба,
 И повисли ястреба,
 Сторожа добычу взоромъ.

Ширь степная раздалась:
 Ни лѣсовъ, ни горъ высокихъ,
 И подолгу ищетъ глазъ
 Деревенекъ одинокихъ.

2.

Ночью прелесть этихъ мѣстъ
 Легкой дымкою одѣта,
 Смѣсь тѣней и полу-свѣта
 Отъ горящихъ въ небѣ звѣздъ.

Незамѣтно и согласно
 Все въ одинъ слилося тонъ,
 Даль и темный небосклонъ,
 А вверху лазурно, ясно...

Чуть колеблять свѣтъ луны
 На себѣ степныя воды,
 И святой повои природы
 Посылаетъ въ душу сны.

Д. И. Садовниковъ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наше общество и литература обратили серьезное вниманіе на новую форму сельскаго кредитнаго учрежденія—на ссудосберегательное товарищество. На долю этого учрежденія выпало рѣдкое счастье: оно встрѣтило сочувствіе повсемѣстно, всѣ общественные дѣятели признали своимъ долгомъ распространять его среди сельскаго населенія, министерство финансовъ открыло товариществамъ кредитъ въ государственномъ банкѣ и особымъ циркуляромъ обратило на нихъ вниманіе земскихъ учреждений, наконецъ, устроенъ даже особый комитетъ, имѣющій задачей содѣйствіе товариществамъ. Благодаря такому всеобщему сочувствію, новое кредитное учрежденіе очень скоро получило у насъ право гражданства, и въ три-четыре года вся Россія поврылась цѣлой сѣтью ссудосберегательныхъ товариществъ—городскихъ и сельскихъ, по быстротѣ возникновенія ихъ превзойдя даже родину ихъ—Германію. Надежды, возлагавшіяся на товарищества, были почти безграничны: отъ нихъ ожидалась помощь бѣднѣйшему классу сельскаго населенія, тому классу, который, не представляя имущественнаго обезпеченія, лишень правильнаго кредита. Между тѣмъ, опытъ на первыхъ же порахъ показалъ, что роль ссудосберегательнаго товарищества ограничена, что оно не въ состояніи осуществить многихъ изъ возлагавшихся на него надеждъ. Отсюда начинается реакція; безграничное сочувствіе, которымъ сперва были встрѣчены кредитныя товарищества, смѣ-

яется недоуриемъ, и въ литературѣ и въ земствѣ начинаютъ высказываться сомнѣнія въ пользѣ этихъ учреждений. Къ сожалѣнію, собранные до сихъ поръ матеріалы, по которымъ можно было бы вывести основательное заключеніе о степени пригодности ссудныхъ товариществъ, крайне недостаточны; кромѣ ежегодно-публикуемыхъ денежныхъ отчетовъ, есть только отрывочныя свѣдѣнія о внутренней жизни нѣсколькихъ товариществъ, напечатанныя во второмъ отчетѣ комитета. Въ виду этого мы считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь свѣдѣнія о положеніи товариществъ московской губерніи, собранныя по случаю бывшаго въ сентябрѣ прошедшаго года въ Москвѣ перваго съѣзда представителей ссудосберегательныхъ товариществъ московской губерніи. Свѣдѣнія эти, хотя и обнимающія собою только два десятка товариществъ, могутъ въ нѣкоторой степени восполнить указанный пробѣлъ и дать нѣкоторое понятіе о жизни новыхъ крестьянскихъ банковъ.

I.

Вопросъ о народномъ кредитѣ, съ особенной силой возбужденный въ началѣ текущаго десятилѣтія, — вопросъ уже не новый. Онъ давно обратилъ на себя вниманіе, давно появилось у насъ сознаніе необходимости устройства для низшихъ классовъ населенія особаго рода кредитныхъ учреждений, по организациіи своей и задачѣ отличающихся отъ коммерческихъ банковъ. Само правительство, уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія, дѣлало попытки къ удовлетворенію потребности государственныхъ крестьянъ въ кредитѣ посредствомъ устройства сельскихъ банковъ, вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, имѣвшихъ цѣлью выдачу крестьянамъ денежныхъ ссудъ и принятіе отъ нихъ вкладовъ. Первая попытка такого рода была сдѣлана въ 1837 г., когда, указомъ 29 декабря, предписано было учредить *заемные капиталы* въ удѣльныхъ имѣніяхъ, съ отчисленіемъ для образованія ихъ потребной суммы изъ общихъ крестьянскихъ капиталовъ. Заемный капиталъ назначался для каждаго приказа отдѣльно, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ мѣстнымъ потребностямъ. Распоряженіе ссудной операціей возлагалось на приказы, причемъ на обязанности управляющихъ удѣльными конторами лежало наблюденіе, «чтобы крестьяне не дѣлали займа изъ сельскихъ банковъ отъ лѣности или по прихотямъ, но единственно только на промышленные обороты, и чтобы банковые капиталы чрезъ то не

встоцались». Размѣръ ссуды для каждаго домохозяина былъ опредѣленъ отъ 3 до 143 руб., а съ увеличеніемъ земскаго капитала и болѣе ¹⁾. Кромѣ этихъ мѣстныхъ банковъ, были учреждаемы и центральные при конторахъ; такъ, въ московской губерніи существовалъ «Вспомогательный заемный банкъ государственныхъ волостей», упраздненный въ 1859 г. и замѣненный мѣстными банками, и «торгово-промышленный». Въ 1859 г. было учреждено министромъ двора новое «положеніе о сельскихъ банкахъ по удѣльному вѣдомству», въ силу котораго размѣръ ссудъ для отдѣльныхъ лицъ увеличенъ до 200 р., а по особымъ разрѣшеніямъ и до 500 р., срокъ же опредѣленъ отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ, а въ особыхъ случаяхъ—до 5 лѣтъ. Съ переходомъ удѣльныхъ крестьянъ въ завѣдываніе общихъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, сельскіе банки оставлены на прежнемъ основаніи и надзоръ за ними возложенъ на мировыхъ посредниковъ, причемъ вопросъ о преобразованіи этихъ банковъ предоставленъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Что касается до ссудныхъ торгово-промышленныхъ банковъ, учрежденныхъ въ четырехъ удѣльныхъ имѣніяхъ, то сдѣланныя изъ нихъ ссуды распределены между сельскими банками тѣхъ волостей, коимъ подвѣдомственны лица, воспользовавшіяся ссудами ²⁾. Вслѣдствіе этого распоряженія, въ вѣдѣніе волостныхъ правленій были переданы какъ наличныя суммы, такъ и долги. Въ московскомъ уѣздѣ переданный капиталъ по 5 волостямъ простирался до 11,650 р. 26^{3/4} к. ³⁾.

Вѣдомство государственныхъ имуществъ, въ свою очередь, тоже заботилось о доставленіи находившимся въ его завѣдываніи крестьянамъ кредита, и съ этой цѣлью въ 1842 г. было издаево «Положеніе о крестьянскихъ вспомогательныхъ кассахъ». Чтобы ознакомить крестьянъ съ этимъ «Положеніемъ» и устроить правильное дѣлопроизводство и счетоводство по кассамъ, въ 1842 г. была открыта при московской палатѣ центральная касса, съ основнымъ капиталомъ въ 3000 р., и въ слѣдующемъ 1843 г. были учреждены въ московской губерніи пять мѣстныхъ кассъ при волостныхъ правленіяхъ. Въ 1852 г. было признано, что «первоначальная цѣль кассы при палатѣ уже достигнута и учрежденіе вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ въ московской губерніи получило довольное развитіе», а сама центральная касса, какъ крестьянское кредитное учрежденіе, оказалась бесполезной,

¹⁾ Сводъ Удѣльныхъ Постановленій. 1848 г. Ст. 538—587.

²⁾ Полож. о крест. водв. на земл. им. госуд. и пр., ст. 17.

³⁾ Дѣло Московской Уѣдной Земской Управы, № 505.

такъ какъ крестьяне, «являясь въ одну, какъ въ центральную, во множествѣ, часто не получаютъ просимою ими ссуды, за неимѣніемъ въ достаточномъ количествѣ наличной суммы на удовлетвореніе всѣхъ просителей, и такимъ образомъ дѣлаютъ напрасныя издержки на проѣздъ въ Москву, и, сверхъ того, весьма нерѣдко, по собственному ихъ желанію, рѣшаются выжидать здѣсь по нѣскольку дней накопленія денегъ, еще болѣе вовлекаются въ излишніе расходы, тогда какъ, при существованіи вспомогательныхъ кассъ въ ближайшихъ къ нимъ волостныхъ правленіяхъ, они съ болѣею удобностью могли бы получать нужное для торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ ихъ пособіе». Вслѣдствіе этого рѣшено было центральную кассу закрыть и взамѣнъ ея устроить мѣстныя кассы при 25 волостныхъ правленіяхъ, что и было исполнено въ 1854 г. ¹⁾ Впослѣдствіи, въ 1860 г. было учреждено еще нѣсколько кассъ.

Несмотря на самыя благія намѣренія, руководившія вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ при учрежденіи вспомогательныхъ кассъ, дѣло это, при данной ему постановкѣ, пошло неудовлетворительно, далеко не достигая имѣвшейся въ виду цѣли: уже въ 1857 г. флигель-адъютантъ Корсаковъ, ревизовавшій управленіе государственными имуществами дмитровскаго округа, нашелъ, что «хотя выдача ссудъ въ 1857 г. сдѣлалась болѣе правильной, тѣмъ не менѣе весьма часто ссуды выдаются однимъ и тѣмъ же лицамъ». Въ этомъ послѣднемъ фактѣ и заключается главная причина неудачи вспомогательныхъ кассъ. Просматривая книги этихъ учреждений за цѣлый рядъ лѣтъ, замѣчаемъ, что дѣйствительная выдача и уплата ссудъ являются операціей какъ бы побочной, второстепенной; главная же состоитъ въ переписываньи и отсрочкѣ разъ выданной ссуды. Встрѣчаются нерѣдко и такіе случаи, что прежде выданная ссуда považивается уплаченной, но въ тотъ же день выдается новая и на этотъ разъ уже превышающая прежнюю на ту сумму, которая необходима на уплату процентовъ по первой и, можетъ быть, на расходы по исходайствованію новой ссуды... Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ, кассы, сдѣлавшіяся достояніемъ немногихъ, не могли пользоваться сочувствіемъ и довѣріемъ большинства и потому, будучи предоставлены сами себѣ, немедленно пришли въ упадокъ. Находясь въ завѣдываніи палаты государственныхъ имуществъ, періодически подвергавшей ихъ ревизіи и наблюдавшей за ходомъ ихъ дѣлопроизводства, кассы, хотя съ формаль-

¹⁾ Дѣло Московск. Пал. Госуд. Им. 1852 г., № 99/11.

ной стороны велись правильно, хотя на бумагѣ обнаруживали нѣкоторую жизнь, но какъ только государственные крестьяне перешли въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, повидимому, мало обращающихъ вниманія на сельскія кредитныя учрежденія, и такимъ образомъ опека палатъ была съ нихъ снята, всякое движеніе въ кассахъ прекратилось, прежде выданныя ссуды остались до сихъ поръ невзысканными, выдача ссудъ вновь, за неимѣніемъ наличныхъ средствъ, прекратилась, а мѣстами даже номинальное существованіе кассъ покончилось, такъ какъ капиталы ихъ были подѣлены между сельскими обществами. Изъ имѣющихся въ московской уѣздной земской управѣ свѣдѣній видно, напр., что въ одной изъ волостей московскаго уѣзда (Ростовинской) бывшая вспомогательная касса «окончилась съ переходомъ государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе мировыхъ учреждений въ 1868 г., и съ тѣхъ поръ какъ вкладовъ въ кассу, такъ и выдачъ не производится и оставшіяся въ долгу за заемщиками деньги, принадлежащія мірскимъ капиталамъ нѣкоторыхъ селеній, взыскиваются для удовлетворенія тѣхъ селеній по настоящее время». Въ другой волости — Дурькинской — капитала кассы, находящагося въ долгу за крестьянами, въ 1868 г. взыскиваемо не было. Въ Черкизовской волости изъ числа выданныхъ въ 1867 и 1868 годахъ 94 лицамъ 2,593 р., до сихъ поръ состоитъ въ долгу 1,847 р. 52 к., на которые начислено процентовъ 701 р. Что касается до уѣздныхъ банковъ, то хотя въ силу закона они и не могли упраздниться, тѣмъ не менѣе дѣла ихъ идутъ далеко не успѣшно, что можно видѣть изъ примѣра двухъ такихъ банковъ московскаго же уѣзда — царицынскаго и неготинскаго: по первому съ 1852 г. по 1874 г. неуплаченныя ссуды составляютъ 54% общаго числа ссудъ; въ срокъ полной уплаты производимо совсѣмъ не было; ссуды, уплаченныя сполна, по послѣ срока, составляютъ лишь немного болѣе 10%; ссуды, по которымъ ничего не уплачено, составляютъ болѣе 36%. Въ послѣднемъ изъ указанныхъ банковъ къ 1874 году состояло за заемщиками 2,585 р. 51 к., на которые, за просроченное время числилось процентовъ 1,850 р. 87 к.; въ число этой суммы въ 1874 году уплачено только 433 р. Любопытно, что само заведывающее банкомъ волостное правленіе не знаетъ, какая часть обращающагося въ банкѣ капитала принадлежитъ волости: «кроме вкладовъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ — увѣдомляетъ оно управу — большая часть принадлежитъ всей волости, но сколько именно, опредѣлить этого въ настоящее время невозможно, такъ какъ до сихъ поръ не окончены расчеты съ

селениями, перешедшими въ 1868 году въ составъ другихъ волостей...¹⁾

Такимъ образомъ, существовавшія уже кредитныя учрежденія далеко не удовлетворяли потребности сельскаго населенія въ кредитъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть этого населенія — крестьяне помѣщичьи, число которыхъ въ московской губерніи простирается до 278,430 ревнскихъ душъ — были лишены даже такого пособія. Между тѣмъ потребность въ кредитъ ощущается весьма сильно и крестьяне вынуждены прибѣгать въ помощи ростовщиковъ, платя немнѣвныя проценты и нѣрѣдко, путемъ займовъ, доходя до совершеннаго разоренія. Изъ чрезвычайно интереснаго доклада «о кредитѣ сельскаго населенія московскаго уѣзда», читаннаго на сѣздѣ представителей ссудо-сберегательныхъ товариществъ В. И. Орловымъ, видно, что по 14 волостямъ московскаго уѣзда въ книги сдѣлокъ и договоровъ при волостныхъ правленіяхъ внесено за послѣднія десять лѣтъ 958 случаевъ крестьянскихъ займовъ на сумму 174,440 р., что среднимъ числомъ въ годъ составляетъ 95 случаевъ займа на 17,440 руб. Сумма эта значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ не всѣ займы записываются въ книги сдѣлокъ и договоровъ, въ которыя могутъ быть вносимы сдѣлки на сумму не свыше 300 р. По расчету г. Орлова, основанному частью на указанномъ матеріалѣ, частью же на свидѣніяхъ, собранныхъ имъ на мѣстахъ при статистическомъ изслѣдованіи селеній, денежный оборотный капиталъ, разбираемый ежегодно крестьянами московскаго уѣзда у частныхъ лицъ, въ видѣ займовъ, простирается до 70,000 р. Займы эти заключаются для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей: болѣе половины ихъ — 60% — дѣлаются для покупки сѣмянъ, 31% на уплату податей, 3,5% на наемъ земли и 4,8% — на другія потребности. Проценты, платимыя крестьянами по ихъ займамъ, поражаютъ своей почти невѣроятной высотой, доходя иногда до 105 на 100. Средній годовоі процентъ, выведенный изъ 85 случаевъ, составляетъ 35½, причѣмъ въ 37 случаяхъ онъ былъ выше, а въ 48 — ниже средняго. Присоединяя

¹⁾ Учрежденіе ведомствами уѣздными и государственныхъ имуществъ крестьянскіе банки давно уже подверглись осужденію; мнѣніе о полной ихъ неагродности распространено весьма сильно, между тѣмъ до сихъ поръ никто еще, сколько намъ извѣстно, не подвергалъ ихъ тщательному изслѣдованію, такъ что дѣйствительныя причины ихъ упадка и неудачи въ точности неизвѣстны. Въ настоящее время мы занимаемся собраніемъ свидѣній о сельскихъ банкахъ московскаго уѣзда, пользуясь для этого подлинными книгами волостныхъ правленій за дальнй рядъ лѣтъ, — но нѣкоторымъ волостямъ съ самаго времени ихъ учрежденія.

сюда расходы на гербовую бумагу, свидѣтельствованіе документа, угодненіе кредитора, вознагражденіе «ходателя» и т. под., средній размѣръ процента можетъ быть опредѣленъ въ 40, что на 70,000 руб. составитъ въ годъ 28,000 р. «Раздѣляя эту сумму на 15,939 крестьянскихъ дворовъ, значащихся къ московскому уѣздѣ—говорить г. Орловъ — мы получаемъ 1 р. 75 к., что является, такъ сказать, налогомъ, выплачиваемымъ ежегодно въ пользу ростовщиковъ каждымъ крестьянскимъ домою». Въ виду такого положенія дѣль, устройство какаго-либо кредитнаго учрежденія, которое давало бы крестьянамъ возможность получать нужны имъ ссуды на менѣе обременительныхъ условіяхъ, составляетъ насущную необходимость. Такимъ учрежденіемъ явилось ссудосберегательное товарищество, вопросъ о которомъ въ первый разъ былъ поднятъ въ московской губерніи въ 1870 г., въ подольскомъ и коломенскомъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ слѣдующемъ году, благодаря циркуляру министра финансовъ, земскія собранія другихъ уѣздовъ тоже обратили вниманіе на этотъ предметъ, и съ тѣхъ поръ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ дѣло сельскаго кредита заняло надлежащее мѣсто въ области земскаго хозяйства. Наконецъ, губернское земское собраніе, отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, открыло имъ кредитъ, въ размѣрѣ 1,000 р. каждому, срокомъ на 18 лѣтъ, исходатайствовавъ разрѣшеніе на употребленіе для этой цѣли до 200,000 руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала.

II.

Первое ссудосберегательное товарищество въ московской губерніи открыло свои дѣйствія, 1-го іюля 1871 года, въ селѣ Бояркинѣ, коломенскаго уѣзда. Вслѣдъ за нимъ открылись еще три товарищества, а всего въ 1871 году открыто въ четырехъ уѣздахъ четыре товарищества; въ 1872 году въ пяти уѣздахъ открыто семь товариществъ, въ 1873 году въ четырехъ уѣздахъ—пять, въ 1874 году въ двухъ уѣздахъ—четыре, а въ 1875 году въ трехъ уѣздахъ—четыре.

Въ 1-му января 1876 года въ московской губерніи дѣйствовало 24 товарищества, изъ которыхъ на московскій и подольскій уѣзды приходится по *шести*; серпуховскій, волоколамскій, верейскій и бронницкій по *два*; рузскій, коломенскій, клинскій и Можайскій по *одному*. Въ дмитровскомъ уѣздѣ устроилось-

было одно товарищество, но, по утвержденіи устава, оно не осуществилось,—кажется, за смертію лица, которому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ. Въ богородскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ товариществъ еще нѣтъ.

Приступая къ разсмотрѣнію оборотовъ и положенія дѣлъ этихъ товариществъ, мы должны совершенно исключить изъ своего обзора одно товарищество—раменское, бронницкаго уѣзда, которое не доставило своихъ отчетовъ ни въ губернскую земскую управу, ни въ комитетъ о ссудосберегательныхъ товариществахъ, а потому о положеніи его въ 1875 году мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Изъ отчетовъ прочихъ 23 товариществъ (изъ нихъ 21 сельскихъ и 2 городскихъ) видно, что къ началу 1875 года въ 21 изъ нихъ было членовъ 3631; затѣмъ, въ теченіи года, въ 22 товариществахъ ¹⁾ поступило 1865, выбыло 275 и къ 1-му января 1876 года состояло 4930, изъ которыхъ 4359 приходится на долю сельскихъ товариществъ и 571 на долю городскихъ. Паевой капиталъ, составлявшій къ 1-му января 1875 г. 102,867 р. 48 к., въ теченіи прошедшаго года увеличился на 66,361 р. 28 к., и, за возвращеніемъ 7973 р. 13 к., къ 1-му января нынѣшняго года составлялъ почтенную сумму—161,255 р. 63 к., а въ однихъ сельскихъ товариществахъ 147,052 р. 64 к. Присоединяя сюда запасной капиталъ, въ количествѣ 4846 р. 07 к., мы найдемъ, что собственный капиталъ 22 товариществъ къ началу нынѣшняго году простирался до 166,101 р. 70 к. Кромѣ собственныхъ своихъ капиталовъ, товарищества, какъ известно, оперируютъ капиталами занятыми. Такихъ капиталовъ къ началу нынѣшняго года 23 товарищества имѣли 73,324 р. 60 к. (21.552 р. 23 к. вкладовъ и 51,772 р. 37 к. займовъ). Ссудъ къ началу прошедшаго года состояло 144,820 р. 51 к., выдано въ теченіи года 495,029 руб. 78½ коп., возвращено 402,652 р. 72½ к., осталось къ 1-му января 1876 года въ долгу за членами 237,206 р. 97 к. Чистой прибыли получено 21,170 р. 85¼ к. Наконецъ, общій годовой оборотъ составлялъ: *на приходъ* 571,745 р. 91½ к., *въ расходъ* 562,671 р. 77½ к.

Такие результаты дѣятельности ссудосберегательныхъ товариществъ, достигнутые въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ существованія ихъ въ московской губерніи, не могутъ не быть признаны за усугбъ весьма значительный. Дѣйствительно, выдавъ въ теченіи года въ ссуду около полумилліона рублей, отерывши крестьянамъ доступъ къ пользованію 70-ю тысячами рублей чужихъ

¹⁾ Кромѣ раменскаго и отрадинскаго.

денегъ, товарищества оказали значительную услугу $4\frac{1}{2}$ тысячамъ лицъ, бѣольшая часть которыхъ безъ ихъ помощи или тщетно искала бы кредита, отказываясь, за недостаткомъ его, отъ выгодныхъ оборотовъ, или же томилась бы въ кабаль у какого-нибудь ростовщика-мироѣда. Конечно, сравнительно съ общимъ числомъ населенія и съ размѣрами потребности въ кредитѣ, обороты товариществъ представляются ничтожными, но въ этомъ не ихъ вина, такъ какъ 24 товарищества не имѣютъ никакой возможности удовлетворить цѣлую губернію. За то въ своемъ тѣсномъ кругу они несомнѣнно приносятъ пользу, и пользу значительную.

Но, останавливаясь на валовыхъ цифрахъ, невозможно придти къ окончательному выводу о значеніи товариществъ, о тѣхъ недостаткахъ ихъ, которые нуждаются въ исправленіи, о той роли, которую предстоитъ имъ играть въ будущемъ. Чтобы ближе познакомиться съ товариществами, чтобы войти въ самую внутреннюю жизнь ихъ, мы попытаемся прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ, пользуясь для этого матеріалами, доставленными самими правленіями товариществъ. Матеріалы эти, относящіяся только до 17-ти товариществъ, отвѣтившихъ на запросы, страдают иногда неполнотою и неясностью, но тѣмъ не менѣе они могутъ служить матеріалами для сужденія о занимающихъ насъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

III.

Прежде всего мы остановимся на вопросѣ о томъ, какому разряду лицъ служить ссудосберегательныя товарищества, какія общественныя группы пользуются въ нихъ кредитомъ, и для этого рассмотримъ составъ товариществъ и тѣ требованія, которыя предъявляются послѣдними лицамъ, желающимъ вступить въ нихъ. По отзыву бѣольшей части правленій, при избраніи новыхъ членовъ преимущественное вниманіе обращается на нравственныя качества избираемаго—его честность, трудолюбіе и т. д., такъ что, по словамъ Быковского товарищества, «богатый да недобросовѣстный, и бѣдный да несправимый лѣнтяй или горькій пьяница, всегда забаллотировываются; напротивъ, бѣдный, но семейный, трудолюбивый, борящійся съ нуждою, съ сочувствіемъ принимается». Но, кромѣ нравственной стороны, весьма важную роль при избраніи играетъ и имущественная состоятельность. Хотевцовское товарищество, напримѣръ, бѣдныхъ не принимаетъ

совсѣмъ, въ другихъ же минимумъ требованія составляютъ: «обладаніе домомъ, съ дворомъ, лошадыю, коровой и орудіями труда первой необходимости»; но этотъ минимумъ, какъ объясняютъ нѣкоторыя правленія, не всегда считается достаточнымъ. Чтобы гарантировать себя противъ допущенія въ свой составъ лицъ, не вполне благонадежныхъ, нѣкоторыя товарищества обставили приемъ въ члены различными формальностями. «Въ первое время», говоритъ Порѣцкое товарищество, «отъ лицъ, желающихъ быть членами, ничего не требовалось объ ихъ состояніи; когда же изъ принятыхъ такимъ образомъ членовъ оказалось много совершенно бѣдныхъ людей сомнительной нравственности, то отъ желающихъ быть членами стали требоваться свидѣтельства отъ ихъ начальствъ о томъ, какое кто имѣетъ имущество и каково его нравственности». Свидѣнія эти передъ избраніемъ прочтываются избирателямъ. Представленіе подобныхъ же удостовѣреній введено въ товариществахъ Ясеневскомъ и Серединскомъ, изъ которыхъ послѣднее требуетъ доказательствъ: о самостоятельности хозяина, о строеніяхъ и имуществѣ, о числѣ скота, если членъ крестьянинъ-хлѣбопашецъ, о недоимкахъ, числящихся за избираемымъ, и частныхъ долгахъ и взыскаціяхъ, о нравственности его. Бояринское товарищество принимаетъ лишь тѣхъ, за кѣмъ нѣтъ казенныхъ недоимокъ. Недоимщики принимаются лишь въ томъ случаѣ, когда причина образованія недоимки правленіемъ признана будетъ уважительною. При такомъ взглядѣ товарищество можно ожидать, что главную массу членовъ должны составлять лица среднего достатка, пользующіяся извѣстной долей благосостоянія и нуждающіяся въ кредитѣ, какъ средствѣ для расширенія хозяйственныхъ и промышленныхъ оборотовъ. На дѣлѣ дѣйствительно такъ и оказывается: въ Богородскомъ товариществѣ, верейскаго уѣзда, напримѣръ, всѣ члены, по словамъ правленія, «самостоятельные хозяева среднего достатка; богатыхъ, т.-е. такихъ, у которыхъ при большомъ хозяйствѣ есть капиталъ, мало въ товариществѣ, потому что они получаютъ болѣе выгоды отъ дачи денегъ въ ростъ, отчего нѣкоторые получаютъ болѣе 100% на рубль. Бѣдныхъ также мало въ товариществѣ, у которыхъ нѣтъ ни скота, ни упряжи, ни необходимыхъ земледѣльческихъ орудій, и, слѣдовательно, имъ бесполезенъ и дешевый кредитъ товарищества». То же подтверждается и свидѣтельствомъ другихъ товариществъ, ибо хотя нѣкоторые и насчитываютъ въ своей средѣ бѣдныхъ, но число послѣднихъ, сравнительно съ общимъ числомъ членовъ, весьма незначительно. Въ Уваровскомъ товариществѣ изъ числа членовъ—

крестьянъ, мѣщанъ и солдатъ, бѣдныхъ насчитывается 17, или 12%, богатыхъ 12, среднихъ 104, или 77%. Подъ бѣдными правленіе разумѣть такихъ, «которые, какъ говорить о нихъ, едва въ состояніи свести въ своемъ хозяйствѣ концы съ концами, стройка ихъ и хозяйственныя принадлежности указываютъ на очевидную недостаточность средствъ: нѣкоторые не имѣютъ *даже* (курсивъ въ подлинникѣ) лошади». Въ Сыновово-Слащевскомъ товариществѣ, гдѣ «въ прежнее время при избраніи въ члены принималась во вниманіе имущественная состоятельность лицъ и къ баллотировкѣ допускались только лица среднего достатка или богатые», въ настоящее же время «стали руководиться болѣе нравственною стороною избираемаго»; въ числѣ 226 членовъ насчитывается 47 богатыхъ, 125 среднего достатка, 54 (около 22%) бѣдныхъ, разумѣя подъ послѣдними такихъ, которые «не въ состояніи бываютъ уплатить въ срокъ повинностей безъ кредита и которые не имѣютъ въ достаточномъ количествѣ скота и прочихъ принадлежностей домашняго хозяйства». Насчитываютъ бѣдняковъ въ своемъ составѣ товарищества Осташковское, Ясенеvское, Пучковское, Косинское и Быковское, но изъ принимаемыхъ ими въ основаніе имущественной классификаціи членовъ признаковъ, лишь приводимые послѣднимъ, указываютъ на дѣйствительную бѣдность. Относя къ числу «бѣдныхъ» 49 членовъ, быковское правленіе объясняетъ это выраженіе такъ: «неимущій, — нѣтъ ни лошади, корова иногда есть, постоянный податной недомыщикъ, угнетенный постоянною большою нуждою въ жизни, болѣею частью не обсевающій полей». Лицо, находящееся въ такомъ положеніи, дѣйствительно имѣетъ право на названіе бѣдняка, но изъ тѣхъ людей, которыхъ относить къ категоріи «бѣдныхъ» другія товарищества, многіе, вѣроятно, должны бы быть перечислены въ высшій разрядъ — въ разрядъ лицъ «средняго достатка»; такъ, напр., Косинское товарищество называетъ бѣдными тѣхъ, кто не имѣетъ ничего, «кромѣ жилой избы, одной лошади, одной коровы, дохода отъ земледѣлія получаетъ недостаточно для годового прожитія семьи, особаго промысловаго занятія не имѣетъ». Осташковское характеризуетъ ихъ возможностью «обезпечить своимъ имуществомъ въ случаѣ неисправнаго платежа». Но если и такое положеніе при общемъ уровнѣ крестьянскаго благосостоянія признать за бѣдность, то во всякомъ случаѣ бѣдняки составляютъ лишь весьма незначительную часть членовъ. Точно также незначительную часть членовъ составляютъ и наемные рабочіе, встрѣчающіеся лишь въ нѣсколькихъ товариществахъ; въ прочихъ ихъ нѣтъ совсѣмъ.

Пріемъ въ члены производится въ нѣкоторыхъ товариществахъ совѣтомъ, въ другихъ соединеннымъ присутствіемъ совѣта и правленія, а въ подольскихъ товариществахъ практикуется совершенно своеобразный порядокъ выборовъ. Въ Дубровицкомъ выборы производятся особой комиссіей изъ 12 членовъ, до нѣшняго года избиравшейся общимъ собраніемъ, а съ нѣшняго года назначаемой совѣтомъ на каждый разъ особо, изъ такого же числа лицъ, приглашаемыхъ въ правленіе безъ объясненія, для какой именно цѣли, въ видахъ «предупрежденія стачки членовъ комиссіи съ желающими баллотироваться». Въ Быковскомъ товариществѣ избраніе также производится комиссіей, состоящей изъ членовъ совѣта и правленія, и 25 человекъ выборщиковъ, болѣе знакомыхъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Прочимъ членамъ товарищества предоставляется участвовать въ рѣшеніяхъ комиссіи съ правомъ голоса, для чего оповѣщаются о времени и мѣстѣ собранія комиссіи всѣ селенія, въ которыхъ есть члены. Избраннымъ признается получившій $\frac{2}{3}$ избирательныхъ голосовъ. Въ Боярянскомъ товариществѣ пріемъ производится членами правленія, безъ баллотировки. О степени строгости, съ которой относились избиратели къ избираемымъ, видно изъ того, что въ 1875 году въ 20 товариществахъ подвергалось баллотировкѣ 1985 человекъ, избрано же 1589, т.-е. 80%, а 20% были забаллотированы. По отдѣльнымъ товариществамъ отношеніе оказывается приблизительно такое же, а именно, за все время существованія подвергались баллотировкѣ: въ Дубровицкомъ товариществѣ 520, избрано 382 (73%), въ Быковскомъ изъ 623 избраны 471 (75%), въ Порѣцкомъ изъ 415 избрано 407 (95%); въ Сырково-Слащевскомъ изъ 320 избрано 248 (77%), въ Уваровскомъ изъ 326 избрано 195 (86%). Особенно строго относится къ выборамъ Ясеновское товарищество, гдѣ въ прошедшемъ году забаллотированные составляли до 38% (43 изъ 113).

Нѣкоторое и довольно вѣрное понятіе о степени состоятельности членовъ товариществъ можетъ дать разсмотрѣніе размѣра взносовъ ими паевыхъ взносовъ. Изъ 20 товариществъ размѣръ пая опредѣленъ въ одномъ въ 25 р. (Бронницкое), въ двухъ — въ 100 р. (Некрасинское и Боярянское), въ двухъ — въ 60 р. (Уваровское и Кленовское), въ остальныхъ — въ 50 р. Въ этихъ товариществахъ къ 1-му января 1876 г. состояло 4,146 членовъ, внесшихъ въ пай 131,967 р. 58 к. Изъ нихъ 1,526, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$ (36%) внесли полные пай, на сумму 96,690 р., что составляетъ 73% всей внесенной суммы, а 2,620 или 64% внесли паевыя доли на сумму 35,277 р. 58 к., что

среднимъ числомъ на каждаго члена составить 13 р. 80 к., т.-е. гораздо болѣе обязательнаго паевого взноса. По отдѣльнымъ товариществамъ отношенія значительно измѣняются: въ нѣкоторыхъ полные пай составляютъ громадное большинство, болѣе $\frac{2}{3}$, въ другихъ болѣе или около половины, наконецъ въ третьихъ—перевѣсъ имѣютъ паевыя доли. Къ первымъ двумъ разрядамъ принадлежатъ товарищества Порѣцкое (213 человекъ съ полными паями и 43 съ долями), Ясневское (188 и 89), Вороновское (141 и 50), Кленовское (89 и 74), Корневское (45 и 30), Всѣхсвятское (14 и 12), Пучковское (62 и 63). Средній размѣръ паевой доли на каждаго члена въ разныхъ товариществахъ весьма различенъ, измѣняясь отъ 3 р. 18 к. (Богородское) до 44 р. 40 к. (Некрасинское). Менѣе 5 р. на члена приходится въ двухъ товариществахъ, отъ 5—10 въ семи, отъ 10—15 въ двухъ, отъ 20—30 въ четырехъ, свыше 30 въ двухъ (Некрасинское и Уваровское). Такимъ образомъ и эти данныя показываютъ, что преобладающее число членовъ товариществъ составляютъ лица средняго и даже высшаго достатка, имѣющія возможность дѣлать болѣе или менѣе значительные взносы.

Въ нѣкоторыхъ товариществахъ размѣръ паевыхъ взносов съ каждымъ годомъ возрастаетъ, что, кромѣ естественнаго увеличения долей прежде поступившихъ членовъ посредствомъ постепенно дѣлаемыхъ ими періодическихъ взносов, обуславливается и принятіемъ вновь лицъ, болѣе состоятельныхъ; въ другихъ же размѣры взносов, оказывающіеся довольно значительными при открытіи дѣйствій товарищества, съ теченіемъ времени понижаются, вслѣдствіе прилива членовъ съ мелкими взносами. О всѣхъ товариществахъ можно замѣтить, что въ образованіи ихъ принимаютъ ближайшее участіе лица высшаго достатка, что подтверждается какъ числомъ полныхъ паевъ, такъ и среднимъ размѣромъ паевыхъ взносов учредителей: въ Лигачовскомъ товариществѣ полные пай составляли въ первый годъ существованія около 7% и паевой взносъ равнялся почти 10 р., въ Ясневскомъ—полные пай 19% при паевомъ взносѣ въ 5 р. 59 к.; въ прочихъ товариществахъ размѣры взносов еще выше: Пучковское имѣло 44% полныхъ паевъ и 13 р. 80 к. паевыхъ долей; Осташковское—42% полныхъ паевъ и 13 р. взноса; Всѣхсвятское—около 52% полныхъ паевъ и около 12 р. взноса; наконецъ, Косинское, при 13% полныхъ паевъ, имѣло взносы въ 8 р. 80 к. Явленіе это весьма естественно, такъ какъ болѣе состоятельная часть сельскаго населенія является обыкновенно и болѣе интеллигентной, и безъ ея участія введеніе какаго-либо по-

ваго учрежденія весьма затруднительно, а иногда даже и невозможно. Но, приступая къ устройству товарищества, мѣстная сельская аристократія преслѣдуетъ различныя цѣли: она или старается удовлетворить исключительно свои собственные потребности, и тогда доступъ въ товарищество для лицъ низшихъ разрядовъ закрывается и съ теченіемъ времени замѣчается возрастаніе числа полныхъ паевъ и размѣра паевыхъ долей, или же—что, впрочемъ, очень рѣдко—она заботится не столько о себѣ, сколько именно о низшемъ классѣ и широко открываетъ для послѣдняго двери своего учрежденія. Первый случай встрѣчается, напр., въ товариществахъ Ясенеvскомъ и Пучковскомъ; въ первомъ изъ нихъ возрастаніе полныхъ паевъ и взносовъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ: полные пай 6, 20, 49, 67%; взносы 5 р. 59 к., 13 р. 91 к., 16 р. 4 к., 20 р. 60 к.; въ Пучковскомъ: полные пай 44 и 49%, взносы 13 р. 80 к., 16 р. 10. Обратнымъ путемъ пошло Остапковское товарищество, второе, начавъ свои дѣйствія съ 42% полныхъ паевъ и среднимъ взносомъ въ 13 р., во второй годъ своего существованія понизило первые до 19%, а послѣдній—до 9 р. 30 к. Лигачевское товарищество сперва ступило на тотъ же путь, какъ Ясенеvское и Пучковское, но потомъ круто поворотило на путь противоположный: полные пай въ этомъ товариществѣ составляли 7, 33, 29 и въ 1876 г.—16%; взносъ съ первоначальныхъ 9 р. 87 к. сперва повысился до 13 р. 80 к., затѣмъ повысился до 11 р. 70 к., а въ нынѣшнемъ году даже до 6 р. 94 в.

Гораздо яснѣе представится занимающій насъ вопросъ, если мы войдемъ въ подробности и рассмотримъ размѣръ паевыхъ взносовъ отдѣльныхъ членовъ, пользуясь для этого данными по товариществамъ Московскаго уѣзда. Здѣсь мы увидимъ, что въ двухъ товариществахъ, Ясенеvскомъ (къ 1 января 1875 г.) и Пучковскомъ (1875 г.) крупные взносы значительно преобладаютъ. Въ первомъ изъ 223 членовъ 111 имѣли полные пай, 26 отъ 5—10 руб., а всѣ остальные—болѣе 10 р. Въ Пучковскомъ 62 имѣютъ полные пай, 18 свыше 20 р. (среднее 26 р. 50 к.), 25—отъ 10 до 20 р. (среднее отъ 16 р. 10 к.), и только 20—менѣе 10 р. (среднее 7 р. 60 к.). Въ Косинскомъ лица, внесшія менѣе 10 руб., составляютъ менѣе половины всего числа членовъ: отъ 2—5 рублей внесли 11 членовъ, отъ 5—10 р.—22 члена; изъ остальныхъ 48—полные пай имѣютъ 9 и взносы свыше 10 р.—39 членовъ ¹⁾. Въ товариществахъ Лигачевскомъ и Остапковскомъ преобладаютъ, наоборотъ, члены съ мелкими

¹⁾ Свѣдѣнія за апрѣль 1876 г.

вносами въ первомъ на 333 члена (къ 1 юля 1876 г.) имѣютъ полныя пая 55 членовъ, свыше 10 р.—59 членовъ (среднее 17 р. 30 к.), отъ 5 до 10 р.—47 членовъ (среднее 7 рублей) и до 5 р.—172 члена (среднее 3 р. 32 к.). Въ Осташковскомъ товариществѣ полныхъ паявъ 63, отъ 30—40 р.—5 (среднее 36 руб.), отъ 20—30 р.—13 (среднее 26 р. 90 к.), отъ 10—20 рублей—37 (среднее 14 р. 20 к.); отъ 5—10 р.—157 (среднее 8 р.) и ниже 5 руб.—63 (среднее 3 р. 96 к.) При этомъ въ послѣднемъ товариществѣ есть одинъ только членъ, внесшій 2 р., всѣ прочіе внесли болѣе; вообще менѣе рубля въ товариществахъ взносов не было.

Вступая въ члены товарищества, лица высшаго достатка очень часто вводятъ вмѣстѣ съ собою по нѣскольку членовъ своей семьи и такимъ образомъ усиливаютъ свое право на кредитъ и свое вліяніе. Число такихъ семействъ въ товариществахъ, кромѣ Косинскаго, которое нѣсколькихъ представителей нераздѣльной семьи не принимаетъ, довольно значительно: въ Ясеневскомъ такихъ семействъ 38, въ Пучовскомъ 25, въ Лигачевскомъ 16, въ Осташковскомъ 68. Большая часть этихъ семействъ состоитъ изъ двухъ лицъ—мужа и жены, но есть и такія, которыя имѣютъ большее число членовъ; такъ, въ Лигачевскомъ товариществѣ одно семейство имѣетъ 7 представителей, одно 4 и четыре по три; въ Осташковскомъ—одно семейство имѣетъ 5 представителей, три—по четыре и шесть по три. Многія семейства внесли по нѣскольку полныхъ паявъ. Такъ, въ Порѣцкомъ товариществѣ 24 семейства имѣютъ по 2 полныхъ пая, два—по 3, одно—4 и одно—5. При принятіи младшихъ членовъ семействъ въ члены товарищества, въ нѣкоторыхъ товариществахъ требуется отъ главы семьи подписка въ томъ, что онъ обязуется отвѣтствовать передъ товариществомъ за всѣ обязательства вступающаго.

Приведенныя данныя достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что ссудо-сберегательныя товарищества, въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время, служатъ преимущественно, почти исключительно, среднему классу сельскаго населенія: «исправный» хозяинъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, находитъ въ нихъ себѣ мѣсто, а для человѣка обдѣнншаго, лишеннаго необходимыхъ средствъ для поправленія, доступъ въ нихъ закрытъ, кажется, безусловно. Это, впрочемъ, и вполне естественно: образовавъ первоначально изъ людей, болѣе или менѣе обеспеченныхъ—а изъ лицъ низшаго класса оно, какъ уже было замѣчено, образоваться не можетъ—товарищество, связанное круговою порукою, обезпечивающее свои обязательства имуществомъ всѣхъ своихъ

членовъ, не можетъ легко относиться къ выбору новыхъ членовъ: оно, въ видахъ самосохраненія, должно обращать вниманіе, кромѣ нравственныхъ качествъ избираемаго, и на его имущественную состоятельность, видя въ послѣдней необходимую гарантію. Такимъ образомъ, въ сферы дѣйствій ссудо-сберегательныхъ товариществъ остается довольно значительное число лицъ, не однихъ только нравственно неблагонадежныхъ, но и немущихъ.

Поступленіе паевыхъ взносовъ, по свидѣтельству большинства товариществъ, идетъ болѣе или менѣе исправно, съ небольшими иногда просрочками. Нередко взносы дѣлаются при полученіи ссудъ, и по нѣкоторымъ товариществамъ можно замѣтить, что наибольшее количество паевыхъ взносовъ совпадаетъ съ временемъ наибольшаго требованія ссудъ. Такъ, на примѣръ, въ Вороновскомъ товариществѣ въ 1875 году осенью выдано 158 ссудъ и принято паевъ 230 р.; весной выдана 131 ссуда и принято 156 р.; лѣтомъ, при 16-ти ссудахъ, получено 133 р., и зимою, при наименьшемъ требованіи ссудъ—всего 87, и паевыхъ взносовъ поступило только 32 р. 69 к. То же явленіе замѣчается и въ Осташиновскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1875 году

весной	выдано ссудъ	5,926 р.—к. (38%),	принято паевыхъ взносовъ	2074 р. (68%)
осенью	"	5,265 " 25 " (84%),	"	" " 477 " (15%)
зимой	"	2,384 " 60 " (15%),	"	" " 480 " (15%)
лѣтомъ	"	1,719 " — " (11%),	"	" " 70 " (2%)

Въ Сынково-Слащевскомъ, въ томъ же году:

весной	принято паевъ	2,848 р. 83 к. (31%),	выдано ссудъ	6,966 р. (27%)
лѣтомъ	"	1,494 " — " (16%),	"	" 5,185 " (19%)
осенью	"	2,131 " — " (23%),	"	" 7,802 " (29%)
зимой	"	26,87 " — " (29%),	"	" 6,621 " (24%)

Исключеніе членовъ за невзносъ паевъ составляетъ явленіе довольно рѣдкое, частію вслѣдствіе болѣе или меньшей исправности поступленій, частію вслѣдствіе снисходительности правленій, которыя прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Въ Быковскомъ товариществѣ, на примѣръ, случаевъ исключенія за невзносъ паевъ, при имѣніи на паю сколькихъ-нибудь рублей, не было, а исключались тѣ только, которые, бывъ избраны въ члены, въ теченіи года не дѣлали никакого взноса. Точно также во Всѣхсвятскомъ товариществѣ общее собраніе исключило нѣсколько членовъ, невнесшихъ ничего за цѣлый годъ своего пребыванія въ товариществѣ. Всего въ 1875 году въ 22-хъ товариществахъ было исключено за невзносъ паевъ только 23 человѣка.

IV.

Главную операцію ссудо-сберегательныхъ товариществъ, операцію, на которой зиждется все ихъ значеніе, весь интересъ ихъ для сельскаго населенія, составляютъ выдачи ссудъ, и тѣмъ болѣе эти ссуды удовлетворяютъ мѣстной потребности, тѣмъ болѣе онѣ соответствуютъ мѣстнымъ условіямъ, тѣмъ ближе подходитъ товарищество къ своей цѣли. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія по этому предмету весьма недостаточны, и потому мы не имѣемъ возможности представить полную картину хода ссуднаго дѣла во всѣхъ товариществахъ, и лишь по немногимъ товариществамъ можемъ рассмотреть его во всей подробности. Общая сумма выданныхъ ссудъ по 23-мъ товариществамъ составляла въ 1875 году, какъ мы уже сказали, 495,029 р. 78¹/₂ к. Повидимому, наибольшее число выдаваемыхъ товариществами ссудъ бралось на наивысшій опредѣленный срокъ; такъ, въ Наровоинскомъ, Хотевцовскомъ, Корневскомъ, Дубровицкомъ и Лигачевскомъ товариществахъ большая часть ссудъ были выданы на 6-ть мѣсяцевъ, въ Ясневскомъ на 9-ть. По шести товариществамъ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія, а именно:

	Осташков- ское.	Воронов- ское.	Пучков- ское.	Бызов- ское.	Синково- Слащевск.	Уваров- ское.
Выдано на 1 мѣсяць:	26	81	19	130	68	28
" " 2 "	66	74	37	123	81	29
" " 3 "	50	36	66	250	85	55
" " 4 "	29	5	9	114	42	23
" " 5 "	22	9	11	58	24	9
" " 6 "	276	21	70	466	183	149

Отсюда видно, что и по этимъ товариществамъ наибольшій спросъ (41%) былъ на ссуды шести-мѣсячныя. Оказывается однако, что и этотъ срокъ недостаточенъ и что необходимо его увеличеніе, что побудило уже нѣкоторыя товарищества къ представленію ходатайствъ объ измѣненіи въ этомъ смыслѣ уставовъ. Во всѣхъ товариществахъ замѣчается одно, общее всѣмъ имъ, явленіе, что уплата въ срокъ частію не производится совсѣмъ, частію производится только для того, чтобы получить немедленно новую ссуду, частію же дѣйствительной уплаты совсѣмъ не происходитъ, а дѣлается переводъ по книгамъ, со взмысканіемъ съ должника только процентовъ.

Вотъ почему случаи исключенія членовъ за неуплату ссудъ очень рѣдки, тогда какъ въ дѣйствительности поводы къ такому

исключенію представляются весьма часто. Переписыванье ссудъ въ нѣкоторыхъ товариществахъ укоренилось такъ же прочно, какъ и въ вспомогательныхъ кассахъ, и Хотобцовское товарищество, на вопросъ о томъ, какаимъ порядкомъ высканиваютъ неуплаченные въ срокъ ссуды, свидѣтельствуеть, что «неуплаченную ссуду заемщикъ отдавалъ въ удобное для него время со высканіемъ процентовъ и пенн за все просроченное имъ время, и, кромѣ того, по желанію его, ему немедленно выдается новая ссуда, каковымъ правомъ пользуются почти всѣ члены: всѣ ссуды переводятся только по книгамъ; исключенія рѣдки». Несмотря на такія уступки въ пользу заемщиковъ, нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, такъ сильно злоупотребляютъ снисходительностью правленія, что въ прошедшемъ году оно должно было исключить двухъ членовъ-заемщиковъ. Совершенно тождественный порядокъ господствуетъ и въ другихъ товариществахъ, но особенно широкимъ размѣромъ достигло переписываніе во Всѣхсвятскомъ товариществѣ, гдѣ даже формальности не всегда соблюдаются: просрочки въ уплатѣ, отсрочки на болѣе долгое противъ опредѣленнаго уставомъ время,—все это составляетъ явленія обыденныя. Чтобы характеризовать положеніе дѣлъ въ этомъ товариществѣ, не безынтересно прослѣдить исторію нѣкоторыхъ ссудъ. Членъ № 1, имѣя паевой взносъ въ 12 р., занялъ 7 января, безъ поручительства, 18 р. по 7-е марта; уплативъ 11 марта, занялъ вновь по 7-е мая, и уплатилъ 1 августа. Въ февралѣ, кромѣ сдѣланнаго уже паевого взноса, тотъ же членъ внесъ еще 30 р. и занялъ, безъ поручительства, 45 р. по 11-е іюня; уплативъ эту ссуду въ одинъ день съ первой—1 августа и внесъ еще 8 р., онъ занялъ вновь 75 р. по 1-е января, и въ срокъ не уплатилъ. 20 января въ книгахъ значится уплата этой ссуды и выдачи ея вновь по 1-е апрѣля; 12 апрѣля, по уплатѣ ея, она выдана вновь по 12-е октября. Членъ № 7, внесъ 9 января 6 р., занялъ 9 р. по 7-е іюля; 18 февраля, по взносу 24 р., онъ занялъ еще 36 р. по 18-е августа и, уплативъ обѣ ссуды 21 октября, вновь занялъ 45 р. по 21-е апрѣля; по наступленіи срока воспользовался отсрочкой по 21-е іюля и, уплативъ 21 августа, занялъ вновь ту же сумму на шесть мѣсяцевъ. Членъ № 34 занялъ 18 февраля 9 р. по 18-е августа, получилъ 21 октября (черезъ два мѣсяца послѣ срока) отсрочку на пять мѣсяцевъ (уставъ допускаеть не свыше трехъ) по 1-е января; въ срокъ опять не уплатилъ, и 20 февраля, внесъ на пай еще 14 р., уплатилъ ссуду и взялъ новую, уже въ размѣрѣ 30 р., по 10-е августа...

Примѣры эти взяты на выдержку, но они ничѣмъ не отли-

чаются отъ прочиѣ выданныхъ ссудъ: всѣ онѣ находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи. Желая превратить такой неправильный порядокъ, общее собраніе 31 января нынѣшняго года поручило правленію въ теченіи февраля взыскать всѣ просроченныя ссуды и недовнесенныя паевныя доли; лицъ же неисправныхъ исключить и принять указанныя уставомъ мѣры къ взысканію неуплаченныхъ ссудъ; на будущее же время заблаговременно извѣщать членовъ о срокѣ уплаты ими ссудъ и паевныхъ долей. Вторично выдавать ссуды членамъ, уже получившимъ таковыя, не иначе, какъ по уплатѣ первой ссуды и только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ старшихъ по времени заимленія требованій другихъ членовъ. Впрочемъ, указанныя собраніемъ мѣры не привели еще къ желанной цѣли. О другихъ товариществахъ мы не имѣли такихъ подробныхъ свѣдѣній, но, судя по отзывамъ правленій, можно думать, что и тамъ дѣла идутъ развѣ немного лучше. Такъ, въ Уваровскомъ товариществѣ выдача новыхъ ссудъ безъ дѣйствительной уплаты, переводомъ по книгамъ, разрѣшается только при поручительствѣ и зачетѣ въ уплату долга причитающихся барышей. Исключаются тѣ изъ неисправныхъ должниковъ, которые въ теченіи года не сдѣлали никакой уплаты и не заявили о причинѣ неуплаты долга. Въ Слащевскомъ товариществѣ переводъ допускается, въ Корневскомъ вторичная ссуда разрѣшается немедленно по уплатѣ первой, если наличныя средства товарищества это позволяютъ, но по ссудамъ, выданнымъ безъ поручительства, допускается переводъ по книгамъ; въ Вороновскомъ товариществѣ переводы тоже допускаются; въ Дубровицкомъ «по истеченіи срока ссуды не только не бываетъ полной уплаты, за весьма рѣдкими исключеніями, но часто и совсѣмъ ничего не уплачивается и ссуда пересаживается на новый срокъ, причемъ вносятся только проценты». Это обстоятельство побудило общее собраніе принять мѣру, несогласную ни съ уставами, ни съ духомъ учрежденія, тѣмъ не менѣе весьма практичную: оно постановило требовать отъ заемщиковъ непремѣнной уплаты 2% занятой суммы ежемѣсячно, т. е. разсрочило ссуды на 50 мѣсяцевъ, и такимъ образомъ взаимнѣе кратко-срочнаго кредита ввело долгосрочный. Къ такой же мѣрѣ прибѣгло и Литачевское товарищество, поручивши правленію не дѣлать отсрочекъ по вновь выдаваемымъ ссудамъ, а прежде выданныя «привести въ нормальное движеніе» въ 1876 году, а нѣкоторые къ июлю 1877 г. Въ этихъ видахъ поручено правленію взыскивать черезъ каждые три мѣсяца по десятой части ссуды, а въ остальные три мѣсяца—остатокъ ссуды. Въ Бызовскомъ товариществѣ оконча-

тельная уплата ссудъ происходитъ преимущественно позднею осенью, въ остальное же время года, по большей части, бываетъ выдача ссудъ безъ дѣйствительной уплаты, переводомъ по книгамъ. Въ виду такого порядка, исключеніе членовъ происходитъ только въ крайнемъ случаѣ: по постановленію общаго собранія, неуплатившіе въ срокъ ссуды не исключаются до истеченія трехъ мѣсяцевъ послѣ срока, о которомъ неисправному должнику напоминается тремя новѣстками. Неисправный и послѣ этого—исключается. Вообще, исключеніе членовъ за неисправную уплату ссудъ встрѣчается очень рѣдко: въ 1875 году по 22 товариществамъ исключено всего 121 членъ. Чаше другихъ прибѣгло къ этой мѣрѣ Порѣцкое товарищество, на долю котораго приходится болѣе половины исключенныхъ членовъ—71.

Такой, сильно укоренившійся въ товариществахъ порядокъ грозитъ большою опасностію, какъ для самихъ товариществъ, такъ и для членовъ-заемщиковъ. Приучая своихъ должниковъ къ неисправному выполненію обязательствъ, товарищество рано или поздно можетъ стать въ безвыходное положеніе, такъ какъ оно не пользуется тѣми выгодами, какими пользовались крестьянскіе казенные банки: въ то время, какъ эти послѣдніе оперировали на капиталы, переданные безсрочно и безусловно въ ихъ распоряженіе, товарищества пользуются капиталами, которые, по наступленіи срока, могутъ быть потребованы, и если въ такое критическое время не будетъ возможности собрать долги съ членовъ-заемщиковъ, то товариществу предстоитъ несостоятельность со всѣми ея послѣдствіями. Что касается до самихъ заемщиковъ, то и они находятся не въ лучшемъ положеніи. Привыкнувъ не обращать вниманія на срокъ, зная, что уплата процентовъ можетъ освободить его отъ уплаты ссуды, заемщикъ считаетъ полученную имъ ссуду кѣчною и затрачиваетъ ее на долгосрочные обороты, тогда какъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, можетъ потребоваться немедленная уплата, и тогда ему грозитъ разореніе.

Очевидно, установившійся порядокъ обуславливается несоотвѣтствиемъ установленныхъ уставами сроковъ и потребностями предвѣствующаго въ товариществахъ населенія, а потому большое значеніе получаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ должны быть измѣнены эти сроки. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что отъ того или другого его разрѣшенія зависитъ то положеніе, которое должны занять ссудо-сберегательныя товарищества относительно бѣднѣйшей части населенія, лишеннаго того минимума имущественнаго обеспеченія, какое, какъ мы видѣли, всѣ

товарищества требуютъ отъ своихъ членовъ. Выставляя такое требованіе, товарищества совершенно правы: дать бѣдному, лишенному всякаго имущества, ссуду на короткій срокъ—значить или потерять данныя деньги, или поставить заемщика въ еще худшее положеніе, нежели то, въ которомъ онъ находился до полученія ссуды. Обзаведеніе хозяйственнымъ инвентаремъ сопряжено съ такими значительными расходами, что покрітіе ихъ при первой же выручкѣ совершенно невозможно, а потому, если ссужать бѣдняка на обзаведеніе хозяйствомъ, на постройку дома или покупку земледѣльческихъ и промышленныхъ орудій, то необходимо ему дать такой срокъ уплаты, въ который онъ могъ бы погасить сдѣланный долгъ и получить нѣкоторую прибыль. Поэтому вопросъ о долгосрочномъ кредитѣ есть вопросъ перво-степенной важности.

Насколько ссудо-сберегательное товарищество мало полезно для бѣдняка, вслѣдствіе краткости сроковъ по ссудамъ, настолько же оно неудобно для лицъ высшаго достатка, вслѣдствіе незначительности размѣра отрываемаго имъ кредита. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ лицъ, нуждающихся въ болѣе широкомъ кредитѣ, обходить уставъ, устанавливающій равный для всѣхъ членовъ размѣръ пая и кредита, вводя въ составъ товарищества своихъ домохозяевъ, и такимъ образомъ увеличивать свой кредитъ до размѣровъ, можетъ быть, превышающихъ кредитную способность даннаго лица. Мы уже видѣли, что нѣкоторые семейства имѣютъ въ товариществахъ по нѣскольку членовъ съ нѣсколькими паями и съ правомъ на соотвѣтствующій числу членовъ размѣръ кредита. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ допускается даже взаимное поручительство такихъ лицъ другъ за друга, которое, какъ справедливо замѣчаетъ правленіе Быковскаго товарищества, «не достигаетъ цѣли и значенія поручительства и есть только соблазнительный, пустой обмѣнъ формальностей».

Что касается до среднихъ крестьянскихъ потребностей, то эти послѣднія, повидимому, вполне удовлетворяются доставленнымъ товариществами кредитомъ. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ значительная часть ссудъ берется въ небольшомъ размѣрѣ, а многія даже безъ поручительства. Такъ, напр., Осташковское товарищество выдало ссудъ до 10 р.—27, отъ 10—20 р.—196, отъ 20—30—129, отъ 30—40 р.—42, отъ 40—50 р.—22, отъ 50—75 р.—58, отъ 75 р.—100 р.—18, свыше 100 р. только три. Съ поручительствомъ выдано 549 членамъ—9,626 р. 85 к., безъ поручительства 227 членамъ—5,666 р. Въ Спирово-Сла-

щевскомъ товариществѣ въ 1875 г. выдано отъ 1 р.—5 р.—1 ссуда, отъ 5—10 р.—27 ссудъ, отъ 10—20 р.—54, отъ 20—30 р.—46, отъ 30—40 р.—55, отъ 40—50 р.—61, отъ 50—60 р.—37, отъ 60—70 р.—35 р., отъ 70—80 р.—39 р., отъ 80—90 р.—69, отъ 90—100 р.—59; такимъ образомъ изъ 483 ссудъ 244 не превышаютъ 50 р.; при этомъ 464 ссуды выданы безъ поручительства и только 19 съ поручительствомъ.

Размѣръ ссудъ обуславливается тѣми потребностями, для которыхъ онѣ брались. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ нѣкоторыми правленіями, видно, что назначеніе взятыхъ ссудъ было слѣдующее:

Пучковское товарищество.

На торговлю въ трактирн. заведен.	25	ссудъ	8 л.	1407	р.	50	к.	ср.	56,3	р.
> разную торговлю.	7	>	5	>	497	>	50	>	>	71
> навозъ.	19	>	10	>	1743	>	—	>	>	60
> домашнія предпріятія.	28	>	11	>	1623	>	50	>	>	57
> дачу другимъ лицамъ.	37	>	14	>	1170	>	50	>	>	31

Кромѣ того, 26 лицъ брали ссуды на постройку домовъ, уплату податей, покупку овса для посѣва и т. п. Эти лица брали ссуды въ меньшемъ размѣрѣ; высшій размѣръ въ одномъ только случаѣ составлялъ 63 р.

Въ Останковскомъ товариществѣ 288 членовъ брали на покупку сѣмянъ и уплату податей отъ 6 до 27 р. 50 к.; 17 членовъ—на покупку матеріаловъ для промышленныхъ заведеній, отъ 20—125 р.; 10 членовъ на торговые обороты, отъ 20—87 р. 50 к. и 4 члена на исправленіе экипажей для живойной ѣзды.

Косинское товарищество въ 1875 и 1876 годахъ выдало 62 ссуды; изъ нихъ большая часть, въ размѣрѣ отъ 25—40 р., взята на покупку лошадей и коровъ, пять, отъ 50—100 р.,—на окончаніе постройки домовъ, четыре, отъ 100—150 р. для торговыхъ оборотовъ и 5 ссудъ, отъ 10—20 р., на покупку корма для скота.

Такимъ образомъ для крупныхъ торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, съ определеннымъ въ настоящее время размѣромъ пасевъ, оказываются слишкомъ ничтожными, но средняя крестьянская нужда ими удовлетворяется: обмененіе полей, покупка и прокормъ скота, постройка жилыхъ домовъ, мелкая торговля, устройство и поддержаніе животно-навозничьяго инвентаря, отчасти уплата податей, вотъ тѣ потребности, которыя въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ находятъ себѣ удовлетвореніе.

Вообще, въ ббльшей части товарищества, состоящихъ изъ земледѣльцевъ и мелкихъ промышленниковъ, жѣлкія ссуды имѣютъ перевѣсъ надъ крупными, и этимъ, по нашему мнѣнію, предрѣшается тотъ кругъ дѣйствій, который предстоитъ товариществамъ. Бругъ этотъ, такимъ образомъ, долженъ ограничиваться разрядомъ среднихъ, «исправныхъ» домохозяевъ, распространяясь также и на тѣхъ, ниже стоящихъ лицъ, которыя, съ помощью кредита, способны возвыситься до этого уровня. Лица богатыя, производящія крупныя обороты, нуждающіяся въ кредитѣ большого размѣра, не должны имѣть мѣста въ обыкновенномъ сельскомъ товариществѣ, такъ какъ оно имъ не по плечу и притомъ преобладаніе ихъ сейчасъ же даетъ товариществу особый характеръ. Мы знаемъ случаи, когда товарищество, попавши въ руки болѣе состоятельныхъ лицъ, дѣлалось учрежденіемъ замѣнутымъ, недоступнымъ для большинства, а потому мало полезнымъ. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ московской губерніи, гдѣ, повидимому, преобладаютъ члены высшаго достатка, обнаружилось уже стремленіе къ увеличенію размѣра пая—въ Ясневскомъ, гдѣ однако это предположеніе не осуществилось, въ Уваровскомъ и Кленовскомъ, гдѣ пай съ 50 р. уже увеличенъ до 60-ти. Въ такихъ товариществахъ средній размѣръ паявого вноса весьма значителенъ: въ Некрасинскомъ онъ составляетъ, при сторублевомъ пай, 44 р. 40 к., въ Уваровскомъ 35 р. 70 к., въ Порѣцкомъ—22 р. 40 к., въ Вороновскомъ—22 р. 58 к., въ Ясневскомъ 20 р. 60 к. Высказываясь противъ участія лицъ высшаго достатка въ сельскихъ товариществахъ, мы не утверждаемъ, чтобы эти лица не могли и не должны были пользоваться товариществомъ, чтобы эта форма не была для нихъ пригодна; напротивъ, Некрасинское товарищество блистательно доказываетъ полную примѣнимость артельной формы въ такомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ расширяя свои обороты и выдавая въ ссуды до 100,000 р. въ годъ, и въ томъ числѣ до 50,000 на лѣсную торговлю. Но, не отрицая примѣнимости артельной формы кредитнаго учрежденія къ лицамъ высшаго достатка, мы въ то же время утверждаемъ, что удовлетвореніе потребностей, совершенно между собою несходныхъ, посредствомъ одного и того же учрежденія—немыслимо; даже въ случаѣ такого слиянія, рано или поздно наиболѣе сильныя и живучіе интересы должны получить преобладаніе, и тогда учрежденіе должно принять форму, соответствующую интересамъ господствующаго большинства. Несомнѣнные успѣха дѣйствительнымъ потребностямъ помочь вести въ уладу учрежденія, что достаточно доказывается опытомъ, на который мы можемъ

сослаться въ подтвержденіе высказанной мысли. Воѣхвасятское ссудо-сберегательное товарищество, имѣющее право выдавать въ ссуду не свыше 100 р. одному лицу, составилось изъ лицъ, нуждающихся въ гораздо болѣе значительномъ кредитѣ, — и что же? Видя полную бесполезность для себя этого учрежденія, участники стали относиться къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, почти игнорируя его существованіе, и товарищество цѣлый годъ пробыло въ летаргіи, не обнаруживая никакихъ признаковъ жизни. Съ нынѣшняго года товарищество попыталось перенести свою дѣятельность въ другой кругъ, опуститься до интересовъ болѣе мелкихъ, и, благодаря ему, нѣсколько окрестныхъ селеній воспользовались 10—15-рублевыми ссудами на человека, обобрали свои поля и сберегли значительную сумму, которую до тѣхъ поръ они, изъ года въ годъ, выплачивали ростовщикамъ. То же самое случилось и съ Лигачевскимъ товариществомъ.

Поручительство членовъ другъ за друга развивается въ товариществахъ довольно сильно. Кромѣ нѣкоторыхъ товариществъ, гдѣ всѣ ссуды были выдаваемы безъ поручительства (въ Вороновскомъ было только три случая поручительства, въ Кленовскомъ и Бояркинскомъ всѣ ссуды безъ поручительства, въ Порѣцкомъ безъ поручительства выдано 36,596 рублей, съ поручительствомъ — только 721 р. 50 к.), во всѣхъ прочихъ члены ручаются другъ за друга охотно, хотя встрѣчаются иногда и затрудненія: по словамъ Быковского товарищества, вѣрѣею бывають случаи, что поручителю требуется угощеніе, особенно при поручительствѣ за члена изъ другого съ поручителемъ селенія. Взаимное поручительство землицивовъ другъ за друга, и также и неотдѣленныхъ членовъ одной семьи допускается почти вездѣ, а въ нѣкоторыхъ товариществахъ, какъ въ Ясневскомъ, «взаимныя поручительства развиты сильно, и только при этомъ условіи члены охотно ручаются другъ за друга; поручительство членовъ одного семейства другъ за друга постоянно». По совершенно справедливому замѣчанію правленія Быковского товарищества, при такомъ порядкѣ «легко можетъ возникнуть несостоятельность обоихъ членовъ, и могутъ явиться случаи поручительства членовъ, ничего неимѣющихъ, а также стачки, чтобы отдѣлаться отъ долговъ».

Чтобы поговорить съ ссудами, остановимся еще на порядкѣ взысканія неуплаченныхъ въ срокъ ссудъ. Относящаяся до этого кредитнаго статьи уставовъ, указывающая, что опись имущества не исправныхъ должниковъ, по требованію правленія, производится полицейскими или волостными правленіями, исполнена довольно неясно и вызываетъ недоразумѣнія. Нѣкоторые товарищества об-

ращаются съ своими требованіями прямо къ полиціи или волостнымъ правленіямъ, другія же пронаводятъ выисканія исковыми порядкомъ. Недоразумѣніе это въ скоромъ времени должно разрѣшиться, ибо, какъ слышно, министерство финансовъ вошло въ соглашеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ относительно изданія циркуляра, которымъ полиціи и волостнымъ правленіямъ вмѣнено было бы въ обязанность безотлагательно исполнять требованія товариществъ. Повидимому, до сихъ поръ товарищества встрѣчали рѣдко затрудненія во вспоможенію. По крайней мѣрѣ въ доставленныхъ правленіями свѣдѣніяхъ указывается только одинъ случай, когда товарищество не могло добиться со стороны властей необходимаго содѣйствія.

V.

Какъ извѣстно, задача ссудо-сберегательныхъ товариществъ состоитъ въ доставленіи мелкаго, краткосрочнаго кредита отдѣльнымъ лицамъ. Между тѣмъ сама жизнь предъявила къ нимъ требованія новыя, непредусмотрѣнныя уставами: вромѣ отдѣльныхъ лицъ, претензію на полученіе дешеваго кредита заявили и сельскія общества въ полномъ ихъ составѣ. Вопросъ объ открытіи кредита этимъ послѣднимъ, возбужденный на московскомъ съѣздѣ четырьмя товариществами, вызванъ дѣйствительною потребностью и имѣеть особенно важное значеніе, такъ какъ имъ затрогивается одна изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ земскаго хозяйства — продовольственная часть. Изъ практики ссудо-сберегательныхъ товариществъ выяснилось, что наибольшій спросъ на ссуды предъявляется весною, когда деньги необходимы крестьянамъ для обмѣненія полей. Въ это горячее время крестьянинъ не оставивается ни передъ какими жертвами, онъ готовъ уплатить какіе угодно проценты, лишь бы во-время достать сѣмянъ. По издавна укоренившемуся обычаю, въ это время ищутъ кредитъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя общества, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ, во первыхъ, общество, какъ юридическое лицо, представляетъ для вѣрителя большія гарантіи, нежели отдѣльный домохозяинъ, а во-вторыхъ, міръ заботится о томъ, чтобы всѣ его члены обмѣнялись и прибѣгаетъ для достиженія этой цѣли къ единственному возможному средству — круговой поруцѣ и жоловному раздѣлу полученныхъ сѣмянъ. Общинное начало до такой степени укоренилось въ этомъ отношеніи, что никакія мѣры неспособны къ его уничтоженію. Какъ извѣстно, законъ ссудо-

условно воспрещаетъ выдачу продовольственныхъ ссудъ цѣльнымъ обществамъ и подушный раздѣлъ ихъ; онъ требуетъ произведенія дознаній о положеніи нуждающихся и разрѣшаетъ выдачу только этимъ послѣднимъ, за круговую, впрочемъ, порукою всего общества. Между тѣмъ дѣйствительное исполненіе этого требованія представляется крайне-затруднительнымъ, почти невозможнымъ: во-первыхъ, нуждающимися оказываются обыкновенно всѣ домохозяева, а во-вторыхъ — кому бы ни была назначена ссуда, сколь во всякомъ случаѣ раздѣлить полученныя деньги или запасы по-своему, т.-е. подушно. Мы можемъ засвидѣтельствовать здѣсь одинъ весьма характерный случай, указывающій на отношеніе крестьянъ къ этому дѣлу. Въ прошедшемъ году крестьяне одного селенія московскаго уѣзда, просившіе о выдачѣ въ ссуду овса изъ общественнаго магазина, узнавши основанія, на которыхъ ссуда эта можетъ быть разрѣшена, предпочли внести за наличный овесъ деньги съ тѣмъ, чтобы запасы остались въ ихъ непосредственномъ распоряженіи. Въ виду столь ускорившагося обычая, открытіе обществамъ кредита въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ можетъ принести несомнѣнную пользу, удешевляя обществамъ пользованіе кредитомъ. Въ этомъ отношеніи товарищества, какъ близко стоящія къ населенію и коротко знающія его нужды, могли бы сдѣлаться органами земства по распредѣленію продовольственныхъ ссудъ изъ капиталовъ, которые въ настоящее время обращаются въ государственномъ банкѣ, не принося никакой пользы мѣстному населенію. Съ другой стороны, ссуда цѣлому обществу имѣетъ ту выгодную сторону, что посредствомъ круговой поруки всѣхъ его членовъ отърывается доступъ къ кредиту для каждаго члена общества, не исключая и бѣдняка, который, подъ своей личной отвѣтственностью, иногда не могъ бы воспользоваться выгодной ссудой и потому былъ бы вынужденъ оставить свое поле невасѣяннымъ. Бѣднякъ, необладающій ничѣмъ, кромѣ личнаго труда, можетъ рассчитывать на кредитъ только въ томъ случаѣ, когда онъ требуетъ его не одинъ, а въ союзѣ съ другими, ибо только ассоціація восполняетъ тотъ недостатокъ обезпеченія, который лишаетъ довѣрія отдѣльное лицо. Самой близкой и естественной ассоціаціей для крестьянина является сельское общество, съ которымъ онъ связанъ всѣми ближайшими интересами и которое, въ свою очередь, заинтересовано въ «исправности» своихъ членовъ. Такимъ образомъ, открытіе кредита сельскимъ обществамъ, хотя бы только для обмененія полей, въ значительной степени расширило бы кругъ дѣйствій товарищества и въ то же время демократизировало бы послѣднія, сдѣлавъ ихъ

доступными для низшаго класса сельскаго населенія, который въ настоящее время не принимается въ члены товарищества.

Опытъ примѣненія указанной операціи уже былъ сдѣланъ двумя товариществами московскаго уѣзда—Литачевскимъ и Восхитскимъ. Побуждаемыя просьбами крестьянъ и желая оказать помощь обществамъ, эти товарищества рѣшились исполнить ихъ желаніе, не отступая, впрочемъ, отъ устава: они или принимаютъ въ члены поголовно всѣхъ домохозяевъ даннаго селенія и выдаютъ имъ ссуды за взаимнымъ поручительствомъ—или же, принявъ только нѣсколькихъ изъ нихъ, уполномоченныхъ на то преговоромъ отъ общества, выдаютъ этимъ лицамъ нужную обществу ссуду, за поручительствомъ другихъ членовъ. Благодаря этой мѣрѣ, въ вышшемъ году нѣсколько селеній обѣдали свои поля, заплативъ за занятія деньги сравнительно невысокой процентъ (1 въ мѣсяцъ, вмѣсто прежде платимыхъ 5 и болѣе) и тѣмъ сохранивъ въ свою пользу всю ту сумму, которую, безъ помощи товарищества, они были бы вынуждены переплатить ростовщикамъ.

Вопросъ о ссудахъ сельскимъ обществамъ былъ однимъ изъ наиболее существенныхъ изъ обсуждавшихся на московскомъ съѣздѣ. Онъ вызвалъ весьма оживленныя пренія, во время которыхъ было высказано много доводовъ за и противъ этого предложенія. Возраженія, сдѣланныя противъ него, заключались въ слѣдующемъ: 1) принятіе сельскихъ обществъ въ члены товарищества повлечетъ за собою сокращеніе кредита частнымъ лицамъ; общества будутъ парализовать отдѣльныхъ лицъ и станутъ вертѣть всѣмъ товариществомъ; 2) одни и тѣ же лица явятся должниками въ двухъ формахъ—какъ отдѣльные найщики, и какъ члены сельскаго общества. Черезъ это заемъ отдѣльнаго лица увеличится настолько, что оно не въ состояніи будетъ уплатить его; 3) бѣдные члены могутъ быть устранимы отъ полученія ссуды, приходящейся на ихъ долю изъ общественнаго займа, слѣдовательно, положеніе ихъ относительно кредита не улучшится; наконецъ 4) указывалось на неудобство соединенія помощи сельскимъ обществамъ съ ссудо-сберегательными товариществами и на необходимость для этой цѣли особой формы кредита, организованной на другихъ началахъ. Послѣ долгихъ преній съѣздъ, большинствомъ голосовъ, высказался за принятіе обществъ въ число членовъ товарищества, съ тѣмъ, чтобы, внося одинъ най, общество пользовалось кредитомъ въ болѣе, нежели отдѣльное лицо размѣрѣ. При этомъ съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы такіа уе-

личенныя ссуды были выдаваемы обществамъ лишь для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей.

Разсматривая приведенные противъ выдачи ссудо-сберегательными товариществами ссудъ сельскимъ обществамъ доводы, нельзя не замѣтить, что первый изъ нихъ основанъ на недоразумѣніи. Бояться преобладанія сельскихъ обществъ и чрезымѣрнаго вліянія ихъ на ходъ дѣлъ товарищества едва ли справедливо при томъ предположеніи, что общество, обладая однимъ паемъ, и потому пользуясь правами наравнѣ съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ, будетъ представляемо однимъ уполномоченнымъ; притомъ общество, вступая въ товарищество, встрѣтитъ тамъ уже готовое большинство, состоящее изъ прежде вступившихъ членовъ. Указываемое усиленіе кредита отдѣльныхъ членовъ общества, состоящихъ и членами товарищества, тоже не представляется рискованнымъ, ибо, съ одной стороны, и теперь ничто не препятствуетъ члену-должнику товарищества кредитоваться въ другихъ мѣстахъ, а это представляетъ для товарищества гораздо болѣе опасности, ибо въ этомъ случаѣ отвѣтчикомъ передъ нимъ является одно лице, тогда какъ при ссудѣ обществу отвѣчаютъ не только отдѣльныя лица, но цѣлая совокупность лицъ, связанныхъ круговой порукой. Съ другой стороны, общественные займы постоянно практикуются въ разныхъ видахъ, налагая на членовъ общества отвѣтственность и въ то же время не лишая ихъ правъ на отдѣльный для каждаго кредитъ. Наконецъ, съ тѣмъ мнѣніемъ, что при открытіи кредита обществу положеніе бѣдняковъ не измѣнится, также нельзя согласиться, ибо опытъ указываетъ, что общественные займы обыкновенно дѣлятся между всѣми домохозяевами (по душамъ, на дѣламъ и т. под.), за исключеніемъ тѣхъ только, которые или не нуждаются въ деньгахъ для той цѣли, для которой заемъ сдѣланъ (напр., обѣщаніе полей), или же и безъ того обременены непосильными долгами. Что касается до послѣдняго приводимаго противъ выдачи изъ товариществъ ссудъ обществамъ довода—относительно необходимости особаго, специально для сельскихъ обществъ назначеннаго кредитнаго учрежденія, то со справедливостью его нельзя не согласиться; но пока такое учрежденіе еще не существуетъ, желательно, чтобы учрежденіе, уже существующее—ссудо-сберегательное товарищество,—по мѣрѣ силъ оказывало цѣльнымъ обществамъ ту же услугу, какую оно оказываетъ отдѣльнымъ лицамъ, освобождая ихъ изъ рукъ ростовщиковъ.

Въ виду той пользы, которую можетъ принести эта мѣра, московское уѣздное земское собраніе, въ послѣдней своей очередной сессіи, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ

о дозволеніи ссудо-сберегательнымъ товариществамъ московскаго уѣзда принимать въ число своихъ членовъ сельскія общества, въ полномъ ихъ составѣ, за друговою порукою всѣхъ домохозяевъ, и выдавать имъ ссуды въ бѣльшемъ, противъ отдѣльныхъ лицъ, размѣрѣ. Опредѣленіе размѣра ссудъ и другія подробности могутъ исходить отъ самихъ товариществъ.

VI.

Общая сумма выданныхъ въ 1875 году двадцатью-тремя товариществами ссудъ составляетъ 495,029 р. 78 к., или среднимъ числомъ на товарищество—21,523 р. Выше средняго размѣра достигли ссуды, выданныя девятью товариществами, причемъ максимумъ достигаетъ 98,808 р. (Некрасинское); прочія товарищества выдали меньше средняго, отъ 18,845 р. до 224 р. 50 к. Общій оборотъ по ссудамъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1 января 1875 г., по 19 существовавшимъ въ этому времени товариществамъ, состояло въ долгу за членами 144,829 р. 51 к. (максимумъ 19,785 р. въ Некрасинскомъ, минимумъ—1428 р. въ Осташковскомъ); въ теченіи года, по 23 товариществамъ, выдано 495,029 р. 78 к., уплачено 402,652 р. 72 к. (максимумъ—60,474 р. 84 к. въ Порѣцкомъ, минимумъ—59 р. въ Бронницкомъ; въ Косинскомъ, отрывшемъ свои дѣйствія 1 декабря, возврата ссудъ не было); осталось въ долгу въ 1 января 1876 г. 237,206 р. 97 к. (максимумъ 68,218 р. въ Некрасинскомъ, минимумъ—165 р. 50 к. въ Бронницкомъ).

Очевидно, что для выдачи такого количества ссудъ пашевой капиталъ товариществъ, простиравшійся въ 1 января 1876 г. до 161,255 р. 63 к., не могъ быть достаточнымъ, почему многія товарищества должны были пользоваться чужими капиталами. Собственными своими средствами довольствуется одно только товарищество—Боярянское (коломенскаго уѣзда), которое съ 1871 г. не сдѣлало ни одного займа, не приняло ни одного вклада. Прочія товарищества, хотя и пользуются чужими капиталами, но въ размѣрѣ гораздо меньшемъ дозволеннаго имъ уставами. Эти послѣдніе опредѣляютъ размѣры вкладовъ и займовъ каждаго товарищества въ десять разъ болѣе пашевого капитала, слѣдовательно, 23 товарищества московской губерніи, при пашеомъ капиталѣ въ 161,255 р., могли бы кредитоваться до 1.612,550 р., между тѣмъ общая сумма заемныхъ капиталовъ въ 1 января 1876 г. простиралась до 73.324 р. 60 к. (вкладовъ 21,552 р.

28 в. и займовъ 51,772 р. 37 к.). Сравнивая эту цифру съ суммой собственныхъ капиталовъ товариществъ—166,101 р. 70 в. (161,255 р. 63 в. паевъ и 4846 р. 07 в. запасного капитала), мы найдемъ, что занятыя деньги относились къ собственнымъ, какъ 1:3,2, тогда какъ въ германскихъ товариществахъ отношеніе это въ 1874 г. было какъ 1:0,27. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что четыре товарищества совсѣмъ не имѣли вкладовъ; два, имѣя вклады, не имѣли займовъ, и два не имѣли ни вкладовъ, ни займовъ. Наибольшее развитіе вкладной и заемной операций представляетъ городское Серпуховское товарищество, которое при паевомъ капиталѣ въ 13,891 р. 59 к., заняло 11,511 р. 55 к.; за ними слѣдуетъ Некрасинское, при 46,462 р. 48 в. паевого капитала, занявшее 20,997 р. 08 в., въ томъ числѣ 20,000 р. въ государственномъ банкѣ. Слабое развитіе вкладной операціи объясняется, повидимому, совсѣмъ не недостаткомъ довѣрія къ товариществамъ; напротивъ, нѣкоторые факты, какъ поступленіе, хотя и рѣдкое, на вклады сиротскихъ, мірскихъ и церковныхъ денегъ свидѣтельствуютъ, что помѣщеніе денегъ въ товарищества считается достаточно обезпеченнымъ. Главную причину незначительности вкладовъ составляетъ отсутствіе свободныхъ капиталовъ у сельскаго населенія, большинство котораго не только не въ состояніи дѣлать вклады, но даже затрудняется взносомъ паевыхъ долей и, какъ замѣтилъ В. Н. Хитровъ въ своемъ докладѣ вольному экономическому обществу, смотритъ на товарищества не какъ на ссудо-сберегательныя, а какъ на ссудныя: полученіе ссуды—вотъ главная цѣль каждаго вступающаго въ товарищество. Вслѣдствіе этого многія товарищества нерѣдко ощущаютъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ для удовлетворенія требованій на ссуды, въ особенности товарищества, просуществовавшія менѣе года и потому неимѣющія права на кредитъ въ государственномъ банкѣ. Иногда товарищество очень скоро приобретаетъ популярность среди населенія: желающихъ поступить въ члены является очень много, но каждый вступившій, само собою разумѣется, изъявляетъ желаніе получить въ ссуду болѣе, нежели сколько внесено имъ на пай. При такихъ обстоятельствахъ товарищество оказывается въ крайне затруднительномъ положеніи, располагая только паями и займами въ 1,000 р. у земствъ, такъ какъ на вклады вообще, а на первое время въ особенности рассчитывать трудно. Въ такомъ именно положеніи находилось въ прошедшемъ году Осташковское товарищество, московскаго уѣзда, когда, съ наступленіемъ весны, оно было осаждено требованіями, и наличныя средства оказались

недостаточными. Впрочемъ, то же явленіе повторяется не только на первое время, но и впоследствии, когда обороты товарищества начинаютъ расширяться. Такъ, Лигачевское товарищество, московскаго же уѣзда, заявляетъ, что, несмотря на заемъ въ 2,000 р. въ государственномъ банкѣ, оно ощущаетъ потребность еще въ одной тысячѣ. Государственный банкъ открываетъ товариществамъ кредитъ не болѣе, какъ въ 3 раза противъ внесеннаго пассива капитала, но и этой суммой товарищество не можетъ воспользоваться одновременно, въ виду краткосрочности даваемыхъ банкомъ ссудъ и опасенія, въ случаѣ неисправности, навсегда лишиться кредита. Между тѣмъ каждый членъ имѣетъ право занимать въ полтора раза болѣе пая (т.-е. при 50-рублевомъ паѣ до 150 р.), такъ что для удовлетворенія всѣхъ членовъ отпускаемая банкомъ ссуда недостаточна. Кроме того, нѣкоторые товарищества (напр. Дубровицкое, подольскаго уѣзда) жалуются, что «условія займа въ государственномъ банкѣ, по своимъ продолжительнымъ формальностямъ, легко могутъ лишить товарищества возможности удовлетворить въ-время всѣ требованія ссуды». Въ виду этого на сѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ объ открытіи товариществамъ краткосрочнаго кредита изъ суммъ губернскаго земства, о чемъ постановило ходатайствовать и московское уѣздное земское собраніе.

Въ то время, какъ одни товарищества, за недостаткомъ наличныхъ средствъ, не могутъ выдать всѣхъ просимыхъ ссудъ, другія не знаютъ, что дѣлать съ своими деньгами. Возникшее въ 1875 году товарищество въ городѣ Бронницѣхъ, принявъ 311 р. пассивныхъ взносов и вкладъ въ 25 р., заняло у губернскаго земства 1000 руб., а ссудъ съ 7-го мая выдало только 224 руб. 50 коп., изъ которыхъ 59 руб. возвращены, такъ что, за недостаткомъ спроса на деньги, пришлось держать 1400 руб. въ процентныхъ бумагахъ. Результатомъ 8-ми-мѣсячной дѣятельности товарищества оказался убытокъ въ 23 р. 12 к. Вообще, товарищество это пошло до крайности вяло и, повидимому, не встрѣтило сочувствія со стороны населенія: къ 20 членамъ-учредителямъ въ 8 мѣсяцевъ прибавилось всего только 11 членовъ. Убытокъ, понесенный товариществомъ, составляетъ явленіе довольно рѣдкое: изъ 23 товариществъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, въ 1875 г. понесло убытки еще только одно—Порѣцкое, второе довольно быстро клонится къ упадку. Учрежденное въ 1872 году, оно повело свои дѣла чрезвычайно бойко: на первый же годъ число членовъ его возросло до 252, а пассива капиталъ до 7686 руб. 50 коп.; 1873 годъ товарищество продер-

жалось на томъ же уровнѣ, а затѣмъ быстро пошло на убыль: въ 1874 году въ члены поступило 12 человекъ, а выбыло 60; въ 1875 году поступило 2, выбыло 80; паевъ въ 1874 году поступило 826 руб. 32 коп., а возвращено выбывшимъ членамъ 1724 р. 33 к.; въ 1875 г. поступило 205 р. 43 к., возвращено 4467 р. 50 к. Главную причину убыли членовъ составляла неуплата въ срокъ долговыхъ обязательствъ, за что исключено въ 1873 г.—2 члена, въ 1874 г.—33, въ 1875 г.—72, а всего въ три года 106 членовъ, т.-е. болѣе 26⁰/₀ всего числа вступившихъ въ товарищество членовъ. Неуплата ссудъ составляетъ главную напасть Порѣцкаго товарищества, и къ устраненію этого зла направлены, повидимому, всѣ старанія тамошняго правленія. На съѣздъ имъ было внесено четыре предложенія, изъ которыхъ три клонились къ измѣненію существующаго порядка взысканія просроченныхъ ссудъ, и по оригинальности своей заслуживаютъ упоминанія. По мнѣнію правленія, слѣдовало бы: 1) взыскивать ссуды черезъ волостной судъ и просить начальство о присужденіи 3⁰/₀ съ рубля на издержки при взысканіи долговъ; 2) обязать волостное правленіе, въ которому причислены члены, чтобы оно слѣдило (sic) и принимало самыя строжайшія мѣры въ понужденію таковыхъ къ немедленной уплатѣ ссудъ и долговъ; 3) просить начальство, чтобы съ неисправныхъ членовъ, находящихся въ заработкахъ и неимѣющихъ движимаго имущества, вычиталась изъ ихъ заработковъ пятая часть на уплату долга товариществу... Последнее предложеніе Порѣцкаго товарищества, заключающееся въ томъ, чтобы не принимать въ члены товарищества лицъ моложе 20 лѣтъ, вызвано чисто мѣстными условіями. Какъ видно изъ данныхъ на съѣздѣ представителями Порѣцкаго товарищества объясненій, уставъ не предусмотрѣлъ необходимый для принятія въ члены возрастъ, и вслѣдствіе этого товарищество приняло несовершеннолѣтнихъ, выдавало имъ ссуды, а теперь судъ отказываетъ во взысканіи послѣднихъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, товарищество, въ 1875 г., понесло убытка 1037 р. 97 к.

Приведенными двумя случаями ограничиваются убытки, понесенные товариществами московской губерніи. Остальныя товарищества, кромѣ Косинскаго, которое, за краткостію существованія (одинъ мѣсяцъ), не имѣло ни барыша, ни убытка, получили болѣе или менѣе значительную чистую прибыль, общая сумма которой въ 1875 г. составила 21,170 р. 85¹/₄ к. Наибольшій размѣръ прибыли выпадаетъ на долю Некрасинскаго товарищества и составляетъ 4749 р. 26 к., изъ которыхъ вы-

дано членамъ въ видѣ дивиденда на пай 4489 р. 50 к., или по 20 к. на паевой рубль. Высокій размѣръ дивиденда, иногда превышающій даже 20%, объясняется принятымъ въ нѣкоторыхъ товариществахъ порядкомъ раздѣла прибылей, согласно которому прибыль дѣлится на тѣ только паевые взносы, которые находились въ кассѣ товарищества къ 1 января отчетнаго года. Сознавая неудобства такого порядка, члены нѣкоторыхъ товариществъ (напримѣръ, Ясеневаго) стараются вносить возможно большія суммы въ концу года, ограничиваясь въ другое время обязательнымъ взносомъ, чѣмъ въ нѣкоторой степени достигается болѣе равномерный раздѣлъ. Другія товарищества дѣлятъ прибыль на всѣ пай, бывшіе въ кассѣ, пропорціонально суммѣ и времени пребыванія, и въ этомъ случаѣ размѣръ дивиденда бываетъ ниже: въ то время, какъ Ясеневаго товарищество выдало въ 1872 г. до 70%, затѣмъ 36, 20 и 15%, Литачевское, Остапьевское и Всѣхсватское, распредѣляющія прибыль по послѣднему способу, выдали отъ 9—10%.

VII.

Въ заключеніе нашего очерка, мы остановимся на управленіи дѣлами товарищества. Правленіе въ товариществѣ—все: въ его рукахъ находится судьба учрежденія, отъ него зависитъ, такъ-сказать, жизнь и смерть дѣла. Товарищество, пришедшее въ упадокъ, можетъ быть оживлено правленіемъ, знающимъ съ дѣломъ и понимающимъ свою задачу, и наоборотъ, наилучше поставленное дѣло легко можетъ быть погублено. Товарищества московской губерніи представляютъ различные типы правленій; нѣкоторыя правленія относятся въ своему дѣлу апатично, мало вникая въ его сущность, мало интересуясь его успѣшностью; они рѣдко собираются въ полномъ составѣ, предоставляя веденіе дѣла одному лицу, отчего происходятъ большія упущенія въ счетоводствѣ, разнообразныя нарушенія устава входятъ въ обычай, и самое товарищество замираетъ, представляя собою подобіе прежней вспомогательной кассы, гдѣ разъ выданныя ссуды только переписываются. Другія правленія, наоборотъ, ведутъ дѣло съ большой энергіей, стараясь о расширеніи оборотовъ и объ открытіи доступа въ товарищества, по возможности, всѣмъ слоямъ населенія. Прибыль членовъ, размѣръ паевыхъ взносов и ссуды—все это ясно указываетъ на образъ дѣйствій правленія. Рѣзкія перемены, происходящія иногда въ ходѣ дѣла и направленіи

товарищества, показываютъ, какъ много значить участіе въ управленіи хотя бы одного развитаго и знающаго лица. Такая пере-мѣна произошла въ Лигачевскомъ товариществѣ, московскаго уѣзда. Устроенное въ одномъ изъ центровъ мебельной промышленности, среди населенія, безпрестанно нуждающагося въ кредитѣ, оно, казалось, должно было пойти особенно бойко; между тѣмъ на дѣлѣ оказалось противное: съ самаго же начала товарищество сдѣлалось достояніемъ нѣсколькихъ семействъ, образовавшихъ замкнутый кружокъ, и въ два года пришло въ крайне плачевное состояніе. По произведенной въ прошедшемъ году ревизіи дѣлопроизводства товарищества оказалось, что книги ведутся неисправно, выданныя ссуды не взыскиваются, а только показываются въ книгахъ уплаченными и выданными вновь, съ уплатою однихъ процентовъ, причемъ, въ противность уставу, отъ поручителей не требуется согласія на отсрочку, подписей ихъ на роспискахъ нѣтъ, и такимъ образомъ, большинство заемщиковъ, не имѣя дѣйствительныхъ поручителей, пользуются ссудами въ размѣрѣ, болѣе противъ дозволеннаго уставомъ. Есть также случаи поручительства одного лица за нѣсколькихъ заемщиковъ, въ болѣе противъ допускаемаго уставомъ размѣрѣ. Приемъ новыхъ членовъ почти совершенно прекратился: въ 1874 вступили только 31 человѣкъ, въ 1875 г.—46; въ окрестномъ населеніи распространилось мнѣніе, что товарищество существуетъ только для богатыхъ, что вступить въ него можетъ только тотъ, кто съ-разу въ состояніи внести полный 50-ти-рублевый пай. Въ такомъ положеніи находились дѣла товарищества, когда, въ половинѣ 1875 г., въ него вступило новое лицо—учитель мѣстной школы, и съ того времени дѣятельность товарищества принимаетъ совершенно новое направленіе; лица, вновь избранныя въ правленіе и совѣтъ, рѣшили, какъ сказано въ ихъ протоколахъ, принять «всѣ зависящія отъ правленія и совѣта мѣры къ правильной и законной постановкѣ дѣлъ товарищества и къ расширенію числа членовъ и оборотовъ его», и дѣйствительно, благодаря ихъ усиліямъ, замершее товарищество ожило: въ полгода оно распространило кругъ своихъ дѣйствій на 41 селеніе, число членовъ возросло до 333 и обороты увеличились до такой степени, что понадобился заемъ въ государственномъ банкѣ въ 2000 р., и, кромѣ того, влады, съ единственнаго рубля, до тѣхъ поръ обращавшагося въ товариществѣ, достигли 465 р. (въ томъ числѣ 50 р. сиротскихъ денегъ и 40 р. общественныхъ). Дѣятельность самого совѣта стала гораздо оживленнѣе; при прежнемъ составѣ засѣданія его происходили

рѣдко, за неприбытіемъ въ назначенные дни достаточнаго числа членовъ; въ новомъ же составѣ совѣтъ, съ 5-го октября 1875 г. до 6-го іюня 1876 г., имѣлъ 16 засѣданій, а общее собраніе въ теченіи года собиралось 6 разъ и несостоявшихся собраній не было.

Несостоявшіяся засѣданія совѣтовъ составляютъ явленіе довольно обыкновенное. Происходить это, кажется, частію потому, что въ члены совѣта нерѣдко избираются почетныя лица, живущія далеко отъ мѣста нахождения товарищества и занятыя другими дѣлами, частію же потому, что во многихъ товариществахъ члены совѣта не получаютъ вознагражденія. Вообще, на вознагражденіе своихъ должностныхъ лицъ товарищество не особенно щедро. Всего на расходы по управленію 23 товариществами въ 1875 г. израсходовано 4,899 р. 56¹/₂ к., считая въ томъ числѣ канцелярскіе расходы, наемъ помѣщеній и пр. Кромѣ того, на вознагражденіе правленій 6-ю товариществами отчислено изъ прибыли 848 р. 74 к. Нѣкоторыя товарищества имѣютъ особыхъ бухгалтеровъ, платя имъ до 150 р. въ годъ, другія назначаютъ всѣмъ членамъ правленія постоянное жалованье, не свыше 5 р. въ мѣсяць каждому, или же даютъ жалованье — 120—150 р. въ годъ только члену, занимающемуся письмоводствомъ, а большинство отчисляетъ въ пользу правленія и совѣта извѣстную долю чистой прибыли—отъ ¹/₁₂ до ¹/₄. Въ одномъ товариществѣ—Наро-Фоминскомъ,—вознагражденіе членамъ правленія и совѣта выдается по числу посѣщенныхъ ими засѣданій, по 1 р. за каждое старшему члену и по 50 коп. прочимъ. Быковское товарищество, подольскаго уѣзда, организовало свой совѣтъ совершенно своеобразно. Здѣсь совѣтъ составляется изъ шести членовъ и шести помощниковъ, и занятія между ними распредѣляются такъ, что черезъ каждые два мѣсяца очередной членъ и его помощникъ повѣряютъ книги и кассу товарищества, получая за каждую повѣрку по 2 р. 50 коп. каждый. Вслѣдствіе такой организаціи, несостоявшихся засѣданій совѣта не было и общему собранію не приходилось прибѣгать къ той мѣрѣ, къ которой были вынуждаемы другія собранія, удаленію неисправныхъ членовъ совѣта отъ должности и замѣнѣ ихъ новыми. Что касается до самыхъ собраній, то они хотя и собираются, но въ весьма незначительномъ составѣ и, кажется, по большей части мало обнаруживаютъ интереса къ дѣлу, въ которомъ главный интересъ cadaго лица заключается въ полученіи нужной ссуды. Впрочемъ, несостоявшихся засѣданій собраній было очень мало, а случаевъ созыва чрезвычайныхъ собраній, по требованію членовъ, не было ни одного.

VIII.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ московской губерніи. Приведенныя здѣсь данныя, къ сожалѣнію, далеко не полны и основаны на довольно ограниченномъ числѣ наблюденій, тѣмъ не менѣе они представляютъ уже возможность придти въ нѣкоторымъ общимъ выводамъ относительно значенія ссудо-сберегательнаго товарищества, какъ кредитнаго учрежденія сельскаго, крестьянскаго. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что ссудо-сберегательное товарищество, при правильномъ веденіи его, можетъ приносить и дѣйствительно приносить значительную долю пользы, почему дальнѣйшее распространеніе этого рода учреждений весьма желательно. Кругъ дѣйствій товарищества, по самому существу послѣдняго, не можетъ обнимать всѣ классы сельскаго населенія, ибо, съ одной стороны, лица, производящія крупныя обороты и вообще стоящія по имущественной состоятельности выше средняго уровня, не могутъ пользоваться его услугами, такъ какъ оно даетъ кредитъ въ весьма ограниченномъ, и притомъ въ равномъ для всѣхъ членовъ размѣрѣ; съ другой стороны, для лицъ немущихъ, хотя и представляющихъ нравственныя гарантіи, доступъ въ товарищества почти невозможенъ, какъ потому, что онъ обуславливается избраніемъ, такъ и потому, что размѣръ кредита соразмѣряется съ паевыми взносами, дѣлать которые бѣднякъ можетъ развѣ въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Настоящими кліентами товариществъ является средній классъ сельскаго населенія, обладающій всѣми хозяйственными предметами первой необходимости и нуждающійся въ кредитѣ или для расширенія своихъ хозяйственныхъ предпріятій, или для покрытія платежей, представляющихся въ то время, когда произведенія хозяйства не имѣютъ правильнаго сбыта. Нужды этого разряда сельскихъ жителей вполне удовлетворяются ссудо-сберегательными товариществами и размѣръ выдаваемыхъ этими послѣдними ссудъ оказывается совершенно достаточнымъ. Что касается до установленныхъ уставами сроковъ, на которые выдаются ссуды, то сроки эти вообще оказываются слишкомъ краткими, тѣмъ вызывается весьма вредное явленіе — переписываніе ссудъ. Обращаясь къ средствамъ, которыми оперируютъ товарищества, замѣчается, что главную часть оборотнаго ихъ капитала составляютъ паевые взносы членовъ, отчего нерѣдко наличныя средства бываютъ недостаточны для удовлетворенія всѣхъ требованій на ссуды, особенно въ товариществахъ

начинающихъ, неимѣющихъ еще права на кредитъ въ государственномъ банкѣ. Операція по вкладамъ развивается весьма слабо и едва ли можетъ получить значительное развитіе, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе отсутствія свободныхъ капиталовъ у сельскаго населенія. Помощь земства, поэтому, здѣсь необходима.

Правильный и успѣшный ходъ дѣлъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ обусловливается участіемъ въ управленіи ими образованныхъ и знакомыхъ съ дѣломъ лицъ, почему оставлять ихъ на произволъ судьбы весьма опасно. Поэтому, въ случаѣ невозможности найти на мѣстѣ опытныхъ руководителей, необходимо, чтобы на уѣздѣ, или даже на губернію, было хотя одно лицо, которое завѣдывало бы товариществами, повѣряя ихъ дѣлопроизводство, присутствуя въ общихъ собраніяхъ, разъясняя правленіямъ всѣ возникающія недоразумѣнія и т. д. Такое лицо, посѣщающее товарищество лишь по временамъ; не можетъ, конечно, замѣнить мѣстныхъ дѣятелей, тѣмъ не менѣе оно можетъ принести существенную пользу, руководя и подготавливая такихъ дѣятелей изъ наличнаго состава правленій. Какъ на другое средство, способное внести ббльшій порядокъ въ дѣла товариществъ, можно указать на періодическій съѣздъ ихъ представителей, на которыхъ коллегіально обсуждались бы всѣ возникающіе въ практикѣ вопросы.

Такимъ образомъ, опытъ товариществъ московской губерніи показываетъ, что внѣ сферы дѣйствій ихъ остается значительная часть сельскаго населенія, и что, съ другой стороны, они, по устройству своему, охватываютъ далеко не всѣ нужды населенія. Вслѣдствіе этого, независимо отъ поддержки и распространенія товариществъ, какъ учрежденія, служащаго интересамъ лицъ средняго достатка, необходимо принять мѣры: 1) къ доставленію кредита *низшимъ* слоямъ населенія, непосредственно ли отдѣльнымъ лицамъ, или черезъ посредство сельскихъ обществъ, и 2) къ введенію кредита долгосрочнаго.

Москва.

В. Скалонъ.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА

0

ЮЛІАНЪ МИЛОСТИВОМЪ

I *).

Отецъ и мать Юліана обитали замокъ, построенный посреди гѣбовъ, на склонѣ холма.

Четыре угловыя башни заканчивались островерхими крышами, покрытыми чешуей изъ свинцовыхъ бляхъ;—а стѣны упирались въ темя скалъ, круто спускавшихся до самаго дна глубокихъ расщелинъ.

*) „Любезнѣйшій М. М.!—Гюставъ Флоберъ, извѣстный авторъ „Мадамъ Боварі“, „Салламбô“—и „Сантиментальнаго воспитанія“—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей современной французской литературы, — сообщилъ мнѣ написанные имъ три разсказа—или „легенды“—(„Святой Юліанъ“, „Простое сердце“ и „Иродіада“) —долженствующіе появиться въ Парижѣ въ началѣ мал. Пораженный ихъ разнообразными красотою, я перевелъ двѣ изъ нихъ—„Юліана“ и „Иродіаду“—съ рукописи—и предлагаю вамъ помѣстить ихъ въ „Вѣстникъ Европы“. Легенды эти, быть можетъ, возбудятъ нѣкоторое изумленіе въ русскихъ читателяхъ, которые не того ожидаютъ отъ человѣка, провозглашеннаго главою французскихъ реалистовъ и наследникомъ Бальзака. Но я полагаю, что яркая и въ то же время гармонически-стройная поэзія этихъ легендъ возьметъ свое и побѣдитъ предубѣжденіе читателей. Пусть они взглянутъ на каждую изъ нихъ, какъ на переданную прозой поэму—что она и есть.

„Со своей стороны я приложилъ къ этому труду все возможное стараніе и усиліе. Это былъ именно „love's labour“—трудъ любви; пусть же онъ не будетъ потеряннымъ трудомъ—„love's labour lost“.

Парижъ, февраль 1877.

Иванъ Тургеневъ.

Камни, которыми вымощенъ былъ обширный дворъ, были такъ же гладки и чисты, какъ церковныя плиты. Длинные жолобы, изображавшіе драконовъ съ опущенной внизъ пастью, извергали дождевую воду; она стекала ручьями въ цистерну; а на подоконникахъ во всѣхъ этажахъ красовались базилики или геліотропы въ расписанныхъ, глиняныхъ горшкахъ.

Вторая каменная ограда заключала въ себѣ сперва фруктовый садъ; потомъ палисадникъ, въ которомъ искусныя сочетанія цвѣтовъ изображали вензеля; затѣмъ шпалеры виноградныхъ лозъ съ бесѣдками для отдыха и прохладенья; наконецъ, особо отведенное мѣсто, гдѣ пажы забавлялись игрою въ мячъ. — Съ другой стороны находились псарни, конюшни, пекарня, давальня для винограда и амбары. Зеленое пастбище разстигалось во кругъ, огороженное въ свою очередь крѣпкимъ терновымъ тыномъ.

Миръ такъ давно не нарушался въ томъ замкѣ, что опускаемая рѣшетка воротъ оставалась постоянно поднятою; рвы заросли травой, ласточки вили гнѣзда въ трещинахъ бойницъ — и часовой, весь день прогуливавшійся по валу, уходилъ въ сторожку, лишь только солнце начинало слишкомъ печь — и засыпалъ въ ней сномъ праведника.

Внутри замка повсюду блестяли желѣзныя оковки; шпалеры обои оберегали комнаты отъ холода; шкафы были битомъ набиты бѣльемъ, въ погребахъ громоздились бочки съ цѣнными винами, а дубовые сундуки ложились подъ тяжестью мѣшковъ съ серебромъ.

Въ оружейной залѣ между знаменами и выдѣланными мордами хищныхъ звѣрей висѣли оружія всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ праща амалекитянъ и дротика гарамантийцевъ — и кончая короткою, широкою шпагой саррацынъ и вольчугою норманновъ. — На главномъ вертелѣ въ очагѣ кухни могъ удобно жариться цѣлый быкъ — а капелла пышностью не уступала королевской молельнѣ. Въ одномъ углу двора, въ сторонѣ, находилась даже римская баня; — но добрый господинъ не пользовался ею, не желая придерживаться языческихъ обычаевъ.

Постоянно закутанный въ лисью шубу, онъ прогуливался по замку, творилъ судъ и расправу надъ своими вассалами, рѣшалъ споры сосѣдей. — Зимомъ онъ засматривался на хлопья падавшего снѣга или заставлялъ читать себѣ сказки. — Какъ только наступали первые ясные дни, онъ отправлялся на своемъ лошаке по узкимъ тропинкамъ вдоль зеленѣвшихъ нивъ, разговаривалъ съ крестьянами, давалъ имъ наставленія и совѣты. Послѣ многихъ

привлеченій, онъ взялъ себѣ въ супруги дѣвицу изъ высокаго роду.

Она была очень бѣла тѣломъ, немного горда и не смѣшлива. Верхъ ея высокаго головнаго убора касался притолки, когда она проходила черезъ дверь, шлейфъ ея суконнаго платья влачился на три шага позади ея. Въ ея домашнемъ быту соблюдался строгій, монастырскій порядокъ. Каждое утро она распредѣляла работы между своими служанками, присматривала за вареньями и благовонными мазями, прядла пряжу или вышивала на престольныхъ пелены.

Она такъ усердно молилась Богу, что онъ внялъ, наконецъ, ея мольбамъ и даровалъ ей сына.

На той великой радости добрый господинъ задалъ пиръ, который длился четыре дня и три ночи при свѣтѣ факеловъ, при звукахъ арфъ.—Всѣ помы были усыпаны зелеными листьями.—Самыя дорогія пряности, куры величиною съ барана подавались гостямъ. Ради забавы, изъ большого пирога выскочилъ варликъ, и ковшей, наконецъ, не хватило—такъ что пришлось пить изъ турьихъ роговъ и шлемовъ.

Родильница не присутствовала при этихъ празднествахъ.— Она лежала въ постели—спокойно и мирно.—Однажды она проснулась и увидѣла въ лунномъ лучѣ, падавшемъ изъ окна, какъ бы движущуюся тѣнь.—Тѣ былъ старецъ въ грубой волосяной рясѣ, съ чѣтками на чреслахъ, съ котомкой за плечами—въ полномъ одѣяніи отшельника.—Онъ подошелъ къ ея постели—и сказалъ, не разжимая губъ:

— Радуйся, о, мать! Твой сынъ будетъ святой!

Она хотѣла вскрикнуть—но, скользнувъ по верхней чертѣ луннаго луча, старецъ тихо поднялся на воздухъ—и исчезъ.—Застольныя гѣсны раздавались громче прежняго.—Она услышала голоса ангеловъ—и голова ея упала на подушку, надъ которой, на задней стѣнѣ кровати, виднѣлась кость святого мученика, въ богатой оправѣ изъ карбункуловъ.

На другой день всѣ спрошенные слуги объявили, что не видали никакого отшельника.

Сонъ или дѣйствительность—тѣ было, конечно, откровеніе свыше. Но она никому не сказала объ этомъ, боясь, какъ бы ея не упрекнули въ гордости.

Къ утру гости разошлись—и отецъ Юліана, проводивъ послѣдняго изъ нихъ, стоялъ у башенныхъ воротъ, какъ вдругъ предъ нимъ предсталъ въ туманѣ нищій. То былъ цыганъ съ заплетенной бородой, съ серебряными запястьями на обѣихъ

рукахъ;—его зрачки сверкали. Съ вдохновеннымъ видомъ произнесъ онъ несвязныя слова:

— А! А! Твой сынъ! Много крови, много славы, всегда счастливъ, родня императору!

И нагнувшись, чтобы поднять подаяніе, онъ исчезъ въ травѣ, стинуть!

Добрый господинъ посмотрѣлъ на-право, на-лѣво, позвалъ людей громкимъ голосомъ... Нивого!—Вѣтеръ свисталъ; утренній туманъ разсѣвался.

Онъ приписалъ это видѣніе слабости головы своей, утомленной недостаткомъ сна.—«Если я расскажу объ этомъ», думалъ онъ, «надо мной будутъ смѣяться». Однако величіе и блескъ судебъ, ожидающихъ его сына, ослѣпляли его, хотя обѣщаніе и не было вполне ясно—и онъ даже сомнѣвался, точно ли онъ все это слышалъ?

Супруги скрывали другъ отъ друга свою тайну;—но оба они любили дѣтя одинаковой любовью—и, считая его отмѣченнымъ самимъ Богомъ, всячески радѣли и заботились о немъ.

Постелька его была набита самымъ тонкимъ пухомъ; надъ ней постоянно горѣла лампада въ видѣ голубя; три мамы уваживали его—и, крѣпко запелѣнанный, розовенькій, голубоглазый, въ нарчевой мантии и чепчикѣ, разубранномъ жемчужинами, онъ походилъ на младенца Іисуса.

Зубы прорѣзались у него такъ легко, что онъ ни разу отъ нихъ не плакалъ.

Когда ему исполнилось семь лѣтъ, мать научила его пѣть,—а отецъ, дабы внушить ему мужество, посадилъ его на широкобедренного коня. Дѣтя улыбалось отъ радости и скоро научилось всему, что принадлежитъ ратной верховой ѣздѣ.

Старый, очень ученый монахъ, нарочно выписанный изъ Калабріи, обучилъ его священному писанію, арабской цифиріи, латинскимъ буквамъ и рисованію миниатюръ на пергаментѣ. Они занимались вдвоемъ, на самомъ верху башни, вдалекѣ отъ суеты и шума. Послѣ обѣда они сходили въ садъ—и, степенно гуляя, изучали цвѣты.

Иногда въ глубинѣ долины появлялась вереница вьючныхъ животныхъ, погоняемыхъ пѣшеходомъ въ восточной одеждѣ. Господинъ, распознавъ въ немъ купца, посылалъ за нимъ слугу. Чужестранецъ доверчиво сворачивалъ съ пути, и, введенный въ приемную, выкладывалъ изъ своихъ сундузовъ бархаты и шелка, серебряныя и золотыя вещи, благовонія, диковинные предметы—

неизвѣстнаго употребленія, — и уходилъ подъ-конецъ съ полнымъ карманомъ, не потерпѣвъ насилія.

Въ другое время, толпа богомольцевъ-паломниковъ просила пристанища. Ихъ моврыя одежды дымились у очага; а насытившись, они рассказывали о своихъ путешествіяхъ, о блужданіи кораблей по бурнымъ морямъ, о долгихъ странствіяхъ пѣшкомъ по раскаленнымъ пескамъ пустыни, о свирѣпости язычниковъ, о сирійскихъ пещерахъ, о священныхъ ясляхъ и гробницѣ Христовой. — Потомъ они дарили раковины съ своихъ плащей молодому наслѣднику — и удалялись съ миромъ.

Часто также господинъ угощалъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей. За чарой вина они вспоминали о войнахъ, въ которыхъ они участвовали, объ осадахъ крѣпостей, о тяжелыхъ ударахъ военныхъ машинъ и тарановъ, о необычайныхъ, громадныхъ ранахъ. Юліанъ вскрикивалъ, слушая ихъ рассказы. Тогда отецъ его не сомнѣвался въ томъ, что впоследствии онъ будетъ завоевателемъ. Но передъ скончаньемъ дня, выходя отъ вечерни, шагъ за шагомъ, мимо преклоненныхъ нищихъ, Юліанъ съ такимъ скромнымъ, благороднымъ видомъ подавалъ милостыню изъ своего кошель, что мать его, съ своей стороны, также не сомнѣвалась въ томъ, что увидитъ его со временемъ архіепископомъ.

Въ капеллѣ онъ всегда помѣщался подлѣ родителей — и какъ бы ни была длинна служба, онъ все время стоялъ на колѣняхъ у аналоя, безъ шапки, со сложенными на молитву руками.

Однажды, поднявъ во время обѣдни голову, онъ замѣтилъ маленькую бѣлую мышъ, вышедшую изъ скважины стѣны. Она побѣгала немножко по первой ступени алтаря, — и, протрусивъ раза два-три — на-право, на-лѣво, снова скрылась въ скважинѣ.

Въ слѣдующее воскресенье мысль, что онъ опять ее увидитъ — смущала его. Она однако вернулась... и каждое воскресенье онъ ждалъ ея; она его раздражала, онъ началъ ее ненавидѣть — и рѣшился, наконецъ, избавиться отъ нея.

Заперевъ двери и накрошивъ на ступеняхъ алтаря обѣдки хлѣба, онъ сталъ около скважины съ тросточкой въ рукѣ. — Спусти долгое время, показалась, наконецъ, мордочка — а затѣмъ и вся мышка. Онъ легонько ударилъ ее тросточкой — и оцѣпенѣлъ отъ изумленія, при видѣ маленькаго, недвижнаго тѣльца. Капля крови запятнала плиту. Онъ поспѣшно вытеръ ее рукавомъ, выбросилъ мышъ — и никому не сказалъ объ этомъ ни слова.

Разнородныя пичужки клевали зерна въ саду. — Юліану пришло въ голову наполнить горохомъ пустой стволъ тростника — и, за-слышавъ щебетаніе на деревѣ, онъ тихонько подкрадывался, на-

правлялъ свою трубку—надувалъ щеки... и пичужки сыпались ему на плечи въ такомъ изобиліи, что онъ невольно смѣялся, довольный своей выдумкой.

Однажды утромъ, возвращаясь съ вала, онъ увидѣлъ на гребнѣ стѣны голубя, толстаго, красноногого голубя; онъ красовался и двигалъ зобомъ на солнцѣ. Юліанъ остановился, чтобы посмотрѣть на него—и такъ какъ стѣна въ этомъ мѣстѣ нѣсколько обрушилась и разсѣлась—то ему случайно попалъ подъ руку осколокъ камня. Онъ поднялъ руку—и камень полетѣлъ прямо въ птицу, которая такъ и покатила въ ровъ, какъ чурбанчикъ.

Проворнѣе молодого пса кинулся онъ за нею, царапаясь о терновникъ—и началъ всюду шарить.

Голубь съ перепибыленными крыльями трепеталъ еще, повиснувъ на вѣтвяхъ ясеня.

Упорство жизни раздражило дитя. Онъ принялся душить голубя—и судороги издыхавшей птицы заставляли прыгать его сердце. Онъ испытывалъ дивное, мятежное наслажденіе. При послѣднемъ содроганіи голубя онъ вдругъ почувствовалъ, что силы его покидаютъ... Онъ едва не упалъ въ обморокъ.

Вечеромъ за ужиномъ отецъ объявилъ ему, что въ его годъ слѣдуетъ учиться звѣриной ловлѣ—и принесъ старую, впрочемъ исписанную тетрадь, заключающую въ вопросахъ и отвѣтахъ перечень всѣхъ охотничьихъ забавъ.

Составитель этой тетради обучалъ въ ней ученика искусству натаскивать собакъ и вынашивать ястребовъ, показывалъ, какъ слѣдуетъ ставить западни, какъ узнавать оленя по его помету, лисицу и волка—по ихъ слѣдамъ; какой лучший способъ распознать тропы звѣрей, какъ ихъ выгнать изъ лѣсу, гдѣ находятся ихъ пристанища; какіе бываютъ благопріятные вѣтры и погоды;—а затѣмъ слѣдовало исчисленіе всѣхъ охотничьихъ кривовъ и поговорокъ, холканій и порсканій.

Когда Юліанъ выучилъ все это наизусть, тогда отецъ отобралъ для него знатную стаю собакъ.

Въ эту стаю поступило—во-первыхъ: двадцать-пять варварійскихъ борзыхъ вобелей; они были рѣзвѣе сернь, но, по горячности своей, иногда неудержимы; затѣмъ семнадцать паръ бретонскихъ краснойглыхъ гончихъ, чуткихъ, добычливыхъ, горластыхъ, съ стальною грудью; потомъ—сорокъ брусбартовъ, мохнатыхъ, не хуже медвѣдей; ихъ спускали на кабановъ, когда тѣ внезапно садились на задъ и грозили вликами.—Татарскіе псы, величиной почти съ осла, огненнаго цвѣта, широкіе, жилистые, съ прямыми какъ стрѣлы—ногами, предназначались для охоты за

зубрами.—Черная шерсть испанокъ лоснилась какъ атласъ; заливчатое тѣвканіе «талъботовъ» не уступало серебрястому лау английскихъ «биглей». На отдѣльномъ дворѣ рычали, потрясая цѣпами и ворочая кровавыми зрачками, восемь аланскихъ договъ; то были страшныя животныя, которыя впивались въ брюхо всадникамъ и не боялись самого льва.

Всѣхъ этихъ псовъ кормили пшеничнымъ хлѣбомъ; лакали они изъ каменныхъ корытъ—и влички у нихъ были звонкія.

Но соволиный дворъ, пожалуй, превосходилъ еще псарню. Добрый господинъ за дорогую цѣну добылъ себѣ кавказскихъ беркутовъ, вавилонскихъ сѣроголовыхъ подорликовъ, нѣмецкихъ ястребовъ и дербниковъ, да бѣлыхъ кречетовъ, пойманныхъ на утесахъ, по берегамъ холодныхъ морей, въ странахъ отдаленныхъ.

Всѣ эти ловчія птицы жили подь навѣсомъ, крытомъ соломою—а подь навѣстью, къ которой онѣ были привязаны по ранжиру роста, передъ каждой изъ нихъ находился влочокъ дерна. Отъ времени до времени, чтобъ дать птицамъ размяться и встряхнуться, ихъ спускали на этотъ дѣрнъ.

Всевозможныя западни были заготовлены въ изобиліи: и тѣнѣта, и крюки, и желѣзныя ловушки, и подвижныя зеркальца для ловли жаворонковъ.

Лягавыхъ собакъ часто водили въ поле—и онѣ тотчасъ же находили дичь и дѣлали стойку. Тогда охотники осторожно приближались къ нимъ, растягивали надъ ихъ неподвижными тѣлами огромную сѣть—и условленнымъ знакомъ приказывали имъ лаять. Перепелы вылетали изъ травы—и приглашенныя, вмѣстѣ съ мужьями, сосѣднія дамы, дѣти, служанки, всѣ бросались на птиць, запутанныхъ въ петляхъ сѣти—и безъ труда овладѣвали ими.

Въ другой разъ, били въ барабанъ, чтобы выгнать изъ острова зайцевъ; лисицы падали въ ямы—или внезапно-соскочившая пружина западни хватала волва за ногу.

Но Юліанъ пренебрегалъ этими безопасными хитростями. Онъ любилъ охотиться вдали ото всѣхъ, одинъ на своемъ конѣ и съ любимой своей птицей.—Обыкновенно то былъ сивескій кречеть, бѣлый какъ снѣгъ. На его кожаномъ влобучѣ развѣвался султанчикъ; золотые бубенчики бряцали на его синеватыхъ лапахъ. Конь скакалъ; луга разстилались и проносились мимо,—а кречеть крѣпко держался на рукѣ своего господина. Юліанъ, развязавъ путы, вдругъ спускалъ его. Прямо, какъ стрѣла, взвивалась вверхъ смѣлая птица... Только двѣ неровныя точки видѣлись въ вышинѣ... Онѣ двигались, соединялись, затѣмъ исчезали

въ лазури. Кречетъ скоро спускался, разрывая добычу—и, трепеща крыльями, садился снова на рукавицу къ хозяину.

Юліанъ ловилъ такимъ образомъ цаплей, луней, галокъ и жоршунувъ.

Онъ любилъ трубить въ охотничій рогъ, идя слѣдомъ за своими псами, которые мчались по скатамъ холмовъ, перепрыгивали ручьи, вбѣгали въ лѣсъ; и когда олень начиналъ стонать, терзаемый ихъ зубами, онъ живо сваливалъ его однимъ быстрымъ ударомъ—и любовался яростью псовъ, пожиравшихъ разсѣченные куски его туши на дымившейся шкурѣ.

Въ туманные дни онъ забирался въ болото—и подстерегалъ дивныхъ гусей, утокъ или выдру.

Съ самой зари три конюха дожидались его у крыльца; а старый монахъ, высунувшись изъ слухового окна, напрасно дѣлалъ ему знаки и звалъ его къ себѣ. Юліанъ не оборачивался.— Онъ уходилъ и въ жаръ, и въ дождь, и въ бурю; пилъ пригоршней ключевую воду, ѣлъ на ходу дикія яблоки и ягоды, отди-халъ подъ дубомъ, если уставалъ; и возвращался уже ночью, поздно, весь въ грязи и въ крови, съ колючками въ волосахъ, весь пропитанный запахомъ дичи. Когда мать цѣловала его, онъ холодно принималъ ея ласки—и, казалось, размышлялъ о чемъ-то важномъ и далѣкомъ.

Онъ убивалъ медвѣдей ножомъ, быковъ топоромъ, кабановъ—рогатиной—и однажды, имѣя при себѣ одну только палку, долго отборонялся отъ стаи волковъ, глодавшихъ трупы подъ вѣтвями.

Въ одно зимнее утро, еще до восхода солнца, выѣхалъ онъ въ полномъ вооруженіи, съ самострѣломъ на плечѣ и съ пукомъ стрѣлъ въ колчанѣ, придѣланномъ къ сѣдельной луцѣ.

Земля гудѣла подъ ровной поступью его датскаго жеребца; за хвостомъ коня бѣжали двѣ лохматые собаки.—Вѣтеръ дулъ неистово; плащъ Юліана покрылся зернами инея. Небосклонъ сталъ проясняться съ одной стороны—и сквозь бѣловатые утренніе сумерки, онъ увидѣлъ кроликовъ, прыгавшихъ у своихъ норокъ.—Обѣ собаки тотчасъ вынулись на кроликовъ, и, быстро ихъ хватая, ломали пополамъ ихъ спинные хребты.

Скоро затѣмъ выѣхалъ онъ въ лѣсъ. На концѣ одинокой вѣтки, весь оковенѣлый отъ холода, спалъ глухарь-тегеревъ, подвернувъ голову подъ крыло. Юліанъ отсѣвъ ему мечомъ на-бѣ-машъ обѣ лапы—и, не подобравъ его, продолжалъ свой путь.

Три часа спустя очутился онъ на вершинѣ горы столь высокой, что небо надъ нею казалось почти чѣрнымъ. Передъ нимъ,

подобный длинной стѣнѣ, свѣшивался утѣсь надъ бездною;—на крайнемъ его концѣ два дикихъ козла смотрѣли внизъ, понуривъ головы.—Не имѣя стрѣль, ибо конь его остался позади—онъ вздумалъ спуститься къ нимъ. Задерживая дыханіе, чуть не ползкомъ, босой, онъ подерался сзади къ первому козлу—и вонзилъ ему кинжалъ между ребрами. Второй, обезумѣвъ отъ ужаса, прыгнулъ въ бездну. Юліанъ вынулся-было, чтобы ударить и его, но, поскользнувшись, упалъ на трупъ перваго съ распростертыми руками и перевѣсившимся черезъ край бездны лицомъ.

Возвратившись въ поле, онъ пошелъ вдоль изъ, разросшихся по берегу большой рѣки. Низко летѣвшіе журавли проносились отъ времени до времени надъ его головою—и онъ убивалъ ихъ бичомъ, ни разу не давая промаха.

Между тѣмъ въ воздухѣ потеплѣло, иней растаялъ, пари заколыхались широкими пеленами—и показалось солнце. Подъ его лучами засверкала вдали свинцовая гладь какъ-бы застышаго озера. По самой серединѣ этого озера виднѣлось незнакомое Юліану животное — черномордый бобръ.—Несмотря на разстояніе, стрѣла Юліана вонзилась въ него — и онъ досадовалъ, что не могъ унести съ собою шеуру убитаго звѣря.

Затѣмъ онъ вошелъ въ аллею высокихъ деревьевъ, образовавшихъ верхушками своими какъ-бы подобіе триумфальной арки. Она вела въ большой лѣсъ. Изъ чащи выскочила дикая коза, на перекресткѣ показалась лань, изъ норы выпелъ барсукъ — павлинъ распустилъ свой хвостъ на зеленой муравѣ — и когда онъ ихъ всѣхъ умертвилъ — появились другія дикія козы, другія лани, другіе барсуки, другіе павлины; а тамъ дрозды, сойки, хорьки, лисицы, ежи, рыси, безчисленное множество животныхъ — все больше, больше съ каждымъ шагомъ. Они кружились около него, трепеща всѣмъ тѣломъ — и взоры ихъ, на него устремленные, были кротки и полны смиренной мольбы. Но Юліанъ не уставалъ убивать. Онъ то натягивалъ самострѣль, то обнажалъ мечъ, то кололъ ножомъ, ни о чѣмъ не думая, ничего не помня и не поднимая... Онъ охотился въ какой-то невѣдомой странѣ, неизвѣстно съ какихъ поръ—безсознательно, почти безчувственно. Всѣ совершалось съ тою легкостью, какую испытываешь во снѣ.

Необычайное зрѣлище остановило его. Стадо оленей наполняло долину, имѣвшую видъ цирка; тѣсно скученные, одинъ возлѣ другого, они отогрѣвались дыханіемъ своимъ, которое дымилось въ туманѣ.

Надежда на истребленіе — громадное, небывалое — до того обрадовала Юліана, что на нѣсколько мгновеній у него дыханіе

сперлось. Онъ слѣвъ съ коня, засучилъ рукава и принялся стрѣлять.

При свистѣ первой стрѣлы всѣ олени разомъ повернули головы, въ ихъ сплошной массѣ образовались какъ-бы впадины; раздались жалобные голоса—и все стадо заволаhalось.

Края цирка были слишкомъ высоки и круты; олени не могли ихъ перескочить: они металсь по дну долины, ища спасенія.— Юліанъ цѣлся, стрѣлялъ, цѣлся снова... Стрѣлы сыпались какъ дождь. Олени, обезумѣвъ, дрались, лягались, карабкались другъ на друга—и тѣла ихъ со спутанными рогами воздвигались широкимъ холмомъ, который то-и-дѣло обрушивался,—передвигался. Наконецъ, сваленные на песокъ, съ пѣной у ноздрей, съ вытѣвшими кишками, они испустили дыханіе—и волнообразное колыханіе ихъ боковъ и черевъ, постепенно ослабѣвая, затихло.—Затѣмъ все стало неподвижно.

Наступала ночь—и за лѣсомъ, сѣвось разрѣзы вѣтвей, виднѣлось небо, красное какъ кровавая пелена.

Юліанъ прислонился къ дереву. Выпуча глаза, смотрѣлъ онъ на необъятную бойню, не постигая, какъ онъ это могъ одинъ совершить.

Но вдругъ на другой сторонѣ долины показались олень, лань и съ ними ихъ дѣтенышъ—теленокъ.

Олень былъ весь черный, огромнаго роста, съ шестнадцатью отростками на рогахъ и бѣлой бороною;—лань, блѣдножелтая, цвѣту осенняго листа, щипала траву, а пятнистый дѣтенышъ, не останавливая ея, на ходу сосалъ ея вымя.

Снова натянулась и завыва тетива самострѣла... Теленокъ тотчасъ былъ убитъ. Тогда мать, поднявъ глаза къ небу, затосковала громкимъ, раздражающимъ, человѣческимъ голосомъ. Юліанъ, въ бѣшенствѣ, выстрѣломъ прямо въ грудь повалилъ ее на землю.

Старый олень все это видѣлъ и прыгнулъ къ нему на встрѣчу. Юліанъ пустилъ въ него свою послѣднюю стрѣлу. Она воцѣлилась ему въ лобъ и осталась на мѣстѣ. Старый олень словно не почувствовалъ ея; перешагнувъ черезъ трупы, онъ все приближался и, казалось, готовился ринуться на Юліана и всенуть его на рога. Юліанъ въ невыразимомъ страхѣ попытался назадъ. Но дивное животное остановилось—и, сверкая глазами, торжественно, какъ патріархъ, какъ судія, между тѣмъ какъ вдаль звякала колоколь—трижды провозгласилъ:

—Проклять! проклять! проклять! Придетъ день—и ты, свѣршнй чловѣкъ, умертвишь отца твоего и мать!

Онъ опустился на колѣни, закрылъ тихо вѣжды — и испустилъ духъ.

Юліанъ остолбенѣлъ. Онъ почувствовалъ внезапную, крайнюю усталость; необычайная печаль, отвращеніе, тоска овладѣли имъ. Закрывъ лицо руками, онъ долго плакалъ.

Коня онъ потерялъ, собаки покинули его, пустыня, окружавшая его, казалось, угрожала ему несказанными бѣдами.

Обытій страхомъ, онъ побѣжалъ черезъ поле по первой попавшейся ему тропинкѣ — и почти немедленно очутился у воротъ своего замка.

Всю ночь онъ не спалъ. При колеблющемся мерцаніи висячей лампы онъ постоянно видѣлъ стараго, чернаго оленя. Предвѣщаніе умиравшаго вѣтра преслѣдовало Юліана: онъ всячески пытался отогнать эту мысль. — «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я не могу ихъ убить!» А потомъ онъ думалъ: «Если бы я захотѣлъ однако!» — И онъ боялся, что дьяволъ введетъ его въ искушеніе и внушитъ ему нечестивое желанье.

Цѣлыхъ три мѣсяца мать его въ глубокой скорби молилась у изголовья его постели, а отецъ непрерывно бродилъ по корридорамъ. Онъ призывалъ самыхъ знаменитыхъ лекарей; тѣ прописали Юліану множество различныхъ снадобій. — Недугъ Юліана, говорили они, причинился ему либо отъ зловреднаго вѣтра, либо отъ любовнаго желанія. — Но молодой человѣкъ на всѣ вопросы отрицательно качалъ головою.

Силы по-немногу вернулись къ нему — и старшій монахъ и добрый господинъ стали водить его для прогулки по двору, поддерживая его подъ руки.

Оправившись совершенно, онъ продолжалъ упорно отказываться отъ охоты.

Отецъ, желая развлечь его, подарилъ ему большую саррацинскую шпагу. Она висѣла на верху столба среди другихъ доспѣховъ — и чтобы достать ее, понадобилась лѣстница.

Юліанъ взлѣзъ на нее — но тяжелая шпага выскользнула у него изъ пальцевъ — и падая, таѣ близко коснулась добраго господина, что разрѣзала его епанчу. Юліанъ вообразилъ, что убилъ отца — и лишился чувствъ.

Съ тѣхъ поръ онъ боялся оружія. Одинъ видъ желѣза заставлялъ его блѣднѣть. Подобная слабость приводила въ отчаяніе его семью.

Наконецъ, старшій монахъ именемъ Бога, чести и предковъ приказалъ ему возвратиться къ своимъ дворянскимъ обязанностямъ.

Конюхи его отца ежедневно забавлялись метаніемъ дроти-

ковъ. Юліанъ скоро достигъ совершенства въ этомъ искусствѣ. Онъ улучалъ дротикомъ въ горлышко бутылокъ, отбивалъ зубцы флюгеровъ, — а на сто шаговъ попадалъ въ гвоздья дверей.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, въ самый часъ сумерекъ, когда всѣ предметы становятся неясными, Юліанъ стоялъ подъ виноградной лозой въ саду, и увидалъ далеко-далеко два бѣлыхъ крыла, которыя вздымались и порхали надъ шпалерникомъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что это были крылья аиста — и метнулъ свой дротикъ.

Раздался пронзительный крикъ. То была его мать. Длинные концы ея шляпки были пригвождены къ стѣнѣ.

Юліанъ убѣжалъ изъ замка, и болѣе уже не возвращался.

II.

Юліанъ нанялся въ проходившую шайку искателей приключеній, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они увели его далеко — и чтобы жизнь его подвергалась опасностямъ.

Онъ узналъ и голодь и жажду, и недугъ горячки и всѣ безобразія нечистоты; онъ приучился къ грохоту битвъ, къ виду умиравшихъ людей. Кожа его заскорузла отъ вѣтра, члены отвердѣли отъ соприкосновенія ратныхъ доспѣховъ, онъ весь закалялся; а такъ какъ онъ отличался храбростью, силой, воздержаніемъ, смышленостью, то ему не трудно было достигнуть начальства надъ отдѣльнымъ отрядомъ.

Вступая въ битву, онъ, широкимъ взмахомъ меча, увлекалъ за собою солдатъ своихъ. Ночью взбирался онъ по узловатой веревкѣ на стѣны крѣпостей; вихорь раскачивалъ его, висающаго на воздухѣ; искры греческаго огня сыпались ему на латы, между тѣмъ какъ изъ бойницъ струились ручьи горячей смолы и расплавленнаго олова. Нерѣдко брошенный камень раздроблялъ его щитъ; мосты, обремененные людьми, проваливались подъ нимъ. Однажды, дѣйствуя своей тяжелой палицей, раздѣлился онъ съ дожиной всадниковъ. На поединкахъ побѣждалъ онъ всѣхъ своихъ противниковъ; много разъ считали его мертвымъ.

Но Божья милость всегда сохраняла его цѣлымъ и невредимымъ; ибо онъ оказывалъ покровительство духовнымъ особамъ, сиротамъ, вдовамъ, а особенно старикамъ. Когда ему случалось видѣть впереди себя старика, онъ всякій разъ окликала его, желая взглянуть ему въ лицо — и какъ-бы опасаясь убить его по ошибкѣ.

Бѣгле рабы, взбунтовавшіеся крестьяне, немущіе, незаконно-рожденные, всякаго рода смѣльчаки и голыши стекались подъ его знамена — и онъ составилъ себѣ значительное войско. Оно росло, онъ сталъ извѣстенъ; всѣ владѣтели старались вступить съ нимъ въ союзъ.

Онъ служилъ поочередно у англійскаго короля, у французскаго дофина, у іерусалимскихъ меченосцевъ, у парейнскаго «Сурены-царя», у абиссинскаго «Нэгуса», у каликутскаго императора. Онъ воевалъ съ скандинавами, покрытыми рыбьей чешуей, съ неграми, вооруженными круглыми щитами изъ бегемотовой кожи и бѣжавшими верхомъ на красныхъ ослахъ; съ золотокожими индусами, размахивавшими надъ своими вѣнцеобразными тиарами — длинными, какъ зеркала свергавшими саблями. Онъ побуждалъ троглодитовъ и людоедовъ. — Онъ прошелъ войною столь знойные края, что отъ дѣйствія солнечнаго жара волосы людей сами собою вспыхивали, какъ факелы — а другіе края столь холодные, что руки отдѣлялись отъ плечъ и падали на землю; онъ прошелъ еще страну, гдѣ царили такіе туманы, что воины подвигались впередъ, окруженные со всѣхъ сторонъ призраками.

Республики въ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ нему за совѣтомъ. При переговорахъ съ послами, онъ добивался неожиданно выгодныхъ условій. Если какой-либо монархъ велъ себя слишкомъ дурно, онъ внезапно являлся къ нему — и увѣщевалъ его. Онъ освобождалъ народы и избавлялъ королей, заключенныхъ въ башни. Не кто другой — а именно Юліанъ убилъ медіоланскую змѣю, караватицу и обербирбахскаго дракона.

Аввитанскій императоръ, восторжествовавъ надъ испанскими мусульманами, взялъ себѣ въ наложницы сестру Кордуанскаго халифа и прижилъ съ нею дочь, которую онъ воспиталъ въ христіанскомъ законѣ; но халифъ, показывая видъ, что желаетъ обратиться въ истинную вѣру, явился къ нему яво бы въ гости въ сопровожденіи многочисленной свиты; умертвилъ весь его гарнизонъ, а его самого посадилъ въ подземную тюрьму, и вообще обращался съ нимъ весьма жестоко, дабы вынудить у него признаніе, гдѣ онъ скрылъ свои сокровища.

Юліанъ послѣвши на помощь къ императору, уничтожилъ войско невѣрныхъ, убилъ халифа, отрубилъ ему голову и перекинулъ ее, какъ мячъ, за крѣпостной валъ. Затѣмъ онъ вывелъ изъ тюрьмы императора, и посадилъ его на престолъ въ присутствіи всего двора.

Императоръ, въ награду за такую услугу, поднесъ ему въ возрѣнѣ много денегъ: Юліанъ не захотѣлъ взять ихъ. Тогда, полагая, что онъ хочетъ больше, императоръ предложилъ ему три-четверти всѣхъ своихъ богатствъ, и снова получилъ отказъ. Тогда онъ попросилъ раздѣлить съ нимъ царство: Юліанъ поблагодарилъ, и не согласился. Императоръ даже заплакалъ съ досады, не зная, какимъ образомъ доказать ему благодарность; но вдругъ онъ ударилъ себя по лбу и шепнулъ словечко на ухо одному придворному.

Полы занавѣса на дверяхъ раздвинулись — и появилась молодая дѣвица.

Ея большіе черные очи свѣтились тихимъ и мягкимъ, лампаднымъ свѣтомъ; прелестная улыбка слегка распыривала ея уста. Ея длинныя волосы цѣплялись за алмазы, украшавшіе ея полураскрытое платье, а подъ прозрачной туникой понятнымъ, но тайнымъ намекомъ сказывалась сладостная юность ея дѣвческаго тѣла. Вся она была нѣжненькая, пухленькая, тоненькая.

Ослѣпленный ея появленіемъ, Юліанъ почувствовалъ очарованіе любви; оно было тѣмъ сильнѣе, что доселѣ онъ велъ жизнь весьма цѣломудренную.

Онъ женился на дочери императора — и взялъ за нею замокъ, доставшійся ей отъ матери. По окончаніи свадебнаго пира, новобрачные распростлились съ императоромъ, обмѣнявшись съ нимъ нескончаемыми заявленіями доброжелательства и дружбы.

Бѣломраморный дворецъ, въ которомъ Юліанъ поселился съ своей супругой, построенный на мавританскій ладъ, востышался на мысу вблизи морского залива, среди аэльсиновой рощи. Террасы, усаженные цвѣтами, спускались до самаго побережья, гдѣ розовыя раковины хрустѣли подъ ногами прохожихъ. Позади замка разстилался вѣромъ лѣсъ, небо надъ нимъ было постоянно лазурнаго цвѣта; деревья поочередно склонялись то подъ наплывомъ вѣтра, бѣжавшаго съ горъ, окаймлявшихъ небосклонъ — то подъ вѣяніемъ свѣжаго морского дыханья. Полутемныя комнаты дворца освѣщались вѣланными въ стѣны украшеніями изъ золота и драгоценныхъ камней. Высокія колонны, тонкія какъ тростникъ, подпирали своды вуполовъ, украшенныхъ выпуклой рѣзьбой, представлявшей подобіе пещерныхъ сталактитовъ; фонтаны били въ залахъ, мозаика выстилала дворы; всюду видѣлись прорѣзныя перегородки, тысячи другихъ архитектурныхъ изощреній и затѣй — и всюду царствовала такая тишина, что слышался шелестъ женской перевязи или дальній отзвукъ вздоха.

Юліанъ болѣе не воевалъ. Онъ отдыхалъ, окруженный мир-

нимъ народомъ — и каждый вечеръ проходила мимо него толпа, преклоняя колѣно и лобызая его руку, по восточному обычаю.

Одѣтый въ пурпуръ, сидѣлъ онъ, обловотившись, у окна — и вспоминалъ свои прежнія охоты. Ему хотѣлось бы преслѣдовать по пустынямъ сернь и страусовъ, караулить леопарда, скрываясь въ бамбуковой чащѣ, посѣщать лѣса, наполненные носорогами, взбираться на вершину недоступнѣйшихъ горъ, чтобы оттуда вѣрнѣе мѣтить въ пролетавшихъ орловъ — и на льдинахъ холодныхъ морей бороться съ бѣлыми медвѣдями.

Иногда во снѣ видѣлъ онъ себя праотцемъ Адамомъ — среди звѣрей — и, простерши руку, онъ ихъ всѣхъ умерщвлялъ; или же они проходили мимо, одни за другими, попарно, по росту, начиная со слоновъ и львовъ и кончая горностаями и утками, — какъ въ тотъ день, когда ихъ принялъ Ноевъ ковчегъ. Окутанный мракомъ глубокой пещеры, Юліанъ бросалъ въ нихъ свои неизмѣнныя копыя; но тогда являлись другіе звѣри — и такъ безъ конца... И онъ просыпался, свирѣпо вращая глазами.

Союзные съ нимъ принцы приглашали его на охоту — но онъ всегда отказывался, въ той надеждѣ, что подобной эпитиміей онъ отвратить отъ себя несчастье свое; ему казалось, что отъ умерщвленія животныхъ зависѣла судьба его родителей. Онъ скорбѣлъ, что не могъ увидаться съ ними, — а тѣ, другая его присуха — его охотничья страсть — становилась нестерпимой.

Жена, чтобы развлечь его, призывала фигляровъ и танцовщицъ. Въ открытыхъ носилкахъ прогуливалась она съ нимъ по полямъ — или, лежа въ челянѣ и прислонясь къ его краю, они смотрѣли вдвоемъ на рыбъ, игравшихъ въ свѣтлой, какъ небо, водѣ. Иногда бросала она ему цвѣты въ лицо — а не тѣ, прижорнувъ къ его ногамъ, наигрывала гѣсны на трѣхструнной лютнѣ; затѣмъ, положивъ скрещенныя руки ему на плечо, говорила робкимъ голосомъ: что съ вами, мой дорогой господинъ?

Онъ не отвѣчалъ или раздражался рыданьями; наконецъ однажды онъ признался въ ужасной мысли, которая его преслѣдовала.

Она стала оспаривать его — и ея доводы были разсудительны и толковы. Его отецъ и мать, вѣроятно, умерли. Если онъ когда либо ихъ увидитъ — то какими судьбами; съ какой стати совершить онъ такой гнусный поступокъ? — Стало-быть, его страхъ не имѣлъ основанія — и онъ долженъ снова начать охотиться.

Юліанъ съ улыбкой слушалъ ее — и все-таки не рѣшился удовлетворить свою страсть.

Въ одинъ августовскій вечеръ они оба находились въ спальнѣ.

Она только-что легла — а онъ сталь-было на колѣни, чтобы молиться — какъ вдругъ услышалъ вдали тавканіе лисицы, затѣмъ легкіе шаги подъ окномъ — и ему померещились въ тѣни какъ-бы очертанія звѣрей. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Онъ отцѣпилъ волчанъ со стѣны. Она изумилась.

— Я повинуюсь твоимъ совѣтамъ, — сказалъ онъ. — Къ восходу солнца я буду дома.

Однако она страшилась какого-нибудь пагубнаго приключенія. Онъ успокоилъ ее — и ушелъ, дивясь переменчивости ея настроенія.

Скоро послѣ того вошелъ въ спальню пажъ и доложилъ, что двое незнакомыхъ, за отсутствіемъ господина, желаютъ тотчасъ же видѣть госпожу.

И затѣмъ въ комнату вошли старикъ и старуха, сгорбленные, запыленные, въ холщевой одеждѣ. Каждый изъ нихъ опирался о палку.

Прибодрившись, они объявили, что принесли Юліану вѣсти объ его родителяхъ.

Госпожа выпрямилась на постели, готовясь ихъ выслушать.

Но, обмѣнявшись взглядами между собою, они спросили: помнить ли онъ родителей и говорить ли о нихъ иногда.

— О, да! — сказала она.

— Ну, такъ вѣдь это мы! И они оба сѣли, такъ какъ они запыхались и изнемогали отъ усталости.

Ничто не доказывало молодой женщинѣ, что супругъ ея былъ точно ихъ сынъ. Тогда, чтобы убѣдить ее, они описали особые знаки, которые онъ имѣлъ на тѣлѣ.

Она соскочила съ постели, позвала пажа — и имъ подали кушать. Хотя они очень были голодны, однако почти ничего не могли ѣсть, а она, стоя въ сторонѣ, замѣчала, какъ дрожали ихъ костлявыя руки, когда они брались за кубки.

Они закидали ее тысячами вопросовъ объ Юліанѣ; она на все отвѣчала, но скрыла однако ту зловѣщую мысль Юліана, которая ихъ касалась.

Они стали рассказывать, какъ, видя, что сынъ ихъ не возвращается, они покинули свой замокъ и пустились въ путь-дорогу, чтобы отыскать его; какъ бродили вотъ уже нѣсколько лѣтъ, руководствуясь неясными указаніями, не теряя надежды. Имъ столько пришлось заплатить денегъ, за переправы черезъ рѣки, да въ гостинницахъ, да на королевскія пошлины, а также на удовлетвореніе воровъ и грабителей, что кошелекъ ихъ опустѣлъ, и теперь они принуждены просить милостыню. Но они увѣрили,

что это не бѣда, такъ какъ, вѣдь, они теперь скоро обнимутъ сына.—Они радовались его счастью, что, вотъ, дескать, какую онъ добылъ себѣ миленькую жену;—не могли на нее довольно налюбоваться—и все ее цѣловали.

Пышность покая очень ихъ изумляла, и старикъ, осмотрѣвъ стѣны, спросилъ, отчего тутъ находится гербъ Аквитанскаго императора?

Она отвѣчала:

— Это отецъ мой.

Тогда онъ вздрогнулъ, вспомнивъ предсказаніе цыгана, а старухѣ пришло на умъ тѣ, что сказала ей отшельникъ. «Конечно», думала она, «слава сына ея только заря—предвѣстница небесной лучезарной славы»,—и оба они пребывали въ какомъ-то блаженномъ оцѣпенѣніи, подъ лучами канделябра, освѣщавшаго столъ.

Они, должно-быть, очень были красивы собою въ молодости. Мать сохранила еще всѣ свои волосы; ихъ тонкія пряди, подобныя снѣгу, спускались вдоль ея щекъ; а отецъ, по высовому росту и длинной бородѣ, походилъ на церковную статую.

Жена Юліана убѣдила ихъ не дожидаться его. Она сама уложила ихъ въ свою постель, закрыла окно—и они заснули. День ужъ наступалъ; за оконной рѣшеткой начинали щебетать раннія птички.

А Юліанъ, минуя паркъ, шагаль сильной поступью по лѣсу, наслаждаясь мягкостью травы и благоуханіемъ воздуха.

Длинные тѣни деревьевъ тянулись по моховымъ кочкамъ. Лунный свѣтъ пестрилъ лѣсныя поляны бѣлыми пятнами. Юліанъ нерѣшительно подвигался впередъ. То ему чудился отблескъ стоячей воды; то онъ не зналъ: что это передъ нимъ, трава, или поверхность недвижнаго болота?—Всюду царилъ глубокая тишина—и не видѣлъ онъ ни одного изъ звѣрей, недавно бродившихъ вокругъ его замка.

Лѣсъ сталъ гуще; темнота усилилась. Теплый, порывистый вѣтеръ приносилъ съ собою запахъ, отъ котораго кружится и слабѣетъ голова. Ноги Юліана погружались въ груды сухихъ листьевъ. Онъ прислонился къ дубу, чтобы перевести духъ.

Вдругъ изъ-за спины его выскочила темная масса... тѣ былъ кабанъ. Юліанъ не успѣлъ схватить свой лукъ, и это огорчило его, точно несчастье съ нимъ случилось.

Затѣмъ, выйдя изъ лѣса, замѣтилъ онъ волка, пробиравашагося вдоль плетня. Онъ пустилъ въ него стрѣлу.—Волкъ остановился, повернулъ голову, глянулъ на него—и продолжалъ свой путь.

Онъ трусилъ рысцою все въ одномъ и томъ же разстояніи отъ Юліана. По временамъ онъ останавливался, но лишь только Юліанъ въ него прицѣливался, онъ снова пускался на утѣкъ. Юліанъ прошелъ такимъ образомъ длинную-длинную равнину, затѣмъ песчаные холмы и очутился на плоскогоріи, повелѣвавшемъ значительнымъ пространствомъ окрестнаго края. Могильныя плиты были разсыяны тамъ между разрушенными склепами,— онъ спотыкался о мертвыя кости; кое-гдѣ жалобно торчали покосившіеся, источенные червями, деревянные кресты.

Но вотъ какіе-то образы зашевелились въ невѣрной тѣни могилъ—и изъ нея вышли гѣны, взбѣрошенные, испуганныя. Стуча когтями по плитамъ, подошли онѣ къ Юліану, протяжно звѣвая и обнажая свои дѣсны.

Онъ выхватилъ мечъ. Всѣ онѣ разомъ бросились прочь отъ него по всѣмъ направленіямъ—и, продолжая скакать своимъ то ропливымъ и хромымъ галопомъ, исчезли вдаль въ впадинахъ пыли.

Часть спустя, встрѣтилъ онъ въ оврагѣ бѣшеннаго быка: онъ склонилъ рога и скрѣбъ ногою землю. Юліанъ направилъ свое копые ему въ подгрудокъ: оно разлетѣлось въ дребезги—точно это животное было изъ мѣди. Онъ закрылъ глаза, ожидая смерти... Когда онъ ихъ открылъ—быкъ уже исчезъ.

Тогда онъ упалъ духомъ: онъ ощутилъ униженіе стыда. Высшая власть разрушала его силу. Онъ снова вошелъ въ лѣсъ, чтобы только поскорѣй вернуться домой.

Заглохлый лѣсъ весь заросъ лианами. Онъ началъ было рубить ихъ мечомъ, но вдругъ между ногъ его сволзнула кунца, барсъ перепрыгнувъ ему черезъ плечо и змѣя спиралью поползла вверхъ по стволу ясеня. Въ вѣтвяхъ его сидѣла чудовищная ворона и смотрѣла на Юліана; а тамъ и тутъ на деревьяхъ появилось множество широкихъ лучистыхъ искръ, точно сводъ небесный высыпалъ на лѣсъ всѣ свои звѣзды. То были зеницы звѣрей, дивныхъ кошечъ, бѣлобъ, филиновъ, попугаевъ, обезьянъ.

Юліанъ пустилъ въ нихъ свои стрѣлы. Оперенныя стрѣлы садились на листья, словно бѣллыя бабочки. Онъ началъ швырять въ нихъ камнями. Камни, никого не задѣвая, падали обратно на землю. Тогда онъ разразился проклятіями, готовъ былъ самого себя изувѣчить, задыхался отъ бѣшенства, произнесилъ неистовыя слова!

И всѣ животныя, за которыми онъ нѣкогда охотился, появились теперь и образовали вокругъ него тѣсный кругъ. Одни сидѣли на заднихъ лапахъ, другія вдымались во весь ростъ.

Онъ стоялъ среди ихъ, помертвѣвъ отъ ужаса; онъ не въ силахъ былъ пошевелинуться. Напрягши, наконецъ, послѣднюю волю свою, онъ ступилъ шагъ впередъ. Сидѣвшія на деревьяхъ развертали крылья, находившіяся на землѣ расправили свои члены— и всѣ послѣдовали за нимъ.

Гиены выступали впереди его, волкъ и кабанъ позади; справа, помахивая огромной головою, шель быкъ, а слѣва змѣя кольцеобразно ползла по травѣ, между тѣмъ какъ барсъ, выгибая спину, подвигался впередъ огромными, мягкими, неслышными шагами. Юліанъ шель такъ тихо, какъ только возможно, чтобы не раздражить звѣрей,—и видѣлъ, какъ изъ чащи появлялись дьявообразы, ехидны, чекалки, медвѣди.

Юліанъ побѣждалъ—и они побѣжали.

Змѣя шипѣла, вонючіе звѣри испускали слюну, кабанъ теръ ему пятерн своими клыками, волкъ бралъ по его ладони мохнатой мордой; обезьяны, кривляясь, щипали его; куница свертывалась въ клубокъ у его ногъ; медвѣдь, на-отмашъ, сбилъ ему лапой шляпу съ головы; а барсъ презрительно уронилъ стрѣлу, которую держалъ въ пасти. Чувствовалась злая насмѣшка въ ухваткахъ звѣрей,—и, исвоя поглядывая на него своими прищуренными зрачками, они, казалось, обдумывали планъ мести. Оглушенный жужжаніемъ насекомыхъ, ошеломленный ударами птичьихъ хвостовъ, задыхаясь ото всѣхъ этихъ испареній и дыханій, Юліанъ шель съ закрытыми глазами, простирая руки впередъ, какъ слѣпой, не имѣя даже силы молить о пощадѣ. Вдругъ крикъ пѣтуха пронесся въ воздухъ; другіе пѣтухи отделились. Наступало утро—и онъ узналъ надъ верхушками апельсиновыхъ деревьевъ конекъ кровли на своемъ дворцѣ.

Затѣмъ на окраинѣ поля увидѣлъ онъ въ трехъ шагахъ отъ себя красныхъ куропатокъ, перепархивавшихъ по жневью. Онъ растегнулъ застежку воротника—и бросилъ на нихъ свой плащъ. Когда онъ его приподнялъ—то увидѣлъ только одну куропатку, давно уже вздохшую, сгнившую.

Этотъ обманъ раздражилъ его болѣе, чѣмъ всѣ остальные. Жажда бойни, рѣвни, снова владѣла имъ—и за немѣннѣемъ звѣрей онъ готовъ былъ убивать людей. Онъ быстро пробѣжалъ всѣ три террасы своего дворца, кулакомъ вышибъ дверь—но на лѣстницѣ воспоминаніе о милой женѣ смягчило его сердце.— Она, вѣроятно, спитъ; онъ обрадуется ее своимъ появленіемъ.

Сбросивъ сандалии, тихо повернулъ онъ ручку замка и вошелъ въ спальню. Расписныя стекла въ свинцовой оправѣ затемняли блѣдноватый свѣтъ зари. Юліанъ запутался въ платьѣ,

лежавшемъ на полу; немного далѣе онъ натолкнулся на столъ, уставленный посудой.—«Знать, она ужинала»,—подумалъ онъ, подвигаясь къ кровати, скрытой въ самой темной глубинѣ комнаты. Остановившись у края кровати, онъ, чтобы поцѣловать жену, нагнулся къ подушкѣ, на которой рядышкомъ покоились двѣ головы.—Онъ почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновеніе бороды.

Онъ отскочилъ, полагая, что сходитъ съ ума. Однако онъ снова вернулся къ кровати — и пальцы его ощупью восхулились длинныхъ волосъ. А! это жена!—Чтобы удостовѣриться въ своей прежней ошибкѣ, онъ медленно провелъ рукою по подушкѣ... Что это?—Борода! Борода мужчины! Мужчина лежалъ возлѣ его жены!

Въ испугленномъ, безграничномъ гнѣвѣ онъ накинулся съ кинжаломъ на эту чету... Съ пѣной во рту, топая ногами, рыча какъ дикій звѣрь, онъ наносилъ удары... Потомъ затихъ. Оба спавшихъ, тотчасъ же пораженные въ самое сердце, и не шелохнулись. Онъ внимательно прислушивался къ ихъ почти одинаковому хрипѣнію — и по мѣрѣ того, какъ оно ослабѣвало — другой голосъ вдали какъ-бы продолжалъ этотъ страшный звукъ. Сначала едва внятный, голосъ этотъ, жалобный, завывающій, приблизился, вздулся, залился какимъ-то жестокимъ, беспощаднымъ стenanіемъ — и Юліанъ, окаменѣвъ отъ ужаса, узналъ въ немъ предсмертный рыкъ стараго чернаго оленя!

Онъ повернулся наконецъ — и ему представился въ дверяхъ призракъ его жены со свѣчей въ рукѣ.

Шумъ совершаемаго убійства привлечь ее.—Однимъ взглядомъ поняла она все — и въ перепугѣ страха, бросилась бѣжать, уронивъ на полъ свѣчу.

Онъ поднималъ эту свѣчу. Отецъ и мать его лежали передъ нимъ на спинѣ съ прободенной грудью — и ихъ величественно кроткія лица, казалось, хранили вѣчную тайну. Кровавыя брызги, кровавыя лужи зіяли по ихъ бѣлымъ тѣламъ, по простынѣ, одѣялу, по полу — даже вдоль висѣвшаго въ альковѣ Христа изъ слоновой кости видѣлась кровь. Алый отблескъ оконнаго стекла, въ которое въ это мгновеніе ударило солнце, освѣщало эти красныя пятна, и разбрасывало еще много другихъ по всей комнатѣ. Юліанъ подошелъ къ обонимъ мертвецамъ, убѣждая себя, силясь вѣрить, что это невозможно, что онъ ошибся, что бываютъ же такія удивительныя сходства! Онъ слегка наклонился, чтобы какъ можно ближе разсмотрѣть старика — и увидѣлъ подъ не вполне закрытою вѣлкою потухшій зрачокъ, прожегшій его какъ-бы огнемъ. Затѣмъ онъ обошелъ постель, и приблизился къ сто-

ронѣ, гдѣ лежалъ другой трупъ... Бѣлые волосы прикрывали часть лица.—Юліанъ отстранилъ ихъ пальцами—поднялъ голову матери—и долго смотрѣлъ на нее, поддерживая эту голову своимъ концомъ ооченѣвшей руки, въ другой онъ держалъ свѣчу—и свѣтилъ себѣ ею. Кровь сочилась съ тѣщака—и капля за каплей съ слабымъ стукомъ падала на полъ.

Подъ вечеръ онъ явился къ женѣ—и какимъ-то чужимъ, не своимъ голосомъ велѣлъ ей, во-первыхъ, не отвѣчать ему, не подходить къ нему, даже не глядѣть на него, а во-вторыхъ, подѣ страхомъ проклятыя, исполнить всѣ его приказанія, которыя должны быть ненарушимы.

Похороны слѣдовало устроить, согласно письменному предписанію, оставленному имъ на аналоѣ въ комнатѣ покойниковъ. Юліанъ завѣщалъ женѣ свой замокъ, своихъ вассаловъ, все имущество свое—не удержавъ за собою даже той одежды, которая была на немъ—ни даже сандалій, которыя жена должна была найти на верху лѣстницы. Ставши невольной причиной его преступленія, она исполнила Божью волю—и должна молиться за упокой его души, такъ какъ съ этого дня онъ уже больше не существуетъ.

Покойниковъ съ пышностью похоронили въ монастырской церкви, отстоявшей на три перехода отъ замка. Монахъ, со спущеннымъ на лицо капюшономъ, слѣдовалъ издали за похоронной процессіей; никто не дерзалъ заговорить съ нимъ.

Въ продолженіи всей обѣдни лежалъ онъ ничкомъ у главнаго входа, съ распростертыми крестообразно руками, не поднимая головы изъ праха.

Послѣ погребенія онъ отправился по дорогѣ, ведущей въ горы. Онъ нѣсколько разъ оборачивался и, наконецъ, исчезъ.

III.

Юліанъ странствовалъ по міру, питаясь подаяніемъ. — На проѣзжихъ дорогахъ протягивалъ онъ руку всадникамъ, съ вольнопреклоненіемъ подходилъ къ жнецамъ—или же неподвижно стоялъ у рѣшетокъ дворовъ—и лицо его было такъ печально, что никто не отказывалъ ему въ милостынѣ.

Побуждаемый самоуничженіемъ, рассказывалъ онъ свою страшную повѣсть. Тогда всѣ осѣняли себя крестомъ и отдалялись отъ него. Когда же онъ возвращался въ деревню, въ которой ему уже разъ пришлось побывать, его встрѣчали угрозами, запирали

передъ нимъ двери, швыряли въ него камнями. Самые милосердые ставили ковшъ воды на край окна—и закрывали ставни, чтобы его не видѣть.

Отринутый всѣми, онъ сталъ избѣгать людей и питался кореньями, надалицей и ракушками, которыя собиралъ на плоскихъ песчаныхъ берегахъ.

Иногда съ высоты востгора онъ внезапно видѣлъ передъ собою массу скученныхъ крыши города, каменные колокольни, мосты, башни, скрещенныя темныя улицы, откуда доносился до него непрерывный гамъ. Потребность принять участіе въ жизни другихъ людей побуждала его спуститься въ городъ. Но грубое выраженіе лицъ, шумъ станковъ, безучастность рѣчей леденяли его сердце. Въ праздничные дни, когда колокольный благовѣстъ соборовъ съ самой зарю радостно настраивалъ народъ, онъ смотрѣлъ на жителей, выходявшихъ изъ своихъ домовъ, на хоровыя пляски посреди площадей, на фонтаны, струившіеся пивомъ по перекресткамъ, на дворцы принцевъ, украшенные обоями и коврами; а когда наступалъ вечеръ, заглядывалъ утравой въ окна нижнихъ этажей: тамъ, за длинными, семейными столами, сидѣли дѣды, держа маленькихъ внуковъ на колѣняхъ.—Рыданья душили его—и онъ снова уходилъ въ поле.

Съ невольнымъ порывомъ любовныхъ чувствъ слѣдилъ онъ взоромъ за пасшинами по лугамъ жеребятами, за пташками, сидѣвшими въ своихъ гнѣздахъ, за золотокрылыми насѣкомыми, отдыхавшими на цвѣтахъ. Но всѣ животныя, при его приближеніи, либо убѣгали прочь, либо пугливо прятались, либо торопливо улетали.

Онъ снова сталъ искать уединенныхъ мѣстъ; но вѣтеръ приносилъ его слуху какъ-бы предсмертный хрипъ; роса, падая на землю, напоминала ему другія, болѣе тяжелыя капли; солнце каждый вечеръ окрашивало кровью облака—и каждую ночь, во снѣ, повторялось ужасное отцеубійство.

Онъ спилъ себѣ власяницу, усѣянную желѣзными остріями; на колѣняхъ всползалъ до часовень, стоявшихъ на вершинахъ холмовъ; но безжалостное воспоминаніе омрачало пышность священныхъ храмовъ, терзало его даже посреди суровыхъ истязаній добровольныхъ мукъ покаянія.

Онъ не ропталъ на Бога за то, что Онъ присудилъ ему совершить тотъ поступокъ—и однако приходилъ въ отчаяніе при мысли, что онъ могъ его совершить.

Его собственная особа внушала ему такое отвращеніе, что, въ надеждѣ избавиться отъ нея, онъ подвергалъ себя опасностямъ. Онъ спасалъ разбитыхъ параличомъ изъ пламени пожаровъ, пут-

низовъ со дна глубокихъ пропастей. Пропась извергала его обратно, пламя щадило его.

Время не утишило его страданій; онѣ сдѣлались невыносимыми: онъ рѣшился умереть.

Однажды, стоя на краю колодца, онъ нагнулся, чтобы глазомъ измѣрить глубину воды—и увидѣлъ передъ собою исхудалаго старика съ бѣлой бородою,—старика такого жалкаго и горькаго, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Тотъ тоже заплакалъ. Не узнавая себя, Юліанъ смутно припоминалъ лицо, похожее на это. Вдругъ онъ вскрикнулъ:—Да вѣдь это отецъ!—Послѣ того онъ уже болѣе не помышлялъ о самоубійствѣ.

Влача съ собою тяжелое бремя своего воспоминанія, онъ прошелъ много странъ—и добрель, наконецъ, до одной рѣки, переправа черезъ которую считалась опасной, вслѣдствіе быстроты течения и вязкой тины, покрывавшей оба берега на значительное разстояніе. Давно уже никто не отваживался переѣзжать эту рѣку.

Старая лодка, съ загрязшей кормой, выдвигала носъ свой изъ камышей. Юліанъ, осмотрѣвъ ее, нашель пару весель—и ему пришла въ голову мысль посвятить жвѣнь свою на служеніе другимъ.

Онъ началъ съ того, что устроилъ на одномъ берегу нѣчто въ родѣ насыпи, по которой можно было спускаться до самаго фарватера. Онъ обломалъ себѣ ногти, выворачивая огромные камни; онъ перетаскивалъ ихъ, опирая ихъ о свой животъ. Ноги его скользили по тинѣ, вязли въ ней—и нѣсколько разъ онъ былъ близокъ къ гибели.

Затѣмъ онъ исправилъ лодку, пользуясь корабельными обломками, и соорудилъ себѣ шалашъ изъ глины и древесныхъ стволовъ. Лишь только узнали о возобновеніи переправы, появились и путники. Они призывали Юліана съ другого берега, махая значками. Онъ тотчасъ, живо, вскакивалъ въ лодку. Очень она была грузна, а ее еще переполняли всякой поклажей и тяжестями, не считая вьючныхъ животныхъ, которыя брыкались отъ страха и тѣмъ еще болѣе ее загромождали. Юліанъ ничего не просилъ за свой трудъ: нѣкоторые давали ему остатки припасовъ, которые вынимали изъ котомокъ своихъ, или же изношенную ненужную болѣе одежду. Люди грубые бранились и богохульствовали; Юліанъ съ кротостью выговаривалъ имъ. Они отвѣчали ему ругательствомъ; онъ довольствовался тѣмъ, что благословлялъ ихъ.

Маленькій столикъ, скамья, ворохъ сухихъ листьевъ вмѣсто ложа, нѣсколько глиняныхъ чашекъ—вотъ въ чемъ состояла вся

его утварь. Два отверстія въ стѣнѣ служили за-мѣсто оконъ. Съ одной стороны тянулись бесплодныя равнины, усѣянныя мелкими лужами бѣлѣсоватаго цвѣта; съ другой—большая рѣка катила свои мутно-зеленыя волны; весной—сырая земля издавала запахъ гнили; лѣтомъ безпокойный вѣтеръ поднималъ вихри пыли. Всюду проникала эта пыль, грязнила воду, скрежетала подъ зубами. Немного позже появлялись цѣлыя тучи комаровъ—и жужжаніе и жаленіе не превращались ни днемъ, ни ночью; а тамъ наступали жестокіе морозы, придававшіе мертвенную жѣсткость камня всѣмъ предметамъ и возбуждавшіе въ людяхъ неистовую потребность ѣсть мясо.

По цѣлымъ мѣсяцамъ Юліанъ никого не видѣлъ. Часто онъ закрывалъ глаза, стараясь перенестись памятью въ свою молодость. Дворъ большого замка возникалъ передъ нимъ, съ борзыми собаками на крыльцѣ, со множествомъ слугъ въ ружейной залѣ, а въ виноградной бесѣдѣ появлялся бѣлокурый отрокъ рядомъ со старикомъ, покрытымъ мѣховою одеждою—и съ дамою въ высокомъ шлеме. Но вдругъ все исчезало, и Юліанъ видѣлъ только тѣ два трупа. Тогда онъ бросался ничкомъ на свое ложе, повторялъ, рыдая:—Ахъ, бѣдный отецъ! бѣдная мать! бѣдная мать!—и засыпалъ, преслѣдуемый и во снѣ этими могильными видѣньями.

Однажды почью, онъ спалъ... И вдругъ ему почудилось, что кто-то звалъ его. Онъ принялъ ухомъ... но одинъ лишь ревъ сердитыхъ волнъ наполнялъ его слухъ.

Однако тотъ же голосъ повторилъ: Юліанъ! Онъ доносился съ того берега, чтó, по ширинѣ рѣки, показалось Юліану удивительнымъ.

Въ третій разъ кто-то крикнулъ: Юліанъ! Громкій голосъ звенѣлъ словно колоколъ церковный.

Засвѣтивъ фонарь, Юліанъ вышелъ изъ шалаша. Бѣшеная буря потрясала ночной воздухъ. Мгла была глубокая; мѣстами бѣлизна скакавшихъ волнъ разрывала черныя занавѣсы этой мглы.

Послѣ минутнаго колебанія, Юліанъ отвязалъ канатъ. Рѣка тотчасъ же стихла; лодка быстро скользнула по ней—и причалила къ тому берегу, гдѣ стоялъ человѣкъ, ожидая.

Онъ былъ закутанъ въ рваную холстину, лицо походило на гипсовую маску, а глаза горѣли ярче угольевъ. Приблизивъ къ нему свой фонарь, Юліанъ увидѣлъ, что отвратительная проказа покрывала все его тѣло; однако во всей его осанкѣ сказывалось какъ-бы царственное величіе. Лишь только этотъ человѣкъ вошелъ въ лодку, она необычайно погрузилась въ воду, подавлен-

ная его тяжестью; но сильный толчок снова привелъ ее въ равновѣсіе, — и Юліанъ принялся грести.

Съ каждымъ взмахомъ весель прибой волнъ поднималъ носъ лодки. Вода, чернѣе чернилъ, бѣшено мчалась вдоль обоихъ бортовъ, она рыла пропасти, вздымалась горами — и лодка то прыгала по нимъ, то спускалась въ самую глубь водныхъ разсѣлинъ, гдѣ кружилась какъ щепка подъ ударами вихря.

Юліанъ наклонялся впередъ, выдвигалъ упруго руки, — и крѣпко упирался въ дно ногами, откидывался назадъ, перегибая и перекатывая станъ, чтобы придать себѣ больше силы. Градъ хлесталъ по его пальцамъ; дождь заливался ему за спину; яростный вѣтеръ душилъ его, захватывая его дыханіе. Онъ опустилъ руки въ изнеможеніи. Тогда лодку понесло по теченію. Но понимая, что адѣсь дѣло шло о чемъ-то очень важномъ, о приказаніи, котораго нельзя было ослушаться, онъ снова взялся за весла, и щелканіе уключинъ снова послышалось сквозъ ревъ бури.

Его фонарикъ свѣтилъ передъ нимъ, на носу лодки. Птицы, кружась и налетая, то и дѣло скрывали онъ него этотъ слабый свѣтъ. Но Юліанъ постоянно видѣлъ зрачки проваженнаго, который стоялъ на кормѣ неподвижно, какъ столбъ... И это продолжалось такъ много... много времени.

Когда они вошли въ шалашъ, Юліанъ заперъ дверь, и вдругъ увидѣлъ своего спутника уже сидѣвшаго на скамьѣ. Подобіе савана, прикрывавшее его, спустилось до лядвей: худыя плечи, грудь и руки исчезали подъ чешуйками гноевыхъ прыщей. Огромныя морщины бороздили его лобъ. Въмѣсто носа, у него, какъ у скелета, была дыра, а изъ синеватыхъ губъ отдѣлялось злобонное, какъ туманъ густое, дыханіе.

— Я голоденъ, — сказалъ онъ.

Юліанъ подаль ему, что имѣлъ: кусокъ стараго сала и корку чернаго хлѣба.

Когда тотъ все это сожралъ, — на столѣ, на ковшѣ, на ручьѣ ножа показались тѣ же пятна, которыми его тѣло было покрыто.

Затѣмъ онъ сказалъ: я жажду!

Юліанъ досталъ свою кружку, и когда онъ ее взялъ въ руки, изъ нея распространился вдругъ такой запахъ, что душа его разверзлась, ноздри расширились! То было вино... Какая находка! Но проваженный простеръ руку, и залпомъ выпилъ всю кружку.

Тогда онъ сказалъ: мнѣ холодно!

Юліанъ зажегъ свѣчой кучу хвороста, среди шалаша.

Проваженный сталъ грѣться. Но сидя на корточкахъ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ видимо ослабѣвалъ; глаза его пере-

стали блестятъ, сукровица потекла изъ ранъ, и почти угасшимъ голосомъ онъ прошепталъ:

— На твою постель!

Юліанъ осторожно помогъ ему добраться до нея, и даже накрылъ его парусомъ своей лодки.

Прокаженный стоналъ. Приподнятыя губы выказывали рядъ темныхъ зубовъ; учащенный хрипъ потрясалъ его грудь, — и при каждомъ вдыханіи животъ его подводило до спинныхъ позвонковъ.

Затѣмъ онъ закрылъ вѣки.

— Точно ледъ въ моихъ костяхъ! Ложись возлѣ меня!

И Юліанъ, отвернувъ парусъ, легъ на сухіе листья, рядомъ съ нимъ, бокъ-о-бокъ.

Но прокаженный повернулъ голову.

— Раздѣйся, дабы я почувствовалъ теплоту твоего тѣла!

Юліанъ снялъ свою одежду; затѣмъ нагой, какъ въ день своего рожденія, снова легъ онъ на постель, и почувствовалъ привосновеніе кожи прокаженного къ бедру своему; она была холоднѣйшій замѣной кожи и шероховата какъ шила.

Юліанъ пытался ободрить его, но тотъ отвѣчалъ, задыхаясь:

— Ахъ, я умираю! Приблизься! Отогрѣй меня, не руками, а всѣмъ существомъ твоимъ!

Юліанъ совсѣмъ легъ на него, ртомъ къ рту, грудью къ груди.

Тогда прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ, и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его ноздрей стало свѣжѣй и сладостнѣй благовопія розы; изъ очага поднялось облачко ладана, и волны рѣки заплѣли дивную пѣснь. Восторгъ неизъяснимый, нечеловѣческая радость, какъ-бы спустившись съ небесной вышины, затонили душу обомлѣвшаго отъ блаженства Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросъ, выросъ, касаясь руками и ногами обѣихъ стѣнъ шалаша. Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь, лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ — уносившимъ его въ небо.

Такова легенда о св. Юліанѣ милостивомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, она изображена на старинномъ расписномъ окнѣ въ одной изъ церквей моей родины.

Г. Фловѣръ.

ПЛАВАНІЕ ПО ЕНИСЕЮ

ВЪ 1876 ГОДУ *).

Мы отплыли изъ Тромсё ¹⁾, 25 іюля, на пароходъ «Имеръ». Держась первоначально вдоль береговъ, мы проѣхали мимо Маазё, небольшого поселенія, расположеннаго въ нѣсколькихъ миляхъ на югъ отъ Нордкапа. Маазё, резиденція одного торговца и нѣсколькихъ десятковъ семей рыбаковъ, имѣеть церковь, больницу, священника и доктора, такъ что это поселеніе образуетъ крайній авангардъ европейской цивилизаціи на сѣверѣ. Тамъ высадили мы д-ра Кильмана, который долженъ былъ, въ то время какъ главная экспедиція направится къ Енисею, предпринять въ этихъ мѣстахъ цѣлый рядъ наблюденій надъ морскими водорослями, долженствовавшихъ служить дополненіемъ къ такому же рода изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ этимъ ученымъ сначала въ 1872—73 гг. — на Шницбергенѣ, затѣмъ въ 1875 — на берегахъ Новой-Земли. Надѣюсь впоследствии представить отчетъ объ интересныхъ результатахъ, добытыхъ имъ.

*) Оригиналъ этого дневника, на французскомъ языкѣ, былъ сообщенъ авторомъ въ географическія общества Лондона и Париза, а копія съ него доставлена намъ, съ согласія автора, г-мъ А. Сибиряковымъ. — *Ред.*

¹⁾ Въ сѣверной Норвегіи, на берегу Ледовитаго океана.

«Имеръ» простоялъ въ Маазѣ только пока не высадили д-ра Кильмана, его вещи и инструменты, потомъ продолжалъ свой путь на востокъ. Вскорѣ мы обогнули Нордкапъ. Тогда мы направились въ Первосмотрѣнной Горѣ, высота которой около двухъ или трехъ тысячъ футь. Она находится подъ 73° сѣверной широты на восточномъ берегу Новой-Земли и видна издали. Уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ рыбаки сѣверныхъ равнинъ Россіи считали эту гору—и до сихъ поръ, быть можетъ, считаютъ ее—передовой вершиной высочайшей въ свѣтѣ цѣпи горъ и уже болѣе полувѣка тому назадъ получила она свое знаменательное прозвище отъ знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ, русскаго адмирала графа Литке.

Воспользовавшись благоприятнымъ вѣтромъ, спокойнымъ и вполне свободнымъ отъ льдовъ моремъ, мы подплыли къ этой горѣ всего три дня спустя послѣ того какъ оставили Нордкапъ. Но вскорѣ затѣмъ насъ задержалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ густой туманъ, только 30-го числа разсѣявшійся настолько, чтобы позволить намъ вступить въ длинный, узкій, но глубокій Маточинъ-проливъ, который непосредственно на сѣверъ отъ 73° широты раздѣляетъ Новую-Землю отъ запада на востокъ. При входѣ стояли на якорѣ два русскіихъ судна. Мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ это водится при подобныхъ встрѣчахъ въ ледовитыхъ моряхъ, на счетъ льдовъ, охоты и пр. Русскіе рыбаки сообщили намъ, что они находятся въ этой мѣстности затѣмъ, чтобы охотиться за сѣвернымъ оленемъ и ловить бѣлугу и сомовъ. Дѣйствительно, эта послѣдняя рыба встрѣчается въ устьяхъ рѣкъ Новой-Земли безчисленными стадами и составляетъ предметъ періодической и очень выгодной ловли. Но до этой минуты ловля была не очень уснѣшна. Такимъ образомъ поймали всего лишь нѣсколько сомовъ, которые были подарены намъ вмѣсто хлѣба-соли, любезность, за которую мы поспѣшили отплатить въ свою очередь. Такъ какъ въ предыдущемъ году намъ не удалось достать нѣсколькихъ экземпляровъ разновидности этой великолѣпной рыбы, которая водится на Новой-Землѣ, то подарокъ былъ особенно пріятенъ для зоолога экспедиціи, и онъ воспользовался имъ для своихъ коллекцій въ ущербъ интересамъ кухни.

Вскорѣ затѣмъ мы направились въ восточной части пролива, гдѣ и бросили якорь, на двадцать-четыре часа, въ бухтѣ, расположенной на сѣверномъ берегу и хорошо защищенной отъ вѣтра. Она называется бухта Бѣлуша. По обыкновенію, все время было

посвящено натуралистами экспедиціи долѣ морскихъ животныхъ, геологическимъ экскурсіямъ и пр.

Мы снялись съ явора 31-го іюля, послѣ полудня. Два часа спустя «Имерь» покинулъ Маточинъ-проливъ и проинѣ въ Карское-море. До сихъ поръ намъ понадалось лишь нѣсколько отдѣльныхъ льдинъ, и то въ небольшомъ количествѣ; теченіе увлекло ихъ къ восточной части пролива. Когда мы доплыли до устья, то увидѣли, что Карское-море свободно отъ льдовъ. Мы могли, слѣдовательно, надѣяться, что оно и дальше свободно отъ нихъ. Но вскорѣ увидѣли на востокъ признакъ, обычно предвѣщающій ледъ, — бѣловатый свѣтъ, отражаемый слоями воздуха, ближайшими къ горизонту; нѣсколько часовъ спустя намъ стали попадаться льдины, и наконецъ все море оказалось покрытымъ ими. Тщетно искать я болѣе свободного пути къ югу; тамъ также «Имерь» не замедилъ наткнуться на гряду льдовъ. Необходимость заставила вернуться въ Маточинъ-проливъ, чтобы поискать въ его восточномъ устьѣ удобное мѣсто для стоянки на яворѣ въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Чтобы быть поближе къ выходу пролива, и имѣть такимъ образомъ возможность наблюдать за положеніемъ льдовъ, я бросилъ яворъ у мыса, расположеннаго въ равномъ почти разстояніи отъ устья и отъ Губиной бухты. Недалеко отсюда видѣется обвалившаяся русская изба и на картахъ это мѣсто обозначается, какъ анимовъ Росмыслова въ 1768—69 г.

Въ этихъ широтахъ море богато безпозвоночными животными, а страна холодна и бѣдна. Горы состоятъ изъ пластовъ глинистаго сланца, по всей вѣроятности кембрійской формаціи, и изъ залежей сѣраго доломита. Я тщетно искалъ огаменѣлостей. За то въ немъ зачастую попадались жилы кварца, съ безчисленными углубленіями, покрытыми кристаллами, блескъ вторыхъ подалъ поводъ къ рассказамъ несчастнаго Чиракина, утверждавшаго, что онъ видѣлъ здѣсь самыя рѣдкіе и самыя драгоценныя каменья. Въ этихъ рассказахъ его горько упредали послѣ его смерти Росмысловъ, который позднѣ являлся сюда на розыски, понятно, безуспѣшные, мнимыхъ сокровищъ.

Въ этомъ отношеніи эта часть Новой-Земли представляетъ большой геологическій интересъ. Здѣсь, дѣйствительно, берегъ образуетъ семь террасъ, волиѣ отличныхъ одна отъ другой и показывающихъ, что въ послѣднюю геологическую эпоху страна была приподнята почти на 500 футъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Гренландіи, гдѣ въ теченіи послѣднихъ вѣковъ про-

изошло замѣтное пониженіе, такое повышеніе замѣчается почти во всѣхъ арктическихъ странахъ. Это повышеніе играло, безъ сомнѣнія, крайне важную роль въ великихъ геологическихъ переломкахъ по окончаніи третичной эпохи.

5-го августа, въ 4 часа утра, мы снова снялись съ явора и вступили въ Карское море. Въ предыдущіе дни не дуло сильнаго вѣтра ни съ запада, ни съ юга, такъ что мы еще не могли надѣяться найти море свободнымъ отъ льдовъ по направленію къ востоку. Между тѣмъ широкая полоса воды, свободная отъ льдовъ, образовалась вдоль восточнаго берега Новой Земли. Я рѣшилъ воспользоваться ею, чтобы поискать къ югу прохода въ этотъ морѣ, которое въ нынѣшнемъ году казалось болѣе обыкновеннаго загорожено льдомъ. Между тѣмъ всѣ льдины уже были разорваны, и очевидно, что онѣ должны были растаять въ остальную половину лѣта.

Маточкинъ-проливъ окаймленъ высокими горами съ крутыми пиками, которыя простираются внутрь острова на разстояніи 50 километровъ къ югу отъ пролива. Далѣе, по направленію къ Вайгачу, горы исчезаютъ и страна превращается въ гладкую равнину, лѣтомъ обнаженную отъ снѣга и постепенно понижающуюся къ восточному берегу и Карскому проходу.

Благодаря тихой и ясной погодѣ, «Имеръ» быстро подвигался вдоль береговъ, такъ что уже 6-го августа мы достигли Карскаго прохода. Тутъ мы сдѣлали новую попытку пройти прямо въ Ялмалъ. Но и на этотъ разъ намъ опять помѣшали льды и густой туманъ, который дѣлалъ плаваніе между льдами крайне затруднительнымъ. Зачастую я вынужденъ былъ держать «Имеръ» среди тумановъ на мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Весьма неприятое замедленіе, утѣшительное только съ той стороны, что представляло случай для зоологическихъ и гидрографическихъ занятій. Когда туманъ уменьшился, мы продолжали нашъ путь, держась по возможности береговой гряды. Вскорѣ эта послѣдняя повернула по направленію къ востоку, и будь ясная погода, мы бы по всей вѣроятности уже на слѣдующій день достигли противоположнаго берега. Въ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, намъ пришлось употребить на это четыре дня, такъ что мы только 10-го августа достигли мыса Бѣлупи (71°4' сѣвер. шир.), на западѣ полуострова Ялмала.

Оттуда море было вдоль всего берега покрыто льдинами, которыя были однако такъ разбросаны, что не могли мѣшать намъ продолжать свой путь, лежавшій теперь къ сѣверу. Въ нѣсколь-

вить мѣстакъ однако путь намъ былъ преграждаемъ широкими градами льда, и при этомъ плаваніе затруднилось также и туманомъ, настолько густымъ, что невозможно было судить о протяженіи и положеніи льдовъ. Пытаясь пробраться черезъ одну такую гряду, шириной всего лишь въ нѣсколько сотенъ метровъ, «Имеръ» былъ вдругъ затертъ нѣсколькими старыми льдинами, очень крѣпкими, смѣнявшимися съ льдомъ нынѣшняго года, гораздо болѣе тонкимъ и не такимъ плотнымъ. Это происходило 10-го, около полудня. Мы высвободились послѣ 24-хъ-часового заключенія, но опять съ южной, а не съ сѣверной стороны, гдѣ гряда льдовъ продолжала преграждать намъ путь. Туманъ, впрочемъ, не давалъ судить о протяженіи этой гряды льдовъ и, слѣдовательно, нельзя было обогнуть ее, что, при другихъ обстоятельствахъ, по всей вѣроятности, не представляло бы затрудненій и не причинило бы слишкомъ большой потери времени.

Наконецъ, 12-го въ полдень, гряда льдовъ разсѣялась настолько, что позволила «Имеру» плыть далѣе. Послѣ этого, море все болѣе и болѣе освобождалось отъ льдовъ, такъ что мы могли безъ новыхъ ангажовъ продолжать свой путь. Три дня спустя, обогнувъ Бѣлый-островъ и перешлыъ Обскую губу, мы вступили въ устье Енисея.

Мы увидѣли землю 15-го числа нѣвольными часами раньше, чѣмъ ожидали. Сначала я приписывалъ это обстоятельство вліянію восточнаго течения въ тѣхъ частяхъ Карскаго-моря, которыя мы проѣзжали въ предыдущіе дни. Но, подойдя поближе, я былъ весьма удивленъ, увидя передъ собой равнину совершенно плоскую, безъ признака горы, хотя я зналъ изъ личныхъ наблюденій прошлаго года, что цѣпь холмовъ, — правда, весьма невысокихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ, — тянется вдоль тундры на сѣверо-востокъ отъ устья Енисея. Мы не видѣли также ни одной изъ безчисленныхъ подводныхъ скалъ, окружающихъ портъ Диксонъ. Тѣмъ не менѣе, мы продолжали плыть вверхъ по рѣкѣ, держась берега, — и, четыре или пять часовъ спустя, вдругъ получили совсѣмъ неожиданное объясненіе только-что сообщенному мною факту. Мы убѣдились, что широкое устье (100 километровъ) Енисея раздѣляется на двѣ части островомъ, длиною около 50 километровъ, который, повидимому, остался невѣдомымъ какъ русскимъ картографамъ, такъ и мѣстнымъ жителямъ. Что этотъ островъ не былъ замѣченъ раньше, это, очевидно, зависитъ оттого, что его не видать съ берега, котораго, повидимому, всегда держались небольшо-

численныя суда, посѣщавшія эту часть рѣки. По двумъ сторонамъ острова фарватеръ глубокъ и свободенъ отъ мелей.

Этотъ новый большой островъ будетъ, очевидно, очень полезенъ для навигаціи въ этихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе того, что представляетъ защиту отъ вѣтра и прибоя волнъ съ сѣверо-запада, для судовъ, идущихъ вверхъ къ устью рѣки. Я назвалъ этотъ островъ — островомъ Сибирикова, по имени горячаго и волеодушнаго организатора различныхъ сибирскихъ экспедицій этого года.

Продолжая плыть вверхъ по рѣкѣ, мы прошли, 16-го числа утромъ, между Звѣревнымъ и Сопочной-Коргой, гдѣ два берега впервые сближаются на разстояніи 20-ти или 25-ти километровъ. Нѣсколько часовъ позднѣе, мы бросили якорь передъ Гельчицей, самымъ сѣвернымъ зимовьемъ на восточномъ берегу Енисея, обитаемомъ зимой и лѣтомъ двумя русскими. Приказчикъ одного купца въ Енисейскѣ, живущій здѣсь, тотчасъ же явился къ намъ на корабль. Онъ сообщилъ намъ, что лѣтомъ эту мѣстность посѣтили три парохода изъ Енисейска, которые уже увезли товары, собранные во время зимы, и что они доставили новый провиантъ его скромному магазину. Онъ зналъ также, что г-нъ Сидоровъ снарядилъ судно, чтобы перевезти въ Европу грузъ графита и что нѣсколько иностранцевъ прибыли въ Енисейскъ, откуда намѣревались исследовать рѣку до ея устья. Но онъ ничего съ тѣхъ поръ не слыхалъ про ихъ путешествіе.

Въ нетерпѣніи встрѣтиться съ своими товарищами, я снялся съ якоря и направился въ Мезенкинъ, не очень отдаленный пунктъ, избранный мѣстомъ для встрѣчи съ отрядомъ Тееля.

Въ прошломъ году, я узналъ отъ одного мѣстнаго жителя, что на сватахъ восточнаго берега Енисея, близъ устья Мезенкина, найдены куски кожи мамонта. Когда я получилъ это свѣдѣніе, я былъ уже далеко отъ Мезенкина, а время было уже слишкомъ позднее, чтобы я могъ вернуться прямо въ то мѣсто, гдѣ были замѣчены эти драгоцѣнные остатки. Но, вернувшись къ устью Енисея, я, естественно, желалъ воспользошаться этимъ рѣдкимъ случаемъ получить новый матеріалъ для изученія одного изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ геологій и обогатить наши музеи однимъ изъ знаменитыхъ остатковъ, спасенныхъ отъ уничтоженія ледяной почвой Сибири.

Теель долженъ былъ, значить, посѣтить во-время въ Мезенкинъ, чтобы сдѣлать раскопки въ назначенномъ мѣстѣ. Другая причина, побудившая меня назначить тѣмъ сѣверный пунктъ

для встрѣчи, была неуверенность найти въ югу достаточно глубокой фарватеръ для «Имера» и желаніе обезпечить дальнѣйшее плаваніе этого парохода тѣми измѣреніями дна, которыя Тееля долженъ былъ сдѣлать, спускаясь внизъ по рѣкѣ.

Нѣскольکو часовъ спустя, послѣ того, какъ я оставилъ Гольчичу, мы бросили якорь передъ Мезенкиномъ, гдѣ тогда находилось нѣскольکو русскихъ (и въ числѣ ихъ Ѳедоръ, мой прошлогодній спутникъ)—и толпа туземцевъ. Но товарищей нашихъ тамъ не было, и никто изъ жителей не слышалъ о нихъ. Только одинъ моводой самоѣдъ, съ темной кожей и довольно пріятнымъ лицомъ, наслѣдовавшій отцу въ должности шамана, возвѣстилъ намъ самымъ положительнымъ образомъ, посоветовавшись съ своимъ барабаномъ, что отрядъ Тееля находится цѣль и невредимъ на рыбной ловлѣ, немного на югъ отъ Толстаго-Носа, и что онъ долженъ, если обстоятельства будутъ благопріятны, съѣхаться съ нами черезъ пять или шесть дней. Ѳедоръ былъ вполне увѣренъ въ истинности его показаній, и позднѣе былъ очень удивленъ тѣмъ, что «шортовъ попъ» на этотъ разъ сказалъ неправду.

Такъ какъ время было еще не особенно позднее, то я вначалѣ не очень тревожился тѣмъ, что товарищи мои заповдали, и хотя не могъ достать хорошаго лопмана для плаванія между островами, но рѣшился немедленно продолжать свой путь въ Дудинскую. Ѳедоръ, который служилъ мнѣ проводникомъ въ прошломъ году, былъ приглашенъ мной и въ этотъ разъ, но онъ не могъ вести судна, потому что ему никакъ нельзя было растолковать, что «Имеръ», сидѣвшій въ водѣ 12-ть футовъ, требуетъ другого фарватера, нежели тѣ пароходы, которые онъ до сихъ поръ видѣлъ и которые сидятъ въ водѣ не глубже, какъ на два фута отъ поверхности воды.

Во время моего пребыванія въ Мезенкинѣ, я съѣздилъ въ ту мѣстность, гдѣ видали остатки мамонта. Мнѣ удалось добыть изъ пещерной отдели, вновь образовавшейся близъ устья рѣки Мезенкивъ, нѣскольکو большихъ и нѣскольکو маленькихъ обрывковъ кожи этого ископаемаго слона. Позднѣе, туземцы доставили мнѣ нѣскольکو костей, единственные части скелета, которыя были, повидимому, найдены въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и кожа. Раскопки показали, что остатки мамонта были принесены весенними наводненіями изъ какого-то пункта выше въ долину рѣки Мезенкивъ, въ то мѣсто, гдѣ они были найдены.

17-го августа, утромъ, я снялся съ явора и поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Сначала мы подвигались довольно быстро впередъ и

безъ приключеній, но когда прибыли въ окрестности Яковлевой, то глубина рѣки, представлявшая до того 5—12 сажень, вдругъ начала уменьшаться. Мы находились тогда на сѣверъ отъ Никандровскихъ острововъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка расширяется и образуетъ громадное озеро. Съ цѣлью отыскать глубокой фарватеръ, я исследовалъ рѣку во всѣхъ направленіяхъ, безпрестанно измѣряя глубину; но тщетно. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ «Имеръ» крейсировалъ по рѣкѣ, имѣя воды лишь на нѣсколько вершковъ подъ килемъ, и зачастую касался дна, но, къ счастью, безъ поврежденій, благодаря илистому дну. Я вскорѣ былъ вынужденъ повернуть на другой галсъ, чтобы добраться до болѣе глубокой воды, но когда мы этого достигли, то оказалось, что мы отброшены при этомъ далеко назадъ, и я нашелъ за лучшее снова бросить якорь передъ Мезенкинымъ.

Я не сомнѣваюсь, что когда глубина рѣки будетъ въ точности измѣрена, то можно будетъ проплыть вверхъ до Дудина и даже до Енисейска на судахъ, глубоко сидящихъ въ водѣ; но *безъ предварительныхъ измѣреній дна* мнѣ показалось бесполезнымъ возобновлять неудавшуюся попытку, тѣмъ болѣе, что запасъ угля не позволялъ «Имеру» пускаться въ многочисленныя экскурсіи. Итакъ, я рѣшился дожидаться своихъ товарищей въ Мезенкинѣ и употребить время ожиданія на выгрузку товаровъ въ какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ, откуда ихъ могли бы будущей весной вывезти мѣстные пароходы. Кореповское зимовье, расположенное въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ Мезенкина, мѣстожительства казака Федора, показалось мнѣ пригоднымъ для такова склада потому, что тамъ было много пустыхъ ямъ, могущихъ послужить, въ случаѣ надобности, магазинами.

Кромѣ того, въ Мезенкинѣ обитали двое или трое русскихъ, нѣсколько самоѣдскихъ семей, владѣльцевъ небольшого числа сѣверныхъ оленей. Я воспользовался этимъ способомъ сообщенія, чтобы послать нарочнаго къ приказчику купца Сотникова, который жилъ подалше на югъ, между Гостиной и Яковлевой, и просилъ его принять товаръ. Этотъ человѣкъ прибылъ 20-го августа и объявилъ о своей готовности взять на себя эту заботу. Я немедленно распорядился, чтобы «Имеръ» пришелъ въ Кореповской. Въ тотъ же вечеръ сдѣланы были необходимыя распоряженія для разгрузки товаровъ. Въ прошломъ году я видѣлъ въ Дудинѣ этого приказчика, молодого человѣка пріятной наружности и настолько образованнаго, чтобы зимою занимать должность учителя при дѣтяхъ Сотникова. Поэтому я былъ

очень доволенъ тѣмъ, что могу вручить товаръ въ его руки. Но въ теченіи ночи нашъ приказчикъ передумалъ. Опасаясь, какъ я узналъ позже, какъ-бы не пришлось ему провести зиму въ Кореновской, если онъ возьметъ на себя трудъ наблюдать за товаромъ, онъ уѣхалъ ночью, не предупредивъ о томъ ни меня, ни кого другого.

Убѣжденный, что подъ охраной Федора товаръ будетъ дѣлать и невредимъ, я рѣшилъ выгрузить его на избранномъ мною пунктѣ. Разгрузка началась 21-го, утромъ, и окончилась три дня спустя послѣ непрерывнаго и утомительнаго труда, затруднительность котораго увеличивалась недостаткомъ перевозочныхъ средствъ. 23-го, вечеромъ, она была окончена. Весь слѣдующій день мы употребили на то, чтобы убрать разгруженный товаръ и прибрать на пароходѣ орудія разгрузки и пр., такъ что освободились только 25-го.

Я вернулся сначала въ Мезенкингъ, чтобы обезпечить себѣ помощь самоѣдовъ и ихъ сѣверныхъ оленей на тотъ случай, если бы понадобилось послать съ порученіемъ на пароходъ, совершающій рейсы по рѣкѣ, и который долженъ былъ стать у Заостровской около 7-го сентября. Но, къ моему великому сожалѣнію, я узналъ, по прибытіи, что маленькое стадо сѣверныхъ оленей, находившееся недавно здѣсь, отведено пастись дальше въ тундру.

И по прежнему ни слуху, ни духу о Теелѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ Мезенкингѣ, я рѣшился вторично попытаться пройти вверхъ по рѣкѣ. И действительно, на слѣдующей недѣлѣ, маневрируя то вправо, то влево, я убѣдился въ существованіи довольно глубокаго фарватера, совсѣмъ по близости отъ восточнаго берега, и захотѣлъ пробраться по этому фарватеру до Дудина или, по крайней мѣрѣ, до Заостровской. Но и на этотъ разъ «Имеръ» вскорѣ началъ бить по грунту заднюю часть или въ окрестностяхъ Гостиного-Носа, то-есть чуть-чуть посѣвернѣе, чѣмъ въ первый разъ. Позднее время года и уменьшеніе запаса угля не позволили мнѣ возобновить эту попытку. Итакъ, я снова бросилъ якорь, на этотъ разъ между Орловской и Гостиной,—весьма интересной мѣстностью, вслѣдствіе ископаемыхъ костей, найденныхъ нами въ долинѣ тундры въ предыдущую экскурсію.

Слѣдующіе дни были посвящены экскурсіямъ и естественно-историческимъ изслѣдованіямъ. На восточномъ берегу Енисея тундра образуетъ гладкую или лишь слегка волнистую равнину,

оканчивающуюся у рѣки склономъ въ 50 или 100 футъ. Внутри страны равнина точно также не представляетъ выдающихся возвышенностей, но во многихъ мѣстахъ пересекается глубокими долинами, вырытыми рѣкой, протекающей по нимъ, и крутые берега которой представляютъ прекрасные разрѣзы почвенныхъ слоевъ. При первомъ же изслѣдованіи можно удостовѣриться, что почва эта состоитъ главнымъ образомъ изъ громадной массы песку и ила, намываемого большими сибирскими рѣками. Безчисленныя морскія раковины, попадающіяся въ пескахъ тундры, принадлежать къ существующимъ породамъ, и большинство изъ нихъ добыты въ Карскомъ-морѣ. Это доказываетъ, что тундра образовалась при климатическихъ условіяхъ, тождественныхъ съ условіями нашей эпохи. Вотъ обстоятельство, такъ долго затруднявшее геологовъ относительно того, какъ объяснить: какимъ образомъ въ ней находится такое множество остатковъ мамонта, носорога и проч., т.-е. такихъ породъ, которыя въ наши дни могутъ водиться лишь въ тропическихъ или теплыхъ климатахъ. Правда, что кажущееся противорѣчіе, возникающее благодаря этому факту, уже было частію разъяснено изслѣдованіями гг. Миддендорфа, Шмидта и Брандта изъ петербургской академіи. Но остается объяснить еще многое, и коллекціи, собранныя въ этихъ странахъ, представляютъ, сверхъ того, совершенно специальный интересъ, вслѣдствіе замѣчательнаго обстоятельства, что въ ледяной почвѣ тундры находились не только кости, но также и мясо, кожу, шерсть и внутренности животныхъ, исчезнувшихъ тысячелѣтія тому назадъ. Понятно поэтому, что я не пропускалъ ни одного представлявшагося случая для экскурсій въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ судно бросало якорь. Въ числѣ нашихъ находокъ упомяну: большіе куски мамонтовой кожи, найденные съ нѣсколькими костями въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Мезенкинъ впадаетъ въ Енисей; черепъ мускуснаго быка (*Ovibos moschatus*), замѣчательный по своей величинѣ, найденный вмѣстѣ съ остатками костей мамонта въ другой долинѣ тундры, на югъ отъ Орловской; богатую коллекцію ископаемыхъ раковинъ, найденныхъ главнымъ образомъ между Орловской и Гостиной. Кроме того, въ этихъ мѣстностяхъ сдѣланы интересныя наблюденія надъ геологическимъ строеніемъ тундры и пр. и пр.

Во время нашего пребыванія на Енисей, густой туманъ царилъ почти непрерывно, но, за исключеніемъ этого, погода намъ благоприятствовала, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы.

ТАБЛИЦА,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА И НАПРАВЛЕНІЕ ВѢТРОВЪ ВЪ ЗИМОВЬЯХЪ, РАСПОЛОЖЕННЫХЪ МЕЖДУ 71° И 72° СѢВ. Ш. НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ ЕНИСЕЯ, ОТЪ 16-ГО АВГУСТА ПО 1-Е СЕНТЯБРЯ Н. С. 1876 Г.

		Температура по Цельсію.		
		М і н и м у м	М а к с и м у м.	Вѣтеръ.
августъ	16	+ 13°,6	+ 20°,4	ESE
>	17	+ 11°,9	+ 12°,6	SE
>	18	+ 11°,5	+ 14°,9	S
>	19	+ 7°,8	+ 9°,9	SO
>	20	+ 9°,5	+ 14°,4	E
>	21	+ 11°,4	+ 15°,6	SE
>	22	+ 11°,9	+ 14°,0	SE
>	23	+ 10°,8	+ 18°,7	NNO
>	24	+ 7°,9	+ 10°,9	NO
>	25	+ 9°,8	+ 11°,8	N
>	26	+ 9°,0	+ 16°,4	N
>	27	+ 11°,8	+ 12°,9	—
>	28	+ 11°,8	+ 12°,5	S
>	29	+ 2°,2	+ 7°,6	SO
>	30	+ 5°,2	+ 5°,8	NO
>	31	+ 1°,2	+ 5°,6	N
сентября	1	+ 3°,0	+ 7°,0	NNE

Почва была совсѣмъ обнажена отъ снѣгу и во многихъ мѣстахъ, специально въ долинахъ тундры, утрачена коверъ пестрыхъ цвѣтовъ. Между тѣмъ, по сказаніямъ туземцевъ, первая половина весны была не такъ хороша, а предыдущая зима очень сурова. Температура воды на поверхности рѣки держалась почти постоянно между + 12° и + 13° Цельсія, и даже на глубинѣ 9 сажень термометръ показывалъ 11°,1 Цельсія.

Мы условились, предъ отъѣздомъ изъ Словгольма, чтобы въ случаѣ, если «Имеру» не удастся этимъ лѣтомъ пропѣвуть до Енисея, то Тесль не долженъ ни въ какомъ случаѣ оставаться такъ долго въ сѣверной части этой рѣки, чтобы рисковать пропустить отплытіе послѣдняго парохода, идущаго въ Енисейскъ. Я зналъ теперь по свѣдѣніямъ, доставленнымъ туземцами, что послѣдній пароходъ долженъ оставить Заостровскую около 7-го сентября (нов. ст.). Расстояніе отъ этого мѣста до Мезенина составляетъ почти 250 километровъ; чтобы пройти это расстояніе на баржѣ, надо считать, что потребуется при обыкновенныхъ обстоятельствахъ отъ семи до восьми дней. Слѣдовательно, нельзя было допустить, чтобы Тесль захотѣлъ продолжать путь на пароходѣ дальше Заостровской, если ясно было, что отъ не по-

слѣдетъ въ Мезенкинъ раньше 1-го сентября. Поэтому я рѣшилъ не оставаться въ этихъ мѣстахъ дальше конца августа. Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе неосторожнымъ, что нельзя было надѣяться, чтобы большое количество льда, попадавшееся въ первой половинѣ августа въ Карскомъ-морѣ, растаяло окончательно до образованія новаго льда, и чтобы, слѣдовательно, вполне была устранена опасность быть затертыми льдами въ случаѣ, если бы обратное путешествіе наше затянулось. Вслѣдствіе этого мы назначили 1-ое сентября днемъ своего отъѣзда, хотя и тяжело было возвращаться безъ отряда Тееля и безъ коллекцій, навѣрное весьма богатыхъ, которыя онъ по всей вѣроятности составилъ. Прежде чѣмъ уѣхать я послалъ нарочнаго въ Заостровскую съ письмомъ къ Теелю, въ которомъ извѣщалъ его о нашемъ пребываніи въ этой мѣстности и о своемъ намѣреніи въ назначенный день выѣхать обратно въ Норвегію.

1-го сентября, въ семь часовъ утра, мы пустились въ обратный путь. Въ тотъ же день, спускаясь внизъ по рѣкѣ, я сошелъ на нѣсколько часовъ на берегъ въ зимовѣ, называемомъ Придушный, чтобы изслѣдовать въ немъ нѣсколько пластовъ почвы, принадлежащей къ юрской формации, открытыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Лопатинымъ, русскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ устья Енисея. Тутъ мы въ послѣдній разъ сошли съ парохода на берегахъ Енисея. Возвращаясь, я выбралъ широкій и глубокій проливъ между островомъ Сибириновымъ и восточнымъ берегомъ Енисея, съ намѣреніемъ съѣздить сначала въ шортъ Дивсонъ, гдѣ думалъ пробыть нѣсколько часовъ, чтобы записаться балластомъ. Но когда мы прибыли туда 2 сентября, погода оказалась таковой благопріятной, что я рѣшился продолжать путь безъ промедленія. Мы направились, какъ и въ прошломъ году, къ мысу Миддендорфъ. Море было вначалѣ совершенно свободно отъ льдовъ, и, только подплывъ къ восточному берегу Новой-Земли, подъ $75^{\circ} \frac{1}{2}$ сѣв. ш., мы наткнулись на граду льдовъ, слипшимъ плотную, чтобы мы могли пробраться сквозь нее. Итакъ, мы обогнули мысъ къ югу, слѣдуя по окраинѣ льдовъ до $74^{\circ} 40'$ сѣв. ш. Въ этомъ мѣстѣ окраина льдовъ отклонялась на западъ, и это позволило намъ, не прибѣгая къ новымъ обходамъ, направиться прямо въ Маточинъ-проливъ. Довольно сильная качка возвѣстила намъ, что море свободно отъ льдовъ. *Если бы мы обогнули мысъ прямо на Маточинъ-проливъ, пройдя мимо Благо-острова, то навѣрное не встрѣтили бы ни одной льдины.* И даже на томъ сѣверномъ пути, какой я избралъ, путешествіе наше было замедляемо не столько

льдами, сколько туманомъ, почти непрерывнымъ и принуждавшимъ насъ стоять по ночамъ на мѣстѣ. Но всѣми этими обстоятельствами пользовался докторъ Стуксбергъ, зоологъ экспедиціи, чтобы заниматься ловлей животныхъ въ глубокомъ фарватерѣ, идущемъ вдоль восточнаго берега Новой-Земли.

Изъ всѣхъ экспедицій, посѣщавшихъ Новую-Землю и море, ее окружающее, только три, раньше двухъ послѣднихъ шведскихъ экспедицій, занимались зоологическими, ботаническими и геологическими изслѣдованіями, а именно: экспедиція Бера въ 1837 г., Гейглина въ 1871 г. и австро-венгерская экспедиція 1872—74 гг.

Что касается специально зоологическихъ результатовъ, то Беръ привезъ изъ своего путешествія около 70 видовъ безпозвоночныхъ животныхъ; Гейглингъ и австро-венгерская экспедиція значительно увеличили въ различныхъ группахъ число извѣстныхъ видовъ, водившихся въ этихъ моряхъ. Но всѣ ихъ коллекціи относятся къ берегамъ сѣверо-западному, западному и сѣверному Новой-Земли. До прошлой весны ничего не знали о животной жизни Карскаго-моря, и между зоологами преобладало мнѣніе, что Карское-море чрезвычайно бѣдно животными.

Этотъ предразсудокъ былъ уже разсѣянъ шведской экспедиціей 1875 г., которая также доставила съ западныхъ береговъ Новой-Земли и острова Вайгача болѣе богатую коллекцію, чѣмъ ее предшественники. Но во всякомъ случаѣ въ этихъ коллекціяхъ, собранныхъ въ теченіи одного лѣта, нельзя было усматривать полной таблицы животной жизни, необходимой не только для сравненія съ современной фауной другихъ арктическихъ странъ, но также и затѣмъ, чтобы пролить болѣе яркій свѣтъ на отношенія этой живой фауны, по истинѣ ледяной, съ ледяной же ископаемой фауной Европы и Азии. По этимъ причинамъ одинъ докторъ Стуксбергъ и применилъ въ экспедиціи, въ качествѣ зоолога.

Экспедиціи 1875 и 1876 гг. на Енисей изслѣдовали дно въ пятидесяти различныхъ мѣстахъ Карскаго-моря. Эти изслѣдованія, начатыя близъ береговъ и продолжавшіяся посреди моря на глубинѣ 200 сажень (1,200 фут.), доставили чрезвычайно богатую коллекцію, какъ по числу особей, такъ и по числу видовъ. Большое число видовъ встрѣчается почти исключительно въ очень ограниченныхъ мѣстностяхъ, но гдѣ ихъ за то найдешь въ неброютномъ количествѣ. Другіе, напротивъ, попадаются какъ только закинешь черпакъ въ море, но въ очень за то ограниченномъ числѣ. Эти послѣдніе распространены равномернѣе, и

потому спорѣ могутъ служить для опредѣленія общаго характера фауны. Сюда принадлежатъ два вида *Idothea* (*Id. Sabinei* и *Id. Entomon*), оба сильно развитые. Можно сказать, что Карское-море характеризуется присутствіемъ этого вида, что оно по преимуществу является мѣстопробываніемъ «*Idothea*». Въ числѣ видовъ съ болѣе мѣстнымъ распредѣленіемъ, замѣчаются различные виды моллюсковъ, гидро-медузъ, мшанокъ (*bryozoa*), но главное и прежде всего всѣ представители иглокожихъ (*echinodermata*). Эти послѣдніе попадаются порою по-истинѣ въ неслыханномъ количествѣ, и что всего удивительнѣе, что гдѣ одинъ какой-нибудь видъ находится въ очень большомъ количествѣ, тамъ онъ одинъ и живетъ исключительно передъ другими. Такое наблюденіе, напримѣръ, сдѣлано было относительно видовъ *Cribella*, *Stichaster*, *Ctenodiscus* и др., встрѣчающихся въ Карскомъ-морѣ въ количествахъ, совершенно изумительныхъ. Щетка черпака захватывала часто за-разъ сотни индивидовъ одного и того же вида. Мы такимъ образомъ получали неоднократно большіе экземпляры красивой «*Alecto Eschrichtii*».

Но насколько Карское-море богато морскими лиліями (*scipnoidea*) и змѣебѣздовыми (*ophiuridea*), настолько оно бѣдно морскими ежами (*echinidea*). Ихъ тщетно искать гдѣ бы то ни было, за исключеніемъ развѣ совсѣмъ по близости отъ Маточкина-пролива, гдѣ черпакъ доставилъ намъ нѣсколько экземпляровъ весьма мало развитыми. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что видъ изъ рода *Echinus* встрѣчается въ большомъ изобиліи вдоль западнаго берега Новой-Земли.

Впрочемъ, зоологическіе труды этого лѣта прибавили новые виды почти во всѣ группы коллекцій прошлаго лѣта, уже самихъ по себѣ очень богатыхъ (такъ, напр., группа ракообразныхъ была увеличена новыми видами болѣе чѣмъ на 20%) и ловля черпакомъ дала намъ изъ этого почти дѣвственнаго и неизвѣстнаго моря большое количество видовъ, представленныхъ каждый чрезвычайнымъ множествомъ особей. Я желаю указать въ особенности на двухъ животныхъ, весьма замѣчательныхъ и крайне важныхъ съ точки зрѣнія систематики: одно принадлежитъ къ классу иглокожихъ, другое въ классу мореперистковыхъ (*pennatida*). Первое уже было добыто экспедиціей прошлаго лѣта. Но тогда нашли его лишь немного экземпляровъ, между тѣмъ какъ на этотъ разъ мы собрали ихъ большое число. Это голотурія, десертъ почти совсѣмъ неизвѣстная, весьма отличающаяся отъ большинства другихъ видовъ той же группы полной двусторонней симметричностью своего тѣла, равно какъ и анатомическимъ

строениемъ, которое показываесть, что она соединяетъ въ себѣ признаки нѣсколькихъ различныхъ классовъ. Она была недавно тщательно описана и нарисована д-ромъ Теелемъ, который первый открылъ ее. Второе изъ этихъ животныхъ составляетъ одну изъ величайшихъ зоологическихъ рѣдкостей. Это *Umbellagia*, оболочка полутора фута длиною, найденная на 130 саженьяхъ (780 футовъ) глубины на югъ отъ мыса Миддендорфа и на сѣверъ отъ 75° сѣв. ш.

Коллекціи, собранныя шведскими экспедиціями, доказываютъ, что Карское-море не только не бѣдно животными, какъ это предполагали, но, напротивъ того, отличается богатой животной жизнью, какъ по числу особей, такъ и по числу видовъ. Косвенно они даютъ намъ понятіе о фаунѣ арктическаго сибирскаго моря и показываютъ, что морская фауна, почти однородная, распространена вокругъ сѣвернаго полюса вдоль сибирскихъ береговъ и сѣвернаго американскаго архипелага. Масса прѣсной воды, приносимой сибирскими рѣками, не опредѣляетъ ни въ какомъ случаѣ характера животной жизни на глубинѣ ледовитаго моря, омывающаго эту страну.

Прежде нежели спеціалисты окончатъ изслѣдованіе различныхъ группъ, трудно показать точное число безпозвоночныхъ видовъ Карскаго-моря, но можно приблизительно опредѣлить его въ 500,—число по-истинѣ знаменательное для моря, нѣкогда считавшагося такимъ же бѣднымъ видами, какъ и Балтійское. Таковы зоологическіе результаты,—если присоединить къ нимъ еще оболочку сотни видовъ насѣкомыхъ съ Новой-Земли, изъ которыхъ только семь были знакомы раньше,—двухъ послѣднихъ шведскихъ экспедицій въ эти страны.

Мы прибыли въ Маточкинъ-проливъ 7-го сентября вечеромъ и пробыли тамъ до 13-го, чтобы вычистить паровикъ, нагрузить балластъ и пр.

Во время плаванія по Маточкиному-проливу «Имеру» выпала бѣда наткнуться на полномъ ходу на песчаную отмель, находившуюся по срединѣ пролива, который за исключеніемъ этого почти вездѣ судоходенъ. Но это не причинило намъ много безпокойства, кромѣ того, что намъ пришлось выбросить за бортъ часть балласта, который мы только-что нагрузили не безъ труда.

Обратному путешествію въ Норвегію благопріятствовала великолѣпная погода. 16-го сентября мы увидѣли Нордкапъ. На слѣдующій день проплыли проливъ Магера, 18-го утромъ бросили якорь въ портъ Гаммерфестъ, а 22-го въ Тромсѣ.

Я воспользовался своимъ пребываніемъ въ Гаммерфестѣ и въ

Тромсѣ, чтобы собрать у многочисленныхъ ловцевъ моржей, которые тамъ находятся, свѣдѣнія о распредѣленіи льдовъ въ западной части Карскаго-моря во время норвежской ловли до 1875 г. Такимъ образомъ мнѣ удалось пополнить мой собственный опытъ и собрать весьма богатый матеріалъ, для разрѣшенія, на основаніи дѣйствительныхъ наблюденій, морской задачи, имѣющей такое важное значеніе, и поздне я представлю всѣ тѣ выводы, къ какимъ я пришелъ. Пока скажу только, что правильное морское сообщеніе, въ теченіи небольшой части года, между Сибирью и западной Европой не представляло бы риска и ббльшей опасности, чѣмъ тѣ, какимъ подвергаются морян на многихъ другихъ путяхъ, ежегодно посѣщаемыхъ тысячами судовъ.

А. Е. Норденскиюльдъ.

Тромсѣ, 27 сентября, 1876 г.

ТЕОРИИ И ПРАКТИКА ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Замѣчательное всегда существовало противорѣчіе относительно положенія женщинъ. У самыхъ дикихъ народовъ, въ эпоху грубаго быта, когда женщина бывала добычею и предметомъ собственности для мужчины, рабыней, трудящейся для своего господина, — отдѣльныя женщины пользовались суевѣрнымъ почетомъ всего племени, къ женщинѣ обращались за исцѣленіемъ отъ ранъ и болѣзней, женщинѣ приписывалось «вѣдѣніе» таинственнаго и божественнаго. Въ нашъ цивилизованный вѣкъ, когда, вслѣдствіе вліянія христіанства и европейской культуры, женщина въ домашнемъ быту окружена всевозможнымъ почетомъ и до извѣстной степени обезпечена относительно имущественнаго права, общество встрѣчаетъ съ недоувѣріемъ и недоброжелательствомъ всякую попытку со стороны отдѣльныхъ женщинъ *отдать* то, что доступно всякому юношѣ, и вопросъ о томъ, можетъ ли женщина лѣчить — становится сложнымъ вопросомъ, для разрѣшенія котораго, а иногда и затемненія, пишутся ученые трактаты ¹⁾. Особенно рѣзко проявляется указанное противорѣчіе въ Германіи. Еще Тацитъ писалъ о громадномъ значеніи женщинъ въ общественной и политической жизни древнихъ германцевъ — о томъ, какъ женщины восстанавливали своими мольбами проигранныя уже сраженія, какъ тѣ племена, у которыхъ римляне брали въ число заложниковъ женщинъ, нерушимѣ сохраняли миръ; о томъ, что германцы

¹⁾ Какъ примѣръ перваго рода, приведемъ брошюру прорихскаго проф. Böhmert: *Das Studieren d. Frauen*; а какъ на примѣръ втораго рода, укажемъ на трактатъ ученаго анатома Вишофа: *Das Studium u. d. Ausübung d. Medicin durch Frauen*.

признавали за женщинами нѣчто священное и пророческое, что они внимали ихъ совѣтамъ и подчинялись ихъ *отцаніямъ*. Веледа, Ауринія и многія другія, по свидѣтельству римскаго историка, пользовались среди своихъ соплеменниковъ почти божескими почестями. А теперь ученые потомки хаттовъ и херусковъ признаютъ за женщинами права священнодѣйствовать исключительно около домашняго очага и, какъ жалуется одна нѣмецкая женщина, только одинъ разъ въ жизни интересуются тѣмъ, что женщины думаютъ и дѣлаютъ, а именно въ своей юности, когда они — влюблены ¹⁾.

Любопытно, что многіе образованные люди современной Германіи въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ на степени развитія и вполне раздѣляютъ вкусы своихъ предковъ времени Арминія. И они готовы признать въ женщинѣ нѣчто *божественное*, но съ условіемъ, чтобы она была безграмотна какъ Веледа и Ауринія. Изъ сочиненій различныхъ нѣмецкихъ писателей можно было бы набрать цѣлую хрестоматію на тѣму, что вся прелесть женщины заключается именно въ томъ, чтобы она была какъ можно менѣе развита и образована. Извѣстный въ Германіи и не глупый писатель Филиппъ ф.-Натузіусъ говоритъ: «Логическое мышленіе, отвлеченіе, система — разъ навсегда не дѣло женщинъ, и не въ этомъ ихъ сила. И это является не слѣдствіемъ ихъ воспитанія, а обусловлено самою сущностью ихъ организаціи. Во всемъ этомъ проявляется милость Божія (*es ist lauter Güte Gottes*). Давать женщинамъ ученое образованіе, по моему мнѣнію, есть *униженіе* женщинъ или низведеніе ихъ изъ среды гораздо болѣе благородной, — и это не только искажаетъ женщинъ (*Verschraubung*), но и наноситъ ущербъ мужчинамъ (*Beraubung*), которые при своей собственной вознѣ съ знаніемъ (*Wissens-Plackerei*) поставлены въ необходимость искать *отдохновенія* (*Erquickung*) у неученой и именно потому нерѣдко болѣе умной и мудрой женщины». А популярный въ Германіи писатель романовъ Богумиль Гольцъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Если женщины литературой, популярными естественными науками и всякими другими школьными штуками (*Schulkünste*) введутъ въ заблужденіе (*beirten*) свой *божественный инстинктъ*, — порча человѣческой исторіи вполне завершится».

Выше сказанное нами о Германіи, впрочемъ, вѣрно относительно не однихъ только нѣмцевъ. Во Франціи, напр., заведательство, оторвавшись отъ феодальныхъ преданій, совершенно

¹⁾ Н. Dohm. Die wissensch. Eman. d. Frau, p. 82.

уравнило въ наслѣдственномъ правѣ дочерей съ сыновьями, а между тѣмъ государство вовсе почти не заботится о воспитаніи и образованіи этихъ дочерей, предоставляя ихъ вліянію *духовныхъ братьевъ и сестеръ* различныхъ орденовъ и вмѣстѣ съ ними значительную часть имущества французскаго народа.

При такомъ равнодушіи мужчинъ къ тому, «что думаетъ и чѣмъ занимается» женщина,—не удивительно, что для большинства не существуетъ никакого женскаго вопроса; не удивительно и то, что тѣ, немногіе, которые обращаютъ вниманіе на этотъ вопросъ, не знаютъ, что имъ объ этомъ думать, и что даже лучшие мыслители среди современнаго общества, какъ только коснутся женскаго вопроса, впадаютъ въ полное противорѣчіе между собой, а иногда и въ странныя несообразности. Самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ правильному взгляду на дѣло является общая привычка связывать всѣ практическіе вопросы, касающіеся положенія женщинъ въ обществѣ или образованія ихъ, съ вѣчнымъ вопросомъ, надъ разрѣшеніемъ котораго задумывались еще восточные мудрецы: объ отношеніи духовныхъ свойствъ женщинъ вообще къ духовной природѣ и свойствамъ мужчины. Съ одинаковой рѣшительностью одни утверждаютъ, что женщина ни въ чемъ не уступаетъ мужчинамъ, другіе—что женщина стоитъ нѣсколькими ступенями ниже мужчины на лѣстницѣ твореній, и притомъ каждый изъ этихъ основныхъ принциповъ даетъ возможность вывести изъ него самыя противоположныя результаты. Стюартъ-Милль, напр., за которымъ остается заслуга, что онъ сильно выдвинулъ впередъ женскій вопросъ, рѣзкой и такъ сказать отвлеченной постановкой этого вопроса отчасти затормозилъ его разрѣшеніе ¹⁾. Исходя, какъ будто, изъ убѣжденія, что женщина по первоначальной своей природѣ совершенно равна мужчинамъ и постоянно настаивая на положеніи, что теперешнее различіе въ духовныхъ свойствахъ женщинъ сравнительно съ мужчинами есть только слѣдствіе вѣкового угнетенія и низшей культуры, англійскій мыслитель потребовалъ отъ имени женщинъ какой-то *Magna Charta Libertatum*—и даже превращенія брака въ какой-то гражданскій договоръ на равныхъ паяхъ.

¹⁾ *Enfranchisement of Women*—въ *Dissertations and Discussions*, Т. II, и указательное, богатое самыми глубокими психологическими замѣчаніями и поразящее необыкновенно вѣрнымъ знаніемъ жизни—сочиненіе „*The Subjection of Women*“, 3 ed., которое произвело бы на современное европейское общество несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, если бы это впечатлѣніе не охлаждалось нѣкоторою догматичностью въ радикализмъ и иногда—общими англійскими радикальными писателями—софистическими пріемами.

Возражая противъ такого пониманія брака, извѣстный нѣмецкій историкъ ф. Зибель¹⁾ настаиваетъ на существенномъ различіи духовнаго существа женщины и мужчины. По его мнѣнію, природа, имѣя въ виду назначеніе женщины въ семьѣ, снабдила ее *известнымъ* отдѣльнымъ духовныхъ свойствъ. Вступая въ бракъ гораздо раньше мужчины, женщина не имѣетъ времени «для методическаго развитія разсудка». Природа замѣнила это развитіе прирожденной тонкостью и быстротой чутья (*Gesamtmempfindung*), какое рѣдко встрѣчается между мужчинами. Мужчина достигаетъ до опредѣленнаго сужденія объ извѣстномъ явленіи только послѣ обсужденія его въ связи со всѣми другими предметами; женщина усваиваетъ его себѣ или отвергаетъ его по непосредственному впечатлѣнію, произведенному на нее. Мужчина, на которомъ лежитъ обязанность борьбы за себя и своихъ, по природѣ своей — логикъ и діалектикъ; женщина, призваніе которой заключается во внутреннемъ одушевленіи семьи, познаетъ и дѣйствуетъ посредствомъ прирожденнаго ей такта.

Этой склонностью женской природы очень точно опредѣляется мѣра участія женщины въ практической дѣятельности мужчинъ. Свойства женской природы становятся неопредѣлимыми на поприщѣ воспитанія. Никакія познанія и никакой методъ педагогическіе не въ состояніи замѣнить быстрого и яснаго чутья матери. Способность воспитывать, сообразуясь съ индивидуальностью, бываетъ иногда случайнымъ даромъ отдѣльныхъ мужчинъ; у женщинъ же, за нѣкоторыми исключеніями, она составляетъ общее достоинствѣ. Вслѣдствіе той же причины женщины всегда съ успѣхомъ подвизались въ области изящныхъ искусствъ, и имѣютъ преимущество передъ мужчинами въ нѣкоторыхъ областяхъ практической жизни; но вездѣ, гдѣ требуется сознательная и методическая діалектика, напр., на поприщѣ философіи, юриспруденціи и практической политики, мы тотчасъ чувствуемъ, что подобная дѣятельность противорѣчитъ нормальной природѣ женщины.

Такое распредѣленіе духовныхъ способностей женщины и мужчины, принятое бывшимъ боннскимъ историкомъ, вызвало противорѣчіе со стороны его товарища по кафедрѣ философіи и педагогическіе, Бона-Мейера²⁾. По мнѣнію Мейера, различіе между логическимъ и инстинктивнымъ или интуитивнымъ мышленіемъ вовсе не соотвѣтствуетъ отношенію между мужскимъ и жен-

¹⁾ Ueber die Emancipation der Frau—въ Vorträge u. Aufsätze.

²⁾ Въ главі: Frauengeist und Frauenbildung, въ книгѣ: Zum Bildungskampf unserer Zeit, 1875.

скимъ способомъ мышленія. На нѣкоторыхъ попрощахъ, какъ практической, такъ и художественной или научной дѣятельности всѣ люди, мужчина и женщина, должны обладать способностью инстинктивнаго или интуитивнаго сужденія. Такая способность нужна учителю, врачу, политику, и ею обусловлены самыя гениальныя созданія мужчинъ.

Но если мужчинамъ нельзя обойтись безъ этой способности, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ отрицать у женщинъ подобной же способности (Mitbesitz) къ логическому мышленію. «Въ доступныхъ имъ областяхъ науки и практики», говоритъ профессоръ философіи, «женщины мыслятъ на самомъ дѣлѣ такъ же логично, какъ и мы, любятъ тонкія опредѣленія (scharfe Distinctionen), и нерѣдко превосходятъ насъ въ ясности мышленія». Это доказывается, напр., часто встрѣчающеюся способностью женщинъ къ грамматическимъ опредѣленіямъ, ихъ часто проявляющеюся склонностью къ занятіямъ астрономіей и геометрией, ихъ очень нерѣдкою любовью къ систематической классификаціи тѣхъ предметовъ природы, которыми онѣ вообще легко заинтересовываются, напр., растений. Даже въ пользу логики, слывущей сухою, и философскихъ размышленій — «часто гораздо легче съ успѣхомъ заинтересовать женскую душу, чѣмъ душу студента». Можно только сказать, что мужчина для своей государственной или научной дѣятельности чаще нуждается въ познаніяхъ, логически связанныхъ, чѣмъ женщина въ своемъ домашнемъ или общественномъ быту. Несправедливымъ также считаетъ Бона-Мейеръ общераспространенное мнѣніе, что женщины въ области мысли и фантазіи болѣе свойственна воспримчивость, чѣмъ творчество. Мейеръ находитъ, что женщины обнаружили достаточную силу творчества въ нѣкоторыхъ родахъ литературной дѣятельности и живописи, и вполне соглашается съ Миллемъ, что великіе люди нерѣдко обязаны частью своихъ движущихъ идей вліянію жены или другой женщины. У женщинъ нѣтъ недостатка ни въ творческой фантазіи, ни въ инициативѣ мысли, но имъ недостаетъ упорной энергіи, чтобы эти зародыши воплотить въ величественно связанныя произведенія науки и искусства или въ великіе подвиги».

Недостатокъ такой энергіи напрасно стали бы мы искать въ слабости воли. Наоборотъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ женщины способны обнаружить необыкновенную силу воли. Дѣло въ томъ, что у женщины проявляется энергическая воля всякій разъ, когда въ нихъ сильно возбуждено чувство. Воля женщины въ союзѣ съ чувствомъ на все способна, въ разладѣ съ чувствомъ

очень слаба. А въ гражданской и политической дѣятельности нерѣдко бываетъ необходимо, чтобы воля дѣйствовала безъ участія чувства и даже исполняла вопреки влеченію чувства то, что требуется отвлеченнымъ долгомъ или холодною практическою потребностью.

Такимъ образомъ, психическое различіе между мужчиною и женщиною нужно искать не въ различной степени одаренности, а въ различныхъ взаимныхъ отношеніяхъ психическихъ функций.

Мышленіе, чувство и воля у мужчинъ и женщинъ подчиняются общимъ законамъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ достигаютъ одинаковой силы, но проявляются въ различныхъ сочетаніяхъ, и этимъ устанавливается естественнымъ образомъ сфера дѣятельности каждаго пола. Граница между ними опредѣляется не столько разумомъ и волей, сколько чувствомъ, и существенно зависитъ отъ направленія, интереса и вліянія чувства на мышленіе и волю. Женщина въ состояніи мыслить такъ же строго логично какъ мужчина, если ея чувство не задѣто. Мысль мужчины также нерѣдко вязнетъ въ предубѣжденіяхъ, подъ вліяніемъ чувства, но, вообще говоря, женщины, вслѣдствіе бѣльшей воспріимчивости, труднѣе удерживаются на пути яснаго мышленія, чѣмъ мужчины, и потому истинная сфера дѣятельности ихъ не можетъ заключаться въ общественной жизни. Точно также воля женщины можетъ достигать такой же силы, какъ у мужчины, но не слѣдуетъ подвергать женщинъ слишкомъ тяжелому испытанію въ борьбѣ между долгомъ и склонностью. Мужчина, напр., болѣе способенъ быть судьей, т. е. творить судъ по закону (*Recht zu sprechen*), женщина же болѣе способна прислушаться къ голосу внутренней справедливости (*Billichkeit*).

Не знаемъ, какъ отнеслись нѣмецкія читательницы вообще къ этимъ сужденіямъ своего заступника, но одна изъ нихъ, г-жа Гедвигъ Домъ ¹⁾, печатно объ нихъ отозвавшаяся, осталась ими очень недовольна. Эта остроумная писательница посвятила нѣсколько страницъ осмѣянію боннскаго профессора, но, вѣроятно, потому, что была слишкомъ взволнована; ея остроты на этотъ разъ неудачны, и мы поэтому не станемъ ихъ приводить. Серьбзная сторона ея возраженій заключается въ томъ, что женщинамъ приходится, даже слишкомъ часто, въ семьѣ и дома по-

¹⁾ Книга Г. Домъ:—*Ueber d. wiss. Eman. d. Frau*, вышла годомъ раньше выше приведеннаго сочиненія Мейера, но мнѣніе послѣдняго относительно женскаго вопроса было уже прежде обнародовано.

виноваться голосу «отвлеченнаго долга» и практической потребности «помимо всякаго чувства», а иногда и вопреки влеченію чувства, такъ что мужчины въ этомъ отношеніи не могутъ претендовать ни на какое предъ ними преимущество.

Всѣ упомянутые писатели: Милль, Зибель, Бона-Мейеръ и Домъ могутъ быть названы адвокатами женскаго вопроса, заступниками за права женщинъ. Но какъ различно понимаютъ они ихъ интересы! Каждый изъ нихъ старается отстаивать права женщинъ не столько противъ тѣхъ, которые относятся въ нимъ враждебно или недовѣрчиво, сколько противъ другихъ заступниковъ и адвокатовъ. Зибель возражаетъ Миллю и отстаиваетъ права женской природы противъ радикальнаго отождествленія ея съ мужской; Мейеръ возражаетъ Зибелю и отстаиваетъ мыслительную способность и силу воли женщины; Домъ возражаетъ Мейеру и протестуетъ противъ значенія, которое онъ придаетъ элементу чувства въ женской натурѣ. Каждый изъ нихъ требуетъ для женщинъ лучшаго, болѣе основательнаго способа образованія, требуетъ расширенія сферы труда, но какъ различно разграничивается каждымъ эта сфера. Такое разногласіе и противорѣчіе обнаружатся всегда при попыткахъ практически разрѣшить женскій вопросъ *на основаніи отвлеченныхъ положеній*,—если и вѣрныхъ, то во всякомъ случаѣ спорныхъ. Нельзя не согласиться съ Миллемъ, что современное различіе между интеллектуальнымъ и нравственнымъ міромъ мужчинъ и женщинъ въ значительной степени обуславливается вліяніемъ преемственной культуры и способомъ воспитанія, но слѣдуетъ ли изъ этого, что цѣлью современной культуры должно быть стремленіе ступшевать всѣ отгѣнки женскаго духовнаго существа?

Нельзя не согласиться въ то же время съ Зибелемъ, что различіе духовной природы женщинъ и мужчинъ до извѣстной степени коренится въ неизмѣнныхъ естественныхъ законахъ и находится въ тѣсной связи съ тою ролью въ жизни семьи и въ воспитаніи дѣтей, которая указана женщинамъ природою, но нѣтъ необходимости соглашаться съ практическими выводами изъ этого, въ которыхъ онъ приходитъ. Точно также невозможно, по нашему мнѣнію, не согласиться съ Мейеромъ, что женщина, вообще говоря, не уступаетъ мужчинѣ ни въ способности логическаго мышленія, ни силою воли, но что она воспримчивѣе въ области чувства; однако же нельзя, напр., допустить его выводъ, что мужчина способенъ быть судьей именно вслѣдствіе того, что не поддается чувству. Кому неизвѣстно, какъ часто въ исторіи и въ современной жизни мужчины доказывали свою

неспособность быть судьями именно вследствие того, что слишком поддавались влиянію того или другого чувства. Нужно ли напоминать объ афинскихъ геліагахъ, оправдательный приговоръ которыхъ чаще былъ вызываемъ не логическими доводами, а слезами, указаніемъ на малолѣтнихъ дѣтей обвиненнаго и краснорѣчивой, прочувствованной рѣчью. А сколько современныхъ процессовъ могутъ служить опроверженіемъ замѣчанія Мейера. Если въ настоящее время мало людей, которые сочли бы нужнымъ хлопотать о допущеніи женщинъ въ число судей и присяжныхъ, то это происходитъ вовсе не отъ того, что большинство руководится психологическими соображеніями, выраженными Мейеромъ.

Все это можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что современные вопросы, касающіеся положенія женщинъ въ обществѣ и образованія ихъ, только усложняются и затрудняются всякими отвлеченными разсужденіями о женской природѣ. Долго пришлось бы ждать женщинамъ болѣе серьезнаго образованія, если бы основаніе образовательныхъ учреждений для нихъ было поставлено въ зависимость отъ того, чья теорія—Милля, Зибеля или Мейера, оказалась бы справедливою. Женскій вопросъ есть преимущественно *практическій* вопросъ. Какая бы психологическая теорія ни одержала верхъ, общее положеніе женщинъ отъ этого мало измѣнится; громаднѣйшее число женщинъ всегда будетъ находить свое призваніе въ бракѣ и въ семьѣ, и точно также сфера дѣятельности для тѣхъ, которыя не вступаютъ въ бракъ или не могутъ жить исключительно для семьи, должна опредѣляться опять-таки не столько психологическими выводами, сколько практическими потребностями и условіями даннаго общества.

Такимъ образомъ, прежде всего необходимо выяснить, какіе существуютъ въ данный моментъ практическія потребности со стороны женщинъ. Но и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ слишкомъ обобщать вопроса, чтобы не запутать его и не затруднить его разрѣшенія. Затрудненіе заключается не рѣдко именно въ томъ, что писатели, вступающіеся за интересы женщинъ, при рассмотрѣніи вопроса съ практической стороны, прежде всего стараются установить *общія причины*, вызвавшія такъ-называемый женскій вопросъ. Конечно, существуютъ общія причины, возбуждавшія женскій вопросъ почти одновременно въ различныхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Конечно, можно искать въ общемъ движеніи культурной жизни человѣчества загадку того, почему именно въ наше время возникъ женскій вопросъ, почему именно теперь относительно этого вопроса появились *новыя* практическія

потребности, прежде не ощущавшіяся. Но при установленіи этихъ *общихъ причинъ*, мы опять встрѣтимъ большое разногласіе: одни будутъ утверждать, что эти общія причины чисто-теоретическаго свойства, что онѣ заключаются въ идеяхъ, до которыхъ доработалась европейская цивилизація; другіе будутъ увѣрять, что, напротивъ, эти общія причины свойства чисто-экономическаго. Одни будутъ говорить, что женскій вопросъ есть не что иное, какъ послѣдовательное требованіе (постулатъ) идеи всеобщей справедливости и равенства, написанной XVIII вѣкомъ на знамени современной цивилизаціи; что женскій вопросъ есть новая задача, поставленная человечеству на пути къ свободѣ, — задача, разрѣшеніе которой наступило послѣ того, какъ послѣдовательно были освобождены *рабы* классическаго міра, крѣпостные среднихъ вѣковъ, негры въ Соединенныхъ-Штатахъ. Другіе будутъ возражать, что дѣло вовсе не въ этомъ, что ключъ къ разгадкѣ женскаго вопроса слѣдуетъ искать въ статистикѣ, что причина появленія женскаго вопроса заключается въ томъ, что уменьшается относительное число браковъ или что постоянно увеличивается число женщинъ, принужденныхъ добывать себѣ средства въ существованію собственнымъ трудомъ. При такомъ разногласіи сводить женскій вопросъ на какую-нибудь одну общую причину, на примѣръ, идею всеобщей справедливости, какъ это дѣлаетъ Милль, или ставить его на шаткую почву цифровыхъ данныхъ, по нашему мнѣнію, такъ же непрактично, какъ приводить его въ зависимость отъ разрѣшенія вопроса объ интеллектуальномъ отношеніи женщинъ и мужчинъ. Та самая связь женскаго вопроса съ идеями XVIII вѣка или съ требованіями современнаго радикализма, которая вызоветъ сочувствіе въ однихъ, — охладитъ другихъ и исполнитъ ихъ недовѣрія ко всякому требованію объ измѣненіи положенія или способа образованія женщинъ. Сопоставленіе женщинъ съ рабами и неграми, какъ, на примѣръ, въ статьѣ Стюарта-Милля, если для однихъ и получить значеніе самаго убѣдительнаго аргумента, должно многимъ показаться смѣшнымъ, а нѣтъ болѣе опаснаго орудія противъ всякаго вопроса, какъ на смѣшка.

Но даже если бы, при изысканіи общей причины для современнаго движенія въ области женскаго вопроса, мы стали избѣгать упомянутыхъ крайностей, установленіе общей причины еще мало помогаетъ практическому разрѣшенію вопроса. Для подтвержденія этого можно привести Бона-Мейера и его оригинальную попытку объяснить современный женскій вопросъ. Мейеръ въ упомянутомъ нами сочиненіи указываетъ на то, что не слѣдуетъ смѣши-

вать женскаго вопроса съ различными проявленіями политическаго радикализма. Только въ Америкѣ и отчасти въ Англии требованія женщинъ, или агитація въ пользу женщинъ, касались также и политическаго уравниенія всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, самостоятельныхъ женщинъ съ мужчинами. По причину этого явленія въ Англии слѣдуетъ искать въ существованіи многихъ законовъ, чрезвычайно стѣсняющихъ женскій трудъ и общественное положеніе женщинъ. Женскій вопросъ сдѣлался очереднымъ вопросомъ въ Англии, когда въ 1856 году народная переписка показала, что въ Англии два милліона женщинъ принуждены жить собственнымъ трудомъ и въ состояніи добывать себѣ скудныя средства къ пропитанію, главнымъ образомъ, только посредствомъ шитья или уроковъ. Улучшить это положеніе можно было только отмѣною нѣкоторыхъ имущественныхъ и промысловыхъ законовъ.

Въ Сѣверной-Америкѣ женскій вопросъ получилъ нѣкоторый политическій отгвѣтъ вслѣдствіе того отчасти, что дарованіе политическихъ правъ неразвитой массѣ негровъ должно было вызвать у многихъ женщинъ сознаніе своего преимущества относительно участія въ политической жизни страны, отчасти же потому, что привычка и необходимость болѣе самостоятельной дѣятельности въ предпріимчивомъ американскомъ обществѣ могли породить требованіе полной равноправности. Соціальныя и экономическія причины, напримѣръ, трудность для женщины выйти замужъ и найти заработокъ, въ Америкѣ играли меньшую роль, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ тамъ препятствія къ заключенію браковъ заключаются не въ трудности прокормить семью, а, напротивъ, въ недостаточномъ числѣ женщинъ. По переписи 1860 года, въ Соединенныхъ-Штатахъ число мужчинъ превышало число женщинъ на 730,000 или на 5%, и только въ восьми штатахъ отношенія между обоими полами были болѣе равномѣрны. И въ богатой Франціи агитація въ пользу женщинъ коренится не въ соціальныхъ затрудненіяхъ, ибо именно во Франціи законодательство давно уже уничтожило разныя преграды, мѣшавшія развитію женскаго труда. Тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, стремленіе къ эманципации женщинъ происходило изъ «революціоннаго бреда о равенствѣ» и изъ безнравственнаго отношенія къ браку въ верхнихъ слояхъ общества.

Съ этимъ замѣчаніемъ Мейера нельзя согласиться; несмотря на богатство Франціи, вопросъ о женскомъ трудѣ имѣетъ въ ней важное значеніе, а неуваженіе къ браку существовало въ нѣкоторыхъ слояхъ французскаго общества и въ то время, когда не

было на свѣтъ никакого женскаго вопроса. Но оставимъ пока эту сторону вопроса и укажемъ на общую причину, посредствомъ которой Мейеръ объясняетъ современное появленіе женскаго вопроса.

Чтобы понять эту причину, по мнѣнію Мейера, нужна нѣкоторая *философія исторіи*. Легко убѣдиться въ томъ, что въ теченіи исторіи человѣчества женщины нѣсколько разъ выступали изъ колен, проведенной природою—это случалось всякій разъ, когда нарушался правильный ходъ культурнаго развитія. А потому женскій вопросъ есть общій культурный вопросъ. По своей природѣ, женщина является охранительницей гармоническаго развитія человѣческой души; уже ради чувства красоты, она должна любить эту гармонию. Мужчина же, вслѣдствіе меньшей чуткости своей, скорѣе способенъ къ невязанному, одностороннему развитію разума или воли. Поэтому интересъ мужчины легко сосредоточивается въ какой-нибудь узкой сферѣ теоретической или практической жизни, духъ его черствѣетъ, а воля упрямо держится за преданіе и предрасудки. Въ извѣстные періоды культурнаго процесса, опасность такого односторонняго развитія со стороны мужчинъ особенно велика. Вотъ въ эти именно моменты, женщины, съ ихъ болѣе чуткой натурой, содѣйствуютъ необходимому прогрессу своимъ сверхъобычнымъ вмѣшательствомъ.

Таковъ былъ, напримѣръ, моментъ, когда язычество боролось съ восходившимъ свѣтомъ христіанства. До того времени государство считалось высшимъ проявленіемъ человѣчности, поэтому все вниманіе было обращено на воспитаніе и образованіе *сыносовъ*, а для послѣднихъ существеннымъ было вліяніе отца и общественной жизни. По христіанскому же ученію, внутренняя жизнь должна была быть впереди, важнѣе всего, но въ этой жизни мужчина и женщина были призваны къ равному участию: воспитывать дѣтей къ этой внутренней жизни лежало одинаково на обязанности отца и матери; но, естественно, что въ этомъ дѣлѣ главная роль припала на долю женщины, неотвлеченной практическими заботами. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, возросло значеніе жены и матери. Уже Златоустъ указываетъ на это. «Прежде, — восклицаетъ онъ, — женщины могли равняться съ мужчинами — теперь онѣ ихъ превзошли. Вотъ что произвело явленіе Христа на землю! Женщина превосходитъ насъ благородными нравами, христіанской теплотой, благочестіемъ и любовью ко Христу, который снялъ проклятіе съ женскаго пола». А языческій риторъ Либаній съ удивленіемъ восклицалъ: «Что за жен-

щины у этихъ христіанъ!» Толчокъ къ великому культурному перевороту, тогда совершавшемуся, исходилъ отъ мужчинъ, но безъ живого участія женщинъ это движеніе безслѣдно бы исчезло среди равнодушія и предразсудковъ. Это воспринятіе новаго жизненнаго принципа со стороны женщинъ представляется намъ теперь достославнымъ заявленіемъ ихъ права на участіе въ благороднѣйшихъ стремленіяхъ человѣчества; но съ тогдашней точки зрѣнія оно должно было казаться выступленіемъ женщинъ изъ естественныхъ предѣловъ ихъ дѣятельности.

Подобнымъ образомъ выразилось участіе женщинъ въ возрожденіи науки и искусства послѣ погруженія человѣческаго духа въ средневѣковую схоластику. Передовыя личности изъ среды мужчинъ дали толчокъ къ свободному изысканію истины и поклоненію красотѣ классическаго міра, но масса мужчинъ упорно сопротивлялась новому движенію. Много прошло времени, пока университеты Европы пріютили у себя новое научное направленіе—а между тѣмъ одаренныя женщины изъ царствующихъ домовъ и другихъ сословій, съ болѣе быстрой воспримчивостью, предалися на сторону новаго движенія и своимъ живымъ участіемъ содѣйствовали духовному освобожденію общества. Такую же помощь оказали женщины торжеству внутренняго религіознаго чувства во время реформаціи. Въ XVIII в. легко воспламеняющаяся при видѣ соціальныхъ бѣдствій природа женщинъ привлекала ихъ во Франціи къ участію въ революціонномъ движеніи, а въ Германіи—во внутренней культурной революціи, совершившейся посредствомъ литературы.

Такимъ образомъ, въ культурной исторіи человѣчества женщина, какъ-бы воплощая собою внутреннюю совѣсть его, всегда является на общественной аренѣ, когда нужно очистить путь для какой-нибудь новой жизненной струи.

Такимъ образомъ, причину возбужденія женскаго вопроса и въ наше время, по мнѣнію Мейера, слѣдуетъ искать въ нѣкоторыхъ недостаткахъ современной нашей культуры, къ восполненію которыхъ призваны женщины. Агитація въ пользу правъ женщины, какъ полагаетъ этотъ писатель, никогда не приведетъ къ коренному измѣненію ея политическаго и экономическаго положенія. Но «нелѣпныя требованія политической равноправности» для женщинъ должны побудить мужчинъ позаботиться о томъ, чтобы образованіе женщинъ не отчуждало ихъ по прежнему отъ всякаго духовнаго участія въ политической жизни націи. Прежде считали совершенно достаточнымъ, если женщины при случаѣ оказывались доступными чувству патриотизма. Теперь этого не-

достаточно. Невозможно устранить влияние женщин на политическую жизнь уже вследствие личного положения их как жен и матерей, а в таком случае неподготовленность и неразумные дела с их стороны не могут не отразиться вредно на жизни общества.

То же можно сказать, — говорит Мейеръ, — и объ экономическомъ положеніи женщинъ. Въ общемъ и цѣломъ это положеніе мало измѣнится. Всегда будетъ господствовать законъ, по которому мужъ долженъ приобрѣтать, а жена хозяйничать; но и въ этомъ отношеніи должна быть допущена большая экономическая свобода для женщинъ, особенно большая мѣра участія въ художественной и научной дѣятельности мужчинъ.

Такимъ образомъ, результатъ разсужденій Мейера сводится къ тому, что разрѣшеніе женскаго вопроса слѣдуетъ искать въ попеченіяхъ о болѣе серьезномъ и основательномъ образованіи женщинъ, и что великія культурныя задачи нашего быстро-преуспѣвающаго вѣка могутъ быть выполнены только съ помощью улучшеннаго женскаго образованія; современная агитація въ пользу женщинъ есть признакъ неотвязчивой необходимости восполнить посредствомъ женскаго влияния нѣкоторые недостатки нашей современной культуры; меркантилизмъ и индустриализмъ нашего вѣка, вообще говоря, утилитаризмъ нашей культуры, требуютъ идеальнаго противовѣса; распространившійся, подъ господствомъ равнодушнаго утилитаризма, эгоизмъ вызываетъ въ ограниченію его болѣе благородными чувствами человѣческаго состраданія, а такой противовѣсъ можетъ заключаться только въ чрезвычайномъ внимательствѣ женщинъ въ развитіе общественной жизни. При господствѣ узкаго, спеціальнаго образованія необходимо возстановить права болѣе идеальнаго общечеловѣческаго образованія. Особенно же надлежитъ нашимъ женщинамъ, — восклицаетъ Бона-Мейеръ, — въ виду современныхъ событій въ Германіи, привести въ благому исходу разразившуюся религиозную борьбу. Онѣ будутъ въ состояніи это сдѣлать, если освободятся, съ помощью образованія, изъ-подъ господства слѣпой вѣры, подчиняющей авторитету, и въ то же время воспользуются теплотой своего религиознаго чувства, чтобы побороть невѣріе и религиозное равнодушіе мужчинъ.

Мы привели съ нѣкоторою подробностью отзывъ Бона-Мейера о женскомъ вопросѣ, чтобы показать читателямъ, какъ смотритъ на дѣло одинъ изъ серьезныхъ представителей современной философіи и нѣмецкой науки и чтобы убѣдить ихъ, насколько разнообразны причины выдвинувшагося въ наши дни женскаго

вопроса и какъ было бы несправедливо сводить его на агитацію, исходящую изъ радикализма или другихъ одностороннихъ политическихъ тенденцій нашего времени. Но мнѣніе Мейера можетъ служить также и подтвержденіемъ высказаннаго нами замѣчанія, какъ мало собственно практической пользы отъ отвѣченнаго разсмотрѣнія женскаго вопроса. Говоря о культурномъ призваніи женщинъ, самъ Мейеръ былъ принужденъ различно формулировать общественную задачу женщинъ въ разныхъ странахъ, а практическихъ совѣтовъ и указаній мы не находимъ у него никакихъ. А между тѣмъ это послѣднее особенно важно и необходимо. Женское дѣло можно подвинуть впередъ, и интересы женщинъ, — а черезъ это и самого общества, — можно обезпечить не отвлеченными разсужденіями о женской природѣ и о женскихъ правахъ, не съ помощью философіи исторіи, которая понятна и убѣдительна для немногихъ, — а указаніемъ на отдѣльныя, частныя, всѣмъ понятныя потребности въ области женскаго вопроса и на *мгстныя* средства къ ихъ удовлетворенію.

Всѣ требованія, раздающіяся въ области женскаго вопроса, сводятся къ двумъ преобладающимъ потребностямъ — потребности въ расширеніи сферы дѣятельности для женскаго труда и потребности въ расширеніи или улучшеніи средствъ къ образованію. Во многихъ случаяхъ эти двѣ потребности сливаются въ одну. Только низшая сфера труда, поденная или ручная работа, не требуетъ для своей специальной цѣли никакихъ образовательныхъ средствъ. Въ иныхъ же сферахъ возможности приложенія труда и образованія тѣсно связаны; безъ обезпеченія за женщинами возможности получить надлежащее образованіе не можетъ раздвинуться сфера труда, а съ другой стороны, если не будетъ предварительно раздвинута сфера труда или не будутъ отгнѣнены преграды, мѣшающія женщинамъ производительно трудиться, попытки улучшить образовательныя средства ихъ должны остаться въ значительной степени фантастическими и бесплодными.

Конечно, главный, преобладающій трудъ женщинъ всегда будетъ семейный трудъ, т.-е. трудъ въ семьѣ, но нужда давно уже заставляла многія тысячи женщинъ работать на семью не въ семьѣ, а внѣ семьи. На фабрикахъ и въ рудникахъ, во всѣхъ странахъ Европы, стали ранѣе всякаго возбужденія женскаго вопроса эксплуатировать въ обширныхъ размѣрахъ женскій трудъ. И давно бы слѣдовало обществу и правительствамъ обратить вниманіе на это явленіе не столько въ этомъ случаѣ для расширенія женскаго труда, сколько для его охраненія и правильной постановки его. Много ужасающихъ данныхъ уже выведено въ

этомъ отношеніи на свѣтъ частными лицами и различными правительственными комиссіями. Укажемъ для примѣра на «ислѣдованія комиссіи, назначенной королевской академіей въ Брюсселѣ для изученія вопроса о женскомъ трудѣ въ рудникахъ, 1868 года». Изъ этого исслѣдованія (Enquête) видно, что на 86,621 рабочихъ въ каменноугольныхъ рудникахъ въ южныхъ провинціяхъ Бельгіи приходилось въ 1867 году 7817 женщ. и 5437 дѣвочекъ. Работа ихъ главнымъ образомъ заключается въ выкачиваніи воды посредствомъ качалки, въ вывозѣ угля изъ шахтъ посредствомъ маленькихъ тележекъ и въ заваливаніи пустыхъ шахтъ камнемъ и землею. Эти работы чрезвычайно вредно отражаются на физическихъ и нравственныхъ свойствахъ населенія. Не говоря объ увѣчьяхъ, происходящихъ отъ земляныхъ заваловъ, и о высокой температурѣ въ шахтахъ, особенно вредно дѣйствуетъ постоянно согнутое положеніе, въ которомъ находятся работающіе. Органы тѣла неравномѣрно развиваются; грудь и плечи, постоянно напряженные, развиваются насчетъ спины, таза и ногъ, очень часто искривленныхъ и уродливыхъ. Ростъ женщинъ не достигаетъ средняго; онѣ поздно развиваются и соврѣваютъ не ранѣе 17, 18 или даже 19 лѣтъ;—преждевременные или тяжелые и несчастливые роды представляютъ обыкновенное явленіе, а при правильныхъ родахъ число мертворожденныхъ чрезвычайно велико.

Такимъ результатамъ соответствуетъ и печальная картина нравственнаго быта. «Рѣдко случается, чтобы 14-ти-лѣтняя дѣвочка не имѣла любовника; замужъ выходятъ онѣ только, когда ожидаютъ родовъ; замужнія женщины неспособны заниматься хозяйствомъ, онѣ ничего не въ состояніи приготовить кромѣ ежедневнаго супа; шить, штопать и мыть онѣ не умѣютъ и вслѣдствіе этого вся семья въ грязи и лохмотьяхъ. Не имѣя собственнаго хозяйства, мужья проводятъ свободное время въ трактирахъ, гдѣ пропадаетъ ихъ значительный заработокъ и дѣлаются долги. Школь въ этихъ округахъ настроено много, но онѣ не посѣщаются населеніемъ рудниковъ. Въ описанномъ нами случаѣ приходится жаловаться не на то, что женщины не допущены къ труду, а наоборотъ; по крайней мѣрѣ упомянутой нами довлѣдъ заявляеть, что участіе женщинъ и дѣтей въ работахъ на рудникахъ вызвано не условіями этого промысла, а распаденіемъ семейнаго и нравственнаго быта тамошняго населенія, отсутствіемъ домовитости и безопасностью родителей по отношенію къ дѣтямъ.

Вообще говоря, въ области тяжелаго, ручного труда женщинамъ остается желать не столько устраненія преграды къ труду,

сколько измѣненія условій, въ которыя онъ поставленъ. Изъ числа этихъ условій три особенно вредны для женщинъ. Во-первыхъ, неправильное и несоотвѣтственное вознагражденіе женскаго труда. Женскій трудъ прежде всего оцѣнивается слишкомъ дешево сравнительно съ мужскимъ. Въ Парижѣ, напр., средній заработокъ для мужчинъ составляетъ 4 фр. 41 с., для женщинъ 2 фр. 41 с. Въ отдѣльныхъ промыслахъ различіе представляется еще болѣе разительнымъ — перчаточники получаютъ отъ 3—10 фр., перчатчицы отъ 1—4. Съ 1845 года заработокъ перчаточниковъ увеличился на 35%, а заработокъ перчатчицъ остался тотъ же. Переплетчики получаютъ отъ 3—8 фр., переплетчицы отъ 1—3. Важною причиною этого неравенства является, конечно, то обстоятельство, что женщины не получаютъ «профессиональной» подготовки. Поэтому, напр., кройка перчатокъ, которая вознаграждается болѣе высоко, поручается мужчинамъ, учившимся этому мастерству, женщинамъ же предоставляется только шитье перчатокъ. Относительно рисованія на камнѣ (для литографій) въ Парижѣ приходится на 36 учениковъ 1 ученица.

Вслѣдствіе такой слишкомъ низкой оцѣнки женскаго труда, заработокъ женщинъ обыкновенно недостаточенъ для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей ¹⁾. Далѣе отсюда слѣдуетъ, что на женскій трудъ смотрятъ только какъ на средство *удешевить* трудъ мужской, вслѣдствіе чего нерѣдко особенно враждебно относятся къ расширенію области женскаго труда мужчины-работники. Въ 1860 году, напр., въ Парижѣ образовалось и было утверждено правительствомъ общество типографическихъ рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы выдавать ежедневное вознагражденіе въ 2 фр. всякому рабочему, который забастуетъ изъ-за допущенія въ типографію женщинъ. Въ этомъ отношеніи права Гедвига Домъ, утверждающая, что оппозиція противъ расширенія области женскаго труда начинается только тамъ, гдѣ заработная плата женщины превышаетъ «грошечные размѣры».

Другое важное неудобство относительно женскаго труда заключается въ неправильномъ и часто неестественномъ распредѣленіи труда между женщинами и мужчинами. Многіе промыслы, требующіе значительнаго физическаго напряженія, предоставлены женщинамъ; другіе, болѣе свойственные природѣ и способностямъ

¹⁾ Une course rapide à travers les professions exercées par les femmes va nous donner la preuve irréfutable, que leur salaire n'est presque jamais égal à leurs besoins. Это слова Жюль Самона, котораго Г. Домъ называетъ энергическимъ противникомъ женскаго вопроса. Dohm, Die wiss. Em., p. 24.

женщинъ, исполняются мужчинами. Въ Англии, напр., женщины занимаются выдѣлкой кирпича; въ Ливерпулѣ и Дублинѣ женщины возятъ въ громадныхъ тачкахъ песокъ для продажи; въ другихъ мѣстностяхъ женщины чинятъ лодки, работаютъ на шлюзахъ, даже тянутъ баржи по берегу каналовъ. Съ другой стороны, напр., въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ множество дамскихъ портнихъ, а парикмахерскій промыселъ повсемѣстно въ рукахъ мужчинъ. На послѣднемъ конгрессѣ французскихъ рабочихъ въ Лионѣ, работница Рауль жаловалась на массу мужчинъ рабочихъ, вторгнувшихся въ области чисто-женскихъ производствъ (парикмахеры, прѣточники и т. д.), такъ что женщинамъ скоро придется, ради куска хлѣба, идти чуть не въ каменщики, печники и плотники. И въ этомъ отношеніи права г-жа Домъ, утверждающая, что только *выгода* мужчинъ опредѣляетъ до сихъ поръ организацію женскаго труда.

Ко всему этому еще присоединяется вредное вліяніе женскаго труда внѣ семьи на семейный бытъ и нравственность при тѣхъ условіяхъ, въ которыя этотъ бытъ болѣею частью поставленъ. Изъ заявленій мэра въ Руанѣ видно, что въ этомъ фабричномъ городѣ изъ числа новорожденныхъ 60% погибаетъ въ первый же годъ. Краснорѣчиво говорить объ этомъ бѣдствіи названіе:— *поставщица ангеловъ*—данное въ большихъ фабричныхъ городахъ Франціи деревенскимъ кормилицамъ, которымъ фабричныя работницы принуждены отдавать своихъ дѣтей. Что же касается до нравственности женщинъ и дѣвушекъ, работающихъ на фабрикахъ, то жалобы на это одинаково раздаются и въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, и въ разныхъ сочиненіяхъ о женскомъ вопросѣ, и на конгрессахъ рабочихъ¹⁾.

Борьба противъ этихъ бѣдствій, конечно, очень трудно, но успѣха въ этомъ отношеніи можно ожидать и отъ мѣръ государственной власти, и отъ вліянія школы, и отъ свободы ассоціацій для женщинъ. По крайней мѣрѣ послѣднее средство рекомендуется столько же представителями рабочаго сословія, сколько и представителями эвонимической науки. Какъ бы то ни было, нужно имѣть въ виду, что въ области фабричнаго и ремесленнаго труда женщины находятся подъ властью эвонимическихъ условій; нужда съ одной стороны, а интересъ съ другой прокладываютъ имъ широкую дорогу къ труду, и имъ потому приходится требовать отъ государства не столько поощренія въ трудѣ

¹⁾ См. брошюру фрейбургскаго проф. Шваберга: Die Frauenfrage, и рѣчь г-жи Обе на Конскомъ конгрессѣ рабочихъ.

и расширенія области его примѣненія, сколько защиты и попеченія.

Въ совершенно иномъ положеніи оказывается женскій вопросъ и отношеніе къ нему государства, какъ скоро мы несемся тѣхъ классовъ общества, которые не поставлены въ необходимость прибѣгать къ исключительно физическому труду. Здѣсь является уже потребность въ распространеніи женскаго труда на такія области, доступъ къ которымъ зависитъ не столько отъ частныхъ лицъ, сколько отъ государства. Только съ этой стороны женскій вопросъ собственно и является вопросомъ или новымъ вопросомъ. Въ низшихъ сферахъ труда женщины всегда трудились, и ихъ право на трудъ никогда не подвергалось сомнѣнію. Вопросъ о женскомъ трудѣ возникъ собственно только тогда, когда оказалась потребность въ приложеніи къ дѣлу труда женщинъ среди такихъ общественныхъ классовъ, которымъ прежде не нужно было объ этомъ заботиться. При разсмотрѣніи причинъ, которыя вызвали такое явленіе, намъ прежде всего нужно обратить вниманіе на вопросъ о бракѣ. Относительно женщинъ, обреченныхъ на фабричный и ремесленный трудъ, вопросъ о бракѣ не играетъ такой же важной роли; онѣ находятся въ такомъ положеніи, что необходимость самостоятельнаго труда у нихъ не въ зависимости оттого, замужемъ ли онѣ или нѣтъ. Но въ тѣхъ классахъ, гдѣ трудъ лучше вознаграждается и достаточенъ для того, чтобы прокормить семью, необходимость прилагать свой трудъ къ занятіямъ внѣ семьи существуетъ обыкновенно только для тѣхъ женщинъ, семья которыхъ разрушилась, или для тѣхъ, которыя не имѣли возможности основать семью, т.-е. для вдовъ и для женщинъ, не вышедшихъ замужъ. Здѣсь поэтому весьма важно знать численное отношеніе между замужними и незамужними.

Извѣстно, что вездѣ, кромѣ странъ, гдѣ переселеніе измѣняетъ обычныя отношенія половъ, число женщинъ превышаетъ число мужчинъ, и что поэтому извѣстный процентъ женщинъ обреченъ на безбрачную жизнь. Въ Англіи число женщинъ превышаетъ число мужчинъ на 4—5%, въ Вюртембергѣ на $3\frac{1}{2}$; въ обѣихъ странахъ выселеніе въ Новый Свѣтъ имѣетъ значительное вліяніе на эти цифры. Вообще же численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами составляетъ 2%. Но такъ какъ мужчины вступаютъ въ бракъ гораздо позднѣе женщинъ, многіе мужчины остаются холостяками, вдовцы чаще вступаютъ въ вторичный бракъ, чѣмъ вдовы, то дѣйствительное число женщинъ, несостоящихъ въ бракѣ, гораздо значительнѣе 2%. Въ Пруссіи, напр., по статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1861 году, число неза-

мужских женщин составляло 1.250,000 на 17 миллионов жителей, из них $\frac{7}{8}$ должны были жить собственным трудом¹⁾. В Берлинѣ на 1,000 взрослых женщин приходится 530 замужних, 322 незамужних, 148 вдовъ. Но особенно точныя свѣдѣнія можно извлечь изъ подробныхъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ относительно великаго герцогства Бадена²⁾. По переписи 1864 г. въ этомъ государствѣ оказалось:

1) Число незамужнихъ женщинъ, перешедшихъ 18-ти-лѣтній возрастъ, 193,123; число неженатыхъ мужчинъ (начиная съ 24 лѣтъ) 105,881, — разница 87,242; численное отношеніе какъ 1000 : 1823.

2) Число вдовцовъ 27,665; число вдовъ 52,034; — разница 25,369; численное отношеніе какъ 1000 : 1891.

3) Число неженатыхъ мужчинъ старше 41 года — 25,486.

Если имѣть въ виду, что брачный возрастъ для мужчинъ среднимъ числомъ обнимаетъ время отъ 24 до 40 лѣтъ, а у женщинъ отъ 18 до 35, и сопоставить сообразно съ этимъ число мужчинъ, состоящихъ въ брачномъ возрастѣ, съ соответствующимъ числомъ женщинъ, то получатся цифры 80,595 и 141,736, относящіяся какъ 1000 : 1733; но если вычесть изъ 80,595 число мужчинъ, остающихся холостыми послѣ 41-лѣтняго возраста, а именно 25,486, то получится чрезвычайно невыгодный для женщинъ результатъ — на 1000 жениховъ 2,571 невѣста!

Что касается до Москвы, то, несмотря на перепись, произведенную въ концѣ 1871 года, мы не имѣемъ возможности вывести для этого города подобныя данныя. Москва находится въ ненормальныхъ условіяхъ въ томъ отношеніи, что значительная часть ея населенія состоитъ изъ крестьянъ, пришедшихъ на заработокъ и оставившихъ въ деревнѣ семью, вслѣдствіе чего число мужчинъ значительно превышаетъ число женщинъ — на 242,799 женщинъ приходится 354,047 мужчинъ. Но если мы рассмотримъ московское населеніе по сословіямъ, то тотчасъ оказывается значительный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. Такъ, дворянъ потомственныхъ 10,498 мужчинъ, 11,886 женщинъ; личныхъ 9,374 мужчинъ, 11,115 женщинъ; духовенства 4,135 мужчинъ 5,026 женщинъ. Въ купеческомъ сословіи численный перевѣсъ на сторонѣ мужчинъ, вѣроятно потому, что Москва привлекаетъ для торговыхъ дѣлъ многихъ лицъ этого сословія, пріѣзжающихъ

¹⁾ König, Zur Characteristic der Frauenfrage.

²⁾ Эти цифры заимствованы нами изъ упомянутой уже брошюры проф. Шенберга: Die Frauenfrage.

сюда безъ семьи. Это подтверждается численными данными относительно иностранцевъ, гдѣ на 3,498 мужчинъ приходится только 3,215 женщинъ. За то сословіе мѣщанъ представляетъ обратное отношеніе — 52,321 мужчинъ и 63,893 женщинъ; цеховыхъ 13,973 мужчинъ и 17,315 женщинъ.

Изъ этихъ цифръ видно, что за исключеніемъ крестьянъ и купцовъ, число женщинъ и въ Москвѣ представляетъ значительный перевѣсъ надъ числомъ мужчинъ. Къ сожалѣнію, *Статистическія свѣдѣнія*, изданныя московскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1874 г., не представляютъ никакихъ свѣдѣній относительно распредѣленія возраста холостыхъ и женатыхъ по сословіямъ¹⁾, вслѣдствіе чего нѣтъ возможности опредѣлить, какъ это сдѣлано относительно Бадена, процентное отношеніе женщинъ, которыя обречены на безсемейную жизнь. Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что *Статистическія свѣдѣнія*, входящія иногда въ излишнія подробности (существуютъ, напр., особенныя таблицы для распредѣленія *исландцевъ* и *хорватовъ* по частямъ Москвы, изъ которыхъ оказывается, что въ Арбатской части живутъ 4 исландца, а въ Ливанской 4 хорвата, въ остальныхъ же 16 частяхъ нѣтъ представителей этихъ національностей) не даютъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить число женщинъ, поставленныхъ въ необходимость жить собственнымъ трудомъ. Что однако число такихъ женщинъ должно быть значительно, можно заключить изъ того, что въ Москвѣ на 11,816 вдовцовъ насчитывалось 43,869 вдовъ, изъ которыхъ, конечно, многія должны собственнымъ трудомъ содержать себя и семью.

Если же мы выразимъ численныя отношенія между дѣвками, которыя старше 16 лѣтъ (61,158), замужними женщинами (86,792) и вдовами (43,869) въ процентахъ, то получимъ выводъ еще менѣе благоприятный для московскихъ женщинъ, чѣмъ вышеприведенный выводъ для Берлина:

На 1000 женщинъ.

	въ Берлинѣ:	въ Москвѣ:
незамужнихъ	322	318
замужнихъ	530	452
вдовъ	148	228

¹⁾ Напечатанная на стр. 11 таблица распредѣленія жителей по возрастамъ не имѣетъ для насъ значенія потому, что пришлый, преимущественно крестьянскій элементъ, включенный въ расчетъ, маскируетъ дѣйствительное отношеніе половъ.

При некотором знакомствѣ съ подобными статистическими данными представляется, впрочемъ, чрезвычайно легкомысленнымъ столь еще распространенное возраженіе противъ всякой попытки женщины расширить сферу своего труда — что назначеніе женщины семья, что дѣвушка должна искать себѣ обезпеченія въ замужствѣ и найдеть себѣ дѣло въ своемъ ховайствѣ. Съ горькой ироніей возражаетъ противъ этого г-жа Домъ, что въ наше время бракъ скорѣе представляетъ средство къ обезпеченію (Vergorgungsanstalt) для мужчинъ, «ибо каковой иной смыслъ имѣеть эта гоньба за наследниками, которая ежедневно происходитъ на нашихъ глазахъ». А Мишлѣ съ своей гиперболической, но мѣтвой манерой восклицаетъ: «если бы французскіе законы не дѣлали дѣвушекъ богатыми (вслѣдствіе обязательнаго, равнаго дѣлежа между дѣтьми), никто бы у насъ не женился».

Число браковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятность для дѣвушки выдти со временемъ замужъ уменьшаются, конечно, не въ одинаковой степени для всѣхъ классовъ общества. Вліяніе этихъ фактовъ становится особенно ощутительнымъ для той части общества, которая по своему образованію и по роду своей жизни принадлежитъ къ среднему или высшему слоямъ, но положеніе которой обезпечено только доходомъ съ личнаго труда одного изъ членовъ. Въ этой средѣ труднѣе основать семью, браки заключаются позднѣе, и различіе между тѣмъ образомъ жизни, въ которому дѣвушка привыкла въ домѣ отца или родни, и той долей, которую могутъ предложить ей встрѣчающіеся женихи, слишкомъ значительно. Все это понятно само по себѣ, но, кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ мѣстностей подтверждено и статистическими данными. «Изъ таблицъ сочиненія Швабе о берлинской переписи за 1867 г. совершенно ясно видно, что дочерямъ государственныхъ чиновниковъ и вообще служащихъ, офицеровъ, духовныхъ лицъ, медиковъ и ученыхъ рѣже всего представляется случай выдти замужъ, или найти занятіе, которымъ онѣ могли бы содержать себя»¹⁾.

Однако, возразятъ намъ опять, и въ прежнія времена существовало много дѣвушекъ, которымъ не удавалось найти себѣ приюта въ бракѣ, и однако они не искали труда внѣ семьи и дома. Такого рода возраженія давно уже опровергнуты въ многочисленныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, написанныхъ по поводу женскаго вопроса. Какъ на причину такой перемены, указываютъ на измѣнившіяся экономическія условія. Прежде вездѣ жили

¹⁾ Приведено у Nathusius: Zur Frauenfrage.

шире; прежде и въ самой скромной семьѣ можно было найти уголокъ для незамужней сестры или тѣтки; теперь все приурочено и рассчитано такъ, что въ квартирахъ небольшого или средняго размѣра почти никогда нѣтъ ни одной лишней комнаты ¹⁾.

Прежде въ самомъ скромномъ хозяйствѣ сестра или тѣтка всегда имѣли возможность быть полезными, а теперь въ городской тѣснотѣ исчезаютъ прежніе погреба и подвалы: запасы дѣлать негдѣ и не нужно, все упрощено и приспособлено къ хозяйничанью изо дня въ день. Даже въ Германіи, столь индивидуальна относящейся къ дѣятельности хозяйки около домашняго очага, гдѣ хозяйничанье есть страсть и въ то же время рассматривается какъ священный долгъ жены, многія хозяйки пришли къ грустному убѣжденію, что даже *выходные* какъ можно болѣе стѣсняютъ свою хозяйственную дѣятельность ²⁾.

Естественно при этомъ, что по крайней мѣрѣ въ городахъ число дѣвушекъ, остающихся незамужними и не находящихъ себѣ пріюта въ родственной семьѣ, возрастаетъ, и что вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ содержать себя въ жизни, становится для нихъ серьезнымъ вопросомъ. Извѣстная писательница, Фанни Левальдъ, въ одномъ изъ своихъ «14-ти писемъ за и противъ женщинъ» рисуетъ печальную, но вѣрную картину. «Кому не случилось, — спрашиваетъ она, — бывать въ домѣ, гдѣ «кормилецъ» только-что закрылъ глаза. Былъ-ли онъ купцомъ, совѣтникомъ, врачомъ или майоромъ — все равно! Онъ былъ кормильцомъ, и онъ умеръ. Съ трудомъ, а иногда съ громадною тратою силъ онъ ежегодно добывалъ сумму, которая была необходима для содержанія семьи. Теперь его нѣтъ; погружена въ раздумье жена, а рядомъ съ ней сидятъ дочери, воспитанныя въ виду предстоящаго брака и тихой, уютной семейной жизни. Онѣ охотно продолжали бы по прежнему дѣлать сбереженія по хозяйству и ввлекать изъ рубля какъ можно больше пользы. Но несысли тѣ доходы, на которые можно было съ бережливостію и искусствомъ

¹⁾ Даже консервативный и нѣсколько мерицианскій Nathusius признаетъ „Wohnungsmangel“ въ большихъ городахъ какъ одну изъ причинъ женскаго вопроса. См. его: Zur Frauenfrage, p. 55.

²⁾ Мы считаемъ не лишнимъ указать при этомъ на характеристическій фактъ, что появилась въ 1875 году брошюра знаменитаго социолога Штейна: „Die Frau auf dem Gebiet der Nationalökonomie“ — заключающая въ себѣ среди многихъ общихъ и сентиментальныхъ фразъ выводъ, что главное значеніе женщины на поприщѣ общественной и экономической жизни состоитъ въ призваніи конять въ хозяйствѣ гроши и сберегать огарки, появилась въ прошломъ году уже въ четвертомъ изданіи.

вести хозяйство — и потому искреннее, глубокое, священное горе о мужѣ и отцѣ отравляется мыслью, что умеръ кормилецъ. Въ-место того, чтобы погрузиться любящимъ сердцемъ въ воспоминаніе о прошедшемъ, мать и дочери смотрятъ впередъ и спрашиваютъ: «что же теперь?»

Положеніе дѣвушекъ образованнаго класса, оставшихся безъ мужской опоры, бываетъ безвыходное. Къ нимъ присоединяются многочисленныя вдовы, которыя лишены такой опоры. Неприготовленныя ни въ какому роду жизни, кромѣ семейной, оны не знаютъ куда дѣваться, и не имѣютъ другихъ средствъ къ пропитанію, кромѣ маленькихъ талантовъ, служившихъ къ украшенію ихъ семейной жизни. Тяжелое, захватывающее душу, впечатлѣніе дѣлаетъ отчетъ распорядителя берлинскаго «Базара Викторин» Карла Вейсса: «Когда былъ устроенъ базаръ, то казалось, что открылась новая Виведа, чудесный источникъ, изъ котораго всякому можно было черпать, лишь бы постѣль. Цѣлыя толпы искавшихъ помощи отовсюду являлись за спасеніемъ; почта приносила тысячи со слезами написанныхъ писемъ; передъ глазами открылась картина многихъ жизней, и всѣ жалобы кончались мольбой: достаньте намъ хлѣба и одежды для насъ и нашихъ дѣтей! Кто же были тѣ, которые являлись съ такими жалобами и мольбами? То были не дѣти третьяго или четвертаго сословія, но болѣею частью члены средняго состоянія и *высшаго общества*; нерѣдко это были женщины высокаго положенія и образованія, лица, составлявшія нѣкогда украшеніе своего общества, и сдѣлавшіяся теперь причиной горя, обузой для себя и для другихъ. Особенно велика была нужда между семьями умершихъ чиновниковъ».

А вотъ отзывъ изъ Франціи: въ С.-Дени существуетъ женскій институтъ для дочерей и сиротъ высшихъ офицеровъ. Учебная программа института обнимаетъ, кромѣ предметовъ образованія, всѣ свѣдѣнія, необходимыя для будущей хозяйки и включающіяся кухни, стирки бѣлья, шитья и пр. Но для многихъ институтовъ, невзидавшихъ замужъ, эти свѣдѣнія должны были оставаться безплодными и непримѣнными. Что же имъ оставалось дѣлать? — Утверждаютъ, что одно время въ С.-Лазарской тюрьмѣ содержалось 20 бывшихъ ученицъ этого института!

Помянуто поэтому, что среди женщинъ образованнаго общества растетъ сознаніе необходимости и желаніе свѣдѣній, болѣе приложимыхъ къ дѣлу и способныхъ служить средствомъ къ про-

*) K. Weiss, Der Nothstand unter den Frauen. 1870.

питанію. Изъ отчета, напр., берлинской семинаріи для учительницъ видно, что за 10 лѣтъ число 725 ученицъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ, между различными классами: дочерей купцовъ 128; — учителей и директоровъ 61; — пасторовъ 49; — канцелярскихъ чиновниковъ 96; — врачей 43; — профессоровъ и старшихъ учителей 38; — офицеровъ 35; — юристовъ 31; — высшихъ чиновниковъ (Geh. Ober. Reg. Rath.) 22; — помѣщиковъ 25; — капиталистовъ (Rentiers) 26; — ремесленниковъ 67; — различныхъ занятій (лѣсничихъ, трактирщиковъ, ветеринаровъ и пр.) 52, — и дочерей литераторовъ и артистовъ — 18. Въ числѣ показанномъ было 30 дѣвицъ дворянскаго происхожденія. На акушерскій курсъ проф. Шелера при берлинскомъ госпиталѣ Charité, на который принимаютъ только 36 слушательницъ, такъ какъ онѣ всѣ состоятъ помощницами при родильной клиникѣ, въ прошлую осень записалось нѣсколько сотъ кандидатокъ, и между ними были лица такихъ классовъ, которые прежде и не думали прибѣгать къ практической дѣятельности для поддержанія себя ¹⁾).

Мы, впрочемъ, нисколько не желаемъ преувеличивать значеніе такихъ экономическихъ и нравственныхъ побужденій. Мы предпочитаемъ объяснять развитіе потребности жезскаго труда нравственными причинами. Личный трудъ есть великое условіе и главный рычагъ человѣческой культуры. Прошло то время, когда трудъ считался только тяжелой необходимостью, отъ которой избавлены болѣе счастливые люди и когда на людей трудящихся смотрѣли свысока. Уваженіе къ труду давно укоренилось въ цивилизованномъ обществѣ. Естественно, что это уваженіе къ труду, это сознаніе его культурнаго значенія проникли также и въ среду женщинъ, и стремленіе къ обще-полезному и самостоятельному труду охватило и такіа лица, изъ которыхъ не всѣхъ только одна нужда ваставляетъ искать занятій внѣ семьи.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи женщинамъ приходится еще бороться противъ сильно укоренившихся предрассудковъ. Тѣ самыя мужчины, которые съ пренебреженіемъ относятся къ мужчѣнѣ ничѣмъ незанятому, или чтобы выразиться эфемистически, посвящающему себя только семейному труду, смотрятъ съ недо-вѣріемъ на женщину, стремящуюся къ труду, или смущаются, когда эта женщина принадлежитъ къ ихъ собственной семьѣ. Чрезвычайно любопытный въ этомъ отношеніи фактъ разсказываетъ Фанни Левальдъ изъ своей жизни. «Я переживала въ отцов-скомъ домѣ, среди любившей меня и мною любимой семьи, та-

¹⁾ Der Frauenanwelt. 1876 p. 227.

іе тяжелые годы, что не могу вспомнить о нихъ безъ замиранія сердца. И все это только потому, что считалось «*неприличіемъ*», чтобы мы—дочери почтеннаго купца и члена городского совѣта—добывали свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ и помогали отцу, голова котораго рано посѣдѣла отъ тяжелой заботы при видѣ своихъ шести необеспеченныхъ дочерей. Мы были хорошо воспитаны, не лишены красоты и способностей. Но не разъ тотъ или другой молодой человѣкъ, охотно бы женившійся на одной изъ насъ, не рѣшался на это въ виду пяти сестеръ, которыя должны были остаться у него на рукахъ». Наконецъ, больная и измученная стремленіемъ къ выходу и неспособная подчиниться недостойнымъ брачнымъ узамъ, которыми хотѣлъ ее связать отецъ, Фанни, старшая изъ сестеръ, убѣдилась въ своемъ писательскомъ талантѣ и рѣшилась этимъ способомъ помочь себѣ и семьѣ. Ея отецъ, несмотря на то, что былъ человѣкомъ *простыщеннымъ*, далъ на это свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы она сохраняла въ тайнѣ свои литературныя занятія. Фанни уѣхала изъ дома, преслѣдуемая упреками дядей, тетокъ и кузинъ; ее упрекали въ томъ, что она внѣ отцовскаго дома проживаетъ больше, чѣмъ она имѣла бы права требовать отъ отца. Даже отъ *родныхъ ея сестеръ* отецъ скрывалъ то обстоятельство, что она сама себя содержитъ, потому что *самостоятельное* положеніе одной изъ его дочерей ему казалось неприличіемъ.

Такимъ образомъ, не одни экономическія, но и нравственныя причины увеличили въ наше время число тѣхъ женщинъ, которыя ищутъ внѣ дома и семьи возможности трудиться. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что число такихъ женщинъ очень неопредѣленно, т.-е. можетъ всегда значительно возрасти. Много ли на самомъ дѣлѣ такихъ отцовъ, которые исполнѣ увѣрены, что ни одна изъ ихъ дочерей никогда не увеличитъ собою того числа; сколько дѣвушекъ, начинающихъ жизнь съ блестящими надеждами, внезапно оказываются предоставлены собственнымъ средствамъ! Поэтому вопросъ о женскомъ трудѣ касается не только тѣхъ женщинъ, которыя съ дѣтства знаютъ, что, вѣроятно, имъ самимъ придется заботиться о себѣ, не только тѣхъ, которыя ищутъ труда, чтобы восполнить отсутствіе семьи, но и громадное число тѣхъ, которымъ, можетъ быть, придется приложить къ дѣлу свой трудъ, если не удастся выйти замужъ, или если рано разобьется ихъ семейная жизнь.

Выясненіе вопроса о женскомъ трудѣ, устраненіе предрассудковъ, распространенныхъ въ этомъ отношеніи въ обществѣ, и возможность, данная дѣвушкамъ среднихъ и высшихъ классовъ

трудиться—должны содѣйствовать не только матеріальному благосостоянію многихъ небогатыхъ семействъ, но, *поднявши весь нравственный уровень* этихъ семействъ сознаниемъ исполненнаго долга и внутреннимъ довольствомъ, которое дается всякимъ честнымъ трудомъ,—внести туда духовное счастье. Сколько есть семействъ, въ довольно сносномъ положеніи, жизнь которыхъ отравляется внутреннимъ раздраженіемъ, вытекающимъ изъ ненормальнаго положенія взрослыхъ дочерей. Отецъ постоянно недоволенъ тѣмъ, что, несмотря на весь его тяжелый трудъ, на его старанія и жертвы, скудость его средствъ не дозволяетъ ему обезпечить дочерей приданнымъ «для подходящей партіи»; мать, знаящая только одно средство обезпечить дочерей—вывести ихъ въ свѣтъ—не можетъ свести концовъ съ концами; дочери не знаютъ, что съ собой дѣлать, тяготятся своимъ положеніемъ, и если онѣ деликатны,—огорчены тѣмъ, что доставляютъ родителямъ столько заботъ, а если неделикатны, то недовольны родителями за то, что тѣ не умѣютъ найти имъ партію. И никому не приходитъ въ голову, что единственный выходъ изъ этого, для всѣхъ тягостнаго и безнравственнаго положенія—самостоятельный трудъ дочери.

«Полагая, что они исполняютъ долгъ любви относительно своихъ дочерей», говоритъ очень мѣтко Фанни Левальдъ въ своемъ второмъ письмѣ, «многіе отцы даютъ имъ самое безсовѣстное воспитаніе, повинуясь собственному ложному честолюбію и стараясь поддержать въ своемъ обществѣ вѣру въ свое благосостояніе, котораго однако недостаточно, чтобы обезпечить на всю жизнь за дочерьми праздное довольство. Вся судьба этихъ дочерей ставится въ зависимость отъ случайности; отъ случайности—будутъ ли онѣ въ состояніи своею красотою или привлекательностью настолько очаровать какого-нибудь мужчину, чтобы онъ пожелалъ взять на себя заботу обезпечить за ними то положеніе, къ которому онѣ привыкли въ обществѣ. Подобные отцы, приносящіе невѣдомо счастье своихъ дочерей въ жертву ложному понятію о чести, не хотятъ понять, какъ тяжело для ихъ дочерей сознаніе, что онѣ составляютъ для тѣхъ, кого онѣ на свѣтѣ всего болѣе любятъ—для отца, для братьевъ,—предметъ гнетущей заботы и тяжелое бремя. Такія дѣвушки, возвращаясь съ бала, гдѣ онѣ летали по баламъ съ розами въ волосахъ, гдѣ онѣ были окружены и усилены любезностями со стороны молодыхъ людей, принуждены спросить себя, вынимая розы изъ своихъ волосъ: «а что съ нами будетъ, если никто изъ этихъ молодыхъ людей не женится на насъ и насъ не обезпечить?!» Между тѣмъ годъ проходитъ за годомъ, и съ каждымъ годомъ эти дѣвицы становятся недовольнѣе,

съ каждымъ годомъ менѣе притязательны и, наконецъ, въ самомъ счастливомъ для нихъ случаѣ онѣ выходятъ замужъ за перваго, кто бы онѣ ни былъ, лишь бы онѣ принялъ на себя заботу о ихъ содержаніи».

Какія же сферы труда могутъ быть открыты женщинамъ, какія занятія для своихъ дочерей должны имѣть въ виду отцы, если пожелаютъ на всякій случай обезпечить за своими дочерьми возможность самостоятельнаго и безбѣднаго существованія?

При самой постановкѣ этого вопроса тотчасъ оказывается, насколько онъ сложенъ и какія затрудненія представляются при его разрѣшеніи. Мы спросили: какія сферы труда *могутъ* быть открыты женщинамъ? Но чѣмъ же опредѣляется эта возможность? Природою ли женщинъ, или условіями и понятіями того общества, среди котораго женщина поставлена? Конечно, и тѣмъ и другимъ; но взглядъ на природу женщины очень условный, и сдѣланные отсюда выводы не имѣютъ пракческаго значенія; поэтому при опредѣленіи сферы женскаго труда нужно имѣть, главнымъ образомъ, въ виду *мѣстныхъ* условія, потребности и понятія того общества и того правительства, отъ которыхъ зависитъ практическое разрѣшеніе вопроса.

Но поставленный нами вопросъ имѣетъ еще другую сторону. Въ области простого поденнаго труда, доступъ къ труду опредѣляется запросомъ. На работу въ угольные копи можетъ идти всякая женщина, способная нести тяжелую корзину. Но не объ этого рода трудѣ идетъ теперь рѣчь, а о трудѣ болѣе выгодномъ. Трудъ же, какъ извѣстно, вознаграждается обмѣновенно тѣмъ лучше, чѣмъ больше времени и затратъ нужно было на приготовленіе къ нему. Слѣдовательно, относительно этого рода труда вопросъ о доступѣ къ нему тѣсно связанъ съ возможностью приготовиться къ нему. Вопросъ о женскомъ трудѣ состоитъ поэтому не въ томъ только, чтобы расширить право женщинъ на доступъ къ извѣстнымъ занятіямъ, но чтобы сдѣлать имъ этотъ доступъ фактически возможнымъ посредствомъ спеціальнаго или профессиональнаго приготовленія. Однимъ словомъ, вопросъ о расширеніи сферы женскаго труда можно только разсматривать въ связи съ вопросомъ о женскомъ образованіи и спеціальныхъ женскихъ школахъ. Поэтому-то женскій вопросъ становится главнымъ образомъ вопросомъ общественнымъ и государственнымъ. Отъ имени женщинъ предъявляется къ общественнымъ и государственнымъ властямъ запросъ объ устройствѣ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, спеціальныхъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ къ извѣстнымъ практическимъ занятіямъ, какихъ такъ

много уже устроено для мужчинъ. Связь между разрѣшеніемъ доступа женщинамъ въ известной профессіи и необходимостью устроить для нихъ соответствующее учебное заведеніе не во всѣхъ случаяхъ одинаково тѣсна. Такъ, напр., относительно занятій женщинъ на телеграфѣ преимущественно важенъ вопросъ о доступѣ: какъ скоро разрѣшенъ доступъ, способы въ подготовленію найдутся сами собой, даже если бы и не было устроено особой школы для телеграфистовъ. Совсѣмъ иное дѣло—занятіе медициной. Въ этомъ случаѣ разрѣшеніе женщинамъ быть врачами не имѣло бы для нихъ никакихъ практическихъ послѣдствій, если бы не сопровождалось устройствомъ особой школы или медицинскихъ курсовъ для женщинъ.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ занятій, доступъ къ которымъ желательно разрѣшить или расширить для женщинъ, мы считаемъ не лишней оговорку, что мы не будемъ перечислять всѣхъ возможныхъ въ современномъ быту занятій для женщинъ, а ограничимся общими указаніями на главнѣйшія изъ нихъ. Всѣ эти занятія подходятъ подъ четыре категоріи: 1) техническія, 2) конторскія и канцелярскія; 3) медицина и 4) преподаваніе.

1) *Техническія занятія*. Нѣтъ сомнѣнія, что техническія производства представляютъ со временемъ женщинамъ обширное и благодарное поле дѣятельности. Но относительно этихъ занятій трудно формулировать въ настоящее время опредѣленные требованія. Доступъ къ этимъ занятіямъ не зависитъ ни отъ государственной власти, ни отъ общественнаго мнѣнія, а отъ воли тѣхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ техническихъ или промышленныхъ предпріятій. Важнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи является необходимость для молодыхъ дѣвушекъ совмѣстной работы съ мужчинами и болѣею частью холостыми. Фанни Левальдъ рассказываетъ, какъ она однажды хотѣла помѣстить дѣвушку хорошаго семейства въ заведеніе къ одному знакомому промышленнику, который *теоретически* вполне раздѣлялъ ея взгляды, но выставялъ нравы молодыхъ людей, служившихъ въ его конторѣ, непреодолимымъ препятствіемъ. Напрасно убѣждала его Ф. Левальдъ въ томъ, «что присутствіе хорошо воспитанныхъ молодыхъ дѣвушекъ въ мастерскихъ, конторахъ и магазинахъ должно имѣть хорошее вліяніе на нравы занятыхъ тамъ молодыхъ людей, должно приучать ихъ къ вѣжливости и сдержанности; напрасно она уговаривала его сдѣлать попытку. Ея знакомый, на словахъ совершенно съ нею согласный, сдѣлать такую попытку не рѣшился.

Въ виду указаннаго препятствія со стороны нравовъ и взглядовъ общества, женщина, которая приобрѣла бы техническія свѣдѣнія, не можетъ быть увѣрена, что найдетъ возможность приложить ихъ къ дѣлу, а при такомъ положеніи дѣль расходы на устройство техническихъ учебныхъ заведеній для женщинъ и дѣвицъ представляются нѣсколько рискованной затратой. Вѣроятно, отчасти поэтому технические учебныя заведенія для женщинъ въ Германіи имѣли до сихъ поръ главнымъ образомъ въ виду только два занятія—шитье и рисованіе. Но за то число такихъ школъ уже довольно значительно.

Въ Берлинѣ, умершій нынѣ, д-ръ Летте еще въ 1865 году основалъ подъ покровительствомъ наследной принцессы Викторіи «Общество для развитія женскаго труда», которое по разнымъ отраслямъ обнаружило обширную дѣятельность на пользу женщинъ. Изъ этой дѣятельности къ разсматриваемому нами теперь вопросу относятся основанныя обществомъ школа рисованія и техническая или ремесленная школа (Gewerbeschule). Объ успѣхахъ, достигнутыхъ ученицами этихъ школъ, свидѣтельствуетъ выставка ихъ произведеній, устроенная прошлой осенью. Съ выставкой былъ сопряженъ торжественный актъ, на которомъ лучшимъ ученицамъ были выданы отъ имени кронъ-принцессы медали съ ея портретомъ—причемъ предсѣдательница, дочь основателя, г-жа Шепелеръ-Летте пожелала ученицамъ, «чтобы этотъ подарокъ ея высочества сдѣлался бы въ ихъ рукахъ талисманомъ, который охранялъ бы ихъ и напоминалъ имъ, что истинное счастье и полное удовлетвореніе можно найти только въ добросовѣстномъ, серьезномъ исполненіи обязанностей и въ самопожертвованіи на благо другихъ». Предметами занятій въ технической школѣ были слѣдующіе промыслы: портняжи, модистки, цѣточницы, кройка бѣлья, шитье рукой и на машинѣ, вышиванье, вязанье и т. под.

Особенно прославилась въ Германіи школа «женскаго труда» въ Рейтлингенѣ. Этотъ городъ давно процвѣталъ благодаря своимъ женскимъ издѣліямъ, которыя представляли въ торговлѣ оборотъ на нѣсколько милліоновъ. Подъ названіемъ «Рейтлингенскаго товара» эти издѣлія—вязанье и вышиванье всякаго рода—разсылались во всѣ страны міра. Въ 1870 году, преподавателемъ рисованія Веберомъ была открыта школа «для теоретическаго и практическаго обученія руководѣлю», въ которомъ могли бы принять участіе дѣвушки всѣхъ сословій. Ученицъ принимали въ эту школу только начиная съ 14-лѣтняго возраста. Особенно имѣла въ виду Рейтлингенская школа образованіе «учительницъ

руководѣнія», и зарплата на этихъ учительницъ, которымъ предлагали среднимъ числомъ 500 р. жалованья, была такъ велика, что не всѣ требованія могли быть удовлетворены. Въ настоящее время въ Рейтлингенской школь, находящейся подъ вѣдѣніемъ дамскаго комитета и попечительнаго совѣта отъ города—209 ученицъ, изъ которыхъ двѣ-третьи пріѣзжія со всѣхъ концовъ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Въ виду такого развитія школы, вюртембергское правительство, которое и прежде помогало вмѣстѣ съ городомъ школь, предложило палатамъ ассигновать сумму на постройку особаго для нея дома, который теперь уже отстроенъ и представляетъ великоблѣнное помѣщеніе.

«Общество для развитія женскаго труда и образованія» въ Дармштадтѣ, состоящее подъ покровительствомъ принцессы Алисы (Alice-Verain), также недавно устроило курсы для образованія учительницъ руководѣнія и женскую ремесленную школу. Учрежденіе курсовъ было вызвано новымъ гессенскимъ закономъ о народномъ образованіи, постановляющимъ обязательное преподаваніе руководѣнія въ женскихъ школахъ. Школа открыта въ 1875 г. и состоитъ изъ 2 классовъ: 1) для работы бѣлошвейной, кройки бѣлья и шитья на машинѣ; 2) классъ для портнихъ. Для ученицъ обонихъ классовъ обязательны рисованіе и нѣкоторые другіе предметы. И это общество получало субсидіи отъ министерства и отъ техническаго общества, которое на свой счетъ посылало учительницъ школы для усовершенствованія въ Рейтлингенъ.

Подобный курсъ для образованія учительницъ руководѣнія основанъ и въ Дрезденѣ. Технические учебныя заведенія для женщинъ существуютъ въ Германіи и различныхъ городахъ, напр., Гамбургѣ, Бригѣ, Касселѣ, Калвѣ (Calw). Последняя школа въ прошломъ году устроила выставку издѣлій своихъ ученицъ, доказавшихъ, «что онѣ въ состояніи оказать значительную помощь всякому промышленнику (jedem Gewerbsmann), а также самостоятельно завѣдывать заведеніемъ». О кассельской технической школь, организованной дѣвицами Калмъ и Бауфманнъ, извѣстно, что «она ежегодно дѣлаетъ отъ 200 до 300 дѣвушекъ способными къ самостоятельному приобрѣтенію». Кромѣ хорошо организованныхъ на общественный или государственный счетъ школь для руководѣнія и для портнихъ,—школь, которыя рѣшительно необходимы въ большихъ городахъ,—можно было бы желать, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, школь для изученія переплетнаго, типографскаго и литографскаго промысла. Эти занятія особенно удобны для женщинъ и, кромѣ того, могутъ быть предметомъ обу-

ченія въ общественной школѣ, тогда какъ много другихъ промысловъ можно изучить вполне только въ мастерской частнаго лица.

Всѣ названныя до сихъ поръ промыслы находятся въ частныхъ рукахъ; но есть одно техническое занятіе, доступъ къ которому зависитъ отъ правительства—это телеграфная техника. О допущеніи женщинъ къ занятіямъ при телеграфахъ въ принципѣ уже не спорить; но на практикѣ мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи постоянныя колебанія и большую непоследовательность. Въ Германіи, напр., жалуются, что прусское правительство, прежде охотно принимавшее женщинъ на телеграфную службу, теперь стѣсняетъ для нихъ доступъ туда подъ предлогомъ физической слабости, болтливости (Indiscretion) и т. п. Настоящій же поводъ заключается въ желаніи обезпечить мѣстами телеграфистовъ—бывшихъ военныхъ. Что однако число женщинъ, служащихъ при прусскихъ телеграфахъ, и теперь очень велико, видно, напр., изъ того, что въ центральномъ телеграфномъ бюро въ Берлинѣ было занято 100 женщинъ, изъ которыхъ недавно 25 переведены на биржевой телеграфъ.

2) Вторую группу занятій, удобныхъ для женщинъ, составляютъ занятія, которыя можно назвать *конторскими* и *канцелярскими*. Сюда относятся завѣдываніе конторскими книгами (бухгалтерія) и торговой корреспонденціей въ частныхъ конторахъ и торговыхъ заведеніяхъ, а съ другой стороны письменная часть и разнаго рода занятія въ различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Особенно много удобства для примѣненія женскаго труда представляетъ почтовое вѣдомство. Въ Америкѣ тысячи женщинъ заняты въ почтамтахъ сортировкой, приѣмомъ и выдачей писемъ, и въ Германіи нѣкоторыя правительства допускали въ большомъ числѣ женщинъ въ почтамты. Но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи слишкомъ много зависитъ отъ произвола и личнаго усмотрѣнія случайнаго начальнаго. Въ Пруссіи, напр., почтдиректоръ Стефанъ, извѣстный своей предпримчивостью и неустрашимостью относительно нововведеній по своей части, подаетъ поводъ къ жалобамъ своимъ равнодушіемъ къ справедливымъ требованіямъ со стороны женщинъ. Впрочемъ, можетъ быть и въ этомъ случаѣ настоящая причина заключается въ попеченіяхъ прусскаго правительства объ отставныхъ военныхъ.

Кромѣ указаннаго вѣдомства, женщины въ Россіи могли бы быть съ пользою допущены къ занятіямъ въ нотаріальныхъ учрежденіяхъ; но твердое основаніе эти занятія могли бы получить лишь въ томъ случаѣ, если бы женщинамъ было дозволено занимать должности нотаріусовъ. Дѣловыя познанія и акуратность многихъ

нотаріусовъ особенно въ провинціи такъ незначительны, что общество могло бы только выиграть отъ увеличенія числа конкурентовъ для занятія этихъ должностей.

Но для того, чтобы распространить женскій трудъ на области конторской дѣятельности, необходимо дать женщинамъ возможность спеціальной подготовки.

Въ Германіи кое-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Вышеупомянутое нами берлинское общество, Lette-Verein, между прочимъ основало коммерческую школу (Handelsschule) для женщинъ съ слѣдующими предметами преподаванія: нѣмецкій языкъ и литература, конторская арифметика, бухгалтерія, свѣдѣнія о денежныхъ системахъ и кредитныхъ бумагахъ (Münz und Wechselkunde), географія, французскій и англійскій языки и переписка на этихъ языкахъ. Для той же цѣли въ 1875 г. основаны въ Дрезденѣ особыя курсы, на которыхъ 52 женщины получили необходимую подготовку. Значительное число выпущенныхъ съ дипломомъ ученицъ уже примѣняютъ къ дѣлу свои познанія въ разныхъ торвыхъ заведеніяхъ Дрездена и другихъ городовъ.

Что касается до Москвы, то первые шаги на этомъ поприщѣ давно уже сдѣланы Александро-Маріинскимъ институтомъ (состоящимъ подъ попечительствомъ В. Е. Чертовой), гдѣ въ старшемъ классѣ преподается бухгалтерія. Не разъ уже случалось, что окончившія курсъ ученицы поступали прямо изъ института на мѣста въ конторы, благодаря своимъ свѣдѣніямъ въ бухгалтеріи.

Можно думать, что коммерческія школы для дѣвицъ составляютъ въ наше время настоящую потребность. Обязанность инициативы въ этомъ отношеніи лежитъ на городскихъ думахъ, которыя легко могутъ найти у себя нужныя на то средства. Организація такихъ школъ должна быть какъ можно болѣе проста и экономна. Для этого необходимо, чтобы эти школы имѣли спеціальныи характеръ, т.-е. не занимались преподаваніемъ обыкновенныхъ школьныхъ предметовъ, а требовали отъ поступающихъ извѣстныхъ познаній или свидѣтельствъ, напримѣръ, объ окончаніи курса въ женской гимназій, а затѣмъ предлагали ученицамъ въ теченіи годичнаго или двухгодичнаго курса всѣ спеціальныя необходимыя имъ свѣдѣнія.

Переходимъ къ области медицины. Облегченіе страданій, уходъ за больными есть сфера наиболѣе свойственная женской натурѣ, и понятно, что если къ этому присоединятся необходимыя теоретическія познанія, то помощь, которую женщина въ состояніи оказать страждущему человечеству, удесатерится.

Но область врачебнаго ухода въ обширномъ смыслѣ обни-

иметь собою нѣсколько ступеней отъ скромной роли сестры милосердія до роли знаменитаго медика, который является только на консультацію, чтобы подать совѣтъ домашнему врачу;—безъ сомнѣнія, участіе женщинъ въ этихъ разнообразныхъ роляхъ можетъ быть различно, и потому вопросъ о женскомъ трудѣ въ области медицины распадается на нѣсколько отдѣловъ.

Давно уже никто не оспариваетъ право женщинъ на самостоятельную врачебную практику въ области акушерства. Напротивъ, въ этомъ отношеніи до извѣстной степени новостью является вторженіе мужчинъ въ дѣятельность, болѣе естественную для женщинъ. Въ первый разъ мужской врачъ былъ приглашенъ присутствовать при родахъ извѣстной m-lle де-ла-Валльеръ, и тогда это обстоятельство находили нужнымъ тщательно скрывать отъ публики. Однако постепенно мужскіе врачи до такой степени захватили область акушерства, что женщинамъ въ этомъ отношеніи было предоставлено только участіе, не требовавшее никакого медицинскаго образованія. Въ наше время взгляды на это существенно измѣнились, и требованія отъ акушеровъ значительно увеличились. Но занятія акушерствомъ со стороны женщинъ могутъ встать на твердую почву и получить надлежащее развитіе только въ томъ случаѣ, если женщины не будутъ лишены возможности получать полное медицинское образованіе, которое необходимо для врача. Но въ этомъ отношеніи современные взгляды значительно расходятся. Одинъ изъ авторитетовъ медицинской науки, профессоръ Бишофъ, составилъ себѣ смѣшную извѣстность своей полемикой въ литературѣ противъ допущенія женщинъ къ изученію медицины. Свои доводы противъ этого онъ подвелъ подъ слѣдующія пять категорій: безгласность, свойственная женщинамъ, оскорбленіе стыдливости, связанное съ изученіемъ медицины, болѣзненность женщинъ, грубость студентовъ и отсутствіе внушительности со стороны женщинъ. Всѣ эти доводы такъ слабы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ забавны, что мы не можемъ заняться ихъ опроверженіемъ; читателямъ же или читательницамъ, желающимъ доставить себѣ зрѣлище, какъ умная женщина умѣетъ проучить ученаго педанта, мы рекомендуемъ ту часть сочиненія г-жи Домъ, которая относится къ профессору Бишофу. Изъ ея возраженій противъ первыхъ двухъ доводовъ ученаго анатома мы приведемъ только справедливое замѣчаніе, что сестрамъ милосердія—занятія которыхъ г-нъ Бишофъ считаетъ «замѣчательно и естественно приспособленными къ женской природѣ»—приходится переносить испытанія гораздо болѣе тяжелыя для безгласности и чувства стыдливости, чѣмъ слуша-

тельницамъ медицинскихъ курсовъ. А по поводу болѣзненности женщинъ, г-жа Домъ приводитъ интересные факты, представляющіе, между прочимъ, въ странномъ свѣтѣ любовь къ равенству со стороны французскихъ демократовъ. Французскія общества «взаимной помощи» между рабочими или вовсе не допускали женщинъ въ число членовъ, или требовали отъ нихъ, — какъ, на примѣръ, руанское, — болѣе значительныхъ взносовъ и, несмотря на это, не выдавали имъ пособій во время болѣзни. Когда эти общества были восстановлены декретомъ 1852 года и стали получать субсидіи отъ государства, члены коммиссіи, пересматривавшей ихъ уставъ, попытались ввести въ нихъ болѣе гуманныя постановленія и доказывали, что равномерность взноса обуславливаетъ право на равномерное вознагражденіе, и что допущеніе женщинъ скорѣе увеличитъ средства обществъ, чѣмъ уменьшитъ ихъ. Но попытки эти не вполне удались. Правда, изъ отчета за 1865 годъ видно, что число допущенныхъ въ этомъ году женщинъ сравнительно значительнѣе, чѣмъ число новыхъ членовъ изъ мужчинъ, но равномерности въ распредѣленіи помощи не соблюдалось и по-прежнему господствовало со стороны мужчинъ стремленіе удержать несправедливое неравенство на-счетъ женщинъ, между тѣмъ статистическія таблицы неопровержимо доказывали, что болѣзненность женщинъ уступала болѣзненности мужчинъ. По трехлѣтнимъ отчетамъ оказывалось, что средній итогъ дней болѣзни для каждаго члена опредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Въ 1857 году для мужчинъ	18 дней	— для женщинъ	14
» 1861 » » »	21 » » »	» » » »	18
» 1864 » » »	5 » » »	» » » »	4
» 1867 » » »	5,58 » » »	» » » »	4,57

Изъ доклада, представленнаго императору Наполеону (Monit., 26 января 1869 года) видно, что средній итогъ дней, за которые больному выдано вознагражденіе, со стороны общества, составляетъ 21,03, причеиъ средній итогъ для мужчинъ составляетъ 21,85, а для женщинъ 16,83.

Что касается до послѣдняго довода г-на Бишофа, отсутствія внушительности, то слабость его достаточно доказывается, хотъ, на примѣръ, слѣдующей выдержкой изъ словъ г-на Бишофа: «представьте себѣ женщину въ качествѣ врача, завѣдывающаго госпиталемъ! Не приходится ли каждому засмѣяться или заплакать при мысли, что отъ женщинъ ожидаютъ ту степень важности, которая необходима для управляющаго госпиталемъ?»

Но еще прежде, чѣмъ г-нъ Бишофъ сталъ задавать своимъ

читателямъ такіе остроумные вопросы, практика цивилизованныхъ странъ давно рѣшила ихъ не въ его пользу.

Въ Сѣверной-Америкѣ, въ Бостонѣ, была основана въ 1848 году медицинская школа для женщинъ, преимущественно для акушеровъ; въ 1852 году программа этой школы была распространена на всѣ предметы медицинской науки, съ 1854 она стала получать субсидіи отъ государства, а въ 1856 совершенно принята въ вѣдѣніе штата. Около того же времени миссъ Блеквелъ, получившая въ Женевѣ степень доктора медицины, основала въ Нью-Йоркѣ медицинскій факультетъ для женщинъ, въ которомъ въ 1860 году было 200 слушательницъ.

Третій женскій медицинскій факультетъ основанъ въ Филадельфій и также состоитъ въ вѣдѣніи штата. Нѣкоторыя кафедры при этихъ факультетахъ заняты женщинами, а практикующихъ врачей изъ женщинъ въ Америкѣ въ 1865 году насчитывали около 300. Особенно прославилась между ними Мери Уалверъ, основавшая еще въ 1853 году большой женскій госпиталь въ Нью-Йоркѣ.

Въ Англіи число женщинъ-врачей также увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1867 году миссъ Гарретъ, свояченица известнаго члена нижней палаты профессора Фосета, получила мѣсто врача при дѣтской больницѣ въ восточномъ Лондонѣ, а на-дняхъ читатели русскихъ газетъ имѣли случай прочесть интересныя свѣдѣнія о женской больницѣ въ Лондонѣ, гдѣ всѣ доктора и прислуги—женщины. Больныхъ около ста человекъ, чистота въ комнатахъ необыкновенная, воздухъ отличный. «Мнѣ пришлось,—пишетъ корреспондентъ,—быть тамъ съ докторомъ нѣмцемъ, который внимательно пересмотрѣлъ всѣ инструменты, всѣ рецепты, перещупалъ всѣ пульсы; ѣхалъ онъ въ больницу предубѣжденный, но потомъ казался мнѣ наединѣ, что съ одного визита превратился въ сильнаго приверженца докториссъ».

Даже въ самомъ отечествѣ г-на Бишофа, напримѣръ, въ Берлинѣ, есть нѣсколько женскихъ докторовъ, получившихъ установленную для мужчинъ ученую степень и съ успѣхомъ практикующихъ.

Что же касается Россіи, то ей принадлежитъ заслуга, что она первая изъ европейскихъ странъ не только признала въ принципѣ допущеніе женщинъ въ занятія практическаго врача, но и позаботилась о томъ, чтобъ дать женщинамъ возможность изучать медицинскія науки въ томъ объемѣ, какъ онъ опредѣляется для современнаго врача.

Но удача опыта, совершающагося теперь на нашихъ глазахъ

на медицинскихъ курсахъ при медико-хирургической академіи, зависить не только отъ рвенія учащихся и серьезнаго отношенія къ дѣлу преподавателей, а также отъ практическаго выхода, который будетъ предоставленъ окончившимъ курсъ, отъ доли участія къ нимъ со стороны общества и государства. Отъ приѣма, какой общество сдѣлаетъ женщинамъ-врачамъ, будетъ, вонечно, зависѣть и повтореніе или расширеніе опыта, т.-е. учрежденіе подобныхъ медицинскихъ курсовъ въ другомъ или въ другихъ университетскихъ городахъ. Такое учрежденіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ желательно. Много неудобствъ происходитъ оттого, что дѣвушкамъ, желающимъ изучать медицину, приходится теперь со всѣхъ концовъ Россіи ѣхать въ столицу, т.-е. на окраину государства. При этомъ студенческой образъ жизни, необходимость на нѣсколько лѣтъ оторваться отъ семьи и отъ родни, не говоря уже объ издержкахъ, ставятъ молодыхъ дѣвушекъ въ крайне затруднительное, ненормальное положеніе, а очень многимъ дѣлають совершенно невозможнымъ предпринять поѣзду съ этой цѣлью.

Но желательно не одно только учрежденіе медицинскаго факультета для женщинъ. Далеко не всѣ, желающія изучать медицину, имѣють возможность или наклонность всецѣло посвятить себя этой наукѣ; не для всѣхъ также удобна или нужна та специально-техническая сторона изученія медицины, которая является необходимымъ условіемъ факультетскаго преподаванія. Не быть именно докторомъ, а вообще познакомиться съ медициной— вотъ въ чемъ заключается желаніе многихъ женщинъ, и это стремленіе соотвѣтствуетъ существеннымъ потребностямъ общества. Приобрѣсти настолько свѣдѣній, чтобъ быть въ своей семьѣ, въ своей дѣтской толковой и дѣятельной помощницей доктора, приѣзжающаго на краткій визитъ; чтобъ быть хорошей помощницей и исполнительницей его указаній въ деревнѣ, гдѣ врачъ приѣзжаетъ разъ въ недѣлю или въ двѣ, — вотъ что нужно женщинамъ, особенно въ Россіи. Для приобретения такихъ свѣдѣній дѣвушкамъ, хорошо образованной, умѣющей читать съ пользою серьезные книги, достаточно двухъ лѣтъ. Устройство такихъ общихъ или общеобразовательныхъ медицинскихъ двухъ-годичныхъ курсовъ, въ которыхъ играли бы главную роль гигиена, физиология и фармакологія съ химіей—мы считали бы особенно важнымъ и желательнымъ. Мы полагаемъ, что многіе отцы, которымъ не нужно заботиться о матеріальномъ обезпеченіи своихъ дочерей, съ удовольствіемъ воспользовались бы для нихъ такими курсами, и многія дѣвушки (вонечно, не 16-ти лѣтъ) и женщины могли бы на такихъ курсахъ найти многое, что сдѣлало бы ихъ хо-

рошными матерями и дало бы серьезное содержаніе ихъ деревенской жизни.

Къ медицинѣ принадлежитъ еще одна область занятія, которую слѣдовало бы открыть для женщинъ — мы разумѣемъ занятіе фармацевта и провизора. Тамъ, гдѣ право быть аптекаремъ предоставлено свободной конкуренціи, не можетъ быть вопроса о допущеніи женщинъ къ этимъ занятіямъ. Но тамъ, гдѣ государство сдѣлало изъ аптекарскаго промысла для огражденія общества монополію, нѣчто въ родѣ государственной должности — доступъ женщинамъ къ этимъ должностямъ зависитъ отъ государства. Не можетъ быть, конечно, и сомнѣнія, что женщины вполне обладаютъ всеми свойствами, которыя необходимы хорошему провизору, и что онѣ легко могутъ приобрести тѣ свѣдѣнія, какія требуются отъ фармацевта. Ни для кого не тайна та сходимость, съ которою экзаминаторы относятся къ фармацевтамъ, и та вѣрность, съ которою большинство послѣднихъ относятся къ теоретической сторонѣ своего приготовленія. Мы вполне увѣрены, что если бы женщины были допущены къ экзамену на фармацевта съ правомъ занимать мѣста въ аптекахъ и завѣдывать аптекой, то въ общемъ итогѣ онѣ оказались бы лучше приготовленными, чѣмъ теперешніе фармацевты, и ихъ допущеніе къ этому дѣлу могло бы имѣть только хорошее вліяніе на ихъ конкурентовъ мужского пола. Если бы были открыты тѣ обще-медицинскіе курсы, о которыхъ мы упоминали, то при нихъ было бы легко устроить особый курсъ для женщинъ-фармацевтовъ.

Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько отзывовъ изъ Германіи, касающихся этого вопроса. На съѣздѣ делегатовъ нѣмецкихъ обществъ въ пользу расширенія женскаго труда и образованія, состоявшемся весной 1876 г. въ Гамбургѣ, былъ читанъ рефератъ д-ра Кирсаго, обращавшаго вниманіе на то, что аптекарскій промыселъ особенно удобенъ для женскаго труда. Этотъ промыселъ не требуетъ особенныхъ физическихъ силъ; необходимы для этого познанія женщинамъ легко усвоить; большая склонность женщинъ къ чистотѣ и аккуратности даетъ имъ важное преимущество сравнительно съ учениками и аптекарскими помощниками изъ мужчинъ; отношенія къ публикѣ со стороны служащихъ въ аптекахъ таковы, что не повлекутъ за собой особенныхъ неудобствъ. Къ этому присоединяется трудность найти учениковъ и аптекарей-помощниковъ въ деревни и маленькіе городки, а вслѣдствіе всего этого практика давно уже привела къ тому, что аптекаря въ такихъ мѣстностяхъ привлекали къ участию въ своемъ дѣлѣ жены и дочери.

Въ официальномъ докладѣ д-ра Шварца о состояніи медицинскаго дѣла въ Кёзлинскомъ округѣ, въ Пруссіи (1873), сказано: «ни для кого уже не тайна, что всѣ владѣльцы аптекъ въ здѣшнемъ округѣ, у которыхъ нѣтъ помощниковъ или учениковъ, съ успѣхомъ пользуются женскимъ трудомъ, и что ихъ жены и дочери дѣятельно помогаютъ имъ въ аптекахъ. Сначала только нужда навела на женскій трудъ, но вскорѣ они убѣдились, что этотъ трудъ гораздо дешевле и что дѣло идетъ успѣшнѣе при этихъ условіяхъ, а вмѣстѣ съ успѣхомъ совершенно утратилось желаніе имѣть помощниковъ изъ мужчинъ».

Тутъ же мы находимъ извѣстіе, что въ Голландіи участіе женскаго труда въ аптекарскомъ дѣлѣ официально признано закономъ съ 1865 г.; а въ 1868 г. «общеполовое общество» въ Амстердамѣ устроило въ виду этого подготовительный двухъ-годичный курсъ для дѣвушекъ. Выпускъ 1875 г. состоялъ изъ 40 дѣвушекъ; изъ прежнихъ выпусковъ одна достигла положенія провизора; остальные получаютъ въ качествѣ аптекарскихъ помощниковъ 200 гульд. (почти 200 руб.) на всемъ готовомъ. Опытъ показалъ, что женщины съ успѣхомъ прилагаютъ свой трудъ въ маленькихъ аптекахъ по деревнямъ.

Мы переходимъ, наконецъ, въ той области женскаго труда, который вообще наиболѣе свойственъ женской натурѣ—въ педагогической; по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что болѣе значительное число женщинъ способнѣе къ преподаванію, чѣмъ къ медицинской практикѣ въ томъ или другомъ ея видѣ, и что почти нѣтъ женщины, которой не приходилось бы въ своей жизни принять личное участіе въ дѣлѣ преподаванія. Вслѣдствіе этого никто и не оспариваетъ у женщинъ права преподаванія; напротивъ, самая тяжелая и неблагодарная часть преподаванія—начальное обученіе дѣтей въ частныхъ домахъ—давно возложена на женщинъ, на гувернантокъ; споръ идетъ только о предѣлахъ женскаго труда въ области преподаванія; ихъ только не желаютъ допустить къ участію въ систематическомъ преподаваніи, въ общественныхъ и государственныхъ школахъ, или по крайней мѣрѣ шагъ за шагомъ оспариваютъ здѣсь дальнѣйшее приложеніе къ дѣлу женскаго труда.

До сихъ поръ (будемъ говорить только о Германіи) предпочитаютъ плохого учителя хорошей учительницѣ. Нѣмецкая писательница Стефазіусъ ¹⁾, жалуясь на недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ для женскихъ учебныхъ заведеній, замѣчаетъ, что для

¹⁾ Marie Staephasius. Von Unten auf. 1872.

этой дѣли все еще берутъ самыхъ негодныхъ для мужскихъ школъ учителей, сбившихся съ толку и утратившихъ вѣру семинаристовъ, считая ихъ, если и не совсѣмъ подходящими, то по крайней мѣрѣ достаточно пригодными (mindestens gut genug) для женской школы. А между тѣмъ, какъ совершенно справедливо замѣчаютъ эта писательница, — именно недопущеніе женщинъ въ этому столь свойственному имъ труду и заставляеть тысячи незамужнихъ и незанятыхъ женщинъ, побуждаемыхъ нуждой, вторгаться въ такія области мужского труда, въ которыхъ ихъ участіе совершенно не нужно.

Какая же область преподаванія должна быть предоставлена женщинамъ, если и не исключительно, то по крайней мѣрѣ безусловно въ принципѣ наравнѣ съ мужчинами? Безъ сомнѣнія, сюда слѣдуетъ отнести преподаваніе: 1) въ элементарныхъ школахъ, какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ, и 2) во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Задержка женскаго труда въ этихъ двухъ отношеніяхъ произошла главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: швольное преподаваніе вездѣ было первоначально въ рукахъ духовенства, и такъ какъ церковь допускаетъ только мужчинъ до духовнаго сана, то на основаніи ассоціаціи идей и укрѣнилось убѣжденіе, что преподаваніе должно быть въ рукахъ мужчинъ. Позднѣе, когда, по крайней мѣрѣ въ протестантскихъ странахъ, духовный элементъ сталъ вытѣсняться свѣтскимъ и государство приняло на себя обязанность ставить учителей, — учитель вездѣ въ болъшей или меньшей степени получилъ характеръ государственнаго слуги или чиновника, — что опять казалоcь несовмѣстнымъ съ положеніемъ женщинъ.

Другая причина заключается въ томъ, что швольное преподаваніе не было достаточно пронизуемо элементомъ собственно воспитательнымъ, а между тѣмъ преподаваніе и воспитаніе должны бы какъ можно долъше идти рука объ руку. Особенное значеніе имѣеть воспитательный элементъ для того возраста, который обучается въ элементарныхъ школахъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ этомъ заключается новый и сильный аргументъ въ пользу допущенія женщинъ, какъ учительницъ, въ элементарныхъ и женскихъ школахъ.

Едва ли кто станетъ спорить, кромѣ развѣ рутинныхъ педагоговъ, что воспитательная способность гораздо чаще встрѣчается среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ, и мы полагаемъ, что среди учительницъ рѣдко можно встрѣтить такое отсутствіе педагогическаго такта и чутья, какое обыкновенно встрѣчается у учителей. А такой педагогическій тактъ особенно нуженъ съ учени-

ками элементарныхъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь учатся дѣти, еще нуждающіяся въ материнскомъ руководствѣ, а это руководство можетъ быть, конечно, съ болѣею пользою для ребенка замѣнено учительницей, чѣмъ учителемъ. Противъ этого едва ли кто будетъ возражать. Но многимъ читателямъ, вѣроятно, покажется неожиданнымъ заявленіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, основанное на опытѣ, что именно среди мальчиковъ учительницы поддерживаютъ дисциплину несравненно лучше, чѣмъ учителя. Это заявленіе приведено въ сочиненіи, авторъ котораго вовсе не предрасположенъ въ пользу женскаго вопроса; онъ прибавляетъ отъ себя: «женщины—естественныя руководительницы дѣтскаго возраста, но ихъ руководство составляетъ особенную потребность для мальчиковъ»¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что всѣ читатели, подобно намъ, согласятся съ слѣдующимъ отзывомъ о дѣятельности учительницъ, который мы находимъ въ рѣчи, сказанной г-жею Симономъ на прошлогоднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ обществъ для поощренія женскаго труда и образованія въ Гамбургѣ: «Учительница обыкновенно очень добросовѣстно примѣняетъ въ дѣлу болѣшую или меньшую степень своихъ познаній; ея начальники охотно свидѣтельствуютъ объ ея усердной исполнительности; нравственное вліяніе ея обыкновенно значительнѣе, чѣмъ вліяніе учителя, потому что она обращаетъ болѣе вниманія на маленькіе недостатки, обладаетъ прирожденнымъ тактомъ *приличія* (*Tact für das Schickliche*), и потому, что на дѣтскіе умы привлекательно дѣйствуютъ прирожденные ей материнскія свойства» (*Mütterlichkeit ihres Wesens*).

Еще болѣе важенъ воспитательный элементъ, замѣняющій материнское вліяніе, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько въ этомъ отношеніи грѣшатъ учителя, особенно молодые—они же и модные—должно быть всѣмъ извѣстно. У насъ обыкновенно говорятъ, что «дѣвочекъ легче учить, чѣмъ мальчиковъ»; да, конечно, для самого учителя. Дѣвочки обыкновенно послушнѣе, внимательнѣе и нерѣдко любовательнѣе, чѣмъ мальчики соответствующаго возраста; учителю, потому, снова нѣе и веселѣе въ женскомъ классѣ, и естественно, многіе учителя переѣзжаютъ, какъ-бы на отдыхъ, съ уроковъ въ мужскомъ училищѣ—въ женскіе пансіоны.

Но если зайдетъ рѣчь о пользѣ преподаванія, то дѣло представляется въ обратномъ отношеніи—достигнуть хорошихъ ре-

¹⁾ Nathusius, p. 75.

зультатовъ и избѣгнуть неумѣстнаго вліянія—труднѣе въ женскомъ классѣ, чѣмъ въ мужскомъ. Правда, по нашему мнѣнію, г-жа Стефаниусъ, когда замѣчаетъ—«только благородному, одаренному внутреннимъ и наружнымъ достоинствомъ мужчинѣ удастся достигнуть значительныхъ и прочныхъ результатовъ на поприщѣ женской педагогики. Для учительницы гораздо легче посредствомъ своего вліянія внушить ученицамъ добрыя нравы и достойныя понятія. Она учитъ посредствомъ своего собственнаго примѣра; она является для дѣтей образцомъ того, что изъ нихъ должно выдти. Мальчишка только мужчиною посредствомъ воспитанія сдѣлается настоящимъ мужчиною; изъ дѣвочки только женщина разовьется настоящую женщину; молодые учителя и старшіе ученики въ сельскихъ школахъ обиваютъ съ току и портятъ дѣвочекъ во многихъ случаяхъ; это легко было бы доказать тысячами примѣровъ».

Въ послѣднее время, правда, приложеніе женскаго труда къ преподаванію вездѣ очень расширилось; мы не говоримъ объ Америкѣ, гдѣ четыре-пятихъ учительскихъ мѣстъ заняты женщинами (въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, приходится 14,400 учительницъ на 8000 учителей); но и во всѣхъ европейскихъ государствахъ число учительницъ постоянно возрастаетъ. Это, впрочемъ, происходитъ не столько отъ уступки въ принципѣ со стороны школьнаго начальства, сколько вслѣдствіе недостаточнаго числа мужскихъ учителей.

Даже въ Германіи постоянно слышатся жалобы на недостатокъ учителей и тамъ опасаются, что этотъ недостатокъ будетъ возрастать все болѣе и болѣе. Въ прошломъ году королевская администрація потсдамскаго округа поручила оружнымъ инспекторамъ и магистратамъ, «*вслѣдствіе продолжающагося недостатка*» въ учителяхъ, сдѣлать запросъ общинамъ, какія изъ нихъ желаютъ замѣтить учителей при женскихъ школахъ учительницами. Къ этому было добавлено обещаніе открыть семинарію для учительницъ сообразно съ количествомъ сдѣланныхъ заявленій.

Профессоръ Гнейстъ, въ одной изъ своихъ рѣчей ¹⁾, утверждаетъ, что слѣдующее десятилѣтіе потребуеетъ лишнихъ учителей до 10,000 и не будетъ въ состояніи выставить ихъ, а тогда едва ли представится иной выходъ, какъ приглашеніе на ихъ мѣста учительницъ.

Такимъ образомъ, и естественное право женщинъ прилагать

¹⁾ Въ рѣчи, произнесенной въ прошломъ году при открытіи женскихъ курсовъ въ Берлинѣ (Victoria-Lyceum).

свой трудъ къ воспитательной дѣятельности, указанной имъ природою, и требованія рациональной педагогикъ, которая въ элементарной и женской школахъ не можетъ обойтись безъ женскаго вліянія и, наконецъ, численный недостатокъ учителей—требуютъ расширенія поля дѣятельности женщины въ области преподаванія и устраненія существующихъ въ этомъ отношеніи препятствій.

Кромѣ общихъ препятствій, заключающихся въ предрассудкахъ и рутинѣ, представляются собственно два препятствія: 1) неподготовленность женщины въ такому призванію; 2) отсутствіе такихъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы дать возможность женщинамъ приготовиться основательнѣе въ спеціальному педагогическому призванію.

Это занятіе распадается, какъ мы видѣли, на двѣ вѣтви: преподаваніе въ элементарной школахъ, и преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, пансіонахъ и гимназіяхъ. Что касается до первой вѣтви, то необходимость особыхъ, спеціальныхъ заведеній для приготовленія учительницъ въ значительной степени сознава;—число учительскихъ семинарій для учительницъ съ каждымъ годомъ увеличивается и въ Германіи, и въ Россіи. Правда, мѣры, предпринимаемыя на этомъ поприщѣ, все еще отличаются нѣкоторою нерѣшительностью. Такъ, напримѣръ, въ вышеприведеннаго циркуляра королевской администраціи потсдамскаго округа видно, что, *несмотря* на продолжительный и признанный администраціей недостатокъ въ учителяхъ, она медлила устройствомъ семинарій для учительницъ и ставила этотъ вопросъ въ зависимость отъ случайныхъ заявленій общинъ. Какъ бы то ни было, принципъ не оспаривается; а вопросъ объ устройствѣ семинарій, объ ихъ программѣ, о свѣдѣніяхъ, потребныхъ для вступленія въ нихъ—имѣетъ спеціальный характеръ, и мы не станемъ его здѣсь касаться.

Иначе поставленъ вопросъ о женскомъ преподаваніи въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ или, какъ будемъ говорить для краткости—гимназіяхъ. Здѣсь и за принципъ приходится бороться, и ничего еще почти не сдѣлано для устройства такихъ заведеній, гдѣ будущія учительницы могли бы готовиться къ своему призванію. Правда, женщинамъ иногда поручаются уроки въ младшихъ классахъ пансіоновъ и гимназій,—т.-е. элементарное преподаваніе,—но мы говоримъ здѣсь не объ этомъ элементарномъ, а о научномъ преподаваніи, о тѣхъ предметахъ и урокахъ, которые до сего времени составляютъ исключительную привилегію мужчинъ. Можно ли замѣнить учителя въ старшемъ классѣ женской гимназій учительницей? Многие готовы отрицать

это въ *принципѣ*. Но если мы станемъ анализировать ихъ принципъ и спросимъ его защитниковъ, полагаютъ ли они, что женщины не въ состояніи усвоить себѣ тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы преподавать въ старшемъ классѣ женской гимназіи, то едва ли кто изъ нихъ рѣшился бы отвѣтить на это отрицательно. И дѣйствительно, такое отрицаніе было бы болѣе, чѣмъ странно. Мы часто видимъ, какъ какой-нибудь плохо-подготовленный и среднихъ способностей гимназистъ или семинаристъ, побывши въ университетѣ и потративъ тамъ свое время не слишкомъ производителью, выходитъ изъ него съ дипломомъ дѣйствительнаго студента и, получивъ мѣсто учителя гимназіи, съ смѣшной самоувѣренностью разсуждаетъ передъ 16-ти-лѣтними дѣвушками о вопросахъ, по поводу которыхъ онъ еще недавно краснѣлъ и смущался передъ экзаминаціоннымъ столомъ. Кто же станетъ утверждать, что такая мудрость не въ состояніи умѣститься въ головѣ дѣвушки, серьезно посвящающей себя учительскому званію?

Даже въ методической и неувлекающей женскимъ вопросомъ Германіи, агитація въ пользу допущенія женщинъ учительницами въ старшіе классы женскихъ пансіоновъ все болѣе и болѣе усиливается. Чрезвычайно любопытны и поучительны въ этомъ отношеніи пренія, происходившія въ прошломъ году въ Кельнѣ на пятомъ съѣздѣ учителей и директоровъ женскихъ школъ. Одинъ изъ ораторовъ, д-ръ Киннебертъ, проводилъ мысль, что женская гимназія нуждается для исполненія своей задачи въ совмѣстной дѣятельности мужскихъ и женскихъ учителей, и что также и въ старшихъ классахъ содѣйствіе научно-образованныхъ учительницъ необходимо (*unentbehrlich*). Онъ доказывалъ это указаніемъ на задачу женскаго воспитанія, въ которомъ не слѣдуетъ отдѣлять умственнаго элемента отъ нравственнаго; онъ указывалъ на недостатокъ научно-образованныхъ и пригодныхъ для преподаванія въ женскихъ школахъ учителей; онъ ссылался, наконецъ, на *опытъ* (*vielfältig gemachte Erfahrung*), что *учительницы съ успѣхомъ преподавали науки въ старшихъ классахъ*.

Приверженцы же мужской монополіи, какъ сказано въ отчетѣ ¹⁾ о преніяхъ, совершенно забывали принципъ, разумѣющийся самъ собою, что требованія отъ преподавателей въ заведеніяхъ спеціального характера должны быть соразмѣрны съ потребностями именно этихъ заведеній, а не какихъ-либо другихъ. Они не возражали противъ того, что женскія школы не

¹⁾ Отчетъ о съѣздѣ напечатанъ въ 8—9 кн. журнала „*Graben-Annale*“ за 1876 г.

тождественны съ мужскими гимназіями; они и не пытались доказывать, что женская школа не можетъ достигнуть успѣха, если, наприм., не всѣ ея законоучители въ состояніи читать Ветхій Завѣтъ въ еврейскомъ подлинникѣ, если не всѣ учителя языковъ знакомы съ послѣдними результатами лингвистики по романскимъ языкамъ или англо-савсонскому, — т.-е., другими словами, если нѣкоторые изъ учителей проникли не далѣе *прописей* (Vorhufe) научнаго изслѣдованія. Защитники мужской монополіи не отрицали необходимости воспитательнаго вліянія со стороны учительницъ и именно въ старшихъ классахъ; но они были проникательнѣе Гербарта; они были въ состояніи представить себѣ преподаваніе безъ воспитанія и воспитаніе безъ преподаванія. Главный же мотивъ, который руководилъ ими, заключался не столько въ опасеніи, что научные результаты женскихъ гимназій пострадаютъ отъ допущенія учительницъ въ старшіе классы, сколько въ служебныхъ соображеніяхъ, — въ страхѣ, что правительство въ этомъ случаѣ причислитъ женскія школы къ разряду не высшихъ, а среднихъ учебныхъ заведеній!

По омончаніи преній, при подачѣ голосовъ была принята незначительнымъ большинствомъ резолюція: — признать содѣйствіе учительницъ въ преподаваніи въ старшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній *желательнымъ*. Какъ на особенно благоприятное предназначеніе для успѣховъ женскаго преподаванія указывали при этомъ на то, что молодые члены изъ среды учителей и директоровъ женскихъ учебныхъ заведеній принадлежали въ защитникамъ женскаго труда.

Для насъ въ Россіи поучителенъ не только результатъ сѣзда, представляющій отраженіе общественнаго мнѣнія въ Германіи по вопросу о женскомъ преподаваніи въ старшихъ классахъ, но и слабость и несообразность доводовъ, на которые опирались приверженцы мужской монополіи, забывавшіе прежде всего, что, при опредѣленіи требованій отъ учителей извѣстнаго разряда заведеній, нужно имѣть въ виду потребности именно этихъ, а не какихъ-нибудь другихъ учебныхъ заведеній. Главное возраженіе, распространенное среди нашего педагогическаго міра противъ допущенія учительницъ въ старшіе классы женскихъ гимназій, основано на смѣшеніи понятій, заключающихся въ словѣ *гимназія*, которое обозначаетъ два совершенно различныхъ разряда учебныхъ заведеній, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о мужской или о женской гимназій. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія, основаннаго на тавтологіи, происходитъ ложное примѣненіе къ женской гимназій всего того, что справедливо относительно мужской.

Говорят, для того, чтобы быть учителемъ въ старшихъ классахъ гимназій, нужно пройти черезъ одинъ изъ факультетовъ университета — слѣдовательно, допущеніе женщинъ въ преподаванію въ старшихъ классахъ женской гимназій было бы несправедливою привилегіею или снисходительностью. Но, во-первыхъ, выставленное здѣсь требованіе не соблюдается даже относительно учителей мужской гимназій: известно, что молодой человекъ, окончившій курсъ въ гимназій, можетъ держать прямо экзаменъ на учителя гимназій, т. е., не прослушавши ни одной лекціи въ университетѣ, и не получивши такимъ образомъ вовсе систематическаго научнаго образованія. А такъ какъ таковой молодой человекъ обязанъ держать не полный кандидатскій экзаменъ, а только экзаменъ изъ одного главнаго, и 2—3 вспомогательныхъ предметовъ, то экзаменъ на учителя гимназій гораздо легче кандидатскаго и уровень научнаго образованія такого учителя ниже уровня кандидатскаго.

Но что еще важнѣе, женщины не добиваются никакихъ несправедливыхъ привилегій, — вѣдь онѣ стремятся не къ преподаванію въ старшихъ классахъ *мужской гимназій*, а тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ недавно вошло въ обычай названіе гимназій. Даже при еще большемъ, чѣмъ теперь, отождествленіи программы женской гимназій съ программой мужской, между этими двумя разрядами учебныхъ заведеній всегда будетъ то существенное и качественное различіе, которое основано на существенномъ различіи женской природы и мужской, призваніи женщинъ и мужчинъ. Но, съ другой стороны, было бы странно допускать, чтобы какая-нибудь пансіонерка или гимназистка, вынесшая изъ гимназій отрывочныя и усвоенныя ею въ дѣтской формѣ свѣдѣнія, имѣла бы право преподавать въ классѣ, который она недавно оставила. Естественно требовать, чтобы преподаватель всякаго заведенія, въ своихъ собственныхъ занятіяхъ, ушелъ такъ сказать на нѣсколько ступеней дальше программы преподаванія въ этомъ заведеніи. Такимъ образомъ, вышеприведенный принципъ недопущенія женщинъ въ учительницы старшихъ классовъ имѣетъ только одно разумное основаніе, а это основаніе чисто фактическое: отсутствіе учебныхъ заведеній, въ которыхъ бывшая пансіонерка или гимназистка могла бы получить дальнѣйшее научное образованіе. Отсюда прежде всего необходимость такихъ высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ.

Характеръ и объемъ преподаванія въ такихъ заведеніяхъ долженъ опредѣляться прежде всего ихъ ближайшей цѣлью, — дать возможность *научнаго* изученія тѣхъ предметовъ, которые препода-

даются въ женской гимназіи. Курсъ этихъ учебныхъ заведеній долженъ непосредственно примыкать къ курсу гимназій и составлять его *продолженіе* относительно извѣстныхъ предметовъ (напр., математики) или въ ббльшей части случаевъ, такъ-сказать, его углубленіе или научное обоснованіе. То, что усвоилось посредствомъ памяти, должно быть усвоено сознательно въ научной связи и системѣ. При такомъ научномъ изученіи, конечно, требуется нѣкоторая спеціализація, т.-е. раздробленіе курса на нѣсколько группъ. Но эти высшія учебныя заведенія для женщинъ, которыя мы имѣемъ въ виду, не должны только *исключительно* служить въ приготовленію учительницъ для старшихъ классовъ гимназій. Они должны имѣть въ виду болѣе обширную цѣль и опираться на болѣе обширную почву.

Они не только должны быть новымъ ресурсомъ для шеольной администраціи, но и вообще источникомъ, разливающимъ свѣтъ и знаніе въ общество. Только въ такомъ случаѣ они будутъ вполнѣ вознаграждать государство за потраченные на нихъ расходы и ознаменуютъ собою новый шагъ на пути просвѣщенія. Мы хотимъ сазать, что эти высшія учебныя заведенія для женщинъ, кромѣ спеціальной цѣли приготовленія учительницъ, должны служить къ поднятію общаго и научнаго образованія среди женщинъ вообще. Теперешній уровень женскаго образованія недостаточенъ, т.-е. не соответствуетъ переживаемой нами ступени цивилизаціи. Мы не говоримъ, конечно, объ единичныхъ случаяхъ образованія среди женщинъ; общій же уровень опредѣляется временемъ ученія и программой, которыя имѣютъ въ виду для своихъ дочерей семьи образованныхъ классовъ вообще. Чтобы не вдаваться въ спеціальную критику, достаточно указать на то, что систематическое преподаваніе обыкновенно оканчивается для дѣвушекъ именно въ ту минуту, когда оно становится особенно необходимымъ, т.-е. когда дѣвушка вступаетъ въ возрастъ, дающій ей возможность извлечь настоящую пользу изъ хорошаго преподаванія. Школа даетъ только грамотность, т.-е. средство къ образованію, а не самое образованіе; школа имѣетъ въ виду дѣтскій возрастъ и должна съ нимъ сообразоваться; она сообщаетъ извѣстныя познанія и даетъ извѣстное развитіе. Но въ ту минуту, когда дѣвушка выступаетъ изъ дѣтскаго возраста, когда она начинаетъ сознательно относиться къ окружающимъ ее явленіямъ, нить ея развитія внезапно обрывается, и она остается безъ дальнѣйшаго руководства, предоставленная самой себѣ, своимъ неяснымъ понятіямъ и случайнымъ вліяніямъ чтенія или знакомства. Естественно, что въ ббльшей части случаевъ раз-

вѣтѣ останавливается, духовный интересъ блуждаетъ, и познанія, вынесенныя изъ школы, отпадаютъ какъ ни къ чему не пригодныя. Какъ бы ни усовершенствовалась педагогія, какъ бы ни были хорошо обдуманы программы женскихъ гимназій, образованіе женщинъ будетъ неудовлетворительнымъ, пока при этомъ будетъ упущено изъ вида, что при теперешнемъ состояніи цивилизаціи нельзя ограничиваться обученіемъ женщинъ въ дѣтскомъ только возрастѣ, что, вромѣ школьнаго образованія, женщинамъ, принадлежащимъ къ образованному классу, необходимо дальнѣйшее, соотвѣтствующее зрѣлому сознательному возрасту образованіе.

Мѣра, предпринимаемая обществомъ или государствомъ въ интересахъ женскаго образованія, всегда отставала на цѣлую ступень отъ того, что было въ этомъ случаѣ необходимо. Въ средніе вѣка, когда образованіе было удѣломъ духовенства и для свѣтскаго человѣка считалось достаточною простою грамотностію, женщинъ обыкновенно ничему не учили. Когда, съ наступленіемъ новаго времени, для мужчинъ стали повсемѣстно устраивать гимназій, для женщинъ удовлетворялись простою грамотностію. Въ бѣльшей части случаевъ государство даже и объ этомъ не заботилось, предоставляя попеченіе о женскихъ школахъ родителямъ и частной предприимчивости. Въ просвѣщенной Франціи женская учебная часть находилась до послѣдняго времени въ совершенномъ пренебреженіи со стороны государства, и католическое духовенство воспользовалось этимъ для своихъ видовъ. Въ протестантской Германіи заботы государства не шли далѣе грамотности; наконецъ, въ наше время въ педагогическомъ мѣрѣ Германія пробудилось сознаніе въ необходимости улучшить женское образованіе; повсюду стали раздаваться горькія сѣтованія на это равнодушіе государства и общественныхъ властей; стали уезывать на печальную необходимость для родителей, заботящихся объ образованіи дочерей, посылать ихъ въ Швейцарію или въ такъ-называемыя англійскіе пансіоны на берегу Рейна, гдѣ дѣвушка пріобрѣтала и познанія, и понятія, и привычки, не гармонировавшія съ положеніемъ и духомъ ея семьи ¹⁾.

¹⁾ О положеніи женскаго образованія въ Германіи см. Креуенбрга: „Mädchen-erziehung“. Какъ мало въ Германіи государство и общество заботятся о женскомъ воспитаніи, видно, напр., изъ того, что въ Берлинѣ въ 1873 г. на 926,000 жит. и 16,958 дѣвочекъ, учившихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, было только 4 городскія школы съ 2,504 ученицами; остальные 14,454 ученицы помѣщались въ 62 höhere und mittlere Privat-Töchter-Schulen. См. докладъ др. Гофмана (члена городского дѣлящаго совѣта) берлинскому магистрату объ устройствѣ общественныхъ школъ для дѣвочъ въ Берлинѣ, 1875 г.

Россія находилась въ этомъ отношеніи въ болѣе счастливомъ и исключительномъ положеніи. Судьба воввела на ея престолъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ—и съ этой минуты забота о женскомъ образованіи никогда не была совершенно чужда государственной власти. Покровительство женскому образованію сдѣлалось однимъ изъ славныхъ преданій женскихъ особъ царственнаго дома. Характеръ женскаго образованія соответствовалъ взглядамъ вѣка и господствовавшимъ потребностямъ общества. Пока только дворянское сословіе признавало за женщиной болѣе самостоятельное положеніе, чѣмъ то, которое было ей отведено въ допетровской семьѣ и интересовалось ея образованіемъ, женскія школы, учреждаемыя государствомъ, имѣли, главнымъ образомъ, въ виду интересы небогатыхъ дворянскихъ семействъ, не имѣвшихъ возможности дать дочерямъ надлежащее воспитаніе на собственные средства. Въ наше время, когда увеличилось городское сословіе, и оно также прониклось интересомъ къ женскому образованію,—рядомъ съ закрытыми институтами стали женскія гимназій.

Но этого еще недостаточно. Россія, опередившая западныя государства учрежденіемъ систематическихъ женскихъ гимназій, должна показать также примѣръ въ устройствѣ высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ.

Какого же рода должны быть эти высшія учебныя заведенія? По поводу этого вопроса нельзя не воскнуть столь часто высказывавшагося въ литературѣ и въ обществѣ желанія, чтобы женщинамъ былъ открытъ доступъ въ университетъ. Такое требованіе, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ разсматривать въ отвлеченной или обобщенной формѣ. Университеты находятся въ отдѣльныхъ странахъ въ самыхъ различныхъ условіяхъ касательно программы и характера преподаванія, соответствующую самымъ различнымъ потребностямъ, и вопросъ о допущеніи въ нихъ женщинъ долженъ быть поставленъ въ зависимость отъ мѣстныхъ условій. Наши замѣчанія поэтому будутъ относиться къ однимъ лишь русскимъ университетамъ. Послѣдніе распадаются на 4 факультета. Что касается до медицинскаго факультета, то допущеніе туда женщинъ становится не нужнымъ, въ виду учрежденія особаго или особыхъ медицинскихъ факультетовъ для женщинъ. О юридическомъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ женщины не имѣютъ доступа къ юридической и административной службѣ, къ которой готовить юридическій факультетъ. Остаются два факультета, которые имѣютъ преимущественно научное значеніе, г.-е. имѣютъ въ виду разработку специальныхъ наукъ въ собственномъ

смыслѣ. При настоящемъ положеніи дѣла, число женщинъ, имѣющихъ желаніе и возможность посвятить себя наукѣ въ высшемъ значеніи этого слова, во всякомъ случаѣ такъ не велико, что не можетъ входить въ расчетъ при разрѣшеніи упомянутого вопроса. Громадное же большинство женщинъ, которыя пошли бы въ университетъ, если бы имъ былъ открытъ туда доступъ, стали бы искать тамъ не науку ради науки, а знанія—ради образованія. Но это стремленіе осталось бы неудовлетвореннымъ вслѣдствіе спеціальнаго характера университетскихъ курсовъ, а съ другой стороны допущеніе въ аудиторіи слушательницъ, ищущихъ только общаго образованія, отклонило бы университетскіе курсы отъ ихъ настоящаго направленія.

Съ этой точки зрѣнія, намъ кажется, что такъ-называемое стремленіе женщинъ въ университетъ имѣетъ въ своемъ основаніи очень вѣрный инстинктъ, но неправильно сформулированный. Современной женщинѣ прежде всего необходимо болѣе основательное и обширное общее образованіе—а этого она не найдетъ въ университетѣ. Для женщинъ важно не то, чтобы двѣ или три изъ нихъ получили дипломъ на кандидата, магистра или доктора такой-то науки, а чтобы по возможности вся масса женщинъ, принадлежащихъ къ образованнымъ классамъ, была дѣйствительно образована. Пусть сначала этотъ результатъ будетъ обезпеченъ, тогда устроится сама собою возможность получать спеціально научное образованіе тѣмъ женщинамъ, которыя призваны къ тому природою. Требованіе для женщинъ доступа въ университетъ есть отвлеченный, теоретическій вопросъ, за которымъ скрывается совершенно другое, практическое здоровое требованіе. Въ исторіи часто появлялись такого рода отвлеченныя, теоретическія требованія—и болѣею частью они указывали на то, что въ общественномъ устройствѣ закралась какая-нибудь фальшь, какое-нибудь несоотвѣтствіе между фактомъ и потребностями;—за отвлеченнымъ принципомъ скрывалась потребность какого-нибудь частнаго измѣненія—и она-то давала общему принципу его силу и его господство надъ умами. Докажемъ нашу мысль на одномъ, вполне частномъ, осязательномъ и близкомъ въ нашему вопросу фактѣ. Требованіе эманципации женщинъ, т.-е. освобожденіе ея отъ нравственныхъ и юридическихъ узъ, которыя налагаетъ на нее современное общество, — явилось во Франціи и явилось тамъ въ формѣ отвлеченнаго общаго принципа. Случилось это не вслѣдствіе какой-то особенной испорченности или безнравственности французскаго общества, — а просто потому, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого противорѣчія между гуманными демократическими

принципами современной цивилизаціи и общаго духа законодательства съ одной стороны, и между унизительнымъ и подверженнымъ случайностямъ грубаго произвола положеніемъ замужней женщины. Небольшая законодательная поправка къ параграфамъ, касающимся имущественныхъ правъ замужней женщины и восстановления прежняго законодательнаго положенія относительно развода—и во Франціи, вѣроятно, никогда бы и не былъ провозглашенъ принципъ эманципаціи женщинъ.

Намъ сдается, что подобнымъ образомъ принципъ допущенія женщинъ въ университетъ обязанъ своей интенсивностью потребности высшаго и лучшаго образованія для женщинъ. Тѣмъ болѣе необходимо удовлетворить этой потребности. Притомъ вопросъ объ образованіи женщинъ не есть спеціальный женскій вопросъ, а касается всего общества; онъ затрагиваетъ интересы не одной только школьной администраціи, а всего государства, ибо отъ образованія женщинъ зависитъ и образованіе мужчинъ, и настроеніе и направленіе общества. О томъ, какое вліяніе имѣетъ степень образованія женщины не только на воспитаніе ея дѣтей, но на духъ, господствующій въ семьѣ, и, наконецъ, на самого мужа, на его поведеніе и образъ дѣйствій, можно не распространяться потому, что пришлось бы говорить обще-извѣстныя фразы. Но мы не можемъ не напомнить при этомъ о вѣскихъ словахъ Милля, который, жалуясь на фактъ, что развитіе большинства мужчинъ слишкомъ рано останавливается и не переходитъ за предѣлы извѣстной степени, объясняетъ это сожительствомъ съ недостаточно-развитыми женщинами. «Самый замѣчательный чловѣкъ, — говоритъ Милль, — перестаетъ развиваться, когда имѣетъ дѣло только съ учениками». Милль приписываетъ вліянію женщинъ ту громадную долю семейнаго эгоизма, которымъ отмѣченъ образъ дѣйствія большей части мужчинъ, и который они нерѣдко маскируютъ именемъ семейнаго долга. «Общественный духъ (public spirit), — говоритъ Милль, — чувство долга по отношенію къ общественнымъ интересамъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко между женщинами; онѣ даже почти не обладаютъ тѣмъ, что у мужчинъ нерѣдко является частной замѣной общественнаго духа—а именно чувствомъ личной чести по отношенію къ какому-нибудь общественному долгу...» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «а что касается до умственнаго прогресса, то за исключеніемъ тѣхъ болѣе грубыхъ свойствъ, которыя служатъ тщеславію или честолюбію, онъ обыкновенно совершенно останавливается у мужчины, который женится на женщинѣ, стоящей ниже его въ умственномъ отношеніи; исключенія встрѣчаются разве только въ томъ случаѣ,

если мужчина несчастливъ въ бракѣ или становится равнодушнымъ въ женѣ. Никакой опытный наблюдатель не будетъ ждать дальнѣйшаго прогресса ума и чувства отъ мужчины лѣтъ въ 25 или 30, послѣ того какъ онъ женился¹⁾. Изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій Милль выводитъ необходимость даровать женщинамъ политическія права для того, чтобы поднять посредствомъ этого умственный уровень мужчинъ и, слѣдовательно, всей страны. Мы не станемъ разсматривать, имѣетъ ли заключеніе Милля какое-нибудь значеніе для Англіи: по отношенію же къ Россіи оно, конечно, лишено всякаго практическаго значенія. Нельзя, конечно, предполагать, чтобы поднялся умственный уровень русскихъ мужчинъ или увеличился ихъ общественный интересъ въ томъ случаѣ, если бы женщины въ Россіи получили, вмѣсто того, чтобы передавать свой голосъ, право лично участвовать въ выборахъ земскихъ и городскихъ гласныхъ. Но тотъ результатъ, котораго Милль ожидаетъ отъ распространенія политическихъ правъ на женщинъ, т.-е. развитіе общественныхъ интересовъ, чувства долга и чести среди мужчинъ, конечно, въ извѣстной степени вездѣ зависитъ отъ степени и характера образованія женщинъ.

Безъ сомнѣнія, общественные идеалы мужчинъ всегда слабаются подъ вліяніемъ женщинъ, и не даромъ не знаетъ ни рыцарской чести, ни прогресса тотъ Востокъ, которому извѣстна только женщина-рабыня и женщина-затворница. Восприимчивость извѣстнаго народа или даже извѣстнаго сословія по отношенію къ религіознымъ и политическимъ идеаламъ, степень духовнаго возбужденія въ обществѣ находятся въ тѣсной связи съ участіемъ, которое въ этомъ принимаютъ женщины, и въ исторіи Россіи, напримѣръ, дворянское сословіе стало проникаться европейскимъ духомъ не тогда, когда оно должно было замѣнить боярскій кафтанъ французскимъ костюмомъ, а когда дочери дворянъ стали воспитываться по-европейски.

Какой же характеръ должно имѣть это женское образованіе? Безъ сомнѣнія,—*общій*; общимъ должно быть это образованіе и въ томъ смыслѣ, что оно должно быть доступно и интересно для большей части дѣвицъ образованныхъ классовъ;—общимъ должно оно быть и по своему содержанію, т.-е. въ немъ должны преобладать предметы преимущественно обще-образовательнаго свойства—изученіе литературы и историческія науки. Мы поэтому полагаемъ, что учрежденіе курсовъ для приготовленія специальныхъ учительницъ по латинскому или русскому, французскому и

¹⁾ J. Stuart Mill. Dissertations, II, p. 448.

въ Бреславлѣ (г-жею Тиль), въ Дармшадтѣ (подъ покровительствомъ англійской принцессы Алисы), въ Дрезденѣ (съ 1875 г.) и пр. При болѣе скудости средствъ эти курсы представляютъ еще болѣе дилеттантскій характеръ, чѣмъ берлинскіе. Впрочемъ, всѣ эти курсы теперь стали получать субсидіи или отъ городскихъ думъ (въ Дрезденѣ), или отъ министерства просвѣщенія (лицей—Алисы).

Въ необходимости систематичности и въ то же время общаго характера высшаго женскаго образованія насъ еще болѣе убѣждаетъ личный опытъ, вынесенный изъ знакомства съ ходомъ дѣла на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Тотъ фактъ, что курсы эти существуютъ уже пятый годъ и что число слушательницъ на нихъ не уменьшается, свидѣтельствуетъ о достаточно разившейся—по крайней мѣрѣ въ известной части общества—потребности въ высшемъ женскомъ образованіи¹⁾. Не менѣе важенъ другой фактъ, выясненный такъ сказать внутреннимъ опытомъ—а именно, что значительное большинство слушательницъ принадлежитъ къ тѣмъ классамъ или состоитъ изъ такихъ лицъ, которыя ищутъ только образованія, а не подготовкы къ спеціальному призванію учительницъ. Такія лица, конечно, не въ состояніи были бы воспользоваться какимъ-нибудь спеціальнымъ заведеніемъ для приготовленія учительницъ и были бы лишены возможности пополнить свое общее образованіе.

Съ другой стороны, выяснилось, что успѣшный ходъ дѣла, серьезное и послѣдовательное отношеніе къ преподаванію главнымъ образомъ поддерживались небольшимъ числомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли въ виду держать экзаменъ на курсахъ и получить установленный дипломъ, хотя онъ и не даетъ никакихъ правъ.

Изъ всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія. Потребность въ высшемъ женскомъ образованіи настолько уже сильно обнаружилась въ Россіи²⁾, что государству

¹⁾ Число слушательницъ на курсахъ за пять лѣтъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1872 г. 66, въ 1873—108, въ 1874—116, въ 1874—117, въ 1875—116. Въ теченіи всего этого времени курсы, несмотря на значительные расходы—отъ 4 до 5,000 р.—существовали на собственные средства. Они, правда, получали со второго года по 500 р. субсидіи отъ московскаго купеческаго общества, а пожертвованія и взносы частныхъ лицъ доставляли 2,800 р.; но за то съ помощью этихъ суммъ образовался за 3 года запасной капиталъ въ 4,100 р., который вслѣдствіе крушенія зем. ссуднаго банка уменьшился до 3,000 руб., но потомъ опять достигъ прежней суммъ.

²⁾ Осенью 1876 года и въ городѣ Казани открылись, по инициативѣ проф. Н. Сорокина, высшіе женскіе курсы, на которые записалось 98 слушательницъ.

и общественнымъ властямъ необходимо принять мѣры къ ея удовлетворенію. При этомъ нужно было бы имѣть въ виду двѣ цѣли — поднять вообще уровень общаго образованія среди женщинъ и доставить тѣмъ изъ нихъ, которыя особенно въ этому способны, возможность настолько усовершенствоваться въ избранныхъ ими наукахъ, чтобы быть учительницами во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній. Всего цѣлесообразнѣе было бы открыть такія образовательныя учрежденія, которыя въ одно время могли бы удовлетворить и той и другой потребности. Дипломъ старшей учительницы, т.-е. учительницы въ старшихъ классахъ, былъ бы высокой цѣлью, которая возбуждала бы благородное стремленіе усовершенствоваться въ наукѣ со стороны многочисленныхъ дѣвушекъ, посвящающихъ себя педагогикѣ по призванію или по нуждѣ; а около этихъ труженицъ сгруппировались бы, увлекаясь ихъ примѣромъ, всѣ тѣ, которыя прониклись бы убѣжденіемъ въ необходимости болѣе прочнаго и основательнаго образованія для женщинъ. Такія высшія учебныя заведенія или лицей для женщинъ желательно было бы учредить по возможности во всѣхъ университетскихъ городахъ. Зерномъ преподаванія должны были бы служить предметы, преподаваемые въ женской гимназій и соединенные въ систематическій двухгодичный курс¹⁾, въ которому могли бы примыкать разные другіе предметы и науки, если бы потребность въ изученіи ихъ оказалась достаточно велика.

Въ предшествующемъ изложеніи нашемъ мы имѣли случай коснуться различныхъ мѣръ, желательныхъ въ интересахъ женскаго образованія и расширенія сферы женскаго труда. Въ заключеніе намъ нужно остановиться на способахъ къ ихъ осуществленію. При разсмотрѣніи этихъ мѣръ оказывается, что исполненіе ихъ находилось бы въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ властей и вѣдомствъ, напр., устройство высшихъ учебныхъ заведеній отъ разрѣшенія и помощи министерства народнаго просвѣщенія, а отчасти отъ денежной поддержки, которую могли бы оказывать городскія думы; дѣятельность женщинъ въ области медицины — отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; служба ихъ на почтѣ и на телеграфѣ — отъ управленія этихъ вѣдомствъ. Кто же въ состояніи блюсти и отстаивать интересы женщинъ передъ этими разнообразными инстанціями и властями? Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ самостоятельныя корпораціи и гдѣ

¹⁾ Мы, конечно, не касаемся здѣсь частныхъ, напр., развѣтленія курса на отдѣлы.

очень развита общественная жизнь, очень многое зависит от этих корпораций и от устройства обществ и ассоциаций с специальною цѣлью.

Въ Англии, напр., экзаменъ производился женщинамъ, и выдача объ этомъ особыхъ свидѣтельствъ со стороны тамошнихъ университетовъ чрезвычайно подвинула дѣло женскаго образованія; въ Шотландіи съ большимъ успѣхомъ дѣйствовало на этомъ поприщѣ общество—Edinburgh Ladies Educational Association, изъ девятаго годичнаго отчета котораго видно, что курсы, устроенныя этимъ обществомъ при единбургскомъ университетѣ, зимою 1875—76 года, посѣщались 252 слушательницами. По газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время и единбургскій университетъ послѣдовалъ примѣру англійскихъ и допустилъ женщинъ въ экзамену на ученныя степени.

Въ Англии общество давно привыкло въ самостоятельной дѣятельности и инициативѣ: богатые люди щедро жертвуютъ на всякое, новое обще-полезное предпріятіе; такъ, напр., послѣ перваго митинга въ пользу устройства женской медицинскон школы одна дама ассигновала на это 5,000 ф. с. капитала и 300 ф. с. ежегоднаго взноса, а леди Байронъ предложила для этого свой домъ. Въ Англии члены высшей аристократіи принимаютъ дѣятельное участіе въ различныхъ обще-полезныхъ обществахъ, такъ, напр., «Общество для поощренія женскаго труда», основанное въ 1859 г., состояло подъ руководствомъ извѣстнаго своей филантропіей графа Шефтсбери; въ числѣ его вице-президентовъ были Гладстонъ и архіепископъ Кентерберійскій.

Въ Германіи, гдѣ общественная жизнь развита гораздо слабѣе, чѣмъ въ Англии, дѣло женскаго образованія и расширенія сферы женскаго труда однако движется преимущественно частными обществами. Во всѣхъ значительныхъ городахъ существуютъ такого рода общества, которыя высылаютъ своихъ делегатовъ на общіе конгрессы, принимаютъ общія мѣры, подають петиціи различнымъ вѣдомствамъ и парламенту.

Въ Россіи нельзя ожидать подобнаго успѣха отъ дѣятельности частныхъ обществъ. Прочное основаніе и надлежащее развитіе дѣла женскаго образованія и труда можетъ получить только отъ правительственнаго почину. А такъ какъ интересы, касающіеся женскаго труда и образованія, такъ разнообразны и въ зависимости отъ столькихъ различныхъ вѣдомствъ, то всего лучше было бы для успѣховъ этого дѣла, если бы для него существовалъ особый правительственный органъ, особое учрежденіе, кото-

рое приняло бы на себя попеченіе объ интересахъ женщинъ *). Пора признать, что женскій вопросъ приобрѣлъ самостоятельное значеніе въ общественной и государственной жизни. Вопросъ о женскомъ трудѣ есть одинъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ. «Все общество заинтересовано въ томъ, чтобы свѣжія силы, доселѣ почти вовсе не примѣнявшіяся къ дѣлу, были привлечены къ общей работѣ. Такое приращеніе силъ было бы неоцѣнимо. Оно драгоцѣннѣе, чѣмъ новые золотые рудники, новые запашки и техническія изобрѣтенія, ибо важнѣе всего работающая человѣческая сила»¹⁾. А развитіе и улучшеніе женскаго образованія удвоитъ интеллигенцію страны.

В. ГЕРЬЕ.

*) Подобный правительственный центральный органъ или высшее попечительство о женскомъ трудѣ и образованіи у насъ нѣтъ надобности основывать вновь, такъ какъ онъ уже давно существуетъ; остается только расширить его компетентность и кругъ дѣятельности. Еще императрица Марія Теодоровна основала то учрежденіе, въ которое было возложено попеченіе о дѣтяхъ, лишенныхъ семьи, и о первыхъ женскихъ школахъ. Это учрежденіе существуетъ до сихъ поръ, и въ наше время оно можетъ быть призвано къ болѣе обширной дѣятельности на поприщѣ женскаго труда и образованія, въ соответствии съ болѣе большими потребностями нашего времени.—Ред.

¹⁾ Слова Ламмерса, извѣстнаго дѣятеля по женскому вопросу въ Бременѣ, въ рѣчи, сказанной на первомъ общемъ собраніи соединенныхъ нѣмецкихъ обществъ женскаго труда—deutscher Frauen u. Erwerbvereine—въ Дармштадтѣ, 1873 года.

УСТАЛЫЕ

Устали мы! Былыхъ выпучихъ силъ,
Живыхъ надеждъ и вѣры чудной,—
Всего безжалостно лишилъ
Насъ путь томительный и трудный...
Была пора—мы гордо, смѣло шли;
Ничто вдали насъ не страшило;
Привѣтная краса, и неба, и земли,
Путь радостный, счастливый намъ сулила.
Да, было то давно!.. Сіялъ намъ утра свѣтъ,
Когда отправились мы въ дальнюю дорогу;
Природѣ и людямъ восторженный привѣтъ
Сливался въ насъ съ любовью чистой, къ Богу.
Роскошный, лучезарный неба сводъ
Надъ нашими свѣтился головами,
А вдалекѣ поверхность синихъ водъ
Сверкала золотистыми струями
При солнечныхъ лучахъ; вокругъ, по сторонамъ,
Смѣющейся красой чаруя наши взоры,
Вдвигались стройно къ облакамъ
Покрытыя туманомъ синимъ горы.
А у подножій ихъ, раскинуты, цвѣли
Долины тихія роскошными садами;
Подъ тѣнью ихъ впередъ мы бодро шли;—
Широкий путь, тогда, стелился передъ нами...

Не воротить ужъ намъ блаженной той поры,
Какъ ни горька ея утрата;
Ужъ утра яснаго веселые дары
Для насъ, давно, исчезли безъ возврата.

Не долго насъ, живительной струей,
 Лелѣяль вѣтерокъ прохладный;—
 Насталъ полудня тяжкій зной...
 Томимы жаждой безпощадной
 И тягостной усталости полны,
 Напрасно мы искали утоленья:
 Мы не нашли нигдѣ спасительной волны;
 Сухой песокъ да дикіе каменья
 Одни встрѣчались на пути.
 Пустыня жгучая лежала передъ нами,
 Но все еще, порой, мелькали впереди
 Видѣнья свѣтлыя, и быстрыми шагами
 Мы за миражемъ шли... Мы думали тогда:
 «Тяжелъ, ужасенъ путь нашъ безотрадный;
 Досталось много намъ страданій и труда,—
 Но вотъ наступить вечеръ благодатный;
 Зажгутся звѣзды въ синей вышинѣ,
 И зажурчить, хрустальными струями,
 Спасительный источникъ, въ тишинѣ,
 И мы прильнемъ къ нему изсохшими устами...
 И послѣ въ путь мы двинемся опять,
 Упившись отдыха отрадой,
 И сладко будетъ намъ дышать
 Вечерней, тихою прохладой».
 И, вотъ, угасъ палящій день;
 Темнѣло небо понемногу,
 И ночи пасмурная тѣнь
 Покрыла сумракомъ дорогу.
 Исчезъ видѣній свѣтлыхъ рой...
 Бросая вдаль испуганные взоры,
 Искали мы звѣзды вечерней золотой, —
 Но не блеститъ она... Утесистыя горы
 Предъ нами высятся туманною грядою.
 По скатамъ ихъ, усѣянными скалами,
 Мы медленно бредемъ, печальною толпой,
 Усталыми понижувъ головами,
 Безмолвные, какъ тѣни; лишь порой,
 Прервавъ на мигъ могильное молчанье,
 Изъ чьей-нибудь груди стонъ вырвется глухой...
 Къ чему теперь мольбы, и ропотъ и желанья?
 Вѣдь ужъ никто изъ насъ не въ силахъ заглушить
 Усталости напраснымъ упованьемъ,

Иль жажду жгучую мечтами утолить!..
 Мы слышимъ, какъ вдали, съ таинственнымъ журчаньемъ,
 Бѣжить источниковъ гремучая вода, —
 Но доступъ въ нимъ загроможденъ скалами,
 И знаемъ мы, что никогда
 Намъ не упиться ихъ волнами.
 Да и зачѣмъ?—Вѣдь въ нихъ не почерпнуть
 Намъ прежнихъ силъ, погибшихъ безвозвратно,
 Какъ никогда ужъ больше не дохнуть
 Прохладой утра ароматной.
 Мы вѣримъ, что, прогнавъ угрюмой ночи тѣнь,
 Когда-нибудь надъ міромъ загорится,
 Въ торжественной красѣ, блестящій, чудный день
 И никогда ужъ больше не затмится;
 Мы вѣримъ, что тогда, какъ сновъ печальныхъ рой,
 Разсыятся всѣ старыя преграды; —
 Другіе путники, ликующей толпой,
 Съ сердцами полными отрады,
 Пойдутъ по новому, широкому пути...
 Но намъ, измученнымъ бесплодными трудами, —
 Намъ въ ихъ рядахъ веселыхъ не идти —
 Больными, слабыми стопами. —
 О, нѣтъ, —устали мы! Ужасенъ былъ нашъ путь!..
 Начать другой въ насъ нѣтъ ни силы, ни стремленья;
 Мы одного хотимъ, —скорѣй, скорѣй уснуть —
 Глубокимъ сномъ безъ грезъ и пробужденья.

А—А.

Москва, 1877.

СРЕДНИЕ ВѢКА

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.

III. Состояніе народной поэзіи *).

Въ историческихъ изложеніяхъ литературы, народная поэзія обыкновенно находитъ мѣсто въ древнемъ періодѣ, какъ первая исходная ступень развитія. Дѣйствительно, она предшествуетъ всякой письменной литературѣ и есть первобытнѣйшая форма поэзіи и умственной дѣятельности; но въ томъ видѣ, и съ тѣмъ содержаніемъ, какъ мы знаемъ ее *теперь* въ народномъ обращеніи, она представляетъ не только совсѣмъ новыя явленія, идущія изъ позднѣйшихъ вѣковъ, но даже въ тѣхъ ея памятникахъ, которые хранятъ повидимому отдаленнѣйшую старину, носить столько новѣйшихъ наслоеній, что хронологически причислять ее къ древности становится невозможнымъ. Собственно говоря, древность нужно еще выдѣлить и опредѣлить изъ той чрезвычайно сложной массы, въ какой народная поэзія является предъ нами въ настоящее время.

Наша наука только недавно обратила вниманіе на этотъ вопросъ, послѣ того какъ сравнительныя изученія языка, мифологіи и этнографіи въ европейской литературѣ указали и намъ путь къ уразумѣнію памятниковъ народности. Въ теченіи трехъ десятилѣтій, какъ начались эти изслѣдованія, достигнуты были немалые результаты; въ произведеніяхъ народной поэзіи найдены были несомнѣнные признаки старины, иногда остроумно указаны ихъ

*) См. выше: 1876, ноябрь, 303; 1877, февр., 684 стр.

отношенія къ древнему быту, параллели съ поэтическими воззрѣніями и бытовыми чертами другихъ народовъ; но до сихъ поръ остается еще много неяснаго между прочимъ въ самыхъ основныхъ пунктахъ вопроса.

Объясненіе нашей древней поэзіи, какъ и поэзіи другихъ славянъ, представляетъ, сравнительно напр. съ нѣмецкой, свои особенныя трудности. Съ одной стороны, она имѣетъ большое преимущество передъ нѣмецкой своимъ живымъ обиліемъ въ современной народной жизни, которое даетъ возможность нагляднаго изученія; но, съ другой стороны, славянская и русская народная поэзія почти совсѣмъ не имѣетъ памятниковъ, которые запечатлѣли бы историческія ступени ея прежняго развитія: мы знаемъ почти исключительно только одну послѣднюю формацію, по которой приходится возстановлять прошедшія ступени съ помощью теоретическихъ соображеній и догадокъ, безъ опоры какихъ-нибудь положительныхъ свидѣтельствъ. Не мудрено, что, несмотря на довольно значительное количество изслѣдованій, несмотря на то, что подобныя изслѣдованія о средневѣковой западной поэзіи доставляли много готовыхъ указаній и приемовъ, мы все еще не стоимъ на твердой почвѣ относительно внутренней исторіи нашей народной поэзіи, матеріала ея поэтическихъ, мифологическихъ и бытовыхъ представленій. Здѣсь мы все еще находимся больше въ области догадокъ, чѣмъ положительныхъ рѣшеній.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, сличая, напр., тѣ выводы, какіе столько разъ извлекались изъ народной поэзіи о древнемъ народномъ міровоззрѣніи, и тѣ положительныя свидѣтельства, какія оставила древность, хотя и въ скудномъ размѣрѣ. Правда, что въ современной народной поэзіи и свидѣтельствахъ древности есть извѣстное соотвѣтствіе народныхъ мифологическихъ представленій, — но это соотвѣтствіе можетъ быть указано только въ самыхъ общихъ чертахъ, и напротивъ, мы почти напрасно стали бы искать единства самыхъ фактовъ; такъ, мы почти не въ состояніи прослѣдить въ народной поэзіи тѣ черты древней мифологіи, которыя сохранила лѣтопись и другіе памятники древней литературы: хотя ученые критики утверждаютъ, что въ былинѣ или обрядовой пѣснѣ мы имѣемъ дѣло съ отдаленнѣйшей, до-исторической стариной, мы не находимъ въ нихъ и такихъ фактовъ, о которыхъ знала древность историческая. Такъ, пѣсни обрядовыя и эпическія не сберегли ни одного, хотя бы испорченнаго, имени тѣхъ первостепенныхъ божествъ, которыя упоминаются въ литературѣ даже до XIV столѣтія, имени Перуна, Велеса, Хорса,

Дажьбога и т. п., или (если возражать, что эти имена не могли сохраниться при христіанствѣ) не сохранили даже и представленія о подобномъ мнѣнскомъ существѣ, хотя бы въ неопредѣленныхъ чертахъ. «До-историческая древность», которую тѣмъ же менѣе указываютъ въ народной поэзіи, ограничивается такимъ образомъ лишь неясными слѣдами языческаго пантеизма, отдѣльными мнѣнскими подробностями, которыя далеко не возстановляютъ религіозной системы язычества. Если намъ говорить, что въ эпической былинѣ, какъ она сохранилась теперь, мы имѣемъ уже героическую ступень развитія эпоса, но что собственно за богатырской эпопеей мы должны отличать мнѣнскую теогонію, то все это есть лишь теоретическое предположеніе, подсказанное болѣе ясной исторіей эпоса другихъ народовъ, а вовсе не убѣдительный, необходимый выводъ изъ собственныхъ фактовъ нашей поэзіи. Удовольствіе найти разгадку историческаго процесса побуждало нашихъ изыскателей считать за факты то, что было только возможностью или намекомъ, и они съ увѣренностью указывали въ русскомъ эпосѣ его различные историческіе моменты, которые на дѣлѣ вовсе не были очевидны.

Историческій процессъ не былъ такъ простъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно догадываться, что съ теченіемъ исторіи въ нашей народной поэзіи пропало стараго, а потомъросло новаго гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Мы не знаемъ фактически ея древняго состоянія, послѣдовавшаго хода ея измѣненій и знаемъ только окончаніе, ея перерожденное состояніе. Когда, рѣшивши à priori присутствіе въ народной пѣснѣ до-исторической древности, мы въ сущности встрѣчаемъ только крайне темные остатки этой древности, которые часто при всемъ стараніи не можемъ согласить съ документальными свидѣтельствами, намъ остается, во-первыхъ, осторожнѣе производить реставрацію этой старины, а потомъ положить больше вниманія, чѣмъ дѣлалось доселѣ, на тотъ посредствующій періодъ, черезъ который прошла народная поэзія къ своему новѣйшему состоянію. Средній періодъ несомнѣнно и могущественно дѣйствовалъ на ея составъ и характеръ,—это до очевидности доказывается, напр., тѣмъ однимъ фактомъ, что въ южномъ отдѣлѣ русскаго племени древній эпосъ совсѣмъ забылся и уступилъ мѣсто исторической пѣснѣ совсѣмъ иного характера. Если здѣсь выросла новая поэзія, естественно предположить, что и въ сѣверной Руси, движеніе исторіи, хотя и не заслонило старины до такой степени, какъ на югѣ, дѣйствовало однако на бытъ, на умы и на поэзію, заставляло забывать много старины, дѣлавшейся непонятною, и вносило

въ эпическую пѣсню не только новыхъ героевъ, но и новый взглядъ на героевъ старыхъ. Это такъ дѣйствительно и было. Наши изслѣдователи дѣлали, кажется намъ, одну очень важную ошибку. Они обыкновенно разсматриваютъ народную поэзію, какъ нѣчто разъ данное и затѣмъ лишь повторяющее старину съ новыми развитіями ея основной тѣмы. Во многихъ случаяхъ этотъ взглядъ примѣнимъ, но далеко не во всѣхъ. Въ историческомъ пути народной поэзіи дѣйствовала не одна сила традиціи, но и новаго творчества. Малорусская поэзія козацкаго періода, о которой мы сейчасъ упоминали, достаточно объясняетъ, что народное творчество работаетъ не только въ эпохи непосредственной первобытной патріархальности, но и въ завѣдомо-историческія эпохи, когда жизнь даетъ для него поражающій умы матеріалъ и просторъ. Сѣверная поэзія средняго періода, правда, не имѣла ни этого обильнаго матеріала, ни простора народной самостоятельности, но не была лишена ихъ совсѣмъ, и по всей вѣроятности многое, чтó у насъ привыкли считать стариной, создалось на сѣверѣ въ теченіи средняго періода, — какъ созданы историческія пѣсни о временахъ Грознаго, пѣсни о разбойничьихъ подвигахъ и какъ созданы, безъ сомнѣнія, рядъ новыхъ бытовыхъ и лирическихъ пѣсень. Если только народъ сохраняетъ чуткость къ поэтическому содержанію, — а это несомнѣнно было, — онъ долженъ сохранять и извѣстную степень творчества, и оно-то, въ теченіи средняго періода, произвело столь сильное подновленіе старины и ввело столько новаго, небывалаго прежде содержанія, что историкъ народной поэзіи не можетъ не посвятить особеннаго вниманія этимъ влияніямъ средняго періода, черезъ которыя — въ той или другой степени, которую нужно опредѣлить — прошла «до-историческая» старина народной поэзіи.

Опредѣлить влиянія средняго періода существенно важно, чтобы не впасть въ крупныя недоразумѣнія, относя въ древности то, чтó не было древностью. Это касается и формы, и содержанія. Языкъ извѣстной нынѣ «древней» поэзіи есть языкъ новый; онъ имѣетъ иногда свои архаизмы въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, иногда несомнѣнно передающіе далекую старину удѣльныхъ временъ, — но цѣлый характеръ языка новъ, и обновленіе языка не могло не удалить стараго поэтическаго склада и первоначальнаго колорита. Поэтическія черты и подробности, въ которыхъ дѣйствительно заключалось нѣкогда живое мифическое представленіе (какъ объясняютъ теперь мифологи), въ своей подновленной формѣ, очевидно, не могли сохранять прежняго свѣжаго впечатлѣнія. Новые слова и являлись, между прочимъ, потому,

что старое впечатлѣніе затемнялось, и дѣйствительно—прежнія чисто миѣчскія представленія дѣлались только символомъ и поэтическимъ сравненіемъ: а это послѣднее могло создаваться и вновь.

Такія новыя образованія несомнѣнно явились и въ содержаніи. Исслѣдователи, которые охотно видѣли въ богатыряхъ Владимірова цикла переодѣтыхъ представителей миѣчскаго эпоса, въ сущности мало объяснили, какимъ образомъ могло произойти это преемство отъ миѣчской исторіи божествъ къ дѣяніямъ богатырей, въ которыхъ при всей фантастичности очевидно присутствіе чисто реального характера: когда же явились эти бытовныя, реальные герои, на какой почвѣ они были созданы, насколько въ нихъ отразилась миѣчская старина и насколько та новая среда и понятія, которыя явились съ христіанствомъ? Какъ могло бы случиться, чтобы то народное міровозрѣніе, которое въ среднемъ періодѣ до такой степени проникалось христіанскою легендой, миѣологіей и суевѣріемъ, не отразилось самымъ дѣйствительнымъ образомъ, напр., на былинѣ, когда эта новая миѣологія представляла для народа никакъ не менѣе, если не болѣе близкій поэтическій интересъ, чѣмъ миѣологія старая?

Вопросъ чрезвычайно трудный, именно потому, что исслѣдованіе не имѣетъ для своей опоры никакихъ старыхъ памятниковъ, которые въ какомъ-нибудь положительномъ текстѣ закрѣпили бы прежнюю ступень развитія былинны; тѣмъ не менѣе въ послѣднее время критика, оставляя пока въ сторонѣ миѣологическія толкованія, нападаетъ на новый слѣдъ, который со временемъ долженъ, кажется, значительно измѣнить наши представленія объ историческомъ ходѣ нашей эпической поэзіи. Этотъ новый слѣдъ начинаетъ оказываться въ той полу-народной литературѣ, которая въ наши средніе вѣка выражала новыя поэтическія интересы, церковно-народное міровозрѣніе, и представляется массою сказаній религиозно-миѣологическаго и сказочнаго характера. Сопоставленіе этой литературы съ нашей народной поэзіей въ указанномъ направленіи сдѣлано было въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, на которыя мы уважемъ далѣе.

Должно сказать, что до послѣдняго времени почти никому не приходило въ голову искать объясненій нашей былинны въ книжныхъ, слѣд., сравнительно новыхъ, христіанскихъ легендахъ и сказаніяхъ. Въ двухъ-трехъ отдѣльныхъ примѣрахъ находили между тѣмъ и другимъ нѣкоторую близость (напр. былина о сорока каливахъ, повторяющая исторію Іосифа), но эти примѣры считались исключительными, переходными отъ былинны въ духов-

нему стику (или обратно), а по существу былина и церковно-народная легенда считались за двѣ отдѣльныя, не похожія одна на другую области; если бы оказывалось гдѣ-нибудь сходство между ними, и явно христіанско-легендарныя черты въ эпической былинѣ, это считалось или случайностью, или доисторическимъ сходствомъ мѣровъ, или позднѣйшимъ христіанизированіемъ ¹⁾. Даже тамъ, гдѣ сближеніе само напрашивалось и гдѣ даже не шла рѣчь о собственной былинѣ (напр. стихи о Голубиной книгѣ, о Георгіѣ Храбромъ), исследователи какъ будто уклонялись отъ сличенія съ книжнымъ источникомъ, неохотно признавали его присутствіе, и снова настаивали на доисторической древности: сходство съ книжнымъ источникомъ какъ будто мѣшало; гораздо естественнѣе казалось объяснять подобныя произведенія изъ чистаго источника народнаго творчества. Понятно, какъ невѣроятно должно было казаться сближеніе съ книжными источниками тѣхъ произведеній, которыя считались вполне, исключительно народными и по сюжетамъ, и по именамъ героевъ, и по мѣсту событій,—какъ былина.

Но, какъ мы уже замѣтили, эта вѣроятность существуетъ. Литература церковно-народной легенды имѣла ту же народную публику, въ которой ходили и свои собственные мѣщанскіе рассказы, и очень естественно было, если тѣ и другіе сливались въ общее представленіе, которое затѣмъ переходило въ устную поэзію, какъ новая формація. Очень естественно было и то, что слѣды подобнаго происхожденія новыхъ поэтическихъ сюжетовъ или подробностей могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ затемниться до того, что новѣйшее изученіе и не подозреваетъ ихъ и бываетъ готово видѣть въ вещахъ заимствованныхъ самостоятельное народное творчество. Главной причиной этихъ недоразумѣній исторической критики было то, что мы вообще имѣемъ теперь только ничтожную долю памятниковъ книжно-народной литературы, и тѣ далеко не вполне изучены, такъ что связь народной поэзіи съ книгой не легко могла быть замѣчена. Не должно забывать, что вся старая литература вообще известна намъ только по случайнымъ образцамъ. Громадныя массы рукописей погибли отъ времени и всякихъ истребленій; невѣжество истребляетъ ихъ по сію минуту; и та литература, о которой мы здѣсь говоримъ, литература популярная, имѣла еще меньше, чѣмъ другая, шансовъ уцѣлѣть; сказками дорожили меньше, чѣмъ серьезной книгой;

¹⁾ См. напр. диссертацию г. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ, 1870, стр. 169 и въ другихъ мѣстахъ.

обыкновенно это бывали тетради, небольшие сборники, а не объемистые и дорогие хронографы, лѣтописи, богослужебныя книги. Известно, какой чрезвычайной рѣдкостью были находки настоящихъ поэтическихъ произведеній: «Слово о полку Игоревѣ», «Поѣсть о Горѣ-Злочастіи», пѣсни, записанныя въ Москвѣ англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ началѣ XVII вѣка, — вотъ все, что мы знаемъ въ этомъ родѣ отъ цѣлой до-петровской старины, и каждый изъ этихъ памятниковъ — единственный въ своемъ родѣ. Болѣе известны произведенія легендарныя, свои и переводныя; но и здѣсь мы, во-первыхъ, все еще не знаемъ цѣлаго ихъ объема, знаемъ ихъ часто только въ спискахъ попорченныхъ, неполныхъ; во-вторыхъ, мы почти совсѣмъ не знаемъ ихъ первоначальныхъ, древнѣйшихъ редакцій. Между тѣмъ, оказываются не разъ факты такого рода. Съ одной стороны встрѣчаются древнія упоминанія объ известномъ легендарномъ памятникѣ, существовавшемъ въ литературѣ; съ другой — мы находимъ самый памятникъ уже только въ новой рукописи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ чисто народной формѣ: очевидно, что отъ древняго упоминанія памятника до его народной редакціи онъ имѣлъ цѣлую исторію, въ теченіи которой легенда успѣла стать любимымъ чтеніемъ, переработаться и принять народный отбѣнокъ. Обиліе вариантовъ, которое нерѣдко встрѣчается въ подобныхъ произведеніяхъ, указываетъ само по-себѣ, какъ бывала сильна эта переработка; а иногда указываетъ и то, что памятникъ приходилъ къ намъ въ разныхъ видахъ и въ нѣсколько вріемовъ. Очень часто мы до сихъ поръ не въ состояніи указать непосредственныхъ оригиналовъ нашихъ сказаній, времени ихъ появленія и способа ихъ переработки на русской почвѣ. Исторія литературы обратила вниманіе на эти памятники лишь очень недавно, и никакъ нельзя сказать, чтобы она успѣла опредѣлить пути заимствованія и способъ усвоенія и развитія этихъ произведеній у насъ.

До сихъ поръ историки прослѣдили въ особенности три пути литературныхъ заимствованій: во-первыхъ, легенда и сказка шли отъ южнаго славянства; для древняго и средняго періода это былъ главный и обильнѣйшій источникъ; во-вторыхъ, много шло несомнѣнно съ нѣмецкаго запада, черезъ западную Русь (можетъ быть, также и Кіевъ) и Новгородъ; въ-третьихъ, къ концу средняго періода, новѣйшія произведенія этого рода, новеллы, шуточные рассказы шли изъ латинно-польскаго источника. Крайне темень остается, наконецъ, еще одинъ источникъ — чисто устное заимствованіе сказокъ и преданій, которое шло безъ сомнѣнія и указанными путями литературныхъ вліяній, но вмѣстѣ

могло имѣть и много иныхъ путей, напр., въ особенноти путь восточный, едвали подлежащій сомнѣнію. Но, возвращаясь къ путямъ литературнымъ, первый указанный источникъ до сихъ поръ такъ мало разъясненъ, что нѣтъ возможности считать рѣшенными историко-литературные вопросы, гдѣ этотъ источникъ долженъ быть принятъ въ соображеніе. А таковы именно вопросы нашей церковно-народной легенды, первообразами которой были старо-болгарскіе, отчасти старо-сербскіе тексты. Но древняя болгарская, вообще южно-славянская литература доселѣ извѣстна намъ, преимущественно въ этомъ отдѣлѣ, лишь случайными урывками. До недавняго времени вообще извѣстны были только тѣ старо-болгарскія рукописи, которыя сохранились въ Россіи и теперь находятся въ нашихъ библіотекахъ. Количество ихъ было весьма незначительное, внѣ отдѣла церковнаго и учительнаго. Судьба болгарскихъ рукописей на ихъ родинѣ была самая печальная. Эта родина съ конца XIV вѣка подпала такому страшному игу, которое истребляло самую память національной старины: несчастному народу не до того было, чтобы хранить эти старыя воспоминанія; впоследствии, фанариотское духовенство систематически истребляло болгарскія книги для окончательнаго пораженія и огрѣченія народа. Но въ историческомъ матеріалѣ нашихъ исследователей появлялись изрѣдка болгарскія рукописи, гдѣ оказывались иногда весьма неожиданные легендарные тексты, отчасти извѣстные по русскимъ произведеніямъ, отчасти совсѣмъ неизвѣстные. Такъ, въ трудахъ г. Булаева многія любопытныя частности были извлечены изъ рукописей, вывезенныхъ изъ Болгаріи Григоровичемъ. Такъ, въ описаніи рукописной библіотеки Хлудова, г. Поповъ издалъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ текстовъ по южно-славянскимъ рукописямъ Гильфердинга. Наконецъ, дѣятельные южно-славянскіе ученые, какъ Ягичъ, Фр. Рачкій, Даничичь, Стоянь Новаковичъ и другіе, въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ усердно работавшіе надъ реставраціей древней болгарской и сербской письменности, издали новый замѣчательный рядъ памятниковъ, которые все больше и больше подтверждаютъ фактами предположенія объ обширномъ нѣкогда влияніи славянскаго юга на старую русскую письменность. Въ рукописяхъ, сохраненныхъ Григоровичемъ, изданныхъ Поповымъ и названныхъ южно-славянскими учеными, оказывались произведенія, существованіе которыхъ предполагалось на основаніи русскихъ памятниковъ, или новыхъ сказанія, и т. п. Словомъ, начавшееся исследование южно-славянской легендарно-сказочной литературы, открытіе новыхъ рукописей, о которомъ начинаютъ заботиться

оно давало свою окраску чужому мѣву и сказанію; наконецъ, оно доставляло могущественное средство распространенія всего этого запаса: сказанія, мнѣя, легенды быстро и широко расходились съ расширеніемъ церкви, поученія, грамотности съ бѣльшимъ возбужденіемъ христіански направленной фантазіи.

Область христіанской міеологіи, съ ея разнообразными проявленіями, занимаетъ вообще чрезвычайно важное мѣсто въ исторіи средневѣкового міросозерцанія, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, и обширность ея вліянія едва ли достаточно оцѣняли тѣ изслѣдователи, которые непремѣнно хотѣли отыскивать въ народномъ преданіи и повѣи до-историческую старину. Для оцѣнки этого вліянія нужно отдать себѣ отчетъ, въ какой степени могло удержаться въ народномъ обращеніи старое, языческое міровоззрѣніе въ первые вѣка по введеніи христіанства. На первый взглядъ можетъ показаться, что языческое міровоззрѣніе держалось очень крѣпко. Старый писатель среднихъ вѣковъ назвалъ народъ своего времени «двоевѣрнымъ», и церковныя осужденія противъ старыхъ обычаевъ продолжаютъ въ теченіе всей старой исторіи до «Духовнаго Регламента» и даже позднѣе. И въ самомъ дѣлѣ, строгимъ блюстителямъ трудно было назвать народъ христіанскимъ при массѣ его суевѣрій, отчасти въ самомъ дѣлѣ шедшихъ изъ вѣвовъ язычества, при крайнемъ незнаніи христіанскаго ученія. Но не слѣдуетъ думать, чтобы это «двоевѣріе» въ состояніи было сберегать подлинное языческое преданіе. Держался обычай и обрядъ, но всегдашнему консерватизму сельскаго быта, удаленнаго отъ главнаго теченія исторической жизни; держалась болѣе или менѣе прочно пѣсня, привязанная къ бытовому обряду,—но историческія перемѣны брали свое—и все это мало-по-малу измѣняло свой старый характеръ. Такъ или иначе народъ принялъ христіанство, и хотя продолжаютъ жалобы на «двоевѣріе» и «поганскіе обычаи», мы видимъ несомнѣнный фактъ, что христіанское ученіе имѣетъ ревностныхъ послѣдователей въ этой самой народной массѣ, что извѣстныя доли этого ученія входятъ въ ея бытъ какъ прочное правило, что въ ней находятъ довѣрчивыхъ и ревностныхъ слушателей легенда, что христіанскія святыни окружаются величайшимъ почтеніемъ и поклоненіемъ. По временамъ, въ извѣстныя народныя праздники, совершаются сатурналіи, въ которыхъ асвѣтъ видитъ настоящее язычество, поются «бѣсовскія» пѣсни (а ему всякія пѣсни кажутся такими), исполняются невѣдомые церкви обряды,—но, какъ бы ни настаивалъ аскетическій обличитель на язычествѣ всего этого, здѣсь уже не было ни сознательнаго храненія не-христіанской ста-

ржины, ни самыя обряды, пѣсни и пр. не представляли прежняго опредѣленнаго смысла: обряды съ символическимъ значеніемъ стали игрой; пѣсенныя припѣвы, нѣкогда мнѳологическія, сдѣлались непонятнымъ украшеніемъ мотива и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ народъ былъ, по-своему, искренно благочестивъ, и христіанская окраска легла на весь его бытъ: его годъ былъ приуроченъ въ христіанскому календарю, его пенатами были святые, имена которыхъ онъ носилъ; между святыми распредѣлено было покровительство надъ всѣмъ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, скотомъ и имуществомъ, защита отъ бѣдъ и болѣзней и т. д., и это распредѣленіе само по себѣ свидѣтельствуетъ, что въ народномъ міровоззрѣніи совершился цѣлый процессъ переработки; волшебныя заговоры дѣлаются «благословясь» и «перекрестясь», обставлены святыми именами, и ихъ существенныя черты, безъ которыхъ не обходится зачатіе, какъ увидимъ, взяты иногда прямо изъ христіанской легенды. Обычай творить молитву при всякомъ дѣлѣ сталъ входить съ первыхъ вѣковъ и распространился потомъ какъ общее правило.

Правда, что, тѣмъ не менѣе, въ народѣ можно было находить «двоевѣріе» не только съ точки зрѣнія аскетическихъ моралистовъ; но настоящее двоевѣріе бывало только развѣ въ первое время, когда люди молились и новому божеству, но не забывали поклониться и старому, — а двоевѣріе нашего средняго періода было просто грубое пониманіе христіанства, свойственное всякой неразвитой массѣ, и какое можно въ обилии встрѣтить и по настоящую минуту. До-христіанская старина играла здѣсь уже очень второстепенную роль: ея воспоминанія береглись по инерціи преданія, но не составляли никакого опредѣленнаго и значительнаго элемента. Христіанство вошло сильной полосой не только въ нравственную жизнь народа, но и во все его міросозерцаніе: оно положило рѣзкій отпечатокъ и на народномъ преданіи и повѣіи.

Это не было христіанство церковное или догматическое. Последнее нѣкогда не доходило до народа во всей полнотѣ; оно было извѣстно какъ обрядъ, какъ официальная господствующая религія; — въ народной средѣ христіанство обставлялось своими особенными чертами, изукрашено было легендой, фантастическими образами; эти черты, между прочимъ, доставляло и христіанское искусство, понятое народомъ, какъ и естественно, въ самомъ буквальномъ, реальномъ и наглядномъ смыслѣ. Это народное христіанство, — которое, между прочимъ, высказалось обширнымъ историческимъ фактомъ раскола XVII вѣка, — и было тѣснѣй-

шимъ образомъ связано съ тою областью христіанской средне-вѣковой легенды, о которой мы говоримъ.

Эта область содалась изъ самаго разнообразнаго матеріала. Во-первыхъ, здѣсь были дѣйствительно остатки языческихъ воспоминаній, какъ въ самомъ греко-римскомъ христіанствѣ первые вѣковы продолжались еще воспоминанія античной и восточной мѣологии. Съ введеніемъ христіанства у народовъ средневѣковой Европы, на первоначальную основу ихъ языческаго преданія на-легли новымъ, толстымъ слоемъ христіанскія представленія, отчасти принесенныя прямымъ первобытнымъ ученіемъ церкви, библейскою исторіей, отчасти массой апокрифическихъ книгъ и восточной христіанской легенды, отчасти новыми явленіями христіанской практики — и легенды, которыя выработывались на новой христіанской почвѣ. Языческія воспоминанія были устранены или обезцвѣтились приуроченіемъ къ христіанскому содержанію. Въ одной изъ прежнихъ работъ надъ апокрифическими сказаніями, слышными въ старой русской литературѣ подъ именемъ «ложныхъ» и «отреченныхъ» книгъ, мы указывали общій характеръ этихъ произведеній, которыя, сами исходя изъ религіозно-поэтической фантазіи, вообще дали средневѣковому христіанству особый легендарно-фантастическій характеръ; популярная форма содѣйствовала распространенію этихъ сказаній, которыя упорно держались въ своей средѣ, несмотря на всѣ запрещенія официальной церковной власти. Священная исторія явилась здѣсь съ подробностями, совершенно неизвѣстными библейскому разсказу, украшена была многими и сказочными мотивами, предвѣщаніями и параллелями, дополнена въ тѣхъ пунктахъ, которыя опущены были въ библейскихъ книгахъ и способны были особенно возбуждать вѣрующее любопытство. Но и въ древнихъ апокрифическихъ книгъ, популярная легенда обильно развивалась изъ тѣхъ данныхъ, съ которыми являлось христіанство даже въ официальной формѣ: оно приносило ученія — о началѣ и концѣ міра, объ искупленіи, о небѣ и адѣ, о чудесахъ, измѣняющихъ ходъ природы, о борьбѣ съ злыми духами, о достиженіи святости и т. д.; эти ученія находили въ простодушныхъ сердцахъ и умахъ самую благоприятную среду для своего развитія, и дѣйствительно развились въ необозримую массу легендъ и чудесныхъ сказаній. Наконецъ, сама церковь, представители которой въ тѣ времена всего чаще дѣлили наивное пониманіе своей паствы, содѣйствовала развитію христіанской мѣологии приемами своей проповѣди: извѣстно, что для большаго успѣха обращенія она намѣренно связывала вѣрную христіанскую практику съ обычаями язычества, стараясь

замѣнить языческія божества христіанскими святыми (слѣдовательно, отчасти и къ приравнивая), языческія празднества церковными торжествами, — такъ, у балтійскихъ славянъ Святovitъ обращался въ святаго Вита, у насъ атрибуты Перуна очевидно перенесены на Илью-пророка, Волосъ смѣшился съ Власіемъ; въ то же время самому ученію придавалось грубо реальное примѣненіе, обрядовая сторона получала слишкомъ большое значеніе, — такъ что за христіанской внѣшностью легко сохранялась старая дѣйствительность нравовъ, и въ популярномъ пониманіи новая вѣра оставалась своего рода многобожіемъ, причемъ на ряду со святыми являлись олицетворенія христіанскихъ праздниковъ, какъ «Рождество», «Покровъ», «Св. Патница» и т. д., которые дѣлались какъ-бы личными существами. Новые изслѣдователи не сомнѣваются, что и извѣстная рождественская «коляда», въ которой прежде непременно хотѣли видѣть языческое преданіе и до-христіанскій терминъ, была такимъ церковно-календарнымъ нововведеніемъ.

Какъ и въ какой мѣрѣ происходило при этомъ смѣшеніе языческаго съ христіанскимъ, древняго съ новымъ, туземнаго съ пришлымъ, объ этомъ также трудно говорить, какъ о всякомъ процессѣ развитія. Можно судить объ этомъ лишь приблизительно, по результатамъ. По поводу одного подобнаго явленія нѣмецкой средневѣковой миеологии, г. Веселовскій указываетъ трудность опредѣлять тѣ миеическія личности, которыя возстановляются миеологами изъ средневѣковыхъ и современныхъ народныхъ повѣрій, и относятся ими къ древнѣйшимъ до-христіанскимъ вѣрованіямъ. «Но эти повѣрья», замѣчаетъ г. Веселовскій, «отразили на себѣ, въ сильной степени, вліянія христіанскихъ представленій, почему бываетъ затруднительно отдѣлить въ нихъ мѣру послѣдняго элемента отъ скрывающейся подъ нимъ, или только представляемой, языческой основы. Обыкновенно, оба элемента представляются въ смѣшеніи, хотя неравномѣрномъ и при различныхъ условіяхъ, которыя необходимо принять въ расчетъ при критикѣ народно-религіознаго преданія. Часто языческое повѣрье сохранялось цѣльнымъ и только видимо принимало христіанскій обликъ, обставляясь именами, заимствованными изъ святицевъ, либо евангелія. Наоборотъ, могло случиться, что лица евангельской, легендарной исторіи, почему бы то ни было, овладѣвали народной фантазіей, не приурочиваясь къ ея языческому прошлому, но изъ необходимости подчиняясь миеическому строю мысли средневѣковаго человѣка. Они воспринимались какъ конкретныя, приближались къ себѣ, представляли ихъ въ настоящемъ или временномъ

общеніи съ собою»¹⁾. Быть можетъ, еще ббльшая осторожность нужна въ критикѣ русскаго преданія, гдѣ опредѣленіе «языческой основы» встрѣчаетъ верѣдко неодолимую трудность по скудости вообще извѣстій о русскомъ язычествѣ. Самая скудость свѣдѣній, вѣроятно, обозначаетъ и то, что это язычество не представляло выработанной миеологіи, которая могла бы съ извѣстной силой воздѣйствовать на входившіе христіанскіе элементы. Эти послѣдніе имѣли, повидимому, для себя большой просторъ, и если христіанская миеологія древней и средней Руси не отличалась такимъ богатствомъ памятниковъ литературныхъ и наглядныхъ искусства, какъ средневѣковая западная, то ея относительное значеніе въ области народныхъ понятій было никакъ не меньше.

Такова была среда народныхъ понятій, которая стала образовываться съ перваго появленія христіанства, расширялась вмѣстѣ съ его успѣхами и въ среднемъ періодѣ была уже господствующей. Черезъ эту-то среду прошла и старая народная поэзія, исторія которой невозможна, нова критика не выдѣлать ея составныхъ элементовъ и въ особенности христіанско-миеологическаго. До сихъ поръ наши ученые были склонны скорѣе преувеличивать ея народную, до-христіанскую сторону и не давали должнаго вниманія той исторической средѣ, черезъ посредство которой получила ея настоящая форма. Таковы были труды Аенасьева, гг. Буслаева, Ор. Миллера, Безсонова и др. При первомъ изученіи опредѣленіе этой среды было не легко: историческая работа вѣковъ покрыла основной фонъ узорами народной фантазіи до такой степени, что первые приступы критики по необходимости несмѣлы и неясны; но эти приступы критики тѣмъ любопытнѣе и тѣмъ больше заслуживаютъ вниманія, чѣмъ труднѣе вопросъ.

Новая точка зрѣнія, исходящая изъ критическаго требованія опредѣлить историческую среду, въ которой сложилась дошедшая до насъ форма народной поэзіи, еще не выразилась ни однимъ цѣльнымъ трудомъ, высказывалась по частнымъ вопросамъ, — но уже успѣла заявить себя чрезвычайно любопытными объясненіями, на которыхъ мы хотимъ здѣсь остановиться. Это сдѣлано — преимущественно, почти исключительно — въ трудахъ нашего литературнаго историка, г. Веселовскаго, и хорватскаго ученаго, Ягича.

Г. Веселовскій въ послѣдніе годы издалъ цѣлый рядъ замѣ-

¹⁾ „Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, февраль, стр. 272.

чуждыми изысканіями, относящихся именно къ опредѣленію той христіанской міеологіи, на которой строилось средневѣковое міровоззрѣніе, и въ западной Европѣ, и у насъ. Эти изысканія исполнены съ эрудиціей, каковая рѣдко встрѣчается даже между европейскими учеными, привыкшими овладѣвать обширной литературой, которая бываетъ у нихъ обыкновенно ближе подъ руками. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве потому, что обширныя свѣдѣнія этого автора въ средневѣковой литературѣ, въ соединеніи съ опытной критикою источниковъ, даютъ тѣмъ больше цѣны его историческимъ взглядамъ. Въ нашей литературной старинѣ, г. Веселовскій останавливался именно на тѣхъ памятникахъ, которые были характерными образчиками средневѣковой христіанской міеологіи—это апокрифическія сказанія, приобрѣтавшія особенную популярность, полународныя легенды, странствующія повѣсти «восточно-западнаго» происхожденія и характера. Исходя отъ русскихъ памятниковъ, авторъ слѣдилъ легендарную тѣму по всему пути ея распространенія, такъ что при этомъ русское сказаніе выяснялось среди всего того цикла, которому оно принадлежало. Связь русскихъ сказаній съ этимъ цикломъ оказывалась очень близкая, такъ что многое въ нашей средневѣковой міеологіи было совершенно однородно съ міеологіей западной; въ массѣ вариантовъ извѣстной тѣмы, варианты русскіе указывали иногда на неизвѣстныя доселѣ звенья легендарной цѣпи; ближайшія отношенія нашей легенды были въ Византіи и южномъ славянствѣ; но отыскивались и слѣды, указывающіе, повидимому, на прямую связь древне-русской легенды съ западной, именно германской; многія подробности въ развитіи сюжетовъ свидѣтельствовали о самостоятельной переработкѣ, налагавшей на заимствованную тѣму черты русскаго народнаго стиля.

Общій взглядъ автора на эти отношенія ясно высказанъ въ его первой крупной работѣ по исторіи русской средневѣковой легенды. «Мнѣ кажется», говоритъ г. Веселовскій, «что теоретич. средневѣковой міеологіи должны будутъ поступиться частью своей программы: не всегда старые боги сохранились въ полужыческой памяти средневѣковаго христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ, удерживая за собою свою власть и атрибуты. Образы и вѣрованія средневѣковаго Олимпа могли слагаться еще другимъ путемъ: ученія христіанства принимались неприготовленными къ нему умами внѣшнимъ образомъ; евангельскіе рассказы и легенды, чѣмъ далѣе шли въ народъ, тѣмъ болѣе прилаживались къ такому пониманію, искажались; обряды, мелочи церковнаго обихода производили формальное впечатлѣніе,

слово принималось за дѣло, всякому движению приписывалась особая сила, и по мѣрѣ того, какъ исчезалъ внутренній смыслъ, внѣшность давала богатый матеріалъ для суевѣрія, заговоровъ, гаданій и т. п. Повесть о подвижничествѣ христіанскихъ просвѣтителей обращалась въ фантазію европейскихъ дикарей въ героическую сагу, святые становились героями и полубогами. Такимъ образомъ, долженъ былъ создаться цѣлый новый міръ фантастическихъ образовъ, въ которомъ христіанство участвовало лишь матеріалами, именами, а содержаніе и самая постройка выходили языческія. Такого рода созданіе ничуть не предполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе мифологіи. Ничего такого могло и не быть, т.-е. мифологіи, разившейся до олицетворенія божествъ, до признанія между ними человѣческихъ отношеній, типовъ и т. д.; достаточно было особаго склада мысли, никогда не отлежавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни и всякую абстракцію низводившей до ихъ уровня. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ, они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, мифомъ; не разглядывъ ихъ генезиса, мы легко можемъ признать ихъ за таковыя¹⁾.

То-есть, въ этомъ міровоззрѣніи не было ни чистаго христіанства, которое покрывалось «тьмою не-христіанскаго суевѣрія», по выраженію автора, ни собственнаго язычества, которое стиралось подъ сильнымъ наплывомъ христіанскихъ понятій и формъ, и заслонялось новыми созданіями народной фантазіи. Эту среду авторъ изучаетъ и въ памятникахъ русскои старины. Останавливаясь до сихъ поръ почти исключительно на памятникахъ припльхъ, заимствованныхъ, авторъ слѣдитъ ихъ исторію въ средне-вѣковой, западной и восточной литературѣ, причемъ выясняется (хотя приблизительно) самое возникновеніе христіанскаго мифа, и затѣмъ его литературное распространеніе въ христіанскомъ мірѣ и мѣстныя развитія по народностямъ, гдѣ мифъ подпадаетъ, наконецъ, и чисто-народной обработкѣ²⁾.

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и пр. Спб. 1872, стр. XII—XIV.

²⁾ Кромъ упомянутой сейчасъ книги, сюда относятся слѣдующіе труды г. Веселовскаго:

— „Новыя отношенія муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1871, № 4.

— „Die russischen Todtenklagen“ (по поводу изданія Е. Барсова: „Причитанія сѣвернаго краа“, М. 1872), въ „Russische Revue“, 1872.

— „Constantinische Sagen“, тамъ же, 1875.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ г. Веселовскій касается нашего народнаго эпоса, и почти впервые въ нашей литературѣ положительно указываетъ присутствіе христіанской мифологіи въ такихъ произведеніяхъ нашего эпоса, въ которыхъ наши мифологи видѣли непреложный слѣдъ до-историческаго язычества. Такова, напр., знаменитая «Голубиная (собственно: Глубинная) книга», которая, по выводамъ г. Вулава и Аванасьева ¹⁾, представляла драгоцѣнные остатки мифической древности, — хотя имъ уже были известны литературныя параллели къ ней въ памятникахъ письменныхъ. Г. Веселовскій собралъ обильное количество этихъ параллелей и пришелъ къ противоположному выводу, что, вмѣсто остатковъ первичнаго язычества, мы, напротивъ, имѣемъ здѣсь дѣло со вторичной, литературной формацией, источниками которой являются въ давнихъ преданіяхъ христіанской мифологіи, много разъ переработанныхъ въ средневѣковой литературѣ ²⁾. Важность вывода была очевидна: вмѣсто мнимаго проникновенія въ глубокую древность, мы видѣли факты не столь древней, но дѣйствительной исторіи.

Литературные источники «Голубиной книги» г. Веселовскій указывалъ въ такъ-называемыхъ отреченныхъ книгахъ, въ произведеніяхъ болгарскаго богомилства, апокрифическая и еретическая основа которыхъ была потомъ покрыта позднѣйшимъ наслоеніемъ православныхъ понятій. Онъ въ особенности настаиваетъ на переходѣ къ намъ богомилскихъ легендъ, которые изъ

— „Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ“ (поэма о Дигенесѣ и „старше“ богатыри). „Вѣстн. Евр.“ 1875, апрѣль.

— „Параллели къ сказанію о Новгородскомъ радѣ“. „Филологич. Записки“, Воронежъ, 1875, вып. 3.

— „Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды“ (христіанской мифологіи): Откровеніе Мессіи и византийско-германская императорская сага.— Легенда о возвращающемся императорѣ.— Легенда о скрывающемся императорѣ. „Журн. Мин.“ 1875, т. 178—179, двѣ статьи.

— „Опытъ“ и пр. „Берта, Анастасія и Пятица“. Сивилла-Самовила.— Берта.— Эпистолы о недѣлѣ.— Сонъ Богородицы.— Недѣла-Анастасія и Пятица-Параскева. „Журн. Мин.“ 1876, четыре статьи.

— „Объ одномъ эпизодѣ въ бытіи о Святгорѣ“. „Филологич. Зап.“ 1876.

— „Sagenstoffe aus dem Kandjur. 1. Moroff.—2. Die zwölf Träume des Königs Mamer, altrussisch“ (о двѣнадцати снахъ Мамера царя). „Russische Revue“, 1876.

— „Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ (повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ)“. „Славянскій Сборникъ“, 1876, т. III.—Тоже, въ краткомъ изложеніи въ „Archiv für Slav. Phil.“, Ягича.

¹⁾ Вулава, Очерки, т. I, стр. 143, 455, 614 и слѣд., т. II, 17; Аванасьевъ, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. I, 50—52.

²⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и пр., стр. 163 и слѣд.

книги проникли въ народъ и въ немъ расходились путемъ устного слова. «Когда выдержки изъ отреченныхъ книгъ встрѣчаются уже въ исповѣданіи христіанской вѣры, будто бы представленномъ великому князю Владиміру, въ лѣтописи Нестора, въ такъ-называемомъ Святославопомъ Изборникѣ, въ Хожденіи Даниіла Паломника, мы поймемъ, подъ каковымъ вліяніемъ произошли космогоническія сказки въ духѣ богомилства, въ которыхъ сотвореніе міра приписывается совокупному творчеству Бога и дьявола. Такія сказки недавно были записаны въ Болгаріи и въ Россіи. Мы поймемъ также, каковымъ путемъ проходила въ нашъ былевой эпосъ *значительная часть мотивовъ и даже имена*, первоначально чуждыхъ ему, въ родѣ рѣкъ Сафата и Израя, съ библейскимъ колоритомъ названій, и *Амелфы* Тимоѣевны, передѣланной изъ Амемфріи апокрифическихъ завѣтовъ XII патріарховъ. Необходимо предположить очень долгое и невозбранное обращеніе въ средѣ русскаго народа ложныхъ сказаній и воззрѣній, чтобы объяснить себѣ богатство апокрифическаго, преимущественно богомилскаго матеріала, наполняющаго наши заговоры и суевѣрія, правоучительные трактаты въ родѣ Слова о злыхъ женахъ и сказанія о происхожденіи винокуренія, наконецъ, наши духовные стихи... Старшій, основной стихъ нашихъ калитъ не только коренится въ представленіяхъ дуалистической ереси, но и опредѣляется составомъ ея главной, учительной книги, содержаніе которой онъ иногда сохранилъ вѣрнѣе дошедшихъ до насъ русскихъ текстовъ апокрифа». Именно, г. Веселовскій главнымъ источникомъ «Глубинной книги» считаетъ главный богомилскій апокрифъ «Вопросы Іоанна Богослова Господу на Оаворской горѣ». Это литературное вліяніе, распространившееся въ самую народную среду, представляется автору связаннымъ съ бытовыми фактами; онъ вспоминаетъ богомилскихъ странниковъ и сравниваетъ съ ними нашихъ калитъ, занявшихъ, какъ извѣстно, свое важное мѣсто въ персоналѣ былинъ ¹⁾).

Связи стиха о Голубиной книгѣ съ книжнымъ апокрифическимъ источникомъ были указаны раньше, но онъ еще не были опредѣляемы съ такою положительностью; авторъ ищетъ реальныхъ историческихъ фактовъ въ отпоръ произволу миеологическихъ и символическихъ толкованій.

Въ статьѣ по поводу недавняго открытія греческаго подлинника византійской поэмы о Дигенисѣ, русскій переводъ которой подъ именемъ «Девгеніева Дѣянія» былъ однимъ изъ древнихъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 180 и слѣд.

намятниковъ нашей литературы, г. Веселовскій снова вознулся вопроса нашей народной поэзіи съ тою же мыслью объ узненіи ея источниковъ. Онъ съ большою вѣроятностью показалъ, что греческій Дигенисъ, герой, называвшій себя «непобѣдимымъ» (aniketos), былъ прототиномъ того нѣкѣмъ непобѣжденного воина Аники, который въ народныхъ разсказахъ и особыхъ былинныхъ пѣсняхъ выводится въ спорѣ со смертію, — сюжетъ, имѣющій до сихъ поръ великую популярность. Сближеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что съ одной стороны греческій Дигенисъ-Аникитъ пользовался великой славой въ греческой народной поэзіи, и по своему богатырству въ особенности годился для спора со смертію; съ другой стороны русскій «Аника», своимъ именемъ такъ близко указывающій на греческаго героя, стоитъ въ нашихъ народныхъ разсказахъ совсѣмъ особнякомъ, безъ всякой связи съ подлинными русскими богатырями. По содержанию, пѣсенный разсказъ о спорѣ Аники со смертію совершенно сходенъ съ старымъ книжнымъ «Преніемъ живота со смертію», которое было, вѣроятно, взято изъ какой-нибудь аскетической статьи; нѣсколько-поучительныя упражненія на тему разговора или спора двухъ противоположныхъ лицъ или началъ, напр., души и тѣла, воды и вина и т. п., были очень нерѣдки въ средневѣковой литературѣ и играли роль практическаго нравоученія. Пѣсни объ Аникѣ, своимъ внешнимъ складомъ подходящія къ духовнымъ стихамъ, безъ сомнѣнія, обязаны своимъ началомъ подобному внешнему произведенію греческой или славянской литературы. Рассматривая эти пѣсни, и нижнее «Преніе», г. Веселовскій обратилъ вниманіе еще на то любопытное обстоятельство, что описанія великой силы богатыря Аники очень сходны съ тѣмъ, что разсказываютъ былины о такъ-называемыхъ «старшихъ богатыряхъ», Святогорѣ, Самсонѣ и пр. Въ самой пѣснѣ объ Аникѣ, смерть, отвѣчая ему, сопоставляетъ его съ могучими богатырями Самсономъ и *Святогоромъ*, — не упоминая, однако, никого изъ подлинныхъ русскихъ богатырей, окружающихъ князя Владимира.

«Кто же эти такъ-называемые «старшіе» наши богатыри? — спрашиваетъ г. Веселовскій. Между ними и Аникой есть много общаго. Аника стоитъ особнякомъ отъ русскаго былиннаго эпоса, въ небольшомъ цѣлѣ пѣсенъ объ его борьбѣ со смертію. «Старшіе богатыри» хотя и введены въ составъ русскаго эпоса, но какъ-то стороною, случайно. Они почти не принимаютъ участія въ интересахъ русской земли. (Святогоръ самъ говорить въ пѣснѣ, что ему «не придано ѣздить на святую Русь»; Илья-Муромецъ ѣдетъ къ нему «на тма горы на высокія», и т. п.) Какъ и

Анна, старшіе богатыри отличаются необычайной, нечеловѣческой силой, до которой далеко русскія, земскія богатырямъ»...

Указаніе очень мѣткое, потому что дѣйствительно «старшіе» богатыри вообще отличаются отсутствіемъ реального и характернаго; они дѣйствуютъ въ какой-то неопредѣленной, отвлеченной средѣ и какъ ни объясняли наши ученые ихъ древне-мифологическое значеніе и ихъ тѣсную связь съ богатырствомъ Владимірова цикла, они остаются все яснымъ эпическимъ созданіемъ, а отвлеченной аллегоріей и символомъ, и ихъ первобытность еще нуждается въ большихъ доказательствахъ.

Г. Веселовскій приводитъ (почти въ тѣхъ же выраженіяхъ) изъ ново-греческой народной повѣи примѣры столь же нечеловѣческой силы, какою отличается Святгоръ, и затѣмъ дѣлаетъ соображенія, на нашъ взглядъ весьма существенныя для опредѣленія вопроса. Уже замѣчено было, что имя Святгора не есть имя собственное, а искусственно составленное: однимъ казалось, что это—простая вариация святаго Егорія; другимъ, что это имя произведено отъ «Святыхъ горъ» — онъ и представляется живущимъ на святыхъ или высокихъ горахъ. Горы, замѣчаетъ г. Веселовскій, — часто встрѣчаются въ русской былинѣ; какъ мѣстность, это обыкновенно «горы Сорочинскія»; отъ горъ произведены собственные имена и прованія — Змѣй Гориничъ, баба Горыкина и т. п., и обиліе этихъ производныхъ не могло быть внушено преимущественно равниннымъ характеромъ русской мѣстности. Съ образомъ горы неразрѣдно соединяется образъ змѣя: въ этихъ змѣяхъ могло оставаться какое-нибудь старое мифическое представленіе; но замѣчательно, что этотъ змѣй имѣетъ какую-то двойственную природу — онъ является чудовищемъ, которое дышетъ пламенемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это бываетъ могучій богатырь, въ цвѣтномъ платьѣ, на лютыхъ конѣ. Авторъ вспоминаетъ, что въ Византійской имперіи, съ VII вѣка обычнымъ именемъ для воинственной вольницы, гнѣздившейся въ *горахъ* Тавра, было «Драки», т. е. драконы, змѣи, или Драки-аллины, или «драментопулы», т. е. змѣеныши, змѣевичи, какъ нашъ Тутаринъ. Въ византійскихъ поэмахъ являются и воинственные дѣвы, съ которыми можно сравнить нашихъ былинныхъ героинь «паленицъ», — причѣмъ надо опять замѣтить, что этихъ «удалыхъ паленицъ» нелегко объяснить изъ русской, хотя бы и древней, исторической жизни, въ которой нельзя указать обилія такихъ амазонскихъ воительницъ.

Въ заключеніе, г. Веселовскій дѣлаетъ слѣдующія общія за-

нѣчания или предположенія о томъ запастъ апокрифическихъ и легендарныхъ преданій, которыя съ X-го вѣка приходили на Русь изъ Византии, прямо, или черезъ южное славянство, или книжнымъ, или устнымъ путемъ. «Это былъ мѣръ чудесныхъ подвиговъ, героевъ и чудовищъ, воинственныхъ дѣвъ-паленищъ, которыя связывались для грѣха съ его древними преданіями объ амазонкахъ. Въ пересказахъ русскихъ людей всѣ эти образы должны были отразиться съ чертами болѣе грубаго реализма, въ соотвѣтствіи съ умственнымъ развитіемъ новой среды. Когда впоследствии, въ *по-татарскую эпоху*, развился нашъ собственный земскій эпосъ съ Ильей-Муромцемъ и другими мѣстными богатырями, онъ долженъ былъ сосчитаться съ элементами болѣе древняго, приплаго эпоса. Онъ или устранилъ его отъ себя, удаливъ Аникку-Дигенеса въ небольшой цѣль прѣсень объ его борьбѣ со смертью, или приурочилъ его въ себѣ частями, но такъ, что слѣды спая остаются замѣтны и теперь. Наши «старшіе богатыри» собственно не наши, это «сила нездѣшная». Въ своей нечеловѣческой мощи они смотрятъ на земскихъ богатырей какъ на новое, имъ чуждое поколѣніе, проходятъ передъ нами какъ-то таинственно-безучастно и также таинственно исчезаютъ. Другая метаморфоза постигла другой рядъ образовъ, опредѣливъ ихъ особое приуроченіе въ средѣ новаго русскаго эпоса: змѣи и змѣевичи-воители приняли въ нашихъ пересказахъ черты змѣевъ обрядового повѣрья, сдѣлались силой нечистою, отождествились съ татарщиной, когда татарщина явилась общимъ выраженіемъ всего вражняго, съ тѣмъ приходилось биться русскимъ богатырямъ. Тугаринъ дѣйствительно прѣвѣжалъ изъ-за горъ, оттого его эпитетъ «загорскій», впоследствии его заставили прѣвѣжать изъ «улусовъ» загорскихъ. Но другая прѣсня осталась о немъ, гдѣ онъ является цареградскимъ богатыремъ...; его мать живетъ въ Царьградѣ; онъ сбрасывается на Кіевъ, но взятъ русскими богатырями и отвезенъ къ Владиміру»... ¹⁾.

Тѣмъ, кто знаетъ обычныя нынѣшнія объясненія былинъ, объясненія, вошедшія въ учебники и популярныя книги и снабдившія нашу древность мнимо-многоческими героями на подобіе германскихъ и скандинавскихъ, ясно будетъ, какъ далеко отстоитъ отъ этихъ объясненій взглядъ г. Веселовскаго. Какъ этотъ взглядъ ни нуждается еще въ развитіи и доказательствѣ, онъ видимо угадываетъ рѣшающія черты темнаго вопроса. Мы уже замѣчали, что эта точка зрѣнія не совершенно нова; отдѣльные поиски и раньше

1) „Вѣстн. Евр.“ 1875, апрѣль, стр. 766—775.

направлялись въ эту сторону; частныя сличенія письменныхъ памятниковъ византийскаго происхожденія и различныхъ произведеній народной поэзіи, преданія и легенды, — какия дѣлались г. Срезневскимъ, Тихомировымъ, самимъ г. Буславскимъ и другими, — указывали, что въ судьбѣ нашей народной поэзіи принята книга, принята устная легенда играли свою большую роль; но еще нѣмъ вопросъ не былъ поставленъ (хотя бы въ формѣ предположенія) столь опредѣлительно на сравнительно-историческую точку зрѣнія, какъ это сдѣлано нашимъ авторомъ ¹⁾.

Въ прошломъ году явился новый самѣлательный трудъ въ томъ же направленіи, профессора берлинскаго университета, г. Ягича ²⁾. Такъ какъ до сихъ поръ этотъ трудъ еще не былъ вложенъ въ нашу литературу, мы остановимся подробнѣе на его любопытномъ содержаніи, — предполагая конечно, что спеціалисты обратятся за частностями въ подлиннику.

Что русскій народный эпосъ вообще (вмѣстѣ съ духовными стихами, народной легендой и т. д.) сильно проникнутъ мотивами и сюжетами, взятыми изъ христіанско-мифологическихъ связей, это давно извѣстно, — вопросъ заключается въ томъ, чтобы отдѣлать этотъ христіанско-мифологическій слой отъ первобытной основы. «Опредѣленіе этого вопроса, — говоритъ г. Ягичъ, — принадлежитъ къ труднѣйшимъ научнымъ анализамъ, и окончательное рѣшеніе этой задачи, если только вообще достижимо, лежитъ еще далеко впередъ. Но мы много выиграли уже тѣмъ, что относительно нѣкихъ вещей, которыя до сихъ поръ зачислялись въ рубрику національно-мифологическаго, заключающую такъ много посторонняго, мы признаемъ, что онѣ произошли, были вызваны или развиты только подъ вліяніемъ христіанско-мифологическихъ, библейско-легендарныхъ сказаній, и также относительно другихъ вещей, которыя еще недавно восхвалялись какъ самостоятельное изобрѣтеніе національнаго духа, принимаемъ ихъ за подражаніе чужимъ образцамъ, причемъ однако намъ очень часто случается еще больше удивляться творческой силѣ народнаго духа».

По мнѣнію автора, мы стоимъ еще только въ началѣ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, но уже теперь народный русскій эпосъ, по его содержанію, можно раздѣлить на три ступени. Въ первой г. Ягичъ относитъ гдѣши чисто библейско-легендарнаго

¹⁾ Это признано было и г. Буславскимъ; ср. Отчетъ о 16-мъ присуд. Увар. преміи, 1874, стр. 52.

²⁾ „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik“, въ Archiv für slavische Philologie, 1875—76, стр. 82—133.

содержаніи, гдѣ заимствованіе очевидно и не отступает далеко отъ подлинника. Ко второй — тѣ свѣдѣнія произведенія, гдѣ заимствованный сюжетъ обработанъ уже болѣе или менѣе самостоятельно, а вышедшая форма вполнѣ равняется эпической формѣ былинки. Наконецъ третью ступень составляютъ «собственно національными богатѣйшимъ пѣснями, которыя, насколько достигаетъ наше теперешнее знаніе, по основному содержанію считаются за подлинную національную собственность, хотя въ стѣбныхъ эпизодахъ, выраженіяхъ, названіяхъ и т. д. имъ мало не исключаютъ упомянутаго христіанскаго или какаго другого вліянія».

Памятники первого ряда вполнѣ понятны; это такъ-называемыя дуковины стихи, источникъ которыхъ повидимому не требуетъ особнхъ объясненій, когда рѣчь идетъ о Лазарѣ, о прекрасномъ Іосифѣ, Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ, Георгіѣ Храбромъ и т. д. Но г. Ягичъ довольно справедливо замѣчаетъ, что на дуковинные стихи все-таки слѣшкомъ мало обращали вниманія сравнительно съ былинками, какъ будто изъ нихъ уже ничего новаго не вышло. Но въ научномъ изслѣдованіи русскаго эпоса они важны именно какъ промежуточная ступень, доставляющая удобный случай проникнуть въ процессъ народнаго творчества — въ этихъ произведеніяхъ намъ впередъ, а ргіюгі, извѣстность основной сюжетъ, и точный анализъ его обработки въ стихѣ даетъ возможность уловить и понять приемы народной поэзіи. Дѣйствительно, замѣчаетъ авторъ, въ высшей степени любопытно и поучительно наблюдать процессъ преобразованія или такъ-сказать націонализированія предмета, собственно совершенно чуждаго, процесса, который обнаруживается измѣненіемъ положеній, передѣлкой именъ, прибавкой народныхъ или по народному звучащихъ атрибутовъ, выраженій и оборотовъ. Авторъ приводитъ особенно въ примѣръ знаменитый стихъ о Георгіѣ Храбромъ, который пользуется большою популярностью и въ народѣ, и между учеными. «Этотъ герой такъ идеализированъ и націонализированъ, что г. Буславевъ въ статьѣ, писанной въ 1859 г. (и повторенной во 2-мъ томѣ его «Очерковъ»), нашелъ возможнымъ высказать слѣдующее мнѣніе: — тотъ вовсе не понималъ бы всего обаянія народнаго поэма въ этомъ стихѣ, кто рѣшился бы въ храбрѣе героевъ видѣть свѣточнаго Георгія Побѣдоносца. И однакоже, — замѣчаетъ г. Ягичъ, — герой пѣсней есть не кто иной какъ св. Георгій».

Подробно останавливается авторъ на «жирѣ» русскаго библейско-мифологическаго былинъ, на стихѣ о Голубиной книгѣ. Подтверждая сличеніе этого стиха съ апокрифами, сдѣланное гг. Тихонравовымъ и Веселовскимъ, авторъ прибавляетъ новыя срав-

ненія, которыя еще болѣе сближаютъ «Голубиную книгу» съ упомянутыми «Вопросами Іоанна Богослова», и между прочимъ, останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя были камнемъ преткновенія для всѣхъ нашихъ толкователей или объяснялись по обычаю произвольно-мнеологическимъ образомъ.

Во-первыхъ, *Волотъ*. Въ одномъ пересказѣ «Голубиной книги» вмѣсто князя Владиміра, бесѣдующаго съ царемъ Давидомъ о мировыхъ тайнахъ, поставлено имя «Волота». На основаніи одного этого имени, обозначающаго въ старожъ и областномъ языкѣ великана, г. Буслаевъ пришелъ къ убѣжденію, что въ Волотѣ является передъ нами новый герой русскаго миеологическаго эпоса, именно то существо, которое въ древнѣйшей формѣ стиха, какъ вѣроятно также и въ древнѣйшей формѣ былинны, было подлиннымъ героемъ, вмѣстѣ позднѣе явившагося историческаго князя Владиміра. Бесѣда этого великана Волота съ Давидомъ казалась г. Буслаеву совершенно параллельной съ скандинавскимъ сопоставленіемъ Одина съ Вафтрудниромъ. «Если бы наша повѣсть, — говорилъ г. Буслаевъ, — встрѣтилась между древне-нѣмецкими поэтическими произведеніями, то никто не усумнился бы признать ее за подновленный въ эпоху христіанскую вариантъ извѣстной пѣсни древней Эдды о Вафтруднирѣ: таково поразительное сходство обонхъ этихъ произведеній по основнымъ эпическимъ мотивамъ... Само собою разумѣется, что это замѣчательное сходство объясняется не позднѣйшимъ литературнымъ вліяніемъ, а *перобытными средствами* миеологическаго эпоса славянскаго съ нѣмецкимъ. Между нашею повѣстью и пѣсней древней Эдды надобно предполагать *древнѣйшее, чисто русское* эпическое произведеніе о царѣ Волотѣ и его великой премудрости. Даже несмотря на позднѣйшую апокрифическую обстановку, можно уже догадываться, что Волотъ есть существо необычайное, *первенствующее*... и т. д. ¹⁾»

Г. Ягичъ смотритъ на дѣло совсѣмъ иначе. Онъ не допускаетъ возможности сомнѣнія въ томъ, что этотъ Волотъ (съ вариантами — Волотоманъ, Волотомиръ, наконецъ Володмиръ) вовсе не есть національный миеическій герой, а что если однимъ изъ собесѣдниковъ является царь Давидъ, если содержаніе стиха вертится на средневѣковой миеологіи, то и подъ Волотомъ также скрывается не народно-языческаая, а книжно-легендарная личность. Конечно, легко представлялась мысль о Волотѣ, какъ великанѣ, — но это имя могло быть такой же второстепенной слу-

¹⁾ Очерки, I, 457.

тайностью, какъ имя самого Владимира. Весь характеръ «Голубиной книги» не допускаетъ ни древняго мифическаго героя Волота, ни князя Владимира, и побуждаетъ, напротивъ, искать объясненія личности этого собесѣдника Давида въ томъ же легендарно-апокрифическомъ цѣлѣ, откуда взято все содержаніе стиха.

Въ этомъ замѣчаніи г. Ягичъ вполнѣ правъ; быть можетъ, онъ не ошибся и въ своемъ предположеніи о томъ, какое имя могло стоять въ старѣйшей первоначальной редакціи, изъ котораго вышелъ потомъ Волотъ и Владиміръ. Обративъ вниманіе на варианты этого имени, онъ находитъ, что «Волотоманъ» «Голубиной книги» по всему вѣроятію есть то же самое, что «Вотоломонъ», греческій царь, который является въ одномъ вариантѣ сказаній о Соломонѣ—какое-то чужое, испорченное имя. Кто же былъ этотъ «Вотоломонъ»? Авторъ думаетъ, что это есть испорченное имя Птолемея. Въ этомъ сказаніи говорится, что Давидъ хотѣлъ женить Соломона на дочери греческаго царя «Вотоломона»; въ другой редакціи того же разказа, на мѣстѣ послѣдняго является египетскій царь Фараонъ, а этотъ, по мнѣнію Ягича, могъ замѣнить египетскаго царя Птолемея. Въ одномъ старомъ сербскомъ текствѣ «Александріи» (сказанія объ Александрѣ Македонскомъ) Ягичъ встрѣтилъ это имя въ формѣ «Потоломея» вмѣсто Птолемея; и что отсюда легко могъ выйти «Вотоломонъ» или «Волотомонъ», это очень легко представить, вспомнивши, какъ въ разныхъ спискахъ этой же самой «Голубиной книги» передѣлывается гораздо болѣе извѣстное имя горы Фавора (Фаоръ, Фагоръ, Фангоръ; Харгоръ, Хвангуръ, Хварсъ, Горгоръ, Фарагонъ) или греческое названіе птицы strouthios (страфиль, естрафиль, страхиль, страчимъ, вострахиль, стрепеюнь), и т. п. Царь Птолемей совершенно подходилъ бы въ тому положенію, какое имѣетъ въ стихѣ о «Голубиной книгѣ» собесѣдникъ царя Давида. Противъ первоначальности «Волота» говорить и форма имени, потому что если бы дѣйствительно имя «Волота» было первоначальнымъ, то нѣтъ возможности понять такихъ искаженій, какъ Волотоманъ и пр.; тогда какъ, наоборотъ, изъ болѣе сложныхъ и неясныхъ формъ Вотоломонъ или Волотоманъ естественно могли произойти простѣйшія и вразумительныя слова Волотъ и Володиміръ.

Читатель не-специалистъ можетъ удивиться этой погонѣ за именемъ, но, какъ видно изъ приведенныхъ словъ г. Буслаява, съ помощью этого имени (въ особенности) цѣлое произведеніе—одинъ изъ любопытнѣйшихъ и характерныхъ памятниковъ нашей народной поэзіи—относимо было въ область мифической древности, куда оно собственно не принадлежитъ. Указывая вѣроятный

внижный источникъ этого имени въ той же библейско-легендарной области, г. Ягичъ огниваетъ и эту опору преувеличенной теории. Не входи въ самое содержаніе стиха, подробности котораго достаточно объяснены, авторъ замѣчаетъ, что по нѣмѣющему состоянію исследованийъ этого предмета уже нельзя сомнѣваться, что всѣ таинственные и мудрые вопросы и отвѣты Голубиной книги имѣютъ свое ближайшее объясненіе въ тѣхъ понятіяхъ, которыя стали извѣстны народу черезъ христіанскую (византийско-средневѣковую) литературу.

Другую опору произвольной миеологии авторъ устраняетъ своимъ объясненіемъ знаменитаго въ народной поэзи и народномъ суевѣрїи *камень-алатырь*, который до сихъ поръ не поддавался никакимъ толкованіямъ, хотя было ихъ не мало. Извѣстно, какъ часто встрѣчается въ нашихъ народныхъ преданіяхъ этотъ таинственный камень, который занимаетъ важное мѣсто въ народной космогонїи, безъ котораго не обходится волшебное заклятіе и заговоръ. Чтѣ же это за камень? Г. Ягичъ въ своемъ объясненїи выходитъ изъ того же общаго положенїя: «Если размы знаемъ, что всѣ вопросы «Голубиной книги» вращаются въ средѣ христіанской миеологии, то ничто не дѣетъ намъ правдѣвать исключенїе для этого вопроса (какой-камень всѣмъ намъ намъ мать? и отвѣтъ: бѣль горючъ камень-алатырь), особенно, если для такого исключенїя не представляется надобности. Поэтому, всѣ соображенїя г. Безсонова ¹⁾ я отношу въ область произвольныхъ фантазїи, которыя вообще необыкновенно богаты почтенный издатель русской народной литературы» ²⁾. Камень-алатырь упоминается два раза въ стихѣ о «Голубиной книгѣ»: разъ, для ближайшаго обозначенїя мѣстности, гдѣ упала на землю сама Голубиная книга, а въ другой разъ въ вопросѣ: какой камень всѣмъ камнямъ мать? Въ первомъ случаѣ мы должны помѣстить камень-алатырь на горѣ Фаворѣ, гдѣ находится также черепъ Адама и крестъ Христа: сюда упала съ неба «Голубиная книга». Дѣло въ томъ, что, по апокрифическимъ сказанїямъ, чрезвычайно распространеннымъ во всемъ православномъ славянствѣ, а также и во вѣрованїю всей христіанской церкви, могила Адама обыкновенно соединяется съ мѣстомъ крестной смерти Христа, такъ что нодъ крестомъ предполагается и изображается глава Адамова. Въ стихѣ смѣшана только Голгоа съ горою Фаворомъ, которая иреть

¹⁾ Пѣсни Кирѣвскаго, вып. 4, приложенїе, стр. I—VIII.

²⁾ Но въ такомъ же родѣ и толкованїя Асанасьева, Пост. воззрѣнїа Славянъ на природу, II, 142—143, 548; III, 800—801; Гильфердинга, въ „Вѣстн. Евр.“ 1868, № 3, стр. 213, и друг.

роль въ «Вопросахъ I. Богослова», послужившихъ основаніемъ «Голубиной книги». Такимъ образомъ камень-алатырь есть прежде всего тотъ камень, lithostrotos, который еще въ «Хожденіи» игумена Даниила, XII кѣжа, изображается какъ основаніе креста Спасителя и мѣсто погребенія Адама.

Затѣмъ, по стиху, камень-алатырь есть мать всѣмъ камнямъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, «на бѣломъ латырѣ на камени бесѣдовала да опочивъ держалъ самъ Иисусъ Христосъ, царь небесный, съ дванадесяти со апостоламъ»; во-вторыхъ, «сподъ камня сподъ бѣлаго латыря протекли рѣки, рѣки быстрыя по всей землѣ, по всей вселенной, всему міру на исцѣленіе, всему міру на пропитаніе». Относительно перваго, г. Ягичъ замѣчаетъ, что какъ въ русскомъ «Хожденіи» Даниила, такъ и въ средне-вѣковыхъ западныхъ путешествіяхъ Святая земля и даже гора Сіонъ наполнены чудесными камнями, которые связаны были чѣмъ-нибудь съ земной жизнью Христа, были принесены ангелами и т. п., и что русскіе калки, которыхъ, какъ извѣстно, въ то время было очень много, смотрѣли съ величайшимъ благочестіемъ на всѣ эти чудесные камни и идеализировали ихъ въ одномъ камень-алатырѣ или перенесли на него всѣ ихъ достопримѣчательности. Относительно втораго, авторъ съ одной стороны припоминаетъ благочестивое преданіе о томъ, что кровь и вода изъ реберъ Христа протекла черезъ камень на голову Адама и омыла грѣхи человѣческаго рода; съ другой стороны, во всей христіанской древности распространено было представленіе, по которому надъ источниками, и именно надъ четырьмя рѣками, помѣщался камень или столпъ, изображавшіе аллегорически Христа и церковь. По одному русскому апокрифу, въ самомъ океанѣ стоитъ столпъ, называемый адамантинъ, глава котораго возвышается до неба. Въ другихъ сказаніяхъ (и иконописныхъ изображеніяхъ) Христосъ представляется источающимъ изъ камня воду, и именно четыре рѣки.

Эти рѣки въ другихъ случаяхъ прямо названы; это — знаменитыя четыре рѣки, вытекающія изъ рай; и если камень-алатырь помѣщается также у моря теплаго, среди моря снѣга, или самаго океана, это объясняется мнѣологической географіей, которая представляла океанъ на краю земли, гдѣ на востокѣ помѣщался и рай. Но такъ какъ для древнихъ русскихъ калки и ихъ народной публички на востокѣ лежала и Святая земля, съ Иерусалимомъ и Иорданомъ, то камень-алатырь помѣщался также и въ рѣкѣ Иорданѣ.

Связь камня съ водами выражается обыкновенно въ пѣсняхъ

представленіемъ, что рѣки (Волга, Днѣпръ) вытекаютъ изъ-подъ дуба или березы, и изъ-подъ камня изъ-подъ бѣлаго. Въ параллель къ тому Ягичъ приводитъ слова изъ апокрифическаго апокалипсиса Павла, что въ раю изъ-подъ корня древа жизни вытекалъ источникъ, который орошалъ рай, и потомъ, вышедши изъ рая, дѣлился на четыре рѣки.

Такимъ образомъ, мы все остаемся въ области средневѣковой христіанской міеологіи, и очевидно, что въ ней надо искать и дальнѣйшихъ указаній для полнаго разъясненія нашего преданія. Изыскателю предстоитъ здѣсь еще много дѣла. «Къ сожалѣнію, — говоритъ г. Ягичъ, — многіе русскіе археологи до сихъ поръ показывали гораздо больше предпочтенія тому, что лежитъ далеко въ сторонѣ, чѣмъ тому, что прежде всего представляется научному наблюденію. Такъ случилось и съ камнемъ-алатыремъ. Не обращая вниманія на обильныя христіанско-міеологическія подробности, какими окруженъ камень-алатырь русской народной повѣи, русскіе ученые искали въ своихъ изслѣдованіяхъ только лишеннаго всякой реальной формы «свѣта» и «солнца», какъ будто этимъ что-нибудь пріобрѣталось! Но пусть постараются сначала объяснить себѣ то, что стоитъ ближе; потому что лишь тогда, когда будутъ должнымъ образомъ сняты верхніе, новѣйшіе слои, яснѣе выступитъ то національно-міеологическое, что, быть можетъ, и дѣйствительно окажется гдѣ-либо въ основаніи. А если такъ, то слѣдуетъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ было до сихъ поръ, разработать уже изданные источники славяно-русскихъ среднихъ вѣковъ, столь богатыхъ произведеніями церковной литературы, а также сдѣлать доступными и новые источники»...

Но для полной разгадки таинственнаго камня, необходимо объяснить самое его названіе. Надеждинъ, который первый приступилъ къ научному изслѣдованію «Голубиной книги» и сдѣлалъ нѣсколько вѣрныхъ реальныхъ указаній ¹⁾, предположилъ, что это названіе происходитъ отъ греческаго *elektron*; г. Безсоновъ, по словамъ нашего автора, «принялъ это за чистую монету, и тотчасъ сдѣлалъ изъ этого цѣлый трактатъ по исторіи славянской и древне-русской торговли и культуры»; Гильфердингъ не только подтвердилъ тождественность камня-алатыря съ *elektron*, но оспаривалъ самое происхожденіе русскаго слова отъ греческаго и утверждалъ, что они оба самостоятелно происходятъ отъ древнѣйшаго арійскаго корня. Единственнымъ основа-

¹⁾ Въ „Р. Бесѣдѣ“, 1857.

нѣмъ всѣхъ этихъ объясненій было созвучіе, впрочемъ и то отдаленное, и замѣчательность самаго камня; но это сближеніе нѣмало не объясняло тѣхъ свойствъ, съ которыми камень является въ преданіи, въ «Голубиной книгѣ», въ заговорахъ и т. д. Г. Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что чужое происхожденіе этого слова обнаруживается уже тѣмъ, что оно, во-первыхъ, колеблется между нѣсколькими формами (алатырь, латырь, алатрь), а во-вторыхъ, служить единственно для обозначенія загадочнаго легендарнаго камня и не имѣетъ въ языкѣ никакихъ другихъ связей; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не употребляется и для перевода слова *elektron*, для котораго вообще извѣстно совсѣмъ другое слово, янтарь. Никто не обратилъ вниманія и на то, какъ давно является въ языкѣ это слово. Было указано только, что его *имѣлъ* въ старыхъ памятникахъ; Ягичъ прибавляетъ, что въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ *elektron* или переводится совсѣмъ инымъ словомъ, или остается безъ перевода (илектъръ). Надо замѣтить притомъ, что въ произведеніяхъ народной поэзіи очень часто упоминается просто «бѣлы горючъ камень», и что въ этомъ собственно была сущность дѣла, и что «камень», понимаемый здѣсь, былъ не только камень, но и цѣлая скала или гора.

Не входя въ слишкомъ спеціальныя подробности, довольно сказать, что подлинника нашего камня г. Ягичъ ищетъ въ той же христіанской міеологіи, и приводитъ изъ древнихъ апокрифическихъ книгъ нѣсколько указаній, которыя могутъ дѣйствительно подходить къ чудесному камню нашихъ повѣрій. Самаго имени авторъ ищетъ также въ тѣхъ средне-вѣковыхъ сказаніяхъ о чудесныхъ камняхъ, какія были извѣстны и въ нашей старой письменности, и довольно похожее названіе г. Ягичъ именно встрѣтилъ въ одномъ средне-вѣковомъ латинскомъ памятникѣ, составляющемъ переводъ одной восточной статьи, которая въ свою очередь была взята съ греческаго: такіе обратные переводы на европейскіе языки европейскихъ же произведеній были нерѣдки въ средне-вѣковой литературѣ. Для полной точности объясненія нужно, конечно, отыскать (если она сохранилась) византійскую статью, составлявшую первый подлинникъ этого сказанія о чудесныхъ камняхъ: славянскій переводъ византійскаго сказанія и былъ, вѣроятно, источникомъ русскаго повѣрья.

Результатъ, полученный г. Ягичемъ, нельзя назвать полнымъ, но въ сущности вопроса онъ указалъ, по нашему мнѣнію, единственную вѣрную дорогу, такъ что прежнія міеологическія толкованія и этого пункта, и цѣлой «Голубиной книги» можно считать окончательно устраненными.

Затѣмъ, подобное вліаніе книжной легенды нашъ авторъ указываетъ въ другихъ произведеніяхъ нашей эпической поэзіи. Такъ, въ былинѣ о «сорока каливахъ» очевидно повторены два эпизода изъ исторіи библейскаго Іосифа, какъ это уже давно было замѣчено, хотя до сихъ поръ факту заимствованія не дано было настоящаго значенія. Жена кн. Владиміра безъ церемоній придана роль жены Пентефрія; съ другой стороны, наоборотъ, имя развратной египтянки Амеффи, упоминаемой въ апокрифическомъ «загѣтѣ» Іосифа, вошло обильно въ нашъ эпосъ какъ имя «честной вдовы» Амеффи Тимоѣевны, матери Добрини, или Василья Буславича, или Соловья Будимировича, и проч. Что имя Амеффи дѣйствительно заимствованное, это доказывается, по мнѣнію Ягича, особенно тѣмъ, что оно не принадлежитъ собственно ни одному лицу, и свободно придается разнымъ лицамъ.

Библейско-легендарный мотивъ повторяется въ былинѣ о Васильѣ Буславѣ, гдѣ въ эпизодѣ смерти героя является рѣка Іорданъ, голова Адамова и лтостротонъ (камень-алатырь), хотя въ нѣсколько неясной и закрытой формѣ.

Въ стихѣ объ Аникѣ и его спорѣ со смертью, авторъ, вполнѣ принимая выводы г. Веселовскаго, видитъ опять любопытный примѣръ того, какъ сюжетъ, первоначально совсѣмъ чуждой и мало-по-малу дошедшій изъ книги къ народу, становится предметомъ народной пѣсни. Сюжетъ такъ понравился, что Аника сталъ народнымъ героемъ и, наконецъ, даже приуроченъ къ известной мѣстности.

Смѣшеніе библейско-мифологическихъ сказаній съ народнымъ эпосомъ въ особенности интересно въ пѣсняхъ, которыя воспользовались сказаніями о Соломонѣ. По мнѣнію г. Ягича, распространеніе соломоновскихъ сказаній въ народномъ эпосѣ было вообще несравненно шире, чѣмъ обыкновенно принимаютъ, и онъ указываетъ, во-первыхъ, въ былинѣ о царѣ Васильѣ Окуловичѣ и разныхъ ея вариантахъ чистую передѣлку известнымъ сказаніемъ о Соломонѣ, — о похищеніи его жены его противникомъ, о вожженіяхъ Соломона, желающаго вернуть ее, и его мнѣніи противнику. Заимствованіе не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію, и авторъ, не входя въ дальнѣйшія подробности, замѣчаетъ по этому поводу: — «Я хочу только указать фактъ, важный для дальнѣйшихъ изслѣдованій этого рода, что въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ передъ собой три народныхъ пѣсни (былины), исполненныя по всѣмъ правиламъ русскаго народнаго эпоса, и однако содержаніе ихъ не имѣетъ ровно ничего общаго съ національной жизнью, съ національными преданіями русскаго на-

рода; это содержаніе очевидно пришло изъ-чужа, поправилось народу или, собственно говоря, носителямъ народнаго эпоса, приобрѣло популярность и мало-по-малу получило поэтическую обработку, заимствованную изъ подлинной народной поэзіи или въ подражаніе ей. Если бы не было именъ «Саламанъ» и «Саламанія» (взятыхъ изъ вѣснаго разсказа), то издатели не усумнились бы ни на минуту поставить упомянутыя пѣсни въ число настоящихъ былинъ, и кто знаетъ, не отырыли ли бы здѣсь ученые толкователи миролюбиваго направленія слѣдовъ до-историческаго мѣста, который принесенъ былъ русскими славянами въ Европу, — пожалуй, изъ самой Индіи. Теперь этого не случилось, и мы обязаны этимъ развѣ только очень большой прозрачности содержанія. Но при всемъ томъ эти пѣсни остаются блестящимъ свидѣтельствомъ большой способности воспроизведенія въ русской народности относительно сюжета, первоначально совершенно чужого, и должны бы послужить краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ научныхъ анализовъ, которые должны быть предприняты въ подобномъ направленіи».

Предположивъ большое вліяніе Соломоновскаго цикла въ нашей старой поэзіи, г. Ягичъ дальнѣйшее развитіе этого цикла видитъ именно въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, гдѣ еще дѣйствительно никому не приходило въ голову его отыскивать. Такъ, онъ сближаетъ съ Соломоновскими легендами извѣстную былину о Соловьѣ Будимировичѣ, тамъ богатомъ заморскомъ купцѣ, который прѣзжаетъ въ Кіевъ, чтобъ жениться на Запавѣ, племянницѣ князя Владиміра, и удивляетъ всѣхъ не только своимъ богатствомъ, но и загѣйливостью, когда, напр., онъ въ одну ночь стрѣнитъ въ саду Запавы три чудесные терема. Сравненіе вариантовъ убѣждаетъ, что въ пѣснѣ нѣтъ опредѣленнаго указанія, откуда происходитъ этотъ «заморскій купецъ»; между тѣмъ описаніе его корабля и путешествія въ Кіевъ чрезвычайно напоминаютъ путешествіе посланца царя Василія Окуловича для похищенія Соломоновой жены, и кромѣ того, двѣ эти былины представляютъ столько сходнаго во всемъ теченіи событій, что, по мнѣнію Ягича, для нихъ надо предположить зависимость отъ одного общаго источника. Соловей Будимировичъ — заморскій купецъ, также, какъ и нѣкоторымъ разсказамъ о Соломонѣ, послѣдній отправляется торговать за море и странствуетъ по разнымъ землямъ. Родины Соловья нельзя опредѣлить по былинѣ; другими словами, народъ не могъ указать за нимъ никакой исторической подкладки. Далѣе, вглядываясь ближе въ характеръ Соловья, не мудрено видѣть, что это не просто купецъ, но что за нимъ

скрывается что-то иное, и болѣе значительное: онъ нигдѣ не думаетъ серьёзно устроить торговлю, и съ самаго начала очевидно имѣетъ виды на княжескую племянницу; Соловей и его спутники — чудесные строители, когда въ одну ночь успѣли выстроить три удивительные терема. Перенести мѣсто дѣйствія въ князю Владимиру въ Кіевъ, средоточіе эпической былины, было такъ же возможно, какъ въ рукописныхъ сказаніяхъ на обстановку Соломона перенесены русскія бытовыя черты. Въ повѣстяхъ о Соломонѣ нѣтъ рѣчи о постройкѣ теремовъ, но г. Ягичъ думаетъ, что терема Соловья Будимировича вообще позднѣйшее украшеніе, передѣланное однако изъ мотивовъ повѣсти. Для объясненія онъ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе изъ сказанія о Соломонѣ и изъ былины о Соловьѣ:

И снаряди бояринъ корабль всякою красотою и сотвори бояринъ въ кормѣ чердакъ *это красенъ*, а въ немъ написа образъ царя своего краснаго и наlicнаго; въ кораблѣ же написа всякимъ умысломъ, сотвори *небо* подъ верхомъ корабля и сотвори *мѣсяць* и *звѣзды* и противу ихъ постави стекла хрустальныя.

(Лѣтоп. лит. и др. IV, 148, изъ рукописи XVII в.).

На томъ соколѣ кораблѣ сдѣланъ *муравленъ чердакъ*, въ чердакѣ была бесѣда... на бесѣдѣ-то сидѣтъ... молодой Соловей...

Въ ея хорошенъ зеленомъ саду стоять три терема златоверховаты... на небѣ *солнце*, въ теремѣ *солнце*, на небѣ *мѣсяць*, въ теремѣ *мѣсяць*, на небѣ *звѣзды*, въ теремѣ *звѣзды*.

(Кирша Даниловъ, № 1).

Не входя въ дальнѣйшія подробности, ограничимся замѣчаніемъ, что въ мысли г. Ягича есть значительныя вѣроятія, хотя, какъ и самъ онъ признаетъ, вопросъ требуетъ еще дальнѣйшей работы. Главнымъ образомъ, нужны новые рукописные тексты и новые варианты былины.

Наконецъ авторъ переходитъ къ другому параллельному, и еще болѣе трудному вопросу нашей былины.

«Кромѣ Соловья Будимировича, въ русской народной эпикѣесть есть еще другой, гораздо болѣе знаменитый Соловей, страшный разбойникъ, повореніе котораго главнымъ героемъ русской эпической саги, Ильей Муромцемъ, составляетъ самый блистательный и безспорно самый популярный ея эпизодъ. Всякій разъ, когда мнѣ встрѣчался этотъ Соловей-Разбойникъ, всегда меня приводило въ недоумѣніе такое странное, негармоническое совмѣщеніе нѣжнаго птичьяго имени «соловей» съ тѣмъ порядочно отвратительнымъ чудовищемъ, которое русскій народный эпосъ очевидно надѣлилъ этимъ именемъ. Напрасно искалъ я въ относящейся сюда литературѣ удовлетворительнаго разрѣшенія загадки этого

имени. Въ очень обширномъ и написанномъ съ рѣдкимъ усердіемъ сочиненіи Ор. Миллера («Илья Муромецъ» и проч. Сиб., 1870) сдѣланы объ этомъ нѣкоторые соображенія, которые однако едва ли удовлетворили и самого автора, потому что, если, напримеръ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» пѣвецъ, какъ Боянъ, называется соловьемъ, то это совершенно понятно, но не даетъ ни малѣйшей аналогіи для разбойника Соловья, и ни малѣйшаго объясненія. Или, когда г. Буслаевъ, изъ того, что «вѣщій» (vates) Боянъ названъ «соловьемъ стараго времени», полагаетъ, что и относительно Соловья надо заключать о вѣщемъ существѣ, то я не могу допустить этого вывода, потому что самое мѣсто въ Словѣ понимаю иначе. По моему мнѣнію, Боянъ называется «соловьемъ стараго времени» не потому, что онъ былъ вѣщій, но былъ вѣщій потому, что былъ поэтъ, а соловьемъ онъ названъ просто «сладкорѣчія ради», какъ напр. это положительно сказано въ одной цитатѣ у Татищева о мнимомъ верховномъ жрецѣ славянъ, Богомилѣ, который былъ «сладкорѣчія ради нареченъ Соловей»... Толкованіе Аванасьева, по которому соловьиный свистъ должно понимать какъ голосъ громоноснаго божества, которое весной проявляется грохотомъ грома и завываніемъ бури, — это толкованіе не можетъ заключать въ себѣ много убѣдительнаго уже по слишкомъ большой общности... Но если даже признать, что такое воззрѣніе на природу составляетъ послѣднюю подкладку этого народнаго сказанія, то все еще не рѣшается вопросъ: какъ пришелъ русскій народъ въ тому, чтобы невинному соловью приписать такую страшно-отвратительную роль, какую играетъ Соловей въ эпосѣ. Ничего нѣтъ легче, какъ нарисовать саѣдующую картину: Илья есть молнія, а соловей—завывающая буря, ихъ столкновеніе и побѣдоносный полетъ молніи черезъ грозовые тучи изображается побѣдоноснымъ укромченіемъ Соловья Ильей ¹⁾. Но объясняются ли этимъ воззрѣнія русскаго народнаго эпоса? Нѣтъ, не объясняются, пока конкретные образы, являющіеся въ эпосѣ, представляются намъ какъ-нибудь странно, неясно, невразумительно».

Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться, особенно при томъ злоупотребленіи голословными миеологическими толкованіями, которые не только не объясняли дѣла, но еще больше затемняли его. Ягичъ идетъ въ своемъ комментаріи другимъ путемъ. Прежде всего очевидно, — говоритъ онъ, — что природа этого получеловѣ-

¹⁾ Такого рода толкованія въ самомъ дѣлѣ безчисленны у нашихъ миеологовъ, Аванасьева, г. Миллера и др.

ческаго, полувзбѣринаго существа очень сложная. Это существо очень страшное, но его страшное свойство заключалось сначала вовсе не въ свистѣ. Народная фантазія только мало-по-малу, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ имени Соловья, широко нарисовала этотъ свистъ, со всѣми его ужасными дѣйствіями. Эта черта—самый нижій, свѣжій слой, который лезъ на Соловья именно подъ вліяніемъ языка. Было очень много говорено на словахъ объ участи языка въ образованіи мифа, но имъ мало однако пользовались въ представлявшихся случаяхъ. Если мы хотимъ понять въ его истинномъ значеніи такое сложное существо, полу-человѣка и полу-звѣря, то должны исходить изъ тѣхъ его свойствъ, которыя носятъ на себѣ характеръ оригинальности и первоначальности, и по своему качеству могли скорѣе стертись съ теченіемъ времени (потому что время не оставляетъ нетронутыми и народныя сказанія), чѣмъ возникнуть впоследствии. Относительно Соловья-Разбойника, такими основными, а не издѣйными и пришлыми чертами—надо считать тѣ его стороны, гдѣ онъ изображается какъ страшный богатырь, какъ противникъ Владимірова богатырскаго поколѣнія, какъ человѣкъ и отецъ семейства, и гдѣ вовсе не упоминается объ его карикатурно-страшномъ птичьемъ видѣ, его свистѣ и сидѣніи на деревьяхъ. Такия черты первоначальнаго богатырскаго характера дѣйствительно есть, хотя онѣ очень закрыты новейшимъ слоемъ уродливыхъ подробностей. Соловей положительно приводится въ ряду «богатырей» старшаго поколѣнія (Пѣсни Кирѣевскаго, IV. 122); въ этомъ качествѣ онъ противникъ Ильи, представителя второго поколѣнія, и послѣдній своимъ величайшимъ подвигомъ считаетъ побѣду надъ этимъ страшнымъ врагомъ не столько его самого, сколько врагомъ всей христіанской Руси. Но самъ Илья Муромецъ не усумнился воспользоваться помощью Соловья, чтобы освободить обложенный вражесю силою городъ Кряковъ, и пѣсня называетъ ихъ обоихъ при этомъ «добрыми молодцами» (Бир., IV, № 1). Самъ князь Владиміръ готовъ былъ, еслибъ Соловей захотѣлъ пойти къ нему въ службу, сдѣлать его киевскимъ воеводой или «строителемъ» монастыря (Гильферд., Онеж. бн., 303). Эти черты не имѣютъ вида позднѣйшихъ прибавокъ,—такія прибавки не имѣли бы смысла, еслибъ птичій и человѣческо-разбойничій характеръ Соловья былъ первоначальный; но какъ черты первобытныя, онѣ очень важны. Далѣе, Соловей, какъ богатырь, не все сидѣлъ на деревьяхъ; напротивъ, у него «дворянское подворье»—съ высокими теремами, гдѣ онъ живетъ съ женою и дѣтьми; домъ его наполненъ богатствами; Ильѣ предлагаютъ за

Соловья богатый выкупъ. Даже когда плѣнный Соловей привезенъ былъ въ Кіевъ, ему оказывается почтение и самъ князь Владиміръ подноситъ ему чашу вина, чтобы освѣжить горло.

По всѣмъ этимъ подробностямъ Соловей, очевидно, также богатырь, который не шелъ въ рядъ настоящихъ національных богатырей, потому что первоначально былъ имъ чуждъ. Отсюда идетъ и его враждебная противоположность къ русскимъ героямъ: тылъ около его двора уставленъ богатырскими головами. По этой противоположности онъ идетъ въ рядъ старыхъ богатырей, какъ Аниса, Самсонъ, Святогоръ, вмѣстѣ съ которыми онъ иногда положительно упоминается (Кар., IV. 122). Если, кромѣ того, обратить вниманіе на тождество его имени съ упомянутымъ выше Соловьемъ Будимировичемъ, то, по мнѣнію Ягича, можно сдѣлать предположеніе, что и Соловей-Разбойникъ, какъ Соловей Будимировичъ или прямо обязаны одному опредѣленному типу легендарнаго Соломона своимъ происхожденіемъ, своимъ первымъ мотивомъ, или, по крайней мѣрѣ, многими своими чертами. Г. Ягичу это кажется очень правдоподобнымъ. Въ обильномъ кругѣ Соломоновыхъ сказаній было достаточно матеріала, изъ котораго могли бы развиться оба эти различные типа;—если только они отсюда произошли, то происхожденіе этихъ разныхъ типовъ объяснялось бы тѣмъ, на какія стороны легендарнаго Соломона народная фантазія обратила свою дѣятельность. Соловей Будимировичъ соответствуетъ тому моменту легенды, который относится къ похищенію Соломоновой жены; въ Соловьѣ-Разбойникѣ исходнымъ пунктомъ взято знанье тайнъ природы и волшебство Соломона. Въ Соловьѣ-Разбойникѣ бросается въ глаза его такъ сказать сверх-человѣческая природа, которая потомъ равнана въ быльнѣ уже подъ вліяніемъ его имени: сначала же онъ, вѣроятно, имѣлъ то самое свойство, какое въ легендѣ приписывается Соломону—свойство превращаться въ ястрепа собола, въ лютаго звѣря и въ щуку; Соловей, сохраняя человѣческія черты, свинцеть по-соловиному, «зрявасть по-звѣрному» и т. п. Ягичъ указываетъ также на другихъ подробностяхъ, по его мнѣнію, указывающихъ на связь съ легендой: князь Владиміръ предлагалъ Соловию быть «строителемъ» монастыря, какъ Соломонъ былъ особенно извѣстенъ какъ строитель храма; Соловей называется по отчеству Рахмановичемъ, что указываетъ на Индію, съ которой и легендарный Соломонъ имѣетъ свои отношенія. Ягичъ обращаетъ вниманіе на строеніе Соловьемъ Будимировичемъ трехъ теремовъ въ саду Запавы, «чтобы верхи съ верхами свивались» (Рыбн. I, 330; IV, 59; Гильф. 174, 286),—далѣе, на

гнѣздо Соловья-Разбойника на трехъ дубахъ, — наконецъ, на разсказъ легенды, что Соломонъ выстроилъ себѣ городъ «въ древесѣхъ, плетеныхъ вельми мудро»; изъ этой послѣдней подробности могло развиться и то и другое представленіе.

Свое разысканіе г. Ягичъ кончаетъ слѣдующими замѣчаніями о методѣ своего изслѣдованія.

«Въ тѣсной рамкѣ тѣхъ пѣсень, гдѣ слѣдовало принимать вліяніе христіанско-мнеологическихъ сюжетовъ, главное доказательство я старался основать на параллельности между уцѣлѣвшими еще рукописными разсказами и соотвѣтствующими имъ пѣснями. При этомъ, естественно, я долженъ былъ предполагать, что содержаніе этихъ рукописныхъ разсказовъ было извѣстно первымъ слагателямъ народныхъ пѣсень. Этимъ обуславливалось далѣе другое предположеніе, что первыми начинателями этихъ народныхъ пѣсень былъ не народъ, въ обширномъ смыслѣ слова, но опредѣленная и ограниченная часть его, именно люди, хорошо знакомые съ содержаніемъ свящ. писанія, безчисленныхъ легендъ и многихъ благочестивыхъ, но апокрифическихъ сказаній, и которые приобрѣли это знаніе отчасти странствованіями и посѣщеніемъ знаменитыхъ святынь, отчасти прилежнымъ чтеніемъ благочестивыхъ книгъ. Этимъ великорусская эпика отличается отъ эпической поэзіи всѣхъ другихъ славянъ. Нигдѣ христіанское не соединилось съ національнымъ такъ тѣсно, какъ здѣсь. Это должно принять въ соображеніе и научное изслѣдованіе. Надо ожидать, что новыя открытія и новыя изданія средне-вѣковыхъ русско-славянскихъ текстовъ, въ чемъ русская славистика уже и теперь совершила замѣчательные труды, пополнять иные пробѣлы, обнаруживать еще новыя параллельныя данныя. Но, вѣроятно, и за настоящимъ трудомъ не откажутъ признать, что онъ нѣсколько полнѣе воспользовался извѣстнымъ теперь матеріаломъ (который, конечно, доступенъ былъ мнѣ здѣсь только въ очень ограниченной мѣрѣ), чѣмъ было до сихъ поръ.

«Какъ у великихъ поэтовъ ни мало не уменьшаетъ ихъ достоинства открытіе источниковъ ихъ сюжетовъ, такъ и пѣсни о Соловѣ Будимировичѣ и о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ-Разбойникомъ останутся весьма удачными, даже блестящими произведеніями великорусскаго народнаго эпоса, безъ всякаго ущерба ихъ достоинству, и тогда, когда было бы выяснено, что своимъ первымъ мотивомъ они обязаны не какому-нибудь первобытно-славянскому или даже первобытно-арійскому мѣу, но уже христіанско-мнеологическому запасу сказаній, принесенному

въ страну только съ христіанствомъ и мало-по-малу проникшему въ народъ, весьма воспримчивый къ поэтической передачѣ.

Мы подробно остановились на изслѣдованіи г. Ягича, потому что въ немъ, какъ въ трудахъ г. Веселовскаго, особенно ясно примѣненъ новый взглядъ на историческое развитіе нѣкоторыхъ сторонъ былины, который еще не приобрѣлъ общаго признанія, но, конечно, приобрѣтеть.

Новая точка зрѣнія имѣеть, во-первыхъ, то существенно-важное достоинство, что, требуя строгой критики эпическихъ фактовъ, устраняетъ произволь міеологическихъ толкованій. Во многихъ случаяхъ, г. Веселовскій и Ягичъ приводятъ несомнѣнные христіанско-міеологическіе книжные источники для такихъ народныхъ представленій, которыя обыкновенно отводились, въ до-историческіе вѣка, въ область древнѣйшаго славянскаго или индо-европейскаго міеа. Произвольная міеологія надѣлила-было насъ цѣлой разнообразной панорамой мнимо-національныхъ преданій; она успѣла проникнуть даже въ учебную литературу и обогатить ее фальшивой міеологіей и фальшивой древностью; и критическія требованія, поставленныя названными учеными, вполнѣ справедливы и своевременны. Въ самомъ дѣлѣ, надо когда-нибудь кончить, напримѣръ, съ такими объясненіями, что Илья Муромецъ—молнія, а Соловей-Разбойникъ—гровая туча; что Добрыня—тоже молнія, а Тугаринъ Змѣевичъ—тоже туча, хотя сами изобрѣтатели этой міеологіи не въ состояніи дать никакого осязательнаго доказательства, почему это такъ, а не иначе, почему для одного явленія природы понадобилось столько тождественныхъ выраженій, и куда дѣвать все остальное содержаніе сказаній, не идущее ни въ молніи, ни въ тучѣ.

Далѣе, съ этимъ открывается новый путь для объясненія самой сущности развитія нашего эпоса. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ мы отмѣтили разные существующіе взгляды на происхожденіе былины. Точка зрѣнія, представляемая гг. Веселовскимъ и Ягичемъ, раскрываетъ еще одинъ обильный источникъ, которому до сихъ поръ не давалось должнаго значенія—христіанско-легендарную міеологію. Ее допускали для извѣстныхъ книжныхъ сказаній, отчасти переходившихъ и въ народъ, но въ собственномъ эпосѣ продолжали видѣть чисто-національное созданіе, коренищающееся въ глубокой древности, самобытное и независимое. Положимъ, не всѣ

¹⁾ „Вѣсти. Евр.“, 1877, январь.

соображенія нашихъ авторовъ могутъ считаться доказанными, — они сами признаютъ необходимость новыхъ поисковъ, — но во всякомъ случаѣ они добыли нѣсколько прочныхъ выводовъ, которые являются новымъ элементомъ въ научномъ изслѣдованіи. Въ сравненіи съ прежними теоріями, ихъ точка зрѣнія имѣетъ то достоинство, что даетъ мѣсто историческому требованію, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи. Въ самомъ дѣлѣ, если была такъ дѣятельна древность, создавшая (по общепринятому взгляду) такую обширную массу мнѣсенскихъ и поэтическихъ сказаній, то нужно было, наконецъ, разыскать и признать ту долю творчества, какая принадлежала среднимъ вѣкамъ народной жизни. Мировоззрѣніе среднихъ вѣковъ было глубоко проникнуто христіанскою легендарною миеологіей: эта послѣдняя необходимо должна была отразиться на поэтическомъ наслѣдіи народа, и доля творчества, принадлежавшаго среднимъ вѣкамъ, оказывается гораздо болѣе значительной, чѣмъ хотѣли допускать изыскатели миеологической школы.

Если изъ завѣдомо чужихъ, легендарныхъ сюжетовъ народная поэзія умѣла создать такія оригинальныя, по-своему грандіозныя произведенія, какъ стихи о «Голубиной книгѣ», о Георгіи Храбромъ, такія полныя былины, какъ былины о сорока каликахъ, о Васильѣ Окуловичѣ, то не было бы ничего удивительнаго, еслибъ дальнѣйшее изслѣдованіе подтвердило, что и сказанія о Соловьѣ Будимировичѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ также имѣли свой первообразъ въ византійской легендѣ. Наши ученые видѣли это присутствіе христіанскаго элемента въ «до-историческихъ» былинахъ, но, нивакъ не давая мѣста творчеству самихъ христіанскихъ временъ, объясняли это «охристіанствованіемъ» стараго языческаго разсказа, — хотя, напримѣръ, въ первыхъ упомянутыхъ произведеніяхъ очевидно вовсе не охристіанствованіе стараго сюжета, а просто новое созданіе его изъ чисто-христіанскихъ данныхъ, и хотя въ другихъ случаяхъ охристіанствованіе также очень сомнительно. Такъ, въ извѣстномъ эпизодѣ о таинственныхъ старцахъ, давшихъ силу Ильѣ Муромцу («калики переходіе», «нищія братія»), есть варианты, которые говорятъ, что это были именно самъ Христосъ съ двумя апостолами, — и чрезвычайно вѣроятно, что они или другія святія христіанскія лица дѣйствительно являлись въ первоначальной формѣ эпического преданія. Въ христіанской народной легендѣ, отъ средневѣковой и до современной, нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ подобныя хожденія Христа, его учениковъ и святыхъ на землѣ, между людьми, причемъ они принимали на себя видъ странниковъ и нищихъ, но давали узнать

себя по необычайному знанію и чудотворному могуществу. Въ этомъ смыслѣ рассказъ о незнакомцахъ, дающихъ Ильѣ чудесную силу, былъ бы ясенъ, потому что имѣлъ бы свою легендарную почву. Напротивъ, мы не знаемъ рѣшительно ничего о томъ, бывали ли подобныя мотивы въ нашемъ «до-историческомъ» эпосѣ и чѣмъ были бы въ немъ эти таинственные и чудодѣйственные старцы. Между тѣмъ наши комментаторы съ увѣренностью говорятъ, что появленіе въ этомъ эпизодѣ христіанскихъ лицъ есть позднѣйшее «охристіанствованіе». Думаешь, что они не имѣли на то никакого права.

Далѣе, имъ кажется, въ томъ же эпизодѣ, будто бы «вовсе не-христіанскій» смыслъ проглядываетъ еще довольно ясно въ отвѣтахъ», которые даетъ Илья въ одномъ вариантѣ на вопросъ старцевъ, много ли онъ чувствуетъ въ себѣ силы:

„Отъ земли столбъ былъ да до небушки,
 Ко столбу было золотое кольцо,
 За кольцо бы взялъ, святоруску поворотилъ“.

Этотъ смыслъ дѣйствительно не-христіанскій, но и не-русскоязыческій, потому что это опять вариантъ похвалы Аники-воина, взятый изъ книжнаго рассказа, переименованный анекдотъ объ Архимедовой точкѣ¹⁾. Или, —идеть рѣчь о богатырѣ Самсонѣ; онъ оказывается разными чертами очень схожъ съ богатыремъ Святогоромъ (сомнительно русскаго происхожденія), но для комментаторовъ было впередъ ясно, что Самсонъ является только «позднѣйшею подставкою» вмѣсто Святогора (когда ничто не опровергало бы и обратнаго предположенія), и что будто бы даже представленіе о «семи волосахъ ангельскихъ», въ которыхъ скрывается сила Самсона, есть русское изобрѣтеніе, и число семь «чуждо ветхозавѣтному сказанію». При этомъ приводится и ссылка на Святославовъ сборникъ 1073 года, гдѣ упомянуто «седмь плѣницъ» (вось), которыя носилъ Самсонъ на головѣ;—ссылка какъ будто давала понять, что и въ Святославовъ сборникѣ уже проникла эта народная прибавка²⁾. Но въ ветхозавѣтномъ сказаніи о Самсонѣ именно число семь повторено нѣсколько разъ: чтобы лишить Самсона силы, его сначала связываютъ семью сырыми тети-вами; потомъ семь вѣсь его головы прибавляютъ гвоздемъ въ тѣль-

¹⁾ Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 169—170; ср. Веселовскаго о Дигейкѣ, „Вѣсти. Евр.“ 1876, апр. 769.

²⁾ Миллеръ, тамъ же, стр. 218. Известно, что Святославовъ сборникъ—памятникъ не русскаго, а южно-славянскаго происхожденія.

ной колодѣ; наконецъ, онъ признается Далидѣ, что обезсилить его можно, остригши семь его вѣсь, и ему остригаютъ ихъ ¹⁾).

Найдется, конечно, еще не мало примѣровъ, гдѣ «христианство» можетъ оказаться столь же воображаемымъ, — т.-е. гдѣ вовсе и не было «языческой основы», а просто былъ принятъ готовый легендарный фактъ и обработанъ въ народномъ стилѣ.

Тѣмъ, кто впередъ рѣшилъ, что въ былинахъ о такихъ характерныхъ богатыряхъ, какъ Святгоръ, или Микула, или Илья Муромецъ, мы имѣемъ дѣло съ исконнымъ преданіемъ, можетъ показаться страннымъ, невольнымъ предположеніемъ о сравнительно новомъ, книжномъ происхожденіи многихъ изъ ихъ мотивовъ. Но, до новыхъ изслѣдованій, которыя вѣроятно ближе объяснятъ этотъ вопросъ, можно указать еще два обстоятельства. Во-первыхъ, мы не имѣемъ никакихъ объективныхъ доказательствъ языческой, или вообще особенной древности настоящаго содержанія этихъ былинъ. Только относительно Ильи Муромца есть упоминаніе сѣверной саги XIII вѣка о русскомъ героѣ Ильѣ (Pias von Riuzen); но въ этомъ упоминаніи для насъ подтверждается только имя богатыря, но не содержаніе современной былинны. Церковное преданіе объ Ильѣ Муромцѣ, говорившее (въ XVII вѣкѣ), что онъ поселился въ кievскихъ пещерахъ еще до Антонія, т.-е. до начала XI столѣтія, и причтеніе его къ лику святыхъ — намекаютъ на что-то, о чемъ не даетъ никакого понятія современная былина; это церковное почитаніе могло относиться лишь къ герою церковно-легендарному, слѣдовательно его подвиги совершались въ христіанскомъ смыслѣ и христіанской средѣ. Во-вторыхъ, когда въ народѣ еще свѣжа эпическая струя, она отличается удивительной силой воспріятія и воспроизведенія; новое содержаніе чрезвычайно легко укладывается въ привычную форму, въ эпическій стихъ, который и о новомъ событіи будетъ говорить своимъ старымъ, установленнымъ стилемъ. Извѣстны рассказы объ удивительной эпической силѣ, которая до сихъ поръ такъ сильна въ сербскомъ народѣ, особенно въ Боснѣ и Черной-Горѣ, гдѣ случалось, что на другой день послѣ битвы о ней пѣлись уже длинныя и прекрасныя юнацкія пѣсни, съ точнымъ рассказомъ о фактѣ и съ архаическимъ стилемъ изложенія. Гильфердингъ приводитъ чрезвычайно любопытный примѣръ, какъ — въ написанномъ для него рассказѣ Стаки Скендеровой — ея историческое повѣствованіе, каждый разъ, когда рассказчица передавала свои собственныя воспо-

¹⁾ Книга Суд. XVI, ст. 7, 8, 13, 14, 19.

жизнанія, переходило изъ прозы въ правильный стихъ, въ эпическую пѣсню. Другой параллельный примѣръ приводитъ тотъ же Гильфердингъ изъ нашего онежскаго края, гдѣ онъ собралъ свой богатый и замѣчательный сборникъ: крестьянка, незнавшая грамоты, спѣла ему нѣсколько былинъ объ Ильѣ-Муромцѣ и проч., и наконецъ, въ числѣ «старинъ» пропѣла ему цѣлую длинную пѣсню, въ которой Гильфердингъ узналъ сербскую пѣсню про Юзу и Мару, въ переводѣ Щербинны; по словамъ пѣвицы, эту «старину» она слыхала «отъ стариковъ», которые будто бы пѣвали эту пѣсню! Переводъ Щербинны былъ однако переработанъ и получалъ болѣе народную окраску ¹⁾. Представимъ себѣ, что прошло два-три поколѣнія, и пѣсня объ Юзѣ и Марѣ, услышанная онежской крестьянкой отъ грамотнаго земляка изъ книги, приметъ еще болѣе народную форму, и будущій этнографъ будетъ пожалуй съ торжествомъ указывать въ ней уцѣлѣвшій остатокъ до-историческаго единства сѣверной Руси съ балканскимъ славянствомъ. Одно можетъ помѣшать этому открытію—надо думать, что Щербининская «Пчела», гдѣ напечатана эта пѣсня, имѣетъ болѣе шансовъ сохраниться хоть въ одномъ экземплярѣ, чѣмъ имѣли наши памятники XI—XIV вѣка. Эта сила усвоенія и та свѣжесть эпическаго (немного условнаго) творчества, какую мы доселѣ видѣли у сербовъ, даютъ намъ возможность судить о состояніи народной поэтической воспримчивости въ тѣ далекіе вѣка, когда эпическое творчество было несомнѣнно богаче, свѣжѣе и свободнѣе. Это условіе никакъ не можетъ быть опущено изъ виду, когда является вопросъ объ исторической судьбѣ нашего народнаго эпоса: въ силу этого условія могли и должны были совершиться въ нашей былинѣ такіа обширныя измѣненія, которыя могли и устранить много старины, и дать силу новымъ мотивамъ содержанія.

Съ новой постановкой изслѣдованія на болѣе реальную историческую почву, быть можетъ, откроется возможность для рѣшенія и другихъ вопросовъ нашего народнаго эпоса, кромѣ вопроса о содержаніи. Таковъ, напр., вопросъ о хронологіи его историческаго развитія. Кромѣ отдѣльныхъ фактовъ, на примѣръ, доказанной по памятникамъ хронологіи нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ, мы до сихъ поръ остаемся при самыхъ туманныхъ представленіяхъ о томъ, когда могли появиться тѣ или другія произведенія нашей былинны, или, если для главнѣйшихъ изъ нихъ предпо-

¹⁾ Гильфердингъ, Собр. сочин., III, стр. 385; „Онежскія былинны“, Спб. 1878, стр. XIX и слѣд.

ложитъ дѣйствительно до-историческое происхожденіе, когда могла сложиться ихъ новѣйшая «охристіанствованная» форма. Приуроченіе основныхъ былинъ къ князю Владимиру даетъ извѣстный намекъ, что эта эпоха отмѣтилась какою-то особенной дѣятельностью нашего эпоса; но и здѣсь мы все-таки остаемся въ туманѣ, потому что къ этому же князю приурочены былинны или отдѣльныя подробности, которыя, какъ теперь необходимо признавать, принадлежатъ такимъ временамъ, когда не только укрѣпилось христіанство, но была уже сильно распространена христіанско-легендарная мифологія. Для того, чтобы могли создаться былинны этого стиля, нужно было не только, чтобы существовали начитанные грамотники и странники, о которыхъ говорить г. Ягичъ, но нужно было также, чтобы сама народная масса значительно прониклась христіанскою мифологіей, — такъ какъ безъ этого повсюду грамотниковъ не нашла бы публики, т.-е. не могла бы и существовать какъ народный эпосъ. Когда это было? При настоящемъ положеніи дѣла, отвѣтъ можно указывать въ длинномъ періодѣ нѣсколькихъ вѣковъ, гдѣ мы напрасно искали бы сколько-нибудь опредѣленныхъ точекъ опоры. Тѣ реальныя изысканія, какія начинаются въ изложенныхъ нами трудахъ, могутъ привести къ нѣкоторому опредѣленію; если сюжетъ заимствованъ, то время книжнаго источника можетъ дать исходную точку.

Такъ какъ и хронологія книжныхъ источниковъ далеко не опредѣлена (напр., хотъ Соломоновскихъ сказаній), то понятно, что въ настоящую минуту немисливо браться за рѣшеніе хронологическаго вопроса самыхъ былинъ. Г. Ягичъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи говоритъ о «славянскихъ среднихъ вѣкахъ»¹⁾, но не опредѣляетъ ихъ ближе; г. Веселовскій яснѣе говоритъ объ «эпохѣ по-татарской», въ которую относитъ формацію былинъ о земскихъ богатыряхъ — указаніе, которое любопытно было бы встрѣтить болѣе развитымъ.

Понятно, что мы говоримъ объ этой хронологіи со всѣми оговорками, какихъ требуетъ самая сущность народнаго эпоса. Въ эпосѣ историческомъ, такъ преобладающемъ у сербовъ, бываетъ совершенно ясна исходная точка пѣсни; это — самое событіе, какое въ ней воспѣвается. Таковы и у насъ историческія пѣсни объ опредѣленныхъ лицахъ и событіяхъ. Въ былинѣ богатырской, въ которой предполагается первичная форма намъ неизвѣстная, не можетъ быть рѣчи о подобной точной хроноло-

¹⁾ „Das christliche Mittelalter“, Archiv, 112.

ги; но для самаго пониманія ея необходимо выяснить тѣ моменты, когда происходили ея существенныя преобразованія.

Нашъ народный эпосъ въ развитіи своего содержанія представляетъ нѣсколько слоевъ, лежащихъ въ разныхъ направленіяхъ. Въ его основахъ есть безъ сомнѣнія слой древнѣйшихъ арійскихъ преданій, далѣе преданій европейскихъ, затѣмъ слой общеславянскій, наконецъ слой русскій; въ предѣлахъ русской племенной особности былъ слой языческихъ представленій и слой христіанскій; былъ слой, налетѣвшій съ теченіемъ исторіи отъ вліянія иныхъ національностей, устныхъ преданій и связѣй книжно-литературныхъ. Наконецъ, внутреннее развитіе самаго эпоса, мѣнявшее эпохи, подновлявшее старину новыми бытовыми чертами. Критика должна имѣть въ виду всѣ эти пересѣкающіеся слои, чтобы не впасть въ недоразумѣнія, которыхъ бывало множество съ тѣхъ поръ, какъ началось ученое изслѣдованіе нашей эпопеи. Всѣ отдѣльныя стороны историческаго развитія, сейчасъ указанныя, были болѣе или менѣе замѣчены комментаторами, но до сихъ поръ еще не было попытки обозрѣть вполнѣ и уравнивать эти историческія отношенія. Между тѣмъ смѣшеніе ихъ, а оно дѣлалось до сихъ поръ безпрестанно, производитъ большую путаницу и въ опредѣленіи самой поэзіи, и въ мнѣологическихъ заключеніяхъ, какія изъ нея дѣлаются, и наконецъ въ характеристикѣ самой народности,—потому что и такіе широкіе выводы уже дѣлались и дѣлаются изъ русской былинны, напр., особенно изъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ. Нечего объяснять однако, какая разница должна быть въ подобныхъ выводахъ, если предполагаемое первобытно-древнее оказывается новымъ, самобытное—заимствованнымъ, народное—книжнымъ; а мы видѣли, что подобные вопросы и недоумѣнія о давности или недавности возникаютъ уже и по поводу «старшихъ» богатырей и разныхъ эпизодовъ Владимірова цикла.

Съ опредѣленіемъ указанныхъ отношеній связанъ другой вопросъ, въ послѣднее время не мало занимавшій нашихъ археологовъ и этнографовъ: отчего «киевскій» эпосъ не сохранился на югѣ, а только въ сѣверной Руси? Вопросъ, повидимому, упрости́тся изслѣдованіемъ хронологіи нашей былинны, о которомъ мы говорили сейчасъ. Если, какъ нѣкоторымъ уже теперь кажется, развитіе пѣсенъ о земскихъ богатыряхъ принадлежитъ «по-татарской» эпохѣ, тогда, очевидно, легче представить себѣ отсутствіе этихъ пѣсенъ на югѣ, чѣмъ если считать ихъ исконнымъ эпосомъ Владиміровыхъ временъ. *Первоначальныя* пѣсни могли

погибнуть на югѣ и на сѣверѣ, и впоследствии смѣниться новой формацией, которая сложилась различно на сѣверѣ и на югѣ по различію ихъ историческаго быта: на сѣверѣ, въ народности, терявшей патріархальную свободу и самостоятельность старыхъ временъ, сбереглась старая основа, но была подновлена въ новомъ, уже собственно великорусскомъ стилѣ, съ обильной прибавкой легендарной византійской мифологіи; на югѣ, тревожная жизнь, вызывавшая всѣ народныя усилія, совершенно естественно устранила старыя преданія, и ихъ смѣнилъ новый эпическій стиль— историческая дума.

Это, конечно, пока предположенія и вѣроятности; но эти вопросы предстоятъ научному изслѣдованію, вызываютъ его, и для рѣшенія ихъ въ особенности требуется то реально-историческое изученіе народнаго эпоса, на которое мы хотѣли обратить вниманіе.

А. Пининъ.

УСТРОЙСТВО

ПОЛЬСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Слишкомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, тотчасъ по прекращеніи польскаго возстанія, правительство приступило къ крестьянской реформѣ въ губерніяхъ царства польскаго. Указъ 19 февраля 1864 г. положилъ начало этой реформѣ. Въ первое время, о ходѣ ея еще встрѣчались въ печати кое-какія свѣдѣнія, но затѣмъ извѣстія о ней почти совсѣмъ затихли, и если у насъ что-нибудь говорилось о крестьянскомъ дѣлѣ, то только относительно коренныхъ русскихъ губерній. Между тѣмъ, упомянутая реформа въ царствѣ польскомъ закончилась и дала итоги, по которымъ стало возможно судить о дѣйствительномъ ея значеніи для страны, въ экономическомъ, социальномъ и—пожалуй—въ политическомъ отношеніяхъ. Въ настоящей статьѣ мы и хотимъ рассмотреть эти итоги въ главныхъ чертахъ, руководствуясь появившимся недавно рѣдкимъ и роскошнымъ изданіемъ г. Анучина: „Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ царства польскаго, въ 1873 году“.—Изданіе это состоитъ изъ 25 картъ съ графическими изображеніями и текстомъ въ огромномъ листовомъ форматѣ. Гдѣ нужно—мы приводимъ данныя и изъ другихъ источниковъ.

Прежде всего однако считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, съ какихъ именно сторонъ крестьянская реформа въ царствѣ польскомъ можетъ представлять для насъ особенный интересъ. Тутъ надо провести въ общихъ чертахъ параллель между польскими и остальными нашими губерніями.

Крестьянское дѣло сперва представлялось у насъ почти исключительно какъ вопросъ о прекращеніи крѣпостного права. Но затѣмъ

выступила на первый планъ его экономическая сторона. Явился вопросъ—какое именно количество земли нужно дать крестьянину, и на какихъ основаніяхъ, чтобы онъ могъ получить обезпеченіе своихъ главныхъ потребностей. Само законодательство не установило вполнѣ опредѣленнаго, однообразнаго принципа и допустило существенныя различія для разныхъ мѣстностей. Это могло произойти, между прочимъ, оттого, что вопросъ о нормѣ необходимаго надѣла не былъ въ свое время достаточно выясненъ; какъ бы то ни было, общаго принципа, долженствовавшаго быть проведеннымъ вездѣ, во что бы то ни стало—не установилось. Для объясненія укажемъ на примѣры.

Въ великорусскихъ губерніяхъ за основаніе принять былъ „душевой надѣлъ“. Не касаясь практическаго осуществленія послѣдняго, слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что принципъ этого надѣла наиболѣе правленъ. Онъ выражаетъ заботливость, чтобы размѣръ получаемой крестьянами земли находился въ извѣстномъ отношеніи къ количеству населенія, т.-е. чтобы населеніе получило столько земли, сколько ему нужно. Сколько душъ—столько и земли. Удачно или неудачно опредѣлена была норма надѣла въ той или другой мѣстности—это другой вопросъ, но довольно того, что достаточность надѣла для крестьянъ являлась какъ „искомое“. Но въ другихъ мѣстностяхъ примѣнены были нѣсколько иныя начала. Укажемъ, напримѣръ, на западный край. Здѣсь вмѣсто душевого надѣла принято было восстановленіе надѣла „инвентарнаго“. Извѣстно, что въ 1847 году въ западныхъ губерніяхъ введено было, такъ названное, инвентарное положеніе, въ силу котораго наличная крестьянская земля объявлена была неприкосновенною при сохраненіи, однако, крѣпостнаго права, съ барщиною, правомъ домашнихъ наказаній и т. под. При освобожденіи крестьянъ въ 1861 году, за ними было признано право на это „инвентарное владѣніе, съ тѣмъ, что если помѣщикъ гдѣ-нибудь отягъ у крестьянъ часть земли или обидѣлъ, то крестьяне могутъ требовать восстановленія границъ прежняго надѣла. Выходитъ, что тутъ руководящимъ началомъ было уже не надѣленіе всѣхъ нуждающихся, а восстановленіе отвлеченнаго принципа инвентарности. Соотвѣтствіе между надѣломъ и населеніемъ не являлось уже искомымъ, какъ въ другихъ губерніяхъ. Инвентарный надѣлъ не могъ соответствовать ни наличному населенію, ни даже прежнему населенію 1847 года,—ближайшимъ доказательствомъ чему служить то, что нерѣдко въ двухъ смежныхъ деревняхъ можно встрѣчать различныя нормы надѣла, причемъ это различіе даже не зависитъ отъ качества почвы. Оттого, одни крестьяне стали надѣленными довольно порядочно, между тѣмъ какъ другіе получили гораздо

меньше и не имѣютъ самаго необходимаго количества земли. Сколько можно видѣть изъ матеріаловъ, изданныхъ редакціонными комиссіями, а также изъ печатныхъ статей, принадлежавшихъ людямъ, близко стоявшимъ къ дѣлу, и возстановленіе „полнаго“ инвентарнаго надѣла составляло своего рода побѣду надъ неумѣренными притязаніями представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ, хотѣвшихъ дать крестьянамъ еще меньше; однако, если это и побѣда, все же надѣлъ и степень потребности крестьянъ въ землѣ остались безъ взаимной связи.

Считаемъ не лишнимъ оговориться, что, разумѣется, никакой надѣлъ самъ по себѣ не можетъ обезпечить крестьянъ навсегда; но важно, чтобъ надѣлъ былъ достаточенъ въ ту минуту, когда сельское населеніе только вступаетъ въ свободную экономическую жизнь. Со временемъ, умноженіе населенія и другія причины создадутъ новыя задачи, возбуждять новыя вопросы: но если эти задачи и вопросы возникаютъ только изъ дальнѣйшаго хода жизни и не имѣютъ корней въ прошедшемъ, то населеніе имѣетъ больше возможности постепенно и во-время приготовиться къ ихъ разрѣшенію; въ противномъ же случаѣ, серьезныя затрудненія застигаютъ населеніе раньше, чѣмъ оно бываетъ въ силахъ съ ними справиться. Вотъ почему мы придаемъ особенную важность достаточности надѣла.

Итакъ, уже въ самыхъ положеніяхъ мы находимъ различіе основаній надѣленія. Въ однихъ мѣстахъ—обезпеченіе наличнаго населенія, въ другихъ—отвлеченный принципъ; кое-гдѣ выступили еще политическія соображенія. Но независимо отъ основныхъ принциповъ на общій ходъ дѣла должна была оказать большое вліяніе исполнительная работа. Во многихъ случаяхъ, ея-то вліяніе и было главнымъ. Исполнительные органы тоже не вездѣ были одинаковы. Въ ббльшей части государства, учрежденія, завѣдывавшія крестьянскимъ дѣломъ, были наполнены людьми изъ мѣстнаго общества, принадлежавшими къ тому самому классу, интересы котораго затрогивались реформою непосредственно. Весьма естественно, что въ дѣятельность по крестьянскому дѣлу могли войти и одностороннія стремленія. Все это теперь уже давнее прошлое, почему мы можемъ говорить объ этомъ совершенно спокойно. Правда, въ составѣ учреждений встрѣчалось не мало людей, желавшихъ дѣйствовать совершенно безпристрастно, но вліяніе этого элемента не могло сдѣлаться преобладающимъ. Во всякомъ случаѣ, усложненіе крестьянскаго дѣла односторонними тенденціями имѣло немалое значеніе и оставило свои слѣды. На западной окраинѣ дѣло было поставлено иначе; въ пяти западныхъ губерніяхъ, хотя первоначальный составъ мировыхъ учреждений и былъ образованъ на общемъ основаніи, но скоро послѣ

того онъ былъ замѣненъ совершенно новымъ, состоявшимъ изъ чисто-правительственныхъ агентовъ. Въ губерніяхъ же царства польскаго, гдѣ крестьянская реформа вводилась уже послѣ 1864 года, дѣло съ-разу поступило въ руки представителей правительственной власти. Въ этомъ оказались своего рода выгоды и невыгоды.

Повидимому, переходъ дѣла въ руки лицъ, чуждыхъ мѣстному обществу, неизмѣнившихъ ни личныхъ, ни корпоративныхъ связей съ заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, могъ только благоприятствовать настойчивому стремленію къ достиженію главныхъ цѣлей реформы. Но на дѣлѣ не всегда выходило такъ—и тутъ не замедлили обнаружиться своего рода неудобства. Правда, мѣстная администрація обладала большою возможностью объединять дѣйствія мѣстныхъ дѣятелей, переимѣны въ составѣ которыхъ всегда отъ нея зависѣли, и сообщать всему дѣлу однообразный цвѣтъ; но за то тутъ имѣли большое вліяніе личныя переимѣны. Переимѣнялись и главные руководители и исполнители. Составъ дѣятелей, опредѣляемыхъ по назначенію, способенъ измѣняться, болѣе чѣмъ всякій другой. Измѣненіе лицъ тутъ легко превращается въ измѣненіе самой системы. Масса людей, дѣйствовавшихъ въ западномъ краѣ, къ тому же не могла не принадлежать къ различнымъ отбѣнкамъ русскаго общества, въ которомъ, какъ всякій знаетъ, существовали и существуютъ довольно разнообразныя отношенія къ крестьянскому дѣлу. Были и просто неудачно выбранные люди. Хотя въ первое время въ западный краѣ пошло не мало людей, искренно расположенныхъ къ крестьянамъ, но были также и люди другого рода. Вслѣдствіе личныхъ переимѣнъ преобладаніе переходило отъ людей одного взгляда къ людямъ другихъ понятій и симпатій, что и было наиболѣе неблагоприятнымъ для хода крестьянскаго дѣла условіемъ въ западномъ краѣ. Насколько были вліятельны подобныя переимѣны, это знаетъ всякій, кто ознакомился съ положеніемъ дѣла, напримѣръ, въ 1865 году, и послѣ того видѣлъ это положеніе хоть въ 1869 году; и въ сѣверо-западномъ, и въ юго-западномъ краѣ было почти одно и то же. Что касается губерній царства польскаго, то тутъ, въ первое время, во главѣ дѣятелей стало нѣсколько выдающихся лицъ русскаго общества, людей убѣжденныхъ, заинтересованныхъ въ самомъ успѣхѣ дѣла, а не въ чемъ либо иномъ. Это представлялось даже исключительно благоприятнымъ условіемъ. Но и этимъ людямъ не пришлось окончить дѣла; они уступили свое мѣсто другимъ. Составъ же ближайшихъ исполнителей тутъ, кажется, не отличался отъ обыкновеннаго чиновничьяго состава,—разумеется, за нѣкоторыми исключеніями. Во всякомъ случаѣ, однако, слѣдуетъ сказать, что какъ въ западномъ

краѣ, такъ и въ губерніяхъ царства польскаго, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ существовало благопріятное для крестьянъ направленіе дѣла.

Соображая все сказанное, нельзя не придти къ заключенію, что ни при одной изъ примѣнявшихся системъ ходъ крестьянскаго дѣла не могъ совершенно избѣгнуть встрѣчи съ существенными затрудненіями. Гдѣ меньше было шансовъ односторонней тенденціозности, тамъ сильно дѣйствовали личныя перемѣны. Если-бъ крестьянское дѣло принадлежало къ числу такихъ, которыя устраниваются въ теченіи какаго-нибудь полугода или года, вліянія послѣдней причины можно было бы избѣгать; но это дѣло, по своей громадности, требуетъ, для полнаго своего процесса, по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ, и потому на немъ неизбежно должны были отразиться всѣ перемѣны.

Въ царствѣ польскомъ было еще одно особенное условіе, благопріятное крестьянамъ. Это то, что реформа, такъ или иначе, должна была усвоить политическій характеръ. Интересы крестьянскаго дѣла въ значительной степени совпадали съ политическими интересами государства. Масса сельскаго населенія, прежде неимѣвшая ни земли, ни правъ по общественному управленію, получивъ то и другое отъ правительства, естественно должна была стать къ послѣднему въ лучшія отношенія. Улучшеніе быта этой массы обѣщало парализовать въ будущемъ тѣ политическія движенія, которыя стоили государству очень дорого и которыя долго были предметомъ постоянныхъ опасеній. Особенность значенія крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ засвидѣтельствовалась, между прочимъ, самыми основаніями, которыя были для нея приняты. Польскіе крестьяне не должны были проходить періода временно-обязанныхъ отношеній и съ-разу дѣлались собственниками своего поземельнаго надѣла. Способы къ пріобрѣтенію земли также были значительно облегчены для крестьянъ обязательнымъ участіемъ помѣщиковъ въ выкупной операціи. Общественное крестьянское устройство, въ свою очередь, представляло существенныя отличія.

Итакъ, результаты крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ интересны, во-первыхъ, какъ итогъ дѣйствія всѣхъ выше объясненныхъ условій, при совпаденіи обыкновенныхъ цѣлей крестьянскаго дѣла съ политическими, а во-вторыхъ — интересны сами по себѣ, какъ часть картины экономическаго и соціальнаго положенія близкой намъ страны, имѣющей слишкомъ шестимилліонное населеніе.

Разсмотримъ сперва общественное устройство, потомъ перейдемъ къ поземельному, а затѣмъ и къ положенію податнаго дѣла.

До реформы положеніе польскихъ крестьянъ подходило къ положенію остзейскихъ. Масса сельскаго населенія, не имѣя своей земли,

находилась въ большой зависимости отъ землевладѣльцевъ, какъ экономической, такъ и юридической. Владѣльцу, въ силу его собственности, принадлежало большое значеніе въ мѣстномъ управленіи. Каждая деревня, заключающая въ себѣ не менѣе десяти дворовъ, и даже часть деревни, могла составлять „гмину“, т. е. единицу управленія. Начальникомъ гмины былъ „войтъ“, званіе котораго принадлежало самому владѣльцу; владѣлецъ могъ даже по своему усмотрѣнію замѣщать себя другимъ лицомъ, напримѣръ, кѣмъ-либо изъ служащихъ у него людей; въ большинствѣ гминныя войты и были заступные. Въ казенныхъ имѣніяхъ войты были отъ правительства, тоже въ силу собственности казны. На войтѣ лежалъ мѣстный полицейскій надзоръ, наблюденіе за исправнымъ выполненіемъ повинностей и составленіе статистическихъ данныхъ; ему же принадлежало и право полицейскаго суда, причѣмъ онъ могъ подвергать обвинявшихся крестьянъ денежному штрафу до 10 рублей, семидневному аресту и тѣлесному наказанію. Незадолго до реформы, размѣръ гминъ былъ нѣсколько увеличенъ, причѣмъ гмина должна была заключать въ себѣ уже не менѣе 50-ти дворовъ. Во время изданія указа 1864 года, всѣхъ гминъ было 3083, изъ которыхъ 1010 имѣли только отъ 50 до 75 дворовъ, 580 — отъ 75 до 100 дворовъ и 915 — отъ 100 до 200 дворовъ. Всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ краѣ было около 500 тысячъ. Такимъ образомъ, мѣстное управленіе было примѣнено не столько къ общественнымъ потребностямъ, сколько къ удобствамъ поземельнаго владѣнія. Въ гминахъ представлялся рядъ мелкихъ единицъ, изъ которыхъ каждая представляла собою „имѣніе“ того или другого лица. Между гминою и нашею волостью не было никакого сходства ни по характеру, ни даже по размѣру. Гмина была не общественною единицею, а только административною. Средняя величина гмины составляла около 150 дворовъ, то-есть около 400 мужскихъ душъ, тогда какъ размѣръ волости у насъ въ самомъ началѣ опредѣленъ былъ отъ 300 (при особенной разбросанности поселеній) до 2000 ревнскихъ душъ мужского пола.

Новое положеніе устроило гмины на другомъ основаніи. Оно прежде всего увеличило ихъ составъ, придало управленію общественный характеръ и дало крестьянамъ, какъ собственникамъ земли, широкое представительство въ этомъ управленіи. Должность войта сдѣлалась выборною, переставъ составлять принадлежность владѣльца „имѣнія“; въ эту должность могъ быть выбранъ каждый владѣлецъ 6 морговъ земли ($3\frac{1}{4}$ десятины). Каждый крестьянинъ, владѣющій землею въ количествѣ не менѣе 3 морговъ (око $1\frac{1}{2}$ десятины), получилъ право голоса при выборѣ войта, и вообще право участія въ

гминныхъ сходкахъ, обсуждающихъ общественныя дѣла. Независимое отъ гминъ установлена еще низшая общественная единица—сельское общество, имѣющее свои сходы, состоящіе изъ всѣхъ хозяевъ дворовъ, хотя бы они и не имѣли 3 морговыхъ участковъ. Въ сельскомъ обществѣ учрежденъ „солтысъ“,—въ родѣ нашего сельскаго старосты. Въ гминахъ учреждены были также свои мѣстные суды, состоящіе изъ „лавниковъ“. Наконецъ, важное отличіе польскихъ гминъ отъ нашихъ волостей представляетъ то, что гмина—всословная общественная единица. Основаніе ея—территориальное, а не сословное.

Какъ на еще одну важную особенность сельскаго устройства въ царствѣ польскомъ, составляющую существенное преимущество его предъ нашими западными губерніями, слѣдуетъ указать на преобразование мелкихъ городовъ и мѣстечекъ. Но чтобы опредѣлить яснѣе это преимущество, надо прежде всего сказать нѣсколько словъ именно о западныхъ губерніяхъ. Въ этихъ послѣднихъ до сихъ поръ существуетъ масса владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ (въ однихъ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ такихъ городовъ 8, а мѣстечекъ болѣе 300), въ которыхъ отношенія жителей къ помѣщикамъ сильно напоминаютъ средневѣковые порядки. Вся земля принадлежитъ помѣщику, и жители, устроившіе на ней дома, обязаны платить помѣщику постоянный денежный оброкъ (чиншъ); владѣя недвижимою собственностью, эти жители вовсе не защищены отъ владѣльческаго произвола: помѣщикъ можетъ и увеличивать чиншъ, и требовать изгнанія того или другого домовладѣльца и сноса его построекъ. Такое безправное положеніе массы населенія въ послѣднее даже время возбудило нѣсколько судебныхъ дѣлъ, причемъ жители, въ силу судебныхъ рѣшеній, обязывались цѣлыми сотнями къ выселенію. Можно вообразить себѣ, до чего доходитъ въ подобныхъ случаяхъ положеніе бѣдныхъ жителей, между которыми большинство составляютъ евреи. Кромѣ чинша, владѣльцы пользуются еще кое-гдѣ правомъ полученія военныхъ налоговъ, которое вездѣ принадлежитъ только государству; въ одномъ Бердичевѣ существуетъ 28 родовъ подобныхъ налоговъ, между которыми мы находимъ сборы и за право убивать скотъ, и за право молоть муку и за право торговать смолою, дегтемъ, стекломъ, посудой и т. под. Торговецъ, въ Бердичевѣ, кромѣ пошлины въ казну и платы за мѣста, платитъ еще торговля „пошлины“ владѣльцу. Вопросъ о преобразованіи устройства владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ (составляющій—замѣтимъ вкратцѣ—одну изъ важныхъ частей нашего еврейскаго вопроса) въ западномъ краѣ возбужденъ былъ уже восемь лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ онъ ничуть не подвинулся: старые порядки продолжаютъ существо-

вать по прежнему, хотя вопросъ этотъ здѣсь ни въ какомъ случаѣ не представляетъ большихъ трудностей, чѣмъ въ царствѣ польскомъ, гдѣ его уже давно разрѣшили. Въ царствѣ польскомъ значительное число небольшихъ городскихъ поселеній переименовано въ посады и получило одностороннее устройство съ сельскими поселеніями, поступивъ въ составъ гминъ или образовавъ—гдѣ оказалось нужнымъ—отдѣльныя гмины. Феодалныя вотчинныя отношенія отмѣнены.

Понятно, что преобразование общественнаго устройства селеній и объединеніе населенія сообразно его бытовымъ условіямъ, а не старымъ сословнымъ отличіямъ, представляетъ очень большую переимѣну сравнительно съ прежнимъ. Чтобы явственнѣе опредѣлить ея значеніе, перейдемъ отъ основныхъ цѣлей закона къ самому его исполненію и посмотримъ, какъ установилось теперь фактически упомянутое общественное устройство.

Число гминъ, несмотря на присоединеніе къ нимъ городскихъ поселеній, уменьшилось втрое. Всѣхъ ихъ въ 1873 году было уже только 1313, въ томъ числѣ чисто сельскихъ 981, смѣшанныхъ 291 и чисто посадскихъ 41. Преобладающій размѣръ гмины установился отъ 300 до 500 дворовъ; средняя населенность гмины—4016 душъ населенія обоюга пола, среднее пространство—13,899 морговъ (7500 десятинъ). Чтобы показать насколько демократизировалось мѣстное управленіе, находившееся прежде исключительно въ рукахъ болѣе крупнаго землевладѣнія, приведемъ данныя о личномъ составѣ гминныхъ войтовъ. Изъ общаго числа послѣднихъ теперь принадлежать:

къ дворянскому званію . . .	183.
> крестьянскому > . . .	989.
> мѣщанскому > . . .	141.

Выходитъ, что три-четверти войтовъ теперь крестьяне, дворяне же представляютъ едва около одной восьмой части. Впрочемъ, отношенія эти мѣняются по мѣстностямъ: въ двухъ губерніяхъ, ближайшихъ къ Пруссіи (ломжинской и плоцкой), войты не изъ крестьянъ составляютъ еще около половины всѣхъ; всего же менѣе войтовъ не-крестьянъ—въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, прилегающихъ къ нашимъ литовскимъ губерніямъ и къ Галиціи (именно въ люблинской, кѣлецкой и сувальской). Прибавимъ къ этому, что между войтами грамотные составляютъ цѣлыхъ двѣ-трети. Составъ лавниковъ (судей) былъ еще болѣе крестьянскій; такъ, на 2625 крестьянъ, тутъ было только 196 дворянъ и 240 мѣщанъ. Между послѣдними въ 1873 году было даже 7 евреевъ. Безсословность тутъ давала себя чувствовать довольно осязательно.

Не безынтересно будетъ сопоставить главныя черты обществен-

наго устройства польскихъ крестьянъ съ такими же чертами въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Не касаясь принципа общесловности, значеніе котораго ясно само по себѣ, обратимся къ самому представительству въ волостяхъ и гминахъ. У насъ значительная часть волостей заключаетъ въ себѣ болѣе 2 тысячъ ревизскихъ душъ или около 5 тысячъ всего населенія, т. е. немного больше, чѣмъ гмина; на такую волость можно положить около 600 дворовъ, а такъ какъ на волостной сходѣ идетъ одинъ представитель отъ десяти дворовъ, то выходитъ, что составъ волостного схода около 60 человекъ; эти 60 человекъ обсуждаютъ всѣ волостныя дѣла и выбираютъ волостного старшину. Въ гминныхъ же сходахъ губерній царства польскаго участвуетъ гораздо большее число представителей. Всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса на этихъ сходахъ, въ 1873 г., было 464,162, т. е. на каждую гмину — заключающую въ себѣ въ среднемъ выводѣ 4-тысячное населеніе — приходится 353 голоса, или въ шесть разъ больше, чѣмъ у насъ. У насъ идетъ одинъ изъ десяти домохозяевъ, а въ губерніяхъ царства польскаго изъ трехъ (такъ какъ на общее число 700 тысячъ дворовъ приходится 464 тысячи голосовъ). Ясно, что гминные сходы людей нашихъ волостныхъ; крестьянское представительство тутъ какъ будто сильнѣе; но значеніе этого обстоятельства нѣсколько ослабляется другими условіями, между которыми нѣкоторыя въ пользу русской волости. Не говоря уже о томъ, что наши волости обширнѣе по пространству, что дѣлаетъ для крестьянъ нѣсколько затруднительнымъ частое посѣщеніе волостныхъ сходовъ, — слѣдуетъ вспомнить, что главная масса общественныхъ дѣлъ у насъ рѣшается не на волостныхъ, а на сельскихъ сходахъ. На этихъ послѣднихъ рѣшаются поземельныя дѣла, на нихъ же дѣлается раскладка всѣхъ податей, и еще недавно на сельскихъ же сходахъ производилось назначеніе людей въ рекруты. Центр тяжести крестьянскаго самоуправленія у насъ скорѣе въ сельскомъ обществѣ, чѣмъ въ волости. Кромѣ того, слѣдуетъ указать еще на одно обстоятельство, ослабляющее значеніе менѣе сильнаго представительства въ нашихъ волостяхъ; исключительное господство личнаго принципа у польскихъ крестьянъ выразилось между прочимъ въ имущественномъ цензѣ, при которомъ право представительства принадлежитъ лишь крестьянамъ, имѣющимъ не менѣе трехъ морговъ земли; между тѣмъ для нашихъ волостей установлено только общее число представителей (десятая часть домохозяевъ), а выборъ ихъ можетъ дѣлаться помимо всякаго ценза; тогда какъ въ губерніяхъ царства польскаго представителемъ можетъ быть только болѣе зажиточный, у насъ имъ можетъ быть всякій, лишь бы онъ пользовался довѣріемъ въ своей средѣ. Разумѣется, здѣсь мы можемъ ка-

саться только принципиальнаго различія, потому что для всесторонняго проведенія параллели намъ недостаетъ многихъ практическихъ данныхъ, выведенныхъ изъ наблюдений какъ тамъ, такъ и здѣсь. Наконецъ, въ вопросѣ о представительствѣ мѣстнаго населенія въ общественныхъ дѣлахъ имѣетъ очень важное значеніе еще одно обстоятельство — именно процентъ бездомнаго населенія, который, какъ видно, въ царствѣ польскомъ очень значителенъ. Численность всего сельскаго населенія, на которое распространялись въ этой странѣ „Положенія“, составляла въ 1873 году болѣе 5.200,000 душъ обоаго пола. Но на эту цифру приходится только около 700 тысячъ дворовъ, тогда какъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ на подобное населеніе пришлось бы около милліона домохозяевъ. Это приводитъ къ заключенію, что рядомъ съ болѣе сильнымъ гминнымъ представительствомъ въ губерніяхъ царства польскаго населеніе слабѣе представлено въ сельскихъ обществахъ. Во всякомъ случаѣ однако подъемъ значенія польскаго крестьянина въ общественныхъ дѣлахъ представляется большимъ; фактъ этотъ — полонъ серьзнаго значенія и долженъ дать плоды въ будущемъ. Въ отношеніи къ общественному устройству польскій крестьянинъ ничего не потерялъ сравнительно съ русскимъ.

Чтобы покончить съ общественнымъ устройствомъ, приведемъ еще нѣсколько данныхъ о мірскихъ бюджетахъ. Содержаніе всѣхъ войтовъ обходится въ 250 тысячъ рублей, а содержаніе писарей — въ 283 тысячи. Слѣдовательно, содержаніе войта обходится, въ среднемъ выводѣ, немного менѣе 200 рублей, и почти то же стобитъ содержаніе писаря. Цифры эти довольно умѣренны, такъ какъ у насъ хотя и есть кое-гдѣ волостные старшины, получающіе всего по нѣскольку десятковъ рублей (я зналъ получавшихъ и 40 и 50 рублей въ годъ), но за то встрѣчаются и получающіе по нѣскольку сотъ рублей. Во всякомъ случаѣ содержаніе общественнаго управленія для польскихъ крестьянъ не отяготительно.

Перейдемъ теперь къ поземельному устройству, вліяніе котораго чуть-ли не сильнѣе всего способно отражаться на бытѣ населенія.

Выше мы уже упомянули, что масса польскихъ крестьянъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія была безземельною; она работывала земли на правѣ арендованія или въ качествѣ наемныхъ помѣщичьихъ рабочихъ. Условія арендованія были, разумѣется, тяжелы; это всего лучше видно изъ того обстоятельства, что даже рабочія орудія и скоть принадлежали не земледѣльцу, а хозяину земли. Порядокъ этотъ поддерживался даже закономъ. Крестьянинъ-арендаторъ, переходя съ одной земли на другую, обязывался оставлять владѣльцу и земледѣльческія орудія, и рабочей скоть и зерно

на посѣвъ. Въ 1846 году сдѣланъ былъ первый опытъ—хотя и слабый—къ предотвращенію крестьянской безземельности; именно, установлена была неотъемлемость крестьянскихъ 3-хъ-морговыхъ участковъ подъ условіемъ выполненія повинностей, причемъ, въ случаяхъ крестьянскихъ выселеній, запрещалось присоединять оставленные крестьянами участки къ прочимъ помѣщичьимъ землямъ. Эти участки должны были оставаться непременно крестьянскими. Насколько удовлетворительно выполнялись объясненныя требованія на практикѣ, мы говорить не будемъ, но во всякомъ случаѣ подобное положеніе (напоминающее „инвентарное“ положеніе западныхъ губерній) не могло служить прочнымъ обезпеченіемъ крестьянскаго быта. Указъ 1864 года, оговоривъ право крестьянъ пользоваться неотъемлемо принадлежащими имъ земледѣльческими орудіями и скотомъ, предоставилъ имъ въ собственность занимавшіяся ими земли, а также узаконилъ „сервитуты“, т. е. нѣкоторые виды пользованія помѣщичьими угодьями, какъ напримѣръ — право крестьянскаго участія въ пастбищахъ, право собиранія валежника въ лѣсу и т. под. Въ-отѣ съ тѣмъ крестьяне получили право требовать возвращенія себѣ земельныхъ участковъ, отнятыхъ у нихъ помѣщиками послѣ 1846 года, въ нарушеніе изданнаго въ этомъ году закона. Впослѣдствіи, надѣленіе землею было распространено и на жителей городскихъ поселеній, обращенныхъ въ посады, которые такимъ образомъ уравнились съ крестьянами не только относительно общественнаго (о чемъ было уже сказано выше), но и относительно хозяйственнаго устройства. Независимо отъ этихъ мѣръ, въ 1866 году рѣшено было надѣлать изъ казенныхъ и подузовныхъ имѣній крестьянъ безземельныхъ.

Въ совокупности всѣхъ этихъ мѣръ ясно выражается общая мысль—дать крестьянскому элементу самостоятельное положеніе, какъ юридическое, такъ и экономическое, уменьшить или уничтожить сельскій пролетаріатъ, словомъ, сдѣлать—сельское населеніе, насколько можно, довольнымъ. Затѣмъ—началась исполнительная работа, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Достиженіе предположенной законодательствомъ цѣли обуславливалось какъ достоинствомъ этой работы, такъ и степенью достаточности земельного простора въ странѣ. Слишкомъ большого надѣла, конечно, дать было нельзя, такъ какъ страна населена довольно густо; поэтому, чтобы судить о результатахъ поземельной реформы здѣсь всего лучше будетъ обратиться къ сравненію съ другими русскими губерніями, населенными столь же густо. Такъ какъ въ царствѣ польскомъ на 2.220 кв. миль имѣется 6 милліоновъ населенія, т. е. на одну квадрат. милю приходится около 2³/₄ тысячъ душъ, то для сравненія съ нимъ удобно будетъ взять

три слѣдующія губерніи: подоольскую (на 814 квадр. миль 1.933 тысячи душъ), волгавскую (на 892 квадр. миль 2.102 тысячи душъ) и курскую (на 833 квадр. миль 1.955 тысячъ жителей), изъ которыхъ въ каждой на квадратную милю приходится около $2\frac{3}{4}$ тысячъ жителей. Хотя при сравненіи этихъ губерній съ царствомъ польскимъ послѣднее и оказывается населеннымъ менногю гуще, но это обстоятельство происходитъ главнымъ образомъ отъ ббльшей значительности процента городского населенія; если же взять въ расчетъ одно сельское населеніе и сельскія земли, то условія упомянутыхъ губерній окажутся почти совершенно одинаковыми съ условіями царства польскаго.

Выше мы упомянули, что польскіе крестьяне получали надѣлы не только изъ помѣщичьихъ земель, но также изъ казенныхъ. Вотъ цифры, показывающія относительное значеніе надѣленія изъ того и другого источника:

Въ частныхъ имѣніяхъ 440.720 крестьянскихъ дворовъ получили 5.561.931 морговъ земли.

Въ казенныхъ—на 160.088 дворовъ земли пришлось 2.506.382 морга.

Въ городахъ и посадахъ на 93.938 дворовъ пришлось земли 629.821 моргъ.

Въ общей совокупности получается 694.746 дворовъ, приобрѣвшихъ въ собственность пространство земли 8.698.134 морговъ или около 4.800.000 десятинъ.

Въ сравненіи съ прежнимъ крестьянскимъ пользованіемъ, эти цифры представляютъ увеличеніе надѣла на 28%. Главнымъ образомъ, это увеличеніе произошло вслѣдствіе возвращенія крестьянамъ участковъ, отнятыхъ у нихъ послѣ 1846 года.

Изъ приведенныхъ данныхъ сдѣлаемъ рядъ выводовъ.

Выходитъ, что средній надѣлъ на дворъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляетъ около $12\frac{1}{2}$ морговъ (около 7 десятинъ), въ казенныхъ— $15\frac{1}{2}$ морговъ (около $8\frac{1}{2}$ десятинъ), а въ посадахъ— $6\frac{3}{4}$ морга (около $3\frac{1}{2}$ десятинъ). Слѣдовательно, здѣсь, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, надѣлы государственныхъ крестьянъ вышеле значительнѣе надѣла бывшихъ помѣщичьихъ; только въ царствѣ польскомъ это различіе выступаетъ не такъ рѣзко. Средній надѣлъ для всѣхъ крестьянъ вообще составляетъ около $12\frac{1}{2}$ морговъ. Отменивъ полъ-морга на неудобныя пространства, получимъ всего около $6\frac{1}{2}$ десятинъ на дворъ.

Такъ какъ на дворъ или семейство надо положить около $2\frac{3}{4}$ душъ мужского пола или вообще $5\frac{1}{2}$ душъ населенія, то на думу

обоего пола придется земли около $1\frac{1}{2}$ десятины. Сравнимъ этотъ надѣлъ съ надѣломъ въ трехъ упомянутыхъ выше губерніяхъ:

Въ царствѣ польскомъ на душу населенія приходится	1,2	десятины.
Въ подольской губерніи	1,3	>
Въ полтавской	1,3	>
Въ курской	1,8	>

Итакъ, это сравненіе не въ пользу польскихъ крестьянъ; особенно рѣзко отличается курская губернія, что происходитъ отъ рѣшительнаго преобладанія въ ней бывшихъ крестьянъ государственныхъ; устраняя это послѣднее обстоятельство, попробуемъ еще сравнить надѣлъ царства польскаго съ надѣломъ однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ въ другихъ губерніяхъ. Тогда получатся другія отношенія:

Въ царствѣ польскомъ на душу	1,2	десятины.
Въ подольской губерніи	1,15	>
Въ полтавской	1—	>
Въ курской	1,1	>

Здѣсь выводъ хотя и склоняется въ пользу царства польскаго, но только путемъ допущенія натяжки; для царства польскаго мы брали населеніе однихъ только надѣленныхъ дворовъ, тогда какъ относительно прочихъ губерній мы брали все крестьянское населеніе въ совокупности. Если же мы обратимся къ общимъ цифрамъ польскихъ крестьянъ и ихъ надѣла, то получится опять неблагоприятный для нихъ выводъ. Вся численность этихъ крестьянъ равняется 3.273.136 душъ обоего пола; а такъ какъ имъ досталось 8.698.000 морговъ или 4.800.000 десятинъ земли, то выходитъ, что на каждую душу пришлось среднимъ числомъ едва $\frac{1}{10}$ одной десятины, то-есть меньше, чѣмъ въ какой-либо изъ названныхъ, да и вообще въ какой-либо изъ русскихъ губерній.

Итакъ, надѣлъ польскихъ крестьянъ умѣреннѣе надѣла русскихъ крестьянъ; размѣръ его приближается къ размѣру надѣла одной только категоріи русскаго сельскаго населенія—бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ; однако все-таки онъ меньше и этого послѣдняго. Но средніе выводы изъ приведенныхъ данныхъ еще не даютъ достаточнаго понятія о характерѣ крестьянскаго землевладѣнія, который представляетъ собою результатъ какъ основаній реформы, такъ и старыхъ преданій, съ которыми считаться было необходимо. Однимъ изъ такихъ преданій является крайнее развитіе личнаго принципа, вслѣдствіе котораго установилась большая неравномѣрность въ распредѣленіи земель. Приведемъ еще рядъ цифръ, изображающихъ эту любопытную сторону дѣла.

Во всѣхъ десяти губерніяхъ царства польскаго, крестьянскихъ

дворовъ, имѣющихъ менѣе чѣмъ по три морга земли—204.706; имѣющихъ отъ 3 до 15 морговъ—280.141, а имѣющихъ болѣе 15 морговъ—205.904. Такъ какъ первая категорія ни въ какомъ случаѣ не можетъ представлять собою самостоятельныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, то приходится заключить, что подобная самостоятельность составляетъ принадлежность половины общаго числа дворовъ, то-есть всѣхъ дворовъ третьей категоріи и значительной части дворовъ—второй. Итакъ, хотя почти третья часть польскихъ хозяевъ принадлежитъ къ числу зажиточныхъ, но за то такая же часть принадлежитъ къ числу людей, получающихъ отъ земли только небольшую часть средствъ къ своему существованію и ея не-обеспеченныхъ. Столь рѣзкое различіе, являющееся результатомъ именно большаго, сравнительно съ русскими губерніями, развитія личнаго принципа, трудно считать благоприятнымъ обстоятельствомъ для массы сельскаго населенія. Разница между свыше 15-ти-морговымъ хозяйствомъ и имѣющимъ менѣе 3 морговъ—слишкомъ велика; она далеко превышаетъ существующую у насъ разницу между бывшими государственными и бывшими крѣпостными крестьянами. Въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, даже чуждыхъ общинному землевладѣнію, подобная разница встрѣчается только въ видѣ исключеній.

Замѣчательна также рѣзкая разница по губерніямъ; здѣсь обращаетъ на себя вниманіе какъ-бы географическій порядокъ распределенія болѣе крупнаго и мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Наибольшее число мелкихъ крестьянскихъ участковъ оказывается въ трехъ губерніяхъ, прилегающихъ къ Пруссіи и Австріи, а именно: калишской, гдѣ средний надѣлъ равняется 9 моргамъ, кълецкой, гдѣ онъ составляетъ 8 морговъ, и плоцкой — гдѣ онъ тоже составляетъ 8 морговъ. Въ послѣдней изъ этихъ губерній на 59 тысячъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, 32 тысячи, или болѣе половины, имѣютъ участки менѣе 3 морговъ. Вообще, въ мѣстности, прилегающей къ Пруссіи, какъ крестьянскій надѣлъ, такъ и крестьянское участіе въ общественномъ управленіи—меньше, чѣмъ въ другихъ. Напротивъ, въ сувальской и сѣдлецкой губерніяхъ, прилегающихъ къ нашимъ западнымъ, именно литовскимъ, встрѣчаются наиболѣе значительные надѣлы. Въ первой изъ нихъ средний размѣръ участка составляетъ 20 морговъ, а во второй 16. Въ сѣдлецкой къ высшему и среднему разряду принадлежитъ болѣе трехъ-четвертей общаго числа крестьянскихъ участковъ.

Перейдемъ теперь къ распредѣленію крестьянской земли по угодьямъ и къ сравненію крестьянскаго землевладѣнія съ остальнымъ личнымъ землевладѣніемъ. Въ общемъ составѣ крестьянской земли числится:

пахатной	6.164.000	морговъ.
луговой	1.006.000	>
лѣсной	214.600	>
прочей, и въ томъ числѣ неудобной	313.000	>

Такъ какъ въ царствѣ польскомъ всей пахатной земли, по словамъ г. Анучина, 10.429.000, а лѣсовъ 3.411.000 морговъ, то выходитъ, что крестьянамъ досталось болѣе половины пахатныхъ полей, но за то владѣльцы удержали за собою почти всѣ лѣса, которые тамъ, разумѣется, цѣнны.—Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что независимо отъ надѣла почти половина польскихъ крестьянъ получила еще право на „сервитуты“, о которыхъ упомянуто выше; это составило своего рода мѣстное отличіе; четвертая часть крестьянъ приобрѣла право на получение лѣсного матеріала на постройки и топливо изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, третья часть — на сборъ валежника въ лѣсу, менѣе половины — на пастбу скота въ лѣсахъ и на паровыхъ поляхъ; кромѣ того, восьмая часть всѣхъ хозяевъ имѣетъ право собирать въ лѣсу листья для подстилки. Въ западныхъ губерніяхъ, правда, тоже существуютъ сервитуты, но въ болѣе ограниченномъ видѣ. — Въ нынѣшнемъ году изданъ новый законъ, опредѣляющій основанія, на которыхъ сервитуты въ царствѣ польскомъ могутъ быть прекращаемы.

Общія данныя о поземельномъ владѣніи, установившемся послѣ реформы, представляются у г. Анучина въ слѣдующемъ видѣ:

Все пространство, заключающееся въ предѣлахъ гминъ царства польскаго, составляетъ 18.345.000 морговъ земли. Изъ того:

во владѣніи крестьянъ находится	8.524.000
во владѣніи мѣщанъ-земледѣльцевъ	174.174
у мелкой шляхты	704.154
у крупныхъ собственниковъ	8.942.877

Слѣдовательно, крупная собственность теперь почти равняется крестьянской, но все-таки превышаетъ ея. Если же причислить къ крупной, т. - е. помѣщичьей собственности еще собственность мелкой шляхты, то общая сумма той и другой превзойдетъ крестьянское землевладѣніе почти на миллионъ морговъ. Приведемъ для сравненія данныя о томъ же предметѣ по тремъ русскимъ губерніямъ, къ которымъ мы обращались прежде.

Въ подольской губерніи на 1.600.000 десятинъ крестьянской земли помѣщичьей имѣется 1.612.000; въ волтавской на 1.979.000 десятинъ крестьянской — 1.951.000 помѣщичьей; въ курской крестьянской земли 2.518.000, а помѣщичьей 1.347.000 десятинъ.—Такимъ образомъ, отношеніе помѣщичьей земельной собственности къ крестьянской въ двухъ первыхъ губерніяхъ нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ царствѣ поль-

скомъ, а въ послѣдней крестьянское землевладѣніе имѣетъ даже рѣшительное преобладаніе надъ прочимъ, что опять-таки объясняется большою численностью селеній государственныхъ крестьянъ.

Сопоставляя всѣ приведенныя выше данныя о крестьянскомъ землевладѣніи, нельзя не придти къ заключенію, что итогъ собственно повемельной части крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ не представляетъ слишкомъ большого отличія противъ нашихъ густо населенныхъ губерній; большинство крестьянъ-хозяевъ тамъ получило даже меньшія выгоды, что послѣдовало въ особенности отъ разнообразія нормъ надѣла. Но семейства этихъ хозяевъ еще не представляютъ собою полного состава сельскаго населенія, такъ какъ не мало крестьянъ остались безъ земли и образовали сельскій пролетаріатъ. Количество этого послѣдняго представляетъ особенный интересъ, и жаль, что въ книгѣ г. Анучина, столь богатой подробными официальными данными и даже заключающей въ себѣ не мало совершенно лишннихъ графическихъ изображеній, мы не нашли сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній по этому предмету. Вѣроятно, это произошло оттого, что данныя собирались исключительно путемъ официальныхъ донесеній, между тѣмъ какъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, разъясняется только при болѣе внимательномъ изслѣдованіи. Во всякомъ случаѣ въ значительности сельскаго пролетаріата въ царствѣ польскомъ можно убѣдиться даже изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены нами выше. Постараемся сдѣлать опытъ хотя приблизительнаго его исчисленія.

Выше было сказано, что общее число крестьянскихъ дворовъ равняется 694.746, изъ которыхъ только двѣ-трети, имѣя не менѣе 3 морговъ земли каждый, пользуются правомъ участія въ общественныхъ дѣлахъ гмины. Судя по даннымъ нашихъ губерній, можно положить на каждый дворъ $2\frac{3}{4}$ мужскія души; для болѣе осторожности вывода положимъ даже 3 души. На всѣ дворы выйдетъ следовательно 2.085.000 душъ мужскаго, да столько же женскаго пола; всего получается 4.170.000 душъ. Между тѣмъ, по словамъ г. Анучина, общая численность сельскаго населенія, на которую распространялось гминное устройство, простирается слишкомъ до 5.200.000 душъ. Сопоставивъ двѣ послѣднія цифры, мы получаемъ тотъ выводъ, что не менѣе миллиона крестьянскаго населенія, то-есть около пятой части его общаго числа, не входятъ въ число семействъ, надѣленныхъ землею, въ какомъ бы то ни было количествѣ, — даже и въ маломъ. Это и есть тотъ самый нами сельскій безземельный людъ. Положеніе его составляетъ такой же серьезный вопросъ, какъ и положеніе безземельныхъ крестьянъ, умножающихся въ нашихъ преимущественно черноземныхъ губерніяхъ. Стало бытъ, въ царствѣ польскомъ послѣ крестьянской

реформы на сцену выступила та же задача, съ которою намъ придется имѣть дѣло у себя дома. У насъ послѣ реформы сельскій пролетаріатъ былъ даже значительно меньше. Вопросъ о безземельныхъ, о болѣе легкомъ передвиженіи рабочаго населенія, объ увеличеніи общаго размѣра производительныхъ занятій, о болѣе цѣлесообразномъ назначеніи пустыхъ и мало-заселенныхъ пространствъ, оказывается вопросомъ общимъ, какъ для насъ, такъ и для населенія царства польскаго. Разсуждая объ этомъ вопросѣ, необходимо принимать въ расчетъ и это послѣднее. Цифру нуждающихся въ землѣ мы здѣсь опредѣлили скорѣе меньше, чѣмъ больше дѣйствительной, такъ какъ и между надѣленными семействами найдется не мало очень слабо обезпеченныхъ.

Г-нъ Анучинъ, въ доказательство увеличившагося благосостоянія польскихъ крестьянъ, приводитъ фактъ, что послѣ окончанія поземельнаго устройства ими куплено было у помѣщиковъ 214.924 морговъ земли, цѣнностью до 7 милліоновъ рублей. Фактъ этотъ, конечно, самъ по себѣ интересенъ, но для опредѣленія его дѣйствительнаго значенія необходимо знать, къ какому именно разряду принадлежали покупатели: къ надѣленнымъ ли хорошими участками? къ малоземельнымъ, или безземельнымъ? Только тогда было бы видно, какое отношеніе имѣетъ этотъ фактъ къ общему благосостоянію массы. Что болѣе богатая часть крестьянъ покупаетъ земли, это мы видимъ вездѣ, но доступна ли эта покупка для болѣе нуждающихся въ землѣ крестьянъ царства польскаго—это еще нужно выяснить.

Итакъ, въ общемъ итогѣ филономія землевладѣнія въ царствѣ польскомъ опредѣляется слѣдующими чертами: перевѣсъ крупнаго землевладѣнія надъ крестьянскимъ; около половины зажиточныхъ крестьянъ; масса крайне мелкихъ участковъ; значительное число безземельнаго пролетаріата, и большая неравномѣрность въ распредѣленіи всего этого по мѣстностямъ.

Намъ остается рассмотреть послѣднюю важную сторону крестьянскаго устройства—повинности, какъ государственныя, такъ и выкупныя, явившіяся послѣдствіемъ поземельной реформы.

Эта сторона дѣла производитъ уже совершенно иное впечатлѣніе. Крестьянскія повинности оказываются, во-первыхъ, умѣренными, во-вторыхъ, довольно равномѣрно распредѣленными между плательщиками и, въ-третьихъ,—имѣющими болѣе правильное основаніе. Онѣ менѣе касаются на личный трудъ, чѣмъ на признаки нѣвѣстной состоятельности. Относительной умѣренности повинностей содѣйствовало те обстоятельство, что земельный выкупъ произведенъ не на

едни только крестьянскія средства; въ налогахъ, которые повлечъ за собою этотъ выкупъ, приняли участіе и прочіе землевладѣльцы. Смыслъ законовъ о выкупѣ былъ не тотъ, что правительство обязываетъ своими ссудами „содѣйствіе“ къ выкупу крестьянскими землями у помещиковъ, а тотъ, что казна выдаетъ отъ себя помещикамъ вознагражденіе, за прекращаемыя крестьянскія повинности, по черная средства для такого вознагражденія какъ изъ крестьянскаго поземельнаго налога, такъ и изъ другихъ источниковъ, въ число которыхъ входитъ, между прочимъ, поземельный налогъ со всѣхъ землевладѣльцевъ вообще.

Прямые налоги крестьянъ представляются „подымною“ податью и поземельнымъ налогомъ. По исчисленію г. Анучина, оба эти налога въ совокупности составляли въ 1873 году 3.795,000 рублей. Изъ отчета государственнаго контроля за 1874 годъ видно, что окладъ „подымной подати съ крестьянскихъ усадебъ“ составлялъ 1.442,313 рублей; поземельный крестьянскій налогъ—2.121,894 руб., поземельный налогъ съ посадовъ 111,426 рублей. Общая сумма этихъ контрольных цифръ такимъ образомъ почти совпадаетъ съ цифрами г. Анучина. Конечно, подымная подать по своимъ основаніямъ далека отъ совершенства, но все же она находится хоть въ нѣкоторой зависимости отъ состоятельности плательщика, и люди, ничего неимѣющіе, неимѣющие даже собственнаго „дыма“, отъ нея свободны. Распредѣленіе этого налога также отличается долею справедливости, потому что дворы, которымъ принадлежитъ большее количество земли, платятъ больше, чѣмъ малоземельные, между тѣмъ какъ у насъ подушная подать одинаково облагаетъ и богача и малаго ребенка-пролетарія. Хозяинъ усадьбы, при которой имѣется 15 морговъ земли, платитъ подымной подати 4 рубля, хозяинъ усадьбы въ 3—15 морговъ—2 рубля, а владѣлецъ менѣе чѣмъ 3-хъ-морговой усадьбы—1 рубль въ годъ (такъ какъ усадебъ перваго ряда, какъ уже было сказано, 204,705, втораго 280,141, а третьяго 205,904, то, по умноженіи этихъ цифръ на 4, 2 и 1 рубль, мы получимъ цифру, близкую въ итогу приведенныхъ выше контрольных цифръ поземельнаго налога съ крестьянъ и посадовъ). Такимъ образомъ, подымная подать представляетъ нѣчто среднее между личнымъ налогомъ и поземельнымъ, то-есть она лучше перваго, и хуже послѣдняго, но во всякомъ случаѣ лучше подушной подати. Въ 15-ти-морговой усадьбѣ можетъ жить семейство меньшее, чѣмъ въ 5-ти-морговой, а между тѣмъ первая платитъ вдвое больше послѣдней; за то она же облагается одинаково 4-хъ и 14-ти-морговыми, 3-хъ и 1/2-морговыми усадьбами, слѣдовательно, далеко не одинаково облагаетъ каждый моргъ земли. Для малаго двора она можетъ упасть и на личный трудъ, но бел-

шія и среднія хозяйства могутъ платить ее уже изъ земельной ренты.

Если разложить всю подимную подать на мужскія души, то она въ среднемъ выводѣ составитъ около 75 коп. на душу (принимая по три души на каждый изъ 694 тысячъ дворовъ). Между тѣмъ подушная подать въ трехъ разсматривавшихся русскихъ губерніяхъ представляетъ болѣе крупныя оклады. Такъ, въ подольской губерніи окладъ подушной подати равняется 1 р. 75 к.—1 р. 81 коп. съ души, въ полтавской—1 р. 84, а въ курской—1 р. 93 коп. Сверхъ того, крестьянинъ первой изъ только-что названныхъ губерній платитъ добавочнаго личнаго налога, образовавшагося изъ бывшаго государственнаго сбора 67—89 коп., второй 46—74 коп., и третій 70 коп. Слѣдовательно, польскій крестьянинъ если имѣетъ менѣе выгодное поземельное устройство, за то и платитъ значительно меньше, чѣмъ русскій.

Поземельный налогъ (съ посадовъ и селеній), составляющій 2.233,000 рублей, раскладывается между плательщиками общественными сходами, но эти послѣдніе тутъ не имѣютъ такихъ широкихъ правъ надъ отдѣльными единицами, какъ у насъ, что составляетъ новую особенность мѣстнаго общественнаго управленія, уже разсмотрѣннаго нами выше. Сходъ хотя и измѣняетъ оклады платежей, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Усадьбы низшаго разряда не должны платить болѣе одного подимнаго оклада, а прочіе—болѣе двухъ окладовъ. Такъ какъ мы уже видѣли, что вся крестьянская поземельная собственность составляетъ болѣе 8.500,000 морговъ, то выходитъ, что средній поземельный налогъ равняется окладу около 26 коп. съ морга, или около 47 коп. съ десятины. Объ обременительности подобнаго налога странно было бы и говорить, имѣя въ виду наши выкупные платежи, преобладающая норма которыхъ составляетъ 7 р. 20 коп. съ душевого надѣла, различнаго размѣра. Въ подольской и полтавской губерніяхъ выкупной платежъ съ десятины близокъ къ двумъ рублямъ, хотя, конечно, качество земли въ этихъ губерніяхъ значительно выше средняго качества земли въ царствѣ польскомъ, гдѣ почти вовсе нѣтъ чернозема и преобладаетъ глинистая и супесчаная почва. Къ тому же, наши крестьяне платятъ еще особую государственную поземельную подать, доходящую въ только-что названныхъ губерніяхъ до 10—12 коп. съ десятины.

Изъ специальныхъ налоговъ обращаютъ на себя вниманіе: трашепортный, взимаемый по дымамъ; квартирный—представляющій собою денежную постоянную повинность (и облагающій усадьбы перваго разряда 35 копѣйками, а втораго разряда—20 коп.), сборы на страхованіе отъ пожаровъ, и страхованіе скота и дорожный сборъ. Обычая

сумма ихъ, по словамъ г. Анучина, доходить до 1.568,000 руб., то есть до суммы почти равной подымной подати. Но всѣ эти налоги не слѣдуетъ принимать во вниманіе при сравненіи государственныхъ прямыхъ налоговъ: такъ какъ они спеціальны и имѣютъ болѣе или менѣе мѣстное значеніе, то ихъ всего удобнѣе сравнивать съ нашими земскими сборами. При такомъ сравненіи сумма въ 1.568,000 руб. не покажется значительною, такъ какъ она относится къ четырнадцатимилліонному населенію, владѣющему почти пятью милліонами десятинъ земли. У насъ, въ одной херсонской губерніи, — по пространству вдвое меньшей противъ царства польскаго, а по населенію вѣдѣро меньшей, — собирается земскихъ сборовъ до милліона рублей. Правда, за то наши земскія губерніи пользуются представительствомъ въ общественныхъ дѣлахъ и сами опредѣляютъ назначеніе болѣе или менѣе своей земскихъ суммъ, чего въ царствѣ польскомъ нѣтъ; но вѣдь мы здѣсь разсматриваемъ исключительно одну только сторону дѣла — степень значительности повинностей.

Выше мы уже упоминали о мірскихъ сборахъ въ гминахъ, которые составляли въ 1873 году 811 тысячъ рублей. Вслѣдствіе безусловнаго характера гминъ и эти сборы не остаются чисто крестьянскими, почему облагаютъ не восемь, а слѣшкомъ пятнадцать милліоновъ морговъ земли. Въ сельскихъ гминахъ этого сбора выходитъ отъ 5 до 9 коп. съ морга, а въ посадскихъ до 19 копѣекъ. Гминные сборы нельзя смѣшивать ни съ государственными, ни съ земскими, такъ какъ у насъ имъ соотвѣтствуютъ волостные и сельскіе сборы, несущіе общее названіе „мірскихъ“. По размѣру своему, наши мірскіе сборы тоже окажутся выше гминныхъ сборовъ царства польскаго.

Разобравъ налоги каждый въ отдѣльности, посмотримъ еще на общую ихъ совокупность. Г. Анучинъ дѣлаетъ выводъ послѣдней на одинъ моргъ земли, причѣмъ оказывается, что въ огромномъ большинствѣ всѣхъ гминъ, именно въ 1,006, всѣхъ податей приходится на одинъ моргъ отъ 50 копѣекъ до одного рубля; затѣмъ отъ одного до двухъ рублей на моргъ приходится въ 196 гминахъ, отъ двухъ до четырехъ рублей — въ 10, отъ 4 до 6 рублей — въ 4, а отъ 6 до 10 рублей — въ 3. Но есть 94 гмины, гдѣ всѣ подати не доходятъ и до 50 копѣекъ съ морга. Изъ этого видно, что высокое обложеніе имѣетъ мѣсто лишь въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ, и видѣнныхъ, конечно, свое объясненіе; въ большинствѣ же гминъ, польскій крестьянинъ не можетъ считать себя обремененнымъ сравнительно съ русскимъ. Податное дѣло здѣсь представляется наиболѣе удавшимся частію крестьянскаго вопроса; въ будущемъ, оно если и можетъ имѣться, то развѣ къ лучшему, особенно въ виду давно стоящаго

у насъ на очереди общаго вопроса о податной реформѣ; въ дѣлѣ послѣдней, въ царствѣ польскомъ предстоитъ меньше работы, чѣмъ у насъ. Тамъ обложение привилегированныхъ классовъ уже давно состоялось и даже въ довольно значительномъ размѣрѣ. „Дворскій поземельный налогъ“ со всѣхъ землевладѣльцевъ не-крестьянъ теперь составляетъ, какъ можно видѣть изъ контрольныхъ цифръ, болѣе 2½ милліоновъ рублей; а тамъ какъ вся не-крестьянская земельная собственность въ царствѣ польскомъ составляетъ около 10 милліоновъ морговъ, то на моргъ, среднимъ числомъ, приходится тѣже 26 копѣекъ, какія платятъ крестьяне. Независимо отъ поземельнаго налога, дворскія имѣнія платятъ еще и подымную подать, въ размѣрѣ болѣе 500 тысячъ рублей. Плательши личныя земельныхъ собственниковъ въ этой странѣ такимъ образомъ далеко оставляютъ за собою повинности землевладѣльцевъ даже западныхъ губерній, уплачивающихъ такъ-называемый „процентный“ сборъ, не говоря уже о прочихъ.

На этомъ мы окончимъ наши параллели. Ясно, что для польскаго крестьянина сдѣлано много, хотя положеніе его и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые серьезныя вопросы. Лучшею частью реформы представляется податная, а сравнительно слабѣе—поземельная. Будущность крестьянскаго землевладѣнія очень интересна, и за нею надо слѣдить внимательно. Сохранять ли за собою земли мелкіе собственники, или же участки ихъ постепенно будутъ округлять владѣнія болѣе состоятельной крестьянской половины? Что мелкому собственнику труднѣе удерживать за собою земли, это отчасти доказываетъ примѣръ, приводимый у г. Анучина: изъ 42,844 семействъ безземельныхъ крестьянъ, получившихъ маленькіе участки въ подуховныхъ и казенныхъ имѣніяхъ, четвертая часть (10,648) уже продала свои земли другимъ крестьянамъ. Не менѣе интересно знать, какой исходъ ожидается для безземельныхъ и насколько различно будетъ измѣняться экономическое положеніе отдѣльныхъ категорій крестьянъ-собственникововъ.

Г-нъ Анучинъ дополняетъ свои свѣдѣнія еще нѣсколькими данными относительно народнаго образованія, сельскаго кредита и народнаго хозяйства. Оказывается, что число школъ въ послѣднее десятилѣтіе возрастало быстро; до 1865 года всѣхъ сельскихъ училищъ было 848, въ томъ числѣ посадскихъ 266, или около третьей части. Школы эти сосредоточивались преимущественно въ окрестностяхъ Варшавы, такъ что въ одной варшавской губерніи ихъ было 534; Варшава представлялась какъ-бы центромъ, вокругъ котораго школы группировались; но вслѣдъ затѣмъ открылись 1242 новыхъ школы, которыя размѣстились въ разныхъ углахъ страны; всего сильнѣе

увеличились этого рода средства къ образованію въ средѣ униатскаго населенія, которому въ 1873 году принадлежало около 15% общаго числа школъ, между тѣмъ какъ сами униаты въ составѣ населенія представляли только 5%. Насколько децентрализировались школы видно изъ того, что ихъ нѣтъ только въ 260 гминахъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ гминъ есть даже по нѣскольку школъ. Содержаніе школъ въ царствѣ польскомъ обходится почти столько же, какъ и у насъ: всѣ 2,090 школъ стоятъ въ годъ 366 тысячъ рублей; слѣдовательно, на каждую школу приходится около 180 руб. — сумма очень умеренная и едва ли достаточная для успѣха обученія. Пятую часть денежныхъ средствъ на школы даетъ казна, а остальное — сами сельскія общества. Всего болѣе помогало правительство въ восточныхъ губерніяхъ — люблинской и сѣдлецкой. Число учащихся въ 1864 году было 47,551, а въ 1872 достигло 110,551 (въ томъ числѣ цѣлая треть — дѣвочки), или около 2% всего населенія гминъ. Какъ ни представляется значительнымъ приростъ училищъ, однако, все-таки, одно училище приходится еще на 2,523 жителей. Число ссудо-сберегательныхъ касъ доходитъ до 467, изъ которыхъ 258 устроены на средства казны. Остальные 209 имѣютъ капитала 174 тысячи рублей, то-есть почти по 850 рублей на каждое.

Разумѣется, этими чисто оффиціальными данными еще нельзя руководствоваться при заключеніяхъ о дѣйствительномъ успѣхѣ образованія и народнаго кредита, такъ какъ тутъ всего важнѣе внутренняя сторона дѣла, относительно которой у насъ нѣтъ данныхъ. Домашній же опытъ нашъ показываетъ, что бывають и номинальныя школы и номинальныя учащіеся. Потому мы и ограничиваемся однимъ приведеніемъ оффиціальнымъ цифръ, воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ разсужденій по этому предмету. Что же касается данныхъ, опредѣляющихъ положеніе народнаго хозяйства, наиримѣръ касавшихся скотоводства, пчеловодства и т. под., то мы оставляемъ ихъ совсѣмъ безъ рассмотрѣнія просто по недовѣрью къ оффиціальнымъ цифрамъ подобнаго рода. Намъ кажется, что самый трудъ г. Анучина болѣе выигралъ бы, еслибъ былъ посвященъ однимъ только исполнѣннѣмъ достовернымъ даннымъ.

. Θ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1877.

Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1875 годъ, и положеніе у насъ дѣла проповѣди и катехизаціи.—Соотношеніе мѣръ свѣтскихъ и духовныхъ.—Свобода совѣсти, разсматриваемая какъ юридическое начало.—Два взгляда на возможность и необходимость ея.—Брошюра г. Гусева по тому же предмету, ея достоинства и существенные недостатки.—Общій выводъ.

Важнѣйшимъ изъ фактовъ, обнимаемыхъ отчетомъ оберъ-прокурора св. синода за 1875 годъ, представляется присоединеніе къ православію униатовъ губерній сѣдлецкой, люблинской и отчасти сувалеской,—числомъ до 250 тысячъ душъ. Но этотъ фактъ слишкомъ хорошо памятенъ всѣмъ, чтобы было нужно распространяться о немъ при обзорѣ данныхъ годичнаго отчета по духовному управленію, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ и политическое значеніе, восторженное прочимъ даннымъ отчета, къ которымъ мы непосредственно и обратимся. Въ теченіи 1875 года, въ семи губерніяхъ западнаго края вновь воздвигнуто и освящено 85 православныхъ храмовъ и 7 молитвенныхъ домовъ, сверхъ исправленія и возобновленія значительнаго числа церквей. Въ числѣ этихъ послѣднихъ, то-есть возстановленныхъ, заслуживаетъ особаго вниманія храмъ во имя св. Бориса и Глѣба въ Новогрудѣ, который построенъ пять вѣковъ тому назадъ и при которомъ жили творцы уни—Рагоза, Поцѣй и Рутскій. Церковно-приходскихъ школъ въ западныхъ епархіяхъ состояло 3243 съ 83,240 учениками обоого пола. Сюда слѣдуетъ прибавить 371 приходскую школу, съ 11,812 учениками въ рижской епархіи. А такъ какъ общія числа школъ при церквахъ и учениковъ въ нихъ показываются въ 7402 и 205,559, то изъ сопоставленія приведенныхъ чиселъ является замѣчательный результатъ: въ *восьми* западныхъ епархіяхъ состоитъ почти половина всего числа церковныхъ школъ и учениковъ въ нихъ, по всѣмъ *пятидесяти-пяти* епархіямъ, отъ ко-

торыхъ получены свѣдѣнія о числѣ школъ. Число такихъ школъ въ отчетѣ за 1875 годъ оказывается, какъ всегда, ниже числа ихъ въ предшествовавшемъ году (7672); но на этотъ разъ общее число учениковъ не уменьшилось, но нѣсколько возросло (противъ 193,713, бывшихъ въ 1874 году).

Дѣло проповѣди и катехизаціи, по удостовѣренію отчета, обращало на себя особое вниманіе мѣстныхъ архіереевъ. Съ цѣлью наблюденія за проповѣднической дѣятельностью, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ велись проповѣдническіе журналы, въ которыхъ священники должны дѣлать записи, когда и о чемъ ими произнесены были поученія къ прихожанамъ, и журналы эти разсматривались преосвященными. Въ первой части настоящей статьи, то-есть при краткомъ обзорѣ данныхъ отчета (по духовному вѣдомству, мы по необходимости стоимъ не исключительно на свѣтской точкѣ зрѣнія, но имѣемъ въ виду и цѣли церкви, насколько онѣ доступны нашему пониманію. Мы находимся здѣсь въ положеніи сочувствующихъ слушателей, и если позволяемъ себѣ почтительныя оговорки, то все-таки не упускаемъ изъ виду тѣхъ цѣлей церкви, о достиженіи которыхъ естественно идетъ рѣчь въ отчетѣ. Подобную замѣтку мы должны посвятить и проповѣди и катехизаціи. То и другое дѣло столь важно, что для развитія ихъ необходимо принимать всѣ мѣры. Но, признаемся, — цѣлесообразнѣе казались бы намъ не тѣ мѣры наблюденія и контрольных формальностей, о которыхъ постоянно упоминается въ отчетахъ. Записыванье въ журналъ, одобреніе прилежныхъ проповѣдниковъ и замѣчанія проповѣдникамъ нерадивымъ едва ли способны столь неминуемо двинуть впередъ дѣло проповѣди, какъ могло бы сдѣлать именно уменьшеніе наблюденія въ извѣстномъ смыслѣ. Дѣло проповѣди можетъ быть успѣшно только подъ условіемъ собственной охоты и нѣкотораго простора, необходимыхъ для жизненности проповѣдническаго слова. Чѣмъ менѣе оно облегчено и обставлено формальностями, тѣмъ лучше. Вотъ почему представлялось бы даже полезнымъ подвергнуть пересмотру статьи 9 и 12 устава духовныхъ консисторій, въ которыхъ установлено, что поученія, произносимыя священниками, представляются, прежде произнесенія ихъ, благочинному или цензору, а въ случаѣ невозможности этого, должны непременно быть представляемы цензору послѣ произнесенія ихъ, а цензоры доносятъ консисторіи „о неисправныхъ, разумѣя подъ сими наименованіемъ какъ тѣхъ, кои уклоняются отъ произнесенія проповѣдей и поученій, такъ и тѣхъ, кои къ составленію оныхъ не прилагаютъ *должнаго тщанія*“. Ясно, что послѣднее опредѣленіе слишкомъ растяжимо и даетъ цензорамъ такія права, которыя не могутъ не стѣснять проповѣдника весьма сильно при самомъ составленіи

имъ проповѣдей, не могутъ не уменьшать въ немъ охоты къ ихъ произнесенію.

Переходя къ катехизаціи, то-есть къ краткому, систематическому изложенію православнаго вѣроученія, мы вполне оцѣняемъ слова отчета, что „этотъ видъ проповѣдничества всего болѣе соответствуетъ потребностямъ большинства простаго народа, мало вѣдущаго и недостаточно разумющаго истины вѣры“. Не можемъ не замѣтить по поводу этихъ словъ, сколько произвольной иллюзіи заключается въ основаніи ученія славнофиловъ,—что такъ какъ православіе составляетъ самобытную основу духа русскаго народа, то все общество, получившее западно-европейское образованіе, представляется оторваннымъ отъ народа, и должно искать въ немъ идеаловъ для самобытной русской культуры. Что нашъ народъ усерденъ къ церкви и соблюдаетъ обряды, это не подлежитъ сомнѣнію. Но онъ дѣйствительно такъ „маловѣдущъ и такъ недостаточно разумѣетъ истины вѣры“, что особенности религіознаго элемента входятъ только въ его бытъ, обычаи, а не въ сознаніе. Не только образованное общество безъ всякаго сравненія лучше, тѣмъ масса народа, знаетъ, въ чемъ состоитъ православіе и понимаетъ его отличіе отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, но масса народа только теперь въ школахъ, устроенныхъ по западному образцу, начинаетъ приобрѣтать понятія о самыхъ элементарныхъ догматахъ православія. Между тѣмъ, когда говорится о „самобытной основѣ народнаго духа“,—то неужели же ею могутъ быть обряды, а не знаніе догматовъ православія? Если поставить вопросъ на чистоту, виѣ громкихъ фразъ, то окажется, что образованное русское общество „отшатнулось“ и „оторвалось“—отъ нашей самобытной основы народнаго духа?—отъ *незнанія* самыхъ догматовъ и самаго духа ученія православной церкви, отъ „малаго вѣдѣнія и недостаточнаго разумѣнія истины вѣры“!

• Но возвратимся къ отчету. Не упуская изъ виду церковной точки зрѣнія, мы не можемъ однако не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, чертахъ дѣятельности мѣстнаго духовенства усматривается какъ-бы смѣшеніе мѣръ свѣтскихъ съ мѣрами духовными. Такъ, начальникъ калужской епархіи пригласилъ священниковъ, чтобы они „старались узнавать о появленіи у прихожанъ вреднаго и возмутительнаго содержанія книгъ и употребляли мѣры къ истребленію оныхъ и внимательно наблюдали за преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ и за нравственными свойствами учителей; о наблюденіяхъ же своихъ сообщали благочиннымъ для дальнѣйшаго распорядженія“. Въ этомъ еще нѣтъ полнаго вторженія въ область мѣръ свѣтскихъ и ничего несогласнаго съ духовнымъ призваніемъ, хотя на-

блюденіе собственно надъ „правственными свойствами“ учителей, казалось бы, и излишне—достаточно наблюдать за преподаваніемъ. Но священники были приглашены сверхъ того, „чтобы они строго наблюдали за появленіемъ въ ихъ приходяхъ людей стороннихъ, невѣдомыхъ, и внушали прихожанамъ не принимать на жительство такихъ неизвѣстныхъ лицъ и не входить въ сношенія съ ними и въ бесѣды“. Это уже, казалось бы, выходитъ изъ прямого назначенія духовенства, не говоря о томъ, къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ подать поводъ подобное распоряженіе. Ученый, пріѣхавшій для этнографическихъ изслѣдованій, да—даже члены разныхъ правительственныхъ комиссій, инженеры, производящіе изысканія и т. д., могутъ вслѣдствіе его подвергнуться въ иныхъ мѣстахъ непріятностямъ и крайне неумѣстнымъ столкновеніямъ. Строго наблюдая, подъ отвѣтственностью предъ своимъ начальствомъ, за всякимъ человѣкомъ стороннимъ, остановившемся въ селеніи (если его тамъ кто-либо еще приметъ послѣ такихъ внушеній), священникъ можетъ поставить себя невольнио въ самое неловкое положеніе. Казалось бы, духовенству и своего гораздо болѣе высокаго призванія довольно.

Число лицъ, присоединившихся къ православію въ 1875 году, если исключить 250 т. униатовъ, составляло 9016 и было почти равно соответствовавшей цифрѣ 1874 года—9033 души. Приводимъ разложеніе нынѣшней цифры по прежнимъ исповѣданіямъ обратившихся, сопоставляя, въ скобкахъ, цифры предшествоващаго отчета: католиковъ 1364 (1707), армянъ 7 (11), протестантовъ 763 (732), евреевъ 430 (427), магометанъ 451 (747); язычниковъ 3248 (2519); раскольниковъ, присоединившихся безусловно 1813 (1638), на правлахъ единовѣрія 933 (1252). Въ этихъ цифрахъ заслуживаетъ вниманія возрастаніе числа обращенныхъ язычниковъ.

Спеціально по отношенію къ обращенію раскольниковъ, изъ отчета видно, что дѣлались значительныя и успѣшныя усилія, и притомъ, какъ удостовѣряетъ отчетъ, усилія эти „были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ терпимости, христіанской любви и снисхожденія къ заблуждающимъ“. Успѣхъ мѣръ кротости, мѣръ чистодуховнаго свойства позволяетъ надѣяться, что сами іерархи православной церкви сохранили бы увѣренность въ дальнѣйшихъ успѣхахъ на этомъ священномъ и безобидномъ пути, даже при осуществленіи въ законѣ свѣтскомъ начала свободы совѣсти.

Свобода сообразоваться съ личной своей совѣстью въ дѣлахъ вѣры или свобода совѣсти есть одно изъ коренныхъ, прирожденныхъ правъ человѣка. Неприкосновенность этого права можетъ быть установлена ничѣмъ инымъ, какъ полнымъ раздѣленіемъ въ законѣ

понятій о свѣтскомъ и духовномъ, выдѣленіемъ изъ гражданскаго закона всѣхъ элементовъ вѣроисповѣдныхъ—въ иную сферу. Такая реформа необходима какъ дополнение реформъ доселѣ у насъ произведенныхъ, и не можетъ быть откладываема уже потому, что въ другихъ странахъ освобожденіе отъ свѣтскихъ каръ за перемѣну вѣры по большей части предшествовало всѣмъ инымъ реформамъ. Упомянутое преобразование не можетъ быть откладываемо еще и по другимъ соображеніямъ. Безъ него, всякое дальнѣйшее расширеніе начала самоуправленія, ставя лицомъ къ лицу въ практической дѣятельности такія народныя группы, между которыми вѣроисповѣдныя законы поддерживаютъ зависть и недоувѣріе, непременно поведетъ къ возбужденію въ Россіи борьбы между многочисленными диссидентами и православнымъ большинствомъ, и чѣмъ обширнѣе примѣнится начало общественнаго самоуправленія, тѣмъ неизбѣжнѣе такая вѣроисповѣдная борьба. Стало быть, устраненіе вѣроисповѣдныхъ различій изъ законовъ благоразумно было бы осуществить заранѣе.

Съ другой стороны, отсрочка такой реформы производитъ на каждомъ шагѣ явленія, противорѣчащія смыслу реформъ уже сдѣланныхъ. Закрѣпощеніе совѣсти противно освобожденію народнаго труда. Принужденіе суда, осуществленнаго на самыхъ либеральныхъ началахъ, ежегодно приговаривать десятки челоувѣкъ къ лишенію правъ состоянія, ссылки и тюрьмѣ по устарѣлымъ вѣроисповѣднымъ законамъ, смущаетъ и судей, и слышащихъ ихъ приговоры. Сѣченіе штундистовъ на югѣ на ряду съ разрѣшеніемъ протестантскимъ церквамъ въ Петербургѣ права на большіе колокола, болѣзненно рѣжетъ ухо не одной мыслью о несправедливости и страданіи, но и не менѣе тяжкимъ—ощущеніемъ неправды въ жизни.

Наконецъ, дальнѣйшее откладываніе реформы, которая требуется матеріальными интересами милліоновъ людей въ государствѣ и умственными интересами всѣхъ, не можетъ быть основано ни на одномъ хотя бы только практическомъ соображеніи. Менѣе всего о ней именно можно сказать, будто она была бы несвоевременна. Она требуется общими, самыми серьезными интересами, и не угрожаетъ государственному порядку никакой опасностью. Пусть говорили бы, что она была несвоевременна до отиѣны крѣпостного права. Возраженіе это не было бы логично, но все-таки имѣло бы тѣнь пракческаго смысла. Но въ какое же время проведеніе ея можетъ быть своевременнѣе, если не теперь, когда оно такъ легко можетъ быть осуществлено правительственной властью и не коснется малѣйшей доли ея полноправія? Какая же другая первостепенная реформа мыслима теперь въ равныхъ условіяхъ совершеннаго отсутствія какихъ-либо дальнѣйшихъ уступокъ самоуправленію? Кто-нибудь под-

скажетъ намъ: а введеніе подоходнаго налога? Мы не хотимъ уклоняться отъ предмета, чтобы уяснять, что одна изъ этихъ реформъ не можетъ замѣнить другую и не можетъ мѣшать другой. Но признаемся, что мысль о введеніи подоходнаго налога отчасти лишилась значенія въ нашихъ глазахъ вслѣдствіе слуховъ, что если налогъ этотъ осуществится, то будетъ введенъ не въ видѣ преобразованія податной системы, но въ видѣ добавленія къ существующимъ и имѣющимъ быть сохраненными податями.

Но не о томъ наша рѣчь. Изъ сказаннаго выше ясно, что теперь, именно въ настоящій моментъ русской исторической жизни—очередь за реформой въ смыслѣ свободы исповѣданія вѣры, свободы совѣсти. Авторъ одной, недавно вышедшей, брошюры, посвященной этому предмету, г. Гусевъ, справедливо начинаетъ ее замѣчаніемъ, что „Вѣстникъ Европы“ съ самыхъ первыхъ годовъ своего изданія старался пользоваться малѣйшимъ (?) поводомъ, чтобы поговорить о необходимости отдѣленія у насъ церкви отъ государства, провозглашенія полной свободы совѣсти, освобожденія нашего законодательства отъ малѣйшей (хотя бы крупнѣйшей—замѣтимъ мы) примѣси клерикальнаго элемента, будто бы слишкомъ проникающаго это законодательство. Это вѣрно, за оговоркою, что въ виду у насъ, къ сожалѣнію, были поводы не „малѣйшіе“, но вопіющіе. Когда однихъ сѣкутъ за ересь (штундисты), другіе—годъ и десяти лѣтъ сидятъ въ затворахъ монастырей для „увѣщанія“ (расколучители), третьи лишены права жить въ болѣе части государства (евреи), четвертые подвергаются приговорамъ либерально-устроенныхъ, но принуждаемыхъ буквой закона судовъ, за простой фактъ открытаго совершенія богослуженія (раскольники), когда многочисленныя категоріи иноувѣрцевъ лишены правъ государственной службы—и мы все-таки говоримъ о свободѣ совѣсти, то побуждаютъ насъ къ тому поводы не „малѣйшіе“.

Прибавимъ, что мы начали нашу рѣчь объ этомъ въ то время, когда 11 милл. душъ раскольниковъ (и, вѣроятно, больше) состояли совершенно внѣ гражданскихъ законовъ, считались поголовно незаконнорожденными и живущими въ прелюбодѣланіи, стадо-быть, не имѣющими правъ ни на отцовское названіе, ни на отцовское наследство. И вотъ, при существованіи такихъ-то условій, на первыя слова наши мы слышали иногда возраженія такого рода, что „стоить ли объ этомъ говорить и то ли нужно Россіи?“ Насъ подобныя возраженія нисколько не смущали. Первымъ словомъ всѣхъ, что называется, „не проймешь“. Но мы очень хорошо понимали, что Россіи весьма нужно, чтобы въ ней не сѣкли и не держали людей въ затворахъ изъ-за вѣры, чтобы миллионы людей не признавались въ ней незаконнорожденными. Объ этомъ, очевидно, „стоило говорить“, и

интересъ здѣсь былъ весьма практическій. Былъ, и есть, здѣсь и интересъ высшаго разряда: интересъ уравненія нашего съ образованнымъ міромъ въ одной изъ важнѣйшихъ областей жизни нравственной. Стоя одной ногой въ среднихъ вѣкахъ, неловко заносить другую въ догонку за современностью.

Мы не имѣемъ притязанія утверждать, что необходимость реформы, въ смыслѣ отмѣны государственной опеки и государственнаго принужденія въ дѣлахъ вѣры, открыта нами. Кто открылъ необходимость освобожденія крестьянъ? Подобныя вещи „не открываются“. Даже не мы первые замолвили объ этомъ слово въ русской журналистикѣ. Честь почина принадлежала писателямъ, съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго, кромѣ одного этого пункта—славянофиламъ. Но мы исходили изъ иной точки и ставили вопросъ иначе. Такъ какъ теперь вопросъ этотъ уже сильно заинтересовалъ русское общество, такъ какъ великій интересъ религіозной свободы уже не отрицается и, по замѣчанію автора брошюры, о которой мы упомянули и еще будемъ говорить ниже, „выдвинулся на самое видное мѣсто въ нашей журналистикѣ“, и почтенный авторъ могъ уже сдѣлать опытъ представить сводъ „журнальныхъ и газетныхъ разсужденій о свободѣ совѣсти“ (таково названіе этой брошюры),—то и мы считаемъ не лишнимъ указать два главныхъ направленія, которымъ такіа разсужденія въ русской печати слѣдуютъ.

Одно изъ нихъ опредѣляется, въ сущности, воззрѣніемъ славянофиловъ, другое—нашимъ воззрѣніемъ на вопросъ. Стало быть, необходимо съ точностью указать различіе этихъ основныхъ воззрѣній. Славянофильскія воззрѣнія вообще, какъ мы уже не разъ замѣчали, весьма близки по своей сущности къ извѣстнымъ уваровскимъ тремъ началамъ. Само собою разумѣется, что изъ этихъ началъ славянофилы выводили не тѣ послѣдствія, какія изъ нихъ выводились толкователями должностными. Но все-таки начала эти присущи славянофильскому ученію, и вотъ почему всѣ тѣ требованія, съ которыми славянофилы обращались когда-либо къ совокупности наличныхъ фактовъ, объясняемой тѣми началами, были всегда внутренне слабы. Иногда они доходили до самопротиворѣчія, но всегда требованія ихъ, съ извѣстной стороны, можно было опровергнуть слѣдующимъ возраженіемъ: „вы хотите только свободной санкціи того, что уже принудительно существуетъ въ дѣйствительности, стало быть вы только хотите дойти долгимъ путемъ до того же, къ чему избранъ путь болѣе краткій,—принудительный“.

Такъ, специально въ вопросѣ объ отмѣнѣ свѣтскаго принужденія и опеки въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ вѣры вообще, каково основное побужденіе славянофиловъ? Интересъ православной церкви,

торжество православія. „Церковь православная,—писалъ г. Самаринъ,—построена на свободѣ и поэтому ей нѣтъ причины бояться чьей-либо и какой-либо свободы. Для нея страшенъ не исходъ борьбы враждебныхъ силъ, свободно на нее наступающихъ съ силами одинаково свободно обороняющими ее, а страшенъ покой безмолвія и бездѣйствія, въ упованіи на специальное покровительство, избавляющее отъ труда самозащиты и самоисправления... Раскрѣпляя личную совѣсть, правительство, конечно, не забудетъ, что одинаковое право на свободу и одинаковую въ ней потребность имѣетъ и коллективная совѣсть вѣрующихъ, иначе *совѣсть церкви*. Правда, она утратитъ специальное покровительство власти, но въ то же время выйдетъ изъ-подъ ея специальной, мертвящей опеки и получитъ опять свободу самозащиты, свободу проповѣди, свободу внутренняго строенія“. На эти слова г. Самарина ссылается г. Гусевъ въ оправданіе отиѣны принудительныхъ мѣръ. Съ ними же согласенъ и весь строй его разсужденій, съ ними же сходятся и разсужденія всѣхъ тѣхъ, кто доказываетъ, что православная церковь можетъ, нисколько не противорѣча своимъ догматамъ и правиламъ, нисколько не подвергая себя опасности, отказаться отъ всякихъ принудительныхъ и карательныхъ мѣръ свѣтскаго закона и можетъ отъ такой отиѣны только выиграть. На эту точку становятся нынѣ многіе органы, разсуждая о свободѣ совѣсти или свободѣ вѣры. На ней стоитъ главнымъ образомъ и газета „Голосъ“, которой дѣятельность по этому вопросу заслуживаетъ полной похвалы и сочувствія.

Но такая постановка вопроса намъ все-таки представляется невѣрной въ самомъ своемъ корнѣ, а потому и вся аргументація, изъ нея истекающая, не имѣетъ никакой цѣльности и весьма слаба. Лично мы совершенно согласны, что провозглашеніе свободы совѣсти, вмѣстѣ съ отиѣною государственной опеки надъ церковью, послѣдней могло бы быть только полезно. Мы вполне сочувствовали бы тому іерарху, который разсуждалъ бы такъ. Но въ нашемъ качествѣ органа потребностей гражданскаго общества, мы не можемъ преимущественно останавливаться на точкѣ интересовъ одной церкви и дѣлѣ, которое касается самымъ непосредственнымъ образомъ общихъ гражданскихъ интересовъ. Мы находимъ невозможнымъ разсуждать такъ, что съѣчь штундистовъ не надо потому, что это противорѣчитъ правильно понятому интересу церкви; что раскоучителей не надо содержать въ монастырскихъ затворахъ, а богоульцовъ ссылать въ каторжную работу потому, что этого не требуютъ догматы, и т. и. Мы говоримъ, что дѣлать это не слѣдуетъ просто потому, что это несправедливо, такъ какъ нарушаетъ естественныя права человѣческой личности и противорѣчитъ цѣлямъ государства, которое ихъ охраняетъ.

Вотъ почему мы выясняли, что весь этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ исключительно на почву юридическую, такъ какъ самая его сущность—гражданскія права и содержаніе свѣтскихъ законовъ—чисто-юридическое. Стоя на нашей точкѣ зрѣнія, мы знаемъ, что насъ опровергнуть совершенно невозможно. Мало того: съ нея мы вполне твердо и ясно можемъ формулировать, какіе имѣются поводы для реформы и въ чемъ она могла бы заключаться. Только съ этой, нашей точки зрѣнія всѣ элементы этого вопроса: свобода личной совѣсти, отдѣленіе церкви отъ государства, самостоятельность церкви—представляются въ органической, ненарушимой связи.

Съ другой же точки зрѣнія, внутри которой лежитъ собственно славянофильское воззрѣніе о свободѣ совѣсти во имя однихъ интересовъ церкви, хотя большинство становящихся нынѣ на эту точку даже не подозреваетъ, съ чьего голоса они говорятъ—все представляется слабымъ, запутаннымъ, и различные элементы вопроса могутъ быть разрѣшены независимо одинъ отъ другого, и произвольно. И дѣйствительно, въ то время, какъ изъ немногихъ, сказанныхъ нами выше словъ о точкѣ зрѣнія *юридической*, всякъ выведетъ одинъ и тѣ же практическія послѣдствія,—всѣ, разсуждающіе съ точки зрѣнія церковной, приходятъ къ выводамъ различнымъ: одинъ наиболѣе хлопочетъ только о самостоятельности церкви; другой утверждаетъ, что самая „свобода совѣсти“—понятіе несуществующее, такъ какъ оно состоитъ изъ двухъ понятій, взаимно исключающихъ себя; третій говоритъ, что отмѣнить надо только карательныя мѣры, но государственное покровительство надъ церковью должно оставить въ силѣ; четвертый приходитъ къ такому выводу, что и карательныя мѣры не слѣдуетъ отмѣнять всѣ вдругъ, и предоставляетъ неизвѣстно кому рѣшить, какія изъ нихъ нужно отмѣнить, какія пока оставить въ силѣ; пятый говоритъ, что государство и церковь должны составлять цѣльный организмъ и о раздѣленіи ихъ не можетъ быть и рѣчи; шестой — что и сохраненіе карательныхъ мѣръ вполне согласно съ природою и потребностями этого организма. Подъ каждымъ изъ этихъ выводовъ мы могли бы поставить имена. Словомъ—выходитъ дѣло чистаго произвола, личнаго вкуса. И дѣйствительно, въ разсужденіяхъ о свободѣ совѣсти съ точки зрѣнія интересовъ церкви оказался уже нынѣ совершенный хаосъ.

Но прежде всего—эти разсужденія слабы по самой своей сущности. Мы вполне раздѣляемъ убѣжденіе славянофиловъ, что свобода соответствуетъ интересамъ самой церкви. Но какое, въ сущности, право имѣютъ они или имѣемъ мы указывать ей ея интересы, разъяснять ей догматы и каноническія правила? Православная церковь не есть отвлеченная теорія, но существующій и дѣйствующій священный ав-

торитетъ. Становится на точку зрѣнія интересовъ церкви и съ этой точки зрѣнія доказывать пользу преобразования, хотя бы свѣтскихъ законовъ, мы не то что имѣемъ менѣе права, чѣмъ іераркія, но въ сущности вовсе не имѣемъ такого права. Мы не имѣемъ никакого права доказывать, что что-либо согласно или несогласно съ догматами и каноническими правилами. Какъ бы логично ни были построены подобныя наши разсужденія, они разлетятся въ прахъ отъ одного напоминанія, что одной церкви принадлежитъ право толкованія ея догматовъ и правилъ, одной ей доступно опредѣлять и указывать всѣмъ истинные ея интересы.

Положимъ, мы оставили въ сторонѣ исторію вселенской церкви въ византійской имперіи, отложили исторію русской помѣстной церкви, исторію нашихъ патріарховъ и исторію вліянія церкви на все наше законодательство. Положимъ, мы, вмѣстѣ съ славянофилами, сознали въ себѣ вдохновеніе уразумѣть и оцѣнить то въ самомъ дѣлѣ величественное, на нашъ взглядъ, зданіе, какое представила бы русская церковь, не только оживленная самостоятельностью, но и пренебрѣвшая полицейскими мѣрами, омыленная свободой проповѣди, привлеченіемъ къ себѣ лучшихъ силъ общества, сблизившая своимъ официальнымъ, но живымъ словомъ, общество съ народомъ. Пусть, — въ виду достиженія такой, по нашему личному убѣжденію, великой цѣли, рѣшенія задачи истинно-плодотворной, — мы предложили отгнѣну опеки надъ церковью, и отказъ ея самой отъ опеки надъ свѣтскимъ закономъ, устраненіе всѣхъ мѣръ карательныхъ, принудительныхъ, всѣхъ условій жертвящихъ, дарованіе простора силамъ истинно-духовнымъ.... Но что мы сдѣлаемъ, если намъ возразили бы съ компетентной стороны, что не наше дѣло опредѣлять интересы церкви; что лучше всего они обезпечиваются существующимъ, или что изъ нашей программы нѣчто могло бы быть допущено, и другое не могло бы? Намъ оставалось бы только повернуться: иначе мы вступили бы въ противорѣчіе съ собственнымъ основнымъ принципомъ и даже впали бы въ ересь.

„Домашняя Бесѣда“ могла бы намъ сказать: „допустимъ, что осуществилась бы та свобода, которой славянофилы и ихъ несознательные послѣдователи требуютъ въ интересахъ церкви. Допустимъ, что свобода эта повела бы къ полному торжеству православія. Въ чемъ же оно выразилось бы въ конечномъ результатѣ? Въ томъ, конечно, что русское общество, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, всѣ члены русскаго государства стали бы жить, думать и дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ священный авторитетъ, который предполагаетъ и допускаетъ не разномысліе, но единомысліе ради спасенія. Но для чего же избирать такой продолжительный и гадательный путь, когда про-

обладаніе церкви есть фактъ, существующій теперь именно въ силу тѣхъ законовъ, которые вы легкомысленно хотите отмѣнить?" Мы, конечно, не согласились бы съ этимъ взглядомъ, но безусловно его опровергнуть все-таки не могли бы, а если бы онъ высказанъ былъ не газетю, но со стороны болѣе компетентной, то мы принуждены были бы или покориться, оставаясь на точкѣ зрѣнія церковныхъ интересовъ, или сойти съ этой точки.

Мы предпочли — не вступать на нее. Въ вопросахъ о личныхъ правахъ гражданъ, о функціяхъ государства для обезпеченія безопасности и благосостоянія его подданныхъ, нѣтъ никакого повода слодить съ точки зрѣнія юридической. Но такъ какъ многіе, вслѣдъ за славянофилами, говорятъ въ пользу гражданской свободы, имѣя въ виду не ее, а интересы церкви, искренно-ли (какъ славянофилы) или въ виду практическаго аргумента, которымъ думаютъ легче подѣйствовать, — то намъ и пришлось теперь выяснить это. Только юридическая точка зрѣнія даетъ возможность поставить весь вопросъ, независимо отъ какихъ-либо возраженій и съ совершенной опредѣленностью выводовъ и цѣльностью всѣхъ сторонъ предполагаемой реформы. Иначе пришлось бы разсуждать, какъ разсуждалъ, напримѣръ, отецъ Янышевъ, что отмѣнить карательныя мѣры въ дѣлахъ вѣры можно только тогда, когда духовенство сдѣлаетъ значительные успѣхи въ усвоеніи качествъ, которыя онъ указывалъ; иными словами: что полиція должна охранять вѣру потому, что духовенство неспособно охранять ее. Если бы такъ говорилъ не ректоръ петербургской духовной академіи, но человѣкъ свѣтскій, то мы сочли бы это даже обиднымъ для духовенства. Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ этомъ отношеніи факты говорятъ противъ принужденія. Г. Гусевъ заключаетъ, что раскольники, зная о враждебныхъ отношеніяхъ гражданскаго законодательства къ расколу, „часто отказывались и отказываются вступить съ православнымъ духовенствомъ въ пренія по дѣламъ вѣры въ присутствіи представителей полицейской власти“, и приводитъ изъ „Церковнаго Вѣстника“ слѣдующій фактъ. Раскольники города Рѣжицы, витебской губерніи (въ 1874 г.) до тѣхъ поръ не хотѣли вступать въ какия бы то ни было объясненія по дѣламъ вѣры съ миссіонерами о. Павломъ прусскимъ и о. Голубевымъ, пока не удался исправникъ. Подобные случаи весьма краснорѣчивы. Не менѣе краснорѣчивы и многочисленные случаи отпаденія въ магометанство обращенныхъ татаръ, несмотря на существующія принудительныя мѣры. Но это, повторяемъ, такіа соображенія, которые убѣдительно лишь по столько, на сколько ихъ признаетъ убѣдительными сама церковь, т. е. ея управленіе и іерархія.

Не таковы тѣ соображенія, въ силу которыхъ свобода совѣсти и

отдѣленіе духовнаго отъ свѣтскаго представляются совершенно необходимыми съ юридической точки зрѣнія. Государство не имѣетъ цѣлью спасенія душъ. Цѣль этого чисто-мірскаго учрежденія—безопасность и благосостояніе людей, къ государству принадлежащихъ. Для достиженія этой цѣли, государство налагаетъ обязанности, повинности и жертвы на своихъ членовъ. Но для достиженія той же цѣли—оно должно предоставлять своимъ членамъ пользованіе всѣми ихъ естественными правами, то-есть личной свободой, насколько личная свобода каждаго не нарушаетъ ни правъ другого, ни постановленій государства, имѣющихъ цѣлью общую безопасность и общее благосостояніе. Мы ставимъ высоко въ нравственномъ смыслѣ религиозное чувство и глубоко уважаемъ религиозныя вѣрованія. Мы признаемъ, что для истинно-вѣрующаго—религія выше всего, выше самыхъ законовъ государства, выше личныхъ интересовъ и самой жизни. Но это—потребности и интересы совершенно иной сферы.

Если въ области умственной жизни человѣка что-либо можно хоть издали сравнить съ религіей, то это—науку. Человѣкъ можетъ ставить интересы науки выше всѣхъ бранныхъ, житейскихъ интересовъ; онъ можетъ давать законамъ, добытымъ наукою, болѣе высокое и неопровержимое значеніе, чѣмъ всему своду законовъ государственныхъ. Онъ можетъ думать, что, напримѣръ, законы свѣтовой прзмы, тяготѣнія тѣлъ, химическаго сродства—неопровержимѣе самыхъ основъ мірскаго законодательства, и, какъ начала вѣчныя, стоятъ неизмѣримо выше всѣхъ видамѣняющихся юридическихъ основъ. Но все это—интересы совершенно иной сферы. Религія и наука, существуя въ сознаніи людей, дѣйствуютъ въ государствѣ потому, что люди живутъ въ государствѣ. Живя въ государствѣ, люди однако совершенно независимо отъ него вѣрують въ истинны религіи и признають законы науки. Ни религія, ни наука не могутъ утверждаться принудительными постановленіями мірскаго закона. Ихъ область—внутреннее сознаніе, убѣжденіе, которое никакимъ принужденіемъ не достигается. Подобное внѣшнее принужденіе даже противно достоинству какъ религіи, такъ и науки. Только въ физическихъ, но не въ юридическихъ предѣлахъ государства происходятъ отправленія какъ религіи, такъ и науки: воссылаются вѣрующими мольбы къ Верховному началу, совершаются жертвоприношенія, исполняются обѣты, согласно съ догматами каждаго вѣроученія; изслѣдуются законы природы, сравниваются, провѣряются и дополняются научные выводы, подвигается впередъ человѣческое знаніе, обогащается умственное достоиніе человѣчества. Но государство не можетъ и не должно вторгаться въ эту священную область внутренней жизни чувства и разума своими внѣшними постановленіями. Отношеніе діаметра къ окружности круга не

утверждено никакимъ государственнымъ закономъ; государство не можетъ и не должно преслѣдовать того, кто бы сталъ утверждать, что это—отношеніе величинъ соизмѣримыхъ. Какъ ни непреложны законы математическіе и физическіе, но не дѣло государства заносить ихъ въ сводъ положительныхъ законовъ и обращать ихъ въ принудительныя. Этимъ оно ничего не могло бы прибавить къ достоинству законовъ внутренней жизни, не могло бы сдѣлать законовъ вѣры священнѣе, а законовъ науки беспорнѣе. Напротивъ, вступивъ въ такую, неподлежащую себѣ сферу, государство стѣснило и нарушило бы ту свободу, которой умственная жизнь неумолимо требуетъ, стало бы иногда въ разрѣзъ съ священнѣйшимъ убѣжденіемъ человѣка, а развитіе науки иногда сдѣлало бы невозможнымъ.

Это было бы и совершенно излишне, потому что оно несвойственно юридическимъ опредѣленіямъ, которыми дѣйствуетъ государство. Но, съ другой стороны, у него должны быть въ виду интересы личной безопасности и благосостоянія, которые оно обезпечивать можетъ и должно. Таковъ интересъ каждаго, кто, не угрожая опасностью государству и не нарушая ничьихъ личныхъ правъ, желаетъ только жить спокойно, пользуясь всѣми своими естественными правами, вѣруя въ то, во чтѣ увѣровалъ, зная то, чтѣ знаетъ, занимаясь тѣмъ, въ чему способенъ. Эту непосредственную обязанность государство тотчасъ нарушило бы, еслибъ предприняло, безъ всякой пользы для себя и противъ самаго своего свойства и назначенія, обязывать гражданина, чтобы онъ не только не нарушалъ общей безопасности и благосостоянія, но еще отрекся отъ лучшей частицы самого себя: отъ своего вѣрованія, отъ своего убѣжденія и влеченія, отрекся бы отъ такого-то сознанныго имъ религіознаго долга или отъ научнаго убѣжденія въ томъ, что земной шаръ движется. Нарушеніе правъ личности было бы очевидно и никакими рациональными доводами не объяснимо; сверхъ того, это нарушение, конечно, не достигло бы и цѣли, предположенной принужденіемъ: принуждаемый неизбѣжно потомъ, явно или тайно, повторилъ бы изреченіе Галилея: „а все-таки она движется“.

Намъ скажутъ, быть можетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего новаго—и мы съ такимъ возраженіемъ согласимся. Но намъ не скажутъ, что это „всѣмъ извѣстно“. Мы потому именно и вынуждены къ разъясненію по самому существу кореннаго различія между сферою государственно-юридической законности и сферою духовно-внутренней жизни, съ которой имѣетъ дѣло церковь, что во всѣхъ читаемыхъ нами разсужденіяхъ по этому предмету преобладаетъ полное смѣшеніе понятій. Различіе, которое мы проводимъ, стало быть, не только не „извѣстно всѣмъ“, но не ясно даже тѣмъ, которые занимаются

вопросомъ о свободѣ совѣсти и вообще отношеніи свѣтскаго къ духовному.

Такъ, свобода совѣсти во всемъ свѣтѣ разумѣется какъ понятіе чисто-юридическое, какъ принципъ невмѣшательства свѣтскаго закона въ исповѣданіе гражданами той или другой вѣры, какъ правило, что никто къ данному культу не принуждается силою и за отступление отъ него не преслѣдуется. Что можетъ быть проще этого? Но что же мы видимъ въ разсужденіяхъ о столь простой вещи у насъ? Разсуждая о свободѣ совѣсти, о. Ключаревъ поясняетъ, что она можетъ принадлежать только праведникамъ, которые, слѣдуя духу догматовъ и правиламъ церкви, могутъ иногда отступать отъ буквы второстепенныхъ предписаній потому именно, что стоятъ выше ихъ. Ясно, что онъ разумѣетъ свободу совѣсти въ смыслѣ чисто-духовномъ. О. Янышевъ утверждаетъ, что свобода и совѣсть — два понятія, неизмѣющія между собой ничего общаго, такъ какъ совѣсть есть сознание *невольнаго* движенія нравственнаго чувства, и что совѣсть сама по себѣ недоступна никакимъ вѣшнимъ насиліямъ. Да развѣ объ этомъ рѣчь? Говорятъ, что не слѣдуетъ, напр., съѣздить штундистовъ, а почтенный ректоръ академіи отвѣчаетъ, что совѣсть недоступна вѣшнымъ насиліямъ. Говорятъ, что государство, по своему прямому назначенію, не призвано удерживать кого-либо въ вѣрѣ, а о. Янышевъ возражаетъ, что религія не нуждается въ карахъ закона, но что, прежде чѣмъ отиѣнить эти кары, надо выждать, чтобы православное духовенство вооружилось серьезной, теоретической и практической подготовкой для борьбы, то-есть высказываетъ опять-таки убѣжденіе, что цѣлью государства должна быть побѣда духовенства въ его борьбѣ съ иновѣрцами. „Церковно-общественный Вѣстникъ“ еще менѣе всѣхъ другихъ духовныхъ полемистовъ по этому вопросу искавилъ его постановку; онъ ставилъ вопросъ собственно на томъ фактѣ, что смѣшеніе свѣтскаго съ духовнымъ образовалось у насъ исторически, и единственно въ виду такого факта (а не сущности вопроса) предлагалъ переходныя мѣры къ свободѣ совѣсти. Но всѣ эти мѣры заключались въ облегченіи дѣятельности духовенства и матеріальнаго его обезпеченія, и только послѣ практическаго осуществленія всѣхъ относящихся сюда мѣропріятій—духовная газета считала возможнымъ предоставленіе гражданамъ свободы вѣшняго проявленія религіозныхъ убѣжденій и отиѣну свѣтскихъ каръ во дѣламъ вѣры.

Это—почти правильная постановка вопроса. Мы сами всегда ставили и свободу церковной проповѣди и самостоятельность церкви необходимыми условіями отдѣленія церкви отъ государства и дарованіе гражданамъ свободы совѣсти; мы признавали даже, что исте-

рическая связь церкви и государства въ Россіи не можетъ быть устранена безъ матеріальнаго обезпеченія духовенства и, согласно съ этимъ, предлагали учрежденіе особаго церковнаго фонда и предоставленіе вѣдомству церкви въ полное распоряженіе церковныхъ доходовъ съ правомъ отдѣльнаго бюджета и контроля, совершенно независимаго отъ свѣтскаго вмѣшательства. Не постановка вопроса, сдѣланная „Церковно-общественнымъ Вѣстникомъ“, все-таки не безусловно вѣрна, потому что въ ней свобода совѣсти гражданъ не представляется естественнымъ ихъ правомъ, и осуществленіе такого права ставится въ зависимость отъ практическихъ удобствъ для церкви.

Обращаясь теперь къ почтенному автору брошюры „Журнальныя и газетныя разсужденія о свободѣ совѣсти“, мы должны признать въ немъ и благія намѣренія и просвѣщенный умъ, видимо тяготящійся мыслию о полицейскихъ мѣрахъ въ области святой, и большую патристическую начитанность. Посвятивъ значительную часть своего труда разбору нашихъ воззрѣній, онъ сдѣлалъ это покойно и безпристрастно. Но смѣшеніе понятій отразилось и на его аргументаціи и на его выводахъ. Такъ, противъ нашего положенія, что вопросъ о свободѣ совѣсти есть вопросъ чисто-юридическій, онъ возражаетъ, что всякій юридическій вопросъ есть вмѣстѣ и вопросъ нравственный, съ чѣмъ мы готовы согласиться. Но что онъ выводитъ изъ этого? Онъ выводитъ отсюда, что „такъ какъ наша совѣсть не индифферентна къ мысли о Богѣ“, то и „законодательство, служащее истолкованіемъ внушеній и требованій совѣсти, не можетъ и не должно игнорировать и религіозныхъ интересовъ подданныхъ и быть совершенно безразличнымъ къ тому, какъ и чѣмъ удовлетворяются ихъ религіозныя потребности“. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что внушеніе совѣсти и религіозныя интересы, какъ и нѣкоторые другіе нравственные интересы и потребности, не могутъ быть регулируемы законами: во-первыхъ, по самой природѣ этихъ интересовъ и потребностей, во-вторыхъ по ихъ различію въ государствахъ. Изъ того, что всякій вопросъ юридическій есть вмѣстѣ и вопросъ нравственный, логически никакъ не слѣдуетъ, что всякій нравственный вопросъ можетъ и долженъ подлежать юридическимъ опредѣленіямъ. Такъ, напримѣръ, священнѣйшія нравственныя предписанія христіанства: прощеніе обидъ, милосердіе, раздача имущества немущимъ, оставленіе всякой мірской заботы о хлѣбѣ насущномъ, вовсе не могутъ быть предметами обязательныхъ юридическихъ постановленій. Они стоятъ выше закона, но все-таки *отъ* его. Если-бы свѣтское законодательство могло основаться на внушеніяхъ христіанской совѣсти, то оно было бы не похоже ни на одно изъ существующихъ въ мірѣ

положительныхъ законодательствъ, и въ основѣ его уже навѣрно не лежало бы языческое римское гражданское право.

Но этого мало. Какъ только законодательство задается цѣлью быть выраженіемъ любой изъ особенностей религіозныхъ воззрѣній одного вѣроисповѣданія, оно тѣмъ самымъ становится въ разрѣзъ съ внушеніями совѣсти всѣхъ своихъ членовъ, не принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію, но гражданъ равноправныхъ съ тѣми, которые къ нему принадлежатъ. Далѣе, какъ только допустить, что законодательство слѣдуетъ внушенію религіозныхъ интересовъ однихъ своихъ членовъ, когда налагаетъ кары на тѣхъ, которые отказываются признавать эти интересы, то мы придемъ прямо къ нарушенію первѣйшаго основанія всякаго права, а именно, что интересы однихъ членовъ государства законны только до тѣхъ поръ, пока не нарушаютъ интересовъ прочихъ членовъ государства.

Такимъ образомъ, возраженіе, которое намъ дѣлаетъ г. Гусевъ, по самой сущности нашей постановки вопроса о свободѣ совѣсти, включаетъ въ себѣ полное смѣшеніе понятій, объ отношеніяхъ нравственнаго къ юридическому и затѣмъ самопротиворѣчіе въ смыслѣ юридическомъ, и, стало быть, оказывается совершенно несостоятельнымъ. Да и странно было бы полагать, что заключеніе въ тюрьму за искреннее религіозное убѣжденіе можетъ быть согласно съ требованіями элемента нравственнаго, съ внушеніемъ чьей либо совѣсти.

Затѣмъ г. Гусевъ отвергаетъ наше воззрѣніе на необходимость отдѣленія свѣтскаго отъ духовнаго, церкви отъ государства. Онъ увѣряетъ насъ, что такого обособленія не существуетъ даже въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки. Когда мы напомнимъ, что тѣ разсужденія наши ссылались на существованіе въ нашемъ законодательствѣ устарѣлыхъ законовъ о каторжной работѣ, тюрьмъ, отнятія дѣтей у родителей по поводамъ религіозныхъ отступленій, то окажется едва ли не излишнимъ разсуждать, существуетъ ли въ Соединенныхъ-Штатахъ полное раздѣленіе между духовнымъ и свѣтскимъ. Казалось бы излишне заходить такъ далеко, когда передъ нами столько ближайшихъ шаговъ. Не то, что въ Соединенныхъ-Штатахъ,—въ странахъ, признаваемыхъ наиболѣе клерикальными: въ Испаніи, Бельгіи, Австріи, нынѣшней Франціи не существуетъ *сotto domo* тѣхъ опредѣленій о призывѣ гражданской власти къ поддержкѣ мѣръ духовныхъ, какія остаются еще въ нашихъ законахъ. Мы уже разъ высказали это, и теперь ниже докажемъ то же самое справками изъ нашихъ законовъ.

Это наше заключеніе сохранило бы вполнѣ свою силу даже и въ томъ случаѣ, если бы г. Гусеву удалось доказать намъ, что въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки церковь не совершенно отдѣлена отъ

государства. Но доказалъ ли онъ это? Единственный изъ всѣхъ указываемыхъ имъ фактовъ, который сколько-нибудь идетъ къ дѣлу, представляется въ томъ, что и тамъ, въ Америкѣ, обряды жизни государственной совершаются при участіи религіознаго культа. Затѣмъ, всѣ остальные факты представляютъ не смѣшеніе государства съ церковью въ Америкѣ, а смѣшеніе понятій о *законѣ* и *нравахъ*—въ умѣ автора. „Государство въ Америкѣ“, пишетъ г. Гусевъ, „провозглашаетъ полную свободу совѣсти и объявляетъ всѣ вѣроисповѣданія свободными, но бѣда неосторожному, который вздумалъ бы назваться атеистомъ или просто и откровенно признать себя свободнымъ мыслителемъ“. Въ чемъ же представляется въ такомъ случаѣ *бѣда*—въ Америкѣ?—„На эту откровенность“, научаетъ насъ г. Гусевъ, „общество *взмолуло бы* какъ на оскорбленіе вѣрующихъ и приняло бы ее за вызовъ...“—„Слово христіанинъ“, продолжаетъ онъ, „служить паспортомъ, допускающимъ свободное передвиженіе и дающимъ возможность имѣть идеи, какія кому нравятся. Безъ объявленія, что онъ принадлежитъ къ таковой-то религіи, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ права считаться честнымъ человекомъ...“ Допустимъ, что все это такъ, въ дѣйствительности, и есть въ Америкѣ. Но вѣдь мы ничего иного и не желаемъ, какъ того, чтобы и въ Россіи только личный выборъ каждаго, по искреннему ли убѣжденію, или хотя бы подъ вліяніемъ нравовъ, удерживалъ человека въ этой или другой религіи, какую онъ предпочтетъ. Развѣ мы проповѣдуемъ безвѣріе, развѣ мы приглашаемъ общество отказываться отъ религіи, развѣ мы хотимъ, чтобы нравы прониклись враждой къ религіи?

Нисколько: мы желаемъ только, чтобы принудительное дѣйствіе закона не становилось на мѣсто вліянія нравовъ, чтобы тяжкія уголовныя кары не замѣняли въ дѣлѣ чисто-нравственномъ влеченіе личной совѣсти и дѣйствіе нравовъ. И думаетъ ли почтенный нашъ оппонентъ, что общественные нравы въ Америкѣ такъ единодушно осуждали бы даже открытаго „свободнаго мыслителя“, если бы онъ за свое „свободное мышленіе“ попалъ въ тюрьму? Навѣрное нѣтъ, потому что страданіе человека за свое убѣжденіе непременно вызвало бы въ обществѣ не осужденіе его, но сочувствіе къ нему. Во всякомъ случаѣ, умѣстно ли рассуждать, какъ то въ концѣ-концовъ дѣлаетъ г. Гусевъ, что раскольничій попъ въ Россіи не долженъ имѣть права на переходъ изъ уѣзда въ уѣздъ для исправленія требъ, и въ случаѣ подобнаго перехода, по необходимости „безъ надлежащаго вида“, разсматривается какъ бродяга (Уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 68), между тѣмъ какъ этотъ же г. Гусевъ повѣствуетъ намъ, что въ Америкѣ „слово *христіанинъ* служитъ паспортомъ, допускающимъ свободное передвиженіе и дающимъ возможность имѣть идеи, ка-

нѣ кому нравятся?" А что г. Гусевъ разсуждаетъ именно такъ,—ясно изъ его вывода, ибо послѣ всѣхъ своихъ аргументовъ, въ томъ числѣ и опроверженія нашего мнѣнія объ отдѣленіи духовнаго отъ свѣтскаго ссылкой на Америку, онъ въ концѣ своей брошюры все-таки приходитъ къ заключенію, что теперь „неблаговременно“ отиѣнить всѣ карательныя мѣры по охраненію церковныхъ интересовъ, что „сразу нельзя разрушить того, что создавалось вѣками“ (а, напримеръ: вѣрнопостное право?), и что поэтому достаточно было бы нѣмъ же отиѣнить только „слишкомъ несостоятельное“, а именно „слишкомъ тяжелыя наказанія по дѣламъ вѣры“. Что разумѣть подѣ названіемъ „слишкомъ тяжелыхъ наказаній“, когда въ уголовныхъ законахъ за нѣкоторыя преступленія противъ вѣры полагается каторжная работа? Ужъ, конечно, не исправительное наказаніе раскольничьихъ священниковъ за переходъ изъ уѣзда въ уѣздъ для совершенія грѣбъ. Стало-быть, справившись между прочимъ съ американскими порядками, почтенный авторъ все-таки не считаетъ „благовременной“ отиѣну названной статьи русскаго закона?

Столь же мало убѣдительны и другія ссылки автора на мнимое смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ въ американскомъ законѣ, какъ-то: на случаи безвозмездной уступки правительствомъ кусочковъ земли подѣ церкви и школы, на воспрещеніе мормонства, о которомъ самъ авторъ говоритъ, что „оно изгнано изъ Соединенныхъ-Штатовъ въ качествѣ вредной, безнравственной секты“, наконецъ,—на религиозное настроеніе американцевъ, которое будто бы „служить неоспоримымъ доказательствомъ именно невозможности совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства“!

Совершенно напрасно думаетъ г. Гусевъ, будто только тамъ возможно полное раздѣленіе областей церкви и государства, „гдѣ люди, входящіе въ составъ государственнаго организма, отшатнулись отъ христіанства и христіанской церкви и усливаются создать государственную и гражданскую жизнь на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ какія предлагаются въ христіанствѣ“. Дѣло въ томъ, что раздѣльность этихъ двухъ областей обусловлена ихъ природою, смѣшеніе ихъ есть только плодъ неразвитости и недоразумѣнія, и нигдѣ, даже и у насъ, жизнь государственная и гражданская не создана на началахъ, какія предлагаются въ христіанствѣ. Повторимъ, что ни начало прощенія обидъ, ни любовь къ врагу, ни принципъ отреченія отъ всѣхъ мірскихъ благъ, ни искупленіе однимъ раскаяніемъ, ни принципъ безусловнаго равенства людей, ни правило о раздачѣ имущества бѣднымъ, ни воспрещеніе проливать кровь, ни запретъ роста, ни отвращеніе отъ мытарства—не представляютъ собой основъ, на которыхъ создались государственная и гражданская жизнь гдѣ

бы то ни было, а между прочимъ и у насъ. На этихъ священныхъ началахъ можетъ основываться только вольное, совершенно независимое отъ „цесарева закона“ общеніе людей, преданныхъ одной высокой и страстной мысли, какова и была христіанская церковь въ первые свои вѣка.

Что же касается до раздѣленія церкви отъ государства, и духовнаго отъ свѣтскаго и до свободы совѣсти, то начала эти, чисто юридическія, осуществлены въ весьма значительной степени въ современной Италіи, а сравнительно съ нашимъ положеніемъ дѣль—во всей остальной Европѣ, за исключеніемъ развѣ Германіи, въ которой возобладало нынѣ стремленіе бюрократизма подчинить себѣ церковь. Вездѣ допускается переходъ изъ религій большинства въ любую иную, вездѣ всѣ церкви пользуются правомъ свободной пропаганды, нигдѣ не преслѣдуются какія-либо новыя секты, за одну новизну или непризнанность ихъ вѣроученій, ни въ одномъ государствѣ Европы нельзя найти одиннадцати миллионныхъ людей, которые за принадлежность къ сектамъ, существующимъ двѣсти, сто, пятьдесятъ лѣтъ или хотя бы два мѣсяца, лишены были даже простого права строить молебни, собираться для молитвы въ избы, простого права наружнаго „оказательства“ своей вѣры. А вѣдь у насъ, по точному смыслу закона, который мы сейчасъ укажемъ, раскольникъ, унаследовавшій свою вѣру отъ шести поколѣній предковъ, не можетъ перекреститься на улицѣ по-своему. Сравнительно съ такимъ положеніемъ дѣль, возможно ли не признавать въ томъ, что хотя бы самъ г. Гусевъ указываетъ намъ въ Соединенныхъ-Штатахъ — именно полное отдѣленіе области церкви отъ области государства?

Мы не можемъ слѣдовать далѣе за тѣми разсужденіями брошюры, въ которыхъ излагаются положительныя воззрѣнія автора. Достаточно сказать, что, независимо отъ нѣкоторыхъ частныхъ вѣрныхъ замѣчаній, смѣшеніе понятій преобладаетъ въ самой сущности его аргументаціи о свободѣ совѣсти, какъ у всѣхъ, кто отрицаетъ свѣтскихъ каръ требуетъ только на томъ основаніи, что въ ней нѣтъ ничего противнаго ученію православной церкви. Такъ, авторъ утверждаетъ, что „будучи дурнымъ христіаниномъ, отчужденнымъ отъ церкви и пренебрегающимъ ея ученіемъ и ея нравственными требованіями, которыя простираются и на гражданское его поведеніе, человекъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ и государственнаго общества, и—наоборотъ“. Какъ будто язычники: Врутъ, Децій, Сцевола—не были для Рима лучшими гражданами государства, чѣмъ христіане, которые были совершенно равнодушны къ судьбамъ римскаго государства и видѣли въ немъ только фактъ, а не идею? То же смѣшеніе понятій проявляется у автора, когда онъ говоритъ, будто „дѣло въ томъ,

чтобы государственникъ человѣкъ, рѣшая тѣ или другія государственные вопросы, не переставалъ быть православнымъ христианиномъ", — иными словами, чтобы онъ рѣшалъ государственные вопросы въ интересахъ церкви.

Но перейдемъ отъ этой, во всякомъ случаѣ интересной брошюры, къ тѣмъ указаніямъ нашихъ законовъ, изъ которыхъ ясно, что государственная сила, свѣтская рука, распоряжающаяся и карающая, на каждомъ шагу думаетъ поддержать и увѣрять ту руку, которой назначеніе—только призывать „на землѣ въ миру“ и благословлять высшіе порывы человѣческой души.

Удобный переходъ къ этому представляетъ намъ та, приведенная выше оговорка, съ которой авторъ брошюры цитировалъ въ первыхъ же пятнадцати строкахъ наши слова о необходимости освобожденія нашего законодательства отъ прихвѣси клерикальнаго элемента, — „будто бы“, прибавляетъ авторъ, „слишкомъ проникающаго это законодательство“. *Будто бы*, или и въ самомъ дѣлѣ клерикальный элементъ еще проникаетъ наше свѣтское законодательство, и слишкомъ ли или не слишкомъ его проникаетъ, это—вопросъ о фактахъ, вопросъ, который рѣшается легко и неопровержимо—указаніемъ на факты.

Если справимся съ уставами духовныхъ консисторій и духовнымъ регламентомъ, съ одной стороны, уставомъ о предупреденіи и пресѣченіи преступленій и уложеніемъ о наказаніяхъ—съ другой, то убѣдимся, что въ самыхъ духовныхъ уставахъ рѣдка статья обходится безъ указанія на поддержку со стороны свѣтской власти, поддержку въ смыслѣ не только дарованія денежныхъ средствъ и покровительства, но именно въ смыслѣ принудительнаго дѣйствія свѣтскою силой въ духовной заботѣ объ охраненіи и распространеніи православной вѣры. Убѣдимся также, что соответственныя запрещенія и вѣры проходятъ цѣлой системой по законодательству гражданскому, т.-е. свѣтскому.

Въ уставѣ духовныхъ консисторій статья 17-я предписываетъ священникамъ, въ случаяхъ открытія по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ чьей-либо небытности два или три года на исповѣди, не только налагать на виновныхъ эпитимію, но при недѣйствительности увѣщаній—„сообщать о томъ гражданскому начальству на его разсмотрѣніе“. Это правило—обращеніе въ поддержку духовныхъ увѣщаній къ содѣйствію гражданского начальства—безпрестанно повторяется въ уставѣ консисторій. Такъ, ст. 19-я требуетъ такого сообщенія „въ случаѣ суевѣрныхъ дѣйствій или разглашеній“; ст. 20-я предписываетъ при вразумленіи раскольниковъ сноситься съ гражданскимъ начальствомъ, „обязаннымъ на основаніи законовъ (граж-

данскихъ) ограждать церковь отъ оскорбленій и не допускать заблуждающихъ въ вѣншихъ оказательствахъ ереси и въ дѣйствіяхъ, могущихъ производить соблазнъ"; ст. 21-я предписываетъ: въ случаѣ безуспѣшности духовныхъ увѣщаній совратившагося въ расколъ или ересь, „о преслушавшемъ церковь и о совратителѣ" сообщать гражданскому начальству; ст. 24-я указываетъ вообще въ случаяхъ совращеній, хотя бы и не открылось совратителей—входить въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ; ст. 27-я и 29-я запрещаютъ совершать браки православныхъ съ иновѣрными безъ отобранія отъ иновѣрца подписки: „въ воспитаніи обоого пола дѣтей отъ сего брака буду поступать согласно съ законами государства російскаго, то-есть буду крестить и воспитывать ихъ въ православной вѣрѣ"; ст. 32-я предписываетъ, въ нужныхъ случаяхъ, по утвержденію новокрещенныхъ въ ученіи вѣры—входить о семъ въ сношеніе съ гражданскими начальствами.

Соотвѣтственныя всему этому содержатся постановленія и въ гражданскомъ законѣ, а именно въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и въ уложеніи о наказаніяхъ свѣтскій законъ облакаетъ юридическою силою требованія церкви, указываетъ свѣтскія мѣры и кары при неисполненіи или нарушеніи ихъ. Такъ, ст. 4-я устава дѣлаетъ обязательными исповѣдь и приобщеніе хоть однажды въ годъ. Ст. 47-я устава опредѣляетъ: „какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступать отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую". Въ ст. 49-й говорится: „кто уклонится въ иную вѣру отъ православія или жену свою православную принудить или попустить принять иную вѣру, или дѣтей своихъ будетъ крестить въ иную же вѣру, а напаче ежели принудить или попустить, оставивъ православіе, быть въ иной вѣрѣ, того отсылать къ суду".

Относительно раскольниковъ, ст. 60-я того же устава излагаетъ, что они „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ; но запрещается имъ совращать или склонять кого-либо въ расколъ свой". Ст. 61-я запрещаетъ раскольникамъ разводить скиты и обители; ст. 62-я говорить: „раскольникамъ воспрещается строить вновь что-либо похожее на церкви или передѣлывать или возобновлять старыя подобныя зданія". Ст. 64-я предписываетъ мѣстнымъ начальствамъ „имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы крестьянскія избы не были обращены въ публичныя молебни". Ст. 65-я запрещаетъ „печатать и продавать раскольническія богослужебныя книги, а ст. 66-я указываетъ конфисковать такія книги, ввозимыя изъ-за границы. Ст. 70-я опредѣляетъ: „кто откроетъ споры, противныя православію, на того безъ суда наложить молчаніе". Ст. 71: „кто православныхъ тайно или явно со-

вратить въ расколъ, того предавать суду". Ст. 72: „запрещается заводить или распространять между православными какиа-либо ереси". Ст. 73: „кто свѣдаетъ о начальникахъ, учредителяхъ или распространителяхъ какой-либо ереси, тотъ обязанъ доносить о томъ мѣстному начальству". Ст. 77-я строжайше воспрещаетъ не только покушенія къ вовлеченію другихъ въ ереси, но и „всякое внѣшнее оказательство ереси со стороны послѣдователей и всякое ихъ дѣйствіе, къ явнымъ соблазнамъ новодѣйствовать". Ст. 87-я предписываетъ „всѣхъ тѣхъ духоворцевъ, иконоборцевъ, молежанъ, іудействующихъ и другихъ наставниковъ и послѣдователей ересей, особенно вредными признанныхъ, кои изобличены въ распространеніи своей ереси" и проч.—предавать суду. Стало-быть, въ самомъ сводѣ нашихъ законовъ всѣ секты, на которыя распался расколъ, признаются *еретиками*, а нѣкоторыя особенно вредными.

Въ статьѣ 92-й того же устава выражается „свобода вѣры" непринадлежащихъ къ господствующей церкви, то-есть „свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія"; но изъ приведенныхъ уже статей закона очевидно, что эта свобода вѣры распространяется только на такъ-называемыя „иностранныя" христіанскія исповѣданія, да на магометанство, еврейство и язычество, но никакъ не на то природное русское протестантство, которое представляется расколомъ; и что такая свобода вѣры признается только за тѣми послѣдователями этихъ вѣръ, которые не уклонились въ нихъ отъ православія. Статья 97-я прямо выражаетъ, что „одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ"; эта статья воспрещаетъ всякую пропаганду другихъ вѣръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта же 97-я статья весьма замѣчательна тѣмъ, что въ ней постановляется правило, которымъ какъ-бы отвергается самый принципъ внѣшняго, свѣтскаго насилія въ дѣлахъ вѣры. Въ ней сказано далѣе: „Но сія вѣра порождается благодатью Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами. По сему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ принудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступитъ къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди апостольской". Такъ какъ мотивомъ къ устраненію всякой мысли о принудительныхъ средствахъ въ этомъ законѣ указана именно священная сущность вѣры, „порожденіе ея благодатью Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего—добрыми примѣрами", то спрашивается, почему же этотъ самый мотивъ не долженъ послужить къ отбѣнѣ всякихъ принудительныхъ мѣръ и при духовныхъ стараніяхъ о возвра-

женіи къ православію лицъ, отъ него отпавшихъ или уклонившихся во всякое иновѣріе? Вѣдь, если церкви, по самой сущности вѣры, несвойственны такіа мѣры для обращенія принадлежащихъ къ иновѣріямъ, то-есть ересямъ, то могутъ ли онѣ быть свойственны ей при увѣщаніи или вразумленіи вновь совращающихся въ ереси или иновѣрія?

Единственное логическое толкованіе мотива, выраженнаго въ статьѣ 97-й и его послѣдствій, должно бы повестъ къ отмѣнѣ всѣхъ принудительныхъ мѣръ и свѣтскихъ каръ въ дѣлахъ вѣры, еслибъ необходимость отмѣны ихъ и не представлялась по другимъ соображеніямъ, то-есть на основаніи природы государства и естественныхъ правъ его гражданъ.

Мы не хотимъ выписывать еще и тѣхъ статей изъ уложенія о наказаніяхъ, въ которыхъ опредѣляется, къ чему должны приговаривать свѣтскіе суды тѣхъ виновныхъ по дѣламъ вѣры, которые отсылаются къ этимъ судамъ на основаніи приведенныхъ выше статей и еще статей самаго уложенія о богохульствѣ, святотатствѣ, оскорбленіи святыхъ и т. д. Не хотимъ дѣлать этого для того, чтобы насъ не залодоврили въ желаніи уснастить нашу картину русской дѣйствительности самыми мрачными красками. Мы желали бы, наоборотъ, пощадить чувство самыхъ набожныхъ людей, и старались только указать, что, въ видѣ историческаго наслѣдія, въ нашихъ законахъ сохранились изъ прежняго времени весьма многія постановленія, совершенно несогласныя съ духомъ современнаго нашего законодательства, и потому подлежащихъ неотложной отмѣнѣ.

Сдѣлавъ эту справку, мы спросимъ г. Гусева, который говоритъ, что нигдѣ въ Европѣ, ни даже въ Америкѣ, не осуществлено полное отдѣленіе церкви отъ государства, и упоминаетъ мимоходомъ объ ультрамонтанствѣ,—гдѣ, спрашиваемъ мы, въ просвѣщенныхъ странахъ Европы существуетъ въ свѣтскомъ законѣ хотя бы одно изъ тѣхъ постановленій, смѣшивающихъ духовное со свѣтскимъ, которыя выше выписаны или указаны въ нашемъ уголовномъ кодексѣ? Спросимъ еще: гдѣ, въ которой изъ самыхъ клерикальныхъ, по его мнѣнію, странъ, хотя бы ультрамонтанская партія даже добивалась внесенія въ свѣтскіе законы *хоть одного* изъ этихъ постановленій? Если придется отвѣчать дважды: нигдѣ,—то затѣмъ мы спросимъ, не настало ли время, чтобы русское законодательство, догнавшее во многихъ отношеніяхъ законодательства всѣхъ народовъ образованнаго міра, не оставалось позади ихъ и въ этомъ отношеніи, то-есть въ отношеніи естественныхъ и высшихъ нравственныхъ правъ многихъ милліоновъ ея подданныхъ Россіи, въ дѣйствительности—болѣе трети всего ея населенія... И пусть намъ не возражаютъ, что ограничительныя и при-

нудительныя мѣры, указанныя въ приведенныхъ законахъ, въ настоящее время на дѣлѣ у насъ не примѣняются. Они примѣняются всѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ данныя официальной уголовной статистики. Но если бы они не примѣнялись болѣе всегда и безусловно во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, даже если бы они не примѣнялись вовсе, то развѣ это опровергало бы необходимость исключенія ихъ изъ закона? Частныя послабленія ничего бы не доказывали, потому что послабленіе не обезпечиваетъ ничего права и достаточно прихоти любого низшаго органа власти, чтобы примѣнить ихъ. Если же они совсѣмъ бы не примѣнялись, то нельзя бы было оставлять ихъ въ законѣ. Но дѣло въ томъ, что они примѣняются и примѣняются весьма чувствительнымъ образомъ. Вотъ почему и отиѣна ихъ—вопросъ не только не теоретическій, но одинъ изъ самыхъ реальныхъ.

Смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ въ гражданскомъ законѣ неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы не будемъ теперь болѣе касаться интересовъ самостоятельности церкви и оживленія духовной дѣятельности, которыя возможны только при полномъ раздѣленіи областей церкви и государства. Но скажемъ, что едва ли полезно и удобно для церковной дѣятельности то вмѣшательство свѣтской власти въ область духовную, которое шло на ряду съ вмѣшательствомъ духовныхъ элементовъ въ свѣтское законодательство. Смѣшеніе доходило до того, что даже архитектурный стиль вновь воздвигаемыхъ церквей былъ опредѣленъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ уставѣ строительномъ есть статья 218-я въ которой установлено: „при составленіи проектовъ на построеніе православныхъ церквей, преимущественно и по возможности *должны быть* сохранены *кусы* древняго византійскаго зодчества. Для сего могутъ съ пользою быть принимаемы въ соображеніе чертежи, составленные на построеніе православныхъ церквей профессоромъ архитектуры, Константиномъ Тонимъ“. Это—законъ; законъ свѣтскій стремился даже создать церковный стиль зодчества по вкусу свѣтскаго управления. Примѣровъ подобнаго свѣтскаго вмѣшательства въ самыя недоступныя, казалось бы, для него сферы церковной жизни и духовной дѣятельности вообще можно указать не мало. Такъ, въ духовномъ регламентѣ 1721 года, составленномъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ свѣтской власти, находятся особыя постановленія объ иконовѣдн, и даже указывается, съ какими наружными приѣмами слѣдуетъ провозносить проповѣди: „Не надобно“, говорится въ пунктѣ 9-мъ, „проповѣднику шпаться вельми, будто въ суднѣ весломъ гребеть. Не надобно руками спланивать, въ боги упираться, подсакивать, смѣяться, да не надо-бѣ и рыдать“. Неужели собственное достоинство, сознание высокаго служенія самими священнослужителями не было бы до-

статочно въ такой сферѣ дѣятельности, и неужели указанія высшей духовной власти не вылились бы въ болѣе внушительныхъ образахъ, если бы она была предоставлена самой себѣ, оставлена направлять людей въ дѣлахъ божіихъ, по божественному ученію и религіозному вдохновенію.

Само собою разумѣется, что предоставленіе церкви полной самостоятельности отъ всякой свѣтской регламентаціи должно идти рядомъ съ проведеніемъ начала свободы совѣсти въ гражданскомъ законѣ. Но нѣтъ никакого основанія откладывать эту, вторую часть реформы до полной выработки проектовъ, относящихся къ первой. Труднѣйшее никакъ не должно задерживать легчайшаго, и отъѣны приведенныхъ выше статей устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и статей уложенія о наказаніяхъ, относящихся къ дѣламъ вѣры, не требуетъ рѣшительно никакой подготовки и могла бы быть осуществлена теперь же нѣсколькими строками новаго закона, который, при всей своей краткости, представилъ бы одно изъ величайшихъ и благодѣтельнѣйшихъ преобразованій настоящаго царствованія. Раскрѣпленіе религіозной совѣсти достойно увѣнчало бы совершенное раскрѣпленіе труда, основаніе земской самодѣтельности и преобразование суда.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е апрѣля, 1877.

РОССІЯ И ПРОТОКОЛЬ.

Переговоры между кабинетами по дѣламъ Востока такъ затянулись, что въ настоящую минуту на первомъ планѣ представляются уже не одни страданія герцеговинцевъ, босняковъ, болгаръ и сербовъ, но и страданіе европейской промышленности и торговли, застой въ дѣлахъ и ухудшеніе экономическаго кризиса въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ далъ себя чувствовать. Въ самомъ дѣлѣ, переговоры пережили разореніе и голодъ въ Герцеговинѣ, пережили ужасы въ Болгаріи и погромъ Сербіи, и все еще продолжаются. О возстаніи въ Герцеговинѣ и Босніи теперь едва слышно, въ Болгаріи тихо, Сербія заключила миръ, Черногорія отсрочила войну и предъявляетъ такія условія мира, которыя рассчитаны на значительный выигрышь, а не нужду въ замиреніи. Наконецъ, во дворцѣ Долма-Бахче открылась первая сессія османскаго парламента...

Конечно, все это положеніе дѣлъ непрочно и никакихъ дѣйствительныхъ гарантій не представляетъ. Турецкая конституція, по нашему убѣжденію, не лишена значенія въ общемъ смыслѣ, но спеціально въ отношеніи обезпеченія быта христіанъ въ провинціяхъ, обогранныхъ кровью, конституція эта ничто, въ дѣйствительности, не значить. Самъ руководитель палаты общинъ, канцлеръ казначейства сэръ Стаффордъ Норткотъ, во время преній въ этой палатѣ въ началѣ февраля, высказалъ, что конституція эта, „разсматриваемая въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ“, есть не болѣе, какъ „бумажная реформа“ (a piece of paper legislation), и что „никто не можетъ имѣть малѣйшаго довѣрія къ такого рода конституціи въ смыслѣ лекарства отъ тѣхъ золъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Слѣдуетъ предполагать, что она можетъ произвести какіе-либо ощутительные результаты въ христіанскихъ провинціяхъ, безъ полныхъ гарантій въ томъ, что управленіе ихъ будетъ улучшено въ иныхъ отношеніяхъ (otherwise)“.

Все это несомнѣнно, такъ какъ удостовѣряется прямымъ свидѣтельствомъ британскаго правительства и самой готовностью его продолжать переговоры о „дальнѣйшихъ мѣрахъ“. Значить, по сознанію самихъ защитниковъ Турціи, мѣры, доселѣ въ ней принятыя, слѣдкомъ недостаточны, и сентъ-джемскому кабинету приходилось обсу-

дать „дальнѣйшія мѣры“ въ смыслѣ международномъ, хотя бы для того, чтобы удовлетворить британское національное чувство, которое внушаетъ, что Англія должна же сдѣлать хоть что-нибудь для предупрежденія ужасовъ, подобныхъ болгарскимъ. А что это чувство въ Англіи еще живо, это доказывалось фактомъ, что при самомъ началѣ сессіи, вожди либеральной партіи, лорды Гартингтонъ, Аргайль и Грэнвилль (особенно послѣдніе двое) требовали, чтобы Англія составила союзъ для понужденія Турціи, если нужно, даже оружіемъ, къ дарованію христіанамъ уступокъ реальныхъ, подъ наблюденіемъ международной комиссіи.

Но пусть непрочность и недостаточность нынѣшняго положенія дѣла христіанъ въ Турціи поставлены, такимъ образомъ, внѣ возможности спора. Но въ настоящую минуту, вопросъ на практикѣ состоитъ не въ томъ, какое положеніе христіанъ могло бы быть признано удовлетворительнымъ, но въ томъ, какая можетъ быть признана теперь *дипломатическая* гарантія, болѣе достаточная, чѣмъ гарантія фактическаго роздыха и конституціонныхъ обѣщаній, которую мы видимъ пока въ Турціи? Въ этомъ все дѣло теперь; и это — весьма немного. Турецкая конституція, для улучшенія быта христіанъ и для предупрежденія новой рѣзни, дѣйствительно — только бумага, не болѣе, какъ выразился самъ сэръ Стаффордъ Норткотъ. Но вѣдь и дипломатическій протоколъ, который постановлялъ бы, что въ случаѣ непріятія Турціею мѣры достаточныхъ въ теченіи шести мѣсяцевъ державы предоставляютъ себѣ обсудить дальнѣйшее общее дѣйствіе, — былъ бы не болѣе какъ бумага. Каково могло бы быть это „общее дѣйствіе“, когда въ тѣхъ же преніяхъ, о которыхъ только что упомянуто, главные министры королевы Викторіи, лорды Бэнксфильдъ и Дэрби, самымъ рѣшительнымъ образомъ объявляли, что Англія „хотя старалась бы понудить (press on) Порту исполнить совѣты конференціи, но не можетъ ни употребить, ни одобрить (use a sanction) употребленія силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не предприметъ защищать турецкую имперію противъ наслія другихъ державъ?“ При такомъ условіи, въ чемъ же могло бы состоять „общее дѣйствіе“ Россіи и Англіи, чѣмъ оно могло бы выразиться? Сперва протоколомъ, потомъ, положимъ — чрезъ 6 мѣсяцевъ, переговорами о новомъ протоколѣ?

Чѣмъ же эта гарантія реальнѣе и прочнѣе той, которая представляется хотя бы въ турецкой конституціи? Въ концѣ-концовъ, для дѣйствительнаго обезпеченія христіанъ, Россіи все-таки пришлось бы выступить одной, съ матеріальной силою, не только безъ содѣйствія, но и противъ согласія (sanction) Англіи. Не стѣбитъ ли предъять нынѣшнее крайне-тягостное положеніе торговли и зара-

беткевъ и избытніе расходы еще на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы имѣть въ рукахъ одну лишнюю бумагу въ рукахъ, притомъ такую бумагу, которая тотчасъ же лишилась бы всякаго значенія при первомъ шагѣ нашихъ войскъ за Прутъ, такъ какъ Англія и прочія державы, подписавшія лондонскій протоколъ, непремѣнно отказались бы видѣть въ немъ международное уполномочіе Россіи—начать военныя дѣйствія?

Вотъ какъ вопросъ представляется теперь на практикѣ. На практикѣ, вопросъ о замѣнѣ непрочнога и неудовлетворительнаго положенія христіанъ прочнымъ и удовлетворительнымъ вовсе не рѣшался бы еще подписаніемъ лондонскаго протокола. Рѣшился бы только тотъ вопросъ, что цѣною продленія положенія для насъ самихъ тягостнаго, мы получили бы въ добавокъ къ протоколамъ константинопольской конференціи еще одинъ,—лондонскій протоколъ, котораго весь смыслъ былъ бы въ томъ, что, въ крайнемъ случаѣ и предполагая постоянное согласіе державъ, онъ повелъ бы въ послѣдствіи, напр., чрезъ 6 мѣсяцовъ, къ еще новому протоколу. Въ сущности такая гарантія была бы немногимъ реальнѣе тѣхъ, какія уже имѣются или не имѣются, какъ угодно. Ни улучшить въ дѣйствительности положенія турецкихъ христіанъ, ни даровать Россіи международное помочіе на вооруженное вмѣшательство въ ихъ пользу—лондонскій протоколъ не могъ бы. А потому мы не будемъ имѣть никакого повода дожидать, еслибы онъ и не состоялся.

Съ точки зрѣнія русской, практическими представлялись бы въ настоящую минуту собственно два рѣшенія: или сдѣлать дѣйствительный шагъ къ понужденію Турціи осуществить совѣты конференціи, для облегченія участи турецкихъ христіанъ, или сдѣлать дѣйствительный шагъ къ улучшенію нашего собственнаго положенія. Въ первомъ случаѣ, войска наши могли бы теперь перейти турецкую границу, независимо отъ согласія державъ, такъ какъ все равно когда-нибудь Россія должна же будетъ выступить одна, и согласія на такое вооруженное вмѣшательство она—отъ Англіи по крайней мѣрѣ—никогда не добьется, несмотря ни на какіе протоколы; стало-быть, лучше теперь, чѣмъ по израсходованіи еще новыхъ милліоновъ въ выжидательномъ положеніи. Во второмъ случаѣ—Россія могла бы демобилизовать свою армію, безъ всякой гарантіи европейскаго протокола, но съ единогласнымъ замѣненіемъ, что она сама даетъ Турціи тотъ крайній срокъ, о которомъ сперва говорили въ Англіи—три года на осуществленіе реформъ,—и предоставляетъ себѣ сама, по прошествіи этого срока, если въ пользу христіанъ не будетъ сдѣлано того, что было рѣшено на конференціи—силою принудить къ тому Турцію, не исправивша болѣе никакаго содѣйствія или согла-

сія державъ. Пусть тогда продолжались бы неизмѣнные дипломатическіе переговоры о томъ, что бы придумать для мирнаго понужденія Турціи къ дѣйствительнымъ реформамъ. Но мы тогда ждали бы результата такихъ переговоровъ спокойно, безъ остановки въ нашихъ дѣлахъ и безъ излишнихъ расколовъ. А въ случаѣ новыхъ жестокостей въ Турціи, двухъ недѣль было бы достаточно, какъ теперь доказано фактами, чтобы вновь мобилизовать нѣсколько корпусовъ.

Въ пользу каждаго изъ двухъ этихъ рѣшеній могутъ быть приведены вѣскія практическія соображенія. Весьма вѣроятно, что вотупленіе русскихъ войскъ на турецкую территорію теперь же послужило бы скорѣе всякаго протокола къ дѣйствительнымъ и скорымъ усиленіямъ Англіи склонить Порту къ уступкамъ. Никто не хочетъ войны, и Англія менѣе чѣмъ кто-либо готова въ ней участвовать. Убѣдясь, что за нашими словами стоитъ дѣло, британскіе министры перемѣнили бы тотъ тонъ, которымъ они говорили съ нами въ последнее время. Теперь они отказывались даже сдѣлать намъ незначительную, чисто-бумажную уступку, протянуть намъ хотя бы палецъ, когда мы высказывали готовность ухватиться за него, чтобы выдти изъ нынѣшняго, неопредѣленнаго и тягостнаго положенія. Тогда они постарались бы въ Константинополѣ не на бумагѣ только сдѣлать намъ уступки, послѣдили бы протянуть намъ всю руку, лишь бы мы пожали ее, снявъ свою руку съ оружія. Переходъ черезъ турецкую границу въ настоящую минуту не вызвалъ бы немедленно войны даже съ Турціею, такъ какъ естественная система военныхъ дѣйствій со стороны Турціи—чисто-оборонительная.

Демобилизація же, по собственному желанію и почину Россіи, по собственному ея усмотрѣнію и на продиктованныхъ ею самой условіяхъ, представляла бы также реальныя выгоды. Мы знали бы тогда только то же, что знаемъ и теперь, а именно, что со временемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, намъ все-равно однимъ придется выступить съ оружіемъ въ рукахъ для защиты христіанъ, въ случаѣ если ничего для нихъ не будетъ сдѣлано, или если начнетъ разлагаться турецкая имперія, а тѣмъ болѣе—если повторится рѣзня. А между тѣмъ, мы возвратились бы къ мирнымъ занатіямъ, открыли бы вновь нашимъ торговцамъ и промышленникамъ возможность приняться за дѣла, а нашимъ рабочимъ—средства къ заработкамъ. Долговременная остановка въ дѣлахъ, при неблагопріятныхъ другихъ экономическихъ условіяхъ, можетъ, наконецъ, вызвать серьезный хозяйственный кризисъ.

Что-нибудь изъ двухъ—казалось бы—или серьезный шагъ въ пользу турецкихъ христіанъ, или дѣйствительная мѣра къ облегченію нашихъ собственныхъ дѣлъ. Но можетъ ли то или другое замѣнить подписаніе еще одного протокола, въ добавокъ къ нотѣ Ан-

драши, къ берлинскому меморандуму, къ соглашенію предварительной конференціи и къ протоколамъ конференціи окончательной?

Насколько намъ видно, со стороны, — нѣтъ. Намъ это подписаніе протокола представлялось не столько какъ дѣйствительная гарантія въ пользу христіанъ, сколько въ смыслѣ дипломатическаго удовлетворенія для національнаго чувства Россіи. Естественно, что и такой результатъ имѣлъ бы свою относительную цѣну. Демобилизируя армию, мы все-таки имѣли бы въ рукахъ нѣчто въ родѣ удовлетворенія, и мы вполнѣ понимаемъ, что стоило вестъ переговоры хотя бы для достиженія такого результата, если только его можно было достигнуть скоро. Но еслибы онъ и не осуществлялся, все-таки было бы излишнимъ вновь стремиться къ удовлетворенію на словахъ, а между тѣмъ переносить неопредѣленное время всѣ тягости нынѣшняго выжидательнаго положенія. Отсрочка рѣшенія на 6 мѣсяцевъ посредствомъ какого-нибудь мѣсяца новыхъ усилій означала бы въ дѣйствительности, что мы продляемъ нынѣшнее положеніе на 7 мѣсяцевъ для того только, чтобы имѣть какое-либо удовлетвореніе. Демобилизовать армию на 6 мѣсяцевъ едва ли даже и стоило бы. Отсрочка на годъ также не достигала бы цѣли; это было бы только продленіемъ нынѣшнихъ опасеній на годъ, даже если бы демобилизація и состоялась теперь, но черезъ годъ предстояла бы вѣроятность новой мобилизаціи.

Итакъ, подписаніе протокола можно понять не въ смыслѣ подобныхъ отсрочекъ, но въ смыслѣ намѣренія Россіи на этотъ разъ окончательно отказаться отъ единичнаго вмѣшательства, положившись во всемъ на общее дѣйствіе державъ. Въ этомъ предположеніи, протоколъ означалъ бы, что когда пройдетъ указанное въ немъ время и судьба христіанъ обезпечена не будетъ, то Россія не будетъ считать себя обязанною побуждать далѣе другія державы къ совмѣстному дѣйствію — указаніемъ на неизбѣжность, въ противномъ случаѣ, своего единичнаго вмѣшательства. Разумѣя подписаніе протокола именно въ этомъ смыслѣ, мы легко поймемъ, что оно совершенно измѣнило бы и облегчило бы наше положеніе. При такомъ взглядѣ на значеніе протокола, уясняется, что демобилизація у насъ могла бы быть произведена вслѣдъ за его подписаніемъ, какъ бы кратокъ ни былъ данный протоколомъ Турціи срокъ для улучшенія участи христіанъ. Если мы сами считаемъ почему-либо неудобнымъ наше отдѣльное дѣйствіе въ какомъ бы то ни было случаѣ, и избавляемся отъ него протоколомъ, въ такомъ случаѣ понятно, что распустить армию мы можемъ тотчасъ, какъ только то позволитъ приличіе, напр. какъ только протоколъ будетъ подписанъ и Турція приступитъ къ распусценію своей армии. Затѣмъ пусть истечетъ срокъ, установленный въ протоколѣ: 6 или 12 мѣсяцевъ, — все равно,

и положеніе христіанъ ничѣмъ не будетъ обезпечено, но мы уже все-таки не станемъ вновь собирать своей арміи, и почтемъ себя удовлетворенными протоколомъ и затѣмъ будемъ дѣйствовать не иначе какъ путемъ общихъ переговоровъ, наравнѣ со всѣми державами; положимъ, съ ббльшей настойчивостью, но уже безъ всякаго матеріальнаго поддержанія своихъ требованій—указаніемъ на готовность нашей арміи и на возможность перехода ея чрезъ турецкую границу.

Все вышесказанное сводится въ слѣдующимъ заключеніямъ: если Россія намѣрена сохранить свою армію въ нынѣшнемъ положеніи, то-есть продолжить для себя самой и для Европы вѣроятность своего самостоятельнаго, фактическаго вѣшательства въ пользу христіанъ, въ такомъ случаѣ подписаніе протокола, то-есть отсрочка такого ея вѣшательства на 6 или 12 мѣсяцевъ, не представитъ для нея ни малѣйшей выгоды, рѣшительно ни въ чемъ не измѣнитъ нынѣшняго положенія, но, наоборотъ, продлитъ его время на условный срокъ. А такъ какъ наша дипломатія старается, чтобы протоколъ былъ подписанъ, такъ какъ такова была одна изъ цѣлей поѣздки генерала Игнатьева въ Лондонъ и Парижъ, и какъ притомъ, насколько извѣстно, Россія нисколько не настаивала на намѣреніи сохранить свою армію на военной ногѣ, и только не желала какого-либо упоминанія о томъ въ протоколѣ или отдѣльномъ отъ него письменномъ условіи,—то мы должны принять, что отъ протокола ожидается какая-либо выгода для насъ. Затѣмъ: выгода эта не можетъ заключаться, какъ уже сказано, въ одной отсрочкѣ нашего самостоятельнаго дѣйствія, а стало быть, она можетъ представляться только въ окончательномъ отказѣ отъ него на этотъ разъ: въ приобрѣтеніи удовлетворенія національному чувству и возможности распустить нашу усиленную армію, а далѣе—дѣйствовать уже не иначе какъ сообща съ Европою, безъ того матеріальнаго побужденія для нея, какое представлялось бы въ нашей мобилизаціи.

Казалось бы—какого лучшаго исхода изъ нынѣшнихъ натянутыхъ отношеній могла бы ожидать сама Англія? Дать удовлетвореніе Россіи протоколомъ, который все-таки будетъ таме *piece of paper legislation*, и приобрѣсть за это разоруженіе Россіи и отказъ ея отъ отдѣльнаго вѣшательства въ дѣла Турціи, на этотъ разъ,—казалось бы, должно вполне соответствовать желаніямъ британскаго правительства. Но что же мы видимъ? Оказывается, что въ то время какъ Россія старалась о протоколѣ, именно съ цѣлью облегчить себѣ разоруженіе, британскіе министры притворились непонимающими этого, показали видъ будто думаютъ, что Россія хочетъ только выманить отъ Англіи обязательство, а сама затѣмъ не только не разоружится, но прямо обратитъ такое обязательство державъ въ полномочіе себѣ

для начатія военныхъ дѣйствій въ Турціи. Таковъ былъ смыслъ всѣхъ свѣдѣній о предъявленныхъ въ Лондонѣ возраженіяхъ и всѣхъ разсужденій непріязненныхъ Россіи газетъ за послѣднее время. Мы говоримъ „британскіе министры притворились, будто думаютъ это“, такъ какъ не допускаемъ, чтобы они могли искренно думать то, что надѣло до очевидности. Что могъ бы протоколъ прибавить къ силѣ Россіи, если бы она хотѣла воевать, какое обязательство Европы или полномочіе въ пользу Россіи онъ могъ бы представить, если бы Россія, заручившись имъ, начала войну? Вѣдь ясно, что англійскій кабинетъ въ такомъ случаѣ обнаруживалъ бы всю переписку, предшествующую подписанію протокола, объяснилъ бы, что при подписаніи его имѣлось въ виду разоруженіе Россіи, хотя оно и не было занесено въ протоколъ, да, наконецъ, просто объявилъ бы, въ согласіи съ Австрією, а можетъ быть и другими державами, что никакого полномочія Россіи вступаться отдѣльно за христіанъ протоколъ не даетъ, и протестовалъ бы противъ такого его истолкованія со стороны Россіи. Вѣдь и вѣселье можно оспаривать, доказывая его безденежность, не только дипломатическій протоколъ. Можно ли было серьезно приписывать русской дипломатіи такую наивность, что она думаетъ вырвать у Англій обязательство на бумагѣ и потомъ истолковать это обязательство прямо напереворъ тому намѣренію, съ какимъ Англія его дала, истолковать его вопреки всей перепискѣ, предшествовавшей его подписанію, и считать его полнымъ для себя полномочіемъ въ то время, какъ всѣ участвовавшіе въ протоколѣ объявили бы, что никакого полномочія онъ Россіи не даетъ?

Ясно, что британскіе министры только притворялись, будто они думаютъ такъ. Истинною же ихъ цѣлью могло быть только—не дать Россіи и того дипломатическаго удовлетворенія, которымъ она готова была ограничиться, но, напротивъ, обратить самый протоколъ въ средства униженія Россіи, наказать ее за ее заступничество въ пользу христіанъ. Только такъ можно объяснить себѣ предложенное англійскимъ правительствомъ условіе, чтобы одновременно съ подписаніемъ протокола Россія *обязалась* демобилизовать свою армію. Понятно, что при такомъ условіи протоколъ не только представилъ бы Россіи удовлетвореніе, но, наоборотъ, былъ бы чувствительнымъ пораженіемъ для всѣхъ ея дипломатическихъ усилій. Тогда она, значило бы, не только изъявила готовность во всемъ положиться далѣе только на европейскую дипломатію, но еще была принуждена этой дипломатією распустить свою армію. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ протоколъ уже совершенно не соответствовалъ бы видамъ Россіи и наши дипломаты должны были отъ него отказаться.

Чтобы не говорить голословно, сдѣлаемъ справки изъ болѣе или менѣе знающихъ газетъ. По отзыву „Кѣльнской Газеты“, главное

мѣсто предполагавшагося протокола заключалось въ томъ постановленіи, что въ случаѣ „еслибы надежда державъ вновь была обманута и положеніе христіанскихъ вѣдданныхъ султана не было бы улучшено въ такомъ смыслѣ, чтобы предупредить возвращеніе важнѣйшихъ, періодически нарушавшихъ спокойствіе Европы, та державы почтутъ своей обязанностью объявить, что подобное положеніе несогласно съ ихъ интересами и съ требованіями человечности. Въ этомъ случаѣ, державы сообща обсудятъ средства (avisoient en commun aux puissances), какия онѣ признаютъ необходимыми для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и интересовъ всеобщаго мира“. Спрашивается, какии образомъ могла бы Россія усмотрѣть въ этомъ послѣдствіи. уполномочіе себѣ для отдѣльнаго, произвольнаго, вооруженнаго вмѣшательства въ Турцію?

По свѣдѣніямъ той же газеты, взглядъ Россіи на вопросъ о ея разоруженіи выразился въ такомъ смыслѣ, что Россія заявила готовность демобилизировать армію, какъ только будетъ подписанъ миръ съ Черногорією и Турція приступила бы къ разоруженію. Не ясно ли, что послѣднія два условія совершенно необходимы для приличія, но никакъ не для того, чтобы „выманить у Англіи *обязательство* (хорошо обязательство: обсудить *сообща* средства)“ потомъ ударить на Турцію.

По свѣдѣніямъ „Times“ изъ Парижа, въ Лондонѣ было условлено, что Россія выразитъ депешою намѣреніе демобилизировать свою армію тотчасъ по подписаніи протокола, но изъ Петербурга не послѣдовало на это согласія, а потому переговоры и прервались-было. По увѣренію „Temps“, Англія требовала, чтобы Россія обязалась демобилизировать свою армію, но Россія отказалась сдѣлать это до тѣхъ поръ, пока не будетъ подписанъ миръ съ Черногорією и Турція не начнетъ сама разоружаться.

Итакъ, въ то время, какъ для нашей дипломатіи протоколъ представлялся удовлетвореніемъ и средствомъ въ демобилизаціи при приличныхъ условіяхъ, для дипломатіи англійской протоколъ представлялся какъ ловушка, въ которой можно было поймать Россію и *обязать* ее разоружиться по требованію державъ, то-есть дать ей вмѣсто удовлетворенія — дипломатическій ударъ, въ видѣ острастки на будущее время.

Но на это англійское правительство не имѣло ни малѣйшаго права. Наносить поразеніе, хотя бы дипломатическое, не можетъ такое правительство, которое, во-первыхъ, не готово воевать, то-есть не можетъ ничѣмъ устрашать противника, а во-вторыхъ, въ собственной своей странѣ, въ своемъ парламентѣ встрѣчается съ сильной партіей, которая требуетъ отъ него то самое, что отъ него требуетъ его противникъ. При такихъ условіяхъ, все, что можно дѣлать, это—

держаться въ отрицательномъ во все стороны бездѣйствіи, но никакъ не имѣть притязанія наносить пораженія. Въ засѣданіи палаты общинъ 23 марта г. Фаусеттъ внесъ предложеніе постановить: „что палата считаетъ, что обѣщанія Порты о реформахъ лишены значенія, если не будетъ получено гарантій въ исполненіи ихъ; что державы имѣютъ право требовать отъ Турціи гарантій въ лучшемъ управленіи, для обезпеченія мира, и, наконецъ, что, по мнѣнію палаты, нынѣшнее дурное управленіе останется въ дѣйстви и впредь, если державы не получаютъ тѣхъ гарантій, которыя были условлены на конференціи“. При преніяхъ по предложенію Фаусетта, Гладстонъ объяснилъ, что палатѣ необходимо знать: отказалось ли правительство отъ мысли побудить Турцію къ дарованію такихъ гарантій, и если отказалось, то какія мѣры оно затѣмъ намѣрено предпринять? Канцлеръ казначейства сэръ Стаффордъ Норткотъ могъ только повторить общія фразы, что Англія не отказалась ни отъ усилій къ сохраненію мира, ни отъ стараній объ улучшеніи участи христіанъ, которыхъ она не намѣрена предоставить на произволъ судьбы; что если Турція не приметъ представленій Англіи, то послѣдняя предоставитъ Турцію ея собственнымъ силамъ. Но затѣмъ, министръ жаловался, что предложеніе Фаусетта и рѣчи, подобныя произнесеннымъ по его поводу, крайне затрудняютъ правительство.

При такихъ обстоятельствахъ, повторимъ, возможно только отрицательное бездѣйствіе—во все стороны, но не претензія наносить пораженіе Россіи, которой армія стоитъ въ готовности на турецкой границѣ.

Переговоры о протоколѣ, прервавшіеся отъѣздомъ генерала Игнатъева изъ Лондона, потомъ возобновились. Въ засѣданіи палаты общинъ 27 марта, канцлеръ казначейства заявилъ, что переговоры продолжаются, и что хотя текстъ протокола еще не вполне опредѣленъ, но главный вопросъ, обсуждающійся нынѣ, состоитъ въ томъ—на какихъ условіяхъ протоколъ долженъ быть подписанъ. Стало-быть, рѣчь о разоруженіи, по всей вѣроятности, не оставлена. Но министръ прибавилъ, что онъ все-таки имѣетъ надежду сдѣлать „удовлетворительными сообщенія“, послѣ праздниковъ. Газета „Morning Post“, имѣющая связи съ кабинетомъ, также выражала вновь въ послѣднее время благопріятныя надежды, полагая, что „Россія удовлетворитъ желанія Англіи“. Между тѣмъ, въ засѣданіи общинъ 28 марта были произнесены энергическія рѣчи (Рейлендромъ, Гладстономъ и Форстеромъ) противъ возвращенія въ Константинополь сэра Генри Эліота, въ качествѣ британскаго посла. Сэръ Стаффордъ Норткотъ, защищая Эліота, снова объявилъ, что правительство сознаетъ свою обязанность улучшить внутреннее управленіе Турціи, но отвергаетъ принудительную

политику, которая только повредила бы усилиямъ въ пользу христіанъ.

Во всякомъ случаѣ, едва ли „Россія удовлетворитъ желанія Англіи“, въ смыслѣ обязательства о разоруженіи. Языкъ „Nord“, „Agence russe“ и самого „Journal de St.-Petersbourg“ былъ довольно воинственъ послѣ временнаго перерыва переговоровъ о протоколѣ, и эти органы отвергали всякую мысль объ обязательствѣ относительно разоруженія. Но соображенія, изложенныя нами выше о томъ, каково могло бы быть единственное значеніе протокола для Россіи, сами по-себѣ, какъ намъ кажется, исключаютъ всякую мысль о подобномъ обстоятельстве, которое, вмѣсто удовлетворенія, представило бы нѣчто иное.

Что касается личнаго нашего мнѣнія, то мы, признаемся, охотно отказались бы отъ того удовлетворенія національному чувству, какое представлялъ бы протоколъ, безъ обязательства о разоруженіи. Намъ казалось бы, что дѣло столь же удовлетворительно могло бы быть рѣшено безъ дальнѣйшихъ переговоровъ въ Лондонѣ, рѣшено въ самомъ Петербургѣ; если мы готовы къ войнѣ съ Турціей, можемъ выносить ея издержки, и хотимъ дѣйствительно понудить Порту къ существеннымъ уступкамъ въ пользу христіанъ (хотя бы въ видѣ осуществленія совѣтовъ константинопольской конференціи), то армія нынѣ же можетъ вступить на турецкую территорию и ожидать на ней короткое время мировой сдѣлки; иначе—идти впередъ. Если это, почему-либо, признается неудобнымъ (а причины къ тому могутъ быть, и весьма важныя), въ такомъ случаѣ, Россія можетъ выйти изъ нынѣшняго положенія по собственному почину: демобилизовать армію, объявивъ, что сама даетъ Турціи срокъ на три года для существеннаго обезпеченія участи христіанъ, и по прошествіи этого времени (въ случаѣ рѣзни—немедленно) сама предоставитъ себѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, принять мѣры дѣйствительнаго принужденія. Пусть дипломатическія усилія тогда продолжаютъ между западной Европой и Турціей, но безъ всякаго напряженія и расходовъ съ нашей стороны. Это казалось бы намъ удовлетвореніемъ нисколько не меньшимъ, чѣмъ протоколъ въ смыслѣ общаго обязательства ждать и потому сообщая еще только обсудить средства (*aviser aux moyens*), съ одновременнымъ разъясненіемъ англійскихъ министровъ парламенту, что средства эти ни въ какомъ случаѣ не должны быть принудительныя, будто бы въ интересѣ самихъ христіанъ! Само-собою разумѣется, что мы просто высказываемъ теоретическое мнѣніе; никакого притязанія вліять на внѣшнюю политику мы имѣть не можемъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 февраля, 1877.

ОТКРЫТІЕ ПАРЛАМЕНТА И ТЮРЕМНАЯ РЕФОРМА.

Рѣшительно дипломаты нашли для себя утѣсь Сизифа. Вотъ уже который разъ только-что они втащатъ на верхушку горы тяжелую глыбу, именуемую восточнымъ вопросомъ, какъ она ускользнетъ изъ ихъ рукъ и снова скатится на прежнее мѣсто. Въ послѣднее время они напрягали всѣ свои усилія: шесть силачей, болѣе или менѣе крѣпкихъ, работали отъ всей души. Увы! результатъ оказался хуже, чѣмъ когда-либо; на этотъ разъ глыба не тронулась даже съ мѣста, и Еврона изумленными глазами взирала на безплодные усилія своихъ делегатовъ. *Tanta molis erat...* Повидимому, иной разъ націю такъ же трудно реформировать, какъ и создать.

Какъ бы то ни было и не взирая на всеобщее утомленіе, натутое положеніе дѣлъ на Востокѣ, равно какъ и недавнее фіаско конференціи сообщали особенный интересъ церемоніи открытія парламента. Вожди борьбы, происходившей на митингахъ во время парламентскихъ каникулъ, готовились сойтись лицомъ къ лицу. Вдобавокъ всѣ знали, что королева, какъ и въ прошломъ году и противно своимъ прежнимъ привычкамъ, будетъ предсѣдательствовать на торжествѣ.

Поэтому 27 января (8 февраля) густая толпа собралась въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ и въ Уайтъ-Галлѣ на пути королевскаго кортежа. Погода была великолѣпная, а—право—на континентѣ не могутъ даже вообразить, какое вліяніе оказываетъ на англичанина хорошая погода. Впрочемъ, только тотъ можетъ оцѣнить вполне этотъ фактъ, кто проводилъ цѣлые четыре мѣсяца подъ непрерывнымъ дождемъ, туманомъ и изморозью и не видалъ солнца иначе, какъ въ видѣ бѣлаго сыра. Нѣтъ надобности отправляться къ полюсу, чтобы получить понятіе о впечатлѣніи, производимомъ ночью, которая длится полгода. Итакъ, небо было такое лазурное, что ему могла бы позавидовать Италия, и кирасы конной гвардіи сверкали подъ лучами непривычнаго солнца. Королевская карета вызывала восторженное „ура“! на своемъ пути, и сама королева, раскланивавшаяся направо и налево, казалась помолодѣвшей, несмотря на свой вѣчный вдовій вуаль.

Внутри Уэстминстерскаго дворца палата лордовъ являлась въ

полномъ парадѣ. Большинство пэровъ было на своихъ мѣстахъ, а въ галереѣ реверeses сверкали шелкъ и брилліанты. Ровно въ два часа фанфара возвѣстила о прибытіи королевы: „flourish of trumpets“, по выраженію Шекспира, сопровождающій выходъ на сцену датскаго принца или короля Ричарда III. Ея величество, королева Викторія входитъ: всѣ встаютъ и шелестъ платьевъ нарушаетъ общее безмолвіе. Она садится на тронъ: справа помѣщается принцъ Уэльскій, напротивъ принцесса Уэльская.

Но глаза всѣхъ присутствующихъ устремлены на оригинальную фигуру, облеченную въ длинное платье пэровъ; она стоитъ по лѣвую руку отъ королевы, держа передъ собою обѣими руками длинную шпагу, за которой какъ будто стремится спрятать лицо. Но, насколько его можно видѣть, оно невозмутимо, хотя при болѣе внимательномъ наблюденіи на немъ можно уловить какое-то лукавое выраженіе, какъ будто этотъ человѣкъ презираетъ комедію, въ которой призванъ играть главную роль. Эта фигура не кто иной, какъ еврей Веніаминъ Дизраэли, графъ Биконсфильдъ, первый министръ и распорядитель судебъ Британской имперіи, держащій шпагу, какъ одинъ изъ символовъ власти. О чемъ думаетъ онъ въ эту минуту?—вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ каждый. Конечно, онъ, какъ и всѣ, думаетъ о томъ, что, сорокъ лѣтъ тому назадъ, женщина, сидящая теперь рядомъ съ нимъ, престарѣлая и овдовѣвшая, всходила на престолъ во всемъ блескѣ молодости и граціи, если не красоты, между тѣмъ какъ онъ, только-что избранный представитель Медстона, впервые приносилъ присягу передъ палатой общинъ. Безъ сомнѣнія, онъ думаетъ также, что самому себѣ обязанъ своей карьерой; что если бы когда-нибудь его государынѣ вздумалось попрекнуть его титуломъ, которымъ она его наградила, и сказать ему, какъ нѣкогда Гуго Капетъ сказалъ одному изъ своихъ вассаловъ: „но вѣдь я сдѣлалъ тебя графомъ“—онъ думаетъ быть можетъ, что могъ бы по примѣру того вассала отвѣчать: „а я сдѣлалъ тебя императрицей“.

Между тѣмъ, по знаку королевы всѣ усѣлись; тогда призываются жъ рѣшеткѣ „вѣрныя общины“ и устремляются въ залу, точно бурный приливъ, производя нѣкоторую сумятицу въ мирной церемоніи. Лордъ-канцлеръ, стоящій по правую руку отъ трона, подаетъ королевы рѣчь, но она отстраняетъ ее рукой и даетъ ему знакъ прочесть ее. Это приказаніе немедленно исполняется благороднымъ лордомъ, облеченнымъ въ безобразный, традиціонный парикъ. Когда чтеніе окончено, королева кланяется и уходитъ, какъ и пришла, не произнеся ни одного слова, и церемонія окончена.

На мой взглядъ, подобная церемонія особенно характеризуетъ конституціонную фикцію. „Король царствуетъ, но не управляетъ“—

вотъ отвѣченная формула, осуществляемая здѣсь въ конкретной формѣ: она становится осязательной. Много вѣдора писали по поводу этого различія, существующаго между древними и новыми временами; но, не говоря уже про королей Спарты, монархія которыхъ была въ достаточной мѣрѣ конституціонной, развѣ эта англійская королева, личность безъ рѣчей и бездѣйствующая, не напоминаетъ вамъ гетъ засгогит римлянъ, — короля, всѣ обязанности котораго заключались въ предсѣдательствѣ на пустыхъ церемоніяхъ? Я, впрочемъ, нисколько не порицаю этой роли, и въ этомъ отношеніи женщинѣ особенно удобно — такъ какъ не всякая королева бываетъ Елисаветой или Екатериной II — выполнять обязанности такого первосвященника *in partibus*, безъ всякаго ущерба для своего достоинства.

Нельзя больше въ этомъ сомнѣваться: вопреки вліянію аристократіи, постоянно впрочемъ ослабѣвающему, Англія въ политическомъ отношеніи является демократіей, которая сама обдѣлываетъ всѣ свои дѣла. А такъ какъ демократіи нуженъ толмачъ, то должность его въ настоящее время исправляетъ лордъ Биконсфильдъ, и къ нему слѣдуетъ обращаться за свѣдѣніями касательно національной политики. Такъ называемая „рѣчь королевы“ даетъ намъ эти свѣдѣнія.

Резюмировавъ послѣдніе фазисы восточнаго вопроса, которыхъ читателю будетъ пріятно не найти здѣсь, лордъ Биконсфильдъ дѣлаетъ слѣдующее важное заявленіе: упомянувъ о конференціи и объ отправкѣ англійскаго уполномоченнаго, онъ прибавляетъ: „принимая это рѣшеніе, я имѣлъ цѣлью поддержать миръ Европы и доставить возмущеннымъ провинціямъ лучшее управленіе, *не нарушая независимости и цѣлости османской имперіи*“. Вотъ капитальный пунктъ рѣчи, основаніе, вокругъ котораго будутъ вертѣться ораторы оппозиціи и правительства въ ихъ борьбѣ. Вотъ отвѣтъ, весьма положительный, несмотря на его уклончивость и наружную вѣжливость, на циркуляръ русскаго правительства.

Но чтó же стануть теперь дѣлать Гладстонъ и оппозиція? Въ послѣднемъ письмѣ ¹⁾, были описаны перипетіи кампаніи, предпринятой достопочтеннымъ представителемъ Гринича, митингъ на открытомъ воздухѣ, отчаянныя воззванія въ пользу турецкихъ славянъ и преимущественно болгаръ. Отмѣчено было и бессиліе этой агитаціи, и обнаруженъ ея истинный смыслъ, заключавшійся въ происксахъ партій. Съ тѣхъ поръ это движеніе отмѣтилось важнымъ фактомъ: я говорю про собраніе, происходившее въ Сень-Джемсъ-Голлѣ, 8 декабря, надѣлавшее одну минуту шума и окрещенное его организаторами

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», декабрь, 1876.

громкимъ именемъ „конференціи“. Тамъ, на одной и той же платформѣ, рядомъ съ Уэстминстерскимъ герцогомъ, лордомъ Шафтсбюри и м-ромъ Гладстономъ, толпились люди, навѣстные въ литературномъ и научномъ мѣрѣ, профессоръ Фаусетъ, историкъ Фриманъ, романистъ Антони Троллопъ, сэръ Кэмпбелъ, м-ръ Сидни Кольвинъ и проч. Тамъ раздавались пламенные рѣчи въ защиту угнетенныхъ. „Мы были союзниками Турціи и врагами Россіи,—восклицалъ Троллопъ:—пусть такъ, но теперешняя Россія не прежняя Россія“ (Продолжительныя рукоплесканія). Всѣмъ мерещилась эпоха Наварина и Миссолунги, и недоставало только, чтобы декламировали стихи Виктора Гюго:

Le vieux colosse Turc sur l'Orient retombe,
La Grèce est libre et dans la tombe,
Byron applaudit Navarin.

Salut donc, Albion, vieille reine des ondes!
Salut, aigle des Tsars, qui plane sur deux mondes.

Но, увы! энтузіазмъ былъ поддѣльный. И доказательствомъ тому служить быстрота, съ какой онъ угасъ и затихъ.

Во время послѣднихъ парламентскихъ преній о восточномъ вопросѣ, о „конференціи“ въ Сень-Джемсъ-Голлѣ почти не упоминали. Въ самый день открытія сессіи произошла мелкая перестрѣлка по случаю обсужденія адреса въ отвѣтъ на рѣчь королевы. Всѣмъ извѣстно, что этотъ адресъ — чистѣйшая формальность, неимѣющая ровно никакого значенія; все происходило тихо и семейно, и ничто не давало предчувствовать наступавшей бури. Эта послѣдняя разразилась въ засѣданіи 16 февраля, избранномъ Гладстономъ для запроса о турецкихъ дѣлахъ.

Достопочтенный членъ сначала разсмѣшилъ палату общинъ разсказомъ о негѣпой выдумкѣ, сочиненной одной англійской газетой. Корреспондентъ этой провинціальной газеты выпустилъ забавную „утку“. Онъ сообщалъ о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлю низвергнуть султана и замѣстить его герцогомъ Эдинбургскимъ: во главѣ этого предпріятія стоитъ будто бы князь Висмаркъ, русскій императоръ, лордъ Виконсфильдъ и самъ ораторъ, т. - е. Гладстонъ. Такимъ образомъ, приведя свою аудиторію въ хорошее расположеніе духа, онъ приступилъ къ болгарскому вопросу и заключилъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству,—объявить, не освободила ли Турція Европу отъ всякаго обязательства по отношенію къ ней тѣмъ, что не выполнила реформъ, обѣщанныхъ еще въ 1856 г. На что военный министръ Гаторнъ Гарди отвѣчалъ, сообразно съ mot d'ordre, заданномъ въ рѣчи королевы, что „правительство ея величества вовсе не считаетъ себя освобожденнымъ отъ обязательствъ, наложенныхъ

трактатомъ 1856 г., равно какъ и трактатомъ 1871^а... И прибавилъ въ заключеніе: „Итакъ, объявляю, что не считая себя обязаннымъ воевать за Турцію, мы считаемъ себя обязанными передъ нею и передъ цѣлымъ свѣтомъ поддерживать трактаты, которые ничто не даетъ намъ право нарушить“ (*шумныя рукоплесканія, къ которымъ присоединяются члены оппозиціи*).

Вотъ тутъ-то, и-ръ Чапленъ, болѣе извѣстный на погѣ скачекъ, нежели на аренѣ парламентскихъ преній взорвалъ мину, разразившись противъ Гладстона такой филиппикой, которая болѣе прилична жокю, нежели джентльмену: „Достопочтенный представитель Гринича не въ этой палатѣ боролся съ законными представителями правительства. Онъ прибѣгнулъ къ публичнымъ митингамъ, устраиваемымъ болѣею частію для его пріема, къ народнымъ рукоплесканіямъ, раздававшимся изъ толпы людей, собиравшихся на желѣзныхъ дорогахъ какъ-бы случайно, къ такъ-называемой національной конференціи, которая была не что иное, какъ подтасованный митингъ изъ его партизановъ, на который допускались лишь по билетамъ.... Достопочтенному члену остается только два пути: или взять назадъ свои обвиненія, или доказать ихъ: иного выхода не можетъ быть для честнаго человѣка“ (*Крики неодобанія со стороны оппозиціи и выраженіе одобренія на министерскихъ скамьяхъ*).

Полковникъ Муръ:— „Прошу слова съ тѣмъ, чтобы призвать къ порядку. Это личныя и весьма неодобрительныя нападки“.

М-ръ Гладстонъ:— „Г. президентъ, прилично-ли достопочтенному члену указывать мнѣ путь, котораго долженъ держаться честный человѣкъ?“ (*Шумныя рукоплесканія оппозиціи*).

Президентъ (спиверь):— „Ясно, что достопочтенный членъ преступилъ границы парламентскихъ преній“.

Вслѣдъ затѣмъ Гладстонъ всталъ. Задѣтый за-живое, онъ выказалъ истинное краснорѣчіе, что съ нимъ рѣдко бываетъ. И ему не стоило большого труда стереть въ порошокъ и уничтожить злочастнаго „gasing-man“, подавшаго поводъ для неожиданнаго торжества противниковъ правительства. Со времени Плимольскаго дѣла не бывало такого бурнаго засѣданія, и оно послужило новымъ доказательствомъ того, что въ Англии, равно какъ и на континентѣ, пренія въ парламентѣ бывають зачастую совсѣмъ не-парламентскими.

Тѣмъ не менѣе, все дѣло ограничилось ораторскимъ успѣхомъ. Пренія были отложены. Оппозиція возобновила пренія 20-го февраля, въ палатѣ лордовъ. На этотъ разъ опять аудиторія была многочисленная и избранная: извѣстно было, что leaders обѣихъ партій должны говорить, и лорду Виконсфильду приходилось дебютировать передъ верхней палатой. Принцъ и принцесса Уэльскіе,

герцогина Текъ, графиня Дёрби, м-ръ Гладстонъ, различные члены министерства, не считая представителей многихъ державъ, присутствовали на засѣданіи. Въ пять часовъ лордъ-канцлеръ, согласно установленной формулѣ, ушёлъ на мѣшкѣ съ шерстью, и герцогъ Аргайль открылъ огонь. „Милорды, — сказалъ онъ, — инструкціи благороднаго маркиза Салисбюри, когда онъ отправлялся на конференцію, касались двухъ главныхъ пунктовъ: во-первыхъ, требовалось добиться гарантій относительно реформъ, предполагаемыхъ въ Турціи, затѣмъ добиться также и гарантій относительно поддержанія европейскаго мира. Къ несчастію, ни тотъ, ни другой результатъ не былъ достигнутъ: реформы въ Турціи не осуществились и, увы! милорды, нѣтъ большой надежды на сохраненіе мира въ Европѣ“.

Послѣ этого меланхолическаго дебюта благородный герцогъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой, прося правительство сдѣлать *что-нибудь* для несчастныхъ народовъ Турціи, доводилъ свой патріотизмъ до того, что не требовалъ опредѣленнаго отвѣта: онъ желалъ только, чтобы кабинетъ заявилъ о своей готовности. Кромѣ того, высказывая надежду, что лордъ Виконфильдъ увѣнчаетъ свою карьеру, доставивъ нѣкоторое облегченіе турецкимъ христіанамъ, онъ рассчитывалъ также и на то, что ихъ оградить на будущее время отъ „отвратительнаго варварства турокъ, равно какъ и отъ автократическаго угнетенія (1) русскихъ царей (,the crushing autocracy of the Russian Czars).

„Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ „Pall-Mall Gazette“, органъ клубовъ, — настоящій вопросъ, который слѣдуетъ задать — это: что нужно дѣлать? До той минуты, пока не заговорилъ вчера въ парламентѣ герцогъ Аргайль, мы думали, что отвѣтъ у него готовъ. Всю нынѣшнюю осень и всю нынѣшнюю зиму, до вчерашняго дня, страна воображала, что такъ какъ правительство держится нелѣпаго, безнравственнаго и опаснаго образа дѣйствій, то члены оппозиціи начертали для себя совсѣмъ иной, приспособленный къ требованіямъ минуты“. Тутъ лукавый редакторъ заключаетъ, что страна ошибалась.

Естественно, что лордъ Виконфильдъ одержалъ легкую побѣду надъ своимъ мягкимъ противникомъ. Припертый къ стѣнѣ, онъ сталъ утверждать, что политика его не измѣнилась, и даже повторилъ, среди рукоплесканій большинства, знаменитыя слова, сказанныя имъ въ Гидголтѣ: „Я цѣню какъ слѣдуетъ филантропическія и гуманныя чувства; я знаю, что страна сочувствуетъ имъ, но я знаю также, что она принимаетъ живое участіе въ имперіи, основанной ея предками (Руконлестанія). Здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо эти чувства могли бы быть не признаны; и я твердо убѣжденъ, что, каковы бы ни были рѣшенія этой палаты и мнѣніе благородныхъ лордовъ противной

партіи, они всегда будутъ направлены къ поддержанію англійской имперіи⁶ (*Продолжительная рукоприкладія*). И затѣмъ, засѣданіе было закрыто, причѣмъ палата лордовъ, такъ же какъ и палата общинъ, и не подумала требовать какого-нибудь голосованія по этому вопросу.

Мало того: пренія должны были быть возобновлены въ пятницу, 23-го февраля, въ палатѣ общинъ. Каждый спѣшилъ добыть себѣ входный билетъ, чтобы присутствовать при возобновеніи борьбы, въ которой Гладстону снова предстояло восторжествовать надъ бѣднымъ Чапленомъ. Но вотъ, въ самую послѣднюю минуту, оказалось, что не соблюдена одна формальность: первый попавшійся членъ можетъ, въ силу регламента, воспротивиться преніямъ. Правительство объявляетъ, что не воспользуется этимъ правомъ; но даетъ понять, что оппозиціи, послѣ столькихъ нападокъ, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, потребовать голосованія по этому вопросу. Послѣ этого маркизъ Гартингтонъ встаетъ и объявляетъ, что въ виду обстоятельствъ, становящихся съ каждымъ днемъ настоятельнѣе, настроеніе оппозиціи слишкомъ патріотическое, чтобы она стала затруднять правительство: она удовольствуется сдѣланными объясненіями и откладываетъ пренія до второго пришествія.

„Эдинбургское Обзорніе“, самый значительный органъ виговъ, напечаталъ, 15-го января, сенсационную статью, озаглавленную: „Турція и Россія“, и вотъ ея заключеніе: „Идемъ, выраженные на этихъ страницахъ,—говоритъ авторъ въ концѣ статьи,—вообще раздѣляются—мы имѣемъ полное основаніе это думать—той значительной частью либеральной партіи, которая не увлекалась ни декламациями послѣднихъ митинговъ, ни подстрекательствами озлобленныхъ памфлетистовъ. Мы никому не уступимъ въ симпатіи къ христіанскимъ племенамъ, находящимся въ теченіи четырехъ-сотъ лѣтъ подъ игомъ Турціи, и наше вліяніе неоднократно сказывалось къ ихъ выгодѣ. Но мы не можемъ разомъ исправить вѣковую несправедливость, отбросивъ традиціи нашей европейской и азіатской политики и поправъ ногами свои обязательства. Больше всего на свѣтѣ желаемъ мы мира: и вполнѣ убѣждены, что его нельзя добиться насильственными поступками. Эти мнѣнія—мы слишкомъ хорошо это знаемъ—не раздѣляются восторженными членами нашей партіи, желающими немедленнаго разрушенія османской имперіи и готовыми броситься въ объятія Россіи, чтобы достичь исполненія своихъ желаній. Но этотъ взрывъ чувствъ нисколько не раздѣляется большинствомъ либеральной партіи и еще меньше либералами Франціи и Германіи, для которыхъ нѣкоторые факты, имѣвшіе недавно мѣсто въ Англии, были предметомъ удивленія, равно какъ и насмѣшки. Иностранцы націи иногда судятъ о насъ лучше, нежели мы сами“.

Ученый авторъ намекаетъ тутъ на статью въ „Deutsche Rundschau“. Коротко сказать, оппозиція въ Англіи бессильна и не единодушна, и правительству развязаны руки, такъ какъ вся страна за него.

И если теперь спросить, какою была и какою стала политика; все та же ли она, что и полгода назадъ,—то отвѣтъ кажется мнѣ незатруднителенъ. Мнѣ кажется, что онъ долженъ быть ясенъ для всѣхъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя легковѣрно вообразили, что Англія когда-нибудь присоединится къ Россіи,—хотя бы во главѣ ея стоялъ и Гладстонъ,—чтобы сражаться съ турками и истреблять ихъ. Лордъ Биконсфильдъ всегда заявлялъ, что нація готова поддерживать противъ всѣхъ трактаты 1856 и 1871 гг. Примирительный образъ дѣйствій маркиза Салисбюри на конференціи не внесъ никакого новаго элемента въ вопросъ: такъ какъ обсуждаемые пункты были предложены самой Англіей, то слишкомъ странно было бы, если бы она отдѣлилась отъ державъ, созданныхъ ею. Въ одной англійской газетѣ говорили и утверждали, что сэръ Эллиотъ подтачиваетъ дѣло лорда Салисбюри и секретно подстрекаетъ Порту къ сопротивленію. Это одна изъ тѣхъ дипломатическихъ пучинъ, изслѣдовать которыя не такъ-то легко. Между тѣмъ, очевидно, что предложенныя условія были не отяготительны. Принятіе ихъ Турціей, во всякомъ случаѣ, отсрочивало войну: а такой результатъ былъ бы торжествомъ для кабинета. Съ другой стороны, современные государственные люди пришли къ заключенію, что у турецкой имперіи гораздо больше жизненныхъ силъ, нежели это вообще думали; паденіе Мидхата-паши только на минуту поколебало это убѣжденіе. Въ немъ усмотрѣли такъ-называемую „русскую интригу“ въ отместку за низверженіе Абдуль-Азиса.

Какъ бы то ни было, а наступаетъ моментъ, когда голосъ перейдетъ на сторону пушекъ; надежда на миръ еще не совсѣмъ утрачена, но съ каждымъ днемъ все ослабѣваетъ, и всѣ готовятся къ войнѣ. Если Россія думаетъ, что наступилъ часъ прогнать „Мустафу“ изъ Европы, выражаясь словами Екатерины II, то пусть дѣйствуетъ! Но пусть она не питаетъ ни малѣйшей иллюзіи на счетъ „помощи и симпатіи“ со стороны Англіи, на которыя ей подавали надежды нѣкоторые шутники...

Не слѣдуетъ думать, чтобы внѣшняя политика у насъ заставляла забывать о внутреннихъ реформахъ, которыхъ требуютъ нѣкоторыя политическія и общественныя учрежденія въ Англіи. Англичане слишкомъ практичны для этого, и они правы. Въ числѣ министерскихъ биллей, внесенныхъ недавно въ парламентъ, самымъ важнымъ является билль о тюремной реформѣ. Онъ уже прошелъ черезъ формальность вторичнаго чтенія; принятіе его несомнѣнно и его можно считать от-

нынѣ вошедшимъ въ законодательство. Съ другой стороны, въ англійской пенитенціарной системѣ въ послѣдніе годы произошли такіа существенныя перемѣны, что будетъ небезъинтересно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рассмотреть ее въ ея цѣломъ составѣ.

Извѣстно, что „британскій подданный“ съ давнихъ поръ и по праву гордится покровительствомъ, оказываемымъ ему закономъ противъ всякаго посягательства на его свободу. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, какъ это часто дѣлаютъ, что въ Англии трудно арестовать преступниковъ. Нисколько; свобода англійскаго гражданина оберегается двумя пунктами: 1) никто не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ *warrant* (приказъ объ арестѣ) судьи. Подсудимый можетъ быть арестованъ полицейскимъ, но подъ его *личной ответственностью*, и содержаться въ локалѣ *ad hoc*, который собственно не есть тюрьма; 2) всякое арестованное лицо имѣетъ право требовать немедленнаго процесса или освобожденія въ силу *Habeas Corpus Act.* ¹⁾

Лицо, арестованное и признанное виновнымъ послѣ цѣлаго ряда формальностей, изложеніе которыхъ не касается нашего предмета, можетъ быть присуждено къ смертной казни или къ тюремному заключенію. Въ первомъ случаѣ, черезъ-чуръ часто повторяющемся, по нашему мнѣнію, дѣло касается одного только палача. Во второмъ бываетъ два исхода: если проступокъ сравнительно ничтоженъ и срокъ заточенія довольно кратокъ, не превышаетъ года или двухъ лѣтъ, то осужденнаго посылаютъ въ городскую тюрьму или тюрьму графства (*county or borough gaol*). Въ противномъ случаѣ лицо, осужденное на каторжную работу (*penal servitude*) (причемъ срокъ бываетъ самый разнообразный, начиная отъ 3-хъ лѣтъ и кончая пожизненнымъ), заключается въ правительственную тюрьму (*convicts prisons*).

Въ странѣ, гдѣ законъ *все*, несчастный, навлекшій на себя его кару, не можетъ рассчитывать на снисхожденіе въ прижизненіи его. Существо отвлеченное, неизблемое и нѣмое, законъ не знаетъ состраданія; для преступниковъ онъ является воротами новаго ада—отчасти заслуженнаго,—откуда изгнана всякая надежда. И если положеніе дѣлъ таково въ настоящее время, то какимъ же оно было сто лѣтъ тому назадъ! Бастилія Людовика XV-го отрывалась чаще для невиннаго, чѣмъ для виновнаго; поэтому, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, жизнь въ ней была сносна,—порой даже приятна,

¹⁾ Это право, формально признанное закономъ 1679 г., существовало гораздо раньше и занесено въ „*Magna-Charta*“ (Великая-Хартіа). Заключенный обращается къ одному изъ англійскихъ судей (*High Court of Justice*), который надаетъ „*Writ*“, которымъ онъ признается *лично* къ нему или къ другому какому судѣ (*Habeas corpus ad subjiciendum etc.*).

если только можетъ существовать какая-нибудь пріятность для чело-
вѣка, лишеннаго свободы!

Но кто опишетъ ужасы Ньюгетской тюрьмы при Георгахъ? Клещи, которыми тюремщикъ собственной властью ущемлялъ большіе пальцы непокорнаго узника; желѣзныи ошейникъ, которымъ сдавливали шею до тѣхъ поръ, пока кровь не хлынетъ изъ носа и ушей и глаза не выслачутъ изъ орбитъ, все это засвидѣтельствовано парламентскимъ слѣдствіемъ, назначеннымъ въ эту эпоху (Parliament History. Tom: VIII). Тамъ приводится между прочимъ одна подробность, указывающая на утонченную жестокость. „Однаго арестанта, — сообщается въ отчетѣ, — тюремщики заключили въ особую келью вмѣстѣ съ двумя мертвецами, находившимися тамъ уже четыре дня; его продержали шесть дней въ этой компаніи, и въ это время черви изѣли лица и глаза труповъ, межъ тѣмъ какъ туловища ихъ разлагались на глазахъ у несчастнаго узника¹. Воспоминаніе объ этихъ ужасахъ до сихъ поръ какъ будто еще носится надъ этими древними стѣнами, дѣлаетъ еще отвратительнѣе сырое и мрачное зданіе, которое вы видите по правую руку, выходя изъ Гольборнскаго виадука и направляясь въ Сити.

Къ счастью, появилось два челоѣка, вызвавшихъ общую реформу въ пенитенціарной системѣ. Послѣ Беккариа, всеобщаго преобразователя, слѣдуетъ поставить въ первомъ ряду Говарда и Бентама. Первый не чуждъ Россіи; кромѣ того, что останки его покоятся въ Херсонѣ, — есть полное основаніе предполагать вмѣстѣ съ графомъ Соллогубомъ, что исправительные дома основаны императрицей Елизаветиной по его совѣту¹). И замѣчательное дѣло, во время пребыванія своего въ могилевской губерніи, Бентамъ написалъ письма, собраніе которыхъ образуетъ знаменитое сочиненіе, извѣстное подъ заглавіемъ „Panopticon“ (1787). Тамъ изложены принципы, послужившіе основаніемъ для организаціи системы келейнаго заключенія, какъ она существуетъ въ Пентонвильской тюрьмѣ въ Лондонѣ и въ парижскомъ Мазасѣ.

Тѣмъ не менѣе протекло много времени, прежде чѣмъ могла быть введена серьезная реформа въ тюрьмы Великобританіи. Въ ту эпоху, несмотря на всѣ возраженія Бентама, общественное вниманіе было исключительно занято ссылкой, которую нѣкоторые публицисты представляли какъ *res plus ultra* совершенства въ дисциплинарномъ отношеніи. Эта система водворилась, хотя и крайне неправильно, въ царствованіе Елисаветы. Затѣмъ, Іаковъ I назначилъ колонію Виргинію для ссылки преступниковъ и бродягъ. Позднѣе, между правительственными агентами и колонистами установился родъ торговли,

¹) См. Transactions of the International penitentiary Congress. London. 1872.

и нѣкоторые промышленники становились за известную сумму владѣльцами ссыльных, которыхъ затѣмъ перепродавали колонистамъ. Словомъ, происходилъ настоящій торгъ бѣлыми невольниками, и ему положила конецъ только американская война.

Въ 1787 г. имѣла мѣсто первая официальная ссылка въ Ботани-Бей (въ Австралію). Эта система существовала во всю первую половину текущаго столѣтія: ссыльные, подчиненные первоначально строгому надзору, затѣмъ отпускались къ колонистамъ, заявлявшимъ желаніе взять ихъ къ себѣ. Тогда они получали ticket-of-leave (отпускной билетъ). Но серьезныя неудобства такой системы не замедлили обнаружиться. Колонисты, размножившись, начали жаловаться на то, что ихъ новое отечество наводняется населеніемъ подозрительной нравственности. Послѣ долгихъ преній и безконечныхъ препарательствъ законъ 1857 г. окончательно отмѣнилъ ссылку, замѣненную отнынѣ каторжной работой (penal servitude). Между тѣмъ какъ разъ въ эту эпоху сэръ Крофтонъ ввелъ въ ирландскія тюрьмы новую организацію, которую можно счесть однимъ изъ самыхъ удачныхъ нововведеній въ пенитенціарной системѣ. Эта организація, послужившая образцомъ въ различныхъ странахъ, въ настоящее время въ полной силѣ въ отечествѣ О'Коннела. Вотъ въ чемъ она состоитъ.

Въ Ирландіи, время, проводимое осужденными въ тюрьмѣ, раздѣляется на три стадіи. Первая проходитъ въ тюрьмѣ „Mountjoye“, построенной по правиламъ строжайшей системы келейнаго заключенія. Осужденный проводитъ все время въ своей кельѣ, и его никто не посѣщаетъ, кромѣ священника и тюремныхъ служащихъ. Этотъ первый періодъ длится восемь мѣсяцевъ; послѣ него наступаетъ вторая стадія, такъ-называемыхъ *общественныхъ работъ*. Заключенные переводятся тогда въ „Spike-Island“, гдѣ ихъ занимаютъ различными общественными работами.

„Convicts“ (это слово примѣняется только къ осужденнымъ на каторжную работу) раздѣляются тамъ на четыре разряда; съ каждымъ новымъ разрядомъ порядокъ заключенія и трудъ становятся все менѣе и менѣе суровы. Система *отмытокъ*, даваемыхъ за хорошее поведеніе и прилежаніе, позволяетъ заключеннымъ болѣе или менѣе быстро переходить изъ одного разряда въ другой.

Когда арестантъ достигъ послѣднаго разряда, ему остается только готовиться къ переходу въ третью стадію.

Эта послѣдняя проходитъ въ „Lusk“, и на ней особенно выдѣляется оригинальность системы. Арестанты пользуются относительной свободой; раздѣленные на небольшія группы, они больше не носятъ тюремной одежды и работаютъ внѣ тюрьмы подъ надзоромъ небольшого числа официальныхъ лицъ, тоже безъ мундира. Ника-

кихъ мѣръ противъ побѣговъ не принимается; впрочемъ, арестантамъ нѣтъ никакой выгоды воспользоваться предоставленной имъ свободой. Они уже находятся наканунѣ временнаго освобожденія, которое почти всегда даруется имъ; они получаютъ *отпускъ*, который, само собой разумѣется, можетъ быть отмѣненъ. Эти-то арестанты, временно-отпущенные на волю, получаютъ названіе „ticket-of-leave men“, вслѣдствіе того, что публика присвоила имъ названіе, подъ которымъ были извѣстны въ Австраліи ссыльные, отпускаемые къ колонистамъ.

Таковы „Irish Convicts“ или „Croftonsystem“. Изобрѣтатель хѣтѣлъ третьей стадіей, называемой промежуточной, приучить такъ сказать арестанта къ свободѣ, которая его ожидаетъ. Съ другой стороны, публика съ меньшимъ недоумѣніемъ встрѣчаетъ людей, работавшихъ на ея глазахъ и отличавшихся примѣрнымъ поведеніемъ.

Эта система дала наилучшіе результаты, и она введена отчасти въ тюрьмы Англій и княжества Уэльскаго. Говоримъ: отчасти, потому что третья стадія отмѣнена. Тотчасъ послѣ произнесенія приговора англійскіе convicts отводятся въ одну изъ двухъ тюремъ, устроенныхъ по системѣ келейнаго заключенія и извѣстныхъ въ столицѣ подъ названіемъ Пентонвилля и Милльбанка. Первая построена въ 1842 г. по образцу знаменитой американской Питсбургской тюрьмы, и заключаетъ 1026 келій. Милльбанкъ построенъ въ 1813 г. по указаніямъ Бентама; но только, какъ это всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, первоначальная идея великаго реформатора измѣнена и упрощена.

Заключенные проводятъ девять мѣсяцевъ въ этихъ тюрьмахъ: признано, что болѣе продолжительное келейное заключеніе самымъ пагубнымъ образомъ отражается на здоровьѣ и умственныхъ способностяхъ арестантовъ. Они работаютъ по девяти часовъ въ сутки въ своихъ кельяхъ; имъ даютъ два часа на ѣду и три четверти часа вечеромъ на чтеніе. Кромѣ того, они проводятъ полчаса въ церкви и употребляютъ часть времени на прогулку, во время которой видятъ другъ друга, но не могутъ говорить. Школьные учителя занимаются образованіемъ арестантовъ.

По окончаніи девяти мѣсяцевъ, проведенныхъ въ келейномъ заключеніи, арестантовъ переводятъ въ одну изъ большихъ „Convicts Prisons“ государства. Ихъ всѣхъ насчитывается девять для мужчинъ; самыя большія: Портлендская, Дартмурская, Портсмутская, Чатамская и Паргортская. Женщинъ отправляютъ въ Фульгамъ и Вокингъ. Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ, каждый арестантъ на ночь отводится въ особую келью, но работа производится сообща подъ надзоромъ сторожей.

Въ Дартмурѣ томится толстякъ, извѣстный подъ именемъ Артура Ортона, котораго д-ръ Кинели и его приверженцы упорствуютъ звать „сэрѣмъ Роджеромъ Тичборномъ“. Эта тюрьма, которую мы можемъ признать за образецъ, содержитъ среднимъ числомъ 730 арестантовъ. Время проводится тамъ слѣдующимъ образомъ: арестанты встаютъ въ 3 часа дѣломъ, въ 8½ зимомъ, и ложатся спать въ восемь часовъ. Они работаютъ около девяти часовъ. Система отиѣтокъ приѣмляется, какъ и въ Ирландіи; но онѣ даются исключительно за хорошую работу, а не за хорошее поведеніе. Дурное, само собой разумѣется, лишаетъ выгоды, даваемой отиѣтками. Съ другой стороны, побоялись развить лицензію, придавая слишкомъ большое значеніе поведенію. Maximum отиѣтокъ 8 въ день: арестанту, получающему ихъ постоянно, сокращается на одну четверть срока его наказанія. Превосходная система и гораздо болѣе полезная, чѣмъ та, когда для освобожденія арестанта нужны просьбы и протекція.

Такимъ образомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ арестантамъ сокращается на одну четверть срокъ ихъ наказанія. Возьмемъ для примѣра хотя того же Тичборна, присужденнаго къ 14 годамъ каторжной работы. Есть полное основаніе ожидать что дѣтъ черезъ десять онъ превратится въ „ticket-of-leave-man“ на остальной срокъ своего наказанія. Забудьте, къ тому же, что арестанты, пользующіеся временной полу-свободой, подчинены весьма мало стѣснительному надзору. Полиція ихъ нисколько не притѣсняетъ, если только они ведутъ себя хорошо и не оставлены безъ средствъ къ существованію.

Для предотвращенія послѣдняго, въ Лондонѣ въ 1857 г. образовалось общество „Пособія освобожденнымъ арестантамъ“. По прибытіи въ Лондонъ временно-освобожденнаго арестанта, его разспрашиваютъ объ его планахъ, средствахъ къ существованію, отыскиваютъ ему квартиру, и агентъ общества хлопочетъ о доставленіи ему работы. Всѣ единодушно отдають справедливость обществу и признають заслуги, которыя оно оказываетъ.

Вотъ какой системой Англія замѣнила ссылки и понтоны. Хороша ли она, выполняетъ ли три великихъ условія, признаваемыя современной наукой необходимыми для успѣшности пенитенціарнаго порядка? Устрашаетъ ли она виновнаго и тѣхъ, кто бы вздумалъ ему подражать? Исправляетъ ли она его? и ставитъ ли его въ невозможность вредить? Статистика отвѣтитъ намъ на это, хотя бы только отчасти. Извѣстно, что тюрьмы находятся въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ.

„Convicts prisons“ подчинены непосредственно надзору совѣта изъ четырехъ *директоровъ*, назначаемыхъ правительствомъ; офиці-

альное лицо, заведующее управлениемъ каждой отдѣльной тюрьмы, называется „governor“. Это обыкновенно офицеръ арміи, получающій вознагражденія отъ 500—700 фунтовъ стерлинговъ. Ежегодно, директора печатаютъ самый подробный отчетъ о положеніи различныхъ тюремъ. Изъ этихъ официальныхъ отчетовъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія.

Средняя цифра осужденныхъ на каторжную работу доходила до 2148, въ пятилѣтній періодъ по 1869 г., между тѣмъ въ такой же точно періодъ, окончившійся въ 1874 г., эта цифра упала до 1,810. Такъ какъ средній срокъ заключенія для арестантовъ составляетъ 8 лѣтъ, то разочли, что средняя цифра арестантовъ въ данный моментъ во всѣхъ „Convicts-prisons“ равняется 8334. Въ концѣ 1871 г. ихъ было въ дѣйствительности только 8908, а 31 декабря 1875 г. ихъ насчитывалось всего 8571. Что касается отпусковъ, то въ 1874 г. ихъ дано было 1356; что касается отбѣны отпусковъ, то ихъ насчитывали всего 93 (для мужчинъ).

Эти результаты, которыми всѣ довольны, служатъ новѣмъ подтвержденіемъ превосходства гуманныхъ теорій Беккариа и Бентама. Существенная цѣль системы предотвращенія преступленій достигается; число преступленій уменьшается. Уже давно замѣчено, что воровство и подлогъ никогда не были такъ часты, какъ въ эпоху, когда ихъ наказывали смертію: исторія Англій доказываетъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Всего какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ тому назадъ порядки, господствовавшіе въ англійскихъ тюрьмахъ, превышали суровостью все, чтб только можно вообразить. Въ настоящее время, когда порядки эти смягчились такъ же значительно, какъ и неожиданно, цифра преступленій стала падать съ такой правильностью, что нельзя сомнѣваться въ значеніи этого явленія. Приходится признать превосходство и великій смыслъ „принципа исправленія“. Такимъ образомъ, вопросъ о гуманности важенъ не исключительно для однихъ осужденныхъ, какъ бы желали это доказать близорукіе публицисты. Онъ затрагиваетъ и само общество, члены котораго такимъ образомъ надежнѣе обезпечиваются въ своей жизни и собственности. Вудемъ надѣяться, что Англія, наученная опытомъ, не замедлитъ сдѣлать такой же шагъ впередъ въ примѣненіи смертной казни, какой сдѣлала въ вопросѣ о каторжной работѣ.

Надо теперь поговорить объ обыкновенныхъ тюрьмахъ—„County and Borough gaols“;—законъ, внесенный въ парламентъ, долженъ вызвать улучшеніе въ ихъ организаціи. Такихъ тюремъ въ Англій 116. Въ нихъ заключаютъ неважныхъ преступниковъ, а также и несостоятельныхъ должниковъ; они набираются главнымъ образомъ

изъ лицъ, которыя не въ состояніи уплатить извѣстные, наложенные на нихъ штрафы, а также и изъ несостоятельныхъ должниковъ, уличенныхъ въ недобросовѣстности, небрежности и пр.

Подобно тому, какъ мы взяли Дартмурскую тюрьму за образецъ, такъ и тутъ мы остановимся на Кольдбатфильдской тюрьмѣ въ лондонскомъ Сити. Она содержитъ обыкновенно 1800 заключенныхъ, и большинство ихъ приговорено къ заключенію срокомъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Годовой расходъ за 1874 г. опредѣляется въ официальномъ отчетѣ въ 43,111 фунтовъ стерлинговъ; жалованье служащимъ составляетъ 12,742 фунта стерлинговъ. Каждый заключенный обходится въ годъ въ 25 ф. 3 шиллинга, 7 пенсовъ; работа доставляетъ 1 фунтъ, 7 шиллинговъ.

Не слѣдуетъ забывать, что „работа“ въ англійскихъ тюрьмахъ двухъ родовъ. Кромѣ обыкновенной работы существуетъ „тяжелая работа“, и она раздѣляется на два разряда. „Тяжелая работа“ перваго разряда заключаетъ „tread mill“, „crank“ и „shot drill“. Всѣ слышали про кѣтку или цилиндръ въ формѣ колеса, въ родѣ того прибора, въ который иногда сажаютъ бѣлокъ. Несчастные, осужденные на это упражненіе, замѣняютъ бѣлку, и нельзя себѣ представить ничего унизительнѣе и отвратительнѣе нелѣпой пытки, какой подвергають людей посредствомъ „tread mill“. Еще нелѣпѣе „shot drill“; онъ заключается въ перенесеніи ядеръ изъ одного угла въ другой; арестанты складываютъ ихъ въ кучи, затѣмъ разрушаютъ, и снова складываютъ—и такъ далѣе. По крайней мѣрѣ, круговращательное движеніе „tread mill“ примѣняется къ накачиванію воды и пр., но въ настоящемъ случаѣ ничего полезнаго не производится черезъ это напряженіе мускуловъ. То же самое нужно сказать и про „crank“, которое заключается въ томъ, что арестанты пересыпають песокъ. „Тяжелая работа“ 2-го разряда заключается въ томъ, что заставляютъ распускать старыя веревки, вязать носки и пр. Судья, произносящій приговоръ, присуждаетъ, если обстоятельства того требуютъ, такое усиленіе наказанія и опредѣляетъ какого именно разряда.

Главные наказанія заключаются въ келейномъ заключеніи и розгахъ. Въ Кольдбатфильдѣ, въ 1874 г., изъ 11,000 заключенныхъ первому наказанію были подвергнуты 1068 человекъ; 40 были высѣчены. Не знаю, насколько послѣднее наказаніе необходимо для поддержанія дисциплины среди арестантовъ; всѣ компетентныя власти, т.-е. служащіе въ тюрьмахъ, высказываются за розги. Правда и то, что британскій подданный изъ низшаго класса, необразованный и не-респектабельный (есть работники, за которыми признается *респектабельность*)—этотъ субъектъ, говорю я, самое грубое существо въ

мѣръ, что составляетъ также одно изъ послѣдствій пьянства. Совѣмъ гѣмъ, если болѣе гуманное обращеніе вообще дало такіе прекрасные результаты, то можно было бы съ увѣренностью на успѣхъ идти дальше на этомъ пути и отмѣнить въ обыкновенныхъ тюрьмахъ розги, „tread-mill“ и „crank“.

При этомъ порядки въ городскихъ тюрьмахъ и тюрьмахъ графства мѣняются, смотря по мѣстности, и вотъ этому-то, слегка анахроническому характеру тюремъ владеть конецъ новый законъ. Известно, что нищета, лѣность, зачастую бывающая ея причиной, равно какъ и слѣдствіемъ, такъ велики въ здѣшней странѣ, что бывали примѣры, что люди нарочно воровали, чтобы ихъ засадили въ тюрьму и кормили. Въ такомъ случаѣ иной субъектъ ходилъ за двадцать или тридцать лѣ въ воровать какой-нибудь мѣшокъ картофеля въ отдаленномъ графствѣ, потому что тюрьма тамъ славится своимъ комфортомъ.

Городскія тюрьмы и тюрьмы графства находятся въ вѣдѣніи мѣстныхъ мировыхъ судей.

Собираясь во время *quarter sessions*, они регулируютъ подробности администраціи, провѣряютъ издержки, назначаютъ директоровъ тюремъ и другихъ чиновниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ именемъ *visiting justices*, назначаются для инспектированія тюремъ время отъ времени. Правительство вмѣшивается въ дѣло лишь въ лицѣ своихъ инспекторовъ, которые имѣютъ право общаго надзора, но не касаются подробностей управленія.

Билль м-ра Кросса (министра внутреннихъ дѣлъ) устраняетъ эту аномалію и ставитъ тюрьмы графства подъ непосредственный надзоръ правительства, какъ и *convicts prisons*. Онъ вводитъ однообразную организацію, подъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кроссъ считаетъ, что изъ нынѣ существующихъ 116 тюремъ могутъ быть упразднены по меньшей мѣрѣ 50, а это составитъ для плательщиковъ податей экономію въ 392,000 ф. с.—что не бездѣлица.

Прочитанный вторично въ палатѣ общинъ, 15 февраля, законопроектъ былъ предварительно принятъ большинствомъ 279 голосовъ противъ 69. „Билль,—говоритъ „Times“,—подалъ поводъ къ самымъ страннымъ парламентскимъ комбинаціямъ и на немъ сошлись, во всеобщему удивленію, бирмингемскій экс-мэръ (Чамберленъ) и представитель сѣвернаго Варвикшира. Видѣть, какъ м-ръ Ньюдигетъ поздравляетъ радикальныхъ членовъ палаты съ ихъ благонамѣренными конституціонными принципами и радикальнаго экс-мэра самаго радикальнаго изъ англійскихъ городовъ, восхищающихся краснорѣчивой защитой м-ра Ньюдигета провинціального самоуправленія—вотъ достойная награда м-ру Кроссу за его труды и усилія“.

Дѣло въ томъ, что это новый ударъ, нанесенный мѣстнымъ учреж-

деніямъ, которыя англійское правительство такъ основательно стремится замѣнить центральной администраціей. А такъ какъ въ Англій существуютъ всѣ гарантіи для свободы, какъ личной, такъ и политической, то такая централизація можетъ только быть выгодною для „британской имперіи“ и ея счастливыхъ подданныхъ.

Я говорю это вообще, потому что если коснуться частныхъ, то увидишь, что общее и кажущееся благо не всегда бываетъ достаточно для счастья частныхъ лицъ. Я говорилъ выше о суровости закона, въ особенности когда примѣненіе его поручается грубымъ животнымъ, оправдывающимъ на себѣ теорію Дарвина о происхожденіи человѣка. Недавно произошелъ возмутительный случай въ кварталѣ Вестъ-Энда,—подтверждающій эту истину.

Одинъ бѣдняга краснодеревщикъ, обремененный женою и семью дѣтьми, и заболѣвшій чахоткою, впалъ въ крайнюю нищету: работа жены и двухъ старшихъ дѣтей не могла, разумѣется, поддерживать существованіе всей семьи.

Хозяйка дома приказала ему очистить квартиру, оставивъ, разумѣется, въ ней мебель и платье въ уплату долга за квартиру, и такъ какъ приказаніе ея не исполнялось съ должной скоростью, то отрядилъ своего агента, съ порученіемъ выжить изъ квартиры злосчастнаго жильца.

Между тѣмъ краснодеревщикъ уже находился при послѣднемъ издыханіи, но агентъ объявилъ, что агонія притворная, и продолжалъ настаивать на томъ, чтобы жильцы очистили квартиру. Такъ какъ настоянія его не увѣнчались успѣхомъ, онъ заложилъ каминъ, чтобы нельзя было его топить и заколотилъ заднюю дверь, чтобы нельзя было ходить за водой. Заколочивать наружную дверь онъ нашелъ излишнимъ, такъ какъ голодная семья не имѣла никакихъ средствъ добыть хлѣба или мяса.

Прошло два дня. Умиравшій все еще не отходилъ, а жена и дѣти погибали возлѣ него отъ холода и голода. Тогда агентъ рѣшился на энергическія мѣры: онъ вынулъ рамы изъ оконъ. Это ускорило развязку: умирающій, наконецъ, скончался, и комната была очищена. Слѣдствіе коронера признало, что смерть воспослѣдовала отъ болѣзни, и агентъ можетъ радоваться, что такъ удачно отстаивалъ право собственности. Но справедливость требуетъ замѣтить, что печать и публика взволновались этимъ „случаемъ“, и въ настоящее время въ конторѣ газеты „Daily Telegraph“ открыта подписка въ пользу несчастнаго семейства. Нуженъ былъ бы новый Диккенсъ для бичеванія гнусныхъ дѣлъ, уменьшенію которыхъ онъ значительно содѣйствовалъ.

Публика Вестъ-Энда еще не въ полномъ сборѣ. Сверхъ того, она

и печальна: ожиданіе войны, опустошенія, производимыя оспой, не шадящей даже отечества Дженнера, застой въ дѣлахъ—все это наводитъ тоску, которой, кажется, не скоро предстоитъ разсѣяться. Сборища рѣдки и до сихъ поръ все дѣло ограничивалось парламентскими обѣдами, въ числѣ которыхъ обѣдъ, данный лордомъ Гренвилемъ, отличался по обыкновенію какъ кулинарнымъ достоинствомъ, вошедшимъ въ Лондонѣ въ пословицу, такъ и числомъ благородныхъ герцоговъ и графовъ, присутствовавшихъ на немъ.

Глаза всѣхъ устремлены здѣсь на Россію, и многіе бы желали, чтобы были приняты во вниманіе слова Вольтера, который, пророча побѣду надъ турками въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ II, прибавляетъ: „Quand une fois on a tiré l'épée, on ne peut prévoir comment les choses finiront“.

R.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

19/м марта 1877.

Приливъ и отливъ въ германской имперіи.

Прошло уже четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ собрался новый рейхстагъ, котораго ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ послѣднемъ письмѣ я очертилъ положеніе партій во время послѣднихъ выборовъ и панической страхъ, вызванный усиленіемъ соціально-демократическаго элемента въ новомъ собраніи.

Правительство, повидимому, спокойно взглянуло на это, и императоръ Вильгельмъ, самъ на этотъ разъ открывавшій рейхстагъ (10 (22) февраля), высказалъ въ тронной рѣчи, что онъ доволенъ выборами: „составъ рейхстага послѣ новыхъ выборовъ заставляеть меня надѣяться, что и въ настоящую сессію, также какъ и въ двѣ предъидущія, удастся выполнить важныя задачи, предстоящія рейхстагу, въ согласіи съ союзными правительствами и во благо націи“. Главными задачами названы: назначеніе бюджета, возобновленіе торговаго договора съ Австро-Венгріей и нѣсколько менѣе важныхъ законопроектовъ; затѣмъ говорится объ экономическихъ затрудненіяхъ и внѣшней политикѣ,—о послѣдней въ самомъ миролюбивомъ духѣ.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ опять случилась та бѣда, что прус-

скій ландтагъ не окончилъ своихъ трудовъ, и такимъ образомъ обѣ корпораціи засѣдали одновременно; это крайне утомляло правительство, тѣхъ членовъ, которые принадлежать къ обѣимъ корпораціямъ—печатъ и публику. При такихъ условіяхъ, собственно говоря, нельзя было особенно жаловаться на то, что у правительства не были готовы законопроектъ, которые оно намѣревалось внести въ рейхстагъ, между прочимъ законопроектъ бюджета, который предстояло еще обсудить союзному совѣту. Касательно его извѣстенъ былъ только тотъ фактъ—впослѣдствіи подтвердившійся,—что имперія насчитываетъ дефицитъ въ 25 милліоновъ марокъ, и что предстоитъ его покрыть такъ или иначе.

Ультрамонтаны доставили себѣ удовольствіе затягивать, насколько возможно, пренія въ ландтагѣ, и это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что въ половинѣ февраля начались пренія о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, всегда представляющія удобную почву для клерикальныхъ нападокъ. Не менѣе десяти засѣданій употреблено было на обсужденіе этого бюджета, и результатомъ было то, что законопроектъ принять безъ всякихъ измѣненій, о чемъ можно было заранѣе догадываться. Да и ультрамонтаны, конечно, ожидали этого: имъ хотѣлось только насолить правительству и поддержать или обновить волненіе въ средѣ своихъ приверженцевъ преувеличенными описаніями угнетенія, претерпѣваемаго церковью. Въ этихъ случаяхъ не имѣется въ виду сказать что-либо новое, а повторяется въ сто-первый разъ то, что уже было сказано сто разъ. Величайшимъ торжествомъ для оратора бываетъ, если онъ подберетъ болѣе сильныя выраженія, чѣмъ тѣ, которыя употребилъ предшествующій ораторъ. Кого президентъ призоветъ къ порядку, тотъ считаетъ, что онъ отличился. На этотъ разъ ультрамонтаны приготовили ландтагу совсѣмъ особенный сюрпризъ. Выпустивъ въ теченіи десяти засѣданій всѣ свои заряды, имъ вдругъ вздумалось разыграть комедію примиренія. Ультрамонтанскій депутатъ Кремеръ высказалъ отъ себя и отъ своей партіи желаніе, чтобы распря, наконецъ, окончилась, и употребилъ при этомъ слово: „пересмотръ майскихъ законовъ“, а это было важно въ томъ отношеніи, что, какъ извѣстно, ультрамонтаны до сихъ поръ не хотѣли слышать о пересмотрѣ майскихъ законовъ, а требовали ихъ отміны. На бѣду, Ласкеръ попался на удочку. Какъ еврей, онъ естественно склоненъ сочувствовать даже и тому, кто прикидывается гонимымъ за свои религіозныя убѣжденія. Доселѣ вотировавъ за всѣ законы, изданные въ продолженіи культурной борьбы, онъ сдѣлалъ теперь ту уступку, что предложилъ ультрамонтанамъ доказать, что майскіе законы вызываютъ столкновеніе между законами нравственности и государственными законами, заявляя, что

если они докажутъ это, то всегда найдутъ его готовымъ оказать имъ поддержку. Ультрамонтаны тотчасъ же ухватились за такое заявленіе, и можно было опасаться, какъ бы это не подало мысль, что національ-либеральная партія утомлена борьбой, а слѣдствіемъ этого было бы конечно то, что ультрамонтаны стали бы еще назойливѣе, хотя министръ народнаго просвѣщенія, д-ръ Фалькъ, немедленно потребовалъ слова, и объявилъ, что онъ отнюдь не желаетъ продленія борьбы и вовсе не создаетъ препятствій для примиренія, какъ это утверждаютъ. Депутатъ Вирховъ, принадлежащій къ прогрессивной партіи, но поддерживавшій въ культурной борьбѣ правительство, замѣтилъ, что Ласеръ чересъ-чуръ сантименталенъ, и неизвестно чѣмъ бы окончилось это обстоятельство, если бы сами ультрамонтаны не посѣпили опровергнуть заявленіе объ ихъ готовности къ примиренію. Последнія мѣропріятія папы также доказали, что католичество далеко отъ всякой уступчивости.

Что хорошее расположеніе духа не покидаетъ собраніе даже среди ожесточеннѣйшихъ споровъ, доказала маленькая сцена въ одномъ изъ февральскихъ засѣданій, когда фонъ-Шарлемеръ-Альстъ привелъ извѣстное стихотвореніе Гофманна фонъ-Фалерслебена, начинающаеся словами:

O sage mir, wie heisst das Thier,
Das alles kann vertragen,
Das wohl den grössten Rachen hat
Und auch den grössten Magen ¹⁾.

При этихъ словахъ ультрамонтанскаго оратора раздался громкій крикъ на лѣвой:—„Церковь!“—и вызвалъ, понятно, громкій смѣхъ, такъ что заключительныя слова стихотворенія, что животное это въ морѣ называется акулой, а на землѣ—казноу, не произвели никакого эффекта.

Результатомъ проволочекъ, вызванныхъ тактикой ультрамонтанъ, было то, что многіе весьма важные вопросы, рѣшеніе конхъ было крайне желательно, обсуждались совсѣмъ второпяхъ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касается раздѣленія союбдней вахъ провинціи Пруссія. Эта провинція занимала до сихъ поръ пространство въ 1178 квадратныхъ миль и насчитывала слѣшкомъ 3 милліона жителей. Она самая обширная изъ всѣхъ провинцій прусскаго королевства, и можно было опасаться, что оберъ-президентъ, кругъ дѣятельности котораго значительно расширился вслѣдствіе новаго провинціального уложенія, не справится съ дѣлами. Должно быть, это соображеніе побудило

¹⁾ О, скажи мнѣ, какъ называется животное, которое можетъ все перенести, у котораго самая большая пасть и самый большой желудокъ.

правительство благосклонно отнеслось къ проекту раздѣленія, инициатива котораго принадлежитъ западной Пруссіи. До сихъ норъ въ этой провинціи, слитой въ одно цѣлое въ 1829 г., провинціальный сеймъ, оберъ-президентъ и всѣ высшія провинціальныя власти пребывали въ Кенитсбергѣ, и западная Пруссія считала это для себя обиднымъ. Къ этому присоединилось еще политическое разномысліе. Восточная Пруссія—старинный оплотъ прогрессивной партіи, между тѣмъ какъ западная Пруссія больше симпатизируетъ національ-либераламъ. Западная Пруссія уже раньше неоднократно хлопотала о раздѣленіи, но проектъ ея встрѣчалъ холодный приемъ. Но на этотъ разъ правительство иначе отнеслось къ нему, и проектъ принять, хотя незначительнымъ большинствомъ голосовъ, сначала въ палатѣ депутатовъ, затѣмъ въ палатѣ господъ, которая въ эту сесію избѣгала всякой оппозиціи и выказывалась крайне дружественной относительно правительства.

Этотъ вопросъ касался внутренней жизни Пруссіи; но два другихъ, тоже обсуждавшихся въ послѣднихъ засѣданіяхъ ландтага, подали поводъ къ интереснымъ преніямъ въ рейхстагѣ: я говорю о проектѣ прусскаго правительства касательно берлино-дрезденской желѣзной дороги и о такъ-называемомъ „дѣлѣ Кантацкаго“. По поводу этого послѣдняго, вопросъ о „вынужденіи показаній“ (Zeugenzwanges), играющій такую важную роль въ прусскомъ законодательствѣ, вызвалъ необыкновенно оживленныя пренія, сначала въ ландтагѣ, потомъ въ рейхстагѣ, и послужилъ и тутъ, и тамъ къ пораженію правительства.

Въ прежнее время сообщеніе между Берлиномъ и Дрезденомъ производилось черезъ ангалтскую желѣзную дорогу, принадлежащую частному обществу, и съ одной стороны идущую до Лейпцига, съ другой по направленію къ Дрездену, и проходящую по близости отъ прусско-саксонской границы, примыкая къ саксонской линіи. Но въ періодъ спекуляціонной горячки проведена была болѣе прямая линія между Берлиномъ и Дрезденомъ. Дорога эта идетъ, конечно, частію по саксонскимъ, частію по прусскимъ владѣніямъ. Общество, построившее ее и управляющее ею, имѣетъ свое правленіе въ Берлинѣ, и между обоими заинтересованными въ дѣлѣ правительствами заключенъ былъ договоръ, регулирующій ихъ взаимные интересы. Берлино-дрезденская дорога съ самаго начала повела свои дѣла очень плохо и находилась постоянно въ денежныхъ затрудненіяхъ, которыя съ теченіемъ времени все росли, да росли. Чтобы выпутаться изъ нихъ, общество приду мало заключить заемъ, гарантированный прусскимъ правительствомъ, и передать правительству управленіе и эксплуатацію дороги. Между обществомъ и прусскимъ пра-

вительствомъ заключенъ былъ договоръ въ этомъ смыслѣ. Но саксонское правительство отказало въ своемъ согласіи, такъ какъ само намѣревалось купить ту часть дороги, которая проходитъ по саксонской землѣ. Прусское правительство, въ силу договора, заключеннаго въ 1872 г., между нимъ и саксонскимъ правительствомъ, считаетъ послѣднее обязаннымъ согласиться на предполагаемую сдѣлку. Такъ какъ саксонское правительство настаиваетъ на своемъ отказѣ, то приходится пустить въ ходъ 76-ю статью имперской конституціи, которая гласитъ: „спорные вопросы, возникающіе между различными союзными правительствами, обсуждаются, по требованію одной изъ сторонъ,—если не касаются частныхъ интересовъ и не подлежатъ, слѣдовательно, компетентнымъ судилищамъ — союзнымъ совѣтомъ“. Итакъ, прусское правительство обратилось къ союзному совѣту, и этотъ послѣдній постановилъ, что высшая судебная палата вольныхъ городовъ, засѣдающая въ Любекѣ, должна рѣшить третейскимъ судомъ споръ, возникшій между двумя правительствами. Но такъ какъ пройдетъ довольно много времени, прежде чѣмъ состоится этотъ приговоръ, то прусское правительство порѣшило представить свой договоръ съ берлино-дрезденской дорогой на *предварительное* обсужденіе прусскаго ландтага. При этомъ оно вовсе не скрывало цѣлей, преслѣдуемыхъ имъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Хотя оно отнюдь не намеревается приобрести всѣ частныя дороги въ свое вѣдѣніе, но желаетъ только подчинить государству линію, которая бы господствовала надъ всѣми путями сообщенія,—но, кажется, что въ этомъ отношеніи оно придаетъ большое значеніе дорогѣ въ Дрезденѣ, именно потому, что въ этомъ направленіи до сихъ поръ шли однѣ только частныя дороги, на которыя оно не оказываетъ никакого вліянія. Естественнымъ слѣдствіемъ такой откровенности было то, что вопросъ тотчасъ же сталъ обсуждаться съ высшей точки зрѣнія политическаго принципа, а именно: желательна ли или нѣтъ система предоставленія желѣзныхъ путей въ исключительное вѣдѣніе государства. Относительно этого вопроса въ различныхъ политическихъ партіяхъ существуетъ внутреннее разногласіе, за исключеніемъ прогрессивной партіи, которая единодушно не желаетъ расширенія государственной власти въ этой области. Точно также враждебны проекту и партикуляристы всѣхъ родовъ; что же касается, напримеръ, національ-либеральной партіи и даже консервативной, то члены этихъ партій расходятся во взглядѣ на этотъ предметъ. Въ комиссіи депутатовъ, куда внесенъ былъ проектъ первоначально, онъ былъ отвергнутъ. Иная участь постигла его въ засѣданіи *in plenum*, гдѣ его *pro-verse* силъ защищалъ министръ торговли Ахенбахъ. Проектъ былъ принятъ сначала большинствомъ 189-ти про-

тивъ 182-хъ голосовъ, а при послѣдующихъ преніяхъ—болѣе значительнымъ большинствомъ. Нѣтъ надобности передавать подробности преній, но объ одномъ долженъ я упомянуть, ради ясности, такъ какъ иначе не будетъ вполне понятна сущность этого вопроса,—что въ договорѣ, заключенномъ между Пруссіей и желѣзнодорожной компаніей, есть статья, опредѣляющая, что государство имѣетъ право передать имперіи всѣ права и обязанности, вытекающія изъ договора. Это создаетъ возможность сдѣлать эту дорогу имперской желѣзной дорогой.

Но именно этотъ пунктъ, то-есть эта возможность, и вызываетъ упорное сопротивленіе саксонскаго правительства, и здѣсь было бы кстати поговорить о партикуляристическихъ стремленіяхъ, проявляющихся съ нѣкоторыхъ поръ въ Германіи. Но я говорю объ этомъ дальше и укажу при этомъ на другіе симптомы того же рода, а теперь перейду къ дѣлу Кантецаго.

Д-ръ Кантецкій—католическій священникъ и отвѣтственный редакторъ ультрамонтанской, польской газеты „Курьеръ Познанскій“. Въ этой газетѣ появился въ сентябрѣ мѣсяцѣ секретный приказъ главнаго директора почтъ въ Бромбергѣ, въ которомъ предписывалось почтовымъ чиновникамъ вскрывать всѣ письма, адресъ которыхъ обличить почеркъ графа Ледоховскаго. Автографъ графа Ледоховскаго былъ приложенъ къ инструкціи. Правительство полагало, что графъ Ледоховскій продолжаетъ тайно управлять своей епархіей. Отъ Кантецаго потребовали судебнымъ порядкомъ, чтобы онъ назвалъ лицо, доставившее ему этотъ документъ. Онъ отказался это сдѣлать, и послѣ разныхъ понудительныхъ мѣръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ находится и по сей день. Онъ подъ присягой показалъ одно, что получилъ документъ не отъ почтоваго чиновника. Такимъ образомъ, оказалось, что здѣсь произошло обнаруженіе государственной тайны. Не безинтересно будетъ при этомъ припомнить два знаменитыхъ случая, когда въ Пруссіи такъ-называемый „Zeugenzwanges-Gesetz“ вызвалъ горячую полемику. Въ первомъ случаѣ онъ былъ примѣненъ, во второмъ—нѣтъ, но оба характеристичны. Въ 1862 г., редакторъ одной газеты напечаталъ секретное распоряженіе тогдашняго военнаго министра фонъ-Роона, о томъ, чтобы по возможности стѣснять производство въ офицеры не-дворянъ. Къ редактору былъ примѣненъ законъ „Zeugenzwanges“, и его продержали годъ въ тюрьмѣ. Но всеобщее недовольство вынудило, наконецъ, правительство освободить редактора, не добившись своей цѣли. Въ томъ самомъ году, когда внутренняя распря достигла своего апогея, произошелъ новый случай обнаруженія государственной тайны. 21-го марта, министръ финансовъ написалъ секретное письмо къ военному

министру фонъ-Роону, въ которомъ требовалъ, чтобы военный бюджетъ былъ сокращенъ, по крайней мѣрѣ, на 2½, милліона, для того, чтобы можно было понизить ненавистные налоги на 25 процентовъ. Въ этомъ письмѣ стояло между прочимъ слѣдующее: „годовому военному министру довольно хорошо извѣстно, что во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ управленія уже нѣсколько лѣтъ какъ производятся возможно большія сокращенія, чтобы хоть сколько-нибудь покрыть дефицитъ въ государственномъ хозяйствѣ, вознившій вслѣдствіе нескончаемыхъ расходовъ военного министерства и такимъ образомъ сохранить хотя наружный видъ, что правительство стремится исполнить неоднократно дававшіяся въ этомъ смыслѣ обѣщанія. Эти расходы росли изъ году въ годъ; допустить это дальше нельзя безъ ущерба для государственнаго преуспѣянія“.

Это письмо, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ было написано, появилось въ „Фоссовой Газетѣ“, и, понятно, произвело сильное впечатлѣніе. Оно послужило главнымъ средствомъ агитаціи для оппозиціи на выборахъ, которые происходили вскорѣ затѣмъ, и оппозиція получила на нихъ значительное большинство. Но въ этомъ случаѣ не былъ примѣненъ законъ о „*Zeugenzwang*“, потому что чиновникъ, выдавшій письмо, самъ заявилъ объ этомъ, и, разумѣется, былъ немедленно отставленъ отъ должности.

Что касается дѣла Кантецаго, то на запросъ, внесенный по этому поводу въ палату депутатовъ, министръ юстиціи объявилъ, что власти дѣйствовали на основаніи законовъ, а законы оны не можетъ исправлять.

Послѣ того какъ запросъ въ палатѣ депутатовъ остался безъ послѣдствій, вопросъ этотъ былъ перенесенъ въ рейхстагъ. Судъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій тѣмъ, что онъ вызванъ былъ *начальствомъ*, главнымъ почтовымъ управленіемъ въ Бромбергѣ, а такъ какъ почтовое управленіе не прусское, а *имперское* учрежденіе, то въ рейхстагѣ сдѣлано было прямое нападеніе на г. Стѣфана, главнаго почтъ-директора. Въ засѣданіи 13 марта поднялась пѣлая буря противъ правительства вообще и главнаго почтъ-директора въ частности. Нападеніи были облечены въ форму запроса: дозволя ли этотъ случай до свѣдѣнія имперскаго канцлера, и намѣренъ ли онъ вступить за д-ра Кантецаго? Самого имперскаго канцлера не было въ засѣданіи, и за него отвѣчалъ предѣдатель имперской канцеляріи, г. Гофманнъ (крайне непопулярный преемникъ Дельбрюка), и объявилъ, что имперскій канцлеръ ничего не знаетъ объ этомъ случаѣ. Это неброитное и непрямое замѣчаніе было немедленно подхвачено оппозиціей. Не говоря уже о шумѣ, возбужденномъ этимъ дѣломъ, — замѣтилъ одинъ ультрамонтанскій депутатъ, — имперскій канц-

дерь, уже въ качествѣ прусскаго министра-президента долженъ былъ получить свѣдѣніе объ этомъ дѣлѣ, и обвинилъ Гофманна во лжи. Тогда г. Гофманнъ поступилъ еще глупѣе: онъ объявилъ, что хотѣлъ только сказать, что имперскій канцлеръ не знаетъ объ этомъ именно какъ имперскій канцлеръ. Эта неслыханная увертка, въ силу которой оказывалось, что Бисмаркъ, какъ имперскій канцлеръ, не знаетъ того, что дѣлаетъ Висмаркъ же какъ прусскій министр-президентъ, только усилла всеобщее раздраженіе; одинъ директоръ полиціи Штауди, изъ Познани, осмѣлился защищать правительство. Самъ Стѣфанъ, умный и ловкій человекъ, великія заслуги котораго по части развитія почтоваго дѣла въ Германіи всѣми признаются, но который отличается всѣми недостатками бюрократа, еще сильнѣе раздражилъ собраніе, объявивъ себя точно также не вправѣ вмѣшиваться. Онъ смѣлся при этомъ на то, что у него подъ управленіемъ шестьдесятъ тысячъ чиновниковъ, и что дисциплина можетъ отъ того пострадать. Это можетъ быть и такъ, но самое бесспорное право можетъ обратиться въ несправедливость, если будетъ примѣняться безъ всякаго смягченія; при современномъ состояніи нашей цивилизаціи совершенно невыносима мысль, что человекъ изъ-за отказа дать требуемое показаніе можетъ быть посаженъ въ заключеніе на неопредѣленное время. Даже крайне угѣренные и дружески расположенные къ правительству депутаты изъ національ-либеральной партіи позволили себѣ самыя сильныя и самыя безпощадныя нападки, такъ что правительство претерпѣло такое нравственное пораженіе. Запросъ, впрочемъ, не можетъ привести ни къ какому положительному результату, такъ какъ съ нимъ не связаны никакія требованія. Такія требованія могутъ быть поставлены позднеѣ, и національ-либеральная партія дѣйствительно порѣшила заявить такое требованіе, а именно: потребовать введенія такъ-называемаго Nothstandsgesetz, въ силу котораго опредѣленія новыхъ юридическихъ законовъ, — которые, какъ извѣстно, должны вступить въ силу только въ 1879 г., — касательно вынужденія показаній, должны быть введены уже теперь. Согласно этимъ опредѣленіямъ, арестъ съ цѣлью „вынудить показаніе“ не можетъ продолжаться свыше шести мѣсяцевъ, и только тогда, когда дѣло идетъ о нарушеніи государственной тайны. Положеніе правительства съ нравственной стороны тѣмъ непрятнѣе, что даже самыя строгіе юристы осуждаютъ его образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ на основаніи слѣдующаго простаго аргумента: заключенный присягнулъ, что документъ доставленъ былъ ему не почтовымъ чиновникомъ. Это показаніе или справедливо, или ложно. Если оно справедливо, то почтовое вѣдомство не имѣетъ никакого права призывать вмѣнательство суда, и дѣйствія суда совершенно неправильны. Или же

оно ложно, и тогда заключенный д-ръ Кантецкій вынужденъ былъ дать ложную присягу; а такое принужденіе, только по формѣ отличающееся отъ старинной пытки, совершенно не допускается новѣйшимъ законодательствомъ.

Но это дѣло еще очень интересно съ другой стороны. Прогрессивная партія, какъ извѣстно, изъ всѣхъ силъ нападала на новыя юридическія законы. Она пыталась представить въ главахъ народа національ-либераловъ врагами свободы за то, что они пошли на компромиссъ, и побить ихъ на выборахъ. Въ настоящую минуту она вѣтруетъ за Nothgesetz и этимъ признаетъ, что законы, на которые она такъ нападала, являются прогрессомъ сравнительно съ теперешнимъ законодательствомъ, въ чемъ, впрочемъ, никакой безпристрастный человѣкъ не сомнѣвался.

Рейхстагъ собрался среди всеобщаго напряженнаго вниманія. Хотя уже извѣстно было, что составъ его сравнительно съ прежнимъ не очень измѣнился, какъ въ дѣлѣ численнаго отношенія партій другъ къ другу, такъ и въ отношеніи личнаго состава. Соціалъ-демократы, которыхъ такъ опасались, получили всего 12 голосовъ. Прогрессивная партія утратила нѣсколько голосовъ, а также и національ-либеральная партія, и убыль въ этихъ партіяхъ послужила на пользу консерваторамъ, хотя и они также насчитываютъ всего 80 членовъ всѣхъ отѣнковъ, такъ что не могутъ играть первенствующей роли. Но новое собраніе всегда бываетъ во многихъ отношеніяхъ загадочно. Партіи организуются вполнѣ прочно лишь черезъ нѣсколько сессій, вслѣдствіе чего консервативные политики всегда желаютъ болѣе продолжительныхъ избирательныхъ періодовъ. Въ Англии въ былыя времена эти періоды длились семь лѣтъ, и во многихъ нѣмецкихъ камерахъ въ прежнее время распускалась только нѣкоторая часть членовъ во избѣжаніе слишкомъ быстрого поворота въ политическомъ настроеніи. Въ странѣ политическихъ экспериментовъ, во Франціи, испробовано было однажды противное: національное собраніе 1789 г. порѣшило при своемъ распушеніи, что никто изъ ея членовъ не можетъ быть избранъ въ послѣдующее учредительное собраніе, и это послѣднее, составившееся вслѣдствіе этого изъ новыхъ, неопытныхъ въ парламентскихъ дѣлахъ членовъ, повергло страну съ ужасающей быстротой въ страшнѣйшую аварію.

Одно было ясно, что нельзя больше рассчитывать на старое большинство, и оптимистическія разсужденія официальной „Provincial-Correspondenz“ о результатахъ выборовъ никого не могли ввести въ заблужденіе на счетъ настоящаго положенія дѣлъ.

Относительно весьма утѣнительнымъ явленіемъ на послѣднихъ выборахъ были выборы въ Эльзасъ и Лотарингію. Въ то время, какъ

предыдущіе выборы, какъ извѣстно, дали однихъ только такъ-называемыхъ протестантовъ и клерикаловъ, изъ которыхъ первые, заявивъ свой протестъ противъ присоединенія, немедленно покидали рейхстагъ, а послѣдніе увеличивали собою ряды ультрамонтановъ,—на этотъ разъ избрано было небольшое число такъ-называемыхъ „автономистовъ“, т. е. такихъ людей, которые признаютъ присоединенія, но крайней мѣрѣ въ настоящее время, совершившіяся фактомъ и считаютъ полезнымъ для благосостоянія своей родины, если они будутъ добиваться въ рейхстагѣ возможно бѣльшей самостоятельности въ управленіи для завоеванныхъ провинцій.

Во главѣ этихъ автономистовъ стоитъ Огюстъ Швеегансъ, теперешній редакторъ „Эльзасской газеты“. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ депутатамъ, которые въ знаменитомъ засѣданіи французскаго національнаго собранія въ Бордо, 1 марта 1871 г., съ жаромъ протестовали противъ принятія предварительныхъ условій мира, и оставили собраніе, когда эти условія были все-таки приняты. Несмотря на то, французы смотрѣли на него съ недовѣріемъ и дѣлали ему всякія несприятности. Отъ этого у него явилось огорченіе противъ Франціи, которое неоднократно проявлялось и привело его, наконецъ, въ ряды партіи, назвавшейся сначала туземной, а позднѣе автономистической партіей, и въ нѣсколько лѣтъ разросшейся настолько, что получила возможность послать, какъ уже сказано, пять депутатовъ въ германскій рейхстагъ. Правительство, весьма этимъ обрадованное, немедленно встрѣтило депутатовъ политическимъ подаркомъ, представивъ имъ законопроектъ, по которому на будущее время законы для Эльзасъ-Лотарингіи должны издаваться императоромъ съ согласія союзнаго совѣта, безъ участія рейхстага, какъ только они будутъ одобрены Эльзасъ-Лотарингскимъ мѣстнымъ комитетомъ.

Мѣстный комитетъ, представительное собраніе, избранное общей подачей голоса въ силу императорскаго указа отъ октября 1874 г., вполне аналогично съ учрежденіемъ того же имени, введенное въ прусскія провинціи новымъ провинціальнымъ уложеніемъ. Онъ даетъ ередство эльзасцамъ и лотарингцамъ управлять своими дѣлами по своему усмотрѣнію. Вмѣстительство рейхстага несприятно какъ для эльзасцевъ и лотарингцевъ, такъ и для самого рейхстага, такъ какъ этотъ послѣдній ничего не понимаетъ въ ихъ дѣлахъ и вообще не интересуется частными дѣлами отдѣльныхъ государствъ или провинцій. Когда законопроектъ былъ внесенъ, то новые депутаты-автономисты сдѣлали дотошъ несмысленный шагъ. Они посѣтили отдѣльныя фракціи и высказали имъ свои желанія и надежды касательно новаго проекта. Они высказали все это въ весьма умѣренныхъ и исполненныхъ чувства собственнаго достоинства выраженіяхъ. Они

обращались къ гуманности и справедливости нѣмецкихъ депутатовъ; которые не могли сердиться за то, что они все еще герюютъ о томъ, что ихъ оторвали отъ великой страны, къ которой они принадлежали въ теченіи двухъ столѣтій. Но при этомъ заявили, что считаютъ франкфуртскій миръ базисомъ ихъ теперешняго политическаго положенія и употребятъ всѣ усилія, чтобы работать на основаніи этого договора и по мѣрѣ силъ на благо своей родины. Они не требуютъ даже въ настоящую минуту обширныхъ правъ, какъ, напр., мѣстнаго представительства, такъ какъ не отрицаютъ, что общественное настроеніе все еще настолько неспокойно, что подобный экспериментъ надо считать рискованнымъ.

Законопроектъ былъ принятъ не въ той формѣ, въ какой внесенъ правительствомъ, но въ нѣсколько намѣненной редакціи, къ которой присоединились члены различныхъ партій и на которую правительство изъявило свое согласіе. Пренія значительно отличались отъ прежнихъ своимъ миролюбивымъ характеромъ; одни только ультрамонтаны потребовали немедленнаго уравниенія въ правахъ жителей новыхъ провинцій со всѣми остальными, — желаніе, которое, какъ выше сказано, даже не раздѣляется благоразумными людьми въ Эльзась-Лотарингіи.

Между тѣмъ какъ первыя дѣйствія рейхстага не оправдали описаній трусливыхъ умовъ, мало-по-малу собиралась гроза, разразившаяся наконецъ три дня тому назадъ. Для того, чтобы изобразить это событіе вполне рельефно, я долженъ познакомить русскаго читателя съ однимъ техническимъ словомъ, которое трудно перевести и которое теперь вертится у всѣхъ на языкѣ: „Majorisirung“, т.-е. перевѣсъ надъ Пруссіей не-пруссскихъ голосовъ, въ союзномъ совѣтѣ.

Возможность такого перевѣса выяснилась уже при конституціи сѣверогерманскаго союза. Въ силу ея, Пруссія насчитывала съ тогдашними голосами Ганновера, Куртессена, Голштинія, Нассау и Франкфурта 17 голосовъ; остальные государства 26, а въ общемъ 43 голоса. Въ германской имперіи насчитывалось еще у Баваріи 6 голосовъ, у Виртемберга 4, у Бадена 3 и у Гессена 3, въ цѣломъ 15 голосовъ, между тѣмъ какъ прусскіе голоса не увеличились. Но Пруссія имѣетъ 6374 квадратныхъ миль съ 25.000.000 жителей, а германская имперія, включая Эльзась-Лотарингію, 10.000 квадратныхъ миль съ 40.000.000 жителей, такъ что отношеніе голосовъ крайне невыгодно для Пруссіи, чтобы не сказать несправедливо. Но уже при первомъ обсужденіи сѣверогерманской союзной конституціи, когда были приняты это опредѣленія, Бисмаркъ прервалъ всѣ споры объ этомъ, объявивъ, что если въ союзномъ совѣтѣ Пруссія получить столько голосовъ, сколько ей слѣдуетъ на основаніи расчета

ей жителей, то она получить такое большинство, что для остальных правительствъ не будетъ никакого интереса имѣть въ немъ своихъ представителей. Слѣдовательно, необходимо создать такое отношеніе голосовъ, какое бы не давало Пруссіи большинства.

Въ Пруссіи успокоивали себя относительно этого обстоятельства тѣмъ, что такого перевѣса на дѣлѣ никогда не окажется. Но теперь оно оказалось и именно въ вопросѣ о томъ: гдѣ должна пребывать общая высшая судебная палата, основываемая по новымъ юридическимъ законамъ—въ Берлинѣ или въ Лейпцигѣ. Уже въ началѣ настоящей сессіи союзный совѣтъ занимался этимъ вопросомъ. Прусское правительство предложило Берлинъ мѣстомъ пребыванія высшей судебной палаты, но союзный совѣтъ, въ засѣданіи 28 февраля, избралъ Лейпцигъ 30 голосами противъ 28. Насколько извѣстно, за Берлинъ вотировали: Пруссія съ Вальдекомъ (18), Ваденъ и Гессенъ (3), Ангальтъ и три гавзейскихъ города (3); за Лейпцигъ же: Баварія (6), Саксонія (4), Виртембергъ (4), Мекленбургъ-Шверинъ и Бранденбургъ (2); Саксенъ-Веймаръ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Ольденбургъ, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Рейссъ, Шаумбургъ-Липпе и Липпе (1). Предсѣдатель союза, т.-е. императоръ, поставленъ былъ въ необходимость внести въ рейхстагъ законопроектъ, по которому высшая судебная палата переносится въ Лейпцигъ, и Пруссіи оставалось только бороться противъ этого проекта въ рейхстагѣ,—проекта, внесеннаго императоромъ, что было бы дикой аномаліей.

Два дня сразу длились пренія въ собраніи, и проектъ былъ принятъ. За Берлинъ, какъ мѣстопребываніе высшей судебной палаты, высказывались слѣдующіе аргументы: судьи, которымъ предстоитъ рѣшать высшія юридическія задачи не на основаніи личныхъ соображеній, а въ силу глубокаго знанія существующаго права и тончайшихъ научныхъ толкованій его, найдутъ въ столицѣ богатныя средства для облегченія своихъ приговоровъ; затѣмъ, высшая судебная палата необходимо должна находиться по-близости отъ высшей администраціи, и что единство германской имперіи пострадаетъ, если она будетъ изгнана хотя бы и въ близко-лежащій городъ. За Лейпцигъ приводили: тамъ находится высшая торговая судебная палата, которой въ послѣдніе годы присвоены еще другія важныя функціи,—такъ, напримѣръ, съ высшей торговой судебной палатой соединена высшая дисциплинарная палата для нѣмецкихъ имперскихъ чиновниковъ; еще недавно процессъ противъ графа Арнима велся тамъ; наконецъ, судьи въ маленькомъ городкѣ не будутъ находиться подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ высшей администраціи, какъ въ Берлинѣ. Что ка-

сается послѣдняго пункта, то на него возражали, что судьи вообще такъ независимы по новому законодательству, какъ только это возможно, и что если они окажутся доступными вліянію администраціи, то это можетъ быть въ Лейпцигѣ, какъ и въ Берлинѣ, и объясняется нравственнымъ упадкомъ національнаго характера вообще. Но во время преній не выяснилось ни одного важнаго пункта; такъ, напримѣръ, никто не упомянулъ о томъ, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ принять вопросъ о децентрализаціи, которую предусмотрительные люди считали необходимой со времени основанія германской имперіи, или же слѣдуетъ, ради единства высшей администраціи, перенести высшую судебную палату въ Берлинъ. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводился на бѣду къ простому спору между уроженцами различныхъ государствъ, и между тѣмъ, какъ всѣ прусскіе депутаты, за исключеніемъ ультрамонтанъ, вотировали за Берлинъ, всѣ остальные депутаты, включая и ультрамонтанъ и всякаго рода партикуляристовъ, враждебныхъ новому порядку вещей, вотировали за Лейпцигъ. Если бы въ германскомъ рейхстагѣ существовало естественное распредѣленіе голосовъ, въ силу котораго только интересы отдѣльныхъ государствъ сталкивались бы съ интересами Пруссіи, то поражение Пруссіи было бы не важно. Напротивъ, оно бы только доказывало, что эти маленькія государства могутъ проводить свои желанія наперекоръ Пруссіи, и это было бы скорѣе выигрышемъ, нежели проигрышемъ. Но тутъ худо то, что съ уроженцами маленькихъ государствъ сливаются всѣ враждебные имперіи элементы. Это компрометируетъ будущность тепершняго рейхстага.

Нельзя отрицать, что для Пруссіи очень невыгодно, что высшая судебная палата будетъ находиться не въ Берлинѣ. Прусскій судъ столѣтіями снискалъ себѣ славу безукоризненной добросовѣтности и безпристрастія. Французская поговорка: „il y a des juges à Berlin“, доказываетъ, что слава эта распространилась даже за предѣлами Пруссіи. Для народа въ 25.000.000 душъ слишкомъ большой жертвой является то, что высшая судебная палата будетъ находиться не въ прусскомъ городѣ. Но если держаться принципа, высказаннаго еще не такъ давно Бисмаркомъ и заключающимъ въ себѣ много справедливаго: гораздо нужнѣе германизировать Пруссію, чѣмъ опруссачивать Германію,—то рѣшеніе рейхстага представится совсѣмъ инымъ, чѣмъ оно является теперь людямъ, безъ умолку жаждущимся, что съ Пруссіей поступили несправедливо. Перенесеніе судебной палаты въ Лейпцигъ произведетъ самое хорошее впечатлѣніе во всей Германіи. Рѣшеніе рейхстага доказываетъ, что Берлинъ вовсе не желаетъ обогащаться во что бы то ни стало на счетъ всей остальной имперіи. Разстояніе между Берлиномъ и Лейпцигомъ такъ незначительно,

что неудобство отправляться—въ случаѣ перенесенія таже въ высшую инстанцію—изъ Берлина въ Лейпцигъ не можетъ быть особенно ощутительнымъ. Кромѣ того, Лейпцигъ всегда былъ чисто-нѣмецкій и даже, можно сказать, пруссофильскій городъ. Перенесеніе высшей судебной палаты въ него не только будетъ способствовать его дальнѣйшему пруссифицированію, но и побудитъ все саксонское населеніе дружелюбно относиться къ новымъ нѣмецкимъ порядкамъ, потому что оно увидитъ, что при нихъ интересы всѣхъ нѣмецкихъ государствъ соблюдаются равномѣрно.

Кто долгое время жилъ въ Берлинѣ и вообще въ старой Пруссіи, тотъ знаетъ, что подъ вліяніемъ военныхъ успѣховъ 1864, 1866 и 1870 годовъ, не говоря уже о старыхъ традиціяхъ, въ здѣшнемъ населеніи развился нѣкоторый духъ шовинизма, между тѣмъ какъ въ принципѣ новой германской имперіи лежатъ, что всѣ нѣмцы равноправны, и что никакое племя не можетъ претендовать на особія преимущества.

Имперскій канцлеръ держалъ себя въ этомъ вопросѣ нейтральнымъ, и даже не появлялся во время его обсужденія въ рейхстагѣ. Безъ сомнѣнія, онъ считалъ такой образъ дѣятельности соответствующимъ своему положенію и предоставлялъ представителямъ спеціальныхъ прусскихъ интересовъ ратовать за себя. Теперь, когда рѣшеніе состоялось, нѣчего и думать объ его измѣненіи. Третье чтеніе законопроекта, еще предстоящее, навѣрное совершится въ томъ же духѣ, какъ и второе; высшая судебная палата будетъ перенесена въ Лейпцигъ, и ея члены должны будутъ примириться съ мыслью, что будутъ жить не въ Берлинѣ.

Борьба изъ-за Лейпцига была до сихъ поръ оживленнѣйшей въ настоящей сессіи; въ настоящую минуту въ дѣятельности рейхстага наступилъ перерывъ, такъ какъ засѣданія его отложены на двѣ недѣли, вслѣдствіе пасхальныхъ каникулъ. Соціал-демократы держали себя вовсе не враждебно. Ихъ новыя вожаки, Ритингхаузенъ, престарѣлый рантье изъ Кёльна и Деммлеръ изъ Шверина, показали себя самыми кроткими людьми въ мірѣ, въ которыхъ отнюдь не замѣтно пламеннаго духа Лассала. О послѣднемъ ходятъ всякаго рода анекдоты. Такъ говорятъ, что великій герцогъ Мекленбургскій, всегда относившійся къ нему благосклонно, сказалъ ему, напутствуя его въ Берлинъ: „любезный Деммлеръ, не будьте въ Берлинѣ очень ярымъ“. А одна изъ здѣшнихъ газетъ напечатала на-дняхъ записку, которую Деммлеръ послалъ главному директору королевскаго театра, чтобы получить мѣсто на балетное представленіе, въ первомъ ряду. Но особенный смѣхъ возбудили слова Деммлера, рекомендовавшаго рейхстагу послѣдовать примѣру Мекленбурга, гдѣ ландтагъ засѣ-

дасть не въ столицѣ, но въ отдаленномъ городѣ. „Мекленбургскіе порядки“, какъ извѣстно, всегда служили для либераловъ предметомъ насмѣшекъ и нападокъ.

До сихъ поръ я почти не упоминалъ имени князя Бисмарка, хотя онъ продолжаетъ быть весьма важнымъ, если не самымъ главнымъ факторомъ въ политическихъ дѣлахъ Германіи. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ снова вернулся въ Берлинъ и неоднократно участвовалъ въ преніяхъ рейхстага. Во-первыхъ, когда обсуждался бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ появился какъ разъ въ ту минуту, когда собраніе отказало въ увеличеніи жалованья посланнику въ Лондонъ, и своимъ краснорѣчіемъ добился увеличенія жалованья посланнику въ Петербургъ, причѣмъ объявилъ, что по опыту знаетъ, что Петербургъ самый дорогой городъ на континентѣ, — вамъ лучше знать, справедливо ли это утвержденіе.

Кажется, совершенно невозможно, чтобы сессія рейхстага прошла безъ того, чтобы не былъ поднятъ вопросъ о необходимости ввести отвѣтственное министерство. И на этотъ разъ онъ тоже не былъ обойденъ. Поводъ для его возбужденія нашелся уже при первомъ обсужденіи бюджета. Какъ уже выше сказано, въ немъ оказывается дефицитъ въ 25.000.000 марокъ, который долженъ быть покрытъ или увеличеніемъ матрикуларнаго дохода, или увеличеніемъ налоговъ. Правительство на этотъ разъ не предложило никакихъ новыхъ налоговъ, потому что знаетъ по опыту, что рейхстагъ всякій разъ отвергаетъ налоги на отдѣльные предметы, и требуетъ общей реформы системы взиманія налоговъ. Такъ, онъ отклонилъ биржевой налогъ и налогъ на табакъ. Всякій разъ, какъ всплываетъ наверхъ вопросъ о налогахъ, происходитъ оживленная схватка между приверженцами различныхъ экономическихъ теорій. Одни видятъ спасеніе въ прямыхъ, другіе въ косвенныхъ налогахъ. Едвали можно сказать что-либо новое касательно той или другой теоріи. Либералы, предпочитающіе прямые налоги, руководятся тѣмъ соображеніемъ, что прямые налоги яснѣе даютъ понять народу, какія тяготы онъ несетъ, и заставляютъ его такимъ образомъ поддерживать стремленія депутатовъ къ экономіи. Далѣе они утверждаютъ, что прямые налоги самые справедливые, потому что косвенные главнымъ образомъ падаютъ на низшіе классы. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является прогрессивный подоходный налогъ, на которомъ настаиваютъ социаль-демократы, потому что надѣются помощью его въ концѣ подвостить крупную собственность и постепенно добиться желаннаго равенства. Напротивъ того, консерваторы стоятъ за косвенные налоги, потому что они менѣе ощутительны для народа, а потому легче взимаются. Такъ-называемая манчестерская партія дѣй-

ствовала весьма успѣшно въ послѣдніа десять лѣтъ, въ дѣлѣ введенія системы прямыхъ налоговъ, въ чемъ, впрочемъ, ей содѣйствовали и консерваторы. Она добилась отмены таможенной пошлины на муку и мясо, привозимыя въ города. Землевладѣльцы надѣялись получить большія выгоды отъ отмены этой пошлины, а городскія власти согласились на нее изъ любви къ теоріи и желанію облегчить участь бѣднѣйшихъ классовъ. Но результатомъ этого было то, что цѣна на хлѣбъ и мясо вовсе не упала, и вся выгода отъ отмены пошлины пошла частію производителямъ, частію продавцамъ, хлѣбникамъ и мясникамъ, а городскимъ властямъ пришлось покрыть недоимку отъ отмены пошлины повышеніемъ на 50% и даже на 100% прямыхъ налоговъ.

Возраженія, вызываемыя матрикулярнымъ доходомъ, вамъ извѣстны. Этотъ имперскій налогъ состоитъ въ томъ, что необходимая сумма просто-на-просто распредѣляется, сообразно цифрѣ населенія, между различными союзными государствами, которыя и вносятъ приходящуюся на нихъ долю суммы въ имперскую кассу. Маленькое тюрингенское государство съ мало-развитой торговлей должно вслѣдствіе этого платить столько же, сколько богатый торговый городъ Гамбургъ. Несправедливость этого налога очевидна и многіе члены рейхстага желаютъ его отменить, но требуютъ, чтобы правительство взяло на себя инициативу.

Но на этотъ разъ имперскій канцлеръ, когда зашла рѣчь объ этомъ, откровенно заявилъ, что предоставленныя въ его распоряженіе финансовыя силы недостаточны для выполненія этой задачи, и что онъ надѣется приготовить законопроектъ къ будущей сессіи. Послѣ этого опять послѣдовало требованіе отвѣтственнаго министерства, и по этому поводу Бисмаркъ высказалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ рѣчи (10 марта) 26 февраля. Впрочемъ, онъ разсматривалъ вопросъ не систематически и не съ научной точки зрѣнія, а просто на основаніи личнаго опыта, который, какъ онъ говоритъ, доказалъ ему, что источникъ его силы и вліянія заключается отнюдь не въ томъ, что онъ имперскій канцлеръ, а въ томъ, что онъ прусскій министр-президентъ. Какъ извѣстно, онъ отказался—было разъ (въ концѣ 1872 г.) отъ президентства въ прусскомъ министерствѣ, но теперь объявилъ, что тогда же убѣдился въ невозможности отделить эти двѣ вещи и—„полный раскаяніа“—вернулся вснать и объявилъ, что онъ или совсѣмъ удалится отъ дѣлъ, или снова возьметъ на себя президентство въ прусскомъ министерствѣ. Онъ указалъ также на другой примѣръ, а именно: на департаментъ имперскихъ желѣзныхъ дорогъ, на который возлагали при его основаніи большія надежды и во главѣ котораго стоялъ превосходный человѣкъ, но ко-

торый, подъ давленіемъ различныхъ партикулярнстическихъ интересовъ, осужденъ на такую безплодность, что будетъ во всей вѣроятности снова отиѣненъ. Иначе сложились дѣла въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ, и, за исключеніемъ Баваріи и Вюртемберга, оно общее для всей имперіи. То же самое можно сказать и о военномъ вѣдомствѣ. Но если вздумаютъ устроить по этому образцу и другія отрасли управленія, то этимъ уничтожится самодержаніе отдѣльныхъ государствъ и изъ союзныхъ государствъ возникнетъ одно руководящее государство, въ которомъ тогда, конечно, созданіе отвѣтственнаго министерства не только не представляетъ затрудненій, но и безусловно необходимо. Этому пункту Бисмаркъ, конечно, не касался, но сдѣлалъ нѣсколько тонкихъ замѣчаній о духѣ партикуляризма, причемъ, чтобы никого не обидѣть, какъ онъ говорилъ, главнымъ образомъ направлялъ стрѣлы своего остроумія противъ прускаго партикуляризма. Объ одномъ замѣчаніи его слѣдуетъ упомянуть. Онъ указывалъ на то оригинальное обстоятельство, что теперешніе директори имперскихъ департаментовъ, а именно, имперскій почтмейстеръ, начальникъ отдѣленія по дѣламъ Эльзасъ-Лотарингіи и начальникъ имперской канцеларіи, исполняющей роль имперскаго министерства, только потому могли получить мѣста въ союзномъ совѣтѣ, что прусскій король уступилъ имъ нѣсколько изъ 17 прусскихъ голосовъ, между тѣмъ какъ есть много прусскихъ чиновниковъ, которые были бы, быть можетъ, полезнѣе для прусскихъ интересовъ. Такъ какъ, сказавъ Бисмаркъ, прусскій король вмѣстѣ съ тѣмъ и германскій императоръ, а его министръ-президентъ вмѣстѣ съ тѣмъ и имперскій канцлеръ, то это сдѣлалось само собой, и никому и въ голову не приходило, что большинство прусскихъ голосовъ отдано высшимъ имперскимъ чиновникамъ: имперскій министръ самъ по себѣ не имѣетъ никакого права засѣдать въ союзномъ совѣтѣ.

Эти замѣчанія справедливы. Нужно было бы измѣнить всю конституцію для того, чтобы ввести министерство въ имперскій организмъ. Бисмаркъ замѣтилъ, что надо оставить что-нибудь и для потомства, и при этомъ высказалъ, что для него во всей вѣроятности снова вернется время, когда имперскій приливъ, нынѣ отхлынувшій назадъ, снова хлынетъ впередъ.

Вамъ извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвело послѣднее замѣчаніе, главнымъ образомъ во Франціи, гдѣ оно возбудило большія надежды. По моему мнѣнію, онѣ неосновательны. Какъ бы ни былъ силенъ партикуляризмъ въ Германіи, но и стремленіе къ единству нѣсколько не ослабѣло. Не нужно только увлекаться иллюзіей, что національный характеръ можетъ совершенно измѣниться въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ. Такая переиѣна можетъ совершиться

лишь постепенно, и я не стану даже отрицать того, что, быть может, понадобятся еще новыя испытанія, чтобы окончательно укрѣпить идею единства.

Но *одно* признается здѣсь всѣми, что нѣмецкая нація въ настоящее время больше уважается всѣми, чѣмъ прежде, и никто этого такъ живо не ощущаетъ, какъ нѣмецкіе уроженцы, пребывающіе въ чужихъ земляхъ и которые до 1866 г. испытывали всѣ неудобства отсутствія защиты, которую каждая великая держава оказываетъ своимъ подданнымъ за границей. Но, къ числу странностей нѣмецкаго характера принадлежитъ и то, что нѣмецъ способенъ отречься отъ своего прошлаго, если то, къ чему онъ устремился, достигнуто не тѣми средствами, какія онъ предлагалъ. Гейрихъ Гейне рассказываетъ гдѣ-то воимическую исторію о томъ, какъ двое нѣмецкихъ ученыхъ завели споръ о чемъ-то, написали толстыя книги въ защиту своего мнѣнія и въ заключеніе каждый принялъ мнѣніе противника. Обращеніе было полное, результатъ равенъ нулю, потому что приверженцы различныхъ возрѣній только обижались ими, но не приняли къ соглашенію. Подобное случается и съ тѣми, кто искренно желаетъ единства Германіи, но недовольны тѣмъ, какъ его установилъ Бисмаркъ, и по этому кажутся не первый взглядъ противниками единства. Нигдѣ оппозиція противъ новой германской имперіи не была такъ упорна, какъ въ Ганноверѣ и во Франкфуртѣ, а между тѣмъ оба эти города приобрѣли бесспорныя выгоды, прращеніе въ населеніи, въ богатствѣ съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ своего изолированнаго положенія. Говоря коротко и ясно: если бы предложить всѣмъ тѣмъ, кто нынѣ борется съ новымъ порядкомъ вещей при глубокомъ убѣжденіи, что ихъ оппозиція не можетъ имѣть никакого успѣха, предложить серьезно и подъ угрозой исполненія ихъ желанія, вопросъ: желаютъ ли они возврата прежняго порядка, — то я полагаю, что только самое незначительное большинство рѣшилось бы отвѣчать утвердительно.

Сообщая вамъ о дѣятельности рейхстага, продолжавшейся всего недѣли три, до наступленія пасхальныхъ каникулъ, я самъ удивленъ массой вопросовъ, обсуждавшихся имъ за это короткое время. Къ числу этихъ вопросовъ принадлежитъ также и современная торговая политика, экономическія затрудненія и критика общественныхъ отношеній, какъ они сложились вслѣдствіе либеральнаго законодательства, въ послѣднія десять лѣтъ. Въ послѣдніе полгода, — и даже раньше много, — толковалось о „консервативномъ вѣяніи“, проносащемся по странѣ. Я самъ упоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ, и старался разобрать — насколько эти толки основательны. Число консервативныхъ депутатовъ въ послѣднемъ рейхстагѣ, безъ сомнѣнія, увеличи-

лесь; такъ, изъ насчитывается всего 80 членовъ, включая сюда консерваторовъ всѣхъ отдѣловъ. Послѣ національ-либеральной партіи и центра, они—самая многочисленная партія въ рейхстагѣ. Но даже эта многочисленность, по моему мнѣнію, не доказываетъ, чтобы консерваторы приобрѣли такое вліяніе въ странѣ, и, вызывая въ памяти весь длинный періодъ времени, протекшаго съ мартовской революціи 1848 г., мнѣ кажется, что консерваторы никогда еще не насчитывали такъ много представителей, какъ теперь. Тѣмъ не менѣе на протяжении пятидесяти лѣтъ были консервативными и даже реакціонными, но это происходило главнымъ образомъ оттого, что демократы воздерживались отъ выборовъ, частью потому, что правительство употребляло всѣ средства, чтобы повліять на выборы въ томъ духѣ, какой ему былъ пріятенъ. Часть консервативныхъ выборовъ надо, конечно, отнести на счетъ предстоящему революціонному періоду, который загналъ въ реакціонный лагерь даже либеральныхъ людей. Нѣкто подобно играетъ роль и въ настоящей перемены общественаго мнѣнія. Между тѣмъ какъ либеральная партія дѣлаетъ видъ, что она не добилась еще ровно ничего или почти-что ничего порядочнаго; мало того, Пруссія и Германія погружены въ глубокую реакцію, — въ дѣйствительности либеральное законодательство вызвало въ жизни съ такою быстротой и въ такомъ обширномъ объемѣ, что пробудило мало-помалу къ дѣятельности множество враждебныхъ элементовъ. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь симптомы дѣйствительной и серьезной реакціи. Всего явственнѣе сказывается она въ сферѣ экономической. Съ паденіемъ пошлины на желѣзо 1 января прошлаго года, фритредеры достигли апогея своего торжества. Съ тѣхъ поръ нападки на нихъ усилились и приверженцы охранительной системы торговли уже возмѣнили смѣлость потребовать полной перемены системы. Нельзя сомнѣваться, и не такъ доказываетъ это, что почва для нихъ становится съ каждымъ днемъ все благопріятнѣе, и взгляды, которые всего какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ тому назадъ показались бы чистѣйшую ересь относительно здравыхъ монетій о народномъ хозяйствѣ, теперь высказываются ихъ приверженцами безъ всякаго стѣсненія. Министръ финансовъ, Кампаузенъ, остался, какъ и былъ, послѣдователемъ экономическаго принципа „laissez faire, laissez passer“ и служить мнѣнію для самыхъ арестныхъ нападковъ. Такъ, на собраніи промышленниковъ изъ Рейнскихъ провинцій и Вестфаліи, происходившемъ въ Кельнѣ, одинъ уважаемый человѣкъ увѣрялъ, что Кампаузенъ отвѣчалъ депутаціи, посланной къ нему изъ Вестфаліи, чтобы заявить о печальномъ состояніи тамошней желѣзной промышленности: „неужели вы воображаете, что мы прольемъ въ Берлинъ хотя одну слезу оттого, что у насъ въ Вестфаліи плохо. Идутъ

дѣла? Въ газетныхъ отчетахъ о собраніи слова министра были приведены въ еще болѣе рѣзкой формѣ; „неужели и т. д... хотя бы провалились въ Вестфаліи?“—и министр даже началъ судебное преслѣдованіе, но кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ такъ неосторожно выразился. Слова его естественно вызвали сильное раздраженіе во многихъ. Что въ Вестфаліи произошелъ экономическій кризисъ вслѣдствіе распушенія большого числа рабочихъ, это признается и правительствомъ и министромъ торговли, и послѣдній принялъ даже цѣлый рядъ мѣръ, чтобы доставить иную работу рабочимъ, оставшимся безъ куска хлѣба. Между тѣмъ землевладельцы въ старыхъ провинціяхъ постоянно жалуются, и повидному не безъ основанія, что имъ не хватаетъ рабочихъ рукъ и что этого не было бы, если бы работники, ушедшіе въ періодъ спекуляцій въ города, рѣшились вернуться [въ деревни. При этомъ все вина сваливается на новое законодательство, допускающее свободу переселенія. При этомъ забывается, что эта свобода переселенія не только составляетъ одну изъ основныхъ правъ германской конституціи, но до того проникла собой въ новыя экономическія отношенія, что всякая попытка ограничить ее повела бы къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Такое же реакціонное движеніе происходитъ и въ сферѣ промышленности, въ основу которой тоже легли принципы свободы. Унадо въ промышленности до того очевидно, что тутъ самые ревностные защитники свободы промышленности готовы сдѣлать уступки. Въ особенности очевидно для всѣхъ недостатки понудительныхъ мѣръ для образованія искусныхъ учениковъ и подмастерьевъ, и въ средѣ національно-либеральной партіи, главной виновницы теперешнихъ экономическихъ порядковъ, вырабатываются проекты, какъ пособить злу.

Такимъ образомъ, во всѣхъ сферахъ замѣтно стремленіе не только не слѣдовать дальше по тому пути, по которому шли до сихъ поръ, но даже обратиться вспять. Если попытаться сдѣлать послѣднее, то встрѣтитъ такую громаду затрудненій, что даже величайшая энергія ослабѣетъ. Гораздо было бы умнѣе признать, что въ законодательствѣ долженъ наступить нѣкоторый перерывъ — затѣмъ, чтобы те, которое вызвано теперь въ жизни, успѣло обратиться въ плоть и кровь народа. Между тѣмъ либеральная, т.-е. главнымъ образомъ прогрессивная партія считаетъ потерянными тотъ день, когда она не угадаетъ на какой-нибудь необходимый прогрессъ, и этимъ производить тревогу, мѣшающую упроченію настоящаго порядка вещей, въ которомъ онъ такъ нуждается.

Появленіе Бисмарка въ рейхстагѣ вызвало еще одно обстоятельство, о которомъ я не успѣлъ упомянуть.

При обсужденіи бюджета Бисмаркъ говорилъ съ большою неприя-

нужденностью, какъ ему это уже случалось дѣлать и прежде, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ имперскимъ чиновникамъ, т.-е. къ министрамъ, и упомянулъ при этомъ о слѣдующемъ обстоятельстве, что онъ самъ, при составленіи послѣдняго бюджета, настаивалъ на томъ, чтобы вычеркнули нѣкоторыя статьи въ бюджетѣ морского министерства, но долженъ былъ отказаться отъ приведенія въ исполненіе своего желанія, потому что начальникъ адмиралтейства настаивалъ на своихъ требованіяхъ, хотя позднѣе сдѣлалъ рейхстагу тѣ уступки, въ которыхъ отказывалъ ему, имперскому канцлеру. Сообщение такого факта изъ сферы дѣятельности имперскаго правительства совершенно небывалая вещь. Бисмаркъ сдѣлалъ это лишь затѣмъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ начальнику адмиралтейства, и это ему удалось какъ нельзя лучше, потому что фонъ-Стошъ, начальникъ адмиралтейства, немедленно подалъ въ отставку, и хотя до сихъ поръ еще не получилъ ее, но несомнѣнно получить, потому что дѣло приняло такой острый характеръ, что одинъ изъ двухъ — Бисмаркъ или Стошъ — долженъ уступить другому мѣсто.

Фонъ-Стошъ особенно отличился въ послѣднюю войну по части снабженія арміи провіантомъ, а также оказался очень способнымъ генераломъ, хотя командовалъ недолго. По смерти принца Адалберта его назначили начальникомъ морского вѣдомства, и онъ, не будучи морякомъ, успѣлъ заслужить всеобщее довѣріе и оказать большія услуги и въ этомъ дѣлѣ. Но между нимъ и Бисмаркомъ давно уже возникли непріятности, протекавшія главнымъ образомъ отъ упрямаго и повелительнаго характера. Фонъ-Стошъ, который совсѣмъ не низкаго о себѣ мнѣнія, считалъ, пожалуй, не невозможнымъ наследовать Бисмарку въ должности имперскаго канцлера. А хотя Бисмаркъ, какъ это извѣстно тѣмъ, кто знаетъ канцлера, совершенно непринужденно разсуждаетъ о томъ, что будетъ въ случаѣ его смерти, однако ему не можетъ быть пріятно, если онъ видитъ, что кто-нибудь изъ его подчиненныхъ претендуетъ на его наследство. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что Стошъ преслѣдуетъ свои собственныя политическія идеи, идущія обыкновенно въ разрѣзъ съ идеями Бисмарка, и хотя ему не представлялось случая примѣнить ихъ на дѣлѣ, онъ не дѣлалъ изъ нихъ тайны. Насколько непріязненны были отношенія между этими двумя людьми, доказываетъ анекдотъ, давно уже передававшійся въ парламентскихъ кружкахъ. Говорятъ, Бисмаркъ сказалъ разъ въ одномъ спорѣ министру: одинъ изъ насъ долженъ уйти. На что тотъ возражалъ:—вы правы,—но я остаюсь.

Будь Бисмаркъ и добродушнѣе, чѣмъ какъ есть въ дѣйствительности, онъ могъ бы не простить такой вещи. По всей вѣроятности, старанія его удалить Стоша не увѣнчались успѣхомъ, и онъ прибѣг-

нужь къ крайнему средству, послѣ котораго дѣйствительно кому-нибудь изъ двухъ придется удалиться, и при этомъ Стогъ могъ понять, что онъ слишкомъ понадѣялся на свою силу и свое вліяніе. Этотъ случай напоминаетъ исторію съ графомъ Арнимомъ. Разумѣется, оппозиціонная пресса воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы изобразить Бисмарка такимъ властолюбивымъ человѣкомъ, что онъ не терпитъ возлѣ себя никакого самостоятельнаго человѣка. Но справедливость требуетъ указать, что посланники въ Парижѣ и Вѣнѣ люди весьма талантливые и независимаго характера, а между тѣмъ Бисмаркъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ ними. Гораздо скорѣе можно думать, что раздоръ поселается тогда, когда онъ замѣтитъ, что кто-нибудь враждебно относится къ его политическимъ идеямъ и цѣлямъ.

Событія во время послѣдней кратковременной сессіи, которая я старался здѣсь очертить, доказываютъ, что сильное броженіе царствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какой исходъ приметъ оно, въ настоящую минуту сказать трудно, но есть основаніе надѣяться, что для рѣшенія собственно національныхъ задачъ во всякомъ случаѣ образуется большинство, хотя и не такое значительное, какъ прежде, такъ что въ теченіи трехлѣтняго законодательнаго періода нельзя ожидать слишкомъ большихъ перемѣнъ.

Лучъ надежды на сохраненіе европейскаго мира, свергнувшій-было во время пребыванія генерала Игнатъева въ Лондонѣ, погасъ. Впрочемъ, иллюзія, что его путешествіе можетъ повести къ поддержанію мира, поддерживалась главнымъ образомъ биржей и по преимуществу парижской. Никто такъ не заинтересованъ въ сохраненіи мира между Россіей и Турціей, какъ Франція, которая постоянно опасается, какъ бы Германія не воспользовалась всякими усложненіями, чтобы надавить Францію. Я знаю, что и въ Россіи многіе раздѣляютъ этотъ взглядъ, но считаю эти опасенія неосновательными, хотя до сихъ поръ еще событія 1875 г. выяснились не вполне; но на основаніи поговорки, что не бываетъ дыму безъ огня, можно принять, что тогдашнія военныя приготовленія Франціи и быстрое приращеніе ея арміи возбудили здѣсь серьезныя опасенія. Но съ тѣхъ поръ выяснилось, что реорганизация французской арміи потребуетъ довольно продолжительнаго времени. Что въ Пруссіи и въ Германіи вообще вовсе не проявляется воинственныхъ стремленій, согласится каждый, кто слѣдитъ за нѣмецкой печатью. Если время отъ времени возникаетъ перебранка между французскими и нѣмецкими газетами, то вина падаетъ и на тѣхъ и на другихъ. Кромѣ того, такая перебранка не имѣетъ никакого значенія, если правительство не поощряетъ ее. Если князь Бисмаркъ и находится въ подозрѣніи, что

питаетъ враждебные замыслы противъ Франціи, за то нѣтъ никакого сомнѣнія, что императоръ Вильгельмъ одушевленъ самыми миролюбивыми чувствами. Нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ, князь Гогенлоэ, старается изъ воѣхъ силъ поддержать хорошія отношенія между обоими государствами, и повнимъ поддержаніемъ ихъ послужила присылка адъютанта Макъ-Магона съ поздравленіями къ императору Вильгельму со днемъ его рожденія.

Множество анекдотовъ разсказывается объ этомъ днѣ. Иные уже приведены газетами и доказываютъ, что императоръ Вильгельмъ былъ въ этотъ день въ отличномъ расположеніи духа. Такъ, газеты разсказываютъ, что князь Гогенлоэ-Лангенбургъ, родственникъ короля и зять великаго герцога Баденскаго, въ день рожденія императора три раза являлся поздравлять его: разъ въ числѣ проживающихъ здѣсь высшихъ особъ, во второй разъ вмѣстѣ съ генералами, такъ какъ онъ самъ генераль и, наконецъ, въ третій разъ вмѣстѣ съ президентомъ рейхстага, гдѣ онъ вторымъ вице-президентомъ. При этомъ третьемъ появленіи императоръ со смѣхомъ протянулъ ему руку, говоря: ваша свѣтлость, мнѣ сдается, что ужъ мы съ вами сегодня видѣлись два раза.

Въ предыдущіе дни императоръ занимался агитаціей между тѣми депутатами рейхстага, которые имѣютъ доступъ во дворъ, поощряя ихъ вотировать за перенесеніе высшей судебной палаты въ Берлинъ. Такъ, онъ сказалъ одному изъ нихъ: вы, конечно, выскажетесь за Берлинъ! Но въ ту же минуту прибавилъ, указывая на столѣхъ близъ него князей: только тише! господа всѣ противъ Берлина. Но агитація его величества не увѣчалась успѣхомъ, и побѣдитель Меца и Седана на этотъ разъ претерпѣлъ поражение. Комично при этомъ то, что всѣ депутаты города Берлина, 4 прогрессиста и 2 социаль-демократа, вотировали противъ Берлина и этимъ возбудили негодованіе здѣшнихъ филистеровъ, которые какъ ни прогрессивны и какъ ни радикальны, а все же весьма гордятся Берлиномъ и желаютъ ему всякаго преуспѣнія и блеска, которому не мало бы содѣйствовала судебная палата съ 120 судьями.

Общественная жизнь, съ которой наступило затишь, длившееся нѣсколько недѣль вслѣдствіе смерти жены принца Карла, въ послѣднее время очень оживилась, главнымъ образомъ отъ присутствія множества знатныхъ особъ, принадлежащихъ къ рейхстагу. При дворѣ было дано нѣсколько праздниковъ, а также происходило много политическихъ обѣдовъ и вечеровъ.

Театры также бывали биткомъ набиты, хотя въ нихъ почти не появлялось ничего новаго, за исключеніемъ театра Броя, на кото-

ромъ дебютировала съ большимъ успѣхомъ оперная труппа, до того совсѣмъ незнакомая. Своимъ успѣхомъ она обязана главнымъ образомъ одной пѣвицѣ, Этельѣ Герстеръ, пѣвицѣ изъ Венгрии, обладающей такимъ феноменальнымъ голосомъ, что знатоки увѣряютъ, что послѣ Женни Линдъ ничего подобнаго не слышали. Императоръ, слышавшій ее впервые на вечерѣ у англійскаго посланника, до того восхитился ея пѣніемъ, что послалъ взять для себя и для всего двора на ближайшее представленіе первые три ряда стульевъ въ залѣ Бройл. Этой пѣвицѣ навѣрное теперь предстоитъ блестящая будущность.

18 марта, юбилей революціи 1848 г., прошелъ очень тихо. Права, социаль-демократы устроили нѣсколько торжественныхъ собраній, но они умѣютъ соблюдать при этомъ такую дисциплину, что коллѣи не къ чему придраться. За то нѣсколько дней позднѣе на Александровскомъ плацѣ произошла сумятица. Тамъ номѣстились рабочіе изъ Верхней-Силезіи, а здѣшніе—прогнали ихъ, какъ пришлецовъ, отбивающихъ у нихъ хлѣбъ. Такъ относится масса къ либеральному законодательству. Массы въ Германіи въ настоящее время все еще мало способны къ самоуправленію. Одинъ французскій комментаторъ Тацитъ, XVII-го столѣтія, говоритъ: „я прихожу къ заключенію, что масса—чудовище страшное, свирѣбое, непостоянное, легкомысленное, гнѣвное, трусливое, падкое на новинку, неблагодарное, вѣроломное, жестокое, мстительное, короче—смѣсь всякаго рода пороковъ безъ единой добродѣтели“.

Если кто-нибудь найдетъ эти слова хотя отчасти справедливыми и въ отношеніи современныхъ намъ массъ, тотъ долженъ будетъ тѣмъ самымъ признать, что въ послѣднія двѣсти лѣтъ еще очень мало было сдѣлано для умственнаго и нравственнаго ихъ развитія.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

13/24 марта, 1877.

XXIII.

Викторъ Гюго и его „Légende des siècles.“

Появленіе въ свѣтъ „Légende des siècles“ (вторая серия)—великое литературное событіе текущаго мѣсяца. Имя Викторъ Гюго во всѣхъ устахъ. Давно уже я жду случая изобразить во весь ростъ колоссальную фигуру поэта, изобразить правдиво и безпристрастно. Вотъ, наконецъ, случай и представился. Имѣя въ виду одну правду, я постараюсь написать отсюда, въ второмъ на первомъ мѣстѣ будетъ правда.

I.

Въ исторіи нашей литературы одинъ Вольтеръ можетъ быть приравненъ къ Виктору Гюго по тому громадному мѣсту, какое онъ занималъ въ своемъ вѣкѣ, и по его безусловному вліянію на современниковъ. Я не говорю здѣсь о степени или гениальности, объ или абсолютномъ литературномъ достоинствѣ, но о неоспоримомъ владѣствѣ надъ умами, начавшемся съ юныхъ лѣтъ и продолжавшемся до самой глубокой старости. Оба царили надъ обществомъ; оба могли думать, что увѣковѣчили въ самихъ себѣ интеллектуальныя силы расы. Я не стану проводить дальнѣйшей параллели между ними, потому что хотя слава, увѣнчавшая ихъ, устанавливаетъ между ними нѣчто общее, — они совсѣмъ не покоили другъ на друга по темпераментамъ. Съ меня достаточно указать, что фактъ, наблюдаемый нами, — литературное владѣтельство, воплощенное въ одномъ человѣкѣ, — уже имѣло прецедентъ въ нашей исторіи.

Что за колоссъ славы и жизни — жизнь Викторъ Гюго! Я представляю себѣ какого-нибудь юношу за письменнымъ столомъ, или поэта, уронившаго перо и мечтающаго о славѣ. О! какое уныніе и какое страстное желаніе прославиться должно охватывать его, когда изображеніе его представляется въ томъ гигантѣ, занявшемъ собою дѣло столѣтіе и стремящимся завладѣть и грядущимъ вѣкомъ. Когда-нибудь досрости до него — безумное желаніе! Удастся ли даже возвыситься ему по мезамъ. Быть можетъ, умрешь молодымъ. Удастся ли написать хоть

нѣсколько талантливыхъ стихотвореній, тогда какъ онъ построилъ циклопскія башни изъ неисчерпаемыхъ матеріаловъ своихъ стиховъ. Онъ мастеръ; онъ захватилъ всѣ идеи и всѣ формы; онъ загораживаетъ будущее. Чтобы обновить поэтическую форму, слѣдуетъ дожидаться того времени, когда его chefs-d'oeuvre изгладятся изъ памяти людей. И вотъ, молодому поэту ничего не остается, какъ склонить голову и признать себя только послѣдователемъ великаго поэта. Царственная жизнь Виктора Гюго подавляетъ его.

Десяти лѣтъ отъ роду, въ Испаніи, куда онъ уѣхалъ за отцомъ, Викторъ Гюго уже лепеталъ стихи. Четырнадцать лѣтъ онъ написалъ въ національную трагедію „Ugamoie“, которая была, конечно, не хуже, чѣмъ всѣ трагедіи того времени. Пятнадцать лѣтъ онъ конкурируетъ на преміи академіи, на слѣдующее сочиненіе: „Les Avantages de l'étude“, и если его не увѣнчали, то только потому, что солидные академичны занедозрили, что молодой поэтъ поднимаетъ ихъ на смѣхъ, утверждая, что ему только пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, въ послѣдующіе годы его увѣнчиваютъ лаврами въ Парижѣ, въ Тулузѣ, на академическихъ конкурсахъ.

Согласно выраженію Шатобриана, онъ былъ уже тогда „необыкновеннымъ ребенкомъ“. Если позднѣе сложится легенда на его счетъ, то будутъ говорить, что каміе-то голоса и лиры слышались въ воздухѣ въ моментъ его рожденія.

Онъ былъ тогда только необыкновеннымъ ребенкомъ, — но ребенокъ рѣсь не по днямъ, а по часамъ. Ему было двадцать два года, когда онъ напечаталъ свои первые два романа „Nan d'Irlande“ и „Vnu-Jargal“. Мнѣ кажется даже, что этотъ послѣдній романъ написалъ онъ въ шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ появились „Odes et Ballades“, и стало очевидно, что дѣйствительно родился великій поэтъ. До того времени только встрѣчали самыя лестныя оваціи; старшины и старухи одобряли кивая головой. Другой захлебнулся бы въ этомъ медѣ, но въ В. Гюго жила дѣйствительная сила; онъ устранился отъ салонныхъ рецѣмовъ и внезапно выскочилъ новаторомъ. Ему было тогда двадцать пять лѣтъ. Въ эту эпоху обозначилась его литературная карьера.

Я пишу здѣсь не біографію. Я просто пытаюсь нѣсколькоими чертами охарактеризовать необыкновенную жизнь поэта. Двадцати пяти лѣтъ онъ сталъ правою звездой. Нѣсколько молодыхъ людей струились вокругъ него; изъ нихъ бесѣды возникло литературное ученіе, принципы котораго были изложены въ небольшомъ журналѣ: „la Muse française“. Наконецъ самъ учитель заговорилъ и выдалъ свой манифестъ въ предисловіи къ Кромвелю. Романтическая школа была основана. Конечно, не все въ ней было ново; новая формула только высказала въ опредѣленной формѣ идеи, медленнѣе выработывавшіяся

ея предшественницами. Но достаточно было появления одного человека, чтобы придать необычайный блескъ этой формулѣ. Викторъ Гюго воплотилъ въ себѣ все движеніе парвой половины текущаго столѣтія. Изъ разряда поэтовъ, которымъ скромно рукоплещуть, онъ перенесъ въ разрядъ поэтовъ, на которыхъ нападаютъ. Онъ сталъ борцомъ и побѣдителемъ. Двадцати-семи лѣтъ онъ уже царствовалъ. И съ этого-то поръ начинается дивный періодъ его жизни, — съ 1830 по 1848, — его господство надъ французской литературой, его всемогущество надъ зародившимся революціемъ, его владычество надъ умами, сравненное свою удивительную силу де нашихъ дней. Онъ царилъ, окруженный восторженными и востытельными дворами; молодые поэты, пріѣзжавшіе въ Парижъ, представлялись ему, точно вассалы, обаянные ему поклоненіемъ. И эти бѣднѣжки просто теряли сознаніе, взираясь на его лѣстницѣ, — до того сильно бились къ сердцу. Писатели съ крутыми дарованіемъ также являлись на поклонъ. У Людовика XIV не было, конечно, болѣе вѣрныхъ и болѣе смиренныхъ даредворцевъ. Вокругъ этого литературнаго короля курiali ѡбнимали; онъ держалъ въ рукахъ всю современную литературу, и даже тѣ, кто подтрунивалъ за его спиной, стѣбались въ его присутствіи. Все это факты. „Король“ въ это время отдавалъ свои *chefs-d'œuvre*. Въ эту эпоху названн имъ всѣ его знаменитыя произведенія.

Можно было опасаться, что послѣ восемнадцатилѣтняго поклоненія уваженіе ослабѣетъ, въ особенности со стороны подросткащаго поволенія. Но Виктору Гюго рѣшительно вѣрно. Судьба облагодѣтельствовала его, подвергнувъ преслѣдованіямъ. Въ тотъ моментъ, какъ могущество его могло пошатнуться отъ слишкомъ большихъ успѣховъ, судьба произвела его въ изгнанники, и тутъ изъ короля онъ сталъ богомъ. Это не парадоксъ. Развѣ изгнаніе не возвеличило Виктора Гюго? Развѣ имперія, изгнавъ его изъ Франціи, не превратила въ незыблемый пьедесталъ утесовъ Гернси? Надо перенестись въ тѣмъ годамъ имперіи, чтобы понять, какимъ великимъ является поэтъ въ своемъ изгнаніи. Всѣмъ намъ, тогда молодымъ, двадцати-лѣтнимъ юношамъ, онъ представлялся колоссомъ въ оковахъ, юнцомъ среди буря. Онъ былъ Прометеемъ, онъ былъ сверхъестественнымъ явленіемъ, онъ господствовалъ надъ Франціей, озирая ее издали своимъ орлинымъ окомъ. Порою вѣтеръ привнеслъ намъ нѣсколько страницъ, написанныхъ имъ, и мы ихъ пожирали. Намъ казалось, читая ихъ, что мы содѣйствуемъ подземной побѣдѣ надъ тиранніей. Этотъ поэтъ, съ такимъ шаромъ нападвшимъ на имперію, въ концѣ-концовъ сумѣлъ внушить уваженіе самой имперіи. Когда появились „*Légende des siècles*“ и „*les Misérables*“, раздался

громкій крикъ восторга, и можно встрѣтить повсюду этия произведенія въ журналахъ самыхъ преданныхъ номерин. На Гериса бѣдали на поклоненіе. Отсутствие окончательно вознесло Виктора Гюго на недостижимую высоту.

Но это еще не все. Передъ лицомъ внимательной Европы, въ присутствіи народовъ, страстно слѣдившихъ за нимъ, и дрожащихъ владыкъ, простой поэтъ завязалъ ходячекъ съ императоромъ. Игнацій Наполеономъ III, забросавъ эту личность всю грязью, которую онъ собралъ въ итнвалин, Викторъ Гюго, спокойный и сильный, ждалъ, чтобы его непріятель палъ. И безплатность его ожиданія, его увѣренность въ побѣдѣ были уже какъ-бы ударомъ, наносимымъ имъ трону врага. Императоръ, должно быть, часто вспоминалъ про этого человѣка, стоящаго на своемъ утесѣ и выжидающаго, когда-то онъ оступится и свалится съ ногъ. Кто-то изъ нихъ побѣдитъ? Кто-то умретъ на чужбинѣ? И вотъ, въ одинъ прекрасный день поэтъ побѣдилъ. Императоръ былъ изгнанъ въ свою очередь и отправился коротать дни въ Англій, между тѣмъ какъ поэтъ вернулся въ Парижъ, привѣтствуемый толпой. Изъ страшнаго подника одинъ только поэтъ вышелъ цѣлъ и невредимъ.

Развѣ это не изумительно и развѣ не каметелъ, что какой-то верховный церемоніймейстеръ съ любовью распредѣлялъ различные фазисы этого существованія? Когда общественный восторгъ какъ будто утомился созерцаніемъ поэта, ударомъ волшебнаго жезла совершается превращеніе и наступаетъ новый періодъ славы. Если неждѣе нѣкоторые изъ произведеній Виктора Гюго кануть въ Лету,—то жизнь его, конечно, останется тѣномъ самой прекрасной жизни, какая только могла выпасть на долю человѣка. Никакой завоеватель, никакой самодержавный властелинъ не могъ вкушать болѣе сильнаго наслажденія властью, чѣмъ онъ.

Совсѣмъ тѣмъ я долженъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ Гюго вернулся въ Парижъ, онъ не выросъ въ глазахъ публики—и это роковая вещь. Онъ былъ такъ высокъ на своемъ утесѣ, что стать выше этого было невозможно. Для него было почти паденіемъ очутиться среди насъ, на нашихъ грязныхъ троттуарахъ, въ нашихъ мизерныхъ домишкахъ,—ему, господствовавшему надъ океаномъ и котораго мы представляли себѣ какъ-бы Исаіей, пророчествующимъ среди бури. Кромѣ того, Викторъ Гюго роковымъ образомъ долженъ былъ вмѣшаться въ ежедневную политическую борьбу, а политика умалаетъ поэтовъ. Она ставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ прозой жизни. Имъ хочется скрестить ее своими прекрасными чувствами, и усилія ихъ вызываютъ только улыбку. Я не хочу разбирать политическую дѣятельность Виктора Гюго, потому что это отдалило бы меня отъ моего пред-

мета, но я долженъ заявить, что къ его политической дѣятельности никто и никогда не относился серьезно. Конечно, онъ высказываетъ самыя прекрасныя идеи въ мірѣ; онъ любитъ униженныхъ и оскорбленныхъ, онъ ратуетъ за свободу, мечтаетъ о братствѣ всѣхъ народовъ; но все это остается въ мірѣ утопіи и можетъ служить только матеріаломъ для прекрасныхъ стиховъ. Я не осуждаю, я только констатирую фактъ. Викторъ Гюго, — роялистъ въ 1820 г., либераль и конституціонистъ въ 1830 г.; умѣренный республиканецъ въ 1848 г.; крайній республиканецъ въ 1850 г., — слѣдовалъ по естественному пути, и съ 1871 г. сталъ библейскимъ апостоломъ демократіи. Онъ не признаетъ никакихъ доктринъ и никакихъ фактовъ. Онъ требуетъ счастья для человѣчества, не принимая въ расчетъ людей. Онъ декретируетъ всеобщую республику, точно, подумаешь, стихи обязаны ему повиноваться и создать новую землю и новый народъ. Съ эстетической точки зрѣнія, взгляды у него широкіе, мечты великолѣпныя; но въ практическомъ отношеніи все это отзывается нѣкоторымъ ребячествомъ. Сами республиканцы, — я говорю про самыхъ убѣжденныхъ и самыхъ дѣятельныхъ, — зачастую видятъ нѣкоторую помѣху въ Викторѣ Гюго. Они предпочли бы, чтобы онъ не выступалъ впередъ въ политическихъ дѣлахъ и довольствовался ролью гениальнаго челоѣка. Въ сущности роль поэта, какъ челоѣка партій, совершенно ничтожна. На него смотрятъ, какъ на почетнаго политическаго дѣятеля. Его выдвигаютъ впередъ для декорации, ради его славнаго имени; затѣмъ почти съ радостью провожаютъ его за кулисы, когда онъ удаляется на время со сцены. Роль его сводится къ роли величественнаго фигуранта, подобно тѣмъ королямъ, которые появляются иногда въ операхъ, влача за собой пурпурную мантию, и только проходятъ по сценѣ. То, что я осмѣливаюсь высказать здѣсь вслухъ, давно уже повторяется шопотомъ. Это умалняетъ значеніе Виктора Гюго. Ему прощаютъ политику, точно забаву, отъ которой ему слѣдовало бы воздержаться.

Въ сущности, изъ четырехъ эпохъ его жизни: его ранней и прославленной юности, его литературнаго владычества въ Парижѣ, изгнанія, овареннаго величіемъ апогеоза, и торжествующей старости среди насъ — самымъ удивительнымъ и прекраснымъ періодомъ является время изгнанія. Эта чудная жизнь сдѣлала Виктора Гюго колоссомъ въ глазахъ толпы, самымъ великимъ челоѣкомъ нашего столѣтія. Какъ многіе другіе, онъ принесъ съ собой гений, но событія создали для него самую дивную рамку, о какой только можно мечтать.

воображеніе; порою просыпается логика, беретъ верхъ терпѣливое звученіе вещей и природы. Надо прибавить, что эти превращенія зависятъ отъ обществъ, и что на литературѣ отражается исторія народа. Итакъ, я смотрю на вещи съ такой точки зрѣнія: всякая формула сама по себѣ хороша и законна; достаточно, чтобы ее усвоилъ себѣ гениальный человѣкъ. Говоря другими словами, формула есть не что иное, какъ орудіе, создаваемое исторической и общественной средой, и красота ея зависитъ главнымъ образомъ отъ болѣе или менѣе искуснаго примѣненія ея гениальными писателями. Формула является сама собой—вотъ что слѣдуетъ понять. Корнель не изобрѣталъ трагедій; онъ нашелъ и разработалъ ее. Викторъ Гюго не изобрѣталъ романтической драмы, онъ просто ее себѣ усвоилъ. Рамки могутъ быть болѣе или менѣе удобны, но гоній всегда суждетъ внести въ нихъ одинаковую сумму красоты. Измѣнятся одні только формы: сущность, человѣческій трудъ, остается тотъ же самый. Съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ признавать всѣ великія, древнія, чужеземныя, національныя произведенія, не отчуждая ихъ отъ среды и считая каждую самымъ высокимъ проявленіемъ художника данной эпохи.

Но слѣдуетъ только допустить безъ оговорокъ, что законъ превращенія—законъ непрерывный. Одна какая-нибудь эпоха не можетъ закрѣпить за собой литературы; она всегда бываетъ только одной стороной этой литературы. Порою одна какая-нибудь литературная форма можетъ царить надъ нѣсколькими вѣками; въ другой разъ она просуществуетъ не болѣе полу-вѣка, но всѣ измѣнятся непрерывно, въ силу рокового закона, заставляющаго человечество непрерывно двигаться впередъ и въ дѣлѣ языка, и въ дѣлѣ правовъ, и въ сферѣ идей. До сихъ поръ критика не признавала шествія впередъ по прямой линіи. Она черпаетъ примѣры изъ исторіи и доказываетъ, что во всякой литературѣ замѣчается сначала постоянный прогрессъ до извѣстнаго развитія языка и счастливой гармоніи идей; затѣмъ наступаетъ упадокъ, болѣе или менѣе продолжительный. Такимъ образомъ, литература представляется какъ-бы горой, съ двумя склонами и одной вершиной. Должно сознаться, что исторія почти всегда оправдываетъ это сравненіе. Но только слѣдовало бы условиться на-счетъ того, что слѣдуетъ считать эпохами упадка. Критика, ставящая на первомъ планѣ вопросъ о языкѣ, правѣ, когда говорить, что у каждаго языка бываетъ эпоха зрѣлости, когда этотъ языкъ приобретаетъ чудную мужественность и простоту. Но критикъ, разыскивающий подъ формою человѣческій элементъ, живой и любопытный документъ, вполнѣ примиряется съ эпохами упадка. Къ тому же, никогда нельзя самому рѣшить про свой вѣкъ, что это

вѣкъ упадка, потому что будущее неизвѣстно, и нельзя знать, идеешь ли въ гору или подъ гору. Только потомство можетъ рѣшить этотъ вопросъ. Это, по правдѣ сказать, не касается моего предмета, но я хотѣлъ только выяснить, что литература двигается вмѣстѣ съ чело-вѣчествомъ и никогда не стоитъ на мѣстѣ.

Классическая формула долго царила у насъ. Она была всемогущей, обратилась въ догматъ. Никому и въ голову не приходило освободиться отъ нея: казалось, что, нарушивъ ея правила, оказаны неповиновеніе королю и Богу. Никогда не тяготѣло надъ писателями болѣе неумолимаго деспотизма. Чтобы объяснить это длинное владычество и эту силу, необходимо было бы изучить общество того времени, указать пружины, которыя подчинили самыя свободныя умы такой строгой дисциплинѣ. И вотъ, однако, эта хорошо заведенная машина сломалась въ одинъ прекрасный день. Она издержалась и перестала дѣйствовать. Наступилъ часъ, когда романтики нанесли послѣдній ударъ этой гнилушкѣ, и она разлетѣлась въдребезги. Но мастерскія произведенія семнадцатаго вѣка тѣмъ не менѣе остались цѣлы и невредимы во всей своей безсмертной славѣ, какъ проявленія чело-вѣческаго генія, явившіяся въ свое время. Отжили только извѣстныя формы, извѣстныя рамки и механическія приемы.

И надо было слышать въ тѣ поры отчаянныя вопли классиковъ! То же самое явленіе повторяется въ эпоху агоніи каждой школы; приверженцы воздымають руки къ небесамъ и жалуются, что наступаетъ конецъ свѣта. Общее правило: каждая школа воображаетъ, что на вѣки-вѣчныя закрѣпила за собою литературу своего народа. Все, что было раньше ея, неважно, и все, что явится послѣ нея, должно походить на нее, если хочетъ жить. Она допускаетъ прошлое, но отрицаетъ будущее. Время остановилось; солнце не восходить болѣе и не заходить; умъ чело-вѣческій истощился; вѣка осуждены списывать послѣднія мастерскія произведенія.

Слѣдуетъ припомнить баталію 1830 года. Романтики, которые были тогда молоды и которымъ еще предстояло отвоевать себѣ мѣсто въ мірѣ, не щадили силъ. Они прежде всего были непочтительны—на-станаво на этомъ. Они лѣзли на приступъ старой классической крѣпости съ воємъ, съ сжатыми кулаками, стуча безъ милосердія въ почтенныя головы классиковъ. Небольшая банда этихъ авантюристовъ, гонявшихся за яркостью красокъ и страстью, обызвала Расина повѣсой, поднимала на смѣхъ весь великій вѣкъ, не щадя при этомъ и современниковъ, считавшихъ себя нелишними здраваго смысла и по тому самому обызваемыхъ болванами. Движеніе наступило своихъ гамановъ и шутниковъ и принимало буйный характеръ мятежа. Били стекла; швыряли комьями смѣха въ академію;

протягивали веревки поперекъ троттуаровъ, чтобы свалить съ ногъ буржуа. Отсутствие почтенія, шумное низверженіе всѣхъ прежнихъ боговъ—вотъ, повторяю, что характеризовало движеніе 1830 года.

Въ настоящее время можно ли представить себѣ что-нибудь забавнѣе пугливыхъ взглядовъ романтиковъ, когда новое литературное поколѣніе въ свою очередь низвергаетъ ихъ боговъ. Они стараются—вотъ въ чемъ секретъ, и заняли мѣсто классиковъ. Они стали консерваторами, догматиками, почтенными людьми. Они отстаиваютъ свою религію. И что придаетъ особенный комизмъ этому фарсу, такъ это то, что романтическое движеніе продолжалось не болѣе полулѣта и что люди, которые въ настоящую минуту проповѣдуютъ уваженіе къ старшимъ, какъ разъ тѣ самые, что всѣхъ ожесточеннѣе колотили старшихъ. Имъ отдають удары, которые они нѣкогда нанесли, и они сердятся. Это лишній разъ доказываетъ, что у человѣка нѣтъ логики. Представьте только себѣ сѣдобородыхъ романтиковъ, требующихъ почтенія, воздвигающихъ романтизмъ въ догматъ вѣчной истины, выдающихъ себя за послѣднее воплощеніе французской литературы! Вѣдь, можно умереть со смѣха, глядя на это.

Между тѣмъ, какъ Викторъ Гюго торжествовалъ, окруженный лучами своего апогея, французскій геній, неизмѣнно плодотворный, не умеръ. Бальзакъ съ своей стороны выросъ колоссально въ тѣни, куда загнали его обстоятельства. Потомки Виктора Гюго оказались безсильными, потомки Бальзака заняли всю литературную арену. Такъ родилась натуральная школа и хоронить въ настоящее время романтизмъ. Превращеніе было неизбѣжно; все вызывало протестъ противъ растрепанной фантазіи, реакцію правды противъ лжи. Весь ходъ вѣка долженъ былъ привести къ литературѣ анализа, исследованія, человѣческихъ документовъ. Впрочемъ, я понимаю, что романтики сердятся. Они мало жили; они чувствуютъ свое безсиліе и безплодіе. Романтизмъ въ нашей исторіи въ сущности останется ничѣмъ инымъ какъ воззваніемъ къ свободѣ. Онъ снялъ съ лица земли всѣ классическія пренюны; онъ былъ оргіей побѣды, въ ожиданіи того, что умы успокоятся и разумно воспользуются завоеванной свободой.

Но, во всякомъ случаѣ, хотя романтизму и очень печально, что царство его было такимъ кратковременнымъ, — онъ выказываетъ короткую память, когда вопить о святотатствѣ. Послѣдователи натуральной школы выталкиваютъ его за дверь, подобно тому, какъ самъ онъ вытолкалъ классиковъ. Это законъ природы. Старые уступаютъ мѣсто молодымъ.

Разумѣется, новое движеніе выросло не въ одну ночь, точно грибъ.

Оно не что иное какъ звене цѣпи. Поэтому романтики нагѣли, когда говорятъ натуралистамъ: „вы наши дѣти, вы родились отъ насъ, и съ вашей стороны преступно бить родителей“. Безъ сомнѣнія, мы сыны романтиковъ. Но сами-то они развѣ не были сынами классицизма? Гдѣ начинается въ литературѣ цѣпь предковъ? Почтеніе необходимо замуравило бы литературу въ священной неподвижности, если бы было обязательно только повторять дѣдовъ. Натуралисты, только-что начинающіе высвободиться изъ романтическаго движенія, помимо воли сохраняютъ еще на плечахъ остатки драпировки 1830 г. Но только вопросъ не въ этомъ. Онъ заключается въ глубокомъ различіи двухъ формулъ, одной идеалистической, другой—реальной. Два міра стоятъ лицомъ въ лицу. Одинъ долженъ затмить другой. И для меня уже нѣтъ сомнѣнія, что натурализмъ побѣдилъ.

Я хочу быть логичнымъ и вполне сознаю, что натурализмъ былъ бы неправъ, еслибы объявилъ, что онъ представляетъ послѣднюю и законченную форму французской литературы, ту, которая медленно соврѣвала въ теченіи столѣтій. Объявивъ это, онъ впасть бы въ ту же негѣдность, какъ и романтизмъ. Для меня натурализмъ только переворотъ. Чтѣ придетъ за нимъ? не знаю. Возьметъ ли снова воображеніе верхъ надъ точнымъ анализомъ? Можетъ быть. Съ другой стороны, долго ли продлится царство натурализма? Полагаю, что долго, но, повѣрьте, не знаю. Важно то, чтобы въ случаѣ упадка школы, гѣтъ черезъ пятьдесятъ, не нашлось натуралистовъ настолько глухихъ, чтобы говорить, подобно старымъ романтикамъ: „мы не хотимъ никому уступать мѣста, потому что мы—совершеннѣйшая литература“. Когда человѣчество двигается впередъ, совсѣмъ бесполезно ложиться поперекъ дороги, съ тѣмъ чтобы преградить ему путь.

Теперь долженъ сознаться, что возлагаю всѣ свои надежды на натурализмъ. Если онъ и не окончательная формула, то формула правдивая. Поэтому я думаю, что царство его долго продлится. Онъ родился не со вчерашняго дня; какъ всѣ мощныя и прочныя вещи, онъ развивался съ разумной медленностью, какъ самый умъ человѣческій. Онъ опирается на все умственное и социальное движеніе. Наконецъ, такъ какъ онъ развивался параллельно съ наукой, такъ какъ онъ завладѣлъ почти всѣми формами мысли,—философіей, исторіей, критикой, романомъ, театромъ, даже музыкой, то можно думать, что онъ лишь начало громаднаго переворота, который продлится долги столѣтія. Забудьте въ тому же, что классическая формула и формула романтическая сходны между собою, за исключеніемъ декораціи. Онѣ обѣ опираются на идеальное и регулируемое пониманіе искусства. Натуральная формула представляетъ другую сторону

вопроса; она кладетъ природу въ основаніе произведенія и объявляетъ уклоненія отъ правды темпераментомъ художника.

III.

Итакъ, въ настоящее время вопросъ поставленъ такъ же ясно между романтиками и натуралистами, какъ въ 1830 г. онъ былъ между романтиками и классиками. И долженъ прибавить, что умирающихъ классиковъ еще безпощаднѣе загнали въ ихъ трагическій дворецъ, чѣмъ умирающихъ романтиковъ въ развалины ихъ готической башни. Никогда еще литературная школа не истощалась такъ быстро. Но эта школа сохраняетъ иллюзію жизни и величія, потому что во главѣ ея стоитъ гениальный человѣкъ. Все рушилось вокругъ Виктора Гюго; весь *bris-à-bras* романтизма лежитъ въ черепкахъ у его ногъ; самое предисловіе къ *Кромвелю* вызываетъ улыбку; но достаточно того, что онъ живъ, и поддерживаетъ своими мощными плечами пышную декорацию отжившей школы. Онъ въ себѣ одномъ заключаетъ весь романтизмъ. Когда онъ умретъ, школа развалится окончательно, и изъ ея обломковъ никто не рѣшится даже выстроить себѣ конуры, онъ же займетъ мѣсто въ исторіи на ряду съ великими людьми, выразившими собой наши литературныя школы. Послѣдніе послѣдователи его, лишеныя его поддержки, исчезнутъ, смытыя обцимъ потокомъ.

Чтобы понять какъ стоитъ дѣло, надо имѣть весьма ясное понятіе о томъ положеніи, какое занимаетъ среди насъ Викторъ Гюго. Онъ уже съ настоящихъ поръ обратился въ предка. Его послѣдній апофеозъ сложился изъ нѣсколькихъ элементовъ. Литература полна уваженія къ его долгой и трудолюбивой жизни, къ *chefs-d'oeuvre*, созданнымъ имъ. Простымъ буржуа прожужжали всѣ уши его именемъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ, и они уважаютъ его по привычкѣ. Само простонародье, не понимая его, раскушаетъ дешевыя изданія его сочиненій слишкомъ въ сто тысячъ экземпляровъ, потому что считаетъ поэта политическимъ дѣятелемъ и смутно надѣется, что онъ насадитъ золотой вѣкъ. Я знаю рабочихъ, лишающихъ себя табу, чтобы купить произведенія Виктора Гюго, когда они появляются книжечками въ 10 сантимовъ. Они ихъ не читаютъ, но отдаютъ въ переплетъ и берегутъ, словно дорогую мебель, и очень этимъ гордятся. Итакъ, въ религиозномъ почтеніи, окружающемъ нынѣ поэта, замѣшано многое: литературная нѣжность, уваженіе къ труженнику и старжку, національная благодарность къ великому человѣку и въ особенности политическія симпатіи. Викторъ Гюго не оставался, какъ

Альфредъ де-Мюссэ, только гениальнымъ поэтомъ. Онъ расширилъ сферу своего вліянія на публику, вѣнчиваясь въ общественныя распри и подрѣвляя успѣхи писателя шумомъ рѣчей оратора.

Конечно, слѣдуетъ преклониться. Такая слава законна. Когда человѣкъ достигъ такой высоты, благодаря непрерывному труду, не легко свести его съ пьедестала и обращаться съ нимъ какъ съ простымъ смертнымъ. А между тѣмъ можетъ видѣти такъ, что истина страдаетъ отъ этого преувеличеннаго почтенія. Да это было бы еще не бѣда, если бы божество выдѣляли изъ людской борьбы. Можно было бы поступать, какъ невѣрующіе въ церквахъ: преклонять колѣно, чтобы никого не шокировать, и проходить мимо. Но люди, живущіе на счетъ божества, пономари и дьячки, ставятъ вопросъ иначе. Они пользуются своимъ богомъ, чтобы убивать прохожихъ. „А! вы думаете не такъ, какъ мы! а! вы позволяете себѣ строить церковь напротивъ нашей!—вотъ же вамъ! мы васъ устроимъ за это!“ И толкаютъ идола, пытающаго раздавить противника подъ его тяжестью, а сами осторожно прячутся за его спину. Сколько имъ ни толкуютъ, что они компрометируютъ учителя, что въ одинъ прекрасный день люди вынуждены будутъ занести на него руку, чтобы оборонить самихъ себя,—они тѣмъ не менѣе упорствуютъ употреблять бога, какъ палицу. И вотъ, роковымъ образомъ, въ одинъ прекрасный день теряется всякое почтеніе, и начинаешь ясно высказывать то, что думаешь. И это простиительно, потому что дѣлается въ видахъ законной обороны.

Что меня особенно поражало въ это послѣднее время, когда вышла „Légende des siècles“—это отношеніе критики. Никогда не видывалъ я такого уничиженія. Конечно, я знаю, какъ пишется большинство статей. Авторъ присаживается къ столу и наизываетъ готовныя фразы, слышанныя или прочитанныя въ другомъ мѣстѣ. Друзья Виктора Гюго отлично умѣютъ пускать въ ходъ книгу; они совершали чудеса въ этомъ родѣ, особенно когда поэтъ находился на Гернси. Они направляютъ движеніе, вся критика за нимъ слѣдуетъ. Но, право, на этотъ разъ уничиженіе превзошло всѣ границы. Я приведу примѣры.

Прочтите слѣдующее: „Когда такое произведеніе, какъ „Légende des siècles“, врывается въ міръ, оно изумляетъ и смущаетъ. Умы ослѣплены. Заря этой книги такъ же ярка, какъ полуденное солнце. Эту книгу не обсуждаешь; передъ ней преклоняешься“. Но есть и еще почище. Выбираю слѣдующее мѣсто изъ другой газеты: „Необходимо было бы создать специальный языкъ, чтобы ясно выразить чувства, возбуждаемыя подобными произведеніями. Я, въ самомъ дѣлѣ, сознаю, при видѣ ихъ, безжизненность обычныхъ выраженій восторга,

и считаю, что литературные критики, не исключая и самых авторитетных, сдѣлаютъ пустую и нелѣпую вещь, если попытаются анализировать „Légende des siècles“. Ее читаешь; ее не анализируешь, не критикуешь. Итакъ, я ни подъ какимъ видомъ не стану разсматривать: равняется ли это произведеніе поэта предъидущимъ, или превосходить ихъ. Я пробѣжалъ его и ослѣпленъ имъ“.

Замѣьте, что я могъ бы умножить до безконечности свои цитаты. Я привожу общій тонъ,—я хочу показать, какимъ образомъ всѣ журналы безъ исключенія отнеслись къ новому произведенію Виктора Гюго. Даже политическія страсти замолекли; роялистскіе и бонапартистскіе органы воскуриваютъ тотъ же энміамъ, что и республиканскіе. И хуже всего то, что въ этомъ не слѣдуетъ видѣть выраженія искреннаго восторга. Чувствуешь, что весь этотъ лиризмъ поддѣльный. Когда журналисты говорятъ о Викторѣ Гюго, они, естественно, прибѣгаютъ къ гиперболѣ; они считаютъ необходимымъ забрасывать учителя градомъ похвалъ. Все это лживо,—вотъ чтó раздражаетъ ясные и логическіе умы. Неправда, что „Повѣсть вѣвовъ“ была взрывомъ въ нашей литературѣ; неправда, будто критики были ослѣплены ею; неправда, что слѣдуетъ поставить это произведеніе въ глазахъ читателей выше критики, какъ догматъ. Я готовъ восхищаться, и даже того мнѣнія, что восхищеніе вообще одна изъ рѣдкихъ радостей земного существованія; но никогда не соглашусь я восхищаться, если у меня отнимаютъ рассудокъ. Чтó за дикая претензія? Викторъ Гюго, хотя и гениальный человекъ, но подлежитъ моей критикѣ. Въ наше время случается разсуждать о Богѣ,—мы можемъ, значить, разсуждать о Викторѣ Гюго.

Я хорошо знаю, что все это банальныя фразы, которыя говорятся въ угоду учителю. Если бы поразспросить приверженцевъ по секрету, то они признались бы, что говорятъ просто фразы. Надо знать маленькій дворъ, среди котораго живетъ въ настоящее время Викторъ Гюго. Самая почтительная критика не допускается имъ. Когда учитель изрекаетъ слово, оно признается совершенствомъ. Придворные пребываютъ въ состояніи хроническаго восторга. Прилагательныхъ не хватаетъ; самыя энергическія выраженія сдѣлались банальными. Кажешься безцвѣтнымъ, когда употребишь слово, въ родѣ: изумительный, колоссальный, сверхъестественный, титаническій, поразительный, ошеломляющій. У приверженцевъ нѣтъ болѣе словъ; они изобрѣтаютъ новыя. Они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются выдумать самыя неожиданныя выраженія. Все это печально. Виктора Гюго всегда обкуривали самымъ грубымъ энміамомъ; но никогда еще кадила не попадали въ болѣе недостойныя руки. Часто я спрашиваю себя: какія наслоенія высокоумѣрія должны были, нако-

нецъ, образоваться подъ черепомъ поэта? Подумайте, что это обожа-
ніе его таланта и его личности началось съ дѣтства и все росло съ
теченіемъ времени. Ему повторяли на всѣ лады, что онъ краса сто-
лѣтія, олицетвореніе всего прекраснаго, король, богъ. Онъ задумалъ
бы стать нашимъ властелиномъ, всемірнымъ императоромъ, — и это
было бы неудивительно. Восхищеніе въ такихъ дозахъ становится
вреднымъ. И лучшимъ доказательствомъ, что онъ мощный умъ, слу-
жить тѣмъ, что онъ еще не совсѣмъ спятилъ съ ума, слыша какъ ему
повторяютъ на всѣ лады въ продолженіи шестидесяти лѣтъ и каждую
минуту: „вы прекрасны, вы велики, вы высоки“. Онъ ходитъ не по
землѣ: восторгъ его царедворцевъ возноситъ его на облака. У его
дверей, какъ и у дверей королей, толпятся царедворцы и не допу-
скають до него правды.

Я желаю оставаться почтительнымъ, высказывая эту правду.
Нельзя представить себѣ, изъ кого состоитъ въ настоящее время
дворъ Виктора Гюго, тѣснящійся вокругъ него въ маленькой квар-
тирѣ, занимаемой имъ въ улицѣ Клиши. Я не говорю про полити-
ческихъ дѣятелей, посѣщающихъ его, про нѣсколькихъ замѣчатель-
ныхъ писателей, родившихся въ эпоху 1830 г. и все еще находя-
щихся подъ могучимъ очарованіемъ движенія той эпохи; этимъ лю-
дямъ Викторъ Гюго внушаетъ настоящій культъ, и они правы, не
измѣняя ему. Я говорю про новое поколѣніе, про молодыхъ людей
тридцати, тридцати-пяти лѣтъ, про писателей послѣдняго времени.
Викторъ Гюго собралъ вокругъ себя, по возвращеніи изъ изгнанія,
писателей безъ будущности, дебютантовъ, отдавшихъ журналистикѣ,
поэтовъ, уже утомленныхъ подражаніемъ всѣмъ своимъ предшествен-
никамъ. Вотъ что необходимо высказать. Будущее не имѣетъ тамъ
своихъ представителей ни въ одномъ талантливомъ, энергическомъ,
оригинальномъ человѣкѣ. Тамъ толпятся однѣ бездарности, знаме-
нитые незнакомцы. И это неизбежно. Какъ можно ждать, чтобы
талантливый и свободомыслящій человѣкъ пошелъ на такую каторгу,
гдѣ ему нужно отказаться отъ всякой индивидуальности и вѣчно
стоять на колѣняхъ передъ учителемъ? Конечно, всѣ новички сочли
бы за честь привѣтствовать Виктора Гюго, но они боятся его окру-
жающихъ, они чувствуютъ, что должны будутъ сидѣть въ углу, при-
кусивъ языкъ, и ихъ отпугиваетъ ложность положенія. Напротивъ
того, всѣ ловкіе люди, гранящіе мостовую Парижа, всѣ тѣ, кого
пошлость не пугаетъ и не стѣсняетъ оригинальный характеръ, бро-
саются въ улицу Клиши, чтобы позаимствоваться лучами славы учи-
теля. Отсюда происходитъ то, что у Виктора Гюго толпятся нич-
тожные люди.

И если я настаиваю на этомъ, то потому, что дѣло важнѣе, чѣмъ

оно кажется на первый взгляд. Весьма законное честолюбіе поэта заключалось въ томъ, чтобы сгруппировать вокругъ себя молодежь. Онъ очень хорошо понималъ, что въ тотъ день, какъ молодежь его покинетъ, литературному царству его наступитъ конецъ. Поэтому антрепренёры его славы, люди весьма ловкіе, постоянно старались набирать ему дворъ. Бѣда въ томъ, повторяю, что требуется почтительные и льстивые царедворцы, а молодежь нашего времени подсмѣивается надъ романтизмомъ. Поэтому вербуютъ тѣхъ, кого можно; банда многочисленная, но члены ея не приносятъ чести учителю. Нужды нѣтъ въ рекламахъ: банда слыветъ подъ именемъ молодежи. Жалкая молодежь! Желалъ бы я поглядѣть, что станетъ съ ея произведеніями лѣтъ черезъ десять. Однимъ изъ самыхъ грозныхъ симптомовъ для жизнненности романтической школы является бѣдность новыхъ людей въ обществѣ Виктора Гюго. Онъ доживаетъ свой вѣкъ среди богемы вѣчныхъ дебютантовъ, между тѣмъ какъ настоящая молодежь, та, которая растетъ и которой принадлежитъ будущее, издали посылаетъ ему почтительный и печальный привѣтъ.

IV.

Уваженіе къ гению, по моему мнѣнію, не должно исключать уваженія къ истинѣ. Конечно, я молча преклонился бы передъ Викторомъ Гюго, если-бы дѣло шло только о томъ, чтобы признать громадное мѣсто, занимаемое имъ въ нашемъ столѣтіи. Но здѣсь замѣшанъ важный вопросъ; здѣсь замѣшано будущее новое литературное движеніе, то натуралистическое движеніе, котораго я сталъ защитникомъ. Я полагаю, что человѣкъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, не долженъ заграждать собою дорогу. Съ той минуты, какъ его ставятъ рогаткой на нашемъ пути, мы должны возвысить свой голосъ. Конечно, было-бы достойнѣе набросить на его старость золотую и пурпурную мантию, чтобы скрыть нѣкоторыя неизбѣжныя слабости. Если я принялъ на себя печальное и серьезное рѣшеніе показать эти слабости, то, повторяю, потому только, что пора покончить съ романтическимъ хвостомъ, съ пышными декораціями изъ вызолоченнаго картона, которыя разставляютъ, чтобы скрыть віяющія развалины школы.

Да, я буду говорить, если вся французская критика отказывается выполнить свой долгъ. Я громко выскажу то, что публика повторяетъ шепотомъ и, сдѣлавъ это, я не думаю, что совершилъ дурное дѣло, потому что гоняться за правдой въ литературѣ всегда бываетъ добрымъ дѣломъ. Если сегодня меня осудятъ за слишкомъ большую от-

кровенности, то я увѣренъ, что завтра всѣ окажутся на моей сторонѣ. Я просто-на-просто опережаю верховное правосудіе потомства.

Правда вотъ въ чемъ. Вторая серія „Légende des siècles“, несмотря на увѣреніе рекламъ, гораздо ниже первой серіи. Рекламы лгутъ, когда говорятъ о шумѣ, произведенномъ появленіемъ этого сочиненія. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было ловко пущено въ ходъ. Во всѣхъ газетахъ появились извлеченія и статьи; но иначе и быть не могло. Книга, подписанная Викторомъ Гюго, не можетъ пройти незамѣченной и должна во всякомъ случаѣ произвести нѣкоторый шумъ. Но только шумъ этотъ скоро стихъ; въ настоящее время наступило молчаніе. Статьи будутъ еще появляться, но не слышать въ толпѣ того все усиливающагося гомона, который сопровождаетъ великій успѣхъ. Рекламы лгутъ также, когда говорятъ о большой распродажѣ „Légende des siècles“. Напротивъ того, книга мало рас продится; она сѣла, и на это существуетъ много причинъ. Во-первыхъ, сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ стѣбитъ слишкомъ дорого. Во Франціи даже богатые люди задумаются, прежде чѣмъ истратить пятнадцать франковъ на книгу. Затѣмъ, сочиненіе въ стихахъ, а стихи немного пугаютъ. Романъ расходился бы гораздо лучше. Наконецъ, приходится высказать и это: „Légende des siècles“ очень скучная вещь для обыкновенныхъ читателей. Викторомъ Гюго восхищаются, но его мало читаютъ внѣ литературной сферы. Чѣмъ возвышеннѣе становится онъ, тѣмъ непонятнѣе. Въ настоящее время онъ недоступенъ для женщинъ и для простыхъ смертныхъ. Повредило продажѣ еще и то, что въ газетахъ приведены были многочисленные отрывки. Всѣ удовольствовались, прочтя эти отрывки. Говорить о книгѣ теперь можно, не истративъ пятнадцати франковъ.

Я не могу разбирать такой громады стиховъ. Однако долженъ указать на общее строеніе сочиненія и постараюсь изложить то, что оно содержитъ.

Первый томъ начинается видѣніемъ. Поэтъ говорилъ о томъ, что ему пригрезилось. Онъ видѣлъ, какъ передъ нимъ танулась стѣна вѣковъ; стѣна эта раздалась, и поколѣнія полетѣли въ пространство, одно за другимъ. Это видѣніе одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ во всемъ сочиненіи. Философская идея его совершенно отъ меня ускользаетъ, потому что Викторъ Гюго самый темный и самый противорѣчивый философъ, какого только можно встрѣтить; но достаточно и того, что его грѣза красиво написана, хотя сюжетъ ея и страненъ. Затѣмъ идутъ битвы великановъ съ богами. Затѣмъ поэтъ переходитъ къ королямъ. Онъ раздѣлилъ королей на два историческихъ періода: первый отъ Мезы до Аттилы, второй отъ Рамиро до Козимо Медичи, — періоды чисто фантастическіе и которые онъ могъ бы

извинить по прихоти своей фантазии, потому что для этого дѣленія нѣтъ никакой логической причины. Первый томъ оканчивается стихотвореніями на сюжеты изъ среднихъ вѣковъ: „le Cid exilé“, „Welf“ „Castellan d'Osvor“—и стихотвореніемъ о семи чудесахъ свѣта, въ которомъ поэтъ показываетъ тщету людской гордости.

Второй томъ начинается эпопеей о земляномъ червѣ. Идея въ этомъ та, что вся матерія можетъ умереть,—одна душа безсмертна. Поэтъ развиваетъ эту идею въ невѣроятномъ количествѣ строкъ. Червь для него эмблема ничтожества, сокрушитель міровъ, и когда червь торжествуетъ на развалинахъ, созданныхъ имъ, душа гордо поднимается и говоритъ ему: „ты безсиленъ надо мной“. Затѣмъ опять идутъ исторіи про рыцарей, средневѣковой *bric-à-brac*, къ которому поэтъ сохранилъ нѣжность, какъ глава шеолы. Совсѣмъ тѣмъ онъ, кажется, понялъ, что все это очень мрачно и пожелалъ освѣтить свое произведеніе граціозными вещицами, которыя назвалъ группою идиллій. Эти идилліи заключаются въ медальонахъ, изображающихъ поетовъ, воспѣвавшихъ любовь: мы находимъ тутъ Каталла, Петрарку, Ронсара и съ нѣкоторымъ удивленіемъ натываемся также и на Данте, Вольтера и Вошарше, въ которыхъ, конечно, не было ничего идиллическаго. Изъ двадцати-двухъ пьесъ, три или четыре хорошенекіе. Мы подходимъ, наконецъ, къ настоящему времени, къ стихотвореніямъ, сюжетамъ для которыхъ служитъ современная среда. Я упомяну о „Cimetière d'Eylau“, рассказъ о битвѣ—самой яркой и живой вещи во всемъ произведеніи; „la Colère du bronze“, плохой вещи, которую въ былое время авторъ считалъ бы недостойной быть помѣщенной въ „Châtiments“, и „Petit Paul“, о которомъ ниже поговорю подробнѣе. Томъ оканчивается апофеозомъ: небо, бездна, человѣчество, Богъ—все пережѣшивается въ невообразимомъ хаосѣ. Остававшаяся, потому что боюсь самъ подвергнуться головокруженію.

Теперь, какъ я уже говорилъ, можно придавать этой „Légende des siècles“ какой угодно смыслъ. Она похожа на книги съ предсказаніями, изъ которыхъ можете почерпнуть все, что угодно. Поэтъ—деиствъ,— вотъ единственная вещь, которая ясна. Онъ вѣритъ въ Бога и въ безсмертіе души; но только какой это Богъ, откуда берется наша душа, куда идетъ она, зачѣмъ она воплотилась?—все это онъ объясняетъ какъ настоящій поэтъ. Онъ строитъ самые странные догматы и терзается въ самыхъ изумительныхъ толкованіяхъ. У него все сводится на чувство. Онъ и политику обращаетъ въ чувство; философія и наука у него чувство. Какъ говорить его ученики, онъ паритъ на высотѣ. Это, конечно, очень почтенно, но только очень неопредѣленно, и было бы предпочтительнѣе для нашего времени стремиться къ истинѣ. Рѣшать всѣ вопросы однимъ благодушіемъ,—къ сожалѣнію, на

этомъ далеко не уѣдешь. Точно такъ, когда онъ разгромитъ священниковъ и королей, превознося идеальное братство народовъ, это не помѣшаетъ народамъ шойдать другъ друга въ теченіи вѣковъ. Онъ только поэтъ, и поэтъ лирическій. Какъ философъ, историкъ, критикъ, онъ вызываетъ улыбку.

Конечно, для его славы вполнѣ достаточно быть лирическимъ поэтомъ. Приверженцы, желающіе сдѣлать его всемірнымъ дѣяте-лемъ, оказываютъ ему плохую услугу. Всѣ живыя стороны со временемъ отпадутъ и останется живымъ только поэтъ, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ мастеровъ рими, какихъ мы только знали. Для меня при изученіи его сочиненій всего любопытнѣе было бы показать, какимъ образомъ поэтъ могъ перейти отъ „Odes et Ballades“ во второй серіи „Légende des siècles“. Въ этомъ кроется весьма характерное развитіе, исторія мощнаго ума, расцвѣтъ рѣдкаго и великолѣпнаго цвѣтка. Сначала видѣнъ только бутончикъ, едва окрашенный розовымъ оттѣнкомъ и пробивающій зеленую оболочку. Затѣмъ краски сгущаются и пріобрѣтаютъ яркость. Наконецъ цвѣтокъ распускается во всемъ своемъ благоуханіи и великолѣпнн. Послѣ того, въ силу рокового закона, развитіе идетъ дальше; цвѣтокъ становится больше, но краски его блѣднѣютъ, запахъ становится горькимъ, лепестки блекнутъ. И вотъ, Викторъ Гюго находится въ этомъ послѣднемъ періодѣ. Никогда не казался онъ врѣлѣе, но врѣлость эта уже такова, что стихи его валатся, какъ плоды осенью.

Я не говорю здѣсь ни о недостаткахъ, ни о хорошихъ качествахъ. Я принадлежу къ той группѣ критиковъ, которая беретъ писателя всего, какъ онъ есть, не просѣивая его произведеній. Писатель представляетъ оригинальную личность, у которой свой складъ ума, и измѣнить въ немъ малѣйшую черту—значитъ уничтожить его индивидуальность. Я хочу сказать, что слѣдуетъ видѣть въ недостаткахъ и хорошихъ качествахъ какъ-бы камни зданія: вынесь одинъ камень—и зданіе рухнетъ. Кромѣ того, вѣдь интересно слѣдить за тѣмъ, какъ живетъ и развивается человѣческій умъ; въ этомъ вся жизнь искусства. Было бы очень легко доказать, взявъ за данныя первыя произведенія Виктора Гюго, что онъ долженъ былъ неизбежно придти къ произведеніямъ своей старости. Я не стану говорить о томъ, сталъ ли онъ выше или ниже; я скажу, что онъ завершилъ свое поприще въ силу роковыхъ законовъ. Да, въ силу своего темперамента онъ долженъ былъ кончить ролью пророка, принявшаго теперь имъ на себя. Онъ долженъ былъ все болѣе и болѣе увлекаться риторикой. Онъ долженъ былъ удлиннять вставки и включать стихи, единственно затѣмъ только, чтобы оправдать богатую риму. Онъ долженъ былъ все болѣе и болѣе заноситься за облака, прищипоривать свою фантазію; онъ долженъ былъ придти къ тому,

чтобы обращаться съ Богомъ за панібрата и судить вѣка, какъ бы ихъ стало судить самъ Господь, отдѣляя добрыхъ по правую руку, а злыхъ по лѣвую. Онъ долженъ былъ обращаться съ языкомъ какъ побѣдитель, неуважающій больше слова и извращающій его по прихоти своей фантазіи. Онъ долженъ былъ наконецъ увѣровать, что одно его слово стѣбитъ цѣлаго міра и что ему достаточно высказать самую пустую вещь, чтобы она тотчасъ же приобрѣла сверхъестественное значеніе.

Вотъ къ чему пришелъ онъ: въ настоящее время—онъ священнодѣйствуетъ. Когда онъ говоритъ о ребенкѣ, онъ думаетъ, что авѣзды прислушиваются. И хуже всего то, что чѣмъ величественнѣе становился онъ, тѣмъ пустѣе дѣлались его стихи. Я называю его мечтателемъ. Это слово его характеризуетъ. Онъ проходитъ мимо современной жизни, не видя ея, углубленный въ свои грѣзы.

V.

Не имѣя возможности анализировать двухъ громадныхъ томовъ „Légende des siècles“, я удовольствуюсь, выбравъ изъ нихъ два стихотворенія и подробно разобравъ ихъ. Я знаю, что разбирать стихъ за стихомъ мелочно и что критика должна быть гораздо шире. Но, изобразивъ въ общихъ чертахъ крупную личность Виктора Гюгò, я долженъ теперь разобрать по ниточкѣ его стихи, если хочу высказать мою мысль вполне. Въ немъ всегда жилъ риторъ. Займемся его риторикой.

Я выбираю двѣ вещи, которыя его почитатели считаютъ изъ лучшихъ: „L'Aigle du casque“ и „Petit-Paul“. Я бы не желалъ заставить думать, что я хватаюсь за самыя слабыя стихотворенія.

„L'Aigle du casque“—шотландская легенда, разумѣется, сочиненная самимъ поэтомъ. Дѣйствіе происходитъ въ мрачную и суровую эпоху среднихъ вѣковъ, къ которой поэтъ питаетъ такую нѣжность, потому что она даетъ большой просторъ его фантазіямъ. Старая распря существуетъ между Ангусомъ и Тифеномъ:

Le fond nul ne le sait. L'obscur passé défend
Contre le souvenir des hommes l'origine
Des rixes de Ninive et des guerres d'Egine,
Et montre seulement la mort des combattants
Après l'échange amer des rires insultants ¹⁾.

¹⁾ Сущность распри никому неизвѣстна. Мракъ вѣковъ скрываетъ отъ воспоминаній людей причину Ниневійскихъ битвъ и Эгинскихъ войнъ и показываетъ только смерть борцовъ, послѣ общаго оскорбительныхъ насмѣшекъ.

Пять стиховъ, пять вставокъ. *Egine* введено сюда только для рѣшн съ *origine*. Послѣднiе два стиха крайне тяжелы и совсѣмъ бесполезны. Послѣдователи называютъ это ширью; а это просто-напросто размазня.

Дѣдъ Жака, король Ангуся, призвалъ его къ своему смертному одру и поручилъ ему убить Тифона. Жаку въ ту пору было шесть лѣтъ отъ роду. Онъ ждетъ десять лѣтъ, и когда ему исполнилось шестнадцать, онъ вызываетъ на бой врага своего рода. Въ этомъ началѣ сказываются вполнѣ романтическiе приемы: вѣчная антитеза — старецъ, поручающiй свою месть ребенку, и, чтобы эффектъ былъ болѣе ошеломляющiй, поэтъ избираетъ малютку, едва умѣющую ходить. Представьте только себѣ шестилѣтняго крошку, принимающаго на себя обязательство убить со временемъ человѣка и забывающаго о своемъ обязательствѣ? Какое молодецъ! Дѣти того времени стояли мужей настоящаго. Мы съ разу переносимся въ эпопею.

Вотъ теперь портретъ жестокосердаго Тифона:

Tiphaine est dans sa tour, que protège un fossé,
Debout, les bras croisés, sur la haute muraille.
Voilà longtemps qu'il n'a tué quelqu'un, il bâille ¹⁾.

Опять романтическая замашка. Нельзя не улыбнуться, представивъ себѣ человѣка со сложеными руками и зѣвющаго, потому что ему нѣкого укукошить. Точно людоедъ изъ „Мальчика-съ-пальчикъ“, требующiй свѣжаго мяса. Впрочемъ, поэтъ создалъ его совершенно по образу и подобию высокопарныхъ героевъ 1830 года.

Il fait peur. Est-il prince? est-il né sous le chaume?
On ne sait. Un bandit qui serait un fantôme,
C'est Tiphaine ²⁾.

Между тѣмъ Жакъ вызываетъ его на бой. Жаку шестнадцать лѣтъ, и поэтъ восклицаетъ:

Dix ans, cela suffit pour qu'un enfant grandisse.
En dix ans, certes, Orphée oublierait Eurydice,
Admète son épouse, et Thisbé son amant,
Mais pas un chevalier n'oublierait son serment ³⁾.

Первый стихъ наивенъ, а три остальныхъ приклеены ни къ селу, ни къ городу. *Eurydice* вставлена опять для рѣшн съ *grandisse*.

¹⁾ Тифонъ въ своей башнѣ; онъ стоитъ, сложивъ руки, на высокой стѣнѣ. Давно уже онъ никого не убивалъ, а потому зѣваетъ.

²⁾ Онъ внушаетъ страхъ. Что онъ, принцъ? или рѣдился подъ соломенной кровлей? Никто не знаетъ. Бандитъ въ видѣ привидѣнiя—вотъ Тифонъ.

³⁾ Въ десять лѣтъ ребенокъ успѣетъ вырасти. Въ десять лѣтъ, конечно, Орфей позабылъ бы Эвридику, Адметъ свою супругу, и Тибба любовника, но рыцарь не забудетъ своей клятвы.

Къ тому же, всё эти античныя сравненія производятъ дивное впечатлѣнiе среди шотландской легенды.

Наконецъ, завязывается битва между Жакомъ и Тифеномъ, между ягненкомъ и волкомъ. Портретъ Жака:

Fanfares. C'est Angus. Un cheval d'un blanc rose
Porte un garçon doré, vermeil, sonnait du cor,
Qui semble presque femme et qu'on sent vierge encor...
Il regarde, il écoute, il rayonne, il ignore,
Et l'on croit voir l'entrée aimable de l'aurore ¹⁾.

А вотъ портретъ Тифена:

Tiphaine est seul; aucune escorte, aucune troupe;
Il tient sa lance; il a la chemise de fer,
La hache comme Oreste, et, comme Gaifer,
Le poignard ²⁾.

Орестъ и Гайферъ тоже богъ-знаетъ въ чему забрались сюда. Послѣ этого мы погружаемся въ антитезу по горло. Жакъ бросается на Тифена; мальчишка схватывается съ великаномъ.

Tiphaine s'arrêta, muet, le laissant faire;
Ainsi, prête à couler, l'avalanche diffère;
Ainsi l'enclume semble insensible au marteau.
Il était là, le poing fermé comme un étau,
Démon par le regard et sphinx par le silence ³⁾.

Этотъ послѣднiй стихъ весьма типиченъ и придаетъ почти комическiй характеръ надутой фигурѣ Тифена, хитраго и демоническаго разбойника. Но вотъ, наконецъ, онъ выходитъ изъ неподвижности и заноситъ копье надъ ребенкомъ, и тотъ, охваченный внезапнымъ страхомъ, обращается въ бѣгство.

И вся остальная половина стихотворенiя, довольно длинная, посвящена описанiю того, что поэтъ называетъ „l'âpre et sauvage poursuite“.

En le risquant ainsi son âleul fut-il sage?
Nul ne le sait; le sort est de mystères plein;
Mais la panique existe, et le triste orphelin
Ne peut plus que s'enfuir devant la destinée ⁴⁾.

¹⁾ Трубить. Это Ангусъ. На бѣлой лошади съ розоватымъ отбѣнкомъ сидитъ мальчикъ, бѣлокурый, румяный, и трубитъ въ рогъ. Онъ похожъ на женщину и видно, что онъ еще дѣвственникъ..... Онъ глядитъ, слушаетъ, ясный, невинный; и напоминаетъ собой милое появленiе заря.

²⁾ Тифенъ одинъ. Съ нимъ нѣтъ свиты, вояновъ. Онъ держитъ свое копье; на немъ стальная кольчуга. У него топоръ, какъ у Ореста, и кинжалъ, какъ у Гайфера.

³⁾ Тифенъ остановился, безмолвный, выжидающiй—такъ медитъ обвалъ, готовый обвалиться; такъ наковальня кажется нечувствительной къ ударомъ молота. Онъ стоялъ, сжалъ желѣзныи кулакъ; по взгляду—демонъ, но безмолвию—сфинксъ.

⁴⁾ Безгараумно ли поступилъ его дѣдъ, рискуя такимъ образомъ? Кто знаетъ, судьба полна тайнъ; но паника существуетъ, и печальному сиротѣ остается только спастись отъ ожидающей его участи.

Одинъ изъ приемовъ Виктора Гюго—непрерывно ссылаться на неизвѣстное. Онъ часто употребляетъ выраженія: никто не знаетъ; никому неизвѣстно; одному Богу извѣстно и пр. Онъ думаетъ такимъ образомъ расширить рамки своего произведенія. Но порою этотъ приемъ вызываетъ улыбку, въ особенности, когда отвѣтъ легокъ. Дѣдъ, въ настоящемъ случаѣ, былъ конечно глупъ, что воручилъ отмстить за себя шестнадцатилѣтнему ребенку.

Конечно, погоня по гѣсамъ и доламъ очень эффектна; но только Викторъ Гюго много разъ описывалъ ее, и гораздо лучше. Меня въ особенности поразили повторенія сравненій на классическій манеръ. Въ двадцати стихахъ я насчитываю три, начинающіяся съ слова *Ainsi*, и всѣ три сравненія тождественны.

*Ainsi dans le sommeil notre âme d'effroi pleine
Parfois s'évade et sent derrière elle l'haleine
De quelque noir cheval de l'ombre et de la nuit...
Ainsi le tourbillon suit la feuille arrachée...
Ainsi courrait avril poursuivi par l'hiver ¹⁾.*

Не курьёзно ли, что Викторъ Гюго, риторъ, въ концѣ-концовъ прибѣгаетъ къ риторическимъ фигурамъ, которыя его же шеола поднимала на смѣхъ у классиковъ?

Сокращаю. Жакъ ищетъ убѣжища у отшельника. Но Тифень однимъ ударомъ копыя раскалываетъ скалу, гдѣ живетъ отшельникъ. Его не останавливаетъ и женскій монастырь. Онъ отталкиваетъ затѣмъ женщину, мать, которая хочетъ защитить ребенка; и наконецъ убиваетъ его на днѣ какого-то оврага.

*Alors l'aigle d'airain qu'il avait sur son casque,
Et qui, calme, insensible et sombre, l'observait,
Cria: Cieux étoilés, montagnes que revêt
L'innocente blancheur des neiges vénérables,
O fleuves, ô forêts, cédres, sapins, érables,
Je vous prends à témoin que cet homme est méchant.
Et cela dit, ainsi qu'un piocheur fouille un champ,
Comme avec sa cognée un pâtre brise un chêne,
Il se mit à frapper à coups de bec Tiphaine,
Il lui creva les yeux; il lui broya les dents;
Il lui pétrit le crâne en ses ongles ardents
Sous l'armet d'où le sang sortait comme d'un crible
Le jeta mort à terre et s'envola terrible ²⁾.*

¹⁾ Такъ во снѣ дума наша, охваченная страхомъ, порою спасается бѣгствомъ и чувствуетъ позади себя дыханіе какого-то чернаго козла, созданія мрака и ночи... Такъ вихрь несетъ за оторваннымъ листомъ.... Такъ убѣгаетъ апрѣль, преслѣдуемый зимой.

²⁾ Тогда ищный орелъ, сидѣвшій у него на каскѣ и доселѣ наблюдавшій за нимъ, спокойный, неподвижный и мрачный, вскричалъ: взбодное небо, горы, покрыты во-

Стихотвореніе написано ради этого конца. Нельзя отрицать, что онъ очень эффектенъ. Здѣсь мы снова находимъ вдохновеннаго поэта. Конечно, и тутъ не обходится безъ размазни. Орелъ, призывающій въ свидѣтели природу, смахиваетъ на резонѣра. Какъ бы то ни было, мы находимся въ мірѣ химеръ и остается только признать или отвергнуть фантазію поэта. Что касается меня, то я ее признаю, и только сѣтую на злоупотребленіе риторикой, на безконечныя вставки, ненужные стихи, прилетѣнные ради рѣимы, на пустовзвонство, на избытокъ приѣмы, на напыщенность, на весь этотъ романтическій *bric-à-brac*, не дающій намъ ничего новаго, словомъ, на все это стихотвореніе, повторяющее прежня, но не стоящее ихъ.

Перехожу теперь къ „Petit-Paul“, стихотворенію, сюжетъ котораго заимствованъ изъ современной жизни. Надо видѣть поэта, когда онъ удостоитъ снять рыцарскіе доспѣхи и надѣтъ сюртукъ добраго стараго дѣдушки! Вы чувствуете, что ему не по себѣ, отъ его тяжелыхъ шаговъ полъ трясетса, даже когда онъ идетъ на цыпочкахъ.

Въ „Petit-Paul“ излагается простая и трогательная драма; исторія ребенка, у котораго мать умираетъ, а отецъ женится вторично. Пола призрѣваетъ дѣдъ; но онъ тоже умираетъ, взростивъ его и ввелевъ въ большомъ саду.

Тогда малютка, которому всего три года отъ роду, чувствуетъ себя такимъ несчастнымъ у своей мачихи, что въ одинъ зимній вечеръ убѣгаетъ изъ дому и умираетъ отъ горя и холода у воротъ кладбища, гдѣ похороненъ его дѣдъ. Нельзя представить себѣ, какъ испортилъ эту простую исторію Викторъ Гюго напыщенностью и претенціозностью своего разсказа.

Стихотвореніе начинается такъ:

Sa mère en le mettant au monde s'en alla.
 Sombre distraction du sort. Pourquoi cela?
 Pourquoi tuer la mère en laissant l'enfant vivre.
 Pourquoi par la marâtre, ô deuil! la faire suivre! 1).

Зачѣмъ? Воже мой! зачѣмъ, что таковъ порядокъ вещей. Судьба всегда разсѣянна. Драма жизни вся состоитъ изъ случайностей.

виннымъ, бѣлымъ покровомъ почтенныхъ свѣговъ, рѣки, лѣса, кедръ, сосны, елѣны, призываю васъ въ свидѣтели, что этотъ человекъ золь. И, сказавъ это, принялся, точно землекопъ, вскапывающій поле, точно пастухъ, раскалывающій топоромъ дубъ, бить Тифея кувомъ. Онъ выкололъ ему глаза; выбилъ зубы; смалъ сердитыми когтями черепъ подъ каской, изъ - подъ которой кровь текла ручьями. Повалилъ его мертвымъ на землю и, гнѣвнѣй, улетѣлъ.

1) Мать, произведя его на свѣтъ, умерла. Мрачная разсѣянность судьбы. Зачѣмъ это? зачѣмъ убивать мать, оставая въ живыхъ ребенка? Зачѣмъ, о горе! послать за ней мачуху?

Поэтъ не можетъ примириться съ дѣйствительной жизнью, — и дальше будетъ еще лучше.

Alors un vieux bon homme accepta ce pauvre être.
C'était l'aieul. Parfois, ce qui n'est plus défend
Ce qui sera. L'aieul prit dans ses bras l'enfant,
Et devint mère. Chose étrange et naturelle ¹⁾.

Тутъ насъ угощаютъ сентиментальной галиматеей. Викторъ Гюго считаетъ нужнымъ, говоря о дѣтяхъ, напускать на себя ребячество, совсѣмъ неждущее къ его обычнымъ приемамъ. Представьте себѣ колосса, который бы вздумалъ прыгать, какъ маленькій мальчикъ. Я тщетно ломалъ себѣ голову, пытаюсь понять, что тутъ страннаго и естественнаго, что дѣдъ сталъ матерью. По-моему, это квинтэссенція чепухи. Дальше идетъ въ томъ же родѣ.

Il faut que quelqu'un mène à l'enfant sans nourrice
La chèvre aux fauves yeux, qui rode au flanc des monts;
Il faut quelqu'un de grand qui fasse dire: Aimons!
Qui couvre de douceur la vie impénétrable,
Qui soit vieux, qui soit jeune, et qui soit vénérable ²⁾.

Клянусь, что не понимаю послѣднихъ двухъ стиховъ.

C'est pour cela que Dieu, ce maître du linseul,
Remplace quelquefois la mère par l'aieul,
Et fait, jugeant l'hiver seul capable de flamme,
Dans l'âme du vieillard éclore un coeur de flamme ³⁾.

Ужъ не потому ли, что зимой топятъ печи, Богъ считаетъ одну зиму способной давать пламя? Очевидно, это единственный резонъ. Къ чему весь этотъ паэосъ, чтобы объяснить любовь къ внукамъ у добрыхъ дѣдушекъ. Эта любовь вызывается фамилльной гордостью, одиночествомъ, въ которомъ ихъ оставляютъ, признательностью за любовь малютокъ, и воспоминаніемъ о своей собственной молодости, вызываемой видомъ бѣлокурыхъ головокъ. Незачѣмъ прибѣгать къ Гомеру, Моисею и Виргилю, чтобы рѣшить этотъ вопросъ.

Затѣмъ мы въ саду.

¹⁾ Тогда старикъ приврѣлъ это бѣдное существо. То былъ его дѣдъ. Порою ежившее оберегаетъ то, чему еще предстоитъ жить. Дѣдъ взялъ на руки ребенка и сталъ матерью. Странное и естественное дѣло.

²⁾ Надо, чтобы кто-нибудь приводилъ къ ребенку, лишенному кормилицы, козу, съ дикими глазами, которая бродитъ по горѣ. Надо кого-нибудь взрослога, кто бы говорилъ: будемъ любить! Кто внесъ бы радость въ непроницаемую жизнь, кто былъ бы старъ, кто былъ бы молодъ и кто былъ бы почтененъ.

³⁾ И вотъ почему Господь, властелинъ савана, замѣняетъ иногда мать дѣдомъ и считая, что только зима способна давать пламя, влагаетъ въ думу старика пламенное сердце.

Le grand-père emporta l'enfant dans sa maison,
Aux champs, d'où l'on voyait un si vaste horizon
Qu'un petit enfant seul pouvait l'emplir ¹⁾.

Охъ! ужъ эти антитезы!

Un jardin, c'est fort beau, n'est-ce-pas? Mettez-y
Un marmot; ajoutez un vieillard; c'est ainsi
Que Dieu fait. Combinant ce que le coeur souhaite
Avec ce que les yeux désirent, ce poète
Complète, car au fond la nature c'est l'art,
Les roses par l'enfant, l'enfant par le vieillard ²⁾.

Опять не понимаю. Этотъ мадригалъ природы, такой темный по мысли и такой изысканный по формѣ, приводитъ меня въ недоумѣніе, какъ тѣ загадки, которыя помѣщаются на послѣдней страницѣ иллюстрированныхъ журналовъ. Какъ? Богъ помѣщаетъ обыкновенно старика и ребенка въ садъ, чтобы дополнить розы! Да вѣдь я этого не зналъ, и такое открытіе просто волнуешь меня!

Un nouveau né vermeil et nu jusqu'au nombril,
Couché sur l'herbe en fleurs, c'est aimable, ô Virgile!
Hélas! c'est tellement divin, que c'est fragile ³⁾.

Замѣтите, что Virgile совсѣмъ тутъ съ боку припѣка, и только потому, что хорошо рѣмуется съ fragile.

Il faut allaiter Paul; une chèvre y consent,
Paul est frère de lait du chevreau bondissant;
Puisque le chevreau saute, il sied que l'homme marche ⁴⁾.

Для меня—одно изъ другого вовсе не вытекаетъ.

Un an, c'est l'âge fier; croître, c'est conquérir;
Paul fait son premier pas, il vent en faire d'autres,
(Mère, vous le voyez, en regardant les vôtres) ⁵⁾.

¹⁾ Дѣду унесъ ребенка къ себѣ въ домъ, въ поля, откуда видѣлся такой обширный горизонтъ, что маленькій ребенокъ одинъ могъ его наполнить.

²⁾ Садъ — это превосходно, неправда-ли? Впустите туда ребенка; присоедините старика; вотъ какъ дѣлаетъ Господь. Комбинируя то, чего желаетъ сердце, съ тѣмъ, чего желаетъ взоръ, этотъ поэтъ дополняетъ—такъ какъ въ сущности природа—это искусство,—розы ребенкомъ, а ребенка старикомъ.

³⁾ Румяный новорожденный, голый до самаго пупка, положенный на траву, пестрящую цвѣтами, какъ это прелестно, о Virgилій! Уаи! это такъ божественно, что хрупко.

⁴⁾ Надо кормить грудью Поля; коза соглашается на это. Поля становится молочнымъ братомъ прыгающаго козленка; такъ какъ козленокъ прыгаетъ, то человѣку прилично ходить.

⁵⁾ Годъ—это важный возрастъ; расти значить завоевывать. Поля сдѣлалъ первый шагъ, и хочетъ ходить дальше—(мать, ты видишь его, глядя на своихъ).

Последній стихъ—противная вставка, и вдобавоу неправоильнъ, потому что *les vôtres* ни къ чему не относится.

Oh! pas plus qu'on ne peut peindre un astre, ou décrire
 La forêt éblouie au soleil se chauffant,
 Nul n'ira jusqu'au fond du rire d'un enfant;
 C'est l'amour, l'innocence auguste, épanouie,
 C'est la témérité de la grâce inouïe,
 La gloire d'être pur, l'orgueil d'être debout,
 La paix, on ne sait quoi d'ignorant qui sait tout.
 Ce rire, c'est le ciel prouvé, c'est Dieu visible ¹⁾.

Я привелъ всю эту тираду, чтобы окончательно познакомить съ приемами поэта. Онъ прибѣгаетъ къ набору словъ; беретъ какую-нибудь мелочь и такъ ее преувеличиваетъ, что она дѣлается просто нелѣпостью. Конечно, смѣхъ ребенка—премелкая вещь, но къ чему приплетать звѣзды, лѣсъ, грѣющійся на солнцѣ, къ чему доказывать существованіе Бога смѣхомъ ребенка. Все это не что иное какъ грандіозный фарсъ. Здѣсь дѣйствительность подавлена избыткомъ ирризма.

Перехожу къ концу: дѣдъ умираетъ, Поль несчастенъ у своей мачихи. Послушайте, какъ говоритъ эта женщина съ роднымъ сыномъ.

J'ai volé le plus beau de vos anges, Seigneur,
 Et j'ai pris un morceau du ciel, pour faire un lange.
 Seigneur, il est l'enfant, mais il est resté l'ange.
 Je tiens le paradis du bon Dieu dans mes bras ²⁾.

Какой странный языкъ для женщины нашего времени! Должно быть, Викторъ Гюго никогда не слыхалъ, какъ говорятъ матери, или же у рѣмы странныя требованія. *Lange* очень хорошая рѣма къ *l'ange*, но никогда мать не скажетъ, что взяла кусокъ неба для пеленки. Это все рѣчи самого поэта; онъ никогда не садился въ кожу своихъ дѣйствующихъ лицъ. Когда дѣйствіе происходитъ въ средніе вѣка, то куда еще ни шло; но когда Гюго избираетъ современнаго героя, то меня страшно досаждаютъ чудовищныя вещи, влагаемыя имъ въ уста этого героя.

Также какъ и *l'Aigle du Casque*, „Petit Paul“ оканчивается очень

¹⁾ Подобно тому какъ нельзя описать звѣздъ, или лѣса, грѣющагося на солнцѣ, никто не можетъ вполне понять улыбки ребенка; въ ней любовь святая, счастливая невинность; смѣлость безпримѣрной граціи, слава непорочности, гордость силъ, безматерность, какое-то незнаніе, которое все знаетъ. Его смѣхъ—ославленіе неба, видѣніе Бога.

²⁾ Я украша самаго прекраснаго изъ Твоихъ ангеловъ, Господи! и взяла кусокъ неба, чтобы сдѣлать ему пеленку. Господи! онъ ребенокъ, но остался ангеломъ. Я держу въ рукахъ рай Господень:

эффектно. Викторъ Гюго мастеръ ставить оперы съ грандіозной mise-en-scène, и всегда кончаетъ апофеозомъ. Поль умираетъ у воротъ кладбища, гдѣ скрываютъ его дѣдъ.

Une de ses deux mains tenait encore la grille;
On voyait qu'il avait essayé de l'ouvrir.
Il sentait là quelqu'un pouvant le secourir;
Il avait appelé dans l'ombre solitaire,
Longtemps; puis, il était tombé mort sur la terre,
A quelques pas du vieux grand-père, son ami,
N'ayant pu l'éveiller, il s'était endormi ¹⁾.

Современная среда существуетъ не для этого мечтателя, онъ населяетъ ея своими грѣзами. Онъ дошелъ до того, до чего долженъ былъ дойти,—до расстрепанныхъ фантазій, до лживаго и фантастическаго воскрешенія вѣковъ, отошедшихъ въ вѣчность. Какъ только онъ взглянетъ собѣ подъ ногу, такъ и не можетъ ходить. Самый буржуазный садикъ представляется ему Эдемомъ. Простой ребенокъ возводится въ Мессію. Розы у него величиной съ капустные кочаны. Я высказываю то, что въ немъ вижу, и охотно признаю, что среди этой галиматіи попадаются великолѣпные стихи. Такъ, я укоряю его въ отсутствіи простоты, но нахожу чудную и трогательную простоту въ послѣднемъ стихѣ:

N'ayant pu l'éveiller, il s'était endormi.

Дѣло въ томъ, что Викторъ Гюго, говоря его же образнымъ языкомъ, настоящая рѣка въ разливіи, катающая за-разъ и простые камни, и золото, грязныя и чистыя воды.

VI.

Я часто размышлялъ о судьбѣ Бальзака и Виктора Гюго, столь непохожей одна на другую, и параллель между ними послужить заключеніемъ настоящей статьи.

Извѣстно, какъ долго Бальзакъ прозябалъ въ неизвѣстности, какъ онъ боролся, какъ умеръ, когда только-что достигъ богатства и славы. Этотъ человекъ до конца оставался борцомъ и непризнаннымъ гениемъ. При его жизни сочиненія его почти не расходились;

¹⁾ Одной рукой онъ еще держался за рѣшетку; видно было, что онъ пытался ее отворить. Онъ чувствовалъ, что тамъ находится кто-то, кто бы могъ ему помочь; онъ долго звалъ его среди мрака и одиночества; затѣмъ упалъ мертвымъ на землю, въ нѣсколько шагахъ отъ своего друга, дѣдушки. Не смогли разбудить его, онъ самъ уснулъ.

иностранцы должны были превознести его для того, чтобы Франція удостоила обратить на него вниманіе. Вокругъ него не толпились дворъ; онъ жилъ крайне уединенно, тревожимый кредиторами, прятая отъ всѣхъ свое существованіе съ цѣломудріемъ бѣдняка и недоувѣрчивостію обезславленнаго человѣка. Никакіе послѣдователи не махали кадиломъ передъ его священной особой, никакой трубачь не шелъ впереди его, чтобы заставить сторониться толпу. Онъ не попалъ ни въ академію, ни въ палату пэровъ. Онъ не былъ ни королемъ, ни богомъ и, умирая, не унесъ съ собой гордой мысли, что основалъ династію и религію.

Итакъ, Бальзакъ умираетъ, заброшенный камнями и распятый, какъ мессія великой натуральной школы. Но слово, принесенное имъ, которымъ пренебрегали, должно было медленно созрѣть на его могилѣ. Работа совершалась подъ землей. Этотъ одинокій писатель, безъ послѣдователей, безъ восторженной публики, въ гробу завоевалъ всю нашу литературу. Вліяніе его разрослось, идеи его нашли послѣдователей; число ихъ все росло, и теперь имя имъ легіонъ. Человѣкъ казался ничтожнымъ, благодаря своей относительной безвѣстности при жизни; но въ настоящее время бронзовый монументъ его колоссаленъ и растетъ съ каждымъ днемъ. Мы начинаемъ понимать, что далъ намъ Бальзакъ: новую формулу, единственную и настоящую формулу новаго міра. И знаете ли, почему эта формула пріобрѣтаетъ такую силу?—Потому что она даетъ нужное орудіе, она позволяетъ осуществить искусство современнаго общества. Тутъ уже не просто литературная фантазія, и не одна только оригинальность гениальнаго человѣка. Рядомъ съ индивидуальнымъ писателемъ въ Бальзакѣ мы видимъ новатора, человѣка науки, начертавшаго путь всему двадцатому вѣку.

Что касается Виктора Гюго, онъ столько принялъ славы при жизни, что можетъ умереть завтра позабытымъ, не жалуясь. Конечно, онъ также ратовалъ за свои идеи. Но какія тѣ были лестныя баталіи, и какіе триумфы сопровождали каждую схватку! За нимъ стояла цѣлая армія. Когда онъ шелъ въ битву, одинъ пажъ подавалъ ему кирасу, другой каску, третій копье. Нанятая имъ музыка играла побѣдныя аріи въ то время, какъ онъ сражался.

На его долю выпали всѣ почести и всѣ благополучія. Онъ состарѣлся подъ бременемъ своихъ лавровыхъ вѣнковъ, и не согнулся подъ ихъ тяжестью только благодаря мощнымъ плечамъ. Я уже говорилъ, что ему выпалъ царскій жребій, такой, какія описываются только въ волшебныхъ сказкахъ. Въ настоящее время, доживъ до семидесяти-пяти лѣтъ, онъ можетъ думать, что держитъ міръ

въ своихъ рукахъ, что народы обожаютъ его, какъ бога поэзи, и что солнце померкнетъ, когда его не станетъ.

И совсѣмъ тѣмъ, Викторъ Гюго, за которымъ шли цѣлыя процессиіи учениковъ, не оставитъ ни одного, который могъ бы продолжать дѣло учителя. Гвалтъ, подымавшійся вокругъ живого писателя, мало-по-малу затихнетъ послѣ его смерти.

Потомство будетъ безпристрастно и сужденіе его строго. И знаете ли, почему оно будетъ строго? Потому что Викторъ Гюго, какъ новаторъ, пошелъ по ложному пути и внесъ въ литературу только личную фантазію, не попавъ въ широкое теченіе нашего вѣка, ведущее къ точному анализу, къ натурализму. Потомство отвернется отъ средневѣкового *bric-à-brac*, неимѣющаго даже за собой исторической правды. Оно будетъ изумляться, что мы относились безъ смѣха къ этому колоссальному скопленію ошибокъ и пустяковъ. Будутъ искать философа, критика, историка, романиста, драматическаго писателя и, встрѣчая неизмѣнно одного лирическаго поэта, ему, конечно, отведутъ очень почетное мѣсто, но ужъ, конечно, не наполнять имъ цѣлаго столѣтія, потому что онъ не только не озарилъ свѣтомъ этого столѣтія, но еще чуть-чуть не омрачилъ его своими риторическими потѣмками. Онъ не искалъ истины, онъ не былъ человѣкомъ своего времени, что бы тамъ ни говорили, и этого достаточно, чтобы объяснить, почему Бальзакъ будетъ расти съ теченіемъ времени, а Викторъ Гюго умалаться.

Конечно, достаточно и одного генія, а красота не умираетъ. Поэтому въ настоящую минуту я имѣю въ виду только литературныя школы, перевороты, могущіе совершиться въ будущемъ столѣтіи. Я не вѣрю въ потомство Виктора Гюго; онъ унесетъ романтизмъ съ собою, какъ пурпурный лоскутъ, изъ котораго скроилъ себѣ королевскую мантию. Напротивъ того, я вѣрю въ потомство Бальзака; въ немъ заключается самая жизнь вѣка. Викторъ Гюго останется мощно-оригинальною личностью, и лучшая услуга, какую бы могли ему оказать его послѣдователи — это съ разборомъ издать его сочиненія, ограничиваясь пятьюдесятью или шестьюдесятью мастерскими произведеніями, написанными имъ въ теченіи своей жизни, стихотвореніями красоты безусловной. Такимъ образомъ получился бы сборникъ, еще небывалый ни въ какой другой литературѣ. Вѣка преклонятся передъ безспорнымъ королемъ лирическихъ поэтовъ. Между тѣмъ, если до потомства дойдетъ вся громада его сочиненій, то можно опасаться, что его оттолкнетъ такая невообразимая смѣсь прекраснаго, посредственнаго и совсѣмъ плохого.

Есть вещи нестерпимыя, вещи почти нелѣпыя, и ужъ, конечно, время только рѣвче выкажетъ ихъ недостатки. Тогда, силою вещей,

въ случаѣ если бы никто не осмѣлился издать требуемаго мною сборника, — онъ появится самъ собою. Одно золото выйдетъ наружу. Если бы фанатики 1830 г. проснулись въ это время, то очень удивились бы, увидя, что ихъ колоссъ сталъ просто-на-просто авторомъ нѣсколькихъ превосходныхъ лирическихъ стихотвореній.

Въ заключеніе я хочу упомянуть объ одной еще болѣе щекотливой вещи. Маленькій дворъ Виктора Гюго увѣряетъ, что у него хранится въ ящикахъ болѣе двадцати неизданныхъ сочиненій. Мнѣ рассказывали, будто онъ хранить ихъ съ тѣмъ, чтобы оставить послѣ себя побольше сочиненій, которыя будутъ издаваться постепенно въ эпохи, указанные въ его духовномъ завѣщаніи. Идея этого изданія понятна: если онъ оставитъ, напримѣръ, двадцать томовъ и каждый годъ будетъ выходить одинъ томъ, то хотя онъ и будетъ лежать въ могилѣ, но сочиненія его будутъ появляться въ теченіи двадцати лѣтъ.

Я вижу въ этомъ высокомѣріе бога, желающаго восторжествовать надъ самой смертью. Онъ хочетъ жить среди своихъ послѣдователей даже и тогда, когда его не будетъ въ живыхъ. Онъ оставитъ свое слово; ежегодно будетъ онъ приподниматься въ гробу и прокричитъ: „слушайте, вотъ я опять заговорилъ!“

Это прекрасно, и доказываетъ рѣдкую энергію въ человѣкѣ. Сверхъ того, къ высокомѣрью примѣшивается, быть можетъ, и предусмотрительность. Викторъ Гюго чувствуетъ быть можетъ, что никола его распадается. Онъ, конечно, не вѣритъ въ талантъ послѣдователей, которымъ предстоитъ пережить его, и предпочитаетъ продолжать борьбу изъ могилы. Пока онъ самъ будетъ держать мечъ, онъ увѣренъ въ побѣдѣ. Посмертныя сочиненія его—это рѣшительные аргументы, приберегаемые имъ на всякій случай. Если на него вздумаютъ нападать, они будутъ отвѣчать за него и посрамлять критиковъ. Онъ возмечталъ царствовать надъ нашей литературой послѣ своей смерти.

По моему мнѣнію, этотъ высокомѣрный расчетъ обратится противъ него. Время идетъ, совершаются перевороты во взглядахъ, новыя поколѣнія перестаютъ понимать прошлое. Несомнѣнно, что если вторая серія „Légende des siècles“ не имѣла такого успѣха, какъ первая, то это зависитъ оттого, что она появилась въ другую эпоху. Любовь къ современному, влеченіе къ правдѣ и анализу до того распространились, что нанесли послѣдній ударъ романтизму. Публика, приученная мало-по-малу къ правдѣ, къ описанію современныхъ нравовъ, совсѣмъ перестала интересоваться средневѣковыми легендами, знаменитыми или страшными героями, всей этой мишурой романтизма.

Отсюда неуспѣхъ этой „Légende des siècles“. Но движеніе на этомъ

не остановится, и съ каждымъ годомъ натуральная школа будетъ усиливаться. И вотъ, представьте себѣ, что при этихъ условіяхъ въ теченіи двадцати лѣтъ будутъ сынаться сочиненія Виктора Гюго на публику, которая будетъ все менѣе и менѣе понимать и читать ихъ. Эти произведенія преклонныхъ лѣтъ поэта роковымъ образомъ менѣе яри, чѣмъ его прежнія произведенія. Но если въ настоящее время, когда онъ еще живъ, уже проявляется равнодушіе, что же будетъ, когда его не станетъ? На патомъ томъ публики начнетъ просить пощады, и съ каждой новой книгой, холодно принятой, паденіе будетъ все ощущительнѣе.

Въ этихъ какъ-бы посмертныхъ твореніяхъ та же самая романтическая фантазія. Предъ нами снова декоративное искусство и напыщенность. Но достаточно одного дуновенія правды, чтобы смести съ лица земли всю эту театральность, *mise-en-scène*. Романтизмъ отжилъ; остается одинъ великій поэтъ, — но онъ не въ силахъ преградить путь натуралистическому движенію въ литературѣ.

Эмиль Зола.

ОТЗЫВЫ И ЗАМѢТКИ.

ТРИ БЕЗСИЛІЯ.

Три силы. Публичное чтеніе Владиміра Соловьева. Москва. 1877.

Рѣчь, читанная г. Владиміромъ Соловьевымъ въ публичномъ за-сѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, является теперь передъ нами въ особенной брошюрѣ. Шестнадцать страницъ послѣдней не отличаются ни дѣльностью содержанія, ни строгою послѣдовательностію мысли, ни даже новизною тенденцій, болѣе талантливими выразителями которыхъ въ русской литературѣ были покойные М. Кирѣевскій и Хомяковъ. Мы не считали бы нужнымъ и говорить объ этой рѣчи, если бы она не была произведеніемъ автора „Кризиса Западной Философіи“, сочиненія, появившагося года два тому назадъ и обличавшаго въ авторѣ нѣкоторое знакомство съ ходомъ философской мысли на Западѣ и несомнѣнный талантъ изложенія отвлеченныхъ вопросовъ. Можно было надѣяться, что русская ученая литература приобрѣтетъ въ молодомъ авторѣ серьезнаго дѣятеля, что его познанія и установившаяся со временемъ мысль привле-

суть зрѣлые плоды. Рѣчь, съ которою выступилъ теперь авторъ передъ публикою, можетъ не безъ основанія поколебать такіа надежды. Она доказываетъ, что авторъ способенъ уклоняться отъ строго-научнаго пути и отдаваться во власть мечтаній, представляемыхъ имъ за выводы науки и результатъ исторіи человѣчества.

Обращаемся къ содержанію рѣчи. „Отъ начала исторіи три коренныя силы управляли человѣческимъ развитіемъ. Первая стремится подчинить человѣчество во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ степеняхъ его жизни одному верховному началу, въ его исключительномъ единствѣ стремится смѣшать и слить все многообразіе частныхъ формъ, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни. Одинъ господинъ и мертвая масса рабовъ—вотъ послѣднее осуществленіе этой силы... Но вмѣстѣ съ этой силой дѣйствуетъ другая, прямо противоположная; она стремится разбить твердыню мертваго единства, дать вездѣ свободу частнымъ формамъ жизни, свободу лицу и его дѣятельности... Всеобщій эгоизмъ наказанія, множественность отдѣльныхъ единицъ безъ всякой внутренней связи—вотъ крайнее выраженіе этой силы... Внутренней цѣлости и жизни нѣтъ у обѣихъ этихъ силъ, а, слѣдовательно, не могутъ онѣ ее дать и человѣчеству... и потому необходимо присутствіе третьей силы, которая даетъ положительное содержаніе двумъ первымъ, освобождаетъ ихъ отъ исключительности, примираетъ единство высшаго начала съ свободной множественностью частныхъ формъ и элементовъ, созидаетъ такимъ образомъ цѣлость общечеловѣческаго организма и даетъ ему внутреннюю тихую (?) жизнь“.

Три силы, всегда управлявшія человѣчествомъ, въ современной жизни, г. Соловьевъ указываетъ въ трехъ культурахъ, разумѣя мусульманскій Востокъ, западную цивилизацію и міръ славянскій. Далѣе изъ рѣчи автора мы узнаемъ, что эти различные историческіе міры опредѣляются вполне религіозными началами, ими принятыми: магометанствомъ, протестантизмомъ и католицизмомъ, принимаемыми имъ за одно дуалистическое начало, управляющее германско-романскимъ міромъ, и, наконецъ, чѣмъ-то третьимъ, о чемъ изъ рѣчи автора не получаемъ яснаго понятія.

Слѣдуя за авторомъ, оставимъ въ сторонѣ древнія времена, но спросимъ его: неужели онъ думаетъ, что въ новой и современной намъ исторіи всѣ сферы политической, общественной и частной жизни управляются только господствующими религіозными или вѣроисповѣдными началами? Среди новой исторіи человѣчества одинъ и тотъ же народъ, при одной и той же религіозной формѣ, по закону внутренняго развитія, не только переживаетъ различныя и несходныя формы политическаго устройства, но принимаетъ и усваиваетъ себѣ самыя разнообразныя элементы жизни вслѣдствіе разнообразныхъ и

сложныхъ историческихъ вліаній, нерѣдко неизмѣняющаго ничего общаго съ религіозною формою, принятою народомъ. Находить ли авторъ возможнымъ, напримѣръ, объяснить католичествомъ современныя политическія учрежденія Италіи и Испаніи, объяснить католичествомъ или протестантствомъ эконоическій, торговый и промышленный бытъ современной Европы, всѣ формы ея частнаго быта? Объясняя всѣ явленія современной Европы только однимъ религіознымъ началомъ, авторъ объяснить ли намъ ихъ, или же только исказить и затемнить? Культура современной Европы не обязана ли чѣмъ-нибудь между прочимъ расширенію свѣдѣній человѣка о мірѣ, открытіямъ его пытливости, сближенію народовъ въ различныхъ отношеніяхъ, быстротѣ обіѣна произведеній и идей, знанію, наукѣ, какъ ни смѣшна кажется послѣдняя автору: „Стоять только посмотрѣть поближе, — говоритъ онъ, — какое же это знаніе, какая наука, и великое *очень скоро* переходитъ въ смѣшное“. Даже современный мусульманскій міръ будетъ ли вѣрно представленъ авторомъ, если его состояніе онъ объясняетъ только господствомъ первой силы, только религіознымъ началомъ крайне исключительнаго характера, забывая обо всемъ, что пережилъ и что переживаетъ этотъ міръ. „Мусульманство, — говоритъ онъ, — сохранилось *неизмѣнно* въ томъ состояніи, въ какомъ было при первыхъ калифахъ, но не могло сохранить третьей силы, ибо, по закону жизни, не идя впередъ, оно тѣмъ самымъ идетъ назадъ“. Если бы авторъ „посмотрѣлъ поближе“ на историческую науку, то увидѣлъ бы, что мусульманство не сохранило неизмѣнно состояніа, въ какомъ было при первыхъ калифахъ, что оно идетъ назадъ, а разлагается и измѣняется, какъ подъ вліаніемъ подрывающихъ основы ислама мистическихъ и пантеистическихъ началъ суфизма, такъ и подъ вліаніемъ европейскихъ государствъ на Востокѣ. Іерархическое начало, господствовавшее въ жизни мусульманства, теряетъ мало-помалу важнѣйшую долю своего могущества, и какъ прежде руководящею мыслью ислама было подчиненіе свѣтской власти духовной, такъ теперь все яснѣе выступаетъ идея подчиненія духовнаго авторитета свѣтскому, и при этомъ султанство преимущественно опирается на войско. На этой послѣдней ступени развитія находится еще большинство мусульманскихъ государствъ и важнѣйшія изъ нихъ. И вотъ въ какомъ состояніи передъ нами мусульманство, начавшееся съ религіознаго братства, съ религіозной общины и ассоціаціи племенъ. Гдѣ патриархальный бытъ начала ислама; гдѣ избраніе главы народомъ; гдѣ исключительное религіозное начало, опредѣляющее всю жизнь магометанства; гдѣ мусульманство, сохранившееся неизмѣнно въ томъ состояніи, въ какомъ было при первыхъ калифахъ? Между тѣмъ при упадкѣ могущества восточныхъ государствъ, при ихъ тор-

говой зависимости отъ Европы, вліяніе послѣдней неудержимо растетъ на Востокѣ. Фанатизмъ магометанства сдерживается и постепенно надаётъ передъ этимъ вліяніемъ. Индифферентизмъ уже проникъ въ высшіе слои обществъ въ большинствѣ странъ Востока, и исламъ болѣе и болѣе получаетъ въ этой средѣ только формальное значеніе. Индифферентизмъ никогда не можетъ замѣнить животворной силы вѣры, но онъ можетъ служить знаменіемъ измѣнившихся требованій духа. Среди мусульманства, какъ признаетъ и г. Соловьевъ, духовенства въ собственномъ смыслѣ нѣтъ, и правовѣріе, нехранимое и незащищаемое самостоятельной корпораціею, не представляетъ недоступной твердыни привходящимъ вліяніямъ; религіозныя преданія и ученія, при такой формѣ церкви, могутъ легче измѣняться и примѣняться къ новымъ потребностямъ. Возможность обновленія ислама на болѣе нравственномъ и свободномъ началѣ указывается многими знатоками Востока, серьезными людьми, изучившими его исторію и его современность. „Мусульманскій Востокъ совершенно уничтожаетъ человѣка и утверждаетъ только безчеловѣчнаго Бога“, говоритъ авторъ. Безчеловѣчный Богъ ислама не совсѣмъ безчеловѣченъ къ мусульманину, каковъ бы ни былъ онъ къ человѣку, его не признающему. Нельзя забывать, что мусульманскій Богъ освободилъ своихъ поклонниковъ отъ поклоненія многимъ богамъ, указалъ имъ себя въ единомъ духовномъ началѣ и тѣмъ самымъ указалъ путь, въ концѣ котораго магометанинъ не лишень возможности обрѣсти обновленіе своихъ силъ. Какъ и когда явится обновленіе мусульманскаго міра, посредствомъ ли именно славянъ—мы не беремъ предсказывать, хотя послѣднее несомнѣнно извѣстно г. Соловьеву. Часто говорится: сила жизни гаснетъ въ тѣлѣ Востока, онъ отчаянно боленъ, онъ умретъ. Врачи нерѣдко пророчатъ смерть больному, который выздоровѣетъ, и выздоровленіе тому, кто умретъ. Еще менѣе возможна рѣшительность подобныхъ приговоровъ надъ цѣлыми народами, надъ цѣлыми частями человѣчества.

Похоронивъ Востокъ, хотя можетъ быть преждевременно, авторъ продолжаетъ свое надгробное слово и Западу. Здѣсь онъ долженъ бы признать, хотя и не безъ противорѣчія самому себѣ, что не одними исключительными началами опредѣляется историческая судьба народовъ; онъ долженъ бы даже признать, что самыя начала получаютъ различныя опредѣленія въ разныхъ эпохи и отъ различныхъ историческихъ условій. Церковь западная и церковь восточная имѣютъ одно начало—христіанство, а это единое начало явилось на Западѣ не въ той формѣ, въ какой оно развилось въ восточномъ христіанствѣ. Съ исторической точки зрѣнія можно сказать, что каждая изъ обѣихъ половинъ вселенской церкви исполнила свое назначеніе. Какъ исто-

рическое явление, католицизмъ игралъ въ развитіи человѣчества такую роль, которой высокаго значенія нельзя не признать, хотя авторъ рѣчи о силахъ не остановилъ на ней своего вниманія. Восточная церковь не имѣла такого блеска, такого преобладающаго значенія, какъ западная; но она болѣе приближается къ идеалу христіанства, осуществляя идею церковнаго союза, гармонически сочетающаго въ себѣ всѣ элементы. На сѣверѣ она воспитала юный народъ, которому предстояла значительная роль въ исторіи Европы.

Позднѣе, въ XVI вѣкѣ, является новая, послѣдняя форма христіанства, основанная на началѣ свободы. Протестантизмъ, по сильному проявленію религіознаго начала еще принадлежитъ къ средне-вѣковому періоду исторіи, но завершаетъ его и открываетъ новое ея направленіе. Провозглашенное имъ начало религіозной свободы скоро расширило свои границы и развилось до начала свободы совѣсти и свободы мысли, вѣрившей и выростающей подъ влияніемъ изученія литературы и искусства древности. Свѣтскія начала проникаютъ новѣйшія государства и общества, человѣческую мысль и самыя событія. Въ новое время, религіозныя начала оказываютъ только косвенное влияніе на политическую область и на главныя явленія исторіи. Человѣкъ Запада не безбоженъ, онъ не единственное божество самъ для себя, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ; религія и церковь остаются на Западѣ приближенцемъ души человѣка, хотя церковь уже не является вожаемымъ человѣчества во всѣхъ сферахъ его дѣятельности и мысли, какъ въ средніе вѣка 1).

Въ рѣчи г. Соловьева мы не встрѣчаемъ указаній положительнаго историческаго значенія религіозныхъ началъ Запада, заслугъ его церквей, не встрѣчаемъ также и указанія значенія свѣтской мысли, открытій и изобрѣтеній человѣка, главнѣйшимъ образомъ опредѣлившихъ характеръ новой исторіи, хотя рѣчь ведется по преимуществу о современномъ человѣчествѣ. Авторъ, кажется, совсѣмъ не признаетъ той новой силы западной цивилизаціи, которая смѣнила средневѣковыя начала; по крайней мѣрѣ, онъ не даетъ ей мѣста среди силъ, о которыхъ идетъ его рѣчь. Отсюда итогъ историческихъ силъ выраженъ цифрой *три* и подведенъ неправильно.

Все вниманіе г. Соловьева обращено на изобличеніе несостоятельности религіознаго принципа, легшаго въ основу западной цивилизаціи, на то, въ чемъ онъ видитъ чисто отрицательные его результаты.

Начало религіознаго единства, религіозный принципъ Запада, пред-

1) Мы думаемъ, что въ русской литературѣ никто правднѣе г. Чичерина не указывалъ историческаго значенія христіанскихъ церквей. См. I-ую часть его „Исторіи политическихъ ученій“.

ставлявшій искаженную форму христіанства, католицизмъ, объясняетъ г. Соловьевъ, встрѣтилъ въ мірѣ германскихъ варваровъ начало ему враждебное, начало безусловной индивидуальной свободы. „Этотъ первоначальный дуализмъ германо-романскаго міра послужилъ основаніемъ для новыхъ обособленій; ибо каждый частный элементъ на Западѣ, имѣя передъ собою не одно начало, которое его всецѣло бы подчиняло себѣ, а два противоположныя и враждебныя между собою, тѣмъ самымъ получало для себя свободу: существованіе другого начала освобождало его отъ исключительной власти перваго и наоборотъ“.

Какъ понять здѣсь мысль автора? Существуютъ два начала; отсюда каждый частный элементъ получаетъ для себя свободу, не подчиняясь ни одному исключительно, но совмѣщая ихъ въ себѣ, или же каждый частный элементъ дѣлается свободнымъ, не подчиняясь никакому началу, не проникаясь имъ, а только имѣя начала передъ собою? Изъ послѣдующаго содержанія рѣчи автора надо думать, что онъ хочетъ сказать послѣднее, какъ ни трудно понять существованіе началъ, не проникающихъ никакіе элементы, такъ какъ это равнозначительно небытію началъ.

Каждая сфера дѣятельности, каждая форма жизни на Западѣ, по словамъ г. Соловьева, обособившись отъ всѣхъ другихъ, стремится получить абсолютное значеніе и, вмѣсто того, приходитъ къ ничтожеству, захватывая чуждую область, теряетъ силу въ своей собственной. Такъ, церковь западная, отдѣлившись отъ государства, сама ставшая государствомъ, кончаетъ тѣмъ, что теряетъ всякую власть и надъ государствомъ и надъ обществомъ. Точно также государство, отдѣленное и отъ церкви и отъ народа, подъ конецъ лишается всякой самостоятельности, превращается въ безразличную форму общества, въ исполнительное орудіе народнаго голосованія, а самъ народъ или земство въ своемъ революціонномъ движеніи распадается на враждебныя классы и затѣмъ необходимо долженъ распастись на враждебныя личности, на атомы общества, отдѣльныя лица.

Силимся уяснить себѣ, гдѣ на Западѣ формы жизни, пришедшія къ ничтожеству; гдѣ церковь, потерявшая всякую власть надъ обществомъ; гдѣ государство, лишенное всякой самостоятельности; гдѣ народъ, который необходимо долженъ распастись на лица, на атомы,— но усилія наши напрасны. Правда, церковь и государство вели на Западѣ долгую борьбу, еще не совсѣмъ законченную и въ наше время, но это только доказываетъ, что и церковь и государство, при всѣхъ внутреннихъ измѣненіяхъ, все еще сохраняютъ свою силу и автономію. Зачѣмъ бы, напримѣръ, современному имперскому правительству Германіи принимать строгія мѣры противъ католической іерархіи, еслибъ католическая церковь имѣла такую же власть надъ

обществомъ, какъ наша іерархія? Зачѣмъ бы итальянскому правительству заботиться о законахъ и мѣрахъ противъ клерикальной партіи? Откуда бы являлись повторяющіяся столкновенія представителей свѣтской власти съ церковниками въ Швейцаріи? Отчего католическая партія не только сильна въ обществѣ, но и въ правительствѣ Бельгій и т. д. и т. д.? Какое государство Европы превратилось въ безразличную массу общества, въ исполнительное орудіе народнаго голосованія? Чтò значитъ такая мысль? Отдаетъ ли себѣ отчетъ авторъ рѣчи въ томъ, какъ народное голосованіе ведетъ къ участію народа въ государственной власти, но нисколько не въ смѣшенію государства съ обществомъ и народомъ? Развѣ избранное народомъ лицо, получающее участіе въ государственной власти, есть простой повѣренный группы людей его избравшихъ, ихъ слѣпое, исполнительное орудіе? Выборный представитель народа приобретаетъ извѣстную долю власти, и тѣмъ самымъ становится выше своихъ избирателей, которые, въ качествѣ подданныхъ, обязаны подчиняться рѣшеніямъ своихъ представителей. Задача избраннаго представителя—общая польза, интересы страны и государства, а не исполненіе порученій своихъ избирателей, предъ которыми онъ и отвѣтственъ только нравственно.

Принципъ общественнаго распада Запада, указываетъ авторъ, впервые ясно выраженъ въ великомъ революціонномъ движеніи прошлаго вѣка, которое и можно считать началомъ откровенія той силы, которая двигала всѣмъ западнымъ развитіемъ. Какая же это сила? Авторъ уже забылъ, что всѣ частные элементы на Западѣ имѣли передъ собою не одно начало, а два противоположныя, и тѣмъ самымъ получали для себя свободу, по словамъ его, а не подвигались никакою силою. „Принципъ свободы,—продолжаетъ онъ,—самъ по себѣ имѣетъ только отрицательное значеніе, и революція дала только отрицательные результаты. Она освободила индивидуальныя элементы, дала имъ абсолютное значеніе, но лишила ихъ дѣятельность почвы и пищи“.

Свобода и съ конца прошлаго вѣка не оставалась на Западѣ только отрицательнымъ началомъ. Въ сочетаніи съ условіями государственной верховной власти она подвергалась необходимымъ ограниченіямъ и получала положительныя опредѣленія правъ и обязанностей гражданъ, опредѣленія закона. Какъ бы ни развивались и ни измѣнялись эти опредѣленія въ исторической жизни народовъ, но они существовали и существуютъ. Гдѣ же правда въ словахъ, что революція, освободивъ индивидуальныя элементы, дала имъ абсолютное значеніе? Нужно ли говорить, что она не лишила ихъ дѣятельность почвы и пищи, а расширила для нея области государственной, гражданской, общественной и экономической жизни.

Старая Европа въ глазахъ автора еще заслуживаетъ нѣкотораго вниманія по причудливости и дикости своихъ явленій. „Только эти оригинальности, эти дикія величія дѣлаютъ западный міръ интереснымъ для мыслителя и привлекательнымъ для художника. Все его положительное содержаніе въ прошломъ; нынѣ же, какъ извѣстно (кому?), единственное величіе, еще сохраняющее свою силу на Западѣ, есть величіе капитала“, говоритъ авторъ, разумѣя здѣсь капиталъ денежный. Ему однако же должно быть извѣстно, что и послѣдній не порождается изъ ничего, что капиталъ есть накопленный трудъ, но величія послѣдняго онъ не усмотрѣлъ въ западномъ мірѣ. Въѣзовой же трудъ обогатилъ Западъ не однимъ матеріальнымъ богатствомъ, а и умственнымъ, нравственнымъ и художественнымъ, и все это не мертвый капиталъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ. Богатство западнаго человѣка постоянно въ оборотѣ, и, несмотря на временныя неудачи и недочеты, продолжаетъ расти. Единственное различіе между людьми Запада авторъ видитъ только въ неравенствѣ богача и пролетарія. Нѣсколькими же строками выше онъ указывалъ, что въ старой Европѣ неравенство лицъ обуславливалось принадлежностью къ той или другой группѣ общественной, а съ уничтоженіемъ этихъ группъ исчезло и органическое неравенство, осталось только низшее—натуральное неравенство личныхъ силъ. Итакъ, вотъ уже два неравенства людей признаетъ авторъ въ Европѣ: единственное—неравенство богача и пролетарія, а другое, кромѣ единственнаго, еще низшее—натуральное неравенство личныхъ силъ. Не что разумѣетъ авторъ подъ послѣднимъ? Неравенство физическихъ силъ лицъ? Неужели онъ хочетъ сказать, что современные люди Европы различаются между собою только физическими силами?

Когда либеральныя начала проникли строй западныхъ государствъ, когда они подрывали различія общественныхъ группъ, основанныхъ на привилегіяхъ и исключительныхъ правахъ, и уничтожили ихъ, тогда прежнія группы, называемыя авторомъ органическими, могли замѣняться только естественными при господствѣ либеральныхъ началъ, группами, основанными на раздѣленіи труда. Послѣдній въ современныхъ европейскихъ государствахъ и служить главнѣйшимъ основаніемъ различія общественныхъ группъ. Предметы и свойства труда раздѣляютъ людей Запада на группы не менѣе органическія, чѣмъ сословія старой Европы, на группы людей церкви, людей государственныхъ, бюрократовъ, военныхъ, людей науки, искусства, литературы, промышленности и т. д. Раздѣленіе труда существовало и прежде, но, съ одной стороны, не на немъ одномъ, утверждалось различіе общественныхъ группъ, а съ другой—самые виды труда дѣлались привилегіей опредѣленныхъ сословій и корпорацій. Современные люди Запада, кромѣ дѣленія на частныя и об-

щественыя группы, вслѣдствіе раздѣленія труда, дѣлятся и на политическія партіи, на партіи реакціонеровъ, охранительныя, прогрессивныя, либеральныя, болѣе или менѣе радикальныя и т. д.; въ этихъ партіяхъ выражаются и общія начала и требованія, духъ и направленіе различныхъ общественныхъ элементовъ. Сколько общихъ связей, опредѣленій, разнообразныхъ началъ и цѣлей въ жизни новыхъ европейскихъ обществъ! А если послушать г. Соловьева, выходитъ, что въ Европѣ нѣтъ никакихъ общихъ, связующихъ людей другъ съ другомъ, началъ и цѣлей, что освобожденные революціей индивидуальныя элементы получили абсолютное значеніе, лишились почвы и пищи, превратились въ единицы и атомы!

По словамъ автора, можно думать, что люди на Западѣ—единицы, связаны чисто механически. Какъ и чѣмъ еще тамъ держатся и живутъ общества и государства, да еще и сильныя государства — рѣшительно непонятно.

Усматривая единственное различіе и неравенство между людьми на Западѣ—въ неравенствѣ богача и пролетарія, авторъ замѣчаетъ: „но и ему грозитъ великая опасность со стороны революціоннаго социализма... Едва ли можно сомнѣваться, что социализму обезпеченъ на Западѣ скорый успѣхъ, въ смыслѣ побѣды и господства рабочаго сословія... Во всякомъ случаѣ смѣшно было бы видѣть въ социализмѣ какое-то великое откровеніе, долженствующее обновить человѣчество“. Дѣйствительно, нѣтъ никакой причины видѣть въ социализмѣ такое откровеніе, но нельзя не видѣть въ немъ настойчиваго заявленія нужды и потребностей рабочихъ классовъ, заслуживающихъ вниманія государственныя власти и удовлетворяемыхъ послѣдними не по программамъ социалистическихъ ученій, а настолько, насколько ихъ удовлетвореніе, подъ руководствомъ положительныхъ началъ политико-экономической и финансовой науки, можетъ быть соглашено съ свободой и порядкомъ, съ общими потребностями общества и государства. Крайніе логическіе выводы одностороннихъ началъ могутъ казаться очень грозными въ книгахъ, но практика не абстрактная логика; прилагая логическіе выводы, она умѣряетъ и ограничиваетъ ихъ. Если революціонное движеніе отдѣльныхъ элементовъ нарушаетъ равновѣсіе между всѣми элементами общества, оно вызываетъ реакцію, а затѣмъ побѣда все-таки достается постепенному развитію, при которомъ новыя начала могутъ быть введены въ жизнь безъ разрушенія всего общественнаго зданія, и мы не думаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что противъ социально-экономической болѣзни Запада, какъ противъ рака, всякія операціи будутъ только палліативами. Авторъ на Западѣ готовъ видѣть во всемъ смертельныя признаки и хоронитъ его заживо.

„Въ области знанія,—говоритъ онъ, западный міръ постигла та же

судьба, какъ въ области жизни общественной; абсолютнаѣ теологіи смѣнились абсолютнаѣмъ философіи, которая въ свою очередь должна уступить мѣсто абсолютнаѣмъ эмпирической положительной наука, т.-е. такой, которая имѣетъ своимъ предметомъ не начала и причины, а только явленія и законы. Но общіе законы суть только общіе факты...“ Законы явленій, если угодно, можно называть фактами, такъ какъ они имѣютъ бытіе, какъ и факты въ собственномъ смыслѣ, но не все существующее имѣетъ одинаковое значеніе. Факты подчиняются законамъ и управляются ими, но не управляютъ законами; законы явленій суть начала, хотя и относительныя, хотя и не безусловныя, и изученіе этихъ началъ не можетъ не имѣть „прямого отношенія ни къ какимъ живымъ вопросамъ, ни къ какимъ высшимъ цѣлямъ человѣческой дѣятельности“. Знаніе законовъ природы даю человѣку власть, возвысило его надъ нею, и возвысило также цѣли и вмѣстѣ средства человѣческой дѣятельности. Положительная эмпирическая наука при всей ея ограниченности, которая не всегда замѣтна ей самой, при всѣхъ ея незаконныхъ притязаніяхъ на рѣшеніе задачъ, выходящихъ изъ круга ея средствъ и метода познания, имѣла и имѣетъ передъ человѣчествомъ великую заслугу не только въ однихъ прикладныхъ и практическихъ областяхъ его дѣятельности. Она расширила и углубила даже задачу высшаго знанія, того знанія, которое имѣетъ своимъ предметомъ абсолютныя начала и причины, хотя временно она замедлила и затруднила появленіе высшаго синтеза. Послѣдній долженъ явиться на болѣе широкомъ основаніи и съ болѣе сложнымъ содержаніемъ, чѣмъ являлся въ предшествовавшія синтетическія эпохи исторіи человѣчества. Этого синтеза еще нѣтъ, хотя потребность его чувствуется и высказывается не однимъ г. Соловьевымъ, но тѣми же самими эмпириками и позитивистами въ ихъ противорѣчіяхъ и неослѣдовательности съ собственными началами, а также и лучшими умами Запада. Во всякомъ случаѣ недостатокъ этого синтеза не замѣнять фантастическіе эскизы его плановъ, непринимающіе во вниманіе требованій строгой и прочной научной архитектуры. Нельзя не пожалеть, чтобы люди, замѣчающіе ошибки и заблужденія эмпириковъ, не впадали бы въ еще худшія, выдавая свои сны за научныя истины.

„Но такой синтезъ,—думаетъ авторъ,—совершенно противорѣчитъ общему духу западнаго развитія: та исключашая, отрицательная сила, которая раздѣлила и уединила различныя сферы жизни и знанія, не можетъ сама по себѣ соединить ихъ“. Въ доказательство авторъ указываетъ на неудачныя попытки, на системы Шюенгауера и Гартмана. Но неудачныя попытки не исключаютъ возможности научныхъ успѣховъ въ будущемъ, а за эти попытки г. Соловьевъ осуждаетъ на бесплодность всю науку Запада, мѣрною для которой

служать ему послѣднiя по времени ея произведенiя. Наука Запада смѣшна въ глазахъ автора, а затѣмъ—какая есть еще наука? Не значить-ли это, что для г. Соловьева смѣшна наука вообще и въ частности—его собственная наука? Покончивъ съ наукою, авторъ въ немногихъ словахъ опредѣляетъ также и западное искусство, какъ карриатуру. „Какъ можетъ давать вѣчные идеалы для жизни такое искусство, которое не хочетъ ничего знать, кромѣ этой самой жизни въ ея обиходной поверхностной дѣятельности, стремится быть только ея точнымъ воспроизведенiемъ?“ Несомнѣнно, что точное воспроизведенiе жизни, какъ ея копия, не можетъ быть искусствомъ. Но искусство всегда было точнымъ и вмѣстѣ художественнымъ воспроизведенiемъ жизни, и современное искусство въ дѣйствительно-художественныхъ произведенiяхъ не измѣнило своей задачъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что эпохи анализа, разлагающей мысли, неблагоприятны искусству, появленiю объективныхъ полныхъ образовъ его творчества. Современное искусство, оставаясь вѣрнымъ своей эпохѣ, могло быть только ея выраженiемъ. Не искусство создаетъ жизнь, а жизнь искусство. Классическое и романтическое искусство имѣли объективное содержанiе, сообщаемое имъ общимъ духомъ ихъ времени, преобладающимъ религiознаго созерцанiя и его представленiй. Жизнь новѣйшаго времени опредѣлялась не исключительнымъ преобладающимъ религiозныхъ началъ, но и требованiями, стремленiями личности, свободы. Формы жизни усложнились, мысли, желанiя и стремленiя человѣка получили просторъ, ширь и простоту разнообразiя. Человѣкъ и общечеловѣческое сдѣлались главнымъ содержанiемъ искусства новаго времени. Содержанiе минувшихъ эпохъ сохраняетъ еще и для новаго искусства значенiе по отношенiю его къ настоящему, въ современности, и является въ его произведенiяхъ. Собственно историческая живопись получаетъ свое начало только въ наше время. Чисто-человѣческой, психологической элементъ выражается въ искусствѣ съ замѣтнымъ преобладающимъ, сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ произведенiяхъ современнаго искусства онъ пронизываетъ содержанiе, заимствованное и изъ прежнихъ эпохъ. Человѣкъ, его отношенiе къ природѣ, къ исторiи, къ религiи, его общественная и личная судьба, его нравы, обычаи, мгновенiя его личной жизни, движенiя его сердца, его радости и страданiя, трагическое и комическое его земного поприща,— все сдѣлалось достоянiемъ современнаго искусства, искусства по преимуществу литературнаго, музыкальнаго и живописнаго. Преобладанiе субъективности, личнаго элемента объясняется, конечно, и массу дурныхъ и посредственныхъ произведенiй современнаго искусства, такъ какъ при этомъ легче явиться произволу, причудливости и исключительности. Массу эту постигаетъ и

постигнетъ заслуженное забвеніе. Но если подъ современностью не разумѣть только послѣднихъ текущихъ дней, то надо признать, что XIX вѣкъ имѣлъ художниковъ, произведенія и имена которыхъ сохранятся для грядущихъ поколѣній, какъ сохранились для насъ произведенія и имена художниковъ минувшихъ эпохъ. Искусство, отказываясь отъ идеализаціи, переходитъ въ каррикатуру, — справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ. Но лучшія произведенія искусства XIX вѣка, являясь съ реальнымъ содержаніемъ, сообщали ему идеализацію художественнаго представленія. Повторяемъ, въ эпохи анализа искусство уже не занимаетъ перваго мѣста въ жизни и сознаніи человѣка, но, сопровождая другія главнѣйшія ихъ выраженія, оно не утрачиваетъ вполне своего значенія, такъ рѣшительно отвергаемаго г. Соловьевымъ въ современномъ европейскомъ искусствѣ.

„Сила, управляющая развитіемъ западной цивилизаціи, приводитъ къ всеобщему разложенію на низшіе составные элементы, къ потерѣ всякаго универсальнаго начала... Атомизмъ въ жизни, атомизмъ въ наукѣ, атомизмъ въ искусствѣ — вотъ послѣднее слово западной цивилизаціи“, говоритъ авторъ рѣчи. Страшно! Особенно страшно, когда вспомнимъ, что значительная часть того племени, которому г. Соловьевъ предоставляетъ спасти міръ, племени славянскаго, въ миллионахъ нашихъ братьевъ уже покорились второй, западной, силѣ, приводящей къ смерти и разложенію, а есть такіе славяне, которые покорились и первой силѣ, магометанству.

Похоронивъ Востокъ и Западъ и не добромъ помянувъ покойниковъ, авторъ утѣшаетъ насъ, наконецъ, словомъ, обѣщающимъ человѣчеству возрожденіе жизни. Зажившая и животворная сила найдена имъ, но тутъ смущаетъ насъ одно обстоятельство: изъ словъ его явствуетъ, что сила найдена, но что ея еще нѣтъ, — хотя впрочемъ, она должна быть. Почему однако же не признать прямо силою возможность силы? Для этого нужно только постараться стать на точку зрѣнія автора.

„Третья сила, *долженствующая* дать человѣческому развитію его безусловное содержаніе, можетъ быть только откровеніемъ высшаго божественнаго міра, и тѣ люди, тотъ народъ, черезъ который эта сила *имѣетъ* проявиться, долженъ быть только *посредникомъ* между человѣчествомъ и тѣмъ міромъ“.

Конца историческаго развитія Запада и Востока мы еще не видали, а потому намъ не представляется, какъ автору рѣчи, необходимымъ и неизбѣжнымъ обнаруженіе третьей силы для спасенія міра отъ силъ, его разложившихъ. Да и самъ авторъ, утверждая, что двѣ первыя силы совершили кругъ своего проявленія, говоритъ, однакоже, что въ исторіи мы находимъ всегда совмѣстное дѣйствіе трехъ силъ. Такъ что силы, совершившія кругъ своего дѣйствія, слѣдовательно, все-таки будутъ продолжать дѣйствовать и при дѣйствіи третьей

силы. Все это не очень ясно и понятно, но только доказываетъ, какъ трудно объяснить значеніе третьей силы, когда ея еще нѣтъ. Но откуда же явится эта сила, откуда можетъ быть взято это безусловное содержаніе жизни и знанія? Отвѣтъ автора на такой вопросъ, задаваемый имъ самимъ, носить на себѣ слѣды всей трудности рѣшенія вопросовъ, которые не вызываются достаточными поводами и для рѣшенія которыхъ потому и нѣтъ данныхъ. Безусловное содержаніе жизни и знанія, показываетъ г. Соловьевъ, нельзя найти ни въ человѣкѣ, ни во внѣшней природѣ, и нельзя думать, что оно упадетъ прямо съ неба, но оно *будетъ* результатомъ душевнаго процесса. Но душевный процессъ происходитъ вѣдь въ человѣкѣ? Отчего же этотъ процессъ не допускаетъ и отвергаетъ авторъ въ западномъ человѣкѣ? Оттого ли, что въ западной цивилизаціи онъ видитъ только отрицаніе? Но если согласиться съ его мнѣніемъ объ этомъ, то вѣдь онъ самъ говоритъ: „отрицаніе низшаго содержанія есть тѣмъ самымъ утвержденіе высшаго и, изгоняя изъ своей души ложныхъ божковъ и кумировъ, мы тѣмъ самымъ вводимъ въ нее истинное божество“. Западъ же въ нескончаемомъ душевномъ процессѣ не перестаетъ отвергать ложныхъ кумировъ, и сознаніе божественной истины не составляетъ исключительной привилегіи одного племени человѣчества. Божественное откровеніе уже возвѣщено не одному племени, а человѣчеству. Какого еще откровенія ожидать намъ отъ *посредничества* славянства и народа русскаго, этихъ единственныхъ носителей всецѣлой третьей силы, которая *имѣетъ* проявиться? Чѣмъ подтверждается въ глазахъ автора „великое историческое призваніе Россіи, призваніе религиозное, въ высшемъ смыслѣ этого слова?“ Внѣшній образъ раба нашего народа, бѣдность и беспорядокъ Россіи — вотъ ручательства будущаго великаго призванія ея въ глазахъ автора! Среди похороненнаго Востока г. Соловьевъ могъ бы найти народы, которые въ этомъ отношеніи представили бы ему еще сильнѣйшія ручательства за свое будущее призваніе. Но, слава Богу, мечты автора не совсѣмъ совпадаютъ съ дѣйствительностью: русскій народъ совсѣмъ не носитъ на себѣ образа раба, беспорядокъ въ экономическихъ и другихъ отношеніяхъ его жизни постепенно устраняется, бѣдность его въ общемъ итогѣ не растетъ, хотя чувствуется и переносится имъ не съ прежнимъ равнодушіемъ, изъ чего можно надѣяться, что онъ сумѣетъ выдти изъ нея. Впередѣ еще много заботъ, много тяжкаго труда, но ихъ было много въ прошломъ Россіи, и ей нѣтъ поводовъ отчаиваться за свое будущее. Но чтобы вѣрить въ свою будущность, ни славянству, ни Россіи нѣтъ никакой нужды вѣрить въ смерть и разложеніе другихъ народовъ. Зачѣмъ имъ, слѣдуя указаніямъ автора, спасать мнимыхъ мертвецовъ, когда сами они могутъ дѣлать жизнь съ живыми? Мы вѣримъ, что славянамъ и

народу русскому предстоитъ историческая жизнь, но вѣрить именно вслѣдствіе убѣжденія, что они никогда не примутъ программы жизни и дѣятельности, предлагаемой имъ г. Соловьевымъ, его требованій возвыситься надъ узкими, въ глазахъ автора, спеціальными интересами, не утверждать себя въ какой-нибудь частной низшей сферѣ дѣятельности и знанія, быть равнодушными ко всей этой жизни съ ея мелкими интересами. Славянство, какъ и другіе народы, боролось съ природою и покоряло ее трудомъ своимъ, оно защищало свою національную независимость: оно, какъ и другіе народы, вырабатывало государственныя и общественныя формы своего быта, оно болѣе и болѣе понимаетъ и принимаетъ необходимость задачъ спеціальной дѣятельности, необходимость знанія, науки, если даже они необходимо ограничены; оно принимаетъ вліяніе цивилизаціи другихъ народовъ и пользуется ея плодами, хотя не терпѣть отъ этого вѣры, своей первоначальной просвѣтительницы, нисколько непротиврѣчающей задачамъ и трудамъ земной жизни. Не станемъ однако же скрывать отъ себя, что лицо, какъ единица, какъ атомъ, на которые, по мнѣнію автора, разложился западный міръ, сохранило свое непочатое, неразвитое значеніе именно среди славянства и народа русскаго. Среди русскихъ людей энергическія лица встрѣчаются не часто. Какъ единицы, довольно податливыя, русскіе люди повидимому легко складываются во всякія группы, во всякія общества въ виду представившейся или указанной имъ цѣли, но также легко и распадаются, упуская изъ виду эту цѣль и средства ея достиженія, и остаются при самихъ себѣ. Славяне изстари не умѣли жить въ ладу между собою. Мы же не отличаемся способностію къ общимъ соглашеніямъ въ виду общихъ задачъ и настойчивостію въ ихъ преслѣдованіи. Распушенность, ровнь, поблжка своимъ личнымъ вкусамъ и интересамъ неизбежно проявляются во всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣлахъ и собраніяхъ. Всякіе предѣлы и границы, поставляемые общеою цѣлію, плохо понимаются и принимаются у насъ лицами, плохо мирятся съ личными потребностями и наклонностями. Самодурство и политическая мечтательность, за отсутствіемъ поприща для здравой политики, недаромъ возросли на нашей общественной почвѣ. Испыленія отъ этихъ недуговъ, большаго развитія въ русскомъ человѣкѣ способности служить общимъ цѣлямъ и входить для этого въ крѣпкія связи и соглашенія съ другими лицами, можемъ мы ожидать только со временемъ отъ тѣхъ новыхъ учреждений, которыя вызываютъ насъ на самодѣятельность и общеніе между собою, на общую заботу о своихъ дѣлахъ, а не отъ равнодушія къ задачамъ жизни съ ея мелкими интересами, проповѣдуемаго г. Соловьевымъ. Мистическая исключительность послѣднѣе нисколько не представляетъ собою свойства природы славянства, а

противорѣчить ей. Равнодушіе къ интересамъ жизни не привело бы славянъ ни къ чему, оно не заставило бы ихъ даже взяться за оружіе на защиту своей національности, для борьбы противъ угнетенія и порабощенія чуждыми племенами, а отъ этой борьбы самъ г. Соловьевъ ожидаетъ обнаруженія историческаго призванія Россіи, призванія религіознаго—въ высшемъ смыслѣ этого слова, какъ утверждаетъ онъ.

Подавляющая власть исключительнаго религіознаго начала, говоритъ авторъ по поводу мусульманства, не допускаетъ никакой самостоятельной жизни и развитія. Этой подавляющей власти нѣтъ въ православной религіи славянъ. Равнодушіе къ жизни проповѣдуетъ имъ г. Соловьевъ, а не религія. Жизнь и будущее предстоитъ славянамъ, какъ и другимъ народамъ, за-живо скороненнымъ имъ.

Итакъ, рѣчь „Три силы“, не указала въ двухъ изъ нихъ творческой дѣятельности, ихъ положительнаго содержанія. Въ третьей силѣ она старалась указать какую-то возможность, темно и странно истолкованную авторомъ, принимающимъ ее за силу, но значеніе которой останется всегдѣ непонятнымъ. Если принять объясненіе трехъ силъ, предлагаемое г. Соловьевымъ, то рѣчь его должна бы быть озаглавлена не „Три силы“, а „Три безсилія“.

А. СТАНКЕВИЧЪ.

Москва.

АНГЛИЙСКАЯ КНИГА О РОССИИ.

Russia. By D. Mackenzie Wallace, M. A., Member of the Imperial Russian Geographical Society. 2 vols. London, 1877. Third edition.

Въ послѣдніе годы намъ случалось не одинъ разъ указывать въ иностранной литературѣ книги о Россіи, обращающія на себя вниманіе своими достоинствами: таковы книги Рольстона, Рамбо, Скайлера, статьи Леруа-Больѣ. Изученіе Россіи въ еврейской литературѣ дѣлаетъ очевидные успѣхи, и новая книга, заглавіе которой мы написали, представляетъ особенно замѣчательное подтвержденіе этого. Сочиненіе г. Макензи-Уоллеса встрѣчено было въ англійской литературѣ съ самыми горячими похвалами и интересомъ, и имѣло несомнѣнный успѣхъ: хотя оно вышло только въ нынѣшнемъ году, мы имѣемъ уже третье изданіе. Англійская критика находила, что со

времени Гакстгаузена европейская литература не представляла произведения, исполненнаго съ такимъ обширнымъ знаніемъ предмета, — и критика русская едва ли будетъ противъ этого спорить. Имя автора и образчикъ его изложенія извѣстны читателямъ „Вѣстника Европы“: въ август. книгѣ прошлаго года переведена была статья г. Уоллеса о русской сельской общинѣ, вошедшая частью въ составъ настоящаго изданія.

„Въ мартѣ 1870,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—я прибылъ впервые въ Петербургъ. Я намѣренъ былъ провести въ Россіи лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но противъ ожиданія встрѣтилъ такъ много любопытныхъ предметовъ изученія, что остался въ ней почти шесть лѣтъ,—до декабря 1875. Въ теченіе этого періода я проводилъ зимы ббльшую частью въ Петербургѣ, Москвѣ и Ярославлѣ, а лѣтніе мѣсяцы были обыкновенно посвящены путешествіямъ по Россіи и собранію свѣдѣній отъ мѣстныхъ авторитетовъ, землевладѣльцевъ, купцовъ, лицъ духовныхъ и крестьянъ. По возвращеніи въ Англію, я поддерживалъ постоянную переписку съ многочисленными русскими друзьями, такъ что въ состояніи былъ близво слѣдить за тѣмъ, что произошло въ этотъ короткій промежутокъ.

„Изъ обширной массы матеріаловъ о прошлой исторіи и настоящемъ положеніи страны,—матеріаловъ, накопившихся въ моихъ рукахъ въ теченіе этихъ шести лѣтъ, я воспользовался въ настоящемъ трудѣ только тѣми, которые казались наиболѣе способными возбудить интересъ въ большой публикѣ. Специальныя изслѣдованія о сельской общинѣ, разныхъ системахъ сельскаго хозяйства, объ исторіи освобожденія крестьянъ, о настоящемъ экономическомъ состояніи крестьянъ, о финансовой системѣ, народномъ просвѣщеніи, новѣйшихъ умственныхъ движеніяхъ и подобныхъ предметахъ я оставляю до будущаго тома.

„Если мой трудъ имѣетъ какія-нибудь достоинства, ихъ надо приписать всего больше тому содѣйствію, какое самымъ щедрымъ образомъ было мнѣ оказано русскими изъ всѣхъ классовъ общества. Если бы я хотѣлъ привести имена тѣхъ, кому я обязанъ, я наполнилъ бы ими нѣсколько страницъ“...

Въ предисловіи и въ самой книгѣ авторъ называетъ нѣкоторые изъ этихъ именъ,—онѣ принадлежатъ къ извѣстнымъ именамъ нашей литературы, общественной дѣятельности, или лицамъ высокаго положенія, компетентнымъ въ административной сферѣ. Щедрая помощь, какую встрѣтилъ авторъ со стороны русскихъ, мы думаемъ, составляетъ и его собственную заслугу; помощь оказывалась безъ сомнѣнія потому, что въ любознательномъ иностранцѣ видѣли искреннее желаніе—добросовѣстно изучать нашу страну и правдиво высказать результаты изученія.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли только указать на книгу г. Макензи-Уоллеса; содержаніе книги такъ обильно и разнообразно, что для нѣскольکو полнаго критическаго отзыва недостаточно двухъ-трехъ страницъ. Мы можемъ указать пока ея общій характеръ: она свидѣтельствуетъ о внимательномъ, трудолюбивомъ изученіи Россіи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и во всѣхъ слояхъ ея населенія. Авторъ началъ съ того, что быстро выучился по-русски, поселившись въ деревнѣ, много путешествовалъ по Россіи, много видѣлъ народную жизнь, познакомился съ литературой, вошелъ въ кругъ образованныхъ людей и кругъ учено-литературный, имѣлъ близкія отношенія въ сферахъ административныхъ, и такимъ образомъ приобрѣлъ обильный источникъ свѣдѣній и очень широкій кругъ наблюденія. Русская жизнь знакома автору одинаково и въ столицѣ и въ деревнѣ; онъ вошелъ въ ея подробности, узналъ ея особенныя черты, какія обыкновенно бываютъ недоступны для иностранцевъ и становятся ясны только при хорошемъ знакомствѣ съ нею, и свои наблюденія авторъ умѣлъ рассказать простымъ, яснымъ, нагляднымъ языкомъ, передать ихъ иногда въ живыхъ сценахъ, списанныхъ съ натуры.

Имѣя въ виду свою публику, желая очевидно имѣть много читателей, авторъ даетъ не ученый трактатъ, а популярный, хотя часто весьма серьезный рассказъ. Онъ избѣгаетъ мелкихъ подробностей, чиселъ, именъ, и т. п., но и въ своихъ историческихъ изложеніяхъ, и въ картинахъ современной жизни умѣетъ схватывать основныя характеристическія черты. Сличая нашу жизнь, исторію, учрежденія, нравы съ европейскими, онъ, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ свои изображенія особенно понятными для своихъ читателей. Онъ прилагаетъ особенную заботу о томъ, чтобы быть безпристрастнымъ и не одностороннимъ, — желаніе очень естественное въ просвѣщенномъ наблюдателѣ, особенно стоящемъ внѣ интересовъ общества. Но критическое безпристрастіе, необходимое для научнаго изслѣдователя, можетъ имѣть свой недостатокъ: нужно остерегаться, чтобы оно не перешло въ индифферентизмъ. Передавая разныя мнѣнія, авторъ желаетъ оставаться въ сторонѣ, и оттого, быть можетъ, очертанія остаются иной разъ нѣскольکو блѣдными. Автору, кажется, было бы не излишне припоминать себѣ, что русскія мысли и стремленія русскаго общества всегда выражались неполно и недосказанно и что подъ ихъ словами часто скрывается болѣе опредѣленный смыслъ, болѣе глубокіе человѣческіе интересы, чѣмъ можетъ казаться по наружности. Авторъ, какъ иностранецъ, привыкъ, разумѣется, къ совершенно иному положенію общественнаго мнѣнія и печатнаго слова, и подъ вліяніемъ этихъ европейскихъ понятій онъ высказывается иногда о дѣлахъ и мнѣніяхъ

въ нашей общественности: намъ кажется, что при этомъ отъ него ускользаютъ иногда серьезная подкладка вещей, котормя на евроеискій взглядъ кажутся по своей наружности невозможными или ребяческими. Наша умственная жизнь, наше общественное сознаніе—всей своей исторіей осуждены пока на неполноту, отрывочность, скачки, преувеличенія и т. п.,—но историческое движеніе идетъ тѣмъ же мѣнѣе. Историкъ нашего общества не можетъ упускать изъ виду этихъ особенностей русскаго движенія; принявши ихъ въ соображеніе, онъ вѣрнѣе оцѣнитъ факты нашего внутренняго развитія и общественныхъ отношеній. Г. Уоллесъ такъ долго жилъ среди русскаго общества, что, безъ сомнѣнія, пойметъ, что мы хотѣли сказать: мы и говоримъ эти замѣчанія, высоко цѣня его работу, въ которой онъ показалъ такое живое, не боящееся утомительнаго труда, стремленіе изучить русскую жизнь въ ея дѣйствительности и истинѣ.

Чтобы дать читателю понятіе о разнообразіи содержанія книги г. Уоллеса, приводимъ списокъ ея главъ,—все это статьи, исполненныя съ большимъ знаніемъ дѣла, съ простотой и легкостью изложенія.

Первый томъ:—Путешествіе въ Россію—Въ сѣверныхъ гѣсахъ—Добровольная ссылка—Деревенскій священникъ—Медицинская консультація—Крестьянская семья стараго типа—Крестьянство на сѣверѣ—Мірь, или сельская община—Какъ сохранилась община, и что сдѣлаетъ она въ будущемъ—Финскія и татарскія деревни—Города и торговые классы—Господинъ Новгородъ-Великій—Имперская администрація и чиновники—Новое мѣстное самоуправленіе—Земледѣльцы старой школы—Собственники новой школы—Дворянство—Общественные классы—Между еретиками.

Второй томъ:—Раскольники—Кочевыя степныя племена—Татарское господство—Козаки—Иностранные колонисты въ степяхъ—Петербургъ и европейское вліяніе—Москва и славянофилы—Церковь и государство—Крымская война и ея послѣдствія—Крѣпостные—Освобожденіе крѣпостныхъ—Послѣдствіе освобожденія: а) для земледѣльцевъ; в) для крестьянъ—Новые суды—Территориальное распротрашеніе и восточный вопросъ.

Мы съ любопытствомъ будемъ ожидать общаго продолженія труда г. Уоллеса, гдѣ авторъ остановится на современномъ положеніи русскаго общества.

Д.

ИЗВѢСТІЯ

I. ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОВІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Составъ комитета, управляющаго дѣлами общества.

(съ 2 февраля 1877 г.).

Предсѣдатель Общества — Григорій Космичъ Рѣшискій (Эртелевъ переулокъ, № 2, кв. № 14).

Помощникъ предсѣдателя—Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Литейная, № 62).

Секретарь—Эристъ Карловичъ Ватсонъ (Бассейная, № 26).

Казначей—Павель Александровичъ Гайдебуровъ (Ивановская, № 6).

Члены комитета:

Константигъ Константиновичъ Арсеньевъ (Бассейная, д. Кабата).

Валентинъ Федоровичъ Коршъ (Вас. О., 8 линія, № 27).

Николай Ивановичъ Костомаровъ (Вас. О., 9 линія, № 4).

Андрей Александровичъ Краевскій (Литейная, № 38).

Вячеславъ Ависентьевичъ Манассинъ (Медико-хирургическая академія).

Леонидъ Александровичъ Полонскій (Пески, 1 улица, № 8).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Вас. О., Большой просп., № 24).

Николай Степановичъ Таганцевъ (Вас. О., 2 линія, домъ Дидрикса).

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей. — Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: *въ Общество для посовія нуждающихся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ.*

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ Комитета, казначаемъ Общества, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія Обществу, и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногородныхъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ Москвѣ—П. Е. Басянову (Поварская, Хлѣбный пер., собствен. домъ) и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, а въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова; но, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, Комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ книжки, заведенныя въ этихъ магазинахъ.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи, и жертвователей будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ, въ извлеченіяхъ изъ журналовъ Комитета.

Въ видахъ усиленія средствъ Общества, члены приглашаются употреблять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ устройству чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п. въ пользу Общества, а равно къ сбору пожертвованій и къ привлеченію

въ среду Общества лицъ, сочувствующихъ литературѣ. Предложенія объ избраніи въ члены Общества такихъ лицъ присылаются предсѣдателю, за подписью дѣлающаго предложеніе, съ точнымъ означеніемъ: званія, имени, отчества и фамиліи предлагаемаго.

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ

за 1876 г.

I. Личный составъ.

Въ 1 января 1876 г. числилось въ Обществѣ 546 членовъ. Въ теченіе 1876 г. избрано вновь 54. Исключены изъ списковъ 9 умершихъ членовъ Общества (М. В. Авдѣевъ, А. Б. Бушенъ, Н. А. Демертъ, А. Л. Жукова, графъ М. А. Корфъ, С. П. Ловцовъ, Я. А. Соловьевъ, О. И. Сомовъ и О. В. Эссенъ) и 4 лица, сложившія съ себя званіе членовъ Общества; всего 13 лицъ. Затѣмъ къ 1 января 1877 г. числится въ спискѣ 587 членовъ.

Послѣ выборовъ 2 февраля 1876 г. Комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя — В. П. Гаевского, помощника предсѣдателя К. Д. Кавелина, секретаря К. К. Арсеньева, казначея П. А. Гайдебурова, и членовъ: П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, А. А. Краевского, Н. А. Некрасова, А. Н. Пыпина, Г. К. Рѣпинскаго, М. Е. Салтыкова и Н. С. Таганцева.

Во время отсутствія предсѣдателя и его помощника обязанности предсѣдателя исполнялъ А. А. Краевскій, а секретаря, въ случаѣ надобности, замѣнялъ и постоянно раздѣлялъ съ нимъ трудъ Г. К. Рѣпинскій.

2 февраля 1877 г. должны выбыть изъ Комитета на основаніи устава В. П. Гаевскій, П. А. Ефремовъ, К. Д. Кавелинъ и Н. А. Некрасовъ.

Для замѣщенія открывающихся вакансій Комитетъ выбралъ слѣдующихъ кандидатовъ: Э. К. Ватсона, В. О. Корша, В. А. Манассеина, Н. К. Михайловскаго, О. Н. Мѣдника, Л. А. Полонскаго, М. И. Семейскаго и А. К. Шеллера.

Общихъ собраній въ продолженіи 1876 г. было четыре: одно годовое (2 февраля) и три обыкновенныхъ (4 января, 2 мая и 12 декабря). 2 мая и 12 декабря, вслѣдъ за обыкновенными общими собраніями, были открываемы чрезвычайныя для обсужденія предложеній Комитета, касающихся къ установленію общихъ правилъ дѣятельности его и къ дополненію устава Общества.

Комитетъ имѣлъ 26 засѣданій (4 и 19 января, 4 и 16 февраля, 1, 15 и 29 марта, 12 и 26 апрѣля, 2 и 20 мая, 3 и 18 іюня, 2 и 23 іюля, 4 и 20 августа, 6 и 20 сентября, 4 и 18 октября, 1, 15 и 29 ноября, 12 и 27 декабря).

II. Занятія членовъ Общества.

Въ общихъ собраніяхъ присутствовало: 4 января 25, 2 февраля 60, 2 мая 26, 12 декабря 35 членовъ.

Редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Вѣстника Европы“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Недѣля“, „Новаго Времени“, „Голоса“ и „Биржевыхъ Вѣдомостей“ печатали извлеченія изъ журналовъ Комитета и общихъ собраній, а редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Голоса“, „Новаго Времени“, „Недѣля“, „Судебнаго Вѣстника“ и „Биржевыхъ Вѣдомостей“ помѣщали въ своихъ изданіяхъ приглашенія членовъ Общества въ общія собранія.

Исполняли различныя просьбы и порученія Комитета слѣдующіе члены Общества: Г. К. Рѣпинскій (18 разъ), Н. С. Таганцевъ (10 разъ), В. П. Гаевскій (8 разъ), П. А. Гайдебуровъ (5 разъ), К. К. Арсеневъ (4 раза), К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, В. А. Манассеинъ (по 3 раза), П. Е. Басистовъ, А. Д.

Дмитріевъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. А. Манассенъ, О. Э. Миллеръ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Пыпинъ и Н. А. Чаевъ (по одному разу).

III. Занятія Комитета.

А. Дневныя пособія.

1) *Пенсіи*. По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ пенсіи производились: десяти лицамъ по 300 р. въ годъ (въ томъ числѣ одному лицу Дружининская); тремъ лицамъ по 240 р.; одному лицу 210 р., одному лицу 200 р., двумъ лицамъ по 180 р., тремъ лицамъ по 150 р., четыремъ лицамъ по 120 р. Съ 1 мая 1876 г. назначенная въ 1875 г. пенсія въ 250 р. замѣнена пенсіей въ 300 р.

Вновь назначены въ 1876 г. пенсіи: двумъ лицамъ по 300 р. въ годъ, одному съ 1 января, другому съ 1 марта 1876 г.; но за смертью перваго изъ этихъ лицъ пенсія была выслана ему лишь за первую треть года.

По смерти одного лица, получавшаго пенсію (въ 240 р.) вмѣстѣ съ своею дочерью, пенсія сохранена за послѣднею въ прежнемъ размѣрѣ.

Затѣмъ въ 1877 году пенсионеровъ Общества остается 26, а сумма получаемыхъ ими пенсій составляетъ 6,020 р. въ годъ.

2) *На воспитаніе и ученіе*. По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ было выдаваемо дочерямъ четырехъ умершихъ писателей—одной 200 р., другой 160 р., третьей 85 р. и четвертой 60 р. въ годъ; сыну умершаго писателя 180 р. въ годъ; дѣтямъ трехъ умершихъ писателей: одного 300 р., другого 120 р. и третьяго 60 р. въ годъ; слушательницѣ женскихъ медицинскихъ курсовъ по 20 р. въ мѣсяцъ.

Въ теченіе 1876 г. вновь назначено: по 10 р. въ мѣсяцъ на одинъ годъ, начиная съ 1 марта, на покрытіе расходовъ вдовы умершаго писателя по воспитанію малолѣтняго пріемыша ея мужа. По 90 р. въ годъ (по 10 р. на каждый изъ девяти учебныхъ мѣсяцевъ) за обученіе дочери одной писательницы и вдовы писателя въ частномъ учебномъ заведеніи, считая съ 1 декабря 1876 года. По 15 р. въ мѣсяцъ на одинъ годъ, съ 1 января 1877 г., на воспитаніе дѣтей умершаго писателя. За обученіе сына умершаго писателя въ частномъ учебномъ заведеніи опредѣлено платить по 20 р. въ мѣсяцъ до 1 января 1877 г., взаимныя суммы, отпущавшейся до тѣхъ поръ на его воспитаніе матери его. Назначено въ уплату за обученіе въ гимназіяхъ дочерей двухъ писателей—одной 60 р., другой 30 р.; дочери одной писательницы 30 р. и дѣтей одного писателя 135 р. Частью этого послѣдняго пособія (а именно 15 р.) лицо, которому оно было назначено, не воспользовалось, заявивъ Комитету, что за обученіе одного изъ дѣтей его въ продолженіе втораго полугодія учебнаго 1876—77 г. будетъ уплачено изъ другого источника. Въ уплату за обученіе сына одного писателя въ городскомъ училищѣ назначено 8 р. Эта послѣдняя сумма матерью мальчика пока еще не взята. За обученіе сына умершаго писателя въ одномъ изъ заведеній Императорскаго Человѣколюбиваго Общества уплачено 75 р.

Учрежденными въ 1872 г. четырьмя стипендіями для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса С.-Петербургскаго Университета, по 125 р. въ годъ каждая, въ продолженіе первой половины 1876 г. (или второй половины учебнаго 1875—76 г.) воспользовались одинъ вольнослушатель и три студента, а на учебный 1876—77 г. три стипендіи назначены студентамъ 1-го курса; четвертая же еще не назначена.

Изъ процентовъ на капиталъ В. Э. Корша учреждена стипендія въ 125 р. для одного изъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета, и на 1876—77 г. она назначена одному изъ студентовъ 1-го курса.

Стипендія имени Е. П. Ковалевскаго въ 300 р. въ 1876 г. никому вновь назначена не была (въ продолженіе первой половины этого года ею пользо-

вылось, по прежнему назначенію, лицо, окончившее курсъ въ харьковскомъ университетѣ), а изъ второй стипендіи его имени въ 150 р. половина, т.-е. 75 р., была назначена студенту того же университета, пользовавшемуся ею и прежде.

Всего на воспитаніе и ученіе 26 лицъ или семействъ въ 1876 г., считая и прежде сдѣланныя назначенія, израсходовано 2,556 рублей.

3) *Продолжительныя пособія*: въ продолженіе 1876 г. назначено продолжительное пособіе вдовѣ одного писателя по 20 р. въ мѣсяцъ на полтора года, всего 360 р.

4) *Единовременныя пособія* были назначены лицамъ или семействамъ: одному въ 500 р. (изъ этого пособія лицомъ, его получившимъ, возвращено 300 р.), одному въ 300 р., одному въ 250 р., двумъ въ 200 р., пяти въ 150 р., двадцати въ 100 р., одному въ 80 р., одиннадцати въ 75 р., одному въ 60 р., одному въ 55 р., восемнадцати въ 50 р., двумъ въ 40 р., тремъ въ 25 р. и одному въ 20 р. Сверхъ того, выслано редактору одной провинціальной газеты 50 р. для передачи одному лицу, если оно окажется въ затруднительномъ положеніи, но свѣдѣній о передачѣ этихъ денегъ еще не получено.

На погребеніе одного лица выдано 25 руб. Въ безсрочную ссуду, по провиламъ о ссудахъ равносильную безвозвратному пособію, выдано одному лицу 130 р.

Всего же назначено въ единовременное пособіе 67 лицамъ и семействамъ 6,450 р., причеиъ четыремъ лицамъ и семействамъ назначалось пособіе въ теченіе года по два раза.

5) *Ссуды*. Въ 1876 г. были назначены ссуды: двумъ лицамъ въ 500 р., одному въ 400 р., двумъ въ 300 р., одному въ 200 р., двумъ въ 100 р., одному въ 83 р., одному въ 76 р. и двумъ въ 45 р.; но одна ссуда въ 500 р. и одна въ 45 р. остались невзятыми, такъ что всего выдано въ ссуду 10 лицамъ 2,103 руб.

Б. Неденежныя пособія.

Комитетъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи двухъ лицъ на государственную службу. Относительно одного изъ этихъ лицъ ходатайство Комитета не могло быть уважено; относительно другого Комитету было сообщено, что оно числится въ спискахъ кандидатовъ на должность, которую оно желало занять.

По просьбѣ вдовы одного писателя Комитетъ ходатайствовалъ о скорѣйшей выдачѣ ей пособія изъ мѣста службы покойнаго ея мужа, и пособіе это было ей выдано.

По просьбѣ двухъ лицъ Комитетъ сносился съ Правленіемъ Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній нуждающагося и рабочаго населенія о предоставленіи имъ квартиръ въ домѣ Общества. Право рекомендовать кандидатовъ на занятіе квартиръ въ этомъ домѣ принадлежитъ нашему Обществу, какъ властвующему 21 акціями Общества для улучшенія помѣщеній нуждающагося и рабочаго населенія.

Докторъ Л. Б. Бертенсонъ, вступивъ въ число членовъ Общества, предложилъ Комитету свои услуги для безвозмезднаго пользованія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ, и услугами этими, по рекомендаціи Комитета, воспользовался одинъ литераторъ.

Помощникъ предсѣдателя Комитета К. Д. Кавелинъ прислалъ, по просьбѣ Комитета, занятія для молодого человѣка, проявляющаго признаки литературнаго дарованія, но находившагося до сихъ поръ въ такой обстановкѣ, которая не благоприятствовала его развитію. Стихотворенія другого молодого человѣка были рассмотрѣны, по его просьбѣ, Комитетомъ, который не нашелъ въ нихъ признаковъ таланта.

По просьбѣ одного писателя, присланная имъ статьи были разсмотрѣны членомъ Комитета, который нашелъ, что онѣ едва ли могутъ быть помѣщены въ столичныхъ изданіяхъ; вслѣдствіе этого онѣ были возвращены автору, за исключеніемъ одной, которая, по указанію самого автора, была передана въ редакцію одного изъ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналовъ.

По просьбѣ одного лица, Комитетъ входилъ въ сношеніе съ редакціею журнала о возвращеніи ему его рукописей, что редакціею и было исполнено.

Сношенія Комитета съ редакціями и издателями о выдачѣ сотрудникамъ гонорара привели къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Четыре лица получили гонораръ отъ редакцій трехъ газетъ, причѣмъ одному лицу онъ былъ переданъ чрезъ посредство Комитета.

2) Редакція одного журнала выразила готовность уплатить гонораръ сотруднику, обратившемуся къ посредничеству Комитета, и дѣйствительно уплатила часть этого гонорара.

3) Бывшій редакторъ одной газеты и редакціи трехъ журналовъ сообщили Комитету свидѣнія о причинахъ неудовлетворенія сотрудниковъ, обратившихся къ посредничеству Комитета.

4) Не дали никакого отвѣта на вопросы Комитета редакторъ одного журнала по просьбамъ четырехъ лицъ, редакціи трехъ газетъ, каждая по просьбѣ одного лица, и бывшій редакторъ одной газеты по просьбѣ одного лица.

В. Отклонены Комитетомъ:

54 просьбы о пособіи, 5 просьбы о пособіи другимъ лицамъ, 2 просьбы о стипендіи, 8 просьбы о ссудахъ, 6 просьбы объ изданіи сочиненій на счетъ Общества или о содѣйствіи ихъ изданію, 2 просьбы о содѣйствіи къ распространенію или продажѣ изданныхъ уже сочиненій, одна просьба о помѣщеніи рукописи въ какую-либо редакцію, одна просьба о присканіи занятій, одна просьба о выдачѣ стипендіи раньше срока, одна просьба о содѣйствіи къ продажѣ архива и одна просьба объ истребованіи отъ издателя газеты рукописи, переданной ему не какъ издателю, а какъ частному лицу. Всего отклонены 82 просьбы 96 прискателей.

Г. Прочія занятія Комитета.

Согласно указанію прошлогодней ревизіонной комиссіи, Комитетъ составилъ проектъ правилъ о порядкѣ обмѣна и покупки процентныхъ бумагъ и предложилъ его на обсужденіе чрезвычайнаго общаго собранія (2 мая), которое постановило, что на свободныя суммы Общества должны быть приобретаемы исключительно государственныя и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, и что бумаги должны быть приобретаемы или обмѣниваемы не иначе, какъ по постановленіямъ Комитета, которому, въ случаѣ надобности, предоставляется назначать комиссію для предварительнаго обсужденія возникающихъ по этому поводу вопросовъ.

Въ дополненіе и измѣненіе дѣйствующихъ съ 1865 г. правилъ о ссудахъ Комитетъ, на основаніи постановленія общаго собранія (2 мая), составилъ и общее собраніе (12 декабря) приняло слѣдующія правила: 1) разрѣшается выдача ссудъ срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ, считая со дня ихъ выдачи; 2) ссуды могутъ быть выдаваемы съ обязательствомъ получающихъ возвратить должную сумму частями, въ опредѣленные сроки; 3) ссуды могутъ быть выдаваемы подъ законные проценты, по 1/3% въ мѣсяцъ; 4) разрѣшается выдача ссудъ по письменнымъ удостовѣреніямъ и обязательствамъ издателей повременныхъ изданій въ томъ: а) что они приняты отъ желающаго получить ссуду и будетъ напечатанъ его литературный или ученый трудъ;

б) что за этотъ трудъ автору слѣдуетъ получить вознагражденіе въ размѣрѣ, означенномъ въ удостовѣреніи, и в) что издатель во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ передъ Обществомъ въ исправной и своевременной, не далѣе года, уплатѣ ему суммы вознагражденія, означенной въ удостовѣреніи.

Послѣ того, какъ общее собраніе (2 мая) постановило ходатайствовать объ учрежденіи при Обществѣ ссудо-сберегательной кассы литераторовъ и ученыхъ, съ отпускомъ въ эту кассу нѣкоторой суммы изъ капитала Общества, Комитетъ разсмотрѣлъ составленный членомъ Общества Н. О. Фанъ-деръ-Флитомъ проектъ устава этой кассы и постановилъ внести его на разсмотрѣніе общаго собранія въ 1877 г.

Согласно замѣчанію прошлогодней ревизіонной комиссіи, казначеимъ Общества составлена, при участіи Н. В. Кидошенкова, новая форма ежемѣсячныхъ бухгалтерскихъ вѣдомостей, которая Комитетомъ утверждена и принята къ исполненію.

По предложенію Н. С. Таганцева, Комитетъ постановилъ выдавать студентамъ С.-Петербургскаго университета стипендіи не въ два приема, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а ежемѣсячно, въ продолженіе учебнаго года.

Получивъ свѣдѣніе о томъ, что у покойнаго А. П. Шапова была сестра, пользовавшаяся его помощью, Комитетъ, въ виду заявляемой многими лицами мысли объ откритіи при Комитетѣ подписки на изданіе сочиненій Шапова, вырочка отъ продажи которыхъ могла бы быть обращена въ пользу его наслѣдниковъ, принять мѣры къ собранію свѣдѣній о личности наслѣдниковъ Шапова и объ условіяхъ, на которыхъ право на изданіе его сочиненій могло бы быть приобрѣтено отъ лица, у котораго они находятся въ закладѣ. Свѣдѣнія эти Комитетомъ еще не получены.

Предсѣдатель Общества присутствовалъ, въ качествѣ представителя его какъ акціонера, въ общемъ собраніи Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщенія нуждающагося и рабочаго населенія.

На выставку и конгрессъ, бывшіе въ Брюсселѣ въ 1876 г., Комитетомъ посланъ составленный К. Д. Кавелинымъ на французскомъ языкѣ краткій отчетъ о дѣятельности Общества.

П. Е. Басястовъ принялъ на себя приемъ членскихъ взносовъ въ Москвѣ, о чемъ были напечатаны объявленія въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Современныхъ Извѣстіяхъ».

Книгопродавецъ Я. А. Исаковъ принялъ на себя, по просьбѣ Комитета, приемъ членскихъ взносовъ и другихъ поступленій въ пользу Общества.

Общее собраніе выразило свою благодарность Н. В. Гербелю и М. М. Стасюлевичу за содѣйствіе ихъ къ изданію стихотвореній Д. Л. Михаловскаго, сборъ отъ продажи которыхъ предназначенъ въ пользу Общества, и В. П. Гевескому за пожертвованіе въ пользу Общества 1000 рублей, а Комитетъ—Д. И. Менделѣеву, за предоставленіе въ пользу Общества половины сбора съ его публичныхъ лекцій; А. Д. Дмитріеву, Н. В. Кидошенкову и В. А. Манассеину за оказанное ими Комитету содѣйствіе; К. К. Гроту за пожертвованіе въ пользу Общества 300 экземпляровъ книги «Школьная гимнастика», М. М. Стасюлевичу за безвозмездное напечатаніе въ своей типографіи отчета Общества за 1875 годъ и избирательныхъ списковъ, и всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ означенныя въ отчетѣ значащія пожертвованія въ пользу Общества.

Врачъ Сергій Яковлевичъ Чернышевъ завѣщалъ въ пользу Общества 1000 р., съ тѣмъ, чтобы только проценты съ этой суммы расходовались Комитетомъ. Деньги эти уже получены Обществомъ и присоединены къ неприкосновенному капиталу Общества подъ именемъ капитала С. Я. Чернышева, равно какъ и

100 р., завѣщанные Обществу покойнымъ вице-адмираломъ Алексѣемъ Степановичемъ Горковенко. Пожертвованные В. П. Гаевскимъ 1000 р. также включены въ неприкосновенный капиталъ, какъ капиталъ имени В. П. Гаевского.

Встрѣчая въ журналахъ и газетахъ неточныя или невѣрныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ постановленіяхъ своихъ, Комитетъ печаталъ въ извлеченіяхъ изъ журналовъ засѣданій объясненія, имѣвшія цѣлью возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ.

ОТЧЕТЪ КАЗНАЧЕЯ

за 1876 годъ.

I. Состояніе кассы въ началѣ года.

Въ 1-му января 1876 года состояло въ кассѣ, съ присоединеніемъ капитала Е. П. Ковалевскаго 77,158 р. 23 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами	71,500 р. — к.
Наличностью (съ текущ. счетомъ)	5,658 „ 22 „
	<u>77,158 р. 23 к.</u>

Въ этой суммѣ заключалось:

Расходнаго капитала Общества	43,706 р. 88 к.
Неприкосновеннаго (въ томъ числѣ: И. Т. Денсова и В. И. Утинъ по 1000 р. и Н. М. Василевскаго 300 р.)	18,500 „ — „
Капитала Е. П. Ковалевскаго	9,870 „ 72 „
„ В. Ф. Корша	2,076 „ 67 „

II. Приходъ.

Въ теченіе года записано на приходъ 21,804 р. 17 к.

Въ томъ числѣ:

а) *Дѣйствительные доходы.*

1. Пожертвованные членами Иммигрантской Фамиліи:

Изъ Кабинета Его Императорскаго Величества	1,000 р. — к.
Отъ Ея Императорскаго Величества Государини Императрицы	300 „ — „
Отъ Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Іосифовны	100 „ — „
Отъ Великаго Князя Владиміра Александровича	200 „ — „
	<u>1,600 р. — к.</u>

2. Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія

1,000 „ — „

3. Единовременнаго пожертвованія частныхъ лицъ:

а) *Въ капиталъ Общества.*

В. П. Гаевского	1,157 „ — „
С. Д. Носа	5 „ — „
А. А. Краевского	125 „ — „

Томъ II.—Апрѣль, 1877.

Библиотека чиновниковъ Тур- гемской Контрольной Палаты	10 р. — к.	
Правления Общества для улуч- шенія помѣщеній рабочихъ въ Спб.	25 „ — „	
Е. Л. Ознобильной	25 „ — „	
Неизвѣстнаго	10 „ — „	
М. М. Жеребцова	100 „ — „	
Неизвѣстной	100 „ — „	
Г. Бодуэна-де-Куртена	10 „ — „	
М. А. Антоновича	50 „ — „	
Неизвѣстнаго	1 „ 44 „	
А. Д. Назырова	10 „ — „	
Г. Сальницкаго	10 „ — „	
По завѣщанію С. Я. Чериншева.	1,000 „ — „	
По завѣщанію А. С. Горюквенко.	100 „ — „	
Э. К. Ватсона	14 „ — „	
Отъ продажи пожертвованныхъ книгъ	8 „ 55 „	
бб) <i>Въ капиталъ Е. П. Кова-</i> <i>левскаго.</i>		
Черезъ Тамбовскаго губерна- тора	1 „ 23 „	
Черезъ Черниговскаго губерн.	1 „ 63 „	
Черезъ Елисаветпольскаго губ.	9 „ 50 „	
Черезъ Зангезурскаго уѣзднаго начальника	4 „ 60 „	
вв) <i>Въ капиталъ В. Ф. Корша.</i>		
Отъ Я. А. Куманна	10 „ — „	
	<hr/>	2,782 „ 95 „
4. Процентныя деньги отъ ре- дакцій:		
„Вѣстника Европы“	68 р. — к.	
„Отечеств. Записокъ“	77 „ 20 „	
„С. Петерб. Вѣдомостей“	77 „ — „	
	<hr/>	222 „ 20 „
5. Пожизненные взносы 9 чле- новъ.		
		950 „ — „
6. Годовныя взносы 265 членовъ (въ томъ числѣ: 500 р. П. П. Де- мидова князя Санъ-Донато; по 100 р. В. П. Гаевского, В. А. Ляскаго, С. С. Полякова, И. Д. Стефановича и М. И. Успенскаго; по 75 р. Д. А. и Н. А. Пастуховыхъ; по 50 р. А. Н. Бородулина, С. Г. Голен- цевой, И. Д. Делянова, М. Н. Пох- виснева, К. Т. Солдатенкова, А. В. Станкевича и Ф. Е. Фельдмана).		
7. Выручка съ чтенія Д. И. Менделѣева		
		4,671 р. — к.
8. Проценты съ капиталовъ: Общества		
		545 „ 85 „
		3,178 р. 51 к.

Е. П. Ковалевскаго	857	»	26	»
В. Ѡ. Корша	122	»	—	»
				3,857 р. 77 к.

9. Возвращено пособій и безсрочныхъ ссудъ	495	»	—	»
Итого дѣйствительнаго дохода	15,924	р.	77	к.

б) По оборотамъ.

10. Возвращено срочныхъ ссудъ	2,084	р.	25	к.
11. Продано экземпляровъ стихотвореній Михаловскаго	21	»	12	»
12. За вышедшій въ тиражъ билетъ	1,000	»	—	»
13. Поступило процентными бумагами	2,100	»	—	»
14. Поступило процентовъ, уплаченныхъ при покупкѣ бумагъ	678	»	99	»
15. Перенесено на приходъ книжкине записанныя въ расходъ	—	»	4	»

Всего записано на приходъ 21,804

Всего же съ наличностью кассы въ началѣ года 98,957 р. 89 к.

III. Расходъ.

Въ теченіе года выписано въ расходъ 20,581 » 54 »

а) Расходы невозвратимыя.

1. Пенсіи 27 семьямъ	6,153	р.	83	к.
2. На воспитаніе 25 лицъ (въ томъ числѣ изъ капитала Е. П. Ковалевскаго 75 р. и изъ капитала В. Ѡ. Корша 62 р. 50 к.)	2,555	»	—	»
3. На одновременныя и продолжительныя пособія 70 лицамъ	6,695	»	—	»
4. Безсрочная ссуда 1 лицу	180	»	—	»
5. Почтовые расходы	64	»	59	»
6. По сбору членскихъ взносовъ	21	»	10	»
7. За храненіе процентн. бумагъ	5	»	95	»
8. Канцелярскіе расходы	26	»	4	»
Итого дѣйствительнаго расхода	15,651	р.	1	к.

б) По оборотамъ.

9. Ссуды 10 лицамъ	2,108	р.	—	к.
10. Покупка процентныхъ бумагъ	2,827	»	58	»
Всего израсходовано	20,581	р.	54	к.

IV. Состояніе кассы въ концѣ года.

По 31 декабря 1876 г. записано на приходъ	98,957	р.	89	к.
» 31 » 1876 г. выписано въ расходъ	20,581	»	54	»
Къ 1 января 1877 г. состоитъ на лицо	78,375	р.	85	к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами	75,125	р.	—	к.
Наличностью (съ текущ. счетомъ)	3,250	»	85	»
	78,375	»	85	»

Въ означенной суммѣ состоитъ:

Расходнаго капитала	44,289	р.	43	к.
-------------------------------	--------	----	----	----

Неприкосновеннаго (въ томъ числѣ И. Т. Лисенкова, В. И. Утина, С. Я. Чернышева и В. П. Гаевского по 1000 р. и Н. М. Василевскаго 800 р.). 21,681 „ 99 „
 Капитала Е. П. Ковалевскаго 10,901 „ 78 „
 Капитала В. О. Корша 2,152 „ 70 „
 Сумма 78,875 р. 85 к. превышаетъ состоявшую къ началу года наличность въ 1,222 р. 68 к.

ЖУРНАЛЬ РЕВИЗИОННОЙ КОММИССИИ.

Засѣданія коммиссии происходили 17-го и 23-го января. Присутствовали члены ея: П. Д. Боборыкинъ, Э. К. Ватсонъ, О. О. Ворононовъ, В. О. Корнъ, Л. А. Полонскій, М. М. Стасюлевичъ и Н. Н. Тютчевъ.

Ревизионная коммиссия, разсмотрѣвъ, на основаніи 42 ст. устава Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, отчеты секретаря и казначея за минувшій 1876 годъ, свѣривъ ихъ съ доставленными ей журналами засѣданій Комитета въ означенномъ году и съ подлинными документами, приложенными къ этимъ журналамъ, а равно и съ казначейскими книгами, и выслушавъ личные объясненія приглашенныхъ въ засѣданія ея секретаря и казначея Общества, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Денежныя средства Общества въ истекшемъ году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

По группировкѣ главныхъ статей дѣйствительнаго дохода и безвозвратнаго расхода по кассѣ литературнаго фонда, независимо отъ суммъ, жалующихся ежегодно, въ неизмѣнномъ размѣрѣ, Ихъ Императорскими Величествами и членами Императорской фамилии, и суммы, получаемой отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, оказываются:

а) Поступило дохода.

	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.
1) Процентовъ съ капитала.	2.854 р. 05 к.	3.178 р. 51 к.
2) Единовременныхъ пожертвованій.	754 „ 45 „	2.782 „ 95 „
3) Пожизненныхъ членскихъ взносовъ	500 „ — „	950 „ — „
4) Годовыхъ членскихъ взносовъ	6.292 „ — „	4.671 „ — „
5) Сбора отъ чтеній	1.558 „ 67 „	545 „ 85 „
	<u>11.949 р. 17 к.</u>	<u>11.628 р. 31 к.</u>

Въ частности доходъ 1876 г. по первымъ тремъ статьямъ былъ выше противъ дохода 1875 года, а по двумъ послѣднимъ статьямъ—ниже, въ общей сложности — ниже около трехъ сотъ рублей.

По второй статьѣ два наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣлали: В. П. Гаевскій, внесшій въ три раза 1157 р., и умершій врачъ Сергій Яковлевичъ Чернышевъ, отказавшій по духовному завѣщанію 1000 р.; остальные пожертвованія составляютъ въ общей сложности 525 р. 95 к.

Коммиссия считаетъ нужнымъ обратить вниманіе общаго собранія на значительное уменьшеніе въ минувшемъ году статьи доходовъ Общества отъ годовыхъ членскихъ взносовъ. Въ 1875 году эти взносы доставили въ кассу Общества 6292 рубля, въ 1876 же году лишь 4671 рубль, т.-е. на 1621 рубль менше, такъ что, несмотря на увеличеніе доходовъ Общества отъ процентовъ съ принадлежащаго ему капитала, отъ пожизненныхъ членскихъ взносовъ, и въ особенности отъ единовременныхъ пожертвованій, доходы Общества по вышеозначеннымъ пяти главнымъ статьямъ въ 1876 году уменьшились, сравнительно съ 1875

годомъ, въ общей сложности на 320 руб. 86 коп. Въ 1-му января 1876 года въ спискѣ членовъ Общества числилось 646 человекъ, изъ которыхъ, какъ видно изъ отчета казначея Общества за 1875 годъ, 5 внесли пожизненные, а 368— годовые взносы; такъ что число членовъ Общества, не сдѣлавшихъ взносовъ, за вычетомъ 115-ти членовъ, уже прежде сдѣлавшихъ пожизненные взносы не превышало 58 человекъ. Въ 1-му же января 1877 года въ спискѣ членовъ Общества числилось 587 человекъ, т.-е. на 41 болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; членскихъ же взносовъ поступило только, какъ видно изъ отчета казначея за 1876 годъ, пожизненныхъ отъ 9 членовъ и годовыхъ отъ 265 членовъ, а всего отъ 274 членовъ. Такимъ образомъ оказывается, что, за вычетомъ 120 членовъ, прежде уже сдѣлавшихъ пожизненные взносы, изъ числящихся по списку членовъ Общества 193 человека, т.-е. на 135 больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, или болѣе 30% всего числа членовъ, не сдѣлали до 1-го января 1877 года членскихъ взносовъ за 1876 годъ. Комиссія убѣдилась, что Комитетомъ въ истекшемъ году были приняты всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для болѣе успѣшнаго поступленія членскихъ взносовъ и что столь неаккуратное поступленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ вину Комитету. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она считаетъ своею обязанностью обратить на это обстоятельство особое вниманіе общаго собранія. Членскіе взносы, наравнѣ съ пожертвованіями членовъ Августѣйшей Фамиліи, съ суммой, получаемой ежегодно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и съ процентами отъ капитала Общества принадлежатъ въ числу главныхъ, основныхъ статей доходовъ, такъ какъ единовременныя пожертвованія, сборы съ концертовъ, чтеній и проч., являются статьями дохода весьма колеблющагося свойства. Комитетъ не можетъ прибѣгать къ болѣе энергическимъ мѣрамъ для полученія членскихъ взносовъ, чѣмъ тѣ, которыя практикуются имъ въ настоящее время. Но было бы въ высшей степени желательнo, чтобы сами члены Общества выказывали болѣе высокую аккуратность въ производствѣ своихъ членскихъ взносовъ, и чтобы на будущее время въ отчетахъ казначея не встрѣчалось указаній на то, что болѣе 30% наличныхъ членовъ Общества не сдѣлали членскихъ взносовъ.

б) *Израсходовано безвозвратно:*

1) На пенсіи въ 1875 г. 22 лицамъ	5.190 р. — к.
" " " 1876 " 27 " 	6.153 " 33 "
2) На воспитаніе въ 1875 г. 28 лицъ	2.816 " 68 "
" " " 1876 " 25 " 	2.555 " — "
3) Единовременныхъ и продолжительныхъ пособій 58 лицамъ и безвозвратно 4 лицамъ въ 1875 году.	6.555 " — "
Тоже 70 лицамъ и безвозвратно 1 лицу въ 1876 году.	6.625 " — "
По тремъ статьямъ въ 1875 г.	14.561 р. 68 к.
" " " " 1876 " 	15.533 " 33 "

Въ общей сложности въ 1876 г. израсходовано на эти три существенныя части пособія болѣе почти на тысячу рублей, причеиъ расходъ 1876 года по 1-й и 3-й статьѣ превышаетъ расходъ 1875 года; число лицъ, воспользовавшихся пенсіями и пособиями, въ 1876 г. значительнѣе, между тѣмъ какъ расходъ по 2-й статьѣ въ 1876 г. ниже расхода, произведеннаго въ 1875 году. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ отчетѣ за 1875 г. былъ показанъ расходъ по этой статьѣ исключительно произведенный изъ суммъ литературнаго фонда, между тѣмъ какъ въ 1876 г. въ число суммъ, отпущенныхъ на воспитаніе, включены и 75 руб., отнесенные на капиталъ стипендіи Ковалевскаго, и 62 руб.

50 коп., ассигнованные изъ капитала стипендіи В. Ѳ. Корша. Пониженіе по 2-й статьѣ объясняется тѣмъ, что нѣсколько лицъ, воспитывавшихся на счетъ суммъ литературнаго фонда, окончили свое образованіе.

Независимо отъ безвозвратныхъ пособій было выдано въ срочныя ссуды, которыя составляютъ весьма существенный видъ пособія временно-нуждающимся лицамъ:

въ 1875 г. 7 лицамъ	2.950 р. — к.
„ 1876 „ 10 „	2.103 „ — „

Въ счетъ послѣдней суммы въ декабрѣ 1876 г. возвращено въ кассу 2.084 р. 25 к. и осталось неуплаченныхъ въ срокъ 18 р. 75 к.

II. Въ теченіи перваго десятилѣтія существованія литературнаго фонда въ завѣдываніи казначей Общества состоялъ только одинъ капиталъ, принадлежавшій литературному фонду, безъ всякаго подраздѣленія на категоріи, и потому было наиболѣе удобно и совершенно достаточно имѣть одну приходо-расходную кассовую книгу, изъ которой казначей представлялъ ежемѣсячно Комитету простые перечневые отчеты, съ приложеніемъ именныхъ вѣдомостей членамъ, сдѣлавшимъ взносы. Послѣ кончины бывшаго предсѣдателя Общества, Е. П. Ковалевскаго, былъ собранъ, по подпискѣ, капиталъ для учрежденія стипендіи имени Е. П. Ковалевскаго. Этому капиталу велась совершенно отдѣльная отчетность, въ особой книгѣ. Въ 1875 г. поступилъ въ кассу литературнаго фонда еще капиталъ стипендіи В. Ѳ. Корша, и, кромѣ того, былъ возбужденъ и разрѣшенъ вопросъ о раздѣленіи капитала, принадлежащаго литературному фонду, на расходный и неприкосновенный.

При подобномъ усложненіи требованія счетоводства измѣнились; въ виду этого прошлогодняя ревизіонная комиссія, не считая возможнымъ рекомендовать введеніе строгаго ежедневнаго бухгалтерскаго счетоводства, по сложности и обременительности его для казначей, но признавая необходимымъ установить такое счетоводство, которое, незначительно увеличивая трудъ казначей, давало бы возможность имѣть постоянныя свѣдѣнія о родѣ и видѣ поступленія суммъ Общества, условій ихъ, а также помѣщенія ихъ въ процентныя бумаги, прихода и расхода и о спеціальности назначенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, предложила комитету, сохранивъ и на будущее время веденіе кассовой книги, со включеніемъ въ нее капиталовъ всѣхъ наименованій и съ нѣкоторыми даже упрощеніемъ ея, дать мѣсячной вѣдомости такую форму, въ которой заключались бы всѣ показанія, требуемыя кассовымъ и бухгалтерскимъ счетоводствомъ, со свѣдѣніями объ условныхъ расчетахъ. При этомъ комиссія полагала, что съ принятіемъ этой мѣры на долю казначей выпадеть трудъ составленія такой вѣдомости изъ кассовой книги и документовъ только одинъ разъ въ мѣсяць, а не каждодневное веденіе бухгалтерскихъ и расчетныхъ книгъ.

Это предложеніе ревизіонной комиссіи было принято Комитетомъ и исполненіе его возложено было на казначей Общества, П. А. Гайдебурова, при участіи члена Общества, Н. В. Кыдошенкова. По соглашенію означенныхъ двухъ лицъ, установлена форма мѣсячныхъ вѣдомостей, исполнѣ удовлетворяющая своему назначенію; форма эта окончательно утверждена Комитетомъ и дѣйствовала въ теченіе 1876 года.

Вѣдомость съ годовымъ отчетомъ, представленная казначеемъ, заключающая въ себѣ итоги мѣсячныхъ вѣдомостей, была провѣрена ревизіонною комиссіею посредствомъ сличенія съ кассовою книгою и съ подлинными документами по доходу и по расходу. Изъ годовой отчетной вѣдомости видно, что въ теченіи года послѣдовало слѣдующее движеніе капиталамъ:

Состояло капитала:	1-го Января 1876 г.		31-го Декабря 1876 г.		Прибавилось.		Убавилось.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
а) Расходнаго литературнаго фонда	46.705	83	44.239	43	—	—	2.466	40
б) Неприкосновеннаго литературнаго фонда	18.500	—	21.681	99	3.181	99	—	—
в) Стипендіи Е. П. Ковалевскаго	9.870	72	10.301	73	431	01	—	—
г) Стипендіи В. Ѳ. Корша	2.076	68	2.151	70	75	03	—	—
	3688 03 2466 40							

Въ общей сложности. . . 1222 63

Въ процентныхъ бумагахъ произошли въ теченіе 1876 г. слѣдующія перемѣны:

По неприкосновенному капиталу литературнаго фонда:

1) Въ январѣ поступили отъ 2-хъ членовъ Общества пожизненные взносы 10-ю акціями „Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія въ Петербургѣ“, нарицательно на 250 руб.. 2) Въ мартѣ вышелъ въ тиражъ одинъ закладной листъ Херсонскаго Банка, за который получено деньгами 1000 руб.; взамѣнъ его купленъ такой же билетъ, за капитальную сумму котораго заплачено по курсу 886 р. 15 к. 3) На 700 руб., поступившихъ наличными деньгами, въ видѣ пожизненныхъ взносовъ отъ 7-ми членовъ Общества, въ ноябрѣ было куплено 7 временныхъ свидѣтельствъ 4-го пятипроцентнаго внутренняго займа, нарицательно на 700 р., за которые заплачено 645 р. 65 к. 4) Одновременно съ тѣмъ куплено такихъ же свидѣтельствъ, нарицательно на 1000 р., съ уплатою за нихъ 922 р. 36 к., на счетъ 1000 р., завѣщанныхъ Обществу умершимъ врачомъ Чернышевскимъ. Въ декабрѣ пожертвованъ В. П. Гаевскимъ одинъ закладной листъ Харьковскаго Земельнаго Банка нарицательно въ 1000 р.

Такимъ образомъ къ неприкосновенному капиталу, независимо отъ билета въ 1000 р., показаннаго во 2-мъ пунктѣ, поступившаго взамѣнъ такого же, вышедшаго въ тиражъ, поступило вновь:

10 акцій „Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія Петербурга“ (п. 1) нарицательно на 250 р.

Временныхъ свидѣтельствъ на 4-й внутренній пятипроцентный заемъ, оплаченныхъ полною суммою (п. 3 и 4), нарицательно на 1700 „

Одинъ закладной листъ Харьковскаго Земельнаго Банка (п. 5) нарицательно. 1000 „

Нарицательно всего на. . . 2950 р.

Комитетъ, усматривая, что изъ пожертвованныхъ врачомъ Чернышевскимъ наличными деньгами 1000 руб. употреблено на покупку процентныхъ бумагъ по курсу только 922 р. 36 к., поручилъ кассачу, въ засѣданіи 29-го ноября, купить еще одно свидѣтельство въ 100 р. и присоединить его къ капиталу Чернышева. Это восстановление въ теченіе декабря не было приведено въ исполненіе.

Вполнѣ одобряя установленный въ настоящемъ случаѣ Комитетомъ принципъ, заключающійся въ томъ, что причитающіяся неприкосновенному капиталу суммы должны быть вполнѣ обращены въ этотъ капиталъ, причесть не можетъ быть допущена замѣна наличныхъ денегъ по нарицательной цѣнѣ процентными бу-

магами, купленными по курсу ниже нари, комиссія полагаетъ, что принципъ этотъ слѣдовало бы примѣнить и къ излишку денегъ, оставшихся, какъ отъ промѣна въ мартѣ одного закладнаго билета Херсонскаго Земскаго Банка въ 1000 р., такъ и отъ 700 р., поступившихъ наличными деньгами отъ 7 членовъ въ видѣ пожизненныхъ взносовъ.

Затѣмъ на наличныя деньги, накопившіяся въ капиталахъ Е. П. Ковалевскаго и В. Ѳ. Корша, куплены въ ноябрѣ временныя свидѣтельства 4-го внутренняго пятипроцентнаго займа: для перваго нарицательно на 300 р., съ уплатою 276 р. 72 к., а для втораго нарицательно на 100 р., съ уплатою наличными деньгами 92 руб. 22 коп.

Находя въ общемъ дѣйствіи Комитета вполнѣ правильными и отвѣчающими дѣламъ и уставу Общества, комиссія считаетъ нужнымъ обратить вниманіе общаго собранія на нижеслѣдующія частныя проявленія дѣятельности Комитета.

Въ минувшемъ году въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появились сужденія о помощи, оказанной Обществомъ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ скончавшемуся въ первой половинѣ истекшаго года извѣстному писателю и ученому А. П. Шапову. Принявъ въ соображеніе распространенность тѣхъ органовъ печати, въ которыхъ было высказано мнѣніе, будто Общество не оказывало покойному Шапову при его жизни той помощи, на которую онъ несомнѣнно имѣлъ право по своимъ литературнымъ и ученымъ заслугамъ, ревизіонная комиссія обратила особенное вниманіе на этотъ предметъ.

Въ одномъ періодическомъ изданіи, между прочимъ, было заявлено, будто „Литературный фондъ, высылавшій когда-то А. П. Шапову по 300 р. въ годъ пособія, въ послѣднее время прекратилъ высылку этого пособія“. Въ другомъ органѣ печати было сказано, что Комитетъ Общества, узнавъ о бѣдственномъ положеніи покойнаго Шапова, „немедленно разрѣшилъ отпустить ему ежегодно по 300 руб., до тѣхъ поръ, пока онъ не поправится“, но что ревизіонная комиссія, обобравъ отчетность Комитета, сдѣлала послѣдному замѣчаніе, почему онъ, „не собравъ надлежащихъ справокъ officialнымъ путемъ, легкомысленно поспѣшилъ отпустить такую громадную сумму—300 руб. въ годъ“. Далѣе, послѣ опубликованія журналовъ засѣданій Комитета, заключавшихъ въ себѣ объясненія его по поводу вышеозначенныхъ нареканій, тотъ же органъ печати заявилъ, будто въ 1873 году Комитетомъ Общества постановлено было выдавать А. П. Шапову по 300 руб. въ годъ, и опять-таки высказано предположеніе, что именно къ этому постановленію Комитета относится замѣчаніе ревизіонной комиссіи, разсматривавшей дѣла Комитета за 1875 годъ.

Между тѣмъ изъ дѣлъ Общества видно: 1) что до 1876 года покойному Шапову не было назначено отъ Общества постоянного, развѣ навсегда опредѣленнаго пособія, а что ему выдавалось въ различное время, по мѣрѣ того, какъ до Комитета доходили свѣдѣнія о необходимости оказать Шапову пособіе, равныя суммы всего съ 1863 по 1874 годъ включительно 1508 р. 50 к. 2) что въ 1873 году никакого постановленія о выдачѣ Шапову пособія по 300 руб. въ годъ „до тѣхъ поръ, пока онъ не поправится“, не было, сдѣлано, а было только опредѣлено выдать ему единовременное пособіе въ 300 руб. Въ 1874 году Шапову было выдано пособіе въ такомъ же размѣрѣ безъ всякаго, какъ и въ 1873 году, обязательства выдавать ему пособіе въ этомъ размѣрѣ и на будущее время, „до тѣхъ поръ, пока онъ не поправится“, то „съ предоставленіемъ ему права на получение пособія и въ будущемъ, 1875 году“. 3) Въ 1875 году пособія Шапову не было выдано, такъ какъ ни онъ

самъ, ни кто-либо другой за него о томъ не просилъ; въ этомъ году было лишь отказано Щапову въ ссудѣ, на основаніи утвержденныхъ общимъ собраніемъ Общества правилъ, за непредставленіемъ поручительства. Наконецъ 4) въ засѣданіи Комитета 4-го января 1876 года, по ходатайству Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Щапову была назначена, начиная съ 1-го января 1876 года, пожизненная пенсія (а не только до его выздоровленія) въ 300 руб. въ годъ, производство которой прекращено лишь за его смертью.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что Комитеты прежнихъ лѣтъ оказывали пособіе покойному Щапову въ размѣрахъ, хотя, быть можетъ, и скромныхъ, но составляющихъ, по средствамъ Общества, почти „maximum“ тѣхъ единовременныхъ пособій, которыя производитъ Комитетъ (отъ 225 до 300 руб. въ годъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Комитетъ 1876 года, по первому заявленію Сибирскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества и по удостовереніи двухъ членовъ Комитета о дѣйствительно бѣдственномъ положеніи Щапова, тотчасъ же назначилъ ему пожизненную пенсію, опять-таки въ размѣрѣ максимума пожизненныхъ пенсій, выдаваемыхъ Обществомъ при его ограниченныхъ средствахъ, т.-е. въ 300 рублей. Высказанное же въ печати предположеніе, будто ревизіонная коммиссія, ревизовавшая отчетность Комитета за 1875 годъ, сдѣлала Комитету замѣчаніе за назначеніе Щапову пенсій въ 300 руб. въ годъ, падаея само собою въ виду того, что: 1) до 1876 года Щапову не назначалось Комитетомъ никакой пенсіи, а выдавались лишь по мѣрѣ заявленій о нуждѣ его, единовременныя пособія; 2) что пенсія была назначена Щапову лишь 4-го января 1876 года, и что поэтому коммиссія, ревизовавшая дѣятельность Комитета за 1875 годъ, не могла упоминать объ этой пенсіи и касаться вопроса объ основательности назначенія ея въ томъ или иномъ размѣрѣ, и наконецъ, 3) что замѣчаніе ревизіонной коммиссіи по поводу назначенія въ 1876 году пенсій въ слишкомъ значительномъ размѣрѣ, не относилось и не могло относиться къ Щапову, а касалось, какъ видно изъ дѣлъ Общества, пенсій, назначенной въ 1875 году совершенно другому лицу.

По поводу покойнаго же Щапова въ одномъ періодическомъ изданіи было высказано мнѣніе, что литературный фондъ долженъ немедленно выкупить заложное, по слухамъ, одному изъ кредиторовъ покойнаго, за 825 руб., право на изданіе сочиненій Щапова. На основаніи п. 1 § 1 устава Общества, въ число обязанностей послѣдняго входитъ между прочимъ „содѣйствіе изданію въ свѣтъ полезныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы самими авторами и переводчиками, по недостатку средствъ“; но изъ того же устава, и въ особенности изъ сопоставленія §§ 1-го и 5-го устава, видно, что участіе Общества въ изданіи ученыхъ и литературныхъ трудовъ обусловлено принесеніемъ пользы самому автору этихъ трудовъ или его семейству. Наконецъ, и самый характеръ дѣятельности Общества за истекшія 17 лѣтъ его существованія показываетъ, что оно постоянно считало своимъ призваніемъ преимущественно помогать нуждающимся литераторамъ и ученымъ, или ихъ семействамъ, въ тяжелыя минуты ихъ жизни, а не заботиться объ изданіи въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ сочиненій, если только эта послѣдняя цѣль не находилась въ тѣсной, непосредственной связи съ положеніемъ автора литературнаго или ученаго сочиненія или его семейства.

Такъ какъ въ то время, когда въ печати поднятъ былъ вопросъ о выкупѣ сочиненій покойнаго Щапова, Комитету ничего не было извѣстно о существованіи какихъ-либо родственниковъ Щапова, а онъ зналъ только, что Щаповъ не оставилъ по себѣ ни жены, ни дѣтей, понеченіе объ участіи которыхъ

лежало бы на обязанности литературнаго фонда, то Комитетъ, не смотря на все свое уваженіе къ ученой дѣятельности покойнаго и на желаніе, чтобы полное собраніе его сочиненій какъ можно скорѣе и полнѣе вышло въ свѣтъ, не смѣлъ себя въ правѣ ваять на себя этотъ трудъ и входить въ какіе-либо переговоры о приобрѣтеніи права на изданіе сочиненій Шапова. Однако же, какъ видно изъ журнала Комитета 4-го октября 1876 года (№ 24, ст. 9), узнавъ о существованіи родной сестры Шапова, которой покойный помогалъ при жизни и которая находится послѣ его смерти въ самомъ бѣдственномъ положеніи, Комитетъ смѣлъ нужнымъ, въ дополненіе къ своему опредѣленію 20-го мая (журн. № 15, ст. 24), постановить: „собрать свидѣнія о томъ, остались ли послѣ Шапова, кромѣ вышеупомянутой сестры его, другіе родственники, гдѣ они живутъ и въ какомъ находятся положеніи; кому изъ нихъ покойный Шаповъ помогалъ при жизни; предполагаютъ ли они утвердиться въ правахъ наслѣдства послѣ Шапова, и наконецъ, въ чемъ именно заключаются условія Шапова съ лицомъ, которому онъ заложилъ право на изданіе своихъ сочиненій, и требованія послѣдняго относительно выкупа этого права? Отвѣта отъ проживающаго въ Иркутскѣ литератора, къ которому Комитетъ обратился съ просьбою о доставленіи вышеозначенныхъ свидѣній, какъ видно изъ дѣлъ Комитета, до сихъ поръ еще не получено.

Такимъ образомъ, по тщательномъ разсмотрѣніи всего, что касается отношенія Комитета къ покойному Шапову, большинство членовъ ревизіонной комиссіи (6 голосовъ изъ 7) считаетъ нужнымъ заявить, что какъ по вопросу объ участіи литературнаго фонда въ изданіи сочиненій Шапова, такъ и въ дѣлѣ оказанія покойному при жизни его надлежащаго, сообразнаго со средствами Общества, пособія, оно находитъ дѣйствія Комитета совершенно правильными, согласующимися съ уставомъ и прямыми дѣльми Общества, а высказывавшіяся по этому поводу въ нѣкоторыхъ органахъ печати нареканія на дѣйствія Комитета—вполнѣ неосновательными. Одинъ же членъ комиссіи (П. Д. Боборыкинъ) остался по этому предмету при нижеслѣдующемъ особомъ мнѣніи: „по вопросу о дѣйствіяхъ Комитета относительно пособій, выдававшихся А. П. Шапову, я согласенъ съ заключеніями остальныхъ членовъ ревизіонной комиссіи лишь въ той его долѣ, которая касается формальной стороны дѣла. Вообще же я нахожу, что образъ дѣйствій Комитета показываетъ, что онъ ограничивался одними пассивными дѣйствіями, а вовсе не входилъ, какъ бы слѣдовало, въ тяжелую часть покойнаго Шапова, и помогалъ ему только тогда, когда былъ къ тому побуждаемъ просьбами и напоминаніями, и не нашелъ нужнымъ назначить Шапову пожизненную пенсію, разъ убѣдившись, что онъ былъ поставленъ въ самыя невыгодныя условія литературнаго заработка; а въ такихъ обстоятельствахъ Шаповъ былъ уже болѣе десяти лѣтъ. Дѣлая такое замѣчаніе, я полагаю, что оно касается прямо идеи „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, Комитетъ котораго обязанъ проявлять свою заботливость о нуждахъ литераторовъ и ученыхъ не пассивно, а въ дѣятельной и сочувственной инициативѣ“.

Въ журналѣ Комитета 1-го ноября (№ 26, ст. 4) значится, что выслушано было заявленіе одного изъ членовъ Комитета о томъ, что полезно было бы измѣнить сроки полученія стипендій, назначаемыхъ отъ Общества студентамъ университета, съ тѣмъ, чтобы стипендіи эти выдавались не два раза въ годъ, въ маѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а помѣсячно. Комитетъ, соглашась съ мнѣніемъ своего члена, внесшаго это предложеніе, постановилъ просить казначея принять на будущее время предлагаемый порядокъ выдачи стипендій. Комиссіа, находя вышеозначенное предложеніе о порядкѣ выдачи стипендій

дѣлесообразнымъ и постановленіе Комитета по этому вопросу вополнѣ основательнымъ, полагаетъ однако, что этотъ измѣненный порядокъ выдачи стипендій съ одной стороны увеличитъ занятія казначея, и безъ того уже несущаго не легкую службу на пользу Общества, а съ другой можетъ затруднить и самихъ стипендіатовъ, которымъ придется отрыватья отъ своихъ занятій и обращаться къ казначею Общества за полученіемъ стипендіи не два раза въ годъ, а ежемѣсячно. Поэтому коммиссія, вополнѣ соглашаясь съ разумностью и дѣлесообразностью предложеннаго и принятаго Комитетомъ новаго порядка выдачи студентамъ университета стипендій Общества, полагала бы съ своей стороны добавить къ вышеозначенному постановленію Комитета по этому предмету слѣдующее: „сумма на стипендіи Общества доставляется казначеемъ два раза въ годъ въ правленіе университета, съ тѣмъ, чтобы стипендіаты могли получать ихъ отъ казначея университета помѣсячно“.

Изъ дѣлъ Комитета видно, что, согласно журналу Комитета 29-го марта (№ 9, ст. 3), одному лицу была выдана ссуда въ 500 руб. за поручительствомъ четырехъ лицъ, причемъ, вопреки постановленію Общаго Собранія 2-го февраля 1876 года (журналъ № 4, п. 3), не было соблюдено правило, чтобы при ручательствѣ нѣсколькихъ лицъ за одного заемщика каждое изъ нихъ означало съ точностью, въ какой именно суммѣ оно принимаетъ на себя отвѣтственность. Хотя липомъ, взявшимъ ссуду, послѣдняя была возвращена въ срокъ сполна, но во избѣжаніе возможности повторенія тѣхъ недоразумѣній, которыя побудили прошлогоднюю ревизіонную коммиссію предложить вышеозначенное дополненіе къ правиламъ о ссудахъ, принятое общимъ собраніемъ, было бы желательно, чтобы при выдачѣ ссудъ правило, выраженное п. 3 журнала общаго собранія 1876 года, соблюдалось въ точности.

Изъ журнала засѣданія Комитета 15-го марта (№ 8, ст. 11) видно, что въ этомъ засѣданіи однимъ изъ его членовъ сдѣлано было заявленіе, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, одно лицо, получающее ежегодную пенсію отъ Общества въ размѣръ 300 руб., имѣетъ, независимо отъ этой пенсіи, достаточныя средства къ жизни. Комитетъ, въ виду этого заявленія, постановилъ просить одного изъ членовъ Общества, проживающаго въ томъ же городѣ, гдѣ живетъ и вышеупомянутое лицо, получающее отъ Общества пенсію, собрать подробныя и точныя свѣдѣнія о положеніи этого лица. Изъ дѣлъ Комитета, однако, не видно, ни чтобы ему были доставлены въ теченіи минувшаго года тѣ свѣдѣнія, о доставленіи которыхъ онъ постановилъ просить еще 15-го марта, ни чтобы Комитетъ обращался съ повторительной просьбой по этому предмету къ тому же или къ другому члену Общества. Между тѣмъ, принимая въ соображеніе, что на основаніи § 10 устава Общества переѣзна обстоятельство пенсионера Общества можетъ имѣть вліяніе на размѣръ выдаваемой пенсіи, или даже повести къ прекращенію ея, было бы желательно, чтобы Комитетомъ были собраны, согласно его постановленію 15-го марта, подробныя и точныя свѣдѣнія, которыя или подтвердили, или опровергли бы дошедшія до одного изъ членовъ его свѣдѣнія касательно положенія вышеозначеннаго пенсионера Общества.

Наконецъ, при разсмотрѣніи назначеній Комитетомъ денежныхъ пособій и отказовъ въ нихъ ревизіонная коммиссія нашла только *однн* случай, на который она позволяетъ себѣ указать общему собранію: вдова умершаго въ 1876 году писателя и педагога, получившая уже отъ Общества пособіе въ прошломъ году, обратилась въ Комитетъ съ просьбой о новомъ пособіи. Комитетъ, по собраніи справокъ о положеніи просительницы, постановилъ (журналъ № 20, 4-го августа, ст. 2): отклонить ея ходатайство, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что а) просительница имѣетъ небольшія собственныя средства; б) полу-

часть отъ казны временное пособие; с) можетъ со временемъ получить отъ казны же пенсію или постоянное пособие, и d) что она уже получала отъ Общества значительную, по сравненію съ литературными трудами покойнаго ея мужа, помощь. 18-го октября та же просительница опять обратилась въ Комитетъ съ просьбой о пособіи, отвергая, между прочимъ, имѣніе ея собственныхъ средствъ, которое 2½ мѣсяца тому назадъ послужило однимъ изъ мотивовъ (пунктъ а) къ отклоненію ея ходатайства. Изъ отзыва же лица, собиравшаго, по первому ходатайству просительницы, справки о ея положеніи, видно, что послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить отъ казны пенсіи или постоянного пособия ранѣе конца года, такъ что и пунктъ с) мотивовъ къ отклоненію ходатайства не можетъ считаться основательнымъ. Между тѣмъ Комитетъ, не собравъ никакихъ, болѣе точныхъ справокъ о томъ, дѣйствительно ли просительница имѣетъ свои собственные средства, какъ о томъ заявилъ одинъ изъ членовъ Комитета, но что отвергается просительницей, вторично отклонилъ ея ходатайство, сославшись лишь на основанія, изложенныя въ журналѣ засѣданія 4-го августа (№ 20, ст. 2). Комиссія полагаетъ, что Комитету, въ виду заявленія просительницы о неизмѣннѣ ею собственныхъ средствъ къ жизни, слѣдовало бы собрать возможно обстоятельныя справки по этому предмету и убѣдиться въ основательности или неосновательности ея заявленія. Во всякомъ же случаѣ, если Комитетъ находилъ нужнымъ отклонить и вторичное ходатайство просительницы, ему не слѣдовало бы сослаться на мотивы, изъ которыхъ одинъ (пунктъ с) долженъ считаться совершенно неосновательнымъ, а другой (пунктъ а) отвергался просительницей и, по меньшей мѣрѣ, требовать еще прѣвѣрки.

Не смотря на увеличившееся по сравненію съ прежними годами количество дѣлъ въ Комитетѣ и на усложнившуюся значительно, вслѣдствіе раздѣленія прежняго общаго капитала Общества на четыре отдѣльные капитала, отчетность по казначейской части, дѣла Комитета и казначейскія книги ведутся секретаремъ и казначеемъ Общества въ образцовомъ порядкѣ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КОМИТЕТА

на заключенія ревизіонной комиссіи.

Чтаны въ годовомъ собраніи 2 февраля 1877 г.

1) По поводу указанія комиссіи на оставшіяся неуплаченной (въ срокъ часть ссуды, 18 руб. 75 коп., Комитетъ имѣетъ честь объяснить, что эта сумма уплачена; но такъ какъ она поступила уже по заключеніи казначейскихъ книгъ, то и записана на приходъ 1877 года.

2) Постановленіе Комитета о покупкѣ еще одного билета въ 100 руб. для капитала С. Я. Чернышева не требовало немедленнаго исполненія, тѣмъ болѣе, что слышкомъ дробная покупка бумагъ безъ всякой нужды увеличивала бы занятія казначея какъ при самой покупкѣ, такъ и при вноскѣ бумагъ на храненіе въ Государственный Банкъ. Тѣмъ не менѣе, казначей, вынуждая изъ конторы Ѳ. П. Баймакова, 2 декабря, находившіяся тамъ членскіе взносы, сдѣлалъ заказъ на одинъ банковый билетъ; но на другой же день контора Баймакова была закрыта, и только по этой причинѣ упомянутое постановленіе Комитета осталось неисполненнымъ въ теченіе декабря.

3) Относительно указанія комиссіи на полезность всегдашняго примѣненія того принципа, каковой установилъ Комитетъ для капитала С. Я. Чернышева, то-есть обращать въ процентныя бумаги *только* ту сумму, какая подлежитъ этому обращенію, комитетъ позволяетъ себѣ замѣтить, что это указаніе

представляется ему не достаточно яснымъ. Поручая казначею купить еще одинъ билетъ для капитала С. Я. Чернышева, включеннаго въ составъ неприкосновенныхъ суммъ Общества, Комитетъ имѣлъ лишь въ виду опредѣлить, что излишекъ (77 руб. 64 коп.), оставшійся отъ покупки процентныхъ бумагъ для означеннаго капитала, не долженъ быть переводимъ въ составъ *расходныхъ* суммъ Общества, а долженъ остаться въ томъ же *неприкосновенномъ* капиталѣ. Въ силу этого постановленія, означенный излишекъ и билетъ причисленъ казначею къ неприкосновеннымъ суммамъ, которыя, по мѣрѣ ихъ накопленія, обращаются изъ кредитныхъ билетовъ въ процентныя. Если ревизіонная коммиссія полагала, что Комитетъ предоставилъ казначею взять недостающую до стоимости 100-рублеваго билета сумму изъ *расходнаго* капитала Общества, то это предположеніе лишено основанія, тѣмъ болѣе, что Комитетъ едва ли даже имѣлъ право собственною властью обращать часть своихъ суммъ изъ расходныхъ въ неприкосновенныя. Если же коммиссія, дѣлая свое указаніе, имѣла въ виду тотъ принципъ, чтобы капиталы, имѣющіе специальное назначеніе или состоящіе неприкосновенными, не смѣшивались съ другими, то Комитетъ никогда и не отступалъ отъ этого принципа. Такъ, хотя изъ 700 руб., состоявшихъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ неприкосновенномъ капиталѣ, употреблено на покупку процентныхъ бумагъ лишь 645 руб. 65 коп., но оставшіяся за тѣмъ 54 р. 35 к. продолжаютъ числиться *съ тѣмъ же* неприкосновенномъ капиталѣ, какъ это видно изъ ноябрьской вѣдомости казначея, гдѣ этотъ остатокъ показанъ особо, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ капитала С. Я. Чернышева, всего 131 р. 99 коп. По приобрѣтеніи на эту сумму 100-рублеваго билета опять получится остатокъ, но онъ по прежнему будетъ числиться въ составѣ того же неприкосновеннаго капитала, въ кредитныхъ билетахъ, пока снова не накопится сумма, достаточная для покупки процентнаго билета, и т. д. Что же касается вышедшаго въ тиражъ и замѣннаго другимъ билета Херсонскаго Банка въ 1000 руб., на который указываетъ коммиссія, то этотъ билетъ не принадлежалъ къ неприкосновенному капиталу и потому въ примѣненіи къ нему означеннаго принципа не было никакой надобности.

4) Особое мнѣніе члена ревизіонной коммиссіи П. Д. Боборыкина по вопросу о помощи, оказанной А. П. Щапову, Комитетъ оставляетъ безъ возраженій, такъ какъ оно не касается дѣятельности его за истекшіи 1876 г., въ настоящемъ его составѣ.

5) Соглашаясь съ замѣчаніемъ ревизіонной коммиссіи относительно порядка выдачи стипендій студентамъ С.-Петербургскаго Университета, Комитетъ приметъ это замѣчаніе къ исполненію, если казначей университета признаетъ возможнымъ взять на себя выдачу вышеозначенныхъ стипендій.

6) Собраніе свидѣній о средствахъ лица, получающаго пенсію въ 300 р., замедлилось вслѣдствіе того, что членъ Общества, котораго Комитетъ просилъ принять на себя это порученіе, не счелъ возможнымъ его исполнить, о чемъ лишь недавно сообщилъ на словахъ одному изъ членовъ Комитета. Комитетомъ будутъ безотлагательно приняты мѣры къ разъясненію обстоятельствъ, отъ которыхъ зависятъ оставленіе или неоставленіе вышеупомянутой пенсіи за лицомъ, ее получающимъ.

7) Замѣчаніе ревизіонной коммиссіи относительно означенія поручителями, когда ихъ нѣсколько, размѣра упдающей на каждого изъ нихъ ответственности, Комитетъ признаетъ совершенно правильнымъ и принимаетъ къ руководству на будущее время.

8) По вопросу о двукратномъ отказѣ въ пособіи вдовѣ одного писателя Комитетъ считаетъ долгомъ объяснить, что одна сравнительная незначительнос

литературныхъ правъ покойнаго мужа просительницы была уже сама по себѣ достаточнымъ основаніемъ къ отказу въ новой просьбѣ ея о пособіи, въ виду полученія его отъ Общества съ августа 1875 по августъ 1876 г. всего 300 руб. Пособія, выдаваемыя Обществомъ, весьма рѣдко достигаютъ этой цифры; такъ, напр., въ истекшемъ году пособие въ болѣебольшемъ размѣрѣ (500 руб.) было назначено только одному извѣстному писателю, а пособие въ 300 р. также одному лицу — вдовѣ писателя, занимавшаго выдающееся мѣсто въ избранной имъ сферѣ литературной дѣятельности. Другія основанія въ отказу, приведенныя въ указанномъ комиссіею журналѣ Комитета, служили лишь дополненіемъ вышеупомянутаго главнаго основанія, такъ что если бы одно изъ нихъ и оказалось неправильнымъ, то это не могло бы повести за собой отступленія отъ первоначальнаго рѣшенія Комитета. Независимо отъ того повѣрва свѣдѣній о средствахъ просительницы была признана Комитетомъ излишнею и потому, что свѣдѣнія эти получены Комитетомъ изъ источника являющагося достовѣрнымъ, и представлялись неподлежащими никакому сомнѣнію.

II. Предварительный комитетъ IV археологическаго съезда въ Казани.

Предварительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго IV археологическаго съезда спѣшитъ извѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что Съездъ положено открыть въ Казани 31-го іюля 1877 года, и просить посылать всѣ заявленія для Съезда на имя предсѣдателя предварительнаго комитета его сіятельства, графа А. С. Уварова — въ Москвѣ (въ московское археологическое общество) и его превосходительства, попечителя казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова — въ Казань, а послыки — въ Казань, на имя секретаря предварительнаго комитета, доцента Императорскаго казанскаго университета Д. А. Корсакова.

Подробная программа Съезда будетъ публикована въ непродолжительномъ времени.

ОПЕЧАТКИ:

Въ мартовской книгѣ, на стр. 414, стр. 16 св.:

Напечатано:

направленіемъ
сознаніе, безсміе

Смодусть:

отправленіемъ
сознаніе безсміа

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

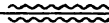
МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1877.

Книга третья.—Мартъ.

	стр.
Альбомъ.—Группы и портреты.—IV.—В. КРЕСТОВСКАГО (псевдонимъ) . . .	5
Ученая экспедиція въ западно-русскій край.—Изданія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—М. Т.—ВА.	85
Стихотворенія.—За годомъ ичтется годъ.—Гр. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУ- ЗОВА	110
Южные Штаты Сѣверо-Американской республики и ихъ настоящее.—The sou- thern States of North America by Edw. King.—Ю. А. РОССЕЛЯ . . .	118
Индивидуальныя измѣненія, ихъ причины и результаты.—Н. П. ВАГНЕРА . . .	175
Стихотворенія.—I. Египетъ.—II. Шумить, и бушуетъ, и пѣнится море.—III. Про- клятіе пѣвца. Изъ Уланда.—Кн. Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА	216
Индійскія сказки, въ русск. перев. проф. Минаева.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.	222
Мысли и замѣтки Вѣрнанда.—Юмористическіе очерки изъ „More Harry Thoughts“.—Л. П.	296
Стихотворенія.—I. Статуя.—II. Въ моей душѣ дремало горе.—Н. М. МИН- СКАГО	354
Хроника.—Еще нѣсколько словъ по поводу южно-славянскаго во- проса.—А. П.	357
Проектъ реформъ городского положенія въ привалтійскомъ край.—В.	387
Внутренній Овозрѣніе.—Новый романъ И. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка.—Центробожныя стремленія въ обществѣ и старе толки объ „отсутствіи идеаловъ“.—Государственная роспись на 1877 г.— Отчетъ контроля за 1875 г.—Возрастаніе доходовъ.—Сверхсѣтныя рас- ходи.—Отчетный балансъ.—Вопросъ о сбереженіяхъ въ народной массѣ.—Балансъ бюджетный.—Отчетъ сберегательныхъ кассъ Государ- ственнаго банка за 1875 г.	409
Парижскія Письма.—Школа и школьная жизнь во Франціи.—ЭМ. ЗОЛА.	431
Нѣкрологъ.—А. И. Левитовъ.—Ф. Д. НЕФЕДОВА	452
Замѣтка.—Историческая справка.—По поводу новаго Тургеневскаго ро- мана.—А.	465
Извѣстія.—Общество литературнаго фонда	467
Библиографическій Листокъ.—Собраніе сочиненій Евгенія Маркова.—Учебно- испытательная библіотека, т. I.—Теорія и практика банковаго дѣла, И. И. Кауфмана, т. II.—Ученіе о пивѣ, Ф. Пэви.	

Книга четвертая.—Апрѣль.

	стр.
НА-МИРЪ.—Повѣсть въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—А. А. ПОТВЪХИНА . . .	469
Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу.—И. И. МЕЧНИКОВА	537
Стхотворенія.—I. Небесной равниной.—II. Я не рожденъ для злобы днѣ.— III. Ребенку.—IV. Въ степи.—Д. Н. САДОВНИКОВА	561
Крестьянскія кредитныя учрежденія московской губернии.—В. Ю. СКАЛОНА .	566
Католическая легенда о Юлианѣ Милостивомъ.—Перевелъ съ французскаго И. С. Тургеневъ.—Г. ФЛОБЕРА	603
Плаваніе по Енисею въ 1876 г.—А. Е. НОРДЕНСКЮЛЬДА	629
Теорія и практика женскаго образованія.—В. И. ГЕРБЕ	645
Усталые.—Стих.—А.—Ой	701
Среднія вѣка русской литературы и образованности.—III. Состояніе народной повѣи.—А. Н. ПЫПИНА	704
Хроника.—Устройство польскихъ крестьянъ.—Ө. Ө. ВОРОПОНОВА	749
Внутреннее Овоораніе.—Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1875 годъ, и положеніе у насъ дѣла проповѣди и катехизаціи.—Соотношеніе мѣръ свѣтскихъ и духовныхъ.—Свобода совѣсти, разсматриваемая какъ юри- дическое начало.—Два взгляда на возможность и необходимость ея.— Бромшра г. Гусева о томъ же предметѣ, ея достоинство и существен- ныя недостатки.—Общій выводъ	771
Иностранная Политика.—Россия и протоколъ	796
Корреспонденція изъ Лондона.—Открытие парламента и торжественная ре- форма.—К.	806
Корреспонденція изъ Берлина.—Приманъ и отливъ въ Германской им- періи.—К.	823
Парижскія Письма.—XXIII.—Викторъ Гюго и его „Légende des siècles“.—Эм. Зола	847
Отзывы и замѣтки.—Три везошлія.—Три смѣи. Публичное чтеніе. Влад. Соло- вьева.—А. СТАНКЕВИЧА	877
Английская книга о Россіи.—Russia, by Mackenzie Wallace, въ двухъ томахъ, 3-е изданіе.—А. П.	891
Извѣстія.—I. Общество литературнаго фонда: Отчетъ за семнадцатый 1876—77 годъ.—II. О четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани	895
Библиографическій Листокъ.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XIX.—Сборникъ государственныхъ знаній, т. III.—Страна холода. В. И. Немировича-Данченко.	

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1877-мъ году.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1877-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

Подписная цѣна—на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе: $\left\{ \begin{array}{l} 15 \text{ р. } 50 \text{ коп. безъ доставки.} \\ 18 \text{ „ — „ съ доставкою на домъ.} \end{array} \right.$

Иногородные: 17 „ — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты
24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію «Вѣстника Европы» въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я Лин.,

д. № 7.

Второе издание

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

одномъ компактномъ томѣ, съ дополненіями. Спб. 1877. Стр. КVI и 552. Цѣна 2 руб. на простой бумагѣ, и 3 руб. 50 коп. на веленовой, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали (въ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб. 25 коп.).—Портретъ продается особо по 50 коп. экземпляръ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

Смерть Іоанна Грознаго.—II. Царь Ѳеодоръ.—III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“. Спб. 1870. Ц. 25 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

Историческая повесть времени Іоанна Грознаго. Сочин. гр. А. К. Толстого. Второе издание. Спб. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Нынина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за последнее время, и новымъ рядомъ писемъ Вѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

Н. В. Амиссера. Спб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОЕ ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Изъ времени второй французской имперіи. Эмиля Зола. Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Нотъкина. Спб. 1877. Стр. 289. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ.

въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленіи закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнѣйшими рисунками. Составилъ А. Н—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкони. Переводъ съ французскаго. Л. И. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. А. С. Пушкинъ.—II. М. Ю. Лермонтовъ.—III. Н. В. Гоголь.

IV. В. А. Жукowski.—V. А. С. Гривоздовъ.—VI. И. С. Тургеневъ.

Съ портретами, біографическими очерками и критическимъ отзывомъ Бѣлинскаго объ умершихъ писателяхъ.

75 коп. въ бумажѣ, и 1 руб. въ англійскомъ переплетѣ—каждая книга.

Всѣ шесть томовъ—4 руб. 60 коп. въ бумажѣ, и 6 руб. въ англійскомъ переплетѣ; съ пересылкою 6 руб. въ бумажѣ, и 7 руб. 50 коп. въ англійскомъ переплетѣ.

Въ началѣ марта выйдетъ седьмой томъ:

Н. А. Некрасовъ.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

въ ея писателяхъ и исследованияхъ новѣйшихъ ученыхъ

М. Стасюлевича. Спб. 1863—65. Первый томъ распроданъ. Послѣдніе два тома: 5 руб.

НИЦА

ЕЯ КЛИМАТЪ, МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ, ЖИЗНЬ.

Сочиненіе В. Тушѣва. Спб. 1876. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

РУССКІЙ РАБОЧИЙ

У СѢВЕРНО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр 445. Ц. 2 р.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія наданія, подписку на все періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ все книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 22. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 22.
КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРО-
ПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., въс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876. Ц. 3 р., средислочныхъ за 4 фунта.

Доказательства истинны христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. А. Кейтъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Единство физическихъ силъ съ точки зрѣнія гипотезы непрерывнаго творчества эфирныхъ частицъ на границахъ пространства. О. Е. Левина. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Наука о человѣческомъ обществѣ. Соч. Дмитрія Глинки. Ц. 2 р. съ перес.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначаль позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ переслочною.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шиндта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера, исправленный по четвертому изданію. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ руководство для гимназій. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Англійскіе поэты, въ биографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; въс. 3 ф.

Байронъ въ переводѣ Н. В. Гербеля. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.; въ перешетѣ 75 к., съ перес. 1 р.

Барчучи. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Благонамѣренныя рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Блуждающіе мертвецы. Хроника одного кладбища. Барона Ламоть-Лангонъ. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Быль и вымыселъ. Сборникъ. М. Цебриковой. Спб. 1876. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вокругъ луны. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Въ чужомъ полѣ. Романъ въ двухъ книгахъ. Петра Воборженна. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Галль. Сцени изъ римской жизни времени Августа. Соч. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876. Ц. 1 р., въс. 1 ф.

Дамонъ и мотъ. Романъ Эдмунда Ятса. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Дѣтскія королевы: Екатерина Арагонская и Анна Болейнъ. Сочин. В. Г. Диксона. 4 тома. Ц. 7 р. съ переслочною.

Жатва. Романъ Проспера Віалона. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Заозерье. Очерки и рассказы изъ жизни гласнаго края. Н. Боева. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки причетника. Сочиненіе Марка Вовчка. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ февралѣ мѣсяцѣ, указаны въ * ; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначены годъ изданія.

Збірникъ творівъ. Іеремія Галки. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Идеалы нашего времени. Романъ въ 4 частяхъ. Захеръ-Мазохъ. М. 1876 г. Ц. 2 р.

Историческія пісни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1876. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Игорь, кнѣзь стѣверскій. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пісняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николая Гербеля. Изданіе пятое. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р., вѣс. 3 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Кнѣзь Серебряный. Повѣсть времению Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь Тараса Шевченко. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ 1 р. 80 к.; съ перес. 2 р.

Ленци по исторіи римской литературы. В. И. Модестова, ординарнаго профессора по исторіи римской словесности. Курьезъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и медикъ. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Монастырь. Романъ Вальтеръ-Скотта. Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 45 подлѣтками въ текстѣ. Сиб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Наташъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готтольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческими очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. Вертольда Ауэрбаха. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Новые разсказы Мюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фаустиа докторъ Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гравюра. Текстъ. П. Сталл, Балъза де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроза, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Виарди Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I и II. Сиб. 1876 г. Ц. 3 руб., пересыпочныхъ за 3 фута.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Сиб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Отголоски на литературныя и общественныя явленія. Критическіе очерки А. Миллюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. **Повісті Івана Левіцькаго.** Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повісті Осипа Федьковича. 3 передніи словомъ про галицко-русьскіе письменство Мик. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціею Н. В. Гербеля. Сиб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Приключенія капитана Гатраса. Необыкновенное путешествіе. Сочиненіе Жюль Верна. Съ 259-ю рисунками художника Рю. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Пре укрѣпленіяхъ кочевій, татар та турки. Зложивъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Путешествіе къ центру земли. Жюль Верна, съ 60 рисунками художника Рю. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Пісни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе шестое, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніями, біографіею и портретомъ Беранже. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р., перес. за 2 ф.

Романы Вальтеръ Скотта, съ картинками, гравированными на стали, и подлѣтками въ текстѣ. 9 томовъ. Ц. 31 р. 50 к. съ пересылокъ, отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сербскія народні думи и пісні. Пер. М. Старицьскій. Чиста вырочна на коростъ

братів-славян. Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсень Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Славяне. Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. Сиб. 1876. Выпускъ 1-й. Ц. 15 к. Выпускъ 2-й, съ портретомъ М. Г. Черняева. Ц. 20 к.

Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ. Сиб. 1876. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюдениемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильдебрандта. Сиб. 1876. Ц. 3 р.

Собрание сочиненій Егонія Маркова съ портретомъ автора (публицистика и критика). 2 т. Сиб. 1877 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Собрание сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собрание сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Киевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Апеллона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Сиб. 1876. Ц. 8 р., перес. 8 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Сиб. 1877. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія Дэвида Ричарда. Переводъ подъ редакціей Н. Зиберга. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Сиб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересилою.

Учбныя общества воишь вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Геккертона, въ 2-хъ частяхъ. Сиб. 1876 г. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Францъ фонъ-Зингингъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Кривъ. Стр. 269. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Человѣческія трагикомедіи. Очерки и картины. Юганна Шерра. М. 1877 г. Ц. 2 р. 60 к., съ перес. 8 р.

ИСТОРИЯ — БЮГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостнаго права. А.

Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782—1793 гг. По подлинной его рукописи, съ біографическою статіей и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иваннича, А. В. Романовича-Славатинскаго. Сиб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ф. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Замисли Л. Н. Зигельгардта. 1766—183 гг. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Иванъ Максимовичъ Сошенко. Біографическій очеркъ. М. Чалнй. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Изученіе византийскаго исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Сочиненіе Ф. Терновскаго. Выпускъ II. Киевъ. 1876. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамберш. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Сочиненіе Андрея Ткачева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 8 ф.

Историческія сравнительно-конспективные таблицы. По новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Сиб. 1876 г. Ц. 80 к., съ пересилою 1 р. 20 к.

Историческая хрестоматія. По новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Томъ I. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересилою 8 рубля.

Исторія Греціи и Рима. (Курс систематическій). Признательно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Рукодство это удостоено малой Петровской преміи ученымъ комитет. мѣнс. народ. просвѣщенія. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересилою 1 р. 50 к.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэнера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей

А. Н. Пинина. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Очерки и рассказы из стариннаго быта Польши. Сочиненіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 2 р. 75 к.

Париі въ челоѣчествѣ. Луи Жакольо, переводъ съ французскаго. Сиб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рассказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданія І. Крашевскаго. 2 т. Ц. 4 р., съ пересыкою.

Русскій католицизмъ въ Россіи. Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстого, въ 2-хъ т. Сиб. 1877 г. Цѣна за оба тома 6 р., съ перес. 7 р.

Русскія женщины. Историческіе рассказы по Тацитѣ. П. Бударяцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленорманна. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ І. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русскіе трактаты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, и нѣкоторыя данныя о Дибрѣ изъ атласа война прошлаго столѣтія. А. А. Русова. Съ картами. Кіевъ. 1876. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русская исторія въ живописныхъ ея главѣйшихъ дѣятелях. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская исторія. К. Вестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVIII. Содержаніе его составляютъ донесенія австрійскаго посла при санктпетербургскомъ дворѣ, графа Мерса д'Аржанто, заимствованныя изъ вѣнскаго государственнаго архива. Сиб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. 16 томовъ. Ц. 46 руб.; вѣс. 50 ф. Отдѣльно каждый томъ 3 руб.; вѣс. 3 ф., за исключеніемъ т. 1 и 2-го, которые стоятъ по 2 рубля.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русскою гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря. Исторія открытія. Занятіе европейцами. Образъ жизни, нравы и обычаи жителей. Ихъ религіозна вѣрованія. Любопытство. Успѣхи христіанства. Современное состояніе. Крестмана и Оберлендера. Съ 2-мя картами и рисунками. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Последнее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Сиб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня. Н. Стверцова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 3 таблицами. Ц. простому землемару 1 р. 70 к., веленовому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у стѣро-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1876. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативная ассоціація. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Капиталь. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 8 ф.

Капитализмъ и социализмъ преимущественно въ примѣненіи къ различныи видамъ имущества и коммерческихъ сдѣлокъ. Д-ра Шефле. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Сиб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Сиб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теоріи социальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщичьихъ казначей. И. К. Гейлеръ. Ц. 5 р. съ перес.

Способы добычи и статистика золота и серебра. Соч. Артура Филлиса, съ приложеніемъ атласа картъ, рисунковъ и чертежей. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Пособіе для курса, читаемаго въ институтѣ нижеперевъ путей сообщенія профессоромъ Ю. Э. Яснономъ. Спб. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Строй экономическихъ предпріятій. Исслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и делевая рабочая плата. Приблизный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Счетоводство розничной и мелочной торговли и ремесленныхъ заведеній. Сост. Рейнбольтъ. Ц. 90 к., съ перес. 1 р.

Теорія цѣнности и капитала Д. Ризардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Учебныя записки по статистикѣ. Курсъ старшаго класса военныхъ училищъ. Составилъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десатовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Д. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки Жюль-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ перес. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Знаніе. Сборникъ для юношества. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост.

И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 1. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Иллюстрированные рассказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинокъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ важдѣ 1 р. 75 к., въ перес. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Маленькій оборвышь. Романъ Джемса Гринивуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фута.

На память о Жюль-Сандѣ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мехматы и перматы друзья. Сочин. Миссъ Гунифринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малашевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Лавлеа. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Народы-старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра, составленная Д. Ростиславовичемъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сербахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Объ университетскомъ воспитаніи. Рѣчь профессора Гёксля при открытіи университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ, въ пользу черногорцевъ. Спб. 1876. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Очерки и рассказы. Книга для юношества. Е. Сысоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора, съ гравюрами. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравюрованными политипажками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома мето-

дически составлены Отто Уиз. Съ полтипажами въ текстѣ. Слб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 полтипажами. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реального училища С. Веснянъ. Слб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Рассказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темъ де-Фос. Съ 10-ю карт. и 35-ю полтипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., въс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Веснянъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Слб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Сады“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Слб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ“, для старшаго возраста. Слб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописанійхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., въс. 1 ф.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Зарницы Русь за скинскими горизонтами росысканій о ея началѣ. Древняя русскія и славянскія имена днѣпровскихъ пороховъ. Сочиненіе А. С. Великанова. Одесса. 1877. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Историческое разысканіе о русскіхъ современныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Нѣкоторые общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. И. Бодуэна-де-Куртена. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртена. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Де-

мошроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., въс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Н. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., въс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученныя вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Дополнительный курсъ элементарной геометріи съ XIII таблицами чертежей, составилъ М. Федорченко. Ц. 1 р. 50 к., пер. 1 ф.

Курсъ теоретической ариметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объѣмѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Грининъ. Слб. 1875. Ц. 50 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Слб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 3 р.; въс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь М. Антонова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 3 выпуска А—Р.

Вліяніе холодной воды на здоровіи и большой организмъ. Сост. д-ръ Н. Войновичъ. Ц. 20 к., въс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, лѣдъ и глетчеры. Популярныя лекціи Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., въс. 1 ф.

Дѣтнадцати яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Ростомное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Слб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Дива природы въ вѣдрахъ земли. Составлено М. Ханомъ, съ 89 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Жизнь многоклеточныхъ и морскихъ многоклеточныхъ животныхъ. Соч. А. Врена, съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенаха. 170 лст., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подаяскѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ 1 выпускъ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Исследование воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи О. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеромъ С. Уманскаго и А. Полова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническія лекціи Трусса. 2 т. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Книга природы или общепонятное изложеніе химіи, физики, астрономіи, минералогіи, геологіи, ботаники, фвіологіи и зоологіи, для всѣхъ любителей естественныхъ наукъ. Сочиненіе Фридриха Шедлера. 4 части. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Compendium дѣтскихъ болѣзней, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціей д-ра Липскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи о снотоводствѣ и познаніи породъ. Германа Натусіуса. Ц. 1 р., пересланныхъ за 2 фута.

Машины и станины для обработки металловъ и дерева. Составилъ И. Мурашко. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Общепонятная или популярная медицина, составленная докторомъ М. Ханомъ. 2 части. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

Новая химія. Джосін Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Булéroва. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологіи обитнаго вещества. Ф. В. Бенке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь

Татарниовъ. Съ 1 хромолитографированною таблицей. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія фвіологіи ума съ ихъ примѣненіями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ изъ печати томъ I.

Паразиты женскихъ половыхъ органовъ. Клиническія наблюденія проф. И. Лазаревича, съ 4-ми таблицами рисунковъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прохвъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Исслѣдованія крупныхъ и бромныхъ органовъ, съ приложеніемъ ларингоскопіи, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экнера, съ 8-ми политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство частной фармакологіи. Профес. А. Соколовскаго Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на фвіологію и патологическую анатомію. Ф. Нимейера (обработанное Е. Зейтдомъ). Выпускъ 3-й. Болѣзнь моче-половыхъ органовъ и головного мозга. К. 1876. Ц. 2 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-тъ выпускомъ. Ц. 12 руб. съ переслкомъ.

Учебникъ фвіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ переслкомъ.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главные основы гигиены“. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Фвіологія органовъ чувствъ. И. Сѣчнова. Зрѣніе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Фвіологія органовъ чувствъ. І. Бернштейна, профессора фвіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВЪДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учреждений въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Землевлѣдніе и земледѣлю въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г. 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; Журн. Гражд. и Уголовн. Права за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе третье. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Наученіе социологій. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философійю. Поля-Жанэ. Книга I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кассационныя рѣшенія правительствующаго сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.; за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.

Крестъанское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія социологій. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 8 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карловича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Сборникъ государственныхъ знамій. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражданскаго департ. правительствующаго сената за 1873 г. Сост. А. Книризмъ и А. Ворониковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 3 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго дѣла прав. сената за 1874 г. Составили А. Книризмъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 8 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіемъ по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вицъ-мундиръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. И. Каратыгина. Спб. 1877. 3-е изданіе. Ц. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вильяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы. Пѣвцы. Пѣвицы. М. К. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Ленціи объ искусствѣ, читанныя въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ. Г. О. Тэнъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлостовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунъева. Guide Ruaze à Nice. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. въ перешлѣ, перес. за 1 ф.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собка и Ф. И. Сулжима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на воѣ періодическія изданія и высылаетъ многороднымъ воѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 23. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 23.
КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876. Ц. 3 р., пересылочныхъ за 4 фунта.

Доказательства истини христіанской вѣры, основанныя на буквальной исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. А. Кейтъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Единство физическихъ силъ съ точки зрѣнія гипотезы непрерывнаго творчества эфирныхъ частицъ на границахъ пространства. О. Е. Левина. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Наука о человѣческомъ обществѣ. Соуп. Дмитрія Глинки. Ц. 2 р. съ перес.

Начала Уголовной Психологіи для врачей и юристовъ Д-ра Крафть-Эббинга. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи "Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шиндта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля, Переводъ П. М. Цейдлера, исправленный по четвертому изданію. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Про-

свѣщенія, какъ руководство для гимназій. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Байронъ въ переводѣ Н. В. Гербеля. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.; въ переплетѣ 75 к., съ перес. 1 р.

Барчуні. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Благонамѣренные рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Блуждающіе мертвецы. Хроника одного кладбища. Барона Ламотъ-Лангонъ. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Быль и вымыселъ. Сборникъ. М. Цебриковой. Спб. 1876. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вокругъ думы. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Идеалы нашего времени. Романъ въ 4 частяхъ. Захеръ-Мазохъ. М. 1876 г. Ц. 2 р.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-я. Выпускъ I. Кіевъ. 1875. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Илья Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. Б. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Мобзаръ Тараса Шевченко. Въ переводѣ

*) Книги, поступившія въ Складъ въ мартѣ мѣсяцѣ, указаны ~~ниже~~; на книгахъ ~~следующихъ~~ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

русскихъ постоѣ, нацанныхъ подъ редакцію П. В. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ 1 р. 80 к.; съ перес. 2 р.

Лекціи по исторіи римской литературы. В. И. Модестова, ординарнаго профессора по исторіи римской словесности. Курсъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и рассказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и ведми. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакцію М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Монастырь. Романъ Вальтеръ-Скотта. Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 45 политипажамъ въ текстѣ. Слб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

На просторѣ. Очерки В. И. Немировича-Данченка. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. Бертольда Ауэрбаха. Слб. 1876 г. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Новые рассказы Жюль Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатарическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвила. Текстъ: П. Стала, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франглина, Густава Дроза, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Слб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Оноло денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Слб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

По Волгѣ. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки. В. И. Немировича-Данченка. Слб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Повісті Івана Левіцькаго. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повісті Осипа Федьковича. 3 передкім сло-

вомъ про галицко-руссье письменство М. И. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей П. В. Гербеля. Слб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія, какъ предметъ науки. П. И. Аландскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Примеченія къ картинамъ Гатраса. Необыкновенное путешествіе. Сочиненіе Жюль Верна. Съ 259-ю рисунками художника Рю. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Про украинскіихъ козаки, татар та турки. Зюльиъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Путешествіе къ центру земли. Жюль Верна, съ 60 рисунками художника Рю. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Романы Вальтеръ Скотта, съ картинами, гравированными на стали, и политипажамъ въ текстѣ. 9 томовъ. Ц. 31 р. 50 к. съ переслкомъ, отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сербскіи народні души и пісні. Пер. М. Старицкій. Чиста вырочна на користь братівъ-славьян. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсень Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Сила характера. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Ц. 2. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Славяне. Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. Слб. 1876. Выпускъ 1-й. Ц. 15 к. Выпускъ 2-й, съ портретомъ М. Г. Черняева. Ц. 20 к.

Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ. Слб. 1876. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильдебрандта. Слб. 1876. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій Евгенія Маркова съ портретомъ автора (публициста и критика). 2 т. Слб. 1877 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Аполона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Слб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ

русскихъ поэтовъ, издавannya подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ перешитѣ 2 р. 60 к., въс. 4 ф.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, издавannya подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Слб. 1377. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Давида Ринардо. Переводъ подъ редакціей Н. Зибберта. В. I. Ц. 2 р., въс. 2 ф. Сочиненія Г. Н. Данилевскаго. 4 тома. Слб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. М. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1876 г. Изданіе второе. Слб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на зеленой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ перешитѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Геккертора, въ 2-хъ частяхъ. Слб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Францъ Фогъ-Зимингофъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крижъ. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

Человѣческая трагикомедія. Очерки и картины. Югайна Шерра. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ИСТОРИЯ — БЮГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмянн крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., въс. 3 ф.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782—1793 гг. По подлинной его рукописи, съ біографическою статью и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Мишкина, А. В. Романовича-Славатинскаго. Слб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Иванъ Максимовичъ Соминъ. Біографическій очеркъ. М. Чалый. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Исторія Бохары или Трансоксанія съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамбери. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Сочиненіе Андрея Ткачева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до восстановления имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Историческія сравнительно-конспективные таблицы. По новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Слб. 1876 г. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Историческая хрестоматія. По новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Томъ I. Слб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 8 рубл.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій. Составилъ И. Г. Гуревичъ. Руководство это удостоено малой Петровской преміи ученымъ комитет. минист. народ. просвѣщенія. Слб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрѣпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Слб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Очерки и рассказы изъ стариннаго быта Польши. Сочиненіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 2 р. 75 к.

Пари въ челоѣчествѣ. Луи Жаколю, переводъ съ французскаго. Слб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1870 года. Ѳ. Фортянскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Рассказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, издавannya I. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Рисунки меншици. Историческіе рассказы по Тациту. П. Кудрявцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Слб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Лепормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русскіе трактаты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, и нѣкоторыя данныя о Дибпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. А. А. Русова. Съ картами. Киевъ. 1876. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. вѣдательно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская Исторія. К. Вестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на получение т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря. Исторія открытія. Занятіе европейцами. Образъ жизни, нравы и обычаи жителей. Ихъ религіозныя вѣрованія. Любопытство. Успѣхи христіанства. Современное состояніе. Крисмана и Оберлендера. Съ 2-мя картами и рисунками. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Послѣднее путешествіе Ливингстона въ Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цибриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Пѣзданіе въ Обомелье и Корелу. В. Майнова. Изданіе второе, значительно дополненное авторомъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня. Н. Сѣверцовъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 8 таблицами. Ц. простому экземпляру 1 р. 70 к., веленовому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сторе-американскаго

авантютера. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Замѣчательное богатство частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карловича. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, приложеніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталь. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производтва капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Капитализмъ и социализмъ преимущественно въ примѣненіи къ различнымъ видамъ имущества и коммерческихъ сдѣлокъ. Д-ра Шефле. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованій объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія социальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщенія капиталовъ. И. К. Гейлертъ. Ц. 5 р. съ перес.

Способы добычи и статистика золота и серебра. Соч. Артура Филлипса, съ приложеніемъ атласа картъ, рисунковъ и чертежей. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Пособіе для курса, читаемаго въ институтѣ инженерныхъ путей сообщенія профессоромъ Ю. Э. Янсономъ. Спб. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Строй экономическихъ предпріятіи. Изслѣдованія морфологій хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго законодѣнія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховые артели и делевая рабочая аята. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Счетоводство розничной и мелочной торговли и ремесленныхъ заведеній. Сост. Рейнботъ. Ц. 90 к., съ перес. 1 р.

Теорія цѣнности и капитала Д. Ригардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Учебныя записки по статистикѣ. Курсъ старшаго класса военныхъ училищъ. Составилъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки Жюль-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Сиб. 1877. Ц. 2 р. въ перел. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 1. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Минюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перел. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р., за перес. 25 к. на везешиляръ.

Маленькій сборникъ. Речи Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фута.

На память о Жюль-Сандѣ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мекятые и верные друзья. Со-

чин. Миссъ Гуннфриъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Сиб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Давлея. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Начальная алгебра, составленная Д. Ростиславовичемъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Сиб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сѣбкахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Сиб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Объ университетскомъ воспитаніи. Рѣчь профессора Гѣксля при открытіи университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ, въ пользу черногорцевъ. Сиб. 1876. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Очерки и разсказы. Книга для юности. Е. Смсоевой, съ гравюрами. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Последніе сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора, съ гравюрами. Переводъ Е. Смсоевой. Сиб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажамъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома методически составлены Отто Уль. Съ политипажамъ въ текстѣ. Сиб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажамъ. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христомагія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реального училища С. Весинъ. Сиб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажамъ. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, послѣднимъ и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к. Сборникъ текъ и плановъ для сочиненій.

ній. Составилъ, по программѣ среднихъ учебникъ заведеній, С. Веснъ. Второе, исправленное и докопленное издаііе. Сиб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ“, для старшаго возраста. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Учебникъ Древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Издаііе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

ЯЗЫКОВЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Зарисовки Руси за скинскими горизонтами рознсканій о ея началѣ. Древнія русскія и славянскія имена дѣйрвскихъ пороговъ. Сочиненіе А. С. Великанова. Одесса. 1877. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Историческое разъясненіе о русскихъ переносныхъ издаііяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неуструевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Исторія общія замѣчанія о языкѣ дѣтин и языкѣ. И. Бодуэна-де-Куртена. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О древне-вельскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртена. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Деяствостроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученые вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Издаііе второе А. Н. Неуструева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Дополнительный курсъ элементарной геометріи съ XIII таблицами чертежей, составилъ М. Федорченко. Ц. 1 р. 50 к., пер. 1 ф.

Курсъ теоретической ариметтики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальнахъ училищъ). Составилъ Р. Н. Грининъ. Сиб. 1875. Ц. 30 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и

промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гуттовскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Архивъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Аммика. Новое, исправленное, пополненное и разширенное издаііе. Цѣна полному издаіію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 3 выпуска А—Р.

Вліяніе холодной воды на здоровіе и большой организмъ. Сост. д-ръ Н. Венковичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярная лекція Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Двадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное издаііе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Сиб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес. Душевными болѣзнями по отношенію къ учению о вліяніи. Профес. Доктора Скржечки. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—VI. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Ислѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ф. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистоты. Популярная лекція Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеромъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническія лекціи Трусовъ. 2 ч. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Книга природы или общенятое изложеніе химіи, физики, астрономіи, минералогіи, геологіи, ботаники, фзіологіи и зоологіи, для всѣхъ любителей естественныхъ наукъ. Сочиненіе Фридриха Шедлера. 4 части. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Compendium дѣтскихъ болѣзней, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціей д-ра Лисскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р.,

съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Машины и станин для обработки металловъ и дерева. Составилъ И. Мурашко. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Механика мивотнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажамн, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыр. Описание производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Общепонятная или популярная медицина, составленная докторомъ М. Ханомъ. 2 части. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

Новая химія. Джосиф Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 81 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Вутлера. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Вокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологій обитна веществъ. Ф. В. Бенекс. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татаринновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицей. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія физиологій ума съ ихъ примѣненіями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ изъ печати томъ I.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскій и Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Исслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ларингоскопій. П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Вирхъ-Гиршфельда. Часть I. Общая патологическая анатомія. Харьковъ. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экенера, съ 8-ми политипажамн. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ частной патологій и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физиологію и патологическую анатомію. Ф. Нимейера (обработанное Е. Зейтцомъ). Выпускъ 3-й. Болѣзнь моче-половыхъ органовъ и головного мозга. К. 1876. Ц. 2 р.

Руководство къ частной патологій и те-

рапій, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-тъ выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Совмѣстное изданіе общества естествоиспытателей при русскихъ университетахъ за 1875 г. Ботаника. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Зоологія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Минералогія и Геологія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т. V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Труды Арало-каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I. Обзоръ экспедиціи и естественнo-историческихъ изслѣдованій въ арало-каспійской области съ 1720 по 1874 г. М. Н. Богданова. Ц. 90 к., съ перес. 50 к. Выпускъ II. Каспійское море и его фауна О. А. Гримма. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.—Выпускъ III. Гадъ острововъ и береговъ Аральскаго моря. Владимира Аленяцка. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

У колыбели. Совѣты молодымъ матерямъ по гигиенѣ перваго дѣтскаго возраста. Перевѣла съ французскаго подъ редакціей А. П. Волкенштейна, съ политипажамн въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; въ перелд. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Учебникъ физиологій. Эрнста Брюккс, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигиены“. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Физиологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Эрвнѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физиологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физиологій въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ сованнхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й т. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Государственная дѣятельность графа Михаила Михайловича Сперанскаго. Проф. Романовича-Славатинскаго. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Землевлдѣніе и земледѣліе въ Россіи

и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г. 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; Журн. Гражд. и Уголовн. Права за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе третье. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Изученіе социологін. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Сиб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 8 ф.

Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философій. Поля-Жанъ. Книга I. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кассационныя рѣшенія правительствующаго сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.; за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Сиб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Сиб. университета. Томъ II. Органы управленія. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Сиб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія социологін. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Сиб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 8 ф.

Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. Проф. А. Романовича-Славянскаго. Ц. за 2 выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. I Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Государственныхъ знаній под редакціей В. П. Безобразова. Томъ II. Сиб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената за 1873 г. Сост. А. Книричъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданского кассационнаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книричъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Сиб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Сиб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Сиб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 8 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вилльма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія оперы въ лучшихъ ея представленіяхъ. Композиторы. Пѣвцы. Пѣвицы. М. К. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Какъ сѣсть на голову, или сердечная паутинка. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. В. Карнѣева. Сиб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Осторожнѣе съ огнемъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. М. В. Карнѣева. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Ленція объ искусствѣ, читанная въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ. Г. О. Тэнъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для рыбныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлантовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собка и Ф. И. Сулима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Собрание сочиненій Евгѣна Маркова. Съ портретомъ автора. Два тома. Спб. 1877. Стр. 449 и 521. Ц. 4 руб.

Настоящему изданію предшествовала извѣстность автора, какъ публициста и критика, имя котораго появлялось не разъ въ различныхъ по-аремешныхъ изданіяхъ, подъ статьями, обращающими на себя вниманіе въ большинствѣ случаевъ свѣжестью таланта и всегда искренностью убѣжденій. Нѣкоторыя статьи изъ этого собранія, какъ „Всесословная вялость“ (а не „во-лость“) и „Послѣдніе мотыльки русской педаго-гикѣ“ — извѣстны нашимъ читателямъ. Самъ авторъ весьма удачно характеризуетъ свои труды, называя ихъ „листами внутренняго дневника“; они дѣйствительно и представляютъ у него иногда всѣ выгоды и невыгоды стороны дневника: они несомнѣнно вѣрно отражаютъ въ себѣ душевное настроеніе автора въ данную минуту, его собственную исторію, и потому же не всегда вѣрно знакомать насъ съ тѣмъ, что пѣмцы называютъ „Ding an sich“. Автора интересуетъ одно, какъ онъ выражается: „самому уразумѣть вещи отчетливо и безпристрастно“, т. е. быть равнымъ, такъ сказать, самому себѣ. Это, конечно, достоинство, но подъ условіемъ, чтобы это „равенство самому себѣ“ сопровождалось равенствомъ съ познаваемымъ предметомъ, т. е. чтобы предметъ былъ рассмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и въ его связи съ окружающимъ міромъ. Вотъ отчего у г. Маркова его личное безпристрастіе принимаетъ иногда форму односторонности, и онъ остается правымъ только предъ собою. Мы упоминаемъ объ этомъ вовсе не съ дѣлью умалять дѣйствительныя заслуги нашего почтеннаго публициста, котораго мы, во всякомъ случаѣ, уважаемъ; но мы хотѣли бы его предупредить: на такой дорогѣ самые искренніе люди подвергаются опасности сегодня сожигать то, чему вчера поклонялись, и обратно.

Учебно-воспитательная бібліотека. Обзоръ русской педагогической литературы. Изданіе Учебнаго отдѣла Москов. Общества распро-стран. знаній. Т. I, въ двухъ частяхъ; Литогра-тура 1876 г. М. 1876. Ок. 2,000 стр. Ц. 5 р.

Это изданіе оказываетъ существенную услугу нашей школѣ, которой неоставало до сихъ поръ подобнаго обширнаго и превосходнаго арсенала всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, касающихся учебнаго и воспитательнаго дѣла. Этотъ сборникъ оказываетъ услугу каждой семьѣ, гдѣ часто не знаютъ, съ кѣмъ бы консультироваться относи-тельно выбора руководствъ, и гдѣ найти объяс-неніе той или другой системы преподаванія. Тутъ и обстоятельныя, не голословныя рецен-зіи главнѣйшихъ учебниковъ по всѣмъ предме-тамъ, и фундаментальныя статьи, ознакомляющія съ методомъ преподаванія. Довольно сказать, что въ числѣ соудниковъ I-го тома и редак-торовъ по отдѣламъ встрѣчаются такіа имена, какъ Буслаевъ, Плавовскій, Капустинъ, Евг. Марковъ, Стороженко, Стояннъ и др., — и это даетъ понятіе о внутреннемъ достоинствѣ всего предпріятія. Оно устранитъ многіе вопросы, съ которыми такъ часто приходится встрѣчаться: къ кому обратиться и съ кѣмъ посоветоваться? и

т. п. Лучшаго совѣтника и указателя, какъ это изданіе, нельзя и рекомендовать: оно должно быть настоятельно вѣнгомъ каждаго, кому дорого то, чего пѣтъ въ настоящую минуту ничего до-роже — наша народная школа, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Теорія и практика ванковаго дѣла. Т. II: Исто-рія банковъ, въ двухъ выпускахъ. И. И. Кауфмана. Спб. 1877. Стр. 627. Ц. 3 р. 50 к.

Мы указывали въ свое время на появленіе начала этого труда, въ концѣ 1873 года, подъ заглавіемъ: „Кредитъ, банки и денежное обра-щеніе“. Новый томъ посвященъ исторической сторѣ дѣла: въ первомъ его выпускѣ авторъ дѣлаетъ переводъ, съ дополненіями, книги итальянскаго финансиста Пьетро Рота, содержащей въ себѣ очеркъ исторіи кредитныхъ учрежденій у древнихъ, въ средніе вѣка, и въ старой Голландіи и Германіи; второй выпускъ, весьма объ-емистый, составляетъ самостоятельный трудъ ав-тора и заключаетъ въ себѣ исторію банковъ Англии — настоящимъ отечествѣ современныхъ банковъ. Благодаря неутомимой дѣятельности г. Кауфмана, мы имѣемъ теперь обширный матеріалъ и полный руководствъ для всесто-ронняго изученія того дѣла, которое уже успѣло сдѣлаться болѣзнью нашего времени. Въ слѣдую-щихъ выпускахъ авторъ общаетъ намъ доставитъ трудъ до конца изложеніемъ исторіи банковъ въ С.-Ам. Штатахъ, Франціи, Германіи и т. д.

Ученіе о пищѣ въ физиологическомъ и терапев-тическомъ отношеніяхъ. Ф. В. Пэви. Съ 2-го изданія перев. и доп. М. М. Манас-сейной. Спб. 1876. Стр. 1016. Ц. 3 р. 50 к.

Едва ли найдется другой предметъ, который касался бы такъ близко каждаго, какъ вопросъ о пищѣ и питіи, и новѣйшее изслѣдованіе англійскаго физиолога, разошедшее въ первомъ изданіи въ теченіи одного года, безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ трактатовъ объ этомъ предметѣ въ европейской литературѣ. Заслуга перевода увеличивается еще тѣмъ, что въ немъ текстъ оригинала дополненъ значительно изслѣдованіями нашихъ ученыхъ о томъ же пред-метѣ и свѣдѣніями объ отечественныхъ продук-тахъ пищи и питія — нашей пшеницѣ, кумысѣ, рус-скомъ чаѣ, русскомъ пивѣ, винахъ, квасѣ и т. д. Было бы весьма желательно, если бы на осно-ваніи этого обширнаго труда, заключающаго въ себѣ огромный научный матеріалъ, было составлено толковое, практическое и общедос-тупное руководство для распространенія въ обще-ствѣ здравыхъ понятій о значеніи пищи; громадное большинство людей остается при про-цессѣ питанія въ положеніи той паровой ма-шины, съ которой авторъ справедливо сравни-ваетъ нашъ организмъ: мы въ большинствѣ, от-правляя кусокъ пищи въ ротъ, знаемъ такъ же мало объ отношеніи этого куска къ нашему механизму, какъ и паровая машина, въ отверстіе которой котелъ бросаетъ лопатой каменный уголь; разпаца состоитъ въ томъ, что котелъ, если онъ самъ въ порядкѣ, несравненно разу-мнѣе и сознательнѣе питаетъ свою паровую ма-шину, нежели каждый изъ насъ свою, и лучше наблюдаетъ за нею.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова.

НА 1877-ОЙ ГОДЪ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе:	}	15 р. 50 коп. безъ доставки.
		16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные:		17 р. — „ съ пересылкою.
Иностранные:		19 р. — вся Европа, Египеть и Сѣв.-Американ. Штаты
		24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе.—Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные оплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XIX. Сиб. 1876. Стр. 547. Ц. 3 р.

„Русское Историческое Общество“ продолжает неутомимо дѣйствовать на избранномъ нѣмъ поприщѣ ознакомленія нашей публики съ прошедшимъ вѣкомъ, и преимущественно съ памятною екатерининскою эпохою. Только-что мы успѣли завѣстать въ послѣдней книгѣ въ выходѣ XVIII-го выпуска съ интересными докладами австрийскаго дипломата Мерси, живописующими шестидесяте годы прошлаго вѣка, а уже предъ нами XIX-ый выпускъ съ дипломатическою перепискою англійскихъ пословъ, Каспарта и Гуининга, изъ семидесятихъ годовъ, блестящаго періода царствованія Екаторины Великой, когда „русская царица—какъ сказано въ предисловіи—не ограничивала своихъ самодержавныхъ взоровъ тѣснымъ горизонтомъ пріоритетнаго фаворитизма, а привлекала лучшія силы своего народа, побѣдоносно вела его къ сейвардѣйскому торжеству“. Въ виду подобной просвѣщенной и полезной дѣятельности нашего „Историческаго Общества“ можно удивляться только тому, какъ мало соотвѣствуетъ ей оживленіе въ области нашей исторической науки и творчества по отношенію къ эпохамъ, получившимъ теперь такое богатое освѣщеніе новыми матеріалами: вслѣдъ за подобными изданиями, должны были бы являться въ массѣ монографіи, характеристика, историческія повѣсти, романы, изъ которыхъ было бы видно, что одобренныя изданія возбуждаютъ дѣятельность нашей интеллигенціи и нашихъ талантовъ; но ничего подобнаго не замѣтно въ нашей литературѣ, какъ будто труды „Историческаго Общества“ предназначены для мимолетнаго удовольствія любопытства празднаго читателя, а не для переработки ихъ въ формѣ научныхъ исследованийъ или творческаго художества. Семидесяте годы XVIII вѣка нашли себѣ въ Каспартѣ правдиваго и внимательнаго наблюдателя; на правительствѣ это было тяжкое время: война съ Турціею, неудачные переговоры съ Англіею, внутренній нестройства, финансовое разореніе, пугачовщина, и все это не помѣшало Каспарту вѣрно повѣсть и оцѣнить Екаторину, подобно съ тѣмъ предвидѣть счастливый исходъ для всѣхъ этихъ затрудненій.

Сборникъ государственныхъ знаній, ч. р. В. П. Безобразова, д. ч. И. Акад. Наукъ. Т. III. Сиб. 1877. Ц. 3 р.

Несмотря на нѣсколько вѣдѣрчивое предисловіе, объясняющее намъ, что настоящее изданіе стоитъ внѣ обыкновенныхъ промышленныхъ условій, что оно есть „жертва“ своихъ трудящихся, за которую издатель выражаетъ „нашу глубокую благодарность“, что извѣстный томъ не могъ выдти въ декабрѣ 1876 г. вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, которыя, очевидно, быстро исчезли, такъ какъ въ началѣ нынѣшняго года уже сборникъ могъ

явиться въ свѣтъ—мы не нашли въ новомъ томѣ ничего, чѣмъ бы могла быть объяснена необходимость всѣхъ подобныхъ откровеній издателя, если только не усматривать въ этомъ какія-нибудь необыкновенныхъ промышленныхъ приѣмовъ. Статьи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, вовсе не походятъ на такъ-называемыя „жертвенныя“ статьи, и не нуждаются ни въ какой рекламѣ: онѣ говорятъ сами за себя. Обращаемъ особенное вниманіе читателей на изслѣдованіе проф. Герье: „Республика или монархія установится во Франціи?“—весьма любопытный этюдъ не только изъ исторіи Франціи, но и вообще изъ философіи государственной исторіи народовъ; статья г. Тернера о „Свободѣ совѣсти“ замѣчательна во всемъ случаѣ по избранной авторомъ темѣ, въ толкованіи которой у насъ господствуетъ замѣчательное смѣшеніе понятій; на ряду съ этимъ можно поставить статью проф. Градовскаго: „Национальнныя вопросы“, не менѣе, какъ и свобода совѣсти, затѣванный усилями послѣдняго времени найти въ немъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ. Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ у насъ часто руководится весьма достойными чувствами, и потому мало стѣсняется необиходимостью критическаго отношенія къ дѣлу, ищутъ себѣ опоры во всемъ, не исключая и видѣнія Іезекіиля, приведеннаго проф. Градовскимъ въ подтвержденіе его теоріи национальности; но при этомъ легко утрачивается способность отличать голосъ спокойнаго разсудка, и даже г. Градовскій влѣдѣющихъ разсудкомъ называетъ „драблами натурами“, между тѣмъ какъ человѣкъ разсудка отстоитъ отъ драблага настолько, насколько онъ отстоитъ отъ одержимаго горячкою. Сверхъ упомянутыхъ статей, въ „Сборникѣ“ ведется довольно обстоятельно отдѣлъ критики и библиографіи, иностранной литературы, и прилагается обзорные движенія нашего законодательства и управленія, нѣсколько, правда, опаздывающее—за 1875 г. Вообще, нельзя не пожелать успѣха подобному заданію и возможности какъ можно скорѣе существовать безъ „жертв“ со стороны трудящихся въ немъ.

Страна холода. Видѣнное и слышанное. В. И. Немировича-Данченка. Сиб. 1877. Стр. 526. Ц. 2 р. 50 к.

Новая книга г. Немировича-Данченка, издавая съ весьма удовлетворительными и многочисленными политическими, представляетъ не одинъ интересъ живописнаго изложенія странъ холода, въ которому присоединяется еще тема, но и наблюдений надъ промыслами, загнанными человѣкомъ въ этотъ холодъ и тьму. Въ общемъ, результаты неутѣшительны: нашъ поселенецъ тамъ плохо окунаетъ свои лишенія и страданія. Успѣхи тамошняго главнаго промысла зависятъ отъ соли, а вотъ въ какомъ положеніи это дѣло: въ Соловкахъ, такъ-сказать, погруженныхъ въ соль, прежде вываривалось соли до 400 тысячъ пудовъ, а теперь тамъ покупаютъ иностранную соль!

